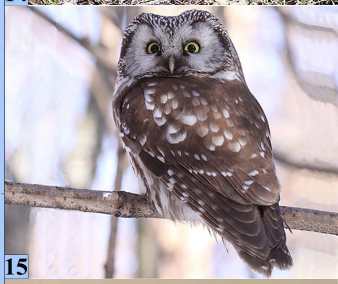


В.П. Белик

ПТИЦЫ
Южной России
Том 1

Неворобьиные



Южный федеральный университет
Союз охраны птиц России
Мензбировское орнитологическое общество

В. П. Белик

ПТИЦЫ
Южной России

В двух томах

Том 1

Неворобьиные – Non-Passerines

Материалы к кадастру

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2021

УДК 598.2(470.6)(078)
ББК 28.693.35(235.7) я73
Б43

Рецензенты:
акад. РАЕН В. М. Галушин (Москва, МПГУ)
д.б.н., проф. И. Р. Бёме (Москва, МГУ)

Научные редакторы:
к.б.н., доцент В. М. Музаев (Элиста, КалмГУ)
к.б.н. А. Ю. Соколов (Воронеж, заповедник «Белогорье»)

Белик, В. П.
Б43 Птицы Южной России : в 2 т. : Материалы к кадастру / В. П. Белик ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета.
ISBN 978-5-9275-3874-4
Том 1: Неворобьиные – Non-Passerines. – 2021. – 812 с.
ISBN 978-5-9275-3875-1 (Т. 1)

В книге на основе анализа собственных и доступных опубликованных данных приводятся кадастровые сведения о характере пребывания и зоогеографических связях, о таксономии, динамике ареалов и численности, а также о состоянии гнездовых популяций, о местообитаниях и охранном статусе 252 видов из 20 отрядов неворобьиных птиц, отмечавшихся или обитающих на Северном Кавказе, в Калмыкии, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях. Сообщаются также основные сведения о сомнительных регистрациях некоторых таксонов и о видах, встречавшихся на сопредельных территориях, которые могут быть найдены также и в Южной России.

Видовой обзор предваряет очерк истории орнитологических исследований на юге России, краткая характеристика природных условий этого региона, которые определяют распространение птиц, а также список всех видов неворобьиных птиц фауны Южной России с указанием характера их пребывания и распределения по всем субъектам административно-территориального деления Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, за исключением Республики Крым.

Книга рассчитана на орнитологов, зоологов и биогеографов, преподавателей и краеведов, работников лесного и охотничьего хозяйства, специалистов по охране окружающей среды, всех любителей природы и птиц.

58 рис., 5 табл., 2885 библ.

ISBN 978-5-9275-3875-1 (Т. 1) УДК 598.2(470.6)(078)
ISBN 978-5-9275-3874-4 ББК 28.693.35(235.7) я73

© В.П. Белик, 2021

Southern Federal University
Russian Bird Conservation Union
Menzbier' Ornithological Society

V. P. Belik

BIRDS
of Southern Russia

In two volumes

Volume 1
Non-Passerines

Materials for the inventory

Rostov-on-Don – Taganrog
Southern Federal University Press
2021

UDC 598.2(470.6)(078)

Publisher's reviewers:
Professor V.M. Galushin (Moscow)
Professor I.R. Böhme (Moscow)

Scientific editors:
PhD V.M. Muzaev (Elista)
PhD A.Yu. Sokolov (Voronezh)

Belik, V. P.
Birds of Southern Russia : in 2 volumes: Materials for the inventory / V. P. Belik; Southern Federal University. – Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press.
ISBN 978-5-9275-3874-4
Volume 1: Non-Passerines. – 2021. – 812 p.
ISBN 978-5-9275-3875-1 (Vol. 1)

The book provides cadastral information on the presence and zoogeographic links, on taxonomy, dynamics of ranges and number, and also on the status of breeding populations, on habitats and conservation status of 252 species of 20 orders of non-passerine birds, which were recorded or occurred in the North Caucasus, Kalmykia, Astrakhan, Volgograd and Rostov Regions based on the analysis of our own and available published data. The basic data on the doubtful registrations of some taxa and on the species found in adjacent territories, which can be found in the south of Russia also are reported.

An essay on the history of ornithological research in Southern Russia, a brief description of the natural environment of this region that determine the distribution of birds, as well as a list of all species of non-passerine birds of the fauna of the Southern Russia, indicating on their nature of presence and distribution across all administrative-territorial divisions of the Southern and North-Caucasian federal districts, with the exception of the Republic of Crimea precedes the species overview.

The book is designed for the ornithologists, zoologists and biogeographers, teachers and students of local lore, workers of a wood and hunting economy, experts in an environment protection, all nature amateurs and birdwatchers.

58 fig., 5 tables, 2885 bibl.

ISBN 978-5-9275-3875-1 (Vol. 1) UDC 598.2(470.6)(078)
ISBN 978-5-9275-3874-4

© V.P. Belik, 2021

Содержание
Contents

Введение Introduction ……..... 7
История изучения птиц Южной России ……..… 15
History of birds study in Southern Russia
Природные условия Южной России ……... 37
Natural environment of Southern Russia
Материалы и методы ……...… 53
Materials and methods
Систематическая часть Species part …… 57
Отряд Гагарообразные Gaviiformes …… 67
Отряд Поганкообразные Podicipediformes ……..… 72
Отряд Трубконосые Procellariiformes ……...… 89
Отряд Веслоногие Pelecaniformes ……..… 93
Отряд Голенастые Ciconiiformes ……... 113
Отряд Фламингообразные Phoenicopteriformes ……. 156
Отряд Гусеобразные Anseriformes ……..… 160
Отряд Соколообразные Falconiformes ……..… 267
Отряд Курообразные Galliformes …….. 390
Отряд Журавлеобразные Gruiformes ……... 413
Отряд Ржанкообразные Charadriiformes …….. 461
Отряд Рябкообразные Pterocletiformes ……. 586
Отряд Голубеобразные Columbiformes ……...… 590
Отряд Кукушкообразные Cuculiformes ……... 604
Отряд Совообразные Strigiformes …… 606
Отряд Козодоеобразные Caprimulgiformes …… 621
Отряд Стрижеобразные Apodiformes …….. 622
Отряд Ракшеобразные Coraciiformes ……... 626
Отряд Удодообразные Upupiformes …….. 632
Отряд Дятлообразные Piciformes ……..……. 633
Литература References ……..……... 648
Summary ……..……..…….. 805
Приложение 1 Attachment **1** …….... 806

ВВЕДЕНИЕ

Исторически так сложилось, что в конце XX века, при распаде СССР, административные регионы, расположенные на юге России – между Украиной, Казахстаном и Республиками Закавказья – оказались объединены в Южный федеральный округ. В результате к Северному Кавказу, прежде выделявшемуся в физической и экономической географии, примкнули равнинные Волгоградская и Астраханская области и Калмыкия, образовав в составе Южного федерального округа регион из 13 субъектов административно-территориального деления РФ общей площадью 618,3 тыс. км^2, или 3,6% от территории России (рис.1).

Орнитологи этих областей, и ранее тяготевшие к совместной работе с кавказскими специалистами, смогли объединиться теперь с Северокавказским отделением Мензбировского орнитологического общества и с Северокавказской орнитологической группой, образованной в 1982 г. на базе Тебердинского заповедника (см.: Поливанова, Салпагаров, 2002; Птицы Южной России, 2002; Орнитологи Южного федерального округа, 2006). А в начале XXI века эти тенденции были подкреплены их общими работами по инвентаризации и анализу орнитофауны Южной России (Белик и др., 2003, 2006, 2016, 2020) и активной деятельностью в составе Северокавказской орнитофаунистической комиссии (Работа …, 2005-2020).

Сейчас Южный федеральный округ директивно разделен на два округа: Южный и Северо-Кавказский, а в 2014 г. в состав Южного федерального округа вошла также Республика Крым. Крымский полуостров имеет особую природу и очень специфичную региональную фауну. Детальному обзору его орнитофауны посвящен целый ряд самостоятельных, обстоятельных работ (Никольский, 1891; Pusanow, 1933; Ю.Костин, 1983; С.Костин, 2006, 2010; Бескаравайный, 2012; и др.). Мною же птицы Крыма целенаправленно не изучались и поэтому в кадастр орнитофауны Южной России не включаются. Таким образом, территория Южной России, охваченная в данной работе, представляет часть Российской Федерации к югу от Воронежской и Саратовской обл., включая Северный Кавказ.

Южная Россия, помимо некоторой территориальной обособленности от равнинных областей средней полосы и севера Европейской части РФ, резко отличаются от них также чрезвычайно своеобразными природными особенностями, накладывающими существенный отпечаток на формирование региональной фауны. На Юге расположены умеренно теплые Черное, Азовское и Каспийское моря, в бассейнах которых находятся гнездовья многочисленных южных лимнофилов и районы зимовки север-

ных водоплавающих и околоводных птиц. Кроме того, обширную площадь занимает горная страна Кавказ с ярко выраженной вертикальной поясностью южного типа, а среди зональных ландшафтов Южной России – лесостепи, степи, полупустыни и пустыни, сменяющие друг друга на Русской равнине по направлению с северо-запада к юго-востоку по мере аридизации и усиления континентальности климата.

Рис. 1. Принятые в сводке границы Южной России. Республика Крым, вошедшая в состав Российской Федерации в 2014 г., имеет особую региональную фауну, которая в кадастре не рассматривается. Регионы: Ростовская (1), Волгоградская (2) и Астраханская (3) области; Калмыкия (4); Ставропольский (5) и Краснодарский (6) края; Адыгея (7); Карачаево-Черкесия (8); Кабардино-Балкария (9); Северная Осетия (10); Ингушетия (11); Чечня (12); Дагестан (13)

Благодаря такому широкому природному разнообразию Южной России, ее орнитофауна тоже отличается весьма высоким видовым богатством. По данным на 2016 г., она включала 419 видов, или 53,1% состава орнитофауны всей России. В отдельных административных регионах насчитывают от 291 (Адыгея и КБР) до 364 (Дагестан) видов, в том числе от 168 до 252 гнездящихся. Всего на юге России достоверно гнездится 287, вероятно – 10 и возможно – 9 видов. Ещё 26 видов – пролётные, 17 –

появляющиеся только зимой и 70 – залётные (Белик и др., 2016, 2020). За последние 4 года (2017–2020) в фауну Южной России включены ещё 6 видов, в том числе новый для России чёрный чекан (*Saxicola caprata*), гнездящийся в Астраханской области.

К сожалению, детальная характеристика орнитофауны Южной России до сих пор отсутствует. Только в последнее время удалось провести ее инвентаризацию и организовать регулярный региональный мониторинг (Белик и др., 2003, 2006, 2016, 2020). Но конкретные данные по территориальному и биотопическому распределению отдельных видов, динамике их численности, фенологии пребывания, таксономии и зоогеографическим связям никем не обобщались и не анализировались. Поэтому грамотное управление популяциями птиц, обитающих на юге России, т.е. их эффективная охрана, рациональное использование и, при необходимости, регулирование численности сейчас нередко затруднены из-за недостатка наших знаний.

Начало инвентаризации орнитофауны Южной России положено в сводках по птицам Поволжья и Кавказа (Богданов, 1871, 1879). Через 100 лет был сделан первый специальный обзор орнитофауны Северного Кавказа с распределением видов по физико-географическим регионам и характеру пребывания (Ресурсы живой фауны, 1982). А в конце XX в. была начата работа над сводкой по птицам Северного Кавказа (Казаков, Ломадзе, Белик и др., 2004). Но она не касалась территории Калмыкии и Нижнего Поволжья и к тому же осталась не завершена (рис.2). В ней содержались весьма детальные видовые обзоры птиц лишь из 7 отрядов: гагар, поганок, трубконосых, веслоногих, голенастых, фламинго и гусеобразных (всего 66 видов).

Рис. 2. Первые общие сводки по орнитофауне Южной России

Тогда же были систематизированы материалы по куликам Северного Кавказа (Казаков и др., 1981-1983) и по некоторым видам из отрядов курообразных, журавлеобразных, ржанкообразных и голубеобразных (Казаков, 1982; Казаков, Языкова, 1982; Олейников, 1982). Кроме того, детальный обзор распространения, численности, экологии и других аспектов изучения хищных птиц и сов Предкавказья был сделан в начале XXI в. М.П. Ильюхом и А.Н. Хохловым (2010).

Эти сводки значительно облегчили нашу работу при подготовке данного кадастра орнитофауны Южной России. Но по большинству представителей других отрядов неворобьиных и по воробьиным птицам обработка материалов начиналась фактически с первоисточников. Кроме того, за последние десятилетия был опубликован обширный пласт новых данных по фауне, распространению и численности птиц Южной России, которые тоже пришлось анализировать и включить в данный обзор, предлагаемый вниманию специалистов.

Задачу облегчало наличие ряда обобщающих региональных сводок по отдельным областям Южной России, где в разное время были выполнены более или менее полные фаунистические обзоры. В Ростовской обл. первая, не совсем профессиональная фаунистическая сводка была сделана еще в начале XIX в. учителем естественной истории из г. Новочеркасска Василием Кондратьевым (1885, 2004). В начале XX в. материалы для сводки по орнитофауне Нижнего Дона специально собирал М.М. Алфераки – племянник известного зоолога С.Н. Алфераки (1910), но его оригинальные дневники удалось случайно найти и обработать лишь через сто лет (Белик, Шергалин, Франкьен, 2012, 2013). В середине XX в. научно-популярный обзор фауны Ростовской обл. сделал А.В. Лерхе (1940), а в конце XX в. общий анализ орнитофауны этого региона провел В.П. Белик (2000).

По орнитофауне Волгоградской обл. имеются лишь два кратких, в значительной мере научно-популярных обзора (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004). Частично их дополняют региональные работы по птицам Сарпы, Приэльтонья и долины р. Еруслан в Заволжье (Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий и др., 1950; Юдин, 1952; Линдеман и др., 2005). В Астраханской обл. вполне профессиональные орнитофаунистические списки, обзоры и сводки опубликованы в конце XIX в., в начале и середине XX в. и в начале XXI в. (Хлебников, 1890, 1928, 1930; Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014-2015). В Калмыкии были опубликованы обзор гнездящихся птиц (Кукиш, 1982) и полный список орнитофауны (Цапко и др., 2009), который позже был значительно обновлен В.М. Музаевым (Белик и др., 2016).

На Северном Кавказе первый региональный обзор орнитофауны был сделан на Ставрополье (Динник, 1886). Научно-популярный очерк фауны птиц Ставропольского края, к сожалению, не лишенный ошибок, опубликован в середине XX в. (Федоров, 1955), а в конце XX в. профессиональная сводка по фауне региона выполнена А.Н. Хохловым (1993, 2000 и др.). По Краснодарскому краю и Адыгее обзор всей орнитофауны составил лишь В.С. Очаповский (1967, 2017), в дополнение к которому можно назвать профессиональные сводки по Кавказскому заповеднику (Аверин, Насимович, 1938; Тильба, 1999а; Перевозов, 2014), а также по Сочинскому национальному парку и Черноморскому побережью (Тильба, 1999б, 2001, 2006, 2017 и др.) и по Северо-Западному Кавказу (Волчанецкий и др., 1962).

Для Карачаево-Черкесии имеется несколько подробных обзоров орнитофауны Тебердинского заповедника (Ткаченко, 1966; Резник, Богатырев, 1967; Поливанов и др., 2002; Караваев и др., 2015; Белик, 2020), а также работа по орнитофауне Скалистого хребта (Поливанов и др., 2000) и две сводки о птицах горных лугов и населенных пунктов КЧР (Караваев и др., 2013, 2014). В Кабардино-Балкарии первый обзор фауны воробьиных и ракшеобразных птиц сделал А.М. Радищев (1926). А в середине XX в. орнитофауну КБР начал изучать Х.Т. Моламусов (1967), но, к сожалению, по неворобьиным птицам он сам не успел завершить обработку всех собранных материалов, и по ним позже были опубликованы лишь частично выверенные видовые очерки, содержавшиеся в кандидатской диссертации, без обширных дополнительных данных, полученных в последние годы его жизни (Моламусов, 1961, 2017).

По Северной Осетии и Ингушии подробный региональный обзор орнитофауны в начале XX в. сделал Л.Б. Бёме (1926). Затем Р.Л. Бёме (1958) подготовил сводку по фауне горной части Центрального Кавказа, а в конце XX в. опубликована кадастровая информация по всем птицам Северной Осетии (Комаров, Липкович, 2000). Кроме того, в последнее время появились обзоры орнитофауны Северо-Осетинского заповедника, Национального парка «Алания» и степей Моздокского района (Комаров, 2006, 2013; Комаров и др., 2011; Белик, 2016).

Сведения о птицах Чечни и Ингушетии содержит научно-популярная книга Н.А. Рашкевича (1980), а также обзор орнитофауны, сделанный И.И. Гизатулиным с соавт. (2001). В какой-то мере эти работы дополняет книга П.С. Анисимова (1989) о редких животных Чечено-Ингушетии, а орнитофауны Ингушии частично касается упомянутая выше сводка Л.Б. Бёме (1926) и работа Л.Б. Бёме с соавт. (1930) по фауне горных районов этого региона.

В Дагестане до сих пор фактически отсутствуют полные фаунистические сводки. Опубликованы лишь списки орнитофауны Дагестана и сведения о редких видах (Джамирзоев, 2000; Джамирзоев и др., 2000, 2013; Джамирзоев, 2009; и др.). Кроме того, имеются аннотированные списки птиц для дельты и низовий Терека, долины р. Самур и заповедника «Дагестанский» (Бёме, 1925, 1929; Красовский, 1932; Туров, Красовский, 1933; Джамирзоев и др., 2004).

Списки орнитофауны с указанием характера пребывания каждого вида опубликованы также по всем остальным регионам Южной России (Ключевые …, 2000, 2009). Кроме того, в последнее время составлен обобщенный обзор и кадастр орнитофауны всех заповедников и национальных парков Северного Кавказа (Джамирзоев и др., 2014, 2017). Наконец, значительный объем информации о редких видах содержится в региональных Красных книгах, опубликованных в некоторых регионах уже по 2-3 раза в порядке их научного ведения – с дополнениями и корректировкой динамичных сведений по распространению и численности птиц.

Все эти публикации дали обширный материал для анализа орнитофауны Южной России и составления нашего кадастра. Его структура ограничена в основном справочными материалами, а также более подробными данными по динамике ареалов и населения отдельных видов, которые характеризуют состояние фауны, условия ее охраны и грамотное, рациональное использование и управление популяциями птиц.

Помимо распространения и численности, в видовых очерках указан характер пребывания и зоогеографические связи каждого вида, представляющие интерес для последующего анализа фауны, а также современное таксономическое положение, краткие сведения о местообитаниях и об охранном статусе всех видов.

Однако обширные сведения по гнездовой экологии и питанию отдельных видов, а также данные по фенологии их размножения и миграций, накопленные в последние десятилетия на юге России, представить в настоящей сводке, к сожалению, не было возможности, поскольку они значительно бы увеличили ее объем и задержали окончание работы. К тому же эти материалы в целом, как правило, лишь дополняют уже известные данные, содержащиеся в фундаментальных сводках по орнитофауне Северной Евразии, России и Кавказа (Радде, 1884; Мензбир, 1895, 1916, 1918 и др.; Птицы Советского Союза, 1951-1954; Птицы СССР, 1982-1988; Птицы России …, 1993-2011; Фауна СССР, 1937-1985; Фауна России …, 2002; Казаков и др., 2004).

Важной задачей было максимально полное и корректное цитирование опубликованных данных со ссылками на первоисточники, чтобы эти сведения при компилировании не затерялись в дальнейших работах и

их можно было найти и использовать любому заинтересованному специалисту. Основной упор при характеристике видов сделан на хозяйственно важных птицах, по которым собран значительный фактический материал (голенастые, гусеобразные, куриные), а также на редких, «краснокнижных» видах (веслоногие, хищные, журавли, дрофы и др.), которые в последние десятилетия тоже находились в центре внимания исследователей, и сведения о них постоянно накапливались в печати. Большой интерес представляет и информация по редким, залетным видам, материалы о которых содержатся зачастую в давних, раритетных или зарубежных изданиях и не всегда доступны для непосредственного ознакомления, поэтому эти виды тоже рассматриваются более детально.

Конечно же, в первой подобной сводке неизбежны пропуски каких-то сведений и источников, тем более что в последнее время объем поступающей информации чрезвычайно увеличился, она зачастую дублируется в печати, и следить за всем потоком публикаций бывает непросто. Поэтому автор будет очень признателен всем коллегам, кто сможет оказать помощь в поисках любых пропущенных работ по орнитофауне Южной России, укажет на возможные ошибки и новые сведения.

В заключение я хочу еще раз искренне поблагодарить всех своих коллег и друзей, которые в течение многих лет бескорыстно помогали мне в сборе материалов для сводки, оказывали ценные консультации, предоставляли свои неопубликованные данные. Прежде всего это многочисленные российские зоологи М.И. Аккиев, А.Н. Антончиков, С.В. Бакка, Т.О. Барабашин, Г.Н. Бачурин, Р.Х. Бекмансуров, М.М. Бескаравайный, О.В. Бородин, С.А. Букреев, П.Д. Венгеров, Е.В. Вилков, А.А. Власов, В.И. Воронецкий, О.А. Горошко, Г.В. Гришанов, А.В. Давыгора, Г.С. Джамирзоев, М.А. Динкевич, Н.В. Зеленков, В.А. Зубакин, А.П. Иванов, В.П. Иванчев, М.П. Ильюх, В.Ю. Ильяшенко, Е.И. Ильяшенко, А.А. Караваев, Е.А. Коблик, Ю.Е. Комаров, В.А. Конева, М.В. Корепов, С.В. Корнев, С.М. Косенко, С.Ю. Костин, Ю.В. Краснов, А.В. Кузнецов, Г.П. Лебедева, А.Д. Липкович, Н.Х. Ломадзе, К.Ю. Лотиев, Ю.В. Лохман, Л.В. Маловичко, Л.В. Маркитан, И.М. Марова, В.Н. Мельников, А.Л. Мищенко, Р.А. Мнацеканов, В.В. Морозов, В.Н. Мосейкин, В.М. Музаев, Н.И. Насрулаев, А.Д. Нумеров, М.Л. Опарин, А.Г. Перевозов, М.В. Пестов, В.Н. Пименов, В.В. Попов, А.В. Попович, А.Б. Поповкина, Г.М. Русанов, В.К. Рябицев, В.В. Рябцев, И.Б. Савинич, Р.М. Савицкий, А.В. Салтыков, С.Ф. Сапельников, В.С. Сарычев, Д.А. Свиридов, М.В. Сиденко, А.Г. Сорокин, В.Н. Сотников, В.В. Стахеев, В.Г. Табачишин, В.А. Тельпов, И.И. Уколов, В.Н. Федосов, И.В. Фефелов, С.Ю. Фокин, В.В. Фролов, С.П. Харитонов, А.Н. Хохлов, Т.Ю. Хохлова, В.М. Храбрый, Н.В. Цапко, В.Ф. Чернобай, А.И. Шепель, А.О. Шубин и многие другие.

Постоянную поддержку и заинтересованность я чувствовал также от украинских коллег Ю.А. Андрющенко, М.В. Баника, С.В. Винокуровой, Г.Г. Гаврися, В.Н. Грищенко, Т.Н. Девятко, С.В. Домашевского, Н.П. Кныша, И.А. Кривицкого, М.А. Листопадского, Ю.В. Милобога, Ю.А. Москаленко, А.М. Пекло, К.А. Письменного, И.Т. Русева, В.В. Серебрякова, Л.И. Тараненко, Г.С. Уваровой, А.Б. Чаплыгиной, И.И. Черничко, а также от орнитологов Белоруссии, Казахстана, Средней Азии и Закавказья А.В. Абуладзе, В.Ю. Ананяна, О.В. Белялова, Е.А. Брагина, Н.Н. Березовикова, Б.М. Губина, В.Ч. Домбровского, Н.Н. Ефименко, В.В. Ивановского, Э.А. Рустамова, Э.Г. Султанова, В.В. Хрокова. На мои запросы регулярно откликались и европейские коллеги Димитр Нанкинов (Болгария), Борис Николов (Болгария), Michael Blair (UK), Tadeusz Mizera (Poland), Michael G. Wilson (UK) и др.

Искренне признателен я также коллегам, безвозмездно предоставившим свои фотографии для иллюстрации книги: Н.Н. Балацкому, Е.Ю. Власову, А.А. Головлёву, Г.Ю. Дякину, О.А. Першину, А.В. Сазонову, Д.С. Шевцову, В.П. Шохрину, К. Чепенасу.

Моя особая благодарность В.М. Галушину, А.Ф. Ковшарю, В.М. Лоскоту и П.С. Томковичу за постоянную поддержку моих работ, Г.Б. Бахтадзе, Е.Э. Шергалину, П.С. Панченко и В.В. Юферевой за большую помощь в поисках раритетных литературных источников, А.Ю. Соколову за неоценимую помощь при редактировании рукописи, П.А. Тильбе за его «орнитологическое» гостеприимство в горах Кавказа, а также В.В. Ветрову – неутомимому, высокопрофессиональному полевому орнитологу, с которым в многочисленных совместных походах и поездках, как говорится, мы съели вместе не один пуд соли.

Отдельно хочу поблагодарить Е.В. Гугуеву и В.В. Федяеву за помощь в работе над рукописью, а также А.В. Семенова, оказавшего поддержку в подготовке графической основы для составления карт ареалов, в которой использованы векторные данные OpenStreetMap, имеющиеся в открытом доступе.

Наконец, я искренне благодарю Союз охраны птиц России за постоянную, многолетнюю поддержку наших исследований на юге России и в соседних регионах, а также за финансирование расходов по публикации настоящей монографии.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПТИЦ ЮЖНОЙ РОССИИ

Вопросы истории орнитологических исследований всегда привлекали пристальное внимание специалистов, поскольку от наличия детальных сведений о результатах работ предшественников во многом зависит эффективность современных работ, результаты эколого-фаунистического анализа и особенно выяснение общей картины и основных закономерностей в динамике ареалов и населения птиц, установление путей и факторов формирования орнитофауны.

Уже первые орнитологические работы на юге России содержали достаточно подробные исторические обзоры. Начальная история изучения птиц Нижнего Поволжья, Северного Прикаспия и Кавказа особенно тщательно изложена в работах М.Н. Богданова (1875, 1879). Специальные региональные очерки истории изучения орнитофауны Предкавказья, Кавказа и Прикаспия были подготовлены во второй половине XX в. для первого тома сводки «Птицы СССР» (Бёме, 1982; Казаков, 1982; Кривоносов, 1982). Позже Б.А. Казаков значительно развил и дополнил свой очерк истории изучения птиц Северного Кавказа (Казаков и др., 2004, с.17-35).

Отдельные публикации посвящены более или менее подробному освещению истории орнитологических исследований в некоторых областях Южной России: Ростовской (Белик, 1996), Волгоградской (Белик, 2017), Астраханской (Белик, 2019; Ковшарь, Русанов, 2019; Русанов, 2019), Дагестана (Джамирзоев, 2000), Ставропольского края (Хохлов, 2006) и др. Особое внимание вопросам истории изучения птиц зачастую уделяется и во многих региональных сводках.

Но чтобы легче ориентироваться в истории орнитологических исследований на юге России, насчитывающей уже более 250 лет, попытаемся как-то систематизировать имеющиеся в нашем распоряжении опубликованные материалы. Их анализ позволяет выделить в истории орнитологии 5 периодов, не считая первых публикаций, содержащих случайные сведения о птицах Южной России.

Ранние упоминания о птицах, обитавших в Причерноморье и на Кавказе, в частности о дрофе, орлах и др., содержатся в произведениях античных авторов, неоднократно описывавших Скифию и греческие колонии на берегах Черного и Азовского морей (Аристотель, Страбон, Плиний-Старший и др.). О птицах, наблюдавшихся на Нижнем Дону, Волге и в Предкавказье (пеликанах, лебедях, гусях, журавлях, дрофах, куропатках, орлах, соколах и др.), более подробно пишут средневековые авторы (Игнатий Смолянин, XIV в.; Иосафат Барбаро, XV в.; Ян Стрейс, XVII в.; Жан де Люк, XVII в.; и др.), побывавшие с посольскими целями на юге

России (Люк де, 1879; Хождение Пименово ..., 1897; Стрейс, 1935; Барбаро, 1971; Рахилин, 1997; Белик, 2000). Немало важных сведений о птицах степной зоны содержится также в рукописных материалах, хранящихся в архивах России и позволяющих проследить былое распространение отдельных промысловых видов в течение X–XX вв. (Кириков, 1959, 1966, 1983).

Начало же научному изучению птиц Южной России положили многолетние экспедиции второй половины XVIII в., организованные для описания природы России. По программе, составленной в 1767 г. Российской Академией наук, было организовано 5 экспедиционных отрядов, которые в 1768 г. начали изучение географии и геологии, населения и хозяйства, а также флоры и фауны различных регионов России. Это был начальный период накопления научных знаний, который можно условно назвать «**академическим**». В результате этих исследований, по словам М.Н. Богданова (1875, с.13), «степь между Уралом, Каспием, Волгой и Общим Сыртом была искрещена путешественниками в различных направлениях (Паллас, Соколов, Фальк, Георги, Лепехин, Гмелин младший и др.)». Не менее активно изучались тогда также Нижний Дон и Северный Кавказ, где работали экспедиции С.Г. Гмелина, И.А. Гюльденштедта и П.С. Палласа (рис.3).

Самуила Георга Гмелина,
ПУТЕШЕСТВІЕ ПО РОССІИ
Часть первая.
Путешествіе изъ Санктпетербурга до Черкаска, главнаго города Донскихъ козаковъ въ 1768 и 1769 годахъ.
Второе изданіе.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1806 года.
Самуила Георга Гмелина,
ПУТЕШЕСТВІЕ ПО РОССІИ
ДЛЯ
изследованія трехъ царствъ природы.
Часть вторая.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ 1777 года.
ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ
ПУТЕШЕСТВІЯ
ДОКТОРА АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТА
ИВАНА ЛЕПЕХИНА
ПО
РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,
1768 и 1769 году.
Часть I.
Второе изданіе.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ,
1795 году.
Петра Симона Палласа,
ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.
Часть третія.
половина вторая.
1772 и 1773 годовъ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи наукъ
1788 года.

Рис. 3. Титульные страницы трудов академических экспедиций XVIII века С.Г. Гмелина, И.И. Лепёхина, П.С. Палласа, содержащих материалы о птицах Нижнего Придонья и Поволжья

Летом 1769 г., после зимовки в Воронеже, на Нижний Дон приехал Самуил Георг Готлиб Гмелин, остановившийся в Черкасске (ныне – стан. Старочеркасская) – главном городе донских казаков. По пути он посетил казачьи станицы Казанку, Брошинскую (Вёшенскую), Перекопскую, Есауловскую, Нагавскую и др., собирая материалы о природе и животном мире долины Дона. Особенно детально он обследовал низовья р. Курман (Аксай Курмоярский) возле стан. Зимовейской, где в пойменном лесу

были впервые обнаружены гнездовья большого баклана, отмечены колпицы, каравайки, жёлтая и малая белая цапли и ряд других птиц (Гмелин, 1771). В августе 1769 г. С.Г. Гмелин выехал из Черкасска на Волгу, проехав в Царицын через Раздоры, Кундруцкую и Качалинскую в Калачской излучине Дона, а затем осенью отправился вплавь по Волге в Астрахань, где и остановился на свою вторую зимовку, собрав в 1769/70 г. интересные материалы по фауне пролетных и зимующих птиц дельты Волги (Гмелин, 1777).

Летом 1770 г. С.Г. Гмелин отплыл из Астрахани в Дербент, а затем выехал в Закавказье, где и провел свои основные наблюдения. В начале 1772 г. он вернулся в Астрахань, после чего через Сарепту отправился в Куманскую (Половецкую) степь и Моздок, а оттуда сначала по Тереку, а затем вновь через степи приехал в Астрахань. Летом 1973 г., встретившись там с П.С. Палласом, вернувшимся из путешествия по Сибири, Гмелин отплыл вдоль восточного берега Каспия во вторую экспедицию в Персию, но в феврале 1774 г., уже на обратном пути, был захвачен в Дагестане местным ханом и в июле 1774 г., в возрасте 30 лет, умер в плену в ауле Ахметкент (Каякентский район) (рис.4). Но орнитологические результаты его каспийских экспедиций касаются в основном зимовок птиц в Персии, где несколько зимних месяцев работал по распоряжению Гмелина его помощник, студент Московского университета Карл Людвиг Габлицль (К.И. Габлиц).

Рис. 4. Могила С.Г. Гмелина.
Аул Верхний Каякент, Дагестан.
03.02.2007. Фото А.А. Караваева

Позже, уже по заданию П.С. Палласа, К. Габлицль в течение 4 лет, в 1776-1780 гг., проводил специальные наблюдения за миграциями птиц также в Астрахани. Результаты этих его исследований, опубликованные в отдельной статье с комментариями Палласа, стали, по сути, первой специальной орнитологической работой, посвященной птицам Южной России (Hablizl, 1782, 2017).

В 1769 г. в свою экспедицию на юг России отправился также Иван Иванович Лепёхин, проехавший по Волге от Симбирска до Астрахани.

По пути он остановился в г. Дмитриевске (ныне г. Камышин), откуда совершил специальную поездку по солевозному тракту на Эльтон для изучения соляных промыслов. Затем из Дмитриевска он проехал на р. Иловлю, по которой спустился к Дону, после чего повернул через степи в Царицын. В своем сочинении «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» И.И. Лепехин (1795) описал некоторых птиц, обитавших на Волге и Иловле, а также в степях Заволжья.

В том же 1769 г. из Петербурга через Воронеж и Царицын на юг выехал Иоганн Антон Гюльденштедт, достигший в декабре Астрахани, а в январе 1770 г. прибывший в Кизляр в дельте Терека. Оттуда в течение двух лет он объездил почти всё Восточное и Центральное Предкавказье к западу до большой излучины Терека, а осенью 1771 г. через Крестовый перевал отправился в Грузию, где проработал в экспедициях еще один год. На обратном пути осенью 1772 г. И.А. Гюльденштедт на месяц задержался в с. Степанцминда (Казбеги) в верховьях Терека у подножия Казбека и, наконец, вернулся в Кизляр. В 1773 г. он еще раз обследовал Предкавказье, побывал на р. Малка, на оз. Тамбукан и в верховьях Кумы, осмотрел также Машук и Бештау в Пятигорье, а в июле 1773 г. через степи Ставрополья и Маныч прибыл в Черкасск на Нижнем Дону.

В августе И.А. Гюльденштедт проехал по дельте Дона из Черкасска в Азов, после чего через Ростов отправился в Таганрог и дальше к р. Берда, а оттуда повернул через Украину на север в Петербург. Там в 1781 г., в возрасте 35 лет, занимаясь врачеванием, он заразился тифом и умер, не успев издать материалы своих путешествий. Они были опубликованы П.С. Палласом лишь позже, в сокращенном виде, и содержали сравнительно мало информации о птицах (Güldenstädt, 1787, 1791; Гильденштедт, 1879, 2002). А в его единственной прижизненной публикации, посвященной птицам, описаны 6 новых видов, в том числе краснобрюхая горихвостка и большая чечевица (Güldenstädt, 1775), которые были встречены, вероятно, осенью 1772 г. в горах в верховьях Терека (Лоскот, 1991).

Летом 1773 г., в конце своей изнурительной 6-летней экспедиции по Сибири, пройдя напоследок 16 дней «по тягостной дороге» через жаркое, пустынное междуречье Урала и Волги, в Астрахань приехал 32-летний Петр Симон Паллас. Встретившись там с С.Г. Гмелиным, собиравшимся в трагически закончившуюся для него вторую экспедицию в Персию, П.С. Паллас вскоре отправился в Царицын, где остановился на свою последнюю зимовку. В течение осени и весны следующего года он съездил еще в Саратов, побывал на Эльтоне и на Дону, дважды посетил Баскунчак. В его многотомном сочинении есть краткое описание миграций и зимовки птиц в Царицыне, а также заметки о некоторых видах,

встреченных во время путешествий, в частности о местообитаниях чёрных жаворонков и гнездовании чернобрюхих рябков в пустынном Заволжье, о наблюдениях дроф и стрепетов на р. Еруслан и др. (Паллас, 1788).

Через 20 лет, в 1793 г., П.С. Паллас на личные средства вновь приехал на Волгу, еще раз посетил Эльтон и Баскунчак, но основное внимание уделял здесь изучению растений, особенно же интересовавших его галофитов на солончаках у этих озер. Затем из Астрахани Паллас выехал на Куму, побывал в Кабарде, после чего через ставропольские степи и низовья Дона отправился в Крым, незадолго до этого присоединенный к России (Паллас, 1999).

Зоологические результаты, собранные в России всеми академическими экспедициями XVIII века, П.С. Паллас обобщил в своей классической работе «Zoographia Rosso-Asiatica» (Pallas, 1811a, 1811b). Однако он был, к сожалению, весьма лаконичен и дал мало подробностей о распространении отдельных видов. От молей погибли и почти все зоологические коллекции (Богданов, 1879). Опубликованные же в XVIII–XXI вв. материалы этих путешествий сейчас благодаря появившемуся Интернету стали общедоступными, и их можно найти на различных сайтах.

П.С. Паллас (1741-1811), И.И. Лепехин (1740-1802), С.Г. Гмелин (1744-1774)

После первых академических экспедиций Южная Россия довольно долго оставалась вне сферы интересов российских зоологов. Но в то время было опубликовано несколько региональных статистических обзоров, в которых содержались некоторые сведения и о птицах. Так, еще в 1768 г., за год до приезда С.Г. Гмелина, строитель и первый комендант крепости св. Дмитрия Ростовского инженер-капитан А.И. Ригельман (1918) в своей «Ведомости ...» привел 63 названия птиц, обитавших в низовьях Дона, которые представляют сейчас несомненный интерес с исторической точки зрения. Вероятно, на основе изысканий А.И. Ригельмана

чуть позже был составлен и список птиц окрестностей Донского войскового центра – г. Черкасска. В этом списке, включающем 34 названия, указаны лишь 5 новых видов: балобан, кобчик, рябчик (рябок? – В.Б.), дрозд и ремез (Географ. описание ..., 1791).

Кроме того, в г. Новочеркасске в 1822 г. гимназическим учителем В. Кондратьевым (1885, 2004) была подготовлена обзорная работа, посвященная всем животным Области войска Донского. В ней, на основе анкетных данных, целенаправленно собранных со всех округов этой области, в систематическом порядке перечислены известные тогда виды птиц, обитавшие в бассейне Дона, в том числе в трех северных округах – Хоперском, Усть-Медведицком и Втором Донском, которые в XX в. отошли к Волгоградской обл. Судя по названиям и описаниям многих видов птиц, важным источником информации для этой работы послужили также материалы С.Г. Гмелина (1771, 1777).

Работа В. Кондратьева явилась основой для соответствующего раздела о животном мире в «Статистическом описании земли Донских казаков», составленном в 1822-1832 гг. (Сухоруков, 1891). Краткие сведения о животных Области войска Донского содержатся также в двух других статистических описаниях этого региона, подготовленных уже во второй половине XIX века (Краснов, 1863; Номикосов, 1884). Кроме того, в 1809 г. было опубликовано статистическое описание Астраханской и Кавказской губерний, в котором содержатся и краткие сведения о птицах (Равинский, 1809), а чуть позже вышло описание Кавказа в двух томах, в которых тоже есть обзор фауны этого региона (Броневский, 1823). В 1851 г. появилось еще одно описание Астраханской губернии с краткими данными о миграциях птиц (Михайлов, 1851). Наконец, в начале XX в. вышла «История Кубанского Казачьего войска» (Щербина, 1910), в которой есть интересные сведения о местных птицах.

Научные зоологические исследования на юге России возобновились в первой половине XIX в. При этом значительный вклад в изучение птиц вложили профессора, магистры, студенты и выпускники крупных университетов России (Менетрие, Крыницкий, Нордман, Эверсман, Арцыбашев, Богданов, Яковлев, Хлебников, Бостанжогло, Россиков, Динник, Сатунин, Браунер и др.). Поэтому этот второй период исследований, охвативший XIX и начало XX в., можно условно назвать «**университетским**».

Зоологические исследования в Поволжье первым начал профессор Казанского университета Э.А. Эверсман, изучавший весьма обширный регион – «Оренбургский край», простиравшийся тогда от Волги до Уральских гор и Арала. Он провел несколько больших экспедиций, в том числе по Нижнему Поволжью. В мае 1827 г. вместе с Г.С. Карелиным были обследованы земли Внутренней Букеевской орды в междуречье

Волги и Урала, а в феврале - октябре 1829 г. совершена длительная поездка в Волго-Уральские степи по маршруту П.С. Палласа – от Индерских гор до Ахтубы и вдоль нее к Астрахани, а затем вдоль северного берега Каспия Эверсман отправился в Гурьев. В 1830 г. он выехал из Казани по правому берегу Волги в Камышин, откуда свернул на Дон и из Новочеркасска через калмыцкие степи проехал в Пятигорск, но из-за вспыхнувшей там холеры был вынужден повернуть назад. В 1835 г. его комплексная экспедиция вновь обследовала Саратовскую и Астраханскую губернии.

Э.А. Эверсман опубликовал большую серию орнитологических работ (Eversmann, 1835, 1841, 1842, 1848, 1855), в том числе изданных повторно в Европе (Eversmann, 1876), а в конце жизни обработал накопленные материалы, посмертно опубликованные в виде отдельного тома «Естественная история птиц Оренбургского края» (Эверсман, 1866). К сожалению, основной объем этого 600-страничного трактата был посвящен детальному описанию 332 видов птиц и их экологии, а распространение отдельных видов, представляющее особый интерес для выяснения вековой динамики фаун, раскрыто автором в самых общих чертах. Кроме того, по мнению М.Н. Богданова (1875, с.20), и биологические данные в этом сочинении были весьма кратки и не всегда верны.

Кроме Э.А. Эверсмана, птиц Нижней Волги, в частности Сарпинских озер, изучал Н.Н. Арцыбашев, в марте 1858 г. специально приехавший на всё лето в Сарепту, вероятно, по рекомендации Эверсмана. Объехав Сарпинские озера, в том числе Ханату и Цаган-Нур в Калмыцких степях, Н.Н. Арцыбашев дал весьма полную сводку весенне-летней орнитофауны этого региона (Artzibascheff, 1859, 2015). Кроме того, он побывал в дельте Волги и в Заволжье, собрав за лето большую коллекцию птиц, которую в 1865 г. передал в Зоологический музей Московского университета.

Изучение фауны Нижнего Поволжья в 1869 г. начал М.Н. Богданов (1871, 1875), который затем в 1870 г. проехал из Казани через Царицын и Сарепту в Астрахань и около месяца работал в дельте Волги. К сожалению, кроме опросных данных, полученных от таксидермистов В.И. Рикбейля в Сарепте, а также Э.Д. Пельцама и К.Х. Генке в Астрахани, оригинальных материалов по орнитофауне Нижней Волги в его итоговой сводке «Птицы и звери Черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги» (Богданов, 1871) оказалось крайне мало.

Большую статью о птицах Астраханской губернии опубликовал сокурсник Богданова по Казанскому университету В.Е. Яковлев, начавший в 1865 г. работу в Астрахани (Яковлев, 1872, 2015). Он значительно дополнил и частично исправил ошибочные сведения Богданова (1871),

а затем в ходе полемики с Богдановым привел также много новых, важных уточнений по орнитофауне Нижней Волги (Яковлев, 1874, 2016). Позже он опубликовал еще лишь одну орнитологическую заметку о некоторых птицах Астраханской фауны: султанке, черном жаворонке и каменке-плясунье (В.Я[ковлев], 1877), и в дальнейшем переключился на изучение насекомых (Семенов-Тян-Шанский, 1910).

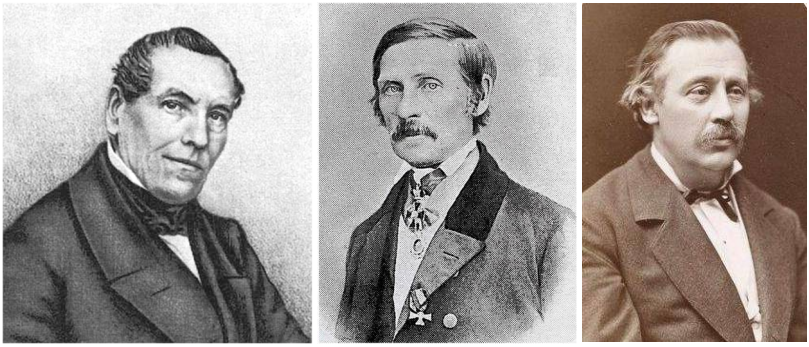
Э.А. Эверсман (1794-1860), В.Е. Яковлев (1839-1908), В.А. Хлебников (1857-1934)

В конце XIX – начале XX в. птиц Астраханской губернии длительное время изучал В.А. Хлебников. Он обследовал не только дельту Волги, но и Поволжье вверх почти до Сарепты, а также Заволжье к северу до Рын-песков и Ханской ставки (Урды, Хан Ордасы). Из его орнитологических работ (Хлебников, 1890, 1924, 1928, 1930) наиболее важными являются первая, а также третья, в которых для значительной части видов птиц содержатся комментарии о местах их встреч в Астраханской губернии. Однако для большинства видов, перечисленных в виде списков в таблицах, географические привязки отсутствуют, и поэтому выяснить распространение многих птиц в очень обширной на тот период Астраханской губернии, простиравшейся от Кумы, Ергеней и Сарепты до Еруслана, Узеней и Камыш-Самарских озер в Заволжье, сейчас, к сожалению, практически невозможно. А итоговая сводка В.А. Хлебникова осталась не опубликована и оказалась пока, по-видимому, утеряна (Чуйков, 2011).

Специальные орнитологические исследования в дельте Волги весной и осенью 1904 г. предпринял В.Н. Бостанжогло, включивший в свою сводку также данные по Нижнему Поволжью, опубликованные М.Н. Богдановым, наблюдения Яковлева, Генке, Хлебникова, Арцыбашева, Рикбейля и Мешлера (Бостанжогло, 1911, с.1). Вместе с зоологами много сведений о птицах Нижней Волги в тот период публиковали немецкие таксидермисты, собиравшие в Сарепте и Астрахани птиц на продажу в

Европейские музеи (Becker, 1853; Moeschler, 1853; Bädeker, 1854; Henke, 1880, 1882; Лорец, 1928), а британский орнитолог Г. Зибом детально изложил также неопубликованные материалы К.Х. Генке о фауне птиц Астрахани (Seebohm, 1882).

Целенаправленное изучение фауны Кавказа в XIX в. начал Э.П. Менетрие, который в 1829 г. в составе академической экспедиции, организованной генералом Г.А. Эммануэлем, через укрепление Каменный Мост на р. Малка выехал в ее верховья и в течение месяца, с 25 июня по 21 июля **ст. стиля**, обследовал Приэльбрусье. Затем экспедиция вернулась в Пятигорск, в августе выехала в Грозный, а в октябре через Кизилюрт и Тарки (ныне Махачкала) отправилась в Дербент и Баку. На обратном пути в июле 1830 г. было совершено восхождение на г. Шахдаг в Азербайджане у границ Дагестана, после чего экспедиция быстро отбыла через Пятигорск в Петербург. По ее материалам Э. Менетрие опубликовал важный, содержащий конкретные данные обзор собранных на Кавказе зоологических коллекций. При этом он впервые выделил «зоологические поясы Кавказа» и дал таблицу вертикального распространения животных (Ménétries, 1832).



Э.П. Менетрие (1802-1861), А.Д. Нордман (1803-1866), Г.И. Радде (1831-1903)

В 1835-1837 гг. в Предкавказье в бассейнах Терека и Кубани, а также на Тамани работал профессор Харьковского университета И.А. Крыницкий, но во время экспедиции он простудился и, вернувшись в Харьков, вскоре умер. Однако его материалы, содержавшие ряд интересных фаунистических сведений, вскоре обработал и опубликовал его коллега И.О. Калениченко (Kaleniczenko, 1839). В 1836 г. Черноморское побережье Кавказа от Геленджика до турецкой границы в Аджарии обследовал профессор Ришельевского Лицея (ныне Одесский университет) А.Д. Нордман. Материалы этой экспедиции, содержащие много сведений о птицах Кавказа, вскоре были опубликованы в Париже (Nordmann, 1840).

С 1863 г. на Кавказе начал работу Г.И. Радде, в течение 20 лет изучавший в основном Закавказье. На Северном Кавказе и в Предкавказье он работал в центральных и восточных районах: в 1865 г. в стране карачаев, в 1868 г. в районе Казбека, в 1885 г. в горах Дагестана и в 1894 г. на равнинах северного Дагестана и Прикумской низменности. Но в его сводке «Орнитологическая фауна Кавказа» (Радде, 1884) содержится, к сожалению, очень немного сведений о птицах Южной России.

Значительный вклад в изучение орнитофауны Северного Кавказа сделал М.Н. Богданов. В июне 1871 г. он выехал из Петровска (Махачкалы) по маршруту Хасавюрт – Грозный – Владикавказ, оттуда через Крестовый перевал ненадолго съездил в Грузию и, вернувшись в Грозный, обследовал там лесистые горы и высокогорное оз. Кезеной-Ам на границе с Дагестаном. Затем через Ставрополь – Краснодар – Майкоп М.Н. Богданов отправился в стан. Даховскую, откуда через Тубинский перевал прошел на Черноморское побережье к с. Лазаревскому. Но вскоре, заболев лихорадкой, он вернулся в Майкоп, откуда через Лабинск, Черкесск, Пятигорск, Грозный проехал в дельту Терека, где повторно заболел на охоте лихорадкой и в октябре покинул Кавказ.

М.Н. Богданов (1841-1888), Н.Я. Динник (1847-1917), К.А. Сатунин (1863-1915)

К сожалению, часть дневников и коллекций Богданова во время болезни была утеряна, весьма лаконичны и его оригинальные сведения о распространении многих видов. Однако, критически проработав все известные материалы, он опубликовал книгу «Птицы Кавказа» – первую основательную сводку по орнитофауне этой горной страны (Богданов, 1879).

Вскоре на Северном Кавказе начал исследования К.Н. Россиков, опубликовавший материалы по зимней орнитофауне степных районов в низовьях р. Малка на территории Кабарды (Россиков, 1884а) и ряд статей по фауне птиц Чечни и Дагестана (Россиков, 1884б, 1884в, 1885, 1888). Летом 1888 г. он совершил также поездку с зоогеографическими целями

по северо-западному Кавказу. Его маршрут пролегал из Тихорецка по степным районам Западного Предкавказья в низовья Кубани, а затем из Краснодара в Майкоп и стан. Даховскую. Оттуда по долинам рек Белой и Малой и Большой Лабы он проник в глубину гор. Результаты этой поездки изложены в большой статье, в которой имеются некоторые сведения и о распространении птиц (Россиков, 1890).

В ноябре 1883 г. и в мае 1884 и 1885 гг. на Кавказ из Москвы приезжал Ф.К. Лоренц, обследовавший степи в низовьях р. Лабы и горы в окрестностях Кисловодска. Им собрана большая коллекция птиц, хранящаяся в Зоологическом музее МГУ и в Зоологическом институте РАН, и опубликован ряд работ по орнитофауне, а также по биологии кавказского тетерева (Лоренц, 1884, 1889; Lorenz, 1887, 2009, 2010, 2011).

Большой вклад в изучение птиц Северного Кавказа внес Н.Я. Динник. Он детально обследовал горы всего Западного, Центрального и Восточного Кавказа, и в его отчетах об экспедиционных поездках, продолжавшихся более 30 лет, содержится немало интересных сведений о птицах Прикубанья, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечни и Дагестана (Динник, 1877, 1880, 1884, 1887, 1888, 1893, 1894, 1898, 1899, 1902, 1905, 1911 и др.). Кроме того, им отдельно опубликованы статьи о птицах г. Ставрополя и всего Северного Кавказа (Динник, 1881, 1886).

В Закавказье с 1853 г. начал работу Л.Ф. Млокосевич, регулярно обследовавший также горы Дагестана и открывший там новый вид – кавказского тетерева (Млокосевич, 1879). В июне 1892 г. в Петровск (Махачкалу) из Казани прибыл зоолог С.И. Билькевич (1893). В течение лета он обследовал горы в окрестностях Буйнакска и Гуниба, затем поднялся в верховья р. Аварское Койсу до аулов Тлярата и Бежита, а в конце лета прошел оттуда в Грузию и через Крестовый перевал вернулся в Россию. В большом отчете об этой поездке приведены сведения о 53 видах и 49 экземплярах собранных птиц. Кроме того, краткий отчет о наблюдениях птиц, встреченных в июне-июле 1906 г. в путешествии по Внутреннему Дагестану, был опубликован в Германии выпускником Юрьевского университета Фридрихом Розенбергом (Rosenberg, 1907, 2019).

Фундаментальные исследования по фауне и зоогеографии Кавказа связаны с именем К.А. Сатунина, который работал в Тбилиси с 1893 г. до смерти в 1915 г. Он объездил многие равнинные, предгорные и горные районы преимущественно в Закавказье, но неоднократно бывал на Северном Кавказе и в Поволжье. Основным объектом его исследований являлись млекопитающие, однако значительное внимание он уделял и птицам. Орнитологические наблюдения обобщены им в специальных

работах (Сатунин, 1907, 1911, 1913, 1914; Сатунин и др., 1913) и содержатся в ряде других публикаций (Сатунин, 1902, 1912 и др.).

В самом начале XX в. появилась целая серия работ о птицах Черноморского побережья Кавказа. В мае-июне 1902 г. между Новороссийском, Адлером и Красной Поляной экскурсировал А.А. Браунер (1903). Летом 1907 и 1908 гг. между Сочи и Новым Афоном, а также в Красной Поляне с орнитофауной Кавказа знакомился М.А. Мензбир (1925). Летом 1911 г. на Черноморском побережье птиц коллектировал К.В. Лауниц (1912; Лауниц, Царевский, 1912). В районе Новороссийска, Сочи, Адлера и Красной Поляны в 1912 г. собирал материалы Н.С. Дороватовский (1912, 1913, 1914). Летом 1913 г. в Красной Поляне побывал П.П. Сушкин (1914). В летние месяцы 1912-1914 гг. в окрестностях Сочи, Гагр и Красной Поляны птиц изучал А.Е. Кудашев (1916, 1917). Наконец, зимой 1919/20 г. кратковременные наблюдения над птицами были проведены в Новороссийске английским офицером Дж. Кеннеди (Kennedy, 1921).

Одновременно орнитологические исследования велись и на Северном Кавказе. В начале XX в. по материалам многолетних исследований «Список птиц Кубанской области» опубликовал Я. Жарко (1909). А с 1909 г. в Восточном Приазовье, в низовьях Кубани, в Карачае и Приэльбрусье начал работу Е.С. Птушенко, собравший более 1000 шкурок птиц. Используя эти материалы и коллекцию М.А. Мозгалевского в Ейске, он подготовил статью об орнитофауне Кубанской области (Птушенко, 1915), а по материалам, собранным в 1920-1922 гг. между Новороссийском и Кубанским (Витязевским) лиманом, позже опубликовал работу о новых и редких птицах Черноморского побережья (Птушенко, 1939). Этот регион привлекал его и позже, о чем свидетельствует статья об осеннем пролете птиц в 1939 г. на Черноморском побережье между Лазаревской и Адлером (Птушенко, 1959). А его большие коллекционные сборы с Кавказа хранятся сейчас в Зоологическом музее МГУ и до сих пор служат материалом для новых исследований (напр.: Коблик и др., 2013).

Несколько небольших работ начала XX в. касались орнитофауны района Кисловодска, куда летом приезжали А.А. Браунер (1914) и Г.И. Поляков (1914). В тот же период там экскурсировал Э.В. Шарлеман (1915а, 1915б), прошедший летом 1914 г. из Кисловодска через Теберду и Клухорский перевал в Сухум.

Изучению орнитофауны степного Придонья в XIX в. уделялось значительно меньше внимания. На побережье Азовского моря близ Таганрога и в дельте Дона длительное время охотился С.Н. Алфераки (1877, 1878, 1879 и др.), но большинство его наблюдений увидело свет в форме кратких сообщений о миграциях птиц. Позже, используя записи из охот-

ничьих дневников и свои воспоминания, он опубликовал сводку по орнитофауне Приазовья, однако большинство видовых очерков в ней содержат лишь общие сведения о характере пребывания и численности птиц (Алфераки, 1910).

Кроме того, в начале XX в. были опубликованы статьи, давшие первые фактические материалы по орнитофауне этого региона. Среди них – большая работа студента Новороссийского (Одесского) университета Г. Сарандинаки (1909), выполненная под руководством А.А. Браунера. Материалы для нее были собраны в 1906 и 1907 гг. в окрестностях с. Маргаритовка (Азовский р-н), а в августе 1907 г. автор проехал также по южным районам Ростовской обл. через Маныч в стан. Цимлянскую. За время работы он собрал 220 шкурок птиц, просмотрел коллекции ростовчан М.И. Дехтеревского, С.В. Асмолова, а также Г.А. Корнелио, сборы которого сейчас хранятся в Зоологическом музее МГУ.

С.Н. Алфераки (1850-1918), А.А. Браунер (1857-1941), М.М. Алфераки (1889-1958)

Интересны также сведения о фауне птиц окрестностей стан. Митякинской на левобережье Северского Донца (ныне Тарасовский р-н), которые опубликовал В.Г. Аверин (1911). В течение двух летних сезонов он собрал материал о 115 видах птиц, а шкурки добытых птиц передал в Харьковский университет. Краткие сведения о птицах окрестностей с. Богородицкое на р. Средний Егорлык на левобережье Западного Маныча (ныне Песчанокопский р-н) сообщил А.А. Браунер (1907). Наконец, в начале XX в. значительные оригинальные материалы по орнитофауне Нижнего Дона собрал М.М. Алфераки – племянник С.Н. Алфераки (1910). Но его рукописные дневники были найдены и обработаны, как указано ранее, лишь в последнее время (Белик, Шергалин, Франкьен, 2012, 2013).

Известный интерес для формирования представлений об орнитофауне Южной России в XIX – начале XX в. представляют сообщения орнитологов-любителей, чаще всего охотников, публиковавших свои

наблюдения в охотничьих журналах. Среди них – статьи и краткие сообщения В.Ф. Еремина (1880) об охотничьей фауне Донских степей; И. Черникова (1881) об охотничьих птицах степей по Салу и Манычу; Н. Андрианова (1885) об охоте на дроф и стрепетов в Сальском округе; В.И. Балабина (1909, 1911) о большом кроншнепе и стрепете в Донской области; А. Гдовского (1926) о гибели дроф в гололедицу; В.В.Щ[ербакова] (1877) о вальдшнепе в низовьях Волги; С. Качиони (1906, 1908, 1910) об охоте в дельте Волги; Н. Мицкевича (1897) о тетереве-косаче в Кубанской области; П.Е. Самсонова (1875, 2018) о горных птицах Дагестана; М.А. Ильина (1902, 1905) о дрофе и о миграциях птиц в Дагестане; и др. Значительное число кратких сообщений посвящено перелетам птиц (Галль-Тредининк, 1855; В.В.Щ[ербаков], 1875, 1877; Фольц, 1883, 1890; Проскурин, 1886; Леонов, 1898; Акимов, 1905; Руднев, 1913; Диков, 1926; Петренко, 1928; и др.).

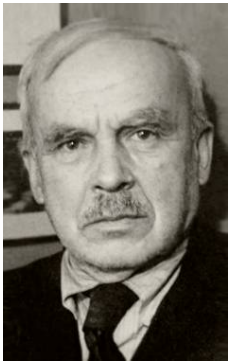
В первой половине XX в. на юге России возобладали научные орнитологические работы, связанные конкретными практическими задачами: с разработкой мер по охране птиц; с выяснением их хозяйственного значения; с рационализацией охотничье-промыслового использования; с инвентаризацией фауны первых российских заповедников; с расселением птиц в искусственные лесонасаждения для защиты этих лесов от вредителей и т.п. В целом данные работы выделяются в особый, третий период, который можно назвать как «**научно-прикладной**».

В Заволжье в 20-40-е годы XX в. развернулись плановые исследования для научного обоснования охотничьего промысла в этих районах (Орлов, Кайзер, 1933; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1937), а также для изучения орнитофауны искусственных степных лесонасаждений в засушливых условиях (Мальчевский, 1941, 1946, 1947, 1950).

Для изучения состояния популяций исчезавших видов и организации их охраны в дельту Волги из Москвы в конце марта 1912 г. специально приезжала экспедиция (Огнев, 1913; Житков, 1914), коллекции которой, собранные на Волге и Эльтоне, обработал Е.В. Тарасов (1914). А с 1920-х годов начались активные исследования в Астраханском заповеднике, созданном в 1919 г. для охраны птиц в дельте, которые дали тогда обширные материалы по экологии, численности и хозяйственному значению многих птиц (Воробьев, 1928, 1936; Worobiew, 1929, 1931, 1934; Сушкина, 1932; Дюнин, 1936; Аскаров, 1938; Бородин, 1938; Ромашова, 1938, 1940; Модестов, 1943, 1967; Кафтановский, 1953; Исаков, 1969).

Кроме плановых научных работ, важные материалы о птицах Нижнего Поволжья, Калмыкии и степного Придонья были собраны в то время также териологами (Орлов, Фенюк, 1927; Аргиропуло, 1928; Орлов, 1928; Ралль, 1953) и немецкими орнитологами-любителями (Kracht,

1919, 2014; Vietinghoff, 1920; Törne, 1940; Bub, 1955), волею судьбы попавшими в Поволжье (см.: Белик, 2014, 2017; Шергалин, 2014).



И.Б. Волчанецкий (1895-1980), И.И. Пузанов (1885-1971), Л.Б. Бёме (1895-1954)

На Кавказе в первой половине XX в. тоже начались инвентаризационные работы в Кавказском заповеднике, созданном в 1924 г. (Туров, 1928, 1932; Аверин, 1938; Аверин, Насимович, 1938; Жарков, 1938), на Черноморском побережье (Пузанов, 1927, 1938, 1949, 1959; Стаховський, 1938) и на Кубани (Кистяковский, 1932). Одновременно началось активное изучение фауны и экологии животных, прежде всего охотничьих, в Дагестане, Ингушетии, Осетии и Кабардино-Балкарии, где работали зоологические экспедиции из Москвы, а также местные зоологи (Бёме, 1925, 1926, 1929, 1932, 1933, 1934, 1935, 1936, 1950; Гептнер, 1926; Радищев, 1926; Бёме и др., 1930; Бёме, Ушатинская, 1932; Красовский, 1932; Туров, Красовский, 1933 Ефимцева, Яценко, 1935).

С появлением в Ставрополе педагогического института и кафедры зоологии, начались также орнитологические исследования в Центральном Предкавказье, тоже направленные в основном на изучение хозяйственного значения птиц (Черновалова, 1939, 1941; Лютый, 1940; Прекопов, 1940, 1941; В. Резник, 1940; П. Резник, 1940а, 1940б). В степном же Придонье усилиями охотника и орнитолога-любителя А.В. Лерхе (1926, 1928, 1929, 1939, 1941 и др.) развивалось в основном научно-популярное направление, и лишь его статья «Птицы» в сборнике «Природа Ростовской области» представляет известный интерес для фаунистов (Лерхе, 1940). Появляются также первые научные сведения о птицах Ростова-на-Дону (Варшавский, 1932) и искусственных лесонасаждений этого региона (Померанцев, 1939).

Во второй половине XX века, в послевоенные годы, в России значительно расширились орнитологические исследования, направленные,

прежде всего, на изучение экологии, численности, биоценотических связей и значения птиц отдельных территорий и местообитаний. Повсеместно продолжались также фаунистические работы, сопровождавшиеся при этом разносторонним экологическим и зоогеографическим анализом региональных фаун и сообществ птиц. В практику этого анализа вошли разработки Б.К. Штегмана (1938), И.Б. Волчанецкого (1950а), В.П. Белика (1992а, 1992б, 2000, 2006). Поэтому этот четвертый период научных исследований можно условно назвать «**эколого-географическим**».

В этот период активные работы по изучению орнитофауны, а также по охране и привлечению птиц начались в Ростовском университете с приходом туда ряда известных специалистов: Н.С. Олейникова, возглавившего в 1957 г. кафедру зоологии (см.: Позняк и др., 2015), затем А.В. Лерхе, В.Э. Мартино, В.С. Петрова, Н.А. Рашкевича (см.: Гуськов, 1996; Белик, Конева, 2004, 2015; Головлёв, 2015; Белик, 2019).

Позже здесь под руководством Н.С. Олейникова сформировалась профессиональная орнитологическая школа, в которую вошли Б.А. Казаков, Н.Х. Ломадзе и И.М. Языкова, занимавшиеся прежде всего исследованиями околоводных птиц. На кафедре в разное время специализировались по зоологии и проводили изучение птиц также В.С. Очаповский, В.А. Миноранский, А.В. Сурвилло, Л.И. Тараненко, Н.Л. Круглова (Ирисова), В.П. Белик, Ю.Я. Кожевникова (Мягкова), Г.Б. Бахтадзе, Е.А. Брагин, А.Д. Липкович, Н.В. Лебедева, Р.М. Савицкий, Л.В. Маркитан, М.В. Сиденко, А.В. Забашта и др., продолжившие затем свои самостоятельные орнитологические исследования в разных регионах (см.: Ломадзе, Белик, 2006; Пекло, Тильба, 2017; Тильба, 2018; Белик, 2020; Брагина, 2020).

В Краснодаре во второй половине XX в. орнитология начала развиваться благодаря пионерским работам В.С. Очаповского и его школы (Пекло, Тильба, 2017). Среди его известных учеников – П.А. Тильба, А.М. Пекло, М.Х. Емтыль, а также их последователи, продолжающие сейчас свои активные исследования в Краснодарском крае: Р.А. Мнацеканов, Ю.В. Лохман, М.А. Динкевич и др.

В послевоенные годы благодаря работам П.А. Резника изучение птиц активизировалось также в Ставрополе. Затем широкие исследования на Ставрополье продолжили А.С. Будниченко, А.И. Лиховид, А.Н. Хохлов, А.П. Бичерев, В.А. Тельпов, Л.В. Афанасова (Маловичко), А.А. Лиховид, М.П. Ильюх, В.Н. Федосов, В.В. Тельпова (Юферева), Е.А. Парфенов и др.

В Нальчике в послевоенные годы серию актуальных статей и книг о птицах Кавказа подготовили сотрудники и студенты местного университета В.Г. Иванов, С.П. Чунихин, В.В. Дмитриев, Д.Х. Базиев и Х.Т. Моламусов, но вскоре эта орнитологическая школа распалась, и лишь Х.Т.

Моламусов продолжал активные исследования на равнине и в горах вплоть до своей трагической гибели в 1967 г. (Моламусов, 2017), а Д.Х. Базиев, к сожалению, оставил орнитологию вскоре после публикации в 1978 г. своей монографии об уларах. К активному изучению птиц на Центральном Кавказе в 70-80-е годы подключились также сотрудники недавно созданных Северо-Осетинского и Кабардино-Балкарского заповедников Ю.Е. Комаров, А.Д. Липкович и Е.А. Вуккерт.

В Калмыкии систематическое, целенаправленное изучение птиц началось лишь в 1970-е годы после создания в Элисте университета. Его преподаватели А.И. Кукиш и В.М. Музаев, а также их ученики вместе с сотрудниками противочумной службы, госохотинспекции и заповедника «Черные земли» А.В. Сурвилло, А.И. Близнюком, О.М. Демьяновой (Букреевой), Г.И. Эрдневым, Н.В. Цапко и др. смогли в сравнительно короткое время собрать значительные материалы по фауне, численности и экологии степных, лесных и околоводных птиц Северо-Западного Прикаспия.

В Волгограде на кафедре зоологии местного пединститута во второй половине XX в. начали развиваться биоценотические и эколого-географические исследования, проводившиеся под руководством териолога Б.С. Кубанцева. Значительное внимание там уделяли изучению гельминтов и других паразитов врановых, хищных и рыбоядных птиц. Изучалась также орнитофауна полевых ландшафтов, городов и других селитебных территорий, рыборазводных прудов и различных водоёмов Поволжья, птичье население полезащитных лесонасаждений и Волго-Ахтубинской поймы ниже Волжской ГЭС. Лишь небольшая часть работ была посвящена выяснению распространения, численности и экологии отдельных видов и групп птиц. В этот же период значительные эколого-фаунистические материалы по гнездящимся птицам Волгоградской области были собраны орнитологом-любителем Евгением Иосифовичем Врублевским (1913 – 1993), дневники которого, датированные 1949-1988 гг., хранятся сейчас в Волгоградском педагогическом университете (см.: Белик, 2017).

Изучение птиц искусственных степных лесонасаждений, связанное с развитием лесомелиоративных работ в степной зоне, резко активизировалось в послевоенный период и в других регионах Южной России после известного правительственного постановления от 20.10.1948 г. (Гладков, 1949, 1952; Птушенко, 1949; Спангенберг, 1949, 1951; Волчанецкий, 1950б; Волчанецкий и др., 1950; Юдин, 1952; Михеев, 1953; Рашкевич, 1953, 1957; Груздев, 1955; Уварова, 1955, 1957, 1959; Будниченко, 1960, 1965, 1968; Петров, 1960; Петров, Нечаев, 1962; Казаков, 1968, 1969, 1974; Петров, Казаков, 1970; Петров, Курдова, 1973; Казаков, Белик, 1974; Белик, 1985, 2009; и др.).

Особенно масштабные, комплексные исследования начались тогда на Джаныбекском стационаре Института лесоведения РАН в Приэльтонье, на границе России и Казахстана. Здесь в течение многих лет работали Л.Г. Динесман (1952, 1955, 1960 и др.), К.С. Ходашова (1960), Г.Е. Королькова (1971), Г.В. Линдеман (1971, 1976, 1977, 1981, 1985 и др.; Линдеман, Залетаев, 1975, 1977), В.С. Шишкин (1976, 1982 и др.). Эти исследования активно продолжаются там и в настоящее время (Лопушков, Линдеман, 2003; Линдеман, Лопушков, 2004а, 2004б, 2006; Линдеман и др., 2005; Быков, 2010; Быков, Бухарева, 2015; и др.).

Расширились также работы по изучению распространения, состояния численности, экологии и хозяйственного значения рыбоядных и водоплавающих птиц, которые проводились уже не только в дельте Волги, в Астраханском заповеднике и на Каспийской орнитологической станции, созданной в 1968 г. (Скокова, 1955, 1959, 1960, 1965; Сыроечковский, 1955, 2005; Луговой, 1958; Кривоносов, 1963, 1969, 1972; Маркузе, 1965; Кривенко, 1972, 1977; Бондарев, 1975, 2005; Русанов, 1977, 1979, 1985 и др.; Виноградов, Чернявская, 1978; Гаврилов, 1984, 2005; и др.), но и в Восточном Приазовье, где в 1958 г. была создана Южная орнитологическая станция (Бородулина, 1953, 1960, 1965; Винокуров, 1959, 1960, 1963, 1965; Олейников, 1959, 1962, 1965, 1966, 1968; Кищинский, 1960; Очаповский, 1965, 1967, 1972, 2017; Ломадзе, 1967, 1973, 1975, 1976, 1982; Венгеров, 1968; Карташев, 1968; Костоглод, 1968; Ломадзе, Языкова, 1968, 1969, 1971, 1974, 1976; Олейников, Казаков, 1972, 1976; Кожевникова, 1975; Казаков и др., 1988; и др.).

Эти работы начались также в долине Маныча, обводненной в середине XX в. (Олейников, 1953; Огарев, 1954; Шехов, 1956; Бакеев и др., 1957; Олейников, Данилова, 1958; Олейников, Гончаров, 1967; Языкова, 1969, 1970, 1975, Олейников и др., 1972, 1973, 1975; Кривенко и др., 1973; Кривенко, Любаев, 1975, 1981; Языкова, Казаков, 1975; Кривенко, 1977, 1978; Олейников, Языкова, 1977; Казаков, 1982; Линьков, 1984, 1985, 1987; Демьянова, 1987; Кукиш, 1990; Казаков и др., 2004; и др.), и в Дагестане (Пишванов, 1968, 1972, 1975, 1977, 1985, 1987; Пишванов, Хонякина, 1968, 1969, 1977; Гинеев, 1972, 1977; Бондарев, 1977; Пишванов и др., 1988).

Значительное внимание было привлечено к изучению охотничье-промысловых куриных птиц, как равнинных видов (Моламусов, 1962, 1966; Кулюкина, 1963; Шатас, 1963; Мертц, 1966, 1967, 1968; Лошкарев, 1974; Львов, 1974, 1975; Казаков, 1982; Хохлов, Бичерев, 1985; Белик, 1986; Прилуцкая, Пишванов, 1989; Лиховид, 1993; Белик, Таранцев, 1995; Тильба, Мнацеканов, 2002; Федосов, Маловичко, 2015; Тильба, Кудактин, 2019; и др.), так и горных, особенно кавказских эндемиков – тетерева и улара (Насимович, 1947; Котов, 1962; Левицкий, 1956; Чунихин,

1960, 1964; Базиев, 1962, 1965, 1972, 1978; Ткаченко, 1966; Журавлев, 1977; Витович, 1986; Тильба, 1994; Плакса, Плакса, 2013; Белик, 2015).

На юге России начали активно изучать также хищных птиц, как в горах Кавказа (Иванов, Дмитриев, 1961; Бутьев и др., 1983; Резанов, 1983; Тильба, Казаков, 1983; Витович, 1984, 1985, 1986, 1989; Тельпов и др., 1984, 1989; Комаров, 1985, 1990; Варшавский, Шилов, 1989; Белик, Давыгора, 1990; Ветров, Христаев, 1990; Галушин, Костин, 1990; Давыгора, Белик, 1990; Мнацеканов, 1990; Тильба, Мнацеканов, 1990; Витович, Ткаченко, 1995; Вуккерт, 1995; Мнацеканов, Тильба, 1995; Никитина, 1995; Хохлов, 1995; и др.), так и на равнинах (Луговая, 1958; Гусев, Штегман, 1959; Иванов, Чунихин, 1959; Козлов, 1960; Кривоносов, 1963; Петров, 1964; Харченко, 1966, 1968; Кубанцев, Кобышев, 1967; Харченко, Миноранский, 1967; Звержановский, 1967; Казаков, 1967; Олейников, 1969; Мунтяну, 1977; Белик, 1979, 1983, 1986, 1988, 1995 и др.; Белик и др., 1983; Варшавский, 1983, 1986; Кисленко, 1983; Мельгунов и др., 1983; Русанов и др., 1983; Сурвилло, 1983, 1986; Хохлов и др., 1983; Мельгунов, Бичерев, 1984; Варшавский и др., 1989; Петров, Гусев, 1995; и др.).

Активизировались также работы по изучению журавлей, дроф и других редких, исчезающих видов, инициированные учреждением Красных книг СССР (1978, 1984) и России (1983) (Хохлов, 1982, 1984, 1988, 1989, 1991; Белик, 1884, 1986, 1988, 1988; Тильба, 1984; Кукиш, 1986; Белик, Сидельников, 1988, 1989; Казаков и др., 1990; Хохлов, Витович, 1990; Белик и др., 1991; и др.). А в дальнейшем на юге России во всех областях и республиках появились региональные Красные книги, в ходе ведения которых накапливалась конкретная информация о распространении и численности многих видов птиц.

Продолжала развиваться на юге и фаунистика. Были опубликованы сводки по орнитофауне Астраханского (Луговой, 1963), Дагестанского (Джамирзоев и др., 2004), Северо-Осетинского (Комаров, 2006), Кабардино-Балкарского (Белик, 2018), Тебердинского (Ткаченко, 1966; Поливанов и др., 2002; Караваев и др., 2015; Белик, 2020), Кавказского (Тильба, 1999; Перевозов, 2014) и Ростовского (Липкович, Брагин, 2012; Липкович, 2016) заповедников, а также заповедника «Утриш» (Лохман, 2013; Мнацеканов, Тильба, 2015). Появились также публикации по птицам отдельных регионов: Краснодарского края (Очаповский, 1967, 2017), Ставрополья (Федоров, 1955; Хохлов, 1993, 2000), Кабардино-Балкарии (Моламусов, 1961, 1967, 2017), Северной Осетии (Комаров, Липкович, 2000), Чечни и Ингушетии (Рашкевич, 1980; Гизатулин и др., 2001), Дагестана (Джамирзоев, 2000), Калмыкии (Кукиш, 1982; Цапко и др., 2009), Астраханской (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014-2015) и Волгоградской обл. (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004).

Было подготовлено также много более частных фаунистических обзоров, в том числе по Северо-Западному Кавказу (Волчанецкий, Пузанов, Петров, 1962), Восточному и Западному Предкавказью (Волчанецкий, 1959; Казаков, 1974), Причерноморью (Тильба, 1999, 2001, 2006, 2016, 2017; Белик и др., 2009, 2017; Белик, 2013, 2015; Попович, Семенова, 2018; Семенова и др., 2019; и др.), по Скалистому хребту в Карачаево-Черкесии (Поливанов и др., 2000), по верховьям р. Урух и Моздокским степям в Северной Осетии (Комаров и др., 2011; Комаров, 2013; Белик, 2016), по Манычу, Среднему и Нижнему Дону (Белик, 1999, 2004, 2005; Белик и др., 2001; Маркитан и др., 2010), Приэльтонью (Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006) и др.

Б.А. Казаков (1938-2006), Н.Д. Реуцкий (1950-2013), В.М. Поливанов (1921-2010)

К концу XX в. во многих регионах Южной России сформировались свои орнитологические школы, а на базе Тебердинского заповедника в 1982 г. по инициативе В.М. и Н.Н. Поливановых была создана Северокавказская орнитологическая группа, объединившая орнитологов Южной России, в результате чего и произошла отмеченная выше активизация научных исследований. Появилось большое число самых разнообразных по своей тематике исследований многих авторов, и перечислить здесь их всех невозможно. В целом же конец XX в. и начало XXI века можно обозначить как пятый период «**информационного взрыва**». По сути, это уже современность, а не история, хотя некоторые коллеги в последнее время и покинули нас, уйдя в мир иной.

В самом конце XX в., после переломных 1990-х годов, когда многие научные исследования пришлось свернуть из-за экономического кризиса в России, вскоре вновь появилась возможность возобновить полевые фаунистические работы за счет зарубежных грантов, в частности по программе «Ключевые орнитологические территории России» (КОТР). В то

время развернулось широкое, в некоторых районах даже двукратное обследование орнитофауны отдельных регионов, проводившееся для инвентаризации и мониторинга КОТР.

Большой цикл работ этого периода нашел отражение в сводках «Ключевые орнитологические территории России» (Свиридова, Зубакин, 2000; Букреев, Джамирзоев, 2009), а также в серии сборников «Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России» (вып.1-7: 1999-2016) и в информационных бюллетенях «Ключевые орнитологические территории России» (№ 1-21: 1995-2008). В тот же период появились описания фауны Рамсарских водно-болотных угодий (ВБУ) России (Кривенко, 1998, 2000; Мищенко, 2006), наконец, вышли два тома с описанием орнитофауны заповедников и национальных парков Северного Кавказа (Джамирзоев и др., 2014, 2017).

К сожалению, большинство публикаций с информацией по орнитофауне КОТР и ВБУ оказались очень краткими, поверхностными, зачастую с заниженными или, наоборот, с неоправданно завышенными оценками численности редких видов птиц и их популяционных трендов. А по некоторым КОТР приводились непроверенные, сомнительные опросные данные. В свое время автору пришлось выступать с критикой этих тенденций (Белик, 2001а, 2001б), но ситуация стала меняться только тогда, когда спал ажиотаж вокруг программы КОТР, и во многих регионах начались специальные мониторинговые исследования по собственным планам, принесшие солидный объем важных, целостных сведений о распространении и динамике ареалов и численности, по крайней мере в отношении особо охраняемых, «краснокнижных» видов птиц.

Следует сказать здесь несколько слов и об ошибках в орнитологических работах, разбору которых в свое время было посвящено даже несколько специальных публикаций (Воробьев, 1973; Мекленбурцев, 1981; Гаврилов, 2004; Ковшарь, 2004). Много непонятных, явных ошибок обнаруживается в статье В.В. Строкова (1960) о птицах Черноморского побережья в районе Сочи, где автор за 2-3 года смог обнаружить зимующих красных коршунов, обыкновенных чечевиц и снежных воробьев, оседлых каменных воробьев, гнездящихся обыкновенных погонышей, залетных краснокрылых чечевичников, синих каменных дроздов и др. Автор привел также много других видов, причем с указанием их подвидового статуса, которые в последующие десятилетия там ни разу никем не отмечались (Тильба, 1999, 2001, 2006, 2007, 2017 и др.). Поэтому данные из этой публикации следует использовать критически.

Явными ошибками, опечатками и типографскими «марашками» изобилует статья Ю.А. Самородова (1982) о птицах р. Сарпа и Сарепты на Волге, критический анализ которой сделан в обзоре орнитологических

исследований в Нижнем Поволжье (Белик, 2017). Немало ошибок и в других публикациях этого автора: включение в фауну Калмыкии малого буревестника, малого перепелятника, скалистого голубя, степного конька (Самородов, 1981, 1982, 1989), каменного воробья (Самородов, Бадмаева, 1981). Откровенная некомпетентность в орнитофаунистических публикациях неоднократно обнаруживалась и в работах В.А. Миноранского о птицах Маныча, Среднего Дона и других районов Ростовской обл., что специально отмечалось ранее (Белик, 2004, 2005, 2007).

Очевидной поспешностью с публикацией работ, содержащих непроверенные данные, объясняется включение Е.В. Вилковым в фауну Дагестана однозначно сомнительных залетных видов: песочника-красношейки, морского песочника, кроншнепа-малютки, ряда средиземноморских славок, скалистого поползня, огородной овсянки и др. (см.: Белик и др., 2006). Такая же неоправданная поспешность некоторых других авторов вызвала появление публикаций о необычных «залетах» в разные регионы Южной России черных журавлей, стерхов, синих каменных дроздов и др. (Заболотный, Хохлов, 2005; Андреев, 2014; Лебедева, Ломадзе, 2015), что было особенно характерно для работ начинающих исследователей (Моламусов, 1955; Джамирзоев, 2000; и др.).

Среди орнитологов, активно публиковавших материалы о птицах Южной России в последний период, не имея возможности перечислить все их работы, назову В.М. Поливанова, Н.Н. Поливанову, О.А. Витовича, И.В. Ткаченко, А.А. Караваева, А.Б. Хубиева, У.З. Казиева из Теберды; А.Н. Хохлова, А.П. Бичерева, М.П. Ильюха, Л.В. Маловичко, В.Н. Федосова, А.А. Лиховида, В.А. Тельпова, В.Н. Битарова, В.В. Юфереву (Тельпову), А.И. Друпа, Е.А. Парфенова со Ставрополья; П.А. Тильбу, Р.А. Мнацеканова, А.М. Гинеева, М.Х. Емтыля, М.А. Динкевича, А.Г. Перевозова, Н.Л. Заболотного, Ю.В. Лохмана, А.А. Гожко, И.С. Найданова, Т.В. Короткого из Краснодарского края; Б.А. Казакова, Н.Х. Ломадзе, Ю.Я. Мягкову (Кожевникову), Г.Б. Бахтадзе, А.Д. Липковича, М.В. Сиденко, Н.В. Лебедеву, Р.М. Савицкого, Л.В. Маркитан, Т.О. Барабашина из Ростова; В.Ф. Чернобая, Е.В. Гугуеву, В.Н. Пименова из Волгограда; Г.М. Русанова, Д.В. Бондарева, Н.Д. Реуцкого, Н.Н. Гаврилова, П.Н. Амосова, Н.О. Мещерякову из Астраханской обл.; А.В. Сурвилло, А.И. Близнюка, А.И. Кукиша, В.М. Музаева, О.М. Букрееву (Демьянову), Г.И. Эрдненова, Н.В. Цапко, В.Б. Бадмаева, В.Э. Бадмаева, Б.И. Убушаева из Калмыкии; Ю.В. Пишванова, Л.И. Прилуцкую, Г.С. Джамирзоева, Е.В. Вилкова, Н.И. Насрулаева, Х.Н. Исмаилова из Дагестана; И.И. Гизатулина, Т.Ю. Точиева из Грозного; Ю.Е. Комарова, Д.С. Шевцова из Северной Осетии; Р.Х. Пшегусова и Х.Х. Журтова из Кабардино-Балкарии.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ЮЖНОЙ РОССИИ

Под Южной Россией в данной сводке принимается обширный регион, расположенный на юге европейской части России (включая Северный Кавказ) на общей площади 618,3 тыс. км^2. Регион включает 13 административных субъектов Российской Федерации, входящих в Южный и Северо-Кавказский федеральные округа: Ростовскую, Волгоградскую и Астраханскую области, Краснодарский и Ставропольский края, Республику Калмыкия, Республику Адыгея, Карачаево-Черкесскую Республику, Кабардино-Балкарскую Республику, Республику Северная Осетия – Алания, Республику Ингушетия, Чеченскую Республику, Республику Дагестан. Входящая же в Южный федеральный округ Республика Крым имеет особые природные условия и свою региональную фауну, но нами Крым специально не изучался и поэтому здесь не рассматривается.

Границы Южной России на западе проходят по государственной границе России с Украиной в пределах её Донецкой и Луганской областей и акватории Азовского моря до Керченского пролива. На севере Южная Россия граничит с Воронежской и Саратовской областями, на востоке – с Республикой Казахстан, а далее граница идет по Каспийскому морю до Азербайджана. Южная граница с Азербайджаном, Грузией, Южной Осетией и Абхазией проходит по р. Самур в Дагестане, а затем по водораздельным хребтам Большого Кавказа до р. Псоу в Краснодарском крае и по ней до Черного моря, а затем по Черному морю до Керченского пролива.

Крайние северные координаты очерченного региона в Волгоградской области – 51°14′40″ с. ш. и 42°43′16″ в. д., на юге в Дагестане границы Южной России достигают 41°11′08″ с. ш. и 47°46′55″ в. д. На западе крайняя точка – мыс Тузла на Таманском полуострове в Краснодарском крае (45°11′44″ с. ш. и 36°35′53″ в. д.), а на востоке – взморье в дельте Волги на границе с Казахстаном (46°10′00″ с. ш. и 49°34′12″ в. д.). Южная Россия в целом простирается по меридиану с севера на юг на 1118 км, а по параллели с запада на восток – на 1001 км.

Территория Южной России занимает юго-восточную часть Восточно-Европейской, или Русской равнины и северную часть горной страны Кавказ, включая равнины Предкавказья, северный макросклон Большого Кавказа, а также часть его южного склона к востоку до р. Псоу (рис.5). Эти две физико-географические страны – Русская равнина и Большой Кавказ, протекающие по ним крупные реки Дон, Волга, Кубань, Кума, Терек и Сулак с притоками, а также омывающие регион Азовское,

Черное и Каспийское моря – определяют всё разнообразие ландшафтов и природных условий Южной России.

Рис. 5. Физическая карта юга Русской равнины и Кавказа

На **равнинных территориях** (Русская равнина и Предкавказье) основными ландшафтообразующими факторами являются баланс тепла и влаги, которые закономерно изменяются с севера и запада на юг и восток, формируя ярко выраженную зональность.

Северо-западная часть Волгоградской области отличается наиболее прохладным и влажным климатом, благодаря чему сюда заходят южные форпосты лесостепи с фрагментами широколиственных лесов среди луговых степей, сохранившихся на водоразделах и прибалочных склонах. Вместе с тем, нагорные дубравы здесь на правобережье Хопра и на Приволжской возвышенности зачастую располагаются на древних песчаных и супесчаных отложениях, демонстрируя по структуре переходные черты к интразональным аренным лесам. Большую же часть равнинных ландшафтов Южной России занимают степи и сельскохозяйственные

земли на их месте, а южные районы Астраханской области и восточная часть Калмыкии заходят в пустынную зону.

В степной зоне с северо-запада на юг и восток тоже наблюдается дифференциация ландшафтов. Южнее подзоны красочных луговых степей, характерных для лесостепи и отличающихся богатым мезофильным разнотравьем, расположены подзона настоящих разнотравно-дерновинно-злаковых степей с крупными перистыми ковылями и подзона более сухих дерновиннозлаковых степей с господствующими в травостое мелкодерновинными злаками (типчаками *Festuca* sp., ковылком *Stipa lessingiana* и др.) и скудным разнотравьем. Далее к югу и востоку следуют наиболее ксерофитные пустынные (опустыненные) полынно-дерновинно-злаковые и, наконец, переходные дерновиннозлаково-полынные степи, или полупустыни с низким, разреженным, комплексным (пятнистым) растительным покровом, занимающие значительные площади на юге Волгоградского Заволжья, на севере Астраханской области и на востоке Калмыкии. В условиях сильного пастбищного сбоя опустыненные растительные сообщества из ксерофильных полыней, луковичного мятлика и однолетников могут формироваться и в полосе настоящих степей, привлекая на север различных пустынных животных.

Пустыни в Астраханской области и Калмыкии, расположенные на Прикаспийской низменности, развивались преимущественно на песчаных отложениях Хвалынского моря, а также на глинистых солончаках в понижениях и озерных котловинах. Поэтому эти пустыни существенно отличаются от типичных зональных пустынь, характерных для глинистых плакоров в Казахстане. В песчаных пустынях Прикаспия в ходе эоловых процессов сформировались бугристые, грядовые и барханные пески, которые в окрестностях селений и животноводческих ферм разбиваются домашним скотом, лишаются закрепляющей их растительности и начинают развеваться ветром. Однако на песчаных массивах, где в глубине аккумулируются пресные дождевые и снеговые воды, нередко встречаются кусты джузгуна на песчаных буграх или куртины лоха, тамарикса, ивы каспийской и других кустарников, которые разрастаются в различных западинах. Заросли тамарикса, лоха, терескена и др. часто окаймляют также солончаковые понижения.

В обширных засоленных понижениях среди пустынь и пустынных степей развиваются различные типы солончаков. Местами они покрыты многолетними галофильными злаками – прибрежницей (*Aeluropus* sp.) и бескильницей (*Puccinellia* sp.). По мере усиления пастбищного сбоя эти злаковые формации быстро сменяются солончаковополынными (с *Artemisia maritima*) и разнотравными ассоциациями с кермеком

(*Limonium* sp.), лебедой (*Atriplex* sp.) и другими галофитами, а затем однолетними и многолетними сочными солянками – солеросом (*Salicornia* sp.), сведой (*Suaeda* sp.), петросимонией (*Petrosimonia* sp.), сарсазаном (*Halocnemum strobilaceum*) и др. Но при прекращении выпаса солончаки могут вновь начинать зарастать густыми злаками. От состояния этой растительности во многом зависит возможность гнездования на солончаках ряда видов куликов, крачек, жаворонков и др.

На формирование ландшафтов степной зоны значительное влияние оказывает макро-, мезо- и микрорельеф. На севере Ростовской области и северо-западе Волгоградской области расположены возвышенности, расчлененные густой овражно-балочной сетью. Здесь на правобережье Северского Донца выделяется Донецкий кряж с выходами плотных скальных пород. Вдоль правого берега Среднего Дона тянется Донская гряда с выходами мелов, а в Кременской излучине Дона – также плотных каменноугольных известняков и доломитов, формирующих местами в степи мощные скальные обнажения. Вдоль правобережья Волги поднимается широкая Приволжская возвышенность с древними песками на водоразделах, подстилаемых известняками и опоками. В районе Волгограда, к югу от излучины Волги, эта возвышенность переходит в Ергени с пологим западным и высоким, овражистым восточным склоном, а южнее, за долиной Маныча, Ергени продолжаются платообразной Ставропольской возвышенностью, уходящей далее на юг в предгорья Центрального Кавказа.

По балкам на возвышенностях часто развиваются байрачные леса, дающие возможность расселяться в степь многим дендрофильным видам птиц. Более влажные байрачные дубравы на севере включают липу и клён, южнее преобладают чистые дубравы, сменяемые затем берестняками из вяза полевого (*Ulmus minor=U. campestris*), проникающими на юг до Азовского моря, долины Нижнего Дона и Ергеней. По склонам балок сохраняются фрагменты целинных степей, здесь нередко образуются обрывы и овраги, дающие возможность гнездиться многим склерофилам, по их днищам текут ручьи, устраиваются искусственные пруды, местами встречаются влажные луга и различные болота.

Кубано-Приазовская и Прикаспийская низменности, в отличие от возвышенностей, практически лишены балок, байрачных лесов, оврагов и обрывов. Однако здесь нередки озерные и солончаковые понижения, а также тростниковые, рогозовые и камышовые болота – плавни, особенно характерные для дельт больших рек, а на востоке в засушливом климате нередко формируются пересыхающие озера-соры с илистыми днищами, покрытыми коркой соли. На крупных озерах и морских побережьях местами образуются острова, имеющие важное значение для гнездования

многих лимнофилов, особенно колониальных видов. Особые фаунистические комплексы формируются на илистых, песчаных и галечных берегах озер и морей. На плоских же степных равнинах важное значение приобретает роющая деятельность грызунов, особенно сусликов, земляные выбросы которых образуют возле нор своеобразный микрорельеф из холмиков-сусликовин, привлекающих ряд видов птиц и других пустынных животных.

Важную ландшафтообразующую роль в степной зоне играют интразональные долины крупных рек, служащие проводниками лесной фауны в степь, а пустынных животных – на север. Их правые (чаще западные) склоны обычно высокие, крутые, изрезанные оврагами и балками, а на противоположной левой стороне речных долин поднимаются широкие, ступенчатые террасы, первую из которых нередко слагают флювиогляциальные песчаные массивы. По открытым, развеваемым бугристым пескам в степь проникают пустынные виды животных, в понижениях среди них встречаются пресные болота северного типа с осокой, с кустарниковыми ивняками и заболоченными черноольшаниками. На этих болотах местами сохранились даже сфагнум, плаун, росянка и другие северные реликты. В различных западинах среди песков формируются также березовые и осиновые колки, на более плодородных супесчаных почвах развиваются сухие аренные дубравы, а в последнем столетии большие площади на песках заняли искусственные посадки сосны.

Чрезвычайно мозаичные ландшафты формируются также в поймах степных рек. Здесь вдоль берегов в речных излучинах часто тянутся песчаные косы и пляжи, на противоположных подмываемых берегах образуются обрывы с гнездовыми норами зимородков, береговушек и других видов, а среди русла нередки песчаные острова-осередки, привлекающие куликов-сорок, перевозчиков, речных и малых крачек. На высоких береговых валах и гривах растут светлые, сухие осокорники из тополя черного, а в понижениях – влажные ветлянники из ивы белой. Дальше от берега, где пойма выполаживается, эти леса обычно сменяются дубравами, чередующимися с сенокосными лугами, которые занимают значительную площадь в центральной пойме. На севере степной зоны вдоль песчаных террас, где выклиниваются обильные грунтовые воды, часто встречаются обширные заболоченные леса из ольхи черной (ольшаники, или ольсы). В засушливых же степных районах и в пустынях в притеррасье обычно развиваются болота и солончаки. Кроме того, вдоль террас часто тянутся длинные, глубокие старичные озера, а среди лугов и лесов в центральной пойме нередки заболоченные ильменные озера, протоки и ерики.

Большое распространение в степной зоне Русской равнины с середины XX в. приобрели многочисленные полезащитные лесополосы и искусственные лесные массивы из дуба, ясеня, вяза, белой акации, а также сосняки на песках. Эти лесонасаждения способствовали быстрому расселению в степь из северной лесостепи и с юга, с Кавказа, большого числа дендрофильных видов птиц. С другой стороны, эти насаждения оказали прямое и косвенное негативное влияние на многих ксерофильных кампофилов, отступающих сейчас на восток в континентальные районы Казахстана (Белик, 2000, 2009, 2015).

Не менее разнообразны ландшафты и в **горах Кавказа**, где ярко выражена высотная поясность растительности и животного мира. Кроме того, важную роль в формировании ландшафтов здесь играют экспозиция и крутизна склонов, а также региональные особенности климата и литологического состава пород, слагающих горные хребты. На Большом Кавказе сформировалась система параллельных хребтов, постепенно повышающихся с севера на юг к Водораздельному, или Главному Кавказскому хребту, а затем снижающихся далее к югу.

В зависимости от высоты гор здесь различают следующие высотные пояса и характерные для них ландшафты. Безлесные высокогорья, начинающиеся с высоты около 1800-2200 м н.у.м., включают 4 пояса: нивальный (т.е. снежный), субнивальный, альпийский и субальпийский. Предгорья и низкогорья до высоты 500-800 м н.у.м. заняты лесостепью в сочетании с луговыми степями, которые сейчас часто трансформированы в культурные ландшафты: поля, сады, лесополосы, дороги, города и селения.

Среднегорья, располагающиеся на высотах от 500-800 до 1800-2200 м н.у.м., охватывают пояса широколиственных, мелколиственных и сосновых лесов, пихтовых и еловых темнохвойных лесов, а также пояс горных степей (или лесостепей), приуроченных к аридной Северо-Юрской депрессии между Скалистым и Боковым хребтами, местами встречающихся также в Южно-Юрской депрессии между Боковым и Водораздельным хребтами и широко распространенных по котловинам Внутреннего Дагестана. При этом горные степи являются на Кавказе, по всей видимости, вторичными, возникшими на месте коренных гемиксерофильных древесно-кустарниковых сообществ в результате тысячелетнего антропогенного воздействия – выпаса домашнего скота, вырубки деревьев на топливо и для строительных нужд, а также расчистки леса под пашни. Посевы различных сельскохозяйственных культур были широко распространены в горных долинах Центрального и Восточного Кавказа вплоть до середины XX в., но в настоящее время они почти полностью заброшены и вновь начали зарастать кустарниками и мелколесьем.

Высокогорья характерны для сложенных плотными кристаллическими породами Водораздельного и Бокового хребта, тянущегося параллельно в 10-25 км севернее (рис.6). На Центральном Кавказе субальпика и альпика широко распространены и на Скалистом хребте в 10-30 км севернее Бокового, где вершины достигают 2500-3500 м н.у.м. На Западном Кавказе безлесные высокогорные ландшафты встречаются островами также на некоторых вершинах Передового хребта, поднимающихся между Боковым и Скалистым хребтами, которые удалены здесь на 25-50 км друг от друга, и на отдельных хребтах, тянущихся параллельно Водораздельному на южном макросклоне Большого Кавказа в верховьях рек Мзымты, Бзыби и Кодора.

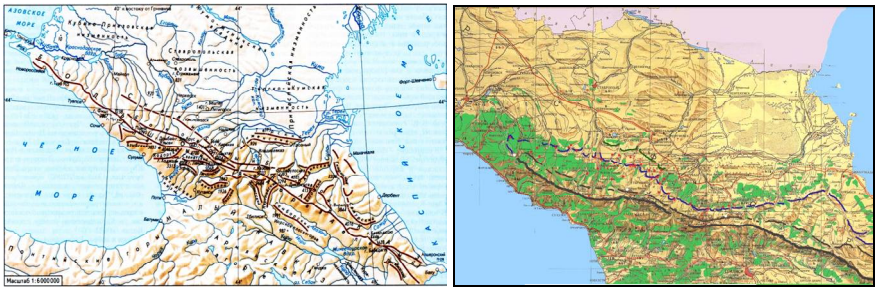


Рис. 6. Орография Большого Кавказа (слева).
Основные хребты и лесные массивы Большого Кавказа (справа)

К северу от моноклинального Скалистого хребта, сложенного плотными слоистыми известняками и обрывающегося к югу в аридную Северо-Юрскую депрессию мощными куэстами, тянутся Меловой, или Пастбищный хребет, а затем еще более низкий Лесистый хребет, разбитые речными долинами на отдельные блоки, которые в разных частях Кавказа часто носят свои особые названия. На Западном Кавказе Скалистый хребет повышается к югу сравнительно полого и венчается плоскими столовыми вершинами, покрытыми субальпийскими лугами, но далее к востоку он резко поднимается в альпику, а в Кабардино-Балкарии на северных склонах Скалистого хребта местами сохранились даже следы недавнего оледенения (рис.7).

На Восточном Кавказе в Дагестане четко выражены Водораздельный и Боковой хребты, а обширный Внутренний, или Известняковый Дагестан слагают многочисленные параллельные хребты, разбитые крупными рекам на отдельные блоки с субальпийскими лугами на плоских, платообразных вершинах, которые обрываются на юг мощными куэстами. В речных долинах, в окружении хребтов, образуются многочислен-

ные аридные котловины с горными каменистыми степями. С севера и востока Внутренний Дагестан окаймляет система невысоких краевых хребтов, отличающихся более влажным климатом и частично покрытых широколиственными лесами, а также сухой, каменистой лесостепью у подножий.

В зависимости от региональных особенностей климата, расположения горных хребтов, их высоты и состава слагающих их пород, на Северном Кавказе обычно выделяют 4 варианта поясности (Темботов, 1972; Темботов, Шхашамышев, 1982): кубанский, эльбрусский, терский и дагестанский. Кроме того, на южном макросклоне Западного Кавказа выделяется также колхидский, или черноморский вариант поясности и небольшой, особый новороссийский район (Соколов, Темботов, 1989; Белик, 2013).

Центральный Кавказ

Нивальный пояс – 3700 м н.у.м.
Субнивальный пояс – 3300 м
Альпийский пояс – 2500-3300 м
Субальпийский – 1700-2600 м
Сосновые леса – 1800-2200 м
Мелколиственные – 1200-2200 м
Горно-степной пояс – 1100-1800 м
Широколиственный – 500-1200 м
Лесо-степной пояс – 500-800 м

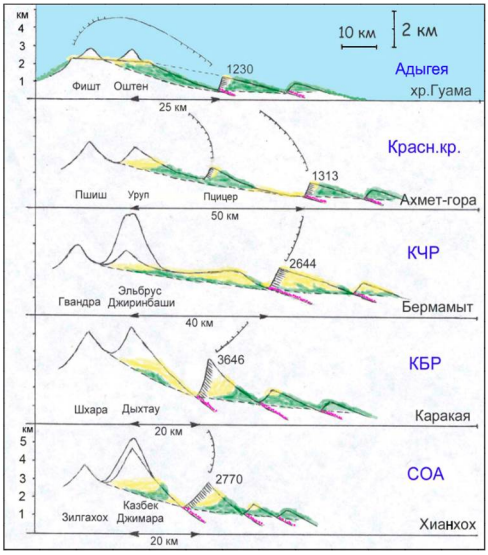


Рис. 7. Профили Водораздельного, Бокового, Скалистого, Мелового и Лесистого хребтов на Западном и Центральном Кавказе. Снизу названы основные вершины на Водораздельном, Боковом и Скалистом хребтах. Для Скалистого хребта указана также высота вершин. Желтым цветом выделены горные луга и степи, зеленым – леса, штриховкой показаны куэсты

Для кубанского варианта поясности характерен почти весь спектр высотных поясов от предгорной лесостепи через сухие и влажные широколиственные леса и пояс темнохвойных лесов до субальпийского, альпийского, субнивального и нивального пояса. По аридной Северо-

Юрской депрессии на территории Карачаево-Черкесии в пояс широколиственных лесов с востока вклинивается горностепной пояс. Кубанский Кавказ отличается также весьма широким поясом лесов в предгорьях и низкогорьях, причем между мезофильными лиственными лесами на склонах гор и лесными зарослями предгорий намечается граница, которая тянется по цепочке межгорных котловин, занятых сейчас городами и станицами с окружающими их старыми черкесскими садами.

В эльбрусском варианте, где плоские столовые вершины Скалистого хребта к востоку от Кубани, плато Бичесын в Приэльбрусье, а также междуречье Малки и Баксана заняты обширными отгонными пастбищами, первичные леса были, вероятно, уничтожены местными жителями за тысячи лет хозяйственного использования этих районов. Сейчас леса представлены там в основном фрагментированными березняками, местами также сосняками в балках, поэтому лесные пояса в Приэльбрусье фактически отсутствуют, и предгорные лесостепи непосредственно смыкаются с сухими горными степями и субальпийскими лугами. В результате ряд кампофильных видов птиц (перепел, коростель, полевой жаворонок, луговой чекан, обыкновенный сверчок и др.) проникает здесь из предгорий вплоть до субальпики, а горные склерофилы, альпийские и субальпийские животные (стервятник, белоголовый сип, кавказский тетерев, белобрюхий стриж, скальная ласточка, рогатый жаворонок, клушица, белозобый дрозд, стенолаз, корольковый вьюрок и др.), наоборот, идут далеко на север в низкогорья и предгорья. Дендрофильные же виды Западного и Центрального Кавказа здесь нередко имеют разрывы в ареалах.

Терский вариант, охватывающий горы в бассейне Терека, исключая верховья Малки и левобережья Баксана, отличается относительно сухим климатом, хорошо выраженным горностепным поясом и отсутствием пояса влаголюбивых темнохвойных лесов. Вместо последних на крутых склонах, характерных для узких, глубоких ущелий Центрального Кавказа, выше горных степей распространены мелколиственные, а также сосновые леса, растущие на ледниковых моренах и скалистых участках. Широколиственные же леса занимают сравнительно узкую полосу на крутых северных склонах Скалистого хребта, а также на Меловом и Лесистом хребтах, обильно орошаемых летними дождями. Отсутствие пихтарников в горах Центрального Кавказа вызывает исчезновение черноголового поползня, а также сокращение ареалов таежных видов птиц (желтоголового королька, чижа, клеста-еловика), адаптирующихся к обитанию в сосняках. В то же время здесь по горным степям Северо-Юрской депрессии значительно шире распространены пустынно-горные склерофилы.

В дагестанском варианте поясности, где особенно выражена аридизация климата, тоже отсутствуют темнохвойные леса, но еще более значительное пространство занимают горные степи, охватывающие почти весь Внутренний Дагестан. Как и в Терском варианте, выше горных степей здесь широко распространены мелколиственные и сосновые леса, поднимающиеся до субальпики, тогда как широколиственные леса занимают сравнительно узкую полосу на склонах невысоких краевых и приморских хребтов.

Черноморский, или колхидский, вариант характерен для южных макросклонов Большого Кавказа к востоку от Туапсе. Он отличается от кубанского варианта еще более влажным климатом и отсутствием лесостепного пояса в предгорьях, который заменен субтропическими лесами с обилием лиан и густым подлеском из самшита, тиса, падуба, лавровишни, рододендрона понтийского, черники кавказской и др. В этих лесах гнездятся короткопалая пищуха, черноголовый поползень, красноголовый королек, а по сухим лесным опушкам – бледная бормотушка и южный соловей. В среднегорье здесь появляются также каштановые леса, которые выше по склонам сменяются буковыми и пихтовыми лесами, а затем субальпийскими и альпийскими лугами.

Наконец, новороссийский вариант приурочен к аридным предгорьям и низкогорьям между Анапой и Геленджиком, где в приморской полосе распространены леса из пицундской сосны, древовидных можжевельников и фисташки, а также труднопроходимые колючие заросли кустарников и мелколесья (шибляк или хмеречь) из дуба пушистого, грабинника, скумпии, держидерева. Здесь обычны змееяд, козодой, сплюшка, лесной жаворонок и др. Кроме того, на этом участке Черноморского побережья Кавказа очень характерны известняковые береговые клифы с гнездовьями сапсана, белобрюхого стрижа, каменки-плешанки и испанской каменки, а в недавнем прошлом – также пестрого каменного дрозда, которые объединяют фауну Западного Кавказа и Крыма (Белик, 2018).

Особенности высотных поясов Кавказа и их фауны уже почти 200 лет привлекают внимание специалистов (Menetries, 1832; Радде, 1884; Россиков, 1888; Бёме, 1926; Гептнер, 1926; Моламусов, 1959; Чунихин, 1962; и др.). Их детальная характеристика недавно была приведена для Центрального Кавказа (Белик, 2018). Но здесь желательно еще раз повторить их краткое описание, необходимое для понимания закономерностей распространения птиц в горах. Вместе с характеристикой горных ландшафтов ниже для большей наглядности указываются и птицы – их характерные обитатели.

Самый верхний нивальный пояс, или пояс вечных снегов, начинается с 3000 м н.у.м. на западе в более влажном климате и с 4000 м н.у.м. на востоке в засушливых районах. Он, как правило, не имеет постоянного птичьего населения, хотя сюда в поисках пищи или на кочевках нередко залетают некоторые горные птицы (белоголовый сип, черный гриф, бородач, беркут, альпийская галка). Летом на скальных нунатаках среди ледников на Центральном Кавказе изредка встречается, а возможно и гнездится, большая чечевица (Липкович, 1985; Лоскот, 1991). В периоды сезонных миграций через заснеженный Водораздельный хребет летят многие, в том числе равнинные птицы: цапли, перепела, журавли, щурки, ласточки, славки и др. (Динник, 1887, 1888; Плеске, 1917; Насимович, 1955; Поливанов, 1990; Вуккерт, 1995; и др.).

Немногочисленное, но более регулярное население птиц появляется в субнивальном поясе, где рядом с ледниками и ледниковыми реками соседствуют безжизненные скалы и глинисто-щебнистые боковые морены, покрытые кое-где редкими лишайниками и альпийскими ковриками-лужайками. Именно здесь в нишах скал и среди валунов гнездятся кавказские улары, альпийские завирушки, альпийские галки и большие чечевицы, а у холодных, бурных ручьев под скалами изредка встречаются краснобрюхие горихвостки. Сюда нередко проникают снизу также обитатели следующего – альпийского пояса.

В альпийском поясе на высоте 2500-3300 м н.у.м. на разреженных, низкотравных альпийских лугах и лишайниковых пустошах, развивающихся на бедных скелетных почвах среди скал, осыпей и морен, кроме кавказского улара и альпийской завирушки, обитает еще три типичных высокогорных вида: рогатый жаворонок, горный конек и горихвостка-чернушка, местами гнездится также арктоальпийский вид хрустан. Отметим, однако, что горный конек, многочисленный в альпийском поясе, нередко заселяет также субальпийские пастбища, а рогатый жаворонок иногда спускается даже в аридные котловины с горностепными пастбищами. Среди скал вплоть до низкогорий широко распространена также горихвостка-чернушка. На альпийские луга сверху часто прилетают на кормежку большие чечевицы, а в скалах здесь нередко располагаются колонии альпийских галок; местами на скалах у ледников держатся также стенолазы.

Следующий очень характерный высокогорный пояс – субальпийский – на Центральном Кавказе занимает высоты примерно от 1700 до 2600 м н.у.м. Здесь распространены три типа ландшафтов: влажные субальпийские луга и кустарники, а также субальпийское криволесье у верхней границы леса. Кустарники представлены в основном рододендроном кавказским, формирующим местами на северных склонах обширные,

труднопроходимые заросли, и можжевельником казацким, куртины которого характерны для более сухих южных склонов. Здесь же нередки густые, приземистые кусты лапчатки кустарниковой. А пояс криволесья образуют низкорослые березы, ольха, ивы, клен, рябина; местами встречается редкая поросль сосны. Березы в зарослях обычно погнуты и скручены зимними лавинами, а поляны среди деревьев к концу лета зарастают высоким влаголюбивым разнотравьем.

Только здесь среди субальпийских кустарников и криволесий обитает эндемичный кавказский тетерев; очень характерны для субальпики белозобый дрозд, нередко спускающийся в горностепной пояс, кавказская пеночка, широко заселяющая также мелколиственные леса, и обыкновенная чечевица, часто гнездящаяся на закустаренных лугах и луговых полянах вплоть до подножия гор. В основном в субальпийских кустарниках гнездится горная чечетка, обычна в них лесная завирушка, которая изредка проникает по лесным полянам и бурьянистому высокотравью вниз до горных степей и широколиственных лесов. Напротив, в субальпику из горностепных котловин по кустарникам проникает корольковый вьюрок.

На влажных высокотравных субальпийских лугах птиц весьма мало. Здесь среди бурьянов изредка встречается всё та же обыкновенная чечевица, у нижней границы субальпийского пояса на высокотравных лугах иногда гнездятся перепел и коростель, местами в бурьянниках селится болотная камышевка, а на заболоченных участках попадается также обыкновенный сверчок. Горный конек на высокотравных лугах встречается редко, но в большом количестве появляется на стравленных субальпийских пастбищах.

Для среднегорий с более умеренным климатом и достаточным увлажнением характерны в основном лесные ландшафты. У верхней границы лесного пояса на высоте 1800-2200 м н.у.м. на Западном Кавказе распространены темнохвойные пихтарники и ельники вдоль рек, населенные комплексом таежных видов Сибирского типа фауны (мохноногий сыч, желна, желтоголовый королек, московка, чиж, клест-еловик, снегирь). Для них очень характерны также субсредиземноморские виды – черноголовый поползень и, по данным П.А. Тильбы (личн. сообщ.), красноголовый королек. Помимо этих видов, в хвойных лесах гнездятся и другие широко распространенные и европейские дендрофилы, более характерные для широколиственных лесов.

На Центральном и Восточном Кавказе, где в более засушливых условиях пихтарники исчезают, их место занимают сосняки, формирующие местами значительные лесные массивы. Сосна – одна из наименее

требовательных древесных пород, поэтому она с успехом растет на рыхлых, щебнистых, бедных органикой почвах древних ледниковых морен по днищам ущелий, а также на скалистых склонах с маломощными скелетными почвами. Для сосняков характерны клёст, чиж и желтоголовый королек – сибирские виды, не гнездящиеся в других типах лесов. Остальные таежные реликты (желна, мохноногий сыч, снегирь и московка) адаптировались к гнездованию также в лиственных лесах и широко заселили лесной пояс почти всего Кавказа.

Кроме сосняков, по бортам ущелий Бокового хребта на Центральном и Восточном Кавказе идет пояс сосново-березовых и мелколиственных лесов с преобладанием березы, ольхи, ивы, осины, а также лещины (фундука) по днищам. Леса эти на крутых скалистых склонах, как правило, сравнительно молодые, низкорослые, разреженные и, напротив, очень густые во влажных понижениях. Деревья здесь имеют плотные низкие кроны и обычно относительно тонкие стволы. Большей частью эти леса несут, по-видимому, вторичное происхождение, появившись на месте сосновых и широколиственных лесов вследствие рубок, пожаров и т.п.

Ниже хвойных и мелколиственных лесов, на высоте от 500-800 до 1200-1300 м н.у.м., тянется широкий пояс влажных буковых и грабовых лесов, которые на южных склонах и на более низких уровнях сменяются относительно сухими дубовыми лесами. Эти леса имеют наиболее богатую и разнообразную орнитофауну, включающую около 50 видов, из которых до 30 видов относят к неморальным комплексам – типичным обитателям широколиственных лесов (тетеревятник, перепелятник, неясыть, дятлы, сойка, лесная завирушка, крапивник, пеночка-теньковка, черноголовая славка, полуошейниковая мухоловка, обыкновенная горихвостка, зарянка, дрозды, ополовник, гаичка, лазоревка, большая синица, обыкновенный поползень, пищуха, зяблик, дубонос и др.).

Здесь же гнездится ряд пластичных сибирских видов, а также желтобрюхая пеночка. Экологически более пластичные неморальные виды заселяют и мелколиственные, а некоторые – также и хвойные леса. Вместе с тем, суровый климат, бедность флоры и другой органической жизни на крутых, скалистых склонах ограничивают проникновение в мелколиственные леса многих типичных лесных видов птиц. Так, в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии в лесах на Боковом хребте практически не гнездятся дятлы (желна, зеленый, большой, средний и малый пестрые, а также вертишейка), совы (неясыть, мохноногий сыч), мухоловки (серая, малая, полуошейниковая), синицы (гаичка, лазоревка), обыкновенный поползень, обыкновенная пищуха, дубонос, пеночка-теньковка, характерные для широколиственных лесов (Комаров, Хохлов, 2003; Белик,

2018). Бросается в глаза также низкая численность обитающих здесь видов: крапивника, кавказской пеночки, зарянки, черного дрозда, дерябы, большой синицы, зяблика и др. Пожалуй, единственный вид, характерный для сырых мелколиственных среднегорных лесов, – это вальдшнеп, но и он здесь довольно редок (Белик, 2016).

В аридной Северо-Юрской депрессии, тянущейся под куэстами Скалистого хребта, из-за специфических особенностей атмосферной циркуляции в горах выпадает значительно меньше осадков, чем на Боковом хребте и на северных склонах Скалистого хребта. Поэтому в аридных котловинах формируются ксерофитные горные степи или лесостепь. На каменистых пастбищах возле селений по днищам котловин преобладают сухие, низкотравные сообщества, но по мере подъема вверх, удаления от сёл и снижения пастбищной нагрузки постепенно формируются высокотравные злаковые луга. Однако на плоских перевальных седловинах на высоте более 2500 м н.у.м. местами появляются сухие, щебнистые злаково-лишайниковые пустоши.

Древесные же формации здесь сильно фрагментированы и представлены куртинами разных видов мелколиственных пород, можжевельником обыкновенным, местами стелющимся можжевельником казацким и различными колючими лиственными кустарниками: барбарисом, шиповником, держидеревом, боярышником, крушиной Палласа, а также сосной на скалах. Эти куртины распространены в основном на удаленных от селений склонах, на крутых скалистых участках, а также вдоль ручьев и рек, где местами разрастаются ивы, ольха и облепиха.

В горностепном поясе обитает несколько совершенно разных комплексов птиц. Помимо лесных неморальных видов, заселяющих лесные куртины, в них, а также среди кустарников гнездится ряд лесостепных, опушечных птиц: канюк, карагуш (орёл-могильник), козодой, лесной конек, жулан, коноплянка, местами садовая овсянка. Эти виды распространены в предгорной лесостепи, откуда проникают в горные степи, а часть из них по полянам и редколесьям может подниматься в пояс мелколиственных лесов, в сосняки и даже в субальпику. Для аридных котловин в горах очень характерен корольковый вьюрок, который обычен местами также в сосняках и среди субальпийских кустарников. Среди ксерофильных кустарников в котловинах обитают средиземноморские виды славок – серая и завирушка; здесь же на полянах регулярно гнездится лесной жаворонок.

Некоторые лесостепные виды заходят в горы из предгорий вслед за человеком, и в аридных котловинах тоже держатся обычно в селениях или рядом с ними. Так, здесь только в садах и парках гнездятся кольчатая горлица и зеленушка; в основном в сёлах обитает щегол, хотя местами

его поселения встречаются и в естественных лесах, особенно в сосняках. В аридные котловины из предгорий проникают сорока и серая ворона, хотя в последние десятилетия они здесь почти полностью уничтожены ястребом-тетеревятником.

Помимо дендрофилов, в горностепных котловинах обитает ряд представителей кампофильного комплекса, характерных для сенокосных лугов и пастбищ. Среди них – перепел, коростель, полевой жаворонок, луговой и черноголовый чеканы, просянка. Близки к этим видам обыкновенный сверчок и болотная камышевка, изредка встречающиеся на заболоченных высокотравных лугах, а также серая куропатка, гнездящаяся в каменистой горной лесостепи.

Третий, очень характерный для аридных депрессий комплекс – склерофилы, гнездящиеся на скалах, со всех сторон опоясывающих котловины. На слоистых известняковых куэстах Скалистого хребта и на кристаллических утесах Бокового хребта устраивают свои колонии белоголовый сип, сизый голубь, белобрюхий стриж, клушицы и альпийские галки, воронки и скалистые ласточки, а в недавнем прошлом гнездились каменные и снежные воробьи. Одиночными парами на скалах селятся беркут, бородач, сапсан, обыкновенная пустельга, филин, ворон, краснокрылый стенолаз, горихвостка-чернушка, пестрый и синий каменные дрозды, а также стервятник и домовый сыч, которые предпочитают более низкие и теплые районы, каменка-плешанка и испанская каменка, гнездящиеся в сухих горах Дагестана. На постройках или среди каменных развалин в аридных котловинах селятся удод, деревенская ласточка (касатка), обыкновенная каменка, домовый и полевой воробьи. Для сухих каменистых пастбищ, чередующихся с кустарниками, скалами, обрывами и осыпями, очень характерны кеклик и горная овсянка, а на осыпях под высокими куэстами местами гнездятся улары и альпийские завирушки.

Являясь, по сути, интразональным комплексом, почти все эти склерофилы могут встречаться среди скал в самых разных высотных поясах гор, но более теплые аридные котловины полнее обеспечивают их кормом и убежищами. Особенно много птиц собирается в аридных котловинах зимой, после сильных снегопадов в высокогорье. Сюда спускаются на зиму также характерные обитатели высокогорий: рогатый жаворонок, альпийская завирушка, краснобрюхая горихвостка, большая чечевица. А наиболее пластичные склерофилы могут расселяться, в свою очередь, из гор на равнины.

Как и на равнинах Южной России, важное ландшафтное значение в горах Кавказа имеют также крупные реки и их многочисленные мелкие притоки. Но фауна лимнофилов в горах несравненно беднее, что связано

со спецификой быстрых, холодных горных рек, которые имеют небогатую биоту гидрофилов, служащих птицам кормом, и обычно лишены прибрежных зарослей макрофитов, используемых лимнофилами в качестве убежищ на стоячих равнинных озерах и болотах. Заселению горных рек препятствует также неустойчивый паводковый режим в летний период, в сезон гнездования птиц.

Для горных рек на Кавказе характерен перевозчик, распространенный от подгорных равнин до приледниковых троговых долин, где на открытых, выровненных днищах нередки галечники. Малый зуек держится в основном по галечным берегам предгорных рек, хотя местами может проникать и в среднегорья. Оляпка встречается от низкогорий до ледников, но предпочитает, по-видимому, сравнительно небольшие реки и ручьи в узких скалистых ущельях. В общем, аналогичные экологические преференции проявляет и горная трясогузка. Лишь белая трясогузка, широко распространенная также и на равнинах, в горах чаще селится в широких долинах и котловинах рядом с жильем человека, однако, как и остальные лимнофилы, она изредка проникает до самых верховий рек в высокогорьях.

Этим можно завершить общую характеристику природных условий Южной России, составленную в основном по собственным наблюдениям, которые проводились в течение 1966-2021 гг. в различных равнинных регионах и на Кавказе. Несмотря на всю неполноту этого очерка, надеюсь, что он будет полезен для понимания частных и общих особенностей фауны и распространения птиц на юге России, которые излагаются далее.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При составлении видовых очерков в основу положены все доступные опубликованные материалы по орнитофауне всех регионов Южной России, их последующий анализ и обобщение собранных данных. Кроме того, региональными исследователями автору были предоставлены некоторые дополнительные неопубликованные сведения по отдельным видам птиц. Орнитофауну всех регионов Южной России в течение 1967-2021 гг. постоянно, с разной степенью полноты, изучал также сам автор (рис.8).

Рис. 8. Места стационарных и полустационарных исследований автора на юге России и в Западном Казахстане в 1967-2021 гг.

Значительная часть собранных оригинальных материалов в разное время была опубликована (Казаков, Белик, 1971, 1974 и др.; Белик, Данченко, 1977; Белик, 1979-2021; Белик, Петров, 1979; Белик и др., 1981, 1983 и др.; и мн. др.). Кроме того, результаты картирования гнездовых ареалов на территории Ростовской обл. отражены в Европейском атласе гнездящихся птиц (Hagemeijer, Blair, 1997).

Работы по поискам и учетам птиц в поле проводили стационарно и на полустационарах продолжительностью от 3 до 7 дней, а также в экспедиционных условиях и на 3-7-15-дневных пешеходных маршрутах, особенно протяженных в горах Кавказа. Маршруты прокладывались обычно по аэрофотоснимкам и картам масштаба от 1:5000-1:10000 до 1:200000-1:600000. В последние десятилетия использовались также космоснимки Google Earth и GPS-навигаторы Garmin.

В Ростовской обл. постоянные фаунистические работы вели с 1967 по 2021 г., причем во многих районах – на стационарах и полустационарах, в том числе в 2001-2004 гг. на Маныче в заповеднике «Ростовский». В Волгоградской обл. в 1975-1977 гг. мы работали на нескольких стационарах и полустационарах в Придонье, в 1996-1999 гг. в рамках программ Союза охраны птиц России проведены 4 экспедиции по бассейну Дона в пределах Ростовской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Волгоградской обл., а в 2007-2021 гг. экспедиционными маршрутами вместе с Е.В. Гугуевой была охвачена Волго-Ахтубинская пойма и практически вся территория Волгоградской области.

В Астраханской обл. в 1992 г. обследованы самые северные районы Волго-Ахтубинской поймы, а в 2012 г. работы вели в Богдинско-Баскунчакском заповеднике; в Ставропольском крае и Калмыкии обследование фауны разных районов проводили в 1969 и 1972 гг. в составе экспедиций кафедры зоологии Ростовского университета, в 1978 г. нами проведено там полустационарное обследование ряда искусственных лесных массивов, затем некоторые районы были охвачены экспедиционными маршрутами в 1999, 2008, 2009, 2013, 2019 и 2020 гг., кроме того, фауна пустынь в Лаганском р-не Калмыкии у побережий Каспия изучалась на стационаре в мае 2003 г.

В Краснодарском крае в разные годы обследованы низовья и плавни на р. Ея, Челбас и Кубань, три искусственных лесных массива в степной зоне, пойменные леса в низовьях и среднем течении Кубани у г. Славянска, Краснодара и Кропоткина, степи и лесостепи между р. Уруп и Лаба в предгорьях, верховья р. Псекупс и плато Лагонаки в горах, Кавказский заповедник, Черноморское побережье на Тамани, полуострове Абрау, в низовьях р. Пшада, Шахе, Мзымта, а также в Абхазии у Пицунды и Гудауты.

В Карачаево-Черкесии в разные годы были обследованы лесостепные междуречья Лабы и Кубани в предгорьях, а также Скалистый хребет, верховья р. Большая Лаба, Тебердинский заповедник, плато Бичесын и верховья Кубани в Приэльбрусье. В Кабардино-Балкарии было продолжено обследование Скалистого хребта, Приэльбрусье в верховьях рек Малка и Баксан, Кабардино-Балкарский заповедник, а также степи в низовьях рек Малка и Кура. В Северной Осетии работы вели на Тереке выше Владикавказа, а также в горах по Скалистому хребту и в верховьях р. Урух, Ардон, Фиагдон, Гизельдон. В Ингушетии однажды в 1971 г. было пройдено Джейрахское ущелье, а в Чечне в 1970 г. обследовали окрестности г. Грозного и горы по р. Аргун.

В Дагестане на экспедиционных маршрутах в апреле-мае 1969, 1972, 2009 и 2013 гг. обследованы Ногайские степи в Терско-Кумском междуречье, в 2002, 2009, 2018 и 2019 гг. обследовались некоторые горные районы Внутреннего Дагестана и высокогорья по р. Аварское и Андийское Койсу, в 2002 г. вместе с Г.С. Джамирзоевым на полустационарах в Каякентском и Табасаранском р-нах осмотрены также предгорья и низкогорья на востоке Дагестана. Наконец, в 1991 г. ознакомительные работы мы проводили в дельте р. Самур, а в 2007 г. экскурсировали в окрестностях Махачкалы и др.

Кроме того, в 1984 и 1985 гг. длительные исследования велись в Красноармейском, Балашовском и Самойловском р-нах на юге Саратовской обл., у границ с Волгоградской обл. Наконец, изучение орнитофауны соседних регионов Казахстана мы проводили в 1987-1991 гг. на стационарах Ростовского противочумного института в низовьях р. Урал у г. Атырау (Гурьева), а весной 1996 г. вместе с В.В. Морозовым было проведено специальное обследование ряда районов Западно-Казахстанской обл.

При работе в поле применялись бинокли ×8-12, в экспедициях также телескопы ×20-60, а в последние десятилетия – цифровые фотоаппараты. Количественные учеты проводили маршрутным методом на трансектах с дифференцированной полосой учета, а для некоторых видов (жаворонки и др.) применялись также учеты на круговых площадках. Размещение редких видов на маршрутах и стационарах картировалось, после чего их обилие пересчитывалось на большую площадь. Численность птиц в колониях определялась, как правило, различными глазомерными способами. Все оценки даны для гнездового сезона, обычно – в парах, кроме дроф и некоторых куриных птиц.

Достоверность гнездования определялась в соответствии с критериями, рекомендованными Комитетом Европейского Орнитологического Атласа – EOAC (The EBCC Atlas ..., 1997). Гнездование считалось

доказанным при его подтверждении фактическими материалами (находками гнезд, яиц, выводков, наблюдением птиц с кормом для птенцов), **вероятным** – при достаточно высокой численности птиц, демонстрирующих элементы гнездового поведения (токование, спаривание, беспокойство у гнезд), **возможным** – при летнем пребывании птиц на постоянных участках в подходящих для гнездования условиях.

Расчет общей численности обычных и многочисленных дисперсных видов проводили исходя из их обилия в разных местообитаниях и площади этих биотопов в отдельных регионах. По Кавказу использованы оценки обилия, опубликованные П.А. Тильбой и Б.А. Казаковым (1985), В.Т. Бутьевым и Е.А. Лебедевой (1992), А.А. Караваевым (2000) и В.М. Поливановым (2000), Ю.Е. Комаровым и А.Н. Хохловым (2003) и др., по степной зоне – данные В.П. Белика (2000а, 2000б), Л.В. Маркитан (2002) и др. Площади отдельных местообитаний в Южном регионе России взяты из разных источников (Кривенко, 1977а, 1977б; Коваль, 1980; Гинеев, 1989; Зозулин, 1992; Белик, 2000а; и др.).

Для необследованных территорий оценка численности делалась путем экстраполяции, основанной на их общей площади, наличии гнездовых биотопов и численности вида в соседних регионах. По ряду видов, по которым какие-либо количественные параметры отсутствовали, давались сугубо ориентировочные оценки численности. Сведения о региональной численности птиц заимствованы также из имеющихся публикаций, по редким видам – в основном из региональных Красных книг. Оценки по некоторым локально распространенным видам были даны региональными экспертами (П.А. Тильба, С.А. Букреев, В.М. Музаев, В.Ф. Чернобай, Г.С. Джамирзоев и др.) в ходе специальных консультаций.

Популяционные тренды птиц оценивали по материалам собственных исследований (Белик, 1999, 2002 и др.), а также по опубликованным данным, по сведениям региональных специалистов и другим источникам. Более подробно популяционные тенденции гнездящихся видов птиц Южной России в конце XX в. были рассмотрены в отдельной публикации (Белик, Поливанов, Тильба и др., 2003).

Таксономия и номенклатура видов птиц даются в соответствии с последней сводкой Л.С. Степаняна (2003) с некоторыми изменениями (Белик и др., 2006, 2016), комментируемыми в тексте. Фауногенетические связи рассматриваются на основе идей Б.К. Штегмана (1938 и др.), В.В. Брунова (1978, 1980), А.А. Кищинского (1988), а также наших специальных исследований (Белик, 1992б, 1992в, 2000а, 2006а, 2013а и др.).

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

В состав орнитофауны Южной России, по данным на 2016 г., входило 419 видов. В отдельных же регионах насчитывали от 291 (Адыгея и КБР) до 364 (Дагестан) видов, в том числе от 168 до 252 гнездящихся (Белик и др., 2016). Всего на юге России достоверно гнездилось 287, вероятно – 10 и возможно – 9 видов. Еще 26 видов отмечались на миграциях, 17 – появлялись только зимой и 70 – считались залётными.

Благодаря работе орнитологов Южной России и организации здесь Северокавказской орнитофаунистической комиссии (СК ОФК), в последние годы удалось очистить фаунистические списки от случайных, ошибочно включенных в них видов (в 2006г. из них исключено 39 таксонов), снизить количество публикаций с неверно определенными видами и регулярно контролировать новые и редкие виды, регистрируемые в Южной России. Кроме того, фаунистические списки периодически пополнялись за счет включения видов из прежних, малодоступных публикаций, пропущенных при составлении первых перечней орнитофауны.

За 10 лет (2006-2016 гг.) орнитофауну Южной России пополнили 15 новых видов, в том числе один гнездящийся (средиземноморская чайка) и 13 залетных, из которых 2 новых для России (сокол Элеоноры, армянская чайка). Еще один сложный для определения вид оказался неверно идентифицирован даже в СК ОФК, и только консультации со специалистами позволили выяснить, что это новая для России и СНГ форма толстоклювого зуйка *Ch. l. columbinus* из Передней Азии. Еще 6 видов включены в региональную фауну в последние 4 года (2017-2020): чайка Одуэна, полярная крачка, гольцовый конек, канареечный вьюрок, пустынный снегирь, а также новый для России гнездящийся черный чекан (Матюхин, 2017). Кроме того, удалось подтвердить пребывание в фауне Дагестана в XVIII - XIX вв. турача (Квартальнов, 2020).

Ниже (табл.1) приводится список неворобьиных птиц из 252 видов, отмеченных в разное время на территории Южной России, с указанием характера их пребывания и регионов, в которых они регистрировались (Белик и др., 2016). Виды, которые были включены ранее в фауну Южной России ошибочно или встречались в разное время на сопредельных территориях и могут быть найдены на юге России, приведены в кадастре без порядковых номеров.

Порядок и объем отрядов и семейств приняты в работе в соответствии с классификацией А. Уэтмора (Wetmore, 1960), давно апробированной в сводках Л.С. Степаняна (1990, 2003). Новые построения системы класса птиц (Dickinson, Remsen, 2013; и др.), содержащие ряд рациональных идей, приняты во внимание, но в данной сводке не использованы.

Орнитофауна Южной России:
характер пребывания видов и распределение по регионам
(по: Белик и др., 2016, с дополнениями)

Ростовская область, Волгоградская область, Астраханская область, Калмыкия, Краснодарский край, Адыгея, Ставропольский край, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня, Дагестан

N – достоверно гнездится; **N**? – вероятно гнездится; **N**?? – возможно гнездится; **N**+ – исчез на гнездовье; **N**a – интродуцированный вид; **T** – пролётный; **W** – зимующий; **E** – залётный; E? – неподтвержденные залеты; **?** – ошибочные или сомнительные регистрации, исключенные из региональных видовых списков; (N) – подтверждены лишь единичные случаи гнездования; * – приведены библиографические ссылки.

Вид	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	ИР	ЧР	Дг	Ю.Рос.
	Площадь, *тыс. кв. км*:	101	114	44	75	76	8	66	14	12	8	3	16	50	**587**
1. Гагара краснозобая	*Gavia stellata*	E*	E*	E*	T*	W*						E*	E*	W	W
2. Гагара чернозобая	*Gavia arctica*	T	T	E*	T*	W	E	E*	T*	E*	E*	E*	E*	W	W
3. Гагара белоклювая	*Gavia adamsii*										E*				E
4. Поганка малая	*Podiceps ruficollis*	N	N	N	N	N	E	N	N*	N*	N	N	N	N	N
5. Поганка черношейная	*Podiceps nigricollis*	N	N	N	N	N	T	N*	N??*	N	N	N	N	N	N
6. Поганка красношейная	*Podiceps auritus*	T*	N??*	E*	?*	W*	W	T	T*	E		E*	E*	T	N??
7. Поганка серощекая	*Podiceps grisegena*	N	N	N	N	N		N	N??*	T	E*	N	N	N	N
8. Поганка большая	*Podiceps cristata*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
9. Буревестник малый	*Puffinus puffinus*	E*		?*		T								?	T
10. Качурка прямохвостая	*Hydrobates pelagicus*					E*									E
11. Пеликан розовый	*Pelecanus onocrotalus*	N*	T*	N*	N	E*		N	E*		E	E*	E*	N	N
12. Пеликан кудрявый	*Pelecanus crispus*	N	N*	N*	N	N	E	N			E	E*	E*	N	N
13. Баклан большой	*Phalacrocorax carbo*	N	N	N	N	N	N	N	N*	E*	N*	E*	E*	N	N
14. Баклан хохлатый	*Phalacrocorax aristotelis*	E?*		?*		N*									N
15. Баклан малый	*Phalacrocorax pygmaeus*	N*	E*	N*	N?*	N	E	(N)*		E*	E*	W*	W*	N	N
16. Выпь большая	*Botaurus stellaris*	N	N	N	N	N	N	N	T*	N	N?	N	N	N	N
17. Выпь малая	*Ixobrychus minutus*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
18. Кваква	*Nycticorax nycticorax*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N*	N	N	N	N	N
19. Цапля желтая	*Ardeola ralloides*	N	N	N	N	N	N?*	N	E*	N?*	T	N	N	N	N

Вид	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	ЧИ	ЧИ	Дг	Ю.Рос.
20. Цапля египетская	*Bubulcus ibis*	E		N*	N?*	N*	E	N?*	E*	E*	T	?*	?*	N	N
21. Цапля большая белая	*Egretta alba*	N	N	N	N	N	N?*	N	T*	W	W	N	N	N	N
22. Цапля южная белая	*Egretta modesta*			E*											E
23. Цапля малая белая	*Egretta garzetta*	N	N	N	N	N	N?*	N	N*	N?*	N*	N	N	N	N
24. Цапля серая	*Ardea cinerea*	N	N	N	N	N	N?*	N	T*	N	N	N	N	N	N
25. Цапля рыжая	*Ardea purpurea*	N	N	N	N	N	N?*	N	T*	N*	N	N	N	N	N
26. Колпица	*Platalea leucorodia*	N	N	N	N	N	T	N	E*	E	E*	T	T	N	N
27. Каравайка	*Plegadis falcinellus*	N	N	N	N	N	N?*	N	T*	E	E*	T	T	N	N
28. Ибис священный	*Threskiornis aethiopicus*		E?*	E*	?*									?	E
29. Аист белый	*Ciconia ciconia*	N	N	E*	(N)*	N	N	(N)*	N?*	E*	E*	N?*	N?*	N	N
30. Аист черный	*Ciconia nigra*	N?*	N*	N?*	E*	N	N	N*	N*	N	N	N	N	N	N
31. Фламинго обыкновен.	*Phoenicopterus roseus*	E*	E*	E*	E	E	E	E*	E	E*	E*	E*	E*	T	T
32. Казарка канадская	*Branta canadensis*	E*	E*			Na+				E*	E*			E	E
33. Казарка белощекая	*Branta leucopsis*	?		E*	E*										E
34. Казарка черная	*Branta bernicla*	E*		?*	?*	?*									E
35. Казарка краснозобая	*Rufibrenta ruficollis*	T	T	T	T	W	E	T	E*	E*	W	T	T	T	W
36. Гусь серый	*Anser anser*	N	N	N	N	N	T	N	T*	T	T	N	N	N	N
37. Гусь белолобый	*Anser albifrons*	T	T	T	T	W	T	T	T	T	T	W	W	T	W
38. Пискулька	*Anser erythropus*	T*	T	T	T	T	E*	T		E		E*	E*	T	T
39. Гуменник	*Anser fabalis*	T*	T	E*	E*	E*		E*		T	T	W	W	T	T
40. Гусь белый	*Chen caerulescens*	E*		E*	E?*	E*		E*						E	E
41. Гусь-белошей	*Philacte canagica*		E?*												E
42. Лебедь-шипун	*Cygnus olor*	N	N	N	N	N	N*	N	T*	W	W	N	N	N	N
43. Лебедь-кликун	*Cygnus cygnus*	T	N?*	W*	T	W	W	T	T*	W*	W	W	W	W	N??
44. Лебедь малый	*Cygnus bewickii*	T*	T*	W*	T*	W*		T*	E*	E	E*	E*	E*	T	W
45. Огарь	*Tadorna ferruginea*	N	N	N	N	N		N	N*	N	N	N	N	N	N
46. Пеганка	*Tadorna tadorna*	N	N	N	N	N	E	N	T*	N+E	T	N	N	N	N
47. Кряква	*Anas platyrhynchos*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
48. Чирок-свистунок	*Anas crecca*	N*	N	T	T	W	W	T	N?*	T	W	W	W	N??	N

Вид	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	ЧИ	ЧИ	Дг	Ю.Рос.
49. Касатка	*Anas falcata*		E*												E
50. Утка серая	*Anas strepera*	N	N	N	N	N?*	E*	N	T*	N	N	N	N	N	N
51. Свиязь	*Anas penelope*	T*	N?*	T	T	T	T	T	T*	W	W	W	W	W	N??
52. Шилохвость	*Anas acuta*	N?*	N?*	N?*	N*	T	T	T	T*	T	T	W	W	N??	N
53. Чирок-трескунок	*Anas querquedula*	N	N	N	N	N	N	(N)*	N?*	N	N	N	N	N	N
54. Широконоска	*Anas clypeata*	N	N	N*	N	N	T	(N)*	T*	T	T	W	W	N	N
55. Чирок мраморный	*Anas angustirostris*		E*	N?*	N+E?	E*	E*	E*		?*	E*	N+E	N+E	N??	N?
56. Нырок красноносый	*Netta rufina*	N	N	N	N	N	N	N	T*	N??	W	N	N	N	N
57. Чернеть красноголовая	*Aythya ferina*	N	N	N*	N	N	N	N	T*	W	W	N	N	N	N
58. Чернеть белоглазая	*Aythya nyroca*	N	N	N	N	N	T	N	E*	N	W	N	N	N	N
59. Чернеть хохлатая	*Aythya fuligula*	N?*	N?*	T*	N*	W	W	N*	T*	W	W	W	W	N??	N
60. Чернеть морская	*Aythya marila*	T	T	E*	T	W		T	T*	W	W	W	W	T	W
61. Каменушка	*Histronicus histrionicus*										E*	?*	?*		E
62. Морянка	*Clangula hyemalis*	E*	E?*	E*	E*	E*		E*				E*	E*	T	E
63. Гоголь обыкновенный	*Bucephala clangula*	N?*	N	N	T	W	W	T*	T*	W	W	W	W	W	N
64. Гага обыкновенная	*Somateria mollissima*	E*			E?*	E*		E*						?	E
65. Синьга	*Melanitta nigra*	?*	E*	E*	E*	E						E*	E*	T	E
66. Турпан обыкновенный	*Melanitta fusca*	E*	T	E*	E*	E*	E	E*				E*	E*	T	E
67. Савка	*Oxyura leucocephala*	N*	N	N?*	N	N	N*	(N)*	E*	E		E*	E*	N	N
68. Луток	*Mergus albellus*	N?*	N?*	N*	N*	W	W	T*	W*	W	W	W	W	W	N
69. Крохаль длинноносый	*Mergus serrator*	T*	T*	E*	T*	T		T*	T*	W	W	W	W	T	T
70. Крохаль большой	*Mergus merganser*	W	T	W*	T	W	E	T	T*	W	W	W	W	W	W
71. Скопа	*Pandion haliaetus*	N+T	N	N*	T	N+T	T	T	T	T	T	N+T	N+T	N	N
72. Осоед обыкновенный	*Pernis apivorus*	N	N	N?*	T	N	N	(N)*	N	N?*	N	N	N	N	N
73. Коршун красный	*Milvus milvus*	E*		?*	?*	T*		E*		?*	T*	?*	?*	?	E
74. Коршун черный	*Milvus migrans*	N	N	N	N	N	N	N	T	N	N*	N	N	N	N
75. Лунь полевой	*Circus cyaneus*	W*	N?*	W	W	W	W	W	T*	W	W	W	W	W	N??
76. Лунь степной	*Circus macrourus*	N*	N	N?*	N+T	N?*	T	T*	T	N+T	T	N+T	N+T	N+T	N
77. Лунь луговой	*Circus pygargus*	N	N	N?*	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N

Вид	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	ЧИ	ЧИ	Дг	Ю.Рос.
78. Лунь болотный	*Circus aeruginosus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
79. Тетеревятник	*Accipiter gentilis*	N	N	W*	N*	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
80. Перепелятник	*Accipiter nisus*	N	N	W	N*	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
81. Тювик европейский	*Accipiter brevipes*	N	N	N*	N*	T	T	N	T	N*	N*	N	N	N	N
82. Зимняк	*Buteo lagopus*	W	W*	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W
83. Курганник	*Buteo rufinus*	N	N	N	N	W	W	N	W	T*	N*	N	N	N	N
84. Канюк обыкновенный	*Buteo buteo*	N	N	T	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
85. Змееяд	*Circaetus gallicus*	N	N	N?*	N?*	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
86. Орел-карлик	*Hieraaetus pennatus*	N	N	E*	N	N	N	N	N*	N?*	N	N	N	N	N
87. Орел ястребиный	*Hieraaetus fasciatus*		E?*												E
88. Орел степной	*Aquila rapax*	N	N	N	N	N+T	T	N+T	N?*	N+T	N+T	N	N	N	N
89. Подорлик большой	*Aquila clanga*	N*	N	T*	T	T	?*	T	T	T	T	T	T	T	N
90. Подорлик малый	*Aquila pomarina*	N?*	N?*	T*	N?*	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N
91. Карагуш, могильник	*Aquila heliaca*	N	N	N*	N	N	T*	N	N	N*	N	N	N	N	N
92. Беркут	*Aquila chrysaetos*	N+W	N+W	(N)*	N+E	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
93. Орлан-долгохвост	*Haliaeetus leucoryphus*	E*	E*	E*	E*	E?*		E*		E*	E*	?*	?*	E	E
94. Орлан-белохвост	*Haliaeetus albicilla*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N*	N	N	N	N	N
95. Гриф черный	*Aegypius monachus*	E*	E*	E*	E*	N	E	E	N*	N	N?*	N	N	N	N
96. Сип белоголовый	*Gyps fulvus*	E*	E*	E*	E*	N	N	N*	N*	N*	N*	N	N	N	N
97. Гриф индийский	*Pseudogyps bengalensis*	E*			?*										E
98. Бородач	*Gypaetus barbatus*				E?*	N	N	N	N*	N*	N*	N	N	N	N
99. Стервятник	*Neophron percnopterus*	E*	E*	E*	E*	N	N	N	N*	N*	N	N	N	N	N
100. Кречет	*Falco rusticolus*	E*	E*	E*	E*	E*		E?*	E*					E	E
101. Балобан	*Falco cherrug*	N*	N	N+T*	N+T	E*	E*	T*	N*	N?*	N*	N	N	N	N
102. Сапсан	*Falco peregrinus*	N?*	N+T	W*	N*	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
103. Сокол Элеоноры	*Falco eleonorae*													E*	E
104. Чеглок	*Falco subbuteo*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
105. Дербник	*Falco columbarius*	N+W	W*	W*	W	W	W	W	W*	W	W	W	W	W	W
106. Кобчик	*Falco vespertinus*	N	N	N	N	N	N	N	T*	N	N*	N	N	N	N

Вид	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	ЧИ	ЧИ	Дг	Ю.Рос.
107. Пустельга степная	*Falco naumanni*	N?*	N	N*	N	N+T	T	N	T*	N+T	N+T	N	N	N	N
108. Пустельга обыкновенная	*Falco tinnunculus*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
109. Тетерев	*Lyrurus tetrix*	N+	N*	N+		N+	N+	N+		N+		N+	N+		N
110. Тетерев кавказский	*Lyrurus mlokosiewiczi*					N	N	E*	N*	N	N	N	N	N	N
111. Улар кавказский	*Tetraogallus caucasicus*					N	N		N*	N	N	N	N	N	N
112. Кеклик	*Alectoris chukar*					N	E*	E*	N*	N	N	N*	N*	N	N
113. Турач	*Francolinus francolinus*													E+	E+
114. Куропатка серая	*Perdix perdix*	N	N	N	N	N	N?*	N	N*	N	N	N	N	N	N
115. Перепел	*Coturnix coturnix*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
116. Фазан	*Phasianus colchicus*	N	N	N*	N	N	N	N	N*	N*	N	N	N	N	N
117. Стерх	*Grus leucogeranus*	E*	E*	T*	E*	?*		E*		?*	E*	?*	?*	T	T
118. Журавль серый	*Grus grus*	N	N	T	N	T	T	N+T	T	T	T*	T*	T*	T	N
119. Журавль даурский	*Grus vipio*	E?*		?*										E?	E
120. Красавка	*Anthropoides virgo*	N	N	N	N	N	E*	N		N+	N+E	N	N	N	N
121. Пастушок	*Rallus aquaticus*	N	N	N	N	N	N?*	N	T*	N	T	N	N	N	N
122. Погоныш обыкновен.	*Porzana porzana*	N	N	N?*	T	N?*	T	N*	T*	T	T	N?*	N?*	N??	N
123. Погоныш малый	*Porzana parva*	N	N	N	N	N	N?*	N?*	?*	N*	T	N	N	N?	N
124. Погоныш-крошка	*Porzana pusilla*	N?*	N?*	E?*	E*	(N)*		?*	?*					N?	N?
125. Коростель	*Crex crex*	N	N	N	N	N	N	N?*	N	N	N	N	N	N	N
126. Камышница	*Gallinula chloropus*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
127. Султанка	*Porphyrio porphyrio*			N*	N?*	T*		E*	E*	?*	E*	N?*	N?*	N	N
128. Лысуха	*Fulica atra*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N*	N	N	N	N
129. Дрофа	*Otis tarda*	N	N	T	N	N	E	N+W	T*	N+W	N+E	N	N	N+T	N
130. Стрепет	*Tetrax tetrax*	N	N	N*	N	N	W	N	T*	N+T	N+E	N	N	N	N
131. Дрофа-красотка	*Chlamydotis undulata*	E*	E*	E*	N?*	E*		E*		?*	E*	?*	?*	E	N??
132. Авдотка	*Burhinus oedicnemus*	N	N	N	N	N	E	N	T*	N+T	T	N	N	N	N
133. Тулес	*Pluvialis squatarola*	T	T	T	T	T	T	T				T	T	T	T
134. Ржанка бурокрылая	*Pluvialis fulva*		E?*	E*		?*									E
135. Ржанка золотистая	*Pluvialis apricaria*	T	T	T	T	T	T	T		T	T	T	T	T	T

Вид	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	ЧИ	ЧИ	Дг	Ю.Рос.
136. Галстучник	*Charadrius hiaticula*	T	T	T	T	T	E	T	T*	T*	T	T	T	T	T
137. Зуек малый	*Charadrius dubius*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
138. Зуек толстоклювый	*Charadrius leschenaultii*	?*				E								N??	N??
139. Зуек каспийский	*Charadrius asiaticus*	?*	N*	N?*	N			N+		?*	E*	N?*	N?*	N?	N
140. Зуек морской	*Charadrius alexandrinus*	N	N	N	N	N		N	E*	T*		N	N	N	N
141. Хрустан	*Eudromias morinellus*	T	N??*	T*	T	T	(N?)*	T		(N)*	T	T	T	T	N
142. Кречетка	*Chettusia gregaria*	N+E	N	N+T	T	?*		T		E	E*	T*	T*	N?	N
143. Чибис	*Vanellus vanellus*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
144. Пигалица белохвостая	*Vanellochettusia leucura*		E*	N*	N	E*		N?*			E*			N	N
145. Чибис украшенный	*Lobivanellus indicus*							E*						E	E
146. Камнешарка	*Arenaria interpres*	T	T	T	T	T	E	T		T*				T	T
147. Ходулочник	*Himantopus himantopus*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N+T	N	N	N	N	N
148. Шилоклювка	*Recurvirostra avosetta*	N	N	N	N	N	E	N	E*	T*	T	N	N	N	N
149. Кулик-сорока	*Haematopus ostralegus*	N	N	N	N?*	N	E*	T	N*	N*	N	T	T	N	N
150. Черныш	*Tringa ochropus*	T	T	T*	T	T	T	T	T*	W	W	W	W	W	W
151. Фифи	*Tringa glareola*	T	T	T	T	T	T	T	T*	T	T	T	T	T	T
152. Улит большой	*Tringa nebularia*	T	T	T	T	T	T	T	T*	T*	T	T	T	T	T
153. Травник	*Tringa totanus*	N	N	N?*	N	N	T	N	T*	T	T	N	N	N	N
154. Щеголь	*Tringa erythropus*	T	T	T	T	T	T	T	T*	T*	T	T	T	T	T
155. Поручейник	*Tringa stagnatilis*	N*	N	N?*	T	T	T	T	T*	T	T	T	T	N??	N
156. Перевозчик	*Actitis hypoleucos*	N	N	N*	N??*	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
157. Мородунка	*Xenus cinereus*	T	N?*	T	T	T	T	T	T*	T*		T*	T*	T	N?
158. Плавунчик плосконосый	*Phalaropus fulicarius*					E*				E*				T	E
159. Плавунчик круглоносый	*Phalaropus lobatus*	T	T	T	T	T	T	T	T*	T	T	T	T	T	T
160. Турухтан	*Philomachus pugnax*	T	T	T	T	T	T	T	T*	T	T	T	T	T	T
161. Кулик-воробей	*Calidris minuta*	T	T	T	T	T	T	T	T*	T*	T	T	T	T	T
162. Песочник белохвостый	*Calidris temminckii*	T	T	T	T	T	E	T	E	T*	T	T	T	T	T
163. Краснозобик	*Calidris ferruginea*	T	T	T	T	T	T	T	T*	T	T	T	T	T	T
164. Чернозобик	*Calidris alpina*	T	T	T	T	T	T	T	T*	T	T	T	T	T	T

Вид	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	ЧИ	ЧИ	Дг	Ю.Рос.
165. Песочник морской	*Calidris maritima*			?		E*								?	E
166. Песочник исландский	*Calidris canutus*	E*	?*		E*	E*								?	E
167. Песчанка	*Calidris alba*	T	T	T	T	T	T	T	T*	T*	T			T	T
168. Грязовик	*Limicola falcinellus*	T	T	T	T	T	E	T	T*	W*	T			T	T
169. Гаршнеп	*Lymnocryptes minimus*	T	T	T	T	T	T	T	T*	W	W	W	W	W	W
170. Бекас	*Gallinago gallinago*	N	N	T	T	T	T	T	T*	W	W	W	W	W	N
171. Дупель лесной	*Gallinago megala*											E?*	E?*		E
172. Бекас азиатский	*Gallinago stenura*										E*			?	E
173. Дупель	*Gallinago media*	T	N??*	T	T	T	T	T	T*	T	T	T*	T*	T	N??
174. Вальдшнеп	*Scolopax rusticola*	N	N	T	T	N	N	N	N*	N*	N	N	N	N?	N
175. Кроншнеп тонкокловый	*Numenius tenuirostris*	N+T	E*	T*	T*	E*		T*			E*	?*	?*	E	T
176. Кроншнеп большой	*Numenius arquata*	N	N	T	T	N?*	T	T	T*	T	T	N*	N*	N?	N
177. Кроншнеп средний	*Numenius phaeopus*	T	N?*	T	T	T		T		?*	E*	T	T	T	N?
178. Веретенник большой	*Limosa limosa*	N	N	T	N?*	T	T	T	T*	T	T	W	W	T	N
179. Веретенник малый	*Limosa lapponica*	E*	E*	E*	E*	T		E*	?*			E*	E*	T	T
180. Бегунок	*Cursorius cursor*	E*	E*	E*				?*			E*			E	E
181. Тиркушка луговая	*Glareola pratincola*	N	E*	N	N	N	E	N*	E*	T	T	N	N	N	N
182. Тиркушка степная	*Glareola nordmanni*	N	N	N	N	N	N?*	N		T	T	N	N	N	N
183. Поморник большой	*Stercorarius skua*		E*			?*									E
184. Поморник средний	*Stercorarius pomarinus*			E*	E*	W*	E*	E*	E*					E	E
185. Поморник короткохвост.	*Stercorarius parasiticus*	E*	E*	E*	E*	W	T*			?*	E*	?*	?*	T	E
186. Поморник длиннохвост.	*Stercorarius longicaudus*					?*		E*						E	E
187. Хохотун черноголовый	*Larus ichthyaetus*	N	N	N	N	N	E	N	T*	E	E*			N	N
188. Чайка черноголовая	*Larus melanocephalus*	N	N	E*	N	N	W	N	E*	E*		E*	E*	T	N
189. Чайка малая	*Larus minutus*	T*	N?*	T*	T	N?*	T	T	T*	T*	E*	T	T	T	N?
190. Чайка озерная	*Larus ridibundus*	N	N	N	N	N	W	N	T*	W	W	N	N	N	N
191. Морской голубок	*Larus genei*	N	N	N	N	N	T	N	E*	E*	T	E*	E*	N	N
192. Чайка серебристая	*Larus argentatus*	?	?*	E*	?*	W			E?*	W*				T	E
193. Клуша	*Larus fuscus*	E*	E*	E*		E	E*	E*	E?*		E*	E*	E*	E	E

Вид	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	ЧИ	ЧИ	Дг	Ю.Рос.
194. Клуша восточная	*Larus heuglini*	T	T*	E*	?*	E*			T*	E				T	T
195. Хохотунья	*Larus cachinnans*	N	N	N	N	N	E	N	N*	T*		N	N	N	N
196. Чайка средиземноморск	*Larus michahellis*					N*			E*						N
197. Чайка армянская	*Larus armenicus*					E*			E*						E
198. Бургомистр	*Larus hyperboreus*	E*	?*	E?*	E*			E*						E?	E
199. Чайка морская	*Larus marinus*	E*	E*	E*		E*								E	E
200. Чайка сизая	*Larus canus*	W	N?*	T*	W	W	W	W	T*	E*	W	W	W	N??	N?
201. Чайка Одуэна	*Larus audouinii*					E									E
202. Моевка	*Rissa tridactyla*	E*		E?*		E*			E*					E	E
203. Крачка черная	*Chlidonias niger*	N	N	N	N	N	N	T	T*	T	T	N	N	N	N
204. Крачка белокрылая	*Chlidonias leucopterus*	N	N	N	N*	N*	T	N??*	T*	T	T	N??*	N??*	N	N
205. Крачка белощекая	*Chlidonias hybrida*	N	N	N	N	N	N?*	N*	T*	N??*		E*	E*	N	N
206. Крачка чайконосая	*Gelochelidon nilotica*	N	N	N	N	N	T	N	E*	E*	E*	E*	E*	N	N
207. Чеграва	*Hydroprogne caspia*	N	N	N	N	N	T	N						N	N
208. Крачка пестроносая	*Thalasseus sandvicensis*	E*	E?*	N	N??*	N	T*	T						N	N
209. Крачка речная	*Sterna hirundo*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N*	N	N	N	N	N
210. Крачка полярная	*Sterna paradisaea*							E							E
211. Крачка малая	*Sterna albifrons*	N	N	N	N	N	N	N	E*	T*	E*	N	N	N	N
212. Рябок чернобрюхий	*Pterocles orientalis*	E*	E*	N?*	N*	E*					E*	E*	E*	T	N
213. Рябок белобрюхий	*Pterocles alchata*			E*								E*	E*	E	E
214. Саджа	*Syrrhaptes paradoxus*	E*	E*	N??*	E*	E*		E*			E*	?*	?*	E	N??
215. Вяхирь	*Columba palumbus*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
216. Клинтух	*Columba oenas*	N*	N	T	T	N	T	N*	N?*	N*	N*	N	N	N	N
217. Голубь сизый	*Columba livia*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
218. Горлица кольчатая	*Streptopelia decaocto*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
219. Горлица обыкновенная	*Streptopelia turtur*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
220. Горлица большая	*Streptopelia orientalis*			E*		E*									E
221. Горлица малая	*Streptopelia senegalensis*				E*	N?*		N??*			N*			N	N
222. Кукушка обыкновенная	*Cuculus canorus*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N

Вид	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	ЧИ	ЧИ	Дг	Ю.Рос.
223. Кукушка глухая	*Cuculus saturatus*							E*							E
224. Сова белая	*Nyctea scandiaca*	E*	E*	E*	E*	E		E*		E*	E*	E*	E*	E	E
225. Филин	*Bubo bubo*	N	N	N	N	N	N*	N	N*	N	N*	N	N	N	N
226. Сова ушастая	*Asio otus*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
227. Сова болотная	*Asio flammeus*	N	N	N	N	N	N	N	T*	N?*	W	N	N	N	N
228. Сплюшка	*Otus scops*	N	N	N	N	N	N	N	N?*	N	N*	N	N	N	N
229. Сыч мохноногий	*Aegolius funereus*	N*	E*	E?*		N	N	N?*	N*	N	N	N	N	N??	N
230. Сыч домовый	*Athene noctua*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
231. Сыч воробьиный	*Glaucidium passerinum*		E*	?*										?	E
232. Сова ястребиная	*Surnia ulula*				E?*			E?*	E*					E?	E
233. Неясыть серая	*Strix aluco*	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N	N
234. Сипуха	*Tyto alba*	?*	?*			N*		N*							N
235. Козодой обыкновенный	*Caprimulgus europaeus*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
236. Стриж черный	*Apus apus*	N	N	N*	N	N	N	N	N*	N*	N	N	N	N	N
237. Стриж белобрюхий	*Apus melba*		N?*			N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
238. Сизоворонка	*Coracias garrulus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
239. Зимородок пегий малый	*Ceryle rudis*		E*												E
240. Зимородок	*Alcedo atthis*	N	N	N	N?*	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
241. Щурка золотистая	*Merops apiaster*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
242. Щурка зеленая	*Merops superciliosus*		E*	N*	N			N			E*	N?*	N?*	N	N
243. Удод	*Upupa epops*	N	N	N	N	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
244. Вертишейка	*Jynx torquilla*	N	N	T	T	N	N	N*	N	N	N	N	N	N	N
245. Дятел зеленый	*Picus viridis*	N*	N+E	E?*	N*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
246. Дятел седой	*Picus canus*	N	N	N	N	N?		N??			E?*	E*	E*		N
247. Желна	*Dryocopus martius*	N?*	N	W*		N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
248. Дятел пестрый	*Dendrocopos major*	N	N	N	N*	N	N	N	N*	N	N	N	N	N	N
249. Дятел сирийский	*Dendrocopos syriacus*	N*	N*	N?*	N	N	N?*	N	N	N?	N?*			?	N
250. Дятел средний	*Dendrocopos medius*	N	N	N?*	N?*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
251. Дятел белоспинный	*Dendrocopos leucotos*	N?*	N	E*		N	N		E*	E*				E	N
252. Дятел малый	*Dendrocopos minor*	N	N	N?*	N?*	N	N	N*	N	N*	N	N	N	N	N

Отряд **Гагарообразные** Gaviiformes
Семейство **Гагаровые** Gaviidae

1. **Гагара краснозобая** *Gavia stellata* (Pontoppidan, 1763)

Характер пребывания. Редкий залетный вид, случайно встречающийся в периоды миграций и зимовки на различных водоемах Южной России, кроме Центрального Предкавказья (Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016; Белик, 2020).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Белик, 2006а).

Таксономия. В материковой части России распространен номинативный подвид *G. s. stellata* (Степанян, 2003). Иногда эта гагара рассматривается как монотипический вид (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Имеет циркумполярный ареал, приуроченный к тундре, частично – к таежной зоне Евразии и Северной Америки. Зимует в основном у побережий Атлантики и Пацифики (Дементьев, 1951; Флинт, 1982; Степанян, 2003). На внутренних морях – Азовском, Черном и Каспийском – встречается редко (Алфераки, 1910; Бостанжогло, 1911; Мензбир, 1918; Строков, 1974; Очаповский, 1967, 2017). Континентальный пролет практически не выражен, поскольку гагары из Сибири мигрируют на атлантические зимовки Беломорско-Балтийским путем (Естафьев и др., 1995). Поэтому на водоемах в бассейнах Дона и Волги они отмечаются очень редко, случайно (Казаков и др., 2004; Реуцкий, 2014; Белик, 2020).

В Ростовской обл. одна птица добыта 22.09.1990 на степном пруду в Каменском р-не (Белик, 1992г). Об осенней находке этой гагары в Северо-Восточном Приазовье сообщал также С.Н. Алфераки (1910). В Восточном Приазовье краснозобая гагара найдена однажды 24.12.1965 в Приморско-Ахтарских плавнях (Олейников и др., 1967). Кроме того, В.С. Очаповский (2017), ссылаясь на работу Е.С. Птушенко (1939), сообщал о краснозобой гагаре, добытой 29.11.1921 на Тамани возле г. Темрюк. Эту информацию повторяет также Ю.В. Лохман с соавт. (2006), но в публикациях самого Е.С. Птушенко (1939, 1959 и др.) никаких сведений об этой гагаре нет. Возможно, здесь имелось в виду его устное сообщение, полученное в своё время В.С. Очаповским (Белик и др., 2009).

В литоральной зоне Черного моря в районе Сочи - Адлер отдельные птицы и пары встречались в стаях зимующих чернозобых гагар (Строков, 1974). В Дагестане отдельные особи отмечаются на осеннем пролете в Кизлярском и Аграханском заливах и на юге республики (Джамирзоев и др., 2000). В ноябре их видели в добыче охотников на оз.

Аджи (Каякентский р-н), а 07.11.1968 одна особь добыта на оз. Большой Ачиколь (Казаков и др., 2004).

В Астраханской обл. эта гагара тоже очень редка. За 150 лет активных исследований там отмечены всего 2 встречи: осенью 1870 г. в дельте Волги добыта молодая птица (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882), а в начале апреля 1982 г. наблюдали 3 птиц (Реуцкий, 2014). Для Волгоградской обл. указана как очень редкий пролетный вид Волгоградского и Цимлянского вдхр. (Чернобай, 2000а, 2004а). Но В.Ф. Лорец (1928), активно коллектировавший птиц на Волге в окрестностях Сарепты (Волгограда), за 20 лет (1894-1914 гг.) не встретил там ни одной краснозобой гагары. В Нижнем Поволжье известна всего одна достоверная встреча этой гагары, добытой 01.05.1913 на оз. Эльтон (Волчанецкий, 1937). Кроме того, по сведениям Г.В. Линдемана и др. (2005), если не было ошибок в определении наблюдавшихся птиц, в конце 1940-х годов летом на некоторых прудах в Приэльтонье держались по 1-2 пары, а в последующем они изредка появлялись там в сентябре.

Севернее, в Воронежской обл., единственная птица добыта весной 1940 г. (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996; Климов и др., 2004). Лишь несколько встреч отмечено также в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005).

Местообитания. Гнездится в основном на озерах в зоне тундры и северной тайги. Зимует на акваториях эпиконтинентальных морей. В период миграций может встречаться на различных внутренних водоемах.

Численность. Европейская популяция оценивается в 42-93 тыс. пар, в том числе для севера Европейской России указывают от 16 до 20-50 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России встречаются единичные залетные особи.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

2. Гагара чернозобая *Gavia arctica* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный, а в Центральном Предкавказье залетный вид, зимующий на Черном и Каспийском морях (Флинт, 1982; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016; Белик, 2020).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. В Европейской части России гнездится номинативный подвид *G. a. arctica* (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в тундре и на севере таежной зоны Евразии, а в Казахстане проникает на озера пустынно-степного

пояса (Флинт, 1982; Долгушин, 1960). В начале XXI в. неподтвержденные сведения о гнездовании этих гагар поступили также из северо-западного Причерноморья (Щеголев и др., 2016). Летние встречи одиночек и пар в аналогичных биотопах отмечались также на Таманском полуострове (Динкевич, Мнацеканов, 2011).

Зимовки располагаются у морских побережий Западной Европы и Восточной Азии, а также у северных берегов Черного моря. Кроме того, гагары в небольшом числе зимуют на Каспии (Дементьев, 1951; Флинт, 1982), куда собираются, вероятно, немногочисленные птицы, гнездящиеся в лесостепи на юге Западной Сибири и в пустынно-степном поясе Казахстана (Дементьев, 1951), известные ранее под именем *G. a. suschkini* (Хлебников, 1928). Птицы северных популяций мигрируют на Черное море через Балтику, откуда броском пересекают материк в юго-восточном направлении через Белоруссию и Украину (Миграции …, 1978; Флинт, 1982). Поэтому в континентальных районах Южной России эти гагары появляются нерегулярно, случайно.

Во время весенних миграций основная масса птиц, зимующих на Черном море, пролетает Предкавказье, по-видимому, транзитом, в связи с чем на внутренних водоемах региона они встречаются очень редко. Осенью же пролетные птицы появляются здесь более регулярно (Хохлов, 1990; Казаков и др., 2004; Динкевич, Мнацеканов, 2011; Белик, 2020). В октябре и ноябре небольшие стайки и отдельные особи изредка регистрировались на Дону и других водоемах Ростовской обл. (Белик, 1992г; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2012). Регулярно они отмечались в предгорьях и горах Карачаево-Черкесии (Поливанов и др., 2000; Караваев, Хубиев, 2013; Караваев и др., 2015; Караваев, 2020). В Кабардино-Балкарии одна особь добыта 21.09.1960 у Нальчика (Моламусов, 2017). Несколько раз гагар добывали в предгорьях Северной Осетии (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958). В Дагестане они обнаружены на крупных открытых водоемах в Кизлярском (оз. Большой Ачиколь), Кизилюртовском (Темиргоевские озера) и Каякентском р-нах (оз. Аджи) (Казаков и др., 2004).

В Астраханской обл. гагары очень редко зимуют в дельте Волги (Seebohm, 1882; Луговой, 1963), где точно задокументированы всего 3 встречи: 14.12.1960; в ноябре 1972 и 07.09.1974 (Кривоносов, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Кроме того, 28.10.1953 одну птицу встретил там Е.Е. Сыроечковский (2005), а 02.09.2010 залетная гагара отмечена на Баскунчаке (Амосов, 2010, 2012).

Для Волгоградской обл. эта гагара указана как очень редкий пролетный вид Волгоградского и Цимлянского вдхр. (Чернобай, 2000а, 2004а), но конкретных сведений о ее миграциях в Нижнем Поволжье очень

мало. Одна птица добыта 05.10.1927 на Волге у с. Черебаево Старополтавского р-на (Барабаш, Козловский, 1941), а другая – 15.10.1900 на оз. Сарпа у с. Дубовый Овраг В.А. Хлебниковым (Девятко, Джамирзоев, 2012; Чуйков, 2014). О встречах этих птиц на осеннем пролете на Сарпинских озерах сообщал и сам В.А. Хлебников (1928). У Сарепты (Волгограда) чернозобые гагары в незначительном количестве пролетали в сентябре и середине апреля (Лорец, 1928). Кроме того, в 2004 г. одна птица почти всё лето держалась на пресном пруду в Приэльтонье, а на другом пруду 18.11.2004 встречены 4 птицы (Линдеман и др., 2005). По всей видимости, к этому же виду относятся и упоминавшиеся выше наблюдения краснозобых гагар в Приэльтонье.

Севернее – в Саратовской и Воронежской обл. – чернозобые гагары встречаются несколько чаще, в основном на осеннем пролете (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996; Климов и др., 2004; Завьялов и др., 2005). В средней же полосе России иногда наблюдаются даже их выраженные инвазии (Приклонский, 1978, 1980).

На миграциях гагары не образуют плотных стай, а летят рассеянно, в одиночку или парами, собираясь в небольшие скопления только на водоемах. Основная масса гагар мигрирует в светлое время суток, но часть из них перемещается также ночью (Флинт, 1982). Пролет идет широким фронтом, и птицы изредка залетают в горы Кавказа (Россиков, 1888; Поливанов и др., 2000; Караваев, Хубиев, 2013). Массовый пролет гагар, зимующих на Каспии, наблюдали в Казахстане в начале мая (Бостанжогло, 1911), а их осенняя миграция из Казахстана начинается уже в августе-сентябре (Дементьев, 1951; Русанов, 2011). Вероятно, некоторые из этих птиц в августе залетают через горы и к Черному морю (Казаков и др., 2004; Динкевич, Мнацеканов, 2011). На побережье Черного моря в феврале и марте у птиц происходит полная смена маховых перьев, приводящая к потере полёта, и весенняя миграция гагар в Абхазии сначала идет вплавь вдоль берега моря в западном направлении (Бернацкий, 1958; Белик, 2015).

Местообитания. Заселяет тундровые, лесные и степные водоемы, в основном довольно глубокие и крупные рыбные озера, имеющие в длину не менее 30-50 м, необходимых для разбега и взлета гагары. Гнезда делает обычно среди травы или мха у самой воды на кочках или отлогих берегах изолированных островов. Мигранты останавливаются на различных водоемах, а зимой птицы кормятся преимущественно у побережий морей (Бернацкий, 1958).

Численность. Европейская популяция оценивается сейчас в 53,8-87,8 тыс. пар, в том числе для севера Европейской России указывают 35-65 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге

России встречаются немногочисленные пролетные особи, в одиночку и стайками останавливающиеся на различных водоемах. Эпизодически, в годы широких инвазий, гагары появляются на континентальных водоемах заметно чаще (Приклонский, 1978, 1980). На Черном и Каспийском морях в осенне-зимний период они более обычны и отмечаются регулярно. В районе Сочи - Адлера их численность в 1951-1956 гг. достигала зимой 1100 особей, а в прибрежной полосе между Туапсе и Сухумом в ноябре 1955 г. держалось до 12 тыс. птиц (Строков, 1974). В районе Геленджика в конце января 1963 г. обилие гагар в море составляло 4-24 ос./км^2 (Очаповский, 1967, 2017).

В 2010-2017 гг. в Краснодарском крае зимой регистрировали от 24 до 2.443 особей; всего же там зимует, по экспертной оценке, не менее 2,5-3 тыс. особей, которые у берегов полуострова Абрау в начале октября концентрируются с плотностью около 8,8 ос./км^2, а в конце октября – до 21 ос./км^2 (Лохман, Солоха, 2017). На открытых акваториях Черного моря обилие птиц в апреле 2008-2009 гг. составляло 0,311-0,371 ос./км^2, а на Азовском море – 0,108-0,113 ос./км^2 (Динкевич, Мнацеканов, 2011). Общая же численность гагар, зимующих у Черноморских берегов Кавказа, составляет, вероятно, не менее 5-15 тыс. особей. В довольно большом числе (1-3 тыс. особей) гагары мигрируют осенью (с середины октября) и весной (в апреле-мае) также на северо-западе Черного моря (Щеголев и др., 2016).

Охранный статус. Центрально-европейская популяция чернозобой гагары включена в Красную книгу России (2001) как неуклонно сокращающая свою численность (2 категория). Включена в Красные книги Ростовской обл., Краснодарского края и Карачаево-Черкесии (3 категория), а также Чечни (2 категория). На миграциях и зимовках случайно отстреливается браконьерами, изредка гибнет в ставных рыболовных сетях. Очень уязвима гагара в местах гнездования – на озерах в таежной зоне, где, прежде всего, и нуждается в строгой индивидуальной и территориальной охране (Белик, 2014а).

3. Гагара белоклювая *Gavia adamsii* (G.R. Gray, 1859)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, отмеченный лишь однажды зимой в Северной Осетии (Комаров, 2002; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2006, 2016; Белик, 2020).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988; Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). В прошлом эта форма иногда объединялась в один вид с черноклювой гагарой *G. immer*

в качестве подвида (Козлова, 1947; Дементьев, 1951).

Распространение. Типичная полярная птица, гнездящаяся на тундровых озерах Евразии и Северной Америки (Флинт, 1982). Зимует у морских побережий Северной Атлантики и Пацифики, очень редко залетая на континентальные водоемы. Так, на Украине известно не более 10 встреч этого вида, регистрировавшихся лишь в ноябре-декабре (Смогоржевский, 1979), а в Казахстане этих птиц (*Colymbus torquatus*) отмечал только Г.С. Карелин (1875) в низовьях р. Урал (см.: Мензбир, 1895; Бостанжогло, 1911; Ковшарь, 1988; Сыроечковский, 2005). На Северном Кавказе залетная белоклювая гагара наблюдалась всего один раз 15.12.2001 на водохранилище Беканской ГЭС на левом берегу Терека в Ардонском р-не Северной Осетии (Комаров, 2002).

Местообитания. Гнездится обычно на приморских озерах в арктической тундре, а зимует в прибрежных частях морей (Дементьев, 1951).

Численность. Европейская популяция оценивается всего в 10 пар (European birds …, 2017). На севере Европейской России эта гагара очень редка, более обычна она в тундрах Средней и Восточной Сибири (Дементьев, 1951; Рябицев, 2001). На юге России могут встречаться лишь случайные залетные особи.

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) как редкий, уязвимый вид (3 категория).

Отряд **Поганкообразные** Podicipediformes

Семейство **Поганковые** Podicipedidae

4. **Поганка малая** *Podiceps ruficollis* (Pallas, 1764)

Характер пребывания. Гнездящийся, частично оседлый вид равнинных и предгорных регионов почти всей Южной России, зимующий на Черном и Каспийском морях и на незамерзающих реках, прудах и озерах к югу от Нижнего Дона и дельты Волги (Олейников и др., 1973; Ломадзе, 1983; Казаков и др., 2004; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Афро-Ориентального генезиса, по-видимому, сравнительно недавно заселивший Западную Палеарктику.

Таксономия. Включает 7-12 подвидов (Дементьев, 1951; Курочкин, 1982; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013). На юге России проходит зона интерградации между северной, бурокрылой номинативной формой *P. r. ruficollis*, распространенной к югу до Нижнего Дона, и *P. r. capensis* с большими белыми зеркальцами на маховых перьях, которая гнездится в Предкавказье к югу от Кубани и Терека, а также в Закавказье, Средней Азии и Казахстане (Степанян, 2003).

Однако взрослая самка, имевшая типичные признаки *P. r. capensis*, однажды добыта на Западном Маныче; еще три птицы, отнесенные к этой же форме, добыты в низовьях Дона (17.09.1967 – взрослая самка; 29.09.1970 – две молодые птицы); лишь одна молодая поганка, встреченная тогда же, определена как *P. r. ruficollis* (Олейников и др., 1973). Таким образом, южный подвид проникает на север, очевидно, вплоть до Нижнего Дона (Казаков, 1974). Таксономическое положение птиц из долины Волги остается неизвестным, особенно в связи с недавним расселением малых поганок на север и восток региона. Сейчас этот вид часто включают в пантропический род *Tachybaptus* (Коблик и др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013; и др.).

Распространение. Гнездится в Европе, Африке и Южной Азии (Курочкин, 1982; Степанян, 2003). На юге России в небольшом числе обитает на Нижнем Дону и Западном Маныче, на равнинных и предгорных водоемах Приазовья, Предкавказья и Калмыкии (Чунихин, 1962; Олейников и др., 1973; Кривенко, Кривоносов, 1977; Кукиш, 1982; Ломадзе, 1983; Демьянова, 1987; Точиев, Гизатулин, 1987; Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Белик, 2019). На горных водоемах Кавказа не гнездится.

В последнее время наблюдается заметное увеличение численности и расселение этих поганок на север и восток, вплоть до Среднего Дона и Тамбовской обл. (Ломадзе, 1983; Белик и др., 2000). В Астраханской обл. их гнездование предполагали с начала XX в. (Хлебников, 1928), но в середине 1960-х годов численность птиц там заметно увеличилась, и они были найдены на гнездовье во многих районах дельты Волги, а также в западном ильменно-бугровом районе (Кривоносов и др., 1979; Русанов, 2003, 2011; Реуцкий, 2014).

В Волгоградскую обл. малые поганки проникли, очевидно, сравнительно недавно в связи с увеличением численности и расширением ареала на север (Ломадзе, 1983; Белик и др., 2000, 2003, 2006; Казаков и др., 2004). По сведениям В.Ф. Чернобая (1986, 2000а, 2004а), в Поволжье это очень редкий гнездящийся и редкий пролетный вид, который отмечался на Сарпинских озерах (Цаца, Сарпа), на расположенных рядом прудах Ергенинского рыбхоза, а также на Николаевском и Новоаннинском рыбхозах. Нами малые поганки найдены также в Волго-Ахтубинской пойме, на Большом лимане в Заволжье, на Волго-Донском канале, на озерах среди Цимлянских и Арчединских песков, а также в пойме р. Иловля у сёл Солодча и Ольховка.

На севере Волгоградской обл. одна птица случайно обнаружена на оз. Бабинском в пойме р. Бузулук в Алексеевском р-не и еще 2-3 пары найдены в апреле 2007 г. на Новоквасниковском лимане в низовьях р. Еруслан (Чернобай, 2004а, 2008). Кроме того, 2 птицы добыты

19.07.1968 на р. Елань у с. Торяное Еланского р-на и 24.05.1949 на р. Еруслан у с. Валуевка Старополтавского р-на (Завьялов и др., 2005).

В Воронежской обл. в первой половине XX в. малая поганка была распространена на восток до Хопра (Огнев, Воробьев, 1923; Измайлов, 1940; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996), но в Саратовской обл. до сих пор считается залетным видом (Завьялов и др., 2005). При этом малые поганки неоднократно отмечались летом на озерах Заволжья в Западном Казахстане (Шевченко и др., 1993, 2020), а также в Самарской обл. (Пантелеев, Шапошников, 2009).

Зимует на прибрежных мелководьях Черного и Каспийского морей, на многих незамерзающих реках и техногенных водоемах Предкавказья к югу от низовий Дона, а также в дельте Волги (Олейников и др., 1973; Хохлов и др., 2001; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). На миграциях изредка залетает в высокогорья Кавказа (Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014). Пролет проходит, по-видимому, ночью, так как птицы, наблюдавшиеся на водоемах в течение дня, на другой день на них, как правило, не встречались (Казаков и др., 2004).

Местообитания. Заселяет стоячие и слабопроточные равнинные водоемы с достаточно густыми прибрежными или куртинными рогозово-тростниковыми зарослями: пойменные озера (в том числе лесные), обширные лиманы и плавни, степные пруды в балках, наливные рыборазводные пруды в долинах рек и др. Гнездится обычно среди высоких, густых зарослей рогоза или тростника.

Численность. Европейская популяция оценивается в 129-208 тыс. пар, но для юга Европейской России указывают всего 2-5 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; European birds …, 2017). Птицы распространены спорадично и, в общем, немногочисленны. Сейчас, на фоне расселения и увеличения численности этого вида (Белик и др., 2000, 2003), его популяция на юге России может составлять до 3-7 тыс. пар. В Ростовской обл. обитает около 700-750 пар, а в Волгоградской обл. насчитывается не менее 10-50 пар (Белик, 2000а; Гугуева, Белик, 2013; Чернобай, 2017). При этом в степном Придонье малая поганка распространена на 22% территории, где доля ее специфичных местообитаний составляет около 0,3% (Белик, 2000а), т.е. плотность населения птиц достигает там в среднем около 10-11 пар/км^2.

В дельте Волги в период низкого стояния Каспия малые поганки были обычны на взморье, где в куртинах тростника, рогоза и ежеголовника 23.07.1980 учитывали в среднем 11 пар/10 га угодий. Позже из-за подъема уровня Каспийского моря условия гнездования там ухудшились, и численность птиц заметно снизилась, но в угодьях култучной зоны и в западном ильменно-бугровом районе сейчас эти поганки

обычны (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

Охранный статус. Включена в Красные книги Волгоградской обл. и Карачаево-Черкесии (3 категория), а также Ингушетии (2 категория). На юге России в последние десятилетия сформировались достаточно крупные популяции, численность которых относительно стабильна или увеличивается в ходе расширения ареала (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). Рост популяций обусловлен, по-видимому, потеплением зимнего климата и улучшением условий зимовки на юге России. К тому же эти поганки адаптировались к антропогенным местообитаниям, нередко встречаются на городских водоемах (водохранилищах, прудах, отстойниках и др.) и в целом не нуждаются в особой охране.

5. Поганка черношейная *Podiceps nigricollis* C.L. Brehm, 1831

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов почти всей Южной России, в небольшом числе зимующий на незамерзающих озерах и прудах Предкавказья и регулярно прилетающий на зимовку на побережья Черного и Каспийского морей (Олейников и др., 1973; Ломадзе, 1982; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Вид неясного зоогеографического генезиса, имеющий фрагментированный ареал на трех континентах, где обитают три разные формы.

Таксономия. Включает 3 подвида, из которых в Евразии, в том числе в России, распространен номинативный *P. n. nigricollis* (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Северной Америке, на юге Африки и в Евразии, где населяет ее западную половину вплоть до Казахстана, а также Восточную Азию (Дементьев, 1951; Курочкин, 1982; Степанян, 2003). На юге России эта поганка широко распространена на водоемах степного Предкавказья, в Придонье и Поволжье. Ее гнездование предполагалось также на озерах в устьях крупных рек на Черноморском побережье Кавказа, где птицы изредка встречаются летом (Бернацкий, 1958; Тильба, 1999б, 2006; Казаков и др., 2004), но подтвердить данный статус там не удалось (Белик, 2015). Не гнездятся они и на озерах в горах Кавказа (Казаков и др., 2004; Перевозов, 2014).

На гнездовье эти поганки найдены в дельте Кубани и в плавнях р. Челбас (Ломадзе, 1959, 1973, 1982; Олейников и др., 1973), в пойме Нижнего и Среднего Дона, на Западном Маныче, в Дагестане в Аграханском заливе, на Ачикольских озерах и озере Караколь (Казаков и др., 2004; Белик, 2004а, 2005). Гнездятся они также на равнинных водоемах Шелковского р-на в Чечене (Точиев, Гизатулин, 1987), на Брутских прудах и в Моздокском р-не Северной Осетии (Комаров, 1998; Комаров и др., 2011), указывались для поймы Кубани в предгорьях Карачаево-Черкесии (Поливанов, 1988). На Ставрополье их гнездовья обнаружены

на Чограйском вдхр. в устье р. Калаус (Рязанова, 2005), в Калмыкии птицы гнездятся на разливах Кумы, на Сарпинских и Состинских озерах (Artzibascheff, 1859, 2015; Кривоносов и др., 1991; Близнюк, 2004).

В Астраханской обл. поганки обычны на озерах, прудах рыбхозов и других искусственных водоемах в верхней части дельты Волги, а также на подстепных ильменях к западу от дельты и на озерах и очистных сооружениях в Приволжских степях, но в низовьях дельты встречаются редко (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Гнездятся в Волго-Ахтубинской пойме, однако их массовых гнездовий на пойменных водоемах нет там ни в Волгоградской обл., ни на севере Астраханской обл. (Kracht, 1919, 2014; Амосов, 2015; Чернобай, 2004б; Е.И. Врублевский, дневники; наши данные).

В Волгоградской обл., по данным В.Ф. Чернобая (2000а, 2004а), это обычный гнездящийся вид, распространенный по всему региону. Но на Сарпинских озерах у Сарепты (Волгограда) птицы были многочисленны (Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928), а 23-29.07.1940 там проводилось даже массовое кольцевание их птенцов (Миграции …, 1978). В других районах Поволжья поганки гнездятся спорадично и нерегулярно. Их гнездовья отмечали в пойме Хопра (Е.И. Врублевский, дневники); колония до 20-30 пар обнаружена 21.06.2011 на пруду-отстойнике у г. Михайловка в долине р. Медведицы (Белик, Гугуева, 2020); эти поганки найдены нами также на заросших озерах у с. Солодча в пойме р. Иловли; отмечались они на степных прудах в междуречье Иловли и Волги в Дубовском р-не (Птушенко, 1949); наконец, встречаются на озерах среди Цимлянских и Арчединских песков.

В Заволжье, по сведениям К.Г. Генке (Seebohm, 1882), черношейные поганки в XIX в. в большом количестве гнездились на озерах в «Киргизских степях». В конце 1940-х годов они еще обитали на прудах в окрестностях оз. Эльтон (Волчанецкий и др., 1950), но во второй половине XX в. их гнездовья в Приэльтонье исчезли (Линдеман и др., 2005), что было связано, вероятно, с прогрессирующим усыханием озер Заволжья (Динесман, 1960). Сейчас колонии в Заволжье сохранились лишь на прудах-отстойниках Большого Лимана у г. Волжского, на прудах и озерах по р. Еруслан, а также в низовьях р. Солянка у хут. Меловой в Старополтавском р-не (Юдин, 1952; Завьялов и др., 2005; Белик, Гугуева, 2020).

К северу от Волгоградской обл. черношейная поганка встречается значительно реже. Так, на Воронежском вдхр. в 1992-1994 гг. были отмечены лишь 8-12 гнездящихся пар (Нумеров, 1996), а выше по р. Воронеж учтено всего 127 птиц на 223 км (Климов и др., 2004). На пойменных озерах в Хоперском заповеднике в 1938 г. были известны

две колонии (Измайлов, 1940), но в Саратовской обл. на правобережье Волги гнездовья этой поганки не указаны (Завьялов и др., 2005), хотя ее колония была найдена в 1985 г. на Хопре в Балашовском р-не (Белик, 2002). На левобережье Волги эти поганки гнездятся к северу до р. Бол. Иргиз, где в 1989 г. было учтено 54-56 ос. на 40 га пойменного озера (Варшавский и др., 1994).

Зимуют черношейные поганки местами на незамерзающих водоемах Предкавказья (Бёме, 1926; Хохлов и др., 2001; Казаков и др., 2004), на побережьях Каспия в Дагестане зимой собирается до 400 особей, довольно обычны они также на прибрежных мелководьях Черного моря (Бернацкий, 1958; Винокуров и др., 1960; Резанов, 2002; Казаков и др., 2004; Отчет …, 2012; Белик, 2015; Попович, Семенова, 2018; Тильба, Филиппов, 2018; Humphrey, 2019). Но из-за отсутствия в море мелкой рыбы условия зимовки здесь недостаточно благоприятны, и птицы зимой сильно худеют (Бернацкий, 1958).

Миграции поганок идут по ночам и визуально не прослеживаются (Коренев, Белик, 2003). Но на Западном Маныче на 4 км маршрута 26.05.1947 учли 137 этих поганок, парами и стайками по 6-10 особей передвигавшихся на восток (Олейников и др., 1973). Судя по данным кольцевания, эти птицы в Европе, по-видимому, не имеют выраженных пролетных путей (Миграции …, 1978), изредка они залетают в высокогорья Кавказа, где встречаются на субальпийских озерах (Аверин, Насимович, 1938; Комаров, 2006; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015).

Местообитания. Гнездятся эти поганки, как правило, на мелких, слабозаросших равнинных водоемах – пойменных и степных озерах, лиманах, ильменях, различных прудах. Везде очень тесно связаны с гнездовыми колониями болотных крачек (*Chlidonias* spp.) или озерных чаек, под защитой которых обычно устраивают свои групповые поселения. Характерные плавающие гнезда строят недалеко друг от друга в разреженной поросли рогоза, тростника или камыша среди гнезд чаек и крачек. Иногда поганки гнездятся обособленными парами на небольших плёсах среди зарослей. Однажды в Волгоградской обл. колония этих поганок наблюдалась на илистых берегах островов рядом с гнездами речных крачек и ходулочников (Белик, Гугуева, 2020).

Численность. Европейская популяция оценивается в 46,4-77,5 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 25-30 до 60 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России численность оценивается в 5-10 тыс. пар, в том числе около 2 тыс. пар гнездится в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а). Здесь эта поганка распространена на 37% территории, где ее

специфичные местообитания составляют около 0,3% (Белик, 2000а), а обилие птиц достигает в среднем 18 пар/км^2.

Черношейная поганка гнездится спорадично, формируя обычно более или менее крупные колонии численностью до 100 пар и более. Так, колония на Большом Лимане у г. Волжского, устроенная в поселении крачек и чаек, в 1968 г. насчитывала более 200 гнезд, а на оз. Сарпа в 1986 г. гнездилось до 340 пар (Е.И. Врублевский, дневники). Колонию до 45-50 пар наблюдали в 1949 г. на мелководном пруду по р. Еруслан в Старополтавском р-не, но в 1950 г. этот пруд обсох, и поганки там исчезли (Юдин, 1952). Однако в 1998-2002 г. на озерах у с. Новая Квасниковка Старополтавского р-на в гнездовой период учитывали в среднем 87,2 ос./км^2 (Завьялов и др., 2005).

На оз. Кривая Лука в степях на правобережье Волги в Черноярском р-не Астраханской обл. в июне 1980 г. было учтено 1750 птиц на 50 км маршрута, а на оз. Ханата – одном из Сарпинских озер в Калмыкии – найдено 625 гнезд на 5 га (Кривоносов и др., 1991). На очистных сооружениях у г. Нариманов в полупустыне Астраханской обл. 25.05.2006 обнаружена колония более 100 гнезд (Реуцкий, 2014). На прудах рыбхозов в дельте Волги гнездилось от 0,5 до 14 пар на 100 га (Маркузе, 1965; Русанов, 2011). В Восточном Приазовье в Ахтаро-Гривенских плавнях 03.06.1966 найдено поселение из 71 гнезда поганок, размещавшихся среди колонии белощеких крачек на площади около 1-1,5 га (Ломадзе, 1973; Казаков и др., 2004).

Охранный статус. На юге России в особой охране не нуждается.

6. Поганка красношейная *Podiceps auritus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий пролетный вид Южной России, в небольшом числе, но регулярно зимующий у побережий Черного моря и на юге Каспия. На континентальных степных водоемах сейчас отмечаются лишь случайные встречи пролетных птиц (Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016; Белик, 2020). Но В.Ф. Чернобай (2000а, 2004а, 2004б) отнес этот вид к редким, вероятно гнездящимся птицам Волгоградской обл., однако их достоверные гнездовые находки там неизвестны. Кроме того, имеются неподтвержденные указания о гнездовании красношейной поганки в Восточном Приазовье (Костоглод, 1968; Хохлов и др., 1997а; Мнацеканов, 1999; Гинеев и др., 2000): в дельте Кубани (10 гнезд*), на Понурском лимане у стан. Калининской (одна пара), на Бейсугском лимане (5-8 пар) и в низовьях р. Бейсуг,

* Судя по размерам 5 яиц (48,4-51,7×30,4-34,0 мм), приведенным в работе А.Н. Хохлова с соавт. (1997а), найденные в дельте Кубани гнезда могли принадлежать, скорее всего, серощекой поганке.

связанные, вероятно, с ошибками в визуальном определении птиц.

Зоогеографические связи. Голарктический вид, распространенный в Палеарктике и Неарктике, где представлен двумя разными, слабо различающимися формами (Дементьев, 1951; Курочкин, 1982; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013). Установить метрополию этого вида в настоящее время достаточно сложно. Ископаемые поганки (*P. solidus* и *P. pisanus*), близкие к современным *P. nigricollis* и *P. auritus*, найдены в плиоцене Монголии и Италии, но ряд вымерших видов поганок известен также из плиоцена Северной Америки (Зеленков, Курочкин, 2015).

Таксономия. Включает 2 подвида: в Северной Америке гнездится *P. a. cornutus*, а в Северной Евразии, в том числе в России, распространена номинативная форма *P. a. auritus* (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013). Иногда эта поганка рассматривается как монотипический вид (Курочкин, 1982).

Распространение. Гнездится в основном на водоемах таежной зоны Евразии и Северной Америки. В прошлом южную границу гнездового ареала проводили через Воронежскую, Самарскую и Оренбургскую обл., но во второй половине XX в. на юге ареала было отмечено сокращение численности этих птиц и их исчезновение, тогда как на севере их популяции увеличивались (Дементьев, 1951; Курочкин, 1982). Однако сейчас и в северных регионах Европейской России красношейная поганка встречается весьма редко (Естафьев и др., 1995; Сотников, 1999; Глушенков, 2013; и др.). Ближайшие места ее гнездования известны в настоящее время в Липецкой (Климов и др., 2004), Пензенской (Фролов, 2017) и Ульяновской обл. (Бородин, 2008; Корольков, Бородин, 2015).

В Воронежской обл. этих птиц ни разу не встречали даже на миграциях (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996), а на Хопре в Балашовском р-не красношейная поганка наблюдалась однажды летом – 19.07.1985 (Белик, 2002). Пара птиц отмечена летом также на севере Саратовской обл. и еще одна молодая птица добыта 01.11.1998 у пос. Ровное на Волге близ северной границы Волгоградской обл. (Завьялов и др., 2005, 2008). Лишь однажды 11.07.1958 несколько пролетных особей было отмечено в Западном Казахстане (Шевченко и др., 1993, 2020).

Красношейные поганки регулярно зимуют на побережье Черного моря (Строков, 1974; Курочкин, 1982). В начале декабря 1985 г. в районе Сочи, Гагры и Сухума отмечались десятки птиц (Robel, 1986); зимой 1995 и 1996 гг. эти поганки были обычны на морских мелководьях у Анапы (Резанов,2002), но в районе заповедника «Утриш» зимой 2012 г. они оказались редки, и там 20 птиц были встречены лишь однажды

27.01.2012 у пос. Сукко (Отчет …, 2012). В Суджукской лагуне у Новороссийска одиночек встречали 24.09.2017; 13.10.2017; 21.01.2018; 18.02.2019 (Попович, Семенова, 2018; Семенова и др., 2019).

Южнее, в районе Сочи, Адлера и Пицунды, сейчас эти поганки появляются зимой очень редко (Тильба, 1999б, 2006, 2017а; Белик, 2015). Однажды 04.01.2018 одиночная птица встречена на озере близ устья Мзымты (Уколов, 2018), а в районе Сочи-Адлера поганок несколько раз наблюдали осенью и зимой 2019 г. (П.А. Тильба, личн. сообщ.). В миграционный период одну поганку встретили 16.05.2004 на оз. Маркитанское на Таманском полуострове и 29.08.2018 в дельте Кубани, а зимой 1993/94 и 1994/95 гг. птиц наблюдали на Кубани у Краснодара (Динкевич и др., 2003, 2007; Мнацеканов и др., 2018).

В дельте Дона 3 птицы добыты 21.07., 20.10. и 05.11.1919 **ст.ст**. (Белик и др., 2012), еще 3 птицы (2 самца и 1 самка) добыты там же 04.05.1951 экспедицией М.А. Воинственского, а 1 птица наблюдалась 21.10.1990 (Белик, 1992г). На Дону выше Ростова 4 птицы встречены 26.03.1987 (Йерке, 1995), а на оз. Маныч-Гудило группы по 3 особи Т.О. Барабашин наблюдал 15 и 17.11.2002 и 30.10.2003 (Белик, 2004а).

В Ставропольском крае 2 птицы отмечены 25.04.1979 на прудах-отстойниках Ставропольской ГРЭС близ стан. Староизобильной; еще одну птицу наблюдали 25.05.1996 на озере у с. Иргаклы Степновского р-на (Бичерев, Хохлов, 1985; Хохлов, 1993; Хохлов и др., 1997б); на оз. Тамбукан близ Пятигорска 24.08.1970 держалось 148 мелких поганок, среди которых примерно половину составляли красношейные, а 26.08.1970 там осталось около 30 поганок, в большинстве – красношейных (Bier u.a., 1975).

В Карачаево-Черкесии по 1-2 особи этих поганок изредка учитывали осенью на Усть-Джегутинском и Кубанском вдхр. и на оз. Малое поблизости: 31.08., 22.10., 08.11. и 24.11.2002, 06.12.2004 и 30.11.2010 (Караваев, 2002; Караваев, Хубиев, 2005; Караваев, 2021). В Кабардино-Балкарии одиночные птицы встречены 26.11.2017 на озере у с. Былым в горах по р. Баксан, 01.10.2019 на Тереке у г. Майский, а также 30.11. и 01.12.2019 в низовьях Малки у стан. Приближняя (Журтов, 2019). Для Северной Осетии этот вид пока не известен (Бёме, 1926; Комаров, Липкович, 2000; Белик и др., 2016; и др.).

В Дагестане красношейные поганки встречаются вдоль побережья Каспийского моря, изредка – по крупным низменным водоемам на весеннем и осеннем пролете и на зимовках. Осенью на берегу моря они появляются в начале или в конце ноября, прилетая, вероятно, с северо-востока, из Западной Сибири (Курочкин, 1982). В XX ст. в начале декабря они были там обычны, но сейчас на Каспии отмечаются очень

редко (Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014). На весенних миграциях они держались по берегам моря вместе с черношейной поганкой и исчезали обычно в середине марта, но установить сроки их пролета было трудно, так как миграции идут, как и у других поганок, по-видимому, ночью (Казаков и др., 2004).

Для Астраханской обл. в прошлом было известно единственное указание о красношейной поганке, которую добыл там в XIX в. К.Г. Генке (Seebohm, 1882), а в последнее время появились сведения еще о трех весенних встречах в дельте Волги (22.04.1991; 12.04.2002; 07.04.2003). Кроме того, одна птица наблюдалась там летом (06.06.1978), если только не было ошибки в ее определении (Реуцкий, 2014).

В Волгоградской обл. Б.С. Кубанцев и В.Ф. Чернобай (1982) красношейную поганку не отмечали. В 1999 г., когда проводилось обследование Сарпинских озер, тоже было указано, что красношейная поганка там ни разу не регистрировалась (Чернобай и др., 1999). Однако позже этот вид отнесли к редким, вероятно гнездящимся птицам Волго-Ахтубинской поймы, Сарпинских озер и всей Волгоградской обл., кроме ее Заволжских районов (Сохина и др., 2000; Чернобай, 2000а, 2004а, 2004б), хотя достоверные гнездовые находки красношейной поганки там неизвестны. Для этого региона имеется единственное указание Н.Н. Арцыбашева (Artzibascheff, 1859, 2015) о довольно редких встречах красношейной поганки на Сарпинских озерах в середине XIX в. Но характер пребывания отмечавшихся там птиц остался неясен, поскольку это могли быть и мигранты (см.: Мензбир, 1918). Позже, в начале XX в., у Сарепты (Волгограда) красношейная поганка не была встречена ни разу за 20 лет регулярного коллектирования птиц (Лорец, 1928).

Сейчас эти птицы появляются на юге России только на пролете и зимовках, встречаясь обычно с конца августа, когда проходит, по-видимому, пик миграции (Bier u.a., 1975), до мая (Белик, 1992г; Хохлов и др., 1997б; Динкевич и др., 2007).

Местообитания. Как и черношейная поганка, этот вид обитает на сравнительно мелких водоемах, предпочитая заросли осоки, где нередко гнездится в колониях чаек и болотных крачек, иногда образуя вокруг них небольшие гнездовые поселения. При этом красношейные поганки определённо избегают открытых степных озёр с обширными тростниковыми массивами, предпочитая пресные «лесистые» озерки в поймах рек, в лесах и перелесках (Березовиков, 2009). Некоторые пары гнездятся на озерах среди густых кустарниковых куртин ивняка (Фролов, 2017). На миграциях эти поганки встречаются на различных водоемах и побережьях морей.

Численность. Европейская популяция оценивается в 6,4-9,2 тыс. пар, в том числе для севера Европейской России указывают 1,5-2,5 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Значительно больше птиц (20-45 тыс. пар) обитает в Западной Сибири (Атлас …, 2020). На юге России регистрируются, как правило, случайные встречи с мигрантами, более регулярные по берегам Черного моря, где местами эти поганки зимой считались обычными, даже более многочисленными, чем черношейные поганки (Строков, 1974; Robel, 1986; Резанов, 2002). Это же указывалось и для дагестанских берегов Каспия (Казаков и др., 2004). Но по данным А.В. Михеева (1985), на западном побережье Каспия этот вид редок и уступает в численности черношейной поганке. А в последнее время в Дагестане отмечены всего две встречи красношейных поганок 18.10.2011 в Кизлярском заливе (4 особи) и 04.01.2003 в устье р. Самур (4 особи) (Джамирзоев и др., 2014).

Противоречивые оценки зимней численности и количественных соотношений этих двух поганок указываются отдельными авторами и для Черного моря (см.: Бернацкий, 1958; Винокуров и др., 1960; Строков, 1974; Robel, 1986; Резанов, 2002; Белик, 2015, 2020; Попович, Семенова, 2018; Тильба, Филиппов, 2018; Humphrey, 2019; и др.), что может быть связано как с реальными изменениями численности в разные периоды, так и с ошибками в определении этих похожих птиц.

На континентальных водоемах красношейные поганки встречаются на весенних и осенних миграциях в одиночку или небольшими группами, редко – в скоплениях (Bier u.a., 1975), но здесь этих поганок, возможно, недоучитывают из-за большого внешнего сходства с черношейными поганками в осенне-зимнем наряде. Ошибки в визуальном определении этих поганок иногда допускают и в гнездовой период (см.: Березовиков, 2009).

Так, в Восточном Приазовье в плавнях р. Бейсуг на 60 га зарослей рогоза и тростника В.Е. Костоглод (1968) в мае 1967 г. нашел 22 гнезда серощеких и «рогатых» поганок, но черношейные поганки, обычные в Приазовье (Ломадзе, 1973; Олейников и др., 1973; Казаков и др., 2004), не были отмечены вовсе, что ставит под сомнение определение этих красношейных (рогатых) поганок.

Охранный статус. Включена в новое издание Красной книги России как уязвимый вид под 2 категорией редкости (Приказ …, 2020). Вслед за этим вид занесен в новое издание Красной книги Дагестана (3 категория). Причины повышенной уязвимости этого вида недостаточно ясны. В местах гнездования птицы нередко гибнут в ставных рыболовных сетях (Валуев, 2015; Фролов, 2017).

7. Поганка серощекая *Podiceps grisegena* (Boddaert, 1783)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов почти всей Южной России, кроме предгорий Центрального Кавказа, изредка зимующий на незамерзающих озерах и прудах Предкавказья и регулярно прилетающий на зимовку на побережья Черного и Каспийского морей (Олейников и др., 1973; Ломадзе, 1982; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Реликтовый представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики с фрагментированным ареалом (Белик, 2000а), по-видимому, сравнительно недавно проникший через Берингию в Неарктику.

Таксономия. Включает 2 формы: *P. g. holboellii*, распространенную на востоке Евразии, откуда она проникает на запад Северной Америки, и номинативную *P. g. griseigena*, обитающую на западе Евразии, в том числе на юге России (Дементьев, 1951; Курочкин, 1982; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в Евразии и Северной Америке. На юге России обитает на равнинных водоемах большинства степных регионов. Найдена в дельте Терека, в низовьях Кумы и во многих других районах на низменностях Дагестана (Аграханский залив, система Ачикольских озер, озера Караколь и Аджи), с 1983 г. стала гнездиться на Чирюртовском водохранилище в предгорьях Кавказа (Казаков и др., 2004). Но на водоемах в предгорьях Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи гнездование этой поганки неизвестно (Белик и др., 2016).

В Калмыкии широко распространена на стоячих, заросших водоемах (Кривенко, Кривоносов, 1977; Демьянова, 1987; Близнюк, 2004). Местами гнездится на озерах и рыбхозах Ставрополья (Хохлов, 1993; Казаков и др., 2004; Рязанова, 2005). Обычна на водоемах Восточного Приазовья, на лиманах Ахтарско-Гривенской системы, в Челбасских плавнях (Ломадзе, 1973; Олейников и др., 1973; Хохлов и др., 1997а; Казаков и др., 2004).

В Ростовской обл. гнезда и выводки этих птиц регулярно отмечали на озерах в пойме Нижнего Дона и в его дельте, в пойме р. Сал (Семикаракорский и Дубовский р-ны), по всему Западному Манычу, на Беглицкой косе на северном берегу Азовского моря, на прудах рыбхоза у стан. Митякинской на Сев. Донце в Тарасовском р-не (Белик, 1999, 2001, 2004а; Белик и др., 2001; и др.). Но на Среднем Дону эти поганки оказались редки и встречены лишь однажды 04.05.1998 на лимане Кривица близ стан. Казанской (Белик, 2005).

В Нижнем Поволжье серощекая поганка ранее рассматривалась как редкая или малочисленная птица (Кубанцев, Чернобай, 1982), а позже указана как обычный гнездящийся вид, распространенный по всему региону (Чернобай, 2000а, 2004а). В действительности же она обычна и даже многочисленна только на юге Волгоградской обл., особенно на опресненных, заросших Сарпинских озерах (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Яковлев, 1972, 2015; Лорец, 1928), но на северо-западе области она малочисленна, а в сухом Заволжье фактически отсутствует (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1937; Юдин, 1952; Линдеман и др., 2005).

На правобережье Волги эту поганку находили на пойменных озерах по Иловле, Медведице, Хопру (Богданов, 1871). В 1938 г. отдельные пары гнездились на степных озерах в районе Хоперского заповедника (Измайлов, 1940). Гнездование серощекой поганки указано также для Новоаннинского рыбхоза (Чернобай, 1986). Нами выводок наблюдался 18.06.2008 на оз. Кочкарном у с. Солодча в пойме р. Иловля, одна птица отмечена 16.04.2011 на пойменном озере у стан. Слащевской в низовьях Хопра, а в 1999 и 2008 гг. эти поганки найдены на заросших озерах среди Арчединских песков.

В Волго-Ахтубинской пойме серощекая поганка гнездится по глубоким озерам с густой земноводной растительностью. Обычна она также на больших, глубоких, заросших ильменях в западном ильменно-бугровом районе в Астраханской обл. В дельте Волги заметный рост и восстановление численности серощекой поганки наблюдали в 70-80-е годы XX в. в период низкого стояния уровня моря, когда култуки отшнуровались от взморья и превратились в ильмени с куртинно-кулисными зарослями рогоза и тростника. Но в 80-90-е годы, с подъемом уровня Каспия, условия гнездования серощеких поганок в нижней части дельты вновь ухудшились (Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

Зимуют эти поганки на западном побережье Каспия, куда из Западной Сибири прилетает до 500-600 особей, а также на западном побережье Черного моря (Миграции …, 1978; Казаков и др., 2004). Но на Черноморском побережье Кавказа серощекие поганки на миграциях и зимовке встречаются сравнительно редко (Винокуров и др., 1960; Волчанецкий и др., 1962; Строков, 1974; Резанов, 2002; Тильба, 2007, 2017а; Динкевич и др., 2007; Отчет …, 2012; Белик, 2015; Humphrey, 2019). Редко они остаются на зиму и в Предкавказье (Хохлов и др., 2001; Казаков и др., 2004). Мигрируют эти поганки, по-видимому, ночью, и их пролет визуально не прослеживается. Изредка они залетают при этом в высокогорья Кавказа, где 5 птиц встречены в конце июля

1930 г. на озерце в верховьях Малой Лабы (Туров, 1932).

Местообитания. Эта поганка характерна для стоячих, густо заросших равнинных водоемов средней глубины, покрытых куртинными зарослями тростника, рогоза или камыша с небольшими плёсами между ними. На глубоких водоемах с прибрежными бордюрными зарослями тростника – на русловых и балочных прудах – она встречается редко. Избегает также мелководных, заболоченных озер. Обычна в плавнях и на лиманах, местами – на пойменных озерах и наливных прудах рыбхозов. Гнездится обычно отдельными парами среди негустых зарослей, часто – вблизи гнезд лысух, под их защитой. У гнезд весьма осторожна и скрытна.

Численность. Европейская популяция оценивается в 27,7-47,9 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 13-15 до 12-25 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России численность составляет около 10-15 тыс. пар, в том числе более 2,5 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а). Здесь серощекая поганка распространена на 52% территории, где ее специфичные местообитания занимают около 0,3% (Белик, 2000а), т.е. плотность населения птиц на них достигает в среднем 16 пар/км^2.

В характерных биотопах птицы обычны, а их популяции относительно стабильны (Белик и др., 2003). Обилие птиц на прудах рыбхозов в Волгоградской обл. составляло 14 ос./км^2 (Чернобай, 1986), а на рыбхозах в дельте Волги оно колебалось от 18,5 до 27,7 гнезд/км^2 (Маркузе, 1965). Но в Дагестане на озерах в низовье р. Акташ и на Аграханском заливе учитывали 9-20 гнезд на 10 км маршрута (Казаков и др., 2004).

Охранный статус. На юге России в организации особой охраны эта поганка не нуждается.

8. Поганка большая, чомга *Podiceps cristata* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов всей Южной России, частично зимующий на незамерзающих озерах и прудах Предкавказья и в массе прилетающий на зимовку на побережья Черного и Каспийского морей (Олейников и др., 1973; Ломадзе, 1982; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Вид недостаточно ясного зоогеографического генезиса, имеющий фрагментированный ареал на трех континентах, где обитают три разные формы. Наиболее широкое, дизъюнктивное распространение на юге Палеарктики позволяет предполагать за этим регионом метрополию данного вида и относить его к представителям лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа

фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 3 формы, распространенные в Африке (*P. c. infuscatus*), Австралии (*P. c. australis*) и Евразии, в том числе в России (*P. c. cristatus*) (Курочкин, 1982; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в Европе, Южной Азии, Африке и Австралии. На юге России обитает практически повсеместно на более или менее крупных заросших водоемах равнинной и предгорной части Предкавказья, а также в Калмыкии, Придонье и Поволжье.

Чомга обычна на равнинах и местами в предгорьях в бассейнах Кубани, Кумы и Терека – в Краснодарском крае, на Ставрополье, в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии (Бёме, 1926; Чунихин, 1962; Рашкевич, 1980; Ломадзе, 1982; Бичерев, Хохлов, 1985; Точиев, Гизатулин, 1987; Хохлов, 1993; Комаров, Липкович, 2000; Казаков и др., 2004; Караваев, 2004; Перевозов, 2014; Белик, Федосов, 2017; Белик, 2019; и др.).

В Дагестане она гнездится преимущественно на крупных водоемах: на Аграханском и Кизлярском заливах, в дельтах Терека и Сулака, на Ачикольской и Каракольской системах озер. Но в связи с осушением и обсыханием водоемов в низовьях Терека и на Аграханском заливе численность чомги в Дагестане в последнее время уменьшилась (Бёме, 1925; Туров, Красовский, 1934; Джамирзоев и др., 2004; Казаков и др., 2004; Сыроечковский, 2005). Сравнительно недавно гнездовья чомги появились на озерах в устьях рек на Черноморском побережье Кавказа в Абхазии, однако в устье р. Мзымта на Имеретинской низменности возле Адлера их еще нет (Белик, 2015; Тильба, 2017а).

Чомга широко распространена на реках, озерах и прудах по всей Ростовской обл. к северу вплоть до Среднего Дона, а также на водоемах Приазовья и Западного Маныча (Сарандинаки, 1909; Лерхе, 1940; Петров, Миноранский, 1962; Ломадзе, 1973, 1982; Олейников и др., 1973; Белик, 1999, 2004а, 2005; Белик и др., 2001, 2012; Казаков и др., 2004; и др.).

В Волгоградской обл. чомга считается обычным или многочисленным гнездящимся видом всего региона (Чернобай, 2000а, 2004а). Наиболее обычна она на юге – на Сарпинских озерах и в Волго-Ахтубинской пойме (Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Чернобай, 2004б), реже встречается на севере области. Причем в 2008-2011 гг. этих птиц не оказалось на многих озерах в пойме Среднего Дона и Медведицы, редки они были также в пойме Хопра и его притока р. Бузулук и совершенно отсутствовали на прудах по степным рекам и балкам в междуречье Медведицы и Хопра, где нами было обследовано более 10 больших водоемов. Лишь на степных лиманах на верхних террасах

Хопра у границы с Воронежской обл. были найдены их выводки.

В Заволжье чомги гнездятся на р. Еруслан и ее притоках (Торгун, Куба и др.), а также на прудах у Эльтона, в том числе на Финогеновом пруду среди безводной полупустыни, на прудах рыбхозов вдоль Волги и прудах-отстойниках у г. Волжского, но здесь численность птиц в целом невелика. В Астраханской обл. чомга является многочисленным видом в дельте Волги и на подстепных ильменях (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Обычна на Сарпинских озерах, на заросших озерах по долине Маныча и в низовьях Кумы в Калмыкии (Кривенко, Кривоносов, 1977; Демьянова, 1987; Близнюк, 2004; и др.).

Чомга в значительном числе зимует на Черном и Каспийском, реже – на Азовском море и на внутренних водоемах по югу Предкавказья. В отдельные зимы встречается в низовьях Дона и Волги. На Каспии у берегов Дагестана собирается до 800 особей (Казаков и др., 2004). На побережье Черного моря между Анапой, Сочи и Сухумом отдельные зимние скопления насчитывают местами по 3-30 тыс. особей, но из-за бескормицы птицы здесь очень сильно худеют (Бернацкий, 1958; Строков, 1974; Резанов, 2002; Лохман, Быхалова, 2012; Отчет …, 2012; Тильба, Филиппов, 2018).

В районе Пицунды в Абхазии с середины февраля чомги стаями, иногда до 200 особей, плывут вдоль берега на северо-запад (Бернацкий, 1958). Массовая миграция наблюдалась там 11.04.2013, когда вечером за 5 мин. были учтены 18 стай по 5–50 особей (всего около 400 птиц), летевших на северо-запад в 1 км от берега (Белик, 2015). Обычно же пролет поганок идет ночью и визуально не прослеживается. На Черноморском побережье Кавказа, судя по данным кольцевания, зимуют чомги как из Прибалтики, так и из Поволжья, в том числе из дельты Волги. На Каспийские же зимовки прилетают, возможно, птицы из Западной Сибири (Миграции …, 1978). Во время миграций они нередко залетают в высокогорья Кавказа (Казаков и др., 2004; Комаров, 2006; Караваев и др., 2015; Караваев, 2021).

Местообитания. Чомга характерна для относительно глубоких, слабопроточных равнинных водоемов с прибрежными и куртинными зарослями тростника или рогоза и с более или менее обширными открытыми плёсами. Экологически она весьма пластична и гнездится на различных пойменных и степных озерах, на прудах по небольшим степным рекам и балкам, наливных прудах рыбхозов и прудах-отстойниках, на лиманах, ильменях, в плавнях. Селится обычно одиночными парами, иногда – разреженными группами или рыхлыми поселениями до 10-40-100 пар, располагающимися нередко в колониях

озерных чаек или болотных крачек, или рядом с гнездами лысух, активно защищающих свои гнездовые участки от хищников. Плавающие гнезда делает обычно на окраине зарослей, среди редкой поросли тростника или рогоза, иногда – совершенно открыто.

Численность. Европейская популяция составляет 330-498 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 100-150 до 130-170 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в начале XXI в. численность оценивалась в 25-50 тыс. пар, в том числе около 30 тыс. пар обитало в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а). При этом в степном Придонье чомга распространена на 96% территории, где ее специфичные местообитания занимают около 1,0% (Белик, 2000а), т.е. плотность населения птиц на них составляет в среднем 31 пару/км^2.

Популяция чомги на юге России сейчас в целом относительно стабильна, но на Хопре в маловодные и многоводные годы могут наблюдаться 3-кратные колебания численности (Завьялов и др., 2005). А в дельте Волги в последние десятилетия численность чомги резко сократилась в связи с подъемом уровня Каспия (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Резкое сокращение популяции произошло там и в начале XX в. из-за массового промысла птиц на шкурки (Бостанжогло, 1911). Так, весной 1912 г. в дельте за неделю работ было встречено всего несколько одиночных особей (Огнев, 1913), но в 1930-е годы чомга восстановила там свою численность, а в середине XX в. стала фоновым видом (Воробьев, 1936; Луговой, 1963).

На рыбхозах в дельте Волги тогда находили в среднем 0,7-3,0 гнезд/км^2 (Маркузе, 1965), на взморье в 60-80-е годы XX в. гнездилось до 40 пар/км^2, а в колониях по рогозовым куртинам иногда насчитывали более 30 гнезд/га (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Обилие птиц на прудах рыбхозов в Волгоградской обл. составляет в среднем 26 ос./км^2 (Чернобай, 1986), а на пресных лиманах у с. Новая Квасниковка в Старополтавском р-не в 1998-2002 гг. учитывали 42,1 ос./км^2 (Завьялов и др., 2005).

На прудах рыбхоза в Моздокском р-не Северной Осетии в 1986 г. на площади 113 га насчитали 6 гнездящихся пар; на рыборазводных прудах в Изобильненском р-не на Ставрополье в 1981-1983 гг. гнездились около 200-250 пар на 1600 га, а на одном из прудов при сплошном учете обнаружили 44 гнезда на 30 га тростниковых крепей, т.е. 147 гнезд/км^2. В послегнездовой же период на прудах Ахтарского рыбокомбината в Приазовье учитывали 50-60 особей на 8-10 га (Казаков и др., 2004).

Охранный статус. В организации особой охраны чомга не нуждается.

Отряд **Трубконосые** Procellariiformes
Семейство **Буревестниковые** Procellariidae

– Буревестник средиземноморский *Calonectris diomedea* (Scopoli, 1769)

Характер пребывания. Залетает к южному берегу Крыма и может быть встречен на Тамани в Краснодарском крае.

Зоогеографические связи. Очевидно, реликт Тетиса, но его более узкие зоогеографические связи требуют специального анализа.

Таксономия. Ранее в данный вид включали 3 подвида (Wolters, 1982), два из которых (*borealis*, *edwardsii*) распространены на островах в западной части Атлантики, однако сейчас их часто выделяют в отдельные виды (Snow, Perrins, 1998; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится на островах Средиземноморья от Испании до Эгейского моря. На кочевках лишь изредка залетает в Черное море (Нанкинов, 1990; Nankinov, 2001; Щеголев и др., 2016, с.182). Дважды этих птиц отмечали также в Крыму. Несколько крупных буревестников с серым верхом тела наблюдали 01.04.1943 над морем у горы Опук на юге Керченского полуострова (Frank, 1950, 1952), а 10.07. и 12.07.1983 две стаи этих буревестников из 90 и 180 особей встречены в море у Ялты и Алупки в Крыму (Krieg, 1991). Возможно, птиц этого же вида, отличавшихся от малого буревестника размерами и белым лбом, наблюдал в Севастополе также А. Нордман (Nordmann, 1840; Nankinov, 2001).

Местообитания. Гнездятся обычно колониями в нишах среди камней на прибрежных скалах и в норах на островах. Кладку из одного яйца насиживают 52-55 дней в течение мая-июня, а птенца выкармливают около 3 месяцев. В колониях ведут ночной образ жизни; в это время птицы у гнезд часто кричат. В поисках рыбы они широко кочуют стаями по Средиземному морю.

Численность. В Средиземном море всю популяцию оценивают в 30,5-48,1 тыс. пар, демонстрирующих сейчас негативные тренды (European birds …, 2017).

Охранный статус. В России не имеет охранного статуса.

9. Буревестник малый *Puffinus yelkouan* (Acerbi, 1827)

Характер пребывания. Кочующий вид, круглогодично встречающийся на акваториях Черного моря и изредка появляющийся на Азовском море, где залетает к северу вплоть до Таганрогского залива (Птушенко, 1915; Шарлемань, 1936; Голіцинський, 1937; Костюченко, 1952; Белик, 1992г, 2019; Тильба, Казаков, 2001; Nankinov, 2001; Казаков и др., 2004; Савицкий, 2013; Белик и др., 2016). Прежние указания о встречах буревестника на Каспийском море (Богданов, 1879)

считаются ошибочными (Бианки, 1913; Судиловская, 1951).

Зоогеографические связи. Очевидно, реликт Тетиса, но его более узкие зоогеографические связи требуют специального анализа.

Таксономия. Представления о внутривидовой структуре группы малых, или северных буревестников до сих пор окончательно не утвердились. В нее включают от 3 до 8 подвидов (Козлова, 1947; Судиловская, 1951; Cramp, Simmons, 1977; Шунтов, 1982; Wolters, 1982; Степанян, 2003), но сейчас некоторые из них выделены в самостоятельные виды. В одной из последних ревизий мировой фауны к данному виду отнесены 2 подвида, населяющие восточную (*P. y. yelkouan*) и западную (*P. y. mauretanicus*) части Средиземного моря (Dickinson, Remsen, 2013), но иногда и их разделяют на самостоятельные, слабо различающиеся виды (см.: Snow, Perrins, 1998; European birds …, 2017).

Мавританский буревестник отличается чуть более крупными размерами (крыло 235-256 против 224-244 мм; размах крыльев 83-93 против 73-88 см), сверху он более светлый, буроватый, имеет также буроватую перевязь на зобе и буровато-охристый налет на светлом брюхе и подкрыльях; на кочевках он обычно вылетает в Атлантику, где отмечается к северу до Балтийского моря (Cramp, Simmons, 1977; Snow, Perrins, 1998; Коблик, Архипов, 2014).

Русское книжное название «левантский буревестник», предложенное для данного вида в последнее время (см.: Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014), не имеет особых оснований, так как с Левантом этот буревестник никакими отношениями не связан.

Распространение. Гнездится на островах Средиземноморья, в основном в центральной и восточной части на Тирренском, Адриатическом, Ионическом и Эгейском морях. В 1963 г. одна пара гнездилась на небольшом острове у Болгарского побережья Черного моря (Cramp, Simmons, 1977; Нанкинов, 1990). Кочует в пределах Средиземного моря, но главным образом на более рыбном Черном море, реже залетает на Азовское море (Птушенко, 1915; Шарлемань, 1936; Голіцинський, 1937; Огульчанский, 1967; Смогоржевський, 1979; Костин, 1983; Белик, 1992г; Казаков и др., 2004; Савицкий, 2013; Raine et al., 2013). Массовые кочевки на Черном море приурочены в основном к осенне-зимнему периоду, когда у побережий Кавказа и Крыма скапливается на зимовку азовская и черноморская хамса (анчоус), служащая основой кормовой базы буревестника (Птушенко, 1939; Сальников, 1957; Бернацкий, 1958; Смогоржевський, 1979; Казаков и др., 2004).

Однако стаи холостых птиц, достигающих половозрелости на 5-6 году жизни (Cramp, Simmons, 1977), регулярно встречаются здесь и летом,

но держатся преимущественно на мелководьях у северо-западного побережья Черного моря, где летом кормится черноморская хамса (Щёголев и др., 2016), а также вдали от берегов против Анапы и Феодосии, появляясь у побережья обычно после сильных северных ветров, вызывающих апвеллинг и подход рыбы к берегу (Мензбир, 1925; Птушенко, 1939; Костюченко, 1952; Очаповский, 1967, 2017; Волчанецкий и др., 1962; Казаков, Белик, 1971; Тильба, Казаков, 2001; Казаков и др., 2004; Barabashin, 2006; Лохман, 1913; Савицкий, 2013; Белик, 2015).

Местообитания. Заселяет скалистые берега морей и высокие плоские острова, где гнездится колониями в нишах и щелях среди камней и скал, иногда в норах кроликов и др. Размножение начинается большей частью в апреле, единственное яйцо самка и самец попеременно насиживают около 2 месяцев, а птенца выкармливают более 2 месяцев. В колониях птицы ведут исключительно ночной образ жизни (Шунтов, 1982; Snow, Perrins, 1998). На Черном море в период кочевок буревестники перемещаются в поисках рыбы обычно в разных направлениях вдоль берега на удалении до 2-4 км от него, изредка приближаясь к самому берегу, но практически не залетая на внутренние водоемы (Птушенко, 1939; Костин, 1983; Нанкинов, 1990; Тильба, Казаков, 2001; Barabashin, 2006).

Зимой буревестники концентрируются близ берегов Кавказа в районах зимовки азовской хамсы, выходящей осенью через Керченский пролив и двигающейся в район Анапы – Новороссийска, реже к Сочи – Адлеру и в Абхазию, иногда в Грузию к Поти – Батуми. В теплые зимы хамса рассредоточивается вдоль побережья более широко, а до Грузии может не доходить вовсе; соответственно этому здесь размещаются и кочующие буревестники (Сальников, 1957). Зимой хамса держится днем очень плотными косяками на глубине более 40 м, и в это время буревестники ныряют за ней вглубь до 50-70 м (Бернацкий, 1958; Сальников, 1957). Ночью же косяки рыб поднимаются к поверхности и подходят на кормежку к берегу, но буревестники в темноте сидят на воде и не охотятся (Сальников, 1957; Савицкий, 2013).

Численность. В Средиземном море, по весьма приблизительным оценкам, предполагается гнездование около 19,4-31,2 тыс. пар, населяющих в основном акватории Италии (12,8-19,8 тыс. пар) и Греции (4,0-7,0 тыс. пар) (European birds …, 2017). На Черноморском побережье Кавказа в период летних кочевок птицы встречаются в одиночку и стаями от 5-10 до 50-500 и более особей, а зимой местами концентрируется до 1-5 тыс. птиц (Бернацкий, 1958; Савицкий, 2013; Попович, Семенова, 2018; Тильба, Филиппов, 2018). Однако в море против

Анапы и Феодосии в 50-60 км от берега летом формируются значительные скопления птиц, охотящихся на кильку (шпрот) и мерланга, и их стаи периодически залетают оттуда к ближайшим берегам (Костюченко, 1952; Barabashin, 2006; Савицкий, 2013). А в сентябре-ноябре, встречая мигрирующие на зимовку косяки азовской хамсы, у Керченского пролива могут собираться сотни тысяч буревестников (Костюченко, 1952).

Охранный статус. В России не имеет особого охранного статуса. На мировом уровне МСОП в 2012 г. перевел этот вид в статус уязвимого (Vulnerable). В 80-90-е годы XX в., по наблюдениям И.В. Щёголева (Щеголев и др., 2016), было отмечено значительное снижение численности буревестников, кочующих в Черном море. Это могло быть связано с вселением сюда американского гребневика *Mnemiopsis leidyi*, мощная вспышка численности которого привела к выеданию планктона, что подорвало кормовую базу хамсы, резко сократило ее запасы в морях и тем самым сказалось на кормовой базе буревестников.

Семейство **Качурковые** Hydrobatidae

10. Качурка прямохвостая *Hydrobates pelagicus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Черного и Азовского морей (Судиловская, 1951; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016; Лохман, 2017).

Зоогеографические связи. Пелагический вид, зоогеографические связи которого недостаточно изучены.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится на островах северо-восточной Атлантики и Средиземного моря. Очень редко залетает на Черное и Азовское моря, где птиц добывали 07.10.1911 в Таганрогском заливе у г. Мариуполя (Украина) и 30.10.1949 у пос. Лазаревское на побережье Кавказа (Судиловская, 1951; Шунтов, 1982), а также наблюдали в июле 1970 г. на болгарском побережье (Nankinov, 2001). Кроме того, одиночная птица встречена 15.08.2010 на Азовском море у берега Сазальницкой косы близ пос. Шабельское Щербиновского р-на Краснодарского края (Лохман, 2017). Качурка была сфотографирована, и позже по представленному фотоснимку эту находку утвердила Северокавказская орнитофаунистическая комиссия (Работа …, 2017).

Местообитания. Гнездится колониями в щелях и нишах между камнями на скалах или в норах на островах, где птицы активны только по ночам. Днем охотится, летая над самой водой и напоминая порханием летучих мышей. При этом птица всё время то взлетает над гребнями

волн, то опускается вниз между ними, касаясь опущенными лапами воды и склевывая с поверхности мелких планктонных животных (Козлова, 1947; Судиловская, 1951).

Численность. На Европейских побережьях Атлантики численность составляет 438-514 тыс. пар, в том числе более 10-13 тыс. пар в Средиземном море, но на востоке ареала, в Эгейском море, гнездится всего 10-30 пар (Snow, Perrins, 1998; European birds …, 2017). На Черное и Азовское море залетают единичные особи.

Охранный статус. В России не имеет особого охранного статуса.

Отряд **Веслоногие** Pelecaniformes

Семейство **Фрегатовые** Fregatidae

– Фрегат великолепный *Fregata magnificens* Mathews, 1914 – sp.?

Характер пребывания. Отмечался в Азовском море у берегов Крыма (Snow, Perrins, 1998), может случайно залетать также на побережье Черного моря в Краснодарском крае.

Зоогеографические связи. Пелагический вид Неотропического генезиса.

Таксономия. Монотипический вид, иногда делится на три подвида (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится на побережьях и островах в Центральной и Южной Америке, а также в Атлантике у берегов Африки. Залеты отмечались на побережья Западной Европы, на Баренцево и Белое море, а в 1980-е годы птица была замечена в Азовском море у мыса Казантип на Керченском полуострове (Snow, Perrins, 1998). Из-за сложности с идентификацией фрегатов (*F. ariel*, *F. minor*) в полевых условиях при их значительном внешнем сходстве, точная видовая принадлежность наблюдавшейся птицы осталась не установлена. Но исходя из зоогеографических соображений, на Черном и Азовском море наиболее вероятен залет *F. magnificens*, который кочует в Атлантике.

Местообитания. Гнездится обычно в мангровых зарослях или кустарниках на берегах морей, а кормится в море, подолгу паря в небе или очень быстро летая над водой и добывая летучих рыб и выскакивающих из воды мелких кальмаров. Часто отбивает добычу у других морских птиц.

Численность. В Атлантике на островах Зеленого мыса (Кабо-Верде) гнездится не более 5 пар. На побережьях Европы крайне редок, попадая сюда обычно при западных штормовых ветрах (Snow, Perrins, 1998).

Охранный статус. В России не имеет охранного статуса.

Семейство **Пеликановые** Pelecanidae

11. **Пеликан розовый** *Pelecanus onocrotalus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный и случайно зимующий вид, обитающий на водоемах Манычской долины (Белик, 2004а; Казаков и др., 2004; Мацына, 2011), а в прошлом гнездившийся также в дельтах Волги и Терека и заселявший, по-видимому, острова и косы в Восточном Приазовье (Казаков и др., 2004; Белик и др., 2012). В других равнинных регионах Южной России эти птицы появляются на периодических кочевках или изредка, случайно встречаются залетные особи (Белик и др., 2016), долетающие до Воронежской и Саратовской обл. и далее к северу (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Завьялов и др., 2005; и др.).

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Обитает в Причерноморье, Предкавказье и Прикаспии, в Центральной и Южной Азии, а также в Центральной Африке (Судиловская, 1951; Степанян, 2003; Мацына, 2011). На юге России в настоящее время регулярно гнездится только на водоёмах Манычской долины: в Ростовской обл., в Калмыкии и Ставропольском крае – на островах оз. Маныч-Гудило, нерегулярно – на Чограйском водохранилище. В прошлом гнездовья были известны в дельте Волги, а также в дельтах Терека и Сулака в Дагестане (Луговой, 1963; Сапетин, 1968; Кривоносов, Бондарев, 1978; Русанов, 1997, 2004, 2011; Казаков и др., 2004; Сыроечковский, 2005; Реуцкий, 2014). В дельте Терека птицы обитали в 1960-1961 гг., когда там в двух колониях окольцевали 106 молодых птиц (Сапетин, 1968), и встречались до 1983 г. (Комаров, 1985), а в дельте Волги гнездились до 1980 г., когда в колонии кудрявых пеликанов были найдены 2 гнезда розовых (Реуцкий, 2014).

Кроме того, в конце XIX - начале XX века розовый пеликан в большом числе держался на Азовском море, где гнездился на Кривой и Белосарайской косах (Боровиков, 1907) и встречался в дельте и низовьях Дона (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Лерхе, 1940; Белик и др., 2012), но сведения о его гнездовых колониях на островах Восточного Приазовья нередко вызывали сомнения (Судиловская, 1951; Очаповский, 1971; Белик, Динкевич, 2004). Данные же о недавних находках гнездовий в дельте Кубани и на лиманах Тамани (Емтыль и др., 2003; Казаков и др., 2004) оказались ошибочными, хотя в последние годы в Восточном Приазовье летом вновь регулярно появляются большие стаи холостых розовых пеликанов (Гожко, Лохман, 2017; Лохман, Гожко, 2017).

Постоянные гнездовья розового пеликана на юге России известны на

Пролетарском водохранилище (река Западный Маныч). Впервые они обнаружены там в 1953 г. в его центральной части (оз. Маныч-Гудило) вскоре после заполнения водохранилища, появления многочисленных островов и размножения пресноводных рыб (Шехов, 1956). Основным местом гнездования там и сейчас являются острова в центральной части этого водоема (Языкова, 1970; Языкова, Казаков, 1975; Кривенко, 1981; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004). Но на Западном Маныче розовые пеликаны держались также и в начале XX в., и там в апреле-мае по утрам ежедневно наблюдали их стаи до 400 особей, прилетавших на рыбные лиманы на кормежку (Белик и др., 2012)*.

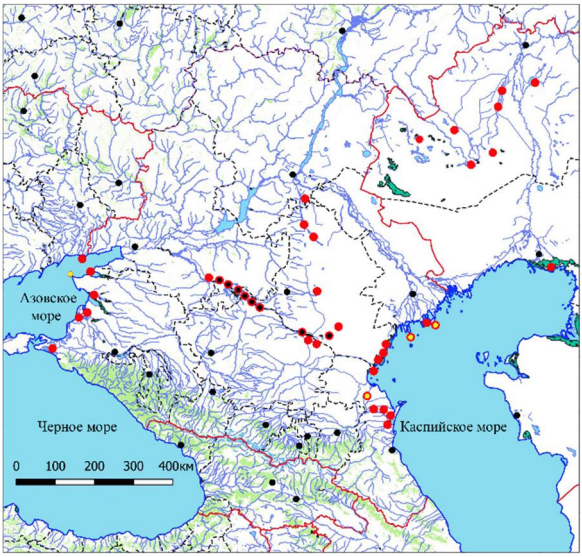


Рис. 9. Известные места гнездования кудрявого пеликана на юге России и Украины и в Западном Казахстане (красные пуансоны). Черными точками показаны рецентные, а желтыми – исчезнувшие колонии розового пеликана

Зимует розовый пеликан в Южной Азии, в том числе на юге Каспия, куда мигрирует обычно вдоль долины Маныча и морских побережий (Миграции …, 1978; Мацына, 2011; Джамирзоев и др., 2013). В Южной России зимой встречается редко, случайно: 10.02.1924 добыт в низовьях Сев. Донца в Ростовской обл. и 17.12.2012 отмечен в устье р. Самур на юге Дагестана (Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2013).

* Более подробный обзор распространения и численности пеликанов на юге России в конце XX в. приведен в специальных работах (Kazakov et al., 1994; Khokhlov, Melgunov, 1994; Krivonosov et al., 1994; Linkov, 1994).

Местообитания. Заселяет в основном открытые, безлюдные острова на обширных водоемах, формируя обычно очень плотные гнездовые колонии. Гнезда в виде неглубоких лунок устраивает на земле или на плотных тростниковых плотах-завалах на мелководье. Кормится преимущественно крупной рыбой, за которой может летать на зарыбленные водоемы за десятки километров от гнездовий. Дальние кормовые миграции птицы совершают днем, поднимаясь в термиках на большую высоту, а в гнездовые колонии возвращаются на следующий день (Аношин, Скуратов, 2019; Аношин, Рожков, 2020).

Численность. В дельте Волги в конце XIX – начале XX в. розовый пеликан был редок (Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Воробьев, 1936), но в 1930-е годы, после глубокой депрессии, численность пеликанов там начала расти, причем особенно много стало розовых (Ромашова, 1938; Romashova, 1994; Русанов, 1997, 2011). В 1940-х годах в колониях пеликанов на территории Астраханского заповедника учитывали до 1,5 тыс. гнезд (Русанов, 1997), а в 1953 г. на взморье отмечали скопления до 1000 пеликанов, при этом более 90% из них составляли розовые (Сыроечковский, 2005; Реуцкий, 2014). Однако уже в 1955 г. в Астраханском заповеднике было учтено всего 20 гнездившихся пар, а в дальнейшем гнезда 7 и 2 пар розовых пеликанов отмечены там лишь дважды в 1963 и 1980 гг. (Луговой, 1963; Русанов, 2004, 2011; Реуцкий, 2014). Рост численности розовых пеликанов на севере Каспия в середине XX в. был связан, вероятно, с быстрым падением уровня моря и появлением многочисленных открытых островов и кос, но после зарастания островов и прибрежных мелководий макрофитами условия для гнездования этого вида там значительно ухудшились (Кривоносов, Бондарев, 1978).

Популяция розового пеликана на оз. Маныч-Гудило после заселения увеличилась к 1996-1997 гг. почти до 400 пар и практически все они сконцентрировались в единственной колонии в Калмыкии на заповедном острове Птичий (Кукиш, 1997; Букреева, Шахно, 1998; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004). Всего в Калмыкии в начале XXI в. гнездилось от 365-420 до 800-900 пар (Цапко и др., 2009; Бадмаев, 2013); в Ростовской обл. в колонии на одном из островов оз. Маныч-Гудило в 2005 г. учтено 49 гнезд, но затем 4 года птиц там не было, а в 2010 г. вновь загнездилось более 250 пар (Липкович, Брагин, 2012). На Ставрополье на водоемах в долине Маныча в разные годы гнездится до 100 пар, а в послегнездовое время там учитывают 400-500 особей (Хохлов, Ильюх, 2013).

Летом на Маныче держится, кроме того, несколько сотен неполовозре-

лых птиц (Белик, 2004а). В мае-сентябре 2012-2018 гг. скопления холостых розовых пеликанов численностью до 250-550 особей регулярно собирались на прудах-отстойниках на севере Сарпинской низменности у южной окраины Волгограда, а в августе 2012 г. в этих скоплениях было около 10% молодых птиц (Белик и др., 2013). С 2008 г. скопления розовых пеликанов стали отмечаться на оз. Ханское в Восточном Приазовье, а в 2016 г. там учитывали уже до 300-600 особей (Гожко, Лохман, 2017; Лохман, Гожко, 2017), что связано, возможно, с расселением на восток быстро увеличивающей численность дунайской популяции (Жмуд, 2000, 2009).

Вся европейская популяция оценивается в 4,9-5,6 тыс. пар, а для Европейской России указывают от 400-500 до 500-1000 пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Однако сейчас на юге России гнездится около 600-700 пар. Судя по наблюдениям в дельте Дуная, в локальных популяциях насчитывается примерно столько же холостых неполовозрелых птиц (Жмуд, 2000).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как вид, находящийся под угрозой исчезновения (1 категория), что для него сейчас не вполне корректно. Занесен в Красные книги Астраханской и Ростовской обл., Краснодарского и Ставропольского краев и Чечни (1 категория), а также Волгоградской обл., Калмыкии и Дагестана (3 категория). Гнездовая популяция на юге России сейчас относительно стабильна (Белик, 2014а).

Значительные флуктуации численности, отмечавшиеся здесь в прошлом, могли быть связаны с массовым отстрелом пеликанов на шкурки в начале XX в. (Русанов, 2004; Белик и др., 2012), а также с интоксикацией пестицидами, применявшимися в начале XX в. в дельтах южных рек для борьбы с азиатской саранчой (Белик, 1997, 2000а), с изменением природных условий на путях миграций или в районах зимовок (Сыроечковский, 2005), наконец, с гидрологическим состоянием водоемов и островов в местах гнездования (Кривоносов, Бондарев, 1978). Колонии пеликанов весьма уязвимы к фактору беспокойства, и их посещение в период насиживания кладок может приводить к гибели гнездовий, однако сейчас основные крупные колонии этих птиц охраняются в заповедниках.

12. Пеликан кудрявый *Pelecanus crispus* Bruch, 1832

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид всех равнинных регионов Южной России, изредка залетающий в предгорья Северного Кавказа (Русанов, 1997, 2004; Белик, 2004а; Бе-

лик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2013, 2016; Джамирзоев, Букреев, 2009).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в области Древнего Средиземья от Балкан до Тибета (Судиловская, 1951; Степанян, 2003; Мацына, Мацына, 2011). На юге России обитает в дельтах Волги, Терека и Кубани, а в прошлом гнездился и в низовьях Дона, залетая вверх по Дону до г. Павловск и Острогожск в Воронежской обл. (Гмелин, 1771, с.183-185; Кондратьев, 1885, 2004; Мензбир, 1918; Лерхе, 1940; Кириков, 1959). Кроме того, в настоящее время пеликаны постоянно размножаются на островах оз. Маныч-Гудило на Пролетарском водохранилище Западного Маныча и нерегулярно – на Чограйском водохранилище Восточного Маныча, а также на внутренних озерах Калмыкии, на Сарпинских водоемах на юге Волгоградской обл., на востоке Ставрополья, в Восточном Приазовье и на Тамани в Краснодарском крае (Kazakov et al., 1994; Khokhlov, Melgunov, 1994; Linkov, 1994; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004; Бадмаев, 2013; Хохлов, Ильюх, 2013; Лохман, 2017).

В Краснодарском крае небольшие колонии кудрявого пеликана впервые были найдены в 1953 г. в дельте Кубани (Винокуров, 1960; Очаповский, 1971, 2017). К концу XX в. численность птиц там увеличилась, они стали расселяться по Восточному Приазовью и их гнездовья появились также на оз. Ханское у Бейсугского лимана, на островах Ейского лимана и на Кизилташских лиманах на Тамани (Емтыль и др., 1989, 2003, 2005; Динкевич и др., 1999; Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004; Лохман, 2017). В связи с ростом численности азовской популяции, в 2008-2009 гг. кудрявые пеликаны заселили также Кривую косу в Донецкой обл. Украины на северном побережье Азовского моря (Молодан, 2017), стали появляться в дельте Дона и на Миусском лимане в Ростовской обл. (Белик, Динкевич, 2004).

На Западном Маныче кудрявые пеликаны начали регулярно гнездиться на многочисленных островах оз. Маныч-Гудило с 1953 г., вскоре после заполнения Пролетарского водохранилища; кроме того, их колонии эпизодически отмечались на оз. Казинка к западу от оз. Маныч-Гудило (Огарев, 1954; Шехов, 1956; Петров, Миноранский, 1962; Языкова, 1970; Языкова, Казаков, 1975; Кривенко, 1981; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004; Динкевич, 2014). На Восточном Маныче эти пеликаны с 1970-х годов периодически гнездятся на Чограйском водохранилище, а также на оз. Сага-Бирючья и Дадынское в Ставропольском крае, на оз. Деед-Хулсун, на Состинских и Меклетинских озерах

и в ряде других мест на юге Калмыкии (Кривенко, Любаев, 1981; Хохлов, 1993; Букреева, Шахно, 1998; Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Бадмаев, 2013). Кроме того, в 1989 г. три колонии общей численностью около 120 гнезд были обнаружены на тростниковых сплавинах на побережье Каспия между устьем Кумы и г. Лагань в Калмыкии (Кукиш, 1990; Казаков и др., 2004).

В середине XIX в. кудрявый пеликан был многочислен на Сарпинских озерах (Moeschler, 1853). Там на оз. Ханата и Цаган-Нур (Сарпа) в 1858 г. было найдено несколько колоний, а стаи птиц наблюдались по всей Нижней Волге от Царицына до Каспия (Artzibascheff, 1859, 2015). Пеликаны гнездятся в Калмыкии на Сарпинских озерах и в настоящее время (Бадмаев, 2013). О гнездовании кудрявых пеликанов в «Калмыцких степях» у Сарепты в начале XX в. писал также В.Ф. Лорец (1928). Там же их небольшое поселение было обнаружено и в 2012 г. на прудах-отстойниках у южной окраины Волгограда (Белик и др., 2013; Чернобай, 2017).

По сведениям М.Н. Богданова (1871), во второй половине XIX в. кудрявые пеликаны поднимались по долине Волги далеко на север, гнездясь у Самары, а также в низовьях р. Камы (у г. Чистополь), а в XVIII в. даже в низовьях р. Суры (Кириков, 1959). В начале XIX в. пеликаны обитали, возможно, и на озерах Заволжья. В «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии» (1804) сообщалось, что «по степным займищам близ Эльтонского озера, где есть большие мочажины, водятся бакланы и пеликаны» (цит. по: Динесман, 1960, с.115). Но к началу XX в. пеликаны сохранились в основном в дельте Волги (Воробьев, 1936; Судиловская, 1951).

В XIX в. пеликаны заселяли всю дельту Волги, однако постепенно были оттеснены от Астрахани на взморье, а в 1920-е годы, по-видимому, их гнездовий практически не осталось и там (Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Огнев, 1913; Воробьев, 1936; Сыроечковский, 2005). Вновь их колонии были обнаружены в 1930 г. на Дамчикском (40 жилых гнезд) и Обжоровском (12 брошенных гнезд) участках Астраханского заповедника, после чего число и размещение гнездовий и количество птиц в дельте постоянно менялись в связи с колебаниями уровня моря и динамикой растительности в култучной зоне и авандельте (Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Русанов, 1997, 2004, 2011; Реуцкий, 2014). До начала 1990-х годов в дельте Волги отмечали по 2-5, чаще по 3 колонии ежегодно, а в 2012 г. на взморье были известны 4 колонии (Русанов, 1997; Русанов и др., 2012).

В Дагестане кудрявые пеликаны регулярно гнездятся на озерах в дельте Терека и на Аграханском заливе (Пишванов, 1975; Бондарев, 1977;

Прилуцкая, Пишванов, 1989; Казаков и др., 2004). В настоящее время их колонии известны также по окраинам тростниковых массивов в Кизлярском заливе и на Кизикейских озёрах в низовьях Кумы (Джамирзоев, Букреев, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

Зимуют кудрявые пеликаны в основном в Южной Азии, в том числе на юге Каспия, куда из дельты Волги и Дагестана мигрируют вдоль западного побережья моря (Миграции …, 1978; Мацына, Мацына, 2011; Джамирзоев и др., 2013). В конце XX в. в связи с потеплением климата массовые зимовки стали формироваться и в Дагестане, но при резких похолоданиях там может погибать до 15-20% зимующих птиц (Прилуцкая, Пишванов, 1989; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2013). В теплые зимы пеликаны остаются также в дельте Волги (Русанов, 2011), а иногда и у Волгограда (Чернобай, 2017).

Часть манычских кудрявых пеликанов, по данным кольцевания, зимует на Каспии от Дагестана до Ирана (Бадмаев, Сангаджиева, 2012), а часть улетает на Азовское и Черное моря (Лохман, 2017). В последние десятилетия зимние скопления пеликанов стали отмечать в Восточном Приазовье, на Кизилташском и Витязевском лиманах Тамани, в Новороссийской бухте, а также у Адлера, Пицунды и в других районах, откуда они смещаются к югу при сильных похолоданиях (Казаков и др., 2004; Тильба, 2006, 2007; Динкевич, 2007; Перевозов, 2014; Белик, 2015; Лохман, 2017; Попович, Семенова, 2018). Случайно пеликаны встречаются зимой в Северной Осетии, а также на Маныче (Хохлов, 1993; Казаков и др., 2004), иногда кормясь там мясными отходами на свалках (Бадмаев, Сангаджиева, 2012). При перекочевках из-за резких похолоданий эти птицы могут залетать в высокогорья, где погибший пеликан был найден в феврале 1936 г. (Аверин, Насимович, 1936; Казаков и др., 2004).

Местообитания. Гнездится плотными колониями численностью до 100 пар, чаще – по 5-15 пар, иногда – группами по 2-3 гнезда, заселяя как изолированные илистые, песчаные или травянистые острова, так и тростниковые крепи на плёсах среди озер и плавней. Гнезда делает на земле или тростниковых сплавинах в виде мощных, высоких платформ из сухих стеблей травы и другой ветоши, а в тростниках на заломах устраивает гнезда до 80-140 см высотой, выстилая их сухими водорослями и травой. Кормится крупной и мелкой рыбой, иногда улетая далеко от колоний.

Численность. Европейская популяция оценивается в 3,0-3,6 тыс. пар, для юга же Европейской России в начале XXI в. указывали всего 350-450 пар, через 10 лет – 1000-1200, а сейчас – 1000-3000 пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а, 2014а; European birds …, 2017; Атлас …,

2020). Но по данным региональных Красных книг, общая численность кудрявых пеликанов на юге России составляет около 1000-1600 пар, в том числе 110-120 пар гнездится в Краснодарском крае (Лохман, 2017), до 200 пар на Ставрополье (Хохлов, Ильюх, 2013), от 10 до 50 пар в Ростовской обл. (Динкевич, 2014), от 150-200 до 200-205 пар в Калмыкии (Цапко и др., 2009; Бадмаев, 2013), от 50 до 600 пар в разные годы в Дагестане (Джамирзоев и др., 2013, 2017), 410 гнездящихся пар было учтено в 2012 г. в дельте Волги (Русанов и др., 2012), несколько десятков пар размножается на Сарпинских прудах-отстойниках в Волгоградской обл. (Белик и др., 2013; Чернобай, 2017; наши данные).

О прежней численности пеликанов на Волге в XVIII в. косвенно свидетельствуют данные С.Г. Гмелина (1777, с.50), наблюдавшего пролет этих птиц в конце сентября 1769 г. (**ст.ст.**) ниже Царицына (Волгограда), где их многосотенные стаи летели на зимовку в течение нескольких дней. В дельте же Волги в период с 1974 по 1990 г. гнездилось от 25 до 242 пар кудрявых пеликанов, в 1990-е годы их численность колебалась от 50 до 150 пар (Русанов, 1997, 2004), в 2005-2009 гг. число пеликанов выросло там с 170 до 478 пар (Гаврилов, 2009).

Кроме гнездовых птиц, во многих районах летом держатся также стаи холостых, неполовозрелых пеликанов. В дельте Волги в 1970-е годы их численность достигала 2,5-4,5 тыс. особей, оставаясь на том же уровне и в 1980-е годы (Кривоносов, Бондарев, 1978; Русанов, 1997). На Ставрополье в долине Маныча насчитывали до 600 кочующих птиц (Хохлов, Ильюх, 2013). У южной окраины Волгограда на прудах-отстойниках на севере Сарпинской низменности в начале XXI в. летом постоянно держалось 50-150 особей, а к августу там собиралось до 300-600 птиц, в том числе около 10-20% составлял молодняк (Белик и др., 2013). На зимовку в Дагестане в последние годы остается иногда до 7,5 тыс. птиц, а в Краснодарском крае зимуют стаи в десятки и сотни особей (Джамирзоев и др., 2017; Лохман, 2017).

Охранный статус. Был включен в Красную книгу России (2001) как сокращающийся в численности вид (2 категория), но в ее новом издании переводится в 3 категорию редкости (Приказ …, 2020). Занесен в Красные книги Краснодарского края (1 категория), Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл., Ставропольского края, Чечни и Дагестана (2 категория) и Калмыкии (3 категория). На юге России гнездовая численность сейчас постепенно увеличивается (Белик, 2014а). В дельте Волги для пеликанов издавна устраивают искусственные плоты из сухих стеблей тростника, на которых птицы размещают свои колонии (Дубинин, 1953; Луговой, 1963; Русанов, 2004).

Нередко страдает от браконьеров, но основным лимитирующим фактором является беспокойство птиц в колониях в период насиживания кладок, поскольку посещение гнездовий людьми или хищниками может приводить к их полной гибели. Однако сейчас основные крупные колонии пеликанов находятся под охраной в заповедниках. Исчезновение пеликанов и некоторых других околоводных птиц, наблюдавшееся в начале XX в. по всему югу России, могло быть связано также, возможно, с их интоксикацией пестицидами, распылявшимися над поймами рек для борьбы с азиатской саранчой, которая размножается в речных плавнях (Белик, 1997, 2000а).

Семейство **Бакланoвые** Phalacrocoracidae

13. Баклан большой *Phalacrocorax carbo* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, на юге – частично оседлый вид равнинных регионов почти всей Южной России, кроме Кабардино-Балкарии, Чечни и Ингушетии, где отмечается пока только на кочевках (Чернобай, 2002; Белик, 2004а; Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Предположительно тропический вид Афро-Ориентального генезиса.

Таксономия. Включает 6-7 подвидов, из которых номинативный *Ph. c. carbo* населяет морские побережья Европы и Америки в Северной Атлантике к востоку вплоть до Кольского полуострова, а на юге Евразии, в том числе на внутренних водоемах Южной России обитает *Ph. c. sinensis* (Судиловская, 1951; Степанян, 2003; Луговой, 2011; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится на внутренних водоемах по югу Евразии, в Африке и Австралии, а также на морских побережьях Северной Атлантики (Судиловская, 1951; Степанян, 2003; Луговой, 2011). На юге России обитает на равнинных водоемах в бассейнах Волги, Дона, Кубани, Кумы и Терека, а также на морских побережьях Азовского и Каспийского морей. На горных водоемах Северного Кавказа изредка встречаются залетные птицы. По югу региона на побережьях Черного, Азовского и Каспийского морей – обычный зимующий вид; в теплые зимы встречается местами также на незамерзающих внутренних водоемах к северу до низовий Дона и дельты Волги (Маркитан и др., 2010; Русанов, 2011).

В XVIII – XIX вв. большой баклан был обычен на Нижней и Средней Волге, гнездясь в небольшом числе вплоть до Самарской Луки, Симбирска (Ульяновска) и даже до низовий р. Суры (Богданов, 1871; Кириков, 1959). Имеются сведения о встречах бакланов в конце XVIII в.

также близ г. Петровска в самых верховьях Медведицы (Кириков, 1959). На Сарпинских озерах они были обычны в середине XIX в. (Artzibascheff, 1859, 2015), а в начале XX в. гнездились также на Сарпинском острове среди Волги против Сарепты (Лорец, 1928). Еще одна колония была известна тогда в 40 км ниже с. Черный Яр на севере Астраханской обл. (Kracht, 1919, 2014). В первой половине XX в. бакланы изредка еще встречались на Средней Волге у с. Черебаево Старополтавского р-на, где одна птица была добыта в сентябре 1933 г., иногда залетали тогда даже к Саратову (Барабаш, Козловский, 1941).

В XVIII в. бакланы гнездились и на Дону, поднимаясь вверх до устья р. Курман (Курмоярский Аксай) в Волгоградской обл. (Гмелин, 1771, с.245). На Нижнем Дону они изредка отмечались вплоть до середины XX в. (Варшавский, 1965; Белик и др., 2012). Но позже в связи со строительством крупных гидроузлов, обсыханием пойменных озер, сокращением рыбных запасов в реках и целенаправленным уничтожением большого баклана как вредителя рыбного хозяйства, он полностью исчез на Дону, а на Волге сохранился лишь в ее дельте. Некоторые его колонии уцелели тогда также в дельтах Терека и Кубани (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

Однако в 70-80-е годы XX в., благодаря прекращению преследования бакланов, улучшению условий зимовок в результате потепления климата, а также строительству в поймах рек многочисленных рыбхозов, существенно улучшивших кормовую базу для этих птиц, в бассейнах Волги и Дона, а также в Приазовье началось быстрое восстановление их ареала и численности, продолжающееся до сих пор (Белик, 2001; Чернобай, 2002; Breeding numbers …, 2014).

Повторно в дельте Дона большие бакланы начали гнездиться в 1975 г., когда в цапельнике среди старого ивняка на взморье были учтены 32 их пары (Казаков и др., 1980, 2004); выше по Дону колонии обнаружены в 1978-1981 гг. в старом ивовом лесу близ хут. Арпачин, на одиночных ивах среди прудов рыбхоза близ хут. Сусат; в пойменных лесах выше г. Константиновск, близ стан. Дубенцовской и стан. Каргальской (Белик, 1983, 1989, 2001; Белик, Динкевич, 2004). А в 1990-е годы большие колонии появились на побережьях Цимлянского вдхр. (Чернобай, 2002; Казаков и др., 2004). Наконец, с начала XXI в. стаи бакланов регистрируются на Воронежском вдхр., где сейчас уже предполагается возможность их гнездования (Нумеров и др., 2013). В 2000 г. пара бакланов загнездилась также на Сев. Донце в Луганской обл. (Ветров, 2001).

На островах оз. Маныч-Гудило одна птица впервые встречена в 1969 г., затем пара бакланов наблюдалась у колонии пеликанов в 1972 г., а

первая колония из 22 пар найдена в 1977 г. (Кривенко, 1981, 1991; Белик и др., 1992). Позже бакланы заселили и другие водоемы в долине Маныча в Ростовской обл., в Калмыкии и на Ставрополье: озера Казинка, Деед-Хулсун, Дадынское, Бирючья Сага и др. (Казаков и др., 2004).

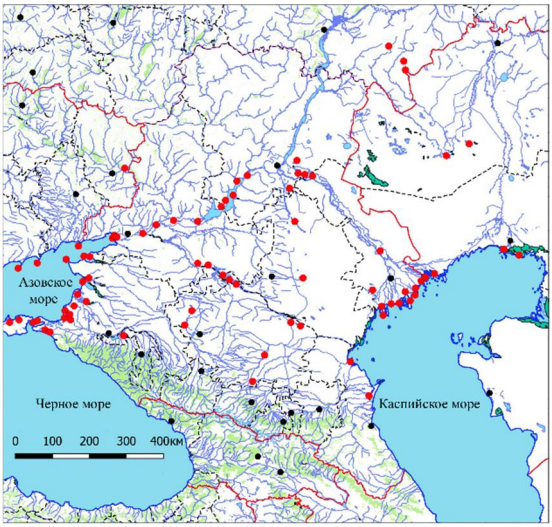


Рис. 10. Известные места гнездования большого баклана на юге России и Украины и в Западном Казахстане

В 1978-1986 гг. бакланы начали заселять также искусственные водоемы Центрального Предкавказья на территории Ставропольского края, где были обнаружены сразу 4 поселения: на Новотроицком вдхр. в верховьях р. Егорлык (2 гнезда); на прудах рыбхоза у с. Птичье Изобильненского р-на (1 пара); на Отказненском вдхр. по р. Кума (1 пара) и в колонии цапель в пойме р. Кура у с. Пегушин на границе с Кабардино-Балкарией (1 гнездо) (Казаков и др., 2004). В 1970-е годы колония появилась также на Краснодарском вдхр. в устье р. Белой, а в 1980-е годы бакланы освоили открытые острова вдоль побережья Азовского и Черного морей на Ейском лимане, косе Долгой, оз. Ханском и Кизилташском лимане на Тамани (Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004; Динкевич и др., 2008; Лохман и др., 2008).

История восстановления ареала на Волге прослежена слабее. В Волго-Ахтубинской пойме в 1980-е годы была известна лишь одна большая смешанная колония бакланов и голенастых птиц на о. Гусиный у с. Замьяны Енотаевского р-на, но из-за постоянного беспокойства она к 1997 г. исчезла. Еще одно небольшое гнездовье располагалось у

оз. Пеньковское в Ахтубинском р-не на севере Астраханской обл. (Реуцкий, 2014).

Сведения о возобновлении гнездования бакланов в Волгоградской обл. впервые появились в 1984-1986 гг., когда была найдена колония у с. Лопино в Волго-Ахтубинской пойме на границе с Астраханской обл. (Чернобай, 2002). Затем в Светлоярском р-не 02.06.1987 была осмотрена колония до 100 пар, появившаяся, по опросным данным, в середине 1980-х годов в тростниках «Рожнова лимана» на Сарпинской низменности (Е.И. Врублевский, дневники). Там же на прудах-отстойниках большой баклан гнездился и в 2012 г. (Белик и др., 2013). В 2013 г. небольшое поселение бакланов появилось в колонии цапель в ур. Вязники в Волго-Ахтубинской пойме близ г. Ленинска, но в последующем бакланы не заселяли этот цапельник (Е.В. Гугуева, личн. сообщ.), а в 2019 г. колония найдена нами в Заволжье на Большом лимане – прудах-отстойниках у г. Волжского.

Севернее, на Волгоградском вдхр., гнездовья бакланов пока неизвестны, хотя стаи кочующих птиц нередко встречаются по Волге, а также на степных прудах, причем особенно заметный рост численности бакланов прослеживался с середины, а затем с конца 1990-х годов (Завьялов и др., 2005; наши данные). Недавно гнездящиеся бакланы обнаружены в Самарской обл., значительно увеличилась их численность и в Ульяновской обл., где десятки и сотни холостых птиц в последние десятилетия регулярно проводят лето на Саратовском и Куйбышевском вдхр. (Бородин и др., 2017; Лебедева, 2017).

Зимовки птиц волжской популяции находятся в основном на юге Каспия, а кубанские бакланы зимуют на Азовском и Черном морях (Скокова, 1960; Миграции …, 1978). Во второй половине XX в. массовые зимовки сформировались также в Дагестане, но при резких похолоданиях там наблюдается гибель многочисленных бакланов (Казаков и др., 2004). Иногда во время осенне-зимних кочевок птицы залетают в высокогорья Северного Кавказа, но их выраженных миграций через перевалы не наблюдается (Сушкин, 1914; Аверин, Насимович, 1938; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; наши данные). Летом неполовозрелые птицы стаями держатся у берегов Черного моря, где их гнездовья неизвестны. Сейчас они нередко появляются также на небольших степных прудах всего Предкавказья, Придонья и Поволжья.

Местообитания. Предпочитает гнездиться в древесных насаждениях по берегам водоемов. В безлесных районах часто заселяет тростниковые заросли на мелководьях, местами гнездится также на небольших открытых – илистых, песчаных, каменистых или травянистых островах

среди озер и морей. Селится плотными колониями, часто – вместе с цаплями, пеликанами и другими птицами. На деревьях гнезда строит обычно в верхних ярусах крон. В тростниковых зарослях постройки в виде усеченного конуса высотой 30-70 см располагаются на кочках и заломах тростника. На открытых островах обычно строятся из растений, водорослей и другой ветоши очень плотные группы узких «башен» до 40-80 см высотой. Кормится на рыбных водоемах, часто – улетая далеко от колоний.

Численность. В начале XXI в. популяция на юге России оценивалась в 35-55 тыс. пар, имевших в целом положительные тренды (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). Сейчас же европейская популяция насчитывает 401-512 тыс. пар, в том числе для юга Европейской России указывают 65-120 тыс. пар подвида *Ph. c. sinensis*, демонстрирующего быстрый рост численности (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017).

Судя же по последним оценкам, здесь в 70-80 колониях может размножаться около 60-68 тыс. пар, в том числе не менее 6,8 тыс. пар в Ростовской обл.; не менее 972 пар в Волгоградской обл.; 18-20 тыс. пар в Краснодарском крае; не менее 866 пар в Ставропольском крае; 2,5-3,0 тыс. пар в Калмыкии; не менее 28,1 тыс. пар в дельте Волги и еще ориентировочно 3-8 тыс. пар на необследованных территориях Дагестана и других регионов Южной России (Breeding numbers …, 2014; Lokhman et al., 2014; Rusanov et al., 2014). В последние годы в дельте Кубани выявлена еще одна крупная колония, насчитывавшая не менее 3645 пар (Тильба и др., 2019). До 3,5 тыс. пар выросла численность баклана в дельте Дона (Забашта, Забашта, 2020). Более детальные материалы по Восточному Приазовью и дельте Волги, где расположены ядра кубанской и волжской популяций, содержатся также в ряде специальных работ (Белик, Динкевич, 2004; Динкевич и др., 2008; Лохман и др., 2008; Русанов и др., 2012).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Местами проводится регуляция численности больших бакланов для снижения их негативного воздействия на рыбопромысловые ресурсы.

14. Баклан хохлатый *Phalacrocorax aristotelis* (Linnaeus, 1761)

Характер пребывания. Гнездящийся вид Краснодарского края, в прошлом отмечавшийся в Ростовской обл., а также на Северном Каспии (Эверсманн, 1866; Карелин, 1875; Мензбир, 1918; Лерхе, 1940; Белик, 1992г, 2003; Казаков и др., 2004; Реуцкий, 2015; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Морской, пелагический вид, фауногенетические связи которого недостаточно ясны.

Таксономия. Представлен 3 подвидами, из которых южная форма *Ph. a.*

desmarestii населяет побережья Черного и Средиземного морей, а номинативный подвид *Ph. a. aristotelis* распространен на атлантических побережьях Европы к северу до Кольского полуострова (Степанян, 2003; Бескаравайный, 2011).

Распространение. Типичный морской вид, заселяющий скалистые побережья Европы от Кольского полуострова до Крыма (Судиловская, 1951; Snow, Perrins, 1998; Бескаравайный, 2011). В России до недавнего времени был известен на гнездовье только на побережьях Баренцева моря и в Крыму. Кроме того, редкие залеты из Крыма отмечались на Черноморском побережье Кавказа. Так, в феврале-марте 1920 г. несколько птиц наблюдали в районе Новороссийска (Kennedy, 1921; Белик, Динкевич, 2004). Одна птица встречена там также 25.01.2009 (Мнацеканов и др., 2012). Зимой 1947 г. баклан отмечен в районе г. Гагры (Строков, 1974). На Пицунде пару этих бакланов 10.09.1951 встретил Г.И. Бернацкий (1958), добывший молодого самца. Там же на оз. Инкит 2 хохлатых баклана постоянно держались в июне 1985 г., и ещё одна птица отмечена 06.06.1974 на берегу моря в Абхазии между Гудаутой и Новым Афоном (Fischer, 1976; Plath, 1986; Белик, 2015), а 27.03.2020 молодой хохлатый баклан был сфотографирован в Сочи (Филиппов, 2020).

Для фауны Ростовской обл. этого баклана приводил А.В. Лерхе (1940), вероятно встречавший его в прибрежных водах Азовского моря. В плавнях р. Челбас в Восточном Приазовье этот баклан встречен 09.05.2002 (Квартальнов, 2004). Наконец, в XIX в. хохлатых бакланов (*C. graculus* и *C. desmarestii*), в том числе молодых птиц, регистрировали на северо-востоке Каспия (Эверсманн, 1866; Карелин, 1875; Мензбир, 1918), и не исключено, что они гнездились там на прибрежных скалах Мангышлака, где сейчас известны колонии большого баклана (Молодовский, 1975). В прошлом хохлатый баклан мог гнездиться также и на скалах, встречающихся местами по северо-восточному побережью Черного моря, но затем исчез там в результате сокращения гнездового ареала, как это произошло в конце XIX – начале XX в. на северо-западе Черного моря (Назаренко и др., 1975; Бескаравайный, 2011).

Гнездовья хохлатого баклана в Крыму приурочены, в основном, к мысу Тарханкут на западе полуострова (около 70% популяции) и к скалам Карадага (15-25%). Но в последнее время колонии были выявлены также на прибрежных скалах горы Опук и на мысе Казантип на Керченском полуострове (Кинда, 1993), что дало повод предполагать возможность появления гнездовий также на Таманском полуострове. И в августе 2003 г. у мыса Панагия на Тамани на скале Парус, которая поднимается из воды в 300 м от берега в виде останца высотой около

8 м с основанием примерно 25×10 м, была обнаружена колония, в которой учтено 22-25 гнезд, устроенных на уступах и в нишах среди камней в 2-7 м над водой в основном с северо-западной стороны (Белик, 2003).

Местообитания. Гнездится на прибрежных морских скалах. Кормится рыбой в море преимущественно в районах гнездовых колоний. Ведет оседлый образ жизни.

Численность. Вся европейская популяция оценивается в 76,3-78,5 тыс. пар; численность средиземноморского подвида *Ph. a. desmarestii* на юге Европейской России, без учета Крыма, составляет всего 50-60 пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Еще около 900 пар обитает в Крыму, причем там в размножении участвует около 50% взрослых птиц, гнездящихся с 2–3-летнего возраста (Бескаравайный, 2015).

На Тамани при обследовании скалы Парус в августе 2003 г. было учтено около 220 птиц, примерно половину из которых составляли взрослые особи (Белик, 2003). Во время осмотра колонии 23.04.2004 с мыса Панагия на скале отмечено 39 гнезд, 109 взрослых и 19 неполовозрелых птиц, а общая численность колонии оценена в 50 пар (Мнацеканов, 2007). Позже, 30.05.2004, на скале с мыса Панагия нами было учтено около 20 гнезд, размещавшихся с восточной стороны скалы в ее средней и верхней части. В большинстве гнезд находились начавшие оперяться птенцы величиной в 1/2–2/3 размеров взрослой птицы. Но некоторые птенцы уже полностью оперились и слетели вниз на камни у воды. Судя по тому, что большая часть гнезд размещалась с невидимой противоположной стороны скалы, общая численность колонии была оценена в 50-60 пар, что примерно соответствовало числу взрослых птиц, наблюдавшихся там в августе 2003 г. (Казаков и др., 2004).

В ноябре-феврале 2007-2009 гг. там учитывали от 14 до 60 птиц, а 11.07.2009 на скале Парус отметили всего 35 хохлатых бакланов, что позволило предполагать сокращение колонии до 20-25 пар (Мнацеканов и др., 2012). Однако 04.11.2015 на скале Парус, а также на мысе Панагия, на рифах и в море поблизости держалось, по нашим наблюдениям, около 400 хохлатых бакланов, в том числе много молодых птиц, т.е. взрослые и потомство не менее 50 пар. Но в послегнездовой период 2016 г. численность хохлатых бакланов там, по оценке Ю.В. Лохмана (2017), вновь не превышала 10 особей.

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид на периферии ареала (3 категория); средиземноморский хохлатый баклан *Ph. a. desmarestii* в новом издании Красной книги России отнесен к 2 категории редкости (Приказ …, 2020). В Красной книге

Краснодарского края он имеет 1 категорию. На Северном Кавказе известна лишь одна небольшая колония, обнаруженная в 2003 г. на Таманском полуострове (Белик, 2003). Для гнездования нуждается в труднодоступных, безлюдных скалах на морском побережье. В настоящее время, вследствие резкого усиления рекреационного и техногенного пресса, гнездовья птиц на побережье Керченского пролива оказались под угрозой исчезновения (Белик, 2014а; Лохман, 2017). В прошлом существенное лимитирующее значение могли иметь также условия зимовок этой оседлой птицы. Иногда птицы гибнут от нефтяного загрязнения (Мнацеканов и др., 2012).

15. Баклан малый *Phalacrocorax pygmaeus* (Pallas, 1773)

Характер пребывания. Гнездящийся, частично зимующий вид равнинных водоемов Дагестана и дельты Волги в Астраханской обл., сравнительно недавно заселивший также плавни Восточного Приазовья и низовья Дона в Ростовской обл., случайно гнездящийся в Ставропольском крае и Калмыкии. В остальных регионах Южной России отмечаются случайные залетные птицы (Казаков и др., 2004; Белик, 2006; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Джамирзоев и др., 2013; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). Иногда относится к политипическому роду *Microcarbo*, распространенному в основном в тропиках Западного полушария (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в области Древнего Средиземья от Балкан и Дуная до бассейна Аральского моря (Судиловская, 1951; Степанян, 2003; Луговой, 2011). В прошлом малый баклан обитал в северном Прикаспии, случайно проникая вверх по Волге до с. Черный Яр и Сарепты (Artzibascheff, 1859, 2015; Kracht, 1919, 2914), но к началу XX в. его ареал и численность резко сократились, а в 1920-е годы в дельте Волги он уже не встречался вовсе (Яковлев, 1872, 2015; Карелин, 1875; Seebohm, 1882; Хлебников, 1890; Бостанжогло, 1911; Мензбир, 1918; Воробьев, 1936; Луговой, 1963). Эти бакланы сохранились тогда лишь в Дагестане в дельтах Терека и Сулака (Туров, Красовский, 1933; Бёме, 1935), где в середине XX в. насчитывали до 2 тыс. птиц (Пахульский, 1951; цит. по: Джамирзоев и др., 2000). В 1960-1961 гг. там окольцевали 197 и 208 птенцов (Сапетин, 1968), а в 1971-1974 гг. на Каракольских и Ачикольских озерах и в Аграханском заливе гнездилось до 690 пар (Пишванов, 1975; Бондарев, 1977).

До начала XX в. малый баклан гнездился, по-видимому, и в Восточном Приазовье, где 26.06.1911 **ст.ст.** на лимане Горьком (Ейский отдел)

была добыта взрослая самка с увеличенными до 15 мм фолликулами (Птушенко, 1915). Там же на косе Долгой 02.06.1902 **ст.ст.** наблюдалась пролетевшая стайка мелких бакланов, которые гнездились, по опросным данным, в Кубанских плавнях (Боровиков, 1907). Несомненно, оттуда эти бакланы изредка залетали также в дельту Дона (14.09.1916 **ст.ст.)** и в устье Миуса в Таганрогском заливе (Алфераки, 1910; Белик и др., 2012).

Восстановление ареала этого баклана началось в конце XX в., когда в 1971 г. в дельте Волги вновь обнаружили 2 его гнезда (Бондарев, 1975). В 1980-е годы стаи кочующих бакланов стали отмечать летом в долине Восточного Маныча на Ставрополье (Хохлов, Витович, 1990), и тогда же прослежена экспансия птиц из дельты Дуная на северо-восток вплоть до Сиваша. В 1990-е годы бакланы появились в Восточном Приазовье и на Нижнем Дону, а в начале XXI в. наблюдалось резкое увеличение численности птиц по всему ареалу (Гринченко, 2004; Белик, 2006; Луговой, 2011; Ławicki et al., 2012).

Повторное заселение Восточного Приазовья началось с обширных плавней в низовьях р. Ея, где близ стан. Староминской на границе Краснодарского края и Ростовской обл. 14.06.1992 были встречены 2 взрослые и 1 молодая птица, гнездившиеся, возможно, в большой колонии цапель и караваек (Белик, 1994а). Затем на Карпиевском лимане в дельте Кубани 07.07.1994 было найдено гнездо малого баклана с кладкой из 4 яиц (Заболотный, Хохлов, 1997). Позже малые бакланы стали отмечаться в дельте Кубани регулярно, причем численность птиц там очень быстро нарастала, и уже в 1998-1999 гг. осенью наблюдали их многосотенные стаи (Заболотный, Хохлов, 1996; Мнацеканов, Динкевич, 2001; Хохлов и др., 2004). В тот же период на лимане Восточном близ стан. Черноерковской Славянского р-на было отмечено предположительное место гнездования около 1000 пар этих птиц (Емтыль и др., 2003), в 2004 г. около 10-15 пар малых бакланов обнаружено в большой смешанной колонии голенастых на Понурском лимане в Калининском р-не, а в 2007 и 2011 гг. найдены еще две колонии по 50 пар (Белик, Динкевич, 2004; Мнацеканов, 2004; Гожко и др., 2015).

На Нижнем Дону несколько малых бакланов впервые отмечено в конце лета - начале осени 1998 г. на пойменном озере у Ростова (Сиденко, 2003). В 2002 г. в крупном цапельнике на оз. Монастырское у г. Аксай в низовьях Дона найдена небольшая колония малых бакланов, которая в 2004 г. увеличилась до 15-20 пар (Белик, 2006). Одиночная птица встречена также 25.07.2006 на Дону в Цимлянском р-не (Маркитан и др., 2010), в 2013 г. до 5 пар гнездилось на оз. Лебяжьем в дельте Дона у с. Кулешовка Азовского р-на (Забашта, Забашта, 2020), а в 2015 г.

поселение из 20-30 пар малых бакланов обнаружено нами в цапельнике на обширном плавневом массиве в дельте Дона у с. Недвиговка Мясниковского р-на. Кроме того, единичный случай гнездования малого баклана был отмечен 25.07.1990 в цапельнике на Новотроицком вдхр. близ Ставрополя, где держалась также стая из 20 этих бакланов (Бичерев и др., 1991; Казаков и др., 2004).

Расселение малого баклана на север сейчас продолжается уже за пределами Южной России. В конце XX в. он был вновь отмечен в дельте р. Урал, а в 2009-2010 там в двух колониях гнездилось уже до 3-4 тыс. пар (Гисцов, 2001; Ковшарь, Карпов, 2012). Двух залетных птиц наблюдали 08.07.2002 в Приэльтонье (Барабашин и др., 2003), затем стаю из 50 птиц встретили 07.09.2008 на юго-востоке Саратовской обл. (Завьялов и др., 2008), а 16.12.1999 три малых баклана добыты в Оренбургской обл. (Коршиков, 2000).

Основные зимовки малого баклана располагаются в Средиземноморье, на Черном море и юге Каспия (Луговой, 2011), но в последние десятилетия благодаря потеплению климата они смещаются на север, и сейчас малый баклан регулярно зимует в Восточном Приазовье и Дагестане. Однако иногда в суровые, морозные зимы много птиц там погибает, и в дальнейшем их численность снижается (Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2013; Тильба, Мнацеканов, 2014; Гожко, Лохман, 2017). Нередко малые бакланы зимуют и на незамерзающих водоемах в Ростове, а также на полыньях в дельте Волги (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Липкович, 2018; наши данные).

Миграции на зимовки идут обычно вдоль морских побережий (Миграции …, 1978; Джамирзоев и др., 2013), а в горы Северного Кавказа птицы залетают очень редко (Гизатулин, Точиев, 1990; Перевозов, 2014).

Местообитания. Предпочитает гнездиться в древесно-кустарниковых зарослях у водоемов, но в безлесных районах часто заселяет также рыбные озера и берега морей, покрытые обширными тростниковыми зарослями с открытыми мелководными плёсами среди крепей. Селится колониями, как правило – в смешанных поселениях голенастых птиц среди караваек и различных цапель. Гнезда на деревьях строит в среднем ярусе крон, в тростниках – на высоких заломах.

Численность. Европейская популяция оценивается в 37,6-50,4 тыс. пар, в том числе для юга Европейской России в начале XXI в. указывали 2-5 тыс. пар, через 10 лет – 6-8, а сейчас – 9-12 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а, 2014а; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). По оценкам же в начале 1980-х годов на юге России гнездилось не более 700 пар (Кривенко, 1983), а в конце XX в. – не более 300 пар

(Литвинова, 2001). Но в дельте Волги численность малого баклана выросла с 400 пар в 1997 г. до 1650 пар в 2001 г. и 3200 пар в 2012 г. (Русанов, 1999; Гаврилов и др., 2003; Гаврилов, 2005; Русанов и др., 2012). В Дагестане в конце XX в. его популяцию оценивали от 250-300 до 300-350 пар (Вилков, Пишванов, 2000; Джамирзоев и др., 2000), а во второй половине 2000-х годов максимальную численность определяли в 2-4 тыс. пар, однако затем она снизилась там до 1,5 тыс. пар (Джамирзоев, Букреев, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

Данные о численности гнездовий малого баклана в Калмыкии отсутствуют, но осенью в плавнях по берегам Каспийского моря концентрируется до 2 тыс. особей (Убушаев, 2013). В Краснодарском крае сейчас обитает, вероятно, около 500-1000 пар (Емтыль и др., 2003; Хохлов и др., 2004; Гожко, Лохман, 2017). В Ростовской обл. в двух выявленных колониях в 2004-2015 гг. гнездилось до 50 пар, но сейчас их общая численность может составлять здесь от 100 до 150 пар. Всего же, таким образом, в настоящее время на юге России обитает ориентировочно не менее 6-7 тыс. пар. Еще 33,8 тыс. пар в 2006 г. гнездилось в Азербайджане, где сосредоточена одна из крупнейших популяций, значительно увеличившая численность в 1980-е годы (Snow, Perrins, 1998; Birds in Europe …, 2004; Sultanov, 2019).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как сокращающийся в численности вид (2 категория); в ее новом издании отнесен к 5 категории редкости (Приказ …, 2020). Занесен в Красные книги Краснодарского и Ставропольского краев и Ингушетии (2 категория), Ростовской обл. и Калмыкии (3 категория), Астраханской обл., Чечни и Дагестана (5 категория). В последнее время благодаря значительному потеплению климата, особенно в зимний период, повысилась выживаемость бакланов во время зимовок, что привело к увеличению численности птиц и их расселению на север (Белик, 2006, 2014а).

Падение численности бакланов в начале XX в. на Каспии могло быть вызвано погодными и климатическими факторами, а также отравлением многих околоводных птиц пестицидами, широко применявшимися тогда в плавнях южных рек для борьбы с азиатской саранчой (Белик, 1997, 2000а). Заметное сокращение численности малого баклана в 1980-е годы в Дагестане произошло, по-видимому, из-за гибели птиц суровой зимой 1981/82 г., а также в результате осушения водно-болотных угодий и хозяйственного освоения дельты Терека, что привело к заметному уменьшению числа смешанных колоний голенастых и веслоногих птиц (Казаков и др., 2004).

Отряд **Голенастые** Ciconiiformes

Семейство **Цаплевые** Ardeidae

16. **Выпь большая** *Botaurus stellaris* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных водоемов почти всей Южной России, кроме предгорий Кавказа, где отмечается только на миграциях. Нередко зимует на юге региона (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида, один из которых (*B. s. capensis*) имеет небольшой изолированный ареал в Южной Африке, а номинативная форма *B. s. stellaris* широко распространена в Евразии, в том числе в России (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в лесном и пустынно-степном поясе Евразии (Спангенберг, 1951; Дмитренок, 2011). На юге России обитает на стоячих или слабопроточных заросших водоемах во всех равнинных регионах от Придонья, Поволжья и Заволжья до лиманов Восточного Приазовья, долины Кубани и Западного Маныча, водоемов Ставрополья и Калмыкии, всего низменного Дагестана (Богданов, 1871, 1879; Винокуров, 1960; Кукиш, 1982; Ломадзе, 1982; Демьянова, 1987; Бичерев, Хохлов, 1988, 1991; Хохлов, 1993; Чернобай, 2000а, 2004а; Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Гнездится также на равнинах по северу Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечни (Россиков, 1884а; Иванов, Чунихин, 1961; Гизатулин и др., 2001; Комаров и др., 2011).

Выпи нет лишь в степных предгорьях Северного Кавказа (Белик и др., 2016; Белик, 2019). Как правило, она не гнездится и на степных возвышенностях, где в балках отсутствуют обширные, заросшие мелководные пруды. Выпь не отмечали на Приволжской возвышенности (Птушенко, 1949), нами она не найдена на Донской гряде в Калачской излучине, однако встречалась на некоторых больших прудах на севере Ергеней. Очень спорадично она распространена в Волго-Ахтубинской пойме, где наблюдаются длительные, высокие паводки, которые затапливают пойменные озера в период гнездования (Kracht, 1919, 2014; Николаев, 1995; Амосов, 2015; наши данные).

Зимует в Африке и на юге Евразии, нередко остается на зиму также в Причерноморье, Предкавказье и Прикаспии к северу до низовий Дона и дельты Волги, однако при резких похолоданиях и замерзании водоемов часть птиц погибает от бескормицы или вынуждена срочно откочевывать к югу (Спангенберг, 1951; Казаков и др., 2004; Дмитренок,

2011; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Тильба, Мнацеканов, 2014). Миграции идут по ночам, широким фронтом, в направлении южных, юго-западных и западных румбов, при этом пролетные птицы нередко пересекают водоразделы Большого Кавказа, вылетая на Черноморское побережье. Мигранты часто собираются в небольшие стаи, кружась в сумерках над водоемами с характерными призывными криками (Ткаченко, 1966; Комаров, 2006, 2013; Тильба, 2006; Дмитренок, 2011; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015).

Местообитания. Гнездится обычно одиночными парами среди труднопроходимых зарослей тростника или рогоза на открытых озерах, по лиманам, в приморских плавнях, изредка – на степных прудах, водохранилищах, прудах рыбхозов и других стоячих водоемах, устраивая гнездовые платформы из сухих стеблей и листьев на поверхности воды или над самой водой среди густых побегов макрофитов. Кормится среди болотных зарослей на водоемах близ гнездовий.

Численность. Европейская популяция оценивается сейчас в 37,6-66,4 тыс. самцов (пар), в том числе для Европейской части России указывают от 13-25 до 25-40 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в начале XXI в. гнездилось ориентировочно 5-10 тыс. пар, в том числе около 1800 пар в Ростовской обл. и 300 пар на Ставрополье (Хохлов, 1993; Белик, 2000а, 2005а). Обилие гнездящихся птиц на озерах в бассейне Нижнего и Среднего Дона достигает в подходящих местах 2-3 пар/км^2, примерно соответствуя плотности населения болотного луня. В Ростовской обл. на лимане в среднем течении р. Сал в 1990-1991 гг. гнездилось 6-10 пар на 400 га (Белик, Коренев, 2020). На Ставрополье на оз. Птичье в Изобильненском р-не учитывали 8-12 пар на 1200 га и 3-4 пары на 400 га на Левокумском рыбхозе (Казаков и др., 2004). Популяция выпи на юге России в целом относительно стабильна (Белик и др., 2003).

Охранный статус. На юге России в особой охране не нуждается.

17. **Выпь малая,** или **волчок** *Ixobrychus minutus* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов всей Южной России (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид предположительно Африканского генезиса.

Таксономия. Включает 4-6 подвидов, из которых на западе Евразии, в том числе в России обитает номинативный *I. m. minutus* (Спангенберг, 1951; Приклонский и др., 2011; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в Западной Евразии, а также в Африке и

Австралии (Спангенберг, 1951; Приклонский и др., 2011). На юге России распространен на заросших водоемах всех равнинных районов от Придонья, Поволжья и Заволжья до низменностей на Черноморском побережье Кавказа, а также в Предкавказье, где волчок обитает на севере Дагестана, Чечни, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, на Ставрополье, по Манычу и в Восточном Приазовье (Винокуров, 1960; Иванов, Чунихин, 1961; Ломадзе, 1973, 1982; Ломадзе, Борисов, 1977; Кубанцев, Чернобай, 1982; Кукиш, 1982; Демьянова, 1987; Бичерев, Хохлов, 1988; Хохлов, 1993; Тильба, 1999б, 2006; Комаров, Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001; Чернобай, 2000а, 2004а; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

Изредка волчок встречается также на прудах в предгорьях Северного Кавказа (Емтыль и др., 1993; Караваев, 2002, 2004, 2006; Караваев, Хубиев, 2011; Перевозов, 2014; Белик, 2019), а местами проникает даже в низкогорья, где наблюдался нами 17.07.2009 на пруду в верховьях р. Дюрсо на полуострове Абрау.

Зимует волчок в Африке и на юге Азии, куда летит по ночам, в одиночку или небольшими стаями, обычно широким фронтом в субмеридиональном направлении, пересекая Главный Кавказский хребет (Тильба, Казаков, 1985; Казаков и др., 2004; Комаров, 2006; Приклонский и др., 2011; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015).

Местообитания. Гнездится одиночными парами в основном в густых тростниковых зарослях, изредка также среди кустарников на самых разнообразных водоемах – озерах, прудах, водохранилищах, степных ручьях, по берегам рек, каналов и т.п., устраивая небольшие рыхлые гнезда среди вертикальных побегов в среднем или нижнем ярусе, сравнительно высоко над водой. При наличии водоемов с зарослями тростника может гнездиться в пределах населенных пунктов (Кукиш, 1982; Казаков и др., 2004). Кормится в зарослях макрофитов на водоемах близ гнездовий.

Численность. Европейская популяция оценивается сейчас в 63,1-111,0 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают 17-35 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России гнездится 10-20 тыс. пар, в том числе около 5 тыс. пар в Ростовской обл. и 800 пар на Ставрополье (Хохлов, 1993; Белик, 2000а, 2005а). Популяция здесь относительно устойчива, но при этом на юге региона численность как будто увеличивается, а на севере наблюдается ее сокращение (Белик и др., 2003).

В подходящих местах в Краснодарском крае и в Чечне по долине Терека обилие птиц может достигать 50 ос./км^2 и 2 пар/5 га, но на озерах Имеретинской низменности у Адлера – лишь 5 ос./км^2 (Тильба, Казаков,

1985; Казаков и др., 2004). В степных районах на севере Ростовской и Волгоградской обл. волчок немногочислен, спорадично встречаясь по рекам и прудам (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Птушенко, 1949; Юдин, 1952; Белик, 2005; Завьялов и др., 2005; Линдеман и др., 2005; наши данные). На восточном берегу Волгоградского вдхр. у границ Саратовской обл. в тростниково-ивовых зарослях учитывали всего 0,3 ос./га (Шаповалова, Завьялов, 2009).

Охранный статус. На юге России в особой охране не нуждается.

18. Кваква *Nycticorax nycticorax* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, изредка, случайно встречающийся зимой в южных районах региона (Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Пантропический вид, частично заходящий краем ареала в Палеарктику и Неарктику.

Таксономия. Включает 3-4 подвида, из которых в Африке и Евразии, в том числе в России, обитает номинативный *N. n. nycticorax* (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на всех материках, кроме Австралии, но в Европе ареал кваквы лишь незначительно заходит в умеренный пояс (Спангенберг, 1951; Русев, 2011). На юге России кваква спорадично распространена в равнинных и предгорных районах всех регионов, проникая к северу до Цимлянского вдхр. (Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016), часто соседствуя в колониях с малыми белыми цаплями.

Кваквы регулярно гнездятся в лесах и на водоемах в пойме Нижнего Дона, по Западному Манычу, в плавнях Восточного Приазовья, по долинам Кубани, Кумы, Куры, Терека и некоторых их притоков (Олейников, 1953; Винокуров, 1959; Ломадзе, 1973, 1984; Бондарев, 1975; Падутов и др., 1975; Пишванов, 1975; Казаков и др., 1980, 1981а, 1981б, 1986; Бичерев, Хохлов, 1981, 1986, 1991; Ломадзе и др., 1981; Бичерев и др., 1984; Ломадзе, Исаков, 1986; Емтыль и др., 1989, 2003; Хохлов, 1993; Комаров, 1999; Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004). Местами колонии формируются также по рекам в предгорьях Северного Кавказа (Караваев, Хубиев, 2011, 2012, 2013; Белик, 2019).

Кваквы спорадично гнездятся также на озерах Калмыкии (Artzibascheff, 1859, 2015; Кукиш, 1982; Демьянова, 1987) и многочисленны в дельте Волги (Яковлев, 1872, 2015; Бостанжогло, 1911; Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). В Волго-Ахтубинской пойме эти цапли распространены вверх до Сарепты-Волгограда (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Лорец, 1928; Е.И. Врублев-

ский, дневники; наши данные), но размещение их колоний здесь выяснено сейчас крайне недостаточно.

Северную границу ареала на Волге в середине XX в. проводили через г. Камышин (Спангенберг, 1951), что, вероятно, и дало основание Б.С. Кубанцеву и В.Ф. Чернобаю (1982) считать квакву распространенной в Волгоградской обл. до ее северных районов. Позже В.Ф. Чернобай (2000а, 2004а) указывал, что это редкий вид, гнездящийся почти по всей области, кроме Заволжья. Но до 1952 г. кваквы гнездились также в тростниках на одном из прудов у оз. Эльтон, однако позже там встречались лишь залетные или пролетные птицы (Линдеман и др., 2005).

На севере Волгоградской обл. в бассейне Среднего Дона гнездовья кваквы в последнее время найти не удалось, что обусловлено, возможно, скрытностью этих ночных птиц. Они изредка, случайно встречались там только на кочевках (Белик, 2005). В Саратовской обл. кваква тоже считается залетным, лишь предположительно гнездящимся видом (Завьялов и др., 2005). Но в 1990-е годы 2-3 пары квакв были обнаружены в колонии цапель на оз. Ильмень в долине Хопра в Поворинском р-не Воронежской обл., близ границ Волгоградской и Саратовской обл. (Венгеров и др., 2000). Две пары найдены в 2014 г. в смешанной колонии цапель на рыборазводном пруду на окраине Тамбова (Родимцев, 2014), а в 1979 г. одиночная пара гнездилась в колонии серых цапель даже в Пензенской обл., однако позже кваквы там больше ни разу не встречались (Фролов, 2017).

В 1970-е годы птицы заселили также колонию серых цапель возле прудов большого рыбхоза в пойме Сев. Донца в устье р. Деркул на Украине у границы с Ростовской обл. (Сулик, 1981; Панченко, 2016), а 28.07.1984 кваква отмечена на гнездовании в пойме Среднего Дона в Верхнемамонском р-не на юге Воронежской обл. (Воробьев, Лихацкий, 1987), но более детальные сведения об этом гнездовье отсутствуют.

Зимовки европейских птиц находятся в основном в Африке, но иногда кваквы задерживаются на зиму в Закавказье, очень редко встречаются зимой в дельте Волги (Хлебников, 1928). Изредка они зимуют в Предкавказье (Спангенберг, 1951; Миграции …, 1978; Бичерев, Хохлов, 1981; Хохлов, 1993; Казаков и др., 2004; Русев, 2011; Караваев, Хубиев, 2013; Тильба, Мнацеканов, 2014; Очаповский, 2017), на побережье Каспия в Калмыкии и Дагестане (Самородов, 1981; Джамирзоев и др., 2014), а также на низменностях у Адлера в Причерноморье (Тильба, 2006). Миграции квакв идут по ночам, обычно небольшими стаями, с криком летящими осенью в направлении южных – юго-западных румбов, в том числе пересекая высокогорья Кавказа и попадая на Черноморское побережье (Тильба, Казаков, 1985; Казаков и др.,

2004; Комаров, 2006; Караваев и др., 2015).

Местообитания. Предпочитает гнездиться в лесонасаждениях и кустарниках по берегам водоемов. Сейчас нередко гнездится также в искусственных степных лесах и лесополосах среди полей вдали от кормовых стаций. В безлесных районах обычно заселяет заросли тростников на мелководье. Гнездится, как правило, в смешанных колониях с другими видами цапель, караваек, бакланов, грачей. Небольшие рыхлые гнезда на деревьях размещает обычно в среднем ярусе крон, в болотных зарослях делает их на заломах тростника в среднем ярусе. Кормится на водоемах, с криком разлетаясь из своих гнездовий по вечерам.

Численность. В 70-е и 80-е годы XX в., благодаря развитию рисосеяния и прудового рыбоводства, численность кваквы в Предкавказье значительно увеличилась, в ряде мест возникли ее новые колонии, в том числе в искусственных лесах и полезащитных лесополосах, у прудов и водохранилищ (Казаков и др., 2004), но в конце XX в. во многих районах была прослежена деградация ее лесных колоний (Белик и др., 2003).

Сейчас европейская популяция оценивается в 60-86 тыс. пар, в том числе для европейской части России указывали 10-18 тыс. пар, гнездящихся почти исключительно на юге России (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Но из-за периодических переселений и постоянных колебаний численности птиц в колониях, вести учет цапель во всех местах гнездования весьма сложно, и поэтому мониторинг их региональных популяций в начале XXI в. практически прекратился, кроме дельты Волги (Бондарев, 2005; Гаврилов, 2005, 2009; и др.) и низовий Дона (Миноранский и др., 2003, 2017; Казаков и др., 2004; Маркитан и др., 2010; Забашта, Забашта, 2020).

На Волге только в Астраханском заповеднике с 1934 по 1950 г. обитало от 5,2 до 10,6 тыс. взрослых особей, и рыбохозяйственные организации занимались снижением их численности, считая квакву вредителем. В 1973-1974 гг. в дельте Волги и в Западном ильменно-бугровом районе было известно 13 колоний с 4,3 тыс. пар квакв. В 1980-е годы их численность в дельте колебалась в пределах 1600-2600 пар с максимумом в 1987 г., когда было известно 17 гнездовий. В 1990-е годы из-за гибели подтопленных ивняков в авандельте численность кваквы снизилась до 1200 пар, а в 2001 г. там было учтено всего 630 пар. Но затем началась адаптация этих цапель к гнездованию в тростнике, и их численность стабилизировалась в пределах 2000-2500 пар. В 2003 г., например, в 7 древесных колониях в култучной зоне гнездилось 1800 пар, а в двух колониях в тростнике – 1200 пар. В дальнейшем, до 2009 г., популяция кваквы колебалась от 1,3 до 3,0 тыс. пар, а в 2012 г.

было учтено 1290 пар (Гаврилов и др., 2003; Бондарев, 2005; Гаврилов, 2005, 2009; Сыроечковский, 2005; Русанов и др., 2012).

На Нижнем Дону в конце XX в. было известно 17 цапельников, в которых гнездились кваквы, а их общая численность составляла, ориентировочно, не менее 700-800 пар (Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004). В дельте Дона в самом крупном лесном цапельнике на взморье в начале 1980-х годов гнездилось до 566-588 пар, а в начале XXI в. там обитало лишь 50-150 пар квакв (Миноранский и др., 2003; Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004).

В Краснодарском крае в 1980-е годы выявили 6 колоний общей численностью 1.900 гнезд, а в 1990-е годы – 14 колоний с 3.999 парами (Емтыль и др., 1989, 2003; Казаков и др., 2004), самая крупная из которых (2-3 тыс. пар) находилась на Понурском лимане в Калининском р-не (Мнацеканов и др., 2004). Кроме того, в Приазовье было известно еще до 10 колоний с 600-800 парами кваквы (Белик, Динкевич, 2004). Около 2 тыс. пар гнездилось также на Ставрополье (Хохлов, 1993). В Карачаево-Черкесии размножается около 100 пар (Караваев, Хубиев, 2013), в Северной Осетии – 100-150 пар (Комаров, Липкович, 2000), в заповеднике «Дагестанский» – 50-250 пар (Джамирзоев и др., 2017). На юге Волгоградской обл. численность колеблется в пределах 150-250 пар (наши данные).

Таким образом, принимая во внимание неизвестные и неучтенные гнездовья на Западном Маныче (Белик, 2004а), в Чечне (Анисимов, 1989), в Калмыкии (Близнюк, 2004) и других регионах Северного Кавказа, можно ориентировочно оценивать популяцию кваквы на юге России сейчас в 10-15 тыс. пар.

Охранный статус. Включена в Красные книги Северной Осетии (1 категория) и Карачаево-Черкесии (3 категория). Но на юге России в целом обитает достаточно крупная, устойчивая популяция, по-видимому, не требующая сейчас особой охраны (Белик, 2014а). В прошлом местами проводилось даже регулирование численности кваквы как вредителя рыбоводства (Сыроечковский, 2005; Русанов, 2011).

19. Цапля желтая *Ardeola ralloides* (Scopoli, 1769)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов почти всей Южной России, кроме предгорий Центрального Кавказа, случайно встречающийся зимой на юге Предкавказья (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. Монотипический вид (Спангенберг, 1951; Степанян, 2003; Русев, 2011). Иногда африканские популяции выделяют в отдельный

подвид *A. r. paludivaga* (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в Африке и на юго-западе Евразии от Испании до Казахстана (Спангенберг, 1951; Русев, 2011). Через Южную Россию, по Нижнему Дону и Нижней Волге, проходит граница ареала этой цапли, и ее распространение здесь спорадично и неустойчиво. С.Г. Гмелин (1771) нашел колонию этой цапли (*Ardea castanea*) в 1769 г. в лесу на Дону в устье р. Курман (Курмоярский Аксай; ныне Котельниковский р-н Волгоградской обл.). В настоящее время желтая цапля в небольшом числе обитает во многих цапельниках на Нижнем Дону вплоть до г. Цимлянска (Казаков и др., 2004), но на Цимлянском вдхр. ее гнездовий не находили. По Сев. Донцу лишь изредка залетает в Луганскую обл. Украины (Ветров и др., 1991).

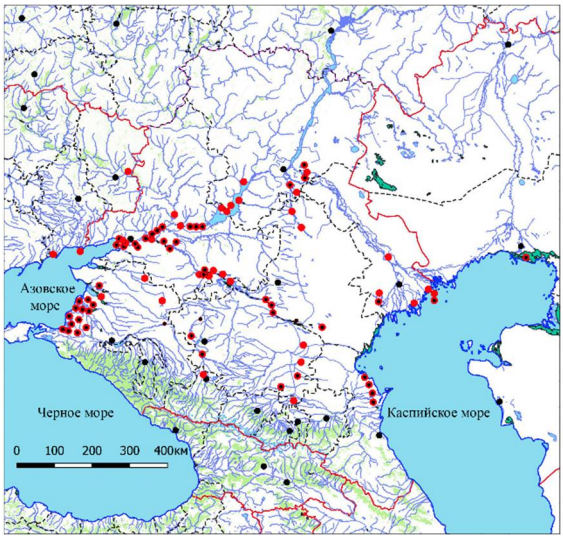


Рис. 11. Известные места гнездования желтой цапли (мелкие черные точки) и малой белой цапли (все красные пуансоны) на юге России и Украины

В Волгоградской обл. сейчас, по данным В.Ф. Чернобая (2000а, 2004а), – это редкий или очень редкий вид, гнездящийся на Сарпинских озерах и в Волго-Ахтубинской пойме. Но во второй половине XX в. желтую цаплю вовсе не включали в фауну Волгоградской обл. (Кубанцев, Чернобай, 1982), хотя на Большом Лимане у г. Волжского эти птицы появились еще в 1970-е годы. Там в августе 1978 г. было учтено 26 особей, а в июне 1979 г. отмечали одиночных птиц, однако на Сарпинских озерах их тогда не наблюдали (Коленов, 1981).

Нам не удалось встретить желтую цаплю ни на Сарпе, ни на Большом

Лимане, что могло быть связано с пропуском этих редких, малозаметных птиц. Они были найдены лишь в смешанном цапельнике в ур. Вязники в Волго-Ахтубинской пойме близ г. Ленинск. Там 17.06.2011 наблюдали взрослую желтую цаплю, а 17.08.2011 вспугнули молодую птицу (Гугуева, Белик, 2013, 2016). Кроме того, залетные желтые цапли были дважды добыты в окрестностях оз. Эльтон: весной 1947 г. и в сентябре 1985 г. (Линдеман и др., 2005). Желтые цапли довольно обычны в дельте Волги, откуда, вероятно, и идет расселение этих птиц на север, но в Волго-Ахтубинской пойме в Астраханской обл. ее колонии в настоящее время неизвестны (Гаврилов, 2005, 2009; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

В Предкавказье от дельты Дона и Приазовья до Осетии и Дагестана в конце XIX – начале XX в. желтая цапля считалась редкой птицей (Алфераки, 1910; Бёме, 1925, 1926; Лерхе, 1940; Спангенберг, 1951; Белик и др., 2012; Очаповский, 2017). Но в 70-80-е годы XX в., в связи с интенсивным развитием рисосеяния, гидростроительства и прудового рыбоводства, ее ареал на Северном Кавказе значительно расширился (Казаков и др., 2004). Сейчас в Западном Предкавказье желтая цапля широко заселила низовья рек Ея, Бейсуг и Кубань вверх до Краснодара (Ломадзе, 1973, 1975, 1984; Емтыль и др., 1989, 2003; Белик, Динкевич, 2004; Динкевич, 2012; Гожко, Лохман, 2017), а в 1977 г. два гнезда были найдены даже у г. Кропоткин (Белик, Динкевич, 2004).

Эти цапли расселились также на водохранилищах Западного и Восточного Маныча и на внутренних водоемах Ставрополья и Калмыкии (Казаков и др., 1980, 1981, 1986; Бичерев, Хохлов, 1981, 1986, 1991; Кукиш, 1982; Демьянова, 1987; Хохлов, 1993; Белик, 2004а; Цапко, 2013). Желтые цапли по-прежнему гнездятся в дельте и низовьях Терека (Бондарев, 1975, 2005; Пишванов, 1975; Рашкевич, 1980; Точиев, Гизатулин, 1987; Джамирзоев и др., 2014).

Зимовки находятся в Африке и на Ближнем Востоке; в теплые зимы эти цапли могут оставаться в Закавказье (Миграции …, 1978), а отдельные птицы встречаются зимой и в Предкавказье (Казаков и др., 2004; Русев, 2011; Очаповский, 2017). Миграции идут в одиночку и небольшими стаями по ночам, поэтому направление пролета не прослеживается. Мигранты нередко останавливаются на отдых на низменностях вдоль Черноморского побережья (Бернацкий, 1958; Миграции …, 1978; Маландзия, 1990; Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015; Попович, Семенова, 2018), иногда залетают в горные ущелья Северного Кавказа (Аверин, Насимович, 1938; Комаров, Липкович, 2000; Джамирзоев и др., 2014; Моламусов, 2017).

Местообитания. Гнездится, как правило, только в смешанных поселениях с другими видами цапель в тростниках на мелководьях, а также среди древесно-кустарниковых зарослей по берегам водоемов пустынно-степного пояса, предпочитая, по-видимому, древесные колонии. Маленькие, рыхлые гнезда на деревьях и кустарниках размещаются обычно в нижнем или среднем ярусах крон, а в тростниках – на их заломах в среднем ярусе. Кормится на водоемах поблизости от колоний.

Численность. Европейская популяция оценивается в 15-26 тыс. пар, в том числе для юга Европейской России в начале XXI в. указывали 1500-2000 пар, через 10 лет – 500-1000 пар, демонстрировавших быстрое сокращение, но сейчас всю популяцию оценивают здесь в 3-6 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а, 2014а; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). В 70-80-е годы XX в., в связи с интенсивным развитием рисосеяния и прудового рыбоводства, численность желтых цапель и число их колоний в отдельных районах Северного Кавказа заметно увеличилось (Казаков и др., 2004), но в последние десятилетия почти повсеместно наблюдается депрессия популяций, особенно выраженная на Нижнем Дону (Белик и др., 2003).

В дельте Дона в цапельнике на взморье в начале 1980-х годов гнездилось 10-30 пар, а в 1990-е годы желтых цапель в колонии не осталось; всего же в пойме Нижнего Дона в 1980-е годы обитало 250–350 пар (Казаков и др., 2004). В дельте Волги в XIX в. эта цапля была столь многочисленна, что в окрестностях Астрахани в 1871 г. К.Г. Генке собрал свыше 1000 ее яиц (Яковлев, 1872, 2015). Но в 1934-1953 гг. там гнездилось всего от 30 до 880 особей, в 1974-1985 гг. численность птиц увеличилась до 4,0-5,2 тыс. пар, однако в последующем вплоть до 2009 г. держалась на уровне около 500-700 пар, а в 2012 г. там было учтено всего 20 пар (Бондарев, 2005; Гаврилов, 2005, 2009; Сыроечковский, 2005; Русанов и др., 2012).

В дельте Терека в 1973-1974 гг. было найдено около 1300 гнезд, в 1985 г. не обнаружено ни одного поселения, в 1987 г. учтено около 100 пар, а в 2001 г. в двух поселениях было 80-100 и 40-50 пар (Казаков и др., 2004; Бондарев, 2005). Значительно сократилась и азербайджанская популяция, где в Кызыл-Агачском заповеднике в 1957-1967 гг. размножалось 135-168 тыс. пар, а в 1995-2006 гг. – лишь 3,8-5,1 тыс. пар (Sultanov, 2019). Но в Краснодарском крае в 1980-е годы было известно 7 колоний с 638 парами, в 1990-е годы там учтено 8 колоний, в которых гнездилось максимум до 400 пар (Емтыль и др., 1989, 2003), а в начале XXI в. численность была оценена в 1,4-1,6 тыс. пар (Гожко, Лохман, 2017).

Сейчас на юге России гнездится, очевидно, всего около 1,5-2,0 тыс. пар,

в том числе до 150-250 пар в Ростовской обл., 1,4-1,6 тыс. пар на Кубани, 80-100 пар в Адыгее, 40-60 пар в Калмыкии, 20 пар в дельте Волги, не менее 10-50 пар в Дагестане (Динкевич, 2012, 2014; Русанов и др., 2012; Цапко, 2013; Гожко, Лохман, 2017; Джамирзоев и др., 2017). В 1980-х годах около 130 пар обитало также в Ставропольском крае (Бичерев, Хохлов, 1991).

Охранный статус. Включена в Красные книги Ростовской и Астраханской обл., Калмыкии и Ингушетии (2 категория), Адыгеи и Краснодарского края (3 категория) и Волгоградской обл. (4 категория). В конце XX в. почти повсеместно наблюдалась выраженная депрессия численности этого вида (Белик и др., 2003; Белик, 2014а). Причины деградации его популяций недостаточно ясны. В лесистых поймах сказывался, возможно, пресс хищничества размножившихся ястреба-тетеревятника и орлана-белохвоста, местами – конкуренция с более многочисленными крупными цаплями и бакланами, а также ухудшение местообитаний. Не менее важна также связь с погодными условиями на местах зимовок в Африке (Zwarts et al., 2009).

20. Цапля египетская *Bubulcus ibis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, в середине XX в. проникший из Закавказья в Дагестан и дельту Волги, в начале XXI в. найденный на гнездовье также в дельте Кубани, а затем и в долине Кумы на востоке Ставрополья (Гаврилов, 2004; Казаков и др., 2004; Джамирзоев, 2011; Русанов, 2011; Джамирзоев и др., 2013; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016; Ильюх, Шевцов, 2020). Возможно, эти цапли загнездились также в Калмыкии (Маловичко, Гаврилов, 2012; Цапко, 2013). В большинстве остальных регионов Южной России случайно встречаются залетные птицы (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Комаров, Липкович, 2000; Прихня, Дзуев, 2000; Комаров, 2002; Гизатулин, 2007; Караваев и др., 2009; Динкевич, 2017; Перевозов, 2019).

Зоогеографические связи. Тропический вид Афро-Ориентального генезиса.

Таксономия. Включает 2 подвида, из которых номинативный *B. i. ibis* населяет Африку и юг Европы, в том числе Южную Россию, а на юге Азии обитает *B. i. coromandus* (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Африке, заходя к северу до Средиземноморья и Южной Европы, а также на юге Азии, откуда недавно заселила также Австралию. В конце XIX - начале XX в. из Африки эта цапля через Атлантику проникла в Америку, заняв там к настоящему времени значительную часть обоих континентов (Спангенберг, 1951; Нанкинов, 1998; Snow, Perrins, 1998; Джамирзоев, 2011).

В конце XIX - начале XX в. птицы из Восточного Закавказья трижды залетали также в Дагестан, в Осетию и дельту Волги (Бёме, 1926; Хлебников, 1928), а в середине XX в. в дельтах Волги (1950-1951 гг.) и Терека (1970-1973 гг.) были найдены их первые гнездовья (Кудрявцев и др., 1957; Виноградов, Бондарев, 1972; Бондарев, 1975, 1977; Пишванов, 1975; Бондарев, Гаврилов, 1991). В тот же период залетная цапля была отмечена в Причерноморье (Строков, 1960), затем в октябре 1967 г. добыта в Приморско-Ахтарском р-не Краснодарского края (Пекло, 1982), а в 2004-2006 гг. в дельте Кубани впервые выявлены гнездовья египетских цапель (Мнацеканов и др., 2004, 2013; Мнацеканов, Короткий, 2006; Мнацеканов, Найданов, 2013). Вскоре они начали быстро расселяться по Восточному Приазовью, залетая к северу до дельты Дона (Гожко, Лохман, 2017, 2018; Динкевич, 2017).

В дельте Терека в 1980-е годы гнездовья этих цапель, по-видимому, исчезли, и в 1990-е годы птицы встречались в Дагестане лишь в одном месте Аграханского залива. Вскоре было найдено еще одно их местообитание на Ачикольских озерах, а в начале XXI в. египетских цапель отмечали, судя по карте (Джамирзоев, 2009), в 4-6 районах на побережьях Кизлярского и Аграханского заливов и в дельте Терека, но непосредственно их гнездовые колонии там больше не регистрировались (Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2013).

В дельте Волги вскоре после первых находок гнезд египетские цапли тоже практически исчезли и лишь в 1970-е годы встречи с ними участились, а в 1979 г. вновь обнаружено их гнездовое поселение. К 1990 г. численность птиц там постепенно росла, но затем с 1995 г. они опять прекратили гнездование, а с начала XXI в. очень редкими стали и встречи этих цапель (Бондарев, Гаврилов, 1991; Гаврилов, 2005, 2009; Русанов, 2011; Русанов и др., 2012; Реуцкий, 2014).

В 2008-2011 гг. серия летних встреч с египетскими цаплями отмечена в Кумо-Манычской долине – в устье р. Калаус, на Чоградском вдхр. и на разливах в Левокумском р-не Ставропольского края, где 28.08.2008, 14.09.2009, 26.08.2010, 27.08.2010 и 27.06.2011 наблюдались группы до 3-7 особей, кормившихся обычно близ водоемов среди пасшихся коров (Маловичко, Гаврилов, 2012). А весной 2020 г. в Левокумском р-не в роще лоха узколистного найден смешанный цапельник, в котором гнездилось около 15 пар египетских цапель (Ильюх, Шевцов, 2020). Не исключено гнездование этих птиц и в цапельниках по долине Маныча, которые нередко встречаются в зарослях тростников на озерах и реках (Казаков и др., 2004).

Египетские цапли, гнездящиеся на юге России, зимуют в Африке, в Средиземноморье, на юге Передней Азии и в Закавказье (Джамирзоев, 2011). Мигрируют они по ночам, пересекая иногда высокогорья Кавказа (Комаров, Липкович, 2000; Комаров, 2006; Караваев и др., 2015), а днем стаями концентрируясь на низменных побережьях Каспия (Джамирзоев и др., 2013). В связи с появлением гнездовой группировки в дельте Кубани миграционный коридор начал формироваться, по-видимому, и вдоль Черноморского побережья Кавказа, где эти цапли стали регулярно регистрироваться в Пицунде в Абхазии, в районах Сочи и Новороссийска, а также на Тамани (Строков, 1960; Динкевич и др., 2013; Борель, 2014; Белик, 2015; Попович, Семенова, 2018; Humphrey, 2019; Белик, Гугуева, 2020; Тильба, Филиппов, 2020).

Местообитания. Колониальный вид, обитающий в смешанных поселениях голенастных птиц, бакланов и грачей. Гнездится в насаждениях по берегам водоемов, устраивая гнезда на деревьях и кустарниках в среднем и нижнем ярусах, а также на заломах тростника в его зарослях на мелководьях. Кормится обычно насекомыми на степных и луговых участках поблизости от колоний, часто – среди пасущегося домашнего скота, поэтому наличие пастбищ поблизости от гнездовий является для этой цапли одним из важных условий.

Численность. Европейская популяция оценивается сейчас в 76,1-92,3 тыс. пар; для юга же Европейской России в начале XXI в. указывали от 20-50 до 50-100, затем до 100-200 пар, а сейчас – 300-400 пар, быстро расселяющихся и увеличивающих численность (Литвинова, 2001; Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; Джамирзоев, 2011; European birds …, 2017; Атлас …, 2020).

Значительная популяция, насчитывавшая 3,5-7,0 тыс. пар, населяла тогда низменности Азербайджана (Birds in Europe …, 2004). Ее флуктуации определяли, по-видимому, также и колебания численности египетских цапель на юге России. В Азербайджане, по некоторым оценкам, только в Кызыл-Агачском заповеднике в 1950-е годы гнездилось 40-50 тыс. пар, но в 1967 г. там осталось всего 6,8 тыс. пар, в 1972-1977 гг. насчитывали 16 тыс. пар, в 1986 г. – до 9 тыс. пар, в 1995 г. – 4,3 тыс. пар, а в 2006 г. – 8.270 пар (Греков, 1965; Гаврилов, 2004; Patrikeev, 2004; Джамирзоев, 2011; Sultanov, 2019). То есть, расселение цапель на север, начавшееся в середине XX в., совпало с пиком их численности в Закавказье, а последовавшая депрессия азербайджанской популяции привела к сокращению притока дисперсантов и исчезновению гнездовий в Дагестане и дельте Волги.

В Дагестане в 1970 г. только в одной колонии было найдено 25 гнезд (Ка-

заков и др., 2004), а в конце XX в., после депрессии 1980-х годов, численность птиц оценивали от 15-20 до 20-25 пар (Вилков, Пишванов, 2000; Джамирзоев и др., 2000). В начале XXI в. дагестанская популяция несколько возросла и составляла около 50 пар, но испытывала резкие межгодовые колебания (Джамирзоев, 2009), однако в 2010-2011 гг. в низовьях Терека был отмечен новый подъём численности птиц. Так, в июне 2007 г. в районе Аграханского заказника было учтено 58 египетских цапель, а в июле 2010 г. – более 80 птиц (Джамирзоев и др., 2013).

В дельте Волги в 1950-1951 гг. гнездились 2-3 пары, но затем они исчезли, а в конце 1970-х годов вновь были найдены их колонии, и к 1990 г. численность птиц увеличилась до 16 пар. Однако позже гнездовья египетских цапель в дельте не были известны, опять появившись там только в 2020 г. (Гаврилов, 2005, 2009; Русанов, 2011, личн. сообщ.; Реуцкий, 2014). На Кубани численность с 2004-2006 гг. быстро увеличивается и оценивается уже от 22-37 до 40-50 пар, населяющих 4-8 колоний (Мнацеканов и др., 2013; Гожко, Лохман, 2017). На Ставрополье в выявленной колонии гнездится около 15 пар (Ильюх, Шевцов, 2020). Учитывая возможность гнездования этих цапель в Калмыкии, а также существование неизвестных колоний в других регионах, общая численность на юге России была оценена в 100-200 пар (Белик, 2014а).

Охранный статус. Была включена в Красную книгу России (2001) как редкий вид на границе ареала (3 категория), но из ее нового издания этот вид исключен (Приказ …, 2020). Египетская цапля занесена в Красные книги Краснодарского края (2 категория), Астраханской обл. и Чечни (3 категория), Кабардино-Балкарии и Калмыкии (4 категория).

Недавно проникнув из Азербайджана в Дагестан, она вскоре заселила дельту Волги и Восточное Приазовье (Мнацеканов и др., 2004, 2013; Джамирзоев, 2011; Реуцкий, 2014) и сейчас продолжает дальнейшую пульсирующую экспансию на север (Березовиков, Гисцов, 1993, 2001; Маловичко, Гаврилов, 2012; Динкевич, 2017; Ковшарь, Карпов, 2015; Ильюх, Шевцов, 2020). На юге России желательно продолжать охрану этой насекомоядной цапли на региональном уровне для ее успешного закрепления в новых гнездовых районах (Белик, 2014а). Причины периодических флуктуаций численности этой цапли недостаточно ясны. Они могут быть связаны как с антропогенным воздействием, так и с сукцессионными изменениями природных условий в местах гнездования, и с климатическим факторами в районах зимовок. Немаловажное значение могут иметь, очевидно, и популяционные процессы в азербайджанских колониях, откуда идет дисперсия птиц на север в Россию.

21. Цапля большая белая *Egretta alba* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид равнинных регионов всей Южной России, кроме предгорий Центрального Кавказа (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Предположительно пантропический вид, на юге Палеарктики обособившийся в отдельный подвид, а на юге Азии и в Австралии – в особый близкий полувид *E. modesta*, до недавнего времени рассматривавшийся в составе *E. alba* s.l. (Спангенберг, 1951; Dickinson, Remsen, 2013).

Таксономия. Включает три подвида, распространенные в Америке, Африке и Евразии. В Европейской России обитает *E. a. alba* (Степанян, 2003; Грищенко, 2011). Иногда этот вид включают в род *Casmerodius* (Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014) или в род *Ardea* (Dickinson, Remsen, 2013). Рассматривается иногда также видовая специфичность всех трех форм белых цапель, различающихся окраской клюва и другими особенностями (Редькин и др., 2015).

Распространение. Гнездится в Африке, Южной и Северной Америке, а также в пустынно-степном поясе Евразии, где во второй половине XX в. отмечено выраженное расширение ареала на север (Грищенко, 2011). До середины XX в. эта цапля была распространена к северу до Нижнего Дона и Сарпинских озер у Волгограда (Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Спангенберг, 1951). С 1980-х годов гнездится в Луганской обл. Украины, а в 1990-е годы ее гнездование впервые отмечено в ряде регионов Воронежской обл. (Ветров и др., 1991; Нумеров, 1996; Соколов, Простаков, 1997; Венгеров и др., 2000). В 2002 г. колония найдена в Тамбовской обл. (Гудина, 2003), а с 1978 г. одиночные пары неежегодно гнездятся в Пензенской обл. (Фролов, 2017). В самом конце XX в. их поселения найдены в Черебаевской пойме на левобережье Волги у границы Волгоградской и Саратовской обл. (Пискунов и др., 1999; Беляченко и др., 2000; Шаповалова, Завьялов, 2009), а также в Самарской обл. (Лебедева, Пантелеев, 2000).

Сейчас на юге России эта цапля широко, но спорадично распространена на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье (Казаков и др., 1986; Чернобай, 2000а, 2004а; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014), на водоемах Западного и Восточного Маныча (Олейников, Гончаров, 1967; Языкова, 1970; Языкова, Казаков, 1975; Падутов и др., 1975; Казаков и др., 1981а, 1981б; Кривенко, Любаев, 1981), в дельте Кубани и в низовьях Терека вверх до Чечни (Винокуров, 1959, 1960, 1965; Бондарев, 1975, 2005; Пишванов, 1975; Точиев, Гизатулин, 1987; Емтыль и др., 1989,

2003; Белик, Динкевич, 2004; и др.), на Ставрополье и в Калмыкии (Бичерев, Хохлов, 1981, 1986, 1991; Кукиш, 1982; Бичерев и др., 1984; Демьянова, 1987; Казаков и др., 2004).

На северной границе ареала колонии найдены нами в заболоченных тальниках на Цимлянских песках в Ростовской обл. (Казаков и др., 2004), на озере в низовьях Хопра у стан. Слащевской (2020 г.), на лимане в долине р. Бузулук у стан. Староаннинской (2011 г.). Гнездовья постоянно отмечаются также на водоемах Сарпинской низменности у Волгограда и на Большом Лимане у г. Волжский (Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Коленов, 1981; наши данные). Но в Волго-Ахтубинской пойме из-за длительных, высоких паводков большая белая цапля гнездится очень редко (Богданов, 1871; Kracht, 1919, 2014; Аргиропуло, 1928; Николаев, 1995; Амосов, 2015). В прошлом смешанная колония была известна здесь лишь на лесистом о-ве Гусином у с. Замьяны Енотаевского р-на в самом низовье Волго-Ахтубинской поймы, но в конце XX в. она исчезла (Реуцкий, 2014). В 2011-2016 гг. эти цапли постоянно держались также у цапельника на болоте в ур. Вязники близ г. Ленинск в Волгоградской обл., но подтвердить их гнездование там не удалось.

Зимовки расположены в Африке и по югу Евразии, до середины XX в. эти цапли изредка оставались на зиму в Закавказье, а в Предкавказье они лишь случайно встречались в Осетии и на Кубани (Бёме, 1926; Спангенберг, 1951; Очаповский, 2017). Сейчас же зимующие цапли регулярно наблюдаются по всему Предкавказью от низовий Маныча и дельты Кубани до Дагестана, а также на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 1999б, 2006; Хохлов и др., 2001; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014; Тильба, Мнацеканов, 2014; и др.), случайно отмечаются зимой и в Калмыкии (Самородов, 1981) и у Волгограда (Е.В. Гугуева, личн. сообщ.). При сильных похолоданиях белые цапли иногда в массе появляются на незамерзающих горных реках (Витович, Ткаченко, 1997; Джамирзоев и др., 2014; Караваев и др., 2015). Изредка они отмечаются в высокогорье Северного Кавказа во время миграций (Туров, 1932; Ткаченко, 1966; Поливанов и др., 1985; Комаров, 2006, 2013; Караваев и др., 2015).

Местообитания. Гнездится колониями различных размеров, как моновидовыми, так и смешанными с другими видами цапель, колпицами, каравайками, бакланами. Селится в основном в тростниковых зарослях на различных водоемах, иногда – на кустах ивы или тамарикса среди болот, местами – на деревьях. Характерные для цапель гнезда делает из сухих стеблей тростника на его заломах, обычно в среднем и верх-

нем ярусах. Кормится на заболоченных водоемах, реже – на прилежащих лугах и в степи, часто улетает на большое расстояние от гнездовий.

Численность. Европейская популяция оценивается в 20,7-34,9 тыс. пар, в том числе для Европейской России в начале XXI в. указывали 3-10 тыс. пар, через 13 лет – 9-15, а сейчас – 16-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России численность оценивалась в 3-9 тыс. пар, в том числе более 100 пар на Ставрополье и 300-340 пар в Ростовской обл. (Бичерев, Хохлов, 1991; Хохлов, 1993; Белик, 2000а, 2005а). Но сейчас только в низовьях Дона гнездится около 1200 пар этих цапель, увеличивших здесь свою численность по сравнению с началом 1990-х годов в 3,5 раза (Забашта, Забашта, 2020). В Краснодарском крае в 1980-х годах было известно 10 колоний общей численностью 757 гнезд, а в 1990-х годах – 14 колоний с 1.347 парами (Емтыль и др., 1989, 2003; Белик, Динкевич, 2004). В Волгоградской обл. в конце XX в. эту цаплю считали редкой, а в начале XXI в. указывали уже как обычный вид Нижнего Поволжья (Чернобай, 2000а, 2004а). Сейчас, по экспертной оценке, там гнездится не менее 300-400 пар.

В дельте Волги в начале XX в., в результате неумеренного промысла больших белых цапель ради их эгреток, эти птицы были почти полностью уничтожены. То же наблюдалось тогда и в других регионах на юге России (Бостанжогло, 1911). В середине же XIX в., по данным М.Н. Богданова (1871), большие белые цапли встречались в дельте Волги очень часто. Еще в конце XIX в. они были там столь обычны, что их можно было добыть при первом же желании (Огнев, 1913). А в начале XX в., по наблюдениям В.Н. Бостанжогло (1911, с.137), «в дельте Волги это были до того напуганные птицы, что буквально летали под небесами». В 1907 г. там, например, за весь год было добыто 400 пар этих цапель, в 3-4 раза меньше, чем пеликанов, и в 7-8 раз меньше, чем лебедей (Качиони, 1910). С.И. Огнев (1913) в 1912 г. уже вовсе не встретил в дельте белых цапель, а Б.Н. Житков (1914), побывавший там вместе с С.И. Огневым, писал, что «в дельте Волги, по словам охотников, очень редко, далеко не всякое лето, удаётся увидеть одинокие, чрезвычайно осторожно держащиеся экземпляры».

Лишь создание в 1919 г. Астраханского заповедника и запрет охоты на белых цапель позволили спасти этих птиц от окончательного уничтожения (Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). К середине XX в. их численность в дельте восстановилась, и они начали расселяться на север. Так, в 1934 г. в заповеднике было учтено всего 60 особей этих цапель, в 1935-1936 гг. – 430 и 820 особей, а в 1948 г. – 2171 птица (Сыроечковский, 2005). В 1974-1991 гг. в дельте

гнездилось уже 3.650-7.480 пар, а в 2003 г. в 11 колониях в дельте и 8 колониях в ильменно-бугровом районе учтено 6.140 гнезд. В дальнейшем численность птиц в низовьях Волги снизилась и колебалась в пределах 2,4-5,8 тыс. пар (Бондарев, 2005; Гаврилов, 2005, 2009; Русанов и др., 2012).

В дельте Терека в 1973 г. в 5 колониях было учтено 1290 пар (Бондарев, 1975, 2005), но в 1986 г. там найдено всего 175 пар (Казаков и др., 2004). Сейчас в заповеднике «Дагестанский» насчитывают 100-250 пар (Джамирзоев и др., 2017), однако общая численность птиц в Дагестане неизвестна. Принимая во внимание неизвестные колонии в Калмыкии, Чечне и других регионах, общую численность этого вида на юге России можно оценивать сейчас в 5-10 тыс. пар.

Охранный статус. Включена в Красную книгу Ингушетии (2 категория). Но сейчас на юге России обитают достаточно крупные, относительно устойчивые популяции, не требующие организации особой охраны (Белик, 2014а). Эта цапля восстановила прежний ареал и даже значительно расширила его к северу, прежде всего, благодаря индивидуальной и территориальной охране и интенсивному гидростроительству в степной зоне в XX в. (Грищенко, 2011).

22. Цапля южная белая *Egretta modesta* (J.E. Gray, 1831)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, отмеченный однажды в Астраханской обл. (Реуцкий и др., 2009; Реуцкий, 2015; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса.

Таксономия. Монотипический вид, который до недавнего времени в ранге подвида относился к *Egretta alba* (Спангенберг, 1951; Dickinson, Remsen, 2013). Иногда его новозеландскую популяцию выделяют в отдельный подвид *E. m. maorianus* (Нечаев, Глущенко, 2011).

Распространение. Гнездится в Южной и Юго-Восточной Азии и Австралии (Нечаев, Глущенко, 2011). Залеты птиц, похожих на этот вид, регистрировали также в Европе (del Hoyo et al., 1992). Три особи южной белой цапли, кормившиеся на отмели в скоплении больших белых цапель, были встречены 15.07.2009 на Обжоровском участке Астраханского заповедника. Одна птица, сопровождавшая лодку на протяжении более 1 км, была сфотографирована, что и позволило позже идентицировать этот вид (Реуцкий и др., 2009; Реуцкий, 2015).

Кроме того, на разливах в низовьях Кумы на ее левом берегу на территории Калмыкии у границы с Дагестаном 28.03.2014 была встречена одна похожая птица, кормившаяся на мелководье. Птица была снята

в видеофильме Михаила Родионова «Заповедный Дагестан», но обсуждение этой находки специалистами Северокавказской орнитофаунистической комиссии не позволило подтвердить видовое определение данной цапли (Работа …, 2015).

Еще одна встреча 8 похожих красноногих черноклювых цапель отмечена Д.А. Свиридовым (личн. сообщ.) 13.04.2020 в Орловской обл., где они держались на спущенном пруду рыбхоза в стае из полусотни больших белых цапель. Такая же одиночная птица однажды наблюдалась там и в предыдущие годы. Однако полученные документальные подтверждения данных встреч не позволяют однозначно идентифицировать наблюдавшихся птиц.

Местообитания. Гнездится на заросших озерах и других водоемах, в мангровых зарослях и заболоченных лесах. Кормится на болотах и берегах водоемов (Нечаев, Глущенко, 2011).

Численность. В Китае местами обычна в гнездовых колониях и малочисленна во внегнездовой период. В России в Приморье – очень редкий вид, численность которого в колониях в отдельные годы составляла от 10 до 30-40 пар (Нечаев, Глущенко, 2011).

Охранный статус. Занесена в Красную книгу Приморского края (2005).

23. Цапля малая белая *Egretta garzetta* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России, изредка остающийся на зиму в Предкавказье (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Афро-Ориентального генезиса.

Таксономия. В зависимости от принимаемого объема данного вида, разные авторы выделяют от 2 до 6 подвидов. Номинативная форма *E. g. garzetta* распространена в материковой Африке и на юге Евразии от Пиренеев до Китая и Японии, в том числе в России (Спангенберг, 1951; Степанян, 2003; Грищенко, 2011; Dickinson, Remsen, 2013). На побережьях Африки, Мадагаскара и Южной Азии распространены диморфные цапли с белой и темной цветовыми вариациями, которых иногда рассматривают как самостоятельные виды: береговая и рифовая цапли *E. gularis* и *E. dimorpha* (Грищенко, 2011).

Распространение. Малая белая цапля гнездится по югу Евразии, в Африке и Австралии (Спангенберг, 1951; Грищенко, 2011). На юге России распространена к северу до Нижнего Дона, где эту цаплю (*Ardea nivea*), гнездившуюся вместе с попелястой (серой) цаплей в лесу в устье р. Курман (Курмоярский Аксай), впервые нашел в 1769 г. С.Г. Гмелин (1771). Ее гнездовья найдены также в низовьях Сев. Донца, на

Цимлянских песках и в верховьях Цимлянского вдхр. (Белик, 1999; Белик и др., 2001; Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004), а в 1980-е годы птицы загнездились на Сев. Донце в Луганской обл. Украины (Ветров и др., 1991). По Волге эта цапля встречается к северу до Сарпинских озер, Волгограда и Большого Лимана у г. Волжский в Заволжье (Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Коленов, 1981; наши данные).

В прошлом эта цапля для Волгоградской обл. не указывалась (Кубанцев, Чернобай, 1982) и лишь в начале XXI в. она приведена как малочисленный гнездящийся вид, распространенный на Цимлянском вдхр., на Сарпинских озерах и в Волго-Ахтубинской пойме, а также в бассейне Среднего Дона (Чернобай, 2000а, 2004а). Но нами на Среднем Дону она не найдена. Одиночная, возможно кочующая птица встречена лишь 03.07.2014 на прудах рыбхоза у с. Рахинка к северу от г. Волжский. Севернее, в Саратовской обл., она указана как редкий залетный вид (Завьялов и др., 2005), но на юге Воронежской обл. залетные птицы отмечались почти ежегодно и местами, возможно, они эпизодически гнездились (Нумеров, 1996).

В Предкавказье эта цапля широко распространена от дельты Дона, водоемов Западного и Восточного Маныча, низовий рек Бейсуг, Челбас и дельты Кубани на западе до дельты Терека на востоке (Спангенберг, 1951; Винокуров, 1960; Бондарев, 1975; Пишванов, 1975; Казаков и др., 1980, 1981а, 1981б, 2004; Ломадзе и др., 1981; Ломадзе, 1984; Анисимов, 1989; Емтыль и др., 1989, 2003; Белик, Динкевич, 2004). Начиная с 70-80-е годов XX в., благодаря развитию гидростроительства, рисосеяния и прудового рыбоводства, география ее поселений на Северном Кавказе значительно расширилась. Новые колонии возникли в пойме Нижнего Дона, в среднем течении Кубани, на реках степного Ставрополья, в Карачаево-Черкесии и Северной Осетии (Бичерев, Хохлов, 1981, 1986, 1991; Бичерев и др., 1984; Комаров, 2011; Караваев, Хубиев 2012, 2013).

Эти цапли гнездятся на многих заросших озерах Калмыкии (Artzibascheff, 1859, 2015; Падутов и др., 1975; Кукиш, 1982; Демьянова, 1987; Близнюк, 2004), распространены они в дельте Волги и на Западных подстепных ильменях (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014), но вверх по Волго-Ахтубинской пойме почти не поднимаются (Богданов, 1871). Там малые белые цапли до 1995 г. гнездились в смешанной колонии на о-ве Гусином у с. Замьяны Енотаевского р-на (Реуцкий, 2014) и местами гнездятся сейчас на самом юге Волгоградской обл.

Зимовки приазовских птиц находятся в основном в Африке, а прикаспийские цапли улетают на Ближний Восток, но часть этих птиц зимует в

Закавказье (Миграции …, 1978). Изредка одиночные птицы задерживаются на зиму на низменностях по берегу Черного моря, а также в Предкавказье к северу до Нижнего Дона (Миграции …, 1978; Анисимов, 1989; Комаров, 2002; Казаков и др., 2004; Савицкий, 2004; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Тильба, Мнацеканов, 2014). Во время миграций цапли иногда залетают в высокогорья Северного Кавказа (Поливанов, Витович, 1986; Поливанов и др., 2002; Комаров, 2006; Караваев и др., 2015; Моламусов, 2017). Более регулярно они летят вдоль Черноморского побережья, особенно на Пицунде в Абхазии (Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015; Попович, Семенова, 2018) и вдоль западного берега Каспия (Михеев и др., 1975; Михеев, 1985).

Местообитания. Гнездится в древесно-кустарниковых насаждениях по берегам водоемов, нередко в искусственных лесных массивах, иногда даже в лесополосах. В безлесных районах заселяет тростниковые заросли на различных водоемах, на соленом оз. Маныч-Гудило, где исчезли тростники, сейчас стала нередко гнездиться на открытых островах на земле среди зарослей лебеды (Кукиш, 1982; Белик, 2004а; Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004). Селится, как правило, в смешанных колониях с другими цаплями, каравайками, колпицами, бакланами. Небольшие рыхлые гнезда из сухих прутьев строит на деревьях обычно в среднем ярусе крон, в тростниках – на его заломах в среднем и нижнем ярусах, на земле гнезда сооружает из сухих стеблей лебеды и другой ветоши.

Численность. Европейская популяция оценивается в 66,7-84,8 тыс. пар, в том числе для юга Европейской России указывали 7-10 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; European birds …, 2017). Общая численность на Северном Кавказе в конце XX в. достигала 3,3-4,1 тыс. пар (Казаков и др., 2004). Популяция Ростовской обл. оценивалась тогда в 1,4-1,8 тыс. пар (Белик, 2000а); в Краснодарском крае в 1980-е годы было учтено 9 колоний общей численностью 618 гнезд, а в 1990-е годы в Восточном Приазовье было выявлено уже 19 колоний с 3.142 парами, наиболее крупная из которых на Понурском лимане в Калининских плавнях насчитывала 2 тыс. пар (Емтыль и др., 1989, 2003). На Ставрополье гнездилось тогда не менее 150 пар (Хохлов, 1993). В дельте Терека в 1973 г. в трех колониях было учтено 320 гнезд, в 1985 г – 430 пар, а в 1986 г. – 380 пар (Бондарев, 1975, 2005; Казаков и др., 2004). В Волгоградской обл., по экспертной оценке, сейчас гнездится около 50-150 пар.

В дельте Волги в XIX в. малая цапля была весьма многочисленна (Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015). Но уже в начале XX в., по словам В.Н. Бостанжогло (1911), птицы там были почти полностью уничтожены в

результате беспощадного преследования бесчисленным множеством промысловиков, и в 1904-1907 гг. на Каспии он не видел этих птиц ни разу. В дальнейшем, после прекращения охоты на цапель, их численность начала быстро восстановилась, и уже в 1930-е гг. они стали обычны в дельте Волги (Воробьев, 1936).

В 1934-1948 гг. численность этих цапель в Астраханском заповеднике выросла до 7,0-8,5 тыс. особей (Сыроечковский, 2005). В 1973-1974 гг. в дельте в 11 колониях гнездилось 3,7 тыс. пар, а в 2001 г. в 9 колониях учли 2,1 тыс. пар, но в 2012 г. выявили только 720 пар (Бондарев, 2005; Гаврилов, 2005, 2009; Русанов и др., 2012). Численность малой белой цапли в период с 1957 по 2006 г. почти на порядок снизилась также в Азербайджане (Sultanov, 2019). Негативные тренды, особенно заметные в лесных колониях, в конце XX в. отмечены и в популяциях Южной России (Белик и др., 2003), но причины этой депрессии неясны. Всего на юге России сейчас может гнездиться ориентировочно около 4-6 тыс. пар.

Охранный статус. Эта цапля включена в Красные книги Карачаево-Черкесии (3 категория) и Ингушетии (2 категория). Но на юге России сейчас обитают ее достаточно крупные популяции, по-видимому, не требующие организации особой охраны (Белик, 2014а). Однако здесь необходимо возобновление более тщательного мониторинга региональных популяций.

24. Цапля серая *Ardea cinerea* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид всех равнинных регионов Южной России (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Предположительно тропический вид Афро-Ориентального генезиса, широко заселивший Северную Евразию, очевидно, в постплейстоцене.

Таксономия. Выделяют от 3 до 5 подвидов, специфичных для Африки, Южной Азии и Северной Евразии (Спангенберг, 1951; Степанян, 2003; Ардамацкая, 2011; Dickinson, Remsen, 2013). В Европейской России обитает номинативный подвид *A. c. cinerea* (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на юге лесного и в пустынно-степном поясе Евразии, а также в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии (Спангенберг, 1951; Ардамацкая, 2011). На юге России серая цапля распространена во всех равнинных районах вплоть до северных границ Ростовской и Волгоградской обл.; местами колонии встречаются в предгорьях (Падутов и др., 1975; Кукиш, 1982; Чернобай, 2000а, 2004а; Казаков и др., 2004; Белик, 2005, 2019; Русанов, 2011; Реуцкий,

2014). Гнездование серой цапли ранее предполагалось также на низменностях вдоль Черноморского побережья Кавказа (Лауниц, 1912; Кудашев, 1916; Хохлов, Ильюх, 2007), но в настоящее время они там отсутствуют (Тильба, 2006, 2017а; Белик, 2015).

Основные зимовки птиц из Южной России находятся в Африке, Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке; часть цапель зимует в Закавказье (Миграции …, 1978). Нередко они остаются на зиму также в Предкавказье и на Черноморском побережье, а в Дагестане в последние годы зимой иногда наблюдаются их многосотенные скопления (Тильба, 1999б, 2006; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Тильба, Мнацеканов, 2014; Моламусов, 2017); изредка серые цапли встречаются зимой также в низовьях Дона и по Волге вверх до Волгограда (Луговой, 1963; Маркитан и др., 2010; Е.В. Гугуева, личн. сообщ.).

Миграции идут широким фронтом, в одиночку и стаями, в основном по ночам, когда они с криками, транзитом летят по ущельям Северного Кавказа, массово преодолевая высокогорные перевалы (Аверин, Насимович, 1938; Поливанов и др., 1985; Казаков и др., 2004; Комаров, 2006, 2013; Джамирзоев и др., 2014; Караваев и др., 2015; Моламусов, 2017). Выраженные дневные миграции идут также вдоль западного берега Каспия (Михеев и др., 1975), но на Черноморском побережье видимый пролет этих цапель наблюдается реже.

Местообитания. Исходный тип гнездования серой цапли, по-видимому, – старые, зачастую заболоченные леса по берегам водоемов. Но сейчас она нередко селится также в искусственных степных насаждениях и молодых лесополосах среди полей вдали от водоемов. В безлесных районах обычно заселяет тростниково-рогозовые заросли озер и болот, а на сухих открытых островах соленого оз. Маныч-Гудило нередко гнездится на земле среди лебеды, сооружая довольно массивные гнезда из ее сухих стеблей.

Селится колониями различной величины – от нескольких гнезд до нескольких сотен пар, как моновидовыми, так и в сообществе с другими цаплями, каравайками, колпицами, бакланами, пеликанами, грачами. Гнезда на деревьях располагаются обычно в верхнем и среднем ярусах крон, многолетние постройки могут достигать больших размеров. В тростниках гнездится в основном на их заломах в среднем ярусе, используя для гнезд сухие стебли тростника, прутья и бурьян с полей. В дельте Волги, как и другие виды цапель, селится преимущественно в прирусловых лесах и тростниковых зарослях у взморья, а в средней и верхней частях дельты почти не гнездится (Реуцкий, 2014).

Кормится обычно на болотах и по берегам водоемов, но иногда охотится

на грызунов, ящериц и змей в сухих целинных степях (Казаков и др., 2004). Летом одиночки и небольшие группы нередко разлетаются на кормежку, по нашим наблюдениям, за 10-20 км от колоний.

Численность. Европейская популяция оценивается в 223-391 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 40-60 до 100-230 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в конце XX в. численность оценивалась в 10-15 тыс. пар (Белик, 2005а), в том числе в Краснодарском крае в 1980-е годы было известно 15 колоний общей численностью 1.374 гнезда, а в 1990-е годы – 20 колоний с 1.279 парами (Емтыль и др., 1989, 2003), но, учитывая неизвестные гнездовья и многочисленные небольшие поселения по мелким рекам, вся популяция в Восточном Приазовье могла достигать 2-3 тыс. пар (Белик, Динкевич, 2004). В бассейне Дона в Ростовской обл. в тот период насчитывалось 2,6-3,0 тыс. пар, а на Западном и Восточном Маныче – 800-1000 пар (Казаков и др., 2004). Всего же в Ростовской обл. гнездились 3,4-4,0 тыс. пар, еще 2,5 тыс. пар было на Ставрополье (Хохлов, 1993; Белик, 2000а, 2005).

В дельте Терека в 1973-1974 гг. гнездилось 650 пар, но в 1985-1986 гг. там обнаружили только 10-60 пар (Бондарев, 1975, 2005; Казаков и др., 2004). В дельте Волги в 1973-1974 гг. было учтено 3,9 тыс. гнезд, а в 1980 г. – 3,8 тыс. пар, заселявших 15 колоний, появившихся в тростниках авандельты в период падения уровня Каспия, а также 15 колоний в старых ивняках култучной зоны и 2 колонии в Западном ильменно-бугровом районе. К 1991 г., в связи с подъемом уровня моря, численность цапель уменьшилась до 2.445 пар, при этом на ильменях было учтено уже 14 колоний, а в култучной зоне осталось 9 гнездовий и в авандельте – 6 поселений. В 2003 г. численность серых цапель снизилась до 1500 пар, при этом в тростниках авандельты остались всего 2 колонии, а в ивняках култучной зоны птицы гнездились в 8 колониях, и еще 5 небольших колоний найдено в тростниках на ильменях. В дальнейшем продолжалась депрессия этой популяции, которая к 2012 г. сократилась до 920 пар (Бондарев, 2005; Гаврилов, 2005, 2009; Русанов и др., 2012).

В Волгоградской обл. в начале 1980-х годов серая цапля указывалась как довольно обычный вид, в конце XX в. – как обычный, а в начале XXI в. – как многочисленный (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2000а, 2004а), хотя конкретные учетные данные не приводились. Сейчас там известно около 20 колоний величиной от 10-50 до 300-600 пар, всего в которых, по экспертной оценке, гнездится не менее 1,5-2,5 тыс. пар.

В целом на юге России во второй половине XX в. наблюдалось заметное

увеличение численности и уплотнение кружева гнездового ареала серой цапли в связи с развитием рисосеяния, созданием многочисленных рыборазводных прудов, гидростроительством на Маныче и других реках и распространением искусственных лесонасаждений в прилежащих степях. Но в дельте Волги численность птиц с 1980-х годов заметно сократилась в связи с подъемом уровня Каспия. В последнее время прослеживалась тенденция снижения их численности в дельте Терека, а также в колониях по Дону (Белик и др., 2003; Казаков и др., 2004). В низовьях Дона популяция сократилась, по сравнению с началом 1990-х годов, почти в 2 раза (Забашта, Забашта, 2020). Общая же численность на юге России сейчас может быть лишь примерно оценена в те же 10-15 тыс. пар.

Охранный статус. На юге России в особой охране не нуждается.

25. Цапля рыжая *Ardea purpurea* Linnaeus, 1766

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России, кроме некоторых предгорных районов Центрального Кавказа (Чернобай, 2000а, 2004а; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016), случайно встречающийся зимой на юге Предкавказья (Миграции …, 1978; Заболотный, Хохлов, 1990; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014).

Зоогеографические связи. Предположительно тропический вид Афро-Ориентального генезиса, частично проникающий на запад и восток Евразии.

Таксономия. Обычно выделяют 3 подвида. В Европейской России обитает номинативная форма *A. p. purpurea* (Спангенберг, 1951; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии и на юго-западе Евразии от Пиренеев до Казахстана (Спангенберг, 1951; Приклонский, 2011). На юге России рыжая цапля обитает по всему Предкавказью, кроме предгорий Карачаево-Черкесии, а также в Придонье и Поволжье, где спорадично распространена вплоть до северных границ Ростовской и Волгоградской обл. (Олейников, 1953; Винокуров, 1965; Хонякина, Пишванов, 1970; Ломадзе, 1973; Бондарев, 1975; Падутов и др., 1975; Кукиш, 1982; Демьянова, 1987; Чернобай, 2000а, 2004а; Казаков и др., 1980, 1981а, 1981б, 1986, 2004; Бичерев, Хохлов, 1981, 1986, 1991; Бичерев и др., 1984; Белик, 2005, 2019; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

На Среднем Дону птицы неоднократно отмечались 17.06.1982 в районе стан. Вешенской в Ростовской обл. (Белик, 2005). Несколько вероятно гнездившихся птиц держалось 10.06.2008 на заросшем оз. Ильмень в

пойме р. Медведица у стан. Етеревской Михайловского р-на, а в 2011 г. не менее 10-20 пар учтено в цапельнике на оз. Лиман в пойме р. Бузулук у стан. Староаннинской. Севернее рыжие цапли в 1930-е годы гнездились в Хоперском заповеднике (Измайлов, 1940), во второй половине XX в. их гнездовья были найдены на Воронежском вдхр., а также на оз. Ильмень в пойме Хопра в Поворинском р-не и в ряде других районов Воронежской обл. (Нумеров, 1996; Венгеров и др., 2000).

В Заволжье 2 гнезда были обнаружены в 1998 г. в тростниках на левом берегу Волгоградского вдхр. на юге Ровенского р-на Саратовской обл., на границе с Волгоградской обл., а в 1998-2002 гг. эти цапли изредка гнездились в низовьях р. Еруслан (Завьялов и др., 2000, 2005). Кроме того, рыжая цапля издавна обитает на Большом Лимане у г. Волжский (Коленов, 1981), но на Эльтоне она указана как редкий залетный вид, встреченный лишь в июне 2002 г. (Линдеман и др., 2005).

Основные же гнездовья сосредоточены в дельтах Волги, Терека и Кубани, в пойме Нижнего Дона и на Цимлянском вдхр. вверх до г. Калач-на-Дону, а также в долине Маныча и на Сарпинских озерах, где эта цапля была найдена еще в XIX в., однако выше по Волге она тогда не встречалась (Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Лорец, 1928; Спангенберг, 1951).

Зимовки находятся в основном в Африке и Средиземноморье, в теплые зимы птицы могут оставаться в Закавказье, а в последнее время эти цапли изредка, местами стали встречаться зимой и на юге Предкавказья (Миграции …, 1978; Заболотный, Хохлов, 1990; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014). Пролет идет широким фронтом, как правило – по ночам; птицы летят в одиночку или небольшими стаями, обычно транзитом преодолевая высокогорные перевалы Большого Кавказа (Аверин, Насимович, 1938; Ткаченко, 1966; Казаков и др., 2004; Комаров, 2006, 2013; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; Моламусов, 2017).

Местообитания. Гнездится обычно в тростниково-рогозовых зарослях на различных водоемах: открытых озерах, лиманах, различных прудах, по берегам степных рек и т.п. Селится колониями, как моновидовыми, так и в больших смешанных поселениях с другими цаплями, каравайками, колпицами. Нередко гнездится одиночными парами или диффузно, не образуя четких колоний. Гнезда устраивает на заломах тростника и рогоза в среднем и нижнем ярусах, местами – на болотах в кустах ивы. Есть указания о гнездовании рыжей цапли также на деревьях в долине р. Еруслан в Заволжье (Завьялов и др., 2000), хотя древесные поселения для этого вида нехарактерны. Кормится, как правило, на среди зарослей макрофитов на мелководьях близ колоний.

Численность. Европейская популяция оценивается в 31,6-46,0 тыс. пар, в том числе на юге Европейской России – от 8-10 до 10-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На Северном Кавказе в конце XX в. гнездились 2,2-2,4 тыс. пар (Казаков и др., 2004), в дельте Волги в 1980 г. – 2,8 тыс. пар, но в последующие годы численность птиц там снизилась до 560 пар в 1991 г., 800 пар в 2003 г. и 420 пар в 2012 г. (Гаврилов, 2005; Русанов и др., 2012). Для отдельных регионов указывали 650-820 пар в Ростовской обл., около 1,4 тыс. пар на Ставрополье, 510 пар в 1973-1974 гг. в дельте Терека (Бондарев, 1975, 2005; Хохлов, 1993; Белик, 2000а). В Краснодарском крае в 1980-е годы было известно 6 крупных колоний общей численностью 1.507 пар, а в 1990-е годы выявлено 13 колоний максимальной численностью 2.168 пар (Емтыль и др., 1989, 2003). В Волгоградской обл. гнездится, по нашей оценке, не менее 100-200 пар. Численность цапель в Калмыкии неизвестна.

В последние десятилетия в дельте Волги произошло заметное снижение численности птиц из-за подтопления тростниковых массивов в результате подъема уровня Каспия; тенденции к снижению численности отмечаются и в Придонье (Белик и др., 2003; Реуцкий, 2014). Общая же численность рыжей цапли на юге России может быть оценена в настоящее время в 6-8 тыс. пар.

Охранный статус. В Южной России сейчас в особой охране не нуждается.

Семейство **Ибисовые** Threskiornithidae

26. **Колпица** *Platalea leucorodia* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов Южной России, кроме предгорий Центрального Кавказа (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016). Может изредка, случайно зимовать на юге Предкавказья и в Причерноморье (Емтыль, Лохман, 1994; Тильба, 2007; Белик, 2011).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Обычно выделяют 2-4 подвида: на юге Евразии, в том числе в России гнездится номинативная форма *P. l. leucorodia*, еще два подвида (*P. l. balsaci* и *P. l. archeri*) распространены на севере Африки. Иногда в отдельную форму *P. l. major* выделяют популяции Индостана (Спангенберг, 1951; Степанян, 2003; Белик, 2011; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится на юге Евразии и севере Африки (Спангенберг, 1951; Белик, 2011). На юге России в прошлом колпица заселяла

низовья рек, впадающих в Черное, Азовское и Каспийское моря, проникая в XVIII в. к северу до Воронежской и Саратовской обл. (Гмелин, 1771; Богданов, 1871; Кондратьев, 1885, 2004; Кириков, 1959; Динесман, 1960; Рахилин, 1997; Белик, 2011, 2014). Однако к середине XIX в., вероятно – из-за каких-то климатических трансформаций, ее ареал отступил к югу примерно до нынешних границ, но затем освоение речных долин человеком привело к дальнейшему сокращению ареала и численности птиц, а местами и к их полному исчезновению (Олейников, 1953; Олейников и др., 1975). Только благодаря организации особо охраняемых территорий, а также созданию ряда крупных водохранилищ и других искусственных водоемов на юге России, уцелевшие здесь группировки стабилизировались, и затем колпицы начали расселяться и восстанавливать свой ареал.

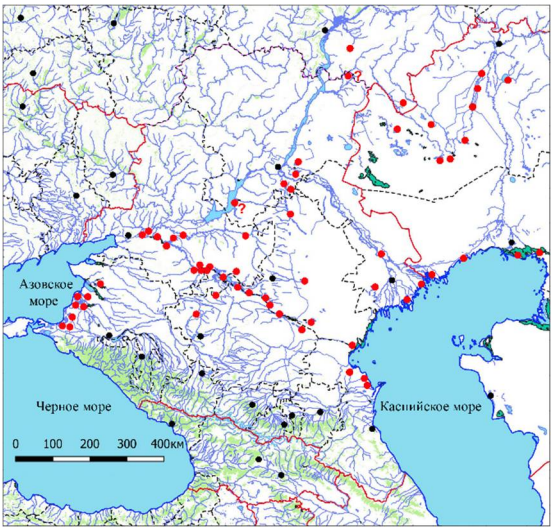


Рис. 12. Известные места гнездования колпицы на юге России и в Западном Казахстане

В настоящее время колпица нерегулярно гнездится на водоемах в низовьях Дона и в долине р. Сал (Ломадзе, 1983; Казаков и др., 1986, 2004; Белик, Коренев, 2020; Забашта, Забашта, 2020). Постоянные гнездовья расположены на водохранилищах в долине Западного и Восточного Маныча (Олейников, 1953; Языкова, 1970; Кривенко, Любаев, 1975; Олейников и др., 1975; Падутов и др., 1975; Языкова, Казаков, 1975; Казаков и др., 1980, 1981а, 1981б, 1986, 2004; Кривенко, 1981; Белик, 2004а; Бадмаев, 2013; Липкович, Брагин, 2015), на Сарпинских

озерах (Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Лорец, 1928; Чернобай, 2004а; Белик и др., 2013; Чернобай, Букреев, 2017), а также в дельте Кубани и заболоченных низовьях рек Ея и Бейсуг в Восточном Приазовье (Винокуров, 1965; Ломадзе, 1973; Емтыль и др., 1989, 2003; Белик, Динкевич, 2004; Лохман, Гожко, 2017).

В 70-80-е годы XX в. колпицы стали гнездится на внутренних водоемах степного Ставрополья (Бичерев и др., 1984, Бичерев, Хохлов, 1986). Издавна они обитают в дельте Терека и местами в Кизлярском и Аграханском заливах, а также на некоторых озерах в низовьях Кумы (Динник, 1886; Бёме, 1925, 1935; Бондарев, 1975, 2005; Пишванов, 1975; Сыроечковский, 2005; Джамирзоев, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

На Волге колпицы гнездятся в приморской части дельты и в Западном ильменно-бугровом районе, а до 1980-х годов их гнездовье было известно в Волго-Ахтубинской пойме на о-ве Гусиный у с. Замьяны Енотаевского р-на (Русанов, 2004). Колония из 12 пар 28.05.1986 была найдена также на озере у с. Бахтияровка Ленинского р-на Волгоградской обл. (Е.И. Врублевский, дневники). Но сейчас на севере Волго-Ахтубинской поймы колпицы не гнездятся, как не гнездились они и на севере Астраханской обл. (Kracht, 1919, 2014; Аргиропуло, 1928; Николаев, 1995; Амосов, 2015), изредка появляясь здесь лишь на кочевках.

Небольшую колонию из 5-10 пар в 1979 и 1986 г. наблюдали на Большом Лимане у г. Волжский (Коленов, 1981; Е.И. Врублевский, дневники). В прошлом колпицы гнездились в Заволжье, вероятно, и на других больших озерах, в частности в степях по р. Торгун (Динесман, 1960). Во второй половине XX в. колония колпиц была известна на очистных прудах у с. Старая Полтавка, а 08.06.1989 еще одно поселение из 6 гнезд было обнаружено на полузатопленном острове среди степного лимана в Ровенском р-не Саратовской обл. в 30 км к северу от Старой Полтавки (Мосейкин, 2000). Колпицы регулярно гнездятся также на ближайших озерах в степях Казахстана (Шевченко и др., 1993, 2020; Линдеман и др., 2005; Белик, 2008).

Птицы из Восточного Приазовья и долины Маныча, судя по данным кольцевания, зимуют в основном на юге Пакистана и Ирана, куда летят вдоль западного берега Каспия, а колпицы из Дагестана и Поволжья улетают через Иран на юго-восток в Индию (Миграции …, 1978; Белик, 2011). Миграции вдоль побережья Каспия идут обычно стаями, но общая численность птиц, по наблюдениям в Дагестане, сравнительно невелика, а в некоторые годы мигранты не отмечаются вовсе (Михеев и др., 1975; Бутьев и др., 1989; Михеев, 1991; Джамирзоев и др., 2013), что может быть связано, возможно, с их ночной миграцией.

Поэтому же, вероятно, их пролет практически не выражен и в Предкавказье между Кубанью и Тереком (Бичерев, Хохлов, 1990; Белик, 2011). Очень редко колпицы залетают в горы Северного Кавказа и на его Черноморское побережье (Тильба, 2007; Караваев и др., 2015).

Местообитания. Гнездится колониями в смешанных поселениях цапель, караваек, бакланов, но обычно несколько обособленно от соседей. Селится в основном в тростниковых зарослях в речных плавнях и на озерах, а также на открытых островах оз. Маныч-Гудило. В дельте Волги местами заселяет полузатопленные древесно-кустарниковые заросли. В тростниках строит массивные гнезда на заломах; на сухих островах оз. Маныч-Гудило гнездится среди травы, устраивая плотные группы высоких башнеобразных гнезд из растительной ветоши. Кормится на мелководных илистых водоемах, далеко вылетая из колоний.

Численность. Европейская популяция оценивается в 10,2-15,2 тыс. пар, в том числе для юга Европейской России в начале XXI в. указывали 2,5-3,0 тыс. пар, через 10 лет – 1,7-2,2, а сейчас – 2,5-3,0 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а, 2014а; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). В Ростовской обл. в конце XX в. было 300-400 пар, сейчас же гнездится около 100–150 пар (Белик, 2000а, 2014), в Волгоградской обл. в конце XX в. численность не превышала 50–55 пар, а в настоящее время здесь гнездится, вероятно, лишь около 10–20 пар (Гугуева, Белик, 2013; Чернобай, Букреев, 2017).

В Краснодарском крае в 1980-е годы в 7 колониях было учтено 235 пар, а в 1990-е годы выявлено 9-11 колоний с 288-328 парами (Емтыль и др., 1989, 2003; Белик, Динкевич, 2004). В начале XXI в. там было более 10 колоний, в которых гнездилось до 400 пар, а сейчас известно более 7-10 гнездовий, но численность не превышает 200-400 пар (Лохман, 2007; Лохман, Гожко, 2017). На внутренних водоемах Ставрополья гнездится до 200 пар, а на озерах Кумо-Манычской долины – до 1,5 тыс. пар (Хохлов, Ильюх, 2013).

В Калмыкии в конце XX в. гнездилось 900-1350 пар, а сейчас численность составляет 850-1200 пар, в том числе 400-450 пар на оз. Маныч-Гудило, 120-140 пар на Чограйском вдхр., 50-70 пар на оз. Деед-Хулсун и др. (Линьков, 2001; Бадмаев, 2013). В Дагестане в 1970-е годы гнездилось 370 пар, в 1980-е годы – всего 20-40 пар (Бондарев, 1975, 2005; Прилуцкая, Пишванов, 1989; Пишванов и др., 1998; Казаков и др., 2004), а в конце 1990-х годов численность оценивали от 60-70 до 100-200 пар (Вилков, Пишванов, 2000; Джамирзоев и др., 2000). В настоящее время в Дагестане вновь наблюдается сокращение численности, которая не превышает, вероятно, 25-30 пар (Джамирзоев, 2009).

В дельте Волги в 1973-1974 г. в 14 колониях было учтено 1.206 гнезд, а в

течение 1980-1991 гг. в связи с подъемом уровня Каспия численность птиц снизилась с 416 до 183 пар. В 2003 г. в 3 колониях в дельте гнездилось всего 60 пар и 80 пар в одной колонии в ильменно-бугровом районе. В 2009 г. численность птиц составляла лишь 50 пар, а в 2012 г. гнездовья колпиц в дельте Волги не найдены вовсе (Бондарев, 1975, 2005; Гаврилов, 2005, 2009; Русанов и др., 2012). Общую же численность колпицы на юге России можно оценить сейчас в 3,0-3,5 тыс. пар.

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) как сокращающийся в численности вид на периферии ареала (2 категория). Занесена в Красные книги всех регионов Южной России, в которых гнездится (Белик, 2014а). Основные гнездовые колонии сосредоточены на заповедных островах оз. Маныч-Гудило. Численность на юге России в целом относительно стабильна или медленно сокращается (Белик и др., 2003; Белик, 2011, 2014а). Динамика популяций тесно связана с гидрологическим режимом водоемов, колебаниями их уровня, определяющими условия в местах кормежки, а также в районах гнездования на островах, в тростниках, среди древесно-кустарниковой растительности.

27. Каравайка *Plegadis falcinellus* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов Южной России, кроме предгорий Центрального Кавказа (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016). Изредка зимует на юге Предкавказья (Белик, 2011).

Зоогеографические связи. Тропический вид Афро-Ориентального генезиса, в конце XIX в. проникший из Африки в Америку, где сейчас расселяется по ее восточному побережью (Белик, 2011).

Таксономия. В настоящее время рассматривается как монотипический вид (Степанян, 2003; Белик, 2011; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Распространена по югу Евразии, в Африке, Юго-Восточной Азии и Австралии, а недавно проникла в Америку (Степанян, 2003; Белик, 2011). На юге России гнездится по Нижнему Дону, проникая вверх до устьев рек Чир и Курман (Курмоярский Аксай), где караваек впервые нашел С.Г. Гмелин (1771). Однако сейчас гнездование этих птиц в районе Цимлянского вдхр. лишь предполагается (Кондратьев, 1885, 2004; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а, 2017).

Каравайки гнездятся также в долине Западного и Восточного Маныча (Олейников, 1953; Олейников и др., 1975; Падутов и др., 1975; Казаков и др., 1980, 1981а, 1981б, 1986, 2004; Кукиш, 1982; Демьянова, 1987; Хохлов, 1993; Белик, 2004а; Цапко, 2013) и на многих лиманах Восточного Приазовья (Винокуров, 1960; Ломадзе, 1973; Белик, Динкевич, 2004; Казаков и др., 2004; Лохман, Гожко, 2017), а с 1981 г. их

гнездование отмечается на водоемах степного Ставрополья (Бичерев, Хохлов, 1986, 1989; Хохлов, 1993).

Рис. 13. Известные места гнездования каравайки на юге России и в Западном Казахстане

Регулярно каравайки гнездятся в дельтах Терека и Волги (Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Динник, 1886; Бондарев, 1975, 2005; Пишванов, 1975; Сыроечковский, 2005; Джамирзоев, 2009; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). На Нижней Волге в XIX в. они поднимались вверх до Сарепты и Царицына (Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Лорец, 1928). В 1980-е годы каравайки гнездились на о. Гусином у с. Замьяны в 50 км к северу от Астрахани (Гаврилов, 2004, 2005), но у с. Черный Яр на севере Астраханской обл. их гнездовий не было (Kracht, 1919, 2014; Аргиропуло, 1928; Николаев, 1995).

В Волгоградской обл. на севере Волго-Ахтубинской поймы 10-20 пар караваек обитали в 2000-2001 гг. на прудах рыбхоза у с. Солодовка (Чернобай и др., 2001, 2002; Чернобай, 2004а), а с 2014 г. они гнездятся в цапельнике в ур. Вязники в Ленинском р-не, заселив эту колонию после того как цапли сместились с деревьев (лох узколистный) в тростники. Гнездовья этих птиц появились также в цапельниках среди тростников на Большом Лимане у г. Волжский в Заволжье, где их стайки регулярно наблюдаются с 2010 г. (Чернобай, 2017). На Эльтон и другие степные озера Заволжья лишь изредка залетают кочующие птицы (Волчанецкий, 1937; Волчанецкий и др., 1950; Линдеман и др., 2005).

Зимовки приазовских и донских караваек расположены в Западной Африке, куда они улетают через Крым, Дунай, Балканы, Италию и Средиземное море; поволжские птицы зимуют в Индии, а дагестанские летят в основном, по-видимому, на восток Африки (Белик, 2011). Изредка каравайки остаются на зиму в Азербайджане (Радде, 1884; Греков, 1965; Миграции …, 1978; Патрикеев, 1991), а в последние десятилетия в связи с потеплением климата они стали встречаться зимой и в Предкавказье (Казаков и др., 2004; Белик, 2011; Джамирзоев и др., 2013).

Мигрируют эти птицы вдоль долины Нижнего Дона и западного побережья Каспия, а в дельте Кубани осенью летят на юго-запад; выраженный пролет наблюдается также вдоль Черноморского побережья Кавказа (Михеев и др., 1975; Бутьев и др., 1989; Михеев, 1991; Тильба, 1999б, 2006; Казаков и др., 2004; Белик, 2015). Очень редко каравайки залетают в горные ущелья Северного Кавказа (Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015). Миграции идут обычно стаями по утрам, реже – во второй половине дня.

Местообитания. Характерный обитатель заросших озер, обширных рыборазводных прудов, тростниково-рогозовых плавней. В дельте Волги часто гнездится также среди полузатопленной древесно-кустарниковой растительности (Аскаров, 1938; Бондарев, 1975, 1979). Селится обычно в крупных смешанных колониях голенастых и бакланов. Гнезда в рогозово-тростниковых зарослях устраивает на заломах в нижнем ярусе у самой воды, чем они отличаются от гнезд цапель. На кустах и деревьях гнезда строит в нижних ярусах крон. Кормится обычно на мелководных водоемах, разлетаясь из колоний иногда на 15-20 км (Белик, 2011; Джамирзоев и др., 2013).

Численность. Европейская популяция оценивается в 28,3-37,7 тыс. пар, в том числе для юга Европейской России в начале XXI в. указывали 7-8 тыс. пар, через 13 лет – 16-18, сейчас же – 11-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а, 2014а; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России крупные гнездовые колонии формируются в Восточном Приазовье и на Нижнем Дону, на Сарпинских озерах, в дельтах Волги и Терека, местами по Кумо-Манычской долине и на других водоемах пустынно-степного пояса.

В Ростовской обл. сейчас гнездится до 500–700 пар (Белик, 2014); в Краснодарском крае в начале XXI в. обитало более 6 тыс. пар, а сейчас – около 4-6 тыс. пар, в том числе самая крупная колония из 4-5 тыс. пар на Понурском лимане (Лохман, 2007; Лохман, Гожко, 2017); на Ставрополье насчитывают до 200 пар (Хохлов, 1993; Хохлов, Ильюх, 2013). В Калмыкии в 1986-1987 гг. численность оценивали в 130-135 пар (Близнюк, 2004), но в последние десятилетия она заметно выросла.

В 2010 г. в тростниковых зарослях в долине Маныча на границе со Ставропольским краем гнездилось около 350-400 пар, а сейчас на внутренних водоемах Калмыкии предполагается гнездование около 500 пар; обычна каравайка также в Лаганском р-не – в плавнях на побережье Каспия, но численность колоний там неизвестна (Цапко, 2013).

В Дагестане в 1973-1974 гг. в 3 колониях гнездились 450 пар (Бондарев, 1975, 2005); в 1985-1988 гг. там учитывали 284-480 пар; в середине-конце 1990-х годов гнездовую численность оценивали от 284-300 до 550-600 пар (Пишванов и др., 1998; Вилков, Пишванов, 2000; Джамирзоев и др., 2000), а в настоящее время гнездится до 400-500 пар (Джамирзоев, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

В низовьях Волги в XIX в. каравайка встречалась во множестве (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015), но в начале XX в. уже «сильно уменьшилась в числе …, будучи преследуема астраханскими охотниками из-за вкусного мяса» (Бостанжогло, 1911, с.130). Быстрое сокращение численности продолжалось там и позже (Житков, 1913; Огнев, 1914), пока не был создан Астраханский заповедник (Воробьев, 1936; Сыроечковский, 2005). В 1950-е годы на его территории учитывали уже до 524-679 гнезд; в 1973-1974 гг. в дельте Волги в 12 колониях найдено 4528 гнезд; к 1985 г. численность птиц там достигла 6,0 тыс. пар, но затем начала снижаться и в 1990-е годы стабилизировалась на уровне 1,0-1,5 тыс. пар, однако в 2012 г. в дельте вновь было учтено 6,5 тыс. пар (Луговой, 1963; Бондарев, 1975, 2005; Гаврилов, 2005, 2009; Русанов и др., 2012).

В Волгоградской обл. общая численность составляет не менее 300–500 пар, в том числе 6-10 пар с 2014 г. гнездятся в ур. Вязники в Волго-Ахтубинской пойме; в двух колониях на Большом Лимане у г. Волжский в мае 2020 г. учтено около 10-30 и 30-50 пар; на оз. Сарпа близ с. Дубовый Овраг в июне 2009 г. обнаружена колония численностью не менее 50–150 пар, а в 2012 г. не менее 300–500 пар гнездилось на одном из прудов-отстойников к югу от Волгограда (Белик и др., 2013; Гугуева, Белик, 2013; Чернобай, 2017; наши данные). Всего же на юге России сейчас гнездится около 8,0-15,0 тыс. пар караваек.

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория). Занесена в Красные книги всех регионов Южной России, в которых гнездится (Белик, 2014а). Благодаря охране общая численность на юге России в последнее время заметно увеличилась (Белик, 2011, 2014а). В прошлом популяции каравайки испытывали значительный пресс охотничьего промысла. Сейчас основным лимитирующим фактором является выжигание тростников с многолет-

ними гнездовыми колониями. Влияние фактора беспокойства незначительно из-за труднодоступности большинства гнездовий в летний период. Очень важное значение имеет также состояние кормовых стаций – наличие близ колоний обширных, слабозаросших мелководий в поймах и дельтах рек, на рисовых чеках и т.п.

28. Ибис священный *Threskiornis aethiopicus* (Latham, 1790)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Астраханской и Волгоградской обл. (Казаков и др., 2004; Белик, 2011; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. Прежде в этот вид включали 3 подвида, в том числе номинативный, населяющий Африку, и два островных, обитающих на Мадагаскаре и островах Альдабра в Индийском океане. Иногда островные расы выделяют в отдельный вид *T. bernieri* (Cramp, 1977; Dickinson, Remsen, 2013). Исходя из географических соображений, в Россию с Ближнего Востока залетали, вероятно, птицы номинативного подвида *Th. ae. aethiopicus* (Степанян, 2003).

Распространение. Тропическая Африка, но в прошлом гнездился к северу до дельты Нила; в небольшом числе сохранился на Ближнем Востоке в бассейнах Тигра и Евфрата, откуда прежде нередко залетал в Азербайджан (Сатунин, 1907; Мензбир, 1918; Бутурлин, 1935; Спангенберг, 1951; Белик, 2011). В XVIII в. наблюдался на Сарпинских озерах П.С. Палласом (Pallas, 1811). Как известно, первую половину 1774 г. П.С. Паллас (1788) провел в Царицыне, откуда неоднократно выезжал на Баскунчак, на Дон, а также в Сарепту, где, по-видимому, и встретил этих залетных птиц. В 1924-1925 гг. группы из 2-6 птиц несколько раз отмечали в дельте Волги (Хлебников, 1928; Тугаринов, 1947; Чуйков, 2012; Реуцкий, 2015). Там же стаю из 7 священных ибисов наблюдали будто бы также летом 1969 г. (Куражковский, 1999).

Без достаточных на то оснований священный ибис включен в качестве залетного вида в фауну Дагестана и Калмыкии (Джамирзоев, 2000; Цапко и др., 2009), хотя возможность современных случайных встреч этих птиц на Северном Кавказе исключать нельзя.

Местообитания. Гнездится в лесах или кустарниках, а также на земле среди болот. Кормится на мелководьях лагун, озер, болот, на рисовых полях, по берегам других водоемов (Белик, 2011).

Численность. В Ираке в 1990-е годы насчитывали до 200 птиц (Rose, Scott, 1994). В Африке сейчас обитает 200-450 тыс. особей (https://www.iucnredlist.org/species/22697510/132068562). В Южной России возможны единичные случайные залеты.

Охранный статус. В России не имеет охранного статуса.

Семейство **Аистовые** Ciconiidae

29. **Аист белый** *Ciconia ciconia* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Спорадично гнездящийся, перелетный вид бассейнов Дона, Кубани и Терека, случайно встречающийся в других регионах Южной России (Белик, 1991; Чернобай, 2000; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2009; Савицкий и др., 2015; Белик и др., 2016, 2020; Гожко, Лохман, 2017). Сейчас изредка отмечаются зимой на юге Предкавказья (Грищенко, Галчёнков, 2011; Динкевич, Ермолаев, 2012; Гожко, Есипенко, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида, в том числе более мелкий номинативный *C. c. ciconia*, распространенный в Европе и Малой Азии, и крупный *C. c. asiatica*, обитающий в Средней Азии (Степанян, 2003), которые различаются также размерами и формой клюва. Популяции Восточного Закавказья и Дагестана требуют дополнительного таксономического анализа (Грищенко, Галчёнков, 2011).

Распространение. Гнездится в Юго-Западной Европе от Пиренеев и Прибалтики до Волги, а также в Малой, Передней и Средней Азии (Грищенко, Галчёнков, 2011). На Северном Кавказе в середине XX в. указывали лишь одно место гнездования в ауле Зрых (Спангенберг, 1951). Но знакомство с первоисточником этих сведений (Красовский, 1932) позволяет предполагать, что там на неприступной скале в глубоком горном ущелье р. Самур на юге Дагестана 04.07.1929 было найдено, скорее всего, гнездо не белого, а черного аиста, поскольку белый аист в подобных условиях больше нигде не гнездится. Но выяснить источник этого недоразумения сейчас уже очень сложно.

Кроме того, в начале XIX в. много аистов гнездилось на деревьях среди сёл по Тереку (Ménétries, 1832). Однако позже их там больше никто не находил, что вызвало сомнения в достоверности этих данных (Динник, 1886; Мензбир, 1918). Хотя о возможности гнездования аистов на Тереке могли свидетельствовать встречи их пролетных стай осенью 1916 и 1921 гг. в г. Владикавказе (Бёме, 1926). О миграциях дагестанских птиц, для которых характерны более поздние сроки (Казаков и др., 2004), косвенно свидетельствует и массовый ноябрьский пролет аистов в предгорьях Северной Осетии в 1960-е годы (Комаров, Липкович, 2000).

В начале XX в. гнезда белых аистов были известны, по опросным данным, также в некоторых хуторах в Восточном Приазовье между Краснодаром и стан. Калининской (Очаповский, 1967, 2017). Но другие

подтверждающие материалы того времени, к сожалению, отсутствуют, и сейчас можно лишь предполагать, что аисты загнездились там после мощной спонтанной инвазии, наблюдавшейся на Кубани осенью 1914 г. (Птушенко, 1915), но затем эти гнездовья постепенно исчезли.

Во второй половине XX в. аисты вновь начали заселять Южную Россию – сначала Ростовскую и Волгоградскую обл., а затем Краснодарский край, что было связано, очевидно, с общим увеличением численности и расширением ареала европейской популяции на восток (Лебедева, 1975, 1986, 1990; Белик, 1991; Грищенко, 2000; Дылюк, Галчёнков, 2000; Казаков и др., 2004; Грищенко, Галчёнков, 2011; Ветров, Литвиненко, 2014; Белик и др., 2020; и др.).

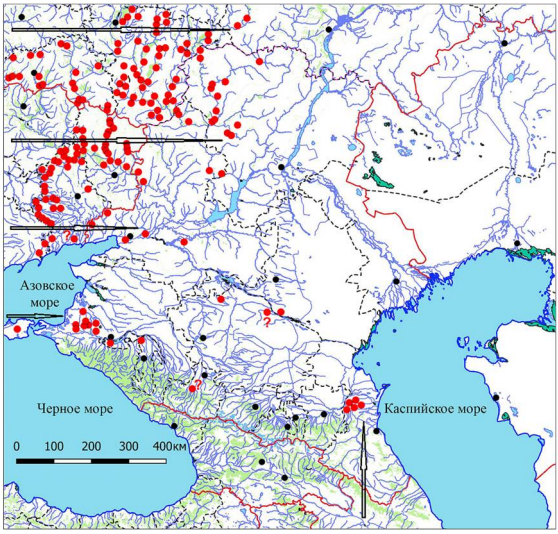


Рис. 14. Размещение известных гнездовий белого аиста на юге России и Украины и направления его расселения

Кроме того, в 80-90-е годы XX в. довольно большое поселение белых аистов сформировалось также на севере Дагестана в населённых пунктах и агроландшафтах Терско-Сулакской низменности (Джамирзоев и др., 2000; Маматаева, Умаханова, 2000; Хохлов и др., 2001; Джамирзоев и др., 2009; Джамирзоев и др., 2013), куда птицы проникли, вероятно, как и в XIX в., из Азербайджана. Возможно, через Дагестан аисты и сейчас пытаются расселяться на север и запад – на Ставрополье и в Калмыкию, где попытки их гнездования отмечали в 1959-1960 гг. в Туркменском р-не в долине Восточного Маныча, в 1999 г. в Приютненском р-не, в 2005 г. в Ипатовском р-не и в 2016 г.

в Ики-Бурульском р-не у Чограйского вдхр. (Хохлов, 1988; Цапко, 2007; Хохлов, Сердюкова, 2009; Музаев и др., 2016). Об этом же свидетельствуют и их весенние миграции на Восточном Маныче, направленные на северо-запад (Дылюк, Галчёнков, 2000).

Время появления гнездовий в степном Придонье точно не установлено. Тенденция к расширению гнездового ареала белого аиста по лесостепной зоне на восток наметилась здесь в конце 50-х – начале 60-х годов XX в. (Попов, 1961; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963); в 1970-е годы его гнездовья обнаружены сразу в нескольких районах на севере Ростовской и Волгоградской обл.; в середине 1980-х годов была прослежена еще одна волна экспансии, а с середины 1990-х годов вновь стали поступать сообщения о находках гнезд.

Сейчас аисты продолжают расселение в бассейне Дона, дойдя к востоку уже до Еланского р-на Волгоградской обл., Обливского р-на Ростовской обл. и г. Ростова на Нижнем Дону (Петров, 1990; Белик, 1991; Белик и др., 2000, 2020; Чернобай, 2000, 2004а, 2017; Казаков и др., 2004; Биндарева, 2012; Савицкий и др., 2015; Забашта, 2019; и др.). В Поволжье аисты достигли Ульяновской (Бородин, 1994, 2000; Бородин и др., 2017) и Саратовской (Пискунов, Беляченко, 2000; Белик, 2002; Завьялов и др., 2005) областей, а 07.05.2017 одиночный аист встречен уже в Заволжье в Быковском р-не Волгоградской обл. (Беляченко и др., 2018).

Повторное заселение аистами Прикубанья началось с середины 1980-х, а следующая волна их экспансии пришлась там на середину 1990-х годов. В 1986 и 2004 гг. гнезда аистов отмечали в Адыгее (Казаков и др., 2004), в 1989 г. гнездо на опоре ЛЭП найдено в районе стан. Зеленчукской в Карачаево-Черкесии (Бичерев, Скиба, 1990), с 1995 г. аисты гнездятся в Красноармейском р-не, с 2006 г. – в Калининском р-не, а в 2010-е годы они начали заселять и Славянский р-н Краснодарского края (Динкевич, 2000; Мнацеканов, 2000, 2007; Гожко, Лохман, 2017).

Следует, однако, заметить, что появление сведений о гнездовании белых аистов в 2006 г. на сухом дереве у автотрассы в окрестностях пос. Шепси Туапсинского р-на (Хохлов и др., 2007), которые неоднократно цитировались позже (Мнацеканов, 2007; Грищенко, Галчёнков, 2011; и др.), связано, по-видимому, с каким-то недоразумением. Условия для обитания этих аистов на Черноморском побережье – на крутых склонах гор с лесистыми ущельями – совершенно отсутствуют. Аисты или их гнезда не отмечались там в последующем ни нами, ни другими исследователями.

Европейские аисты зимуют обычно в Африке, местами остаются на зиму в Закавказье (Адамян, 1990; Patrikeev, 2004), а в последнее время

стали отмечаться зимой и на юге Предкавказья (Грищенко, Галчёнков, 2011; Динкевич, Ермолаев, 2012; Гожко, Есипенко, 2017). Их миграции идут днем, широким фронтом, как правило – стаями, при этом птицы преодолевают горные перевалы Северного Кавказа, а затем поворачивают на восток вдоль Черноморского побережья (Тильба, 1998, 1999б, 2006; Казаков и др., 2004; Белик, 2015). Иногда осенью здесь наблюдаются массовые инвазии, когда пролетают стаи в десятки и сотни особей (Птушенко, 1915; Диков, 1926; Тильба, 1999б, 2006; Поливанов и др., 2001; Перевозов, 2014; Белик, 2015).

Местообитания. Гнездится обычно в сельских населенных пунктах и в их окрестностях рядом с лугами, болотами или орошаемыми землями, устраивая крупные гнёзда из сухих веток на старых деревьях, водонапорных башнях, опорах ЛЭП, старых скирдах, крышах домов или на искусственных платформах, сооружаемых местными жителями. Кормится обычно поблизости от гнездовий на мелководьях, болотах и лугах, иногда в степи и полях.

Численность. Европейская популяция в настоящее время оценивается в 224-247 тыс. пар, в том числе для Европейской России в начале XXI в. указывали 5,5-7,5 тыс. пар, через 13 лет – 10,2-10,5, а сейчас – 12-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге же России в начале XXI в. гнездилось от 35-50 до 50-70 пар (Белик, 2005а, 2014а).

Сейчас не менее 5-10 пар обитает в Ростовской обл. (Динкевич, 2014; Савицкий и др., 2015; и др.), для Волгоградской обл. указывается от 5-10 до 10-15 пар с постепенным ростом численности (Чернобай, 2017; Белик и др., 2020), в Краснодарском крае в начале XXI в. численность за 10 лет увеличилась с 5-7 до 20-30 пар (Мнацеканов, 2007; Гожко, Лохман, 2017), в Дагестане насчитывается до 20-25 пар (Джамирзоев и др., 2009). Отдельные пары размножаются в Калмыкии, на Ставрополье, в Адыгее, возможно – в Карачаево-Черкесии и Чечне (Гизатулин, Точиев, 1990; Казаков и др., 2004; Гизатулин, 2007; Белик и др., 2016). Всего же в Южной России сейчас предполагается гнездование не менее 60-90 пар.

Охранный статус. Этот аист включен в Красные книги Краснодарского края (2 категория), Волгоградской обл., Карачаево-Черкесии и Чечни (3 категория), Ростовской обл. и Дагестана (4 категория). На юге России сравнительно недавно сформировались небольшие, сравнительно компактные поселения в дельтах Терека и Кубани, а в бассейне Дона в Ростовской и Волгоградской обл. аисты расселяются с запада в основном отдельными парами и их гнездовья здесь пока неустойчивы. В других регионах Южной России тоже гнездятся редкие, одиночные

пары (Бичерев, Скиба, 1990; Казаков и др., 2004; Хохлов, Сердюкова, 2009; Музаев и др., 2016; и др.). Наиболее серьезными лимитирующими факторами для белого аиста являются летние засухи, приводящие к резкому сокращению кормовой базы, а также гибель птиц на опорах ЛЭП. Для успешной натурализации аиста в новых районах необходима его особая охрана и устройство искусственных гнездовий (Савицкий и др., 2015).

30. Аист черный *Ciconia nigra* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид большинства горных и равнинных регионов Южной России, кроме Калмыкии, а в предгорьях Кавказа этот аист случайно отмечается на зимовке (Казаков и др., 1990, 2004; Kazakov et al., 1993; Белик и др., 2016; Белик, 2020).

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в умеренном поясе и в южных горах Евразии (Спангенберг, 1951; Приклонский, 2011). На юге России обитает у рек в лесистых равнинных, предгорных и низкогорных районах Северного Кавказа и бассейна Дона. Но сведений о распространении черного аиста на Дону очень мало. В XVIII в. он был весьма обычен по всему Дону, летая здесь стадами (Гмелин, 1771, с.185). То же отмечали и в начале следующего столетия (Кондратьев, 1885, 2004), но к концу XIX в. аисты встречались в Области войска Донского уже лишь по берегам крупных рек, где еще сохранились леса (Номикосов, 1884).

В 1930-е годы эти аисты еще гнездились на Нижнем Дону выше стан. Константиновская – Цимлянская (Варшавский, 1965), но в настоящее время в пределах Ростовской обл. их гнездовья неизвестны. Имеются только опросные данные о летних встречах птиц в низовьях Сев. Донца и на Среднем Дону в районе стан. Вёшенской (Белик, 1992, 1996а, 1999, 2005; Динкевич, 2014).

То же относится и к Волгоградской обл., где в 60-80-е годы XX в. черные аисты встречались отдельными парами в Суровикинском заказнике и местами по лесистым рекам в западных и северо-западных районах (Кубанцев, Чернобай, 1982). Но указание об их гнездовании на Хопре у хут. Черкасский на севере Урюпинского р-на основано лишь на встрече одиночного аиста в начале августа 1979 г. (Чернобай, 1992, 2004а, 2017). А опросные сведения о находке многолетнего гнезда в 2001 г. у степного пруда в Чернышковском р-не (Чернобай, 2001,

2002, 2004а) относятся, скорее всего, к белому аисту, поскольку природные условия там совершенно не соответствуют экологическим требованиям для черного аиста.

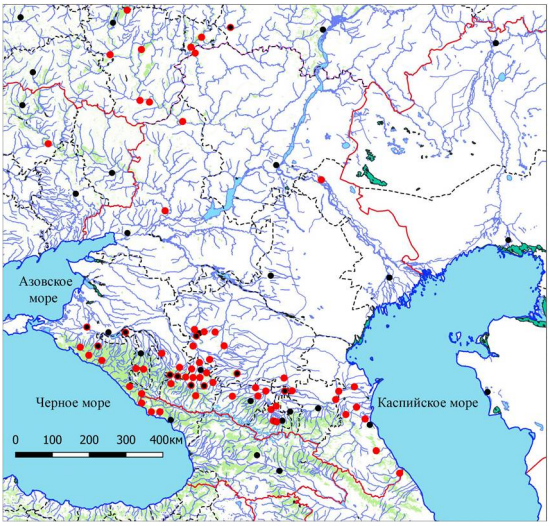


Рис. 15. Размещение известных гнезд (черно-красные точки) и мест летних встреч (красные пуансоны) черного аиста на юге России

Столь же редок черный аист сейчас и в более северных Воронежской и Саратовской областях, где случаи его гнездования несколько раз отмечались в XX в. на Верхнем и Среднем Дону, а также в бассейне Хопра – в Хоперском заповеднике, в Теллермановском лесу и в Балашовском р-не (Измайлов, 1940; Образцов, 1951; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996; Мосейкин, 2000; Завьялов и др., 2005).

По долине Волги гнездовья черного аиста в XIX в. были известны лишь в Симбирской губернии (Богданов, 1871), а у Сарепты он встречался в небольшом числе только на пролете (Artzibascheff, 1859, 2015). Но в начале XX в. на Волге в районе Сарепты в летнее время отмечали как взрослых, так и молодых птиц, в связи с чем предполагалось их гнездование в старых дубравах Волго-Ахтубинской поймы (Лорец, 1928). Недавно появилось сообщение о встрече в августе 2009 г. выводка черных аистов с двумя плохо летающими птенцами в пойме Волги в ур. Пологое Займище на севере Астраханской обл. По опросным данным, они гнездились там и в 2008 г. (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Там же в окрестностях с. Пологое Займище нескольких черных аистов наблюдали и в августе 2011 г. (Амосов, 2015).

На Северном Кавказе аисты сравнительно недавно загнездились в нагорных лесах Ставропольской возвышенности (Ильюх, Хохлов, 1998, 2013); сейчас они заселяют также многие равнинные пойменные леса по Кубани и Тереку и их крупным притокам, а также по Самуру и, возможно, в низовьях Сулака (Бёме, 1925, 1929; Мнацеканов, 2001; Джамирзоев, 2009; Белик, 2020; и др.).

В предгорьях и низкогорьях на северном макросклоне Кавказа аисты встречаются на гнездовье от р. Абин в Краснодарском крае (01-02.08.2010, стан. Шапсугская и Эриванская) до КавМинВод и южных районов Дагестана (Тильба и др., 1989; Казаков и др., 1990, 2004; Хохлов, Витович, 1990; Мнацеканов, 2001; Джамирзоев, 2009; Доронин, Костенко, 2013; Белик, 2020). На скалах по Скалистому хр. они гнездятся, возможно, к западу до р. Белой или до ее левого притока р. Курджипс (Тильба, Казаков, 1985; Белик, 2001), а к востоку – до верховий Кумы и Подкумка, возможно – до р. Баксан (Белик, Тельпов, 2007). Не исключено гнездование аистов на куэстах Скалистого хр. также в Осетии, где летом 1916 г. пара птиц держалась в Северо-Юрской депрессии на Тереке (Бёме, 1926).

На Центральном Кавказе, к востоку от Баксана, условия обитания для черного аиста на Скалистом хр. ухудшаются, поскольку в узких, крутых ущельях крупных магистральных рек резко сокращается площадь кормовых биотопов; к снижению кормовой базы приводит также аридизация степных котловин в Северо-Юрской депрессии. Поэтому аисты используют здесь скалы лишь по небольшим рекам в бассейне Кумы на самом западе Центрального Кавказа, а затем выселяются на лесистые склоны Пастбищного и Лесистого хребтов, на Сунженский хр. и в поймы крупных рек на подгорной равнине (Анисимов, 1989; Казаков и др., 1990, 2004; Комаров, Липкович, 2000; Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001; Леншин, 2003; Комаров и др., 2011; Комаров, Шевцов, 2017; Белик, 2020).

На южном макросклоне Кавказа аисты регулярно регистрируются и предположительно гнездятся в бассейне р. Пшада и далее к востоку – по р. Джубга, Аше, Псезуапсе, Шахе, Мзымта, Псоу и др. (Лауниц, 1912; Сушкин, 1914; Кудашев, 1916; Волчанецкий и др., 1962; Казаков и др., 1990, 2004; Мнацеканов, 2001, 2007; Тильба, 2006, 2017). Аисты гнездятся, по-видимому, также на Пицунде в Абхазии (Лауниц, 1912; Белик, 2015). На Новороссийском участке к западу от р. Пшада реки не имеют устойчивого водотока, летом иногда пересыхают, и туда черные аисты не заходят.

Европейские черные аисты зимуют в основном в Африке (Спангенберг, 1951; Приклонский, 2011), но с середины XX в. в связи с потеплением

климата часть птиц стала оставаться на зиму в Закавказье в Азербайджане (Алиев, 1965). Отдельные особи встречаются зимой также на юге Предкавказья (Комаров, 1988; Джамирзоев и др., 2013). Мигрируют аисты обычно днем, в одиночку и небольшими группами; через Предкавказье летят широким фронтом, изредка преодолевают перевалы Северного Кавказа (Поливанов и др., 1985; Мнацеканов, 2001; Казаков и др., 2004; Комаров, 2006; Белик, 2020; Е.А. Вуккерт, личн. сообщ.). В Предкавказье мигранты местами образуют огромные ночёвочные скопления, достигающие в низовьях Кубани иногда 140-350 особей (Мнацеканов, 2001). Но на побережьях Черного и Каспийского морей пролет черных аистов выражен слабо (Тильба, 1999б, 2006; Джамирзоев и др., 2013).

Местообитания. Гнездится обычно на деревьях по долинам рек в старых, глухих равнинных, низко- и среднегорных широколиственных лесах, рядом с которыми имеются луга, болота, озера или мелководные речные протоки и старицы. В горах аисты при возможности селятся на больших скальных массивах, устраивая гнезда из сухих прутьев в глубоких нишах. На Западном Кавказе поднимаются в горы до 1000-1300 м н.у.м., а на Центральном Кавказе проникают в горные степи до высоты 1200-1500 м н.у.м. (Бёме, 1926; Мнацеканов, 2001). На Водораздельном хр. не гнездятся, а на Боковом хр. встречаются только на самых северных отрогах, где расширяются ущелья, и на реках образуются многочисленные протоки, острова и отмели, богатые рыбой, лягушками, тритонами (Аверин, Насимович, 1938; Ткаченко, 1966; Хохлов, Витович, 1990; Комаров, 2006, 2013; Джамирзоев и др., 2014). Кормятся на речных мелководьях, по небольшим лесным рекам, а также на заболоченных лугах, на рисовых чеках, у различных мочажин и луж на лесных дорогах, улетая иногда за 5-10 км от гнездовий.

Численность. Европейская популяция оценивается в 9,8-13,9 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 400-700 до 450-750 пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). На юге России, в основном на Северном Кавказе в конце XX в. отмечали от 20 до 50-55 пар (Казаков и др., 1990, 2004), а в начале XXI в. оценки численности выросли с 50-80 до 100-200 пар (Белик, 2005а, 2014а). Данные региональных специалистов свидетельствуют о росте численности птиц в Краснодарском крае за последние 10-20 лет с двух до 5-7, а затем до 17-20 пар (Мнацеканов, 2007; Тильба, 2017), на Ставрополье – с одной до 4-5 и затем до 5-7 пар (Ильюх, Хохлов, 1998; Хохлов, Ильюх, 2002, 2013), в Северной Осетии – с 2-5 до 5-10 пар (Комаров, Липкович, 2000; Комаров и др., 2011; Комаров, Шевцов, 2017; и др.), в Дагестане – с 10-15 до 20 пар (Джамирзоев и др., 2000; Джамирзоев,

2009).

Еще до 10-12 пар указывают для Адыгеи (Мнацеканов, Тильба, 2012), до 10-12 пар в Карачаево-Черкесии (Караваев, Хубиев, 2013), до 8 пар в Кабардино-Балкарии (Пшегусов, 2018), около 10-12 пар в Чечне и Ингушетии (Анисимов, 1989; Гизатулин и др., 2001), предположительно по 1-3 пары могут гнездиться в Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл. (Русанов, 2011; Динкевич, 2014; Реуцкий, 2014; Чернобай, 2017). Всего, таким образом, на юге России насчитывается 90-110 пар, но принимая во внимание осторожность и малозаметность черных аистов в гнездовой период в горах (Витович, 1986), а также стабильный рост их численности на Северном Кавказе (Белик и др., 2003), сейчас всю популяцию Южной России реально можно оценивать в 100-200 пар (Белик, 2014а).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория). Занесен также в Красные книги всех регионов Южной России (Белик, 2014а). Кавказская популяция, благодаря организации законодательной охраны птиц, в последнее время демонстрирует выраженные положительные тренды, быстро увеличивая численность и расселяясь в новые районы (Казаков и др., 1990, 2004; Белик и др., 2003; Белик, 2014а). Следует отметить, что в конце XIX – начале XX в. этот аист на Северном Кавказе, в отличие от Закавказья (Белик, 2020), был весьма редок и некоторыми исследователями не отмечался вовсе (Menetries, 1832; Kaleniczenko, 1839; Богданов, 1879; Россиков, 1884б; Lorenz, 1887, 2010; Бёме, 1933; и др.), начав увеличивать численность лишь к концу XX в. Редкость этого аиста в прошлом могла быть обусловлена не только рубкой старых лесов в поймах рек, но и его тотемическим значением в языческой религии и его последующим «изгнанием» при распространении христианства в Европе (Белик, Тараненко, 1996).

Отряд **Фламингообразные** Phoenicopteriformes

Семейство **Фламинговые** Phoenicopteridae

31. **Фламинго розовый** *Phoenicopterus roseus* Pallas, 1811

Характер пребывания. Залетный вид большинства регионов Южной России, встречающийся на миграциях лишь в Дагестане на западном побережье Каспия, а у его северных берегов периодически отмечающийся на кочевках (Русанов, Кривоносов, 1988; Казаков и др., 2004; Мацына, Джамирзоев, 2011; Русанов, 2011; Джамирзоев и др., 2013; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016). В XIX – XX вв. гнездился на соленых озерах в Волго-Уральском междуречье, а также на северном побережье Каспия у границы с Россией (Карелин, 1875; Seebohm, 1882;

Мензбир, 1918; Луговой, 1963; Реуцкий, 2014).

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Имеет очаговый, прерывистый ареал, приуроченный к соленым водоемам в Африке, Средиземноморье, Прикаспии и Южной Азии к северу до степных озер Центрального Казахстана (Степанян, 2003; Мацына, Джамирзоев, 2011). Кроме того, в 1952 г. гнездовья фламинго были на оз. Ах-Чала в Муганской степи в Азербайджане, а в 1982-1985 гг. они гнездились там в Кызыл-Агачском заповеднике на берегу Каспия (Patrikeev, 2004; Литвинова и др., 1984; Стоцкая, Кривенко, 1988). Наконец в 2017 г. колония из 13 гнезд обнаружена на Центральном Сиваше в Азовском море на Украине (Попенко, Андрющенко, 2017).

В XVIII - XIX вв. фламинго гнездились на восточном берегу соленого оз. Индер в степном Зауралье Казахстана, пока колонию из 200 гнезд не разорили там какие-то коллекторы, после чего птицы переселились на соленые грязи «Хаки» в Казахстане близ границ с Волгоградской обл. (Эверсманн, 1866; Карелин, 1875; Мензбир, 1918). Впервые эту колонию из 419 гнезд в 1876 г. осмотрел К.Г. Генке (Seebohm, 1882). Как выяснил Л.Г. Динесман (1960), она находилась в районе Рын-песков, скорее всего, на оз. Шала-Купа (Чалкупа), прежде называвшемся Красногусиное озеро, что однозначно свидетельствует о пребывании там красных гусей, т.е. фламинго. Этот водоем расположен в 50 км к юго-востоку от оз. Эльтон, и фламинго, очевидно, могли летать туда и на другие степные лиманы из этой колонии на кормежку.

Найденная 20.07.1876 колония располагалась на сухой отмели посередине огромного соленого озера и с берега не была видна. Но при перемене ветра этот остров мог заливаться водой на глубину до 30 см. Конические гнезда высотой около 60 см были сделаны вплотную друг к другу из черной грязи, которую птицы черпали клювами из-под твердой соляной корки. В блюдцеобразных лунках на вершинах гнезд было по 1-2-3 яйца. Из половины яиц уже вылупились птенцы, но пуховики были очень осторожны, и поймать их оказалось трудно. Ночью [вероятно, на рассвете] фламинго сотенными стаями улетали на пресноводные озера за головастиками лягушек для кормежки птенцов, удаляясь на расстояние до 25 миль [около 40 км] (Seebohm, 1882). О гнездовании фламинго в Заволжье, ссылаясь на К.Г. Генке, но приводя несколько другие даты и место, писал также В.А. Хлебников (1928, 1930).

Позже колония на оз. Шала-Купа исчезла, но в конце XIX в. фламинго гнездились на Камыш-Самарских озерах в Казахстане (Харузин, 1888;

цит. по: Динесман, 1960), а в первой половине XX в. они изредка еще встречались в районе громадного Урдинского хака, где стайку наблюдали в середине июня 1926 г., а затем и позже (Волчанецкий, 1937). В архивных документах XVIII в. сообщается также об обитании фламинго в степях по р. Торгун в Заволжье и по Узеням (Динесман, 1960). Кроме того, эти птицы указывались тогда для обширных, заболоченных заволжских лиманов Пришиб, Могуты и Болугты [Булухта] (Кириков, 1966, с.193).

В 1941 г. гнездование фламинго отмечено также на северном побережье Каспия примерно в 70 км к востоку от дельты Волги, где 3 пары обосновались близ пос. Джамбай на небольшом островке среди соленого озера менее 1 км в диаметре. Но дно озера было чрезвычайно илистое, доступа к гнездам не было, и там был добыт лишь один птенец, когда он поднялся на крыло (Луговой, 1963). Обычно же на северном побережье Каспия между Волгой и Уралом летом держатся скопления кочующих птиц, достигающие иногда 20-50 тыс. особей (Русанов, Кривоносов, 1988; Русанов и др., 1991).

Сейчас в России наблюдается только пролет фламинго, пересекающих Каспийское море на пути из Казахстана на зимовку в Азербайджан и обратно (Русанов, Кривоносов, 1988; Русанов и др., 1991). Однако в последние годы миграции достаточно регулярно регистрируются только на юге Дагестана, а севернее встречи птиц носят случайный характер (Джамирзоев и др., 2013). Весной мигранты обычно летят вдоль берега моря транзитом через устье р. Самур и долетают до оз. Аджи (Папас) в Каякентском р-не, а затем через Каспий направляются к Мангышлаку на его восточном берегу. В марте 1980 г. на оз. Аджи держалась стая из 70-100 фламинго, а однажды в марте там в течение 20 дней наблюдали около 800 особей. Отдельные стайки по западному побережью Каспия долетают до Кизлярского залива (Русанов, Кривоносов, 1988; Русанов и др., 1991; Казаков и др., 2004).

Залетные фламинго изредка наблюдаются на юге России весной и летом, но более часто они появляются в разных регионах в период осенней миграции, нередко долетая с Каспия до соленых озер в долине Маныча (Хохлов, 1988, 1993; Белик, 2004а; Федосов, Маловичко, 2006; Цапко, 2008; Хохлов, Кочура, 2012; Белик и др., 2016; и др.), реже встречаясь в Приазовье и Причерноморье (Nordmann, 1840; Алфераки, 1877; Птушенко, 1939; Казаков и др., 2004; Тильба, 2007; Тильба, Мнацеканов, 2014; Белик, 2015; Лохман и др., 2020; Тильба, Филиппов, 2020; и др.), иногда залетая на степные пруды в северных районах Ростовской обл. (Ломакин, 1999) и случайно – в высокогорья Северного Кавказа в Балкарии (Башиев, Мамаев, 2016).

Зимуют фламинго в Средиземноморье и Африке, а казахстанские птицы улетают на юг Каспийского моря, в том числе в Азербайджан, но в основном на юг Азии и в Египет. Изредка они задерживаются на зиму в Предкавказье (Хохлов и др., 2001; Казаков и др., 2004; Мацына, Джамирзоев, 2011; Джамирзоев и др., 2013; Маловичко, 2019; и др.).

Местообитания. Гнездится большими, плотными колониями на обширных, открытых солёных водоемах, делая на топких мелководьях вокруг островов гнезда из грязи или песка в виде высоких башенок. Непостоянство гидрологического и охранного режима на таких пустынно-степных водоемах вызывает периодические далекие перекочевки колоний. Для кормежки фламинго предпочитают мелководные соленые озера и берега морей, а на пролёте и кочёвках останавливаются иногда также на открытых мелководных пресных водоёмах.

Численность. Европейская популяция оценивается сейчас в 45,0-62,4 тыс. пар, гнездящихся в основном во Франции (8.600-20.000 пар), Испании (400-10.500) и Турции (14.000-18.000) (Snow, Perrins, 1998; European birds …, 2017). В Центральном Казахстане численность сильно колеблется: в 1958 г. на оз. Тенгиз в Акмолинской обл. обитало более 50 тыс. птиц; в 1966-1971 гг. в Казахстане насчитывали всего 15-30 тыс., а в 1972-1976 гг. 5-9 тыс. взрослых особей. Затем популяция стала восстанавливаться: в 1977 г. на Тенгизе было 13,5 тыс., в 1978 г. – 35-36 тыс., а в 1979 г. – 54,6 тыс. взрослых птиц. Гнездилось же на оз. Тенгиз в 1969-1979 гг. от 2 до 14 тыс. пар, т.е. в размножении участвовало около 50% популяции. На северо-востоке Каспия в 1976-1982 гг. держалось от 1,5 до 15 тыс. птиц (Хроков, 1996, 2008).

Численность пролетных птиц на северном побережье Каспия в сентябре 1983-1989 гг. колебалась от 18 до 73 тыс. особей (Русанов, 2004). На зимовках же в Азербайджане в период с 1935 по 1996 г. в зависимости от погодных условий учитывали от 200 особей до 20 тысяч птиц. А в январе 2004 г. там зимовало около 11 тыс. фламинго (Patrikeev, 2004; Султанов, Джаббарова, 2006). На юг России с Каспия обычно залетают одиночки и десятки птиц, но изредка встречаются и многосотенные стаи. Так, в конце августа 1977 г. на Чограйском вдхр. на Восточном Маныче появилось более 1000 молодых и взрослых птиц, державшихся там до середины сентября (Хохлов, 1988; Казаков и др., 2004).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как редкий пролетный и залетный вид (3 категория). На юге России сейчас занесен в Красные книги Астраханской обл. и Дагестана (3 категория). Но эффективная охрана фламинго реально возможна только на местах колониального гнездования, а также в районах массовой зимовки путем организации ООПТ со строгим режимом.

Отряд **Гусеобразные** Anseriformes
Семейство **Утиные** Anatidae

32. **Казарка канадская** *Branta canadensis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. В конце XX в. была предпринята попытка акклиматизации в Краснодарском крае (Габузов и др., 1988, 1997; Тильба, Сизонов, 2001; Казаков и др., 2004). В ряде регионов Южной России отмечали также залетных птиц (Белик и др., 2016; и др.), но их происхождение неизвестно.

Зоогеографические связи. Неарктический вид недостаточно ясного зоогеографического генезиса.

Таксономия. Политипический североамериканский вид. В Европе интродуцированы крупные южные формы вероятно гибридного происхождения, фенотипически сходные с *B. c. maxima*, *B. c. moffiti* и др. От них получено и маточное поголовье для расселения в России (Габузов и др., 1997). Прежде в этот вид включали также ряд более мелких северных форм (Птушенко, 1952; Степанян, 2003), выделяемых сейчас в отдельный вид *Branta hutchinsii* (Коблик, Редькин, 2004б; Коблик и др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013; Коблик, Архипов, 2014).

Распространение. Изначально эта казарка гнездилась лишь в Северной Америке, но в XX в. была успешно интродуцирована в Англии, Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии и Новой Зеландии. Работы по интродукции казарки в XX в. предпринимали и в России. Их подробная история и анализ результатов содержатся в работе О.С. Габузова с соавт. (1997). В дельту Кубани 70 особей впервые завезли в феврале 1987 г. из экспериментального дичепитомника Главохоты РСФСР в Приазовский заказник, где в первый год размножалось 19 самок, и были получены 52 молодые особи (Габузов и др., 1988). В 1990 г. часть казарок была выпущена в естественные местообитания, и вскоре их гнёзда и выводки стали регистрировать в радиусе 25-30 км. Этих птиц отмечали в Восточном Приазовье до 1999 г., но в настоящее время кубанская группировка, оставшись без охраны, по-видимому, прекратила существование (Заболотный, Хохлов, 1991; Тильба, Сизонов, 2001; Казаков и др., 2004; Тильба, Мнацеканов, 2014).

Зимуют интродуцированные североевропейские казарки у северо-западного побережья Европы. Но во время миграций их залеты в стаях других гусей возможны и на юг России. Так, стая примерно из 50 канадских казарок, по наблюдениям Л.В. Симакина (личн. сообщ.), в середине апреля 1999 г. появилась на Среднем Дону в низовьях р. Елань на границе Ростовской и Волгоградской обл. Птицы около

недели держались на весенних разливах в пойме Дона и на близлежащих лугах, ежедневно кочуя с места на место в поисках корма, а затем улетели (Белик, 2005).

Залеты этих казарок отмечали также в Кабардино-Балкарии, где одиночную птицу наблюдали 10.02.1992 у с. Дейское Терского р-на; в Северной Осетии 2 казарки встречены 18.02.2006 у с. Дур-дур Дигорского р-на; на севере Дагестана 32 птицы пролетели на юг 09.10.1996 на побережье Каспия близ устья р. Сулак (Эдиев, Хохлов, 1993; Вилков, 1999, 2000, 2004; Шевцов, Кузнецов, 2014).

Местообитания. Образом жизни весьма сходна с серым гусем, экологическую нишу которого занимает в Северной Америке (Калякин, 2014). На севере Европы гнездится обычно на морских островах с прибрежными мелководьями, покрытыми зарослями макрофитов; в дельте Кубани казарка заселяла лиманы, заросшие макрофитами. Кормилась она там на рисовых полях, как самостоятельно, так и вместе с серыми гусями (Тильба, Мнацеканов, 2014).

Численность. На севере Европы гнездится 1-5 тыс. пар, в настоящее время увеличивающих свою численность (European birds …, 2017). В Краснодарском крае общую численность интродуцентов в 1991 г. оценивали в 300 особей (Габузов и др., 1997). Сейчас же на юге России могут случайно встречаться лишь одиночные птицы и залетные стаи этих казарок.

Охранный статус. В Южной России не имеет охранного статуса. Может рассматриваться как потенциальный охотничий ресурс.

33. Казарка белощекая *Branta leucopsis* (Bechstein, 1803)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Южной России, отмечавшийся в дельте Волги и в Калмыкии (Реуцкий, Бондарев, 2009; Реуцкий, 2014; Бадмаев и др., 2015, 2016; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Птушенко, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в атлантическом секторе Арктики от Гренландии до Новой Земли, а зимует на севере Атлантического океана (Птушенко, 1952). Мигрирует на зимовку через Белое и Балтийское моря. В 1980-е годы в связи с ростом численности птицы стали заселять острова Балтийского моря (Калякин, 2014), но на внутриконтинентальные водоемы они залетают очень редко (Ключевые …, 2000).

На юге России взрослый самец добыт однажды 28.03.1954 в дельте Волги; кроме того, там же 11.03.1958 наблюдали двух похожих птиц, а 02.11.1969 отмечена стая из 32 казарок «с белым лбом и белыми

усами», тоже, возможно, этого вида (Реуцкий, 2014).

В Калмыкии, в Яшалтинском р-не на южном берегу оз. Маныч-Гудило, одну птицу наблюдали 03.03.2016 в стае краснозобых казарок (около 3 тыс.), белолобых гусей (1 тыс.), огарей (100 особей) и нескольких пискулек. Кроме того, имеются сведения о встрече двух белощеких казарок 29.10.2011 там же на озимом поле у р. Дунда в смешанной стае белолобых гусей и краснозобых казарок и об одной птице, встреченной осенью 2009 г. на озимых полях в Ики-Бурульском р-не (Бадмаев и др., 2016). Белощёкая казарка, державшаяся в стае гуменников и белолобых гусей, встречена однажды 01.05.2006 в Бобровском р-не Воронежской обл. (Баник и др., 2011; Соколов и др., 2012).

Эта казарка обнаружена также в субфоссильном состоянии в раскопках средневекового г. Саркел на Нижнем Дону (Воинственский, 1960), что позволяет предполагать ее более регулярные зимовки на южных морях в прежние времена (Белик, 1994а).

Местообитания. Гнездится обычно на прибрежных скалах или крутых склонах по берегам морей, озер, рек и ручьев, а также на островах и косах среди колоний чаек. Зимует на морских побережьях.

Численность. Европейская популяция оценивается сейчас в 196-247 тыс. пар, в том числе для севера Европейской России в начале XXI в. указывался рост численности с 23-30 тыс. до 130-160 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). Благодаря охране на зимовках, а также, вероятно, потеплению климата, общая гнездовая численность белощекой казарки с начала 1980-х годов значительно возросла, заметно расширился на восток и ее гнездовой ареал, с чем связаны, очевидно, участившиеся залёты этой казарки на юг России, начавшей, по-видимому, формировать новый пролетный путь на зимовки с Ямала и Таймыра через Западную Сибирь, Казахстан и юг России (Волков, Тимошенко, 2015).

Охранный статус. В России не имеет охранного статуса.

34. Казарка черная *Branta bernicla* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Южной России, достоверно отмечавшийся только в Ростовской обл. (Сарандинаки, 1909; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Включает 2-4 подвида, иногда разбиваемых на 2 вида (Птушенко, 1952; Степанян, 2003; Коблик, Редькин, 2004б; Коблик и др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013). На севере Европы гнездится номинативная форма *B. b. bernicla* (Коблик и др., 2006). Она же, вероятно,

залетает и на континентальные водоемы Южной России (Птушенко, 1952; и др.).

Распространение. Обитает на арктических побережьях Евразии и Северной Америки. Птицы, гнездящиеся на Ямале и Таймыре, зимуют на морских побережьях Западной Европы, куда летят обычно через Белое и Балтийское моря. Казарки, отклонившиеся от основного направления миграций, изредка встречаются в различных районах Восточной Европы (Миграции …, 1979). Залеты единичных особей известны для Курской, Воронежской, Саратовской и ряда других областей (Птушенко, 1952; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996; Ключевые …, 2000; Завьялов и др., 2005).

Осенью 1906 г. в дельте Дона у стан. Синявской одну птицу добыл Г.А. Корнелио (Сарандинаки, 1909). Еще 3 черные казарки были добыты в октябре 2010 г. возле Кривой косы на северном побережье Азовского моря в Донецкой обл. (Белик и др., 2012). Эти птицы залетают, возможно, также в Астраханскую обл., Калмыкию и Краснодарский край (Хлебников, 1928; Итин, Плотников, 1991; Динкевич, 2002; Бадмаев и др., 2015), но их находки там не подтверждены фактическими данными и не утверждены Северокавказской фаунистической комиссией (Тильба, 2004; Работа …, 2005; Белик и др., 2006, 2016).

Местообитания. Гнездится обычно по берегам морей, на островах, в приморских тундрах и по долинам рек, нередко небольшими колониями под защитой хищных птиц и чаек. Зимует на морских побережьях.

Численность. Европейская популяция оценивается в 1,5-1,8 тыс. пар, в том числе на севере Европейской России гнездится 400-600 пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). На юге России могут встречаться редкие, единичные залетные особи.

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) как редкая форма (3 категория).

35. Казарка краснозобая *Rufibrenta ruficollis* (Pallas, 1769)

Характер пребывания. Пролетный вид равнинных регионов Южной России, изредка залетающий в горные районы, а в теплые зимы эпизодически зимующий на Маныче, в Приазовье, Северной Осетии и Дагестане (Казаков и др., 2004; Розенфельд, Сыроечковский, 2011; Русанов, 2011; Джамирзоев и др., 2013; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016; Чернобай, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны.

Таксономия. Монотипический вид (Птушенко, 1952; Степанян, 2003). Старое народное название («хазарка»), известное на юге Украины и

связанное, возможно, с обитавшими в прошлом в Причерноморье хазарами, может свидетельствовать о давних миграционных связях этого вида с данным регионом (Левицкий, 1965; Лысенко, 1983, 1991).

Распространение. Гнездится, в основном, в тундрах Ямала и Таймыра. До середины XX в. птицы зимовали, главным образом, в Восточном Закавказье у побережий Каспия, но во второй половине XX в., в связи с резким ухудшением условий обитания в Азербайджане из-за усиления хозяйственной нагрузки, казарки переместились на зимовку в Болгарию, Румынию и на юг Украины. В результате постоянный, но слабый миграционный коридор из Таймыра через Северный Казахстан и Маныч в низовья Дуная, отмечавшийся в прошлом (Алфераки, 1877, 1904; Птушенко, 1952; Левицкий, 1965; Лысенко, 1983, 1991), в 1960-е годы постепенно превратился в основной (Миграции …, 1979).

Зимовавшие в Азербайджане казарки прежде в небольшом числе, но регулярно пролетали через юг России в дельте Волги (Яковлев, 1872, 2015; Бостанжогло, 1911; Хлебников, 1930) и на побережьях Каспия в Дагестане (Пишванов, 1976; Рак, 1976; Казаков и др., 2004). В начале 1980-х годов они изредка еще отмечались во время осенних миграций в Кизлярском заливе (Комаров, 1985), но в последнее время наблюдаются, по опросным данным, лишь их случайные залёты в низовьях Кумы (Джамирзоев и др., 2013). В Астраханском заповеднике в 1970-е годы за год регистрировали от 1 до 11 встреч с мигрантами, от нескольких особей до 50-100 птиц в стаях, а в последующие годы число встреч значительно уменьшилось (Русанов, 2004, 2008, 2011).

Сейчас казарки мигрируют через все равнинные регионы Южной России. Однако основной пролет идет из озерной области в степях на севере Казахстана на важнейшую миграционную остановку в долине Маныча, а затем в Восточное Приазовье и дальше через Крым и Южную Украину – в Западное Причерноморье (Казаков и др., 2004; Розенфельд, Ванжелюв, 2014). Изредка они залетают в горы Северного Кавказа, случайно появляясь также на Черноморском побережье (Бернацкий, 1958; Тильба, 1999а, 2006, 2007; Гордиенко, 2017). Две казарки отмечены 10.12.1959 у Нальчика в Кабардино-Балкарии (Моламусов, 2017); две птицы встречены в 1953 г. у стан. Преградной в горах Карачаево-Черкесии, а стаю из 17 птиц, летевших с юга, наблюдали 30.12.2008 в долине р. Теберда ниже с. Верхняя Теберда. Этот залет был связан с резким похолоданием на юге России, но птицы, по-видимому, не смогли преодолеть Водораздельный хребет, закрытый плотной облачностью, и повернули назад (Поливанов и др., 2000; Хубиев, Караваев, 2010). В Адыгее 5 краснозобых казарок, державшихся в смешанной стае белолобых и серых гусей, встречены 27.01.2010 возле

пос. Тульский в ущелье р. Белой выше Майкопа после резкого похолодания в Предкавказье (Перевозов, 2014).

В северных районах Ростовской и Волгоградской обл. пролетные казарки появляются редко (Казаков и др., 2004; Савицкий, 2014; Чернобай, 2017), а в Воронежской обл. известны всего две встречи. Там в апреле 1940 г. залетная казарка добыта из стайки в 5 особей на разливах Дона близ г. Богучар, а 23.10.2008 раненную птицу наблюдали на Воронежском вдхр. (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Венгеров, 2018). Более часто эти казарки отмечаются на востоке Саратовского Заволжья вблизи основного миграционного коридора, ведущего с Маныча в Северный Казахстан (Морозов, Белик, 1997; Завьялов и др., 2005; Розенфельд, Ванжелюв, 2014).

Местообитания. Гнездится в тундрах и лесотундре, устраивая гнезда обычно на береговых обрывах в долинах рек и на склонах холмов, часто – по соседству с гнездами сапсанов. На пролете и зимовках кормится в основном на солончаковых лугах у берегов водоемов.

Численность. Значительное снижение численности (до 25 тыс. особей) произошло в начале 1960-х годов. Но с 1980-х годов, благодаря улучшению охраны, популяция казарки стала расти, и ее современные оценки варьируют от 30 тыс. до 100 тыс. особей и более. Однако по данным международных зимних учетов, в период 1988-2008 гг. популяция сократилась вдвое и составляла около 45 тыс. особей, хотя в гнездовых районах наблюдался рост числа колоний, а на осеннем пролете в северном Казахстане численность птиц в 1997-2013 гг. достигла уже 100-150 тыс. особей (Розенфельд и др., 2009, 2012, 2016; Розенфельд, Ванжелюв, 2014).

На юге России основные концентрации пролетных птиц наблюдаются на Веселовском и Пролетарском вдхр. (Западный Маныч), на Лысом лимане в устье р. Калаус и на Чограйском вдхр. на Восточном Маныче (Казаков и др., 2004). Осенью 1975-1976 гг. на Восточном Маныче учитывали до 30 тыс. птиц (Кривенко и др., 1980), а весной 1977 г. на водохранилищах Западного Маныча – около 8 тыс. (Гаврин и др., 1980). На Веселовском вдхр. в 1968-1977 гг. численность осенью значительно колебалась, а максимум в 20-25 тыс. особей был отмечен в 1976 г. (Кривенко и др., 1978), но в последующие 8 лет (1978-1986 гг.) число казарок там значительно снизилось и не превышало 2-5 тыс. (Казаков и др., 1988, 2004).

В 2004-2010 гг. на оз. Маныч-Гудило только в пределах заповедника «Черные земли» осенью учитывали от 6,7 до 31,1 тыс. птиц, а весной – от 11,4 до 43,5 тыс. особей (Бадмаев, 2011; Розенфельд, Сыроечковский, 2011). В заповеднике «Ростовский» весной 2004 г. численность

казарок достигала 2-3 тыс. особей (Емельченко, 2004). Более детальные обзоры Современной ситуации с этим видом посвящен ряд специальных обзоров (Сыроечковский-мл., 1995; Русев, Лысенко, 2000; Русев и др., 2008; Розенфельд, Ванжелюв, 2014; и др.).

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория). Занесена в Красные книги почти всех регионов Южной России, кроме Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии, где лишь изредка встречаются залетные птицы. В середине XX в. этот вид испытал глубокую депрессию численности из-за изменения природных условий в основном месте зимовки в Азербайджане, но после перемещения казарок в 1968/69 г. в новый зимовочный район в низовьях Дуная, а также улучшения их охраны, популяция стала восстанавливаться.

36. Гусь серый *Anser anser* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный, частично оседлый вид всех равнинных регионов Южной России, регулярно остающийся в Предкавказье на зимовку (Кукиш, 1982; Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Птушенко, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на водоемах пустынно-степного и, частично, лесного пояса Евразии от Атлантики до Тихого океана (Птушенко, 1952; Степанян, 2003). На юге России обитает во всех равнинных районах от Краснодарского края и Дагестана до севера Ростовской и Волгоградской обл. (Белик, 1995, 2004а, 2005; Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016; и др.), реже встречается в более северных регионах (Гмелин, 1771; Богданов, 1871; Нумеров, 1996; Завьялов и др., 2005; и др.).

В прошлом гуси гнездились также на заросших прудах в полупустынных районах Приэльтонья, но затем их гнездовья там исчезли (Линдеман и др., 2005). Сейчас в Заволжье они населяют лишь пруд-отстойник Большой Лиман у г. Волжский, заросшие плавни у берегов Волгоградского вдхр. и пруды в низовьях р. Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Завьялов и др., 2005; Белик, Гугуева, 2016).

Зимуют эти гуси в Восточном Приазовье, на водохранилищах по долине Маныча, в дельте Терека, на Северном Каспии, причем благодаря потеплению климата в последние десятилетия география их зимовок на юге России заметно расширилась. Но характер пребывания гусей

определяется здесь погодными условиями, и резкие похолодания зимой вызывают откочевку птиц (Казаков и др., 2004; Русанов, 2016). Молодые гуси отлетают на зиму в основном в Закавказье, Малую и Переднюю Азию (Миграции …, 1979). Мигрируют они обычно стаями вдоль речных долин и морских побережий.

Местообитания. Гнездятся серые гуси обычно на заросших стоячих или слабопроточных водоемах. Для гнезда выбирают места, обеспечивающее быстрый подъем на крыло и скрытный сход на воду, устраивая гнездо обычно в тростнике недалеко от кромки зарослей или в куртинах среди плёсов. В качестве основы для гнезда используют кочки, завалы из стеблей, хатки ондатр, старые гнезда колпиц, иногда повторно занимают свои старые гнезда. На солёных водоемах, где жесткая надводная растительность развита слабо или отсутствует вовсе, гуси иногда делают гнезда на открытых островах среди сухих прошлогодних бурьянов, а в колониях хохотуньи на островах встречаются открытые гнезда гусей (Казаков, 1982; Казаков и др., 2004). На миграциях, кочевках и зимовке серые гуси держатся на больших открытых водоемах, по утрам и вечерам регулярно летая на кормежку на сельскохозяйственные поля.

Численность. Европейская популяция оценивается в 259-427 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 18 до 25 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в начале XXI в. гнездилось 15-20 тыс. пар, в том числе около 1000-1500 пар – в Ростовской обл., около 1000 пар – на Ставрополье и около 7 тыс. пар в дельте Волги и ильменно-бугровом районе (Казаков, Сидельников, 1999; Белик, 2000а, 2005а, 2014; Русанов, 2001; Федосов, Маловичко, 2019). Численность холостых неполовозрелых птиц в Ставропольском крае примерно соответствует числу взрослых гусей (Федосов, Маловичко, 2019). На Маныче в апреле-мае регистрируют скопления до 4-10 тыс. холостых особей, летящих к Каспию, а всего здесь пролетает до 100 тыс. особей (Казаков, Сидельников, 1999; Казаков и др., 2004).

В дельте Волги, в связи с подъемом уровня Каспия и изменениями условий обитания гусей, их численность претерпела существенные колебания. В 1966-1970 гг. там гнездилось 10,0-11,8 тыс. пар, а в 1977-1978 гг. – 14 тыс. пар, но к середине 1990-х годов популяция сократилась до 7 тыс. пар (Кривенко, Кривоносов, 1972; Русанов, 1984, 2001, 2008, 2011; Реуцкий, 2014). Флуктуации численности наблюдались и на водоемах Предкавказья, где в 1970-е годы после сезона размножения держалось 17,5 тыс. особей (Кривенко и др., 1980), а в 1990-е годы только на Веселовском вдхр. в начале августа насчитывали до 13-19

тыс. птиц (Казаков и др., 2004). Рост популяций произошел за счет улучшения охраны гусей и их расселения, но затем на Маныче из-за усиления охотничьего пресса отмечено резкое сокращение их численности (Казаков и др., 2004; Белик, 2013).

На зимовке на севере Каспия в теплые зимы может концентрироваться более 36 тыс. особей, а в Дагестане – до 13 тыс. птиц (Казаков и др., 2004; Русанов, 2016). В Западном Предкавказье в начале XXI в. учитывали до 4-10 тыс. зимовавших гусей (Тильба и др., 2003; Мнацеканов и др., 2005; Solokha, Lokhman, 2017).

Охранный статус. Серый гусь, местами именуемый охотниками также гуменником, относится к традиционным охотничьим видам гусей. Так, в дельте Волги в 1965-1971 гг. за период осенней охоты добывали по 3-5 тыс. птиц, а в конце XX в. – 1,58-1,67 тыс. особей (Кривенко, 1977; Русанов, 2011). Но ряд сокращающих численность региональных популяций серого гуся, в том числе населяющих Крым, Воронежскую обл., многие регионы Верхней Волги включен под 2 категорией редкости в новое издание Красной книги России (Приказ …, 2020). Сильное снижение численности, достигавшее местами 10-кратных размеров, отмечено в начале XXI в. также на Маныче в Ростовской обл. (Белик, 2013), что требует организации особой охраны серого гуся и в некоторых регионах Южной России.

37. Гусь белолобый *Anser albifrons* (Scopoli, 1769)

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России, в теплые зимы остающийся в Предкавказье на зимовку (Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Включает 2-5 подвидов, из которых на севере Евразии гнездится номинативная форма *A. a. albifrons* (Птушенко, 1952; Степанян, 2003; Коблик, Редькин, 2004а).

Распространение. Гнездится в тундрах Евразии и Северной Америки. Евразийские популяции зимуют в Западной Европе и на юге Евразии (Птушенко, 1952). В Южной России в весенний и осенний периоды регулярно наблюдаются миграции, а во второй половине XX в. эти гуси местами в Предкавказье стали зимовать, концентрируясь в основном в Восточном Приазовье. С 1980-х годов, особенно в мягкие зимы, много гусей остается на зимовку также в долине Маныча (Хохлов, 1993; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004; Розенфельд, Сыроечковский, 2011).

Изредка гуси зимуют на континентальных водоемах Адыгеи, Ставрополья, Карачаево-Черкесии, Чечни и других равнинных и предгорных регионов, в том числе даже в Волгоградской обл., но при резких похолоданиях в Предкавказье они обычно отлетают на Черноморское побережье Кавказа, иногда в массе пересекая высокогорные районы (Поливанов и др., 1985, 1990; Хохлов и др., 1988а; Точиев, Гизатулин, 1988; Витович, Ткаченко, 1997; Тильба, 1999а, 2006; Казаков и др., 2004; Караваев, Хубиев, 2005; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; Белик, Гугуева, 2016).

Через Южную Россию мигрируют птицы нескольких популяций. Гуси, гнездящиеся на севере Европы, а зимующие в западноевропейских странах и, возможно, на Среднедунайской низменности в Венгрии, весной летят на восток через северную Украину и среднюю полосу России в сторону Верхневолжья, захватывая север Волгоградской и, отчасти, Ростовской обл. Здесь в холодные, поздние вёсны гуси в большом числе появляются в долинах Хопра, Бузулука, Терсы, Еруслана и других степных рек (Казаков, Сидельников, 1999; Баник и др., 2011; Белик и др., 2012). Обратные миграции этих птиц на зимовку идут в основном беломорско-балтийским путем, и осенью на юге России они сейчас практически не появляются, хотя в XIX – начале XX в. на осеннем пролете были нередки на Средней Волге и Верхнем Дону (Северцов, 1855; Богданов, 1871; Житков, Бутурлин, 1906; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Миграции …, 1979; Литвин, 2014).

Гуси западносибирской популяции, зимующие в Западном Причерноморье, в Крыму и Предкавказье, весной и осенью мигрируют одним маршрутом через степные озера Северного Казахстана, Волго-Уральское междуречье, долину Нижнего Дона, Маныч и Приазовье. Их основные миграционные концентрации на юге России приурочены к Восточному Приазовью, к долинам Западного и Восточного Маныча и к Приэльтонью в Заволжье (Казаков и др., 2004; Линдеман и др., 2005). В прошлом эти гуси «великими стадами» и «в неисчислимом множестве» останавливались на Сарпинских озерах (Паллас, 1788, с.285-286; Artzibascheff, 2015, с.25). Сейчас много гусей летит, по нашим наблюдениям, также через Цимлянское вдхр.

Небольшая часть сибирских птиц зимует в Азербайджане, Иране и Ираке, куда они летят сейчас, вероятно, через Казахстан, Маныч и Дагестан (Scott, Rose, 1996; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014). До середины XX в. много этих гусей летело также через дельту Волги, останавливаясь на взморье на голых косах и отмелях (Яковлев, 1872, 2015; Хлебников, 1930; Воробьев, 1936; Исаков, 1969). Но затем численность птиц там сильно сократилась, и гуси стали пролетать дельту

транзитом, а в конце XX в. их миграция в дельте Волги почти прекратилась, и в отдельные годы там отмечают лишь единичные встречи с этими птицами (Луговой, 1963; Кривоносов, 1969; Русанов, 1911).

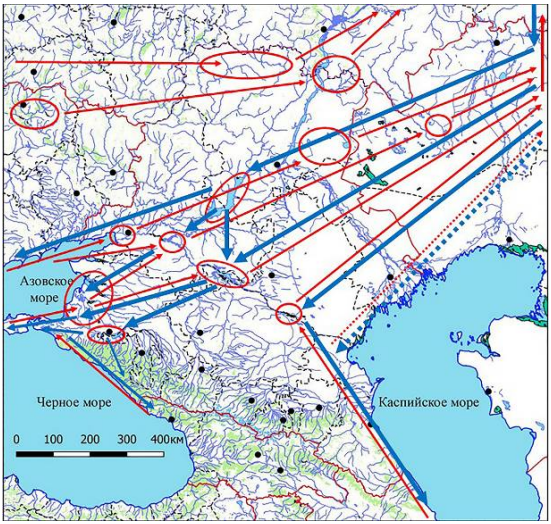


Рис. 16. Схема сезонных миграций и кормовых остановок белолобого гуся и некоторых других северных видов гусеобразных птиц на юге России

Местообитания. Гнездится обычно по долинам рек и озерным комплексам на равнинах в типичных тундрах. Во время миграционных остановок и на зимовке основными районами концентрации гусей на ночевку и отдых являются обширные равнинные водоемы, морские побережья, а также залитые талыми водами поймы степных рек и открытые озерные котловины. Кормятся гуси обычно на полях озимых культур, на убранных зерновых полях и рисовых чеках, реже – на лугах и солонцах или в степи.

Численность. Европейская популяция оценивается в 259-310 тыс. пар, гнездящихся в основном на севере Европейской России, для которой сейчас указывают 250-300 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). По другим оценкам, 600 тыс. белолобых гусей зимует в Западной Европе, 100 тыс. – в Центральной Европе, 650 тыс. – в Причерноморье и 15 тыс. особей – в Прикаспии (Scott, Rose, 1996), в том числе в Азербайджан прилетает от 3-5 тыс. птиц в сухие годы до 20-30 тыс. особей во влажные зимы (Patrikeev, 2004).

Общую численность мигрантов, летящих осенью через Волго-Уральское междуречье в сторону Дона и Маныча, можно оценивать, очевидно,

как минимум в 400-600 тыс. особей. Так, на севере Астраханской обл. в створе шириной 110 км только 02-03.11.1995 в юго-западном направлении пролетели 250-450 тыс. белолобых гусей (Кузякин и др., 2000), а в низовьях р. Урал в коридоре шириной 50-100 км в конце октября 1987-1990 гг. на юго-запад вдоль побережья Каспия пролетало по 100-150 тыс. этих птиц (Белик, 1996).

На Веселовском вдхр. в 1970-е годы весной учитывали максимально до 70-90 тыс. белолобых гусей, а осенью – до 20-30 тыс. особей, но в 1980-е годы их численность там снизилась до 10-15 тыс. птиц весной и осенью (Фертиков, Кривенко, 1978; Казаков и др., 2004). А на оз. Маныч-Гудило весной 1977 г. учли свыше 50 тыс., осенью 1977 г. там было около 25 тыс., а осенью 1975-1976 гг. пролетало примерно по 5 тыс. белолобых гусей (Линьков, 1978; Гаврин и др., 1980; Кривенко и др., 1980). Но в 2006-2010 гг. на оз. Маныч-Гудило только в Калмыкии учитывали от 12,0 до 91,2 тыс. этих гусей весной и от 9,1 до 123,8 тыс. осенью, в среднем, соответственно, по 43 и 63 тыс. птиц за сезон (Бадмаев, 2011; Розенфельд, Сыроечковский, 2011), а в марте 2001 и 2004 г. в районе заповедника «Ростовский» держалось не менее 5-7 тыс. белолобых гусей (Гуртовая и др., 2004; Емельченко, 2004).

Через дельту Дона в конце XX в. на восток за весну пролетало около 12-18 тыс. белолобых гусей (Белик, 1984), хотя во второй половине XIX в., по данным С.Н. Алфераки (1910, с.20), через Приазовье осенью летели «не десятки и не сотни тысяч, а миллионы птиц». Через Дагестан на юг в Закавказье в настоящее время мигрирует до 10-15 тыс. особей (Джамирзоев и др., 2017). На севере Волгоградской обл. в долинах степных рек в 2010-2011 г. наблюдали скопления пролетных западноевропейских гусей численностью до 2-9 тыс. особей, среди которых 10-30% приходилось на белолобого гуся (Белик и др., 2012).

Охранный статус. Белолобый гусь, часто именуемый охотниками также белолобой казаркой, является традиционным охотничьим видом, нуждающимся, однако, в более строгой регламентации промыслового изъятия и в полном запрете охоты на гусей в период весенних миграций.

38. Пискулька *Anser erythropus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. В настоящее время немногочисленный пролетный вид равнинных регионов Южной России, с середины XX в. изредка остающийся в Предкавказье на зимовку (Хохлов, 1989; Казаков и др., 2004; Розенфельд, Сыроечковский, 2011; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988)

Таксономия. Монотипический вид (Птушенко, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в лесотундрах и кустарниковых тундрах Северной Евразии, а зимует на юго-западе, юге и юго-востоке Евразии (Птушенко, 1952; Морозов, 1995; Морозов, Сыроечковский, 2002; Литвин, 2014). На юге России – пролетный вид, встречающийся обычно в стаях с похожими белолобыми гусями, составляя сейчас менее 1% численности последних (по: Кривенко и др., 1978; Гаврин и др., 1980; Казаков, 1998; Белик, 2003; Розенфельд, Сыроечковский, 2011; и др.). В связи с этим пискульку не всегда регистрируют при визуальных наблюдениях пролетных гусиных стай.

Основными районами концентрации пискульки во время пролета являются водоемы Западного и Восточного Маныча и Восточного Приазовья (Кривенко и др., 1978, 1980; Гаврин и др., 1980; Казаков и др., 2004; Лохман, 2017). Кроме того, пискульки регулярно регистрируются на пролете по побережью Каспия в Дагестане (Пишванов и др., 1998; Джамирзоев, Белик, 2008; Джамирзоев, 2009; Джамирзоев и др., 2013). В первой половине XX в. много пискулек останавливалось на кормежку также на взморье в дельте Волги, но сейчас они пролетают через Волгу обычно транзитом (Яковлев, 1872, 2015; Бостанжогло, 1911; Хлебников, 1930; Воробьев, 1936; Исаков, 1969; Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014). Миграции весной и осенью идут по сходным маршрутам, но места трофических остановок этих птиц могут меняться в зависимости от обводненности водоемов и состояния кормовых угодий в их окрестностях.

Осенью пискульки из тундр, протянувшихся от Скандинавии до Таймыра, собираются сначала в низовьях р. Обь, откуда летят уже к югу на озера Северного Казахстана, а затем часть птиц направляется через Волгоградскую и Астраханскую обл. и Калмыкию на запад в долину Нижнего Дона, на Маныч или в Приазовье и дальше на зимовку в Крым и Западное Причерноморье, а другие птицы улетают в Дагестан и затем в Азербайджан или Месопотамию (Морозов, Аарвак, 2004; Литвин, 2014; Чернобай, 2017).

Следует отметить, что через север Украины и среднюю полосу России пискульки мигрируют очень редко, и отмечавшиеся там их встречи позже во многих случаях не были признаны из-за ошибок в определении гусей (Баник и др., 2011). Поэтому регистрации пискулек среди многочисленных белолобых гусей и гуменников на севере Волгоградской обл. (Беляченко и др., 2000; Чернобай, 2004а) вызывают определенные сомнения.

Во второй половине XX в. благодаря потеплению климата, наиболее выраженному зимой, отдельные группы пискулек в мягкие зимы стали

изредка оставаться на зимовку в Предкавказье, что отмечалось во многих районах от Приазовья и Кубани до Маныча и Дагестана (Самородов, 1981; Хохлов, 1989; Пекло, 1997; Вилков, Пишванов, 2000; Розенфельд, Сыроечковский, 2011; Джамирзоев и др., 2013; Лебедева, Ломадзе, 2013; Комаров, Шевцов, 2017; Лохман, 2017).

Местообитания. Гнездится в тундре и лесотундре обычно по крутым, поросшим густыми кустарниками берегам равнинных и горных рек и озер с кормовыми луговинами поблизости. На пролете и зимовке эти гуси останавливаются в основном на обширных открытых плёсах озер, на водохранилищах или морских мелководьях у берегов. С водоемов они ежедневно летают на кормежку в окрестные степи и полупустыни, на поля озимых культур или на рисовые чеки, где собирают осыпавшееся зерно. Часто пискульки держатся вместе с белолобыми гусями и краснозобыми казарками, но нередко образуют моновидовые стаи, иногда весьма большие.

Численность. Европейская популяция сейчас составляет, очевидно, не более 140-310 пар (European birds …, 2017), а для севера Европейской России в разное время указывали от 1000-2500 и 167-500 до 200-400 и 100-250 пар (Tucker, Heath, 1994; European bird…, 2000; Мищенко и др., 2004, 2017). Мировую же популяцию в 1980-е годы оценивали в 130 тыс. особей (Madsen, 1991, цит. по: Морозов, 1995), но позже эти оценки неоднократно пересматривались. В 1990-е годы предполагали, что общая осенняя численность пискульки не превышала 30-50 тыс. (Морозов, 1995; Виноградов, Морозов, 2001) или 15-35 тыс. особей, в том числе 10-30 тыс., зимующих на юге Каспия, и 3-5 тыс., мигрирующих в Причерноморье (Scott, Rose, 1996). В начале XXI в. послегнездовая численность была оценена уже в 20-25 тыс. особей, гнездящихся почти исключительно в России (Морозов, Сыроечковский, 2002).

Однако недавние специальные учеты пискулек на миграционных остановках в Северном Казахстане показали, что осенняя численность только «европейско-таймырской» популяции, летящей на зимовки в основном через Казахстан и Южную Россию, в 2008-2014 гг. составляла от 20 до 31 тыс. особей (Розенфельд и др., 2016). При этом пискульки составляли там лишь около 4% от общей численности белолобого гуся.

На юге России пролетных гусей регулярно учитывали только в долине Маныча. Весной 1977 г. численность пискульки оценена там в 8-10 тыс. особей, в том числе 2-3 тыс. (2-3% всех гусей) – на Веселовском вдхр. («Западный Маныч») и 6-7 тыс. (10% всех гусей) – на оз. Маныч-Гудило (условно «Восточный Маныч») (Кривенко и др., 1978). Осенью 1977 г. на оз. Маныч-Гудило было учтено 28 тыс. белолобых гу-

сей и пискулек, летевших в основном транзитом на юго-запад. Но видовую дифференциацию гусей учетчики не вели (Линьков, 1978).

В 1980-е годы общая численность пискульки на Веселовском вдхр., где весной пролетало до 20-40 тыс., а осенью – до 30-60 тыс. гусей (Казаков и др., 1990), исходя из доли пискульки в миграционных стаях белолобых гусей, составлявшей тогда не более 1-3% (Казаков, 1998), ретроспективно оценивалась от 200 до 2000 особей (Белик, 2003).

Но в 2001-2002 гг. на оз. Маныч-Гудило было отмечено всего 6 пискулек среди 5 тыс. белолобых гусей, специально просмотренных в подзорные трубы (Gurtovaya, Litvin, 2004), т.е. доля пискульки снизилась до 0,1% (Белик, 2003). За осень-зиму 2014/15 г. там учтены всего 2 пискульки среди 6400 просмотренных гусей, что составило 0,03% (Федосов и др., 2015). А в 2007-2010 гг. при специальных учетах весной там отмечали по 82-366, а осенью – по 46-260 пискулек, что составляло, соответственно, 0,2-0,9% и 0,04-0,8% от общего количества учтенных белолобых гусей (Розенфельд, Сыроечковский, 2011). Таким образом, относительная доля пискулек, мигрирующих вместе с белолобым гусем через южные районы России, сократилась с 3-10% в 1970-е годы до 1-3% – в 1980-1990-е годы и до 0,1-1,0% – в начале XXI века. Очевидно, здесь произошло снижение и общей численности пискульки.

На западном побережье Каспия в Дагестане пискулька была обычна на пролёте до начала 1980-х годов. Затем отмечено резкое снижение ее численности, которое продолжалось до середины 1990-х годов и было связано с деградацией зимовок в Азербайджане. Там в 60-70-е годы численность зимующих пискулек была относительно стабильна и достигала 20-30 тыс. особей. Однако зимой 1984 г. там учли всего около 500 птиц, а в 1985-1991 гг. отмечали не более 100 пискулек (Морозов, Поярков, 1997; Ткаченко, 1997; Patrikeev, 2004).

Но в 1995/96 г. в Азербайджане зимовало уже более 1 тыс. пискулек (Paynter et al., 1996), а в 2003 и 2004 гг. отмечено более 3,5 тыс. птиц (Solokha, 2006). Около 2000-2750 пискулек было обнаружено также 02.02.2015 на водохранилище по р. Аракс на границе Ирана и Азербайджана (Федосов и др., 2015; http://www.piskulka.net/observations.php). В этот период рост числа мигрантов начался и в Дагестане, где сейчас пролетает, по экспертной оценке, 1,5-3,5 тыс. особей (Джамирзоев, Белик, 2008; Джамирзоев, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

В Краснодарском крае большие миграционные скопления пискульки сейчас неизвестны, ее общая численность на пролете составляет, по экспертной оценке, около 500 особей, а зимой отмечаются стаи в несколько десятков птиц (Лохман, 2017).

Очень резкое сокращение популяций пискульки произошло, очевидно,

еще в первой половине XX в. Вплоть до середины XX в. в низовьях Волги она была обычным, а в XIX в. – даже массовым пролетным видом, по численности заметно превосходившим белолобого гуся (Яковлев, 1872, 2015; Бостанжогло, 1911; Исаков, 1969). Следует заметить, что в 70-80-е годы XX в. пискулек было значительно больше, чем белолобых гусей, и на зимовке в Азербайджане, где соотношение между ними равнялось 1 : 200 (Воробьева, 1982; Ткаченко, 1997), что свидетельствует, возможно, об общности миграционных группировок, наблюдавшихся в Закавказье и низовьях Волги.

Во второй половине XIX в. пролетные пискульки, как и белолобые гуси, были очень многочисленны также и в Приазовье, хотя белолобых гусей, по словам С.Н. Алфераки (1910), пролетало там несравненно больше – «миллионы птиц». Но эти цифры могут дать примерное представление и о прежней численности пискулек. По сведениям А. Костюченко (1927), в Приазовье пискулька оставалась нередка и в первой половине XX в., хотя позже эти данные принимались компиляторами уже с определенными оговорками (см.: Лысенко, 1991).

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) как вид, сокращающий численность (2 категория). Занесена во все Красные книги Южной России, кроме горных регионов, где пискулька не встречается или отмечается только как случайно залетный вид. Но индивидуальная охрана пролетных пискулек весьма проблематична из-за их большого внешнего сходства с белолобым гусем, на которого разрешена охота. Из-за сходства этих гусей затруднен и сбор фактических сведений о миграциях пискульки на юге России (Белик, 2003).

Главной причиной сокращения численности пискульки стало ухудшение условий обитания в районах пролета и зимовки из-за распашки степей и сокращения площади водоемов (Морозов, 1995). Нестабильный гидрорежим степных озёр, пересыхающих в среднем через каждые 9-12 лет, вынуждает гусей в ходе миграций покидать излюбленные озёра и перемещаться в неохраняемые районы. Перекочевку гусей вызывает также сокращение посевов зерновых, что ведет к скоплению птиц на оставшихся засеваемых полях и к усилению отстрела пискульки охотниками (Розенфельд и др., 2009). Исчезновение гусей в дельте Волги произошло из-за зарастания молодых островов на взморье, а затем из-за их затопления при подъеме уровня Каспия в конце XX в.

Сейчас одним из основных негативных факторов, снижающих численность пискульки, является охота на гусей, особенно весенняя, поскольку отличать пискульку от сходных видов гусей в полевых условиях весьма сложно. В результате под выстрелы попадает очень много пискулек, и значительная доля этих гусей, потерявших партнеров,

следующим летом не приступает к размножению (до 44-100% в тундрах Приуралья; Морозов, 1995).

39. Гуменник *Anser fabalis* (Latham, 1787)

Характер пребывания. Пролетный вид Южной России, мигрирующий весной через север Волгоградской обл., иногда также через Средний Дон в Ростовской обл., и изредка, случайно встречающийся в период миграций и зимой на Нижней Волге и в Предкавказье (Хохлов, 1989; Казаков и др., 2004; Баник и др., 2011; Русанов, 2011; Белик и др., 2012, 2016; Реуцкий, 2014).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Очень полиморфный вид, таксономия которого дискутируется до сих пор. Некоторые авторы объединяют все формы гуменников в один вид (Степанян, 1975, 1990, 2003), другие разделяют их на два вида (Тугаринов, 1932), третьи выделяют до 10 подвидов в составе 4 видов (Бутурлин, 1935). Сейчас обычно признают 2 вида гуменников: *A. fabalis* и *A. brachyrhynchus*, а *A. fabalis* делят на 4-5 подвидов, в том числе малочисленный *A. f. fabalis*, распространенный в таежной зоне Европы и Западной Сибири, весьма многочисленный *A. f. rossicus*, населяющий тундры Европы и Западной Сибири, а также *A. f. serrirostris*, обитающий в тундрах на северо-востоке Сибири, и *A. f. middendorffii*, приуроченный к тайге Восточной Сибири; иногда отдельно выделяют *A. f. johanseni*, гнездящийся в тайге Западной Сибири (Кищинский, 1979; Коблик, Редькин, 2004а; Dickinson, Remsen, 2013).

На севере Волгоградской обл. весной 2010-2011 гг. наблюдали массовый пролет тундровых *A. f. rossicus*, но среди них могли быть и лесные *A. f. fabalis*, изредка отмечавшиеся на весеннем пролёте в Воронежской обл. (Баник и др., 2011; Белик и др., 2012, 2016). Подвидовая принадлежность гуменников, залетающих на Нижнюю Волгу и в Предкавказье (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014), требует уточнения.

Распространение. Гнездится в таежной и тундровой зонах Северной Евразии, а зимует в основном в Западной Европе и Восточной Азии. В небольшом числе гуменник прилетает также в Среднюю Азию, очень редок в бассейне Черного моря, а на Каспии не зимует вовсе (Птушенко, 1952; Миграции …, 1979). На юге России гуменник встречается редко, в основном случайно, и может рассматриваться здесь в большинстве регионов как залетный вид (Хохлов, 1989; Лысенко, 1991; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016; и др.).

Много этих птиц появляется весной лишь в северных районах Волгоградской обл., через которые они мигрируют на восток из Западной, а также из Центральной Европы, где зимуют в среднем течении Дуная на Паннонской низменности. Весной часть этих гуменников летит через среднюю полосу России, залетая в холодные вёсны также в Волгоградскую обл., где большие скопления гусей были впервые обнаружены в апреле 2010 и 2011 гг. (Баник и др., 2011; Белик и др., 2012).

В Новоаннинском р-не 18.04.2011 встречена пара гуменников с желтыми шейными кольцами с № **J 41** и **J 52** (рис. 17), которыми они были помечены 09.10.2008 на зимовке в Германии. После кольцевания их неоднократно наблюдали на миграциях и на зимовке также в Голландии и Польше (рис. 18) (Белик и др., 2012).

Рис. 17. Пролетные гуменники с желтыми шейными кольцами. 18.04.2011, р. Бузулук, Новоаннинский р-н Волгоградской обл.

Рис. 18. Места кольцевания и повторных встреч пары гуменников, помеченных в 2008 г. в Германии желтыми кольцами **J 41** и **J 52**

В 1920-е годы много гуменников мигрировало весной также через низовья р. Еруслан в Заволжье (Волчанецкий, Яльцев, 1934), но весной 1950 г. их там не оказалось (Юдин, 1952). Однако большие стаи пролетных гусей, в том числе гуменников, один из которых был добыт, вновь наблюдались 07.04.2015 в Старополтавском р-не Волгоградской обл. на левобережье Волги (Белик, Гугуева, 2016). О выраженных весенних миграциях гуменников через Волгу выше Волгограда сообщал также Е.С. Птушенко (1952).

Осенью основная масса тундровых гуменников летит сейчас в Западную Европу по европейскому северу. Но раньше, когда на Паннонской низменности еще существовали их значительные зимовки (Кищинский, 1979; Баник и др., 2011), эти птицы в большом числе мигрировали осенью и через Поволжье (Богданов, 1871; Миграции …, 1979),

и в октябре 1928 г. гуменник был добыт однажды у с. Черебаево Старополтавского р-на (Барабаш, Козловский, 1941). Судя по наблюдениям в Поволжье, Приуралье и Западном Казахстане, весенний миграционный путь гусей, летящих из Западной Европы в Сибирь, в связи с потеплением климата в XX в. заметно сдвинулся к северу (Зарудный, 1888; Сушкин, 1908; Белик и др., 2012; Белик, Гугуева, 2016). Сейчас гуменники залетают на юг России, вероятно, из Сибири через Северный Казахстан, куда они, судя по материалам кольцевания (Миграции …, 1979), случайно попадают осенью, поворачивая затем на запад с миграционным потоком белолобых гусей (Сушкин, 1908; Птушенко, 1952). Так, окольцованный в 1955 г. на Таймыре птенец гуменника был добыт 25.11.1955 в Волго-Уральском междуречье в Казахстане (Шевченко и др., 1993, 2020). На Эльтоне стая гуменников из 15-20 птиц встречена в конце октября 1999 г. (Линдеман и др., 2005). Однажды 2-3 птицы отмечены 16.10.2003 в смешанной стае гусей на Цимлянских песках в Ростовской обл. (Белик, Гугуева, 2016). В дельте Волги достоверно известно лишь 6 случаев добычи гуменников осенью: в 1979 г.; 13.10.1980; 02.10.1982; 20.10.1982; 01.10.1985; 28.10.1989 (Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014). В дельте Дона близ Ростова 3 гуменника добыты 18.09.1909, 14.03.1915 и 06.03.1916 **ст.ст.** (Казаков и др., 2004). Два гуменника добыты также 13.12.2008 в Северной Осетии (Комаров, Шевцов, 2017).

Остальные известные на юге России регистрации этого вида в Краснодарском и Ставропольском крае, в Ростовской и Волгоградской обл., в Северной Осетии, Дагестане и др. – в основном визуальные наблюдения стай. Однако определение гуменника в полевых условиях без достаточного опыта не всегда достоверно, что показывает, например, анализ опубликованных учетных данных, когда гуменников часто принимали за серых гусей и, вероятно, наоборот (Казаков и др., 2004; Белик и др., 2012).

На юге России гуменники в последнее время стали изредка отмечаться также зимой в декабре-январе: в дельте Дона, в Ставропольском крае, а также в степях Северной Осетии, где зарегистрирована целая серия таких встреч (Белик, Казаков, 1988; Комарова, Комаров, 1988; Хохлов, 1989; Комаров, 2002, 2003; Комаров и др., 2011; Комаров, Шевцов, 2017, 2018).

Местообитания. Гнездится обычно в тундре близ водоемов, а в тайге встречается на лесных ручьях, в широких долинах рек, на моховых болотах, равнинных и горных озерах. На пролете и зимовках держится в открытых речных и озерных долинах поблизости от лугов, полей или степных пастбищ, куда птицы летают на кормежку. Судя

по наблюдениям на севере Украины, весенние миграционные скопления гусей непостоянны, и соотношение видов в смешанных стаях может со временем меняться в связи с более ранним пролетом основной массы белолобых гусей. Миграции же гуменников продолжаются с конца марта до начала мая, а основной их пролет идет в апреле.

Численность. Европейская популяция оценивается в 134-144 тыс. пар, в том числе в Европейской России гнездится 7-10 тыс. пар лесных *A. f. fabalis* и 125-130 тыс. пар тундровых *A. f. rossicus* (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). При этом лесные *A. f. fabalis* мигрируют в основном в Западную Европу (Голландию и Германию), где зимует около 300 тыс. всех гуменников, а тундровые *A. f. rossicus* летят, кроме того, также в Венгрию, Чехию, Словакию и Сербию, где концентрируется от 50–70 до 100–200 тыс. особей (Кищинский, 1979; Scott, Rose, 1996; Birds in Europe …, 2004).

На севере Волгоградской обл. в апреле 2010 и 2011 гг. встречены пролетные скопления гусей численностью до 2-9 тыс. особей, среди которых от 70 до 90% составляли гуменники (Белик и др., 2012). Около 3-5 тыс. пролётных гусей, в том числе гуменников, 07.04.2015 наблюдал В.В. Трофименко (личн. сообщ.) на левобережье Волги в Старополтавском р-не Волгоградской обл. (Белик, Гугуева, 2016).

Большая же часть регистраций гуменника на юге России – это стаи численностью до 10-60 особей или небольшие группы в смешанных гусиных стаях. Лишь однажды в предгорьях Северной Осетии наблюдалась стая из 250 птиц, пролетевших 02.01.2016 на восток над полями (Комаров, Шевцов, 2018).

Охранный статус. Гуменник относится к обычным охотничьим видам гусей, но в новое издание Красной книги России под 2 категорией редкости включен лесной гуменник *A. f. fabalis* (Приказ …, 2020) – немногочисленная, уязвимая форма, гнездящаяся в таежной зоне от Скандинавии до Центральной Сибири. На таежных водоемах, по некоторым оценкам, до осени доживает всего 60% выводков, а в размножении участвует лишь около 40% популяции лесного гуменника (Головатин, 2010). Лесной гуменник может встречаться в пролетных стаях многочисленных тундровых гуменников *A. f. rossicus*, зимующих в Европе и летящих весной к местам гнездования через среднюю полосу России, в том числе в северных районах Волгоградской обл. (Баник и др., 2011; Белик и др., 2012). Отличается эта форма от тундрового гуменника заметно более длинной шеей и длинным, ярко-оранжевым клювом с темным кончиком.

40. Гусь белый *Chen caerulescens* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России, отмечавшийся здесь в отдельных регионах (Бичерев, Хохлов, 1984; Казаков и др., 2004; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Включает 2-3 подвида, из которых на северо-восток Сибири из Америки проникает западная номинативная форма *Ch. c. caerulescens* (Птушенко, 1952; Dickinson, Remsen, 2013); иногда восточносибирских птиц выделяют в особый подвид *Ch. c. hyperboreus* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Этот гусь представлен двумя фазами: белой (раньше выделялась в отдельный вид *A. hyperboreus*) и темной («голубой гусь» – темно-серый с голубоватым оттенком, с белыми головой и шеей). В России на о. Врангеля абсолютно преобладают гуси белой морфы, но в небольшом количестве встречается и голубой гусь, численность которого обычно не превышает 6-10 особей. Чаще всего это самцы, образующие пары с гусынями белой морфы (Кречмар, Кондратьев, 2006).

Распространение. Гнездится в Северной Америке, откуда краем ареала проникает на Чукотку и остров Врангеля. До XVII – XVIII вв. заселял материковые тундры к западу до Таймыра (Птушенко, 1952; Портенко, 1972), но затем на материке практически исчез и лишь в последнее время благодаря охране начал восстанавливать ареал и численность, дойдя до р. Индигирка (Кречмар, Кондратьев, 2006).

Залеты этого гуся в прошлом неоднократно отмечали в разных районах бывшего СССР, в том числе в Азербайджане (Радде, 1884; Сатунин, 1907), на Украине (Мензбир, 1895; Лысенко, 1991), в степном Заволжье (Волчанецкий, 1937), в низовьях Волги и Дона (Яковлев, 1872, 2015; Огнев, 1913; Белик и др., 2012), в Краснодарском крае в 1921 г. и в Курской обл. в 1927 г. (Птушенко, 1952), а в Костромской обл. 29.04.1962 был добыт гусь, окольцованный в 1953 г. на зимовке в Калифорнии (Теплов, Шеварева, 1965).

В последние десятилетия встречи белых гусей на юге России участились (Бичерев, Хохлов, 1984; Парфенов, 2007; Реуцкий, 2014; и др.), но часть из них связана с разлетом птиц из полувольной асканийской популяции, куда в 1961 г. завезли 60 особей с о. Врангеля. С 1962 г. там регулярно размножалось около 20 пар, и к 1980 г. из Аскании-Нова разлетелось более 200 особей, а к 1990 г. было окольцовано и выпущено 827 птиц (Зубко, 1980; Лысенко, 1991; Зубко и др., 1996). Одна из этих птиц, окольцованная в Аскании-Нова 28.08.1961, была добыта 25.11.1969 в Красноармейском р-не Краснодарского края (Зубко и др.,

1996; Казаков и др., 2004).

Происхождение остальных птиц, отмечавшихся на юге России в конце XX – начале XXI в., не выяснено, поскольку почти все они наблюдались визуально, причем сведения об этих встречах получены, зачастую, от корреспондентов и достоверно не верифицированы, поэтому не исключено, что среди них могли быть альбиносы серого гуся или каких-то других видов (Березовиков, Ерохов, 2001). Тем не менее, на юге России возможны и случайные залеты птиц из Северо-Восточной Сибири, тем более что там сейчас наблюдается заметный рост их численности и расселение (Кречмар, Кондратьев, 2006; Баранюк и др., 2019). Приведем список известных нам встреч за 1979-2011 гг. (табл.2).

Таблица 2

Встречи белых гусей на юге России в 1979-2011 гг.

Дата	Кол-во	Место	Наблюдения	Источник
21.11.1979	10 и 18	[1]с. Подлесное	летели в стаях гусей	Бичерев, Хохлов, 1984
27.10.1982	1	[1]г. Пятигорск	летел в стае серых гусей	- « -
X.1983	9 и 14	[1]Маныч	летели в стаях гусей	- « -
XI.1984	4-6	[1]Вост. Маныч	кормились	Хохлов, 1989
XII.1988	4	[1]Маныч		Хохлов, 1993
XII.2007	1	[1]устье р. Дунда	добыт из стаи гусей	Хохлов и др., 2011
XII.2008	1	[1]устье р. Дунда	в стае гусей	- « -
07.04.2011	8	[2]Славянский р-н	моновидовая стая кормилась	- « -
11.12.2011	1	[1]Ипатовский р-н	кормился на поле	Хохлов, Плеснявых, 2012
16.10.1998	12	[1]Георгиевский р-н	стая на водохранилище	Парфенов, 2007
02.10.1998	2	[1]Георгиевский р-н	летели в стае серых гусей	- « -
15.11.2000	16	[1]Советский р-н	стая на водохранилище	- « -
14.10.2002	3	[1]Советский р-н	в стае серых гусей на вдхр.	- « -
09.11.2002	4	[1]г. Ессентуки	летели в стае гусей	- « -
31.10.2004	7	[1]Советский р-н	стая на водохранилище	- « -
02.12.2004	4	[1]Советский р-н	стая на водохранилище	- « -
30.12.1996	4 и 24	[3]г. Махачкала	летели на юг	Вилков, 2000
06.03.1997	6	[3]низовья р. Сулак	летели на северо-запад	Вилков, Пишванов, 2000
23.03.1967	26	[4]дельта Волги	летели (устн. сообщ.)	Реуцкий, 2014
IV.1982	5	[4]дельта Волги	сидели на песчаной косе	- « -
26.11.2003	2	[4]дельта Волги	сидели на косе (устн. сообщ.)	- « -
05.04.1978	1	[4]дельта Волги	плавал (устн. сообщ.)	- « -
07.03.2002	7	[4]дельта Волги -	(устн. сообщ.)	- « -

Примечание: [1]- Ставропольский край; [2]- Краснодарский край; [3]- Дагестан; [4]- Астраханская обл.

Как видно, большая часть встреч (n=15) отмечена в Ставропольском крае, где широко практиковался опрос общественности. Из всех этих встреч 11 отмечены осенью в октябре-ноябре и 6 – в декабре, когда, вероятно, завершаются миграции гусей. Зимние встречи на юге России неизвестны, а весной в марте-апреле зарегистрировано еще 6 встреч белых

гусей, когда идет массовый пролет серых и белолобых гусей.

Однажды на Маныче в Апанасенковском р-не Ставропольского края В.Н. Мосейкин (личн. сообщ.) 09.03.2020 встретил гуся с ярко-белой головой и темным «галстуком» на шее, кормившегося в большой смешанной стае гусей и казарок на озимом поле. Судя по предоставленным фотографиям, это мог быть белый гусь темной морфы – голубой гусь. К сожалению, его происхождение осталось неизвестно.

Местообитания. В тундрах на о. Врангеля белые гуси гнездятся большими колониями по долинам рек, окруженных горными хребтами, где погода менее холодная и ветреная. Небольшие колонии формируются также в тундрах вокруг гнезд белой совы (Портенко, 1972). Мигранты обычно останавливаются на открытых водоемах, а кормятся на полях.

Численность. Общая численность гусей, гнездящихся на о. Врангеля, в 1960 г. составляла 200 тыс. пар, но к 1970 г. она сократилась до 60 тыс. пар (Гусаков, 1983). С 2000 г. популяция там начала восстанавливаться и к 2016-2017 гг. достигла 300-346 тыс. особей и 110-120 тыс. гнезд (Кречмар, Кондратьев, 2006; Баранюк и др., 2019). На юг России могут залетать одиночки, небольшие группы и стаи до 10-25 особей.

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса. Здесь желателен сбор коллекционного материала.

41. Гусь-белошей *Philacte canagica* (Sewastianov, 1802)

Характер пребывания. Залетный вид, отмечавшийся в XIX в. на Нижней Волге (Алфераки, 1904; Хлебников, 1928; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны.

Таксономия. Монотипический вид (Птушенко, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на Чукотке и Аляске, а зимует в северной Пацифике. Залеты в Европу в последние столетия не отмечались (Птушенко, 1952; Snow, Perrins, 1998). Но в 1849 и 1853 гг. два экземпляра этого гуся, добытые коллектором на Нижней Волге, были доставлены орнитологам во Францию, и на них ссылались Ж.-П. Верро (J.P. Verreaux), Э. Хартерт (E. Hartert), а также С.Н. Алфераки (1904) и В.А. Хлебников (1928). По мнению последнего, эти гуси были добыты, скорее всего, в Сарепте, где в середине XIX в. велись активные коллекционные сборы птиц для европейских музеев.

Позже А.Я. Тугаринов (1941) поставил эти данные под сомнение, поскольку других случаев залета гуся-белошея так далеко на запад не было известно. Однако следует заметить, что при его случайных залетах определять этот вид в природе среди сходных гусей, а тем более добывать очень редких, осторожных залетных птиц крайне сложно, о

чем наглядно свидетельствует история наблюдений и коллектирования в Европе белого гуся – другого залетного, но значительно более яркого и узнаваемого сибирского вида (Тугаринов, 1941; Птушенко, 1952).

Местообитания. Гнездится по берегам озер и рек в узкой полосе приморских тундр. Зимует в основном на побережьях Алеутских островов на севере Тихого океана (Кондратьев, 2001).

Численность. Чукотскую популяцию в 1974 г. оценивали в 12 тыс. особей (Кищинский, 1976). К концу XX в. она могла снизиться, по экспертной оценке, до 4,0-4,5 тыс. особей (Кондратьев, 2001).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2 категория). На юге России не имеет охранного статуса.

– Гусь горный *Anser indicus* (Latham, 1790)

Характер пребывания. Залетный вид, отмеченный в Краснодарском крае и связанный происхождением, по-видимому, с разлетом птиц из неволи (Зубко, Гавриленко 2002; Хохлов и др., 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Не совсем типичный представитель Тибетской фауны (Штегман, 1938), в нашем понимании – Гималайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Птушенко, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Эндемик Центральной Азии, где гнездится в высокогорьях от Памира и Тянь-Шаня до Алтая, Тувы и Хингана в Монголии. Зимует в Пакистане и на севере Индии (Птушенко, 1952; Степанян, 2003). В Европе в списке «чужих» видов горный гусь не упоминается (Нанкинов, 2010), но его встречи известны 20.06.1997 на Айновых островах в Мурманской области (Корякин, 2005) и в начале июня 1999 г. в устье р. Печора (Минеев, Минеев, 2000).

На юге России одиночная взрослая самка горного гуся была добыта 25.03.2010 в дельте Кубани на вспаханном поле близ стан. Анастасиевской Славянского р-на Краснодарского края (Хохлов и др., 2010), куда залетали птицы из популяции, акклиматизированной в Аскании-Нова на Украине (Зубко, Гавриленко 2002). Поэтому в региональный и общий списки орнитофауны Южной России этот гусь как залетный чужеродный вид, происходящий из неволи или из акклиматизированных популяций (Non-native species), не был включен (Белик и др., 2016).

Местообитания. В Средней Азии обитает на высотах не ниже 3.000-4.000 м н.у.м, но на Алтае и в Туве селится в долинах рек и озер вниз до 1000 м н.у.м., а на юге Красноярского края спускается до 500 м и ниже (Ковшарь, 2019; Кыдыралиев, 2006; Емельянов и др., 2012). Гнездится в альпике на пологих островах высокогорных озер и рек, а также на скалах в горно-степных речных долинах, местами в гнездах

коршунов и других хищных птиц в пойменных лесах по днищам ущелий (Баранов, 2001).

Численность. Общую численность в мире оценивают в 50,0-65,0 тыс. особей (Емельянов и др., 2012). В России, в основном в Туве численность колеблется в пределах 500-900 особей, в том числе в последние годы гнездилось 250-300 пар (Баранов, 2001, 2018; Ирисова, 2017).

Охранный статус. Был включен в Красную книгу России (2001) под 1 категорией, но сейчас переведен во 2 категорию (Приказ …, 2020).

42. Лебедь-шипун *Cygnus olor* (J.F. Gmelin, 1789)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид всех равнинных регионов Южной России, регулярно зимующий на незамерзающих водоемах Предкавказья и нередко остающийся на зимовку в низовьях Дона и Волги (Кукиш, 1982; Хохлов, 1989; Казаков и др., 2004; Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Птушенко, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится преимущественно в пустынно-степном поясе Евразии от Балтики почти до Тихого океана. В Средние века был акклиматизирован в Западной Европе как парковая птица, где позже натурализовался и широко расселился там, а в последние десятилетия благодаря охране он расширяет ареал также на север вплоть до тайги и даже до тундры (Минеев, Минеев, 2003, 2014; Калякин, 2014). Шипун акклиматизирован также на Черноморском побережье Кавказа, где в начале XX в. гнездился на оз. Инкит в Пицунде (Бернацкий, 1958), в 1990 г. два его выводка наблюдались на прудах в парках Новоафонского монастыря в Абхазии (Белик, 2015), а 06.04.2014 мы вместе с П.А. Тильбой осмотрели гнездо с кладкой, устроенное на пруду в парке г. Адлера.

Зимует шипун в Западной Европе и по югу Евразии, в том числе на побережьях Черного, Азовского и Каспийского морей (Птушенко, 1952; Казаков и др., 2004). На юге России – гнездящийся, пролетный и зимующий вид различных водоемов Предкавказья, Придонья и Поволжья, однако на Северном Каспии эти птицы зимуют обычно лишь в теплые зимы (Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; и др.).

В XVIII – начале XIX в. лебеди обитали на Нижнем Дону во Втором Донском округе (Кондратьев, 1885, 2004) и изредка гнездились на Верхнем Дону в Воронежской обл. (Северцов, 1855). Они заселяли тогда, вероятно, также лиманы и реки Заволжья вплоть до оз. Эльтон и

р. Торгун (Динесман, 1960). Но на Волге, по наблюдениям М.Н. Богданова (1871), в середине XIX в. шипун гнездился к северу только до Сарепты, а выше по течению уже не встречался, хотя на Сарпинских озерах эти птицы были тогда обычны (Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015).

В конце XIX – начале XX века в низовьях Волги и других районах начался чрезвычайно интенсивный браконьерский промысел водоплавающих и околоводных птиц, в том числе лебедей, добывавшихся ради мяса, яиц, а также на шкурки и перья для украшений (Сарандинаки, 1909; Качиони, 1910; Житков, 1914; Кириков, 1959, 1966, 1983; Кривоносов, 1981; Русанов, 2004; и др.). В результате шипун в первой половине XX в. исчез на Дону и Волге, сохранившись, возможно, лишь в дельтах Кубани и Терека (Бёме, 1925, 1935; Птушенко, 1952; Волчанецкий, 1959). Только в середине XX в., когда лебеди были взяты под полную охрану, они вскоре начали быстро восстанавливать своё распространение и численность, а сейчас расселились уже далеко к северу за пределы былого ареала (Кузнецов, Анзигитова, 2002), в том числе заселили всю Воронежскую и Саратовскую обл. (Нумеров, 1996; Белик, 2002; Завьялов и др., 2005).

В дельте Кубани в 50-60-е годы шипун стал уже обычен (Шехов, 1963; Очаповский, 1971, 2017) и проник на Усть-Манычское вдхр. на Западном Маныче. В 1960-е годы он начал регулярно гнездиться в дельте Дона (Гусев, 1968), в 1970-е годы заселил пойменные озера Нижнего Дона и загнездился на Веселовском и Пролетарском вдхр., а к концу 1970-х годов на Нижнем Дону стал обычным видом (Казаков, 1982; Белик, Казаков, 1988; Белик, 1990; Казаков и др., 2004). Затем, интенсивно расселяясь к северу, лебеди проникли в Воронежскую обл. (Семаго и др., 1984), а в 1982-1986 гг. найдены на Среднем Дону в Ростовской обл. (Белик, 1990, 2005).

С 1973 г. шипун регулярно гнездится также на Ставрополье (Бичерев, Хохлов, 1984), а с 1974 г. – на внутренних водоемах Калмыкии (Любаева, 1974; Кукиш, Демьянова, 1990). В Волгоградской обл., по данным Е.И. Врублевского, лебеди с 1967-1974 гг. гнездятся на Большом Лимане в окрестностях г. Волжский и на оз. Сарпа у Волгограда, в 1975-1978 гг. они найдены в низовьях Хопра, а в 1981 г. наблюдались уже в низовьях р. Еруслан в Заволжье (Белик, Гугуева, 2016). Сейчас шипун распространен почти по всей Волгоградской обл., кроме Приэльтонья, где летом на прудах изредка встречаются лишь кочующие одиночки, пары и стайки (Линдеман и др., 2005). Не найдены лебеди нами в 1996-2011 гг. также в Калачской излучине Дона, что связано, очевидно, с отсутствием значительных водоемов на высокой Донской

гряде (Белик, Гугуева, 2016).

На юге России во многих районах летом регулярно отмечаются стаи холостых шипунов, держащихся на больших водоемах. Но затем основная масса этих птиц отлетает на линьку на Северный Каспий, где в июле формируются их значительные скопления (Кривоносов, 1972; Русанов, Кривоносов, 1990). В сторону Каспия шипуны мигрируют в июне, по-видимому, и из Приазовья (Белик, 1996).

Много шипунов сейчас регулярно остается на юге России также на зимовку. Основные районы концентрации зимующих птиц приурочены к Восточному Приазовью, долине Маныча и к мелководьям у северо-западного побережья Каспия. Но шипуны нередко зимуют в низовьях Дона, на многих других водоемах Предкавказья и Нижнего Поволжья (Русанов, Кривоносов, 1990; Казаков и др., 2004; Белик, Гугуева, 2016; Solokha, Lokhman, 2016; и др.). После снегопадов в холодные зимы эти лебеди иногда в массе летят через высокогорные перевалы Кавказа на Черноморское побережье, останавливаясь там у водоемов на низменностях (Тильба, 1999, 2006; Комаров, 2006, 2013; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; Гордиенко, 2017).

Местообитания. Гнездится на стоячих и слабопроточных неглубоких водоемах среди разреженных зарослей тростника или рогоза. Предпочитает озера с тростниково-рогозовыми куртинами, а водоемов плавневого типа с высокой и сплошной тростниковой растительностью обычно избегает. Гнезда в виде широких плавучих платформ до 2-3 м в диаметре и до 0,5 м высотой устраивает из сухих стеблей и листьев болотных растений. Кормится, как правило, на воде.

Численность. Европейская популяция оценивается в 83,4-116,0 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 12-17 до 15-25 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). По данным учетов 1974, 1978 и 1987 гг., черноморская группировка увеличилась с 0,03-0,04 до 0,76 тыс. пар и с 7,0 до 9,3 тыс. неразмножающихся особей, а прикаспийская – с 2,4-3,5 до 13,37 тыс. пар и с 17,0-24,4 до 215,9 тыс. неразмножающихся особей (Кривоносов, 1987, 1990). В настоящее время растущая черноморская популяция насчитывает от 45 до 49-72 тыс. особей, а прикаспийская – 250 тыс. особей (Scott, Rose, 1996; Rees et al., 2019).

На юге России численность шипуна в конце XX - начале XXI в. оценивалась в 10-15 тыс. пар, в том числе от 0,3 до 1,2 тыс. пар гнездилось в Ростовской обл. (Казаков, Сидельников, 1999; Белик, 2000а, 2005а, 2014а), а в дельте Волги и ильменно-бугровом районе размножались 7,4 тыс. пар (Русанов, 2001, 2003). В Дагестане в 1987 г. было найдено

535 пар (Прилуцкая, Пишванов, 1990). На Ставрополье в 1983 г. гнездилось 15-20 пар, в 1987 г. – 80 пар, а в 1991 г. – 300 пар (Хохлов, 1993). В дельте Кубани в 1987 г. обитало 250-300 пар (Заболотный, Хохлов, 1990), а в 1961 г. только на одном из лиманов там было найдено 6 жилых гнезд на 0,3 га (Казаков, 1982; Казаков и др., 2004). В низовьях же Дона на одном из озер в 1982 г. учтено не менее 11 гнезд на 80-100 га (Белик, 1990). Кроме того, на Нижнем Дону и Западном Маныче в мае 1990 и 1991 гг. учитывали 2000 и 4000 холостых птиц (Казаков, Сидельников, 1999).

Все популяции лебедя-шипуна в XX в. испытали резкие колебания численности, которые на юге России наиболее детально прослежены в дельте Волги. Там в XIX – начале XX в. шипун был обычен на гнездовье (Artzibascheff, 1859, 2015; Яковлев, 1872, 2015; Бостанжогло, 1911; Огнев, 1913), но уже В.А. Хлебников (1930) отмечал, что его гнездование в дельте стало большой редкостью, А.Г. Дюнин (1931; цит. по: Луговой, 1963) считал, что гнездовья шипуна там окончательно исчезли, а К.А. Воробьев (1936), работавший в дельте в начале 1930-х годов, достоверно не видел этот вид вовсе. Л.Н. Бородин (1938), проводивший изучение водоплавающих птиц в дельте в 1930-е годы, отметил только одну встречу с шипунами, а Ю.А. Исаков (1969) в 1940-е годы за три сезона в дельте видел шипунов только дважды на пролете. Первые же повторные случаи их гнездования были зарегистрированы в дельте в 1938 и 1948 гг. (Луговой, 1963).

Положение стало быстро меняться в 1950-е годы после исключения лебедей из числа охотничьих птиц, и уже в 1961 г. только на Обжоровском участке Астраханского заповедника гнездилось 215 пар, а в 1980-е годы в дельте учитывали до 9,5-13,1 тыс. пар (Кривоносов, 1962; Луговой, 1963; Русанов, Кривоносов, 1990). Стремительный рост численности шел до середины 1980-х годов, после чего замедлился, что было связано с суровыми зимами 1984/85 и 1993/94 гг., вызвавшими массовую гибель лебедей на зимовках (Русанов, 2008, 2011). Но уже в 2000-2007 гг. осенние скопления лебедей в дельте насчитывали до 200 тыс. особей (Русанов, 2011). На летнюю линьку у северных побережий Каспия в июле 1971 г. собралось 11 тыс. шипунов, а в 1983-1987 гг. там держалось от 71,3 до 344,5 тыс. (Русанов, Кривоносов, 1990).

На зимовку в авандельте Волги в мягкие зимы оставалось от 40-80 до 143-145 тыс. особей двух видов лебедей, среди которых преобладал более холодовыносливый кликун. А в суровые зимы лебеди смещались к побережьям Дагестана, где в январе 1985 г. было учтено 56 тыс. лебедей (Русанов, Кривоносов, 1990; Русанов, 2016). В Дагестане обычно

зимует от 0,2-1,7 тыс. до 5 тыс. шипунов (Пишванов, 1987; Джамирзоев и др., 2017). На Ставрополье в разные годы зимовало от 1 до 3 тыс. особей (Хохлов, 1993), а в Краснодарском крае у побережий Азовского и Черного морей, в основном в Таманском заливе, в 2003-2016 гг. зимой учитывали от 481 до 6994 шипунов, в среднем 2.875±624 птицы с тенденцией к постепенному увеличению численности (Solokha, Lokhman, 2016).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Ингушетии (2 категория). Сейчас на юге России обитают достаточно крупные, относительно устойчивые популяции, в настоящее время не требующие организации особой охраны. А в Астраханской обл. с 2010 г. на лебедей даже вновь разрешена охота (Чуйков, 2012). Падение численности шипуна в начале XX в. было вызвано в основном браконьерской охотой. Только в дельте Волги, например, в 1907 г. было добыто 6 тыс. лебедей (Качиони, 1910). Кроме того, сказалась, вероятно, гибель птиц от остротоксичных пестицидов, массово применявшихся в 1920-е годы в плавнях южных рек для борьбы с азиатской саранчой (Белик, 1997, 2000а и др.). А быстрому росту численности на Северном Каспии способствовали снижение уровня моря, образование обширных мелководий на предустьевом волжском взморье и их зарастание водной растительностью (Русанов, 2008, 2011).

43. Лебедь-кликун *Cygnus cygnus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный и зимующий вид всех регионов Южной России, возможно гнездящийся в Волгоградской обл. (Хохлов, 1989; Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016; Белик и др., 2016; Solokha, Lokhman, 2016).

Зоогеографические связи. Палеарктический вид неясного генезиса, связанный, по-видимому, с водоемами бореального пояса.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003; Коблик, Редькин, 2004а).

Распространение. Гнездится в Северной Евразии, проникая к югу до Верхневолжья и степных озер Казахстана. До конца XIX в. кликун отмечался по Медведице, Хопру и другим рекам Саратовской обл. (Богданов, 1871), а Н.А. Северцов встретил его на гнездовье в мае 1860 г. на Хопре в Воронежской обл. (Мензбир, 1895). Но затем по неизвестным причинам кликуны везде там исчезли (Завьялов и др., 2005). Сведения о современном гнездовании кликуна на Верхнем Дону (Нумеров, 1996; и др.) нуждаются в более обстоятельных подтверждениях.

Гнездовья кликуна сохранились, возможно, в степном междуречье Волги и Урала в Казахстане, где два гнезда с кладками были найдены

15.04.1966 и 12.05.1969 (Шевченко и др., 1993, 2020). Но это были опросные данные, и гнездование кликуна там осталось фактически не подтверждено. В 1999 г. гнездящаяся пара отмечена в тростниках на пруду в верховьях р. Хара в Приэльтонье в Волгоградской обл. (Линдеман и др., 2005), но позже кликуны там больше никем не наблюдались. Выводок кликунов был встречен также в 1979 г. на оз. Сор-куль в Казахстане к востоку от Эльтона (Линдеман, 1981), однако позже эти же птицы были указаны там уже как шипуны (Линдеман и др., 2005, с.187, 190).

Только дальше к востоку на озерах в степях Северного Казахстана кликуны гнездятся более или менее регулярно (Сушкин, 1908; Долгушин, 1960). В связи с этим следует заметить, что в литературе имеется немало противоречивых данных относительно гнездования кликуна на Северном Каспии, в Нижнем Поволжье и Дагестане, связанных, по-видимому, с ошибками в визуальном определении лебедей (см.: Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Мензбир, 1895; Сыроечковский, 1955; Луговой, 1963; Реуцкий, 2014; и др.).

Пары взрослых желтоклювых лебедей дважды наблюдались нами в гнездовой обстановке 21.04.2008 на оз. Кочкарное в пойме р. Иловля близ с. Солодча Ольховского р-на и 16.04.2011 на заросшем пойменном озере в низовьях Хопра у стан. Слащевской Волгоградской обл. Но найти этих птиц там летом в июне 2008 и 2011 гг. нам не удалось, и возможность гнездования кликуна на юге России осталась не подтверждена (Белик, Гугуева, 2016).

Зимует кликун на водоемах Западной Европы и по югу Евразии, в том числе много птиц собирается зимой на мелководьях Азовского, Черного и Каспийского морей, куда прилетают кликуны западносибирской и среднесибирской популяций (Птушенко, 1952; Русанов, 1987, 2011; Казаков и др., 2004; Solokha, Lokhman, 2016; Rees et al., 2019; и др.). Изредка они остаются зимовать также на Маныче и в других районах на юге России (Россиков, 1884а; Бёме, 1926; Казаков, 1982; Бичерев, Хохлов, 1984; Белик, 1990; Комаров, Липкович, 2000; Белик, Гугуева, 2016; и др.), а в холодные зимы иногда залетают на Черноморское побережье Кавказа (Тильба, 2006; Перевозов, 2014; Гордиенко, 2017).

Сезонные миграции на Нижнем Дону направлены вдоль его долины с востока на запад (Белик, 1990); в этом направлении кликуны летят и через Нижнюю Волгу к Манычу, поэтому в северных районах Ростовской и Волгоградской обл. они встречаются редко (Белик, Гугуева, 2016).

Местообитания. Гнездится обычно на обширных озерах с прибрежными тростниковыми зарослями, по берегам лесных озер и на тундровых озерах среди моховых болот, местами встречается на небольших

заросших прудах. На миграциях и зимовках останавливается на различных озерах, лиманах и прибрежных морских мелководьях.

Численность. Европейская популяция оценивается в 25,3-32,8 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 8-10 до 10-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в Волгоградской обл. может гнездиться, вероятно, не более 1-5 пар (Белик, 2014). Численность западносибирско-черноморской и среднесибирско-каспийской популяций с 80-90-х годов XX в. остается примерно на одном уровне, составляя 12-14-17 тыс. особей для первой и около 20 тыс. особей для второй популяции (Scott, Rose, 1996; Rees et al., 2019).

На зимовке в Краснодарском крае в 2003–2016 гг. учитывали от 296 до 2560 птиц, в среднем 962±225 птиц в год, при этом наибольшее число кликунов (1597 птиц) было учтено в 2011 г. в Таманском заливе (Solokha, Lokhman, 2016). В Дагестане в 1967-1980 гг. зимовало от 166 до 17.320, в среднем 2.867 кликунов (Пишванов, 1987). В авандельте Волги в 1971-1980 гг. учитывали от 9 до 14.860, в среднем 3.747 кликунов, а в Кизлярском заливе – от 70 до 33.255, в среднем 8.179 птиц. В суровые зимы кликуны смещались к югу, а в мягкие, наоборот, их основная масса концентрировалась в устье Волги. Всего на Северном Каспии зимовало 77% кликунов, прилетающих на Каспий, причем их численность в 1970-е годы, по сравнению с 1955-1969 гг., увеличилась там в 7,5 раза в связи с запретом охоты на лебедей (Русанов, 1987).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Ингушетии (2 категория). На юге России регулярно встречается на пролете, возможно гнездится лишь на севере Волгоградской обл. Популяция кликуна в Европейской России демонстрирует позитивные тренды (Мищенко и др., 2017) и, по-видимому, не требует организации особой дополнительной охраны в южных регионах России.

44. Лебедь малый *Cygnus bewickii* Yarrell, 1830

Характер пребывания. Пролетный вид равнинных регионов Южной России, изредка остающийся на зимовку в дельте Волги и в Предкавказье (Казаков и др., 2004; Белик и др., 2012, 2016; Ванжелюв и др., 2017).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003; Коблик, Редькин, 2004а).

Распространение. Гнездится в тундрах Северной Евразии, а зимует в основном в Западной Европе и Китае (Птушенко, 1952). В последние де-

сятилетия зимовки стали формироваться также в Причерноморье (Белик, 1990; Белик и др., 2012; Ванжелюв и др., 2017), в связи с чем через Южную Россию прошли новые миграционные пути малого лебедя.

Пролет этого вида на юге России стал отмечаться сравнительно недавно (Белик, Казаков, 1988; Белик, 1990, 1992г, 1996а и др.; Мельгунов, 1988; Бутьев и др., 1990; Гизатулин, Точиев, 1990; Mead, Clark, 1990). Позже, в 2009 г., в Волгоградской обл. на севере Волго-Ахтубинской поймы была обнаружена массовая транзитная остановка малых лебедей с единовременной численностью до 1-2 тыс. особей (Гугуева и др., 2010, 2011; Белик, Гугуева, 2016). Кроме того, еще одна их миграционная остановка была найдена весной 1996 г. на Камыш-Самарских озерах в степях Волго-Уральского междуречья (Белик и др., 1997).

Миграции этих птиц на зимовку в Причерноморье идут через Предкавказье. Но в засушливые годы часть малых лебедей летит через дельту Волги, где в теплые зимы может оставаться до 600-700 особей, а при похолоданиях они отлетают южнее – в Дагестан и на Южный Каспий (Исаков, 1969; Морозов, 1996; Русанов, 2008, 2011; Белик и др., 2012; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014; Ванжелюв и др., 2017; Розенфельд и др., 2020). Кроме дельты Волги и Дагестана, малые лебеди стали регулярно зимовать также в Восточном Приазовье и могут случайно встречаться зимой на Ставрополье, в Карачаево-Черкесии и в других регионах Южной России (Анисимов, 1989; Белик и др., 2012; Solokha, Lokhman, 2016).

Судя по собственному опыту, можно допускать, что часть малых лебедей не учитывается среди кликунов на их массовых южных зимовках из-за трудностей в идентификации птиц, а также в силу излишней психологической предубежденности исследователей, нередко принимающих всех желтоклювых лебедей за кликунов (рис.19).

Рис. 19. Малые лебеди и кликуны на оз. Островское
в Волго-Ахтубинской пойме, Волгоградская область, 16.11.2010.

Местообитания. Гнездится на заболоченных участках тундры рядом с озерами, а также в речных долинах со старицами и протоками. На миграциях и зимовке держится обычно на обширных мелководных водоемах и побережьях морей.

Численность. Европейская популяция оценивается в 5-6 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 9-11 до 5-6 тыс. пар с резко выраженной тенденцией к сокращению (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Но на зимовках в дельте р. Эврос на Балканах, где до 1997 г. малый лебедь был очень редок, в феврале 2015 г. зарегистрировали уже 4200 птиц, а в феврале 2016 г. – 8400 особей (Ванжелюв и др., 2017).

В Краснодарском крае, где малые лебеди впервые были обнаружены на Тамани зимой 2008 г. (Мнацеканов, 2008), их численность на зимовке в период с 2013 по 2016 г. колебалась в январе от двух (в 2015 г.) до 139 особей (в 2013 г.). Максимум лебедей отмечали на Варнавинском вдхр. (в 2013 г. – 101 птица), в Таманском заливе (в 2014 г. – 57 особей) и на Краснодарском вдхр. (только в 2013 г. 18 птиц) (Solokha, Lokhman, 2016).

На транзитных остановках на озерах в Волго-Ахтубинской пойме максимальная единовременная численность лебедей весной достигала 1600-2000 особей (12.04.2011), а осенью – 1000-1200 особей (27.10.2011). В пролетных стаях в оптимальные годы (2009, 2010 гг.) осенью учитывали 50-60% молодняка, а в неблагоприятные (2011 г.) – лишь 15-20%, обычно же – 30-35% (2012, 2013 гг.). Примерно на том же уровне доля молодняка в стаях сохранялась и к весне (2012/2013 г.; около 30%). В выводках отмечали по 1-7 молодых птиц, с максимумом в 2010 г. (Белик, Гугуева, 2016).

Охранный статус. В Красную книгу России (2001) был включен под 5 категорий, но в ее новом издании оставлены лишь североевропейские популяции этого вида, получившие 3 категорию редкости (Приказ …, 2020). На юге России малый лебедь занесен во все региональные Красные книги, кроме горных республик, где он не встречается или случайно отмечался только как залетный вид. Исключен он также из 2-го издания Красной книги Ставропольского края (2013). Из-за большого внешнего сходства с лебедем-кликуном распознавание этих птиц на пролете, и индивидуальная охрана малого лебедя пока затруднены.

45. Огарь *Tadorna ferruginea* (Pallas, 1764)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный, нерегулярно зимующий вид почти всех регионов Южной России, распространенный на равнинах, в предгорьях и низкогорьях Кавказа (Белик, 1984, 1996а;

Хохлов, Кукиш, 1984; Хохлов, 1989; Казаков и др., 2004; Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016; Белик и др., 2016; Лохман, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в пустынно-степном поясе Евразии, поселяясь здесь обычно близ опресненных или солоноватых водоемов. Зимует преимущественно в Южной Азии и северной Африке (Исаков, 1952). На юге России огарь распространен сейчас во всех регионах, кроме Адыгеи (Белик и др., 2016), но в течение XIX – XXI вв. его ареал претерпел здесь существенные изменения.

В XVIII – XIX в. огарь был распространен по всей степной зоне, проникая к северу до Харькова – Воронежа – Самары – Оренбурга (Паллас, 1773; Лепехин, 1795; Северцов, 1855; Богданов, 1871; Зарудный, 1888; Сомов, 1897; Динесман, 1960; и др.). Но уже во второй половине XIX в. началось повсеместное сокращение его ареала и численности (Сомов, 1897; Алфераки, 1910; Огнев, Воробьев, 1923; и др.), а к середине XX в. в степной зоне он почти полностью исчез.

По сведениям М.М. Алфераки (Белик и др., 2012), до начала XX в. огари были еще обычны на Среднем Дону в Усть-Медведицком округе и на Нижнем Дону во Втором Донском округе у станиц Пятиизбянской, Верхне- и Нижне-Чирской, Верхне- и Нижне-Курмоярской, где гнездились в норах по оврагам или в дуплах деревьев; в низовьях Дона они изредка отмечались у Новочеркасска, чаще встречались за Доном у стан. Багаевской, но в степях по Манычу в конце XIX в. не гнездились. А к середине XX в. огари в Придонье, по-видимому, уже не встречались вовсе (Лерхе, 1940).

Сохранились огари тогда лишь местами по высоким, овражистым правобережьям Средней Волги, изредка гнездились в старых редколесьях по ее пойме, по балкам Общего Сырта в Заволжье, а также в Волго-Уральских песках, где заселяли старые казахские могильники. Отмечались они и по Бэровским буграм на островах в дельте Волги (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Воробьев, 1936; Козловский, 1949; Птушенко, 1949; Исаков, 1952; Луговой, 1963; Шевченко и др., 1993, 2020; Лебедева и др., 2000; Завьялов и др., 2004, 2005; Белик, Гугуева, 2016). До середины XX в. огари сохранились также в полупустынях Калмыкии и Восточного Предкавказья (Бёме, 1925, 1926; Орлов, Фенюк, 1927; Волчанецкий, 1959; Варшавский, 1965).

В Приазовье огари были редки уже во второй половине XIX в. (Алфе-

раки, 1910; Белик, 1996а), но в Крыму местами они оставались довольно обычны в XX в., гнездясь там до настоящего времени (Костин, 1983; Бескаравайный, 2012) и изредка проникая оттуда через Керчь на Тамань и на восточное побережье Азовского моря (Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 1971, 2017; Лохман, 2017).

Восстановление ареала огаря в Заволжье началось в конце 1950-х годов, а в 60-70-е годы он был уже обычен на прудах и речках в Волго-Уральском междуречье, где в тот период наблюдался выраженный рост численности и расселение птиц на север (Шевченко и др., 1993, 2020; Линдеман и др., 2005). В ходе этого расселения огарь вновь достиг Самары и продвинулся значительно дальше к северу – до Башкирии, Ульяновска, Пензы (Белик, 1998; Бородин и др., 2001; Фролов, 2017; и др.).

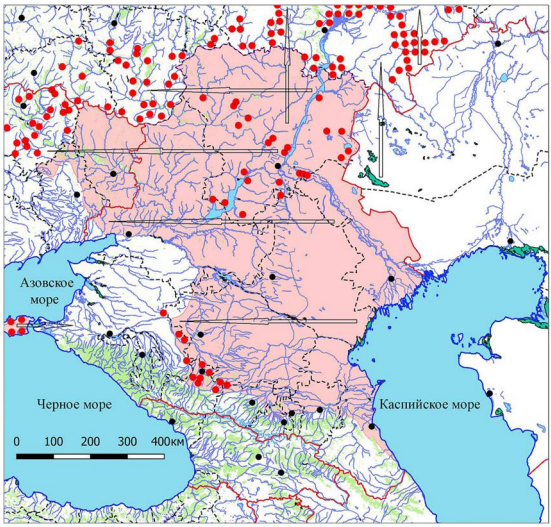


Рис. 20. Гнездовой ареала огаря на юге России и Украины, гнездовые находки в отдельных регионах и направления расселения разных популяций

В тот же период огари начали расселяться и на правобережье Волги, где они расширяли ареал на запад, оседая в подходящих местах и формируя небольшие поселения. По сведениям Е.И. Врублевского (Белик, Гугуева, 2016), в 1962 г. пара птиц гнездилась в окрестностях стан. Усть-Бузулукской на правобережье Хопра; в 1965 г. до 3 пар загнездилось в пойме Волги на границе Волгоградской и Астраханской обл.; в 1970 г. гнездо огаря было найдено на Ергенях близ оз. Сарпа; тогда же до 3 пар обитало в пойме Дона у стан. Качалинской Иловлинского р-на. В мае 1973 г. три птицы встречены в Суровикинском р-не на

правобережье Дона в степной долине р. Лиска, а в 1975 г. до 10 выводков обнаружено на берегу Цимлянского вдхр. близ хут. Комаров Чернышковского р-на.

К 1982-1983 гг. огари оказались уже довольно обычны в Чернышковском, Суровикинском, Калачёвском, Иловлинском и Кумылженском р-нах на западе Волгоградской обл. и в Вёшенском, Боковском и Обливском р-нах на севере Ростовской обл.; тогда же они проникли в Воронежскую обл., а также в Луганскую обл. Украины, вскоре полностью заселив ее и заняв восточные районы Донецкой и Харьковской обл. (Белик, 1984, 1996а; Ветров, 1986; Ветров и др., 1991; Андрющенко и др., 2013; Ветров, Литвиненко, 2014; Пилипенко, Власенко, 2017; Банік, 2019; Венгеров и др., 2000).

По-видимому, одновременно с волжской популяцией начала восстанавливаться и калмыцкая группировка, тоже расселявшаяся на запад и северо-запад. В 70-80-е годы огарь оказался уже обычен по всей Калмыкии и заселил большую часть Ставрополья, кроме равнинных северо-западных районов (Кукиш, 1982; Хохлов, Кукиш, 1984; Хохлов, 1989). Тогда же он стал довольно обычен в степных районах по Тереку и в предгорьях Сунженского хр. в Северной Осетии, появился на востоке Краснодарского края, а по Кубани, Бол. и Мал. Зеленчукам и Куме проник в низкогорья Карачаево-Черкесии, где гнездится среди горностепных пастбищ (Хохлов, Кукиш, 1984; Белик и др., 1991; Казаков и др., 2004; Тильба, 2007; Караваев, Хубиев, 2013).

В 1970-е годы, вероятно по долине р. Сал, огари из Калмыкии проникли в долину Нижнего Дона, затем заселили низовья Сев. Донца и начали расселяться на запад в Северное Приазовье (Казаков и др., 2004; Пилипенко, Власенко, 2017). Пока огаря практически нет лишь на плоских равнинах Западного Предкавказья.

На зимовку огари из Южной России улетают, по-видимому, в Турцию и Западный Иран (Миграции …, 1979), но их сезонные миграции выражены слабо. В небольшом числе они остаются на зиму также в разных районах Предкавказья (Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014; Лохман, 2017), в Калмыкии (Кукиш, 1982) и Поволжье (Хлебников, 1928, 1930; Чернобай, 2004а; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016). При резких похолоданиях и снегопадах птицы откочевывают на Черноморское побережье (Тильба, 1999б, 2006), преодолевая иногда высокогорные перевалы Кавказа (Поливанов, Витович, 1986; Караваев и др., 2015).

Годовалые неполовозрелые огари, численность которых примерно сопоставима с гнездовой частью популяций, летом собираются тысячными скоплениями на линьку на крупных водоемах в разных регионах

Поволжья и Предкавказья. Наиболее крупное такое скопление известно на оз. Маныч-Гудило (Кривенко и др., 1977, 1980; Линьков, Кривенко, 1989; Букреева и др., 1998; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004). Позже к линным птицам присоединяются и взматеревшие выводки, которые до конца октября держатся большими стаями, вылетая по утрам и вечерам на кормежку на убранные поля (Казаков и др., 2004; Белик, Гугуева, 2016).

Местообитания. Гнездится в основном в норах лис, барсуков, сурков и других животных, иногда – в норах в стогах сена; местами использует различные ниши, расщелины и гроты в известняковых обнажениях и скалах по степным балкам, берегам рек и в предгорьях, а также различные ниши в заброшенных постройках среди пастбищ. В пойменных лесах нередко занимает просторные дупла деревьев. Как исключение, гнездится под кустами тёрна в балках или в траве по берегам рек (Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016). Предпочитает изрезанные, овражистые ландшафты, и поэтому на Приволжской возвышенности огари заселяли около 25% степных прудов, а на равнинном левобережье Волги встречены лишь на 1–4% водоёмов (Поповкина и др., 2004). Вылупившихся птенцов огари переводят на слабо заросшие пруды, озера и реки, предпочитая опресненные водоемы. В Калмыкии на соленых озерах огаря было в 3-4 раза меньше, чем пеганок, но на пресных водоемах у артезианов он заметно преобладал над пеганкой (Белик и др., 1991). После подъема молодняка на крыло огари переселяются на обширные открытые водоемы, откуда по утрам и вечерам летают на кормежку в поля.

Численность. Европейская популяция оценивается в 17,0-26,5 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 8,5-16,0 до 6-9 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в конце XX – начале XXI в. численность составляла около 5-7 тыс. пар (Белик, 2005а, 2014а), в том числе до 1,0-1,5 тыс. пар гнездилось в Ростовской обл. и Калмыкии, 800-900 пар на Ставрополье и 500-700 пар в Волгоградской обл. (Белик, 1984, 1996а, 2000а; Хохлов, Кукиш, 1984; Хохлов, 1989; Белик и др., 1991; Казаков, Сидельников, 1999; Белик, Гугуева, 2016).

В дельте Волги обитало около 700 пар, в западном ильменно-бугровом районе 950 пар, в Волго-Ахтубинской пойме между Волгоградом и Астраханью 420-450 пар, а в Богдинско-Баскунчакском заповеднике на севере Астраханской обл. 75-85 пар (Кривоносов, 1972; Букреев, 1999; Русанов, 2001). Еще 30-70 пар может гнездиться в Дагестане; до 80 пар в Чечне; 35 пар в Северной Осетии; 20-30 пар в Карачаево-Черкесии; 15 пар в Краснодарском крае (Белик и др., 1991; Вилков, 2001;

Гизатулин, 2007; Караваев, Хубиев, 2013; Лохман, 2017).

Скопления линных огарей, собирающихся в июне-июле на оз. Маныч-Гудило в его восточных отрогах, в 1970-е годы насчитывали до 12-25 тыс. птиц, в 1980-е – до 25-30 тыс., а в 1990-е – до 29-40 тыс. особей (Кривенко и др., 1977, 1980; Линьков, Кривенко, 1989; Букреева и др., 1998; Белик, 2004а). Большие осенние скопления, численностью до 4-10 тыс. особей, наблюдались также на оз. Дадынском на Ставрополье, на Цимлянском вдхр. в заливе р. Цимла, на прудах-отстойниках на Сарпинской низменности у Волгограда, на Волгоградском вдхр. в устье р. Еруслан и др. (Казаков, 1982; Хохлов, Кукиш, 1984; Николаев, 1995; Букреев и др., 2003; Поповкина и др., 2004; Букреев, Чернобай, 2011; Белик, Гугуева, 2016).

Охранный статус. Включен в Красные книги Краснодарского края и Чечни (3 категория), Карачаево-Черкесии и Ингушетии (2 категория). Огарь – крупная, яркая, крикливая утка, сразу привлекающая к себе внимание людей, в том числе браконьеров. Половой диморфизм и покровительственная окраска у самок отсутствует. Гнездятся обычно в степи, у гнезд и выводков всегда держатся парами, активно и смело охраняя птенцов. Выводки обитают обычно на открытых водоемах и хорошо заметны. Поэтому огарь на юге России весьма уязвим вследствие особенностей морфологии, своеобразной экологии и поведения, и гнездовые популяции этого вида требуют организации особой охраны, по крайней мере на региональном уровне (Белик и др., 1991).

Браконьерский промысел в конце XIX – начале XX в. привел к резкому сокращению ареала и численности огаря в России. Вероятно, именно интенсивным преследованием можно объяснить и значительную осторожность огарей, отмечавшуюся в Поволжье в XIX в. (Moeschler, 1853). Во второй половине XX в. благодаря охране началось восстановление популяций, но в конце XX в. в некоторых регионах Южной России вновь было отмечено сокращение гнездовой численности этих птиц (Белик, 1996а; Белик и др., 2001, 2003).

46. Пеганка *Tadorna tadorna* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный, нерегулярно зимующий вид равнинных районов Южной России, а в горных регионах случайно встречающийся на пролете или зимой (Кукиш, 1982; Емтыль, Хохлов, 1984; Хохлов, 1989; Белик, 1996а; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в пустынно-степном поясе Евразии, а также на Атлантическом побережье Европы к северу до Балтики и Белого моря. Зимует преимущественно в Западной Европе, на севере Африке и в Южной Азии (Исаков, 1952). На юге России пеганка распространена на гнездовье в окрестностях соленых и солоноватых водоемов во всех равнинных регионах, а в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии встречается только на пролете или зимовке и как залетная птица (Белик и др., 2016).

В Поволжье пеганка издавна гнездилась в степях к северу до Сарпинских озер и Приэльтонья (Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Волчанецкий, 1937; Динесман, 1960; Линдеман и др., 2005; и др.). Севернее Эльтона и Камыш-Самарских озер в Казахстане пеганка до середины XX в., по-видимому, не обитала (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Исаков, 1952; Юдин, 1952), хотя М.Н. Богданов (1871) изредка встречал ее летом к северу до Саратова и Самары, но отмечал, что в черноземных степях она не гнездится. Во второй половине XX в. в Заволжье начался выраженный рост численности и расселение пеганки на север (Шевченко и др., 1993, 2020; Завьялов и др., 2005), и сейчас она нередка уже в долине р. Еруслан (Антончиков и др., 2000; Чернобай, Васильев, 2003; Белик, Гугуева, 2016), а в последнее время появилась также на юге Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005).

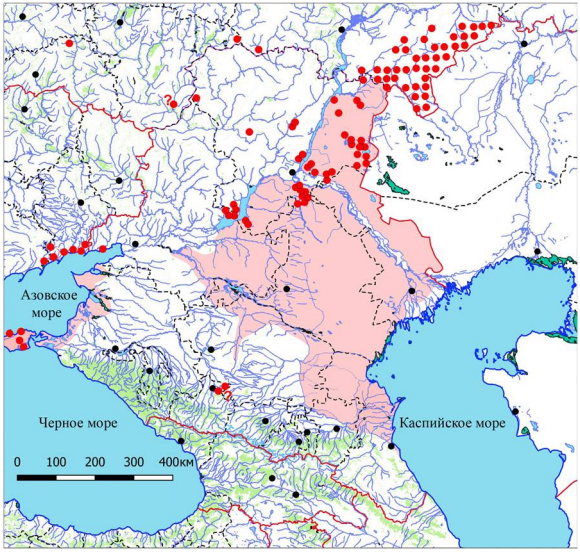


Рис. 21. Гнездовой ареал пеганки на юге России и Украины, и ее гнездовые находки в отдельных регионах

Расселение пеганки на север происходит, по-видимому, и на правобережье Волги. В 1951-1954 гг. ее гнездовья Е.И. Врублевским отмечались в низовьях балок Пичуга и Ерзовка к северу от Волгограда, но 27.05.1979 он встретил 1 и 2 пары уже на озерах Кочкарное и Летник в пойме р. Иловля в Ольховском р-не (Белик, Гугуева, 2016). Пара пеганок отмечена также 04.05.1999 на солоноватом озерце у оз. Бол. Орлово среди Арчединско-Донских песков, а в 2000 г. до 5-15 пар учтено в степях на Среднем Дону на границе Волгоградской и Ростовской обл., где прежде пеганки никогда не встречались (Белик, 2000а, 2005; Букреев и др., 2001; Белик, Гугуева, 2016). В 2001 г. эти птицы появились также в верховьях р. Терса в Самойловском р-не Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005).

Пеганка широко распространена также в Калмыкии, а в Предкавказье ее основные гнездовья сконцентрированы в долине Маныча и в сухих Ногайских степях в Терско-Кумском междуречье. Местами она гнездится на Ставропольской возвышенности, а по Кубани, возможно, заходит в предгорья; в предгорьях иногда встречается и в Дагестане. Кроме того, она спорадично распространена у соленых озер и лиманов в Восточном Приазовье от Таманского полуострова до Таганрогского залива (Кукиш, 1982; Емтыль, Хохлов, 1984; Белик, 1996а; Казаков и др., 2004). Из Калмыкии по долине р. Сал пеганки проникли на Нижний Дон, где найдены на солоноватых озерах среди Доно-Цимлянского песчаного массива (Ралль, 1953; Белик, 1986; Казаков и др., 2004; Белик, Гугуева, 2016).

Считается, что птицы причерноморской популяции зимуют в основном в районах гнездования и в Средиземноморье, а прикаспийско-казахстанские – на юге Каспия и Ближнем Востоке (Миграции …, 1979; Scott, Rose, 1996). Сейчас пеганки нередко остаются зимой также в Предкавказье – в Приазовье, на Ставрополье, в Дагестане и др., а после резких похолоданий и снегопадов они появляются на Черноморском побережье Кавказа (Строков, 1974; Емтыль, Хохлов, 1984; Тильба, 1999б, 2007; Комаров, Липкович, 2000; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014). В мягкие зимы стайки пеганок изредка зимуют и в дельте Волги (Миграции …, 1979; Реуцкий, 2014).

Местообитания. Гнездится в основном в норах лис, корсаков, барсуков, сурков и других животных, иногда занимает норы в обрывах или использует различные ниши в заброшенных постройках, местами делает гнезда в искусственных укрытиях для уток и даже на земле среди травы в степи (Хлебников, 1930; Волчанецкий, 1937; Казаков, 1982; Хохлов, 1989). Вылупившихся птенцов пеганки переводят на слабо

заросшие соленые озера, лиманы и другие водоемы. В Калмыкии на соленых озерах пеганок держалось в 3-4 раза больше, чем огаря, но на пресных разливах у артезианов их было заметно меньше огаря (Белик и др., 1991).

Численность. Европейская популяция составляет 50,8-68,9 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывали от 7-11 до 6-8 тыс. пар, однако сейчас численность птиц на юге России оценивают ближе к 26 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Причерноморская популяция насчитывает около 20 тыс., а прикаспийско-казахстанская – 35 тыс. особей (Scott, Rose, 1996).

На юге России численность оценивали в 5-7 тыс. пар, из которых около 350 пар гнездится в Ростовской обл., 200-300 пар в Волгоградской обл., не менее 250 пар в Краснодарском крае, не менее 500 пар на Ставрополье, около 1500-2000 пар в Калмыкии (Емтыль, Хохлов, 1984; Белик и др., 1991; Белик, 1996а 2000а, 2005а, 2014а; Казаков, Сидельников, 1999; Белик, Гугуева, 2016). В западном ильменно-бугровом районе в низовьях Волги численность пеганки составляет 1,2 тыс. пар, в Волго-Ахтубинской пойме между Волгоградом и Астраханью в 1970 г. гнездилось не более 100-120 пар, а популяция Богдинско-Баскунчакского заповедника на севере Астраханской обл. была оценена в 60 пар (Кривоносов, 1972; Букреев, 1999; Русанов, 2001).

В мае 2001 г. в долине Маныча в районе заповедника «Ростовский» обилие пеганок в сухих степях составляло 160 ос./100 км^2, а местами там гнездилось до 20-40 пар/100 км^2 и даже 17 пар/100 км^2. А в Дагестане в песчаной пустыне в низовьях Кумы обилие составляло 11 пар/100 км^2 (Белик, 2004а; Джамирзоев и др., 2014). В конце лета пеганки образуют большие линные скопления, наблюдавшиеся в Восточном Приазовье (до 2-7 тыс. особей) и на Маныче (до 2-5 тыс. особей) (Кривенко, 1977; Кривенко и др., 1980; Хохлов, 1989; Казаков и др., 2004).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Чеченской республики (3 категория). Гнездовые популяции пеганки на юге России очень уязвимы в период вождения выводков вследствие особенностей ее морфологии, поведения и необычной экологии. Эта пестрая «земляная» утка своей биологией сходна с огарем. Но ее ареал приурочен в основном к соленым водоемам пустынной и полупустынной зон, а также к обрывистым берегам Азовского моря. Выводки обитают обычно на открытых водоемах. У гнезд и выводков птицы всегда держится парами, активно охраняя птенцов. Половой диморфизм и покровительственная окраска у самок отсутствует.

После заметного роста численности, наблюдавшегося во второй половине XX в. в Поволжье и долине Маныча (Белик и др., 1991; Белик,

Гугуева, 2016), снятие ограничений на добычу пеганки охотниками в некоторых районах на Маныче в начале XXI в. сразу же привело к почти полному уничтожению этих птиц, несмотря на их весьма низкие гастрономические качества (Белик, 2013). Поэтому этот весьма уязвимый вид везде нуждается в строгой индивидуальной охране.

– Утка мускусная *Cairina moschata* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Одомашненная птица, широко разводимая на юге России.

Зоогеографические связи. Типичный вид Неотропического генезиса.

Таксономия. Монотипический вид, представитель монотипического рода (Коблик, Редькин, 2004а; Dickinson, Remsen, 2013). Предполагают, что в Европу этих уток XVI в. завезла «Московская компания» (Muscovy Company), от которой и возникло их английское имя Muscovy Duck, а от него – и трансформированное русское название «мускусная утка».

Распространение. Естественные популяции обитают в Южной и Центральной Америке от Аргентины и Уругвая до Мексики, где были одомашнены еще древними ацтеками. В средние века птиц из Америки завезли в Африку, а оттуда в Европу, почему они получили еще одно название «каирская утка» *Anas cairina* (Брем, 1911, с.342).

По словам П.С. Палласа (Pallas, 1811, p.258), которые цитирует Э.А. Эверсман и некоторые другие исследователи (см.: Богданов, 1871), эта утка водится «на озерах около Нижней Волги; … В Астрахани охотники держат ручных турецких уток» (Эверсманн, 1866, с.530). Хотя еще в середине XIX в. эти ошибочные сведения дезавуировал Г.Ф. Мёшлер (Moeschler, 1853), а позже их опроверг также и М.Н. Богданов (1871). В настоящее время мускусных уток («индоуток»), в том числе полных и частичных альбиносов, разводят в качестве домашней птицы во многих сёлах на юге России.

Местообитания. Обитает в лесах по берегам заросших равнинных водоемов; гнездится в дуплах и других укрытиях (Брем, 1911; Коблик, 2001).

Численность. В Америке птицы местами довольно обычны (Коблик, 2001).

Охранный статус. На коренной родине являются охотничьей дичью.

47. Кряква *Anas platyrhynchos* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, частично перелетный вид, зимующий во всех регионах Южной России (Кукиш, 1982; Хохлов, 1989; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Широко распространенный голарктический

вид неясного зоогеографического генезиса.

Таксономия. Включает 3-5 подвидов, из которых в Евразии распространена номинативная форма *A. p. platyrhynchos* (Степанян, 2003; Коблик, Редькин, 2004а; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в Евразии и Северной Америке, где заселяет самые различные околоводные угодья, а зимует в основном на юге этих материков, но нередко остается на зиму на незамерзающих водоемах в пределах почти всего гнездового ареала (Исаков, 1952).

На юге России кряква населяет водоемы различных типов в равнинной части Северного Кавказа, Придонья и Поволжья. Основными местами ее концентрации на гнездовье являются дельты и нижнее течение рек Восточного Приазовья (Кубань, Бейсуг, Челбас, Ея и др.), долины Нижнего и Среднего Дона и его притоков (Сев. Донца, Сала, Чира, Иловли, Медведицы, Хопра и др.), долины Западного и Восточного Маныча с их крупными водохранилищами, низовья р. Кума, Кизлярский и Аграханский заливы на Западном Каспии, низовья Терека и Сулака, внутренние озера Калмыкии (Состинские, Меклетинские, Сарпинские) и Ставрополья (Дадынское, Бирючья Сага и др.), а также дельта Волги и Волго-Ахтубинская пойма (Казаков, 1982; Кубанцев, Чернобай, 1982; Кукиш, 1982; Чернобай, 1986, 2000а, 2004а; Хохлов, Бичерев, 1988; Казаков и др., 2004; Белик, 2005; Русанов, 1979, 1984, 2001, 2011; Реуцкий, 2014; и др.).

Кряква регулярно гнездится также в поймах малых рек, на ручьях в балках, на небольших степных озерах и прудах, в том числе в полупустынных районах Приэльтонья в Заволжье (Волчанецкий и др., 1950; Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006). С развитием орошения, рисосеяния и прудового рыбоводства, кружево ее ареала стало еще более обширным и плотным: птицы стали селиться по валам каналов, прудов, рисовых чеков, в полях близ искусственных водоемов. В небольшом числе кряквы обитают на предгорных равнинах по притокам Кубани, Кумы и Терека и изредка гнездятся в низкогорьях и даже в среднегорьях на северном и южном макросклонах Кавказа, в том числе на Черноморском побережье (Аверин, Насимович, 1938; Емтыль и др., 1993; Тильба, 1999, 2006; Караваев 2004, 2006; Караваев, Хубиев, 2011; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Белик, 2015, 2019).

Массовые зимовки кряквы находятся в Восточном Приазовье и на северо-западном побережье Каспия, а в мягкие зимы много птиц остается также по Нижнему Дону, на Маныче и в дельте Волги (Пишванов, Хонякина, 1968, 1977; Винокуров, 1965; Венгеров, 1968; Брауде и др., 1972; Казаков и др., 2004; Реуцкий, 2014). Кроме того, стаи

крякв держатся зимой на незамерзающих водоемах по всему Предкавказью (Хохлов и др., 1988б; Хохлов, 1993; Казаков и др., 2004), на Волге у Волгограда (Букреев, Чернобай, 2011; Гугуева и др., 2011) и даже на Среднем Дону (Белик, 2005; Ломакин, Белик, 2008).

Во второй половине XX в. многотысячные зимовки сформировались на незамерзающих солёных речках в Приэльтонье, чему способствовала распашка окрестных степей в 1960-е годы. Но когда посевы в 1990-е годы были заброшены, там практически исчезли и кряквы (Линдеман и др., 2005). Массовые зимовки периодически наблюдаются на Черноморском побережье Кавказа, куда слетаются птицы из Предкавказья при резких похолоданиях и снегопадах (Тильба, 1999б, 2006). В такие зимы много птиц появляется иногда и на горных реках Кавказа (Поливанов и др., 1990; Витович, Ткаченко, 1997).

Дельта Волги вместе с озерами Северного Казахстана служит кряквам важнейшим районом линьки, куда летом собираются птицы из многих районов Придонья, Поволжья, Казахстана, Приуралья и Западной Сибири, сначала самцы, составляющие в дельте более 80%, а затем и самки, потерявшие кладки и выводки (Исаков, 1952, 1969; Кривоносов, 1969; Русанов, 1983, 2011; Миграции …, 1997; Завьялов и др., 2005). В XIX – начале XX в. массовые линные скопления уток существовали также на Нижнем Дону и Маныче, где охотник мог наполнить дичью целый воз всего за два дня лова (Статистическое описание …, 1891; Лерхе, 1938; Белик, 2000а).

Места гнездования, районы летней линьки и зимовок кряквы на юге России связывает сложная система миграционных путей, наиболее массовые из которых проходят вдоль долины Нижнего Дона, через дельту Волги и вдоль западного побережья Каспия (Исаков, 1969; Кривоносов, 1969; Казаков и др., 2004). Критическое значение для кряквы имеют зимние миграции, наблюдающиеся при резких похолоданиях на юге России, когда утки в массе появляются в горных ущельях и на перевалах Кавказа (Котов, 1965; Поливанов и др., 1990; Тильба, 1993, 1999а, 2006; Витович, Ткаченко, 1997; Казаков и др., 2004; Комаров, 2006, 2013; Перевозов, 2014).

Местообитания. Один из наиболее пластичных видов уток, предпочитающий лесные озера, но в большом числе обитающий на самых разных водоемах, покрытых зарослями тростника, рогоза и других макрофитов. В поймах рек регулярно гнездится на лугах, а также в лесу на земле среди травы или кустарников. На соленых водоемах, лишенных надводной растительности, заселяет открытые острова, гнездясь среди сухой травы, в том числе в колониях чаек и крачек или среди гнезд веслоногих и голенастых птиц. В лесополосах среди полей, а

также в речных поймах, заливаемых в половодье, нередко занимает старые гнезда врановых, цапель и других видов птиц, иногда гнездится на стогах и в дуплах деревьев. Охотно и повсеместно занимает искусственные гнездовья разного типа в тростниках и на сухих островах (Олейников, 1966; Русанов, 1972, 1979, 2011; Казаков и др., 2004).

Численность. Гнездовая численность в Европе оценивается в 2.850-4.610 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывали от 1,3-1,7 до 0,9-1,3 и 0,7-1,4 млн. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России численность была оценена в 50-150 тыс. пар (Белик, 2005а). Наиболее крупная популяция обитает в низовьях Волги, где в 1970-е годы только в тростниковом поясе надводной части дельты гнездилось 6,4-8,2 тыс. пар, а в конце 1990-х для дельты в целом указывали около 9 тыс. пар и для западного ильменно-бугрового района 11,7 тыс. пар. Еще 1040-1100 пар гнездилось в 1970 г. в Волго-Ахтубинской пойме (Кривенко, Кривоносов, 1972; Кривоносов, 1972; Русанов, 1984, 2011). Около 5-7 тыс. пар обитает на Ставрополье (Хохлов, Бичерев, 1988). Указанная для Ростовской обл. расчетная численность кряквы в 56 тыс. пар (Белик, 2000а), по-видимому, не вполне корректна из-за статистических погрешностей. Для других регионов Южной России сведения о гнездовой численности этого вида нам неизвестны.

На зимовке в Восточном Приазовье в 1959, 1967 и 1971 гг., в зависимости от погодных условий января, зимовало от 34 до 250-300 тыс. крякв, в январе 2003 г. в Краснодарском крае учли 81 тыс. крякв, а на Веселовском вдхр. в Ростовской обл. в декабре-феврале в разные годы учитывали от 2 до 30 тыс. крякв (Тильба и др., 2003; Казаков и др., 2004; Лебедева, Ломадзе, 2013). На Ставрополье по всем водоемам зимует более 100 тыс. (Хохлов, 1993), а в Дагестане в 1967 и 1973 гг. зимовало 53-65 и 8,4 тыс., в средние же по синоптическим условиям годы там оставалось по 20-25 тыс. крякв (Пишванов, Хонякина, 1968, 1977). На Северном Каспии в теплые зимы концентрируется более 50 тыс. особей (Русанов, 2016). На Сарпинской низменности на прудах-отстойниках у Волгограда 12.02.2007 было учтено более 5 тыс. крякв (Букреев, Чернобай, 2011), а в Приэльтонье в 1980-е годы численность зимующих крякв в некоторые зимы превышала 15 тыс. особей (Линдеман и др., 2005).

Общая численность всех уток, линявших в дельте Волги, в 1964 г. составляла 380 тыс., в 1967 г. – 408 тыс., а в 1977-1978 гг. – по 424 тыс. особей, при этом доля кряквы среди уток, отловленных для кольцевания, в 1972-1980 гг. составляла 19,1% (Русанов, 1983, 2011), тогда как в 1931-1934 гг. на ее долю приходилось 36,3%, в 1952-1955 гг. – 4,1%,

а в 1961-1964 гг. на Обжоровском участке Астраханского заповедника доля кряквы составила всего 1,2% (Исаков, 1969; Кривоносов, 1969). Сокращение численности крякв, прилетающих на линьку в дельту Волги, связано с подъемом уровня Каспия и ухудшением условий обитания для этого вида (Русанов, 2001, 2011).

На весеннем пролете только за светлое время суток через дельту Волги в 1963 и 1964 гг. пролетело 597 и 390 тыс. крякв, а дневной максимум мигрантов достигал 4,6 тыс. особей (Кривоносов, 1969). В Восточном Приазовье в период массового пролета за день отмечали 15-35 тыс. крякв, летевших в сторону Маныча; в долинах Западного и Восточного Маныча весной 1977 г. пролетело более 55 тыс., а на Веселовском вдхр. в 70-80-е годы весной учитывали до 10-15 тыс. пролетных крякв (Кривенко, 1977; Гаврин и др., 1980; Казаков и др., 2004).

В 1990-е годы на Маныче было прослежено резкое падение численности крякв как на миграциях, так и на гнездовье. На Веселовском вдхр., на Манычском участке Ростовского госохотхозяйства, в 1990-1995 гг. в августе учитывали по 22-30 тыс. особей, в 1996 г. – 10 тыс., а в 2003 г. – лишь 2,9 тыс. В 1980 г. там же на 100 искусственных гнездовий приходилось, в среднем, 66,8 кладок, но в 1987 г. этот показатель снизился до 47,9 кладок, в 1993 г. сократился до 35,0 кладок, в 1998 г. до 17,1 кладок, а в 2003 г. учли всего 14,3 кладки. Это было связано как с экономическим кризисом, вызвавшим сокращение посевов зерновых культур в окрестных полях и снижение кормовой базы для уток, так и с легализацией весенней охоты в России в конце 1980-х годов, что привело к падению репродуктивного успеха у многих птиц (Казаков и др., 2004).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Является обычным, широко распространенным охотничьим видом.

– Кряква черная *Anas poecilorhyncha* J.R. Forster, 1781

Характер пребывания. Залетный вид, отмеченный в г. Краснодаре и связанный происхождением, по-видимому, с разлетом из неволи (Динкевич, 2015; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса.

Таксономия. Включает 3 подвида, в том числе *A. p. zonorhyncha*, распространенный на юго-востоке Сибири, на юге Дальнего Востока и в Китае (Степанян, 2003; Коблик, Редькин, 2004а). Ранее в этот вид включали также филиппинскую крякву (*A. luzonica*) и серую крякву (*A. superciliosa*), обитающую в Индонезии, Новой Гвинее и Австралии (Исаков, 1952). Сейчас *A. p. zonorhyncha* иногда рассматривают как самостоятельный вид (Dickinson, Remsen, 2013; Коблик, Архипов, 2014).

Распространение. Гнездится в Южной и Юго-Восточной Азии, включая Приморье и юго-восток Сибири. На юге России одиночная самка черной (пестроносой) кряквы регулярно наблюдалась зимой 2013/14 и 2014/15 гг. на Карасунских озёрах в г. Краснодаре. Там же ее встречали и летом 2014 г. (Динкевич, 2015). Судя по длительности пребывания, наблюдавшаяся особь, по-видимому, улетела из неволи, скорее всего из Аскании-Нова (Херсонская область, Украина), где содержится этот вид, и откуда разные гусеобразные птицы неоднократно залетали в Краснодарский край (Зубко, Гавриленко 2002; Спицин 2008). Но в региональный и общий списки орнитофауны Южной России эта утка как залетный чужеродный вид, происходящий из неволи или из акклиматизированных популяций (Non-native species), не была включена (Белик и др., 2016).

Местообитания. Обитает обычно на равнинных пресных и соленых озерах, реках и других водоемах с зарослями макрофитов по берегам. При отсутствии фактора беспокойства может проникать в города. Образом жизни сходна с обыкновенной кряквой (Исаков, 1952; и др.).

Численность. В Манчжурии, на юге Приморья и в других районах исконного распространения эта кряква весьма обычна и многочисленна (Исаков, 1952; Воробьев, 1954).

Охранный статус. В России не имеет охранного статуса. Является охотничьим видом.

48. Чирок-свистунок *Anas crecca* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Пролетный, частично зимующий вид всех регионов Южной России, гнездящийся лишь на севере Ростовской и Волгоградской обл. (Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. В настоящее время в этот вид включают 2 подвида, в том числе алеутский *A. c. nimia* и номинативную форму *A. c. crecca*, обитающую в России (Степанян, 2003; Коблик, Редькин, 2004а).

Распространение. Гнездится на севере Евразии, а зимует в Западной Европе, в Средиземноморье и Южной Азии. На юге России – обычный пролетный и зимующий вид, встречающийся на равнинных водоемах, на реках и озерах предгорий, изредка в горах Кавказа. Бытующее в литературе мнение о гнездовании свистунка в Предкавказье, на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье (Алфераки, 1910; Хлебников, 1928, 1930; Лорец, 1928; Волчанецкий, 1937; Исаков, 1952; Огарев, 1954; Очаповский, 1967, 2017; Хохлов, 1989; Джамирзоев, 2000; Линдеман

и др., 2005; Реуцкий, 2014; и др.) основано зачастую лишь на встречах этих птиц в гнездовой период и не подтверждено фактическими данными. Отсутствуют гнездовья свистунка и в степях Северного Казахстана (Формозов, 1937; Панченко, 1959; Дебело, 1978). Южная граница оптимума гнездового ареала свистунка, по данным кольцевания, проходит по линии Тамбов – Ульяновск – Челябинск – Новосибирск (Миграции …, 1997, с.133).

На юге России единственное гнездо свистунка с кладкой найдено 02.05.1985 в заболоченном ольшанике в понижении среди Кундрюченских песков в низовьях Северского Донца, а его выводок встречен однажды 24.08.1988 в пойменном ольсе на севере Ростовской обл. (Белик, Казаков, 1988; Белик, 1999, 2005). Гнездование свистунков возможно также в ольшаниках по Сев. Донцу и выше г. Каменска-Шахтинского, у границы с Украиной. Эти чирки регулярно встречаются также на Цимлянских и Арчединских песках и на других песчаных массивах на Среднем Дону, по Иловле, Медведице и Хопру, где имеются заболоченные ольшаники, залесённые озера и пресные осоковые болота северного типа (Белик, Гугуева, 2021).

На Цимлянских песках свистунки отмечены в гнездовой обстановке близ хут. Комаров Чернышковского р-на, где 14.05.1983 чирок был вспугнут в густых зарослях кустарниковой ивы среди болота с осоковым кочкарником, 04.05.2006 самец держался явно у гнезда на озерке среди заболоченных осиновых колков, а недалеко на озерах среди песков встречены еще три одиночных селезня.

На Арчединско-Донских песках 10.07.1998 на озерце наблюдался выводок из 8 птенцов 10-дневного возраста, предположительно свистунков (Белик и др., 2000); в заболоченном ольсе и на лесном озерце в центре этого песчаного массива 04.05.1999 встречены 4 пары, а 07.05.1999 в заболоченных тальниках в пойме Дона вспугнуты два самца, державшиеся, судя по поведению, на гнездовых участках. Еще один самец, тоже придерживавшийся, по-видимому, гнездового участка, встречен 01.05.2007 на озерце среди ольшаника у г. Серафимович. Наконец, 30.06.2020 наблюдали 3 молодых птиц, кормившихся вместе с самцом на небольшом лесном озерце среди песков (Белик, Гугуева, 2021). Кроме того, одиночного селезня и тревожившуюся недалеко самку мы встретили 11.06.2008 на небольших озерках среди песчаной террасы р. Медведицы у пос. Даниловка, а 22.04.2008 пара чирков поднята на лесной старице в заболоченной пойме р. Иловля в Ольховском р-не Волгоградской обл.

Гнездование этих птиц указывалось для поймы Хопра в Воронежской обл., где свистунок встречался летом в 5 раз реже чирка-трескунка

(Измайлов, 1940), а выше по Хопру в Балашовском р-не Саратовской обл. было найдено гнездо свистунка (Завьялов и др., 2005, с.190). Речь может идти также о гнездовании свистунка на лесных болотцах среди песков в районе с. Дьяковка по долине р. Еруслан в Заволжье (Волчанецкий, Яльцев, 1934).

Зимовки свистунков из Европейской России находятся, в основном, в Причерноморье и Средиземноморье, а птицы из Западной Сибири зимуют преимущественно на Каспии и в Передней Азии (Scott, Rose, 1996; Миграции …, 1997). Их миграции идут широким фронтом, но визуально прослеживаются слабо. Свистунки регулярно зимуют также в Предкавказье, особенно на дагестанском побережье Каспия (Пишванов и др., 1988; Джамирзоев и др., 2014).

В мягкие зимы свистунки остаются на зиму в дельте Волги (Реуцкий, 2014) и на водоемах в долине Маныча (Казаков и др., 2004; Лебедева, Ломадзе, 2013), обычны зимой на внутренних водоемах Ставрополья (Хохлов, 1989), в дельте Кубани и в Восточном Приазовье (Винокуров, 1965; Тильба и др., 2003; Тильба, Мнацеканов, 2014). Изредка они встречаются в других регионах Предкавказья и очень редко зимуют на теплых промышленных водоемах в Волгоградской обл. (Чернобай, 2004а; наши данные). Чирки регулярно прилетают зимой также на Черноморское побережье Кавказа (Бернацкий, 1958; Тильба, 1999б, 2006; Гордиенко, 2017), в том числе преодолевая высокогорные перевалы Кавказа (Бёме, 1958; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Караваев и др., 2015; и др.).

В дельте Волги находится один из важнейших районов линьки свистунков, куда с севера Европейской России и из Западной Сибири летом собираются в основном самцы. Но в последние десятилетия, в связи с подъемом уровня Каспия и увеличением глубин на предустьевом взморье, численность линяющих свистунков там резко сократилась (Русанов, 2011).

Местообитания. Гнездится в основном на различных пресных водоемах в равнинных районах лесотундры и лесного пояса, предпочитая мелкие лесистые озера, речки и ручьи. Гнезда делает обычно недалеко от воды в укрытиях под осоковыми кочками, в зарослях папоротника, в густом мелколесье, среди ольховых или ивовых кустов по берегам водоемов, в нишах высоких «коблов» в заболоченных ольсах, под кучами валежника и хвороста в сырых березовых колках или в густой, высокой траве. Водоемов, заросших макрофитами, а также открытых степных озер в период гнездования избегает. На миграциях и зимовках держится преимущественно на открытых мелководных водоемах.

Численность. Европейская популяция составляет 557-915 тыс. пар, в том

числе для Европейской России указывают от 500 до 800 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России численность оценивалась в 100-500 пар (Белик, 2005а). Судя по нашим более поздним исследованиям в Волгоградской обл., на юге России может гнездиться в 2-3 раза больше птиц.

На зимовках в Дагестане в зависимости от погодных условий оставалось от 3,3 до 42,9 тыс. особей (Пишванов и др., 1988). На Северном Каспии в теплые зимы концентрируется более 50 тыс. чирков (Русанов, 2016). На Веселовском вдхр. зимой учитывали до 500-600 особей (Казаков и др., 2004). До 80-300 свистунков зимует на Ставрополье (Хохлов, 1989). В Краснодарском крае в январе 2003 г. учли всего 367 свистунков (Тильба и др., 2003), а в декабре 2003 г. только на двух лиманах в дельте Кубани держалось 18 тыс. свистунков (Хохлов и др., 2004).

На миграциях в Восточном Приазовье осенью 1972 г. учитывали от 0,3 до 5,6 тыс. свистунков (Кривенко и др., 1980). На Веселовском вдхр. в 1981-1986 гг. осенью держалось от 0,5 до 10,0 тыс. пролетных чирков, среди которых в сентябре было 40-100%, а в октябре – 95-100% свистунков. Весной там же учитывали по 0,2-4,0 тыс. чирков, из которых 80-90% составляли свистунки (Казаков и др., 2004). В дельте Волги на весеннем пролете в 1963 и 1964 гг. только днем пролетело 874 и 440 тыс. свистунков, а в период массового пролета отмечали до 9,5 тыс. птиц в день (Кривоносов, 1969).

Доля свистунка среди уток, линявших в дельте Волги, в течение XX в. снижалась с 27,7% в 1931-1940 гг. до 14,1% в 1952-1955 гг. и 8,0% в 1972-1980 гг. (Кривоносов, 1969; Русанов, 1983).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В период осенних миграций является обычным охотничьим видом.

49. Касатка *Anas falcata* Georgi, 1775

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, встреченный лишь однажды у оз. Эльтон в Волгоградском Заволжье (Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на водоемах в лесной зоне Восточной Сибири. В Европе изредка отмечались птицы, по-видимому, улетевшие из неволи, но единичные залеты зарегистрированы в Турции, Ираке, Иордании (Snow, Perrins, 1998). В степи близ оз. Эльтон 04.05.1989 был найден селезень, разбившийся о провода (Линдеман и др., 2005). Имеются также неподтвержденные сведения о наблюдениях касатки

на Маныче.

Местообитания. Гнездится обычно в сухой траве поблизости от небольших лесных и луговых рек и пойменных озер в лесной и лесостепной зонах. На пролете держится в основном на озерах и других внутренних водоемах.

Численность. Прежде на юге Восточной Сибири была многочисленна или обычна (Исаков, 1952). Но в 2007 г., по учетам на зимовках в Китае, численность составляла около 78-89 тыс. особей, сократившись за 40-50 лет в несколько раз. В Сибири, где касатка прежде была обычна, она стала малочисленна, а в тех местах, где была малочисленной – стала редкой уткой (Мельников, 2000; Дорофеев, Поярков, 3014).

Охранный статус. Включена в новое издание Красной книги России под 2 категорией редкости (Приказ …, 2020). На юге России не имеет охранного статуса.

50. Утка серая *Anas strepera* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Адыгеи и Карачаево-Черкесии, изредка зимующий в Предкавказье (Кукиш, 1982; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004; Русанов, 2008, 2011; Белик, 2014; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Голарктический вид, предположительно представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны, вторично проникший в Неарктику (Белик, 2000а).

Таксономия. Сейчас рассматривается как монотипический вид (Степанян, 2003). Другой островной тихоокеанский подвид *A. s. couesi* вымер во второй половине XIX в. (Коблик, Редькин, 2004а).

Распространение. Гнездится в пустынно-степном и, частично, в лесном поясе Евразии и Северной Америки, а зимовки евразийских птиц находятся в Западной Европе, в Средиземноморье и Южной Азии (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

На юге России распространена в равнинных районах всех регионов, но в Западном Предкавказье, в низовьях Дона, на Среднем Дону и Средней Волге летом гнездится редко и спорадично. Более обычна и шире распространена в долине Маныча, на Цимлянском вдхр., в Восточном Предкавказье, в степях Заволжья и Нижнего Поволжья, кроме дельты Волги (Artzibascheff, 1859, 2015; Бёме, 1925; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1937; Юдин, 1952; Кукиш, 1982; Шевченко и др., 1993, 2020; Белик, 2004а, 2005; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

В лесостепных предгорьях Кавказа встречается только на миграциях и изредка зимует (Бёме, 1926; Комаров, Липкович, 2000; Лохман и др.,

2004; Караваев, Хубиев, 2005; Динкевич, Мнацеканов, 2013; Комаров, Шевцов, 2017, 2018; Моламусов, 2017; и др.). В периоды миграций серые утки могут появляться в горах (Комаров, Липкович, 2000; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014; Моламусов, 2017), а в мягкие зимы иногда в большом числе остаются в Предкавказье на зимовку. В Дагестане в январе 1967 г. было учтено 13.630 птиц, а в дельте Кубани 03.02.2005 встречено скопление из 2.750 особей (Пишванов, Хонякина, 1968; Казаков и др., 2004; Тильба, Мнацеканов, 2014).

Осенью и зимой эти утки изредка залетают на Черноморское побережье Кавказа (Тильба, 1999б, 2006, 2007; Перевозов, 2014; Гордиенко, 2017). Но местами там на приморских низменностях они, возможно, гнездятся. В Пицунде их встречали 19.06.1985 и 25.05.2009, а 01.06.1949 там добыта самка с очень крупными фолликулами (Бернацкий, 1958; Белик, 2015).

В дельте Волги проходит летняя линька серых уток, самцов и самок, но в целом численность этого вида среди других уток здесь относительно невелика, составляя в XX в. не более 1-10% (Исаков, 1969; Кривоносов, 1969; Русанов, 1983, 2011).

Местообитания. Предпочитает стоячие или слабопроточные, пресные и солоноватые степные водоемы с открытыми берегами, где гнездится, как правило, на земле в траве, под кустиками полыни, солянок или тамарикса, иногда на копнах и стогах сена, редко – в тростниках. Местами селится среди колоний куликов, крачек и чаек. Возле степных озер в Волго-Уральском междуречье гнезда в траве на земле составляли 90-95% (Дебело, 1978; Шевченко и др., 1993, 2020). На сухих островах оз. Маныч-Гудило в 60-70-е годы XX в. эта утка охотно заселяла искусственные гнездовья среди травы (Олейников, Языкова, 1977).

Численность. В Европе гнездится 75,4-125,0 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывали от 35-50 до 10-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Численность восточноевропейской популяции, зимующей в Причерноморье и Средиземноморье, составляет 75-150 тыс. особей, а западносибирской, зимующей на юге Каспия и Ближнем Востоке, оценивается в 130 тыс. особей (Scott, Rose, 1996).

В середине XX в. на многих водоемах пустынно-степного пояса была обычным, местами массовым гнездящимся видом. На юге России в начале XXI в. численность оценивалась в 3-7 тыс. пар, но через 10 лет в результате деградации популяций она снизилась до 1-3 тыс. пар (Белик, 2005а, 2014а). В Волго-Ахтубинской пойме в 1970 г. гнездилось 930-950 пар (Кривоносов, 1972), а в Ростовской обл. расчетная численность этой утки в конце XX в. составляла около 400 пар (Белик, 2000а).

Обилие серых уток на небольших островах озер в Волго-Уральском междуречье в Казахстане в 1970-1971 гг. достигало 10-30 пар на 10 га (Дебело, 1978). В речной долине в степях на востоке Саратовской обл. в 1997 г. гнездилось 40-45 пар на 25 км^2 (Морозов, 2000). На сухих островах оз. Маныч-Гудило в мае 1969 г. за два дня было найдено 13 гнезд, а всего в 1969-1970 г. там учтено 129 гнезд, в том числе 37 – в искусственных гнездовьях (Олейников, Языкова, 1977; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004). В долине Маныча численность уток резко увеличилась после ее обводнения в результате строительства Пролетарского и Чограйского вдхр., но в последние десятилетия популяция этого вида там и в других степных регионах на юге России резко снизилась (Огарев, 1954; Казаков, Языкова, 1973; Линьков, 1985; Белик, 2004а, 2011, 2014).

На Цимлянском вдхр. в 1978-1983 гг. серая утка была весьма обычна, и там учитывали в среднем 1-2 пары на 1 км берега (Белик, Казаков, 1988), однако в мае 1993 г. за неделю интенсивных работ там не удалось даже встретить этих птиц. В дельте Волги в XX в. прослежена четкая динамика снижения доли серых уток среди линяющих птиц, отловленных для кольцевания: в 1931-1934 гг. – 7,7%; в 1952-1955 гг. – 3,1%, в 1972-1980 гг. – 0,4%. Уменьшается там и число серых уток в добыче охотников (Исаков, 1969; Кривоносов, 1969; Русанов, 1983, 2008, 2011).

В небольшом числе, но регулярно серая утка еще встречается в Волго-Ахтубинской пойме, а весной и осенью там собираются довольно значительные скопления пролетных птиц (Гугуева и др., 2011). Стаи по 20-100 особей несколько раз отмечали там 06-08.10.2007 на пойменных озерах, где серая утка составляла от 1 до 10% всех уток, а 21.10.2010 в большом скоплении уток на одном из озер в Ленинском р-не этот вид достигал 10-15%.

В Воронежской обл. серую утку регулярно встречали до 50–60-х годов XX в., но в последние десятилетия она стала там очень редка (Нумеров, 1996; Соколов, Венгеров, 2018). Редким гнездящимся видом считается она и в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005). На Украине в последние 30 лет ее численность резко снизилась, особенно на Азово-Черноморском побережье, где в прошлом этот вид был весьма многочислен или обычен (Лысенко, 1991; Белик, 2014).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Ростовской обл. и Дагестана (2 категория). Рекомендована в Красную книгу России (Белик, 2014). В конце XX в. в степной зоне Евразии от Украины до Забайкалья началось быстрое, повсеместное снижение гнездовой численности, и сейчас этот вид на юге России местами встречается даже реже,

чем савка. На оз. Маныч-Гудило в 2001-2004 гг. за 4 весенне-летних сезона отмечено всего 10-11 встреч, в том числе найдены лишь 1 гнездо и 1 выводок (Белик, 2004а). Занесена в Красную книгу Воронежской обл. (2018) и Украины (2009). Причины резкой деградации популяций серой утки в степной зоне остаются недостаточно ясными (Белик, 2003, 2011, 2014), тем более что прибалтийская популяция в последние десятилетия быстро увеличивает численность и расселяется (Иовченко и др., 2010; Коузов, Кравчук, 2012; и др.).

51. Свиязь *Anas penelope* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России, нерегулярно зимующий в Предкавказье (Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016), а для Волгоградской обл. указанный также как очень редкий, вероятно гнездящийся вид (Чернобай, 2004а).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в лесном поясе Северной Евразии, откуда проникает к югу до степных озер Северного Казахстана. Зимует в Западной Европе, Средиземноморье и по югу Азии, частично также на северо-востоке Африки (Исаков, 1952; Scott, Rose, 1996).

На юге России свиязь весной и осенью регулярно пролетает через равнинные районы, но интенсивность ее миграций в разных регионах различна. К тому же пролет свиязей идет обычно в ночное время и визуально прослеживается слабо (Казаков и др., 2004).

Весной основной поток мигрантов летит со средиземноморских зимовок на восток через Приазовье, Нижний Дон, Маныч, Сарпинские озера и Приэльтонье в Северный Казахстан и Западную Сибирь, но часть птиц из Сибири осенью направляется через дельту Волги и Дагестан на южнокаспийские зимовки (Миграции …, 1997; Казаков и др., 2004; Линдеман и др., 2005; Джамирзоев и др., 2014). Еще один маршрут идет весной с западноевропейских зимовок на северо-восток Европы через среднюю полосу России, захватывая северные районы Ростовской и Волгоградской обл., где свиязи в массе наблюдаются в бассейнах рек Хопер, Бузулук, Терса и Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Измайлов, 1940; Юдин, 1952; Миграции …, 1997; Казаков, Сидельников, 1999; Белик, 2005; Завьялов и др., 2005; наши данные).

Для Волгоградской обл. свиязь указана также как очень редкий, вероятно гнездящийся вид, распространенный в бассейне Среднего Дона, на Волгоградском вдхр. и в Волго-Ахтубинской пойме (Чернобай, 2000а,

2004а, 2004б), хотя ранее в гнездовую фауну Волгоградской обл. свиязь не включали (Кубанцев, Чернобай, 1982). Ее считают вероятно гнездящимся видом также в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005). А в прошлом ее относили к гнездящимся птицам и в некоторых других регионах на юге России (Яковлев, 1872, 2015; Хлебников, 1928, 1930; Лерхе, 1940).

Однако вопрос о гнездовании свиязи в Нижнем Поволжье остается открытым, поскольку достоверные факты ее размножения там неизвестны (Исаков, 1952; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014), а в степной зоне Казахстана ее гнездовья отмечали лишь к востоку от долин Кушума и Урала (Долгушин, 1960; Шевченко и др., 1993, 2020).

На юге России за гнездящихся птиц могли ошибочно принимать пролетных свиязей, нередко отмечающихся в Приазовье, на Маныче, в дельте Терека и Поволжье до начала-середины мая (Бёме, 1925; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Савицкий, 2002; Белик, 2004а; Букреев, Чернобай, 2011; Очаповский, 2017). Известны и более поздние встречи: 28.05.1967 самец наблюдался на Беглицкой косе в Северном Приазовье, 29.05.2014 более 10 пар встречены на Большом Лимане у г. Волжского, а 17.06.1982 на озере у стан. Вешенской на Среднем Дону отмечены 2 самца и 1 самка. На Хопре 5 самцов наблюдали 23.06.2011 на обширных лиманах на севере Урюпинского р-на в бассейне Среднего Дона, а 27.06.2011 в пойме р. Бузулук близ пос. Киквидзе встречены 3-5 птиц (Белик, Казаков, 1988; Казаков и др., 2004; Белик, 2005; наши данные). Но их размножение там подтвердить не удалось; ни разу не наблюдали мы и характерные для уток преследования самцами самок, свидетельствующие об их спаривании (Dzubin, 1969), однако исключать случайное гнездование свиязи на степных озерах на севере Волгоградской обл. и в Заволжье, очевидно, нельзя.

В теплые зимы свиязь в небольшом числе зимует в Дагестане, изредка встречается на континентальных водоемах Предкавказья, в отдельные годы много птиц наблюдается зимой в Восточном Приазовье (Бёме, 1926; Венгеров, 1968; Брауде и др., 1972; Хохлов, 1989; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014; Моламусов, 2017). Изредка они появляются зимой на Черноморском побережье, преодолевая высокогорные перевалы Кавказа (Аверин, Насимович, 1938; Бернацкий, 1958; Ткаченко, 1966; Тильба, 1999; Казаков и др., 2004; Караваев и др., 2015; Гордиенко, 2017).

Местообитания. Гнездится, как правило, на заросших стоячих и слабопроточных водоемах и на болотах с осоковыми кочкарниками и ивняками, избегая как покрытых густым тростником озер, так и водоемов с обширными открытыми плёсами. На пролете и зимовке держится

обычно на более или менее открытых, заболоченных мелководных водоемах.

Численность. В Европе гнездится 469-645 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывали от 150-250 до 380-500 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России можно предполагать гнездование до 5-50 пар (Белик, 2005а). Популяция свиязей, зимующих в Средиземноморье, оценивается в 560 тыс. особей; птицы, улетающие на Южный Каспий и Ближний Восток, насчитывают 250 тыс. особей, а растущая популяция, зимующая в Западной Европе и частично мигрирующая через Средний Дон, оценивается в 1.250 тыс. птиц (Scott, Rose, 1996).

На юге России местами наблюдают тысячные скопления пролетных и зимующих свиязей, в том числе на Веселовском вдхр. в 1970-е годы весной и осенью учитывали до 1-3 тыс. мигрантов (Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014). В дельте Волги весной 1963 и 1964 гг. было учтено 177 и 93 тыс. пролетевших днем свиязей (Кривоносов, 1969), а на летней линьке свиязи, в основном самцы, составляли там среди других уток, в среднем, от 2,9% в 1931-1965 гг. до 0,5% в 1972-1984 гг. (Русанов, 1983, 2011).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В период осенних миграций служит обычным охотничьим видом.

52. Шилохвость *Anas acuta* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России, в мягкие зимы зимующий в Предкавказье и изредка – в дельте Волги, а для степных районов Придонья и Поволжья указывалось также его случайное гнездование (Кукиш, 1982; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Быков и др., 2009; Букреев, Чернобай, 2011; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Сейчас обычно рассматривается как монотипический вид (Коблик, Редькин, 2004а; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в Северной Америке, а также в тундрах и лесном поясе Евразии, проникая к югу до степных озер Казахстана. Евразийские птицы зимуют в Западной Европе, на севере Африки и по югу Азии (Исаков, 1952).

В равнинных регионах юга России шилохвость обычна на пролете, периодически зимует в Предкавказье, преимущественно в Приазовье и Да-

гестане, и вероятно изредка гнездится в долине Маныча, на Сарпинских озерах, в Заволжье и других степных районах. Севернее, в Воронежской обл., это очень редкий, спорадично гнездящийся вид (Барабаш-Никифоров, Павловский, 1963; Нумеров, 1996); редким, спорадичным видом шилохвость считают и в Саратовской обл. (Козловский, 1949; Завьялов и др., 2005). Достоверное гнездование известно в Волго-Уральском междуречье в Казахстане (Волчанецкий, 1937; Дебело, 1978; Шевченко и др., 1993, 2020), но подтвердить его там в 1996 г. нам не удалось (Белик, 2008).

Гнездование шилохвости на юге России указывали для водоемов долины Маныча, Сарпинских и Состинских озер в Калмыкии (Artzibascheff, 1859, 2015; Огарев, 1954; Кривенко, Кривоносов, 1977; Кривенко, 1981; Демьянова, 1987), причем на одном из островов оз. Сарпа в 1979 г. гнездилось не менее 30 пар на 500 м^2, найдено гнездо с погибшей на нем самкой, а на оз. Ханата в июне 1971 г. был пойман нелетный птенец (Кукиш, 1982; Букреев, Чернобай, 2011). Нами же в долине оз. Маныч-Гудило летом лишь однажды встречено несколько пар шилохвостей, державшихся 09.06.1986 у сухого островка с колонией шилоклювок и ходулочников на небольшом озере (Белик, 2004а).

На Нижнем Дону в начале XX в. летом шилохвость встречалась редко, но, по опросным данным, на лугах в низовьях Маныча изредка находили гнезда и выводки этой утки; много птиц было 10-11.05.1917 **ст.ст.** на разливах у Новочеркасска, а весной несколько раз наблюдали преследование самок группами самцов: 09.04.1914 **ст.ст.** в устье р. Грузской Еланчик в Северном Приазовье и в апреле 1918 г. в низовьях Маныча (Белик и др., 2012). В пойме Нижнего Дона у Цимлянска шилохвостей неоднократно встречали 16-17.06.1979 на мелководных весенних разливах, но подтвердить их гнездование там мы не смогли (Белик, Казаков, 1988).

В начале 1970-х годов Г.М. Русанов нашел шилохвость на гнездовье в устье р. Кума; гнездование около 50 пар указано также для Кизлярского залива в Дагестане, но позже было отмечено, что эти данные нуждаются в проверке (Комаров, 1985; Джамирзоев и др., 2004, 2014). В дельте Волги, по данным картотеки Астраханского заповедника, 13.06.1992 наблюдался выводок шилохвости из 6 утят с уткой (Реуцкий, 2014), но больше никаких сведений о гнездовании этого вида там нет (Луговой, 1963; Русанов, 2011), хотя, по опросным данным, его находили на гнездовании на степных озерах к северу от дельты (Воробьев, 1936).

В Волгоградской обл. шилохвость указана как редкий, вероятно гнездя-

щийся вид, встречающийся почти по всему региону, кроме Цимлянского и Волгоградского вдхр. (Чернобай, 2000а, 2004а), хотя ранее в гнездовую фауну этого региона ее не включали (Кубанцев, Чернобай, 1982). А в 1999-2002 гг. на Волгоградской Сарпе шилохвость оказалась редким летующим видом (Букреев, Чернобай, 2011).

В мае-июне 1966-1971 гг. шилохвость регулярно встречали на Большом Лимане у г. Волжский, но ее численность постепенно сокращалась с там 10 до 1 пары, а в мае-июне 1979-1981 гг. этих птиц наблюдали парами в низовьях р. Торгун в Старополтавском р-не (Е.И. Врублевский, дневники). Гнездование шилохвости предполагали также в низовьях р. Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Орлов, Кайзер, 1933; Юдин, 1952), но в мае 2010 и 2013 г. обнаружить этот вид на Еруслане нам не удалось. До 1960-х годов шилохвость считали массовым гнездящимся видом на большинстве прудов и лиманов в Приэльтонье, однако позже ее гнездование там уже не отмечали (Быков и др., 2009).

Приведенные данные показывают значительное сокращение ареала шилохвости, его отступление в течение XX в. на северо-восток, и в настоящее время гнездование этого вида на юге России остается под вопросом, хотя спорадические находки гнездовий, особенно в Волгоградском Заволжье, еще возможны.

Миграции на юге России весной идут в основном на восток из Средиземноморья и Причерноморья через Приазовье, Нижний Дон, Маныч и Сарпинские озера в Заволжье, а другой маршрут ведет через дельту Волги и Дагестан на зимовки на юге Каспия, на Ближнем Востоке и в Восточной Африке (Кривоносов, 1969; Шевченко и др., 1993, 2020; Scott, Rose, 1996; Миграции …, 1997; Казаков и др., 2004; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009; Джамирзоев и др., 2014).

Пролет шилохвости из Западной Европы через среднюю полосу России на восток выражен слабо. На Хопре в Воронежской обл. и на р. Еруслан на севере Волгоградской обл. эти птицы весной встречаются в небольшом числе (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Измайлов, 1940; Юдин, 1952), а в апреле-мае 1999-2011 гг. на многочисленных водоемах в бассейнах Хопра, Медведицы и Иловли мы их не видели вовсе. Хотя указанный миграционный маршрут прослеживается немного севернее, в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005).

На зимовку шилохвость регулярно остается в Восточном Приазовье и на побережьях Каспия в Дагестане (Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014; Очаповский, 2017), в мягкие зимы она в небольшом числе встречается в дельте Волги и на континентальных водоемах Предкавказья (Бёме, 1926; Хохлов, 1989; Комаров и др., 1911; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Моламусов, 2017), а при похолоданиях со снегопадами

птицы появляются на горных реках Кавказа (Аверин, Насимович, 1938; Ткаченко, 1966; Поливанов и др., 1985; Караваев и др., 2015). Регулярно зимует на Черноморском побережье, но численность мигрантов в последние годы там заметно снизилась (Тильба, 1999б, 2006; Гордиенко, 2017).

В дельте Волги находится важный район летней линьки шилохвостей, гнездящихся в Восточной Европе и Западной Сибири, и до подъема уровня Каспия шилохвость среди линяющих уток была там фоновым видом (Исаков, 1969; Кривоносов, 1969; Русанов, 1983, 2011; Миграции …, 1997).

Местообитания. Шилохвость гнездится обычно в траве на открытых лугах или в степи, иногда довольно далеко от водоемов (Исаков, 1952; Долгушин, 1960). Но в Волго-Уральском междуречье Казахстана все гнезда размещались не далее 50 м от воды и 85% из них были сделаны на земле в траве, 5% – на копне сена среди разливов и лишь 10% (n=2) – в куртинах тростника (Дебело, 1978; Шевченко и др., 1993, 2020). В период миграций шилохвость предпочитает мелководные лиманы и временные мелководные водоемы на заливаемых лугах, значительно реже встречается на глубоких водоемах.

Численность. В Европе гнездится 210-269 тыс. пар, в том числе в Европейской России отмечено снижение с 300-325 до 150-180 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России сейчас может гнездиться, вероятно, до 50-250 пар (Белик, 2005а). Сокращающаяся популяция, зимующая в Средиземноморье и Северной Африке, оценивается в 1.200 тыс. птиц, а каспийско-переднеазиатская группировка насчитывает 700 тыс. особей (Scott, Rose, 1996).

На зимовке в Восточном Приазовье в январе 1959, 1967 и 1971 гг. учитывали от 1,5 до 5-6 тыс. шилохвостей (Винокуров, 1965; Венгеров, 1968; Брауде и др., 1972), а в Дагестане в 1967 г. зимовало более 6 тыс. птиц (Пишванов, Хонякина, 1968). На Веселовском вдхр. в марте 1970-1974 гг. одновременно учитывали до 2-4 тыс. особей, а осенью в 1978-1980 гг. там мигрировало по 4-10 тыс. особей (Казаков и др., 2004). В дельте Волги в 1963 и 1964 гг. весной только в дневное время пролетело 1983,5 и 1230,0 тыс. шилохвостей, а на летней линьке в 1950-е годы там отлавливали до 5-6 тыс. птиц, составлявших 20-50% общей численности линных уток (Кривоносов, 1969).

В 1990-е годы, после подъема уровня Каспия, численность шилохвости на миграциях и линьке в дельте Волги резко снизилась (Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014). Катастрофическое сокращение ее популяции в конце XX в. прослежено также в Саратовской обл. (Пискунов и др., 2001). А в Волго-Уральском междуречье Казахстана почти 2-кратное

снижение численности этих птиц было отмечено в 1970-е годы (Шевченко и др., 1993). Но причины этого снижения не совсем понятны.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В период осенних миграций является обычным охотничьим видом.

53. Чирок-трескунок *Anas querquedula* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид всех равнинных регионов Южной России, случайно зимующий в Предкавказье (Кукиш, 1982; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в лесном и, частично, в пустынно-степном поясе Евразии от Атлантики до Тихого океана, а зимует в Северной Африке, Средиземноморье и на юге Азии (Исаков, 1952). На юге России распространен во всех равнинных регионах, но в степных и лесостепных предгорьях Центрального Кавказа и в Центральном Предкавказье, кроме Приманычья, гнездование неизвестно или требует подтверждения (Бёме, 1926; Рашкевич, 1980; Хохлов, 1989, 1993; Гизатулин и др., 2001; Плеснявых и др., 2001; Хохлов, Ильюх, 2005; Караваев, Хубиев, 2011; Комаров, Шевцов, 2017, 2018; Моламусов, 2017; Белик, 2019).

На Восточном Кавказе гнезда и нелетные выводки встречали в заболоченных поймах горных рек и на высокогорных плато Внутреннего Дагестана на высоте до 1800 м н.у.м. (Пишванов и др., 1988; Казаков и др., 2004). Однажды выводок наблюдали также в Кавказском заповеднике в верховьях р. Малая Лаба в среднегорьях Западного Кавказа. Немногочисленные летние встречи чирков отмечали и в предгорьях Западного Предкавказья (Емтыль и др., 1993; Тильба, 1999а). Кроме того, трескунок, вероятно, гнездится местами по приморским низменностям на Черноморском побережье Кавказа, где в апреле-мае у озер на Пицунде неоднократно наблюдали гнездовые пары, а также самцов, преследовавших самок (Бернацкий, 1958; Белик, 2015), что может свидетельствовать о гнездовании этих птиц (Dzubin, 1969).

В Восточном Приазовье трескунок встречается редко (Казаков, 1982; Казаков и др., 2004; Тильба, Мнацеканов, 2014; Очаповский, 2017; Перевозов и др., 2020), более обычен он на Нижнем Дону, Маныче, в Калмыкии и на Нижней Волге, кроме ее дельты, где чирки гнездятся очень редко (Artzibascheff, 1859, 2015; Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Кукиш, 1982; Белик, Казаков, 1988; Букреев, Чернобай, 2011;

Русанов, 2011; Белик и др., 2012; Реуцкий, 2014). С развитием прудового рыбоводства и рисосеяния в поймах рек и на надпойменных терасах трескунок стал гнездится на этих временных водоемах (Казаков и др., 2004).

Относительно обычны трескунки на Цимлянских песках, а также по пойменным лугам и у озер в долинах многочисленных рек в бассейне Среднего Дона, у степных прудов на правобережье Волги и в Волгоградском Заволжье, хотя в Приэльтонье в последние десятилетия трескунки почти исчезли из-за усыхания многих степных лиманов (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Птушенко, 1949; Волчанецкий и др., 1950; Юдин, 1952; Чернобай, 2004а; Завьялов и др., 2005; Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009; Е.И. Врублевский, дневники; наши данные). По мере движения дальше на север и восток кружево ареала чирка в Воронежской и Саратовской обл. и в Западном Казахстане заметно уплотняется (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Шевченко и др., 1993, 2020; Нумеров, 1996).

Зимовки европейских чирков находятся в основном в Сахеле в Африке, западносибирские птицы летят, вероятно, в Средиземноморье, а также на Южный Каспий, Ближний Восток и в Восточную Африку (Scott, Rose, 1996; Миграции …, 1997; Patrikeev, 2004). Изредка они встречаются зимой в Предкавказье от Приазовья до Дагестана, но указания о массовых зимовках трескунка в Дагестане, по-видимому, ошибочны (Пишванов и др., 1988; Миграции …, 1997; Хохлов и др., 2001; Джамирзоев и др., 2004, 2014; Казаков и др., 2004; Комаров и др., 2011; Тильба, Мнацеканов, 2014; Очаповский, 2017; Комаров, Шевцов, 2017).

Основные миграции на юге России идут в субширотном направлении из Средиземноморья на восток через Приазовье, Нижний Дон, долину Маныча, Сарпинские озера и Приэльтонье (Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Казаков и др., 2004; Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2011). В апреле 2008-2011 гг. пролетные стаи трескунков регулярно встречались также по всем озерам в поймах Иловли, Хопра, Бузулука на севере Волгоградской обл. и на степных прудах и малых реках на правобережье Волги, но направление пролета этих птиц нами не прослежено.

Регулярный пролет наблюдается в дельте Волги, а также в Дагестане вдоль берега Каспия (Кривоносов, 1969; Михеев, 1985; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014). Выраженные миграции идут и вдоль Черноморского побережья Кавказа (Бернацкий, 1958; Тильба, 1999б, 2006, 2017а; Гордиенко, 2017). Изредка трескунки в период миграций залетают и в высокогорья Кавказа (Аверин, Насимович, 1938; Тильба, 1999а; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015;

Моламусов, 2017).

В дельте Волги летом формируются массовые линные скопления самцов и самок трескунка, в XX в. занимавшего там 3-4-е место по численности после шилохвости, кряквы и свистунка (Исаков, 1969; Кривоносов, 1969; Русанов, 1983, 2011).

Местообитания. Летом заселяет в основном мелководные опресненные озера, небольшие болота, пруды и широкие луговые поймы рек в степях или среди лесов, гнездясь на лугах или в сухой степи близ водоемов, обычно недалеко от их берегов, но иногда на значительном удалении. В Дагестане гнездится на островках среди плавней и болот или вдоль каналов, а на прудах и рисовых чеках селится по валам и бровкам каналов. Гнезда устраивает на земле в траве в небольших углублениях в грунте (Казаков и др., 2004). В степном Заволжье Казахстана в траве в 30-60 м от водоемов было найдено 85% гнезд, и лишь по одному – в кустах и на скирде сена (Дебело, 1978; Шевченко и др., 1993).

Численность. В Европе гнездится 352-524 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 320-475 до 300-430 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). Европейская популяция, зимующая в Сахеле в Западной Африке, насчитывает около 2 млн. особей, а численность птиц, мигрирующих из Западной Сибири в Восточную Африку, составляет 100-200 тыс. особей (Scott, Rose, 1996).

На юге России численность оценивается в 5-10 тыс. пар, в том числе около 3-4 тыс. пар гнездилось в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а), а в Волго-Ахтубинской пойме между Волгоградом и Астраханью в 1970 г. размножалось 480-500 пар (Кривоносов, 1972). На Цимлянских песках, где чирки заселяют широкие луговые поды с небольшими озерами и болотами, в мае 2006 г. в разных местах мы учитывали от 15-20 пар на 100 га до 10-15 пар на 500 га.

На миграциях в дельте Волги весной 1963 и 1964 гг. учли 83 и 57 тыс. трескунков, пролетевших в дневное время (Кривоносов, 1969), а в Восточном Приазовье за весну 1977 г. пролетело около 3,5 тыс. птиц (Гаврин и др., 1980), но в августе в разные годы там насчитывали от 55 до 146 тыс. трескунков (Кривенко, 1977).

В 1930-е годы в дельте Волги доля трескунка среди линных уток составляла 9,1%, а в 1950-е годы – 18,4% (Кривоносов, 1969). В 1970-е годы трескунок составлял там 6-17%, в среднем 14,5% всех линных уток, или примерно 61,5 тыс. особей среди 424 тыс. всех видов уток, собиравшихся в августе на взморье (Русанов, 1983, 2011).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В период осенних миграций служит обычным, широко распространенным охотничьим видом. Но в связи с ранним отлетом на зимовки пресс спортивной охоты

на трескунка в России сравнительно небольшой (Русанов, 2008, 2011), однако на зимовках в Африканской Сахеле европейская популяция трескунка испытывает чрезвычайно сильную промысловую нагрузку (Zwarts et al., 2009).

54. Широконоска *Anas clypeata* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид равнинных регионов Южной России, нерегулярно зимующий в Предкавказье, а в предгорных районах появляющийся лишь на пролете (Кукиш, 1982; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Букреев, Чернобай, 2011; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Джамирзоев и др., 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Голарктический вид, относящийся предположительно к лиманному фаунистическому комплексу Номадийского типа фауны Палеарктики и вторично проникший через Берингию в Неарктику (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в пустынно-степном и лесном поясе Северной Евразии и на западе Северной Америки, а зимовки евразийских птиц расположены в Западной Европе, Средиземноморье, Северной Африке и по югу Азии (Исаков, 1952).

На юге России широконоска спорадично распространена на гнездовье в степном Предкавказье от Приазовья до Дагестана, а также в Придонье, Поволжье и Заволжье. Но в предгорных регионах Северного Кавказа летом ее нет (Белик и др., 2016), не гнездится она и в дельте Волги (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014), практически не встречается на гнездовье в Центральном Предкавказье (Хохлов, 1989, 1993; Ильюх, Хохлов, 2006), а в Приазовье и Краснодарском крае, где преобладают водоемы с густыми прибрежными зарослями макрофитов, этот вид отмечается редко, в некоторых районах не найден вовсе, и его гнездование там требует подтверждения (Сарандинаки, 1909; Мнацеканов и др., 1990, 2007; Емтыль и др., 1997; Лебедева и др., 2000; Тильба, Мнацеканов, 2014; Очаповский, 2017).

В степном Придонье, на Маныче, на водоемах Калмыкии и в Нижнем Поволжье широконоски летом регулярно встречаются во многих районах, но их достоверные гнездовые находки здесь редки и случайны (Artzibascheff, 1859, 2015; Алфераки, 1910; Кривенко, Кривоносов, 1977; Кукиш, 1982; Белик, Казаков, 1988; Белик, 1999, 2004а, 2005; Казаков и др., 2004; Букреев, Чернобай, 2011; Белик и др., 2012). Наиболее же плотное кружево ареала широконоски находится в Волгоградском Заволжье, где птицы распространены по многим водое-

мам к северу до долины р. Еруслан (Орлов, Кайзер, 1933; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Завьялов и др., 2005; Линдеман и др., 2005; наши данные).

На зимовке изредка, в небольшом числе встречается на Тамани и в дельте Кубани, в Дагестане на побережье Каспия, а также в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (Комаров, 2002; Лохман и др., 2005; Комаров и др., 2011; Джамирзоев и др., 2014; Тильба, Мнацеканов, 2014; Моламусов, 2017). Миграции же идут в основном в субширотном направлении из Средиземноморья через Приазовье, Нижний Дон, долину Маныча и Сарпинские озера в Заволжье, а второй поток летит вдоль побережий Каспия через дельту Волги и Дагестан на юг в Азербайджан и на Ближний Восток (Artzibascheff, 1859, 2015; Кривоносов, 1969; Шевченко и др., 1993, 2020; Казаков и др., 2004; Patrikeev, 2004; Линдеман и др., 2005; Джамирзоев и др., 2014).

Во второй половине апреля 2011 г. довольно много вероятно пролетных широконосок держалось на Хопре и Бузулуке на севере Волгоградской обл., где в скоплениях на пойменных разливах местами они составляли около 5% всех речных уток. В июне же их численность там сократилась в 10-20 раз. Пролетные птицы обычны также на Хопре в Воронежской обл. (Измайлов, 1940). Поэтому можно полагать, что у широконоски, как у свиязи и гуменника, весной через северные районы Волгоградской обл. идет миграция с западноевропейских зимовок на восток.

Иногда мигранты и зимующие птицы случайно залетают в горы Кавказа и на Черноморское побережье (Аверин, Насимович, 1938; Тильба, 1999а, 1999б, 2006; Комаров, 2006; Белик, 2015; Караваев и др., 2015; Гордиенко, 2017). А в дельте Волги у широконосок находится район массовой летней линьки (Исаков, 1952, 1969; Кривоносов, 1969; Русанов, 1983).

Местообитания. Летом заселяет обычно мелководные, слабо заросшие опресненные озера, небольшие степные речки и пруды, заболоченные низины среди сухих лугов или степей, а также широкие открытые поймы рек в лесной зоне. Нередко отдает предпочтение водоемам в песчаных степях на террасах рек. На Цимлянских песках птицы придерживаются обычно открытых побережий Цимлянского вдхр. или небольших солоноватых озер в открытых подовых долинах. По наблюдениям в Заволжье в степях Западного Казахстана, гнезда делает обычно в неглубоких ямках на земле в траве (88%; n=14) в 50-100 м от водоемов (Дебело, 1978; Шевченко и др., 1993, 2020). Преимущественно на слабо заросших мелководных озерах птицы держатся и в периоды миграций.

Численность. В Европе гнездится 170-233 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 140-180 до 120-150 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России численность оценивается в 2-5 тыс. пар, в том числе около 300-400 пар гнездится в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а). Западноевропейская популяция составляет около 40 тыс. особей; численность европейско-сибирских птиц, зимующих преимущественно в Средиземноморье и Причерноморье, оценивают в 450 тыс. особей, а западносибирско-казахстанская группировка, улетающая на зимовку на юг Каспия, Ближний Восток и в Восточную Африку, насчитывает 400 тыс. особей (Scott, Rose, 1996).

На юге России в Восточном Приазовье и низовьях Кубани широконоски редки (Мнацеканов и др., 1990, 2007; Емтыль и др., 1997; Тильба, Мнацеканов, 2014; Очаповский, 2017). Несколько чаще, особенно на песчаных террасах рек, они встречаются на Нижнем и Среднем Дону, на Сев. Донце, Маныче, на озерах в Калмыкии и на Нижней Волге, но в целом немногочисленны и там (Artzibascheff, 1859, 2015; Кукиш, 1982; Белик, Казаков, 1988; Хохлов, 1989, 1993; Белик, 1999, 2004а, 2005; Казаков и др., 2004; Ильюх, Хохлов, 2006; Гугуева и др., 2011; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

Более обычны эти птицы на Цимлянских песках, где в обширной подовой долине с небольшими озерами 05.05.2006 на 3 км маршрута мы учли 3 пары и 6 одиночных самцов, судя по поведению, принимавших участие в размножении. На Сарпинских же озерах в Волгоградской обл. и Калмыкии в июне 1971 г. на общей площади 28,5 тыс. га было учтено всего 60 широконосок (Кривенко, Кривоносов, 1977), но в последние десятилетия их гнездование там не подтверждено, хотя они по-прежнему остаются обычными пролетными и летующими птицами (Букреев, Чернобай, 2011).

Сравнительно обычны эти утки в степном Заволжье. На прудах-отстойниках Большого Лимана у г. Волжский 08.06.2010 мы учли около 30-50 птиц, в том числе пары и стайки до 5-10 особей, а 29.05.2014 отметили 11 пар при далеко не полном обследовании лимана. Там же в 1964 и 1967 гг. найдены 4 гнезда с кладками и еще 2 гнезда осмотрены в 1953 и 1963 гг. на степном лимане Тажи в Быковском р-не (Е.И. Врублевский, дневники). А на опресненных болотах у оз. Булухта 11.05.2014 нами учтено не менее 10 пар. Но в конце XX в. в Приэльтонье отмечено резкое сокращение численности широконосок в связи с усыханием степных лиманов (Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009). Хотя в 1970 г. обилие птиц в степях Западного Казахстана достигало 0,5-2,5 выводка на 100 га водоемов (Шевченко и др., 1993).

На миграциях в дельте Волги весной 1963 и 1964 гг. только в дневное время учли 299 и 210 тыс. широконосок, а на летней линьке в некоторые годы там отлавливали до 250-300 широконосок, составлявших 4,5-7,4% от всех уток, т.е. всего в дельте на линьку собиралось около 30 тыс. широконосок (Кривоносов, 1969; Русанов, 1983).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В период осенних миграций является обычным охотничьим видом.

55. Чирок мраморный *Anas angustirostris* (Ménétries, 1832)

Характер пребывания. Очень редкий вид, гнездившийся в XIX – XX вв. в Прикаспии и, возможно, в Приазовье, но в конце XX в. его гнездовья на юге России, по-видимому, исчезли (Казаков и др., 2004; Русанов, 2008, 2011; Джамирзоев и др., 2013; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Обитатель Древнего Средиземья, населяющий опресненные водоемы от Испании и Малой Африки до Приаралья и Индии. На юге России известен как очень редкий вид, гнездившийся в прошлом в дельтах Волги и Терека и залетавший в разные регионы Поволжья и Предкавказья.

В середине XIX в. А. Беккер (Becker, 1853) привел мраморного чирка в списке птиц окрестностей Сарепты, но в таком же списке, составленном Г.Ф. Мёшлером (Moeschler, 1853), этот вид отсутствует. Работавшие позже на Сарпинских озерах Н.Н. Арцыбашев (Artzibascheff, 1859, 2015) и В.И. Рикбейль (Богданов, 1871) мраморного чирка не встречали, хотя Н.Н. Арцыбашев допускал возможность его редкого гнездования в этом районе. В начале же XX в., по сведениям В.Ф. Лореца (1928), мраморный чирок встречался у Сарепты на весеннем и осеннем пролете, но весьма редко. Три его залета на Волгу и Хопер были отмечены в тот же период и в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005).

В последнее время для Волгоградской обл. указан лишь в работах В.Ф. Чернобая (2004а, 2004б, 2017) как очень редкий залетный, возможно гнездящийся вид, встреченный в 80-90-годы XX в., по опросным данным, всего 6-8 раз в основном в пустынно-степном Заволжье (Палласовский, Николаевский и Старополтавский р-ны). Последний раз одна птица была добыта в сентябре 1996 г. в Волго-Ахтубинской пойме у с. Заплавное Ленинского р-на.

В конце XIX – начале XX в. мраморный чирок изредка, но регулярно отмечался в дельте Волги (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Огнев, 1913; Тарасов, 1914; Воробьев, 1936; и др.), где заселял старые

гнезда ворон и дупла деревьев (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Воробьев, 1936). Тогда же эти чирки гнездились и на озерах в Волго-Уральском междуречье. В районе с. Урда (Хан Ордасы), а также на Камыш-Самарских озерах в Казахстане у с. Красное (Бородинское=Факеево, ныне Сарыколь) летом 1926 и 1927 гг. были добыты 2 птицы, а также встречены 2 выводка (Волчанецкий, 1937).

Последние встречи мраморных чирков в Северном Прикаспии отмечали в 1953 г. в дельте Волги (2 птицы среди 9.000 пойманных линных уток). Кроме того, этот чирок был добыт в дельте Волги 05.11.1973. Еще 1 птица добыта в июне 1951 г. на взморье в Денгизском районе Казахстана; 2 птицы отмечены там же 15.04.1963 и 6 птиц встречены в сентябре 1953 г. на Камыш-Самарских озерах в низовьях р. Узень (Ауэзов, 1978; Шевченко и др., 1993; Русанов, 2004, 2011; Реуцкий, 2014).

Однако в начале XXI в. вновь появилась информация о встречах мраморных чирков в низовьях Волги, где 31.08.2007 на западных подстепных ильменях эту птицу наблюдал Н.Д. Реуцкий (2014), а по сведениям опытных астраханских охотников небольшие стайки по 3-7 особей изредка встречались здесь в апреле-мае и очень редко – в летний период. Не исключено поэтому, что мраморные чирки вновь стали возвращаться в Северный Прикаспий.

В Калмыкии гнездование этого чирка предполагали по побережью Каспия (Близнюк, 2004), а в Дагестане до середины 1970-х годов он гнездился на водоёмах в низовьях Терека и Сулака (Темиргоевские озера, оз. Бакас), отмечался также на Аграханском заливе. Мигранты же встречались по всему низменному побережью Каспия от Кизлярского залива до устья Самура (Бёме, 1950; Пишванов и др., 1988, 1998; Бутьев и др., 1989; Джамирзоев и др., 2000). Позже чирок там исчез, и его гнездование в Дагестане в последние 30 лет достоверно никто не подтверждал (Джамирзоев, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

В прошлом мраморный чирок проникал по Тереку, вероятно, и выше по течению. Так, двух птиц наблюдали 17-19.04.1983 на оз. Чебутла у стан. Каргалинской Шелковского р-на (Анисимов, 1989). В январе 1981 г. три птицы встречены (одна добыта) на Тереке у стан. Эльхотово в Северной Осетии, а 06.12.1986 на родниках у г. Ардон было отмечено 7 птиц (Комарова, Комаров, 1988). Однажды осенью в середине 1970-х годов чирок добыт на Новотроицком вдхр. в Ставропольском крае (Казаков и др., 2004), а в долине Маныча на оз. Соленом в Арзгирском р-не 2 птиц наблюдали в середине апреля 1985 г. и 1 птицу добыли 01.09.1984; еще 1 птица добыта в начале октября 1981 г. на оз. Дадынском в Левокумском р-не (Хохлов, 1989). По некоторым сведениям, до 1984 г. в июне-августе 1-5 пар этих чирков

ежегодно встречали на оз. Маныч и Маныч-Гудило (Линьков, 2001).

О добыче мраморного чирка весной 1909 г. на левом берегу Кубани у Краснодара сообщал Е.С. Птушенко (1915), отмечавший там большую редкость этих птиц. О каком-то необычном чирке, которого иногда добывали в дельте Дона, упоминал С.Н. Алфераки (1910). По опросным данным, какой-то крупный чирок в прошлом встречался и на островах в плавнях р. Челбас, поэтому можно предполагать, что мраморный чирок прежде гнездился также и в Восточном Приазовье (Казаков и др., 2004).

Зимовки находятся на севере Африки, в Передней Азии и на севере Индии, а также у южных берегов Каспия. Миграции из России в Азербайджан прежде шли вдоль западного побережья Каспийского моря (Джамирзоев и др., 2013). Изредка птицы встречались зимой на юге Предкавказья (Комарова, Комаров, 1988).

Местообитания. Предпочитает гнездиться на мелководных, пресных или солоноватых водоёмах с топким дном, слабо заросших по берегам, имеющих непостоянный режим и нередко пересыхающих летом на один или нескольких сезонов (Крейцберг-Мухина, 2003; Кашкаров, 2007). Гнезда делает в сухой траве, а в поймах рек с длительным паводком иногда занимает старые гнезда ворон или дупла деревьев (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Воробьев, 1936).

Численность. Мировая популяция оценивается в 55.000–61.000 особей, гнездящихся в основном в Ираке (46.000-50.000 особей), где обнаружена крупная гнездовая группировка (Wetlands International, 2016). В Европе обитает 330-1150 пар (European birds …, 2017), а в России предполагалось гнездование 1-10 пар (Мищенко и др., 2004; Белик, 2005а, 2014а). В связи с наметившейся тенденцией к восстановлению численности мраморного чирка в Средней Азии (Мухина, 1999; Крейцберг-Мухина, 2003), можно ожидать возобновление его гнездования также в дельте Волги и других регионах России.

В Кизилюртовском р-не Дагестана в 1970-х годах на болоте «Бакас», до его хозяйственного освоения, держалось не менее 20-30 пар, и в сентябре там наблюдались стайки мраморных чирков по 10-30 особей, а за зарю охотники добывали по 1-2 птицы. Но там собирались, вероятно, и птицы с соседних Темиргоевских озер (Пишванов и др., 1988). В конце 1990-х годов в Дагестане предполагалось гнездование не более 10 пар (Джамирзоев и др., 2000) или 15-20 пар (Вилков, Пишванов, 2000). В настоящее время гнездование маловероятно, но возможны единичные встречи мигрирующих птиц, в том числе в Кизлярском и Аграханском заливах, а также, возможно, в дельте Самура (Джамирзоев и др., 2013).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как вид, находящийся под угрозой исчезновения (1 категория). Занесен в Красные книги Астраханской обл. и Калмыкии как исчезнувший вид (0 категория), а также Волгоградской обл., Кабардино-Балкарии, Чечни и Дагестана (1 категория); исключен из 2-го издания Красной книги Ставропольского края как залетный вид. Этот чирок фактически исчез на юге России, но в Северо-Западном Прикаспии еще возможны его случайные находки. Причины его исчезновения здесь недостаточно ясны (Линьков, 2001; Джамирзоев, 2008; Белик, 2014а). Наиболее важными являются, по-видимому, колебания уровня воды и пересыхание мелководных водоемов, а также браконьерство, поскольку эти утки ведут себя достаточно «беспечно», а молодняк обычно не прячется в тростники и не улетает с открытых мест, представляя удобный объект даже для начинающих охотников (Крейцберг-Мухина, 2003).

56. Нырок красноносый *Netta rufina* (Pallas, 1773)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид равнинных регионов Южной России, зимующий в основном на Северном Каспии и местами в Предкавказье (Кукиш, 1982; Демьянова, 1987; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Русанов, 2008, 2011; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016; Моламусов, 2017; Очаповский, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в пустынно-степном поясе Евразии, а зимует в Средиземноморье и по югу Азии; небольшими очагами распространен в Западной Европе (Исаков, 1952; Scott, Rose, 1996; Snow, Perrins, 1998).

На юге России красноносый нырок заселяет все крупные водоемы Предкавказья, кроме предгорных районов, причем границы его гнездового ареала во второй половине XX в. здесь значительно продвинулись к северу. С 1969 г. этот нырок появился на гнездовании на оз. Маныч-Гудило, а в 1970 г. первые пары зарегистрированы в низовьях Дона (Казаков, Языкова, 1973; Казаков, Олейников, 1977; Казаков, 1982; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004). С 1981 г. гнездование нырков отмечается на косах северного побережья Азовского моря в Донецкой обл., а с 2006 г. они начали гнездиться на Сев. Донце в Луганской обл. (Ветров и др., 1991; Ветров, 2010; Бронсков, Мосін, 2017).

Широко распространен этот нырок также на внутренних водоемах Калмыкии к северу до Сарпинских озер (Artzibascheff, 1859, 2015; Кукиш,

1982; Кривенко, Кривоносов, 1977; Букреев, Чернобай, 2011; и др.). На Волге у Сарепты (Волгограда) красноносого нырка впервые отметил в середине XIX в. Г.Ф. Мёшлер (Moeschler, 1853), считавший его там обычным гнездящимся видом. По данным М.Н. Богданова (1871), этот южный вид, обычный в низовьях Волги, проникал тогда также на р. Иловля, а по Волге изредка встречался к северу до г. Сызрань.

Однако во второй половине XX в. красноносого нырка в гнездовую фауну Волгоградской обл. не включали (Кубанцев, Чернобай, 1982), и лишь позже указали, что он распространен здесь почти по всему региону (Чернобай, 2000а, 2004а, 2004б). Но в северных районах Волгоградской обл., а также на Цимлянском вдхр. и по Среднему Дону встречи этого вида нам неизвестны. Лишь однажды мы наблюдали стаю из 20 самцов, пролетевших 03.07.2014 на юг над Волгоградским вдхр. близ г. Волжский. На Хопре в Воронежской обл. одна залетная птица встречена 02.04.1975, а пару нырков наблюдали там 02.10.1979 (Золотарев, 1995; Нумеров, 1996). В Саратовской обл. это очень редкий вид, единственный случай гнездования которого зарегистрирован в 1996 г. у г. Энгельс в Заволжье (Мосейкин, 2000; Завьялов и др., 2005).

В Волгоградском Заволжье красноносый нырок довольно обычен лишь на Большом Лимане у г. Волжский, где 29.05.2014 мы наблюдали пару птиц и стаю из 15 особей, в основном самцов, а 08.06.2010 местами встречали пары и стаи преимущественно из самцов. В Приэльтонье это редкий пролетный или залетный вид (Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006), но в небольшом числе он гнездится на опресненных озерах Волго-Уральского междуречья в Казахстане (Волчанецкий, 1937; Шевченко и др., 1993, 2020; Белик, 2008).

В Астраханской обл. нырок гнездится на подстепных ильменях и других стоячих водоемах, но дельту Волги заселил, по-видимому, только во второй половине XX в. после понижения уровня Каспия (Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Обычен он также на побережье Каспия, в дельте Терека и на других равнинных водоемах Дагестана, а вверх по долине Терека красноносый нырок проникает до Чечни (Гизатулин и др., 2001; Джамирзоев и др., 2004, 2014).

Птицы из Предкавказья и Прикаспия зимуют, как предполагается, в Причерноморье и Средиземноморье, а на Каспийском море собираются нырки из Казахстана и Средней Азии (Scott, Rose, 1996). Их массовые зимовки известны на мелководьях Северного Каспия у дельты Волги и в Дагестане (Пишванов, Хонякина, 1968; Русанов, 2011, 2016; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014). Значительно меньше птиц зимует в Восточном Приазовье, изредка они встречаются зимой также в континентальных районах Предкавказья и на Маныче (Венгеров, 1968;

Казаков, 1982; Комарова, Комаров, 1988; Хохлов, 1989, 1993; Хохлов и др., 2001; Лебедева, Ломадзе, 2013; Очаповский, 2017). При похолоданиях зимующие птицы смещаются на юг Каспия или на Черноморское побережье Кавказа (Scott, Rose, 1996; Тильба, 1999б, 2006; Гордиенко, 2017; Попович, Семенова, 2018).

Основные районы летней линьки красноносого нырка давно известны в Казахстане и Средней Азии (Исаков, 1952), но позже его массовые летние скопления обнаружены также на Северном Каспии у дельты Волги (Русанов, 1983, 2011).

Местообитания. Заселяет обычно стоячие и слабопроточные опресненные водоёмы с плёсами и с хорошо развитой надводной и подводной растительностью, где гнездится в густых куртинах прошлогоднего тростника или рогоза по окраинам плёсов. На заросших лиманах Восточного Приазовья охотно заселяет искусственные гнездовья (Казаков и др., 2004). На соленом оз. Маныч-Гудило, где сейчас нет тростников, регулярно гнездится на сухих островах на земле в траве среди колоний чаек, голенастых и веслоногих (Кукиш, 1982; Белик, 2004а). На весенних полоях в дельте Волги нередко устраивает гнезда на стогах сена, а однажды кладка обнаружена там в старом гнезде грача (Реуцкий, 2014). На линьке держится на обширных открытых мелководьях, в таких же биотопах обычно и зимуют.

Численность. В Европе гнездится 27,5-43,0 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 20-40 до 15-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Численность популяции Южной России, зимующей в Причерноморье и Средиземноморье, оценивают в 50 тыс. особей, а казахстанская группировка, прилетающая на Каспий, насчитывает около 200 тыс. особей (Scott, Rose, 1996).

На юге России численность составляет 15-20 тыс. пар, из них около 0,5 тыс. пар гнездится в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а). В дельте Волги с середины XX в. до 1969-1980 гг. популяция увеличилась фактически с нуля до 3,0-7,5 тыс. особей (Кривенко, Кривоносов, 1972; Русанов, 1984, 2008, 2011). Численность нырка на водоемах Волгоградской Сарпы в конце XX в. была оценена в 100-150 пар (Букреев, Чернобай, 2011). В Восточном Приазовье в низовьях р. Челбас на лимане площадью 500 га численность нырков увеличилась с 6 пар в 1955 г. до 600 гнездовых пар в 1963 г. (Казаков, 1982).

На зимовке в Дагестане только в Кизлярском заливе в мягкие зимы учитывают до 40-45 тыс. особей, в Аграханском заливе временами концентрируется до 10-12 тыс. птиц, а на оз. Аджи (Папас) на берегу Каспия к северу от Дербента в 1967 г. отмечено более 10 тыс. нырков

(Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014). На севере Каспия в январе 2005 г. было впервые учтено 120 тыс. этих нырков (Русанов, 2016). На весенних миграциях в дельте Волги в 1963 и 1964 гг. только в дневное время учитывали 8,7 и 10,0 тыс. пролетных нырков (Кривоносов, 1969).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В период осенних миграций местами является обычным охотничьим видом.

57. Чернеть красноголовая *Aythya ferina* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид равнинных регионов Южной России, регулярно зимующий в Предкавказье (Кукиш, 1982; Демьянова, 1987; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Русанов, 2008, 2011; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016; Очаповский, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013). Прежде в него включали также американского нырка *A. americana* (Исаков, 1952).

Распространение. Красноголовая чернеть, или красноголовый нырок гнездится в пустынно-степном и, частично, в лесном поясе Евразии к востоку до Байкала, а зимует в основном в Западной Европе, в Средиземноморье и по югу Азии (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

На юге России сейчас заселяет все крупные водоемы Северного Кавказа, кроме предгорных районов, обитает также на водоемах Калмыкии, степного Придонья и Поволжья. Но на Нижнем Дону красноголовый нырок начал гнездиться, по-видимому, лишь в начале XX в., а до этого очень редко встречался здесь даже на миграциях (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Аверин, 1911; Белик и др., 2012). В течение XX в. его расселение на север проходило, очевидно, и на Верхнем Дону (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996).

В настоящее время нырок широко распространен в плавнях и низовьях рек Восточного Приазовья, в пойме Нижнего Дона, на водохранилищах Западного и Восточного Маныча, по р. Сал и на водоемах Калмыкии к северу до Сарпинских озер, а также на северо-востоке Ставрополья и в низовьях р. Кумы. В Дагестане он гнездится в дельтах Терека и Сулака, на оз. Аджи (Папас) и других равнинных водоемах (Казаков и др., 2004).

Спорадично встречается по притокам Дона и Волги, по степным рекам, озерам и прудам в северной части Ростовской и Волгоградской обл.

(Измайлов, 1940; Белик, 2002, 2005; Белик, Гугуева, 2021). Практически не гнездятся эти нырки, по нашим данным, лишь в Калачской излучине Дона, где на высокой Донской гряде, изрезанной небольшими реками и балками, практически нет подходящих водоемов, а также в Приэльтонье (Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006), хотя на опресненных озерах Волго-Уральского междуречья в Казахстане красноголовый нырок обычен (Волчанецкий, 1937; Дебело, 1978; Шевченко и др., 1993, 2020).

Дельту Волги эти нырки заселили в небольшом числе лишь в 1970-е годы, но в 1990-е их гнездовья там вновь исчезли (Русанов, Виноградов, 1979; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). В Волго-Ахтубинской пойме нырки гнездятся от Астрахани до Волгограда (Кривоносов, 1972; Гугуева и др., 2011; Е.И. Врублевский, дневники). Много птиц обитает на заросших прудах-отстойниках Большого Лимана у г. Волжский в Заволжье, местами они встречаются на островах и прудах вдоль левого берега Волгоградского вдхр., а также по р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Чернобай, 1986; Завьялов и др., 2005; наши данные).

Зимовки нырков, гнездящихся на юге России, расположены в основном в Причерноморье и Средиземноморье, в том числе много птиц остается на зиму в Восточном Приазовье, где сначала нырки держатся по обширным лиманам, затем после ледостава перемещаются в мелководные заливы на взморье, а при резких похолоданиях улетают на Черноморское побережье (Винокуров, 1965; Венгеров, 1968; Брауде и др., 1972; Казаков, 1982; Scott, Rose, 1996; Тильба и др., 2003; Казаков и др., 2004; Мнацеканов и др., 2005; Тильба, 2006, 2017а; Гордиенко, 2017; Очаповский, 2017; Попович, Семенова, 2018).

Много птиц, вероятно, из Казахстана и Западной Сибири прилетает на зимовку на Каспий, где они держатся в основном у побережий Дагестана, а в мягкие зимы остаются также в дельте Волги и иногда встречаются зимой на теплых водоемах у Волгограда (Кривоносов, 1963; Пишванов, Хонякина, 1968; Миграции …, 1989; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014; наши данные). В небольшом числе нырки зимуют на континентальных водоемах в Предкавказье и на Маныче (Бёме, 1926; Казаков и др., 1990, 2004; Хохлов, 1993; Эдиев, Хохлов, 1993; Хохлов и др., 2001; Комаров и др., 2011; и др.).

Основные районы летней линьки давно известны на озерах Северного Казахстана (Исаков, 1952), но нырки линяют и на лиманах Восточного Приазовья (Миграции …, 1989), а также у северного побережья Каспия между устьями Волги и Урала (Русанов, 2011). Летом селезни собираются в многосотенные стаи на водоемах Нижнего Дона, Маныча,

Сала, а в конце июня – середине июля массово отлетают в восточном направлении в сторону Каспия (Белик, Казаков, 1988; Белик, 2004а; Белик, Коренев, 2020).

Сезонные миграции идут через Восточное Приазовье, Маныч, Сарпинские озера и Приэльтонье в субширотном направлении. На Нижнем Дону и в Северном Приазовье пролет выражен значительно слабее (Казаков, 1982; Белик, 2001; Казаков и др., 2004; Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2011). Большие скопления вероятно пролетных птиц, на 60-80% состоящие из самцов, в середине апреля держатся также на озерах в поймах рек на севере Волгоградской обл. (наши данные). На миграциях нырки иногда залетают в горы Кавказа (Аверин, Насимович, 1938; Караваев и др., 2015).

Местообитания. Гнездится обычно недалеко от открытых плёсов в густых куртинах прошлогоднего тростника или рогоза на стоячих и слабопроточных опресненных водоёмах. Охотно заселяет искусственные гнездовья в тростниках (Олейников, 1966; Казаков, 1982; Казаков и др., 2004). На соленом оз. Маныч-Гудило, где сейчас нет тростников, регулярно гнездится на сухих островах на земле в траве среди колоний чаек, крачек, голенастых и веслоногих (Кукиш, 1982; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004). На водоемах в Волго-Уральском междуречье большинство гнезд (72%) тоже располагалось на земле в куртинах пырея, полыни или кермека, как правило на расстоянии до 10 м от воды (Дебело, 1978; Шевченко и др., 1993, 2020). Во время линьки, на миграциях и зимовках предпочитает обширные открытые мелководные озера и морские заливы.

Численность. В Европе гнездится 198-285 тыс. пар, в том числе в Европейской России отмечено снижение с 95-265 до 50-80 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Восточноевропейская популяция, зимующая в Причерноморье и Средиземноморье, в конце XX в. насчитывала около 1 млн. особей, а западносибирско-казахстанская группировка, зимующая на Каспии и Ближнем Востоке, оценивалась в 350 тыс. особей (Scott, Rose, 1996).

На юге России в начале XXI в. численность оценивалась в 10-15 тыс. пар (Белик, 2005а). На рыборазводных прудах в пойме Нижнего Дона в 1980-е годы учитывали до 15 пар/100 га (Белик, Казаков, 1988). В Волго-Ахтубинской пойме между Астраханью и Волгоградом в мае-июне 1970 г. было учтено 100-120 гнездовых пар (Кривоносов, 1972), а в июне-июле 2010 г. обилие нырков на ильменных озерах на севере Волго-Ахтубинской поймы составляло 1,4-2,3 ос./км^2 (Гугуева и др., 2011). Но в последние десятилетия в Предкавказье и в целом в Европейской России отмечается выраженное сокращение популяции

этого нырка (Мищенко, Суханова, 2020).

На зимовку в Дагестане в 60-70-е годы XX в. собиралось до 6-10 тыс. особей; в Кизлярском заливе в 1999 г. зимовало до 2,5 тыс. птиц, но в начале XXI в. зимой там учитывали не более 150 особей (Пишванов, Хонякина, 1968; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014). На севере Каспия зимой 2005 и 2007 гг. в смешанных скоплениях красноголовой и хохлатой чернетей держалось 0,45 и 0,82 млн. уток (Русанов, 2016). В Приазовье зимует до 300-800 птиц, а в отдельные зимы в Краснодарском крае учитывали до 4 тыс. этих нырков (Винокуров, 1965; Тильба и др., 2003; Мнацеканов и др., 2005).

На весенних миграциях в дельте Волги в 1963 и 1964 гг. было учтено 27,5 и 30,0 тыс. нырков, пролетевших в дневное время (Кривоносов, 1969), а осенью в 1990-е годы там собиралось более 50-60 тыс. птиц (Реуцкий, 2014).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В период осенних миграций является обычным охотничьим видом. В связи с сокращением численности на глобальном уровне, красноголовый нырок с 2015 г. отнесен к уязвимым видам (Vulnerable).

58. Чернеть белоглазая *Aythya nyroca* (Güldenstädt, 1770)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид равнинных регионов Южной России, нерегулярно зимующий в Предкавказье (Кукиш, 1982; Демьянова, 1987; Бадмаев, 2013; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2017; Русанов, 2004, 2008, 2011; Джамирзоев, 2008; Цапко и др., 2009; Джамирзоев и др., 2013, 2014; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016; Очаповский, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Белоглазая чернеть, или белоглазый нырок гнездится в основном в пустынно-степном и, частично, в лесном поясе Западной Евразии от Пиренеев и Прибалтики до Казахстана и Алтая, а зимует в Причерноморье и Средиземноморье, в Северной Африке и по югу Азии (Исаков, 1952).

В Восточной Европе северная граница ареала в прошлом проходила через Псков, Смоленск, Калугу, Рязань, Казань, Уфу (Степанян, 2003), а оптимум ареала располагался к югу от Киева – Полтавы – Харькова – Воронежа – Самары (Исаков, 1952). Но к концу XX в. птицы из многих северных районов исчезли, и граница гнездового ареала сместилась до побережий Черного и Азовского морей, Нижнего Дона, Сарпинских озер и Волго-Ахтубинской поймы (Джамирзоев, Баник, 2003).

Сейчас основные места гнездования на юге России приурочены к лиманам и плавням в низовьях рек, впадающих в Азовское и Каспийское моря – Дона, Кубани, Волги, Кумы и Терека, а также к долине Маныча, Сарпинским и Состинским озерам в Калмыкии (Джамирзоев, 2008; Цапко и др., 2009; Казаков и др., 2004; Русанов, 2004, 2011; Реуцкий, 2014). Возможно, гнездится на низменностях по Черноморскому побережью Кавказа (Лауниц, 1912; Тильба, 1999б; Белик, 2015).

В Западном Предкавказье белоглазый нырок распространен в плавнях Кубани и других рек Восточного Приазовья (Бейсуг, Челбас, Ея), значительно реже гнездится на пойменных водоемах Нижнего Дона и в долине Маныча, в основном на Усть-Манычском и Веселовском вдхр., в опресненной западной части Пролетарского вдхр. и в устье р. Калаус (Казаков, 1982; Хохлов, Куликов, 1991; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004; Тильба, 2007; Лохман, 1917). Спорадично он встречается также на озерах и прудах Ставрополья (Хохлов, 1993; Хохлов и др., 1997).

В Дагестане гнездится в низовьях Кумы, в Кизлярском и Аграханском заливах, по Тереку вверх до озёр Будары, Чебутла и Киссык в Шелковском р-не Чечни, а также на озерах в дельте р. Сулак, на оз. Аджи (Папас) и других лагунах вдоль побережья Каспия (Пишванов и др., 1999; Гизатулин и др., 2001; Джамирзоев, 2008; Джамирзоев, Баник, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

В Поволжье, по сведениям М.Н. Богданова (1871), в XIX в. белоглазый нырок был широко распространен к северу до Казани. В 1960-1961 гг. он был еще обычен на весеннем и осеннем пролете на Хопре в Воронежской обл. (Рябов, Семаго, 1962). Но в Саратовской обл. с начала 1980-х годов гнездовья этого нырка уже не регистрировались (Завьялов и др., 2005). По р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья он гнездился еще в 1949-1950 гг. (Юдин, 1952), а на Новоквасниковском лимане в Старополтавском р-не до 30 пар было учтено в 1994 г. (Антончиков и др., 2000).

На Сарпинских озерах у Волгограда белоглазый нырок был обычен в XIX в., гнездился в начале XX в., а последний раз 10-15 пар были отмечены там, по опросным данным, в гнездовой период 1998 г. (Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Букреев, Чернобай, 2011). Гнездование нырка указано на севере Волго-Ахтубинской поймы и на Большом Лимане у г. Волжский в Заволжье (Чернобай, 2004а), но конкретные сведения о находках птиц в этих районах отсутствуют. В Приэльтонье это редкий пролетный вид (Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006), а в Западном Казахстане он считается залетной птицей (Шевченко и др., 1993, 2020).

Белоглазый нырок в сравнительно небольшом числе и нерегулярно остается на зимовку в Восточном Приазовье (Винокуров, 1965; Лохман и др., 2004; Очаповский, 2017) и на побережье Каспия в Дагестане – в Кизлярском и Аграханском заливах, в дельте Терека, на приморских лагунах и в устье р. Самур (Пишванов, Хонякина, 1968; Джамирзоев, 2008, Джамирзоев и др., 2014;), а также случайно встречается в континентальных районах Предкавказья (Бёме, 1926; Комаров, 2002; Моламусов, 2017) и на Черноморском побережье (Тильба, 2006, 2007; Гордиенко, 2017).

Местообитания. Как и другие нырки, белоглазый предпочитает опресненные водоемы с хорошо развитой надводной и подводной растительностью и многочисленными плёсами среди зарослей. На водоемах, лишенных макрофитов, этот нырок гнездится крайне редко. Гнезда делает в куртинах прошлогоднего тростника или рогоза, охотно заселяет искусственные гнездовья (Олейников, 1966; Казаков, 1982; Казаков и др., 2004). На миграциях и зимовках предпочитает обширные открытые мелководные озера и морские заливы.

Численность. В Европе гнездится 17,4-30,1 тыс. пар, в том числе в Европейской России обитает 500-1500 пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020), а общая численность в России в начале XXI в. была оценена в 800-1200 пар (Джамирзоев, Баник, 2003). Восточноевропейская популяция, зимующая в Причерноморье и Средиземноморье, оценивалась в 10-50 тыс. особей, а западносибирско-казахстанская, улетающая на Южный Каспий, в Переднюю Азию и на северо-восток Африки, насчитывает 5 тыс. особей (Scott, Rose, 1996).

На юге России численность в начале XXI в. составляла 1-2 тыс. пар (Белик, 2005а, 2014а), в том числе 400-500 пар в Калмыкии, от 300-450 до 500-700 пар в Дагестане, до 250 пар в Чечне, около 200 пар на Ставрополье, от 50-100 до 300-500 пар в Краснодарском крае и менее 100 пар в Ростовской обл. (Лохман, 2000, 2017; Гизатулин, 2007; Тильба, 2007; Джамирзоев, 2008; Джамирзоев, Баник, 2009; Цапко и др., 2009; Бадмаев, 2013; Хохлов, Ильюх, 2013; Савицкий, 2014).

В дельте Кубани в 70-80-е годы XX в. было отмечено 10-кратное сокращение популяции – с 15 тыс. до 1,5 тыс. особей (Krivenko, Vinogradov, 2004; Морозов, 2001). В низовьях р. Челбас в Восточном Приазовье в 1970-е годы гнезда белоглазого нырка составляли 10% численности кряквы, в 1979-1981 гг. – 5%, а в 1995-1997 гг. – лишь около 2% (Казаков и др., 2004). В дельте Волги резкое падение численности, как на линьке, так и в период миграций, произошло в начале 1970-х годов (Реуцкий, 2014). В Дагестане в конце XX в. гнездовая численность в

течение двух десятилетий сократилась в 3-4 раза, но затем, по-видимому, стабилизировалась, а в начале XXI в. отмечен ее незначительный подъем (Джамирзоев и др., 2000; Джамирзоев, Баник, 2003, 2009). На Сарпинских озерах в Волгоградской обл. белоглазый нырок в конце XX в. практически исчез (Букреев, Чернобай, 2011).

На весенних миграциях в дельте Волги в 1963 и 1964 гг. учли 190 и 210 тыс. белоглазых нырков, пролетевших в дневное время (Кривоносов, 1969), а 03.10.1969 в Астраханском заповеднике было отмечено скопление численностью более 1 тыс. особей (Реуцкий, 2014). В Восточном Приазовье на миграциях в конце сентября 1972 г. пролетело 3,6 тыс. нырков, а на линьке в августе в 1970-е годы учитывали от 9 до 16 тыс. особей (Кривенко, 1977; Кривенко и др., 1980)

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как вид с сокращающимся ареалом и численностью (2 категория). Занесен в Красные книги всех равнинных регионов Южной России, кроме горных республик Северного Кавказа, где вид не гнездится. Во второй половине XX в. численность этого вида очень сильно сократилась по всей степной зоне, но причины резкой, повсеместной деградации его популяций недостаточно ясны (Лебедева, Маркитан, 2001; Морозов, 2001; Казаков и др., 2004; Русанов, 2008; Белик, 2014а). Одним из факторов может быть малая осторожность этих уток и их повышенная уязвимость для охотников (Алфераки, 1910).

59. Чернеть хохлатая *Aythya fuligula* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный и частично зимующий вид равнинных регионов Южной России, спорадично гнездящийся в сухостепных районах (Кукиш, 1982; Белик, 2000а; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Цапко, 2005; Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Северной Евразии к югу до степных озер Казахстана, а зимует в Западной Европе, Средиземноморье и Южной Азии, а также на Азовском, Черном и Каспийском морях (Исаков, 1952).

На юге России встречается на миграциях и зимовке, а на Маныче, в Калмыкии и, вероятно, в Ростовской и Волгоградской обл. изредка гнездится. Предполагается, что хохлатые чернети гнездятся также в Предкавказье (Сарандинаки, 1909; Исаков, 1952; Костоглод, 1968; и др.). Иногда их регистрируют летом на водоемах Приазовья, на Нижнем и Среднем Дону, в том числе 22.05.1908 чернеть добыта в низовьях Дона; одиночных самцов 15.06.1919 и 13.07.1919 **ст.ст.** встречали в

дельте Дона, а обособленные пары наблюдались там же 22.05.1982 и 14.06.1981; в низовьях р. Сал их отмечали 11.06.1984; два самца встречены 27-30.06.1989 также на Среднем Дону близ стан. Вёшенской (Белик, Казаков, 1988; Казаков и др., 2004; Белик, 2005; Белик и др., 2012).

На водохранилищах Западного Маныча отдельные пары встречаются до конца мая. Самки из этих пар посещают острова с колониями крачек и чаек, оставляя самцов у берега, однако при этом там не было найдено ни одной кладки и ни одного выводка этих уток (Казаков, 1982; Демьянова, 1987; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004). О ежегодном гнездовании 3-13 пар чернетей на оз. Маныч и Маныч-Гудило на границе Калмыкии и Ставропольского края сообщал В.Г. Кривенко (1981, 1991), но лишь в 2004-2012 гг. оно было подтверждено там находками гнезд и выводков (Цапко, 2005, 2007; Ильюх и др., 2006; Ильюх, Хохлов, 2006; Цапко, Бобенко, 2012).

На Сарпинских озерах в середине XIX в. чернеть была указана как обычный, предположительно гнездящийся вид, численность которого значительно снижалась летом (Artzibascheff, 1859, 2015). К гнездящимся птицам Сарпинских озер хохлатую чернеть отнес, по данным В.И. Рикбейля, также М.Н. Богданов (1871), но в начале XX в. для окрестностей Сарепты В.Ф. Лорец (1928) считал ее только пролетным видом. Ее гнездование на оз. Сарпа и Ханата указывал также А.И. Кукиш (1982). Сейчас же это многочисленный пролётный и редкий летующий вид Волгоградской Сарпы, гнездование которого там пока не доказано. Во второй половине мая - первой половине июля на Сарпе учитывали не более 70 особей, причем преобладали самцы, а самки встречались единично, и лишь к концу сентября этот вид снова становился обычен (Букреев, Чернобай, 2011). Нами чернеть изредка наблюдалась на Волгоградской Сарпе весной вплоть до 27.05.2012, а также 27.06.2009. Кроме небольших стай, там отмечались одиночки и пары, возможно гнездившиеся вокруг различных степных озер или на их островах.

В дельте Волги чернеть изредка встречается в мае и июне, в том числе порой наблюдаются парные птицы, но достоверных находок, указывающих на возможность их гнездования, там нет, и поэтому считается, что это птицы, случайно задержавшиеся в дельте по разным причинам (подранки, больные или ослабленные) (Реуцкий, 2014). В отдельные годы одиночные птицы и стайки до 5 особей встречаются в летний период также в Аграханском и Кизлярском заливах Каспия в Дагестане (Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014).

В Волгоградской обл. гнездо хохлатой чернети с 1 яйцом было найдено 06.06.1961 в купаке рогоза на оз. Большой Ильмень в долине Хопра у

стан. Усть-Бузулукской (Е.И. Врублевский, дневники). В 1930-е годы ее гнездование предполагалось на степных озерах в долине Хопра в Воронежской обл. (Измайлов, 1940). Там же на лимане у хут. Первомайский на севере Урюпинского р-на 2 самца встречены нами 23.06.2011. На р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья чернеть наблюдали на весеннем пролете, причем изредка птицы задерживались там до конца мая - начала июня, что позволяло предполагать возможность их гнездования (Юдин, 1952). В Приэльтонье в начале XX в. хохлатая чернеть встречалась летом на пресных и солоноватых водоемах, в том числе по р. Смородина (Волчанецкий, 1937), но сейчас она считается там лишь малочисленным пролетным видом (Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009). На озерах в степях Западного Казахстана – это довольно обычный гнездящийся вид (Волчанецкий, 1937; Дебело, 1978; Шевченко и др., 1993, 2020).

Зимовки птиц, гнездящихся на севере Европейской части России, находятся в основном на побережьях Азовского, Черного и Средиземного морей (Scott, Rose, 1996), в том числе массовые скопления птиц формируются зимой в Восточном Приазовье (Винокуров, 1965; Венгеров, 1968; Брауде и др., 1972; Тильба и др., 2003; Мнацеканов и др., 2005; Очаповский, 2017; и др.). Западносибирские и казахстанские птицы зимуют обычно на Каспии и Ближнем Востоке (Миграции …, 1989; Scott, Rose, 1996), в том числе много их собирается в Дагестане, а в мягкие зимы – и на севере Каспия в дельте Волги (Пишванов, Хонякина, 1968; Русанов, 2011; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014).

Иногда чернети встречаются зимой на Маныче и на континентальных водоемах Предкавказья (Комаров, 2002, 2003; Казаков и др., 2004; Комаров и др., 2011; Лебедева, Ломадзе, 2013; Моламусов, 2017). При похолоданиях птицы из Предкавказья смещаются к югу и появляются на Черноморском побережье Кавказа (Птушенко, 1939; Бернацкий, 1958; Строков, 1974; Тильба, 1999б, 2006, 2017а; Мнацеканов и др., 2005; Гордиенко, 2017; Очаповский, 2017; Humphrey, 2019), изредка пролетая при этом через высокогорные перевалы (Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015).

Птицы с Ближнего Востока летят вдоль западного берега Каспия, а массовые миграции из Причерноморья идут в субширотном направлении через Приазовье, Нижний Дон, Маныч и Сарпинские озера, но в Заволжье численность мигрантов заметно снижается (Кривоносов, 1969; Казаков и др., 2004; Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006, 2011).

Местообитания. Хохлатые чернети заселяют обычно опресненные и со-

лоноватые озера, устраивая гнезда в основном на земле в траве недалеко от воды, нередко в колониях крачек и куликов, при этом откладка яиц у этой чернети наблюдается очень поздно, часто – в июне-июле (Формозов, 1937; Дебело, 1978; Шевченко и др., 1993, 2020; Цапко, 2005; Цапко, Бобенко, 2012). На миграциях и зимовках хохлатые чернети держатся обычно на больших, открытых водоемах или в заливах у морских берегов.

Численность. В Европе гнездится 551-742 тыс. пар, в том числе в Европейской России отмечено снижение с 530-560 до 250-300 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Популяция чернетей, зимующих на Черном и Азовском морях и в Средиземноморье, оценивается в 600 тыс. особей, а западносибирско-казахстанская популяция, частично зимующая на Каспии, насчитывает около 200 тыс. особей (Scott, Rose, 1996). Численность чернетей, гнездящихся на юге России, очень приблизительно оценивается в 100-500 пар (Белик, 2005а).

На зимовку на юге России от 10 до 138 тыс. особей остается на лиманах и заливах в Восточном Приазовье и Причерноморье (Винокуров, 1965; Венгеров, 1968; Брауде и др., 1972; Тильба и др., 2003; Мнацеканов и др., 2005; Solokha, Lokhman, 2017), от 1 до 24 тыс. особей зимует на Каспии в Дагестане (Пишванов, Хонякина, 1968; Джамирзоев и др., 2014), а на севере Каспия в теплые зимы учитывали более 213 тыс. этих чернетей (Кривоносов, 1963; Русанов, 2011, 2016).

На весеннем пролете в дельте Волги в 1963 и 1964 гг. были учтены 323 и 293 тыс. мигрантов (Кривоносов, 1969). Через оз. Маныч-Гудило в 1970-е годы весной с середины марта по середину апреля пролетало до 23 тыс., а на осенних миграциях там учитывали до 42 тыс. птиц (Гаврин и др., 1980; Кривенко и др., 1980). На Веселовском вдхр. в 1980-е годы весной и осенью отмечали не более 520-850 особей (Казаков и др., 2004).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В период осенних миграций является обычным охотничьим видом. Можно предполагать, что в прошлом хохлатая чернеть была распространена в европейских степях значительно шире, но исчезла здесь в XVIII – XX вв. из-за распашки лугово-степных угодий, где обычно гнездится этот вид, а также из-за массового искусственного лесоразведения и некоторых других причин.

60. Чернеть морская *Aythya marila* (Linnaeus, 1761)

Характер пребывания. Пролетный, частично зимующий вид всех равнинных регионов Южной России (Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004;

Чернобай, 2004а; Русанов, 2011; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988)

Таксономия. Включает 2-3 подвида, в том числе север Евразии к востоку до Анадыря заселяет номинативный *A. m. marila* (Коблик, Редькин, 2004а; Dickinson, Remsen, 2013). Прежде рассматривался как монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в тундрах и лесотундрах Северной Евразии, частично проникая через Аляску в Северную Америку. Зимовки евразийских птиц расположены в Западной Европе, на Средиземном, Черном и Каспийском морях, а также на побережьях Тихого океана (Исаков, 1952; Миграции …, 1989; Scott, Rose, 1996).

На юге России встречается на пролете во всех регионах, но на континентальных водоемах в Предкавказье, а также в бассейнах Дона и Волги, кроме оз. Маныч-Гудило, морская чернеть регистрируется редко и спорадично (Алфераки, 1910; Демьянова, 1987; Белик, Казаков, 1988; Хохлов, 1989, 1993; Казаков, Сидельников, 1999; Казаков и др., 2004; Букреев, Чернобай, 2006; Караваев, Хубиев, 2008; Русанов, 2008, 2011; Белик и др., 2012; Реуцкий, 2014). Более обычны мигранты на Маныче, а также на побережье Каспия в Дагестане (Лысенко, 1977; Гаврин и др., 1980; Кривенко и др., 1980; Демьянова, 1987; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014).

Регулярно, но в сравнительно небольшом числе морскую чернеть отмечали на пролете и зимовке в Восточном Приазовье (Винокуров, 1965; Венгеров, 1968; Тильба и др., 2003; Казаков и др., 2004; Мнацеканов и др., 2005; Очаповский, 2017), изредка она залетает также на Черноморское побережье Кавказа (Птушенко, 1939; Строков, 1974; Лохман и др., 2005, 2015; Гордиенко, 2017; Очаповский, 2017; Попович, Семенова, 2018; Семенова и др., 2019; Humphrey, 2019; Тильба, Филиппов, 2020).

На Нижнем Дону пролетные морские чернети встречаются очень редко (Алфераки, 1910; Белик, Казаков, 1988; Казаков, Сидельников, 1999; Белик, 2001). Они были отмечены 26.09.1911 **ст.ст.** на Миусском лимане, а также 29.09.1909 и 22.10.1919 **ст.ст.** в дельте Дона (Белик и др., 2012). Еще одна чернеть, окольцованная на осеннем пролете в Хоперском заповеднике, была добыта через год 18.09.1961 близ устья Дона (Миграции …, 1989). Кроме того, в пойме Дона у Ростова на одном из водоемов наблюдали очевидно одного и того же самца два года подряд в летний период: 01 и 04.07.2000, 19 и 25.06.2001 (Сиденко, 2003).

На Сарпинских озерах морскую чернеть несколько раз отмечали весной

1858 г. (Artzibascheff, 1859, 2015), а у Сарепты она мигрирует в апреле и сентябре (Лорец, 1928). Нами морские чернети встречены там 30.04.2012 на открытом, мелководном пруду-испарителе у Волгограда, где было учтено не менее 100 самцов, с которыми держались и самки, не поддававшихся учету в скоплениях других уток. Там же 25.10.2012 держались стайки и группы по 2-7 самок. На севере Волго-Ахтубинской поймы одиночек и небольшие стайки до 10 особей несколько раз встречали на осеннем пролете в сентябре - октябре (08.10.2013; 23.09.2014; 25.10.2014), а на Большом Лимане у г. Волжский одна птица наблюдалась 18.09.2015 и стайка похожих птиц отмечена 22.04.2016.

Морскую чернеть в 1920-е годы наблюдали также на пролете по р. Еруслан в Заволжье (Волчанецкий, Яльцев, 1934), где 12.10.1929 у с. Кано Старополтавского р-на была добыта самка (Завьялов и др., 2005). На Хопре в Воронежской обл. чернеть отмечали на осеннем пролете 01-25.10.1959 и 28.10.1960, а весной стаи по 30-40 птиц останавливались 17-25.04.1961 в период максимального половодья (Рябов, Семаго, 1962).

Судя по материалам кольцевания, осенняя миграция этих чернетей идет через материк широким фронтом в юго-западном направлении в конце сентября - октябре (Миграции …, 1989; Нумеров, 1996), а весной на Маныче и Сарпе птицы летят на север в марте - начале апреля, а затем вероятно вторая массовая волна идет в конце апреля - начале мая (Казаков, Сидельников, 1999; Савицкий, 2002; Белик, 2004а; Лебедева, Ломадзе, 2013). Зимой эти птицы держатся на Каспии у побережий Калмыкии и Дагестана, изредка встречаясь к северу до дельты Волги (Залетаев, 1963; Самородов, 1981; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014). Изредка они отмечаются в зимние месяцы на Маныче и в Предкавказье (Бёме, 1926; Моламусов, 2017; Караваев, Хубиев, 2008; Лебедева, Ломадзе, 2013), а также в Приазовье и на Черноморском побережье Кавказа (Гордиенко, 2017; Тильба, 2017а).

Местообитания. Гнездится обычно на заросших мелководных озерах в тундре и лесотундре. На миграциях останавливается в основном на обширных открытых водоемах, а зимующие птицы держатся, как правило, в море близ побережий.

Численность. Европейская популяция оценивается в 134-178 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 170-180 до 40-60 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Западносибирская популяция, зимующая на Черном и Каспийском морях, насчитывает 100-200 тыс. особей (Scott, Rose, 1996). Но по данным Ю.А. Исакова (1970), на Черном и Каспийском морях зимует лишь около 60-75 тыс. птиц.

В Восточном Приазовье зимой этот вид малочислен, на порядок уступая в численности хохлатой чернети (Венгеров, 1968; Тильба и др., 2003; Казаков и др., 2004; Мнацеканов и др., 2005; Очаповский, 2017). На Каспии морская чернеть обычна у северо-западного побережья, составляя там около 25% численности нырковых уток (Залетаев, 1963; Самородов, 1981; Казаков и др., 2004). Но на миграциях в дельте Волги она очень редка (Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014), а через оз. Маныч-Гудило в апреле - мае пролетает 3-4 тыс. особей и осенью – около 1,6 тыс. птиц (Лысенко, 1977; Гаврин и др., 1980; Кривенко и др., 1980; Белик, 2004а).

В районе заповедника «Ростовский» в Орловском р-не близ хут. Правобережный 01.05.2001 держалось 100-200 птиц на 5 км^2 акватории; в Пролетарском р-не в заливе балки Хорёвой 02.05.2003 учтено около 60 птиц; 01.05.2004 там же держалось 260-300 птиц, а на центральных плёсах оз. Маныч-Гудило учитывали до 200 особей на 1 км береговой линии (Белик, 2004а; Казаков и др., 2004).

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса.

61. Каменушка *Histronicus histrionicus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Южной России, добытый лишь однажды в Северной Осетии (Бёме, 1926; Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель бореомонтанного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны (Брунов, 1980).

Таксономия. Включает 2 подвида: номинативный *H. h. histrionicus*, обитающий на севере Атлантики, и *H. h. pacificus*, распространенный на востоке Сибири и западе Северной Америки (Исаков, 1952; Коблик и др., 2006). Иногда рассматривается как монотипический вид (Степанян, 2003). Птицы атлантической формы изредка залетают на континентальные водоемы Европы (Исаков, 1952; Snow, Perrins, 1998; Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014). Можно предполагать, что и на юге России была встречена эта форма.

Распространение. Гнездится в Восточной Сибири, а также в Северной Америке, Гренландии и Исландии, зимуя на морских побережьях (Исаков, 1952). На юге России каменушка добыта единственный раз во второй половине зимы 1910 г. на р. Терек в окрестностях стан. Змейской в Северной Осетии (Бёме, 1926).

Местообитания. Гнездятся обычно по берегам горных рек и озер, в том числе проникают в гольцовые высокогорья. Зимой держатся стаями в

море у каменистых берегов, там же летом встречаются стаи неполовозрелых птиц (Исаков, 1952).

Численность. На севере Европы, в Исландии и Гренландии, гнездится до 5-7 тыс. пар (European birds …, 2017). В Европейской России отмечались единичные залеты, но осенью стайки молодых птиц регулярно появляются на Балтике (Исаков, 1952).

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса. Необходим сбор коллекционных материалов.

62. Морянка *Clangula hyemalis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России, встречающийся в период миграций и зимой преимущественно в бассейне Каспия (Залетаев, Степанян, 1957; Залетаев, 1963; Казаков и др., 2004; Русанов, 2008, 2011; Музаев и др., 2012; Ковшарь, Карпов, 2014; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в тундрах Северной Евразии и Северной Америки, а зимует в основном у морских побережий Северной Атлантики и Пацифики, и на южные моря залетает случайно. Как полагали ранее, морянки, появляющиеся зимой на Каспии, являются в основном молодыми птицами и, как правило, обречены там на гибель (Исаков, 1952). Однако позже на северо-востоке Каспия были обнаружены значительные скопления зимующих птиц, состоявшие как из самок, так и самцов (Залетаев, Степанян, 1957; Ковшарь, Карпов, 2014).

По сведениям М.Н. Богданова (1871), морянки пролетают по Волге весной почти без остановок, а осенью появляются там в сентябре и держатся до ледостава. Но в пределах Волгоградской обл. фактические находки морянок нам неизвестны. В.Ф. Чернобай (2000а) указывал морянку в качестве малочисленного пролетного вида, встречающегося на Волгоградском вдхр. и Среднем Дону, однако позже она была исключена из фауны Волгоградской обл. (Чернобай, 2004а). Всего несколько достоверных встреч с нею отмечено в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005). На Хопре в Воронежской обл. в 1946 и 1947 гг. морянку отмечали на осеннем пролете, а 31.10.1960 там добыт залетный молодой самец (Рябов, Семаго, 1962). На Дону у Воронежа морянка добыта 15.03.1939, а 07.11.1972 и 08.11.1973 там наблюдали стаи морянок (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996).

В низовьях Дона у Ростова 23 и 29.10.1910 были добыты 2 птицы, а 01.12.1985 здесь же на главном русле Дона наблюдали 3 птиц. Кроме

того, стайка из 8 птиц в течение 03-08.05.2004 держалась на оз. Маныч-Гудило в устье залива балки Хорёвой в Пролетарском р-не Ростовской обл. (Белик, Казаков, 1988; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004). Скопления морянок наблюдали на Маныче также с конца сентября - начала октября в 1975-1976 гг. и во второй половине марта 1977 г. (Лысенко, 1977; Гаврин и др., 1980; Кривенко и др., 1980). Еще одна морянка отмечена на оз. Маныч-Гудило 10.03.2020 в Приютненском р-не Калмыкии (Бабичев, Родионов, 2020).

На Восточном Маныче в приплотинной части Чограйского вдхр. в Ики-Бурульском р-не Калмыкии 25-27.11.1973 встречены стайки из 6 и 19 птиц, в том числе 27 ноября там добыт взрослый самец в зимнем наряде (Савицкий, 1974). А в верховьях этого водохранилища недалеко от с. Зунда-Толга 13.11.2009 была добыта молодая птица (Музаев и др., 2012). По опросным данным, осенью 1972 г. морянок отмечали и на Состинских озерах в 50-60 км к востоку от Чограйского вдхр. (Савицкий, 1974).

В Астраханской обл. морянка очень редко и не ежегодно встречается в дельте Волги во время сезонных миграций, иногда зимует на полыньях на взморье (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Хлебников, 1928, 1930). За последние 50 лет (1960-2010 гг.) там было зарегистрировано всего около 10-15 встреч с этими птицами (Реуцкий, 2014). Еще 5 встреч отмечены в дельте Ю.А. Исаковым (1969) и Г.М. Русановым (2008, 2011).

В Дагестане морянки встречаются в экстремально холодные зимы в стаях нырковых уток на подводных каменистых грядах Каспия от устья р. Манас-Озень до Дербента. Так, в середине января 1967 г. там было учтено 100 морянок (Пишванов, Хонякина, 1968; Казаков и др., 2004). А в Казахстане на северо-востоке Каспия морянка указана как обычная зимующая птица (Залетаев, Степанян, 1957; Залетаев, 1963; Ковшарь, Карпов, 2014).

В Краснодарском крае в Приазовье и на Черноморском побережье известно всего несколько встреч морянок. В районе Ейска птиц дважды добывали в начале XX в. (Белик и др., 2012; Очаповский, 2017); в дельте Кубани 3 морянки отмечены 02.03.1964 в Ахтарско-Гривенских плавнях (Олейников и др., 1967) и 08.12.1975 самка добыта в Славянском р-не (Пекло, 1997). Наконец, одна самка в течение 19.01.-27.03.2019 держалась в Суджукской лагуне в Новороссийске (Семенова и др., 2019). Однажды в особенно суровую зиму 2 залётные птицы встречены 10.02.1950 в Пицундской бухте в Абхазии (Бернацкий, 1958).

Местообитания. Гнездится по тундровым озерам и рекам. Зимой держится обычно в море, добывая водных личинок насекомых, ракообразных, моллюсков и др.

Численность. Европейская популяция оценивается в 338-445 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывали от 670-700 до 320-400 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Но на зимовку у побережий Северо-Западной Европы собирается до 4,6 млн. особей (Scott, Rose, 1996).

На юге России в периоды миграций и зимой отмечаются случайные встречи залетных одиночек, небольших групп и стай. Приводимые в литературе данные о пролете морянок на Маныче, где учитывали около 1,4 тыс. особей весной и 0,6 тыс. птиц осенью (Лысенко, 1977; Гаврин и др., 1980; Кривенко и др., 1980), требуют подтверждения, поскольку таких концентраций этих птиц там больше никто не встречал (Хохлов, 1993; Белик, 2004а; Казаков и др., 2004; Музаев и др., 2012; и др.).

Но в Казахстане у северо-восточного побережья Каспия в январе 2015 г. обнаружены три довольно большие скопления морянок из 1500, 1000 и 500 особей, державшихся в 3 км от берега, что не позволяло учитывать их с земли. Всего за день там было отмечено не менее 3,7 тыс. морянок. В скоплениях практически поровну были представлены самцы и самки (Ковшарь, Карпов, 2014). Такие массовые залеты морянок на Каспий и Маныч-Гудило могли быть связаны с резкими флуктуациями зимней погоды во время их миграций на севере, вызывающими необычные отклонения на путях пролета (Дорогой, 2015).

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса.

63. Гоголь обыкновенный *Bucephala clangula* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный и зимующий вид всех регионов Южной России, гнездящийся в пойме Нижней Волги и местами в бассейне Дона (Artzibascheff, 1859, 2015; Кондратьев, 1885, 2004; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Завьялов и др., 2005; Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны, вторично проникший в Неарктику, где ранее сформировались два других, эндемичных вида гоголей (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида, распространенные в Евразии и Северной Америке. В России обитает номинативная форма *B. cl. clangula* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Летом обитает в лесном поясе Северной Евразии и

Северной Америки, проникая на гнездовье в лесистые низовья некоторых южных рек: Днепра, Дона, Волги, Урала (Artzibascheff, 1859, 2015; Яковлев, 1872, 2015; Данилович, 1939; Исаков, 1952; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Лысенко, 1991; Бидашко, 2018). Зимует на морских побережьях Западной Европы и Восточной Азии, а также на незамерзающих водоемах Южной Евразии (Исаков, 1952), в том числе по всему югу России (Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

Случаи гнездования гоголя известны на реках в бассейне Среднего Дона, где в пойме р. Потудань Воронежской обл. в 1949 г. было найдено гнездо в старом улье на дереве (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963). В начале XIX в. гоголь был известен также в Хоперском и Усть-Медведицком округах Донской обл. (Кондратьев, 1885, 2004). Его гнездование предполагалось и на Нижнем Дону, где одиночного самца добыли 18.07.1909 **ст.ст.** близ стан. Семикаракорской, а на Лебяжьем лимане близ стан. Новониколаевской (г. Новоазовск, Донецкая обл. Украины) 2 мая была добыта самка с гнезда (Белик и др., 2012).

На Волге в окрестностях Сарепты гнездование гоголя в дуплах деревьев указывали еще Г.Ф. Мёшлер (Moeschler, 1853), Н.Н. Арцыбашев (Artzibascheff, 1859, 2015) и В.Ф. Лорец (1928). Как выяснилось позже, кроме естественных дупел гоголи занимали там также дуплянки-гоголятники, развешанные в галерейных лесах вдоль старичных озер Карагач, Калинова Яма и Поцелуйка и вдоль ериков среди луговой поймы близ ильменных озёр Деминское и Шнуроватое в Ленинском р-не Волгоградской обл. Так, в 1978 г. из выставленных там 50 дуплянок было занято около 30. В дальнейшем гоголятники стали развешивать и в других пойменных охотхозяйствах, доведя их количество до 1000, в результате чего к 1983 г. птицы расселились по всей Волго-Ахтубинской пойме (Е.И. Врублевский, дневники).

Гоголь регулярно гнездится и в Астраханской обл., проникая по Волго-Ахтубинской пойме вплоть до Астрахани, но в дельте Волги не размножается, несмотря даже на попытки его привлечения в искусственные гнездовья (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Хлебников, 1928, 1930; Луговой, 1963; Кривоносов, 1972; Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014).

Вероятно, в связи с ростом волжской популяции, в последнее время гоголи начали расселяться оттуда на Дон и другие реки, восстанавливая свой былой ареал. Так, выводок из самки с 4 молодыми птицами был встречен 31.08.1985 на степном пруду в верховьях р. Елань в Самойловском р-не Саратовской обл. близ границы с Волгоградской обл. (Белик, 2002). 22.05.1983 самец встречен в верховьях Цимлянского вдхр. близ хут. Пятиизбянский Калачёвского р-на; 03.07.1998 самка

наблюдалась возле старого затопленного ветлянника в верховьях залива р. Цимла на Цимлянском вдхр. близ хут. Нижнегнутов Чернышковского р-на; в том же году были получены сведения о гнездовании 2 пар гоголей в дуплах деревьев в пойме Нижнего Дона ниже г. Цимлянска. Кроме того, 21-22.04.2008 отдельные пары и самки наблюдались по лесистой пойме р. Иловля на оз. Кочкарном у с. Солодча, а также близ сёл Ольховка и Гусевка Ольховского р-на.

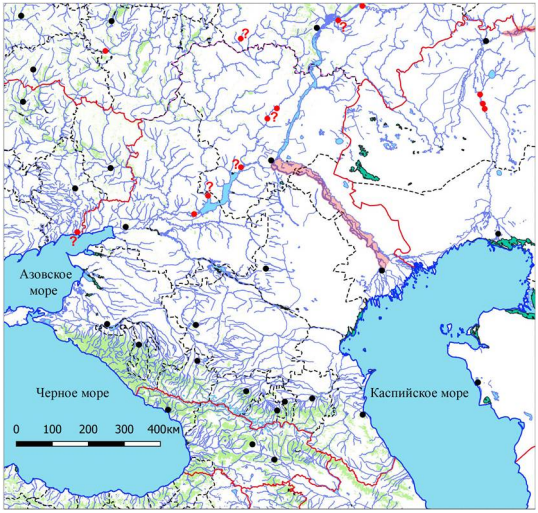


Рис. 22. Гнездовой ареал и летние встречи гоголя на юге России

Известны и другие летние встречи гоголей на Дону и Маныче. В дельте Дона самец добыт в середине июня 1905 г. (Сарандинаки, 1909), а на Западном Маныче птиц добывали 14.07.1946 (самка), 24.08.1947 (самка), 22.06.1948 (самец) и 08.07.1948 (самка) (Казаков и др., 2004). На оз. Маныч-Гудило в заливе балки Хорёвой (Пролетарский р-н Ростовской обл.) 16.07.2002 встречено скопление самцов гоголей не менее 50-70 особей, собравшихся туда, возможно, не с Волги, а из поймы Дона (Белик, 2004а; Казаков и др., 2004).

На миграциях гоголь довольно обычен на побережьях морей, на крупных озерах и реках равнинных регионов всей Южной России. Зимует на незамерзающих участках рек, озер и морей, в том числе изредка встречается на Черноморском побережье Кавказа (Строков, 1974; Тильба, 1999б, 2006; Гордиенко, 2017; Семенова и др., 2019; Humphrey, 2019). В суровые зимы он залетает также на горные реки (Котов, 1965; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015).

Местообитания. Гнездится обычно в дуплах деревьев по таежным рекам, а на юге России – у пойменных озер с лесистыми берегами. Зимой держится на полыньях рек, но в основном на море, часто у каменистых берегов, где добывает моллюсков, водных личинок насекомых и др.

Численность. Европейская популяция насчитывает 489-623 тыс. пар, в том числе в Европейской России указывали от 200-220 до 180-230 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На зимовки в Причерноморье собирается около 20 тыс. особей, а в Каспийском регионе зимует примерно 25 тыс. птиц (Scott, Rose, 1996).

На юге России численность оценивалась в 1-2 тыс. пар, гнездившихся в основном на Нижней Волге в Волгоградской и Астраханской обл. (Белик, 2005а), но сейчас эта оценка должна быть снижена, по-видимому, на порядок. По расчетам Г.А. Кривоносова (1972), в Волго-Ахтубинской пойме в 1970 г. гнездилось до 100 пар гоголей. По данным же В.Ф. Чернобая (Чернобай, Сохина, 1998; Чернобай и др., 2001, 2002), их численность, варьируя по годам, в дальнейшем сохраняла тенденцию к росту, и в 1997-1999 гг. составляла уже 800-1200 гнездящихся пар, или 9-12 тыс. особей после сезона размножения, а в 2000 г. только в Волгоградской обл. в центральной части поймы гнездилось не менее 150 пар этих уток (Чернобай, 2004а, с.169).

К сожалению, приведенные цифры не вполне корректны (Гугуева и др., 2011). Так, за последние годы в Волго-Ахтубинской пойме нам удалось осмотреть лишь один гоголятник, занятый птицами, а большинство искусственных гнездовий в 2007-2010 гг. пустовало. Выводки же гоголей были встречены всего 3 раза. Судя по картированию встреч с одиночками и парами в весенне-летний период 2006-2016 гг., в Волго-Ахтубинской пойме в Волгоградской обл. гнездится, очевидно, около 25-45 пар, а общую численность гоголя можно ориентировочно оценить здесь в 50-100 пар. Его обилие в пойме на учетах в конце марта составляло 12 ос./100 га озер в прирусловой пойме и 11 ос./10 км по берегам Волги; в апреле гоголь отмечен на ильменном озере (5 ос./100 га), а в начале июня – на пруду рыбхоза (0,7 ос./100 га). В начале ноября гоголи концентрировались в основном по берегам Волги (до 62 ос./10 км маршрута) (Гугуева и др., 2011).

На миграциях в дельте Волги в 1963-1964 гг. учитывали до 260-940 птиц за день интенсивного весеннего пролета, а общую численность мигрантов оценивали там в 129-182 тыс. особей. Примерно такие же показатели были и на осеннем пролете (Кривоносов, 1969; Русанов, 2011).

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса. Но гнездовые популяции, населяющие пойменные леса Нижней Волги и, возможно, Дона заслуживают, несомненно, организации особой охраны.

64. Гага обыкновенная *Somateria mollissima* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России, отмеченный несколько раз в Ростовской обл., в Краснодарском и Ставропольском крае и, возможно, в Калмыкии (Казаков и др., 2004; Белик и др., 2016). На Тамани не исключается возможность его гнездования.

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 4-6 подвидов (Исаков, 1952; Степанян, 2003; Коблик, Редькин, 2004а; Dickinson, Remsen, 2013). В прошлом тихоокеанскую гагу *S. m. v-nigrum* иногда выделяли в отдельный вид (Бутурлин, 1935; Тугаринов, 1941; Исаков, 1952). На побережьях Европы гнездится номинативная форма *S. m. mollissima*. Она же, вероятно, появилась на гнездовье на Черном море на юге Украины (Степанян, 2003) и оттуда залетает на юг России. Подтверждают это и данные по Турции (Kirwan et al., 2014).

Распространение. Гнездится в основном в приморских районах северо-западной и северо-восточной Евразии и Северной Америки. Зимует у морских побережий на севере Атлантики и Тихого океана, частично ведет оседлый образ жизни. В середине XX в. гага спонтанно заселила также острова на северо-западе Черного моря (Назаренко, 1951; Пузанов, Назаренко, 1960; Лысенко, 1991) и сейчас постепенно расселяется в соседние регионы, в том числе – на Азовское море (Андрющенко, Гринченко, 1998; Яремченко, Рыбачук, 1999; Сиохин, 2000; Яремченко, Руденко, 2009). Вероятно, оттуда она залетает в Крым и Предкавказье (Казаков и др., 2004; Бескаравайный, 2008).

На юге России стаю гаг из 32 самцов 18.12.1987 наблюдал Б.В. Сабиневский на Ахтанизовском лимане на Тамани во время авиаучетов водоплавающих птиц (Пекло, Тильба, 1991, 1992). На Суджукской косе в Новороссийске 2 взрослых самцов и 1 самку наблюдали 26.01.2007 (Найданов, 2007); одиночные зимние встречи гаг в Цемесской бухте у Новороссийска отмечали и позже (Попович, Семенова, 2018; Семенова и др., 2019).

В начале апреля 1985 г. две гаги (неполовозрелые самцы) встречены в низовьях р. Большая Кугульта близ с. Подлесное в Труновском р-не Ставропольского края (Хохлов, 1989). Молодая гага 26.01.1992 встречена в большой стае крякв, державшихся на полынье Дона близ Ростова (Белик, 1994а), а самка гаги, чучело которой хранится в Азовском краеведческом музее, была добыта в низовьях Дона в марте 1988 г. (Казаков и др., 2004).

Кроме того, гага включена в список мигрантов, встреченных осенью на Пролетарском водохранилище Западного Маныча (Кривенко и др.,

1980), а Г.С. Джамирзоев (2000) приводит ее без каких-либо комментариев в качестве залетного вида Дагестана. В сентябре 1945 г. какая-то гага была добыта на Дону у Воронежа (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963). В Заволжье в Казахстане 8 птиц наблюдали 10.04.1982 на Камыш-Самарских озерах (Шевченко и др., 1993, 2020).

Местообитания. На севере Европы гаги гнездятся обычно плотными поселениями на небольших каменистых островах, предпочитая заливы и бухты, укрытые от ветра. Кормятся на воде, добывая со дна моря в основном мидий и других моллюсков. На Черном море заселяют низкие острова и косы с зарослями тростника, реже гнездятся среди лебеды, конского щавеля и др., нередко в колониях чаек (Ардамацкая, 1979, 1986; Яремченко, Руденко, 2009).

Численность. Европейская популяция оценивается в 791-955 тыс. пар, в том числе для севера Европейской России указывали от 15-25 до 40-50, а позже – до 90 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге Украины первые гнезда обнаружили в 1975 г.; в 1976 г. там гнездилось 5 пар; в 1977 г. – 9 пар, а в 1985 г. – уже 118 пар (Ардамацкая, 1979, 1986). В начале XXI в. в Черноморском заповеднике размножались 1,2-2,0 тыс. пар, а зимовало до 8 тыс. особей, но затем там было отмечено снижение численности до 670-700 пар и 0,5-2,0 тыс. особей на зимовке (Яремченко, Руденко, 2009). На юге России в основном в зимний период отмечаются случайные встречи одиночек, небольших групп и стай.

Охранный статус. На юге России сейчас не имеет охранного статуса. Эта гага включена в Красную книгу Украины (2009).

65. Синьга *Melanitta nigra* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Южной России, отмечавшийся в период миграций и зимой в основном на Волге и Каспии, реже – в Приазовье (Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016; Ковшарь, Карпов, 2017; Перевозов и др., 2020).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в тундрах и лесотундрах Евразии от Скандинавии до Таймыра и бассейна р. Лена. Зимует в основном у морских побережий Западной Европы. На южных морях регулярные зимовки неизвестны, и птицы встречаются там очень редко, а внутрь материка залетают только во время сильных штормов (Исаков, 1952).

На юге России стаи синьги видел на Сарпинских озерах Н.Н. Арцыбашев (Artzibascheff, 1859, 2015), но, к сожалению, не смог добыть птиц для уточнения их определения. Этих птиц отмечал под Сарептой также В.И. Рикбейль (Богданов, 1871), однако В.Ф. Лорец (1928) за 20 лет коллектирования птиц не добыл там ни одной синьги. В Астраханской обл. синьга встречалась на весеннем и осеннем пролете (Хлебников, 1930). Позже 3 молодые птицы добыты 04.11.1974 на взморье в дельте Волги, а у г. Нариманов в 45 км к северу от Астрахани 01.05.1998 на прудах встречены 2 птицы (Русанов, 2008, 2011, личн. сообщ.) и еще одну синьгу Г.М. Русанов наблюдал 12.11.2002 в дельте (Реуцкий, 2014).

По сведениям А.И. Близнюка (2004), синьга очень редко встречается на пролете также в Калмыкии, а в Дагестане эти утки отмечались зимой на побережье Каспия от г. Избербаш к северу до рыбного промысла Ачи, где кормились вместе с нырками на подводных грядах (Казаков и др., 2004). Кроме того, В.С. Очаповский (1971, 2017) сообщал об осенней добыче синьги в середине XX в. на Азовском море близ Ейска, а 22.10.2019 две птицы встречены среди большой стаи красноголовых нырков на лимане в дельте Кубани (Перевозов и др., 2020; Эрдненов, Бабичев, 2020).

Кроме того, в январе 2001 г. на Керченском полуострове в районе г. Опук у восточных берегов Крыма была обнаружена массовая зимовка синьги. Три стаи этих птиц общим числом в 103 особи держались в 100-300 м от берега на участке побережья около 9 км длиной (Пилюга, 2002). Поэтому нельзя исключать пребывание синьги зимой и у Черноморских берегов Кавказа.

В соседних регионах синьга тоже рассматривается как редкий залетный вид. На Украине известно всего около 10 встреч с этим видом (Лысенко, 1991), в Воронежской обл. синьгу не отмечали вовсе (Нумеров, 1996), около 10 встреч за 100 лет зарегистрировано в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005).

Местообитания. Гнездится обычно на тундровых озерах. Зимой кормится среди неглубоких морских заливов и бухт, где добывает моллюсков, водных личинок насекомых и др.

Численность. Европейская популяция оценивается в 107-131 тыс. пар, в том числе для севера Европейской России указывали от 100-120 до 10 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России зимой и в периоды миграций отмечаются случайные встречи залетных одиночек, небольших групп и стай.

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса.

66. Турпан обыкновенный *Melanitta fusca* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид равнинных регионов Южной России, встречающийся в период миграций и зимой (Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Обитает в основном в лесотундрах и северной тайге Евразии от Скандинавии до Таймыра. Обособленные поселения известны также на степных озерах на юге Западной Сибири и на севере Казахстана, однако с 1970-х годов эти популяции переживают депрессию численности (Долгушин, 1960; Ковшарь, Карпов, 2017). Изолированные гнездовья сохранились на горных озерах Турции, Армении и Джавахетии в Закавказье (Сатунин, 1907; Исаков, 1952; Snow, Perrins, 1998). Основные зимовки расположены у берегов Западной Европы, и поэтому на южных морях турпан встречается случайно, хотя и чаще, чем синьга (Казаков и др., 2004). Изолированный район зимовки расположен лишь на юго-востоке Каспия (Исаков, 1952).

Турпан изредка регистрировался в миграционные периоды, а также зимой и даже летом на Дону, по Хопру и Волге в Воронежской, Саратовской, Ростовской и Волгоградской обл. (Измайлов, 1940; Белик, Казаков, 1988; Казаков и др., 2004; Завьялов и др., 2005). На Дону близ Воронежа турпан был добыт 10.09.1941 (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996). На Хопре в Воронежской обл. пару турпанов наблюдали 16.05.1937 (Измайлов, 1940). Они встречались там также на пролете у г. Борисоглебск (Образцов, 1951). На озерах в Волго-Уральском междуречье в Казахстане 16-18.04.1970 учтены 93 птицы в 6 пролетных стаях (Шевченко и др., 1993, 2020).

В Волгоградской обл., по сведениям В.Ф. Чернобая (2000а, 2004а), это редкий пролетный вид, отмечавшийся на Волгоградском вдхр., на Среднем Дону и в Заволжье, однако достоверные находки турпанов там неизвестны. У Сарепты на весеннем и осеннем пролете турпанов весьма редко встречал В.Ф. Лорец (1928). В Астраханской обл. единственного турпана добыл К.Х. Генке на Баскунчаке (Seebohm, 1882), а позже, по сведениям В.А. Хлебникова (1928, 1930), эти птицы отмечались на пролете и иногда летовали в дельте Волги. Но в последующие годы больше никто из исследователей турпана там не наблюдал (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

В Ростовской обл. турпан был добыт 8 июня в Таганрогском заливе (Алфераки, 1879). Шкурка турпана, добытого 04.03.1905 в окрестностях

Ростова, хранится в Зоологическом музее МГУ. Турпан встречен в Таганрогском заливе также 07.04.1907 (Сарандинаки, 1909). 03.10.1903 **ст.ст.** турпана добыли на Маныче в Сальском округе, а 20.11.1919 **ст.ст.** самец добыт в дельте Дона (Белик и др., 2012). Группа турпанов встречена также 06.12.1984 на полынье главного русла Дона близ стан. Багаевской (Белик, Казаков, 1988), а 04.11.1990 взрослая птица добыта на Сев. Донце в Краснодонском р-не Украины на границе с Ростовской обл. (Ветров и др., 1991).

В Восточном Приазовье турпан был встречен 06.10.1961 на Ахтарском лимане (Очаповский, (1971, 2017). Одиночная особь добыта 03.04.1962 в Ахтарско-Гривенских плавнях (Олейников и др., 1967). Больную птицу наблюдали 08.08.1991 на Тамани на взморье Бугазской косы (Лохман и др., 2004, 2005). В ноябре 1987 г. турпанов отмечали на Черном море у Адлера и в Пицунде (Тильба, 2007). В море у Адлера одиночки, пары и группы до 4 птиц держались также с 02.02.2014 до середины марта 2014 г. (Humphrey, 2019).

На Ставрополье одиночный турпан впервые встречен 20.11.1995 на оз. Соленом в Левокумском р-не, а затем на р. Айгурка близ г. Ипатово 05-08.11.2002 несколько раз наблюдали 2-6 особей (Хохлов, Ильюх, 2005). В Калмыкии турпаны очень редко встречаются на пролете (Близнюк, 2004), а в Дагестане этих уток отмечали зимой на побережье Каспия от Махачкалы до Дербента, как правило – в экстремально холодные зимы. Относительно много птиц было в январе 1954 г. в районе бывшего промысла Ачи к северу от г. Избербаш. Два турпана встречены 02.01.1982 близ Махачкалы (Казаков и др., 2004). Но в устье р. Самур в 1964-1983 гг. пролетные турпаны встречались редко (Михеев, 1985). Зимой птицы кормятся в основном в море на подводных каменистых грядах вместе с нырковыми утками (Казаков и др., 2004).

Местообитания. Гнездится обычно на тундровых озерах. В Казахстане заселяет пресные и солоноватые степные озера с большими, довольно глубокими плёсами и с тростниковыми зарослями у берегов (Долгушин, 1960). Зимой кормится среди неглубоких морских заливов и бухт, где добывает различных моллюсков и других придонных беспозвоночных.

Численность. Европейская популяция оценивается в 72,2-94,9 тыс. пар, в том числе для севера Европейской России указывали от 60-70 до 5-6 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России зимой и в периоды миграций отмечаются случайные встречи залетных одиночек, небольших групп и стай. По-видимому, более обычны эти птицы лишь у берегов Каспия в Даге-

стане к югу от Махачкалы, где может зимовать до 100 птиц (Джамирзоев и др., 2000; Казаков и др., 2004).

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса.

67. Савка *Oxyura leucocephala* (Scopoli, 1769)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид равнинных регионов Южной России, частично зимующий в Предкавказье и на Черноморском побережье и изредка залетающий в горные республики Северного Кавказа (Белик, 1996а; Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2008; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016; Чернобай, Букреев, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном на юго-западе Евразии – в области древнего Средиземья от Северо-Западной Африки и Пиренеев до верховий Енисея, заселяя преимущественно солоноватые степные и пустынные водоемы. Южная Россия находится на северной границе ареала, в его пульсирующей части, и гнездовья распространены здесь спорадически. Достоверные случаи гнездования известны для Нижнего Поволжья, Дагестана, долины Маныча и Восточного Приазовья, причем савка обычно весьма консервативна в выборе водоемов, особенно для размножения (Мурзаханов, Баздырев, 2011).

О гнездовании савки на Сарпе на юге Волгоградской обл. писал Г.Ф. Мёшлер (Moeschler, 1953), считавший ее обычной птицей, затем Н.Н. Арцыбашев (Artzibascheff, 1859, 2015), находивший гнезда и отмечавший особенно высокую численность птиц на озерах южнее, в Калмыкии, а также М.Н. Богданов (1871) со слов В.И. Рикбейля. Он же указывал, что савка встречалась по долине Волги к северу до Камышина. Следует упомянуть, что в 1988-1991 гг. савки гнездились еще севернее – у г. Энгельс в Саратовском Заволжье (Мосейкин, 2000).

В начале XX в. савка считалась на Сарпинских озерах немногочисленным видом (Лорец, 1928), добыта там также 02.04.1917 (Барабаш, Козловский, 1941). В мае 1976-1988 гг. на оз. Сарпа регистрировали по 1-5 пар, но их гнезд обнаружить не удалось (Е.И. Врублевский, дневники), а в начале 1980-х годов там встречали до 16 пар (Казаков, 1983). Гнездование этих птиц на Волгоградской Сарпе было подтверждено в 1999-2002 гг., когда на пруду-отстойнике площадью около 500 га на южной окраине Волгограда 26.04.1999 учли 19 птиц, а их общую численность оценили в 13-20 пар (Чернобай и др., 2000). В 2000 г. на учетах 4-7 июня там же было обнаружено 29 самцов и

8 самок. Еще 3 самца отмечены 07.06.2000 на небольшом соседнем пруду и 3 самца встречены в 1999 г. на оз. Сарпа между с. Дубовый Овраг и Малые Чапурники. Всего же на Волгоградской Сарпе тогда предполагалось гнездование до 50 пар (Букреев, Чернобай, 2001, 2004).

В результате специальных учётов в 2001-2002 гг. численность савки на Волгоградской Сарпе была оценена уже в 75-100 пар, но позже ее снизили до 25-30 пар (Букреев, Чернобай, 2004, 2011; Чернобай, Букреев, 2017). Однако в 2012 г. на пруду-отстойнике у Волгограда савки не были найдены ни в апреле, ни в мае, ни в августе. Небольшая группировка обнаружена лишь на мелководном пруду-испарителе в 20-25 км южнее, где 30 апреля учли 31-34 савок, а в августе – около 20-30 птиц. Еще одна птица была встречена недалеко на заросшем тростниками глубоководном пруду-отстойнике. Общая численность савок в 2012 г. составляла там от 5-10 до 15-25 пар (Белик и др., 2013).

В 1970-1972 гг. Е.И. Врублевский (дневники) обнаружил савок также на Большом Лимане в Заволжье у г. Волжского, где в конце мая - начале июня он трижды отмечал от 2 до 10 пар, в том числе 06.06.1972 наблюдал токование 2 пар. Восточнее в Заволжье савку находили летом, кроме того, на озерах у с. Урда (Хан Ордасы) в Казахстане (Волчанецкий, 1937), а также на Камыш-Самарских озерах в низовьях р. Узени (Шевченко и др., 1993, 2020).

В Астраханской обл. в XIX в. савки изредка гнездились в дельте Волги (Яковлев, 1872, 2015), а по сведениям К.Г. Генке (Henke, 1880), они в большом числе обитали в камышах мелких степных лиманов, где неоднократно встречались их гнезда. Эти наблюдения К.Г. Генке подтверждал и Г. Зибом (Seebohm, 1882). В XX в. выводок савки однажды был отмечен также в Ахтубинском р-не на севере Астраханской обл. (Русанов, 2004).

В Калмыкии савку находили на Меклетинских и Сарпинских озерах (Хаката, Цаган-Нур), на оз. Деед-Хулсун, Маныч и Маныч-Гудило (Кривенко, Кривоносов, 1977; Линьков, 2001; Близнюк, 2004; Бадмаев, 2013; Бабичев, 2014). На Ставрополье этих птиц дважды встречали летом в устье р. Дунда на южном берегу оз. Маныч-Гудило (Хохлов, 1993; Федосов, Маловичко, 2006).

В Ростовской обл. две савки добыты 20.03.1904 и 20.03.1906 в дельте Дона (колл. Зоомузея МГУ), а с 1946 по 1952 г. они регулярно отмечались на Усть-Манычском вдхр. (Олейников, 1966; Казаков, 1983; Белик, 1996а). На оз. Маныч-Гудило в середине мая 1986 и 1987 гг. в смешанной колонии колпиц, цапель и чомг в устье балки Тройной держались пара савок и самец. Там же стайка из 3 самцов и 2 самок

встречена 11.04.1987, а на Курниковом лимане на юге Ремонтненского р-на 12.09.2004 наблюдалась группа из 5 птиц, возможно выводок (Белик, 2004а; Казаков и др., 2004). Наконец, скопление из 100 савок обнаружено в августе 2009 г. на оз. Казинка в Пролетарском р-не (см. ниже).

В Краснодарском крае выводки найдены в 1954 г. в низовьях р. Челбас и в 1964 г. на болотце в г. Краснодаре. В Челбасских плавнях савки гнездились также в 1956, 1962 и 1964 гг., где занимали искусственные гнездовья для уток; в мае 1956 и 1957 гг. савок добывали в районе стан. Бриньковской в устье р. Бейсуг, а летом 1964 г. их отмечали и в Ахтарско-Гривенских плавнях в дельте Кубани (Очаповский, 1967, 1971, 2017; Казаков и др., 2004). В Дагестане до середины XX в. савку встречали на водоёмах в низовьях Сулака и Терека, в частности, на Темиргойских озёрах (Бёме, 1950; Пишванов и др., 1998), но в настоящее время она неежегодно гнездится только на озере Аджи (Папас) в Каякентском районе (Джамирзоев и др., 2013).

В целом можно видеть, что до начала XX в. савка была весьма обычна в подходящих местообитаниях на Нижней Волге, в степях Калмыкии и, по-видимому, в Восточном Приазовье. Она неоднократно залетала тогда на Нижний Дон (Сарандинаки, 1909; Белик и др., 2012) и была найдена даже под Харьковом (Сомов, 1897, с.651). Но затем в Приазовье, по сообщению В.С. Очаповского (2017, с.48) со ссылкой на наблюдения Е.С. Птушенко, «численность катастрофически упала, и этот вид стал большой редкостью». До 1960-х годов савки изредка еще гнездились в плавнях Приазовья и в Дагестане, в середине XX в. заселили обводненную долину Маныча (Казаков и др., 2004), однако позже на Северном Кавказе были известны лишь единичные находки в гнездовой период (Хохлов, Витович, 1990; Джамирзоев и др., 2000, 2008; Казаков и др., 2004), а в долине Маныча в 1984-1991 гг. отмечали не более 2-5 пар (Линьков, 2001). Но в конце XX – начале XXI в. встречи птиц во многих регионах участились, что позволило предположить начало восстановления их численности (Букреев, Чернобай, 2001, 2011; Белик и др., 2003).

Местообитания. Предпочитает стоячие или слабопроточные солоноватые, реже – пресные водоемы глубиной около 1-2 м с густыми прибрежными зарослями тростника или сплавинами, где птицы гнездятся, а также с открытыми плёсами с илистым дном, богатым личинками хирономид – важнейшим кормом савки, особенно ее птенцов (Гордиенко и др., 1986; Sánchez et al., 2000; Li, Mundkur, 2003; Hughes et al., 2006; Джамирзоев и др., 2008; Мурзаханов, Баздырев, 2011; и др.).

Численность. Мировая популяция составляет сейчас 5.300-8.700 особей и продолжает сокращаться (Delany, Scott, 2006; BirdLife …, 2020), что не совсем согласуется с современными учетами птиц на зимовках (см. ниже). В Европе насчитывается лишь 250-610 пар (European birds …, 2017). В России, по некоторым данным, обитает от 170-230 до 250-500 пар (Линьков, 2001; Li, Mundkur, 2003; Hughes et al., 2006), а для юга европейской части России указывали от 150-250 до 50-80 пар с тенденцией к снижению (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а, 2014а).

В настоящее время, судя по региональным данным, в Южной России обитает 60-100 пар, в том числе в Ростовской обл. возможно гнездование 3-10 пар (Белик, 1996а, 2000а); в Волгоградской обл. на Сарпинских озерах в 2001-2002 гг. гнездились 75-100 пар, но в последнем десятилетии для них указывали лишь около 25-30 пар (Букреев, Чернобай, 2001, 2011; Белик и др., 2013; Чернобай, Букреев, 2017); в Калмыкии на оз. Маныч-Гудило и Сарпинских озерах может гнездиться 20-40 пар (Цапко и др., 2009; Бадмаев, 2013); на Ставрополье – несколько пар (Хохлов, Ильюх, 2013); в Чечне – не более 10 пар (Гизатулин, 2007); в Дагестане на оз. Аджи (Папас) в начале 2000-х годов держалось 8-10 пар, а в 2006-2008 гг. – 2-3 пары (Джамирзоев, Букреев, 2009); в Краснодарском крае в Приазовье предполагается гнездование 2-3 пар (Тильба, 2007; Лохман и др., 2017). На Северном Кавказе в целом численность савки подвержена значительным колебаниям и оценивалась в 10-100 пар (Джамирзоев и др., 2008).

Следует отметить, что вследствие скрытности этих птиц их численность в гнездовой период может сильно недоучитываться, особенно на обширных озерах в Калмыкии, в дельтах Терека и Кубани и в других районах, учитывая тем более ночную активность савки (Li, Mundkur, 2003). Поэтому нашу оценку в 50-150 пар для юга России (Белик, 2014а) следует считать, вероятно, вполне реальной, а возможно даже заниженной. Косвенно это подтверждается обнаружением в 2009 г. 7 пар, а в августе – скопления около 100 особей на оз. Казинка в долине Маныча у г. Пролетарск (А.В. Кухтанов, И.Г. Бабкин, личн. сообщ), где ни раньше, ни позже гнездовий савки не отмечали (Белик, 2004а; Казаков и др., 2004).

Маныч-Гудило служит для савки местом важнейших транзитных остановок. Здесь у г. Пролетарска (стан. Великокняжеской) вероятно пролетная птица была добыта 26.02.1912 (колл. Зоомузея МГУ). А в конце октября 1981 г. на 100 км маршрута по озеру учли 1,2 тыс. савок (Линьков, 1984). Там же 07.04.2005 держалось 2,5 тыс., 26-27.03.2006 было 2,5-3,0 тыс., а 01.04.2006 в 5 стаях учли 3.850 птиц (Федосов,

Маловичко, 2006). В тот же период савку учитывали по всему северному берегу в Калмыкии, где в 2006 г. весной отметили 2.276, а осенью – 6.619 савок (Розенфельд и др., 2012), т.е. всего через Маныч в 2006 г. весной и осенью пролетало по 6 тыс. птиц.

Считается, что через Маныч летят савки из Западной Сибири и Казахстана, направляясь на зимовку в Турцию (Линьков, 2001), но можно полагать, что основу этих скоплений составляют всё же птицы, гнездящиеся в Предкавказье, Калмыкии, Поволжье и Заволжье в количестве 800-900 пар, исходя из средних размеров выводка в 5 птенцов (Мурзаханов, Баздырев, 2011).

Наиболее крупная зимовка савки известна сейчас в Азербайджане (5-10 тыс. особей) (European birds …, 2017). Кроме того, в 2006 г. от 704 до 9.640 особей насчитывали только на одном из заливов Каспия в Туркмении (Рустамов, Щербина, 2011), в отдельные годы до 7 тыс. особей зимует в Узбекистане (Абдуназаров, 2009), а пролетные скопления численностью до 2 тыс. птиц в Средней Азии отмечали неоднократно (Жатканбаев, 2006; Ковшарь, 2019).

На юге России птицы зимуют местами в Дагестане, в Восточном Приазовье, на Тамани и Черноморском побережье (Очаповский, 1971; Пишванов и др., 1998; Казаков и др., 2004; Джамирзоев и др., 2013; Тильба, 2007; Лохман и др., 2017; Попович, Семенова, 2018; Tilba et al., 2018). На Северном Кавказе и смежных территориях Калмыкии в 2003, 2004 и 2005 гг. в ходе среднезимних учетов выявлено, соответственно, 1956, 1492 и 188 савок (Solokha, 2006; цит. по: Джамирзоев и др., 2008).

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) как реликтовый вид, находящийся под угрозой исчезновения (1 категория). Занесена в Красные книги всех регионов Южной России, кроме горных республик Северного Кавказа, где савка не гнездится или лишь случайно встречается как залетный вид. Основной угрозой для савки во многих странах является браконьерство, поскольку эти птицы отличаются чрезмерной доверчивостью и у них обычно отсутствует реакция бегства при появлении охотников (Hughes et al., 2006). Так, запрет охоты на них в Испании привёл к увеличению численности савки с 22 птиц в 1977 г. до 786 в 1992 г. и до 4.035 особей в 2000 г. (Green, 1997; Hughes et al., 2006). Важное значение имеют циклические колебания уровня степных озер, их высыхание и засоление, приводящие к гибели тростников, необходимых для гнездования, а также выжигание тростниковых зарослей (Ауэзов, 1978). Отмечается также повышенная гибель кормящихся птиц в рыболовных сетях (Hughes et al., 2006). Несомненно, негативно сказываются и периодические суровые зимы в районах зимовки этих птиц.

68. Луток *Mergus albellus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный и зимующий вид всех регионов Южной России, гнездящийся в пойме Нижней Волги и местами в бассейне Дона (Северцов, 1855; Кондратьев, 1885, 2004; Огнев, Воробьев, 1923; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Завьялов и др., 2005; Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Летом обитает в основном по лесным рекам и озерам в таежной зоне Северной Евразии, проникая на гнездовье в лесистые низовья некоторых южных рек (Днепра, Волги, Урала). Зимует обычно на морских побережьях Европы и Восточной Азии, а также на незамерзающих водоемах Южной Евразии (Исаков, 1952), в том числе в равнинных регионах всей Южной России (Хохлов, 1993; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Русанов, 2011; и др.).

Сведения о гнездовании лутков по рекам в бассейне Среднего Дона имеются в ряде работ (Северцов, 1855; Огнев, Воробьев, 1923), в том числе в пойме р. Битюг в Воронежской обл. в 1940 г. было найдено гнездо, сделанное в дупле осины (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963). В начале XIX в. луток был очень обычен также во многих местах Донской обл., включавшей Хоперский и Усть-Медведицкий округа (Кондратьев, 1885, 2004).

О гнездовании лутков на Сарпинском острове в пойме Волги впервые сообщил В.Ф. Лорец (1928), по данным которого эти птицы возвращались с зимовок в начале апреля, а в начале - середине мая у них появлялись кладки. В XIX в. они в большом числе гнездились также по дуплам старых вётел вокруг Астрахани (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882), но в первой половине XX в. лутки, по-видимому, практически исчезли в низовьях Волги (Воробьев, 1936; Луговой, 1963), и лишь с конца 1960-х годов они вновь стали отмечаться на гнездовье в старых ивовых лесах с дуплистыми деревьями в нижней части дельты. Первое гнездо в дельте Волги было найдено 31.05.1969, а выводки – 07.06.1981 и 29.07.1991. Но уже в 1980-е годы гнездование лутка в низовьях Волги стало регулярным, а в 1990-е достаточно стабильным (Русанов, 2008, 2011; Реуцкий, 2014).

Восстановление численности лутка в дельте Волги позволило ему начать расширение ареала по Волго-Ахтубинской пойме на север. В начале XXI в. в Волгоградской обл. на различных пойменных озерах регулярно регистрировали птиц, которые, по наблюдениям Е.В. Гугуевой (личн. сообщ.), до середины апреля – середины мая держались парами

(16.04.2009 – 2 пары; 13.04.2011 – 1 пара; 27.04.2011 – 1 пара; 11.04.2013 – 3 птицы; 15.04.2014 около 20 пар; 10.05.2018 – 1 пара). Однако в мае-июне наблюдения в пойме из-за высоких паводков резко сокращались, и поэтому, возможно, гнездящиеся лутки оставались неучтенными. И лишь 14.06.2017 на Сарпинском острове у Волгограда был встречен выводок из 6 пуховичков (Урусова, 2019).

В последнее время луток начал расселяться с Волги, по-видимому, и на Дон, где в мае-июне 2004 г. этих птиц неоднократно отмечали в затопленном ветляннике на побережье Цимлянских песков близ границы Волгоградской обл. (П.И. Коренев, личн. сообщ.; фото). Там одновременно наблюдали до 7 птиц, возможно гнездившихся поблизости в дуплистых деревьях. Кроме того, 11.06.2008 самка лутка встречена на небольшом озере среди песчаной террасы р. Медведица близ пос. Даниловка, а 11.05.2014 одиночный самец держался на Финогеновом пруду в верховьях р. Хара в Приэльтонье, где эти птицы могли гнездиться в дуплах старых вётел, тянувшихся вдоль берега пруда на несколько километров.

О возможности гнездования лутка у водоемов в полупустынях Заволжья свидетельствуют неоднократные встречи нелетных выводков в 1983-2002 гг. на р. Бол. и Мал. Узени в Саратовской обл. (Мосейкин, 2000; Завьялов и др., 2005). Пребывание этих птиц в «глинистой области» Волго-Уральского междуречья указывалось также в начале XIX в. (Claus, 1838; цит. по: Динесман, 1960). О редком гнездовании лутка в Яшкульском р-не, на Сарпинских озерах и других водоемах Калмыкии сообщал также А.И. Близнюк (2004), однако конкретные сведения оттуда нам неизвестны. Однажды луток был встречен летом, 08.06.2011, на водоёмах в заброшенном ракушечном карьере в дельте Кубани (Тильба, Мнацеканов, 2014).

На миграциях луток довольно обычен на побережьях морей, а также на крупных озерах и реках равнинных регионов всей Южной России. Зимует на незамерзающих участках всех рек, озер и морей, в том числе изредка встречается на Черноморском побережье Кавказа (Строков, 1974; Тильба, 1999б, 2006; Перевозов, 2014; Тильба, Мнацеканов, 2014; Гордиенко, 2017; Семенова и др., 2019; Humphrey, 2019). В суровые зимы залетает на горные реки (Караваев и др., 2015).

Местообитания. Гнездится обычно в дуплах деревьев по лесным рекам и озерам, предпочитая широкие поймы со старичными озерами. Зимой держится на морских мелководьях или на полыньях замерзающих рек, где добывает мелкую рыбу, личинок стрекоз и других водных беспозвоночных.

Численность. В Европе гнездится 9,2-17,6 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 4-6 до 6-10 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Гнездовая популяция на юге России оценивается в 50-150 пар (Белик, 2005а). В Волго-Ахтубинской пойме между Волгоградом и Астраханью в 1970 г. гнездилось до 100 пар лутков (Кривоносов, 1972).

На миграциях в дельте Волги в 1963-1964 гг. учитывали до 95-150 птиц за день интенсивного весеннего пролета, а общую численность мигрантов оценивали там в 35-36 тыс. особей. (Кривоносов, 1969; Русанов, 2011). Численность лутков, зимовавших на полыньях и у кромки льдов на Северном Каспии в 1960-е годы, в зависимости от суровости зимы составляла от 8 до 24 тыс. особей (Кривоносов 1972). На побережье Каспия в Дагестане 15-24.01.1967 было учтено 530 особей (Пишванов, Хонякина, 1968), а сейчас численность зимующих птиц в заповеднике «Дагестанский» оценивается в 500-2500 особей (Джамирзоев и др., 2017). На севере Каспия в теплую зиму 1981 г. держалось около 1.160 лутков (Русанов, 2016).

Многотысячные скопления формируются зимой на Азовском море, где обилие лутка на открытой акватории достигает местами 6,0 ос./км^2 (Савицкий, Матишов, 2011), а зимой 1971 г. там было учтено 1500 крохалей, в основном лутков (Брауде и др., 1972). На оз. Маныч-Гудило численность лутка весной достигает 5,5 тыс. особей, а осенью – около 400 птиц (по: Гаврин и др., 1980; Кривенко и др., 1980; Казаков и др., 2004). В целом в Черноморском регионе на зимовки собирается около 65 тыс. особей, а на Каспии может зимовать до 30 тыс. птиц (Scott, Rose, 1996).

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса. Но гнездовые популяции, населяющие пойменные леса Нижней Волги и, возможно, Дона заслуживают организации особой охраны.

69. Крохаль длинноносый *Mergus serrator* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России, случайно встречающийся здесь в периоды миграций и зимовки (Казаков и др., 2004; Русанов, 2008, 2011; Белик и др., 2012; Реуцкий, 2014).

Зоогеографические связи. Бореальный голарктический вид неясного зоогеографического генезиса.

Таксономия. Монотипический вид (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в лесной и тундровой зонах Северной Евразии и Северной Америки. Изолированный участок ареала находится на островах в северо-западной части Черного и Азовского

морей. Зимует на морских побережьях Атлантики и Пацифики и изредка на южных морях (Исаков, 1952; Лысенко, 1991).

В дельте Дона самку из пары добыли 02.12.1918 **ст.ст.** у Азова, а 13.10.1912 и 16.10.1916 **ст.ст.** 2 самки добыты на р. Миус близ Таганрога (Белик и др., 2012). Еще одна птица добыта в дельте Дона 13.11.1906 **ст.ст.** Единичных особей отмечали здесь также 27.09.1979 и 31.03.1984 (Белик, Казаков, 1988; Казаков и др., 2004). Три пары и одиночный самец встречены 01.05.1999 на Среднем Дону близ стан. Вешенской на севере Ростовской обл. (Белик, 2005). Эпизодически эти крохали появляются также на водоемах Западного Маныча. Так, на Веселовском водохранилище 26.09.1986 отмечено 8 птиц, 04.10. – 9 птиц и 22.11. – 6 особей (Казаков и др., 2004).

На Волге в окрестностях Сарепты этого крохаля впервые отметили А. Беккер (Becker, 1953), а также Г.Ф. Мёшлер (Moeschler, 1853), считавший его малочисленным пролетным видом, встречающимся в октябре. Позже, со слов В.И. Рикбейля, пролет длинноносого крохаля у Сарепты подтвердил М.Н. Богданов (1871), а по данным В.Ф. Лореца (1928), этот вид появляется здесь на миграциях в марте, а назад летит в сентябре. Однажды в начале XX в. этот крохаль был добыт на Сарпинском озере (Барабаш, Козловский, 1941). Последний случай добычи длинноносого крохаля в Волгоградской обл. отмечен 12.10.1982 на прудах в Приэльтонье (Линдеман и др., 2005). По мнению же В.Ф. Чернобая (2000а, 2004б), это обычный пролетный вид Волгоградской обл., встречающийся на Волгоградском вдхр., в Волго-Ахтубинской пойме и на Сарпинских озерах. Но затем в своей сводке В.Ф. Чернобай (2004а) исключил длинноносого крохаля из фауны Волгоградской обл.

В Астраханской обл. этот крохаль тоже является очень редким залетным видом (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). По сведениям В.Е. Яковлева (1872, 2015, с.26), «этот вид очень редко попадается около Астрахани, так что г. Генке в течение нескольких лет добыл только один экземпляр позднею осенью». Позже молодая птица была добыта в дельте Волги 18.10.1952, а стайку из 3 птиц наблюдали на Волге севернее Астрахани 12.10.1960 (Луговой, 1963). В последующем в дельте были встречены всего 2 птицы: 03.11.1966 добыт самец, а 18.10.1969 наблюдалась одна птица (Русанов, 2008, 2011).

В дельте Кубани 03.04.1959 отмечены три стаи этих крохалей, а в апреле 1960 г. там добыт один крохаль (Очаповский, 1971, 2017). Погибшая птица была подобрана 17.11.1965 на Ачуевской косе в Восточном Приазовье (Олейников и др., 1967). На Ставрополье стайки по 15-20

птиц встречены лишь дважды в конце сентября 1977 и 1978 гг. (Хохлов, 1993). Дважды 24.11.2002 и 29.11.2007 этих крохалей наблюдали в Карачаево-Черкесии на Усть-Джегутинском (1 птицу) и Кубанском (6 птиц) вдхр. (Караваев, Хубиев, 2004, 2008). В Северной Осетии известна лишь одна встреча крохаля зимой в начале XX в. (Бёме, 1926). В Дагестане на полыньях у побережья Каспия 15-24.01.1967 на зимовке учтено всего 10 особей (Пишванов, Хонякина, 1968). Зимующий крохаль добыт также 01.02.1924 в Керченском проливе (Казаков и др., 2004). Наконец, по наблюдениям В.В. Строкова (1974), в середине XX в. этот крохаль был многочислен на зимовке в прибрежных водах Черноморского побережья Кавказа между Туапсе и Сухумом. Но Г.И. Бернацкий (1958), работавший в тот же период в Пицунде и Сухуме, не встречал его в море ни разу. Длинноносые крохали редко отмечаются на Черном море и в последнее время (Резанов, 2002; Динкевич и др., 2007; Лохман и др., 2015; Попович, Семенова, 2018; Семенова и др., 2019; Humphrey, 2019). Так, в районе Сочи – Адлер – Гагры их регистрировали 06.01.2008 (2 самки), в феврале 2014 г. (1 особь), 17.10.2017 (3 особи), 18-25.11.2019 (1 особь), 08.02.2020 (2 стаи по 5-8 особей) (Перевозов, 2014; Тильба, 2017а, личн. сообщ.; Тильба, Филиппов, 2020).

Следует отметить, что длинноносый крохаль является фоновым зимующим видом на восточном побережье Каспия, где за 4 зимних сезона было учтено 1.649 особей этого вида, или 89,3% от всех встреченных крохалей. Вероятно, крохали, попадающие по Уралу на северный берег Каспийского моря, дальше разделяются, и луток и большой крохаль уходят на запад, а длинноносый крохаль летит на юг и рассеивается вдоль восточного побережья Каспия (Ковшарь, Карпов, 2011).

Местообитания. Гнездится на различных водоемах тундровой и лесной зон, на приморских озерах, на горных реках, а также на сухих песчаных островах и косах южных морей (Исаков, 1952; Лысенко, 1991). На зимовке птицы предпочитают морские побережья, обычно избегая опресненных водоемов. Зимой на Каспии основная часть этих крохалей держалась в 50-100 м от берега (Ковшарь, Карпов, 2011).

Численность. Европейская популяция оценивается в 70,1-120,0 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 9-12 до 15-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Локальная популяция на Азово-Черноморском побережье Украины в XX в. росла, достигнув к 1980-м годам 700-900 пар (Ардамацкая, 1984), но в 1990-е годы она начала быстро сокращаться. В 2000-2004 гг. на островах Черноморского заповедника насчитывали 50-60 пар, в 2005 г. там гнездилось 40 пар, а в 2006-2010 гг. – всего 10-15 пар (Руденко, 2011).

На юге России в периоды миграций и зимой отмечаются случайные встречи залетных одиночек, небольших групп и стай. Но в середине XX в. в районе Туапсе – Сочи длинноносый крохаль был многочислен, значительно превышая численность зимующих там чернозобых гагар, составлявшую около 12 тыс. особей (Строков, 1974). Сейчас численность крохалей, зимующих в Причерноморье, оценивают в 50 тыс. особей, а на Каспии может зимовать, вероятно, до 10 тыс. птиц (Scott, Rose, 1996).

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса.

70. Крохаль большой *Mergus merganser* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Обычный пролетный и зимующий вид всех регионов Южной России, где придерживается зимой незамерзающих водоемов: морей, рек, озер и т.п. (Близнюк, 2004; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Бореальный голарктический вид неясного зоогеографического генезиса.

Таксономия. Включает 3 подвида, из которых в России обитает номинативная форма *M. m. merganser* (Исаков, 1952; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в лесной зоне Северной Евразии и Северной Америки, а также на Памире, Тибете и в Гималаях, где обитает особая форма *M. m. comatus* (Степанян, 2003; Коблик, Редькин, 2004а). Зимует на морских побережьях Атлантики и Пацифики, а также на южных морях, озерах и реках (Исаков, 1952).

На юге России крохали мигрируют в основном по долине Волги, реже – по Дону (Белик, Казаков, 1988; Нумеров, 1996; Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Завьялов и др., 2005). Птицы, попадающие на северный берег Каспия с Урала, дальше уходят, по-видимому, на запад, концентрируясь затем в дельте Волги и вдоль дагестанского побережья (Ковшарь, Карпов, 2011). На Черноморском побережье Кавказа эти крохали встречаются зимой нерегулярно и лишь местами (Бернацкий, 1958; Строков, 1974; Robel, 1986; Перевозов, 2014; Гордиенко, 2017; Humphrey, 2019; Тильба, Филиппов, 2020). Редки зимующие крохали и на континентальных водоемах Предкавказья, в том числе в предгорьях Карачаево-Черкесии (Россиков, 1884а; Бёме, 1926; Хохлов, 1993; Букреева и др., 1998; Моламусов, 2017; Комарова, Комаров, 1988; Казаков и др., 2004; Караваев, Хубиев, 2005). Однажды 16.10.1935 зарегистрирован также залет в горы Кавказского заповедника (Аверин, Насимович, 1938). На юге России большой крохаль встречается с сентября до конца апреля, изредка в мае, но основной пролет по рекам идет в ноябре и марте (Лорец, 1928; Казаков и др., 2004; Русанов, 2011; и др.).

В прошлом предполагалось сокращение гнездового ареала этого вида из-

за рубки лесов и уничтожения старых дуплистых деревьев, в частности в дельте Волги (Исаков, 1952). Однако опросные сведения, приведенные В.А. Хлебниковым (1928, 1930) и К.А. Воробьевым (1936) о возможном гнездовании большого крохаля, были основаны лишь на летних встречах птиц и не подтверждены находками гнезд или выводков. Детальный обзор 21 регистрации крохалей в дельте Волги в течение мая-августа в период с 1928 по 2003 г. показал (Реуцкий, 2014), что практически все встречи были с одиночными птицами, причем 15 из них пришлись на май, когда еще могут отмечаться пролетные особи, и трижды в это время встречены самцы-подранки; 4 встречи отмечены в июне, а 2 наблюдения пришлись на июль и август (14.07.1976; 04.08.1928). Поэтому все эти встречи пока не позволяют предполагать возможность гнездования больших крохалей в дельте Волги (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

Местообитания. Гнездится обычно в дуплах деревьев по берегам рыбных рек и чистых озер, предпочитая горные водоемы, где может заселять также ниши в скалах и другие укрытия. Зимой держится преимущественно на опресненных водоемах (Ковшарь, Карпов, 2011), особенно на полыньях по крупным рекам, в их устьях и на предустьевых взморьях. На заросших лиманах в Кубанских плавнях, на Сарпинских озерах, а также по Манычу крохали встречаются значительно реже (Artzibascheff, 1859, 2015; Хохлов, 1993; Букреева и др., 1998; Белик, 2004а; Букреев, Чернобай, 2011; Тильба, Мнацеканов, 2014; Очаповский, 2017; и др.).

Численность. Европейская популяция оценивается в 66,8-103,0 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают от 8-9 до 15-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). В Причерноморье на зимовку прилетает около 10 тыс. особей, а на Каспии зимует примерно 20 тыс. птиц (Scott, Rose, 1996).

Численность больших крохалей, зимовавших на полыньях и у кромки льдов на Северном Каспии в 1960-е годы, составляла в зависимости от суровости зимы от 2 до 16 тыс. особей (Кривоносов, 1972). А на весенней миграции в дельте Волги в 1963 и 1964 гг. пролетело 9,5 и 10,8 тыс. особей (Кривоносов, 1969). Во время учёта 08.11.2011 между дельтой Волги и устьем Урала отмечено около 1,5 тыс. птиц, а между Уралом и Эмбой – всего 165 птиц (Ковшарь, Карпов, 2011). В Дагестане в Кизлярском заливе обычно зимует до 2-3 тыс. птиц (Комаров, 1985; Джамирзоев и др., 2014, 2017). На прудах рыбхоза на севере Волго-Ахтубинской поймы в начале декабря 2009 г. учитывали в среднем 1,1 ос./100 га, а в конце марта 2010 г. – 4,6 ос./100 га (Гугуева и др., 2011).

Охранный статус. На юге России не имеет охранного статуса.

Отряд **Соколообразные** Falconiformes
Семейство **Скопиные** Pandionidae

71. **Скопа** *Pandion haliaetus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид Астраханской обл., предполагается гнездование в Волгоградской обл. и в Дагестане, а в Ростовской обл. и Краснодарском крае гнездовые популяции, по-видимому, исчезли. По всей Южной России встречается на весенних и осенних миграциях (Русанов, 1998, 2011; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014, 2017; Белик и др., 2014, 2016). В Причерноморье и Предкавказье местами отмечается зимой (Хохлов и др., 2001; Тильба, Мнацеканов, 2002; Очаповский, 2017).

Зоогеографические связи. Космополит неясного зоогеографического генезиса.

Таксономия. Представитель монотипического рода. Включает 4-5 подвидов; на территории России обитает только номинативный подвид, а остальные распространены в Северной Америке, на Багамах, в Юго-Восточной Азии и Австралии (Дементьев, 1951; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Северной Евразии, Северной Америке, Австралии, Австралазии. В России населяет лесной пояс, а по пойменным лесам проникает в глубь степной и пустынной зон. На юге России в прошлом скопа гнездилась по долинам Дона, Волги, Кубани, Терека и их крупных притоков (Белик, 1996а, 2014, 2017; Тильба, Мнацеканов, 2002; Мнацеканов, 2007; Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Джамирзоев и др., 2013; Белик и др., 2014; Динкевич, 2014; Очаповский, 2017; Тильба, 2017). Кроме того, скопа обитала в лесистых дельтах Сулака и Самура на побережье Каспия (Бёме, 1929; Туров, Красовский, 1933; Сыроечковский, 2005), в устьях рек по лесистым берегам Черного моря (Браунер, 1903; Дороватовский, 1913; Кудашев, 1916; Мензбир, 1925; Пузанов, 1938; Стаховский, 1938; Бернацкий, 1958), местами также на горных озерах (оз. Рица; Волчанецкий и др., 1962). Но к настоящему времени небольшая гнездовая группировка сохранилась, по-видимому, лишь в дельте Волги (Русанов и др., 1977; Русанов, 1998, 2011; Реуцкий, 2014), единичные пары еще гнездятся, возможно, в низовьях Терека (Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Джамирзоев и др., 2013), а на Волге и Дону в Волгоградской и Ростовской обл. гнездовий скопы в последние годы выявить не удалось (Белик, 1996а, 2017; Белик и др., 2014; Динкевич, 2014).

Зимует в Африке и Южной Азии, и из северных районов европейской части ареала птицы регулярно мигрируют туда через Южную Россию. Здесь пролетает много птиц также из Финляндии (Миграции …, 1982; Шмелева, Харитонов, 2016). Миграции идут обычно вдоль долин

крупных рек, а также вдоль морских побережий, но часть птиц летит широким фронтом через континентальные районы; иногда они залетают в горы (Россиков, 1884б; Туров, 1932; Безверхов, 1991; Тильба, Мнацеканов, 2002; Караваев, 2010; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015). Летом одиночные птицы нередко встречаются на степных озерах, прудах и реках, но их гнездование там маловероятно. На Черноморском побережье и по Кубани скопа изредка задерживается на зиму (Хохлов и др., 2001; Тильба, Мнацеканов, 2002; Очаповский, 2017), а в Абхазии в прошлом она считалась оседлым видом (Бернацкий, 1958).

Местообитания. Скопа – типичный дендрофил, гнездящийся, как правило, только на деревьях. Предпочитает старые сухие или суховершинящие деревья, на вершинах которых устраивает крупные гнезда. Обычно селится среди редколесий или на одиночных деревьях, что связано с обеспечением свободного подлета и слёта с гнезда. На юге России гнездилась обычно в пойменных лесах или на отдельных деревьях среди плавней. В дельте Волги селится в основном в тростниковом поясе на взморье и в лесах вдоль проток в ее нижней зоне, а также по берегам подстепных ильменей (Кривоносов, 1963; Русанов и др., 1977; Русанов, 1998). Однажды гнездо найдено там на металлической опоре ЛЭП (Динкевич, 2011).

На Черноморском побережье Кавказа в прошлом скопы гнездились в заболоченных лесах на приморских низменностях, по ущельям на склонах прибрежных гор и в пихтовом лесу на берегу оз. Рица (Браунер, 1903; Кудашев, 1916; Мензбир, 1925; Пузанов, 1938; Стаховский, 1938; Бернацкий, 1958; Волчанецкий и др., 1962).

Как облигатный ихтиофаг, скопа нуждается в близости рыбных водоемов и поэтому селится только в долинах рек, у озер или по берегам морей. В настоящее время в качестве кормовых стаций она освоила также искусственные рыборазводные пруды, на которых часто охотятся как местные, так и пролетные птицы.

Численность. Европейская популяция насчитывает сейчас 8,4-12,3 тыс. пар, а в Европейской России, в основном в северных лесах, гнездится от 2,0-4,0 до 1,0-1,1 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге же России численность скопы оценивалась в последние десятилетия в 10-20-30 пар (Белик, 2005а, 2014а).

Основная группировка сосредоточена сейчас в дельте Волги, а прежде скопа была обычна по всей ее пойме вплоть до Волгограда (Artzibascheff, 1859, 2015; Яковлев, 1872, 2015; Лорец, 1928). Но как по Волге, так и в ее дельте, численность птиц в течение XIX – XX вв. быстро сокращалась (Бостанжогло, 1911; Воробьев, 1936; Луговой, 1963), и в 1953-1954 гг. в дельте Волги они были встречены лишь 4

раза (Сыроечковский, 2005). В начале 1980-х годов там гнездилось всего 20 пар, в 1987 г. учтено 26 пар, а в 1995 г. – не более 20 пар (Русанов и др., 1983; Русанов, 1998, 2014). Севернее, в Волго-Ахтубинской пойме, последнее гнездо в Харабалинском р-не погибло в 1990-е годы (Реуцкий, 2014).

В Волгоградской обл. в начале XXI в. указывали до 10-12 пар, в том числе 3 гнезда в Волго-Ахтубинской пойме, 2 гнезда в Щербаковской излучине Волги в Камышинском р-не и 3 гнезда по Среднему и Нижнему Дону (Чернобай, 2004а), однако позже гнездовий скопы нигде там найти не удалось, несмотря на специальные исследования (Гугуева и др., 2008; Гугуева, Белик, 2013; Белик и др., 2014).

В Ростовской обл. на Нижнем Дону скопа была нередка в начале XX в. (Сарандинаки, 1909; Лерхе, 1940; Белик и др., 2012), однако уже в 1930-е годы ее здесь не отмечали (Варшавский, 1965). Но после создания Цимлянского вдхр. и строительства крупных рыборазводных прудов в пойме Дона популяция скопы начала восстанавливаться, и в 1970-е годы по Нижнему Дону было выявлено до 7 пар (Марков, 1959; Белик, 1983). Лишь в 1980-е годы, после заселения Дона орланом-белохвостом, скопа была им практически полностью вытеснена отсюда (Белик, 1996а). Последние ее жилые гнезда отмечены в 1959 г. в низовьях Сев. Донца и в 1971 г. в дельте Дона. В 1978 г. в пойме Дона в Цимлянском р-не наблюдался выводок, а на Цимлянских песках найдено также пустовавшее гнездо (Петров, 1990; Белик, 2014; Белик и др., 2014).

В дельте Кубани отдельные пары размножались в разных местах до 80-90-х годов XX в. (Тильба, Мнацеканов, 2002; Мнацеканов, 2007; Очаповский, 2017; Тильба, 2017). На Черноморском побережье Кавказа в начале XX в. скопа была обычна в лесах Имеретинской низменности и в лесах на прибрежных склонах гор в районе Адлера и Туапсе (Браунер, 1903; Кудашев, 1916; Мензбир, 1925); в 1926-1929 гг. птицы держались по горным ущельям в низовьях Мезыби и Пшады между Геленджиком и Туапсе (Пузанов, 1938; Стаховский, 1938; Белик, 2013б; Белик и др., 2017); 14.07.1959 охотившаяся скопа наблюдалась у Новороссийска, а в 1933 г. гнездо было известно на оз. Рица близ Главного Кавказского хребта (Волчанецкий и др., 1962); наконец в 40-50-е годы XX в. пара скоп регулярно гнездилась на берегу оз. Инкит на мысе Пицунда в Абхазии (Бернацкий, 1958; Белик, 2015).

В Дагестане в дельтах Терека и Сулака в 1980-е годы было отмечено гнездование 3 пар (Пишванов, Прилуцкая, 1988); в 1990-е годы оценки численности скопы увеличились там до 6-8 пар (Джамирзоев и др., 2000), но затем было высказано предположение о гнездовании всего

2-3 пар (Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Исмаилов, 2012), хотя до этого по всему Тереку была известна находка лишь единственного жилого гнезда в 1967 г. близ г. Гудермес в Чечне (Анисимов, 1989).

Охранный статус. Скопа включена в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория). Занесена в Красные книги всех регионов Южной России, кроме Северной Осетии, а также Ставропольского края, где она почему-то исключена из 2-го издания Красной книги (2013). В прошлом основной угрозой было уничтожение скопы как вредителя рыбоводства. Браконьерский отстрел птиц нередко отмечается и в настоящее время. Существенное значение имеет сокращение кормовых ресурсов в реках, дефицит подходящих для гнездования деревьев, беспокойство осторожных птиц в гнездовой период. Но сейчас важнейшим фактором во многих районах стало вытеснение скопы из ее гнездовых участков более сильным конкурентом – интенсивно расселяющимся в последние десятилетия орланом-белохвостом, который отбирает у скопы ее добычу и занимает гнезда.

Семейство **Ястребиные** Accipitridae

72. Осоед обыкновенный *Pernis apivorus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид лесистых районов бассейна Дона и Волги, лесов Северного Кавказа и Предкавказья; возможно гнездится также в пойме Волги на севере Астраханской обл.; в Калмыкии отмечается только на пролете (Птушенко, 1938; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014; Белик и др., 2014, 2016). Имеются неподтвержденные указания о встречах осоедов зимой у Кисловодска и на Черноморском побережье Кавказа (Шитиков и др., 2001; Шариков и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в Западной Евразии от Атлантики до Оби. На юге России обитает в лесах на севере Ростовской обл. и северо-западе Волгоградской обл. к востоку до долины Волги и, возможно, на р. Еруслан на севере Заволжья (Белик и др., 2014). На Северном Кавказе населяет широколиственные леса предгорий и низкогорий от Краснодарского края к востоку до Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, а также Абхазии. Восточнее переходит в пойменные леса равнинных рек (Белик, 2014), кроме того местами встречается в искусственных степных лесах Предкавказья (Белик, Пекло, 1989; Белик, 2009а; Ильюх, 2014).

Зимует в Африке, и через всю Южную Россию идет массовый пролет осоедов, гнездящихся на севере в лесном поясе Европы. Здесь, в частности, мигрирует много птиц из Финляндии (Шмелева, Харитонов, 2016). Птицы летят через степное Предкавказье и Поволжье широким фронтом в меридиональном направлении, пересекают горы Кавказа через многочисленные перевалы и собираются на Черноморском побережье в узкий поток, огибающий Черное море с востока. Все осоеды из Заволжья огибают Каспийское море по его западному берегу (Бостанжогло, 1911). Миграции идут днем, обычно стаями, часто вместе с коршунами и канюками, от которых осоедов визуально не всегда отличают. Стаи летят от термика к термику на значительной высоте, а на ночевку спускаются в леса, лесополосы, сады и т.п. Прилет поздний, обычно в мае, а на юг птицы в массе отлетают в конце августа - начале сентября. В лесах на юге России на лето иногда остается много неполовозрелых и холостых осоедов (Белик, 2009а).

Местообитания. Гнездится в мозаичных лесах разного типа: горных, пойменных, аренных, водораздельных, а также в искусственных степных лесонасаждениях. В горах Западного Кавказа прослежен на гнездовье до 800-1200 м н.у.м. (Птушенко, 1938; Белик, 2000, 2001, 2019). Предпочитает густые участки леса для гнёзд, а кормится на кустарниковых и травянистых опушках и полянах, где выслеживает ос и других общественных перепончатокрылых, охотится на прямокрылых. Охотно посещает сухие песчаные редколесья с разреженными псаммофильными кустарниками, где обитает много бумажных ос.

Численность. Вся популяция в Европе насчитывает сейчас 118-171 тыс. пар, а в Европейской России гнездится 60-80 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивалась в 500-1000 пар (Белик, 2005а, 2014а), в том числе 30-50 пар гнездилось в Ростовской обл. (Белик, 1996а, 2000а, 2014); 200-300 пар – в Волгоградской обл. (Гугуева, Белик, 2013; Белик и др., 2014; Белик, 2017). На Ставрополье обитает не более 5 пар (Хохлов, Ильюх, 2013), в Адыгее – не более 5-7 пар (Перевозов, 2012), в Карачаево-Черкесии – не более 10-20 пар (Караваев, Хубиев, 2013), в Чечне и Ингушетии – 15-20 пар (Гизатулин, Ильюх, 2000). Следует, однако, отметить, что из-за скрытности в летний период, судя по нашим наблюдениям (Белик, 2000, 2019), осоед в лесистых горах Кавказа явно недоучитывается; кроме того, его популяции могут сильно флуктуировать в зависимости от погодных условий и численности перепончатокрылых (Галушин, 1971; Мальчевский, Пукинский, 1983).

В пойменных лесах на Среднем Дону гнездится до 4 пар/10 км длины долины, а по Сев. Донцу – 8 пар на 200 км длины долины (Ветров,

Белик,1996; Белик, 2005). В Волгоградской обл. в поймах крупных притоков Дона обилие составляет 7–10 пар/100 км^2 (Белик и др., 2014).

Осоед в большом числе пролетает через Южную Россию в период миграций, особенно осенью. Его стаи достигают 50-100, иногда 200-500 особей, при этом на перевалах Кавказа учитывают до 500-600 птиц за день (Поливанов и др., 1985; Мнацеканов, 1998; Караваев, 2010), а на побережье Черного моря в Абхазии в середине сентября учитывали до 320-440 птиц за день (Jähme, 1965; Белик, 2015).

Охранный статус. Включен как редкий вид (3 категория) в Красные книги Ростовской и Волгоградской обл., Ставропольского края, Адыгеи и Карачаево-Черкесии, а также Северной Осетии (1 категория) и Ингушетии (2 категория). Помимо редкости, уязвимость осоеда связана также с его узкой трофической специализацией, низким репродуктивным потенциалом и спонтанно пульсирующей численностью.

73. Коршун красный *Milvus milvus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид, добытый всего 5-6 раз в Ростовской обл., в Краснодарском крае, Северной Осетии и Абхазии (Белик, 2010). Еще в ряде регионов красный коршун регистрировался визуально, что не исключает ошибок в его видовом определении (Белик, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. Западную Европу населяет номинативный подвид, а вторая эндемичная форма обитает на островах Зеленого Мыса в Атлантике (Дементьев, 1951; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Западной Европе и Средиземноморье, а зимует в южных районах гнездового ареала; местами ведет оседлый образ жизни. Прежние представления о гнездовании этого вида на Кавказе, в том числе в Краснодарском крае в районе Сочи (Штегман, 1937; Дементьев, 1951; Степанян, 2003), были основаны на залетных или пролетных особях, которые в прошлом, возможно, прилетали на зимовку в Колхиду из Украины и Прибалтики (Chrabryj et al., 1989; Snow, Perrins, 1998; Белик, 2010).

По мнению Э.А. Эверсмана (1866, с.37), в XIX в. красный коршун очень редко встречался на юге России «около южной Волги». Позже М.Н. Богданов (1871, 1874) выразил сомнения в возможности его появления в Поволжье, вызвав дискуссию с В.Е. Яковлевым (1872, 1874, 2015, 2016), предполагавшим возможность залетов этих птиц из бассейна Дона, где красного коршуна отмечал Н.А. Северцов (1855). Но затем М.А. Мензбир (1895) указал, что на Дону красными коршунами

Н.А. Северцов ошибочно считал ярких красно-бурых особей черного коршуна, а на Волге и Урале за них могли быть приняты черноухие коршуны *M. melanotis* (=*M. migrans lineatus*), распространенные восточнее, в Азии. Никаких встреч красного коршуна в последующем на Волге не регистрировали (Белик, 2010). Но в полевых условиях с ним иногда могут быть спутаны залетные восточные черные коршуны *M. m. lineatus*. Такие ошибки неоднократно отмечались, например, в Закавказье (В.Ю. Ананян, личн. сообщ.).

Достоверные находки красного коршуна к настоящему времени отмечены 16.08.1926 в районе Адлера, в сентябре 1898, 1916 и 1917 г. в окрестностях Владикавказа и 10.09.1964 в дельте Дона, а также 14.04.1948 в Пицунде в Абхазии (Бёме, 1926; Бутурлин, 1929; Бернацкий, 1958; Харченко, 1968; Белик, 1910). Кроме того, в Краснодарском крае птиц наблюдали 04.09.1955 в Геленджике, 23.09.1996 в Адлере и 05.05.2002 среди пролетных черных коршунов в низовьях р. Челбас (Квартальнов, 2004; Тильба, 2006; Очаповский, 2017). В Ставропольском крае они встречены в апреле 1985 г. и 12.09.1986 в низовьях р. Кумы (Хохлов, 1995). В Кабардино-Балкарии птиц регистрировали 04.05.1957 и 25.09.1960 (Моламусов, 2017), а в Северной Осетии – 28.03.1976; 13.04.1976; 11.04.1978 и 17.10.1982 (Комаров, 1985, 1986).

К сожалению, визуальное определение многих из этих птиц недостаточно надежное, поскольку за красного коршуна могли принимать похожего на него пролетного *M. m. lineatus*, отличающегося белыми основаниями первостепенных маховых перьев (см.: Мензбир, 1895; Алфераки, 1910; Абуладзе и др., 2003). Особое сомнение вызывают встречи птиц в Кабардино-Балкарии (Моламусов, 1961, 2017), поскольку в своих прежних работах Х.Т. Моламусов (1959), отмечая красного коршуна, совсем не упоминал обычного в Предкавказье черного коршуна (см.: Иванов, Дмитриев, 1961; Белик, 2010).

Местообитания. Гнездится в старых лиственных и смешанных лесах среди открытых равнинных или холмистых сельскохозяйственных ландшафтов: лугов, пастбищ, полей (Дементьев, 1951; Nicolai, 1997).

Численность. Европейская популяция красного коршуна насчитывает сейчас 25,2-33,4 тыс. пар, обитающих в основном в Германии (12-18 тыс. пар), где наблюдается сокращение популяции; в то же время в Польше, где гнездится 1,5-1,8 тыс. пар, отмечают рост численности (European birds …, 2017). В России, в Калининградской обл., гнездится всего 1-6 пар (Гришанов, 2010; Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020), а на юге России – это случайный, нерегулярный мигрант.

Охранный статус. Занесен в Красную книгу России (2001) как вид, нахо-

дящийся в России под угрозой исчезновения (1 категория). В региональных Красных книгах Южной России отсутствует.

74. Коршун черный *Milvus migrans* (Boddaert, 1783)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, распространенный во всех регионах Южной России, кроме Карачаево-Черкесии, где отмечается только на миграциях (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014; Белик и др., 2014, 2016). В Предкавказье сейчас начали формироваться массовые зимовки коршуна (Ильюх, Хохлов, 2010).

Зоогеографические связи. Предположительно тропический вид Афро-Ориентального генезиса. В тропиках сосредоточены 5 из 7 подвидов, и лишь две обособленные формы (*M. m. migrans* и *M. m. lineatus*) обитают в Северной Евразии (Dickinson, Remsen, 2013), расселившись по Палеарктике, вероятно, в постплейстоцене из европейских и китайских рефугиумов.

Таксономия. Включает 6-7 подвидов, из которых на юге России гнездится номинативная форма, образующая в Заволжье широкую зону интерградации с сибирским *M. m. lineatus*, отличающимся более бурой, менее рыжей окраской контурного оперения, более темной головой и широким беловатым полем на основаниях первостепенных маховых перьев (см.: Бостанжогло, 1911; Дементьев, 1951; Степанян, 2003). Этот подвид изредка встречается на востоке Волгоградской обл. и в низовьях Волги (Аргиропуло, 1928; Хлебников, 1928; Белик и др., 2014), а в период миграций и на зимовке нередко появляется в Восточном Предкавказье (Бёме, 1926; А.Д. Липкович, личн. сообщ.) и наблюдается на пролете в Закавказье (Сатунин, 1907; Белик, 2010; В.Ю. Ананян, личн. сообщ.).

Распространение. Населяет Евразию, Африку и Австралию. На юге России гнездится повсеместно в бассейнах Дона и Волги и по рекам степного и лесостепного Предкавказья. Лишь в предгорьях Карачаево-Черкесии по Кубани и ее притокам гнездовья коршуна не найдены (Хубиев, Караваев 2010; Белик, 2019). В Заволжье он заселяет лесополосы и другие насаждения Приэльтонья, а также леса по р. Еруслан (Завьялов и др., 2005; Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2014).

Зимуют коршуны в Южной и Передней Азии и в Африке, куда мигрируют широким фронтом через все регионы Южной России. Птицы из северных регионов летят через степное Предкавказье и Поволжье в меридиональном направлении (Шмелева, Харитонов, 2016), пересекают горы Кавказа через перевалы, но на Черноморское побережье они выходят в основном в Абхазии (Белик, 2015), а в Краснодарском крае их пролет сейчас сравнительно слабый (Тильба, 1999б, 2006).

Миграции слабо выражены также на Нижнем Дону, и лишь в юго-восточных районах Ростовской обл. и Ставропольского края и далее к востоку наблюдается массовый пролет коршунов, гнездящихся, вероятно, в верховьях Волги и в Приуралье (Бёме, 1926; Маловичко и др., 2003; Белик, 2004а; Маловичко, Константинов, 2008). Коршуны из Заволжья огибают Каспийское море по его западному берегу (Бутьев и др., 1983).

Миграции идут днем, обычно стаями, часто вместе с канюками и осоедами. Стаи летят от термика к термику на значительной высоте, а на ночевку спускаются в леса, лесополосы, сады и т.п. Прилет ранний, обычно в марте-апреле, а на зимовку птицы в массе отлетают в конце августа - начале сентября. В связи с потеплением климата массовые зимовки начали формироваться сейчас на свалках вокруг городов в Восточном Предкавказье (Комаров, 1990; Хохлов и др., 1997; Khokhlov, Komarov, 1997; Парфенов и др., 2005; Комаров, Шевцов, 2018). Впервые они отмечены в Северной Осетии и Дагестане еще в начале XX в. (Бёме, 1926; Банников, 1948; Равкин и др., 1990), а сейчас постепенно распространяются на запад (Маловичко, Константинов, 2008; Ильюх, Хохлов, 2010; Караваев, 2010; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015). С 1997 г. коршуны отмечаются зимой и на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2006).

Местообитания. Гнездится, как правило, на деревьях в различных равнинных лесонасаждениях, предпочитая пойменные и галерейные леса вдоль крупных и малых рек. Местами нередок в искусственных степных лесах и в лесополосах, особенно в полупустынях Заволжья. Обычно кормится на реках и других водоемах, где собирает погибшую рыбу; часто охотится также на грызунов, ящериц, слётков птиц и насекомых на сенокосах и пастбищах в степи, лугах и полях; нередко держится вдоль автотрасс, где подбирает сбитых животных.

Численность. Европейская популяция насчитывает сейчас 81,2-109,0 тыс. пар, в том числе в Европейской России гнездится 30-50 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность птиц оценивалась в 1-2 тыс. пар, а позже – в 0,5-1,0 тыс. пар (Белик, 2005а, 2014а). В Ростовской обл. их популяция насчитывала 400-600 пар (Белик, 1995, 2000а), на Ставрополье гнездится около 200 пар (Ильюх, Хохлов, 2010), в Калмыкии – от 10-20 до 30-40 пар (Белик, 2007; Цапко и др., 2009; Музаев, 2013). В Предкавказье в целом численность оценивается в 400 пар (Ильюх, Хохлов, 2010).

На Кубани, а также в низовьях предгорных рек коршун в прошлом был довольно обычен (Мнацеканов, Тильба, 1988; Емтыль и др., 1993; Казаков, 2016а, 2016б), но сейчас он стал там повсеместно редок (Белик,

2019). В пойме Среднего Дона в 1980-е годы на 25 км^2 выявлено 23 гнездовых участка, располагавшиеся вдоль реки в среднем в 1 км друг от друга, а на Сев. Донце гнездилось 125-130 пар на 200 км длины долины, но уже тогда наблюдалось сокращение численности птиц (Белик, 1995, 2005; Ветров, Белик, 1996). В степном Придонье и Предкавказье во второй половине XX в. численность коршуна начала возрастать в результате расселения по искусственным лесонасаждениям, но и в них уже в 1970-е годы отмечено снижение обилия (Белик, 1995, 2009а, 2014).

В Нижнем Поволжье в прошлом коршун был особенно многочислен. М.Н. Богданов (1871) и В.Н. Бостанжогло (1911), например, были очень удивлены множеством этих птиц, живших в Астрахани и дельте Волги; обычны коршуны были и выше по долине Волги, а летом 1869 г. много птиц М.Н. Богданов (1871) наблюдал также в глинистых степях от Сарепты до Саратова. То же отмечали и другие исследователи XIX в. (Artzibascheff, 1859, 2015; Яковлев, 1872, 2015). В дельте Волги коршун численно доминировал над всеми хищниками вплоть до середины XX в., нередко гнездясь там колониями по 3-5 пар (Бостанжогло, 1911; Воробьев, 1936; Луговой, 1963). Но в середине XX в. отмечено значительное сокращение его численности (Кривоносов, 1963), в 1974 г. он оказался немногочислен, а к началу XXI в. стал редок и был включен в Красную книгу Астраханской обл. (Реуцкий, 2004, 2014; Русанов, 2011). Сейчас коршун редок и на севере Волго-Ахтубинской поймы, где на 70 км маршрута по Волге ниже Волгограда 15.08.1992 были встречены всего 1 пара и 2 одиночки (Гугуева и др., 2008; Белик, 2016). В начале XXI в. эти птицы оказались редки или вовсе отсутствовали также и по равнинным рекам на правобережье Волги, и только в Приэльтонье еще регулярно встречали их гнездовья и стаи холостых птиц (Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2014).

На зимовке в предгорьях Центрального Кавказа у свалок и скотомогильников сейчас местами собираются тысячные стаи черных коршунов (Комаров, Шевцов, 2018; А.Д. Липкович, личн. сообщ.).

Охранный статус. Как вид, сокращающий численность (2 категория), коршун включен в Красные книги Астраханской обл. и Калмыкии. Причины деградации европейских популяций связаны, прежде всего, по-видимому, с вторичной интоксикацией птиц пестицидами, нефтепродуктами и тяжелыми металлами при поедании животных, погибших на полях и в водоемах, а также сбитых на автотрассах (Белик, 2000а, с.251-252). Заметное снижение численности коршунов наблюдается в последние десятилетия во многих регионах Европы, в отли-

чие от азиатской части ареала (Tucker, Heath, 1994; Белик, 2000а; Белик и др., 2003; Birds in Europe …, 2004).

75. Лунь полевой *Circus cyaneus* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Пролетный и зимующий вид всех регионов Южной России, гнездование которого ранее предполагалось в Волгоградской обл., Калмыкии и в некоторых других областях (Кукиш, 1982; Петров и др., 1982; Белик и др., 1993, 2014, 2016; Чернобай, 2004а; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, Гугуева, 2016; Федосов, 2016).

Зоогеографические связи. Широко распространенный голарктический вид, проникший в Неарктику, по-видимому, из Старого Света, где находится метрополия группы близких светлых луней (Коблик, Мосалов, 2016). Более узкие зоогеографические связи требуют специального анализа; возможно – это представитель лугово-болотного фаунистического комплекса Китайского типа фауны, в плиоцен-плейстоцене расселившийся на восток – в Северную Америку, где затем в изоляции успел выделиться в особую форму, а в постплейстоцене из Китая проник также на запад Палеарктики.

Таксономия. Включает 2 подвида: обитающую в Евразии номинативную форму и североамериканский *C. c. hudsonius* (Дементьев, 1951; Степанян, 2003). Неарктическая форма сейчас рассматривается иногда как самостоятельный вид (см.: Коблик, Мосалов, 2016).

Распространение. Умеренный пояс Евразии от Атлантики до Тихого океана и к северу до кустарниковых тундр (Рябицев, 2001). Южная граница гнездового ареала проходит через Липецкую, Пензенскую и Ульяновскую обл. и Башкирию (Климов и др., 2004; Сарычев, 2009; Белик, 1998; Белик, Гугуева, 2016а; Фролов, 2017), а южнее этот лунь изредка может еще встречаться на севере Воронежской, Саратовской, Самарской и Оренбургской обл. (Белик, 1998; Барабашин, 2004б; Венгеров, 2018).

Большинство же сообщений о гнездовании полевого луня в степной зоне связаны зачастую с ошибками при визуальном определении светлых луней, особенно их самок и молодых птиц, а также с заблуждениями при определении коллекционных сборов, поскольку в некоторых справочниках из-за опечаток были неверно указаны диагностические признаки разных видов луней (Белик и др., 1993; Милобог, Ветров, 2008). Кроме того, самки и молодые полевые луни, которые начинают миграцию на зимовки иногда уже в начале августа, попадая летом в степные районы (Сарандинаки, 1909; Белик и др., 1993, 2012), тоже могут вести к ошибочной трактовке таких встреч. Хотя нельзя исключать и некоторого смещения южной границы ареала полевого луня к

северу из-за антропогенной трансформации ландшафтов и потепления климата в XX в. Некритичное же цитирование и тиражирование чужих непроверенных данных только усугубляет ситуацию с выяснением исконного ареала полевого луня (Соколов, 2016; Федосов, 2016).

Как известно, еще П.П. Сушкин (1908) аргументировано показал отсутствие гнездовий полевого луня в степной зоне на севере Казахстана; не находили их и в соседних районах Западного Казахстана (Корелов, 1962; Шевченко и др., 1978). Не обнаружили гнездовий этого луня при специальных исследованиях также в Нижнем Поволжье, Придонье, Предкавказье и Калмыкии (Варшавский, 1952, 1965; Иванов, Чунихин, 1959; Иванов, Дмитриев, 1961; Мельгунов и др., 1983; Мельгунов, Бичерев, 1984; Белик и др., 1993, 2014; Белик, Гугуева, 2016а; Соколов, 2016; Федосов, 2016; и др.).

Не удалось найти гнездовий полевого луня и в Симбирской губернии в Среднем Поволжье (Житков, Бутурлин, 1906). Даже в верховьях Дона, в Тульской и Орловской обл., полевой лунь был редок и спорадичен, а утверждения о его широком распространении там, по мнению О.А. Харузина (1926, с.349), объяснялись ошибками в определении птиц в полевых условиях: «… при определении же на глаз, на расстоянии, смешать степного и полевого луня ничего не стоит. Крайне вероятно поэтому, что последний из них, являющийся более известным видом, и указывается многими авторами в качестве обычной гнездящейся птицы для тех мест, где он в действительности не гнездится вовсе или лишь очень редко».

На юге России полевой лунь отмечается на пролете и зимовках во всех степных регионах; он регулярно пролетает через горы (Насимович, 1955; Караваев, 2010; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015) и появляется на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015; Тильба, Лупинос, 2016). Массовая миграция идет также вдоль западного побережья Каспия (Бутьев и др., 1983). Летят птицы в дневные часы, широким фронтом, обычно в одиночку или небольшими группами, невысоко над землей, охотясь по пути, но иногда поднимаются в термиках на значительную высоту. Направление осенней миграции в Придонье преимущественно на юг, изредка на запад, а в Поволжье птицы летят в основном на запад, реже на юг и юго-запад (Белик и др., 1993; Белик, Гугуева, 2016а).

Местообитания. На гнездовании полевой лунь связан обычно с лесом: зарастающими вырубками и гарями, большими луговинами и полянами среди леса, открытыми участками возле крупных лесных массивов, а также с лугами и болотами, поросшими мелколесьем, редкими деревьями и кустами (Богомолов, 2008). На миграциях и зимовках

охотится на полях, лугах, в степи, а ночует обычно среди бурьянников или зарослей болотных макрофитов. При этом в Придонье охотящиеся самцы предпочитают степи, песчаные террасы рек, люцерновые поля, а самки чаще держатся в поймах рек с разреженными тростниками, камышами и высокотравьем (Белик и др., 1993).

Численность. Европейская популяция насчитывает сейчас 30,0-54,4 тыс. пар, причем ее основная часть обитает в Европейской России, где гнездится 20-45 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На миграциях и зимовках на юге России луни распределены весьма неравномерно, и их численность сильно флуктуирует по годам, так что иногда зимующие луни здесь почти не встречаются. Это связано в основном с обилием грызунов и их доступностью для луней из-за наличия или отсутствия снежного покрова, суровости зим, а также, возможно, с различиями в репродуктивном успехе птиц в разные годы в гнездовом ареале.

Обилие луней зимой на Нижнем Дону составляет 0,03-1,30, в среднем 0,69 ос./км^2, а при вспышках численности грызунов на юге Ростовской обл. учитывали до 3,0 ос./км^2, но к северу от Нижнего Дона, где проходит линия устойчивого снежного покрова, зимующие луни более редки (Белик и др., 1993). На севере Волго-Ахтубинской поймы обилие луней в период массовой миграций составляло 0,44-0,50 ос./км^2, а к ноябрю там оставалось 0,16 ос./км^2 (Белик, Гугуева, 2016а). На осеннем пролете самцы составляют около 20% всех луней, а зимой их доля возрастает до 30-50% (Белик и др., 1993).

Охранный статус. На юге России не имеет особого охранного статуса.

76. Лунь степной *Circus macrourus* (S.G. Gmelin, 1771)

Характер пребывания. В прошлом степной лунь гнездился, вероятно, во всех степных регионах Южной России, но в XX в. здесь почти повсеместно исчез и сейчас лишь эпизодически, в ходе инвазий, появляется на гнездовье в Волгоградской, реже – в Ростовской обл. (Ветров, 1990, 1992; Белик и др., 1993, 2014; Белик, 1995, 1996а, 2014; Линдеман и др., 2005; Белик, Гугуева, 2014, 2016б; Федосов, 2016), а на остальной территории регулярно отмечается на миграциях, но в Предкавказье иногда также зимует (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 1993, 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Приурочен к степной зоне Евразии от Румынии до

Енисея, но регулярно гнездится также в лесостепной и полупустынной зонах. Кроме того, этот лунь периодически выселяется далеко на север, вплоть до тайги и тундр, а также на юг в пустынную зону (Морозов, Брагин, 2005). Однако на западе степной зоны его ареал в течение XX в. значительно сократился, на Украине и в Предкавказье его гнездовья исчезли, практически не осталось их в Придонье и Поволжье, и лишь местами они сохранились в Заволжье, а стабильные поселения находятся сейчас только в Приуралье, на юге Западной Сибири и в степях Казахстана (Соколов, 2017).

В большинстве степных регионов Южной России степной лунь гнездился вплоть до 60-70-х годов XX в., но затем быстро исчез сначала в Предкавказье (Иванов, Чунихин, 1959; Мельгунов и др., 1983; Мельгунов, Бичерев, 1984), после – в Придонье (Давыгора, Белик, 1990; Белик и др., 1993) и Заволжье (Линдеман и др., 2005). Хотя в Приазовье снижение его численности было замечено еще в начале XX в. (Сарандинаки, 1909), а во многих районах Украины сокращение популяций и исчезновение гнездовий степного луня прослежено в первой половине XX в. (см.: Зубаровський, 1977).

Сейчас к западу от Казахстана гнездовья степного луня изредка появляются, но затем быстро исчезают только при локальных, эпизодических инвазиях в Волгоградской, Воронежской, Рязанской обл., (Ветров, 1990, 1992; Горюнов, 2008; Сапельников и др., 2008; Белик, Гугуева, 2014, 2016б; Соколов, 2017). Возможно, с такой же инвазией связана и находка гнезда в 1999 г. на юго-востоке Ставропольского края (Оганов, 2008), однако, учитывая сложность визуального определения самок светлых луней, она без документальных подтверждений не была утверждена фаунистической комиссией. В Саратовской обл., в верховьях р. Иловли, где в полях у границ Волгоградской обл. в 1984 г. наблюдалась высокая численность мышевидных грызунов, в течение 07-23.07.1984 мною было учтено 8 самцов степного луня, хотя их гнездовий выявить тогда не удалось (Белик и др., 1993).

Зимует степной лунь в Африке и на юге Азии (Дементьев, 1951; Соколов, 2017), куда мигрирует через все регионы Южной России. Имеются указания о зимовке этого луня также в Предкавказье и Прикаспии (Бёме, 1926; Аверин, Насимович, 1938; Луговой, 1963; Самородов, 1981; Эдиев, Хохлов, 1993; Хохлов, 1995; Хохлов и др., 2001; Парфенов, 2007); есть сведения о его зимних встречах и в Крыму (Костин, 1983; Прокопенко и др., 2016), но в Грузии степной лунь отмечен зимой лишь несколько раз и только в конце февраля после очень теплых, бесснежных зим, вероятно, уже на весенних миграциях (Abuladze, 2013).

Миграции идут днем, широким фронтом, обычно в одиночку, изредка небольшими группами, но весной и осенью иногда встречаются четкие пары из самца и самки. Птицы летят невысоко над землей, охотясь по пути, но нередко поднимаются в термиках на большую высоту. Направление миграций преимущественно меридиональное, однако осенью часть птиц летит на юго-запад, а весной – на восток и северо-восток (Белик и др., 1993; Белик, Гугуева, 2016б). Весенние миграции, идущие на восток, прослеживаются и по материалам кольцевания (Миграции …, 1982; Шмелева, Харитонов, 2016), что позволяет предполагать кольцевой перелет луней через Северо-Западную Африку.

Степные луни пересекают Кавказ через перевалы, но сейчас в горах встречаются редко (Вуккерт, 1995; Комаров, Липкович, 2000; Караваев, 2010; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015), хотя в первой половине XX в. даже на Западном Кавказе они были обычны (Сушкин, 1914; Аверин, Насимович, 1938), а в Закавказье в начале XX в. доминировали по численности среди других пролетных луней (Баньковский, 1913; цит. по: Abuladze, 2013). В середине XX в. пролетные луни были обычны и на Черноморском побережье, но сейчас отмечаются там лишь случайно (Бернацкий, 1958; Тильба, 2006; Белик, 2015). Выраженная миграция сохранилась только вдоль западного берега Каспия (Бутьев и др., 1983; Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

Местообитания. В Заволжье, Приуралье и Казахстане эти луни явно предпочитают сухие комплексные степи с небольшими заросшими водоемами в балках и долинах рек или с заболоченными степными лиманами, на которых среди тростника, осоки или пырея птицы, как правило, гнездятся (Березовиков и др., 2000; Давыгора, 2001; Брагин, 2003; Брагин, Брагин, 2016; Федосов, Федосов, 2016; Соколов, 2017). А при высокой численности грызунов они заселяют также разнообразные степные стации, включая бурьянистые залежи, посевы зерновых культур и многолетних трав, местами – поляны среди лесополос (Брагин, Брагин, 2016; Соколов, 2017).

При высоком весеннем половодье на степных водоемах луни могут переходить к гнездованию среди степных кустарников (Батряков, 2018). Аналогичные местообитания избираются лунями и при их инвазиях из Казахстана на запад (Ветров, 1990; Сапельников и др., 2008; Белик, Гугуева, 2014). Нередко гнездятся разреженными колониями до 10 и более пар. Охотятся луни в различных открытых ландшафтах. На них же они держатся и в периоды миграций, часто преследуя там мелких птиц.

Численность. Европейская популяция насчитывает сейчас 300-1140 пар,

из которых за пределами европейской части России учтено всего 40 пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Но на юге России численность степного луня в начале XXI в. составляла, по экспертным оценкам, не более 10-50-100 пар (Белик, 2005а, 2014а), причем в периоды между инвазиями они здесь практически не гнездились. В азиатской части России обитает около 3-4 тыс. пар, а в Казахстане – 5,7-8,0 тыс. пар (Давыгора, 2001; Galushin et. al., 2003). Обилие луней в степном Приуралье составляет в среднем 2,2-6,2 пар/100 км^2, а в оптимальных условиях на севере Казахстана – от 6,0 до 25,0 пар/100 км^2 (Davygora, Belik, 1994; Брагин, 2003). В Серафимовичском р-не Волгоградской обл. на полях озимой пшеницы в 1988 г. загнездилось не менее 30 пар с плотностью более 10 пар/км^2, но в 1989 г. луней там не оказалось (Ветров, 1990, 1992).

До середины XX в. степной лунь был обычен в Волгоградской обл., гнездясь в окрестностях Сарепты (Лорец, 1928), по пойме р. Иловля и по балкам в Дубовском р-не на правобережье Волги (Птушенко, 1949; Спангенберг, 1949), а также в бурьянниках по залежам и степным западинам вдоль р. Еруслан в степном Заволжье (Юдин, 1952). В полупустынях Заволжья в 1952-1953 гг., при вспышке численности степной пеструшки (*Lagurus lagurus*) и общественной полёвки (*Microtus socialis*), обилие луней увеличилось с 0,1 ос./25 км автомаршрута в 1950 г. до 17,8 ос./25 км в 1953 г. (Ходашова, 1960), а в 1964-1967 гг. в Приэльтонье при размножении полёвок загнездилось до 7 пар на 400 га Джаныбекского стационара. Но позже, с исчезновением грызунов, в Заволжье исчезли и степные луни (Линдеман и др., 2005).

На Нижнем Дону в начале XX в. степной лунь являлся наиболее обычным, самым многочисленным видом из всех гнездящихся луней (Белик и др., 2012). В первой половине XX в. он считался фоновым видом Донских, Сальских и Калмыцких степей, и осенью 1934 г. в Сальских степях на юго-востоке Ростовской обл. в районах с высокой численностью мышевидных грызунов встречали до 5 ос./25 км маршрута (Варшавский, 1952, 1965). В Приманычье летом 1956 г. учитывали в среднем 0,3 ос./10 км маршрута, но затем при подъеме численности общественной полевки в 1957 г. там регистрировали уже 1,4-2,2 ос./10 км (Козлов, 1960). До середины XX в. степной лунь в массе заселял также всю Калмыкию и степное Предкавказье, по-видимому, кроме предгорий (Богданов, 1879; Сарандинаки, 1909; Бёме, 1926; Орлов, Фенюк, 1927; Спангенберг, 1951; Волчанецкий, 1959; Даль, 1959; Козлов, 1960).

Не исключено, однако, что суждения о высокой численности степного луня на юге Восточной Европы в прошлом были основаны, прежде

всего, на наблюдениях его периодических инвазий, связанных с массовыми вспышками численности мышевидных грызунов. Так, в Сальских степях много степных луней появилось в 1934 г. при интенсивном размножении обыкновенной полевки (*Microtus arvalis*), а в 1949 г., когда вновь повсеместно размножились эти грызуны (Миронов и др., 1978), степные луни в массе держались по р. Иловля, в степях на правобережье Волги и по р. Еруслан в Волгоградском Заволжье (Птушенко, 1949; Спангенберг, 1949; Варшавский, 1952; Юдин, 1952). Много луней было в 1957 г. в Приманычских степях, где тогда тоже отмечали рост популяций общественной полевки (Козлов, 1960).

Высокая численность степного луня в полупустынях Заволжья в 1952-1953 и 1964-1967 гг. тоже была однозначно связана с массовыми размножениями мышевидных грызунов (Ходашова, 1960; Шевченко и др., 1978; Линдеман и др., 2005). Мощные колебания численности степного луня, достигающие 5-10-кратного масштаба, которые обусловлены территориальным перераспределением этих номадных птиц в зависимости от региональных флуктуаций кормовой базы, всегда наблюдались и в степях на севере Казахстана (Осмоловская, Формозов, 1952; Брагин, 2003; Соколов, 2017).

Охранный статус. В Красную книгу России (2001) был занесен как вид, сокращающий свою численность (2 категория), но сейчас переведен в 3 категорию (Приказ …, 2020). Включен в Красные книги большинства регионов Южной России, кроме горных республик Северного Кавказа (Адыгея, Северная Осетия, Ингушетия), а также Ставропольского края, где этот лунь исключен из 2-го издания Красной книги (2013).

В качестве основных причин, вызвавших сокращение ареала и численности степного луня в XX в., помимо распашки целинных степей, могло стать широкое применение фосфида цинка в 50-70-е годы в качестве родентицида при борьбе с грызунами (Белик, 1997, 2000а), а также произошедшее в тот же период почти полное вымирание массовых видов степных грызунов (степной пеструшки, общественной полевки и обыкновенного хомяка *Cricetus cricetus*), служивших луням основой кормовой базы и не восстановивших свои популяции до сих пор (Линдеман и др., 2005). В результате тогда могла исчезнуть вся западная популяция степного луня, кочевавшая в прошлом в европейских степях, тогда как сохранившаяся восточная группировка по-прежнему придерживается в основном сибирско-казахстанских степных регионов.

77. Лунь луговой *Circus pygargus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 1993, 2016; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик,

2014; Белик, Гугуева, 2016б; Федосов, 2016). Имеется ряд сомнительных указаний о зимних встречах лугового луня в Предкавказье, но они не подтверждаются специальными исследованиями (Иванов, Чунихин, 1959; Белик и др., 1993; Ильюх, 2009).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Западной Евразии от Атлантики до Казахстана и верховий Енисея. На юге России заселяет равнинные и предгорные степные территории всех регионов (Иванов, Чунихин, 1959; Иванов, Дмитриев, 1961; Мельгунов и др., 1983; Мельгунов, Бичерев, 1984; Белик и др., 1993, 2014; Белик, 1995, 2005, 2014; Ильюх, Хохлов, 2010; Караваев, Хубиев, 2013; Реуцкий, 2014; Белик, Гугуева, 2016б; Очаповский, 2017), но в Западном Предкавказье сейчас практически исчез (Атлас …, 2020). По естественным и искусственным водоемам местами проникает в полупустынные районы Калмыкии и Заволжья (Линдеман и др., 2005; Амосов, 2010, 2015; Белик и др., 2014; Реуцкий, 2014; Белик, 2015). В Карачаево-Черкесии в недавнем прошлом луговой лунь гнездился среди озимых полей или заболоченных участков (мочажин) на степных горных склонах в Зеленчукском р-не (Мельгунов и др., 1983).

Зимует в Африке и на юге Азии. На миграциях пролетает через всю Южную Россию, изредка встречается в горах (Комаров, Липкович, 2000; Караваев, 2010; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; Белик, 2019) и на Черноморском побережье Кавказа (Бернацкий, 1958; Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015). Выраженный пролет наблюдается также вдоль западного побережья Каспия (Бутьев и др., 1983).

Весной прилетает последним из луней в апреле-мае, а на зимовку отлетает первым – обычно уже в августе-сентябре. Как и у других луней, миграции идут широким фронтом, в дневные часы, но более выражены они по вечерам. Птицы летят в одиночку, изредка небольшими группами, но иногда встречаются пары из самца и самки. Летят они невысоко над землей, охотясь по пути, однако днем нередко поднимаются в термиках на большую высоту. Направление миграций преимущественно меридиональное, но в Поволжье весной они часто летят также на северо-восток, а в Заволжье – в основном на восток (Белик и др., 1993; Белик, Гугуева, 2016б). Весенние миграции, идущие на восток, подтверждают и данные кольцевания (Шмелева, Харитонов, 2016), что позволяет предполагать кольцевой перелет этих луней, как и степных, через Северо-Западную Африку.

Неоднократно сообщалось о зимних встречах лугового луня в Предкавказье (Россиков, 1884а; Мельгунов, Бичерев, 1984; Хохлов и др., 1991, 2001; Эдиев, Хохлов, 1993; Хохлов, 1995; Забашта, 1998; Казаков, Забашта, 1999; Комаров, Липкович, 2000; Динкевич, 2003; Ильюх, 2009; Моламусов, 2017). Однако анализ представленных данных свидетельствует, что они основаны или на случайных задержках больных особей, или, скорее, на ошибках в визуальном определении встреченных птиц, прежде всего самок и молодых полевых луней, а нередко и на заблуждениях в идентификации добытых птиц из-за опечаток в определителях, о чем сказано выше (Иванов, Чунихин, 1959; Белик и др., 1993; Федосов, 2016).

Местообитания. Гнездится обычно среди густого высокотравья или осоки на влажных или заболоченных местах по долинам рек, днищам балок, степным лиманам и понижениям, в бурьянистых зарослях на залежах у хуторов и ферм, а также среди посевов зерновых культур, особенно на орошаемых полях или близ водохранилищ. В лесостепи гнезда устраивает иногда на высокотравных прогалинах среди кустарников, а в засушливых районах нередко заселяет тростники по руслам рек, берегам прудов и озер, на разливах у оросительных каналов и т.п. В Карачаево-Черкесии на степных склонах гор отмечался до высоты 1500 м н.у.м. (Мельгунов и др., 1983). В подходящих местах иногда гнездится разреженными колониями до 10-20 пар и больше. Охотится обычно на целинных степных участках, в волнистых песках по шлейфам долин, в полях, на жнивье и т.п., где добывает мышевидных грызунов, ящериц, слетков птиц и насекомых.

Численность. Европейская популяция насчитывает сейчас 54,5-92,2 тыс. пар, а в Европейской России гнездится 20-40 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в начале XXI в. численность оценивалась в 5-10 тыс. пар (Белик, 2005а), в том числе от 1,0-1,5 до 2,6 тыс. пар было в Ростовской обл.; не менее 2,0-3,0 тыс. пар в Волгоградской обл.; более 2,0 тыс. пар на Ставрополье, в основном в лесостепных ландшафтах на Ставропольской возвышенности, где держится около 75% всех местных птиц; 100-300 пар могут гнездиться в Калмыкии; не более 2-10 пар – в предгорных районах Карачаево-Черкесии. Всего в Предкавказье обитает около 4 тыс. пар (Белик, 1995, 2000а, 2007; Ильюх, Хохлов, 2010; Караваев, Хубиев, 2013; Белик, Гугуева, 2016б).

Региональная численность луней значительно флуктуирует по годам из-за колебаний плотности населения мышевидных грызунов. Так, на Нижнем Дону при депрессиях в популяциях грызунов в июле-августе

учитывали в среднем 1,7-1,9 луней на 25 км маршрута, а при вспышках численности мышей обилие луней возрастало до 10,0 ос./25 км (Варшавский, 1952). В Калачской излучине Дона в августе 1996 г. обилие птиц достигало 0,68 самцов/10 км автомаршрута, а в мае 1999 г. – 1,21 самцов/10 км, но в июне 2009 г. там встречали в среднем лишь 0,10 самцов/10 км, т.е. не более 1-2 птиц за день (Белик, Гугуева, 2016б).

В бассейне Среднего Дона луговой лунь наиболее обычен в Волго-Медведицком междуречье, где в 2008 г. учитывали в среднем 0,32-0,33 самцов на 10 км маршрутов, а местами – до 0,56-1,17 самцов/10 км. Значительно реже эти луни встречались на северо-западе и совсем редко – на самом севере Волгоградской обл., где в последние десятилетия они испытывают усилившийся хищнический пресс со стороны тетеревятника, тогда как еще в 1975-1976 гг. луни были там вполне обычны, и летом их обилие достигало в среднем 1 самец на 10 км маршрутов (Белик, Гугуева, 2016б). Примерно такое же обилие было в 70-80-е годы и на севере Ростовской обл., но сейчас численность луней там по тем же причинам заметно снизилась (Белик и др., 1993). На Приволжской возвышенности на границе Волгоградской и Саратовской обл. в конце XX - начале XXI в. на стационарах учитывали от 5-6 пар на 400 км^2 и 4-6 пар на 350 км^2 до 8 пар на 240 км^2 и 5 пар на 126 км^2 (Галушин и др., 1996, 1999; Лукьянов, 1999; Земляной, Мосейкин, 2000; Завьялов и др., 2005).

В полупустынях Заволжья луговой лунь встречается спорадично. Обычен он там лишь в низовьях р. Еруслан, где в 1949-1950 гг. учитывали до 2 пар на 1,5 км берега пруда с тростниковыми зарослями (Юдин, 1952), а в конце XX – начале XXI в. на лиманах в районе с. Дьяковка в Саратовской обл. гнездилось не менее 14-20 пар, или 12,7 пар/100 км^2 (Завьялов и др., 2005). В Приэльтонье луговой лунь постоянно гнездился в первой половине XX в., но в 1960-е годы из-за усыхания степных лиманов он сильно снизил свою численность, а в 1990-е годы из-за прекращения орошения стал очень редок (Линдеман и др., 2005). В 2013-2014 гг. в Волгоградском Заволжье в гнездовой период учитывали в среднем 0,07-0,12 самцов/10 км маршрутов: больше – на севере и меньше – в полупустынных районах на юге области (Белик, Гугуева, 2016б).

В Западном Предкавказье с почти полностью распаханными территориями луговой лунь очень редок, а в Центральном Предкавказье с пересеченным рельефом и значительной площадью целинных степей обилие луней, по материалам И.Л. Мельгунова и др. (1983), достигает 1 пары/30 км^2. В Калмыкии на Ергенях, где гнездовые стации редки, но много корма, обилие луней в 1978 г. достигало 5-8 пар на 5 км

длины долины реки, или 0,1-0,2 пар/км^2 (Белик и др., 1993).

Луговые луни были нередки также на Цимлянских песках, где они гнездились на заболоченных участках по обширным котловинам или подовым долинам, а охотились в песчаных степях по шлейфам долин, реже – в бугристых песках. В 1978 г. там учитывали около 7 пар/100 км^2; примерно такая же численность птиц наблюдалась там в 1983, 1993 и 1998 гг., но в 1994 и 2002 гг. луней в песках почти не было. Довольно много луговых луней гнездится также среди Арчединских песков на Среднем Дону, где тоже нередки подовые долины с озерами (Белик, Гугуева, 2016).

Охранный статус. Как редкий вид, включен в Красную книгу Карачаево-Черкесии (3 категория). Но на юге России в целом обитает достаточно крупная популяция, до конца XX в. не демонстрировавшая выраженных негативных трендов (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). Однако в последнее время на севере Ростовской обл. и северо-западе Волгоградской обл. численность луней значительно снизилась, по-видимому, из-за хищнического пресса тетеревятника, а в полупустынях Заволжья этот лунь сейчас стал очень редок из-за усыхания степных лиманов, а затем и прекращения орошения в 1990-е годы (Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2014; Белик, Гугуева, 2016б). Спад орошаемого земледелия вызвал трехкратное сокращение численности этих луней и в Приманычье (Федосов, 2009). Поэтому в настоящее время этот лунь нуждается, очевидно, в организации особой охраны на региональном уровне.

78. Лунь болотный *Circus aeruginosus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, частично зимующий в степном Предкавказье и дельте Волги (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2014, 2016; Реуцкий, 2014; Федосов, 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 2 подвида, в том числе номинативный, обитающий в Европе и Азии, и *C. a. harterti*, гнездящийся в Северо-Западной Африке. Раньше болотного луня объединяли в один вид с восточным лунем *C. spilonotus*, распространенным в Восточной Сибири и Юго-Восточной Азии (Дементьев, 1951; Степанян, 1990).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Западной Евразии от Атлантики до Казахстана и Байкала. На юге России повсеместно распространен в равнинных и предгорных ландшафтах всех регионов, особенно в поймах и дельтах крупных рек: Волги, Терека, Кубани,

Дона. На обширных водоразделах кружево ареала более разреженное, но во второй половине XX в. в связи с интенсивными гидромелиоративными работами этот лунь широко расселился и по малым степным рекам, а также по прудам и оросительным каналам в степной и полупустынной зонах. В Волгоградском Заволжье спорадично встречается по рекам, прудам и лиманам, имеющим заросли макрофитов, особенно в низовьях р. Еруслан. В предгорьях и на возвышенностях тоже гнездится редко, спорадично (Л. Бёме, 1925, 1926; Юдин, 1952; Р. Бёме, 1958; Белик, 1995, 2014; Хохлов, 1995; Завьялов и др., 2005; Ильюх, Хохлов, 2010; Комаров и др., 2011; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Ильюх, 2016; Федосов, 2016; Моламусов, 2017; Очаповский, 2017).

Зимует болотный лунь в основном в Африке и по югу Азии, а на юге России в прошлом встречался зимой редко (Дементьев, 1951). Но во второй половине XX в. в Предкавказье местами сформировались постоянные зимовки, особенно многочисленные в Приазовье и на побережье Каспия в Дагестане (Ильюх, Хохлов, 2010; Джамирзоев и др., 2014; Очаповский, 2017); в теплые зимы луни остаются на зиму также в дельте Волги (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014), но на Черноморском побережье Кавказа они появляются, наоборот, лишь в особо холодные зимы, откочевывая с севера (Бернацкий, 1958; Тильба, 1999б, 2006). В суровые зимы они залетают иногда также глубоко в горы Карачаево-Черкесии и Ингушетии (Ткаченко, Витович, 1997; Джамирзоев и др., 2014). Однако в долине Маныча и в Калмыкии этих луней зимой уже практически нет (Самородов, 1981; Кукиш, 1982; Близнюк, 2004; Федосов, 2016), не зимуют они и в Волгоградской обл. (Чернобай, 2004а), а в Ростовской обл. очень редко встречаются зимой лишь в дельте Дона (Маркитан и др., 2010).

Сезонные миграции идут днем, широким фронтом через всю Южную Россию, в том числе через горы, и осенью луни в значительном числе летят вдоль Черноморского побережья Кавказа (Бернацкий, 1958; Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015). Выраженный пролет идет и вдоль западного побережья Каспия (Бутьев и др., 1983). Птицы мигрируют в одиночку или небольшими группами, обычно невысоко над землей преимущественно в меридиональном направлении, но на Ставрополье весной летят также на северо-восток и восток (Мельгунов, Бичерев, 1984).

Местообитания. Гнездится обычно в зарослях тростника, реже среди рогоза или осоки на самых различных водоемах, особенно в обширных плавнях в низовьях крупных рек, однако больших, сплошных массивов тростника этот лунь обычно избегает (Русанов, 2011). На соленом

оз. Маныч-Гудило, где не осталось тростников, эти луни иногда гнездятся в траве на островах (Казаков, 1974). Они встречаются практически на всех степных реках и озерах, поросших макрофитами, но в Предкавказье в последнее время отдают предпочтение искусственным водоемам (прудам, каналам, водохранилищам), а естественные заселяют менее охотно (Мельгунов, Бичерев, 1984; Ильюх, 2016). Озера в лесистых поймах рек на севере Ростовской и Волгоградской обл. эти луни тоже заселяют реже (Белик, 1995).

Охотятся эти птицы обычно на грызунов в степи и полях вблизи водоемов, а в обширных плавнях контролируют в основном окраины зарослей, где обычно концентрируются выводки лысух, уток и других водоплавающих птиц (Русанов, 2011).

Численность. Европейская популяция насчитывает 99,3-184,0 тыс. пар, в том числе 40-60 тыс. пар гнездится в Европейской России (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность болотного луня в начале XXI в. оценивалась в 5-15 тыс. пар (Белик, 2005а), в том числе в Ростовской обл. гнездится от 1,0-3,0 тыс. до 6,6 тыс. пар (Белик, 1995, 2000а), численность в Волгоградской обл. можно оценить сейчас в 4,0-6,0 тыс. пар, в Калмыкии обитает 0,5-1,0 тыс. пар (Белик, 2007), на Ставрополье – около 350 пар (Мельгунов и др., 1983), а всего в степном Предкавказье гнездится около 1000 пар (Ильюх, Хохлов, 2010).

Популяция болотного луня на юге России сейчас относительно стабильна, в некоторых регионах она увеличивается, и только в дельте Волги в конце XX в. заметно снизилась из-за повышения уровня Каспия и сокращения площади, занятой зарослями макрофитов (Белик и др., 2003; Реуцкий, 2014).

Охранный статус. На юге России не имеет особого охранного статуса. Местами уничтожается как вредитель охотничьего хозяйства (Близнюк, 2004).

79. Тетеревятник *Accipiter gentilis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся оседлый вид большинства регионов Южной России, частично кочующий в послегнездовой период, лишь в Астраханской обл. встречается только зимой (Белик, 2003, 2014; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2014, 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 9-11 подвидов. На юге России в бассейнах Дона

и Волги гнездится номинативный подвид, а на Кавказе, в Предкавказье и Крыму – более мелкий и темный *A. g. caucasicus*, очень яркий, рыжебрюхий в гнездовом наряде (Дементьев, 1951; Степанян, 2003). Подобные птицы были найдены также в Липецкой обл. (Санин, 2017), что свидетельствует, вероятно, об интенсивном расселении кавказских птиц на север. Осенью в Предкавказье изредка залетает северотаёжный, крупный и светлый *A. g. buteoides*. Подобных белых птиц добывали в Астрахани, Северной Осетии, Пятигорске, Ростове (Дементьев, 1951; Бёме, 1958).

Распространение. Населяет Северную Евразию и Северную Америку. На юге России обитает в лесах на севере Ростовской обл. и северо-западе Волгоградской обл. к востоку до долины Волги и, возможно, р. Еруслан на севере Заволжья (Завьялов и др., 2005), а также в лесах Северного Кавказа и Предкавказья (Белик, 2000а, 2003а, 2014; Белик и др., 2014). Во второй половине XX в. европейские и кавказские популяции начали расселяться в степную зону с севера и юга навстречу друг другу по естественным и искусственным лесонасаждениям (Белик, 1995, 2003, 2009а; Друп и др., 2005; Ильюх, Хохлов, 2010; Музаев и др., 2016). В настоящее время где-то в бассейне Дона ареалы двух подвидов вошли в соприкосновение (Санин, 2017), но их пространственные взаимоотношения пока практически не прослежены.

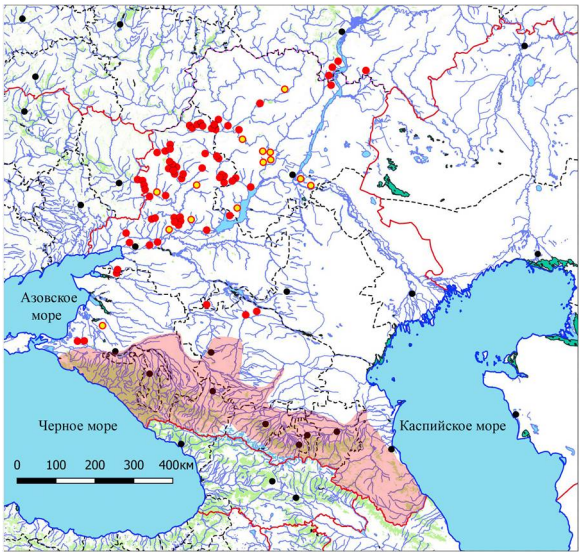


Рис. 23. Гнездовой ареал тетеревятника, известные места его гнездования (красные пуансоны) и летних встреч (красно-желтые пуансоны) на юге России

Птицы заселили сейчас практически всё степное Предкавказье вплоть до долины Маныча, где гнездятся местами даже в узких полезащитных лесополосах (Музаев и др., 2016), а в Волгоградской обл. ястреб достиг Волго-Ахтубинской поймы (Гугуева и др., 2008; Белик и др., 2014) и, возможно, проник по ней в Астраханскую обл., где раньше на гнездовании не встречался (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Его гнездовья отсутствуют сейчас лишь в безлесных полупустынных районах Калмыкии и Заволжья (Линдеман и др., 2005; Белик, 2007; Белик и др., 2014).

Взрослые птицы на юге России ведут, как правило, оседлый образ жизни, весь год контролируя свои гнездовые участки, а молодняк в послегнездовой период кочует, отлетая обычно к югу и зачастую концентрируясь там у городов и посёлков, где лучше обеспечен кормом (голубями, врановыми, домашней птицей). На зиму в бассейн Дона чаще прилетают ястреба с северо-запада, со стороны Финляндии (Шмелева, Харитонов, 2016). Но однажды в Ростовской обл. осенью обнаружили ястреба, окольцованного птенцом 7 лет назад в Екатеринбургской обл. (Миграции …, 1982).

Местообитания. Гнездится в старых и средневозрастных лесах различного типа и породного состава: в горных, водораздельных, байрачных, аренных, пойменных. В бассейне Дона изначально предпочитал сосняки на песчаных террасах рек, но затем стал заселять поймы рек и даже небольшие искусственные лесопосадки в балках. В горах Кавказа обитает в широколиственных и смешанных лесах, а в степном Предкавказье сейчас гнездится в различных лесонасаждениях и полезащитных лесополосах. Экологически приспособлен к охоте в густых лесах, прежде всего, на тетеревиных и других лесных птиц, но сейчас освоил охоту на размножившихся врановых птиц, на голубей, куропаток и других степных птиц, за которыми часто вылетает в поля и степь, используя при этом самые различные приемы охоты (Белик, 2003г).

Численность. Европейская популяция насчитывает 166-220 тыс. пар, в том числе от 90-110 до 40-50 тыс. пар гнездится в Европейской России (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в начале XXI в. популяция оценивалась в 1,5-2,0 тыс. пар, демонстрировавших выраженные положительные тренды (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). В Ростовской обл. первые гнезда найдены в 1984 г., в конце 1980-х годов здесь гнездилось уже 50-100 пар, в 1990-е – более 300 пар, а в начале XXI в. – 350-500 пар (Белик, 1995, 2000а, 2003а). В Волгоградской обл. в начале XXI в. численность была оценена нами в 150-250 пар. На Северном Кавказе во второй половине XX в. популяция ястреба за 30 лет увеличилась примерно в 10 раз (Белик, 2003в), а в степном Предкавказье в начале XXI в. она достигла

300 пар (Ильюх, Хохлов, 2010).

Но в начале XXI в. в Ростовской обл. и в более северных регионах наметилась тенденция к сокращению численности тетеревятника (Белик, 2014), связанному, очевидно, с исчезновением кормовых ресурсов (врановых птиц). Этот процесс наглядно прослежен в Черноземье (Санин, 2017; Пантелеев и др., 2020). А в Ростовской обл., по моим наблюдениям, часть известных гнездовых участков уже к 2004 г. опустела, снизилась и плодовитость размножавшихся пар. Расселение же и увеличение численности продолжалось, вероятно, лишь на границе ареала в сухостепной зоне, где в лесополосах и в пойме Волги еще сохранилась высокая численность врановых, голубей и других птиц средних размеров. Но сейчас и там их популяции быстро деградируют, а грачевники исчезают даже в лесополосах среди степей Калмыкии.

Обилие ястреба в лесных массивах Ростовской обл. в конце XX в. составляло в среднем 6,6-9,0 пар/100 км^2, а местами гнездилось до 2-3 пар/10 км^2; в целом же по северу области плотность населения достигала 0,8-1,7 пар/100 км^2 (Белик, 2003а). По Сев. Донцу на 200 км длины долины в 1980-е годы учтено 30-35 пар, в том числе найдены гнезда 13 пар (Ветров, Белик, 1996). В степном Предкавказье обилие в целом оценивали в 0,17 пар/100 км^2, а в лесах на Ставропольской возвышенности гнездились 0,1 пара/км^2 (Ильюх, Хохлов, 2010). В горных лесах Западного Кавказа учитывали 1-2 ос./км^2 (Поливанов, 2000; Перевозов, 2010), а в сосняках Северной Осетии – 0,1-0,2 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003). В Тебердинском заповеднике в 1980-е годы гнездились 3-4 пары на 25 км длины ущелья, при размерах участков до 15 км^2 (Витович, 1985). В Приэльбрусье в верховьях Кубани, в очагах расселения горного суслика, в июле 2015 г. нами было учтено не менее 7 выводков на 30 км^2.

Охранный статус. Включен в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). Но в последние десятилетия в лесных ландшафтах на юге России сформировались две достаточно крупные популяции, расселяющиеся с севера (*A. g. gentilis*) и с Кавказа (*A. g. caucasicus*) в степную зону (Белик, 2003; Друп и др., 2005; Ильюх, Хохлов, 2010) и не нуждающиеся здесь в особой охране.

80. Перепелятник *Accipiter nisus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый и пролетный вид большинства регионов Южной России, частично кочующий в послегнездовой период, но в Астраханской обл. встречающийся лишь на миграциях и зимой (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014; Белик и др., 2014, 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 7 подвидов. В Европейской России обитает номинативный подвид (Дементьев, 1951; Степанян, 2003).

Распространение. Населяет Северную Евразию от Атлантики до Тихого океана. На юге России обитает в лесах северной половины Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона (Варшавский, 1965; Ветров, Белик, 1996; Белик, 1999, 2000а; Белик и др., 2001), а также на северо-западе Волгоградской обл. к югу до низовий р. Иловля, а к востоку до долины Волги и р. Еруслан на севере Заволжья, куда ястреб проник сравнительно недавно (Завьялов и др., 2005; Белик и др., 2014). Широко населяет он также леса Северного Кавказа и спорадично встречается в степном Предкавказье, расселившись в последние десятилетия к северу до долины Маныча (Друп и др., 2005; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2011; Белик, 2014). Но однажды 11.06.1991 гнездо перепелятника с кладкой найдено на Ергенях в Калмыкии – в заброшенном саду близ Элисты (Музаев и др., 1992).

Отсутствует перепелятник в безлесных полупустынных районах Заволжья и Калмыкии (Линдеман и др., 2005; Белик, 2007; Белик и др., 2014). Для Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги гнездование перепелятника указывал Н.Д. Реуцкий (2014), но его описания встреч и находок гнезд свидетельствуют, что это были, скорее всего, не перепелятники, а тювики. Во всяком случае, на севере Волго-Ахтубинской поймы гнездовий перепелятника обнаружить не удалось (Гугуева и др., 2008; Белик, 2016). Не находил их в Астраханской обл. и Г.М. Русанов (2011).

Зимует перепелятник в районах гнездования, частично откочевывает к югу. На юг России прилетают на зимовку также птицы из более северных регионов; здесь же наблюдаются и их достаточно выраженные осенние и весенние транзитные миграции. Пролет идет днем, обычно в одиночку, на различных высотах в субмеридиональном направлении, в том числе через горы. Заметные миграции наблюдаются вдоль Черноморского побережья Кавказа и западного берега Каспия (Бутьев и др., 1983; Тильба, 1999б; Белик, 2015); на Каспий нередко попадают перепелятники с северо-востока – из Заволжья и Приуралья (Миграции …, 1982; Шмелева, Харитонов, 2016).

Местообитания. Гнездится в лесах различных типов и разного породного состава: лиственных, смешанных, светло- и темнохвойных, в горах, на равнинах, в поймах рек. В бассейне Дона и Волги охотно заселяет молодые и средневозрасные сосновые леса, а также загущенные

молодняки в поймах рек; изредка, нерегулярно гнездится в искусственных степных лесонасаждениях, иногда даже в лесополосах (Музаев и др., 1992; Друп и др., 2005; Ильюх, Хохлов, 2010). Охотится обычно на лесных опушках, преимущественно на мелких птиц (Белик, 2008), нередко посещает колонии ласточек, а в осенне-зимний период часто держится в городах и посёлках.

Численность. Европейская популяция насчитывает 403-582 тыс. пар, в том числе от 160-180 до 100-150 тыс. пар гнездится в Европейской России (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в начале XXI в. популяцию оценивали в 2,0-5,0 тыс. пар, демонстрировавших положительные тренды в степных регионах (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). В Ростовской обл. численность в 1980-е годы составляла 10-50 пар, а в 1990-е – около 100 пар (Белик, 1995, 2000а). В Калмыкии найдено одно гнездо, а общая численность оценивается в 5-15 пар (Музаев и др., 1992; Белик, 2007). В степном Предкавказье предполагается гнездование 150 пар при среднем обилии 0,08 пар/100 км^2 (Ильюх, Хохлов, 2010).

В горах Кавказа обилие колеблется в пределах 2,5-3,4 ос./км^2 в темнохвойных лесах, 0,6-6,2 ос./км^2 в сосняках и 1,0-1,6 ос./км^2 в лиственных насаждениях (Тильба, Казаков, 1985; Поливанов, 2000; Комаров, Хохлов, 2003), но эти результаты маршрутных учетов в какой-то мере, по-видимому, завышены, к тому же численность перепелятника в последние десятилетия в горных лесах могла значительно снизиться из-за хищнического пресса размножившегося тетеревятника. В молодых сосновых посадках в Дьяковском лесу на р. Еруслан в Заволжье в 1990 г. обитало до 10 пар, а в 2002 г. выявлено 7 охотничьих участков, или 6,36 пар/100 км^2 (Завьялов и др., 2005).

Охранный статус. На юге России не имеет особого охранного статуса.

81. Тювик европейский *Accipiter brevipes* (Severtzov, 1850)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейнов Дона и Волги и Восточного Предкавказья, а на Западном Кавказе, в Краснодарском крае, Адыгее и Карачаево-Черкесии, тювик встречается только на миграциях (Белик, 1986; Белик, Ветров, 1998, 1999; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2014, 2016). Имеются указания о встречах птиц на юге России в зимний период (Миноранский, Харченко, 1967; Забашта, 1998; Комаров и др., 2011).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид. Ранее в ранге европейского подвида

относился к обширному, политипическому афро-ориентальному ястребу *A. badius* (Дементьев, 1951).

Распространение. Гнездится на юго-западе Евразии от Балкан, Малой Азии и Закавказья к северу до бассейнов Дона, Волги и Урала. На юге России населяет Ростовскую, Волгоградскую и Астраханскую обл., Калмыкию и долины рек Восточного Предкавказья (Самур, Сулак, Терек, Малка, Кума и др.) к западу до Пятигорска (Сомов, 1892; Р. Бёме, 1958; Белик, 2014), в Дагестане проникает в низкогорья (Л. Бёме, 1933; Ветров, Христаев, 1990; Белик, Насрулаев, 2019). В Предкавказье благодаря охране и адаптации к гнездованию в антропогенных местообитаниях тювик в конце XX в. значительно увеличил свою численность и начал расселение на северо-запад, достигнув городов Ипатово – Городовиковск – Сальск, а также Орловского р-на Ростовской обл. и Элисты (Федосов, 2006, 2013; Музаев, 2013; Хохлов, Ильюх, 2013; Белик, 2014).

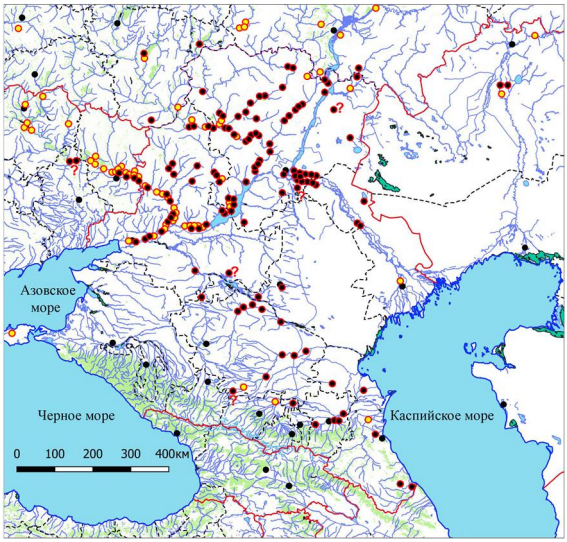


Рис. 24. Находки гнезд тювика на юге России и Украины и в Западном Казахстане в XIX-XX вв. (красно-желтые пуансоны) (по: Белик, Ветров, 1998, 1999) и гнездовые встречи с конца XX в. (красно-черные точки)

В бассейне Среднего и Нижнего Дона во второй половине XX в. тювик гнездился в поймах всех крупных и средних рек к югу до Ростова (Варшавский, 1965; Белик, 1983, 1986, 1995, 1996а, 2014; Ветров, Белик, 1996; Белик, Ветров, 1998; Сиденко, 2000), а также по малым рекам, имеющим песчаные террасы (Калитва, Быстрая, Чир, Иловля и

др.), но сейчас в северных районах Ростовской и Волгоградской обл. встречаются лишь единичные пары (Белик, 2003; Белик и др., 2014; Соколов, 2019). Тювик заселяет также байрачные и нагорные леса на третичных песках Приволжской возвышенности, проникая вдоль правобережья Волги от Ульяновска и Саратова к югу до балок Тингута и Годжур в Калмыкии на северо-востоке Ергеней (Антончиков, 2006; Бородин, 2015; Белик, 2017; В.М. Музаев, В.Н. Федосов, личн. сообщ.).

Тювик заселяет также всю Волго-Ахтубинскую пойму вплоть до Астрахани (Seebohm, 1882; Музаев, 2013; Белик и др., 2014; Реуцкий, 2014; Белик, 2016; Цапко, 2017), изредка гнездится в Заволжье, в том числе по р. Еруслан на границе с Саратовской обл. (Юдин, 1952; Мосейкин, Семихатова, 2008), а также в лесополосах Николаевского р-на Волгоградской обл. (1914 г.), у Финогенова пруда в Приэльтонье (2014-2015 гг.), по балкам у оз. Баскунчак в Астраханской обл. (Белик, 2012). Несомненно, тювику, а не перепелятнику принадлежало и гнездо, найденное 05.05.2003 на одиночной ветле у канала в Александровогайском р-не на крайнем юго-востоке Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005, с.58-59).

Зимует в Африке и Передней Азии (Дементьев, 1951). Мигрирует на зимовку широким фронтом через всю Южную Россию; летит обычно в одиночку, днем, на различной высоте, в субмеридиональном направлении, в том числе через горы, выходя на Черноморское побережье Кавказа и направляясь дальше в облёт моря (Россиков, 1888; Бернацкий, 1958; Белик, Ветров, 1999; Тильба, 1999; Караваев, 2010; Караваев и др., 2015; Моламусов, 2017). Весной миграции идут обычно в конце апреля – начале мая, а осенью – в конце августа – сентябре. Имеются также отдельные сообщения о встречах одиночных тювиков на юге России зимой (Миноранский, Харченко, 1967; Забашта, 1998; Казаков, Забашта, 1999; Комаров и др., 2011; Опарин, Опарина, 2016). Однако из-за очень большого внешнего сходства с перепелятником тювик на пролете отмечается редко, и при визуальном определении этих мелких ястребов не исключены ошибки.

Местообитания. Гнездится в основном в светлых лиственных лесах, обычно на сухих гривах в прирусловых поймах рек, в лесных колках на песчаных террасах, а в Восточном Предкавказье и Калмыкии освоил также гнездование в искусственных лесонасаждениях, в том числе в городских парках, иногда в лесополосах. Охотится в основном из засады на опушках, открытых полянах, дорогах и просеках. Важным требованием является наличие сбитых, вытоптанных, низкотрав-

ных участков, где более эффективна охота на ящериц, грызунов, насекомых.

Численность. Европейская популяция насчитывает сейчас 3,5-6,9 тыс. пар, в том числе для Европейской России указано от 0,7-1,0 до 2,0-2,8 тыс. пар. Значительные группировки приводятся для Азербайджана (0,5-1,0 тыс. пар), Турции (0,3-1,0), Греции (1,0-2,0), Болгарии (0,2-0,5) и Румынии (0,6-0,9) (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Но в конце XX в. только на юге России было до 1,0-2,0 тыс. пар (Белик, 2005а), а всего в России тогда гнездилось не менее 1,5-3,0 тыс. пар (Galushin, 1994; Snow, Perrins, 1998; Мищенко и др., 2004; Birds in Europe …, 2004).

В Ростовской обл. в 1980-е годы обитало 200-300 пар; примерно такое же количество населяет сейчас Волгоградскую обл. (Белик, 1995, 2017), а в Волго-Ахтубинской пойме от Волгограда до Астрахани общая численность тювика может быть оценена, как минимум, в 1000 пар. В Калмыкии гнездится не менее 30-50 пар (Белик, 2007; Цапко и др., 2009; Музаев, 2013), в Ставропольском крае – около 150 пар (Хохлов, Ильюх, 2013), в Дагестане – 100-150 пар (Джамирзоев, Букреев, 2009), но эти оценки, по-видимому, значительно занижены (Белик и др., 2011).

Обилие птиц в пойме Нижнего и Среднего Дона и Хопра в 1980-е годы составляло в среднем 1-2 пары/км^2 леса, но в конце XX в. численность птиц здесь повсеместно снизилась, местами вплоть до почти полного исчезновения (Белик, 1986, 1995, 2003, 2014; Белик, Ветров, 1998). В Волго-Ахтубинской пойме на севере Астраханской обл. в 1992 г. найдено 6 гнездовых участков на 5 км берега реки (Белик, 2016), а в Калмыкии у пос. Цаган-Аман в июле 2014 г. были учтены 4 одиночные птицы на 2 км берега Волги (Цапко, 2017).

Сейчас в Волгоградской обл. на севере Волго-Ахтубинской поймы обилие птиц достигает 1 пары/км^2 пойменных лесов, однако после их заселения тетеревятником в 2010-е годы там тоже отмечено снижение численности тювика (Гугуева и др., 2008; Белик и др., 2014; Белик, 2017). По Сев. Донцу в 1980-е годы на 200 км длины долины было учтено 90-100 пар, гнездившихся местами в 150 м друг от друга (Ветров, Белик, 1996). На Тереке у Моздока в Северной Осетии обилие птиц составляло не менее 5 пар/10 км^2, а вдоль Кумы у г. Нефтекумск на востоке Ставрополья 4-5 пар гнездились на участке 250×30 м (Ильюх, Хохлов, 2010). Наконец, в с. Дивное Ставропольского края в Приманычье на дачном массиве площадью 115 га в 2010 г. успешно гнездилось 11 пар, а в 2011 г. – 12 пар, т.е. около 10 пар/км^2, что в 5-10 раз выше обилия в оптимальных биотопах в пойме Дона. Всего же на дачах у с. Дивное было закартировано 19-20 гнездовых участков

(Белик, Федосов, 2010; Белик и др., 2011).

Охранный статус. Как редкий вид (3 категория) занесен в Красную книгу России (2001) и включен во все региональные Красные книги Южной России, кроме Северной Осетии, а также Краснодарского края и Адыгеи, где тювик не гнездится. В бассейне Дона в конце XX в. этот ястреб испытал мощное хищническое воздействие тетеревятника, расселявшегося с севера в леса степной зоны, и в результате ареал и численность тювика резко сократились. Однако защищать его от указанного негативного биогеоценотического воздействия практически невозможно. Сейчас же популяция тетеревятника на юге России начала сокращаться, и можно ожидать частичное восстановление ареала тювика.

– **Перепелятник малый** *Accipiter gularis* (Temminck et Schlegel, 1844)

Характер пребывания. Малого перепелятника ошибочно, по недоразумению внесли в фауну Южной России (Самородов, 1981, 1989), но позже он был исключен из фаунистических списков (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель Маньчжурского фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 2-3 подвида, обитающие в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится на юге Восточной Азии от Оби и Алтая до Японии и Кореи; зимует в Юго-Восточной Азии (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013). Для Южной России указан лишь Ю.А. Самородовым (1981) в качестве зимующей птицы Ставрополья со ссылкой на С.М. Федорова (1955), хотя в действительности последний упоминал для Ставропольского края малого ястреба, или перепелятника *Accipiter nisus* (Федоров, 1955, с.172-173).

Местообитания. Гнездится в разных типах лесов, преимущественно в мозаичных лиственных и смешанных долинных лесонасаждениях.

Численность. В Приморье птицы обычны, но в Сибири встречаются редко (Дементьев, 1951).

Охранный статус. В России в целом особого охранного статуса не имеет.

82. Зимняк *Buteo lagopus* (Pontoppidan, 1763)

Характер пребывания. Пролетный и зимующий вид всех регионов Южной России (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Включает 4 подвида. На юге России зимует номинативный

европейский подвид, но повсеместно встречается также более крупный и светлый сибирский *B. l. menzbieri*, а в Восточном Предкавказье обе формы зимой имеют примерно одинаковую численность (Л. Бёме, 1926; Дементьев, 1951; Р. Бёме, 1958; Моламусов, 2017).

Распространение. Гнездится в тундрах и лесотундрах Евразии и Северной Америки, откуда улетает на зимовку в пустынно-степные регионы Евразии и Америки. На юге России встречается на пролете и зимовке во всех регионах бассейна Дона и Волги и в степном Предкавказье (Белик и др., 2016), изредка залетает в горы Кавказа (Комаров, Липкович, 2000; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; Моламусов, 2017), а также на Черноморское побережье (Тильба, 1999б, 2006; Тильба, Лупинос, 2016). Судя по данным кольцевания, на юг России прилетают птицы как с северо-запада из Фенноскандии, так и с северо-востока из тундр Западной Сибири (Миграции …, 1982; Шмелева, Харитонов, 2016).

Птицы зимуют на юге нерегулярно, что определяется состоянием и глубиной снежного покрова, а также обилием кормовой базы (численностью мышевидных грызунов) в разных регионах степной зоны (Ильюх, Хохлов, 2010). С этим же связано неравномерное распределение птиц на зимовке, которые при обилии грызунов нередко образуют плотные локальные концентрации (Варшавский, 1952; Очаповский, 2017).

Местообитания. Гнездится в тундрах и лесотундрах обычно на различных обрывах по берегам рек, местами – на равнинных участках, изредка – на деревьях и скалах. Зимой держится в открытых степных или пустынных ландшафтах, на пастбищах, сенокосах или среди полей – на жнивье, посевах люцерны, озимых культур и др.

Численность. Вся европейская популяция насчитывает 37,2-79,2 тыс. пар (European birds …, 2017), а для европейского севера России указывали от 30-60 до 4-35 тыс. пар, численность которых асинхронно колеблется в разных регионах в зависимости от обилия леммингов, служащих для зимняка основой кормовой базы летом (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). Общую численность птиц на зимовках на юге России специально не оценивали. В Сальских степях зимой 1937/38 г. обилие зимняков изменялось в разных районах от 1 до 9 особей на 25 км автомаршрута (Варшавский, 1952). На Ставрополье в феврале 2006 г. учли 146 птиц на 340 км маршрута, а на неубранном поле сорго площадью 8 га держалось 119 особей (Маловичко, Блохин, 2008). В Краснодарском крае на люцерновых полях обилие птиц в некоторые годы может достигать 41 ос./0,5 км^2 (Очаповский, 2017).

Охранный статус. Особого охранного статуса на юге России не имеет.

– **Курганник мохноногий** *Buteo hemilasius* Temminck et Schlegel, 1844

Характер пребывания. Возможно, случайно залетный вид Заволжья.

Зоогеографические связи. Б.К. Штегманом (1938) отнесен к Монгольскому типу фауны Палеарктики. Несомненно, это представитель Номадийской фауны, характерный для горных степей Центральной Азии (Козлова, 1975), и поэтому может быть отнесен, как и близкий викарирующий вид *B. rufinus*, к пустынно-горному фаунистическому комплексу, исконно связанному гнездованием со скалами среди пустынно-степных ландшафтов.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Оседлый, частично кочующий вид холодных степей Монголии и Тибетского нагорья, проникающий к северу до Алтая и Прибайкалья и заходящий в Казахстан на западе ареала (Дементьев, 1951; Козлова, 1975; Корелов, 1962; Гаврилов, 1999). В Казахстане сейчас наблюдается расселение птиц к западу, предположительно до гор Каратау и даже Устюрта (Ковшарь, 2019).

Мохноногий курганник вместе с зимняком указан как вид, прилетающий на зиму в Дагестан (Хонякина, 1975). Позже этот вид приведен также в списке зимующих хищных птиц Дагестана (Гасангусейнов и др., 1989). Но данные сведения никак не документированы, не приведено никаких фактических свидетельств о встречах на юге России именно мохноногих курганников, не подтверждена достоверность определения этих птиц. Поэтому фаунистическая комиссия не включила данный вид в фауну Южной России (Белик и др., 2006).

Имеется также сообщение о находке остатков мохноногого курганника, погибшего весной 2007 г. на опоре ЛЭП в окрестностях оз. Баскунчак в Астраханской обл. (Гузеев, 2010). Однако наши специальные поиски этого корреспондента по адресу, указанному в публикации, а также в Астраханской обл. и в Богдинско-Баскунчакском заповеднике, оказались безрезультатными, и получить у него подтверждающую информацию нам не удалось.

Местообитания. В Центральной Азии гнездится обычно на выходах скал и различных обрывах в сухих степях по предгорьям, горным котловинам и долинам.

Численность. Общая численность этого вида оценена более чем в 10 тыс. особей (https://www.iucnredlist.org/species/22695967/131937792). На юге России возможно появление единичных залетных птиц.

Охранный статус. Особого охранного статуса на юге России не имеет.

83. Курганник *Buteo rufinus* (Cretzschmar, 1829)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид пустынно-степных районов в бассейнах Дона и Волги, в Калмыкии и Восточном Предкавказье; на Центральном и Западном Кавказе – пролетный и частично зимующий вид (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2014, 2016; Пименов, Белик, 2015), изредка залетающий на Черноморское побережье (Тильба, 2006, 2007; Белик, 2015).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В России гнездится номинативный подвид, а форма *B. r. cirtensis* обитает в Северной Африке (Дементьев, 1951; Степанян, 2003).

В популяциях Южной России обычно представлено несколько цветовых морф. По наблюдениям В.А. Хлебникова (1930), в Нижнем Поволжье преобладает морфа *leucurus* – светлая, с чисто рыжим хвостом; реже встречается морфа *rufinus*, похожая на обыкновенного канюка, с полосатым хвостом, и очень редко наблюдается *nigricans* с однотонно бурым оперением и с тёмным, серым хвостом (рис.25-27).

Рис. 25. Курганники *leucurus* и *rufinus*, найденные зимой на Черноморском побережье в Адлере: 16.01.2002 (♂) и 14.02.2006 (♀) (по: Пекло и др., 2016)

Сейчас в Заволжье курганники в большинстве (85-90%) более или менее однотипны по окраске: со светлыми головой и зобом, с контрастной коричневатой грудью и брюхом и с однотонным рыжевато-охристым хвостом. Изредка встречаются очень светлые особи – со светлой головой, зобом, грудью и нижней стороной крыльев. В 2007 г. в одном выводке обнаружены 2 темных и 2 светлых птенца. Рулевые перья у птенцов могут быть без полос (почти как и у взрослых), но бывают и очень полосатые, как у обыкновенного канюка (Пименов, Белик,

2015). Бурая же морфа *nigricans* отмечена всего лишь несколько раз в Заволжье и на Маныче.

В предгорьях Дагестана в 2002 г. среди курганников преобладали особи со светлым брюхом, резко отличавшиеся от темнобрюхих равнинных птиц, но общее распространение и происхождение этой морфы для нас осталось неясным.

Рис. 26. Фотографии цветовых морф курганника:
светлый *leucurus*; типичный *leucurus*; два темных *leucurus*; бурый *rufinus* атакует молодого карагуша (С.В.Домашевский; В.М.Музаев; В.В.Ветров; А.А.Караваев)

Рис. 27. Фотографии цветовых вариаций курганника морфы *nigricans*: белохвостый (Г.И. Эрдненов; В.Ю. Ильяшенко); черный (Е.И. Ильяшенко)

Распространение. Гнездится в пустынно-степном поясе Северной Африки и Евразии от Балкан и Украины к востоку до Казахстана и Монголии. В Южной России населяет сухостепные и пустынные районы на юго-востоке Ростовской и Волгоградской обл., а также в Калмыкии и Восточном Предкавказье, но на безлесных, равнинных низменно-

стях Прикаспия, лишенных эрозионных элементов рельефа, в прошлом встречался очень спорадично.

До середины XX в. курганник был характерным, ландшафтным видом сухих Сальских и Донских степей на востоке Ростовской обл., возможно проникал к западу до Провальской степи на Донецком кряже (Варшавский, 1965; Панченко, 1978), но позже на севере Ростовской и западе Волгоградской обл. он полностью исчез, что могло быть связано с массовыми дератизационными работами с применением фосфида цинка. Сохранился курганник лишь по оврагам и балкам на Ергенях к югу от Волгограда, а также в полупустынях Прикаспийской низменности в Заволжье, в Калмыкии и в Ногайских степях на севере Дагестана (Белик, 2014, 2017; Белик и др., 2014).

Однако в последнее время наблюдается восстановление ареала в результате расселения птиц прикаспийской популяции по лесополосам на запад вплоть до Калачевского р-на Волгоградской обл. и Зимовниковского р-на Ростовской обл., до оз. Маныч-Гудило и восточных районов Ставропольского края (Белик, 1996а, 2014, 2017; Белик и др., 2014; Маловичко, 2014; Ильюх, 2015; Липкович, 2016). Медленная экспансия на северо-запад, достигшая 20-40 км за последние 20 лет, прослеживается и в Волгоградском Заволжье, но бассейна р. Еруслан курганник там пока не достиг (Пименов, Белик, 2010, 2015; Белик, 2017).

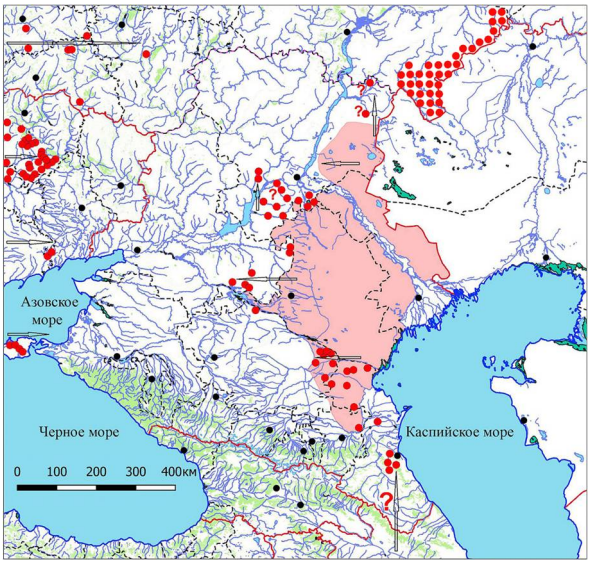


Рис. 28. Гнездовой ареал и места гнездования курганника на юге России и Украины, и основные направления его экспансии

Кроме того, быстрое расселение на восток сейчас демонстрирует украинская популяция, заселившая весь степной Крым и почти всю степную и лесостепную зоны Украины вплоть до Донецка, Орловской, Липецкой и Воронежской обл. (Гринченко и др., 2000; Стригунов и др., 2003; Соколов, 2004; Рединов, Панченко, 2018; Соколов, Сапельников, 2018; Сарычев, 2020). Поэтому вполне вероятно появление гнездовий этих птиц также на западе Ростовской обл. (Забашта, 2003) и Краснодарского края (Динкевич и др., 2007; Humphrey, 2019).

В Дагестане курганник освоил также гнездование на скалах и начал заселять сухие предгорья у Махачкалы, Буйнакска и в других районах и стал постепенно расселяться в глубь аридных гор (Букреев и др., 2007; Джамирзоев, Букреев, 2009; Белик и др., 2011; Белик, Насрулаев, 2019).

Зимует курганник на севере Африки, на Ближнем Востоке и в Закавказье, в Средней Азии и на севере Индии. Из Заволжья и Приуралья птицы летят на зимовку преимущественно вдоль западного берега Каспия (Миграции …, 1982; Бутьев и др., 1983; Шмелева, Харитонов, 2016) и реже через горы Восточного Кавказа (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Комаров, Липкович, 2000; Patrikeev, 2004; Abuladze, 2013; Моламусов, 2017), а в последние десятилетия они стали изредка встречаться и в горах Западного Кавказа (Ткаченко, 1966; Караваев, 2010; Перевозов, 2014). Во второй половине XX в. зимовки курганника начали формироваться также в Калмыкии, в Центральном и Западном Предкавказье и на Нижнем Дону (Ильюх, 2009, 2015; Караваев, Хубиев, 2013; Пименов, Белик, 2015; Комаров, Шевцов, 2017; Очаповский, 2017; Тильба, 2017; Забашта, 2021), а в начале XXI в. он стал отмечаться зимой и на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2006, 2007; Шариков и др., 2006). Но через Дагестан идут в основном его транзитные миграции, и на зиму птицы остаются там лишь местами и в небольшом числе (Джамирзоев, Букреев, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

Местообитания. В степных ландшафтах сейчас гнездится обычно в лесополосах или на одиночных деревьях, реже среди кустарников, а в последние десятилетия активно переходит к гнездованию на опорах ЛЭП разной конструкции и на геодезических вышках, часто заселяя пустующие гнездовья степного орла. При отсутствии деревьев и опор ЛЭП, гнездится на обрывах оврагов, балок или берегов рек, на заброшенных постройках, иногда устраивает гнезда на стогах сена, на различных искусственных буграх и возвышениях среди степи, изредка селится даже на плоских степных участках, обычно под различными столбиками, пнями и т.п., имитирующими деревья или опоры ЛЭП (Музаев и др., 2012; Пименов, Белик, 2015). В предгорьях, а также в горных группах среди степей (гора Богдо и др.) обычно устраивается

на уступах скал (Белик и др., 2011; Букреев и др., 2007, 2013; Белик, 2012). Кормится в открытой степи, где добывает преимущественно сусликов, а сейчас, после их исчезновения, переходит к охоте на мышевидных грызунов, рептилий и слётков птиц.

Численность. Наблюдается значительный рост численности за счет расселения и уплотнения кружева ареала в результате заселения новых естественных и антропогенных местообитаний. Европейская популяция насчитывает 11,8-19,2 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывается 3,0-4,0 тыс. пар, хотя еще в конце XX – начале XXI в. численность птиц оценивали здесь всего в 1,0-2,0 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а, 2014; European birds …, 2017). Сейчас в Ростовской обл. гнездится 30-50 пар, а в Волгоградской обл. – 400-500 пар (Белик, 2014, 2017); в Калмыкии в начале XXI в. было 0,5-1,0, затем численность увеличилась до 1,5-2,0, а сейчас там насчитывается 2,0-2,5 тыс. пар (Белик, 2007; Цапко и др., 2009; Меджидов, Музаев, 2013). В Дагестане предполагается гнездование не менее 50 пар, но сейчас за счет заселения предгорий численность птиц там значительно увеличилась (Джамирзоев, Букреев, 2009; Белик и др., 2011). В Чечне в конце XX в. гнездилось 20-30 пар (Гизатулин и др., 2001; Гизатулин, 2007), а на Ставрополье было известно 5-10 пар (Хохлов, Ильюх, 2013; Маловичко, 2014; Ильюх, 2015), но сейчас и в этих регионах численность курганника тоже, очевидно, заметно выросла.

В Волгоградской обл. на севере Ергеней и Сарпинской низм. обилие птиц в начале XXI в. составляло в среднем 1 ос./100 км^2, а в полупустынях Заволжья между озерами Эльтон, Булухта и Боткуль учитывали от 3,2 до 4,7 пар/100 км^2 (Пименов, Белик, 2010, 2015; Белик, 2017). В окрестностях оз. Баскунчак в 2012 г. гнездилось не менее 20-25 пар на 200 км^2 (Белик, 2012). В Ногайских степях на севере Дагестана в 2009 г. было 0,9 пар/100 км^2 (Белик и др., 2011). В Калмыкии на Ергенях сейчас гнездится 0,63-0,95 пар/10 км маршрутов; на Сарпинской низменности – 0,22-0,62 пар/10 км, а на Черных землях – в среднем 0,84 пар/10 км маршрута (Музаев и др., 2012).

В Северо-Юрской депрессии близ г. Карачаевск в холодные, снежные зимы обилие птиц в горной степи достигает 2,6-2,7 ос./км^2, но в теплые зимы птиц там собирается в 2-3 раза меньше; в целом же в Карачаево-Черкесии зимует 0,5-1,0 тыс. особей (Караваев, Хубиев, 2004, 2013).

Охранный статус. Как редкий вид (3 категория) занесен в Красную книгу России (2001) и включен во все региональные Красные книги Южной России, кроме Северной Осетии, а также Краснодарского края и Адыгеи, где курганник не гнездится. В связи с повышенной

экологической пластичностью этот канюк приспособился к замещающим видам кормов, широко освоил более безопасное гнездование в лесополосах и стал сменять в степях и полупустынях исчезающего степного орла, заселяя его гнезда и расселяясь в новые районы.

84. Канюк обыкновенный *Buteo buteo* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Астраханской обл., где он отмечается только на пролете (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014; Белик и др., 2014, 2016). На Кавказе и в Предкавказье канюки изредка остаются также на зимовку (Тильба, 1999, 2006; Джамирзоев и др., 2000; Хохлов и др., 2001; Караваев, Хубиев, 2004; Ильюх, Хохлов, 2010; Перевозов, 2014; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Внутривидовая систематика окончательно не утвердилась. По мнению Л.С. Степаняна (2003), вид включает 5 подвидов, в том числе 3 формы, обитающие в России (*vulpinus*, *menetriesi*, *japonicus*). Однако в последнее время форме *japonicus*, распространенной в Восточной Сибири, иногда стали придавать видовой статус (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013). Имеются сведения о расселении через Украину в европейскую часть России также оседлой западноевропейской формы *B. b. buteo*, тоже проявляющей некоторые черты видовой самостоятельности (Белик, 2004; Гричик, 2005; Морозов, 2007).

На юге России гнездятся два подвида: мелкий, рыжехвостый *B. b. vulpinus*, обитающий в бассейнах Дона и Волги, и более крупный *B. b. menetriesi*, населяющий Кавказ и Крым. Зона интерградации этих подвидов проходит, по-видимому, в северных предгорьях, а в Предкавказье распространена обособленная популяция, близкая к *vulpinus* (Кистяковский, 1932; Портенко, 1951; Белик, 2009а; Моламусов, 2017). Северный подвид *B. b. vulpinus*, кроме того, в массе пролетает через Кавказ в период весенних и осенних миграций. На Северном Кавказе изредка отмечалось также появление весьма крупных залетных птиц, сходных с западной номинативной формой *B. b. buteo*, которая имеет бурый хвост и, в общем, более темную окраску оперения (Варваци, 1906; Бёме, 1926; Дементьев, 1936, 1951; Бернацкий, 1958; Ткаченко, 1966; Караваев, Хубиев, 2004).

По замечанию С.Н. Алфераки (1910), среди сотен пролетных канюков, добытых в Северном Приазовье в XIX в., встречались как мелкие, так и очень крупные птицы самой различной окраски, с множеством промежуточных типов. Но среди примерно 50 канюков, которых в начале

XX в. добыл там же М.М. Алфераки, по окраске выделены 2 группы: кофейно-рыжие снизу, с частыми поперечными пестринами, и грязно-белые, с редкими продольными темно-бурыми стержневыми пятнами. Среди них отмечен ряд промежуточных типов, но все они были отнесены к *vulpinus*, а *buteo* не встречен ни разу (Белик и др., 2012).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Тихого океана. На юге России распространен в лесистых районах бассейна Дона и Волги, кроме ее низовий в Астраханской обл., где канюк известен лишь на миграциях (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014), а также по всему горнолесному Кавказу и в лесонасаждениях Предкавказья (Белик, 2014). В Предкавказье канюк изначально заселял лишь нагорные леса Ставропольского плато и лесистые поймы степных рек (Богданов, 1879; Динник, 1886; Бёме, 1925, 1929; Кистяковский, 1932; Волчанецкий, 1959; Лиховид, 1977; Моламусов, 2017; Очаповский, 2017; и др.), но в конце XX - начале XXI в. на Ставрополье он адаптировался к гнездованию в узких полезащитных лесополосах и быстро расселился по всему степному Предкавказью к северу до Нижнего Дона и Маныча, а также проник в Заманычье на юго-востоке Ростовской обл. (Ильюх, 2002; Белик, 2004, 2014; Белик и др., 2008; Брагин, Липкович, 2012; Белик, Федосов, 2017).

В бассейне Дона в прошлом канюк был распространен к югу до байрачных лесов Донецкого кряжа (Белик и др., 2012), но в пойме Нижнего Дона не гнездился (Лерхе, 1940; Варшавский, 1965). Восточнее его гнездо было найдено в 1949 г. в байрачном лесу на Донской гряде у г. Калач-на-Дону в Волгоградской обл. (Е.И. Врублевский, дневники); канюки обитали также по Хопру и Медведице (Богданов, 1871). Сейчас же они гнездятся по долине Нижнего Дона (Белик, 1999; Белик и др., 2001) и пойме р. Иловля, а на правобережье Волги проникают к югу до г. Камышин (Барабашин, 2004б). На севере Волго-Ахтубинской поймы летом этот вид очень редок и его гнездование там не подтверждено (Гугуева и др., 2008). В безлесных районах Заволжья, в Калмыкии и Ногайских степях Дагестана он встречается лишь на пролете; в Волгоградском Заволжье его гнездовья найдены только на самом севере в низовьях р. Еруслан (Завьялов и др., 2005).

Зимуют канюки в основном в Африке, а также на юге Евразии. Миграции идут преимущественно в меридиональном направлении, широким фронтом через всю Южную Россию, в том числе через горные перевалы Кавказа. Затем птицы собираются на Черноморском побережье в узкий миграционный поток, направленный в облёт моря. Аналогичный мощный поток формируется осенью также на северном побере-

жье Азовского моря, вдоль которого птицы летят на восток, поворачивая затем в дельте Дона на юг (Варваци, 1906; Алфераки, 1910; Белик, 1998, 2001; Белик и др., 2012). Выраженный пролет идет и вдоль западного берега Каспия (Бутьев и др., 1983).

Часть канюков остается на Кавказе на зимовку, причем их численность здесь в последние десятилетия, по-видимому, увеличивается (Ткаченко, 1966; Ткаченко, Витович, 1997; Тильба, 1999, 2006; Джамирзоев и др., 2000; Караваев, Хубиев, 2004; Маловичко, Федосов, 2006; Ильюх, Хохлов, 2010; Перевозов, 2014; Очаповский, 2017). По данным кольцевания, на юг России и Кавказ на зимовку прилетают в основном финские птицы, а канюки из северных районов России летят через Кавказ транзитом на юг Африки (Шмелева, Харитонов, 2016). Юго-восточным направлением миграций прибалтийских птиц объясняется, по-видимому, чрезвычайный полиморфизм канюков, появляющихся осенью в Северном Приазовье (Алфераки, 1910).

Сравнительно недавнее появление в Европейской России (Морозов, 2007; Свиридов, 2020; и др.), а в последнее время и на Нижнем Дону (Забашта, 2021) зимующих канюков можно связывать, по-видимому, с расселением с запада крупной оседлой формы *B. b. buteo*, но коллекционных материалов для окончательных выводов пока, к сожалению, недостаточно.

Миграции идут в течение всего дня, обычно стаями, иногда очень большими, в сотни и тысячи птиц, поднимающимися в термиках на значительную высоту, а затем растягивающимися в длинные, многокилометровые ленты. В смешанных стаях с канюками летят также многие другие хищные птицы. На ночевку они спускаются в леса, лесополосы, сады и т.п. В степных лесах на юге России на лето в «мышиные годы» иногда остается много неполовозрелых и холостых канюков (Белик и др., 1983; Белик, 2009а).

Местообитания. Гнездится на равнинах и в горах в самых различных типах лесонасаждений, предпочитая мозаичные леса, расположенные рядом с открытыми степными и луговыми пространствами, используемыми под пастбища, сенокосы или посевы, на которых канюки охотятся на мышевидных грызунов, рептилий и слётков птиц. Избегают канюки больших, глухих лесных массивов, а также высокотравных неиспользуемых лугов, где трудно выслеживать добычу (Белик, 2019); очень редки эти птицы и на обширных аренных террасах рек, что объясняется, вероятно, недостатком кормовой базы в песчаных степях из-за низкой численности грызунов. В последние десятилетия канюки широко освоили также гнездование в полезащитных лесополосах, но

на одиночных деревьях не гнездятся; поэтому же, вероятно, они практически не используют для гнездования опоры ЛЭП (Ильюх, 2002; Белик и др., 2008). В горнолесном поясе Тебердинского заповедника отмечено гнездование трёх пар на скалах (Ткаченко, 1995).

Численность. В Предкавказье в последние десятилетия прослеживается значительный рост численности в результате расширения ареала по лесополосам на север (Белик и др., 2003, 2008; Белик, 2009а, 2019; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, Федосов, 2017). Сейчас европейская популяция насчитывает 814-1390 тыс. пар, в том числе для Европейской России указывают 200-500 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020).

На юге России в начале XXI в. численность оценивалась в 10,0-20,0 тыс. пар, из которых от 250-500 до 2500 пар обитало в Ростовской обл. (Белик, 1995, 2000а), около 800 пар в Предкавказье (Ильюх, Хохлов, 2010) и 1,0-1,5 тыс. пар, по нашей оценке, сейчас гнездится в Волгоградской обл. Общая численность горной популяции неизвестна. По данным Г.С. Джамирзоева и др. (2017), в заповедниках и нац. парках Северного Кавказа обитает 2.560-4.110 пар, в основном на западе – в Сочинском нац. парке (2-3 тыс. пар) и Кавказском заповеднике (500-1000 пар). Очевидно, не меньше птиц гнездится в низкогорьях на неохраняемых территориях, имеющих значительно большую площадь мозаичных лесов. Общую численность канюка на юге России можно оценить сейчас в 15,0-20,0 тыс. пар.

На миграциях через Кавказ, по весьма ориентировочным оценкам, осенью пролетает не менее 1-2 млн. особей, тоже в основном через западные регионы (Сочинский нац. парк, Кавказский и Тебердинский заповедники), где учитывают до 45-90 тыс. мигрантов (Джамирзоев и др., 2017). Но на Нижнем Дону в пик миграции во второй половине сентября в створе шириной 1-2 км за день пролетает до 1400-2800 канюков, а всего за осень здесь можно учитывать до 5 тыс. птиц (Белик, 1998, 2001), т.е. только на участке Нижнего Дона от Ростова до Цимлянска (200 км) осенью мигрирует около 500 тыс. особей. Примерно столько же канюков может пролетать и в створе между Цимлянском и Волгоградом (200 км), где тоже наблюдаются выраженные, регулярные миграции хищных птиц. На Черноморском побережье Кавказа у Пицунды в пики миграций 15 и 19.09.1961 были учтены 900–1100 и 1400–1500 особей (Jähme, 1965).

Охранный статус. Особого охранного статуса на юге России не имеет. После запрета на отстрел мнимых «вредных» хищных птиц в России в 1960-е годы началось увеличение численности канюка, а в дальнейшем – и его быстрое расселение по искусственным лесонасаждениям.

85. Змееяд *Circaetus gallicus* (J.F. Gmelin, 1788)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик, 2010, 2014; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2014, 2016). Зимой однажды отмечен на Черноморском побережье Кавказа (Шариков и др., 2006).

Зоогеографические связи. Без африканских форм *C. beaudouini* и *C. pectoralis* это типичный представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид. Африканские формы, которых раньше объединяли с палеарктическим змееядом (Дементьев, 1951), сейчас рассматриваются как самостоятельные виды (Dickinson, Remsen, 2013). Но центрально-азиатские популяции змееяда, прежде выделявшиеся в отдельный подвид *C. g. heptneri* (Дементьев, 1951; Степанян, 2003), в последнее время считаются конспецифичными с европейскими птицами (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в Северо-Западной Африке, а также в южных регионах и умеренном поясе Западной Евразии от Пиренеев и Балтики до Казахстана, Алтая и северной Индии. На юге России спорадично заселяет лесистые районы в бассейне Среднего Дона в Ростовской и Волгоградской обл., доходя к востоку до правобережья Волги в Камышинском р-не и, возможно, до лесов на песчаных террасах по р. Еруслан в Заволжье.

К югу змееяд гнездится до верховий р. Калитва, долины р. Чир и Калачской излучины Дона (Белик, 1994, 1996а, 2003д, 2005, 2014, 2017; Белик и др., 1999, 2014), а южнее отмечались его случайные встречи: на Сев. Донце и Нижнем Дону, на Ергенях в Калмыкии, на Нижней Волге, по Сарпе и на севере подстепных ильменей в Астраханской обл. (Kracht, 1919, 2014; Лорец, 1928; Варшавский, 1986; Ветров, Белик, 1996; Белик и др., 2001; Музаев, 2013; Реуцкий, 2014), хотя летом в лесах на степном юге могут встречаться холостые особи (Белик, 2009а).

На Северном Кавказе змееяд гнездится в лесостепных предгорьях и низкогорьях от Краснодара и Майкопа к востоку вплоть до степей и сухих гор Дагестана. Кроме того, в Адыгее, Краснодарском крае, Карачаево-Черкесии, в Чечне и Ингушетии, возможно также и в Северной Осетии птицы проникают местами в аридную Северо-Юрскую депрессию к югу от Скалистого хр., а в Приэльбрусье, у Кисловодска, они широко распространены на Скалистом хр. и встречаются на окраинах субальпийского плато Бичесын (Парфенов, 2008; Белик, 2010, 2020). Змееяд характерен также для лесостепи на Ставропольской возвышенности и спорадично распространен в лесонасаждениях среди Ногайских степей и в дельте Терека (Волчанецкий, 1959; Джамирзоев, Исмаилов,

2009; Белик, 2010; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2011).

Изолированная популяция населяет Абрауский и, вероятно, Таманский полуостров, а также сухие горы на Черноморском побережье между Новороссийском и Геленджиком. Спорадично птицы встречаются далее к востоку до г. Туапсе (Белик, 2010; Белик и др., 2017; Тильба, Лупинос, 2016; Тильба, 2017). Кроме того, змееяд гнездится в сухих предгорьях в районе Пицунды и дальше к востоку на низменностях Абхазии (Белик, 2010, 2015).

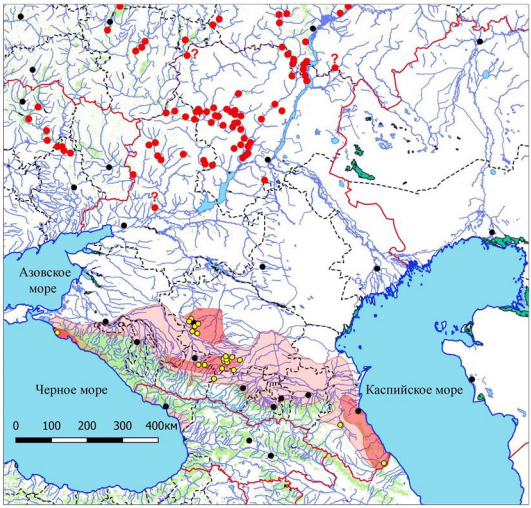


Рис. 29. Гнездовой ареал змееяда на юге России и Украины, места гнездовий (красные пуансоны) и известные гнезда на Кавказе (черно-желтые пуансоны). Темной заливкой показаны районы с обилием 0,5–2,0 пар/100 км^2 и более; на остальной территории – 0,1–0,5 пар/100 км^2 и менее

Зимует змееяд в основном в Африке и на юге Азии, а в последнее время стал встречаться зимой и на юге России (Шариков и др., 2006; Прокопенко, Бескаравайный, 2013). На миграциях птицы летят через всю Южную Россию, в том числе через горные перевалы, выходя на Черноморское побережье и поворачивая там на восток (Белик, 2010, 2015). Змееяды огибают с востока также Азовское море, сворачивая затем на юг в дельте Дона, как и многие другие хищные птицы (Белик, 1998, 2001). Но на побережье Каспия в Дагестане осенний пролет змеедов практически не выражен (Бутьев и др., 1989). Миграции идут днем, на разной высоте, широким фронтом, преимущественно в меридиональном направлении. Птицы летят в одиночку, часто парами или группами до 3 птиц, но иногда собираются в стаи до 10 и даже 40-50

особей (Бёме, 1926; Комаров, 1985, 1999; Очаповский, 2017).

Местообитания. Гнездится в различных типах лесов на равнинах и в горах. Предпочитает сосняки, но регулярно встречается в дубняках и других лиственных насаждениях; в сухих предгорьях у Новороссийска использует древовидные можжевельники. В степной зоне заселяет в основном боры на песчаных террасах рек, а также старые разреженные дубравы на склонах речных долин и возвышенностей. Здесь же в непригодных для распашки каменистых степях по крутосклонам и в целинных песчаных степях птицы охотятся на змей. В горах заселяют преимущественно сухие предгорья и низкогорья, реже проникают в среднегорья, где охотятся в каменистых степях и на лугах. Охотящиеся птицы, выслеживая рептилий, держатся обычно на значительной высоте, малоподвижны и, как правило, малозаметны для случайного наблюдателя.

Численность. Европейская популяция насчитывает 17,6-20,9 тыс. пар, в том числе в Европейской России гнездится 550-750 пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В России основная группировка змееяда населяет южные регионы, где предполагается гнездование 400-500 пар (Белик, 2014). Из них 15-25 пар указано для Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2014), 80-120 пар в Волгоградской обл. (Белик, 2017), 10-15 пар в Краснодарском крае (Тильба, 2017), 3-10 пар в Карачаево-Черкесии (Караваев, Хубиев, 2013), 25-30 пар в Дагестане (Джамирзоев, Исмаилов, 2009), 15-20 пар в степном Предкавказье (Ильюх, Хохлов, 2010; Хохлов, Ильюх, 2013).

Но специальные исследования показали, что из-за скрытности змееяда многие из этих данных сильно занижены. Так, в Волгоградской обл. благодаря целенаправленным поискам оценки численности змееяда в начале XXI в. увеличились с 0 до 15-17, а затем до 80-120 пар, причем там было найдено 9 жилых и 3 старых гнезда, возле которых тоже держались птицы (Чернобай, 1992, 2004а; Гугуева, Белик, 2013; Белик и др., 2014; Белик, 2017). В Краснодарском крае по мере новых находок численность увеличивали с 6-8 до 10-15 и даже до 30-50 пар (Мнацеканов, 2007; Белик, 2010; Тильба, 2017), а в Дагестане – с 12-15 до 25-30 пар (Джамирзоев и др., 2000; Джамирзоев, Исмаилов, 2009), но и последние оценки, несомненно, далеки от реальных. Так, в мае 2009 г. в Дагестане только за 3 дня нами было учтено 5 встреч, а обилие птиц составило 2,2 пары/100 км^2 в сухих предгорьях и 0,9 пар/100 км^2 в дельте Терека, т.е. их общая численность в регионе могла достигать не менее 150 пар (Белик, 2010; Белик и др., 2011).

Всего же на Северном Кавказе гнездится не менее 300-350 пар, т.е. в 2-3 раза больше, чем предполагалось ранее (Белик, 2005а, 2010). С конца

XX в. популяция змееяда здесь, как и в бассейне Дона и в Поволжье, демонстрирует устойчивые положительные тренды, и во многих локальных группировках отмечается расселение и рост численности птиц (Белик и др., 2003, 2014; Белик, 2010, 2014). На Абрауском полуострове сейчас гнездится не менее 12-15 пар на 300 км^2; в северных предгорьях по р. Уруп в Краснодарском крае учтено не менее 5 пар на 100 км^2; в предгорьях и низкогорьях между Кубанью и Малкой обнаружено не менее 12-14 гнездовых участков на 1000 км^2, в том числе 5-6 пар на 300 км^2 у Кисловодска. В Волгоградской обл. в Волго-Медведицком междуречье обилие в 2008 г. составляло в среднем 0,3 пары/100 км^2, но вверх по долине Хопра из-за редкости там полозов и степной гадюки змееяд становится очень редок (Белик, 2010, 2017; Белик и др., 2014).

Охранный статус. Змееяд был включен в Красную книгу России (2001) как спорадичный вид, сокращающий численность (2 категория), но сейчас переведен в 3 категорию (Приказ …, 2020). Под разными категориями змееяд занесен в Красные книги всех регионов Южной России. Серьезными элиминирующими факторами являются браконьерский отстрел и гибель птиц на опорах ЛЭП, но основное лимитирующее значение для змееяда имеют биогеоценотические факторы – колебания кормовой базы, т.е. численности рептилий, обусловленные в основном климатическими и синоптическими причинами. Поэтому нынешнее потепление климата, способствующее росту численности степных змей, положительно сказывается и на змееяде.

86. Орёл-карлик *Hieraaetus pennatus* (J.F. Gmelin, 1788)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Астраханской обл., где отмечались лишь редкие залетные птицы (Ильюх, Хохлов, 2010; Русанов, 2011; Белик, 2014; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2014, 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 2 подвида: западный – номинативный и южносибирский – *H. p. milvoides* (Степанян, 2003). Иногда обе его популяции считаются конспецифичными (Dickinson, Remsen, 2013). На юге России обитает номинативная форма. В кавказской популяции птицы светлой и темной морфы представлены примерно в равных соотношениях (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2019).

Распространение. Гнездится в Северо-Западной Африке и по югу Запад-

ной Евразии от Пиренеев до Средней Азии и Забайкалья. На юге России широко заселяет леса в северной половине Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона (Белик, 1996а; Маркитан и др., 2010; Забашта, Костяная, 2019) и северо-запад Волгоградской обл. от Цимлянских песков и Калачской излучины Дона вдоль р. Иловля до Камышинского р-на на правобережье Волги, а также леса по р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья (Антончикова, 1991; Мосейкин, 1991; Завьялов и др., 2005; Белик и др., 2014; Белик, 2017). Кроме того, птицы европейской популяции проникают с севера на Ергени в Волгоградской обл. и Калмыкии (Белик, 2007, 2015, 2017) и гнездятся, возможно, на севере Волго-Ахтубинской поймы, по которой могут заходить и в Астраханскую обл. (Гугуева и др., 2008; Белик и др., 2014; Белик, 2017).

На Северном Кавказе этот орел очень спорадично, нерегулярно встречается на Черноморском побережье от Абрауского полуострова до Абхазии (Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2014, 2015; Белик и др., 2017) и в горных лесах Западного Кавказа к востоку до Карачаево-Черкесии (Аверин, Насимович, 1938; Белик, 2001, 2019, 2020; Мнацеканов и др., 2012; Караваев, Хубиев, 2013; Тильба, 2017). Изредка карлик гнездится в северных предгорьях от Краснодарского края до Дагестана, а также на Ставропольской возв. (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Ильюх, Хохлов, 2010; Моламусов, 2017; Тильба, 2017; Белик, 2019). Более характерен он для пойменных лесов по крупным равнинным рекам степного Предкавказья (Белик, 1979, 1993; Белик, Олейников, 1996; Ильюх, 2002; Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Белик, Федосов, 2017; Очаповский, 2017), а во второй половине XX в. заселил также многие искусственные лесные массивы в степях (Белик, Пекло, 1989; Ильюх и др., 2005; Белик, 2009а, 2014; Музаев, 2013).

Зимует в Африке, Передней Азии и Индии. На зимовки летит широким фронтом через всю Южную Россию, но миграции повсеместно выражены очень слабо (Бёме, 1958; Бутьев и др., 1983; Вуккерт, 1995; Белик, 2001; Тильба, 2006; Караваев, 2010; Моламусов, 2017). Птицы летят обычно в одиночку, как правило, на большой высоте и поэтому в поле зрения попадают редко (Караваев, 2010). Лишь на Черноморском побережье в Абхазии наблюдались массовые миграции, когда за два дня 15 и 19.09.1961 в пики миграции в районе Пицунды было учтено 1200-1500 и 600-800 карликов, в основном светлой морфы (Jähme, 1965; Белик, 2015). Указание же о зимовке карлика на Черноморском побережье Кавказа в районе Сочи (Строков, 1960), очевидно, ошибочно.

Местообитания. Гнездится на равнинах и в горах в самых различных типах лесов: хвойных и лиственных, пойменных, байрачных и аренных, на склонах долин и возвышенностей. В лесных массивах обычно предпочитает для гнездования густые куртины высокого старолесья. В горах встречается редко, в основном в предгорьях, но местами по горным степям, заселенным сусликами, проникает в среднегорья вплоть до Приэльбрусья (Белик, 2020). Охотится преимущественно в открытых ландшафтах на разных грызунов, а также на птиц мелкой и средней величины.

Численность. Европейская популяция насчитывает 23,1-29,1 тыс. пар, в том числе в Европейской России гнездится от 1.150-1.900 до 3.000 пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России численность была оценена в 500-800 пар (Белик, 2014), в том числе 100-150 пар в Ростовской обл. (Белик, 1996а, 2000а) и 300-500 пар в Волгоградской обл., где нами найдено 27 жилых гнезд при обследовании всего 10-20% ее территории (Гугуева, Белик, 2013; Белик и др., 2014; Белик, 2017). На Северном Кавказе 10-12 пар обитает в Краснодарском крае (Тильба, 2017), 5-7 пар в Адыгее (Мнацеканов и др., 2012), 10-20 пар в Карачаево-Черкесии (Караваев, Хубиев, 2013), не более 30 пар на Ставрополье (Хохлов, Ильюх, 2013), не менее 45-50 пар в Дагестане (Джамирзоев, Исмаилов, 2009), 5-10 пар в Калмыкии (Музаев, 2013). В степном Предкавказье в целом численность оценивалась в 50-60 пар, в том числе 30-35 – в пойменных лесах, 12-15 – в искусственных лесных массивах и 8-10 – на Ставропольской возв. (Ильюх, Хохлов, 2010).

Однако наши эпизодические учеты птиц в предгорьях на границе Краснодарского и Ставропольского края и Карачаево-Черкесии, где в разных районах отмечено до 15 встреч карликов (Белик, 2019), могут свидетельствовать о более высокой численности этого вида в Предкавказье. Популяции в большинстве районов Южной России в настоящее время, по-видимому, относительно стабильны (Белик и др., 2003). Некоторый рост европейской и кавказской популяций и их расселение в степную зону по искусственным лесонасаждениям с севера и юга шли, по-видимому, в течение XX в. (Белик и др., 1983; Белик, 1995, 1996а, 2014; Ильюх, Хохлов, 2010; и др.).

Обилие птиц на Среднем Дону в 1989 г. составляло 5-6 пар на 25 км^2 поймы; на Сев. Донце в 1980-е годы гнездилось 35-45 пар на 200 км длины долины; в аренных сосняках по р. Чир учтено 5 пар на 500-600 га леса (Белик, 1995, 2005; Ветров, Белик, 1996). В Волгоградской обл. по рекам Иловля и Медведица местами обитало до 1-2 пар на 1 км длины их долин; в целом же в Волго-Медведицком междуречье их

обилие в 2008 г. составляло в среднем 3,0 пары/100 км^2, а в бассейне Хопра в 2011 г. гнездилось 1,6 пар/100 км^2, но на севере Волгоградской обл. численность карлика резко снижается (Белик и др., 2014; Белик, 2017). Редок или малочислен он и в соседних районах Воронежской и Саратовской обл. (Измайлов, 1940; Золотарев, 1995; Белик, 2002; Завьялов и др., 2005). В Заволжье в низовьях р. Еруслан обилие карлика достигает 3,5 пар/100 км^2 леса (Завьялов и др., 2005).

Охранный статус. Включен под разными категориями в Красные книги Ростовской и Волгоградской обл., Краснодарского и Ставропольского края, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Дагестана и Калмыкии. Основные элиминирующие факторы – браконьерский отстрел и гибель на опорах ЛЭП. Негативное значение имеет также сокращение кормовой базы в результате исчезновения сусликов, но благодаря своей экологической пластичности орел-карлик меньше зависит от этого фактора. Важную роль играет, несомненно, конкуренция с другими крупными орлами, в результате чего местами прослеживается четкий географический викариат с карагушем (Белик, 1998).

87. Орёл ястребиный *Hieraaetus fasciatus* (Vieillot, 1822)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, встреченный в XIX в. на Волге близ Волгограда (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Хлебников, 1928), однако достоверность этой находки позже была поставлена под сомнение (Дементьев, 1951; Белик и др., 2014).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 2-3 подвида. На юг России возможны залеты номинативной формы, распространенной по югу Евразии от Пиренеев до Китая (Степанян, 2003). Африканская форма *spilogaster* сейчас выделяется в отдельный вид, который вместе ястребиным орлом иногда включают в род *Aquila* (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Оседлый обитатель сухих гор в Северо-Западной Африке и на юге Евразии от Пиренеев до Китая. Ближайшие к России места гнездования известны в Армении (Белик, 1990) и Грузии (Абуладзе и др., 2003; Абуладзе, 2006). В России в середине XIX в. отмечены залёты в Воронежской губернии (Северцов, 1855) и у Сарепты в Волгоградской обл. (Яковлев, 1872, 2015). Встреча в августе 1850 г. в верховьях Дона не подтверждена коллекционными материалами, точные сведения о ней отсутствуют, в связи с чем высказывались сомнения в ее достоверности (Дементьев, 1951). На Волге *Aquila bonelli* был добыт близ Сарепты у Волгограда и приобретен коллектором К.Г.

Генке (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Хлебников, 1928).

В.Ф. Лорец (1928), коллектировавший птиц в Поволжье для европейских музеев в течение 1903-1914 гг., указал ястребиного орла как гнездящийся вид в окрестностях Сарепты, а ниже по Волге его численность будто бы даже увеличивалась. Очевидно, автор принимал за ястребиного орла какую-то из необычных цветовых вариаций орла-карлика, темную и белую морфы которого он считал очень редкими пролетными видами. Эти соображения позволяют сейчас усомниться в точности определения и первой птицы, добытой у Сарепты (Белик и др., 2014).

Летом 2007 г. подранка ястребиного орла нашли под ЛЭП в Моздокском р-не на севере Северной Осетии (Комаров, Малиев, 2009; Комаров и др., 2011), но тушка этой птицы не сохранилась, и точность ее определения тоже не подтверждена, поэтому нельзя исключать ошибку в идентификации найденной там птицы, возможно – орла-карлика или тетеревятника.

Местообитания. Гнездится обычно на скалах в сухих и пустынных горах рядом с пастбищами, полями и редкими кустарниками, где обитают кеклики, голуби, зайцы, различные рептилии (Дементьев, 1951; Real et al., 1997).

Численность. Мировая популяция оценивается в 20-50 тыс. особей (https://www.iucnredlist.org/species/22696076/89510184), а в Европе гнездится 1,1-1,2 тыс. пар (European birds …, 2017). В фауне России отмечен лишь как случайно залетный вид (Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014).

Охранный статус. В России особого охранного статуса не имеет.

88. Орёл степной *Aquila nipalensis* Hodgson, 1833

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид степных и полупустынных северо-восточных регионов Южной России: Волгоградской и Астраханской обл., Калмыкии и Дагестана. В остальных регионах на гнездовании практически исчез и встречается сейчас только на миграциях (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014; Белик и др., 2014, 2015, 2016). В Предкавказье отмечены также редкие случаи зимовки (Ильюх, Хохлов, 2010; Моламусов, 2017; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида: номинативный, распространенный от Восточного Казахстана до Забайкалья и Монголии, и западный *A. n.*

orientalis, обитающий в европейско-казахстанских степях. Прежде палеарктических степных орлов объединяли с крупными африканскими и индийскими орлами в один вид *A. rapax* (Дементьев, 1951; Степанян, 2003).

Впервые степной орел по сборам на Среднем Дону был описан С.Г. Гмелиным (Gmelin, 1771) под именем *Aquila mogilnik*, но позже этот вид по досадному недоразумению был признан П.С. Палласом (Pallas, 1811) неясным (nomen dubium) и отклонен (см.: Белик, Галушин, 2018).

До появления научного описания *A. orientalis* (Cabanis, 1854; in: Bädeker, 1854), крупных орлов, обитавших в степях Южной России, обычно именовали как *A. naevia* (Nordmann, 1840; Эверсманн, 1866; Artzibascheff, 1859, 2015; и др.), а позже – как *A. clanga* (Богданов, 1871, 1879; Яковлев, 1872, 2015; Динник, 1886; и др.) (см.: Мензбир, 1882, 1895; Белик и др., 2014; Белик, Галушин, 2018). А все сложные особенности половой, возрастной и индивидуальной, а также сезонной изменчивости степных орлов в окраске оперения были выяснены лишь в начале XX в. (Сушкин, 1908).

Распространение. В прошлом был распространен от Румынии и Украины до Монголии и Северо-Восточного Китая, однако сейчас западная граница ареала отступила к востоку до Калачской излучины Дона и Ергеней. На юге России до начала XX в. степной орел был нередок в Северном Приазовье и гнездился на стогах сена в степях к югу от Таганрогского залива (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Белик и др., 2012). До середины XX в. он гнездился по всему северу Ростовской обл. и в долинах Сала и Маныча (Миноранский, 1962; Варшавский, 1965, 1986; Харченко, Миноранский, 1967; Варшавский и др., 1989; Петров, 1990; Белик, 1996а, 2004, 2005, 2014). Его последние гнездовья на Ергенях на юго-востоке Ростовской обл., где орлы до конца XX в. обитали в верховьях р. Кара-Сал, исчезли, по-видимому, лишь в начале XXI в.

В Волгоградской обл. орлы еще гнездятся в Калачской излучине Дона, встречаются в бассейне р. Иловля на правобережье Волги и нередки в полупустынях Заволжья, в основном в Приэльтонье (Белик и др., 2014, 2015; Белик, 2017). Гнездятся они также в полупустынях и пустынях Астраханской обл. (Реуцкий, 2004, 2014; Амосов, 2011; Амосов и др., 2012; Белик, 2012; Амосов, Прилуцкая, 2014), в Калмыкии (Меджидов и др., 2011; Меджидов, Музаев, 2013) и на степных равнинах по северу Дагестана (Джамирзоев, Букреев, 2009).

На севере Кабардино-Балкарии и Северной Осетии гнездовья исчезли в первой половине XX в. (Бёме, 1926; Ефимцева, Яценко, 1935; Комаров, Липкович, 2000; Моламусов, 2017), а на востоке Ставропольского

края они встречались до конца XX - начала XXI в. (Ильюх, Хохлов, 2010). Современное состояние популяции степного орла на севере Чечни остается неизвестным (Анисимов, 1989; Гизатулин и др., 2001; Гизатулин, 2007).

Имеются не подтвержденные конкретными данными указания о летних встречах и гнездовании этого орла на степных курганах в предгорьях Карачаево-Черкесии (Поливанов, 1988; Поливанов и др., 2000; Караваев, Хубиев, 2013), а также в степях Краснодарского края (Россиков, 1890; Жарова, Жаров 1962; Харченко, Миноранский, 1965, 1967). Однако известно, что успешное размножение данного вида в тех районах, где отсутствуют суслики, фактически невозможно (Варшавский и др., 1989; Белик, 2004, 2019), и поэтому верификация этих сведений без выяснения возможной кормовой базы орла в Западном Предкавказье остается проблематичной. Гнездо степного орла с 1 яйцом было найдено 20.05.1924 в окрестностях Пятигорска, но видовое определение этих птиц тоже осталось под сомнением (Бёме, 1958).

Зимует степной орел на юге Азии и в Африке, куда мигрирует из Заволжья и Калмыкии в основном через Восточное Предкавказье и Центральный Кавказ, а на Западном Кавказе он встречается нерегулярно (Аверин, Насимович, 1938; Ткаченко, 1966; Караваев, 2010). На миграциях может быть легко спутан с похожими по окраске пролётными подорликами; путаница в их определении отмечалась даже при работе с коллекционными материалами (Миграции …, 1982). Пролёт через степные регионы идет днём, широким фронтом, осенью сначала на юго-запад, а затем в генеральном меридиональном направлении. Птицы часто летят вместе с другими орлами и канюками, набирающими в термиках высоту, местами собираются в стаи. Через горы Кавказа пролетают по ущельям на перевалы (Комаров, Липкович, 2000; Караваев, 2010; Караваев и др., 2015).

В теплые зимы отдельные особи могут задерживаться на юге России до начала декабря, а с зимовок возвращаются иногда в конце февраля (Кукиш, 1982; Хохлов, 1995). Однажды в Кабардино-Балкарии этот орел (взрослая самка) был добыт 04.02.1883 **ст.ст.** (Моламусов, 1961, 2017; колл. ЗИН РАН; В.М. Лоскот, эпист., 09.01.2020); кроме того, случайные зимние встречи отмечались в степных предгорьях по югу Дагестана, в Калмыкии и Астраханской обл., но некоторые из них вызывают определенные сомнения (Равкин и др., 1990; Джамирзоев, Ильюх, 1999; Ильюх, Хохлов, 2010; Амосов, 2011; Джамирзоев и др., 2013; Реуцкий, 2014). Указания о других визуальных регистрациях степного орла зимой на юге России (Лебедева, Ломадзе, 2015) однозначно ошибочны. Зимующие степные орлы очень редко встречаются в степях

Азербайджана и восточной Грузии (Patrikeev, 2004; Abuladze, 2013).

Местообитания. Обитает на равнинах и в предгорьях, где облигатно связан с сухими целинными степями и полупустынями, используемыми под пастбища, на которых живут суслики. Гнездятся орлы обычно на земле, иногда на уступах невысоких скал, нередко на небольших кустах и деревьях, а в последние десятилетия часто используют опоры ЛЭП. При отсутствии сусликов добывают мышевидных грызунов, птиц и других животных, но нормально размножаться не могут. Поэтому распашка целинных степей, приводящая к вытеснению сусликов, борьба с сусликами как вредителями и переносчиками инфекций, а также спонтанное исчезновение этих грызунов однозначно вызывают сокращение ареала и численности степных орлов (Белик, 2004; Белик и др., 2015).

Численность. Мировая популяция составляет сейчас около 53-86 тыс. пар, из которых 43-59 тыс. пар гнездится в Казахстане (Атлас …, 2020). Европейская популяция в начале XXI в. насчитывала 800-1200 пар, которые обитают в основном на территории Южной России (Белик, 2014а; European birds …, 2017). Кроме того, в начале XXI в. 65-85 пар гнездилось на востоке Саратовской обл., от 3-5 до 50-60 пар указывалось для юго-востока Самарской обл. и 100-150 пар сохранилось в Оренбургской обл., где большая часть птиц распространена, однако, уже в Зауралье, в Азии (Завьялов и др., 2005; Завьялов, Табачишин, 2006; Лебедева и др., 2009; Давыгора, 2019).

В конце же XX в. в Европейской России обитало до 20 тыс. пар степных орлов (Галушин, 1995, 2001), позже эта оценка была снижена до 5-20 тыс. пар, а сейчас – до 800-1200 пар (Мищенко и др., 2004, 2017). На юге России еще недавно гнездилось около 5-15 тыс. пар, в том числе 3-10 тыс. пар было в ядре ареала в Калмыкии, но в начале XXI в. там осталось всего 500-1000 пар, а сейчас – не более 500-700 пар (Белик, 2004, 2005; Цапко и др., 2009; Меджидов и др., 2011; Меджидов, Музаев, 2013).

В Волгоградском Заволжье в 2013-2014 гг. в Приэльтонье на площади 7.000 км^2 гнездилось около 200-300 пар, что было в 2 раза меньше, чем в начале XXI в. Кроме того, там у водоемов в степи летом были нередки скопления численностью до 40–80 холостых птиц, которые составляли в целом около 60–70% всей заволжской популяции (Белик и др., 2015). В Калачской излучине Дона на 8–10 участках сейчас сохранилось до 20 пар, которые постепенно исчезают вслед за исчезновением сусликов, оставляя после себя пустые гнезда (Белик, 2017).

В Астраханской обл. общая численность орлов неизвестна. В конце XX в. в степных районах на юге области гнездилось до 1,2 пар/100 км^2, а на севере в районе оз. Баскунчак – 8-12 пар/100 км^2; кроме того, там же

у пресного озера учитывали скопления от 20 до 70–80 холостых птиц (Букреев, 1999; Амосов, 2011; Реуцкий, 2014). Но в 2012 г. в Богдинско-Баскунчакском заповеднике нами найдено лишь 1 гнездо, а близ кошар с сохранившимися поселениями сусликов в окрестностях заповедника встречено всего 8 орлов (Белик, 2012).

На севере Дагестана предполагается гнездование до 10 пар (Джамирзоев, Букреев, 2009), в Чечне и Ингушетии в конце XX в. было 5-10 пар (Гизатулин и др., 2001), а на востоке Ставрополья возможно гнездование не более 3 пар (Хохлов, Ильюх, 2013). На юго-востоке Ростовской обл. в конце XX в. гнездилось не более 20–30 пар (Белик, 1996а, 2014), но сейчас, судя по наблюдениям 2019 г., их там, по-видимому, не остались. Всего, таким образом, на юге России к настоящему времени сохранилось, вероятно, не более 800-1100 пар.

Обилие степных орлов в первой половине XX в. на Ергенях и в Калмыкии достигало 21 гнезд/100 км^2 и 100-500 ос./100 км^2, в середине XX в. оно колебалось от 3-4 до 13 пар/100 км^2, а в 1970-е годы снизилось до 2-4 гнезд/100 км^2 (см.: Белик, 2004). На Ергенях у с. Киселёвка Заветинского р-на Ростовской обл. 14.07.1999 на 46 км автомаршрута было учтено 77 птиц, или примерно 25 пар с выводками, т.е. около 54 пар/100 км^2 (Белик, 1999), но 26.06.2019 там же мы не встретили ни одного орла на 54 км маршрута по целинным степям. В 2010 г. обилие птиц в Калмыкии в среднем составило 1,277 пар/100 км^2, достигая на Сарпинской низменности 2-3 и более пар/100 км^2 (Меджидов и др., 2011). В Волгоградском Заволжье в начале XXI в. обилие в разных районах и по данным разных исследователей колебалось от 1,3 до 24,6 пар/100 км^2, но в наиболее оптимальных районах вокруг озёр Эльтон и Булухта не превышало в среднем 3-4 пар/100 км^2, обычно же составляло от 2,1 до 2,5 пар/100 км^2 (Пименов, 2013; Белик и др., 2014; Белик, 2017).

Охранный статус. Был включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория), но сейчас переведен во 2 категорию (Приказ …, 2020). Вид занесен в Красные книги почти всех регионов Южной России, кроме Краснодарского края и Адыгеи, где он не гнездится. В Северной Осетии указан как исчезнувший вид (0 категория). Важными элиминирующими факторами являются браконьерский отстрел и гибель на опорах ЛЭП, но в основе деградации гнездовых популяций степного орла была распашка целинных степей, а в последнее время – спонтанное, повсеместное исчезновение малого суслика (*Citellus pygmaeus*) – основного кормового объекта этих орлов, который вымирает в степях и полупустынях из-за разрастания густого высокотравья вследствие увлажнения степного климата, а также резкого сокращения пастбищной нагрузки в конце XX в. (Белик, 2004; Белик и др., 2015).

89. Подорлик большой *Aquila clanga* Pallas, 1811

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, распространенный в бассейне Дона, а на остальной территории Южной России бывает на миграциях, местами встречается зимой (Банников, 1948; Ильюх, Хохлов, 2010; Джамирзоев и др., 2013; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2014, 2016; и др.). Все сведения о летних встречах и гнездовании большого подорлика на Кавказе (Радде, 1884; Вильконский, 1897; Сатунин, 1912; Бёме, 1926; Туров, 1932; Аверин, Насимович, 1938; Очаповский, 1967, 2017; и др.) относятся, очевидно, к малому подорлику.

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид. Иногда вместе с малым подорликом и индийским орлом *A. hastata* выделяется в отдельный род *Clanga* (Dickinson, Remsen, 2013). На степном юге России почти до конца XIX в. за большого подорлика часто принимали внешне похожего на него степного орла (Богданов, 1871, 1879; Яковлев, 1872, 2015; Динник, 1886; и др.), который стал известен как особый вид *Aquila orientalis* (Cabanis, 1854) лишь с середины XIX в. (см.: Белик и др., 2014; Белик, Галушин, 2018).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Прибалтики до Приморья и Китая. На юге России обитает только в Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона, а также в Волгоградской обл. по рекам бассейна Среднего Дона (Белик, 1996а, 2014, 2017; Белик, Ветров, 1998; Белик и др., 2014). В Ростовской обл. гнездовья найдены в 1982 и 1999 гг. на Среднем Дону в районе стан. Вёшенской; по Сев. Донцу птиц отмечали в Провальской степи и близ устья р. Деркул на границе с Украиной (Образцов, 1956; Белик и др., 2012); кроме того, 13.04. и 03-04.05.85 подорлик активно токовал у стан. Нижнекундрюченской в Усть-Донецком р-не; наконец в июле 1998 г. большой подорлик встречен нами в пойменном лесу на берегу Дона в Волгодонском р-не (Белик, 1996а, 1999, 2005, 2014). В начале XX в., 18.05.1919 **ст.ст.**, его отмечали также в дельте Дона (Белик и др., 2012).

В Волгоградской обл. местообитания этого подорлика известны на Арчедино-Донских песках, где в 1996 г. найдено гнездо со слетком, а в 2008 г. – строившееся гнездо другой пары; там же в 2008 и 2011 гг. отмечены еще 2 пары. Пару птиц наблюдали в августе 1996 г. на р. Медведица у пос. Даниловка, а 20.06.2008 пара больших подорликов охотилась на сусликов на правобережье Дона близ устья р. Иловля (Белик, Ветров, 1998; Белик и др., 2014; Белик, 2017; Белик, Гугуева, 2021).

По Хопру большие подорлики гнездятся в Воронежской и Саратовской

обл. (Измайлов, 1940; Белик, Ветров, 1998; Земляной, Мосейкин, 2000); ниже по его течению одну птицу наблюдали 13.05.1961 у стан. Усть-Бузулукской в Волгоградской обл. (Е.И. Врублевский, дневники), позже там в ряде мест подорликов отмечал В.Ф. Чернобай (2004), но найти их гнездовья в низовьях Хопра нам не удалось (Белик и др., 2014; Белик, 2017). В начале XX в. гнездование большого подорлика указывали для Нижней Волги у Сарепты (Волгограда), а также в ее дельте (Мензбир, 1895; Хлебников, 1924; Лорец, 1928), однако достоверные данные, свидетельствующие о размножении этого вида в Астраханской обл., отсутствуют (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

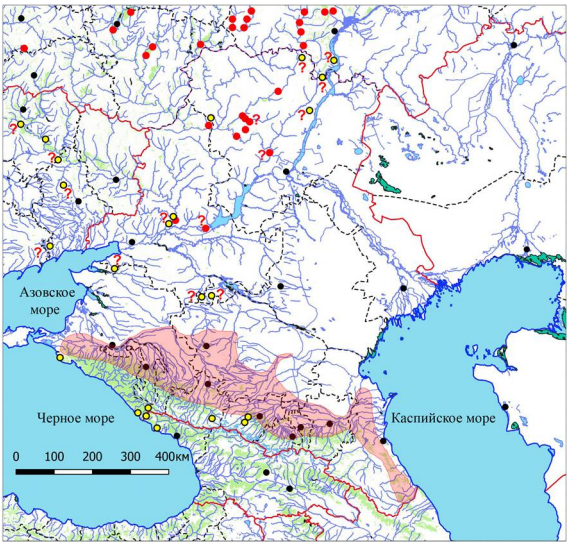


Рис. 30. Гнездовые находки большого подорлика (красные пуансоны), гнездовой ареал малого подорлика и места его летних встреч (черно-желтые пуансоны) на юге России и Украины. Видовое определение подорликов и характера их пребывания при визуальных регистрациях в зоне симпатрии не всегда имеют достаточно обоснованные документальные подтверждения

Зимует большой подорлик в Африке и Южной Азии, на Ближнем Востоке и местами на юге Европы. Изредка он встречается зимой в Азербайджане и на низменностях Западной Грузии (Patrikeev, 2004; Abuladze, 2013), а также в Крыму (Домашевский, 2017). На юге России зимой случайно встречался в Астраханской обл. (Реуцкий, 2014) и в Дагестане близ Махачкалы, в устьях Терека, Сулака и Самура (Банников, 1948; Ильюх, Хохлов, 2010; Джамирзоев и др., 2013). Изредка остается на зиму также на Черноморском побережье Кавказа и

по долине Кубани в Западном Предкавказье, где несколько раз наблюдали подорликов, определявшихся как малые (Очаповский, 1967б; Лохман, 2002; Тильба, 2006; Динкевич, 2014), но какие-либо описания этих птиц, позволяющие подтвердить их определение, отсутствуют (П.А. Тильба, личн. сообщ.). Лишь мечение гнездовых птиц передатчиками позволило в 2020/21 г. подтвердить зимовку этого вида в низовьях Кубани (Мищенко и др., 2021).

Мигрирует на зимовки широким фронтом через всю Южную Россию, где отмечался во всех регионах. Однако из-за значительного сходства с малым подорликом и степным орлом на пролёте достоверно регистрируется сравнительно редко (Белик, 1997, 1998, 2001). Летит днем, обычно на значительной высоте, чаще в одиночку, но нередко держится в пролетных стаях вместе с другими орлами и канюками.

Местообитания. В прошлом большой подорлик гнездился в различных типах равнинных лесов: в хвойных и лиственных, в нагорных дубравах, в аренных борах, березняках, пойменных лесах и др. Но сейчас на юге ареала везде предпочитает глухие, труднодоступные для человека, заболоченные ольшаники в поймах рек и в котловинах среди песчаных террас. Охотится обычно на грызунов, преимущественно на водяную полёвку, а также на птиц среди влажных лугов и болот, а в степной зоне добывает сусликов на степных пастбищах.

Численность. Европейская популяция, по последним данным, насчитывает 770-1040 пар, из которых на территории Европейской России гнездится от 600-800 до 750-1000 пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России сейчас может обитать до 10-20 пар (Белик, 2005а, 2014а), в том числе в Ростовской обл. гнездится, очевидно, не более 2–3 пар, а в Волгоградской обл. в настоящее время известно всего 4-5 мест гнездования (Гугуева, Белик, 2013; Белик, 2014, 2017). Прежняя оценка численности на Дону (Белик, Ветров, 1998), по-видимому, была завышена, хотя при экспедиционных исследованиях не исключен пропуск этих скрытных птиц; в последние десятилетия продолжается, вероятно, также сокращение их численности.

На осенних миграциях в XIX в. большой подорлик был довольно обычен в Северном Приазовье (Алфераки, 1910), но в сентябре 1998 г. в дельте Дона учтены всего 1-2 пролетных больших подорлика против 31 малого (Белик, 2001). В Карачаево-Черкесии в 2002-2005 гг. наблюдали всего 5 мигрантов в апреле-мае и 14 особей – в августе-октябре (Караваев, 2010). В Грузии в «бутылочном горлышке» на восточном побережье Черного моря в период осенних миграций в 2008 и 2009 гг. учтено всего 74 и 75 больших подорликов, тогда как малых

пролетело 1.814 и 3.512 особей (Verhelst et al., 2011).

Охранный статус. В Красную книгу России (2001) включен как вид, сокращающий численность (2 категория). На юге России занесен в Красные книги Ростовской и Волгоградской обл. (1 категория), Карачаево-Черкесии, Чечни и Дагестана (2 категория), Астраханской обл. (3 категория) и Калмыкии (4 категория). В основе недавней депрессии популяций этого подорлика лежали браконьерский отстрел и беспокойство птиц у гнезд, а также вторичная пестицидная интоксикация и сокращение кормовой базы из-за почти повсеместного исчезновения водяной полёвки (Белик, 1997, 1999, 2000а). Сейчас к исчезновению сохранившихся спорадичных гнездовий большого подорлика может вести расселение орлана-белохвоста, начавшего заселять заболоченные ольховые леса, где ранее гнездились подорлики (Maciorowski et al., 2014; Белик, 2017).

90. Подорлик малый *Aquila pomarina* C.L. Brehm, 1831

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Астраханской обл., где он отмечался только на пролете (Белик и др., 2008, 2014, 2016; Ильюх, Хохлов, 2010; Реуцкий, 2014). Указания о зимовке этого вида в Предкавказье (Очаповский, 1967б; Тильба, 2006; Мнацеканов, 2007; Моламусов, 2017; и др.) не подтверждены документально и представляются сомнительными.

Зоогеографические связи. Без индийской формы *A. hastata* это типичный представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид. Прежде к этому виду относили также форму *A. hastata*, населяющую Индостан (Дементьев, 1951; Степанян, 2003), а сейчас выделяющуюся в самостоятельный вид (Dickinson, Remsen, 2013). На Кавказе нередко встречаются очень темные особи, внешне сходные с *A. clanga*, которых Н.А. Северцов относил к особому подвиду малого подорлика *A. naevia subnaevia* (Мензбир, 1882; Белик, 2014). Анализ митохондриальной ДНК северокавказских птиц показал, что здесь обитает тот же подвид, что и в Европе, но его генетическое разнообразие намного выше, чем у европейских птиц. Это свидетельствует о том, что кавказская популяция является относительно древней и в прошлом не испытывала глубоких депрессий численности (Väli et al., 2009).

Распространение. Гнездится в Центральной и Восточной Европе от Германии до Поволжья, а также на Балканах, в Малой Азии и на Кавказе. На юге России широко распространен в предгорных и низкогорных лиственных лесах Кавказа от Краснодарского края до Дагестана, а в

Приэльбрусье по горной лесостепи, заселенной сусликами, местами поднимается в среднегорья (Белик и др., 2008; Белик, 2020). Обычен подорлик также в пойменных лесах по равнинным рекам Предкавказья: Кубани, Куме, Тереку и их притокам, реже гнездится в нагорных лесах Ставропольского плато (Кисленко, 1983; Белик и др., 2008; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2016, 2019). Изредка встречается летом в лесах Черноморского побережья от Абрау до Пицунды, но его гнездование там достоверно не подтверждено (Лауниц, 1912; Сушкин, 1914; Кудашев, 1916; Белик, Бабкин, 2010; Белик, 2015).

В последние десятилетия по искусственным степным лесам, а затем и по лесополосам малые подорлики стали расселяться на север, проникнув до Нижнего Дона и почти до Маныча. В 1990-е годы они были несколько раз встречены в старом Ленинском лесхозе на юге Азовского р-на Ростовской обл., куда проникли, возможно, еще в 1970-е годы (Белик, 1994, 2009а; Забашта, 1998). Летом 1997 и 1999 гг. подорликов дважды наблюдали в пойме Дона в Усть-Донецком р-не, а 01.06.1999 у стан. Нижнекундрюченской в низовьях Сев. Донца встречены сразу 3 малых подорлика, долго паривших над песчаной террасой (Белик, 1999; Белик и др., 2001). Малые подорлики отмечены также 26.06.2013 в лесополосе среди степей в Городовиковском р-не, а 19.07.2014 еще один подорлик наблюдался среди лесополос в полях Яшалтинского р-на на западе Калмыкии (Музаев, Эрдненов, 2013; наши данные).

В настоящее время с запада расселяется также европейская популяция, замещающая в Восточной Европе большого подорлика, который здесь постепенно исчезает, и сейчас малые подорлики достигли уже Среднего Дона и Приволжской возв. на севере Волгоградской обл. В 1992-1998 гг. предположительно малые подорлики встречались и гнездились в байрачных лесах Даниловского оврага на севере Камышинского р-на на правобережье Волги, а в 2002 г. гнездо малого подорлика было найдено также в соседнем Красноармейском р-не Саратовской обл. (Мосейкин, 2000, 2003). Однако подтвердить там пребывание подорликов в дальнейшем не удалось (Шляхтин, Завьялов, 2006).

В августе 2008 г. близ с. Белогорка Камышинского р-на вновь наблюдали малого подорлика, охотившегося в колонии сусликов (Белик и др., 2014). Похожий одиночный подорлик встречен также 03.08.1996 в долине р. Медведица в Жирновском р-не (Белик, Ветров, 1998). Пару орлов, судя по всем признакам – типичных малых подорликов, наблюдали 02.05.1999 в обширном Шакинском лесу на правобережье Хопра в Кумылженском р-не, где в лесистой балке, по опросным данным, было известно гнездо крупных орлов (Белик, 2005). Гнездование подорликов указывалось также для низовий Волги (Мензбир, 1895;

Хлебников, 1924, 1928), в том числе там отмечали сразу оба их вида (Лорец, 1928), поэтому не исключено, что в прошлом из лесов в низовьях Терека и Кумы на Волгу могли проникать кавказские малые подорлики.

Зимует малый подорлик в Африке. Подорликов, определявшихся как малые, изредка наблюдали зимой также на Черноморском побережье Кавказа, по долине Кубани в Западном Предкавказье и в Кабардино-Балкарии (Очаповский, 1967б; Лохман, 2002; Тильба, 2006; Динкевич, 2014; Моламусов, 2017), но какие-либо описания этих птиц, позволяющие подтвердить их определение, отсутствуют (П.А. Тильба, личн. сообщ.).

Пролет малых подорликов на зимовки из Восточной Европы идет в меридиональном направлении через степные регионы Южной России, в основном через Западное Предкавказье (Белик, 1997, 2001; Белик и др., 2008), а также по долинам горных рек на перевалы, но в горах Северного Кавказа миграции выражены слабо (Тильба, 1999, 2006; Комаров, Липкович, 2000; Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Караваев, 2010; Караваев и др., 2015). Азовское море европейские птицы облетают осенью с востока, поворачивая затем в дельте Дона на юг (Белик, 1997, 2001); вдоль Черноморского побережья Кавказа птицы тоже летят на восток до «бутылочного горлышка» в районе г. Батуми (Птушенко, 1959; Jähme, 1965; Verhelst et al., 2011).

Местообитания. Гнездится в самых различных типах лесов на равнинах и в горах, предпочитая загущенные пойменные насаждения рядом с луговыми и степными пастбищами, где охотится на различных грызунов, ящериц, слётков птиц и других животных. В последнее время подорлики освоили гнездование в лесополосах среди полей степного Предкавказья. По горностепным пастбищам, заселенным сусликами, подорлики проникают также в среднегорья Центрального Кавказа.

Численность. Европейская популяция насчитывает 16,4-22,1 тыс. пар, из которых в европейской части России гнездится от 1,0-1,3 до 1,8-2,2 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в начале XXI в. общая численность оценивалась в 50-250 пар, но позже эта оценка была поднята до 200-300 пар (Белик, 2005а, 2014а), а с учетом новых данных, свидетельствующих о продолжающемся быстром росте кавказской популяции и расселении птиц в степную зону (Музаев, Эрдненов, 2013; Белик, 2014, 2016, 2019; Белик, Федосов, 2017), ее современная численность может достигать здесь не менее 1000-1200 пар, в том числе примерно по 300 пар в Краснодарском крае (включая Адыгею) и Карачаево-Черкесии, 150 пар в Ставропольском крае, 100 пар в Дагестане и, как минимум,

по 50 пар в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии. В Ростовской и Волгоградской обл. и в Калмыкии, судя по известным находкам, сейчас может гнездиться, вероятно, пока лишь по 1-3 пары (Музаев, Эрдненов, 2013; Белик, 2014, 2017).

На миграциях этот подорлик летит через Западный Кавказ обычно в одиночку или небольшими группами по 2-4 птицы, изредка до 16 особей; за день здесь учитывали до 25 птиц, а всего за осень – до 80 особей (Мнацеканов, 2012). В Кабардино-Балкарии наблюдались пролетные стаи, летевшие осенью на юго-запад (Моламусов, 2017). Всего же во всех заповедниках и нац. парках Северного Кавказа численность пролетных малых подорликов определена экспертами в 315-740 особей, в том числе 50-250 – в Кавказском заповеднике и 120-160 – в Тебердинском заповеднике (Джамирзоев и др., 2017), но в Грузии в «бутылочном горлышке» на восточном побережье Черного моря в период осенних миграций в 2008 и 2009 гг. было учтено 1.814 и 3.512 малых подорликов (Verhelst et al., 2011).

В дельте Дона на осеннем пролете в сентябре 1994-1998 гг. в створе шириной 1-2 км в пики миграции за день учитывали по 70-159 подорликов, среди которых абсолютно (более 90%) преобладали малые (Белик, 1997, 2001), хотя до начала XX в. их там не встречали (Алфераки, 1910; Белик и др., 2012), а в начале 1970-х годов малый подорлик по численности уже на порядок превосходил большого (Белик, 2001).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория). Занесен в Красные книги Ростовской обл., Краснодарского и Ставропольского края, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Чечни и Дагестана (3 категория), Волгоградской обл. (4 категория) и Кабардино-Балкарии (6 категория). Благодаря организации законодательной охраны, численность малого подорлика в России во второй половине XX в. стала постепенно увеличиваться, а сейчас он начал также расширять свой гнездовой ареал на север в Предкавказье и на восток в бассейне Дона и Волги.

91. Карагуш, или орёл-могильник *Aquila heliaca* Savigny, 1809

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Адыгеи, где его отмечали летом лишь в XIX в. (Россиков, 1890; Белик, 2008, 2009, 2014; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2014, 2016). В некоторых районах Предкавказья карагуш изредка зимует, а местами переходит к оседлому образу жизни (Ильюх, Хохлов, 2010; Джамирзоев и др., 2013).

Зоогеографические связи. Типичный представитель лесостепного фау-

нистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид. Прежде объединялся в один вид с пиренейским императорским орлом *A. adalberti* (Дементьев, 1951; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Западной Евразии от Балкан и Малой Азии до Казахстана и Забайкалья. На юге России издавна населяет лесостепные районы в бассейнах Дона и Волги (Дементьев, 1951; Панчешникова, 1983), местами проникая по различным лесонасаждениям в степную зону на севере Волгоградской и Ростовской обл. Гнездовья птиц днепро-донской популяции известны сейчас в борах на песчаных террасах Среднего Дона и по рекам Калитва и Чир в Ростовской обл. (Белик, 1996а, 1999, 2014; Белик, Галушин, 1999), а до середины XX в. отдельные пары этих орлов встречались также в лесах по Сев. Донцу и Нижнему Дону в Каменском, Белокалитвенском, Красносулинском, Усть-Донецком, Семикаракорском, Цимлянском и Волгодонском р-нах (Варшавский, 1983; Петров, 1990). В Волгоградской обл. гнездовья птиц поволжской популяции сохранились в сосняках на Приволжской возв., а также местами по р. Медведица (Белик, 1999, 2017; Белик и др., 2014).

В полупустынях Заволжья распространена прикаспийская популяция, населяющая Приэльтонье и окрестности оз. Баскунчак (Белик и др., 2010, 2014; Белик, 2012, 2017), откуда ее ареал заходит на правобережье Волги в лесонасаждения на Ергенях (Варшавский, 1983; Белик, 1996а, 2014; Близнюк, 2004; Бадмаев, 2013), проникает в Калачскую излучину и идет дальше вниз по Дону (Белик и др., 2010, 2014; Белик, 2014, 2017). Из Нижнего Поволжья, издавна заселенного этим орлом (Becker, 1853; Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Kracht, 1919, 2014), птицы прикаспийской популяции, по-видимому, в XIX в. через Калмыкию проникли также в Предкавказье (Белик, 2008, 2009). Впервые карагуш встречен там осенью 1836 г. в Дагестане у Кизляра, а позже молодая птица была добыта у Дербента (Kaleniczenko, 1839; Радде, 1884).

К концу XIX в., вероятно в результате освоения Нижнего Поволжья и Предкавказья оседлым крестьянством, последовавшего затем сильного сбоя целинных пастбищ и увеличения численности сусликов на степных угодьях, карагуш широко расселился почти по всему Предкавказью – в лесистых долинах Кумы, Терека, Малки и Кубани к западу до Майкопа и Краснодара, а также на Ставропольской возвышенности (Богданов, 1879; Россиков, 1884а, 1890; Динник, 1886; Белик, 2008, 2009; Ильюх, Хохлов, 2010).

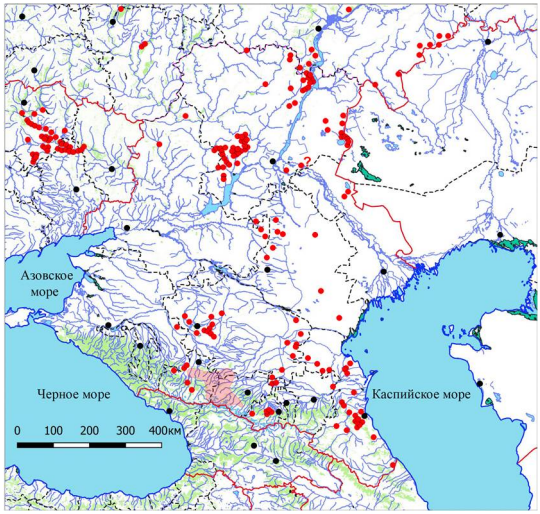


Рис. 31. Гнездовой ареал и известные места гнездования карагуша на юге России и Украины

В это же время карагуш стал появляться и в окрестностях Кисловодска (Lorenz, 1887, 2010), а в начале XX в. у Пятигорска оказался уже весьма обычен (Бёме, 1958). Но лишь в середине XX в. он был найден в аридных горностепных котловинах Балкарии (Моламусов, 1959, 1961, 2017; Иванов, Дмитриев, 1961), а к 1970-м годам заселил весь ареал горного суслика в Приэльбрусье от верховий Кубани до Чегема (Варшавский, Шилов, 1989).

Сейчас расселение этой новой приэльбрусской группировки карагуша продолжается уже за пределы ареала суслика как на запад до р. Уруп в Краснодарском крае (Варшавский, Шилов, 1989; Хохлов, 1995; Поливанов и др., 1999, 2000; Белик, 2019; Мнацеканов и др., 2019; Мнацеканов, Найданов, 2020), так и на восток вплоть до р. Урух в Северной Осетии (Белик, 2016). Карагуш проникает из сухих предгорий также в горы Дагестана, где изредка гнездится в аридных котловинах по р. Аварское и Андийское Койсу и местами в других районах (Варшавский, Шилов, 1989; Белик, Насрулаев, 2019, 2020).

В начале XX в. карагуш гнездился, по-видимому, также на Абрауском полуострове у Анапы, где И.И. Пузанов (1938) собрал в 1929 г. опросные данные о 3 парах «беркутов», обитавших в лесах на приморском хр. Навагир (350-550 м н.у.м.). Но наше знакомство с ландшафтами этого района позволяет предполагать, что там со столь высокой плотностью мог гнездиться, скорее всего, не беркут, а карагуш (Белик,

Бабкин, 2010; Белик, 2013). Он попал туда, возможно, из Крыма, где отмечался у Керчи еще в первой половине XIX в. (Kaleniczenko, 1839). В последнее время появились сообщения о возможном гнездовании карагуша в дельте Кубани (Барабашин, 2010).

Зимует карагуш в основном по югу Азии и на северо-востоке Африки, изредка остается на зиму в Закавказье (Patrikeev, 2004; Abuladze, 2013), а также в Предкавказье и на Черноморском побережье Кавказа (Россиков, 1884а; Динник, 1886; Бернацкий, 1958; Иванов, Дмитриев, 1961), причем в последние десятилетия на Северном Кавказе начали формироваться его стабильные зимовки (Караваев, Хубиев, 2004; Ильюх, Хохлов, 2008, 2010), а в предгорьях на юге Дагестана птицы частично перешли к оседлому образу жизни (Джамирзоев и др., 2013).

Миграции на зимовку идут через всю Южную Россию широким фронтом в меридиональном направлении, в том числе через перевалы Кавказа. Но мигранты чаще встречаются в Восточном Предкавказье (Бёме, 1958; Комаров, Липкович, 1999; Джамирзоев и др., 2000, 2017; Моламусов, 2017), а в Приазовье и Причерноморье они значительно более редки (Алфераки, 1910; Белик, 2001; Караваев, 2010; Verhelst et al., 2011; Тильба, 2017). Мигранты летят днем на различной высоте, обычно в одиночку, но иногда собираются в небольшие скопления.

Местообитания. Гнездится в самых различных лесонасаждениях, на равнинах предпочитая окраины боров на речных террасах рядом с открытыми пространствами, которые служат птицам охотничьими стациями. В пустынно-степных районах орлы используют небольшие рощи, различные колки, лесополосы и отдельные деревья, реже селятся в пойменных лесах. В горах заселяют мозаичные лиственные и хвойные леса низкогорий и среднегорий на высотах до 2000-2300 м н.у.м. В последнее время на равнинах и в горах карагуш переходит к гнездованию на металлических опорах высоковольтных ЛЭП, проходящих среди степей и полей, а также по открытым горным долинам, заселенным сусликами – излюбленным кормовым объектом этого орла (Белик, Тельпов, 2007; Белик, 2008; Белик и др., 2010, 2011).

Численность. Европейская популяция карагуша оценивается сейчас в 1,3-1,9 тыс. пар, большая часть которых (от 1,0-1,3 до 2,0 тыс. пар) распространена в европейской части России (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России после глубокой депрессии в середине XX в. численность птиц стала постепенно увеличиваться и в начале XXI в. оценивалась в 100-200 пар, а позже – 500-700 пар (Белик, 2005а, 2014а).

При этом ее увеличение было связано как с быстрым естественным ро-

стом всех популяций, прежде всего в горах Приэльбрусья, так и с более полным обследованием некоторых гнездовых районов (Белик, 2008, 2009, 2017, 2020; Белик и др., 2008, 2010, 2011, 2017; Гугуева, Белик, 2013). Так, для Волгоградской обл. в 1980-е годы указывали не более 2-3 пар, в начале XXI в. – до 70 пар, а сейчас – не менее 90-110 пар (Чернобай, 1992, 2004а; Белик, 2017). В Приэльбрусье же, например, в 1970-е годы, по ретроспективной оценке, гнездилось всего 30-60 пар (Варшавский, Шилов, 1989; Белик, Галушин, 1999), в 1990-е годы их численность увеличилась там примерно до 150-180 пар, а сейчас достигла 190-240 пар.

Однако по данным региональных Красных книг общая численность карагуша на юге России составляет в настоящее время всего 230-290 пар, что объясняется сильно заниженными оценками во многих регионах, особенно на Центральном Кавказе и в Дагестане. Так, для Дагестана указаны лишь 30-40 пар (Джамирзоев и др., 2009), тогда как в мае 2009 г. там всего за 6 дней нами было найдено 13 жилых гнезд и не менее 11 гнездовых участков, а общая численность в Ногайской степи и на приморской низменности, без учета сухих предгорий, где обилие карагуша было намного выше, оценена в 130-180 пар (Белик и др., 2011).

Это же относится и к Кабардино-Балкарии, для которой приведены всего 10-12 пар (Пшегусов, Джамирзоев, 2018), хотя лишь прямыми наблюдениями там выявлено более 40 гнезд и гнездовых участков карагуша (Варшавский, Шилов, 1989; Белик, 2004, 2009; Белик, Тельпов, 2007; Пшегусов, 2007, 2010; Белик и др., 2017; и др.), а его общая численность только в аридной Северо-Юрской депрессии площадью около 700 км^2 в этом регионе может составлять 140-175 пар (Белик и др., 2017). Кроме того, еще 25-37 пар указаны для Кабардино-Балкарского заповедника и нац. парка «Приэльбрусье» (Липкович, 2009).

Наиболее крупные группировки карагуша сосредоточены сейчас в Волгоградской обл. (90-110 пар), в Калмыкии (не менее 20-30 пар), Ставропольском крае (30-40 пар), Карачаево-Черкесии (не менее 30-40 пар), Кабардино-Балкарии (около 200-250 пар) и Дагестане (до 150-200 пар) (Белик, 2007, 2017; Белик, Тельпов, 2007; Цапко и др., 2009; Бадмаев, 2013; Гугуева, Белик, 2013; Караваев, Хубиев, 2013; Белик и др., 2008, 2011, 2017; и др.). Всего же на юге России сейчас может обитать не менее 550-750 пар.

Обилие птиц в высокогорьях Приэльбрусья в 2004 г. составляло в среднем 5 пар/100 км^2, а в Северо-Юрской депрессии на Центральном Кавказе, где обитают суслики, в 2009 г. оно достигало 20-25 пар/100 км^2, тогда как на Скалистом хребте между Кисловодском и Карачаевском

гнездились всего 2,5 пары/100 км^2. В сухих же предгорьях Дагестана было учтено лишь 1,1 гнездо/100 км^2, на Терско-Сулакской низменности – 0,9 гнезд/100 км^2, а в Ногайских степях – 0,6 гнезд/100 км^2 (Белик, 2004, 2008; Белик и др., 2011, 2017). Обилие карагуша в Калачской излучине Дона с 1996 по 2009 г. увеличилось, в среднем, с 0,3 до 0,7 особей на 10 км маршрута и с 0,8 до 1,5 пар на 100 км^2, т.е. примерно в 2 раза (Белик и др., 2010).

Осенью во время активной миграции через горные перевалы карагуш летит иногда стаями до 5-15 птиц (Комаров, Липкович, 1999). На востоке Ставропольского края за месяц (20.10-15.11.1985) были учтены 62 птицы, пролетевшие на юг (Хохлов, 1995). В верховьях же р. Теберда за осенний сезон пролетает до 50-80 особей, а весной – 30-50 птиц (Поливанов и др., 1999; Караваев и др., 2015).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как вид, сокращающий численность (2 категория). Занесен в Красные книги почти всех регионов Южной России, кроме Адыгеи, где карагуш сейчас не гнездится. В середине XX в. этот орел испытал глубокую депрессию численности по всему ареалу, но после запрета отстрела «вредных» хищных птиц в 1960-е годы его популяции начали постепенно восстанавливаться, а сейчас на юге России наблюдается выраженная тенденция к росту его численности и расселению, что связано отчасти с адаптацией к гнездованию в антропогенных местообитаниях.

92. Беркут *Aquila chrysaetos* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех горных регионов Кавказа, зимующий в равнинных регионах Южной России, где местами гнездился в прошлом (Белик, 2014, 2014а, 2017; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 6 подвидов, из которых номинативный *A. ch. chrysaetos* населяет лесной и лесостепной пояс Западной Евразии и регулярно появляется на зимовках в степной зоне вплоть до предгорий Северного Кавказа (Россиков, 1884а, 1916; Сарандинаки, 1909; Л. Бёме, 1926; Хлебников, 1928; Р. Бёме, 1958), а южная форма *A. ch. homeyeri* гнездится в горах Средиземноморья, Малой и Передней Азии, а также на Кавказе. Птицы, найденные в 1874 и 1895 г. на гнездовье в полупустынях Заволжья и Калмыкии, были отнесены к *A. ch. chrysaetos* (=*nobilis*) (Яковлев, 1874, 2016; Россиков, 1916; Дементьев, 1951). Южная, горная форма отличается от северных птиц меньшими

размерами, более темной окраской оперения, темной шапочкой на темени и более короткими, рыжими, а не золотистыми, удлиненными перьями на затылке и зашейке (Степанян, 2003).

Распространение. Обитает в Северной Евразии и Северной Америке. В России северные беркуты в прошлом гнездились в бассейне Дона и Волги к югу до Харьковской, Тамбовской и Самарской обл. (Дементьев, 1951), местами встречались в Ростовской и Волгоградской обл. и даже в Калмыкии, куда они проникали, по-видимому, уже с востока – из пустынь Заволжья (Яковлев, 1874, 2016; Россиков, 1916; Белик, 2014, 2017; и др.).

В Ростовской обл. в XIX в. беркут указывался как обычный оседлый обитатель донских лесов (Номикосов, 1884; Кондратьев, 1885, 2004; Белик, 1992). Летом его изредка встречали здесь также и в XX в.: в 1934 г. в долине Нижнего Дона; затем дважды в начале 1940-х годов на Ергенях, а пару птиц в ювенильном наряде наблюдали 05.06.1967 в степях Дубовского р-на (Варшавский, 1986; Петров, 1990). В последнее время пара взрослых беркутов, а затем одиночная птица отмечены 25.04.2000 и 10.06.2003 в долине оз. Маныч-Гудило на юго-востоке Ростовский обл., но характер их пребывания не установлен (Савицкий, 2002; Белик, 2004а).

В Волгоградской обл. беркут как предположительно гнездящийся вид был указан в середине XIX в. для Сарепты; в конце 1940-х годов он найден в Салтовском лесу на р. Еруслан, а позже гнездование предполагалось в Даниловском р-не на р. Медведица (Moeschler, 1853; Голованова, 1985; Чернобай, 2004а). Однако в борах по Медведице и Еруслану могли обитать карагуши, которых нередко принимают за беркутов (Белик, 2017).

В Астраханской обл., по опросным данным, гнездо беркута было найдено в мае 1995 г. в Ахтубинском р-не (Русанов, 2011), но судя по дополнительным сведениям, полученным от автора данной находки И.В. Головачева (письмо от 03.06.2021), это гнездо, сделанное на гребне холма, принадлежало, по-видимому, не беркуту, а степному орлу. Однако в июле 1874 г. гнездо беркута с птенцом было осмотрено в Рын-Песках в соседнем районе Казахстана (Яковлев, 1874, 2016). Наконец, описана необычная находка гнезда беркута, строившегося в конце апреля 1895 г. на обрывистой вершине 12-метрового бархана в песках у Белого озера в бывш. Эркетеневском улусе Калмыкии, между пос. Артезиан и Улан-Хол (Россиков, 1916).

На Северном Кавказе беркут гнездится по Главному, Боковому, Скалистому и Меловому хребтам, но в разных регионах предпочитает для гнездования разные условия (Белик, 2014). На Водораздельном хр. его

отмечали от гор Фишт и Чугуш на северо-западе до гор Базардюзю и Шалбуздаг в Дагестане (Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 1995; Насрулаев, 2003; Джамирзоев, 2009), но на Центральном Кавказе субальпийские высокогорья Главного хр. им заселяются редко.

По Боковому хр. беркут гнездится от гор Джуга и Бамбак в Краснодарском крае до Самура в Дагестане, но наиболее характерен он для среднегорий в Приэльбрусье и на Центральном Кавказе (Витович, Ткаченко, 1995; Вуккерт, 1995; Варшавский, Шилов, 1989; Белик, 2004, 2014; Джамирзоев, 2009; Перевозов, 2014), а куэсты Скалистого хр. беркут населяет от р. Уруп в Карачаево-Черкесии до Чечни. Характерен он также для сухих скалистых котловин и ущелий Внутреннего, Известнякового Дагестана вплоть до краевых хребтов у Махачкалы (Вуккерт, 1995; Белик, Тельпов, 2007; Букреев и др., 2007; Джамирзоев, 2009; Белик и др., 2011; Караваев, Хубиев, 2013; Джамирзоев, Букреев, 2020; и др.).

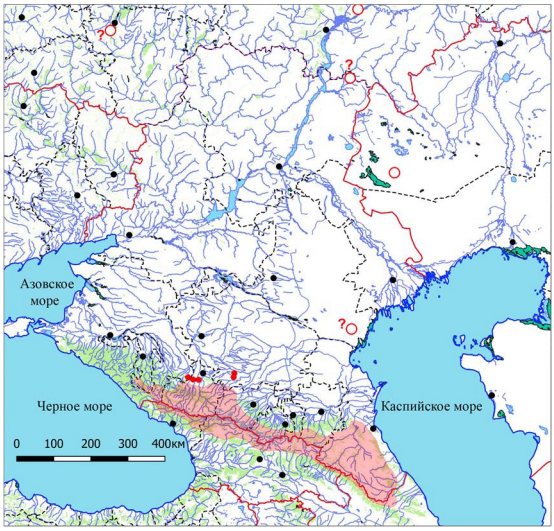


Рис. 32. Гнездовой ареал и известные места гнездования беркута на Кавказе (по: Белик, 2014; с дополнениями). В Придонье и Поволжье красно-белыми пуансонами указаны места прежнего гнездования *A. ch. nobilis*

В районе Кисловодска – между Кубанью и Малкой – беркут заселяет также скалистые ущелья на северных, слабо облесённых склонах Скалистого хр. и переходит на куэсты Джинальского (Мелового) хр. (Тельпов и др., 1988; Хохлов и др., 1990; Белик, Тельпов, 2007; Белик, 2014). По-видимому, после сокращения пастбищной нагрузки в конце

XX в. беркуты с хр. Джинал начали расселяться по Меловому (Пастбищному) хребту на запад, занимая отдельные скальные массивы среди лесостепных предгорных ландшафтов. В последние годы там между Урупом и Кубанью обнаружены гнездовые участки 3 пар, но из-за возрождения пастбищного животноводства и усиления фактора беспокойства в предгорьях эти гнездовья сейчас вновь стали исчезать (Белик, 2019; Мнацеканов и др., 2019).

Гнездование беркута возможно также на Меловом хр. между Малкой и Баксаном, который до сих пор остается совершенно не обследован. К востоку же от Баксана и вплоть до Чечни этот хребет и северные склоны Скалистого хр. покрыты лесами, и гнездование беркута там маловероятно (Белик, 2014).

В XIX в. беркут упоминался также среди постоянных обитателей изолированного скалистого лакколита Бештау на подгорной равнине у Пятигорска к северу от Кисловодска (Дублянский, 1884). Имеется информация о гнездовании беркутов на скалах Бештау также в 1972, 1975, 1979 и 1980 гг., а во второй половине 1990-х годов пара беркутов не менее 2 лет гнездилась на южном склоне горы Змейка у г. Минеральные Воды (Е.В. Парфенов, личн. сообщ.). Сведения же о гнездовании беркутов на лесистом хр. Навагир (350-550 м н.у.м.) на Абрауском полуострове у Анапы (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962) относятся, по всей видимости, к карагушу (Белик, Бабкин, 2010; Белик, 2013, 2014).

Кавказский беркут ведет, как правило, оседлый образ жизни, но зимой нередко кочует в горах в разных направлениях (Витович, Ткаченко, 1995), изредка спускаясь в предгорья и на подгорные равнины вплоть до Ногайских степей в Дагестане и побережья Черного моря в Краснодарском крае (Россиков, 1916; Тильба, 2014, 2017). Северные же птицы, в основном молодняк, зимой откочевывают из лесного пояса на юг и регулярно появляются в степях Южной России вплоть до Краснодарского и Ставропольского края, Северной Осетии и Дагестана (Сарандинаки, 1909; Россиков, 1916; Л. Бёме, 1926; Хлебников, 1928; Р. Бёме, 1958; Петров, 1990; Белик, 1992; Хохлов, 1995; Линдеман и др., 2005; Ломакин, Белик, 2008; Очаповский, 2017; и др.).

Местообитания. На Кавказе беркут гнездится чаще всего на открытых полках и уступах скал преимущественно в лесном и горностепном поясе, а в субальпийских и альпийских высокогорьях обычно охотится на уларов, тетеревов и кекликов. В горных степях и субальпике Приэльбрусья летом охотится также на сусликов. Указания о гнездовании беркута в горах на деревьях (Пузанов, 1938; Варшавский, Шилов,

1989; Джамирзоев, 2009) связаны, скорее всего, с ошибками в определении других видов орлов (Белик, 2004, 2014). В пустынно-степных районах беркут гнездится на одиночных деревьях, изредка на высоких обрывах (Россиков, 1916). В XIX в. он обитал в лесистых местах, а также у скал по берегам Дона (Кондратьев, 1885, 2004). В лесном поясе на севере Евразии беркут гнездится на деревьях, обычно рядом с обширными болотами и лугами.

Численность. Вся европейская популяция насчитывает 9,3-12,3 тыс. пар, из которых в России гнездится всего 0,5-1,0 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России общая численность беркута была определена в 150-200 пар, а позже – в 200-300 пар, что связано с более полным обследованием гнездовых районов, а также с постепенным ростом численности (Белик, 2005а, 2014а). Для отдельных регионов Северного Кавказа в настоящее время указывают 4-5 пар в Краснодарском крае, 2 пары в Адыгее, до 3 пар на юге Ставрополья, 30-40 пар в Карачаево-Черкесии, от 15 до 21 пар в Кабардино-Балкарии, 10-12 пар в Северной Осетии, около 30 пар в Ингушетии и Чечне и 30-40 пар в Дагестане (Липкович, 1999; Дзуев, 2000; Гизатулин и др., 2001; Батхиев, Точиев, 2007; Джамирзоев, 2009; Тильба, Мнацеканов, 2012; Хохлов, Ильюх, 2013; Караваев, Хубиев, 2013; Тильба, 2017; Пшегусов, Джамирзоев, 2018).

Однако в некоторых региональных Красных книгах оценки численности беркута существенно занижены. Так, в Кабардино-Балкарии, где проводили многократные специальные поиски и учеты орлов (Варшавский, Шилов, 1989; Вуккерт, 1995; Белик, 2004, 2009; Белик, Тельпов, 2007; Липкович, 2009), гнездится до 50-70 пар, т.е. в 3-4 раза больше, чем указано выше (Белик, 2014).

Для горного Дагестана, площадь которого составляет примерно 25 тыс. км^2 (Гюль и др., 1959; Джамирзоев и др., 2000) и сопоставима с площадью горных территорий всех остальных республик Северного Кавказа, указано всего 30-40 пар беркутов (Джамирзоев, 2009). Но здесь только на КОТР, которые занимают в целом около 15% горной территории Дагестана, выявлено 14-23 пары беркутов (Ключевые …, 2009). Поэтому, основываясь лишь на этих показателях, без учета весьма вероятного в горных условиях пропуска птиц, общую численность беркута в Дагестане можно оценить, ориентировочно, в 100-150 пар. Нами же в мае 2009 г. в горах Дагестана всего за 2 дня найдено 3 жилых и 1 старое гнездо и учтено еще до 5 гнездовых участков (Белик и др., 2011).

В Калмыкии в местах концентрации сайгаков беркуты в XX в., как зимой, так и летом собирались иногда скоплениями до 5-20 особей, кормясь

на погибших животных (Близнюк, 1993, 1998, 2004). В горах Приэльбрусья в очагах расселения сусликов обилие птиц в 2004 г. превышало 4 пары/100 км^2, а в горном Дагестане в 2009 г. – 1,6 пар/100 км^2 (Белик, 2004; Белик и др., 2011). На КОТР в горах Северного Кавказа в начале XXI в. обилие составляло в среднем 0,46-0,73 пар/100 км^2 (Белик, 2014).

Но в XIX в. беркут на Кавказе был очень редок (Nordmann, 1840; Динник, 1877, 1884, 1886; Дублянский, 1884; Радде, 1884; Россиков, 1888), и многие исследователи не встречали его здесь вовсе (Menetries, 1932; Богданов, 1879; Lorenz, 1887, 2010). В первой половине XX в. он отмечался в горах чаще, но тоже был немногочислен или редок (Сушкин, 1914; Шарлеман, 1915; Л. Бёме, 1926, 1933; Гептнер, 1926; Красовский, 1932; Аверин, Насимович, 1938; Р. Бёме, 1958; Иванов, Дмитриев, 1961; Моламусов, 1961, 2017; Ткаченко, 1966; Зубаровський, 1977; и др.). И лишь во второй половине XX в. беркут на Северном Кавказе стал более или менее характерным видом (Тильба, Казаков, 1983; Комаров, 1985; Липкович, 1988; Анисимов, 1989; Варшавский, Шилов, 1989; Витович, Ткаченко, 1995; Вуккерт, 1995; Тильба, 1995; и др.). Медленный рост численности продолжается здесь и сейчас (Белик, 2014).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория) и под разными категориями занесен в Красные книги всех регионов Южной России. После взятия хищных птиц под особую охрану кавказская популяция беркута начала быстро увеличивать численность и расселяться, в том числе выходя в лесостепные предгорья, но северные, равнинные популяции по-прежнему находятся под прессом браконьерства, повышенной гибели на опорах ЛЭП и других элиминирующих и лимитирующих факторов.

93. Орлан-долгохвост *Haliaeetus leucoryphus* (Pallas, 1771)

Характер пребывания. Редкий залетный вид равнинных регионов Южной России (Варшавский, 1983; Белик, 2006; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится на севере Индостана, в Бангладеш и Бирме, а весной в послегнездовой период откочевывает к северу вплоть до Средней Азии и Казахстана, Тибета и Монголии, залетая в прикаспийские регионы России, реже – в Придонье и даже в Крым (Сушкин, 1908; Дементьев, 1951; Варшавский, 1983; Белик, 2006). Подавляющее большинство орланов прилетало на юг России лишь в мае-июне, причем в мае 95% составляли взрослые особи, а в июне среди них было уже 33% неполовозрелых птиц. К осени численность орланов на

юге России снижалась, вероятно, в связи с их отлетом в Индостан в районы гнездования (Белик, 2006).

Достоверные находки долгохвоста на юге России, подтвержденные добытыми особями, отмечены в Астраханской обл. (3 птицы), в Дагестане (2), в Северной Осетии (2), в Ставропольском крае (1) и возможно – в Краснодарском крае (Очаповский, 2017). Визуально же этих птиц регистрировали во всех регионах, кроме Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Чечни и Ингушетии (Белик, 2006; Белик и др., 2016). Следует иметь в виду, что некоторое внешнее сходство этого орлана с молодыми беркутами и орланами-белохвостами иногда может вызвать путаницу в их определении (см.: Сушкин, 1908; Белик, 1997; Опарин и др., 2016; Фефелов, 2016).

Местообитания. Гнездится на деревьях по берегам водоемов, служащих основной кормовой стацией. В период послегнездовых кочевок в Казахстане, Средней Азии и на юге России тоже предпочитает различные водоемы, крупные реки, озера, берега морей, где орланы добывали рыбу, лысух, ондатр (Сушкин, 1908; Гусев, Чуева, 1951; Корелов, 1962), но нередко они появлялись также в степи, где охотились на сусликов и других грызунов (Варшавский, 1983).

Численность. Мировая популяция оценивается сейчас в 1,0-2,5 тыс. взрослых особей (https://www.iucnredlist.org/species/22695130/131934599) и продолжает сокращаться. На юге России и в Западном Казахстане в течение XX в. было отмечено около 60 залетных особей, при этом основная масса регистраций пришлась на 20-80-е годы, после чего встречи с орланами здесь практически прекратились. Особенно резкие спады числа встреч пришлись на 50-е и 70-е годы, когда в Прикаспийской низменности для борьбы с грызунами начал широко применяться фосфид цинка, который, возможно, и привел к вымиранию популяции, летовавшей в пустынях Прикаспия (Белик, 2006).

Охранный статус. Был включен в Красную книгу России (2001) как вид, находящийся под угрозой исчезновения (1 категория), но сейчас переведен во 2 категорию (Приказ …, 2020). На юге России занесен в Красную книгу Астраханской обл. как исчезнувший вид (0 категория). В качестве причин депрессии популяций этого орлана называют изменения природных условий, в частности деградацию водно-болотных угодий, исчезновение гнездовых деревьев, а также отстрел птиц как вредителей ондатроводства (Галушин, 2001). Не менее важным фактором следует считать, очевидно, также интоксикацию родентицидами в Казахстане и Средней Азии (Белик, 2006).

94. Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий вид всех равнинных регионов Южной России (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014; Белик и др., 2014, 2016). На осенне-зимних кочевках изредка встречается также в горных районах Кавказа (Аверин, Насимович, 1938; Ткаченко, 1966; Тильба, 1995; Караваев, Хубиев, 2013; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В России обитает номинативный подвид. Вторая форма является эндемиком Гренландии (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Северной Евразии от Атлантики до Тихого океана, а также в Исландии и на юге Гренландии. На юге России в XIX в. этот орлан был широко распространен по лесистым долинам всех крупных рек степной зоны (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871, 1879; Яковлев, 1872, 2015; Кондратьев, 1885, 2004; Алфераки, 1910), гнездился в нагорных лесах на Ставропольской возв. и местами заходил даже в горы (Динник, 1884, 1886). Но уже в начале XX в. он стал встречаться значительно реже как на реках Предкавказья (Бёме, 1925, 1926, 1929; Кистяковский, 1932; Ефимцева, Яценко, 1935), так и по Дону (Сарандинаки, 1909; Варшавский, 1965; Белик и др., 2012) и даже в низовьях Волги (Огнев, 1913; Хлебников, 1924; Лорец, 1928), хотя в ее дельте еще долгое время оставался достаточно обычен (Бостанжогло, 1911; Хлебников, 1930; Воробьев, 1936).

До середины XX в. отдельные пары продолжали держаться в лесистых горах вдоль Черноморского побережья Кавказа: на Абрауском полуострове, у Джанхота, Пшады, Вардане, Сочи, Малого Ахуна, Кудепсты, Пицунды, Гудауты, Афона (Кудашев, 1916; Мензбир, 1925; Стаховський, 1938; Бернацкий, 1958; Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 1967, 2017). Но в степных регионах Южной России орлан к середине XX в. уже практически полностью исчез, сохранившись лишь в дельте Волги (Луговой, 1963; Кривоносов и др., 1977; Галушин, 1980, 1983). Кроме того, одна пара продолжала гнездиться в заповеднике на Хопре в Воронежской обл. (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963).

Во второй половине XX в., после прекращения преследования хищных птиц, запрета использования опасных пестицидов и улучшения кормовых условий благодаря появлению крупных водохранилищ и рыборазводных прудов в долинах рек, численность орлана и его ареал стали постепенно восстанавливаться. Вероятно, из дельты Волги он расселился на север по Волго-Ахтубинской пойме, а к середине 1970-х

годов проник на Дон, где в 1976-1979 гг. его гнезда были найдены близ устья р. Иловля, в низовьях Хопра и на берегах Цимлянского вдхр. (Белик и др., 2014).

В 80-90-е годы орлан широко и довольно плотно заселил уже всю долину Нижнего и Среднего Дона и его крупные лесистые притоки Сев. Донец, Чир, Хопер, Медведицу и Иловлю, а затем начал осваивать мелкие степные речки в Калачской излучине Дона (Левая Добрая, Лиска, Большая Голубая, Сухая Перекопка, Донщинка), где гнездился в узких галерейных лесах вдоль рек, а охотился в колониях сусликов.

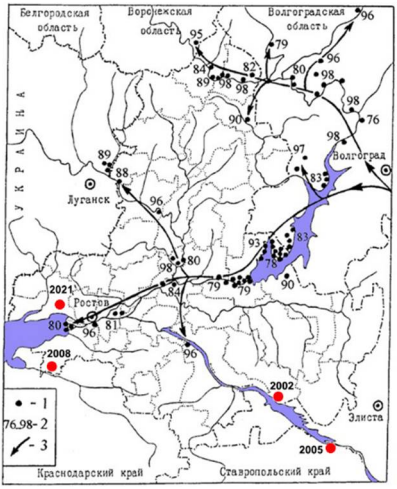


Рис. 33. Расселение орлана-белохвоста в бассейне Дона в 1976-1998 гг.
1 – гнезда и гнездовые участки; 2 – годы обнаружения; 3 – пути расселения (по: Белик, 2000а; с дополнениями)

Отдельные пары заселили также обширные водораздельные леса Волго-Донского междуречья (Тетеревятская гряда в верховьях р. Иловля, Шакинский лес на правобережье Хопра) и лесонасаждения на островах и супесчаных террасах вдоль левого берега Волгоградского вдхр., а с 1986 г. загнездились также на р. Еруслан в Заволжье (Завьялов и др., 2005; Мосейкин, 2008). В 1980-е годы орлан продолжил расселение вверх по Волге уже в пределы Саратовской обл., где ряд его гнездовий был найден нами в 1984 г. в лесистых правобережных балках на юге Красноармейского р-на (Белик и др., 2014; Гугуева, Белик, 2016).

Вероятно в результате дисперсии птиц из сверхплотных группировок, сформировавшихся в низовьях Волги и Дона (Гугуева и др., 2008, 2010; Белик, 1983, 1988, 1994, 2007; Русанов, Реуцкий, 2014; Гугуева, Белик,

2016; Мещерякова, Перковский, 2016), в конце XX в. началось заселение долин Маныча, Кубани, Кумы, Терека, низовий Сулака и Самура (Костин, 1989; Галушин, Костин, 1990; Белик, 2004а, 2014; Мнацеканов, 2006; Федосов, Маловичко, 2006, 2014; Мнацеканов, 2007; Джамирзоев, Букреев, 2009; Букреев, Джамирзоев, 2013; Лохман, 2017).

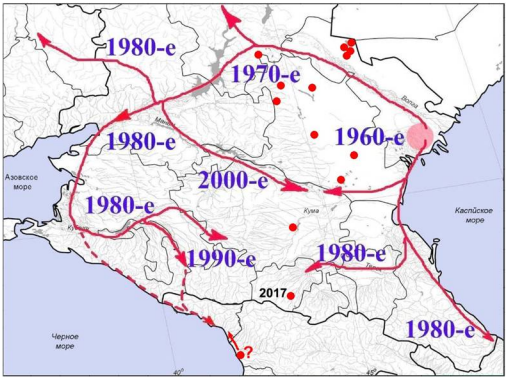


Рис. 34. Предполагаемые пути и годы расселения орлана-белохвоста в последние десятилетия из дельты Волги, и его проникновение в степные районы и в горы на юге России

Орланы освоили гнездование также в полезащитных лесополосах степного Предкавказья и вновь появились в нагорных лесах Ставропольской возвышенности (Федосов, Маловичко, 2006, 2014; Белик и др., 2008; Белик, 2014; Ильюх, 2014), кроме того, летом они вновь стали отмечаться на Пицунде в низовьях р. Бзыбь (Белик, 2015), наконец, начали гнездится на Ергенях и в полупустынных районах Калмыкии и Заволжья (Близнюк, 1997, 2004; Амосов, 2010, 2012; Белик, 2012; Белик и др., 2014; Пименов, 2014). А однажды 02.07.2017 взрослые орланы встречены нами в верховьях р. Чайнашка между Череком Балкарским и Безенгийским, где на субальпийских пастбищах находится большое поселение горного суслика, однако подтвердить там гнездование орланов пока не удалось. Можно полагать, что тенденция к заселению новых районов орланами будет продолжаться и дальше.

Взрослые орланы на юге России обычно зимуют парами у своих гнездовий, ремонтом которых они занимаются с осени, а молодняк в осенне-зимний период широко кочует, в том числе много птиц прилетает в Предкавказье и в Прикаспийские районы из более северных регионов. Здесь вдоль Волги и Нижнего Дона регулярно наблюдаются выраженные сезонные миграции птиц, а зимой в кормных местах сейчас нередко формируются их значительные скопления. Мигранты летят

днем, на разной высоте, как правило – хорошо заметны. На местах зимовок обычно преобладает молодняк, но в суровые зимы происходит увеличение доли взрослых птиц. Так, в Дагестане в ноябре 2008 г. соотношение взрослых и молодых составляло 4 : 3, а в морозном январе 2012 г. – 7 : 3 (Джамирзоев и др., 2013). В степях же Калмыкии в январе, при наступлении морозов, численность зимующих орланов обычно резко снижалась (Близнюк, 1993, 1998).

Местообитания. Гнездованием тесно связан с лесами по берегам рек, озер, морей и других водоемов, на которых добывает рыбу. Сейчас нередко гнездится на одиночных деревьях, а также в лесонасаждениях и в полезащитных лесополосах среди степей и полупустынь, охотясь там на сусликов и других животных (Белик и др., 2008; Пименов, 2014); местами селится на прибрежных скалах (Мазина и др., 2012) или на заломах тростника и даже на земле среди плавней (Русанов, Реуцкий, 2014; Русанов, 2016, 2020). В последнее время активно осваивает гнездование на опорах ЛЭП и различных заброшенных сооружениях (Пестов, 2005; Белик, 2013; Букреев, Джамирзоев, 2013; Музаев, 2013). В горы может проникать вплоть до 1200-1800 м н.у.м. (Динник, 1884, 1986), а по нашим наблюдениям в Балкарии – даже до 2300 м н.у.м.

Зимой орланы держатся стаями в местах концентрации водоплавающих птиц, на прудах рыбхозов, у рыбзаводов, а также на свалках и у птицефабрик, где кормятся падалью (Хохлов, 1995; Мнацеканов и др., 2003; Федосов, Маловичко, 2006; Букреев, Джамирзоев, 2013; и др.). В прошлом много орланов собиралось возле рыбаков на льду Азовского и Каспийского морей или в районах боя каспийских тюленей, где охотились за новорожденными тюленями (Яковлев, 1872, 2015; Алфераки, 1910; Хлебников, 1930; Луговая, 1958), а в степях Калмыкии концентрировались в местах промысла сайгаков или кормились падалью вместе с волками (Яковлев, 1872, 2015; Кривоносов, 1963; Близнюк, 1993, 1998).

Численность. Вся европейская популяция насчитывает 9,0-12,3 тыс. пар, из которых в Европейской России гнездится от 2 до 3 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в начале XXI в. популяция оценивалась в 800-1000 пар (Белик, 2005а, 2014а). По отдельным регионам сейчас гнездится не менее 80-100 пар в Ростовской обл., 217-285 пар в Волгоградской обл., около 270-300 пар в Астраханской обл., 20-30 пар в Калмыкии, не менее 100-120 пар в Краснодарском крае и Адыгее, не менее 50 пар на Ставрополье, 1-2 пары в Карачаево-Черкесии, не менее 3-5 пар в Кабардино-Балкарии, не менее 2 пар в Северной Осетии, не менее 1-3 пар в Чечне

и Ингушетии, 20-25 пары в Дагестане, т.е. всего 764-922 пары (Комаров, Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001; Цапко и др., 2009; Мнацеканов и др., 2012; Букреев, Джамирзоев, 2013, 2020; Караваев, Хубиев, 2013; Музаев, 2013; Динкевич, 2014; Русанов, Реуцкий, 2014; Федосов, Маловичко, 2014; Белик, Федосов, 2017; Лохман, 2017; Чернобай, Гугуева, 2017; Пшегусов, Джамирзоев, 2018; Белик, 2019; Мнацеканов и др., 2020).

Учитывая, однако, весьма вероятный недоучет гнездовий, особенно в бассейне Терека в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии, а также продолжающийся в последние десятилетия быстрый и повсеместный рост численности орлана (Белик и др., 2003; Федосов, Маловичко, 2014; Мещерякова, Перковский, 2016; и др.), его общую численность на юге России сейчас вполне можно оценивать в 1000-1200 пар.

Представление о возможной плотности гнездования орлана дают его учеты в низовьях Волги и Дона. В дельте Волги в Астраханском заповеднике в 1995 г. гнездилось в среднем 6,6 пар/100 км^2, или от 5,0 до 7,6 пар/100 км^2 по отдельным участкам (Русанов, Реуцкий, 2014), а в 2007-2013 гг. там же учитывали до 9,9-10,5 пар/100 км^2, или от 9,6 до 12,7 пар/100 км^2 по отдельным участкам (по: Мещерякова, Перковский, 2016). На севере Волго-Ахтубинской поймы в Волгоградской обл. обилие орланов в начале XXI в. достигало 5,2-6,5 пар/100 км^2 (Гугуева и др., 2010; Гугуева, Белик, 2016; Чернобай, Гугуева, 2017). На Нижнем Дону в пойме между Ростовом и Новочеркасском гнездилось около 4,4 пар/100 км^2, ниже плотины Цимлянской ГЭС – до 13-17 пар/100 км^2, а на Цимлянских песках – в среднем 4,0 пар/100 км^2. Но местами в затопляемых лесах по берегу Цимлянского вдхр. обилие достигало 4 пар/км^2, а жилые гнезда располагались в 300-500 м друг от друга (Белик, 2007; Белик и др., 2008).

На зимовку в Южной России орланы в большом числе собирались еще в XIX в. В степях Калмыкии в местах промысла сайгаков в декабре 1976 г. собиралось в целом до 700-1000 орланов (Близнюк, 1998). Но в дельте Дона в XX в. стая до 40 особей, в основном молодняк (более 90%), впервые была встречена нами 09.02.1986. А возле Краснодарского вдхр. в окрестностях птицефабрики у с. Понежукай 26.01.2003 одновременно учтено уже 205 орланов (Мнацеканов и др., 2003). Сейчас же общая численность зимующих орланов только в Краснодарском крае и Адыгее оценивается в 600–800 особей, а в Дагестане зимует до 500–550 особей с тенденцией к увеличению численности (Букреев, Джамирзоев, 2013, 2020; Мнацеканов и др., 2020).

Охранный статус. Был включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория), но сейчас переведен как восстанавливающийся в 5 категорию (Приказ …, 2020). Под разными категориями орлан занесен в Красные книги всех регионов Южной России. В Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл., в Калмыкии, Чечне и Дагестане указан как восстанавливающийся вид (5 категория). В середине XX в. этот орлан испытал глубокую депрессию численности по всему ареалу, но после запрета отстрела «вредных» хищных птиц в 1960-е годы его популяции начали постепенно восстанавливаться, а сейчас на юге России наблюдается выраженная тенденция к росту его численности и расселению (Белик и др., 2003), что связано также с улучшением кормовой базы в результате строительства водохранилищ и рыборазводных прудов, а также с адаптацией к гнездованию в антропогенных местообитаниях.

95. Гриф черный *Aegypius monachus* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех горных регионов Кавказа, кроме Адыгеи и Ставропольского края, и редкий залетный вид всех равнинных регионов Южной России (Тильба, 2001; Белик, 2012, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид. Представитель монотипического рода.

Распространение. Гнездится в области Древнего Средиземья от Пиренеев и Малой Африки до Монголии и Тибета; в недавнем прошлом гнездился также на юге Урала (Райский, 1951; Кириков, 1952; Давыгора, 1998, 2019). На юге России спорадично распространен в Крыму (Цвелых и др., 2018) и в горных районах Северного Кавказа от Краснодарского края до Дагестана, гнездясь здесь в основном на Скалистом и Боковом хр., а также в ущельях Внутреннего, Известнякового Дагестана, откуда проникает и на краевые хребты, где имеются сосновые редколесья (Варшавский, Шилов, 1989; Тильба, 1993; Тимофеев и др., 1998; Белик, 2004, 2012, 2013, 2019; Караваев, Потапенко, 2006; Ильюх, Хохлов, 2010; Перевозов, 2010; Белик и др., 2011; Джамирзоев и др., 2014; Аккиев, Белик, 2016; Белик, Насрулаев, 2019; Джамирзоев, Букреев, 2020). В глухих, труднодоступных ущельях местами формирует диффузные «колонии» (Белик, 2012, 2013).

Изредка в поисках корма птицы вылетают на пастбища в степные предгорья Северного Кавказа и на подгорные равнины (Ильюх, Хохлов, 2010). В конце XX в. весной и летом грифы регулярно летали на кормежку также на юг Калмыкии, где тогда держались большие стада

сайгаков (Близнюк, 1993, 1998, 2004). Массовые вылеты в степь эпизодически наблюдались и при зимних джутах и гибели большого числа домашнего скота (Россиков, 1916). Севернее – в Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл. отмечали редкие, случайные залеты (Богданов, 1871; Алфераки, 1910; Лорец, 1928; Русанов, 2000, 2011; Архипов и др., 2003; Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2012, 2014; Реуцкий, 2014; Липкович, Брагин, 2015).

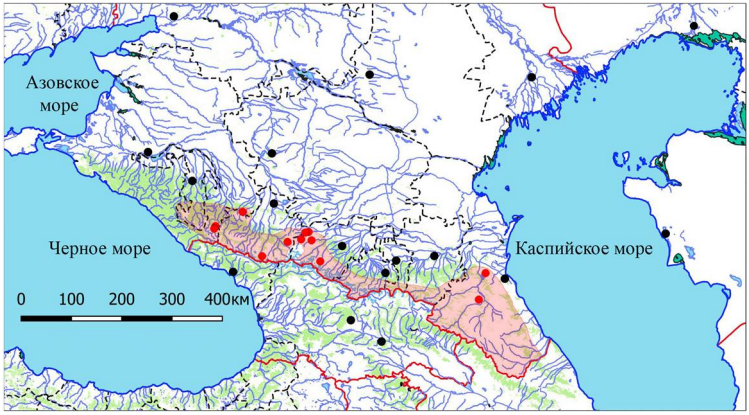


Рис. 35. Гнездовой ареал и известные места гнездования черного грифа на Северном Кавказе

Местообитания. Гнездится преимущественно в мозаичных сосновых лесах среди скалистых среднегорий, а в безлесных горах в азиатской части ареала местами устраивает гнезда на скалах (Потапов, 1959; Степанян, 1969; Пестов и др., 2012, 2017, 2019; и др.). Кормится в горных степях и на субальпийских и альпийских пастбищах, высматривая добычу в парящем полете. В прошлом весной и летом регулярно летал на кормежку в полупустыни на востоке Калмыкии в места отёла сайгаков, где поедал погибших животных (Близнюк, 1993, 1993, 2004; Архипов и др., 2003; Бадмаев, 1913), а зимой при джутах и массовой гибели домашнего скота эпизодически появлялся в степях (Россиков, 1916).

Численность. Европейская популяция насчитывает 2,3-2,5 тыс. пар, из которых в России гнездится всего 70-117 пар, в том числе 60-100 пар на Кавказе (Белик, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Согласно опубликованным данным, на Северном Кавказе указывали от 2-3 до 4-6 пар в Краснодарском крае, 10-15 пар в Карачаево-Черкесии, 4-5 пар в Кабардино-Балкарии, 5-6 пар в Чечне и Ингушетии и от 15-18 до 20-25 пар в Дагестане на конец XX в. (Гизатулин и др., 2001; Тильба, 2007, 2017; Джамирзоев, 2009; Караваев,

Хубиев, 2013; Пшегусов, Джамирзоев, 2018). В Северной Осетии численность гнездящихся грифов неизвестна (Липкович, 1999). В Чечне и Ингушетии прослежено значительное снижение их численности с 25-30 пар в 1960-е годы до 10 пар в 1980-е годы (Анисимов, 1989).

Наши исследования и учеты птиц на Северном Кавказе, а также находки ряда гнезд в разных регионах и небольшой колонии из 10-15 пар в горах Кабардино-Балкарии (Белик, Тельпов, 2007; Белик, 2012, 2013; Белик, Насрулаев, 2019) позволили оценить численность черного грифа на Центральном Кавказе в 40–55 гнездящихся пар, а всю популяцию Северного Кавказа – не менее 60–100 пар (Белик, 2012, 2014).

Обилие грифов в колониальном поселении на р. Малка в Кабардино-Балкарии в 2013 г. составляло 6 пар/8 км^2 (Белик, 2013). Примерно такая же плотность гнездования (до 4-5 пар/5 км^2) наблюдается местами и в Крыму (Цвелых и др., 2018). Прежний же недоучет этого вида в горах был связан с труднодоступностью районов его гнездования, малозаметностью специфичных гнезд, устраиваемых на вершинах сосен среди скал и крутых склонов, а также осторожностью и скрытностью птиц у гнездовий (Белик, 2004, 2012, 2013).

Анализ литературных данных свидетельствует (Белик, 2014), что в середине XIX в. гриф на Кавказе был очень редок, и его численность тогда можно было оценить лишь в 1-2% от популяции сипа (Богданов, 1879). Позже, по данным Н.Я. Динника (1880, 1893, 1894, 1905, 1911), грифы на Кавказе составляли уже примерно 20-30% от числа сипов. Следует заметить, что и в горах Крыма черные грифы появились только в конце XIX в. (Цвелых и др., 2018). А во второй половине XX в. в высокогорьях Центрального Кавказа они уже лишь немного уступали в численности сипу (соответственно, 47 и 53%) (Варшавский, Шилов, 1989). Однако в последние десятилетия доля грифа в этих же районах снизилась до 8-22%, в среднем – около 12% (Белик, 2012), а в Дагестане – до 20% и менее (Белик и др., 2011; Белик, Насрулаев, 2019).

Рост численности грифов во второй половине XX в. произошел, очевидно, прежде всего, благодаря значительному увеличению поголовья домашнего скота, выпасавшегося на субальпийских пастбищах Приэльбрусья и Скалистого хр. в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии и в горах Дагестана, а также заметному росту популяций диких копытных в создававшихся высокогорных заповедниках. В последнее же время, судя по фрагментарным наблюдениям в Дагестане и в колонии грифов в Кабардино-Балкарии (Белик, 2012, 2013; Белик, Насрулаев, 2019), наблюдается некоторое сокращение их численности, обусловленное, вероятно, упадком пастбищного скотоводства в горах.

Охранный статус. Был включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория), а сейчас отнесен ко 2 категории (Приказ …, 2020). Под разными категориями занесен в Красные книги всех горных регионов Северного Кавказа, а также Калмыкии и Астраханской обл.; отсутствует в Красной книге Волгоградской обл., а в Ростовской обл. и Ставропольском крае исключен из вторых изданий как залетный вид. Гнездовая популяция на Северном Кавказе сейчас, по-видимому, сокращается из-за резкого уменьшения кормовых ресурсов в конце XX в. вследствие снижения поголовья домашнего скота в горах и численности сайгаков на пастбищах в Калмыкии, тем более что этот некрофаг весьма требователен к качеству и количеству кормов (Белик, 2014а).

96. Сип белоголовый *Gyps fulvus* (Hablizl, 1783)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех горных регионов Кавказа и залетный вид равнинных районов Южной России, более регулярно появляющийся в Калмыкии (Близнюк, 2004; Тильба, Мнацеканов, 2006; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В России обитает номинативный подвид. Вторая форма *G. f. fulvescens* является эндемиком северных районов Индостана (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в горах на севере Африки и по югу Евразии от Пиренеев до Средней Азии и северной Индии. На юге России обитает в Крыму (Цвелых и др., 2018) и во всех горных регионах Северного Кавказа от Краснодарского края и Адыгеи до Дагестана (Витович, 1985, 1986; Варшавский, Шилов, 1989; Мнацеканов, 1990; Вуккерт, 1995; Тильба, 1995, 2002, 2017; Тильба, Мнацеканов, 2000, 2003, 2006, 2008; Акбаев, 2001; Белик, Тельпов, 2007; Белик и др., 2008; Джамирзоев, Букреев, 2009; Караваев, Хубиев, 2011, 2013; Белик, 2014, 2019; Джамирзоев и др., 2014).

На Северном Кавказе гнездится почти по всему Скалистому хр. от Гуамского ущелья на р. Курджипс в Краснодарском крае (Мнацеканов, 1990; Тильба, Мнацеканов, 2008 и др.) до верховий Аргуна в Чечне (Анисимов, 1989; Гизатулин и др., 2001); значительно реже, спорадично селится на скалах Бокового хр., а в высокогорьях Водораздельного хр. колонии крайне редки (Витович, 1985; Безверхов, 1991). Лишь местами сип гнездится на Меловом (Пастбищном) хребте, где колония найдена в 2007 г. на скалах в ущелье р. Баксан в Кабардино-

Балкарии (Белик и др., 2008).

Сипы широко распространены также во Внутреннем, Известняковом Дагестане, а местами селятся там и на сухих, скалистых краевых хребтах (Джамирзоев, Букреев, 2009, 2020; Белик и др., 2011; Джамирзоев и др., 2013). В конце XX – начале XXI в., в связи с ухудшением кормовых условий в горах, сипы стали переселяться в низкогорья, а также в предгорья, где в 2007-2009 гг. сформировали небольшую колонию на прибрежных скалах по р. Подкумок у г. Пятигорск (Парфенов, 2014).

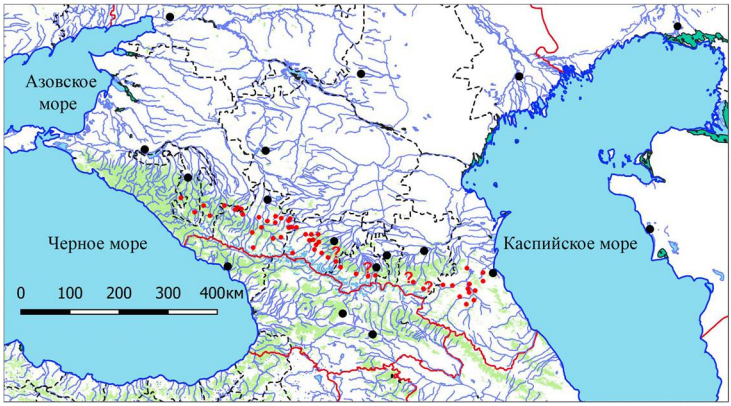


Рис. 36. Известные колонии и места гнездования белоголового сипа на Северном Кавказе

На кормовых кочевках сипы регулярно наблюдаются в предгорьях Ставропольского края и Дагестана (Парфенов, 2005, 2008; Джамирзоев, Букреев, 2009; Ильюх, Хохлов, 2010; Джамирзоев и др., 2013). В конце XX в. они регулярно, иногда стаями до 30-60 особей, весной и летом прилетали в Калмыкию, где кормились на погибших сайгаках и других животных (Близнюк, 1993, 1998, 2004). В осенне-зимний период сипы изредка встречаются в степных регионах вплоть до Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл. (Богданов, 1871; Алфераки, 1910; Сиденко, 2000; Архипов и др., 2003; Ломакин, Белик, 2008; Белик и др., 2012, 2014; Белик, 2014; Реуцкий, 2014) и эпизодически залетают еще севернее – в Центральную Россию (Сапельников и др., 2007; и др.). Изредка сипы отмечаются также на Черноморском побережье Кавказа (Степанян, 1961; Тильба, 2014; Очаповский, 2017).

Местообитания. На мощных известняковых куэстах по Скалистому хр. и во Внутреннем Дагестане сипы часто формируют большие, диффузные колонии, а на изолированных скалах иногда селятся отдельными парами. Гнездятся на уступах, полках и в нишах высоких, отвесных

скал, преимущественно в среднегорном поясе поблизости от горно-степных или субальпийских пастбищ, на которых сипы обычно ищут добычу в длительном парящем полете. Гнезда размещают в основном на скальных стенах южной и юго-восточной экспозиции, преимущественно в каньонах и узких ущельях, где формируются усиленные воздушные потоки, облегчающие птицам парящий полёт (Белик и др., 2008). В поисках корма сипы регулярно посещают также степные пастбища на подгорных равнинах, вылетая на север вплоть до Калмыкии (Россиков, 1884а, 1916; Близнюк, 1993, 1998, 2004; Джамирзоев, Букреев, 2009; Ильюх, Хохлов, 2010). В степи нередко кормятся на свалках и скотомогильниках.

Численность. Европейская популяция насчитывает 32,4-34,4 тыс. пар, из которых в России гнездится всего 415-520 пар, в том числе 400-500 пар на Кавказе (Белик, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). По данным региональных исследователей, в Краснодарском крае и Адыгее численность сипа на рубеже XX и XXI вв. снизилась с 50-65 до 30-35 пар и с 8-12 до 8-10 пар (Мнацеканов, Тильба, 2007, 2012; Тильба, 2017), в Карачаево-Черкесии в 1980-е годы было известно 20 колоний общей численностью 250-300 пар, а в начале XXI в. осталось 13 колоний с 97 парами (Караваев, Хубиев, 2011, 2013), в Кабардино-Балкарии в 1980-е годы были известны 3 колонии на Скалистом хребте, а позже там обнаружили 10 колоний с 80-100 парами (Вуккерт, 1995; Пшегусов, Джамирзоев, 2018), в Северной Осетии в 1990-е годы было известно гнездование 15-20 пар, но в начале XXI в. там в 3 колониях учтено до 30-40 пар (Комаров, Липкович, 2000; Белик и др., 2008; Белик, 2013), а в Чечне и Ингушетии в конце XX в. гнездилось, по экспертной оценке, 15-20 пар (Гизатулин и др., 2001).

В Дагестане в конце XX в. разные авторы оценивали численность в 20-30 и 100-120 пар, а в начале XXI в. эти оценки были повышены до 120-150 пар (Пишванов и др., 1998; Джамирзоев и др., 2000; Джамирзоев, Букреев, 2009). Всего, таким образом, для Северного Кавказа указывается 380-452 пары. Но учитывая вероятный недоучет гнездовий сипа, особенно в многочисленных ущельях Дагестана, где в последнее время найдено еще несколько ранее неизвестных колоний (Белик и др., 2011; Белик, Насрулаев, 2019, 2020; Джамирзоев, Букреев, 2020; наши данные), его общая численность на юге России может составлять не менее 400-500 пар.

Обилие охотящихся в горах птиц, определявшееся на пеших маршрутных учетах на трансектах шириной около 3 км, в начале XXI в. составляло в среднем 27,3 ос./100 км^2 в Карачаево-Черкесии, 15,6 ос./100 км^2

в Кабардино-Балкарии и 2,2 особи/100 км^2 в Северной Осетии, что в общем отражало состояние пастбищного животноводства в этих регионах. Результаты маршрутных учетов позволяют также оценивать в первом приближении размеры гнездовых популяций, населяющих отдельные горные территории (Белик и др., 2008).

Судя по литературным данным, в XIX – начале XX в. сип тоже был распространен по всему Северному Кавказу от плато Лагонаки до Дагестана и везде считался довольно обычным видом (Динник, 1886, 1894, 1911; Россиков, 1884б, 1890; Lorenz, 1887, 2010; Билькевич, 1893; Бёме, 1926, 1933; Гептнер, 1926; Красовский, 1932; и др.). Но в прошлом на куэстах Скалистого хр. были известны всего 3 колонии в ущельях рек Уруп, Кубань и Терек (Динник, 1886; Бёме, 1926). Судя по регулярно наблюдавшимся скоплениям сипов, они гнездились, вероятно, также в районе плато Лагонаки, у горы Бермамыт в Карачаево-Черкесии и возле с. Былым на р. Баксан (Динник, 1884, 1886, 1894; Lorenz, 1887, 2010; Браунер, 1914; Гептнер, 1926), где во второй половине XX в. были найдены еще 3 их колонии (Вуккерт, 1995; Акбаев, 2000; Витович, Поливанов, 2000; Мнацеканов, 2001; Белик и др., 2008).

Однако размещение колоний и их размеры, как сейчас, так и в прошлом, периодически менялись в зависимости от состояния кормовой базы на окружающих территориях. Так, на плато Лагонаки на Западном Кавказе, где располагались обширные субальпийские пастбища, в конце XIX в. сипов зимой было «…так много, что охотникам приходится тщательно прятать убитых ими в лесах зверей, покрывая их ветками, хворостом и т. под.; в противном случае грифы тотчас находят их и съедают всё мясо» (Динник, 1894, с.419). Но в 1990-е годы, после включения плато Лагонаки в состав Кавказского заповедника и прекращения там выпаса домашнего скота, численность сипов постепенно снизилась, и в последнее время они практически покинули колонии на р. Курджипс (Тильба, Мнацеканов, 2008).

На Центральном Кавказе в Северо-Юрской депрессии на р. Баксан довольно много сипов было летом 1881 г. (Динник, 1884*а*), а летом 1923 г. там держались стаи до 30 особей (Гептнер, 1926). В ближайших же степях на подгорной равнине по р. Малка зимой 1881/82 г. во время падежа домашнего скота наблюдалось «огромное множество» сипов (Россиков, 1884а). Но в середине XX в., после временной депортации горцев и запустения пастбищ, в Кабардино-Балкарии за 9 лет лишь однажды была встречена стая из 12 особей, и изредка наблюдались колонии на скалах, насчитывавшие по несколько пар (Иванов, Дмитриев, 1961), а Х.Т. Моламусов (1961, 2017) за 10 лет работы нашел там всего 1 гнездо, устроенное у с. Безенги, где сейчас

на Скалистом хр. гнездится до 5-10 пар (Белик и др., 2008). Однако в 1985-1987 гг., после возвращения горцев в свои селения и возобновления выпаса домашнего скота, сип в горах Кабардино-Балкарии стал уже наиболее многочисленным видом хищных птиц (Вуккерт, 1995).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид с ограниченным распространением (3 категория). Занесен под разными категориями в Красные книги всех горных регионов Северного Кавказа; отсутствует в Красной книге Волгоградской и Астраханской обл., а в Ставропольском крае необоснованно исключен из второго издания как залетный вид. В горах Северного Кавказа всегда был относительно обычен, но здесь неоднократно происходили флуктуации численности, обусловленные снижением кормовых ресурсов и перемещениями птиц из одних колоний в другие, более продуктивные районы (Белик и др., 2008; Белик, 2014).

97. Гриф индийский *Pseudogyps bengalensis* (J.F. Gmelin, 1788)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, добытый однажды в окрестностях г. Ростова-на-Дону (Дементьев, 1951).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса.

Таксономия. Монотипический вид. Иногда включается в состав рода *Gyps* (Dickinson, Remsen, 2013; Коблик, Архипов, 2014).

Распространение. Распространен в основном на Индостане и Индо-Малайском полуострове (Дементьев, 1951). Единственный залет этого грифа на Северный Кавказ в Россию зарегистрирован в летний период 1939 г. Взрослая птица была добыта в окрестностях Ростова-на-Дону. К сожалению, детали этого залета остались неизвестны (Дементьев, 1951). Поэтому нельзя исключать также и искусственный завоз этой птицы (Степанян, 2003).

Местообитания. Синантроп, живущий в основном в окрестностях селений, где гнездится в осенне-зимний период обычно колониями на крупных деревьях (Дементьев, 1951).

Численность. До середины 1990-х годов популяция этого грифа насчитывала миллионы особей, но затем в Индии отмечено резкое сокращение его численности, вызванное массовым отравлением ветеринарным препаратом диклофенак, попадавшим в организм птиц с мясом погибшего скота. В результате гриф оказался на грани исчезновения (Галушин, 2002, 2003), и сейчас сохранилось всего 2,5-10,0 тыс. особей (https://www.iucnredlist.org/species/22695194/118307773).

Охранный статус. Включен в Красную книгу МСОП как вид, находящийся под критической угрозой исчезновения (CR). В России особого природоохранного статуса не имеет.

Семейство **Бородачевые** *Gypaetidae*

98. **Бородач** *Gypaetus barbatus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех горных регионов Кавказа и очень редкий залетный вид Калмыкии (Тильба, 2001; Белик, 2008, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Представитель монотипического рода. Включает 4 подвида, из которых на юге России обитает *G. b. aureus* (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в области Древнего Средиземья от Пиренеев и Малой Африки до Алтая и Гималаев, а также в ряде изолированных очагов в Восточной и Южной Африке, заселенной эндемичным африканским подвидом *G. b. meridionalis*. На юге России обитает во всех горных регионах Северного Кавказа от Краснодарского края и Адыгеи до Дагестана

Распространение здесь во многом повторяет ареал беркута. Бородач гнездится по Главному, Боковому, Скалистому и местами по Меловому хребту, но в разных регионах предпочитает для гнездования разные условия (Белик, 2008). На Водораздельном хр. его отмечали от Фишт-Оштенского горного массива на плато Лагонаки в Краснодарском крае до гор Базардюзю и Шалбуздаг в Дагестане (Тильба, Мнацеканов, 2008; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2003; Джамирзоев, 2009), однако в высокогорьях гнезда бородача встречаются спорадично.

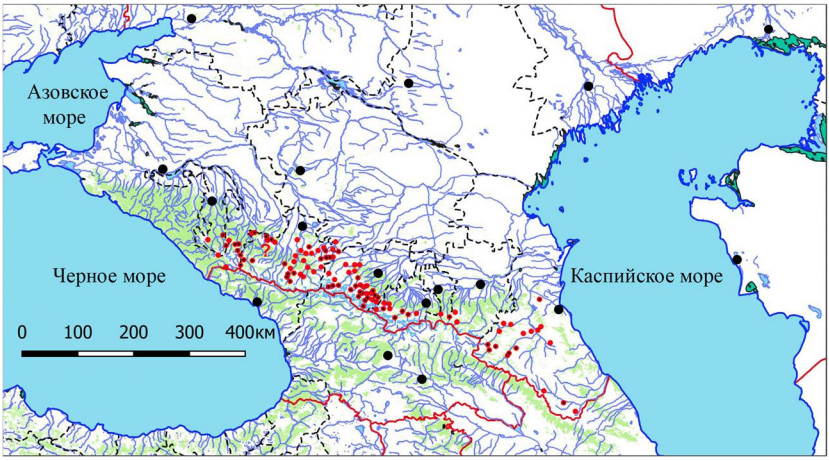


Рис. 37. Известные гнезда (черно-красные пуансоны)
и гнездовые участки (красные пуансоны) бородача на Северном Кавказе

По Боковому хр. бородач распространен от гор Джуга и Слесарня в Краснодарском крае до Самура в Дагестане, но наиболее характерен для среднегорий в Приэльбрусье и на Центральном Кавказе, где в заповедниках сосредоточено значительное поголовье туров, обеспечивающих бородачу кормовую базу. Куэсты Скалистого хр. он населяет от горы Ахмет-Скала у р. Бол. Лаба на западе Карачаево-Черкесии к востоку до Чечни. Характерен бородач также для сухих скалистых котловин и ущелий Внутреннего, Известнякового Дагестана, проникая оттуда на краевые хребты у Махачкалы (Витович, 1983, 1984, 1985; Комаров, 1985, 2008, 2014; Варшавский, Шилов, 1989; Вейнберг, 1999; Тильба, Мнацеканов, 1990, 2007, 2012; Хохлов, Витович, 1990; Безверхов, 1991; Вуккерт, 1995; Тильба, 1995, 2009, 2017; Белик, 2004, 2008, 2014, 2019; Белик, Тельпов, 2007; Джамирзоев, 2009; Белик и др., 2011; Караваев, Хубиев, 2013; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Джамирзоев, Букреев, 2020).

В районе Кисловодска – между Кубанью и Малкой – бородачи гнездятся в скалистых ущельях на северных, слабо облесённых склонах Скалистого хр. и местами переходят на куэсты хребтов Боргустан и Джинал уже в системе Мелового (Пастбищного) хребта. На скалах Мелового хр. бородачи держались в 2007 г. также и в Кабардино-Балкарии – на Баксане в устье р. Гунделен. А в июле 2001 г. они наблюдались даже на горе Бештау у Пятигорска (Тельпов и др., 1990; Хохлов, 1995; Парфенов, 2005; Белик, Тельпов, 2007; Белик, 2008).

В целом ареал бородача на Северном Кавказе составляет около 44 тыс. км^2, в том числе 24 тыс. км^2 – в высокогорьях на Главном и Боковом хр. и 20 тыс. км^2 – в среднегорьях и низкогорьях на Скалистом хр. и во Внутреннем Дагестане (Белик, 2008). При этом сейчас наблюдается медленное расселение бородача в новые районы, в результате которого, например, он в 1989 г. появился на г. Ахмет-Скала на Скалистом хр. на самом западе Карачаево-Черкесии (Тильба, Мнацеканов, 1990).

Взрослые птицы на Северном Кавказе ведут оседлый образ жизни, обычно не удаляясь от гнезд более чем на 5-10 км, и поэтому за пределы гнездовых участков, составляющих около 100-200 км^2, вылетают редко (Витович, 1984, 1985; Тильба, Мнацеканов, 1990; Безверхов, 1991; Abuladze, 1995; Белик, 2008; Вуккерт, Айунц, 2019). Этим они отличаются от африканских бородачей, которые гнездятся колониально и в поисках корма могут разлетаться на расстояние до 160 км от колоний (Vernon, 1981; цит. по: Витович, 1984). Молодые бородачи значительно подвижнее (см.: Вуккерт, Айунц, 2019) и, вероятно, именно они изредка вылетают зимой в степь на подгорные равнины Северного Кавказа и в Калмыкию (Россиков, 1884а, 1916; Бичерев,

Лесечко, 1990); очень редко, случайно залетают они также на Черноморское побережье Кавказа (Тильба, 2014).

Местообитания. Гнездится одиночными парами на постоянных участках, обычно на «теплых» скалах в лесном поясе среднегорий, а также в горной лесостепи и в сухих низкогорьях на высоте от 1000 до 2200 м н.у.м., на Центральном Кавказе иногда поднимается до 2700 м (Липкович, 1991), а на краевых хребтах в Дагестане местами гнездится в пределах 250-500 м н.у.м. (Белик, 2008; Белик и др., 2011; Джамирзоев, Букреев, 2020). Гнезда устраивает обычно в обширных нишах под прикрытием карнизов на отвесных скалах, ориентированных в направлении южных румбов, иногда – на восток. Но в Северной Осетии и Дагестане гнездовые скалы нередко ориентированы на север и запад (Вейнберг и др., 1983; Липкович, 1991; Вейнберг, 1999), что связано, возможно, с особенностями воздушных потоков, несущих там осадки преимущественно с юга, из Закавказья.

Охотящиеся птицы регулярно встречаются в альпийских высокогорьях, где обитают туры, а также на пастбищах в среднегорьях и низкогорьях, где летом содержится домашний скот. Нередко бородач собирает падаль на окраинах горных селений. На равнины залетает очень редко, в единичных случаях зимой – до Калмыкии (Россиков, 1884а, 1916; Бичерев, Лесечко, 1990).

Численность. Европейская популяция насчитывает 580-790 пар, из которых на Кавказе в России гнездилось 150-250 пар (Белик, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). По региональным же данным, в Краснодарском крае и Адыгее численность бородача в начале XXI в. составляла 7-10 и 3-4 пары (Тильба, Мнацеканов, 2007, 2012; Тильба, 2017), в Карачаево-Черкесии в 1980-е годы численность оценивали в 15-20, а сейчас в 10-15 пар (Витович, Ткаченко, 1988; Хохлов, Витович, 1990; Караваев, Хубиев, 2013), для Кабардино-Балкарии сейчас приводят 12-15 пар (Пшегусов, Джамирзоев, 2018), в Северной Осетии в конце XX в. гнездилось 10-12 пар (Липкович, 1999), а в Чечне и Ингушетии, по экспертной оценке, обитало 10-15 пар (Гизатулин и др., 2001). Наконец, в Дагестане в конце XX - начале XXI в. популяцию бородача считали стабильной, насчитывавшей 35-40 пар (Джамирзоев и др., 2000; Джамирзоев, 2009).

Таким образом, в последнее время для Северного Кавказа указывается всего 87-111 пар. Однако в 1970-е годы численность бородача оценивали здесь в 10-20 пар (Галушин, 1983), в 1990-е годы ее определяли в 30-40-50 пар (Abuladze, 1995; Тильба, 2001), а в начале XXI в. – уже в 50-100 пар (Мищенко и др., 2004; Галушин, 2005), хотя по нашим расчетам она составляла тогда до 100-150 пар (Белик, 2005). Новейшие

же исследования и анализ собранных данных позволяют считать северокавказскую популяцию бородача медленно растущей и насчитывающей сейчас до 111-137 пар на Западном и Центральном Кавказе и не менее 70-100 пар в Дагестане, т.е. всего около 200-250 пар (Белик, 2008).

Однако в XIX в. бородач на Северном Кавказе был весьма редок и отмечался лишь случайно. Так, Э. Менетрие (Ménétries, 1832), работавший летом 1829 г. в Приэльбрусье, вовсе не указал этот вид в списке кавказских птиц, а М.Н. Богданов (1879) в 1871 г. видел его на Кавказе всего 2-3 раза. К.Н. Россиков (1884б) в горах Чечни и Западного Дагестана в сентябре 1882 г. встретил лишь одного бородача, а в 1888 г., пройдя по горам Северо-Западного Кавказа от р. Белой до Зеленчука, встретил его только в верховьях Большой Лабы (Россиков, 1890).

Г.И. Радде (1884), обследовавший Главный Кавказский хребет от Эльбруса до Дагестана, видел бородача лишь однажды у Крестового перевала, а К.А. Сатунин (1907) за 14 лет путешествий встретил его на Северном Кавказе тоже всего 1 раз в верховьях Терека. В конце XIX в. более или менее регулярно бородач встречался, по-видимому, только в Дагестане, а также на обширных пастбищах в северном Приэльбрусье – на плато Бичесын, в районе Скалистого хр. и в верховьях Кубани (Самсонов, 1875; Динник, 1886; Lorenz, 1887, 2010; Билькевич, 1893).

В начале XX в. численность бородача на Кавказе была по-прежнему невелика. В Дагестане в 1906 г. в горах между Махачкалой и Ботлихом его встретили лишь 3 раза за полтора летних месяца, а в июне 1927 г. отмечено 6 встреч за 10 дней, тогда как в августе 2018 г. там же за 8 дней учтено уже 19 встреч с бородачами, а местами их регистрировали до 3-7 раз за день (Rosenberg, 1907, 2019; Бёме, 1933; Белик, Насрулаев, 2020). Д.Б. Красовский (1932) за 2 месяца работы в горах на юге Дагестана в 1926 и 1929 гг. встретил лишь 1 пару этих птиц в верховьях р. Самур.

В районе Кисловодска и горы Бермамыт, где сейчас гнездится не менее 3-5 пар, А.А. Браунер (1914) в июле 1911 г. не встретил этих птиц вовсе; между Кисловодском и Карачаевском в августе 1914 г. Э.В. Шарлеман (1915) тоже не видел бородачей, хотя сейчас там тоже держится не менее 3-5 пар. Л.Б. Бёме (1926) за 10 лет работы на Центральном Кавказе отметил бородача лишь в 3 местах. В.Г. Гептнер (1926) за неделю работы на Скалистом хр. в ущелье Баксана, где сейчас гнездится не менее 3 пар, в июле-августе 1923 г. не видел ни одного бородача. С.С. Туров (1932) за 2,5 месяца летних работ в Кавказском заповеднике отметил лишь 1 встречу бородача, тогда как в 1998-2000 гг. там же на 3 маршрутах за 27 дней мною учтено 7 одиночных птиц (Белик, 2014).

В Кабардино-Балкарии бородач был редок еще в середине XX в., так что

В.Г. Иванов и В.В. Дмитриев (1961) за 9 лет видели его в горах всего 2 раза, а Х.Т. Моламусов (1961, 2017) за 10 лет работы не смог найти там ни одного гнезда. И только в 70-80-е годы на Центральном Кавказе, особенно в Приэльбрусье, произошло заметное увеличение численности этих птиц (Варшавский, Шилов, 1989; Вуккерт, 1995; Белик, 2004, 2008; Белик, Тельпов, 2007; и др.).

Обилие бородача на Северном Кавказе, по нашим пешим учетам в начале XXI в., составляло 0,1-0,2 ос./10 км маршрута на Пастбищном хр., 0,8-2,2 ос./10 км на Скалистом хр., 0,2-1,4 ос./10 км на Боковом хр. и 0,2-0,9 ос./10 км на Главном хр., а в среднем по отдельным регионам – от 0,1 ос./10 км в Краснодарском крае до 1,5 ос./10 км в Карачаево-Черкесии и 1,2 ос./10 км в Кабардино-Балкарии. В Дагестане, по нашим неполным данным, обилие составляло 0,6 ос./10 км маршрута или 0,6 пар/100 км^2 (Белик, 2008; Белик и др., 2011).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид на периферии ареала (3 категория). Под разными категориями занесен в Красные книги всех горных республик Северного Кавказа. После законодательного запрета на уничтожение хищных птиц, принятого в 1960-е годы, основной элиминирующий фактор для бородача был снят, и сейчас его популяции лимитируются в основном состоянием кормовой базы, т.е. обилием диких и домашних копытных в горах, а также его репродуктивным потенциалом, позволяющим медленно увеличивать численность.

99. Стервятник *Neophron percnopterus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид всех горных регионов Южной России, а в равнинные регионы изредка залетает на кочевках (Тильба, 2001; Джамирзоев, Букреев, 2008; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014; Белик и др., 2016). Иногда остается на юге России на зимовку (Россиков, 1884а, 1916; Парфенов и др., 2006).

Зоогеографические связи. Тропический вид предположительно Африканского генезиса.

Таксономия. Представитель монотипического рода. Включает 2-3 подвида. В России гнездится номинативный черноклювый подвид, а в Индии обитает желтоклювый *N. p. ginginianus* (Дементьев, 1951; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в горах по югу Евразии от Пиренеев до Средней Азии и Индии, а также в семиаридных районах Африки. На юге России заселяет скалистые горы всего Северного Кавказа от предгорий до среднегорий, а в прошлом гнездился местами и на скалах по

Черноморскому побережью в Краснодарском крае и Абхазии у Геленджика, Туапсе, Сочи, Пицунды, Гудауты, Сухума (Белик, 2014; Тильба, Мнацеканов, 2016). Сейчас стервятник исчез, вероятно, и в лесистых горах Северо-Западного Кавказа, где летом 1960 и 1962 гг. отмечался у горы Собер-Баш в Краснодарском крае и у стан. Ханской близ Майкопа (Очаповский, 1967, 2017). Но на юге Ставрополья гнездовья стервятника известны на горе Бештау у Пятигорска (Бёме, 1958; Парфенов, 2007), в Кабардино-Балкарии он проникает на подгорную равнину по обрывам р. Малка (Белик, Федосов, 1917), а в Северной Осетии отмечено его выселение на степные равнины, где птицы в 1998 г. гнездились в Моздокском р-не в старой постройке ворона на траверсе опоры ЛЭП, выкормив одного птенца (Комаров и др., 2011).

Наиболее широко стервятник распространен в аридных котловинах Внутреннего, Известнякового Дагестана, а на Западном и Восточном Кавказе характерен для аридной Северо-Юрской депрессии под южными куэстами Скалистого хр. Но на Центральном Кавказе, где Скалистый хр. имеет значительную высоту, поднимаясь в среднегорья и высокогорья, стервятник перемещается в основном севернее – на Меловой (Пастбищный) хр.

Зимует стервятник обычно на Ближнем Востоке и в Африке, однако одиночные птицы изредка остаются на зиму на Северном Кавказе и в Предкавказье (Россиков, 1884а, 1916; Парфенов и др., 2006). Во время кочевок в поисках корма стервятники изредка залетают в Ростовскую обл. (Алфераки, 1910; Йерке, 1995; Цвелых и др., 2018), к Сарепте (Волгограду) (Богданов, 1871; Белик и др., 2014) и Астрахани (Реуцкий, 2014; Стёпкин, Русанов, 2018); несколько чаще они отмечаются в Калмыкии (Близнюк, 1993, 2004; Бадмаев и др., 2018; Эрдненов и др., 2018).

Местообитания. Характерен для сухих, безлесных низкогорий, где гнездится на выходах скал и обрывах по речным долинам, а охотится обычно на пастбищах поблизости от гнездовий, в открытых степных предгорьях или на прилежащих равнинах, очень часто – рядом с жильем человека. В лесистых горах всегда был малочислен или редок; в высокогорьях не гнездится, но может селиться на скалах по окраинам населенных пунктов и крупных городов (Тельпов и др., 1984; Хохлов и др., 1990). В Дагестане встречается от 200 до 2000 м н.у.м., но основная масса птиц гнездится в предгорьях и внутригорных котловинах на высоте не более 1000 м (Джамирзоев, Букреев, 2008).

Численность. В Европе популяция оценивается сейчас в 3,0-4,7 тыс. пар, и продолжается ее сокращение (European birds …, 2017). На Кавказе в России в начале XXI в. предполагалось гнездование 70-100-120 пар

(Мищенко и др., 2004; Белик, 2005а), но затем благодаря дополнительным исследованиям в горах Кавказа прежние оценки численности были подняты здесь до 150-250 пар (Белик, 2014; Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020), а по расчетам Г.С. Джамирзоева и С.А. Букреева (2008), на Северном Кавказе обитало даже 200-250 пар.

По данным же региональных Красных книг, в Краснодарском крае в конце XX в. гнездилось 6-8 пар, в начале XXI в. было известно 4-6 пар, а в настоящее время – 11-12 пар, но сейчас здесь отмечается исчезновение скоплений холостых птиц (Мнацеканов, Тильба, 2007, 2012; Тильба, 2017); в Адыгее численность не превышает 5-7 пар (Мнацеканов, Тильба, 2012). Всего в Краснодарском крае и Адыгее выявлено до 16 гнездовых участков (Тильба, Мнацеканов, 2016). В Ставропольском крае предполагается гнездование не менее 10-12 пар (Тельпов и др., 2006; Хохлов, Ильюх, 2013; Парфенов, 2007); в Карачаево-Черкесии известны гнездовые участки 20-25 пар, причем в последние годы птицы исчезли в 7 районах, в основном южнее Скалистого хр., где гнездились прежде (Караваев, Хубиев, 2013).

В Кабардино-Балкарии предполагается гнездование не более 8-10 пар (Пшегусов, Джамирзоев, 2018); в Северной Осетии гнездится не более 4-5 пар (Липкович, 1999); в Чечне, по экспертной оценке, обитают 2-3 пары (Гизатулин, 2007); в Ингушетии предполагается гнездование 4-5 пар (Батхиев, Точиев, 2007), хотя в 1980-е годы в Чечне и Ингушетии насчитывали 10-14 пар (Анисимов, 1989). В Дагестане, где находится самая крупная группировка, по последним данным, обитает не менее 40-50 пар (Джамирзоев, Букреев, 2008, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

Всего, таким образом, для Северного Кавказа указывается гнездование 100-130 пар, но, судя по нашему опыту работы в разных районах Кавказа (Ключевые …, 2009; и др.), значительная часть гнездящихся хищных птиц в многочисленных, труднодоступных горных ущельях остается не учтенной, а имеющиеся результаты учетов не всегда корректно экстраполируются на необследованные территории. Поэтому вполне вероятно, что современная численность стервятника на Северном Кавказе может находиться в пределах 150-200 гнездящихся пар, не считая холостого молодняка. Следует допускать также снижение общей численности птиц в последние десятилетия, отмеченное в Краснодарском крае, Карачаево-Черкесии, Чечне и Ингушетии (см. выше), что отражается на современном состоянии северокавказской популяции стервятника.

Охранный статус. Был включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид на периферии ареала (3 категория), но сейчас переведен в ней

в 1 категорию (Приказ …, 2020). Под разными категориями занесен в Красные книги всех горных республик Северного Кавказа. Динамика численности на Северном Кавказе недостаточно выражена; предполагалось, что в целом она относительно стабильна (Белик и др., 2003; Джамирзоев, Букреев, 2008), но некоторые наблюдения последнего времени свидетельствуют о снижении численности стервятника и целесообразности усиления его охранного статуса в России.

Семейство **Соколиные** Falconidae

100. Кречет *Falco rusticolus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид равнинных степных регионов Южной России (Белик, 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988; Белик, 2006а).

Таксономия. Внутривидовая структура нуждается в дополнительной проработке. По данным Л.С. Степаняна (2003), кречет включает 4 подвида, но сейчас иногда его рассматривают как монотипический вид (Dickinson, Remsen, 2013). Прежде в состав этого вида включали также алтайского кречета (Дементьев, 1951), которого чаще выделяли в самостоятельный вид *F. altaicus* (Сушкин, 1915, 1938; Штегман, 1937; Портенко, 1951) или считали цветовой морфой балобана (Степанян, 2003). Деление кречета на подвиды затруднено проявлением морфизма в окраске его оперения (белая и темная морфы), выраженного в разных популяциях в различной степени.

На юге России встречали птиц сибирского подвида *F. r. intermedius* (Дементьев, 1951), но сюда могут залетать, очевидно, и лапландские кречеты *F. r. rusticolus*, регистрировавшиеся на юге Украины (Дементьев, 1951; Зубаровський, 1977; Кинда, 2002). Белый кречет, добытый у Новороссийска в 1921 г., первоначально был определен как гренландский *F. r. candicans*, но позже его переопределили как *F. r. uralensis* (=*intermedius*) (Птушенко, 1939).

Распространение. Имеет циркумарктический гнездовой ареал, охватывающий тундры и лесотундры Евразии и Северной Америки. Зимой при обилии корма (белых куропаток) кречет ведет оседлый образ жизни, но часть кречетов отлетает на зимовку на океанические побережья, где они охотятся на морских птиц, а часть популяции в поисках добычи откочевывает к югу, достигая степных районов. В начале XX в. на юге России кречет встречался, по-видимому, несколько чаще (см., напр.: Törne, 1940; Белик, 2014), но сейчас, возможно, из-за сокращения численности его северных популяций и вследствие потепления

климата, кречеты стали залетать на юг России крайне редко. Они несколько раз регистрировались в Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл., в Краснодарском и Ставропольском крае, в Карачаево-Черкесии и Дагестане.

На Нижнем Дону в начале XX в. кречет, по данным Г. Тёрне (Törne, 1940), ежегодно зимовал в г. Ростове и его окрестностях (Батайск, Новочеркасск), где в 1915-1918 гг. было добыто 5 птиц, в том числе одна – на церкви в г. Ростове. Еще 1 кречет был добыт в 1919 г. в низовьях Маныча. Кроме того, встречи с ним указаны в Медведицкой на Дону (вероятно – стан. Усть-Медведицкая, ныне г. Серафимович Волгоградской обл.). Но ни в работах С.Н. Алфераки (1910 и др.), ни в дневниках М.М. Алфераки (Белик и др., 2012), которые много лет охотились во второй половине XIX – начале XX в. в низовьях Дона и в Приазовье, никаких сведений о кречете нет.

На Нижней Волге тоже никто из исследователей, много лет проработавших во второй половине XIX – начале XX в. в Царицыне, Сарепте, Черном Яре и Астрахани, о кречете не упоминали (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Хлебников, 1890; Kracht, 1919, 2014; Лорец, 1928; Воробьев, 1936; и др.). Нет никаких данных о нем и в публикациях по Заволжью, где тоже велись длительные исследования (Шевченко и др., 1978; Линдеман и др., 2005). Лишь по сведениям В.А. Хлебникова (1928, с.31), в «Киргизских степях» изредка появлялся «крупный весь белый сокол, поражающий знатоков соколиной охоты своей силой и ловкостью», встречи которого были возможны и в Заволжье в Астраханском крае.

Но в 1916-1917 гг. очень светлых кречетов неоднократно наблюдали в ноябре-декабре к югу от Царицына – в окрестностях Сарепты, Тундутово, Чапурников, а также Черного Яра в Астраханской обл. В Чапурниках Г. Тёрне (1940) сам добыл одну птицу и еще 2 кречетов он получил из чужой коллекции. В январе 1989 г. кречет, охотившийся на серых куропаток, наблюдался также в низовьях р. Еруслан на самом севере Волгоградского Заволжья (Чернобай, 2004а; Завьялов и др., 2005).

На Северном Кавказе известны всего 3 документированные встречи кречетов. Одна птица была добыта 11.04.1921 в окрестностях Новороссийска в Краснодарском крае (Птушенко, 1939); в Карачаево-Черкесии сидевшую на камне птицу наблюдали 16.11.2003 у южного подножия Скалистого хребта близ стан. Кардоникской на левобережье Кубани (Караваев, Хубиев, 2004); в конце октября 1983 г. темный кречет, залетевший в бытовое помещение, пойман в г. Буденновск на востоке Ставропольского края (Хохлов, 1995), однако достоверность определения последней птицы в связи с ее необычным поведением

вызывает некоторые сомнения. В Дагестане кречет очень редко встречается зимой в низменных и предгорных районах (Пишванов и др., 1998; Джамирзоев и др., 2000), но ни одна из 8 встреч, показанных на карте в очерке о кречете, не была точно документирована (Джамирзоев, 2009).

Местообитания. Заселяет в основном скалистые побережья морей, речные долины со скалами и куртинами лесов, ущелья в северных горах, а также лесотундру и северную тайгу. Для гнездования использует обычно старые гнезда воронов или орлов, расположенные на скалах в нишах, закрытых от снегопадов, дождей и холодных ветров карнизами. В речных долинах и в лесотундре заселяет также гнездовые постройки орлов, орланов, зимняков или воронов, устроенные на деревьях. В последнее время в безлесной тундре стал заселять гнезда воронов на мостах через реки. На юге зимой встречается в открытых ландшафтах, нередко – у городов и селений, где есть колонии голубей.

Численность. Вся европейская популяция насчитывает 1,1-1,9 тыс. пар, из которых на европейском севере России гнездится не более 100-200 пар, а основная часть птиц заселяет побережья Гренландии (200-500 пар), Исландии (300-400) и Норвегии (375-650) (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России – это крайне редкий залетный вид, численность которого еще больше сократилась во второй половине XX в.

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как вид с сокращающейся численностью (2 категория). На юге России в Ростовской и Волгоградской обл., в Ставропольском крае и Дагестане кречет исключен из последних изданий Красной книги как залетный вид.

101. Балобан *Falco cherrug* J.E. Gray, 1834

Характер пребывания. Сокол, гнездовья которого на равнинных территориях Придонья, Поволжья и Предкавказья в конце XX - начале XXI в. почти полностью исчезли, и сейчас он встречается здесь в основном только на кочевках. Лишь в предгорьях и низкогорьях Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Дагестана балобан изредка и спорадично гнездился вплоть до начала XXI в. (Белик, 2008, 2014, 2017, 2020; Милобог и др., 2010; Исмаилов, 2012; Белик и др., 2014, 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 2-4 подвида. В Европе и Западной Сибири распространен номинативный подвид, а в горах и нагорьях Центральной

Азии обитает *F. ch. milvipes*. Для Средней Азии указывают также *F. ch. coatsi* и *F. ch. hendersoni* (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013). Иногда более темных птиц, гнездящихся к западу от Волги, выделяют как *F. ch. danubialis* (=*cyanopus*) (Дементьев, 1951). Но внутривидовая структура балобана до сих пор не утвердилась и продолжает активно дискутироваться (Пфандер, 1994; Пфеффер, 2009, 2012; и др.).

Последние же генетические исследования свидетельствуют, что особых различий между разными формами балобана нет, в том числе и между *F. ch. cherrug* и *F. ch. milvipes*, что позволяет говорить о балобане как полиморфном, а не политипическом виде (Ковач и др., 2014).

Распространение. Гнездовой ареал приурочен к пустынно-степному поясу и сухим предгорьям и нагорьям Евразии от Балкан к востоку вплоть до Центральной Азии. На юге России в прошлом ареал охватывал все равнинные регионы, а также предгорья Кавказа, преимущественно же засушливое Поволжье и Восточное Предкавказье, где были широко распространены суслики (Kaleniczenko, 1839; Nordmann, 1840; Moeschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871, 1879; Яковлев, 1872, 2015; Хлебников, 1924; Бёме, 1925; Аргиропуло, 1928; Лорец, 1928; Туров, Красовский, 1933; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Воробьев, 1936; Аверин, Насимович, 1938; Юдин, 1952; Волчанецкий, 1959; Гусев, Штегман, 1959; Варшавский, 1965; Флинт и др., 1969; и др.). А во второй половине XX в. ареал балобана даже расширился в результате заселения искусственных лесонасаждений в прежде безлесных степных и полупустынных районах (Будниченко, 1965; Ивановский, Белик, 1991; Завьялов, Рубан, 2001; Комаров, Аль-Шамери, 2005).

В Ростовской обл. в XX в. балобан был распространен в пойме Нижнего Дона и в низовьях Сев. Донца, в 1970-е годы гнезда находили в дельте Дона, в степном лесхозе в Азовском р-не и в лесах в районе стан. Вёшенской, а в 1980-е годы птиц отмечали также на Цимлянских песках и в бассейне р. Чир в Обливском р-не, но позже летние встречи балобана в степном Придонье уже неизвестны (Варшавский, 1965; Нечаев, 1975; Ивановский, Белик, 1991; Белик, 1996а, 2014; Мосейкин, 1998).

В Волгоградской обл. до начала XX в. балобан был весьма обычен в районе Сарепты (Волгограда) (Богданов, 1871; Artzibascheff, 1859, 2015; Becker, 1853; Moeschler, 1853; Лорец, 1928), до конца XX в. гнездился на скалах вдоль Волги на севере области, а также в лесонасаждениях в низовьях р. Еруслан в Заволжье, по долине р. Иловля и на Цимлянских песках на Нижнем Дону (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Голованова, 1985; Мосейкин, 1991, 1998; Чернобай, 1992, 2004а; Завьялов и др., 1999, 2005). До начала XXI в. он обитал по р. Торгун

в степном Заволжье, однако наши поиски его гнездовий в Нижнем Поволжье в последние десятилетия результатов не дали (Завьялов, Рубан, 2001; Белик и др., 2014; Белик, 2017).

В Астраханской обл. до начала XX в. балобан был обычен по всей долине Волги (Яковлев, 1872, 2015; Kracht, 1919, 2014; Хлебников, 1924; Аргиропуло, 1928; Воробьев, 1936), последние случаи гнездования в дельте Волги отмечены в 1958, 1969 и 1979 гг., а последние весенне-летние встречи – в 1988 и 1996 гг. (Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). В Калмыкии гнезда балобана в оврагах на Ергенях находили до середины XX в. (Artzibascheff, 1859, 2015; Флинт и др., 1969; Белик, 2007, 2017).

На Северном Кавказе, который до недавнего времени исключали из ареала балобана (Дементьев, 1951; Степанян, 2003), этот вид достоверно гнездится в низовьях Терека и в сухих предгорьях Дагестана к югу почти до низовий Самура (Бёме, 1925; Туров, Красовский, 1933; Тер-Вартанов и др., 1954; Гусев, Штегман, 1959; Букреев и др., 2007; Исмаилов и др., 2008; Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Исмаилов, 2012; Джамирзоев, Букреев, 2020), а случайные находки гнезд и выводков отмечали также в 2002-2005 гг. в лесополосах в предгорьях Северной Осетии, в 1954 и 2007 гг. в предгорьях и низкогорьях Кабардино-Балкарии и в 2004-2006 гг. в Карачаево-Черкесии (Комаров, Аль-Шамери, 2005; Комаров, 2006; Белик, 2007, 2008, 2014; Белик, Тельпов, 2007; Милобог и др., 2010; Караваев, Хубиев, 2013; Моламусов, 2017).

На Ставрополье известны лишь редкие весенне-летние встречи (Волчанецкий, 1959; Хохлов, 1995; Белик, 2008; Ильюх, Хохлов, 2010), а для долины Кубани балобана в XIX в. указывал М.Н. Богданов (1879), но позже его отмечали летом только в середине июля 1932 г. в горах близ Гузерипля и стан. Даховской в верховьях р. Белой (Аверин, Насимович, 1938). Наши специальные поиски гнездовий балобана в Восточном Приазовье, на Тамани и в Западном Предкавказье в 2004 и 2008 гг. положительных результатов не дали (Белик и др., 2004; Милобог и др., 2010).

Однако степные районы Краснодарского края, Ростовской и Волгоградской обл. летом изредка посещают кочующие молодые балобаны из Крыма и Венгрии, снабженные трансмиттерами (рис.38), а в Заволжье регулярно залетают, вероятно, птицы из Казахстана, часто погибающие там в степи на опорах ЛЭП-10 кВ (Prommer et al., 2012; Белик, 2014, 2017; Белик и др., 2014; Салтыков, 2014). Через Южную Россию идут также миграции балобанов из более северных и восточных регионов (Шмелева, Харитонов, 2016), летящих на зимовки на юг Евразии

и север Африки. Изредка балобаны остаются зимовать и на юге России – в Астраханской и Ростовской обл., в Калмыкии, Северной Осетии, на Ставрополье, в Краснодарском крае, Кабардино-Балкарии и Дагестане (Россиков, 1884а; Хлебников, 1924; Бёме, 1926; Хохлов, 1995; Джамирзоев и др., 2000; Хохлов и др., 2001; Близнюк, 2004; Белик, 2008, 2014; Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Моламусов, 2017; Очаповский, 2017).

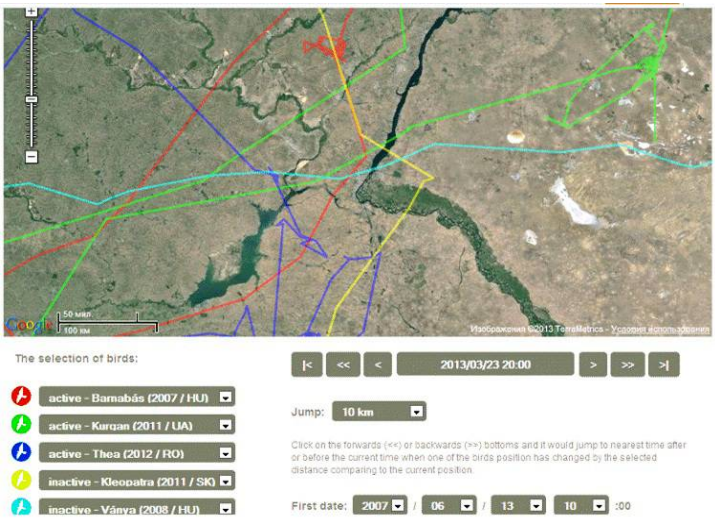


Рис. 38. Маршруты послегнездовых кочевок молодых балобанов, помеченных спутниковыми передатчиками в Венгрии (http://sakerlife2.mme.hu/en/content/birds-satellite-tags) (after: Prommer et al., 2012)

Местообитания. Изначально балобан гнездился преимущественно на уступах и в нишах скал и обрывов среди сухих предгорий и низкогорий, а также в оврагах и по обрывистым берегам рек и морей в пустынно-степном поясе, нередко занимая там гнезда других крупных птиц. Северные равнинные популяции освоили, кроме того, гнездование в старых гнездовьях хищных, голенастых и врановых птиц на различных деревьях, расположенных поблизости от степных или луговых угодий с обилием сусликов, других грызунов и птиц. В прошлом балобан селился иногда также на стогах в степи (Kracht, 1919, 2014; Хлебников, 1924), а во второй половине XX в. в пустынно-степных районах адаптировался к гнездованию в старых постройках разных

птиц на опорах ЛЭП, заселив затем многие безлесные равнинные территории. Охотится в открытых стациях на грызунов и различных птиц, добываемых как в воздухе, так и на земле.

Численность. В Европе численность оценивается в 350-500 пар, обитающих в основном в Венгрии, где известно 220-245 пар, а в Европейской России оценки численности в XXI в. снижались с 30-60 до 5-20 пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020).

В начале же XX в. в низовьях р. Еруслан в Заволжье гнезда балобанов в Салтовском лесу находили в 1-2 км друг от друга, а в начале 1970-х годов обилие птиц достигало там 3,6 пар/10 км^2. На правобережье же Волги в районе скалистых утёсов на севере Волгоградской обл. они гнездились тогда с обилием 0,8 пар/10 км^2 лесной площади (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Мосейкин, 1998).

В конце XX в. балобан на большей части Южной России практически исчез, и сейчас одиночные пары изредка встречаются лишь в сухих предгорьях и низкогорьях Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии (Белик, 2008, 2014; Исмаилов, 2012). Одиночные птицы местами отмечаются также на равнинах Волгоградской обл. и Калмыкии (Белик, 2007, 2017; Белик и др., 2014).

По наблюдениям в Поволжье, катастрофическое падение численности балобана произошло в течение 1975-1985 гг., причем его популяция в Нижнем Поволжье за 20 лет сократилась более чем в 20 раз (Мосейкин, 1998). Хотя в Приэльтонье в 1974 и 1981 гг., наоборот, наблюдались наиболее массовые осенние миграции блобана, когда одновременно учитывали до 40 особей, а снижение численности прослежено с середины 1980-х годов (Линдеман и др., 2005).

По имеющимся, зачастую устаревшим данным, в большинстве регионов (Ростовская, Волгоградская, Астраханская обл., Ставропольский край, Кабардино-Балкария и Северная Осетия) лишь предполагается возможность гнездования единичных пар, в Карачаево-Черкесии – 2-5 пар, в Калмыкии, Чечне и Дагестане – по 5-10 пар (Хохлов, Ильюх, 2002; Белик, 1996а, 2000а, 2007, 2014, 2017; Комаров, 2006; Гизатулин, 2007; Джамирзоев, Исмаилов, 2009; Караваев, Хубиев, 2013; Русанов, 2014; Пшегусов, Джамирзоев, 2018; Джамирзоев, Букреев, 2020). Но общая численность балобана на юге России сейчас вряд ли превышает 5-20 пар (Белик, 2005а, 2014а, 2020; Мищенко и др., 2017).

Современная динамика численности на юге России недостаточно ясна; по-видимому, она стабилизировалась на критически низком уровне (Белик, 2008, 2014а; Милобог и др., 2010). На юге Украины и в Крыму в последнее время наблюдался заметный рост популяций, однако в Ростовскую обл. и Краснодарский эти птицы на гнездование пока не

проникают (Милобог и др., 2010).

Охранный статус. Балобан был включен в Красную книгу России (2001) как вид с сокращающейся численностью (2 категория), но сейчас переведен в 1 категорию как вид, находящийся под угрозой исчезновения (Приказ …, 2020). Под разными категориями он занесен в большинство Красных книг Южной России, кроме Краснодарского края и Адыгеи, Северной Осетии и Ингушетии. В Ставропольском крае балобан исключен из 2-го издания Красной книги.

Основным элиминирующим фактором для балобана сейчас являются широко распространившиеся с конца XX в. нелегальный отлов птиц и изъятие птенцов из гнезд (Галушин, 2003, 2004; Потапов и др., 2003; Исмаилов, 2012). Кроме того, продолжается браконьерский отстрел балобанов (Близнюк, 2004) и их частая гибель на опорах ЛЭП-10 (Салтыков, 2014), что особенно опасно из-за очень низкой общей численности этого вида. Рост популяций балобана лимитируется также резким ухудшением кормовой базы вследствие повсеместной депрессии поселений сусликов и исчезновения многих грачевников в лесостепных и степных районах (Белик и др., 2010; Белик, 2015а).

– **Лаггар** *Falco jugger* J.E. Gray, 1834

Характер пребывания. Лаггар был ошибочно внесен в гнездовую фауну Дагестана (Гусев, Штегман, 1959), но позже исключен из списков птиц Южной России (Петров и др., 1982; Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Оседлый вид, гнездящийся в Индостане и несколько раз регистрировавшийся в Средней Азии, где предполагается возможность его гнездования (Дементьев, 1951; Дементьев, Рустамов, 1957; Рустамов, Скляренко, 2018).

В 1958 г. в Дагестане в дельте Терека 14.04. и 03.05. добыли двух похожих соколов, в том числе одного на гнезде с кладкой. Вначале они были определены как лаггары (Гусев, Штегман, 1959), но в 1959 г. там же был добыт еще один самец (колл. ЗИН РАН), и в результате дальнейшего анализа Б.К. Штегман и К.А. Юдин переопределили всех этих соколов как балобанов. Однако специальных публикаций о них больше не было (В.М. Лоскот, эпист., 14.04.1982), и ошибку в определении соколов Б.К. Штегман косвенно признал только в «Кратком определителе птиц СССР», в котором Дагестан не был включен в гнездовой ареал лаггара (Иванов, Штегман, 1964). Но информация об этом в России долго оставалась малоизвестной (см.: Гладков и др., 1964; Галушин, 1980; Коблик и др., 2006; Рустамов, Скляренко, 2018).

Местообитания. В Индостане обитает в основном на равнинах и в предгорьях, где населяет открытые аридные ландшафты: кустарниковые полупустыни, сельскохозяйственные земли с отдельными деревьями, разреженные леса, в том числе гнездится в городах и их окрестностях (Рустамов, Скляренко, 2018).

Численность. В 1960-е годы в Индостане считался одним из обычнейших соколов, в 1970-е годы вся популяция оценивалась там в 10-25 тыс. пар, но с начала XXI в. наблюдается ее сокращение, и сейчас в Индии сохранилось лишь 5-10 тыс. пар лаггара (Рустамов, Скляренко, 2018; https://www.iucnredlist.org/species/22696492/93568123).

Охранный статус. В России не имеет особого охранного статуса.

– **Ланнер, сокол средиземноморский** *Falco biarmicus* Temminck, 1825

Характер пребывания. Возможно, редкий залетный вид Южной России.

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. Включает 5 подвидов. В Закавказье заходит ареала *F. b. feldeggii*, распространенного в Италии, на Балканах и в Малой Азии (Дементьев, 1951; Степанян, 2003). Птицы этого подвида могут залетать и на юг России.

Распространение. Африка, Средиземноморье и Передняя Азия к востоку до Азербайджана и Ирана. В Закавказье ланнер найден на гнездовье в Грузии, Азербайджане и Армении (Дементьев, 1951; Бурчак-Абрамович, 1959, 1962; Абуладзе и др., 1991; Adamian, Klem, 1999; Patrikeev, 2004; Abuladze, 2013; Corso, 2018).

В России самка ланнера впервые была добыта в мае 1898 г. в окрестностях Сарепты (Волгограда) (Hartert, 1913; Дементьев, 1936, 1945), но позже эти сведения были поставлены под сомнение (Штегман, 1937; Дементьев, 1951). Похожий крупный сокол с характерным для ланнера светло-рыжим теменем наблюдался 19.08.1959 в Тебердинском заповеднике на высоте около 3000 м н.у.м., но его визуальное определение подтвердить не удалось (Ткаченко, 1966). А в конце сентября 2008 г. молодой самец ланнера был пойман в Крыму, и его использовали на Украине в качестве ловчей птицы, пока сокол не улетел на волю весной 2009 г. (Домашевский, 2014). Можно предполагать возможность залетов ланнера и даже его гнездование также в Дагестане.

Местообитания. Ведет оседлый образ жизни, обитая в основном в безлесных пустынных горах, где гнездится на уступах скал, в нишах обрывов, иногда на старых зданиях, где нередко занимает чужие гнезда других хищных птиц или воронов. Охотится в открытых ландшафтах, нередко парами преследует птиц в воздухе.

Численность. Популяция в Европе насчитывает 430-840 пар, большая

часть которых (140-172 пары) гнездится в Италии (European birds …, 2017). Численность в Армении оценивают в 5-10 пар, но реальные находки птиц и их гнезд там единичны (Дементьев, 1945, 1951; Adamian, Klem, 1999; Abuladze, 2013; Corso, 2018; В.Ю. Ананян, личн. сообщ.). Для Азербайджана тоже указывают 5-10 пар, но и там зарегистрировано только несколько встреч, а единственное жилое гнездо найдено в 1949 г. в Гобустане. В Грузии, по опросным данным, известны гнездовья лишь 1-2 пар (Бурчак-Абрамович, 1959; Абуладзе и др., 1991; Patrikeev, 2004; Букреев, Джамирзоев, 2005; Abuladze, 2013).

Охранный статус. В России не имеет особого охранного статуса.

– **Шахин** *Falco pelegrinoides* Temminck, 1829

Характер пребывания. Возможно, случайно залетный вид.

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 2 подвида. На востоке Ирана и в Средней Азии гнездится *F. p. babylonicus*, а на севере Африки, в Аравии и на западе Ирана обитает номинативный подвид (Степанян, 1983, 2003). Многие систематики относят шахина к полипическому виду *F. peregrinus* (Дементьев, 1951; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в пустынных горах Северо-Западной Африки и Азии к востоку до Монголии. Ближайшие к России места обитания находятся в Туркмении и Западном Иране. По сведениям Ф. Эрлангера (Erlanger, 1903; цит. по: Бёме, 1926), в Кабардино-Балкарии в окрестностях г. Прохладный 17.01.1900 **ст.ст.** была добыта взрослая самка *F. p. babylonicus*, но, по мнению М.А. Мензбира (1916, с.144-145), это мог быть северный сапсан типа *abietinus* (=*F. p. peregrinus*). Между тем, шахин по своей окраске значительно ближе к кавказскому сапсану *F. p. brookei*, и спутать его с северными, светлыми сапсанами трудно. Позже добытая в Кабардино-Балкарии птица послужила, по-видимому, типом для описания *F. peregrinus caucasicus* Kleinschmidt, 1907 (см.: Мензбир, 1916, с.145).

Следует также отметить, что 26.05.2019 в степи на юго-востоке Ставропольского края М.П. Ильюхом был встречен молодой линный кавказский сапсан, определение которого тоже вызвало затруднения специалистов из-за его некоторого сходства с шахином (Работа …, 2019).

Местообитания. Шахин ведет оседлый, частично кочующий образ жизни в пустынных горах и предгорьях, местами проникает в среднегорья, где гнездится в нишах на различных скалах и обрывах, часто используя пустые гнезда воронов, беркутов и других хищных птиц.

Численность. В середине XX в. популяцию шахина в бывшем СССР оценивали в 35-50 гнездовых пар, распространенных в республиках Средней Азии (Степанян, 1969; Перерва, 1984). Примерно на том же уровне или чуть выше численность шахина сохраняется там и в настоящее время. По данным Красных книг и других публикаций, в Туркмении гнездится до 10-20 пар, в Узбекистане – 15-20 пар, в Таджикистане – 11-13 пар, в Киргизии – около 10 пар, наконец, в Казахстане – от 10 до 30 пар, т.е. всего примерно 60-90 пар на всю Северную Евразию (Абдусалямов, 1988; Пфеффер, 1991; Давлетбаков, 2006; Абдуназаров, 2009; Сапармурадов, 2011).

Охранный статус. В России не имеет особого охранного статуса.

102. Сапсан *Falco peregrinus* Tunstall, 1771

Характер пребывания. Гнездящийся оседлый, частично кочующий вид горных регионов всего Северного Кавказа (Ильюх, Хохлов, 2010; Тильба, Мнацеканов, 2011; Белик, 2014; Белик и др., 2016), гнездование которого предполагается также в некоторых степных регионах, где сапсаны сейчас появляются обычно на миграциях и зимовке (Белик, 1990, 2004а, 2014, 2017; Головченко, 2001; Белик и др., 2014).

Зоогеографические связи. Космополит неясного зоогеографического генезиса. Наибольшее разнообразие форм сапсана приурочено к горным районам Древнего Средиземья и Южной Азии, и данный регион, возможно, и был родиной этого обособленного вида соколов.

Таксономия. Сложный вид, включающий 16-20 подвидов (не считая *pelegrinoides* и *babylonicus*), синонимика и взаимоотношения между которыми продолжают обсуждаться в печати (Дементьев, 1951; Степанян, 1983; Ковшарь, 2019). На юге России встречаются три формы: номинативная *F. p. peregrinus* (=*brevirostris*), населяющая лесной пояс Евразии и в прошлом, вероятно, гнездившаяся в бассейнах Дона и Волги, а сейчас встречающаяся здесь и в Предкавказье на пролете и зимовках; более светлый северный *F. p. calidus* (=*leucogenys*) гнездится в тундрах и лесотундрах Евразии, а на юге России тоже отмечается на миграциях и зимовке (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Белик, 1990; Джамирзоев и др., 2013; Моламусов, 2017; Очаповский, 2017).

Наконец, в горах Кавказа, в Крыму и Средиземноморье оседло обитает охристо-рыжеватый снизу *F. p. brookei*, в известной мере представляющий переход от крупных, серых северных подвидов к мелкому пустынному шахину. Кавказские популяции сапсана прежде выделялись в отдельный подвид *F. p. caucasicus*, сведенный сейчас в синонимы (Дементьев, 1951; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Ареал охватывает почти все материки: Евразию, Африку, Австралию, Северную и Южную Америку. Наиболее широко распространен в лесах и тундрах на северных равнинах, а также в южных горах Евразии. На юге России сапсан обитает в горах Кавказа от Краснодарского края до Дагестана; в прошлом же его гнездование указывалось также для степного Придонья (Номикосов, 1884; Кондратьев, 1885, 2004; Белик, 2014) и Волгоградской обл. (Лорец, 1928; Чернобай, 2004а). А в последнее время сапсанов несколько раз наблюдали летом и в долине оз. Маныч-Гудило в Калмыкии и Ростовской обл. (Белик, 1990, 2004а, 2014; Головченко, 2011).

В XIX в. сапсана в качестве редкой гнездящейся птицы указывали под именем летнего, или красного, сокола для Области Войска Донского (Номикосов, 1884; Кондратьев, 1885, 2004). А в лесах Воронежской и Липецкой обл., в том числе на Хопре у границ Волгоградской обл., он встречался летом до середины XX в. и даже позже (Северцов, 1855; Образцов, 1951; Королькова, 1983; Петров, 1983; Золотарев, 1995; Чернобай, 2004а), но уже с конца XIX в. его начал вытеснять там расселявшийся на север более крупный и сильный балобан (Мензбир, 1895; Огнев, Воробьев, 1923). Очевидно, в то же время он исчез также на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье.

В середине XIX в. гнездился на лесистых островах Волги у Сарепты (Волгограда) (Северцов, 1873; цит. по: Мензбир, 1882, с.281), а в начале XX в. сапсана считали гнездящимся видом Ергеней близ Сарепты, где его называли «киргизским балобаном», значительно более редким, чем настоящий балобан (Лорец, 1928). Поскольку сапсан гнездится сейчас на прибрежных скалах Жигулей в Самарской обл. (Барабашин, 2004б; Лебедева и др., 2009; Лебедева, 2019), то следует полагать, что в прошлом по высоким скалам вдоль Волги он мог проникать и южнее, в том числе на обрывы Ергеней, но со временем, как и в лесостепной зоне, был вытеснен более сильным балобаном.

Сейчас, в связи с исчезновением балобана, сапсан может вновь заселить меловые и известняковые скалы по берегам Дона и Волги. Так, у скал в Щербаковской излучине Волги в Камышинском р-не Волгоградской обл. сапсанов наблюдали в январе 2015 г., затем 21.01. и 05.02.2016, а также неоднократно зимой 2017-2020 гг. (А.Н. Капустин, личн. сообщ.). На Среднем Дону у стан. Распопинской Клетского р-на В.В. Ветров дважды встречал самок сапсана: 01.11.2011 птица пролетела на запад вдоль Дона, а 07.10.2013 там же она гналась за тетеревятником, возможно охраняя свой гнездовой участок (Белик и др., 2014; Белик, 2017).

В долине Маныча на юго-востоке Ростовской обл. охотившихся взрослого и молодого сапсанов мы наблюдали 25 и 28.07.1986 (Белик, 1990, 2004а). О возможности их гнездования на обрывах оз. Маныч-Гудило свидетельствуют также наблюдения выводка со слётком в конце августа – начале сентября 2009 г. в Приютненском р-не Калмыкии (Головченко, 2011), если только там не было ошибки в определении птиц.

На Кавказе сапсан гнездится на прибрежных скалах вдоль Черного моря от Анапы до Туапсе, затем переходит на скалы в речных ущельях предгорий и низкогорий, а в Абхазии на Мюссерских холмах у Пицунды вновь заселяет береговые скалы (Тильба, Мнацеканов, 1998, 2011, 2020; Белик, Бабкин, 2010; Рудовский, 2014; Белик, 2015; Белик и др., 2017). На северном макросклоне сапсан гнездится от р. Пшеха и Лагонакского нагорья на западе (Мнацеканов, 1989; Тильба, Мнацеканов, 2011; Тильба, 2017) до Каспия на востоке. Здесь он спорадично встречается на Боковом хр., широко распространен по всему Скалистому хр. и местами гнездится на Меловом хр. (Витович, 1989; Хохлов, Витович, 1990; Вуккерт, 1995; Тильба, 1995; Акбаев, 2000; Комаров, Липкович, 2000; Белик, Тельпов, 2007; Караваев, Хубиев, 2013; Моламусов, 2017; и др.). Нередок сапсан во Внутреннем Дагестане, где обитает также на некоторых краевых хребтах (Джамирзоев, 2009; Джамирзоев и др., 2013, 2014; Джамирзоев, Букреев, 2020).

В последнее время отмечены случаи выселения сапсана на подгорные равнины Северного Кавказа, где он заселяет скалы на лакколитах Минераловодской группы и даже, по-видимому, высокие здания в городах (Белик, 2014; Е.А. Парфенов, личн. сообщ.). Два гнезда сапсанов, сделанные в постройках серой вороны на опорах ЛЭП в 10 км друг от друга, найдены в 2003 г. среди Ногайских степей в Моздокском р-не Северной Осетии (Комаров и др., 2011). Имеются сведения о летних встречах и находках гнезд сапсана также на Ставропольской возвышенности (Хохлов, 1995; Ильюх, Хохлов, 2010).

Местообитания. На Кавказе гнездится только в нишах и на полках различных скал, часто заселяя старые гнездовые постройки ворона и некоторых видов хищных птиц. Скалы и обрывы по берегам рек сапсаны используют местами и в степной зоне. В лесном поясе они гнездятся в основном на деревьях, тоже используя старые гнезда ворона или других хищных птиц, но иногда селятся также в нишах высоких городских построек (Мензбир, 1895; Григорьев и др., 1977). Наконец, в тундре сапсаны гнездятся на земле, обычно на уступах и бровках береговых обрывов рек. Охотятся они, как правило, в воздухе на различных птиц, но в горах Кавказа иногда добывают сусликов (Гептнер, 1926). На гнездовых участках держатся обычно весьма скрытно, и

лишь в период токования, а также при птенцах и слётках сапсаны становятся более заметными (Витович, 1989; Ильюх, Хохлов, 2010).

Численность. Вся европейская популяция насчитывает 14,9-28,8 тыс. пар, из которых для Европейской России указывается 1,2-1,5 тыс. пар, в том числе не менее 500-600 пар *F. p. calidus* и 250-400 пар *F. p. peregrinus* (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России, в основном на Кавказе в начале XXI в. предполагалось гнездование 100-150 пар, но затем, по мере интенсификации исследований в горах, оценка численности увеличивалась до 250-500 и даже 400-500 пар (Белик, 2005а, 2014).

По данным Красных книг, в Краснодарском крае популяцию сапсана в начале XXI в. определяли более чем в 25 пар, а затем увеличили до 30-35 пар (Мнацеканов, Тильба, 2007; Тильба, 2017). В Адыгее численность считалась стабильно небольшой и оценивалась в 5-8 пар (Тильба, Мнацеканов, 2012). В Карачаево-Черкесии гнездится до 30-40 пар (Караваев, Хубиев, 2013), а в Кабардино-Балкарии – не менее 12-15 пар (Пшегусов, Джамирзоев, 2018). В Северной Осетии для Скалистого и Бокового хр. указывали до 10 пар (Липкович, 1999; Комаров, Липкович, 2000), а в Чечне и Ингушетии на Скалистом хр. гнездилось до 30 пар (Гизатулин и др., 2001). Наконец, в Дагестане в конце XX в. численность оценивали в 25 пар, а в начале XXI в. – до 40-50 пар (Джамирзоев и др., 2000; Джамирзоев, 2009). Для Ставропольского края указывали гнездование от 1-2 до 3-5 пар (Мосейкин, 2004; Хохлов, Ильюх, 2013).

Всего, таким образом, суммарная численность сапсана на Северном Кавказе, по официальным данным, составляет 160-190 пар, но учитывая нынешний быстрый рост его популяций и неполное обследование горных территорий в прошлом, современную численность этого вида более реально оценивать здесь, как минимум, в 2-3 раза выше. По нашим данным, только в горах между Кисловодском и Карачаевском в 2005-2006 гг. на площади 1000 км^2 было выявлено до 10 гнездовых участков (Белик, 2014). На Абрауском полуострове, где сапсанов впервые отметили в 1970 г. (Казаков, Белик, 1971), в 2009 г. на 40 км скалистого побережья моря между Анапой и Новороссийском нами учтено до 10 гнездовых участков, располагавшихся на расстоянии 2,1-6,3 км, в среднем – в 3,7 км друг от друга (Белик, Бабкин, 2010).

На миграциях и зимовке в равнинных регионах сапсаны встречаются редко. Так, в Приазовье Г.Г. Сарандинаки (1909) отметил сапсана лишь однажды за 7 лет, С.Н. Алфераки (1910) – трижды за 20 лет, а М.М. Алфераки – трижды за 10-15 лет (Белик и др., 2012). В Приэльтонье за 38 лет наблюдений сапсаны встречены всего 11 раз в период

27.04.-10.05. весной и 07.09.-18.10. осенью (Линдеман и др., 2005). А в дельте Волги на трех участках Астраханского заповедника за 40 лет зарегистрировали 50 встреч: с 09.03. по 10.04. весной и с 08.09. по 09.12. осенью, в основном в октябре-ноябре в период массового пролета водоплавающих птиц. Но в Астрахани в 1997-2000 гг. ежегодно зимовало около 10 особей (Русанов, Кеценов, 2002; Русанов, 2011).

Охранный статус. Был включен в Красную книгу России (2001) как вид с сокращающейся численностью (2 категория). Сейчас популяции Центрального и Приволжского федеральных округов, где обитает номинативный подвид сапсана, отнесены к 1 категории, а кавказские птицы *F. p. brookei* – к 3 категории (Приказ …, 2020). Под разными категориями сапсан занесен в Красные книги всех регионов Южной России.

После законодательного запрета на уничтожение хищных птиц и директивных ограничений на использование токсичного для соколов инсектицида ДДТ (Галушин, 1980; Пиколл, 1983), основные элиминирующие факторы для сапсана были сняты, и сейчас его популяции лимитируются в основном репродуктивным потенциалом этого вида, позволяющим ему постепенно увеличивать численность, особенно в горах Кавказа (Тильба, Мнацеканов, 2011, 2020).

103. Сокол Элеоноры, или алет *Falco eleonorae* Gené, 1839

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Южной России, встреченный лишь однажды в Дагестане (Белик и др., 2016; Хамфри, 2016).

Зоогеографические связи. Реликт Тетиса, предположительно представитель Номадийского типа фауны Палеарктики, но его более узкие зоогеографические связи требуют отдельного анализа.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в основном на скалистых побережьях и островах Средиземного моря, откуда улетает на зимовку на Мадагаскар и только изредка залетает в бассейн Черного моря и Западную Европу (Snow, Perrins, 1998).

В России одиночных соколов несколько раз регистрировали в 1980-е годы в Крыму (Abuladze, 2013), а 09.06.2016 сокол Элеоноры был впервые встречен в Дагестане – в полупустынной долине р. Шура-Озень у хр. Нарат-Тюбе, рядом с барханом Сарыкум близ Махачкалы (Хамфри, 2016). Позже его неоднократно наблюдали там вплоть до 23.08.2016 (Коблик, Дунаев, 2016). Судя по окраске, это была годовалая самка темной морфы. Можно отметить еще одну встречу «очень темного сокола, с бурым общим тоном, с чеглока ростом, но не чеглока», наблюдавшегося в августе в горах возле Сочи (Мензбир, 1925, с.88).

Кроме того, алета темной морфы 02.06.2005 наблюдали в Армении

(Ananian et al., 2007), еще трижды (21.10.1977; 01.10.1995; 09.10.2011) этот сокол отмечен на побережье Черного моря в Аджарии в Грузии, а 29.09.1988 сокол Элеоноры пролетел на юг вдоль берега моря у Пицунды в Абхазии (Abuladze, 2013). Лишь однажды летом 1994 г. пара птиц встречена в Закарпатье на Украине (Боднар, 1996).

Местообитания. Гнездится этот сокол нередко колониями в нишах обрывов и скал по берегам морей. Период гнездования приурочен к концу лета, когда начинается пролет на зимовку многочисленных мелких птиц с севера. При этом алет приспособился к сумеречной охоте на ночных мигрантов, особенно успешной в ясные лунные ночи (Snow, Perrins, 1998).

Численность. В Европе гнездится 14,3-14,5 тыс. пар этого сокола, основная часть популяции которого (около 4,5 тыс. пар) сосредоточена на многочисленных островах Эгейского моря в Греции (Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017).

Охранный статус. В России не имеет особого охранного статуса.

104. Чеглок *Falco subbuteo* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик, 2000а, 2014; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2014, 2016). Местами здесь отмечаются неподтвержденные зимние встречи (Очаповский, 1967б, 2017; Харченко, 1968; Самородов, 1981; Эдиев, Хохлов, 1993; Емтыль, Лохман, 1994; Шариков и др., 2006; Моламусов, 2017), связанные, возможно, с ошибочным определением дербников.

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Сейчас признано, что чеглок делится на 2 подвида. В России гнездится номинативный подвид, а вторая форма *F. s. streichi* обитает в Китае (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездовой ареал охватывает почти всю Евразию, кроме северных тундровых регионов и южных тропических районов. На юге России широко распространен во всех равнинных регионах, реже гнездится в предгорьях и на Черноморском побережье Кавказа, изредка, спорадично проникает также в среднегорья, местами поднимаясь до верхней границы лесного пояса (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Ткаченко, 1966; Тильба, 1995; Тильба, Мнацеканов, 1995; Белик, 2000; Комаров, Липкович, 2000; Караваев и др., 2015).

Зимует на юге Африки и Азии. Мигрирует широким фронтом в субмеридиональном направлении (Миграции …, 1982), пересекая горы и

моря, но его видимые миграции выражены слабо. В Грузии, например, в «бутылочном горлышке» у Батуми осенью 2008 и 2009 гг. учли всего 418 и 447 чеглоков, что на порядок меньше, чем пролетело там перепелятников и тювиков (Verhelst et al., 2011), а в Израиле за 10 осенних сезонов (1990-1999 гг.) отмечено лишь 316 чеглоков (Alon et al., 2004).

Местообитания. Предпочитает пойменные леса степной зоны; во второй половине XX в. заселил многие искусственные степные лесонасаждения (Ильюх, 1995; Хохлов, 1995; Белик, 2009а; Ильюх, Хохлов, 2010), а в последние десятилетия в Предкавказье освоил также гнездование в городских парках и уличных насаждениях (Эдиев, 1997; Сиденко, 2002; Ильюх, 2007; Динкевич, Найданов, 2013). Гнездованием связан с врановыми птицами (в основном серой вороной и вороном), постройки которых на деревьях или опорах ЛЭП, а иногда – на скалах (Тильба, 1995; Тильба, Мнацеканов, 1995; Акбаев, 2000; Караваев и др., 2015), чеглок использует для размножения. Охотится в открытых местообитаниях обычно на летающих птиц или насекомых, в горах иногда поднимается в субальпику, где наблюдался до высоты 2000-2200 м н.у.м. (Исмаилов и др., 2008).

Численность. Популяция в Европе насчитывает сейчас 92,1-147,0 тыс. пар, а в Европейской России гнездится 40-70 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность чеглока в конце XX – начале XXI в. оценивалась в 3-5 тыс. пар, в том числе 250-500 пар обитало в Ростовской обл., 100-300 пар в Калмыкии и 400 пар на Ставрополье (Белик, 1995, 2005а, 2007; Ильюх, 2020). В Предкавказье предполагается гнездование около 1.000 пар со средним обилием 0,6 пар/100 км^2 (Ильюх, Хохлов, 2010).

В связи с заселением искусственных степных лесонасаждений во второй половине XX в. отмечено увеличение численности чеглока (Белик и др., 1983; Ильюх, 1995; Хохлов, 1995; Белик, 2009а), но сейчас она относительно стабильна, хотя местами наметилось ее сокращение (Белик и др., 2003). Очень редок чеглок стал на севере Волгоградской обл., где практически исчезли серые вороны (Белик и др., 2014), в последнее время весьма редко он встречается и в горах Западного Кавказа (Перевозов, 2014), где его, по-видимому, вытесняют сапсан, а также тетеревятник, сокращающий численность врановых птиц, т.е. лишающий чеглока гнездовой базы (Белик, 2014; П.А. Тильба, личн. сообщ.).

Охранный статус. На юге России не имеет особого охранного статуса. Численность чеглока лимитируется сейчас, вероятно, в основном естественными факторами, прежде всего – хищничеством более крупных орнитофагов.

105. Дербник *Falco columbarius* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Зимующий вид всех регионов Южной России; в прошлом южная граница гнездового ареала проходила, по-видимому, через бассейн Дона (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2016; Белик, 2018).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988; Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 9-10 подвидов. На севере Европы гнездится *F. c. aesalon*, прилетающий на зимовку на юг России, а в степях Зауралья обитает реликтовый подвид *F. c. pallidus*, хорошо отличающийся очень светлой окраской и более крупными размерами. В прошлом, возможно, эта форма была распространена на гнездовании и в европейских степях (Белик, 2018). Зимой птицы степного подвида нередко встречаются в Восточном Предкавказье, а также в Закавказье к западу вплоть до Пицунды (Сушкин, 1914; Бёме, 1926; Дементьев, 1951; Бернацкий, 1958). Кроме того, имеется сообщение о добыче 20.10.1928 у Майкопа самца восточносибирского подвида *F. c. insignis* (Аверин, Насимович, 1938).

Распространение. Гнездится в северных районах Евразии и Северной Америки. Современная южная граница гнездового ареала в Европейской России проходит по Рязанской обл., Чувашии, Татарстану (Григорьев и др., 1977; Волков и др., 1998; Аськеев, Аськеев, 1999; Глушенков, 2013). Ареал степного подвида *F. c. pallidus* сейчас охватывает Южное Приуралье, степи на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане (Морозов и др., 2013).

Но в середине XIX в. дербники были распространены по степной зоне к западу до Днепра (Зарудный, 1888, 1892, 1911; Сомов, 1897; Морозов и др., 2013), а в начале XX в. их еще встречали на Сев. Донце у стан. Митякинской Ростовской обл., где 14/27.07.1910 на песчаной террасе в устье р. Деркул была добыта самка (Аверин, 1911). В середине XX в. дербников отмечали на Верхнем Дону, а в настоящее время, возможно, они еще гнездятся в Волго-Уральском междуречье – по Узеням и северной кромке Волго-Уральских песков в Казахстане (Белик, 2008). Гнездование отдельных пар возможно и в Заволжье. Но на границе ареала степной дербник, как реликтовая форма, везде был крайне редок и, очевидно, ускользал от внимания немногочисленных исследователей (Белик, 1992г, 2018).

Зимовки северного дербника расположены в южных регионах Евразии, преимущественно в пустынно-степном поясе, а также в сухих, безлесных южных горах и предгорьях. В осенне-зимне-весенний период –

с начала сентября (Тильба, 2006; Забашта, 2021) до начала мая (Бёме, 1926) – он встречается по всей степной зоне Южной России, изредка залетает в горные районы Кавказа (Бёме, 1958; Караваев и др., 2015; и др.) и на Черноморское побережье (Бернацкий, 1958; Тильба, 1995, 1999, 2006, 2007). Осенние миграции идут широким фронтом в южном – юго-западном направлении (Миграции …, 1982; Шмелева, Харитонов, 2016), но выражены слабо.

Местообитания. Летом заселяет тундры, лесотундровые районы и горные редколесья; в лесной зоне обитает на верховых болотах, на зарастающих торфяных карьерах или в поймах рек с лугами и болотами, а в степях – в лесных и кустарниковых колках и лесополосах по речным долинам и озерным котловинам. Гнездится обычно в старых постройках врановых птиц на деревьях, изредка – на земле или скалах. На пролёте и зимовке встречается в разнообразных степных и лесостепных ландшафтах, активно охотясь в полёте на различных мелких птиц или добывая мышевидных грызунов.

Численность. Популяция на севере Европы насчитывает 32,0-51,6 тыс. пар, в том числе в Европейской России гнездится 20-30 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). Численность птиц, зимующих на юге России, неизвестна. В степных ландшафтах на миграциях и зимовке дербники встречаются нерегулярно, появляясь обычно в суровые зимы в периоды массовых налётов жаворонков, овсянок и вьюрковых птиц (Забашта, 1998, 2021; Ломакин, Белик, 2008). В Ростовской обл. за 18 лет наблюдений (1974-1992 гг.) встречены 23 дербника, причем в 6 зимних сезонах они не отмечались вовсе. Встречи неравномерно распределялись и по месяцам: октябрь – 4; ноябрь – 1; декабрь – 1; январь – 4; февраль – 2; март – 5; апрель – 6 (Белик, 1992г). А в Приэльтонье за 38 лет наблюдений дербник зарегистрирован всего 2 раза: 01.10.1965 и 14.09.1999 (Линдеман и др., 2005).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). На региональном уровне в России местами охраняются также северные и степные гнездовые популяции. Причины деградации степных популяций дербника остались недостаточно понятными (Белик, 2018).

106. Кобчик *Falco vespertinus* Linnaeus, 1766

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид практически всех регионов Южной России, кроме Карачаево-Черкесии, где кобчик регистрируется только на миграциях (Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2012, 2016). Иногда на юге России отмечали зимние встречи кобчика (Минoранский, Харченко, 1967; Харченко, 1968; Самородов, 1981;

Емтыль, Лохман, 1994; Лохман, 2002; Лохман и др., 2004; Моламусов, 2017), связанные зачастую, по всей видимости, с ошибочным определением других видов соколов.

Зоогеографические связи. Типичный представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Сейчас рассматривается как монотипический вид. Прежде в данный вид включали также амурского кобчика *F. amurensis* (Дементьев, 1951).

Распространение. Характерен для лесостепной зоны Евразии от Румынии и Польши на западе до Прибайкалья на востоке. К северу по лугам и таежным болотам проникает до Архангельской обл. и Республики Коми, а к югу по долинам рек заходит в пустыни до побережий Каспия. На юге России гнездится во всех равнинных степных регионах, где имеются древесные насаждения, кроме северных районов Карачаево-Черкесии. Но в предгорьях Северного Кавказа гнездовья кобчика практически не известны и в других регионах (Бёме, 1926; Чунихин, 1962; Емтыль и др., 1993; Комаров, Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001; Белик, Федосов, 2017; Моламусов, 2017; Белик, 2019). В Дагестане на юг проникает до низовий Сулака и лесополос на окраинах Махачкалы (Исмаилов и др., 2008). Довольно обычен этот вид в сухих степях Таманского полуострова, однако по Черноморскому побережью Кавказа он изредка встречается только на миграциях (Белик и др., 2009; Тильба, 2010).

Зимуют кобчики в Южной Африке, куда мигрируют со всего ареала, в том числе из Венгрии, Казахстана и Сибири, через Предкавказье и Причерноморье, где перед отлётом на юг осенью собираются местами их сотенные и тысячные скопления, длительное время кочующие в степях в ожидании попутного ветра (Маловичко и др., 2003а, 2003б; Белик, 2015; Мещерякова и др., 2020; https://raptors.org.ua/ru/768). Поэтому общее направление осенних и весенних миграций в Евразии, судя по данным кольцевания, имеет субширотную ориентацию: весной на восток, а осенью на запад (Дементьев, 1951; Миграции …, 1982; Шмелева, Харитонов, 2016).

Перелёт же кобчиков на зимовки в Африку идет, по-видимому, дальними бросками на юг через моря, горы и пустыни на большой высоте в высокоскоростных струйных течениях и поэтому визуально не прослеживается (Белик, 2015; https://raptors.org.ua/ru/279). Видимые же перелеты птиц, идущие в разных направлениях в Предкавказье (Комаров, 2010; Тильба, 2010; Очаповский, 2017), представляют собой, очевидно, их местные перемещения в поисках оптимальных районов для

кормежки и последующих миграционных стартов. Изредка они залетают в высокогорья (Ткаченко, 1966; Тильба, 1995; Комаров, Липкович, 2000; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015), а также в Закавказье, где в «бутылочном горлышке» у Батуми в Грузии осенью 2008 и 2009 гг. пролетело лишь 265 и 168 кобчиков (Verhelst et al., 2011), тогда как в Израиле за 10 сезонов (1990-1999 гг.) учли 32.313 кобчиков, т.е. в среднем 3.231 особь за осень (Alon et al., 2004).

Местообитания. Кобчик селится обычно разреженными колониями в гнездовых постройках врановых птиц, чаще всего – в грачевниках, поэтому гнездованием тесно связан с древесной растительностью, а трофически – с открытыми местообитаниями, прежде всего – сухими, низкотравными степями, где охотится преимущественно на крупных насекомых, мышевидных грызунов и ящериц. С появлением искусственных степных лесонасаждений, особенно в засушливых пастбищных районах, кобчик охотно заселял эти биотопы, если только в них обитали врановые птицы. Достаточно четко прослеживается приуроченность поселений кобчика к речным долинам или оросительным каналам, и по галерейным пойменным лесам он может проникать далеко в глубь пустынной зоны, но в безводных полупустынях, даже при наличии рощ и садов с врановыми птицами, кобчик гнездится очень редко. Кроме старых гнезд врановых и других видов птиц, кобчик иногда занимает дупла деревьев (Хлебников, 1930), а в Предкавказье его колонии, иногда совместные с пустельгами, в прошлом неоднократно находили в строениях или развалинах домов (Будниченко, 1965; Харченко, 1968; Хохлов, 1995; Ильюх, 2008; Очаповский, 2017). Кустарников и одиночных деревьев в степях кобчик, как правило, избегает; не гнездится он и в глубине густых лесных массивов. Редко встречаются эти птицы и в лесостепных предгорьях с высокотравными лугами, а также в горных районах, в том числе даже на миграциях (Белик и др., 2012).

Численность. В середине XX в., в связи с появлением молодых искусственных лесонасаждений, в степях было отмечено заметное увеличение общей численности кобчика, однако затем некоторые его популяции на юге России резко сократились (Померанцев, 1928; Будниченко, 1950, 1965; Мальчевский, 1950; Юдин, 1952; Олейников, 1969; Петров, Казаков, 1970; Белик и др., 1983, 2012; Белик, 1995а, 2009а; Линдеман и др., 2005; и др.). Лишь к концу XX в. их состояние относительно стабилизировалось (Белик и др., 2003), но в начале XXI в. вновь началось быстрое снижение численности птиц. Особенно сильная депрессия охватила популяции лесной и лесостепной зон, а также северных степных районов, в том числе на севере Ростовской и Волгоградской обл. В значительном числе кобчик сохранился сейчас

только в слабо облесённых, полупустынных районах Заволжья и Северо-Западного Прикаспия (Белик и др., 2012, 2014).

Вообще же для кобчика характерны значительные колебания численности и выраженная динамика ареала, причины которых остаются недостаточно ясными (Белик и др., 2012). Так, в первой половине XX в. кобчики быстро заселили долину Нижней Волги и всю ее дельту, где в XIX в. не гнездились (см.: Белик и др., 2012), а в начале XXI в. они в значительном числе обнаружены в Ногайских степях Дагестана (Белик и др., 2011) и впервые найдены на гнездовье в Моздокских степях в Северной Осетии (Комаров, 2010). Наоборот, в дельте Терека в районе с. Бол. Арешевка, где в 1920-е годы кобчик был очень многочислен (Бёме, 1925), сейчас его практически нет (Джамирзоев, Ильюх, 1999; Белик и др., 2011). На Доно-Цимлянских песках, по нашим наблюдениям, в 1978 г. кобчик тоже был обычным видом, широко населявшим сбитые супесчаные пастбища в долинообразных понижениях, местами с плотностью до 4 пар/км^2, но к 1990-м годам там практически исчез, хотя на восточной, волгоградской половине этого песчаного массива он оставался довольно обычен до конца 1990-х годов.

На Нижнем Дону и в Приазовье в начале XX в. были отмечены также не известные ранее асинхронные колебания численности кобчика и обыкновенной пустельги: в годы высокого обилия пустельги здесь реже встречался кобчик, и наоборот (Белик и др., 2012). Позже нечто подобное отметили в Заволжье: «там, где обитает в заметном числе кобчик, реже встречается пустельга, и наоборот» (Мельниченко, 1949, с.335). Похожее распределение этих птиц наблюдалось в июле 1978 г. в Приманычье. Там в искусственном лесном массиве у с. Арзгир Ставропольского края кобчик был весьма обычен, даже многочислен в южной части, где было мало пустельги, и малочислен, даже редок – в северной половине леса, изобиловавшей пустельгами (Белик и др., 2012).

Популяция кобчика в Европе насчитывает сейчас 30,3-63,4 тыс. пар, а в Европейской России гнездится от 22-55 до 40-60 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге же России его численность в конце XX – начале XXI в. оценивалась в 25-50 тыс. пар, в том числе 4-8 тыс. пар обитало в Ростовской обл. (Белик, 1995, 2000a, 2005a, 2007, 2014a). В Предкавказье предполагается гнездование около 10 тыс. пар со средним обилием 5,5 пар/100 км^2 (Ильюх, Хохлов, 2010). По последним данным, на территории Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл. гнездилось примерно по 5-10 тыс. пар; в Калмыкии – 3-5 тыс. пар; в Дагестане – 2 тыс. пар; на Ставрополье – 3-5 тыс. пар; в Краснодарском крае – 1-5 тыс. пар. Общая численность кобчика на юге России в начале XXI в. снизилась с 26-47 до

20-40 тыс. пар (Белик, 2007, 2020; Ильюх, 2008, 2020; Белик и др., 2012).

Охранный статус. Был рекомендован в Красную книгу России (Белик, 2014а) и сейчас включен в ее новое издание под 3 категорией редкости (Приказ …, 2020). На юге России занесен в Красные книги Адыгеи, Чечни и Дагестана (3 категория). Причины деградации популяций кобчика неоднозначны. В середине XX в. он сильно пострадал, по-видимому, от пестицида ДДТ, широко применявшегося, в том числе, и в районах зимовки кобчика, а в последнее время катастрофическое сокращение численности, особенно в северных и западных районах (Ростовская и Волгоградская обл., Краснодарский край), связано с расселением по лесонасаждениям степной зоны тетеревятника и уничтожением им кобчиков, а также врановых птиц, в гнездах которых кобчики размножаются (Белик и др., 1983, 2010, 2012; Архипов, 2003; Белик, 2003г; Ветров, 2003, 2019; и др.).

107. Пустельга степная *Falco naumanni* Fleischer, 1818

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Восточного Предкавказья и Калмыкии, недавно начавший восстанавливать свой прежний ареал в Ростовской, Астраханской и Волгоградской обл., где гнездовья исчезли во второй половине XX в., и пролетный вид Центрального и Западного Кавказа, где птицы гнездились до середины XX в. (Джамирзоев и др., 2008; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2016). В прошлом степные пустельги отмечались в Предкавказье также в зимний период (Россиков, 1884а; Бёме, 1926; Харченко, 1968).

Зоогеографические связи. Типичный представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездовой ареал протянулся по аридным районам Древнего Средиземья от Пиренеев и Малой Африки через Переднюю Азию, Предкавказье и Казахстан до Забайкалья и северо-восточного Китая. Оптимум ареала приурочен в основном к сухим, безлесным предгорьям и низкогорьям, но по сбитым пастбищам, вслед за человеком, птицы проникают на север в сухие степи, местами – вплоть до лесостепной зоны.

На юге России в прошлом эта пустельга населяла практически всю степную и полупустынную зоны от Нижнего Поволжья и Калмыкии до Приазовья, Нижнего и Среднего Дона и гнездилась также в сухих, скалистых предгорьях от Дагестана до Краснодарского края и Крыма (см.: Алфераки, 1910; Орлов, Фенюк, 1927; Образцов, 1956; Барабаш-

Никифоров, Семаго, 1963; Костин, 1983; Белик, Давыгора, 1990; Линдеман и др., 2005; Джамирзоев и др., 2008; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик, 2014; Белик и др., 2014; Реуцкий, 2014).

В Предкавказье от низовий Дона до дельты Терека, Дербента и низовий р. Самур степная пустельга была распространена вплоть до начала-середины XX в. (Богданов, 1879; Радде, 1884; Россиков, 1884б, 1890; Динник, 1886; Lorenz, 1887, 2010; Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Аверин, 1911; Бёме, 1925, 1926, 1929, 1935; Гептнер, 1926; Кистяковский, 1932; Туров, Красовский, 1933; Аверин, Насимович, 1938; Волчанецкий, 1959; Харченко, 1966, 1968; Белик и др., 2012; Очаповский, 2017). Отдельные встречи, документированные коллекционным материалом, отмечены тогда также у г. Приморско-Ахтарск (10.07.1909 **ст.ст.**; колл. Музея природы ХГУ; Девятко, Джамирзоев, 2012) и Краснодара (14.04.1912 **ст.ст.**; колл. Зоомузея МГУ; Казаков, 1974).

Местами степная пустельга проникала в сухие предгорья и низкогорья Северного Кавказа, где в прошлом встречалась во Внутреннем Дагестане (Россиков, 1884б), по Тереку у Владикавказа (Бёме, 1926); по Череку, Чегему и Баксану в Северо-Юрской депрессии (Гептнер, 1926; Афонин, 1985); на северных склонах Скалистого хр. у Кисловодска (Lorenz, 1887, 2010; Шарлеман, 1915); по р. Лаба у г. Псебай (Туров, 1932). На Западном Кавказе эта пустельга была найдена на скалах хр. Черногорье (1700 м н.у.м.) в верховьях р. Пшеха (Аверин, Насимович, 1938; Перевозов, 2014), а также добыта 30.05.1981 в районе хр. Абаго (г. Экспедиция) на высоте более 2000 м н.у.м. (Тильба, 1995), но ее гнездование в этих необычных условиях не подтверждено.

В Нижнем Поволжье степную пустельгу впервые отметили М.Н. Богданов (1871) и В.Е. Яковлев (1872, 2015) для дельты Волги, а последним она найдена и в окрестностях горы Богдо на севере Астраханского Заволжья. Там же в «киргизских» степях она гнездилась на мечетях и среди надгробных плит, а также в крытых камышом казахских могилах (Seebohm, 1882; Хлебников, 1930). Обычна она была и в степях вдоль Волги – у с. Селитренного, стан. Досанг, а также в районе подстепных ильменей (Воробьев, 1936), гнездилась у с. Черный Яр на правобережье Волги на севере Астраханской обл. (Kracht, 1919, 2014).

В окрестностях Сарепты (Волгограда) гнездование степных пустельг отмечал В.Ф. Лорец (1928). Их поселения находились, по-видимому, также на меловых обрывах правого берега Волги на границе Волгоградской и Саратовской обл. (Чернобай, Никитина, 1990; Завьялов и др., 2005). А на севере Волгоградского Заволжья эта пустельга «редкими парами гнездилась повсюду … по обрывистым берегам Ерус-

лана и некоторых оврагов» (Волчанецкий, Яльцев, 1934, с.74). На Эльтоне птицы селились колониями на мельнице и развалинах церкви, а также в домах станционного поселка (Волчанецкий, 1937), а позже их отмечали там и по обрывам (Волчанецкий и др., 1950).

Однако в 1950-е годы численность степной пустельги в Заволжье резко снизилось, в 60-70-е годы и до начала 1980-х годов в поселках Приэльтонья она гнездилась лишь одиночными парами, а затем окончательно исчезла (Линдеман и др., 2005). В 1960-е годы эта пустельга практически исчезла и в Астраханской обл., где последнее гнездо было найдено 05.05.1981 в норе глиняного карьера у Астрахани (Луговой, 1963; Реуцкий, 2014).

Восстановление заволжских популяций началось лишь в конце XX в. Несколько колоний было обнаружено в сёлах на юго-востоке Саратовской обл. (Мосейкин, Мосейкин, 2000); они были найдены тогда и в Волгоградском Заволжье (Мосейкин, 2000), а в 2008 г. одна пара отмечена на заброшенной кошаре близ с. Савинка Палласовского р-на (Мамаев, 2015). Но наши поиски этих птиц в 2008-2021 гг. в различных районах Волгоградской обл. – от г. Котельниково и Суровикино до Серафимовича, Камышина и Палласовки – пока остаются безрезультатными (Гугуева, Белик, 2013; Белик и др., 2014; Белик, 2017).

На Северном Кавказе сокращение популяций у этого вида стало проявляться в начале XX в. Так, Ф.К. Лоренц (Lorenz, 1887, 2010) в 1884-1885 гг. нередко отмечал степных пустельг у Пятигорска и Кисловодска, но уже в 1911-1914 гг. ни А.А. Браунер (1914), ни Г.И. Поляков (1914) этих птиц там не видели, а Э.В. Шарлеман (1915) указал лишь одну встречу взрослого самца, добытого 06.07.1914 **ст.ст.** возле Кольцо-Горы у подножия хребта Боргустан (Меловой хр.). К.Н. Россиков (1884б) в 1882 г. нередко отмечал этих пустельг на подгорной равнине между Владикавказом и Грозным, у с. Ведено в горной Чечне и в Ботлихской котловине во Внутреннем Дагестане, а Л. Б. Бёме (1933) в 1927 г. ни одной степной пустельги там уже не встретил.

В середине XX в. еще более глубокая депрессия привела к почти полному исчезновению степной пустельги на Северном Кавказе (Белик, Давыгора, 1990; Белик, 2014). В 1950-е годы она уже не гнездилась в Кабардино-Балкарии (Иванов, Дмитриев, 1961), хотя в 1923 г. встречалась там нередко (Гептнер, 1926). В 1960-е годы она еще регистрировалась на Кубани и в Приазовье (Харченко, 1966, 1968; Очаповский, 2017), но позже там отмечалась лишь как случайный, залетный вид, а сейчас и вовсе исчезла (Белик, 1995, 2003д, 2014; Мнацеканов, 2007; Красная книга …, 2017).

До середины XX в. эти птицы встречались в оврагах по р. Деркул на границе с Луганской обл. и в долине Маныча (Образцов, 1956; Петров, 1990; Белик, 2004а, 2014). В Восточном Предкавказье они гнездились еще в 1950-е годы (Волчанецкий, 1959), но на Ставрополье в то время их уже не отмечали (Спангенберг, 1951; Даль, 1959). В сёлах в низовьях Кумы на востоке Ставропольского края их исчезновение прослежено нами в конце 60-х – начале 70-х годов (Белик, Олейников, 1996). В 1963-1965 гг. они не найдены уже и во Внутреннем Дагестане (Волчанецкий, 1973; Девятко, Джамирзоев, 2012).

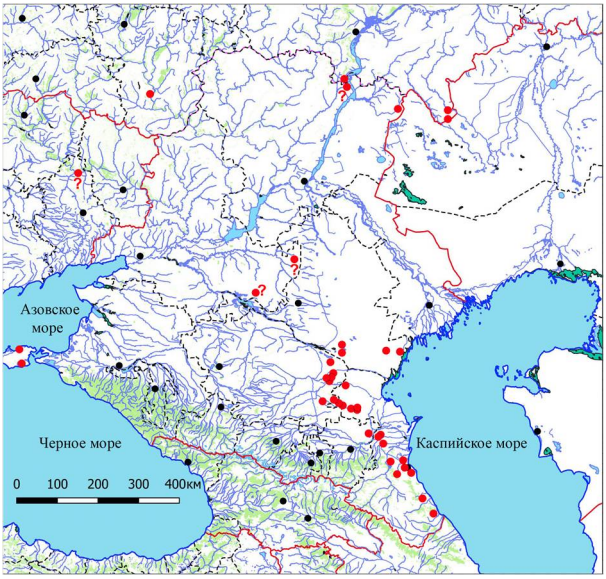


Рис. 39. Известные места гнездования степной пустельги на юге России

В 70-90-е годы XX в. на Северном Кавказе сохранялись, вероятно, лишь небольшие, изолированные колонии, очень спорадично встречавшиеся в разных районах в долине Маныча, в поселках на востоке Ставропольского края и в предгорьях Дагестана (Хохлов, 1995; Белик, 2004а; Джамирзоев, Букреев, 2006; Джамирзоев и др., 2008). И только в конце 1990-х годов, с уменьшением пестицидного загрязнения полей и пастбищ, с распространением залежей и улучшением кормовой базы благодаря появлению многочисленных стадных саранчовых, начался рост численности и восстановление ареала степной пустельги на Северном Кавказе и в других регионах (Ильюх, 1997б, 1998 2001б, 2003, 2007, 2012, 2016, 2020; Мосейкин, Мосейкин, 2000; Белик и др.,

2002, 2011; Белик, 2004а; Брагин, 2008; Джамирзоев и др., 2009; Музаев, 2013; Музаев и др., 2014). Можно ожидать, что в будущем ее гнездовья вновь появятся и в предгорьях Центрального Кавказа, где имеются все условия для обитания этого вида.

Зимует степная пустельга в Африке. Ее миграционная стратегия, по-видимому, сходна с таковой у кобчика, и птицы из северных и восточных частей ареала летят на зимовку, судя по данным кольцевания, через Предкавказье, но визуально их транзитный пролёт выражен слабо (Андрусенко, 1983; Шмелева, Харитонов, 2016). Предмиграционные скопления наблюдаются осенью в Дагестане, а весной они появляются там обычно сразу же в районах колоний (Джамирзоев и др., 2008, 2013; Джамирзоев, Букреев, 2006). В прошлом стаи летели на юг также через перевалы Центрального Кавказа (Бёме, 1926), а на Западном Кавказе отмечались, вероятно, лишь редкие залетные особи.

Местообитания. Гнездится обычно небольшими колониями, реже одиночными парами в различных сооружениях человека (дома, фермы, развалины, кучи камней, могилы и др.), в береговых обрывах и скалах, местами в дуплах деревьев и даже в нишах гнездовых построек орланов (Богданов, 1871; Сарандинаки, 1909; Хлебников, 1930; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1937; Ильюх, 2007; Джамирзоев и др., 2008; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2012; Музаев, 2013; и др.). В предгорьях Дагестана проникает на гнездование до 500-600 м н.у.м., но основная часть колоний располагается на высотах до 300 м (Джамирзоев и др., 2008; Исмаилов и др., 2008). Охотятся степные пустельги в открытых ландшафтах преимущественно на крупных насекомых, а также на ящериц и мышевидных грызунов.

Численность. Популяция в Европе насчитывает сейчас 30,5-38,0 тыс. пар, а в Европейской России гнездится 1,0-1,7 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России численность степной пустельги в конце XX в. была оценена сначала всего в 200 пар (Галушин, 1995), а затем – в 400-500 пар, гнездившихся тогда в основном только на востоке Ставропольского края и в Дагестане (Ильюх, 1997, 1998, 2001, 2003; Гизатулин, Ильюх, 2000; Джамирзоев и др., 2000; Гизатулин и др., 2001; Белик и др., 2002; Белик, 2005а). Позже, в связи с начавшимся ростом численности птиц и более широким охватом исследованиями степных территорий Восточного Предкавказья и Калмыкии, оценки популяции на юге России увеличились до 800-900 пар (Джамирзоев, Букреев, 2006; Джамирзоев и др., 2008), затем – до 1.000-1.500 пар (Белик, 2014а, 2014б), а сейчас она может насчитывать здесь 1.500-2.000 пар (Белик, 2020).

По последним данным, в Ставропольском крае в начале XXI в. гнездилось не более 100 пар, а сейчас – не менее 500 пар с тенденцией роста численности (Хохлов, Ильюх, 2002, 2013; Ильюх, 2016, 2020). В Калмыкии, где две первые небольшие колонии были найдены только в 2006 и 2008 гг. (Цапко, 2007; Дьяченко, 2009; Цапко и др., 2009), сейчас известно не менее 7 колоний общей численностью 80-100 пар (Музаев, 2013; Музаев и др., 2014). В Чечне, где в 1984 г. было найдено одно гнездо на ферме в песчаных степях Шелковского р-на, в конце XX в. предполагалось гнездование 20, а позже – 30-40 пар (Гизатулин, Ильюх, 2000; Гизатулин и др., 2001).

В Дагестане в конце XX в. численность оценивали от 10 до 250-300 пар (Вилков, Пишванов, 2000; Джамирзоев и др., 2000), затем оценки подняли до 600-800 пар, а в последнее время полагают, что там обитает не менее 1.000 пар (Джамирзоев, Букреев, 2006; Джамирзоев и др., 2008, 2009, 2013). Но и эти оценки были, по-видимому, занижены, поскольку в мае 2009 г. на автомаршруте по Ногайским степям, Терско-Сулакской низменности и в предгорьях у г. Буйнакска нами всего за 5 дней было выявлено до 15 поселений степной пустельги общей численностью не менее 350-500 пар (Белик и др., 2011). Численность этих птиц на гнездовье в Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл. неизвестна (Белик, 2014, 2017; Реуцкий, 2014), но в целом составляет сейчас, по-видимому, не более нескольких десятков пар.

Плотность населения степной пустельги в районах гнездования на востоке Ставропольского края, где известны колонии в десятки и сотни пар, достигает сейчас 7,0 пар/100 км^2, тогда как у обыкновенной пустельги в целом по Ставрополью гнездовое обилие составляет 14,0 пар/100 км^2. Однако общая численность последнего вида там в 14 раз выше, чем у степной пустельги (Ильюх, 2020). В низовьях Дона в начале XX в., по данным М.М. Алфераки, степная пустельга значительно уступала в численности обыкновенной пустельге, составляя лишь 2-3% всех добытых тогда соколков (Белик и др., 2012).

На осенних миграциях в Грузии у Батуми численность обоих видов пустельг сейчас примерно одинакова: в 2008 и 2009 гг. там учтено соответственно 90 и 59 степных пустельг и 43 и 164 обыкновенные пустельги (Verhelst et al., 2011), а в Израиле в 1990-1999 гг. учитывали, в среднем, по 14 степных пустельг и по 41 обыкновенной пустельге за осень (Alon et al., 2004).

Охранный статус. Была включена в Красную книгу России (2001) как вид, находящийся под угрозой исчезновения (1 категория), но сейчас получила статус редкого вида (3 категория) (Приказ …, 2020). Под

разными категориями эта пустельга занесена в Красные книги большинства регионов Южной России, кроме Краснодарского края, где она была исключена из Красной книги в 2017 г., а также Адыгеи, куда лишь случайно залетает, и Северной Осетии, где считается исчезнувшими видом. Основной угрозой для степной пустельги явился, по-видимому, пестицид ДДТ, широко применявшийся в середине XX в., в том числе в Африке в районах ее зимовки. Сейчас значительный урон популяциям наносит гибель птиц на ЛЭП в районах гнездования (Джамирзоев и др., 2013; Салтыков, Джамирзоев, 2015).

108. Пустельга обыкновенная *Falco tinnunculus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично оседлый вид всех регионов Южной России (Белик, 2000а, 2014; Ильюх, Хохлов, 2010; Белик и др., 2014, 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид предположительно Африканского генезиса.

Таксономия. Включает 12-15 подвидов. На юге России гнездится номинативный подвид (Дементьев, 1951; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Ареал охватывает большую часть Евразии и Африки. На юге России пустельга гнездится во всех регионах, как на равнинах, так и в горах, вплоть до субальпийского и альпийского пояса. Во второй половине XX в. ареал здесь значительно расширился и уплотнился за счет заселения многочисленных лесополос и других искусственных насаждений в степной и полупустынной зонах (Рашкевич, 1957; Будниченко, 1965, 1968; Петров, Олейников, 1969; Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Белик, 2009а; Ильюх, Хохлов, 2010; и др.), а в последующем птицы стали постепенно заселять также постройки в крупных городах (Белик, Хохлов, 1989; Коренев, 2002; Ветров, 2015; Прокопенко, 2015; и др.).

Зимует эта пустельга преимущественно на юге Азии, в Средиземноморье и на севере Африке, куда птицы летят в основном в юго-западном направлении (Миграции …, 1982; Шмелева, Харитонов, 2016), но часть птиц, особенно в теплые зимы, регулярно остается на зимовку в районах гнездования на юге России. Зимовки пустельг здесь весьма характерны также для птиц городских популяций. Видимые сезонные миграции у пустельги выражены очень слабо.

Местообитания. Весьма пластичный склерофильный вид, охотящийся в открытых лугово-степных стациях, а гнездящийся в нишах и норах обрывов и скал, а также в постройках врановых и других птиц на де-

ревьях. Во второй половине XX в. пустельги широко заселили полезащитные лесополосы, а в последнее время освоили также гнездование в нишах различных сооружений человека, в том числе в больших городах, найдя здесь рефугиумы от тетеревятника. Обитает на равнинах и в горах, поднимаясь вверх до 3000 м н.у.м. (Исмаилов и др., 2008; Комаров, Липкович, 2000), но сплошных лесных массивов избегает и поэтому в лесистом среднегорье встречается редко. Гнездится обычно в одиночку, дисперсно, не образуя плотных колоний.

Численность. Популяция в Европе оценивается сейчас в 409-603 тыс. пар, а в Европейской России гнездится от 50-75 до 100 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России численность этой пустельги в конце XX в. была оценена в 10-20 тыс. пар, в том числе по 1-3 тыс. пар обитали в Ростовской обл. и Калмыкии (Белик, 1995, 2005а, 2007). На Ставрополье она составляет сейчас около 7 тыс. пар, а в Предкавказье предполагается гнездование около 20 тыс. пар со средним обилием 11,1 пар/100 км^2 (Ильюх, Хохлов, 2010; Ильюх, 2020).

В искусственных степных лесах степного Предкавказья в 1970-е годы обилие составляло обычно 0,5-1,0 пар/км^2 (Белик, 1985, 2009а), на Ставрополье – 0,1-0,5 пар/км^2, местами до 2 и даже 5-6 пар/км^2 (Ильюх, Хохлов, 2010), а на равнинах Северной Осетии в 1980-е годы гнездилось до 2-7 пар/км^2 (Комаров и др., 2006). В настоящее время во многих из этих лесов пустельги исчезли. На севере Волгоградской обл., где практически не осталось врановых птиц, в начале XXI в. учитывали 1 пустельгу на 200-500 км автомаршрутов, но в Волгоградском Заволжье, где в лесополосах гнездится еще много сорок и грачей, в 2013 г. учтено 89 пустельг на 1191 км, т.е. в среднем 0,1 ос./км маршрута (Белик и др., 2014).

Охранный статус. На юге России обыкновенная пустельга не имеет особого охранного статуса. Основной угрозой для нее является сейчас хищничество тетеревятника, широко расселившегося по лесонасаждениям степной зоны и активно уничтожающего здесь мелких соколов, а также врановых птиц, в гнездах которых пустельги размножаются (Архипов, 2003; Белик, 2003г; Ветров, 2003, 2019; Белик и др., 2010; и др.). В середине XX в. пустельги сильно пострадали, по-видимому, и от пестицида ДДТ, широко применявшегося тогда в сельском и лесном хозяйстве всех стран для борьбы с различными насекомыми-вредителями и переносчиками опасных инфекций.

Отряд **Курообразные** Galliformes
Семейство **Тетеревиные** Tetraonidae

109. Тетерев полевой *Lyrurus tetrix* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящаяся оседлая птица северных районов Волгоградской обл., где сохранились последние, небольшие изолированные популяции вида, некогда широко распространенного в степях Придонья, Поволжья и Предкавказья (Белик, 2012).

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. В лесостепной и степной части бассейнов Дона, Волги и Урала распространен степной подвид *L. t. viridanus* (Михеев, 1952; Степанян, 2003). В XIX в., вероятно, эта же форма обитала также в Приазовье и Предкавказье, но коллекционных материалов отсюда не сохранилось, и таксономический статус южных популяций остался неизвестен.

Распространение. Умеренный пояс Евразии от Великобритании и Скандинавии на западе до Охотского моря на востоке. Степной тетерев населял лесостепные и степные районы на юге Восточной Европы, на севере Казахстана и юге Западной Сибири от Бессарабии и южной Украины до Казахстана и Иртыша (Михеев, 1952; Потапов, 1985). Но степные популяции Причерноморья и Предкавказья исчезли в течение XIX в., а лесостепные птицы сохранялись местами до конца XX – начала XXI в. Лишь в степях Казахстана тетерев гнездится до настоящего времени (Кузьмина, 1962; Белик, 2003; Брагин, 2021; и др.).

В Предкавказье в начале XIX в. тетерев гнездился в лесостепных предгорьях и на подгорных равнинах от Краснодара и Майкопа до низовий Кумы и Терека, а также на Ставропольской возв. (Белик, 2012). Но к середине XIX в. он исчез на Ставрополье и в дельте Терека (Динник, 1886; Кириков, 1966), а в Кубанских предгорьях последних птиц встречали до конца 1880-х годов (Lorenz, 1887, 2010). Тогда же тетерева исчезли в Приазовье у Таганрога (С., 1888; Алфераки, 1910), но в лесистых районах на Среднем Дону, в бассейнах Хопра и Медведицы они встречались до начала XX в. (Белик, 2012; Белик и др., 2012).

В Поволжье еще в середине XIX в. тетерев гнездился по байрачным лесам к югу до Сарепты (Волгограда), а по пойменным лесам проникал до с. Владимировка (г. Ахтубинск) на севере Астраханской обл. (Moeschler, 1853; Хлебников, 1928; Кириков, 1959). До конца XIX в. он встречался у г. Камышин (Завьялов и др., 2005), сейчас же небольшие изолированные рефугиумы сохранились лишь в байрачных и

нагорных лесах на третичных песках на севере Камышинского и Жирновского р-нов Волгоградской обл. (Белик, 2012; Чернобай, 2017).

Ближайшие места гнездования находятся в Саратовской обл. примерно в 100 км к северу (Завьялов и др., 2005; Завьялов, Шляхтин, 2006); на севере же Воронежской обл. в Воронежском заповеднике последние тетерева исчезли в 1960-е годы (Нумеров, 1996), но по долине р. Урал они до сих пор гнездятся в полупустынной зоне между г. Уральск и пос. Чапаев (Кузьмина, 1973; Белик, 2003). Однако Ю.А. Самородов (1981, с.43) сообщал о встрече стайки из 12-18 тетеревов 24.12.1967 в лесополосе в 20-40 км к югу от Волгограда. Как и откуда они могли туда залететь – остается неясно.

Местообитания. Характерный обитатель лесостепных, лесо-луговых или лесо-полевых ландшафтов. В Приазовье и на Дону держался, в основном, по терновникам в балках (Кондратьев, 1885, 2004; Алфераки, 1910). Весенние токовища располагаются на лесных полянах, вырубках, опушках лесов, на луговинах или полях, примыкающих к лесу. Гнездится среди древесно-кустарниковой растительности. Летом кормится в лесах и кустарниках, а также на ягодных полянах; в конце лета и осенью может посещать зерновые поля. Зимой предпочитает березняки, где поедает сережки, почки и молодые побеги березы, в ивняках тоже ест почки и побеги, охотно посещает заросли шиповника, ягодами которого питается в течение всего года.

Численность. В XVIII – первой половине XIX в. был обычной, местами – многочисленной птицей в Западном Предкавказье и в бассейне Дона. Осенью 1793 г. у г. Таганрога в северном Приазовье П.С. Паллас (Pallas, 1799) еще отмечал большие стаи тетеревов. На севере Донской области в начале XIX в. некоторые охотники добывали до 1.000 тетеревов за осенне-зимний период (Стат. описание …, 1891). В Предкавказье в середине XIX в. их численность достигала местами 20-30 выводков на кв. версту (Lorenz, 1889), т.е. не менее 50-70 птиц на 1 км^2, что было в 2-3 раза больше, чем в лесной зоне (Потапов, 1985), а на р. Лаба в районе стан. Зассовская Краснодарского края зимой встречались стаи до 100-150 особей (Лоренц, 1884; Lorenz, 1887, 2010).

Сейчас на юге России тетерев гнездится лишь на Приволжской возвышенности в Волгоградской обл., где в Добринском и Перещепковском лесничествах в Камышинском и Жирновском р-нах в 1968 г. на площади 19,2 тыс. га было известно 18 токов, на которых токовало по 9-20 косачей, а всего там обитало около 500 тетеревов, и еще около 200 птиц держалось в двух соседних лесничествах (Кириков, 1973). Но к началу XXI в. в Жирновском р-не в заказнике «Тетеревятский» площадью около 20,0 тыс. га сохранилось лишь около 50 тетеревов,

а в 2001 г. там учли уже не более 5-10 самцов (Чернобай и др., 2000; Чернобай, 2001, 2004а; Чернобай, Соколов, 2002).

В октябре 2007 г. в Жирновском р-не в урочищах Гусельско-Тетеревятский кряж, Синяя Гора и Новинский лес при проведении специальных учетов на 417,5 км маршрутов встречено 16 самцов и 11 самок, что составило 1,15 ос./км^2, а общая численность птиц в Жирновском р-не была оценена в 38 особей. Кроме того, 3 самца встречены 13.10.2007 на Гусельско-Тетеревятском кряже в Камышинском р-не (133,8 км учетных маршрутов) и еще 3 тетерева отмечены 12.10.2007 в Природном парке «Щербаковский» в северной части Камышинского р-на (65,8 км маршрутов) (Отчет …, 2007). В 2008 г. в лесном урочище в районе горы Караульная на Синих Горах (Жирновский р-н), по опросным данным, еще существовал небольшой ток, а всего в том районе держалось до 15 тетеревов.

В соседней Саратовской обл. оценки общей численности тетерева колеблются сейчас от 250 до 5.000 особей, при средней плотности населения в гнездопригодных местообитаниях около 1,1 ос./км^2 (Завьялов и др., 2005; Завьялов, Шляхтин, 2006). А всего в Европейской России обитает 2,0-2,5 млн. особей (Атлас …, 2020).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Волгоградской обл. (1 категория). Особой охране тетерев подлежит также в соседней Саратовской обл. (3 категория). В Красной книге Воронежской обл. (2018) отнесен к вероятно исчезнувшим видам (0 категория). Причинами исчезновения тетерева в степях стали, очевидно, распашка целины и вырубка степных лесов и кустарников, а также неумеренная охота, местами – хищничество ястреба-тетеревятника и других хищников. В Ростовской обл. в начале XXI в. предпринимались попытки реакклиматизации тетерева в искусственных степных лесхозах (Белик, 2012). Но поскольку он тесно связан с березовыми лесами, то значительно эффективнее были бы выпуски птиц в березняках на песчаных массивах Среднего Дона, на Цимлянских песках и др. (Белик, 1991, 1996а).

110. Тетерев кавказский *Lyrurus mlokosiewiczi* (Taczanowski, 1875)

Характер пребывания. Гнездящийся оседлый вид высокогорных субальпийских районов всего Северного Кавказа от Краснодарского края до Дагестана (Ткаченко, 1966а; Потапов, 1985, 1987; Витович, 1986; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-лесостепной эколого-фаунистической группировки лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в субальпийском поясе гор Большого и Малого Кавказа, откуда проникает по Понтийским горам в Турцию и слегка заходит в Иран (Потапов, 1985). В Южной России распространен на запад до изолированных «псевдоальпийских» вершин г. Большое Псеушхо (1100 м) в Туапсинском р-не, до г. Шесси (1839 м) и г. Аутль (1855 м), а на плато Лагонаки у г. Фишт начинается сплошной ареал по Водораздельному хребту. К востоку от р. Белой ареал расширяется на Боковой хр., включая вершины г. Тхач и Ачешбок и хр. Малый Бамбак, а также заходит на хр. Ачишхо и Аибга к югу от Водораздельного хр. (Тильба, 1994, 2013; Перевозов, Тильба, 2017). В конце XIX в. К.Н. Россиков (1890) обнаружил кавказского тетерева на хр. Герпегем (1100-1200 м н.у.м.) у пос. Псебай на р. Малая Лаба, что позже вызвало дискуссии исследователей (Аверин, 1938; Потапов, 1985; Витович, 1986; Тильба, 1994). Но К.Н. Россиков (1890, с.226) указывал этого тетерева для Скалистого хр. также в окрестностях стан. Сторожевой на р. Бол. Зеленчук.

Сейчас на Скалистом хр. тетерев гнездится только к востоку от Кубани в верховьях р. Подкумок, Эшкакон, Хасаут и Кичмалка, а также на г. Бермамыт (Lorenz, 1887, 2010; Журавлев, 1977; Потапов, 1985; Витович, 1986; Поливанов и др., 2000; Белик, Тельпов, 2007; Караваев, Хубиев, 2013). В районе Кисловодска, где северные склоны Скалистого хр. лишены лесов, тетерева на зимних кочевках временами проникают, вероятно, на Меловой хр. (Боргустан и Джинал) и даже на лакколиты у Пятигорска (Парфенов и др., 2003). Дальше к востоку они регулярно гнездятся на г. Кинжал и других вершинах Скалистого хр. в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии. В Дагестане кавказский тетерев заселяет многие субальпийские хребты Внутреннего, Известнякового Дагестана, а также высокогорья Сланцевого Дагестана на границе с Грузией и Азербайджаном (Джамирзоев, Насрулаев, 2009).

Местообитания. Населяет верхний предел лесной растительности, а также субальпийские кустарники и примыкающие к криволесьям субальпийские луга обычно в пределах 2000-2600 м, местами спускаясь до 1500-1700 м н.у.м. и даже ниже. С апреля до конца мая тетерева токуют на луговых склонах, а затем недалеко от токовищ устраивают гнёзда, скрытые среди стелющихся можжевельников, зарослей рододендрона, в высокотравье или в разреженных сосняках. Зимуют тетерева в березовых редколесьях, где кормятся в основном сережками и почками березы, а также хвоей можжевельника.

Численность. Популяция на Северном Кавказе в начале XXI в. была относительно стабильна и лишь в Дагестане отмечался ее рост (Белик и др.,

2003). Общая численность на Большом Кавказе составляла 70 тыс. особей (Потапов, 1984), в России же она оценивалась в 15-50 тыс. особей (Мищенко и др., 2004), позже – в 15-20 тыс. особей (Белик, 2005а; Мищенко и др., 2017), но сейчас – в 7,0-7,2 тыс. особей (Атлас …, 2020).

По имеющимся данным, в Краснодарском крае обитает 3-4 тыс. особей; в Карачаево-Черкесии – 5-8 тыс. особей; в Кабардино-Балкарии – 1,5-2,0 тыс. особей; в Северной Осетии – 3,0-3,5 тыс. особей; в Чечне и Ингушетии – 1,5 тыс. пар; в Дагестане – 1,1-1,2 тыс. особей, но по последним оценкам она увеличилась там до 1-5 тыс. пар или от 3 до 7 тыс. особей (Прилуцкая, Пишванов, 1989; Комаров, Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001; Джамирзоев, Насрулаев, 2009; Тильба и др., 2012; Караваев, Хубиев, 2013; Перевозов, Тильба, 2017; Пшегусов, Джамирзоев, 2018; Насрулаев, Джамирзоев, 2020). Но в Кабардино-Балкарии даже в конце 1980-х годов, согласно расчетным данным, могло обитать (без учета значительной популяции Скалистого хр.) около 1,0-1,6 тыс. взрослых самцов, а всего 2,6-3,9 тыс. особей (Вуккерт, 2020), или в 2 раза больше, чем указано сейчас (Пшегусов, Джамирзоев, 2018). Всего же в России с учетом популяций Адыгеи насчитывается, таким образом, около 19-28 тыс. особей, т.е. в 3-4 раза больше, чем по последним оценкам Европейского атласа (Атлас …, 2020).

Обилие тетеревов в Кавказском заповеднике, по данным 1978–1983 гг., достигало 18 ос./км^2 в березовом криволесье и 34 ос./км^2 в зарослях рододендрона (Тильба, Казаков, 1985), а по учетам 2006–2008 гг. в субальпике на хр. Пастбище Абаго обилие составляло 5 ос./км^2; в субальпийском поясе г. Джуга – 18 ос./км^2; в березовом криволесье на г. Джуга – 8 ос./км^2, а на субальпийских лугах плато Лагонаки – 2 ос./км^2 (Перевозов и др., 2009). По другим данным, в оптимальных местообитаниях в Кавказском заповеднике обитает 0,5-13 ос./км^2, а в Сочинском нац. парке на хребте Аибга – 2,5-6,2 ос./км^2 (Перевозов, Тильба, 2017). В Адыгее летнее обилие птиц в высокогорьях варьирует в пределах 2-18 ос./км^2 (Перевозов и др., 2009).

В горах Кабардино-Балкарского заповедника обилие в оптимальных биотопах составляло 5,43 самца/км^2, а в среднем по всей территории – 0,35 самца/км^2, или 0,88 ос./км^2 (Вуккерт, 2020). В Северной Осетии в охранной зоне заповедника оно составляло 0,51-0,94 ос./га, но на пастбищах численность птиц была значительно ниже (Комаров, Липкович, 2000). В Чечне и Ингушетии в 1964-1971 гг. учитывали 2,7-5,0 ос./км^2 (Анисимов, 1989).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория). Занесен в Красные книги всех регионов Северного Кавказа (2-3 категории), в которых тетерев обитает. Из Красной книги

Ставропольского края (2013) он исключен, поскольку отмечался в горах у Кисловодска только как залетный вид, но эти кочующие птицы тоже заслуживают особой охраны. Численность на Северном Кавказе в конце XX в., по-видимому, заметно возросла в связи с резким сокращением поголовья домашнего скота в горах, однако сейчас во многих районах вновь усиливается интенсивность его выпаса, что может сказаться на популяции тетеревов. Заметное снижение их численности в последние годы наблюдается нами в Кабардино-Балкарии.

– **Глухарь** *Tetrao urogallus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. В XVIII – XIX вв. глухари обитали у нынешних границ Южной России: в Бахмутском уезде Екатеринославской губ., где могли гнездиться в обширных байрачных лесах в верховьях р. Миус (Леонтьевы и Глухие буераки) или в борах по Сев. Донцу, а также в сосняках по Хопру у с. Пады выше г. Балашов и у с. Голый Карамыш (г. Красноармейск) на правобережье Волги в Саратовской обл. (Кириков, 1959, 1966, 1973). Кроме того, существуют указания о встречах этих птиц во второй половине XIX в. в Дьяковском лесу на р. Еруслан в Заволжье (Завьялов и др., 2005). Вплоть до середины XIX в. глухари могли залетать из этих районов на территорию Ростовской и Волгоградской обл.

Зоогеографические связи. Представитель боровой группировки неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Внутривидовая структура остается дискуссионной, и разные авторы признают у глухаря от 3 до 13 подвидов (Кириков, 1952; Потапов, 1987; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013). Для верховий Дона и Поволжья указывают слабо различимую форму *T. u. volgensis* (Потапов, 1985, 1987; Степанян, 2003).

Распространение. Оседлый вид, населяющий лесной пояс от Атлантики до Средней Сибири. К югу проникает до крайних пределов крупных лесных массивов в долинах рек и в горах Западной Европы. В Европейской России граница ареала проходит сейчас через боры в верховья Десны, Оки, Цны, Суры, на Жигулях, по р. Самара в Заволжье и на Южном Урале. Кроме того, до конца XX в. глухари гнездились на севере Саратовской обл. (Мосейкин, 2000; Завьялов и др., 2005).

Местообитания. Обитает в хвойных лесах таежного типа, преимущественно в сосняках, местами заселяет ельники, а по южной границе ареала – также и дубравы, но это, вероятно, вторичные местообитания, связанные с вырубкой хвойных лесов (Потапов, 1987).

Численность. В оптимальных биотопах обилие составляет обычно 10-16

ос./10 км^2, а в начале осени – 5-10 ос./км^2, но птицы распространены неравномерно, к тому же испытывают значительные колебания численности в зависимости от погодных условий репродуктивного периода (Потапов, 1987; Атлас …, 2020).

Охранный статус. В Российской Федерации не имеет охранного статуса. Во многих регионах относится к охотничьим видам птиц.

Семейство **Фазановые** Phasianidae

111. Улар кавказский *Tetraogallus caucasicus* (Pallas, 1811)

Характер пребывания. Гнездящийся оседлый вид высокогорных альпийских районов всего Северного Кавказа от Краснодарского края до Дагестана (Ткаченко, 1966а; Базиев, 1978; Потапов, 1987; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель альпийского фаунистического комплекса Гималайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Эндемик Большого Кавказа, широко распространенный в альпийских высокогорьях Водораздельного, Бокового и Скалистого хр. от Краснодарского края до Дагестана. По Водораздельному хр. проникает к западу до плато Лагонаки (г. Фишт), где уларов неоднократно наблюдали во второй половине XX в. (Тильба, Казаков, 1985; Тильба, Мнацеканов, 2008), но их гнездование там на хр. Каменное Море (Левицкий, 1956) ставится под сомнение (Перевозов, 2014). На Южном Передовом хр. (Ачишхо, Аибга) улары отсутствуют, появляясь лишь на г. Агепста на границе с Абхазией (Перевозов, 2017). На Боковом хр. они распространены к востоку от р. Белая, населяя горы Джуга, Алоус, Ятыргварта, Дамхурц, Магишо и др. (Котов, 1959), возможно, проникают на г. Ачешбок (Белик и др., 2000; Перевозов, 2014).

На Скалистом хр. самые западные гнездовья известны на г. Бермамыт (2644 м н.у.м.) в Карачаево-Черкесии, где улары до сих пор держатся на осыпях под куэстами (Lorenz, 1887, 2010; Потапов, 1987; наши данные). Подходящие для улара условия имеются и на куэстах соседней Гудгоры (2489 м н.у.м.) в междуречье Эшкакона и Подкумка. Западнее же в верховьях Подкумка у горы Гумбаши (2313 м н.у.м.) улары встречались, вероятно, лишь случайно в зимний период (Шарлеман, 1915). Однако в августе - сентябре 1941 г. выводок уларов наблюдали на осыпях южного склона Кабардинского хр. близ с. Кичи-Балык на высоте всего 1600 м н.у.м. (Левицкий, 1956). К востоку от Бермамыта улары встречаются под куэстами вдоль ущелья р. Хасаут, соединяя бермамытскую группировку с довольно многочисленной популяцией горы Кинжал (2829 м н.у.м.) к востоку от р. Малка (Потапов, 1987).

Далее к востоку от Малки вплоть до Чечни тянется цепочка изолированных друг от друга речными ущельями группировок, обитающих на куэстах и вершинах Скалистого хр., который поднимается в Кабардино-Балкарии на высоту более 3500 м н.у.м. (Базиев, 1978; Потапов, 1987). На Восточном Кавказе улар населяет хребты Сланцевого Дагестана (Водораздельный, Андийский, Богосский, Нукатль, Самурский и др.) (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Гинеев, Пишванов, 1989; Насрулаев, 1990), а во Внутреннем, Известняковом Дагестане он встречается лишь местами в альпике наиболее высоких хребтов (Россиков, 1884б). Крайние восточные районы гнездования находятся на Водораздельном хребте на горах Шалбуздаг, Базардюзю и Шахдаг на границе с Азербайджаном (Базиев, 1978; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2003).

Местообитания. Обитает в основном в альпийском и субнивальном поясе и лишь временами спускается в субальпику, предпочитая склоны с обилием скал и скальных стен и нагромождением крупнообломочных осыпей среди низкотравных альпийских лугов, обычно поблизости от ледников и снежников, охлаждающих воздух в жаркие летние дни. Местами в июле-августе птицы перебираются на северные склоны гор, более затененные и покрытые ледниками (Базиев, 1978). Это же характерно и для Скалистого хр., где под куэстами на южном склоне летом среди осыпей остаются обычно только самки с выводками, а самцы уходят наверх, на северный борт скальных вершин.

Гнездятся улары обычно на высотах 2500-3500 м н.у.м., а сезонные кочевки совершают в пределах 2200-3000 м на Западном, 2400-3800 м на Центральном и 2400-4000 м н.у.м. на Восточном Кавказе. Зимой птицы спускаются на нижнюю границу альпийского пояса, где держатся на южных склонах у выдувов, а ранней весной посещают верхнюю часть субальпийского пояса, где раньше начинается вегетация растений. По мере таяния снега улары поднимаются в места гнездования, а к середине лета достигают скальных вершин и гребней хребтов (Базиев, 1978). На Скалистом хр. зимой птицы могут спускаться до высоты 2100-2300 м н.у.м., где на темных, прогреваемых солнцем осыпях под куэстами вегетация растений продолжается и в зимние месяцы.

Численность. В XX в. общая численность этого улара на Кавказе была определена в 164 тыс. особей весной и 278 тыс. птиц осенью (Базиев, 1978). На Северном Кавказе в России в начале XXI в. обитало 15-35 тыс. уларов, а их популяция считалась относительно стабильной (Белик и др., 2003; Белик, 2005а), но сейчас она оценена здесь в 6,1-9,3 тыс.

птиц (Атлас …, 2020). Сокращение численности в последние годы местами отмечается лишь в Кабардино-Балкарии (наши данные).

По имеющимся сведениям, в Краснодарском крае насчитывается 300-600 особей, а в Карачаево-Черкесии – 1800-2700 особей (Караваев, Хубиев, 2013; Перевозов, 2017). В Национальном парке «Приэльбрусье» в Кабардино-Балкарии обитает 800 особей, в Кабардино-Балкарском заповеднике –1500-3000 особей, в Национальном парке «Алания» в Северной Осетии – 1300 особей и в Северо-Осетинском заповеднике – 520-950 особей (Айунц, Шалыбков, 1990; Комаров, Липкович, 2000а; Липкович, 2000, 2009; Белик, Комаров, 2009). В Чечне численность оценена в 2500 пар (Гизатулин, 2007). В Дагестане, где улар заселяет около 350 тыс. га, его общую численность оценивали от 870 до 2000 особей (Гинеев, Пишванов, 1989; Прилуцкая, Пишванов, 1989), что, очевидно, сильно занижено. С учетом популяций Адыгеи, Ингушетии и восточных районов Северной Осетии, а также с поправкой по Дагестану, общая численность улара в России может составлять около 20-25 тыс. особей.

Обилие улара на Западном Кавказе в оптимальных местообитаниях Адыгеи в июне-июле достигает 14 ос./км^2 (Перевозов, 2012). На гребне г. Джуга в Кавказском заповеднике 04.07.1979 были учтены 32 улара на 1,0-1,5 км маршрута (Тильба, Казаков, 1985), но в 2006–2008 гг. там же за дневную экскурсию удавалось увидеть не более 12 птиц (Перевозов и др., 2009). В альпийском поясе Тебердинского заповедника весной держалось 3,3-6,6, а осенью – 4,6-8,5 ос./км^2 (Ткаченко, 1966а). На Центральном Кавказе в Кабардино-Балкарии в 1960-е годы насчитывали в среднем 8,2 ос./км^2 в апреле-мае и 13,0 ос./км^2 в октябре; за счет размножения оно увеличивалось обычно на 70%, а среднегодовое обилие равнялось 11 ос./км^2 площади альпийского пояса гор (Базиев, 1978). В Северо-Осетинском заповеднике обилие колеблется в пределах 6-9 пар/км^2, а в Национальном парке «Алания» – 1,8-3,6 пар/км^2 (Комаров, 2006, 2013). В Чечне и Ингушетии в 1964-1970 гг. учитывали 1-5 ос./км^2, а в 1983-1987 гг. – 0,5-1,8 ос./км^2 (Анисимов, 1989). В Дагестане при вертолетном учёте обилие составило 0,25 ос./км^2 (Гинеев, Пишванов, 1989; Прилуцкая, Пишванов, 1989).

Охранный статус. Улар включен в Красные книги Краснодарского края, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Ингушетии и Чечни (везде – 3 категория). В некоторых регионах считается охотничьим видом птиц, но охота на улара трудна и на Кавказе не имеет широкого распространения. Динамика его численности определяется в основном естественными факторами.

112. Кеклик *Alectoris chukar* (J.E. Gray, 1830)

Характер пребывания. Гнездящийся оседлый вид горных районов всего Северного Кавказа от Краснодарского края до Дагестана (Белик, 2015; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Сейчас принято считать, что весь Кавказ населяет эндемичный подвид *A. c. kurdestanica* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). В сводке Ю.Н. Грачева (1987) для Кавказа указана эта же форма, но на карте приведен *A. c. caucasica*. Кроме того, Ю.Н. Грачев предлагает вернуть кеклику видовое имя *A. kakelik*, данное ему еще в 1786 г. И.П. Фальком.

Распространение. Горная цепь Южной Евразии от Балкан до Гималаев, Алтая и Манчжурии. На юге России населяет горы Большого Кавказа от восточных районов Краснодарского края до Дагестана, но в Краснодарском крае кеклик в последнее время, по-видимому, практически исчез (Перевозов, 2014, 2017; Белик, 2015). По Водораздельному хр. в прошлом он проникал к западу до г. Чугуш (Аверин, Насимович, 1938) и несколько раз был встречен на Южном Передовом хр. (Ачишхо, Аибга) (Кудашев, 1917; Волчанецкий и др., 1962; Пузанов, 2014). На Боковом хр. он встречался к западу до гг. Кочерга, Трю, Ахцархва (Тильба, 1999а, 2007; Перевозов, 2014, 2017), а также до р. Уруштен у ее впадения в р. Малую Лабу (Динник, 1898, 1902).

В низкогорьях в прошлом кеклика встречали на сухих, южных куэстах Скалистого хр. (Герпегем) у пос. Псебай на р. Малая Лаба (Динник, 1902). В Карачаево-Черкесии по Скалистому хр. он сохранился на г. Баранаха у стан. Преградная на правобережье р. Уруп и дальше к востоку (Караваев, 2000; Караваев, Хубиев, 2013). А за Кубанью, в районе Кисловодска, по р. Подкумок, протекающей среди сухих, безлесных склонов Скалистого хр., кеклик в прошлом спускался вниз до Мелового хр., и там в конце XIX в. ежегодно добывали несколько выводков, а на останцовой, скалистой Гуд-Горе у пос. Учкекен в Карачаево-Черкесии птиц было тогда очень много (Lorenz, 1887, 2010). Во время осенне-зимних кочевок кеклики изредка появляются на Меловом хребте и сейчас. Так, в октябре 1980 г. и ноябре 1981 гг. возле Кисловодска у подножия г. Верхний Джинал «…на 3 км маршруте учитывали около двух десятков птиц» (Хохлов, 1990), а на хр. Боргустан 29.01.1997 было поднято 8 птиц (Шитиков и др., 2001).

Дальше к востоку северная граница распространения кеклика вновь тянется по Скалистому хребту до скалистого Внутреннего Дагестана, где

ареал расширяется также на сухие краевые хребты, а у Дербента проникает, по-видимому, к самому Каспию (В.В.Щ., 1875). По Водораздельному хр. он тянется до г. Базардюзю у с. Куруш на границе с Азербайджаном (Сатунин, 1907; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2003).

На Северном Кавказе выделяются две популяционные группировки: основная, приуроченная к горным степям в аридных межгорных котловинах, и очень разреженная краевая – к низкотравным альпийским и субальпийским лугам в высокогорьях. Эти группировки частично разделены лесными массивами среднегорий, но на Центральном Кавказе между ними имеется связь по долинам крупных транзитных рек: Баксана, Чегема, Черека-Безенгийского (Хуламского), Черека-Балкарского и др. (Моламусов, 1962, 1966), а в сухих горах Дагестана эти две группировки территориально, по-видимому, не разграничены и не имеют преград для популяционного обмена.

Местообитания. Предпочитает сильно изрезанные сухие склоны гор в речных ущельях, поросших редкими, чахлыми кустарниками и можжевеловыми редколесьями, с выходами скал и каменистыми россыпями. Вверх поднимается до альпийских лугов на высоту около 2500-3500 м н.у.м. (Динник, 1890; Бёме, 1926, 2018; Ткаченко, 1966а; Прилуцкая, Пишванов, 1989; Точиев, Гизатулин, 1989; Караваев, Хубиев, 2013; Перевозов, 2017а). По каменистым склонам может спускаться в предгорья и к подножиям гор почти до берега Каспия (Menetries, 1832; В.В.Щ., 1875; Бёме, 1926а, 2018). Излюбленным же местообитанием являются «горные степи» на высоте 600-1200 м н.у.м. с характерными для них трагакантниками – кустами астрагала, растущими плотными колючими подушками, под которыми недалеко от воды кеклики часто устраивают гнезда (Бёме, 1926а, 2018; Комаров, Липкович, 2000). Часто селятся рядом с горными селениями, посещая сады, поля и пастбища. Нуждаются в постоянных водопоях (родниках, ручьях и др.).

Численность. Конкретные данные о состоянии популяций в конце XX в. имелись для Дагестана, где обитало около 50 тыс. особей (Прилуцкая, Пишванов, 1989), и Северной Осетии, где насчитывалось не более 800-1000 особей (Комаров, Липкович, 2000). В начале XXI в. общая весенняя численность кеклика в Дагестане оценивалась в среднем за 5 лет (2009-2013 гг.) в 12.870 особей (Плакса, Плакса, 2013), а на Северном Кавказе в целом она была провизорно оценена в 5-15 тыс. особей, при этом в популяциях Северной Осетии и Дагестана прослежен негативный тренд (Комаров, Липкович, 2000; Белик и др., 2003; Белик, 2005а). Вскоре резкая депрессия численности была отмечена и в остальных регионах Северного Кавказа (Белик, 2015).

Сокращение численности кеклика на Кавказе началось, по-видимому,

уже в XIX в. (Белик, 2015). А в 1930-е годы его численность резко сократилась в районе Архыза в Карачаево-Черкесии (Резник, Богатырев, 1967), в 1980-е годы аналогичная депрессия наблюдалась в Чечне и Ингушетии (Точиев, Гизатулин, 1989), в 1990-е годы резкое сокращение популяций отмечено по Тереку и Геналдону в Северной Осетии (Комаров, Липкович, 2000).

Во второй половине XX в. обилие кеклика в горных степях Северного Кавказа колебалось от 2 до 12 ос./км^2 весной и от 5 до 25 ос./км^2 в послегнездовой период, а на альпийских и субальпийских лугах в высокогорье оно не превышало 0,1-2,0 ос./км^2. В целом же по среднегорьям Центрального и Восточного Кавказа обилие птиц было определено тогда в 1 ос./км^2 (Журавлев, 1990). В начале XXI в. обилие кеклика в Дагестане составляло 1,5 ос./км^2 пригодных угодий, в том числе в предгорной зоне – 1,6, во внутригорной – 1,2, и в высокогорной – 1,9 ос./км^2 (Плакса, Плакса, 2013), а на Центральном Кавказе составило в среднем около 0,2 ос./км^2, т.е. в 5 раз ниже, чем в 70-80-е годы XX в. (Белик, 2015). Дальнейшие учеты в разных регионах подтвердили углубляющуюся депрессию численности кеклика, и сейчас его популяцию на Северном Кавказе можно оценивать не более чем в 1-3 тыс. пар (Белик, 2015; Мищенко и др., 2017). В результате размножения в благоприятные по погодным условиям годы популяции кеклика могут существенно увеличиваться.

Максимальная численность птиц наблюдалась в оптимальных местообитаниях на каменистых осыпях вдоль куэст Скалистого хр., где на г. Баранаха в Карачаево-Черкесии учитывали 8-12 ос./км^2, а в верховьях р. Подкумок обилие в апреле и августе составляло 11 и 25 ос./км^2, тогда как на Водораздельном и Боковом хр. оно не превышает 0,1 ос./км^2 (Караваев, Хубиев, 2013). Колебания численности в высокогорьях превышают двукратный уровень, флуктуируя синхронно с популяциями кавказского тетерева и улара, что позволяет предполагать наличие общих лимитирующих факторов, которыми являются, прежде всего, успешность размножения и зимняя смертность этих птиц (Ткаченко, 1966а).

Охранный статус. Включен в Красные книги Краснодарского края (1 категория) и Карачаево-Черкесии (4 категория). В остальных регионах относится к охотничьим видам птиц. В связи с резким, повсеместным падением численности и сокращением ареала нуждается в особой охране по всему Северному Кавказу (Белик, 2015). Резкая депрессия популяций кеклика связана, очевидно, с полным упадком зернового земледелия в горах, широко развитого до середины-конца XX ст. в Дагестане, а также в аридных котловинах на Центральном Кавказе,

что лишило птиц калорийного осенне-зимнего корма. Не менее важное значение имело резкое сокращение поголовья домашнего скота в горах в конце XX в., что вызвало зарастание каменистых пастбищ густым высокотравьем. Сказались также, по-видимому, изменения климата в сторону увлажнения, а в последние десятилетия – значительное усиление хищничества сильно размножившихся тетеревятников (Белик, 2003г, 2015).

113. Турач *Francolinus francolinus* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Статус вида в России недостаточно ясен; в XVIII – XIX в. турач, по-видимому, обитал в Дагестане в бассейне Терека (Georgi 1801; цит. по: Квартальнов, 2020; Kaleniczenko, 1839; Квартальнов, 2020), но исчез там, вероятно, в середине XIX в.

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса, сравнительно недавно расселившийся на запад из Индии, где обитают еще 4 эндемичных вида этого рода (Dickinson, Remsen, 2013).

Таксономия. В западной половине ареала, в том числе в Передней Азии и Закавказье, обитает номинативный подвид (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Оседлый вид, населяющий засушливые предгорья Южной Азии от Турции на западе до северного Индостана на востоке. С юга краем ареала заходит в Азербайджан и Туркмению. В Азербайджане населяет долину р. Кура, но в XVIII в. был найден М. Биберштейном на севере Азербайджана возле с. Куба (цит. по: Богданов, 1879), в 1770-е годы турача на Тереке отмечал И.А. Гюльденштедт (Квартальнов, 2020), а осенью 1836 г. в дельте Терека около Кизляра этих птиц временами наблюдал И.А. Крыницкий (Kaleniczenko, 1839).

Однако с середины XIX в. турача в Кизляре уже не встречали (Квартальнов, 2020), не отмечали его и в районе Дербента (Богданов, 1879), поэтому сведения о находках турача на Тереке позже были поставлены под сомнение (Богданов, 1879; Радде, 1884), хотя в прошлом, в годы массового размножения этих птиц в Азербайджане, их эпизодические выселения на север в Дагестан были вполне возможны.

Местообитания. Населяет преимущественно мозаичные тугайные заросли из тамарикса, а также облепихи, ежевики и тростника вдоль рек, каналов, полей (Рустамов, 1987).

Численность. В Азербайджане в середине XX в. обилие птиц весной в тугаях составляло около 50 ос./км^2, а вся популяция оценивалась примерно в 100 тыс. особей (Ханмамедов, 1956; Рустамов, 1987). Сейчас там гнездится 2,5-10,0 тыс. пар (Musayev, 2013; European birds …, 2017).

К осени число птиц за счет размножения обычно удваивается, но в суровые, многоснежные зимы наблюдается их массовая гибель, после чего численность восстанавливается в течение 3-4 лет (Рустамов, 1987).

Охранный статус. Включен в Красную книгу СССР (1984) и Красную книгу Азербайджана (2013). В России не имеет охранного статуса.

114. Куропатка серая *Perdix perdix* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся оседлый вид всех регионов Южной России, включая горностепные районы и местами субальпику Северного Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Сейчас считается, что равнинные районы Южной России к югу до подножия Кавказа населяет подвид *P. p. lucida*, а в горных районах всего Кавказа обитает *P. p. canescens*, зона интерградации межу которыми тянется вдоль северных предгорий (Казаков, 1982; Степанян, 2003). Однако пространственные взаимоотношения этих подвидов на Северном Кавказе остаются недостаточно ясными, особенно учитывая значительные сезонные перекочевки этих птиц (Бёме, 1926; Бутурлин, 1935; Карташов, 1952; Моламусов, 1961, 2017; Потапов, 1987).

Распространение. Умеренный пояс Евразии от Великобритании и Испании к востоку до Алтая и Саян. На юге России куропатки населяют все регионы вплоть до субальпийских и даже альпийских лугов Северного Кавказа (Моламусов, 1961, 2017). Отсутствуют лишь на безводных и безлесных равнинах в полупустынной и пустынной зонах Заволжья и Северо-Западного Прикаспия. Ареал в степях Южной России во второй половине XIX в. значительно расширился в связи с их земледельческим освоением, а во второй половине XX в. началось расселение благодаря гидро- и агролесомелиорации степей (Федосов, Маловичко, 2015). Сейчас в степном Придонье и Центральном Предкавказье находится оптимум ареала куропатки, где она распространена повсеместно и наиболее многочисленна (Осмоловская, 1966).

Куропатка обычно считается оседлой птицей, частично кочующей в осенне-зимний период. Но в конце XVIII – начале XX в. на юге России осенью наблюдались ее массовые перелёты, шедшие в конце сентября - начале ноября вдоль Волги на юг в Прикаспий и Восточное Предкавказье и вдоль северного побережья Азовского моря на запад в сторону Балкан (Hablizl, 1782, 2017; Мензбир, 1900; Житков, Бутурлин, 1906; Боровиков, 1907; Алфераки, 1910; Бёме, 1926; Хлебников, 1930; Карташов, 1952). По наблюдениям у Царицына (Волгограда), пролет начинался в середине октября и продолжался в течение месяца; птицы

летели вдоль правого берега Волги на утренних и вечерних зорях стаями от 12-15 до 60-80 особей, причем за каждую зарю учитывали до 60-70 стай, в том числе по 10-15 стай только в полосе около 100 м шириной. Весной же куропатки пролетали с конца марта в течение полутора месяцев, но уже не стайками, а одиночками и парами. За осень здесь на 60 км берега Волги сетями добывали от 2 до 15 тыс. куропаток и, очевидно, не меньше птиц отстреливали (Лерхе, 1926, 2019).

На северном побережье Азовского моря у Мариуполя выраженный пролет куропаток на запад, шедший в полосе около 20-30 км вдоль моря, в конце XIX – начале XX в. наблюдали с начала октября до начала ноября, но весенняя миграция там была слабо заметна, вероятно, из-за почти полного истребления птиц охотниками; некоторые же зимовавшие в Приазовье птицы оставались там на гнездование (Боровиков, 1907).

Местообитания. Предпочитает мозаичные зерновые поля, чередующиеся с лесополосами, лесными колками, мелколесьем и терновниками, а также поросшие кустарниками и бурьянами степные балки и лесостепные предгорья, изрезанные ручьями и оврагами с зарослями мелколесья. В горах гнездится на лугах и полях по долинам рек, а также среди субальпийских лугов и каменистых горных степей с кустарниками и перелесками, поднимаясь до 2200 м н.у.м. под куэстами Скалистого хр. в Кабардино-Балкарии и до 2400 м н.у.м. на Бадском перевале Бокового хр. в Северной Осетии (Комаров, Липкович, 2000; О.М. Башиев, личн. сообщ.). На такой же высоте встречается на хр. Нукатль в Дагестане (наши данные). Местами в горах серая куропатка распространена в одних стациях вместе с кекликом.

Численность. Популяции куропатки периодически очень резко флуктуируют, прежде всего, вследствие колебаний зимних погодных условий, вызывающих массовую гибель птиц, которая при многоснежье и сильных морозах достигает 60-85% (Лошкарев, 1974). Так, после очень суровой зимы 1968/69 г., сопровождавшейся длительными, сильными пыльными бурями, обилие куропаток на Ставрополье уменьшилось с 51 ос./км^2 в 1946 г. до 0,1-0,2 пар/км^2 в конце 1960-х годов и 1 ос./км^2 в 1973 г. Численность там в 80-90-е годы изменялась от 0,1-0,3 пар/км^2 в долине Маныча и 0,5-0,7 пар/км^2 в предгорьях, до 2,5-4,2 пар/км^2 в лесостепи Ставропольской возвышенности и 8,9-13,4 пар/км^2 в полупустынных восточных и юго-восточных районах (Лошкарев, 1971; А.И. Лиховид, 1977; А.А. Лиховид, 1993). А в начале XXI в. обилие птиц в степной долине Маныча составило уже 1,6 ос./км^2 (Федосов, Маловичко, 2015).

В 1960-е годы максимальное обилие куропаток на юге России (в Волгоградской и Ростовской обл. и Ставропольском крае) колебалось в пределах 1-10 ос./км^2 (Осмоловская, 1966; Насимович, Шубникова, 1969); в 1970-е годы в Ростовской обл. насчитывали в среднем 2,7 ос./км^2, а местами обилие достигало 3,4-4,3 ос./км^2 (Львов, 1974); в 1983 г. плотность населения птиц на Ставрополье составляла 29,0; в Чечне и Ингушетии – 26,3; в Ростовской обл. – 19,4; в Волгоградской обл. – 6,5; в Астраханской обл. – 3,9 ос./км^2 площади полевых угодий, а общую численность куропатки в этих регионах оценили тогда в 5 млн. особей, что было, несомненно, сильно завышено (Руденко, 1986). В Астраханской обл. в степных угодьях среди западных ильменей обилие птиц с 1963 по 1972 г. снизилось с 86 до 60 пар на 25 км^2 (Слесь, 1977). Но в оптимальных, ремизных условиях в Нижнем Поволжье численность куропаток при специальной охране может достигать 50-100 выводков на 1 км^2 (Лерхе, 1926, 2019).

В конце XX в. флуктуирующие популяции на юге России оценивались в целом в 50-250 тыс. пар, в том числе около 55 тыс. пар в Ростовской обл., 40-88 тыс. особей, или 6-8 тыс. пар на Ставрополье и 23-25 тыс. особей в Дагестане (Хохлов, Бичерев, 1985; Прилуцкая, Пишванов, 1989; Хохлов, 1993; Оноприенко и др., 1997; Белик, 2000а, 2005а; Федосов, Маловичко, 2015). По другим данным, в конце зимы 1999/2000 г. всего на Юге насчитывалось 284.484 куропатки, в том числе в Ростовской обл. – 74.804, в Волгоградской обл. – 31.201, в Астраханской обл. – 16.568, в Калмыкии – 20.000, на Ставрополье – 81.183, в Краснодарском крае – 36.470, в Адыгее – 2.856, в КЧР – 4.850, в КБР – 5.380, в Северной Осетии – 3.136, в Чечне – 1.500, в Ингушетии – 1.736, в Дагестане – 4.800 особей (Межнев, 2001).

По статистическим данным МПР Ростовской обл., общая численность куропатки на Дону в 1980-2000 гг. колебалась в пределах от 35,2 до 103,3 тыс. особей, а в течение 2008-2015 гг. выросла с 98,2 до 165,6 тыс. особей. В последние годы быстрый рост популяции, обусловленный сокращением количества выпасаемого скота, произошел также в горах Карачаево-Черкесии, где обилие птиц на субальпийских лугах Скалистого хр. достигло 12-20 ос./км^2, а общая численность увеличилась с 2770-3937 ос. до 10-20 тыс. ос. (Караваев, Хубиев, 2013). Однако в Северной Осетии учитывали всего 350-400 особей (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. Включена в Красные книги Карачаево-Черкесии (5 категория), Северной Осетии и Ингушетии (2 категория). В других регионах относится к охотничьим видам птиц. В равнинных областях Южной России обитают достаточно крупные популяции, численность

которых, однако, сильно колеблется по годам. И все они более или менее интенсивно используются в охотничьем промысле. Так, в 1974 и 1975 гг. на Ставрополье добывали 102,4 и 2,15 тыс. ос. в год; в Волгоградской обл. – 123,4 и 0,34; в Ростовской обл. – 14,2; в Краснодарском крае – 2,6 и 3,7; в Северной Осетии – 2,3 тыс. особей (Руденко, 1986). Горные популяции *P. p. canescens* сравнительно малочисленные (Моламусов, 1961, 2017; Комаров, Липкович, 2000) и, возможно, нуждаются в особой региональной охране. Основную угрозу куропатке, кроме погодных условий, представляют чрезмерный промысел и хищники, а также пестициды, от которых гибнут сами птицы и снижается численность насекомых, крайне необходимых для корма птенцам (Поярков, 1955; Осмоловская, 1966; Руденко, 1986).

115. Перепел *Coturnix coturnix* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), который в XX в. стал всё чаще оставаться на зиму в разных районах Предкавказья и Нижнего Поволжья.

Зоогеографические связи. Предположительно, тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. В России обитает только номинативный подвид.

Распространение. Ареал охватывает Западную Евразию от Атлантики до Байкала и Африку к югу от Сахары. На юге России гнездится повсеместно в равнинных ландшафтах, кроме пустынь Заволжья и Предволжья, но по пойме Волги проникает до дельты (Бондарев, 2014; Реуцкий, 2014), а также в предгорных и горных районах, где местами проникает в субальпийский, а местами даже в альпийский пояс.

Зимует в Африке, на Ближнем Востоке, на юге Европы, в Индии и Китае, но в XX в. перепела начали изредка зимовать в Предкавказье и Нижнем Поволжье (Хлебников, 1890; Бёме, 1926; Моламусов, 1961, 2017; Луговой, 1963; Очаповский, 1967, 2017; Казаков, 1982; Хохлов, 1993; Комаров, Липкович, 2000; Бондарев, 2014). На зимовки мигрирует по ночам, стаями, широким фронтом, преодолевая перевалы Кавказа (Динник, 1887; Насимович, 1955; Моламусов, 1961, 2017) и в большом количестве скапливаясь на открытых низменностях по северному побережью Черного моря (Сатунин и др., 1913; Бернацкий, 1958; Тильба, Кудактин, 2019). Горы преодолевают обычно в ясную погоду, причем массовый пролет идет 2-3 дня, но при густой облачности перепела оседают на полях в северных предгорьях и ждут хорошей погоды иногда 1-2 недели, а затем вся масса птиц уходит через перевалы в первую же безоблачную ночь (Комаров, Липкович, 2000).

Местообитания. Охотно селится на зерновых полях, в посевах люцерны

и других кормовых трав и на пойменных лугах, реже гнездится в разнотравно-злаковой степи, в сухой же степи встречается спорадично, занимая луговые участки, влажные лиманы и западины, а в пустыни заходит по поймам рек. В горах гнездится на лугах и полях в речных долинах, по большим луговым полянам среди лесов, на субальпийских лугах, иногда заходит в альпийскую зону. На Западном Кавказе перепелов находили на высоте 1600-1800 м н.у.м.; в Тебердинском заповеднике токовавших в июле птиц отмечали на высоте до 2200-2800 м н.у.м.; в Кабардино-Балкарии гнездо с остатками скорлупы, недавно покинутое птенцами, было найдено 15.07.1959 у верхней границы альпийского пояса на высоте около 3500 м н.у.м. в 300 м от ледника Эльбруса (Моламусов, 1961, 2017; Ткаченко, 1966; Казаков, 1982). Но в 2007-2017 гг. мы не встречали перепелов там выше 2000 м н.у.м., а Н.Я. Динник (1884, 1886, 1887), изредка находивший их на лугах в горах на высоте 1800-2100 м н.у.м., специально отмечал, что летом выше лесного пояса, а тем более у ледников, он их ни разу не отмечал.

Численность. На юге России в конце XX в. численность оценивали в 1-3 млн. пар, в том числе в Ростовской обл. гнездилось 0,5-1,0 млн. пар, а на Ставрополье – 350 тыс. пар (Хохлов, 1993; Белик, Таранцев, 1995; Белик, 2000а, 2005а). Но уже в то время популяции перепела во многих регионах быстро сокращались (Казаков, 1982; Прилуцкая, Пишванов, 1989; Хохлов, 1993; Белик и др., 2003; Белик, 2015). Снижение численности продолжается и в последнее время, но реальные оценки этих трендов сейчас отсутствуют.

В полях озимых культур в Сальском р-не Ростовской обл. в 1950-е годы гнездилось до 10 пар/50 га (Будниченко, 1965), но в 1977-1978 гг. на севере Ставрополья учитывали лишь 6-10 пар/км^2 (Хохлов, Бичерев, 1985). В полях же Прикубанья у Армавира учитывали 0,8-1,1 ос./га (Казаков, 1982). По учетам на юге Ростовской обл. в период максимальной активности самцов, продолжающейся около получаса в предутренних и вечерних сумерках, обилие перепела в полях зерновых составляло 7,5-12,4 пар/км^2, в целинной степи – 16,7 пар/км^2, в пойменных лугах – 6,4 пар/км^2 и в песках – 6,0 пар/км^2, что в 5-10 раз выше, чем на дневных маршрутных учетах (Белик, Таранцев, 1995).

На лугах в дельте Волги в 1978-1988 гг. учитывали от 4 до 9 самцов на 50 га (Реуцкий, 2014). В низменных районах Дагестана летом держится не более 2-3 ос./км^2 (Прилуцкая, Пишванов, 1989). На лугах в предгорьях Северной Осетии обилие в 1987 г. составляло 15 самцов на 10 га, а в среднегорьях в 1978 г. – 3-4 пары/га (Комаров, Липкович, 2000). В Карачаево-Черкесии гнездовое обилие на субальпийских лугах составляло 2-6 ос./км^2, на сенокосах в горах оно достигало 6-20 ос./км^2,

а в августе – до 125 ос./км^2 (Караваев и др., 2014).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). Но во многих регионах относится к традиционным охотничьим видам птиц. Наиболее интенсивная охота ведется осенью на Черноморском побережье, где во время массового пролёта ружейные охотники добывают до 80-100 особей в день, базиери в Абхазии ловят с перепелятником до 100-200 перепелов в день, а в последнее время там получила распространение браконьерская ночная охота с фонарем и сачком, дающая до 200 и более птиц за ночь (Белик, 2015). В 1940-е годы столь же интенсивная охота на перепела велась в сентябре на Ставрополье, где в полях добывали до 100 птиц за день, однако через 10-15 лет численность перепелов там значительно снизилась, и лишь при удачной охоте можно было добыть до 20 птиц в день (Витович, 1959).

116. Фазан *Phasianus colchicus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся оседлый вид всех регионов Южной России, но в горных районах отсутствует (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель маньчжурского фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Северный Кавказ от Кубани до Терека и Самура и прилежащие равнины до низовий Дона и Волги населяет северокавказский подвид *Ph. c. septentrionalis*, а номинативная форма *Ph. c. colchicus*, отличающаяся более темной общей окраской с пурпурными, зелеными и лиловыми оттенками в оперении, обитает в Закавказье к северу до северо-восточного Азербайджана в Прикаспии и г. Сухум в Причерноморье (Степанян, 2003).

В охотхозяйствах Ростовской и Волгоградской обл. иногда проводятся выпуски различных гибридных форм фазана, что ведет к их частичной ассимиляции северокавказским подвидом и к загрязнению его генотипа. Гибридный «охотничий» фазан, отличающийся ярко выраженным белым ошейником, впервые проник в Ростовскую обл. в начале 1960-х годов из Луганской обл. Украины по долине Сев. Донца (Фертиков, 1975). Кроме того, выпуски «охотничьего» фазана в 1950-е годы проводили в Кабардино-Балкарии (Мертц, 1967). На остальной территории Предкавказья из Майкопского и Астраханского фазанариев расселяли северокавказский подвид, а указания о выпуске в дельте Терека в 1964 г. охотничьего фазана (89 птиц) из Астрахани (Прилуцкая, Пишванов, 1989), по-видимому, не вполне корректны.

Охотничий фазан более приспособлен к холодным, многоснежным зимам и поэтому чаще встречается в северных районах Ростовской обл.,

а северокавказский подвид повсеместно преобладает на юге, в Предкавказье (Солоха и др., 2016; Солоха, 2018). Его относительно чистые популяции сохранились в дельте Волги, в Дагестане и Прикубанье (Мертц, 1966, 1967, 1968; Пшегусов, Джамирзоев, 2018). Тем не менее, фенотип предкавказских птиц сейчас, по-видимому, изменился по сравнению с исходным обликом *Ph. c. septentrionalis* (Лиховид, Тертышников, 1995).

Распространение. Исконный ареал охватывает Китай, Манчжурию и Монголию, откуда через Среднюю Азию узким выступом фазан заходит с юго-востока на Кавказ. Здесь в плейстоценовых изолятах в Талыше, в Колхиде, а также в Восточном Предкавказье и Приазовье сформировались три эндемичных подвида. Первичный ареал северокавказского фазана *Ph. c. septentrionalis* охватывал на юге России бассейны Терека и Кумы и дельту Волги, где этих птиц еще в XVIII в. наблюдали С. Гмелин (1777) и К. Габлиц (Hablizl, 1782, 2017), а также бассейн Кубани, Восточное Приазовье и низовья Дона, где фазана тоже отмечали в XVIII в. (Güldenstädt, 1787; Ригельман, 1918).

В раннем голоцене фазан проникал и дальше к западу, встречаясь в северном Причерноморье в низовьях Днепра и Южного Буга и в Крыму (Воинственский, 1960). В XVIII – XIX в. фазан значительно шире был распространен и в бассейне Каспийского моря. Он проникал в низовья Урала, и даже, возможно, до района Оренбурга (Татищевской крепости) (Паллас, 1773; Эверсманн, 1866; Кузьмина, 1962; Шатас, 1963), а также в низовья Узеней на юго-востоке Саратовского Заволжья (Зайковский, 1925). В середине XIX в. он иногда встречался на Сарпинских озерах (Artzibascheff, 1859, 2015) и даже на облесённых песчаных террасах в низовьях р. Еруслан на левобережье Волги (Завьялов и др., 2005).

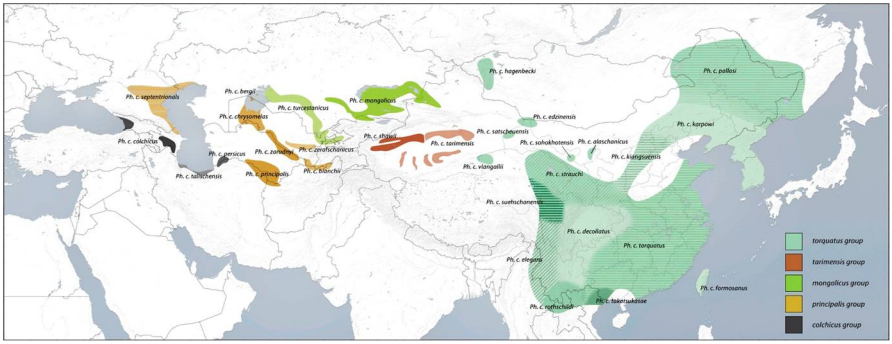


Рис. 40. Ареал фазана *Phasianus colchicus*, подвиды и их комплексы в Евразии https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=11607294

В конце XIX – начале XX в. ареал фазана на юге России резко сократился из-за чрезмерного истребления птиц охотниками (Россиков, 1884а; Lorenz, 1887, 2010; Сатунин, 1907; Шатас, 1963; Моламусов, 1966; Мертц, 1968; Осмоловская, 1979). В начале XX в. фазан исчез также на Черноморском побережье Кавказа (Белик и др., 2017). Но во второй половине XX в. началось массовое искусственное разведение этих птиц и их расселение, в том числе в новые районы (Мертц, 1966, 1967, 1968; Львов, 1975; Фертиков, 1975; Осмоловская, 1979; Бондарев и др., 2007). Размножившись, они стали сами постепенно восстанавливать свой ареал и к настоящему времени вновь загнездились во многих местах на побережье Черного моря (Белик и др., 2017), заселили всю Ростовскую обл., появились на значительной территории Волгоградской обл., но в Саратовском Поволжье их пока не отмечали (Белик, 1986; Завьялов и др., 2005). В Воронежской обл. с 1980 г. акклиматизирован «охотничий» фазан (Нумеров, 1996; А.Ю. Соколов, личн. сообщ.).

Попытки акклиматизации фазана в искусственных условиях на юге России изредка предпринимались и прежде, но из-за браконьерства они обычно не давали устойчивого эффекта. В XIX в. птиц неоднократно разводили в личных хозяйствах в районе Таганрога (Алфераки, 1910), а в начале XX в. – в Азовском р-не, причем там в Атаманском лесничестве (Ленинский лесхоз) близ с. Александровка благодаря хорошим биотопическим условиям и строгому надзору фазан размножился в огромном количестве (Сарандинаки, 1909). В начале XX в. фазанарий функционировал также в Астраханской губернии на землях купца Губина, где позже был создан Трехизбинский участок Астраханского заповедника (Бондарев и др., 2007).

Местообитания. Предпочитает опушечные, мозаичные пойменные ландшафты в долинах различных рек, с кустарниками и мелколесьем, с травянистыми полянами и водоемами, абсолютно необходимыми летом для водопоя птиц (Белик, 1986). Наиболее охотно заселяет густые, колючие заросли терна, боярышника, ежевики и облепихи, обеспечивающие защиту от пернатых хищников. Часто придерживается тростниковых зарослей на островах, грядах или дамбах среди плавней, по берегам небольших рек и в степных балках. Нередко заселяет лесополосы вдоль балок, а также искусственные лесные массивы в степи, где есть естественные водоемы или созданы поилки для птиц.

В предгорья и горы может проникать по долинам рек до 300 м н.у.м. по р. Пшеха на западе Краснодарского края (стан. Самурская; Динник, 1894), до 450-550 м по р. Белой (стан. Даховская, пос. Ха-

мышки; Очаповский, 1967, 2017), до 700 м по Кубани (стан. Красногорская; Караваев, Хубиев, 2013), до 950 м по р. Подкумок (ур. Рим-Гора; Lorenz, 1887, 2010), до 1000 м по ущелью Чегема (ур. Актопрак; Моламусов, 1961, 2017). Распространение фазана на север ограничивается снежным покровом, глубина которого не должна превышать в среднем 10-20 см (Формозов, 1946; Насимович, 1950; Белик, 1986). При многоснежье птицы обречены на бескормицу и гибель от хищников, и в особо суровые зимы, в частности в 1879/80 и 1953/54 гг., фазаны периодически почти полностью вымирали даже в условиях Предкавказья (Динник, 1894, с.420-421; Мертц, 1968; Осмоловская, 1979).

Численность. Численность периодически резко колеблется из-за высокой смертности птиц в суровые многоснежные зимы, а также из-за интенсивного браконьерского промысла в некоторых районах. При благоприятных условиях она может достаточно быстро восстанавливаться и значительно увеличиваться. Так, в низовьях р. Самур в Дагестане летом 1928 г. выводки фазана встречены всего 3 раза за 2 недели работ, а в сентябре 1940 г. там же поднимали до 4-5 выводков за 2 экскурсионных часа (Бёме, 1929; Банников, 1955).

В Ростовской обл. к осени 1979 г. насчитывалось 18 тыс. особей (Казаков, 1982). В течение 1980-2000 гг. популяция здесь, по данным МПР, колебалась в пределах 6,0-70,5 тыс. птиц, а в 2005-2015 гг. насчитывала от 31,9 до 67,0 тыс. особей. На Ставрополье осенняя численность в 1980-е годы оценивалась в 8-10 тыс., а в начале XXI в. – в 12 тыс. особей (Хохлов, 1993; Хохлов и др., 2004). В Северной Осетии в 1972-1987 гг. численность колебалась в пределах 1,5-4,8 тыс. особей (Комаров, Липкович, 2000). В Чечне и Ингушетии в 1986-1989 гг. насчитывали 13.556-14.200 фазанов (Анисимов, 1991). В Карачаево-Черкесии в конце XX в. обитало 960-1115 особей, а в начале XXI в. – 1-3 тыс. особей (Караваев, Хубиев, 2013).

Общая численность фазана на юге России в начале XXI в. оценивалась в пределах 15-25 тыс. пар (Белик, 2005а), что было, очевидно, значительно занижено. По другим данным, в конце зимы 1999/2000 г. здесь обитало 50.568 фазанов, в том числе в Ростовской обл. – 13.629, в Волгоградской обл. – 3.014, в Астраханской обл. – 4.395, в Калмыкии – 5.000, на Ставрополье – 6.200, в Краснодарском крае – 7.300, в Адыгее – 570, в КЧР – 1.100, в КБР – 1.080, в Северной Осетии – 630, в Чечне – 300, в Ингушетии – 350, в Дагестане – 7.000 особей (Межнев, 2001).

Среднее осеннее обилие птиц в оптимальных гнездовых угодьях Прикубанья в 1950-1960-е годы составляло от 7 ос./км^2, что считалось низким, до 22 ос./км^2, а по р. Сунжа в Чечне оно достигало 100-125 ос./км^2

(Мертц, 1968). В искусственном лесном массиве на юге Ростовской обл. в 1976 г. гнездилось 5-7 пар/км^2 (Белик, 1986), а по степным балкам с тростниками в разных районах на севере Краснодарского края осенью 2001 г. учитывали от 55 до 375 ос./км^2 (Тильба, Мнацеканов, 2002). На северо-востоке Ставрополья в обводненных насаждениях в ноябре 2002 г. было учтено 40 птиц/118 га, в том числе 37,5% самцов и 62,5% самок (Федосов и др., 2003). В дельте же Волги в 1961-1962 гг. обилие птиц колебалось от 0,5 до 3,4 самцов/км^2 в охотугодьях, 2,4-6,4 самцов/км^2 на заповедных участках и 7,5-8,5 самцов/км^2 в фазаньем заказнике (Кулюкина, 1963).

Охранный статус. Включен в Красные книги Кабардино-Балкарии (0 категория), Карачаево-Черкесии и Ингушетии (2 категория) и Чечни (3 категория). Охрана рекомендуется для эндемичного северокавказского подвида *Ph. c. septentrionalis*, который на юге России частично ассимилировал с интродуцированными гибридными формами (Лиховид, Тертышников, 1995; Солоха и др., 2016).

Во многих регионах фазан относится к охотничьим видам птиц. Особенно интенсивный промысел фазана начался в Предкавказье в конце XIX в., когда появилась возможность быстрого вывоза дичи по железным дорогам в северные столицы. На Малке и Тереке, например, только в 1883 г. было закуплено 20 тыс. добытых фазанов (Россиков, 1884а). Для восстановления популяций ценного охотничьего вида в 1958 г. был организован Майкопский (Кужорский) фазанарий, откуда северокавказского фазана стали широко расселять с 1963 г. по Предкавказью, Придонью и Поволжью, и к 1972 г. здесь было выпущено уже около 38,5 тыс. птиц (Львов, 1975). Только в Краснодарском крае в 1960-1970-е годы расселили от 9 до 22 тыс. особей (Львов, 1975; Павлов, 1996), в Ростовской обл. с 1966 по 1974 г. выпустили около 10 тыс. особей (Фертиков, 1975), а в Северной Осетии в 1964-1988 гг. расселили 8,4 тыс. особей (Комаров, Липкович, 2000). В 1967 г. фазанарий на основе местной популяции северокавказского фазана был создан также в Астраханской обл. (Бондарев и др., 2007).

В благоприятных условиях, при тщательной охране и проведении необходимых биотехнических работ, численность фазана в некоторых охотхозяйствах очень быстро выросла до промысловых размеров, и появилась возможность отлова и расселения этих птиц уже из естественных очагов размножения. Особенно показательные результаты были получены в Нижнекундрюченском охотхозяйстве в низовьях Сев. Донца, где в 1966 и 1967 гг. выпустили 155 и 283 фазанят, а затем в течение 1969-1974 гг. за 6 лет было отловлено для расселения 4.875 местных фазанов (Осмоловская, 1969, 1979; Нечаев, 1975).

Отряд **Журавлеобразные** Gruiformes
Семейство **Журавлиные** Gruidae

117. Стерх *Grus leucogeranus* Pallas, 1773

Характер пребывания. В Астраханской обл. и Дагестане, а также, вероятно, в Калмыкии сохранился пролетный путь последних особей реликтовой, исчезающей западносибирской (обской) популяции стерха (Судиловская, 1951; Виноградов, 1977; Флинт, 1987; Сорокин, 2001; Маркин, Постельных, 2014); в XVIII – XIX вв. миграции наблюдались также в Волгоградской обл. (Паллас, 1788; Artzibascheff, 1859, 2015), в остальных регионах Южной России возможны лишь случайные встречи залетных птиц, отмечавшихся в Ростовской обл., Ставропольском крае и Северной Осетии (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Бёме, 1926; Хохлов, 1993; Комаров, 2006, 2007; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Сейчас сохранились лишь две изолированные популяции – обская в Западной Сибири и якутская в тундрах Якутии. Обская популяция состоит из двух гнездовых группировок: северной, приуроченной к лесотундрам в бассейне р. Куноват в низовьях р. Обь, и южной, обитающей в таежной зоне в Кондо-Алымском междуречье (Сорокин, Шилина, 2010). Но в XVIII – XIX в. стерхи были распространены значительно шире, гнездясь на заросших озерах и болотах в степной и лесостепной зонах Западной Сибири, а также, вероятно, на севере Казахстана (Паллас, 1786; Сушкин, 1908; Судиловская, 1951; Слудский, 1959; Долгушин, 1960; Кириков, 1966), проникая к западу, по-видимому, до дельты Урала и низовий Волги (Кириков, 1966, 1983).

О гнездовании стерха «в поемных камышовых ильменях» в дельте Урала конкретно писал А. Шустов (1871; цит. по: Кириков, 1966), добывший там птицу «в исходе мая 1863 г.». По сведениям Г.С. Карелина (1875, с.95), в камышистых ильменях близ Гурьева в низовьях р. Урал пара птиц была добыта также в 1854 г., но там «старые белые журавли встречаются очень редко, а гнезда их еще реже»; при этом в гнездах находили «только по два яйца, величиною почти с гусиные, … иззелена-пепельные с светло-буроватыми пятнами». В середине-конце XVIII в. этих птиц нередко встречали и на озерах в Волго-Ахтубинской пойме в Енотаевском, Красноярском и Царицынском уездах, у сёл Рахинка, Верхнеахтубинского, Владимировки и др. (Кириков, 1966). А в 1858 г. несколько стерхов было отмечено также на оз. Барманцак на Сарпинской низм. у границы Волгоградской обл. и Калмыкии (Artzibascheff, 1859, 2015). Однако достоверные гнездовые

находки там отсутствуют.

Стерхи обеих обских группировок летят на зимовки сначала до северного Казахстана, где останавливаются на отдых на Наурзумских озерах в Кустанайской области. Дальнейшая миграция северных птиц шла через Узбекистан, Туркменистан, Афганистан и Пакистан на зимовку в Индию, но последний раз пара стерхов была отмечена там зимой 2001/2002 г. (Вардан, 2002), а позже стерхи туда уже не прилетали.

Журавли южной группировки летят из Казахстана на запад до дельты Волги и затем вдоль западного побережья Каспийского моря в Иран, на заболоченную низменность у юго-восточного побережья Каспия (Флинт, 1987; Сорокин, Шилина, 2010, 2018). Иногда эти стерхи остаются на зимовку также в Азербайджане (Карамзин, 1912; Станчинский, 1914; Судиловская, 1951; Розенфельд, 2011), но зимой 2008/09 г. найти их там не удалось (Букреев и др., 2015). Пролетных стерхов в сентябре 1773 г. наблюдал у Волгограда (Царицына) (Паллас, 1788), а в дельте Волги их регулярно регистрируют до сих пор (Гмелин, 1777; Яковлев, 1872, 1874, 2015, 2016; Русанов, Чернявская, 1976; Виноградов, 1977; Шилина, 2008; Русанов, 2007, 2011, 2014; Русанов и др., 2013; Реуцкий, 2014). Иногда одиночек и группы холостых стерхов встречают в дельте Волги также и в летний период (табл.3).

Таблица 3

Регистрации стерхов в дельте Волги в 1927-2015 гг.

ВЕСНА				
Даты	Кол-во	Участок	Примечание	Источник
08.04.1928	?	В		Луговой, 1963
06-07.04.1935	3	В		- " -
08.04.1953	3	В		- " -
02.04.1956	1	Ц		- " -
25.03.1957	2	Ц		- " -
09.04.1957	5	Ц		- " -
12.04.1957	3	В		- " -
31.03-11.04.1958	3	З		- " -
28.03.1959	6	З		- " -
05.04.1959	3	З		- " -
10.04.1959	1	З		- " -
11.04.1961	2	В		Русанов, Чернявская, 1976
07.03-12.04.1962	1-6	З		- " -
14.03-08.05.1963	1-22	З		- " -
26.03.1964	3	З		- " -
19.03-18.04.1965	1-7	З		- " -
11.03-29.03.1966	2-7	З		- " -
30.03-07.04.1967	1-8	З		- " -

10.03-23.04.1968	1-8	З		- " -
27.03-15.04.1969	1-13	З		- " -
13.03-11.04.1970	1-12	З		- " -
25.03-13.04.1971	1-21	З		- " -
09.05.1987	1	В		Реуцкий, 2014
28.03-04.04.2001	6	В	2 – помечены в 1996-1999 г.	Шилина, 2008
31.03-03.04.2005	2	В		Русанов, Кашин, 2005
11.05.2014	7	З		Сорокин, Шилина, 2018
ЛЕТО – ОСЕНЬ				
16.10.1927	?	В		Воробьев, 1936
11-12.11.1927	2	В		- " -
14-15.08.1935	2	В		Луговой, 1963
12.09.1939	8	З		- " -
22.06.1942	4	З		- " -
18.10.1953	3	В		- " -
22.10.1956	1	В		- " -
30.07-06.08.1940	1	В		Русанов, Чернявская, 1976
15.10.1970	1	В		- " -
26.10.1970	3	В		- " -
….XI-11.12.1971	3	В		- " -
06.06.1993	4	В		Реуцкий, 2014
25.09-21.10.1998	7	В		Шилина, 2008
04-09.10.2001	3	В		Горбунов,Кашин,Маркин,2001
29.11.2006	4	В		Русанов, 2007
25-26.10.2007	1	В		Русанов, 2011
22.09.2011	15	В		Русанов и др., 2013
20.10.2011	1	З		- " -
18.10.2012	2	В	1 ad. + 1 juv.	- " -
21.10.2012	1	З		- " -
13-14.10.2013	1	З		Русанов, 2014
13.10.2015	1	З		Сорокин, Шилина, 2018

Примечания: участки: **В** – восточный Обжоровский; **Ц** – центральный Трехизбенский; **З** – западный Дамчикский участки.

В Дагестане пролетных стерхов наблюдали в XIX в. у Дербента (Радде, 1884), но в XX в. их встречали там уже очень редко (Дюков, 1928; Пишванов, 1976; Джамирзоев и др., 2000, 2013; Вилков, 2002; Джамирзоев, Букреев, 2008, 2009; Шилина, 2008). На осеннем пролете вдоль побережья Каспия стерхи останавливаются в дельте Терека от Кизлярского залива до Аграханского полуострова. Весной же они делают остановки также в низовьях Самура и на Приморской низменности между Дербентом и Избербашем (Джамирзоев, Букреев, 2008).

Сезонные перелеты стерхи совершают обычно на очень большой высоте (Паллас, 1786; Г.М. Русанов, личн. сообщ.), поэтому, возможно, их редко замечают в периоды миграций.

В Северной Осетии залетных стерхов отмечали трижды: в ноябре 1913 г. у Владикавказа 3 птицы (Бёме, 1926); 17.11.1988 у с. Ход близ г. Алагир 12 птиц на скошенном поле; наконец 26.09.2001 на полях в пойме Терека у с. Мичурино стая из 35 особей, в том числе 12 молодых (Комаров, Липкович, 2000; Комаров, 2006, 2007; Джамирзоев, Букреев, 2008). Стерхи залетают и на Ставрополье, где в середине октября 1974 г. у стан. Барсуковской Кочубеевского р-на на юго-запад пролетели 3 особи, а в начале мая 1991 г. одиночный стерх держался на прудах рыбхоза у с. Туркасад Левокумского р-на (Хохлов, 1993; Хохлов и др., 2005). Еще один стерх был убит браконьерами 28.09.2000 у г. Георгиевск из группы в 4 особи (Парфенов, 2007). В Ростовской обл. в 1880-е годы был добыт стерх из пары, встреченной в степи в Миусском округе близ Таганрога (Алфераки, 1910; Белик и др., 2012), и еще одного стерха добыли у Ростова весной в начале XX в. (Сарандинаки, 1909). Кроме того, 4 птиц, пролетевших на юго-запад, наблюдали в ноябре 1974 г. в Крыму (Костин, 1983).

Зимой 2015/16 г. пара окольцованных стерхов появилась на Таманском полуострове в Краснодарском крае, где они держались с 27.01. до 07.04.2016 под присмотром людей (Лохман, 2016). Как выяснилось, это были журавли, выращенные в питомнике Окского заповедника с целью репатриации в природу для восстановления обской популяции. Их выпустили 16.10.2015 в дельте Волги, которую они покинули 02-03.12.2015 с наступлением холодов, однако направились птицы не на юг, в Иран, а на запад. Самка из этой пары была вновь встречена 05.05.2016 на западе Астраханской обл., а 20.07.2016 в дельте Волги замечен и самец, но дальнейшая судьба этих птиц осталась неизвестной (Г.М. Русанов, личн. сообщ.).

Местообитания. Якутские птицы гнездятся среди сильно увлажненных, равнинных мохово-осоково-пушициевых тундр с большим количеством озер, а обские стерхи селятся на обширных, богатых озерами болотных массивах в лесотундре и среди северотаежных лиственничников, предпочитая сфагновые сплавинные участки близ редких, чахлых древостоев (Флинт, 1987). Во время миграций по Каспийскому побережью стерхи останавливается на лагунах и в заболоченных поймах рек, а также на лугах по берегам больших морских заливов (Джамирзоев, Букреев, 2008).

Численность. В середине XIX в. у Астрахани весной можно было встречать скопления до 300 пролетных стерхов (Яковлев, 1872, 1874, 2015,

2016), но в начале XX в. максимальное число птиц в одной стае уже не превышало 20-30 особей, в 1963-1996 гг. – не более 10-22 особей, а в начале XXI в. там встречали лишь одиночных птиц и небольшие группы (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Сорокин, Шилина, 2018).

Современная численность всей обской популяции неизвестна, но на основе анализа встреч последнего времени, её можно оценить в пределах 20–25 особей (Сорокин, 2001; Сорокин, Шилина, 2018). Однако через западное побережье Каспия сейчас пролетает не более 10-15 особей (Джамирзоев, Букреев, 2008), а на зимовку в Иран в течение 10 последних лет прилетает только один стерх (Ильяшенко, 2018). Недавние же встречи больших стай в Северной Осетии (Комаров, 2006, 2007), а также регистрации пролетных стерхов на западе Азербайджана (Султанов, Керимов, 2008) могут свидетельствовать, вероятно, о существовании еще каких-то мест их зимовки, например, на заболоченных низменностях Месопотамии в Ираке. Возможно, существуют и неизвестные нам гнездовые группировки, в частности – в тундрах на севере Европейской России, где этих птиц неоднократно отмечали в недавнем прошлом (Судиловская, 1951; Калякин, 1996; Естафьев, 1999; Нанкинов, 2015; Селиванова и др., 2021).

Охранный статус. В Красную книгу России (2001) занесены обская группировка, находящаяся под угрозой исчезновения (1 категория), и якутская популяция, переведенная сейчас в 2 категорию (Приказ …, 2020). На юге России стерх включен в Красные книги Астраханской обл. (2 категория) и Дагестана (1 категория). Основными угрозами для стерха следует считать браконьерство на путях миграций, а также антропогенные изменения природных условий в районах зимовок. Для восстановления популяций стерха в России ведутся специальные программы: разведение в неволе, репатриация молодых птиц в природу и их сопровождение на пути к зимовкам, создание заказников в местах гнездования и миграционных остановок и др.

118. Журавль серый *Grus grus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся вид Ростовской и Волгоградской обл. и Калмыкии, в прошлом гнездился также в Ставропольском крае (Динник, 1886; Lorenz, 1887, 2010), в остальных регионах Южной России встречается на пролете (Белик и др., 2016). В последние годы в Предкавказье отмечались случаи зимовки (Хохлов, 1982, 1986; Комаров, Липкович, 1985; Вилков, 2008; Липкович, 2017; Маловичко, 2018; Лохман, Солоха, 2018).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель аллювио-

фильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Европейскую Россию к востоку до долины Волги населяет номинативный подвид, а восточнее распространен более мелкий и светлый *G. g. lilfordi* (Степанян, 2003). Нагорья Закавказья населяет вымирающая форма *G. g. archibaldi* (Ильяшенко и др., 2011), а на юго-востоке Тянь-Шаня обитает *G. g. korelovi* (Ильяшенко, Белялов, 2011).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Северной Евразии от Скандинавии до Восточной Сибири, а также на заболоченных водоемах среди аридных нагорий Закавказья и Малой Азии. На юге России заселяет заболоченные леса по долинам рек в бассейне Среднего Дона, местами по Сев. Донцу и, возможно, в пойме р. Чир, а также заболоченные водоемы в степях Заволжья, на Сарпинской низменности, на Ергенях и в Кумо-Манычской долине (Демьянова, 1984; Хохлов, 1989; Белик, Ветров, 1990; Петров, 1990; Белик, 2002, 2014; Букреева, 2003; Цапко, 2007; Чернобай, Гугуева, 2008; Белик и др., 2012, 2014; Гугуева и др., 2013; Ильяшенко, Белик, 2017; и др.).

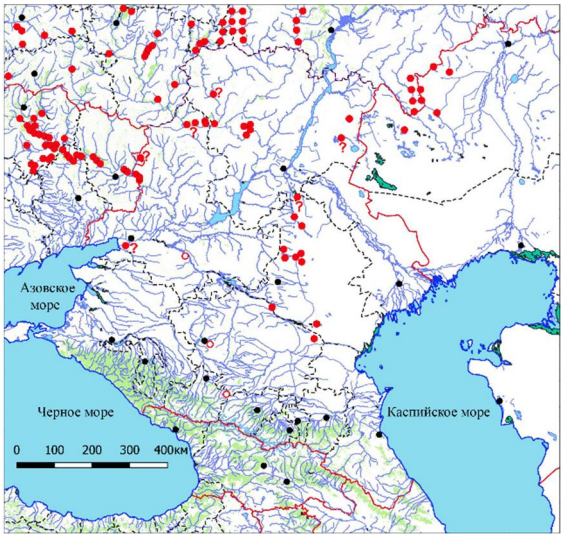


Рис. 41. Известные места гнездования (красные пуансоны) и исчезнувшие гнездовья (красно-белые пуансоны) серого журавля на юге России и Украины и в Западном Казахстане

Имеются указания о встречах серых журавлей в дельте Дона, где одиночная птица наблюдалась 08.04.1962 и пара – 29.05.1962 (Петров, 1990), а позже у с. Кулешовка Азовского р-на, по опросным данным, был

установлен случай размножения пары журавлей, устроивших гнездо в редком тростнике на сухой части луговины, а 23.08.1966 выводок улетел оттуда на зимовку (Казаков, 1976). Птиц этих определили как красавок, но биотоп и фенология их миграций свидетельствуют, что это были, скорее всего, серые журавли.

Серые журавли, гнездящиеся в европейской части России, зимуют в основном в Иране, Ираке, Израиле, Турции, а также в Северо-Восточной Африке. Миграции на зимовки идут обычно широким фронтом, но южные, степные регионы журавли пересекают, как правило, по определенным пролетным путям (Флинт, 1987; Маркин, 2008, 2013). На юге России во второй половине XX в. сформировался выраженный миграционный маршрут, идущий в субмеридиональном направлении через Волгоградскую обл., юго-восток Ростовской обл. и Калмыкию в долину Маныча, где весной и осенью на отдых и кормежку собираются журавли, гнездящиеся в умеренных широтах Восточной Европы (Букреева, 2003; Белик, 2004а, 2005, 2014; Комаров, 2004; Маркин, 2005, 2013).

Значительная часть птиц мигрирует с севера также через Крым и Черное море, но весной, направляясь из Турции, они нередко попадают на восточное побережье Азовского моря и летят далее на север, однако их весенняя миграция в Восточном Приазовье и на Нижнем Дону выражена слабо, а осенняя практически отсутствует (Мнацеканов, Тильба, 2002; Белик, 2005). В прошлом массовые миграции шли также вдоль западного берега Каспия (Богданов, 1879; Ильин, 1902; Сатунин, 1907; Флинт, 1987). До 1960-х годов много журавлей летело осенью на юго-запад через дельту Волги (Бостанжогло, 1911; Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Реуцкий, 2014), но сейчас эти казахстанские птицы направляются через оз. Эльтон (Линдеман и др., 2005), вероятно, к Манычу. Во время миграции журавли летят обычно на высоте 600-1000 м, со скоростью около 50 км/час над сушей и до 100 км/час над морем, пролетая за день до 400 км и более (Флинт, 1987).

Местообитания. В таежной зоне журавли гнездятся обычно на сфагновых болотах с редкими, угнетенными соснами; на юге лесной зоны, в лесостепи и степи птицы часто заселяют труднопроходимые заболоченные ольшаники в замкнутых котловинах среди песчаных террас или в притеррасных поймах рек, где из песков выклиниваются грунтовые воды; иногда журавли встречаются также на закустаренных, кочковатых осоковых или тростниковых болотах. В безлесных степях спорадичные гнездовья приурочены к обширным зарослям тростника или рогоза в озерных котловинах и поймах рек, к заросшим фильтрационным болотам у водохранилищ, каналов и прудов.

На миграциях в степной зоне журавли останавливаются, как правило, на убранных зерновых полях, кормясь по утрам и вечерам обычно в окрестностях мелководных озер, соровых котловин или обширных болот, куда слетаются большими стаями на ночевку. Поблизости от кормовых полей обязательно наличие пресных водопоев (озер, прудов, ручьев, родников), возле которых журавли проводят дневные часы.

Численность. В Европе гнездится 113-185 тыс. пар, увеличивающих сейчас свою численность (European birds …, 2017). В Европейской России численность оценена примерно в 80-120 тыс. особей, а гнездится около 25-43 тыс. пар, в том числе в конце XX в. около 100-150 пар обитало на юге России (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; Ilyashenko, Markin, 2013; Атлас …, 2020).

В Ростовской обл. на Сев. Донце и Среднем Дону насчитывали 10–15 и 20–30 пар (Белик, Ветров, 1990; Белик, 2002, 2005). В Волгоградской обл. современная численность оценена в 40–60 пар, причем самая крупная группировка на Доно-Арчединском песчаном массиве сократилась с 25–50 пар, гнездившихся там в конце XX в., до 10–30 пар; по притокам Дона и на водоемах Заволжья изредка, спорадично встречается по 1-7 пар (Белик и др., 2000, 2014; Белик, 2002; Чернобай, 2004а; Чернобай, Гугуева, 2008; Гугуева и др., 2013; Ильяшенко, Белик, 2017). В Калмыкии на Сарпинской низменности, на Ергенях и в долине Маныча в конце XX – начале XXI в. отмечено 10-15 случаев гнездования серых журавлей, а их общая численность оценивается в 20-30 пар (Букреева, 2003; Цапко, 2007). На востоке Ставрополья возможно гнездование 1-2 пар (Хохлов, 1989). Современная же их численность на юге России в целом составляет, ориентировочно, около 60-100 гнездовых пар (Белик, 2014а).

На крупной миграционной остановке, образовавшейся в XX ст. в долине Маныча на стыке Ростовской обл., Ставропольского края и Калмыкии, осенью ежегодно собирается до 10–30 тыс. серых журавлей, улетающих затем через Северную Осетию и Закавказье на зимовки (Букреева, 2003; Белик, 2004а, 2005, 2014; Комаров, 2004). Тогда же массовые миграции появились в Заволжье, где в конце XX в. осенью насчитывали до 10-15 тыс. особей, слетавшихся на ночевку на отмели Эльтона; однако в последние десятилетия из-за сокращения посевов зерновых культур в Приэльтонье численность мигрантов там снизилась (Лопушков, Линдеман, 2003; Линдеман и др., 2005; Ильяшенко, Белик, 2017). Судя по наблюдениям на Ставрополье, начала сокращаться, возможно, численность мигрантов и в долине Маныча (Хохлов, Харченко, 1994; Хохлов, Маслиев, 1997; Хохлов и др., 1999;

Ильюх, Хохлов, 2008; Хохлов, Хохлов, 2011). Кроме мигрантов, сейчас в обводненной долине Маныча летом спорадично встречаются пары, небольшие группы и стаи до 100–300 особей, состоящие в основном из холостых неполовозрелых птиц (Белик, 2004а).

Охранный статус. Как редкий вид (3 категория) занесен в Красные книги всех равнинных регионов Южной России: Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл., Калмыкии, Ставропольского и Краснодарского края и Адыгеи. Но из последних изданий Красных книг Карачаево-Черкесии и Дагестана, где эти птицы регулярно встречаются на миграциях, серый журавль был исключен. Повышенная уязвимость серого журавля на юге России вызвана разнонаправленными трансформациями его гнездовых и кормовых местообитаний из-за обводнения и быстрого высыхания естественных и искусственных водоемов, распространения и сокращения площади посевов зерновых культур (пшеницы, проса, риса и др.), из-за природных пожаров, уничтожающих гнездовые стации и др.

119. Журавль даурский *Grus vipio* Pallas, 1811

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид (Pallas, 1811; Nordmann, 1840; Радде, 1884; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лугово-болотного фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид. В сводке П.С. Палласа (Pallas, 1811, vol.2, p.102) именно этот вид, судя по описанию его ареала, назван индийским журавлем *Grus antigone*, и позже это название неоднократно использовали в орнитологической литературе (Nordmann, 1840; Эверсманн, 1866; Радде, 1884; и др.). Одновременно П.С. Паллас описал в Даурии новый вид *Grus vipio* (Pallas, 1811, vol.2, p.111), по его словам – очень похожий на *G. antigone*, но меньших размеров. Впоследствии это второе имя и закрепилось за даурским журавлем.

Распространение. Гнездится в степном Забайкалье (Даурия), в Приамурье и на юге Приморья, а также в Маньчжурии и на северо-востоке Монголии. Не исключено, что в прошлом ареал простирался вдоль степной зоны дальше на запад, и поэтому в XIX в. эти птицы изредка залетали в европейские степи. Этих птиц отмечали в Астраханских пустынях (Pallas, 1811, vol.2, p.102), добывали в низовьях Дона (Nordmann, 1840) и Урала (Карелин, 1875), а также в Азербайджане (Тизенгаузен, 1902; Сатунин, 1907), несколько раз наблюдали у северного побережья Каспия в Астраханских и Калмыцких степях и в низовьях р. Урал (Pallas, 1811; Эверсманн, 1866; Карелин, 1875; Мензбир, 1895; Хлебников, 1928), а также в Дагестане у Дербента (Радде,

1884). Но встречи даурских журавлей даже в середине XIX в. были очень редкими, и Г.С. Карелин (1875), например, за 16 лет исследований на Нижнем Урале видел всего 3 птиц, одна из которых была добыта.

К сожалению, 2 птицы, добытые 16.03.1876 и 05.03.1892 **ст.ст.** в Азербайджане и названные черными журавлями, в коллекциях не сохранились, но их детальное описание вполне соответствует *G. vipio* (=*G. leucauchen*) (Тизенгаузен, 1902; Сатунин, 1907). Визуальное же определение наблюдавшихся журавлей вызывает обоснованные сомнения, что со всей определенностью подчеркивал В.А. Хлебников (1928), видевший похожих птиц в Калмыцких степях. Ошибочным признавалось и определение журавлей, регистрировавшихся в Дагестане (см.: Бутурлин, 1935). Следует к тому же отметить, что имя, использовавшееся в старой литературе (Nordmann, 1840; Эверсманн, 1866; Карелин, 1875; Радде, 1884) для этих птиц (*G. antigone*), в последующем тоже нередко приводило к дискуссиям среди исследователей относительно их видовой принадлежности (см., напр.: Бутурлин, 1935; Степанян, 1990; Коблик и др., 2006). Хотя известно, что под именем *G. antigone* П.С. Паллас (Pallas, 1811) однозначно понимал именно даурского журавля (Мензбир, 1895; Судиловская, 1951).

Появление даурских журавлей на Кавказе вдали от гнездового ареала объяснялось также тем, что во время сезонных миграций их одиночки и небольшие группы увлекались с зимовок пролетными стаями серых журавлей (см.: Сатунин, 1907). Но сейчас зимовки даурского журавля известны лишь в Японии и Корее и на востоке Китая (Флинт, 1987), и залеты этих птиц из Китая на Кавказ вместе с серыми журавлями маловероятны.

Местообитания. Заселяет обширные травянистые болота в поймах рек и в озерных котловинах степной зоны, где отсутствуют лесные массивы.

Численность. Мировая популяция в настоящее время увеличивается и сейчас составляет 5,8-6,2 тыс. особей (Ильяшенко, 2016). В России численность этого вида в конце XX в. оценивали в 500-600 особей, в том числе 5-8 пар обитали в Приморье и Хабаровском крае, не менее 22 пар – в Амурской обл. и 93 пары – на юге Читинской обл. (Андронов, 2001). В последнее время из-за засухи и изменения природных условий численность в Забайкалье снизилась до 32-57 пар (Горошко, 2012), но в Приамурье увеличилась до 40-65 пар (Андронов и др., 2009; Аверин, 2014).

Охранный статус. Занесен в Красную книгу России (2001) как исчезающий вид (1 категория).

– **Журавль черный** *Grus monacha* Temminck, 1836

Характер пребывания. По недоразумению указан как гнездящийся вид для севера Ростовской обл. (Миноранский, Тихонов, 2001, 2002, 2003; Миноранский, Демина, 2002), а затем для Краснодарского края ошибочно отмечен залет одиночного черного журавля в г. Славянск-на-Кубани (Заболотный, Хохлов, 2005). Позже эти сведения были дезавуированы в печати (Белик, 2005; Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1980; Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Спорадично гнездится на юге Восточной Сибири, в Приамурье и Приморье и на северо-востоке Китая. В прошлом черного журавля отмечали летом также на юге Западной Сибири, где предполагали даже его гнездование (Судиловская, 1951). Зимует он в основном в Японии, куда собирается до 80% мировой популяции, частично в Китае и отчасти в Корее. Для негнездящихся птиц характерно широкое распространение вне области гнездования. На кочевках они встречаются в степных и лесостепных ландшафтах на севере Хакассии, в Бурятии и Даурии на юге Забайкалья, на юго-востоке Амурской области, а также в примыкающих районах Монголии и Китая (Ильяшенко, Сурмач, в печати).

Местообитания. Гнездится среди заболоченных редколесий на сфагново-лиственничных марях, на зарастающих болотистых вырубках и гарях и на травяных болотах среди таежных лесов.

Численность. Судя по учетам на зимовках, мировая популяция растет и насчитывает сейчас 16-17 тыс. особей, из которых около 500 пар гнездится в Китае, а остальные 15-16 тыс. особей обитают в России (Ильяшенко, Сурмач, в печати). В Якутии, в Хабаровском и Приморском крае, по последним данным, было известно по 100-190 гнездовых пар в каждом регионе (Ильяшенко, 2016). Но большая часть гнездовий, очевидно, еще не выявлена.

Охранный статус. Был занесен в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория), но сейчас переведен как восстанавливающийся вид в 5 категорию (Приказ …, 2020).

120. Красавка *Anthropoides virgo* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид равнинных регионов Южной России; в степях на севере Кабардино-Балкарии и Северной Осетии гнездовья исчезли в XX в. (Белик и др., 2016). Через

горные районы Восточного Кавказа проходит массовая миграция красавки на зимовку (Ильяшенко и др., 2018, 2020).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в степной и полупустынной зонах от Южной Украины и Крыма до Забайкалья, Монголии и северо-восточного Китая. На изолированных участках ареала в Марокко и Испании, а также в Румынии, Болгарии и Турции птицы исчезли в XIX – XX в. (Нанкинов, 2009; Ильяшенко, 2016, 2018). На юге России в XIX – XX в. тоже произошло сокращение ареала: в Ростовской и Волгоградской обл. его северная граница отступила к югу и востоку (Белик, 1999, 2014; Белик и др., 2011, 2020), в Ставропольском крае гнездовья сохранились только на востоке в долине Маныча и в Ногайских степях (Хохлов, 1982, 1988, 1991; Федосов, Маловичко, 2008; Хохлов, Ильюх, 2013), а в Краснодарском крае – лишь на Таманском полуострове (Мнацеканов, 2007; Мнацеканов и др., 2007; Андрющенко и др., 2008; Очаповский, 2017).

В степях Восточного Предкавказья в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии красавки исчезли вовсе (Бёме, 1926; Комаров, Липкович, 2000; Моламусов, 2017; Пшегусов, Джамирзоев, 2018). Небольшие реликтовые популяции до последнего времени сохранялись в Северном Приазовье, а также в Калачской излучине Дона и в Волго-Донском междуречье (Белик, 1999, 2014; Белик и др., 2011; Андрющенко и др., 2013; Ильяшенко, Чернобай, 2017). Более или менее сплошной ареал красавки приурочен к Ергенинской возвышенности и долине Маныча, к степям и полупустыням Прикаспийской низменности к югу до Махачкалы и к полупустынному Заволжью.

Красавки азиатских популяций зимуют в Индии, птицы из Придонья, Поволжья и Предкавказья мигрируют в северо-восточную Африку (верховья р. Нил) через горы Восточного Кавказа, Иран, Ирак и Аравию, а из Крыма и Южной Украины красавки летят обычно через Черное и Средиземное море в Центральную Африку (Чад) (Нанкинов, 2009; Ильяшенко, 2018; Ilyashenko, 2019; Ильяшенко и др., 2020). Сведения же о пролете красавки на Западном Кавказе (Аверин, Насимович, 1938; Тильба и др., 2005), судя по фенологии встреч, относятся к серому журавлю.

Миграции красавок осенью проходят в сжатые сроки в конце августа - начале сентября (Белик, 1988, 2005; Хохлов, 1991; Ильяшенко и др.,

2018, 2020), и журавлей, в массе летящих в этот период через Восточный Кавказ (Рак, Афанасьев, 1956; Гизатулин и др., 2001; Вилков, 2002; Комаров, 2004), можно однозначно считать не серыми, а красавками (Белик, 2005). Сведения о зимних встречах красавки в Северной Осетии (Комаров, 1986) требуют фактического подтверждения. Имеется также неподтвержденное сообщение о зимней встрече 7 красавок 03.12.1985 на поле у Пицунды (Robel, 1986; Белик, 2015).

Местообитания. Гнездится на земле в открытых равнинных районах степной и полупустынной зон, предпочитая сухие, целинные низкотравные пастбищные участки с редким травостоем и пятнами оголённой земли (Белик, 2011). Густого, мезофильного высокотравья, близости кустарников и лесонасаждений красавки, как правило, избегают. Во второй половине XX в. они адаптировались к гнездованию на полях и стали восстанавливать прежний ареал в степной зоне. Заселяют обычно паровые поля или посевы яровых хлебов и поздних пропашных культур (кукурузы, подсолнечника), местами гнездятся на залежах. В конце лета красавки часто кормятся стаями на убранных хлебных полях, подбирая утерянное зерно, а ночуют большими скоплениями на мелководьях обширных водоемов. Летом нуждаются в постоянных пресных водопоях.

Численность. На юге Европейской России в конце XX в. гнездилось 20-25 тыс. пар, но в начале XXI в. численность здесь снизилась до 9-12 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а, 2014а), а в настоящее время депрессия популяций еще более усилилась, и к концу 2010-х годов они сократились, как минимум, в 3-5 раз (наши данные). В Ростовской обл. прежде обитало около 500–600 гнездовых пар на юго-востоке и 5–10 пар в Приазовье (Белик, 1996а, 2014; Белик и др., 2011). В Волгоградской обл., где в 1988 г. было учтено 640 ос. (Мосейкин, 1991), в начале XXI в. указывалось не менее 400-500 пар (Чернобай, 2004а), а в 2008 г. – уже 1000-1200 пар, в том числе 450-500 пар в Заволжье, 200-250 пар на Ергенях и 150-200 пар в Калачской излучине Дона (Чернобай, Гугуева, 2008). Но в 2017 г. все популяции были оценены здесь в 950-1000 пар, причем в Заволжье численность сократилась с 400-500 до 200-250 пар, на правобережье Волги осталось около 50 пар, в Калачской излучине – 100 пар, на севере Сарпинской низменности – 50 пар и на севере Ергеней – около 500 пар (Белик и др., 2011; Гугуева и др., 2014; Ильяшенко, Чернобай, 2017).

В Астраханской обл. популяция оценена примерно в 2-3 тыс. пар (Белик и др., 2011). В Калмыкии в 1972-1975 гг. гнездилось 6,2-8,3 тыс. пар (Близнюк и др., 1980), в конце XX в. там насчитывали 15-16 тыс. пар (Ильяшенко, 2001), а в начале XXI в. – от 8,5-10,5 до 13-15 тыс. пар

(Букреева, 2003; Цапко и др., 2009). В Дагестане в 1988 г. было учтено 346 пар (Прилуцкая, Пишванов, 1991), позже численность там оценивали в 550-600 пар (Вилков, 2002), но по результатам специальных учетов 2003 г. она составила 2,9-3,8 тыс. пар (Букреев, Джамирзоев, 2005), а с корректировкой по данным 2009 г. – 2,5-3,2 тыс. пар (Белик и др., 2011). В Ставропольском крае численность в течение 2000-2015 гг. снизилась с 300-400 до 200-250 пар (Ильюх, Хохлов, 2008; Федосов, Маловичко, 2008; Маловичко, 2015), а в Чечне в конце XX в. насчитывали 150-250 пар (Гизатулин, Точиев, 1990). На Тамани в Краснодарском крае предполагается гнездование 8-10 пар, проникших туда из Крыма (Мнацеканов, 2007; Мнацеканов и др., 2007; Андрющенко и др., 2008; Динкевич и др., 2012).

В 1970-е годы в Калмыкии на Ергенях обилие красавок составляло 18-28 пар/км^2, в полупустынной зоне на Прикаспийской низменности – 20-42 пар/км^2, а в пустынях у Каспия – 19-48 пар/км^2 (Близнюк и др., 1980). В конце XX в. в Северном Приазовье обилие не превышало 1 пары/100 км^2, на западных склонах Ергеней достигало 5 пар/100 км^2, а в долине оз. Маныч-Гудило – 15 пар/100 км^2 (Белик, 1992, 1996а, 2014). В начале XXI в. на Ергенях учитывали 5-7 пар/100 км^2, а в Кумо-Манычской долине – от 4 до 35 пар/100 км^2 (Белик и др., 2011). Но в июне 2019 г. в Приазовье красавок найти не удалось, на Ергенях учтены 1,6 пар/100 км^2, в степях вдоль Маныча – 4,4 пары/100 км^2, а в безлюдных, сухих долинах у оз. Маныч-Гудило – менее 1 пары/100 км^2 (Белик и др., 2020).

Кроме гнездящихся красавок, в Прикаспии проводят лето стаи неполовозрелых или холостых птиц, численность которых составляет около 30% всей популяции (Белик, 2002). А в долине Маныча перед отлетом на зимовку красавки собираются в стаи со всего Придонья, Поволжья, Калмыкии и Восточного Предкавказья (Ильяшенко и др., 2018, 2020). В начале XXI в. их осенняя численность достигала там 40-45 тыс. особей (Букреева, 2003). Но в последние годы на юге России отмечено сокращение величины летних скоплений красавок. В 1972-1999 гг. средний размер 4 весенне-летних стай составлял 113,0±40,6 особей, а в 2008-2009 гг. величина 4 стай снизилась, в среднем, до 29,0±17,0 птиц (Белик и др., 2011). Сократились здесь и предмиграционные скопления, и уже в августе 2019 г. на 800 км специальных маршрутов по долине Маныча в Ростовской обл., Ставропольском крае и Калмыкии были обнаружены лишь 2 скопления по 300-600 особей и 3 стаи по 20-90 птиц (Белик и др., 2020).

Охранный статус. Во 2-м издании Красной книги России (2001) красавка переведена из 2 в 5 категорию, как восстанавливающийся вид,

но в новом издании она вновь отнесена ко 2 категории как вид, сокращающий численность (Приказ …, 2020). Включена во все региональные Красные книги Южной России, кроме Карачаево-Черкесии и Адыгеи, где не встречается. В новых изданиях Красных книг Ростовской и Волгоградской обл., Чечни и Дагестана вид переведен из 5 в 2 или 3 категории, поскольку в последние десятилетия там тоже демонстрирует резко выраженные негативные тренды (Белик, 2014; Ильяшенко, Чернобай, 2017).

Уязвимость красавки обусловлена особенностями ее гнездования и питания. К резкому сокращению ареала привела распашка целинных степей в XIX в., а затем в середине XX в. В Прикаспийских степях в 1950-е и 1970-е годы прослежено существенное снижение численности красавки, вызванное интоксикацией зерновыми приманками с фосфидом цинка, применявшимися для борьбы с сусликами (Белик, 1997, 2000а). В конце XX в. популяции красавки начали деградировать из-за зарастания степных пастбищ, оставшихся без домашнего скота вследствие экономического кризиса в России, а затем к этому фактору добавилось сокращение орошения и обводнения полупустынных районов, что лишало птиц искусственных пресных водопоев (Белик, 2015; Ильяшенко, 2019; Белик и др., 2020). Еще одной из причин снижения численности европейских популяций стало массовое, истребительное браконьерство на путях миграции красавок через Саудовскую Аравию (Ильяшенко, 2020).

Семейство **Пастушковые** Rallidae

121. Пастушок *Rallus aquaticus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид почти всех регионов Южной России, лишь в Карачаево-Черкесии и Северной Осетии встречается только на миграциях (Белик и др., 2016). Часть птиц во многих районах, кроме Волгоградской обл. и Калмыкии (Чернобай, 2004а; Цапко и др., 2009), остается на зимовку (Россиков, 1884а; Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Тильба, 1999б; Бичерев, Хохлов, 1988; Белик, 2000а; Гизатулин и др., 2001; Забашта, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014; Моламусов, 2017; Очаповский, 2017; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. В Европейской России распространен номинативный подвид.

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Тихого океана. На юге России обитает на заросших макрофитами равнинных водоемах, лишь местами заходя в предгорья (Белик, 2019), но в Кабардино-Балкарии отмечался и на горных озерах (Моламусов,

2017). Летом встречается также на Черноморском побережье Кавказа (Белик, 2015). Широко распространен в Ростовской обл. и на равнинах Краснодарского края (Белик, 1991; Заболотный, Хохлов, 1992; Очаповский, 2017), в Волгоградской обл., Калмыкии и на Ставрополье встречается спорадично (Artzibascheff, 1859, 2015; Бичерев, Хохлов, 1988; Чернобай, 2004а; Цапко и др., 2009), по Волге к югу доходит до дельты, но отмечается там случайно (Воробьев, 1936; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). В Дагестане гнездится на многих равнинных водоемах (Темботов, Казаков, 1982; Джамирзоев и др., 2014).

Зимует пастушок на юге Евразии, часто встречается также на незамерзающих заболоченных водоемах в предгорьях Кавказа и на Черноморском побережье (Бёме, 1926; Спангенберг, 1951; Тильба, 1999б; Моламусов, 2017), изредка остается на зимовку на Ставрополье, в низовьях Дона, в дельте Волги и в Дагестане (Бичерев, Хохлов, 1988; Забашта, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2014). Мигрирует по ночам, обычно поодиночке, по-видимому широким фронтом через горы (Ткаченко, 1966; Поливанов и др., 2000), осенью в направлении на ЮЗ–Ю–ЮВ, а весной обратно (Курочкин, Кошелев, 1987).

Местообитания. Заселяет труднопроходимые болота, заболоченные кочкарники на лугах, берега озер, прудов и даже небольших дренажных канав в поймах рек, заросших тростником, рогозом или осокой с илистыми отмелями и небольшими прогалинами; на севере обычен также среди заболоченных кустарниковых зарослей ивняка и ольхи. Держится весьма скрытно, выдавая себя весной очень характерными, громкими криками.

Численность. В Европе обитает 157-346 тыс. пар (European birds …, 2017). Для Европейской России указывается от 20-50 до 4-38 тыс. пар, в том числе 15-30 тыс. пар обитает на юге России (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; Атлас …, 2020). Птицы обычны в плавнях Приазовья, на Нижнем Дону, на разливах Кумы и в дельте Терека в Дагестане, но в Поволжье, на озерах Калмыкии и степного Предкавказья они немногочисленны. В Ростовской обл. гнездование пастушка зарегистрировано на 28 квадратах 50×50 км^2, еще на 17 квадратах оно было вероятно, а общая численность птиц здесь рассчитана в 3,4 тыс. пар (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 2000а). На Ставрополье популяция оценена в 250 пар (Бичерев, Хохлов, 1988). В дельте Кубани обилие пастушка составляет в среднем 1 пара/га плавней, но нередко птицы гнездятся там в 20-25 м пара от пары (Заболотный, Хохлов, 1992). В других регионах эти скрытные птицы не учитывались, и их численность неизвестна.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В некоторых регионах относится к охотничьим видам птиц.

122. Погоныш обыкновенный *Porzana porzana* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся вид бассейна Дона и Ставропольской возвышенности; гнездится также на островах в верховьях Волгоградского вдхр. и по р. Еруслан в Заволжье (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Завьялов и др., 2005). В Краснодарском крае, Дагестане, Чечне и Ингушетии, а также в Астраханской обл. гнездование лишь предполагается, а в остальных регионах погоныша отмечали только на миграциях (Белик и др., 2016). Местами зимует на юге Предкавказья (Бичерев, Хохлов, 1988; Джамирзоев и др., 2004; Забашта, 2006).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Умеренный пояс Западной Евразии от Атлантики до Западной Сибири и Байкала. На юге России гнездовой ареал охватывает север Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона (дельта, низовья Маныча, низовья Сев. Донца, Доно-Цимлянские пески) и северо-западные районы Волгоградской обл. в бассейне Среднего Дона (Белик, 1991; The EBCC Atlas …, 1997). Гнездится также на пресных водоемах Ставропольской возвышенности (Динник, 1886; Бичерев, Хохлов, 1988; Ильюх, Хохлов, 2006).

Указания о гнездовании погоныша в дельте Волги (Воробьев, 1936), в Северной Осетии (Бёме, 1926), в степном Предкавказье (Темботов, Казаков, 1982; Атлас …, 2020) не подтверждены фактическими данными и вызывают сомнения, хотя не исключено, что в XX в. этот вид сократил здесь свой ареал, отступив далеко на север. Косвенно это подтверждается исчезновением погоныша на Камыш-Самарских озерах в Волго-Уральском междуречье (Волчанецкий, 1937; Шевченко и др., 1993, 2020; Белик, 2008). Наши же многолетние специальные поиски этих птиц на заросших тростником и рогозом водоемах в различных районах степного Предкавказья и Заволжья, ориентируясь на характерные весенние токовые крики этого погоныша, во второй половине XX – начале XXI в. были безрезультатными (Белик, 1991 и др.; The EBCC Atlas …, 1997). Не найдены гнездовья погоныша и на водоемах Калмыкии (Близнюк, 2004).

Зимует погоныш на юге Евразии и в Африке, куда мигрирует по ночам, обычно в одиночку, широким фронтом через горы (Аверин, Насимо-

вич, 1938; Ткаченко, 1966; Поливанов и др., 2000), направляясь осенью на юг – юго-запад (Курочкин, Кошелев, 1987). В это время птицы часто останавливаются на кормежку и отдых на различных заросших степных водоемах и в горах, местами концентрируясь значительными рыхлыми скоплениями.

Местообитания. Специфичный обитатель заболоченных высокотравных пресных лугов и кочковатых осоковых болот северного типа, с кустарниками, торфяниками, илистыми топями и небольшими прогалинами среди зарослей. Открытых соленых водоемов избегает, не гнездится также среди зарослей тростника и рогоза на глубоких озерах, в плавнях и по берегам рек степного Предкавказья. На пролете останавливается на дневной отдых по заросшим берегам различных водоемов, иногда на лесных болотцах и даже на неубранных полях и в кустарниках (Курочкин, Кошелев, 1987). Держится весьма скрытно, выдавая себя весной очень характерными громкими, отрывистыми посвистами.

Численность. В Европе насчитывают 161-251 тыс. самцов (European birds …, 2017). В Европейской России, в основном в северных регионах, начиная с Воронежской и Саратовской обл., гнездится от 100-150 до 14-130 тыс. пар, в том числе на юге России – 0,5-3,0 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; Атлас …, 2020). В Саратовской обл. популяция оценена в 2,0–5,5 тыс. пар, причем в конце XX в. отмечено значительное сокращение ее численности (Пискунов и др., 2001; Завьялов и др., 2005). В Ростовской обл. пребывание обыкновенного погоныша зарегистрировано на 8 квадратах 50×50 км^2, еще на 4 квадратах оно было вероятно, а общая численность птиц здесь рассчитана в 0,5 тыс. пар (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 2000а). В дельте Дона в мае 1990 г. ночью учтено 7 самцов на 8 км маршрута (~1 пара/км^2) (Белик, 1991). На Ставрополье популяция оценена в 250 пар (Бичерев, Хохлов, 1988). В других регионах на юге России эти скрытные птицы не учитывались, и их численность неизвестна.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В некоторых регионах погоныши относятся к охотничьим видам птиц.

123. Погоныш малый *Porzana parva* (Scopoli, 1769)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид равнинных водоемов всех регионов Южной России, кроме Карачаево-Черкесии (Темботов, Казаков, 1982; Белик и др., 2016). В Северной Осетии гнездился в начале XX в., но сейчас гнездование там неизвестно (Бёме, 1926; Комаров, Липкович, 2000; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Умеренный пояс Западной Евразии от Пиренеев до Западной Сибири. На юге России широко распространен на заросших тростником и рогозом равнинных водоемах, особенно в поймах и плавнях в низовьях крупных и средних рек Предкавказья (Темботов, Казаков, 1982; Белик, 1991, 2004а и др.; Хохлов и др., 1997; The EBCC Atlas …, 1997). По Волге спускается к югу до дельты (Реуцкий, 2014). В предгорья практически не заходит.

Отсутствие находок гнездовий малого погоныша на обширных территориях степного Предкавказья и Нижнего Дона в последнее время (Атлас …, 2020) однозначно связано с пропуском скрытных птиц, обнаруживаемых обычно лишь по своеобразным токовым крикам.

Зимует на юге Евразии и в Восточной Африке, куда мигрирует по ночам, обычно в одиночку, по-видимому широким фронтом через горы (Тильба, Перевозов, 2010), направляясь осенью на юг – юго-запад, но повсеместно встречаясь весьма редко (Курочкин, Кошелев, 1987).

Местообитания. Летом держится обычно на полноводных водоемах с густыми, но фрагментированными зарослями тростника или рогоза, как у берегов, так и на плёсах. Обширных и сплошных зарослей избегает; редок, как правило, и на заболоченных мелководьях. Гнезда чаще размещает в заломах среди рогозовых зарослей (Белик, 1991). Весьма скрытен, но весной и летом выдает себя очень характерными, довольно громкими токовыми квакающими криками-трелями.

Численность. В Европе насчитывается 55,0-82,9 тыс. самцов (European birds …, 2017). Для Европейской России указывалось от 15-35 до 4-36 тыс. пар, в том числе 5-20 тыс. пар гнездится на юге России (Белик, 2005а; Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). В Ростовской обл. гнездование малого погоныша зарегистрировано на 19 квадратах 50×50 км^2, еще на 29 квадратах оно было вероятно, а общая численность птиц здесь рассчитана в 2,2 тыс. пар (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 2000а). На заросших озерах в пойме р. Сал учитывали 1 пару/га; на заросших каналах в дельте Дона отмечали до 2 пар/км маршрута (Белик, 1991). На Ставрополье популяция оценена в 30 пар (Бичерев, Хохлов, 1988). В других регионах на юге России эти скрытные птицы не учитывались, и их численность неизвестна.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. В некоторых регионах погонышей относят к охотничьим видам птиц.

124. Погоныш-крошка *Porzana pusilla* (Pallas, 1776)

Характер пребывания. Редкий гнездящийся перелетный вид, указываемый для дельты Дона и низовий Западного Маныча, дельты Кубани и плавней Восточного Приазовья, дельты Терека и низовий Кумы (Темботов, Казаков, 1982). Но на юге России гнездование подтверждено лишь для Восточного Приазовья (Квартальнов, 2003; Белик и др., 2016). Оно указано также для Волгоградской обл. (Чернобай, 2004а), хотя в более ранних публикациях этот вид там даже не упоминался (Кубанцев, Чернобай, 1982).

Зоогеографические связи. Широко распространенный вид неясного зоогеографического генезиса.

Таксономия. В России гнездится только номинативный подвид.

Распространение. Обитает в умеренном поясе Евразии от Пиренеев до Приморья и Китая, а также в Африке, Австралии, Новой Гвинее и Новой Зеландии. Распространение на юге России выяснено крайне слабо из-за скрытности птиц и большого сходства с малым погонышем, поэтому визуальные регистрации погоныша-крошки в природе недостаточно надежны.

Гнездование установлено в низовьях р. Челбас в Краснодарском крае в плавнях Восточного Приазовья (Квартальнов, 2003). В остальных регионах известно всего несколько случаев добычи птиц в гнездовой период, по которым была определена их видовая принадлежность: 10.07.1908 у Ростова (колл. Зоомузея МГУ); в мае в начале XX в. на Нижнем Дону у стан. Багаевской (Белик и др., 2012); 21.07.1948 в низовьях Маныча (Белик, 1991); в июле 1985 г. в Ставропольском крае и 08.06.1969 в устье р. Самур в Дагестане (Шитиков, 2011); 25.08.1925 в Астраханском уезде (колл. Зоол. ин-та РАН); 23.08.1978 в дельте Волги (Реуцкий, 2014).

Кроме того, 23.06.1991 птица встречена в зарослях тростника у запруды в верховьях р. Сал в Дубовском р-не Ростовской обл. (Белик, 2014; Белик, Коренев, 2020). В 1998-2000 гг. погоныш-крошка гнездился на о. Круглый в верховьях Волгоградского вдхр. у его левого берега на границе с Саратовской обл. (Шаповалова, Завьялов, 2009).

Очень редки эти птицы и в соседних регионах: в Крыму добыты лишь 2 птицы 13.04.1963 и 18.09.1967 (Костин, 1983); в Воронежской обл. мертвая птица найдена весной 1938 г. (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Климов и др., 2004); в Саратовской обл. 2 токовавших самца встречены 04.05.1995 на очистных прудах у г. Энгельс (Завьялов и др., 2005); в Западном Казахстане одна птица добыта на р. Уил в середине октября 1984 г. (Шевченко и др., 1993, 2020). Более обычен этот погоныш лишь на юге Сибири и Дальнего Востока.

Зимует погоныш-крошка на юге Азии и севере Африки. Его миграции изучены слабо. Летят погоныши по ночам, в одиночку, широким фронтом, в основном, по-видимому, на юг – юго-запад, а на местах дневок могут собираться в рыхлые скопления (Спангенберг, 1951; Курочкин, Кошелев, 1987). Визуальная регистрация погоныша-крошки зимой среди агроценозов у Краснодара (Лохман, 2002) связана, по-видимому, с ошибкой в определении птиц.

Местообитания. В плавнях Восточного Приазовья пара погонышей гнездилась среди угнетенных, разреженных зарослей рогоза с редкими куртинами тростника и многочисленными небольшими плёсами (Квартальнов, 2003). В других районах погоныши-крошки гнездятся среди мозаичных зарослей осоки, камыша, рогоза или тростника близ открытых плёсов и прогалин на сравнительно глубоких водоемах, местами на затопленных осоковых кочкарниках среди пресноводных болот (Спангенберг, 1951; Курочкин, Кошелев, 1987). В местах гнездования эти погоныши очень скрытны и их можно достоверно регистрировать только по характерным токовым крикам – коротким сухим трелям «крррррр, крррррррр, …», слышным ночью в тишине за 100-300 м (Джусупов, 1991; Квартальнов, 2003).

Численность. В Европе обитает около 1,0-1,4 тыс. самцов (European birds …, 2017). Для Европейской России указывают от 500-1500 до 250-2000 пар, в том числе для юга России – 5-100 пар (Белик, 2005а; Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). Для Ростовской обл. общая численность рассчитана в 27 пар (Белик, 2000а). В Саратовской обл. предполагается гнездование не более 150 пар (Завьялов и др., 2005). На острове в верховьях Волгоградского вдхр. в тростниково-ивовых лесах обилие птиц в 1998-2000 гг. составляло 0,3-0,4 ос./га (Шаповалова, Завьялов, 2009).

Охранный статус. Погоныш-крошка включен в Красную книгу Ростовской обл. как очень редкий, неопределенный по статусу вид (4 категория) (Белик, 2014). Факторы, лимитирующие его распространение и численность, неизвестны. Возможно, имеет место межвидовая конкуренция с обычным на юге России малым погонышем. В Сибири и Западной Европе, где нет очень похожего малого погоныша, крошка местами довольно обычен, но в последнее время в Европе отмечено сокращение его численности (Tucker, Heath, 1994; European Bird…, 2000; Birds in Europe …, 2004). Вообще же у нас это в какой-то степени загадочная птица, сведений о распространении и экологии которой в Восточной Европе крайне мало. Во многих регионах России погоныши относятся к охотничьим видам.

125. Коростель *Crex crex* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид всех регионов Южной России, распространенный как на равнинах, так и в горах (Белик и др., 2016). В Причерноморье может случайно оставаться на зиму (Джамирзоев и др., 2014).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Западной Евразии от Атлантики до Байкала, а также в Предкавказье и горах Кавказа к востоку до Дагестана (Сатунин, 1907; Красовский, 1932). На юге России широко распространен в бассейне Дона к югу до его низовий; по Волге спускается к югу до ее дельты (Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Близнюк, 2004; Реуцкий, 2014), но в полупустынях и сухих степях Заволжья, Калмыкии и Прикаспия отсутствует. В связи с распашкой степей и пойменных лугов практически исчез на равнинах Западного Предкавказья и Приманычья, образовав дизъюнкцию между европейскими и кавказскими популяциями (Белик, 1991). На Северном Кавказе обитает среди луговых степей в предгорной лесостепи, в поймах степных рек, на Ставропольской возвышенности, а также на влажных лугах в низкогорьях и среднегорьях, местами поднимается в субальпику, а в Приэльбрусье по плато Бичесын вклинивается далеко на юг. Зимует в Африке, куда летит по ночам широким фронтом через горы Кавказа, в большом числе останавливаясь осенью на полях и луговых полянах вдоль Черноморского побережья. Перелет совершает в одиночку, а также группами до 10-15 птиц (Осипов, 1984), а на местах днёвок иногда образует крупные «высыпки» в десятки и сотни птиц. Однажды встречен зимой 19.12.2005 на Черноморском побережье у Адлера (Джамирзоев и др., 2014).

Местообитания. Предпочитает влажные высокотравные луга с разреженными кустарниками в поймах равнинных рек, местами гнездится по сырым днищам степных балок, в некоторых районах освоил поля многолетних кормовых трав (люцерна, эспарцет и др.), изредка встречается также в посевах картофеля и озимых хлебов (Траутвайн, 2004; Очаповский, 2017). Обычен в разнотравных луговых степях северных предгорий Кавказа, а также на высокотравных лугах по склонам гор и днищам ущелий в среднегорьях, в том числе среди бурьянников возле селений, кошар, летних загонов для скота. На Западном Кавказе поднимается на субальпийские луга до 2000-2100 м н.у.м. (Аверин, Насимович, 1938), обычен на сырых лугах плато Бичесын в Приэльбрусье

на высоте до 2400 м н.у.м. (наши данные), а на Центральном Кавказе встречается до 1300-1500 м в Кабардино-Балкарии и до 1600-1800 м в Северной Осетии (Белик, 2016; Моламусов, 2017).

Численность. В Европе общую численность оценили в 1,3-2,1 млн. кричащих самцов (European birds …, 2017), большая часть которых обитает в Европейской России, где насчитывается 1,0-1,5 млн. самцов, в том числе на юге России – 3-8 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; Атлас …, 2020). В Ростовской обл. пребывание коростеля зарегистрировано на 19 квадратах 50×50 км^2, еще на 4 квадратах оно вероятно, а общая численность птиц оценена в 0,5-1,5 тыс. пар и рассчитана в 1700 пар (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 2000а). На Ставрополье гнездится около 500 пар (Бичерев, Хохлов, 1988). В Волгоградской обл. популяция составляет 0,7-1,9 тыс. самцов, а всего на юге России, включая Оренбургскую обл., численность коростеля оценена в 6,3-17,2 тыс. самцов (Mischenko, Sukhanova, 1999; Мищенко, Суханова, 2000).

Обилие птиц на влажных лугах в низовьях Дона составляет 1-4 пары/км^2, а местами – до 10-20 пар/км^2 (Белик, 1996а; Добринов, 2000). Такая же численность и на лугах по Среднему Дону (Белик, 2005). В Северной Осетии на лугах в пойме Терека учтена 1 пара/км^2, столько же птиц было на горных лугах, а в предгорьях на клеверных полях гнездилось до 11 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000). Обилие на лугах Скалистого хребта в Карачаево-Черкесии достигает 2-6-9 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев и др., 2014). В окрестностях Кисловодска в 2004 г. численность составляла в среднем 3,2 самца/км^2, при максимуме 7,5 самца/км^2 на закустаренных сенокосах (Траутвайн, 2004). На субальпийских лугах Кавказского заповедника, по данным дневных учетов, обилие в 2006-2007-2008 гг. составляло 0,06; 3,8 и 2,6 самцов/км^2 соответственно, а общая численность в заповеднике оценивалась в 600–1000 особей с тенденцией к росту (Перевозов и др., 2009).

Охранный статус. Коростель включен в Красные книги Астраханской обл. (3 категория) и Северной Осетии (2 категория). Уязвимость коростеля связана с трансформацией его местообитаний вследствие затопления речных долин водохранилищами, распашки пойменных лугов, их обсыхания в результате выпаса скота. При механизированном сенокосе значительно увеличилась гибель гнезд и самих птиц. Во многих регионах коростель относится к охотничьим видам, и в последнее время на юге России и в Причерноморье наблюдается резкое усиление охотничьего пресса на пролетных птиц.

126. Камышница *Gallinula chloropus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид равнинных водоемов всех регионов Южной России (Темботов, Казаков, 1982; Белик и др., 2016). На незамерзающих водоемах в южных районах часть птиц переходит сейчас к оседлому образу жизни.

Зоогеографические связи. Предположительно тропический вид Афро-Ориентального генезиса, проникающий в Западной Палеарктике далеко на север.

Таксономия. Прежний сложный, политипический вид объединял от 13 до 15 подвидов, распространенных на всех материках, кроме Австралии (Спангенберг, 1951; Курочкин, Кошелев, 1987). Сейчас американские формы выделены в отдельный вид *G. galeata* (Dickinson, Remsen, 2013). В континентальной Евразии, в том числе в России, гнездится только номинативный подвид *G. ch. chloropus* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Обитает в Западной Евразии от Атлантики до Казахстана, в Африке, а также в Южной и Юго-Восточной Азии к северу до Амура. На юге России камышница широко распространена по рекам бассейнов Дона и Волги, в поймах которых имеются лесистые и заросшие макрофитами озера, протоки, ерики и другие водоемы. Повсеместно гнездится на различных заросших водоемах Предкавказья, в том числе в предгорьях, а на полуострове Абрау у Новороссийска проникает на озера и водохранилища в низкогорьях (наши данные). Обитает также на водоемах в низовьях рек Черноморского побережья Кавказа (Тильба, 1999б; Белик, 2015). Отсутствует лишь на соленых, лишенных макрофитов озерах в сухих степях и полупустынях Заволжья и Калмыкии.

Зимует в Западной Европе, в Средиземноморье, Закавказье, Южной Азии и Африке. В XX в. зимовки начали формироваться также на юге России (Россиков, 1884а; Моламусов, 1964, 1966, 2017; Олейников, 1982; Бичерев, Хохлов, 1988; Белик, 1991; Тильба, 1999б; Комаров, Липкович, 2000; Джамирзоев и др., 2014; Очаповский, 2017). В дельте Волги заметное увеличение числа зимующих птиц отмечено с 1980-х годов (Реуцкий, 2014). На зимовку камышницы мигрируют по ночам, по-видимому широким фронтом на запад – юг – юго-восток, пересекая горы Кавказа по ущельям магистральных рек (Джамирзоев и др., 2014). Весной летят обычно парами на значительной высоте, а осенью – одиночками, парами и стайками на более низких высотах (Спангенберг, 1951; Курочкин, Кошелев, 1987).

Местообитания. Обитает на самых различных заросших водоемах, но наиболее характерным гнездовым биотопом служат затопляемые в

паводки озера, ерики и музги в лесистых поймах рек, где птицы, по мере спада воды, устраивают гнезда то на деревьях, то в кустарниках, то среди рогозово-тростниковых куртин, как среди густых лесов, так и на лугах с одиночными ивами и тальниками. В безлесных районах гнездятся обычно среди мозаичных зарослей тростника или рогоза по берегам рек, ручьев, каналов, прудов, и чем плотнее заросли, чем меньше среди них плёсы и прогалины, тем больше камышниц. В аналогичных условиях они гнездятся и на обширных плавневых озерах, покрытых фрагментированными массивами тростника (Белик, 1991). Нередко птицы встречаются на городских водоемах и на различных очистных прудах.

Численность. В Европейской России гнездится до 70-150 тыс. пар, в том числе на юге России – 20-50 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а). В Ростовской обл. гнездование камышницы зарегистрировано на 44 квадратах 50×50 км^2, еще на 10 квадратах оно было вероятно, а общая численность птиц рассчитана здесь в 20 тыс. пар (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 2000а). На Ставрополье популяция оценена в 5.000 пар (Бичерев, Хохлов, 1988). Но численность камышницы сильно колеблется в зависимости от паводкового режима в поймах рек, от состояния растительности болотных макрофитов, а также от конкуренции с лысухой. В пойме Нижнего Дона очень много камышниц появилось в 1979 г., отличавшемся катастрофическим весенним паводком, но в 1980 г., когда паводка не было, их численность там резко упала. А на реках Восточного Приазовья обилие камышниц значительно увеличивается после засух, зарастания обмелевших водоемов тростниками и исчезновения лысух, тогда как в многоводные годы количество камышниц там резко сокращается (Белик, 1991).

В дельте Волги популяция камышниц заметно увеличилась в 1960-1970-е годы после понижения уровня Каспия и зарастания мелководий на взморье куртинно-кулисными зарослями тростника. Обилие птиц там в 1979 г. достигало 25-45 ос./100 га, но позже, в связи с подъемом уровня Каспия, условия гнездования в угодьях предустьевого взморья ухудшились, и камышницы вынуждены были покинуть эти биотопы (Реуцкий, 2014). В 2007-2014 гг., например, весной и летом там учитывали не более 0,05-0,15 ос./100 га (Русанов, 2009, 2013, 2015). В оптимальный же период общая численность камышниц в угодьях предустьевого взморья Волги составляла не мене 3,5 тыс. пар (Русанов, 1984).

Охранный статус. Охранного статуса не имеет. В некоторых регионах относится к охотничьим видам птиц.

127. Султанка *Porphyrio poliocephalus* (Latham, 1802)

Характер пребывания. Гнездящийся, частично оседлый вид побережий Каспия в Дагестане, а также дельты Волги в Астраханской обл., возможно гнездящийся на берегах Каспия в Калмыкии и в пойме Терека на северо-востоке Чечни; изредка залетает в Краснодарский и Ставропольский край, в Северную Осетию и Карачаево-Черкесию (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид, предположительно Ориентального генезиса.

Таксономия. Сложный, политипический видовой комплекс *P. porphyrio* sensu lato (Спангенберг, 1951; Курочкин, Кошелев, 1987; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013) в последнее время разбит на целый ряд более мелких видов, в том числе выделен сероголовый индийский *P. poliocephalus*, включающий каспийскую форму *P. p. seistanicus* (напр.: García-R., Trewick, 2015). В России на Каспии гнездится *P. p. seistanicus* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006), но возможно, что из юго-западной Европы на Черноморское побережье могут залетать черноголовые и чернокрылые *P. porphyrio* sensu str. (Е.А. Коблик, личн. сообщ.).

Распространение. Султанка *P. poliocephalus* распространена в Индии, Пакистане, Ираке и Турции, а также на низменностях Азербайджана, на востоке Грузии и на Российском побережье Каспия. В России она регулярно гнездится на приморских водоемах Дагестана от р. Самур до Кумы (Пишванов и др., 1997; Джамирзоев, 2009; Джамирзоев и др., 2013). Изредка гнездование отмечается в дельты Волги (Реуцкий, 2014), оно вероятно также в тростниках на побережье Каспия в Калмыкии (Убушаев, 2013) и на равнинных озерах по долине Терека в Чечне (Анисимов, 1989). В середине XIX в. султанки гнездились, возможно, также в устьях Кубани, где тогда было добыто несколько птиц (Nordmann, 1840; Сатунин и др., 1913).

В последнее время вновь наблюдается усиление дисперсии султанок в Западное Предкавказье, и сейчас эпизодические встречи с ними всё чаще отмечаются в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии, в Ставропольском и Краснодарском крае (Комаров, 1986; Бичерев, Хохлов, 1988; Зинякова, Платицын, 1990; Хохлов, 1990; Хохлов и др., 1993, 2007, 2008; Хохлов, Ильюх, 2006, 2007; Тильба, 2007; Лохман, 2008). Разлёт султанок, связанный, вероятно, с ростом численности каспийской популяции в последние десятилетия (Белик и др., 2003), по-видимому, идет как из Дагестана на запад через Предкавказье, так и вдоль Черноморского побережья через Грузию (Тильба, 2007; Белик, 2015).

Однажды в конце августа 1998 г. залетная султанка была случайно добыта также на островах Волги в Ровенском р-не на юге Саратовской обл. у границ с Волгоградской обл. (Мосейкин, 2000).

Зимуют султанки, как правило, в местах гнездования, в том числе могут оставаться на зиму и в дельте Волги (Реуцкий, 2014). Их наблюдали зимой также в Восточном Приазовье (Лохман, 2008). Но при наступлении морозов и замерзании водоемов большая часть этих птиц быстро откочевывает к югу (Курочкин, Кошелев, 1987; Пишванов и др., 1997; Убушаев, 2013). Оставшиеся зимовать султанки при ледоставе часто выходят на окраины водоемов, где могут учитываться с берега (Курочкин, Кошелев, 1987).

Местообитания. Заселяет заросшие макрофитами обширные озера, прибрежные лагуны, заболоченные побережья Каспия и труднодоступные плавни в дельтах рек. Предпочитает тростниковые заросли куртинного типа, а также рогозовые болота с небольшими открытыми плёсами. Зимой нередко кормится на открытых берегах, на лугах и полях у водоемов.

Численность. Численность на юге России была провизорно оценена в 500-1500 пар, но позже скорректирована до 200-1000 пар (Белик, 2005а, 2014а). В дельте Волги можно предполагать периодическое гнездование нескольких десятков пар (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Эпизодически султанки встречаются на северо-западном побережье Каспия в Калмыкии (Убушаев, 2013). В Дагестане, из-за колебаний погодных условий в суровые зимы, популяция сильно флуктуирует в диапазоне от 150-200 до 1000 гнездовых пар (Джамирзоев, 2009; Атлас …, 2020). Обилие птиц в тростниковых коблах и плавнях на озерах Азербайджана достигает весной 17-25 ос./100 га, а максимальная численность осенью составляет 50-70 ос./100 га. Но в зимы с продолжительным ледоставом и снеговым покровом от бескормицы погибает 60-90% султанок (Виноградов, Чернявская, 1982).

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) как редкий вид на периферии ареала (3 категория). На юге России занесена в Красные книги Астраханской обл., Чечни и Дагестана (3) и Калмыкии (1 категория). Основным лимитирующим фактором являются холодные зимы, когда при замерзании водоемов султанки вынуждены выходить на сушу и становятся легкой жертвой браконьеров и хищников. Кроме того, на численности птиц сказываются колебания уровня Каспия, вызывающие сокращение или увеличение площади подходящих местообитаний (Виноградов, 2001).

128. Лысуха *Fulica atra* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Обычный гнездящийся, перелетный вид равнинных водоемов всех регионов Южной России (Темботов, Казаков, 1982; Белик и др., 2016). На незамерзающих водоемах в южных районах Предкавказья часть птиц в XX в. стала переходить к оседлому образу жизни, и здесь же у побережий морей располагаются места массовых, но нестабильных зимовок лысух из более северных регионов.

Зоогеографические связи. Вид неясного зоогеографического генезиса. Предположительно связан с Ориентальной областью, откуда расселился в Австралию, а в постплейстоцене – также по Палеарктике, но время, пути и направления этой экспансии не установлены. Близкий африканский вид *F. cristata* может считаться, очевидно, дериватом общего с палеарктическими лысухами предка, проникшего в Африку с востока в доледниковый период через южные районы Евразии.

Таксономия. В континентальной Евразии, в том числе в России обитает только номинативный подвид *F. a. atra*.

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики на западе до бассейна р. Лены, Манчжурии и Приморья на востоке, а также в Южной Азии и Австралии. На юге России широко распространена по рекам бассейнов Дона и Волги, в поймах которых имеются заросшие макрофитами озера, протоки, ерики и другие водоемы. Гнездится повсеместно на различных заросших водоемах Предкавказья; на западе проникает в предгорья (Емтыль и др. 1993; Караваев 2004, 2006; Караваев, Хубиев, 2011; Белик, 2019), но в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии предгорные водоемы не заселяет (Комаров, Липкович, 2000; Моламусов, 2017). Обитает также на водоемах в низовьях рек Черноморского побережья Кавказа (Тильба, 1999б; Белик, 2015). Отсутствует лишь на соленых, лишенных макрофитов озерах в сухих степях и полупустынях Заволжья и Калмыкии.

Зимует в Западной Европе и Средиземноморье, на Черном и Каспийском морях, на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Холодные, нестабильные зимовки периодически формируются у берегов Каспия в Дагестане, а также на побережье Черного моря и в Восточном Приазовье (Комаров, 1985; Брауде, 1990; Тильба, 1999б; Маландзия и др., 2002; Джамирзоев и др., 2004, 2014; Тильба, Мнацеканов, 2014; Очаповский, 2017). В XX в. лысухи начали зимовать местами и на внутренних водоемах Предкавказья (Россиков, 1984а; Динник, 1886; Бёме, 1926; Бичерев, Хохлов, 1988; Комаров, Липкович, 2000; Очаповский, 2017), однако в дельтах Дона и Волги они пока на зимовку не остаются (Белик, 1991; Забашта, Забашта, 2007; Русанов, 2011).

Особенности размещения лысух на гнездовании и зимовках позволили

выделить в Евразии несколько популяций, в том числе азово-черноморскую, распространенную в бассейне Днепра, Дона и Кубани, откуда птицы улетают на зиму в основном в Средиземноморье, на Черное и отчасти на Каспийское море, а также каспийско-западносибирскую популяцию, приуроченную к водоемам бассейна Волги и Терека, Западной Сибири и Западного Казахстана, откуда лысухи мигрируют на зимовки на Каспий, в Месопотамию и в Восточное Средиземноморье (Винокуров, 1961; Миграции …, 1982; Курочкин, Кошелев, 1987).

Пролет птиц идет по ночам, но более интенсивно в вечерние часы, весной он сопровождается голосовыми сигналами. Мигранты держатся в одиночку, парами и стаями; летят они, по-видимому, широким фронтом, в том числе через горы Кавказа (Джамирзоев и др., 2014).

Местообитания. Гнездятся лысухи на различных пресных или солоноватых, стоячих и слабопроточных озерах, прудах, лиманах и лагунах, а также в дельтах рек, поросших бордюрными, куртинными или кулисными зарослями тростника, рогоза, камыша, ежеголовника, осоки и других болотных макрофитов, среди которых имеются открытые плёсы, позволяющие лысухам взлетать с разбега. Предпочитают водоемы с мелководными, хорошо прогреваемыми плёсами, имеющими обильные подводные заросли водорослей. Регулярно гнездятся на рыборазводных и очистных прудах, по заросшим дренажным и сбросным каналам; значительно меньше птиц на глубоководных озерах, прудах, водохранилищах и реках с бордюрными зарослями тростника (Русанов, 2003); заселяют они также затопленные в паводки пойменные леса и кустарники. Сплошных, густых тростниковых массивов лысухи обычно избегают (Белик, 1991).

Численность. В Европейской России в начале XXI в. популяция была оценена в 450-850 тыс. пар, но позже она сократилась до 250-450 тыс. пар; на юге же России в конце XX в. гнездилось 250-350 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005а; Атлас …, 2020). В Ростовской обл. в конце XX в. гнездование лысух было зарегистрировано на 48 квадратах 50×50 км^2, еще на 5 квадратах оно было вероятно; общая же численность птиц оценена в 60-100 тыс. пар, а позже расчет по квадратам дал 54 тыс. пар (Белик, 1991, 2000а; The EBCC Atlas …, 1997). На Ставрополье популяция оценена в 9-10 тыс. пар (Бичерев, Хохлов, 1988; Хохлов, 1993; Хохлов и др., 2004), а в Северной Осетии в конце XX в. гнездилось всего 30-40 пар (Комаров, Липкович, 2000).

В дельте Волги в 1968 г. было учтено около 200 тыс. пар, в 1970 г. – 174,7 тыс. пар, а в 1977-1980 гг. – 196-210 тыс. пар (Кривенко, Кривоносов, 1972; Кривенко, 1991; Русанов, 1984, 1985), но затем из-за повышения

уровня Каспия численность лысух стала там быстро сокращаться, а в 1990-е годы их осталось на взморье совсем мало. Обилие птиц в култучной зоне дельты в 1970-е годы составляло 80-150-212 пар/100 га, а в начале XXI в. на взморье весной и летом учитывали лишь по 0,1-13,9 ос./100 га (Русанов, 1984, 2009, 2013, 2015; Реуцкий, 2014). Аналогичные изменения произошли также на северо-западном побережье Каспия в Калмыкии и Дагестане, где в 1970-е годы гнездилось до 36 тыс. пар, в начале 1980-х годов только в Кизлярском заливе обитало около 15 тыс. особей, а в начале XXI в. там осталось всего 25-50 пар (Русанов, 1985; Джамирзоев и др., 2014, 2017).

Прежде лысуха была многочисленна в дельте Кубани и в Восточном Приазовье (Костоглод, 1968; Тильба, Мнацеканов, 2014; Очаповский, 2017). Здесь в плавнях р. Бейсуг в 1967 г. учитывали 1,27 гнезд/га (Костоглод, 1968); такое же обилие (1,25 пар/га) было в 1970 г. на озерах в пойме Нижнего Дона (Тараненко, 1978). На обширных озерах в долинах Маныча и Сала тогда гнездилось до 200 пар/100 га, на рыборазводных прудах в низовьях Дона – до 50 пар/100 га, а на небольших степных прудах в Северном Приазовье – до 10-20 пар/10 га; местами же отмечались «колонии» с плотностью до 10 пар/га (Белик, 1991).

Однако в течение 2010-х годов в Западном Предкавказье отмечено резкое сокращение численности лысух, и в начале августа 2019 г. на плёсах в обширных плавнях у стан. Каневской, Стародеревянковской и Староминской на реках Челбас, Мигута и Сосыка и на озерах в пойме Дона у Ростова из поезда учли всего 130 лысух, а в плавнях рек Албаши, Ея и Кагальник лысухи не были отмечены вовсе (наши данные).

Кроме гнездящихся птиц, летом с конца мая до начала августа на открытых плёсах озер и прудов по Нижнему Дону, Манычу и Салу держатся большие скопления холостых лысух в сотни и тысячи особей. Обилие холостых птиц на обширных озерах достигает 1000 ос./100 га, а на небольших озерах в долине р. Сал местами отмечалось до 20 ос./га (Белик, 1991).

На зимовки в Краснодарском крае в 1967-1972 гг. собиралось до 21-24 тыс. лысух, но с наступлением морозов они обычно почти все откочевывали к югу (Брауде, 1990). В декабре 2003 г. только на двух лиманах в дельте Кубани насчитали 16 тыс. лысух (Хохлов и др., 2004), а в феврале 2005 г. еще на одном лимане там было учтено до 8 тыс. птиц (Тильба, Мнацеканов, 2014). В Дагестане в Кизлярском и Аграханском заливах Каспийского моря зимой 1981 г. было учтено 77,2 и 21,8 тыс. особей (Русанов, 2016), а позже в Кизлярском заливе зимовало до 10-30 тыс. особей, но в суровые зимы все лысухи отлетают оттуда к югу (Комаров, 1985; Джамирзоев и др., 2014, 2017).

В целом локальные популяции лысухи заметно колеблются по годам в зависимости от гидрологической обстановки на водоемах, что отмечали еще в XIX в. (Номикосов, 1884; Алфераки, 1910), а также от погодных условий на зимовках, иногда вызывающих массовую гибель птиц и трехкратное снижение их гнездовой численности (Фертиков, 1976). Кроме того, численность сокращается после длительных засух, приводящих к обмелению водоемов и разрастанию тростников (Белик, 1991), а также в результате чрезмерного охотничьего пресса и других негативных факторов. Причины нынешнего резкого снижения численности лысух в Западном Предкавказье остаются неясными.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Традиционно относится к охотничьим видам птиц. В дельте Волги в 1960-е годы за осень добывали до 44 тыс. лысух, но в конце XX в. их добыча охотниками снизилась там до 8,7 тыс. особей (Кривенко, 1977; Русанов, 2011). Основными лимитирующими факторами там стал сильный подъем уровня Каспия в 1980-е годы, в результате чего исчезли местообитания лысух на взморье, а также, как и столетие назад, резкое усиление браконьерского промысла птиц в конце XX – начале XXI в. (Русанов, 2011, Реуцкий, 2014).

Семейство **Дрофиные** Otididae

129. Дрофа *Otis tarda* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид бассейнов Дона и Волги, степей Калмыкии и Чечни, а также Тамани и Восточного Приазовья в Краснодарском крае. В степях Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии и Дагестана, а также на Ставрополье дрофа на гнездовании, по-видимому, исчезла, встречаясь там сейчас лишь на миграциях и зимовке (Россиков, 1884а; Ильин, 1905; Бёме, 1925, 1926; Анисимов, 1989; Комаров, Липкович, 2000; Батхиев, Точиев, 2007; Джамирзоев, 2009; Хохлов, Ильюх, 2013; Белик и др., 2016; Моламусов, 2017; и др.). Только на пролете и зимовке она отмечается и в Астраханской обл. (Hablizl, 1782, 2017; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014), а в Адыгею и Карачаево-Черкесию изредка залетает в периоды миграций (Аверин, Насимович, 1938; Караваев, Хубиев, 2013; Белик и др., 2016). Дрофа зимует во всех регионах Южной России, но на севере – нерегулярно (Чернобай, Букреев, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. В Европейской России гнездится номинативный подвид,

а в степях на юге Восточной Сибири обитает *O. t. dybowskii*.

Распространение. Населяет полупустынную, степную и лесостепную зоны Евразии от Венгрии и Украины до Монголии, Забайкалья и Приамурья. Изолированные группировки обитают на западе Ирана, в Турции, а также в Марокко на северо-западе Африки и на Пиренейском полуострове, где находится генетически обособленная популяция (Хрустов, 2009). В прошлом, после вырубки лесов, дрофы расселились с востока по Западной Европе, дойдя до Франции, Британии и Швеции (Мензбир, 1895; Спангенберг, 1951; Исаков, Флинт, 1987). Однако сейчас во многих регионах гнездовья дрофы исчезли, и ее ареал приобрел сильно фрагментированный характер.

На юге России значительные популяции еще сохранились в Крыму, откуда дрофы проникают на Таманский полуостров (Костин, 1983; Бузун, Головач, 1986; Андрющенко, Стадниченко, 1999; Лохман, 2007, 2017; Мнацеканов и др., 2007; Динкевич и др., 2012), а также в Саратовском Заволжье, откуда они заходят на северо-восток Волгоградской обл. (Чернобай, 2003; Завьялов и др., 2005; Чернобай и др., 2011; Белик и др., 2019). На остальной территории Ростовской и Волгоградской обл. и Калмыкии дрофы встречаются сейчас очень спорадично, отдельными парами или небольшими группами, отмечавшимися в последнее время на Среднем Дону, в бассейне р. Чир, в Сальских степях, на Маныче и др. (Близнюк и др., 1980; Белик, 1986, 2004а, 2005, 2014; Белик, Сидельников, 1988, 1989; Емтыль, 2000; Чернобай, 1983, 2003; Близнюк, 2004; Завьялов и др., 2005; Миноранский, 2009; Убушаев, 2013; Музаев и др., 2015; Чернобай, Букреев, 2017).

На Ставрополье в последние десятилетия единичные пары сохранялись преимущественно в полупустынных восточных районах (Хохлов, 1984, 1989, 1990, 1993; Хохлов, Тельпов, 1986; Хохлов, Ильюх, 2013). В Краснодарском крае гнездование предполагается в степях на Тамани, а также в полях северных районов: Ейского, Павловского и Новопокровского (Белик, 1986; Белик, Пекло, 1989; Емтыль, 2000; Лохман, 2007, 2017; Мнацеканов и др., 2007; Динкевич и др., 2012).

Основные зимовки расположены сейчас на юге Украины и в Крыму, куда улетают птицы из Саратовского Заволжья, пересекая Волгоградскую и Ростовскую обл. (Белик, Сидельников, 1988, 1989; Чернобай, 2003; Завьялов и др., 2005; Watzke, 2007; Хрустов, 2009). До середины XX в. очень много дроф зимовало также в Азербайджане и на приморских низменностях на юге Дагестана, куда мигрировали, вероятно, птицы из Калмыкии и Западного Казахстана, в массе пролетавшие прежде через Волго-Уральское междуречье и вдоль северного побережья Каспия (Hablizl, 1782, 2017; Бостанжогло, 1911; Луговой, 1963; Шевченко

и др., 1993, 2020; Русанов, 2011). Но в середине XX в., после исчезновения этих популяций, массовый пролет через Дагестан практически прекратился (Ильин, 1902, 1905; Бёме, 1925; Банников, 1948; Спангенберг, 1951; Пишванов, 1986; Прилуцкая и др., 1995; Белик, 1998, 2000а; Джамирзоев, 2002, 2008; Patrikeev, 2004).

Более или менее регулярно дрофы зимуют сейчас на юге Ростовской обл., в степях Краснодарского края, на севере Ставрополья и в Калмыкии. В прошлом же здесь тоже формировались массовые зимовки дроф, судя по направлению миграций, прилетавших в Предкавказье с севера, а затем, при наступлении морозов, частично отлетавших на юго-восток в Закавказье (Черников, 1881; Россиков, 1884а; Динник, 1886; Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Арков, 1926; Глов, 1926; Близнюк и др., 1980).

В прошлом еще один сравнительно небольшой район зимовок находился в Колхиде, куда дрофы мигрировали вдоль Черноморского побережья Кавказа (Вильконский, 1897; Сатунин и др., 1913; Спангенберг, 1951; Степанян, 1961; Тильба, 1999б, 2006; Очаповский, 2017), вероятно, покидая Крым в очень суровые зимы.

Мигрируют дрофы днем, как правило – невысоко над землей, обычно широким фронтом, но вдоль западного берега Каспийского моря до середины XX в. существовал узкий, мощный пролетный путь. Горы дрофа облетает стороной (Ильин, 1905), однако изредка, случайно залетает в глубь горных ущелий на высоту до 1000-3000 м н.у.м. (Динник, 1894; Бёме, 1926; Красовский, 1932; Аверин, Насимович, 1938; Джамирзоев, 2002). Скорость осенней миграции двух самок из Саратовской обл. на юг Украины изменялась от 100 до 275 км/сут., составив в среднем 125 и 200 км/сут. (Завьялов и др., 2005; Хрустов, 2009).

Местообитания. Гнездится на земле на открытых травянистых равнинах. В сухих целинных степях селится в ковыльниках, скрывающих птиц от опасности, в полупустынных районах избирает обычно влажные, высокотравные пырейные луга, а в распаханных степях давно, еще в XIX в., приспособилась к гнездованию на залежах и полях, как среди зерновых (пшеница, ячмень, просо и др.) и кормовых (люцерна, житняк) культур, так и в посевах поздних пропашных (кукуруза, подсолнечник), и даже на паровых полях.

В лесостепи иногда селится в степных кустарниках по опушкам лесов и лесополос, однако везде явно предпочитает наиболее обширные поля с волнистым рельефом, с небольшими увалами и неглубокими лощинами, без густых лесополос и линий электропередачи. В гнездовой период, как правило, избегает балок и бугристых песков, а также очень

густого высокотравья, покидая свежие бурьянистые залежи и сомкнувшиеся посевы кукурузы и подсолнечника. Групповые токовища весной устраивает обычно на открытых целинных участках с плотным грунтом. На миграциях и зимовке кормится на полях, на луговинах, в целинных степях и т.п.

Численность. Об изначальной численности дрофы на юге России судить сейчас сложно. В литературе XVIII – XIX вв. отмечалось, как правило, что на юге России это обычный вид, особенно многочисленный в период миграций и на зимовках (Hablizl, 1782, 2017; Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1879; Черников, 1881; Россиков, 1884а; Динник, 1886; Мензбир, 1900; Алфераки, 1910; и др.). Но конкретных оценок численности дроф тогда практически не было. Однако о ней можно судить по некоторым косвенным данным. Так, во время массовой миграции дроф в период 18-27.01.1905 **ст.ст.** к югу от Махачкалы, на перемычке шириной 3-4 км между морем и горами, охотники, располагавшиеся в 50-60 шагах друг от друга, производили в среднем по 200 выстрелов в час, т.е. всего за день с 8 до 18 часов – около 1600 выстрелов, или 10-15 на ружье. Таким образом, они все вместе добывали, при 15% результативных выстрелов, до 240 дроф в день, и еще примерно столько же, вероятно, оставляли подранков (Ильин, 1905). Всего же за 10 дней только возле Махачкалы тогда было уничтожено около 5 тысяч дроф, а пролетело, очевидно, до 15-20 тысяч птиц.

Эти ориентировочные расчеты могут отчасти объяснить, наверное, то резкое сокращение численности дроф на зимовках, которое наблюдал К. Габлиц (Hablizl, 1782, 2017, с.12) в Астрахани в конце XVIII в. Он писал, что осенью дрофы летят там на запад и юго-запад большими стаями, а весной возвращаются почему-то «не табунами, а парами». Следует добавить еще, что очень большое количество дроф уничтожалось в прошлом также при периодических гололедицах, когда обмерзших птиц загоняли во дворы и сараи целыми стадами, а затем резали (Ушков, 1877; Мензбир, 1900; Арков, 1926; Гдовский, 1926; Глов, 1926; и др.). Не удивительно поэтому, что уже в конце XIX – начале XX в. на юге России было прослежено заметное сокращение численности дроф (Мензбир, 1895; Алфераки, 1910).

Еще более выраженное падение численности птиц наблюдалось в середине XX в. Отчасти это было связано с массовой распашкой целинных и залежных земель, шедшей параллельно с резким усилением пастбищной нагрузки на остававшиеся целинные участки, что привело тогда к сбою ковыльников и другого высокотравья, к опустыниванию степей (Горбачев, 1974). Одновременно, в связи с появлением автотранспорта, в степях вновь усилилось браконьерство (Спангенберг, 1951).

Наконец, в 1950-е годы в чумных очагах Северо-Западного Прикаспия в практику дератизационных работ вошел фосфид цинка, чрезвычайно токсичный для всех теплокровных животных, что неоднократно приводило к массовой гибели дроф (Белик, 1997, 1998, 2000а).

О масштабах сокращения численности дроф в тот период отчасти свидетельствуют учетные данные по Калмыкии (Близнюк и др., 1980). Так, в начале 1960-х годов там гнездилось не менее 140 пар, выявленных в Сарпинском (4-5 пар), Приютненском (не менее 120) и Городовиковском (15) р-нах, а в начале 1970-х годов там отметили лишь 5-6 случаев гнездования в Приютненском (1), Городовиковском (1-2) и Яшалтинском (3) р-нах. На миграциях в 1971-1975 гг. в Калмыкии весной наблюдали от 182 до 938 дроф, а осенью – от 111 до 190 птиц. На зимовках же, в основном в Каспийском р-не, в те же годы учитывали от 163 до 359 особей.

Сейчас общая численность дрофы в Европе оценивается в 17,1-20,8 тыс. самцов, основная часть которых обитает в Испании (13,8-16,5 тыс. самцов). А в Европейской России популяция дрофы составляет 1370-1800 самцов, или 2500-3000 особей (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Но в конце XX – начале XXI в. только в Саратовской обл., по разным оценкам, насчитывали 4-5 тыс. особей (Завьялов и др., 2005), и еще 1-2 тыс. птиц указывались тогда для юга России (Белик, 2005а).

По данным региональных Красных книг, сейчас в Краснодарском крае, в основном на Таманском полуострове, обитает 10-12 пар, относящихся в крымской популяции (Лохман, 2017); в Ставропольском крае предполагается гнездование 2-3 пар (Хохлов, Ильюх, 2013), но возможно, что эти данные устарели (Белик и др., 2016); в Чечне указывается гнездование 5-7 пар (Гизатулин и др., 2001; Гизатулин, 2007); в Калмыкии, по экспертной оценке, сейчас могут обитать 1-3 пары (Убушаев, 2013; Музаев и др., 2015).

В Ростовской обл. в конце XX в. гнездилось 150–250 пар (Белик, 1996а, 2000а), но современное состояние популяции здесь не контролируется, а ее оценка в 80–150 пар (Миноранский, 2009) может относиться, вероятно, только к юго-востоку Ростовской обл., где проводились исследования, тем более что в тот период в Придонье наблюдался общий рост численности дроф (Белик и др., 2003; Белик, 2004а, 2014а).

Сведения по Волгоградской обл. несколько противоречивы. В начале XXI в. популяция там была определена в 550-600 (или 650-700) особей, в том числе 80-100 гнездящихся птиц, что соответствовало ее удвоению по сравнению с концом 1970-х годов (Чернобай, 2003). Затем численность была оценена в 300-350 взрослых птиц, а по последним данным она вновь составила 550-600 особей, в том числе 260-300

дроф в Заволжье (Чернобай, Букреев, 2004, 2017). Специальные же учеты в заказнике «Дрофиный» в Старополтавском р-не на севере Волгоградского Заволжья, где концентрируется основная группировка местных дроф, позволили выявить в 2010 г. лишь 100 особей, в 2017 г. там было обнаружено 38 птиц, а в мае 2019 г. – только 31 дрофа (Белик и др., 2019). Всего же в Волгоградской обл. сейчас можно предполагать гнездование около 260-300 дроф (Гугуева, Белик, 2013).

Таким образом, общую численность дрофы на юге России в настоящее время можно оценивать, уточняя предыдущие расчеты (Белик, 2014а), примерно в 600-800 особей. Популяции здесь в конце XX в. начали медленно восстанавливаться (Белик и др., 2003; Чернобай, 2003; Белик, 2004а; Миноранский, 2009; Лохман, 2017; Чернобай, Букреев, 2017), но сейчас их численность, по-видимому, стабилизировалась, а местами вновь началось ее сокращение (Белик и др., 2019).

Плотность гнездования дроф в районах традиционного размножения в Саратовской обл. достигает в среднем 1,3 гнезда/км^2, а среднее обилие птиц на полях в оптимальных условиях составляет более 2,4 ос./км^2 в первой половине лета и 3,0 ос./км^2 – в предмиграционный период (Завьялов и др., 2005). Обилие дроф в заказнике «Дрофиный» на севере Волгоградского Заволжья в мае 2019 г. составляло 12,6 ос./100 км^2, а с поправкой на недоучет самок – 19,1 ос./100 км^2, или 9,5 пар/100 км^2 (Белик и др., 2019). Соотношение самцов и самок в популяциях, по данным из Саратовской обл., составляет 1,0 : 1,3 с преобладанием самок (Завьялов и др., 2005), хотя при весенних учетах самки, занятые насиживанием, обнаруживаются обычно значительно реже самцов.

Охранный статус. В Красную книгу России (2001) была включена западная, европейская форма дрофы (*O. t. tarda*) как редкий подвид (3 категория), а восточносибирская дрофа (*O. t. dybowskii*) отнесена к подвиду, сокращающему численность (2 категория). В настоящее время в связи с продолжающимся ухудшением состояния популяций охранный статус обеих форм повышен: *O. t. tarda* – 2 категория; *O. t. dybowskii* – 1 категория (Приказ …, 2020). Дрофа как редкий или исчезающий вид занесена во все региональные Красные книги Южной России, кроме Адыгеи. В Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Ингушетии она считается исчезнувшим видом (0 категория).

Основным лимитирующим фактором является браконьерство, особенно распространенное в прошлом. Кроме того, большую опасность представляют морозные, многоснежные зимы, вызывающие резкое сокращение кормовой базы в районах зимовки, а также зимние гололедицы, приводящие к обмерзанию оперения и утере способности дроф к по-

лёту. Прямое и косвенное негативное воздействие оказывают различные пестициды, сильно сокращающие численность кормовых насекомых и вызывающие иногда массовую гибель самих птиц. Особенно катастрофические последствия имела зерновая приманка с фосфидом цинка, широко применявшимся в середине XX в. для борьбы с сусликами и другими грызунами в степи и на полях (Белик, 1997, 1998, 2000а).

К элиминации дроф ведут также линии электропередачи, на которых птицы нередко разбиваются при перелётах (Аноним, 1877; Прокопенко, 2000; Андрющенко и др., 2002), а также полевые сельскохозяйственные работы, особенно в период насиживания кладок. Гнезда с яйцами, оставленные потревоженными самками, местами разоряют многочисленные грачи, сильно размножившиеся в полезащитных лесополосах во второй половине XX в.

130. Стрепет *Tetrax tetrax* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов, кроме Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии, в которых гнездовья стрепета сейчас исчезли, и он случайно отмечается лишь в периоды миграций; на зимних кочевках птицы появляются также в Адыгее (Батхиев, Точиев, 2007; Караваев, Хубиев, 2013; Белик и др., 2016; Очаповский, 2017). В Предкавказье местами зимует, но в Калмыкии и Астраханской обл. зимой встречается редко и нерегулярно (Хлебников, 1928; Банников, 1959; Самородов, 1981; Близнюк, 1999, 2004; Реуцкий, 2014), а в Ростовской и Волгоградской обл. в зимний период отсутствует (Белик, 2000а; Чернобай, 2004а).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Сейчас рассматривается как монотипический род и вид. Пиренейская группировка прежде выделялась в отдельный номинативный подвид, а восточные популяции получали в этом случае имя *T. t. orientalis* (Бутурлин, 1935; Спангенберг, 1951; Губин, 2007).

Распространение. Населяет степные и полупустынные ландшафты Западной Евразии от Пиренеев и Малой Африки до Алтая и Северо-Западного Китая. Однако в XX в. из-за массовой распашки целинных и залежных земель ареал стрепета на севере и западе степной зоны сильно сократился и приобрел в целом пятнистый, фрагментированный характер. Лишь в конце XX в. началось его частичное восстановление, связанное с климатическими изменениями и кризисом в земледелии и животноводстве в степных районах (Спангенберг, 1951; Исаков, Флинт, 1987; Белик, 2001; Коровин, 2013; Федосов, 2019).

На юге России в прошлом стрепет гнездился в степях повсеместно вплоть до предгорий Кавказа (Динник, 1884, 1886; Караваев, Хубиев, 2013). Сейчас он распространен в бассейнах Дона и Волги, а также в Предкавказье, но в степных районах Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии его гнездование уже не известно. Отсутствует он также в наиболее распаханных районах на юго-западе Ростовской обл. и на большей части Краснодарского и Ставропольского краев, где обитал в XIX – первой половине XX в.

В настоящее время стрепет населяет значительную часть Ростовской, Волгоградской и Астраханской обл., Калмыкию, северную равнинную часть Дагестана, северные районы Чечни, восточные и северо-восточные районы Ставропольского края (Близнюк и др., 1980; Белик, 1986, 1996а, 2014; Белик, Пекло, 1989; Белик, Сидельников, 1989; Чернобай, 2003, 2004а; Маловичко, Федосов, 2006; Гизатулин, 2007; Джамирзоев, Букреев, 2009; Русанов, 2011; Убушаев, 2013; Хохлов, Ильюх, 2013; Лозовская, 2014; Реуцкий, 2014; Музаев и др., 2015; Чернобай, Букреев, 2017; Федосов, Маловичко, 2018). Кроме того, стрепет найден на Таманском полуострове в Краснодарском крае, куда из Крыма проникает, вероятно, его особая таврическая популяция (Андрющенко, Стадниченко, 1999; Лохман, 2017).

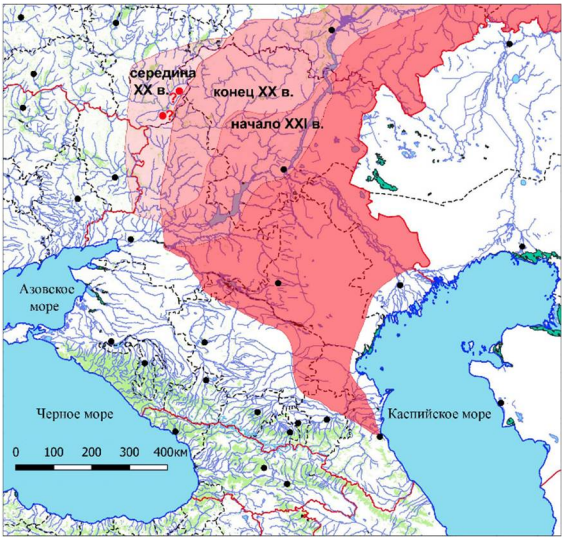


Рис. 42. Схема гнездового ареала стрепета на юге России в разные периоды. Наиболее яркая заливка – область положительных популяционных трендов в конце XX – начале XXI века. Северо-западнее преобладают негативные тренды

В период максимальной деградации ареала во второй половине XX в. рефугиумами для стрепета во многих районах служили большие песчаные массивы на речных террасах и древних аренах Каспия, которые были непригодны для широкой распашки и интенсивного хозяйственного использования. Но в дальнейшем приречные пески в Ростовской и Волгоградской обл. стали повсеместно засаживать сосняками, что значительно сократило площадь пригодных для стрепета местообитаний, а затем способствовало расселению в прежде безлесные степные районы хищников – ястребов и орлов.

В конце XX – начале XXI ст. в сухостепных и полупустынных районах началось восстановление ареала, обусловленное демутацией сильно сбитых пастбищ и зацелинением заброшенных залежей. Но одновременно на севере Ростовской обл. и северо-западе Волгоградской обл. прослежено значительное сокращение ареала, связанное с интенсивным расселением тетеревятника по лесам и лесонасаждениям в этот период (Белик, 1992, 2001, 2003).

Основные зимовки стрепетов волго-донской популяции находятся в Азербайджане (Gauger, 2007), куда летят птицы из Придонья, Поволжья и Западного Казахстана. Их миграция идет через Калмыкию, а затем через Дагестан по узкому коридору вдоль степного побережья Каспия (Пишванов, 1986; Исаков, Флинт, 1987; Близнюк, 1996, 1999; Джамирзоев, Букреев, 2009; Федосов, 2019).

Птицы таврической популяции из Крыма и Тамани мигрируют, вероятно, в Турцию вдоль Черноморского побережья Кавказа, где их пролет прослежен у Новороссийска, Адлера, в Абхазии, Колхиде и Аджарии (Вильконский, 1897; Домбровский, 1913; Птушенко, 1939; Спангенберг, 1951; Тильба, 1999б; Маландзия, 2000). Миграции возобновились здесь в 1990-е годы после длительного перерыва, связанного с почти полным исчезновением крымской популяции (Костин, 1983), и сейчас постепенно усиливаются (Тильба, 1999б, 2006, 2007). В последнее время участились встречи стрепета и на местах зимовки в Турции (Kirwan et al., 2008, 2014). Стрепеты азиатской популяции зимуют на юге Средней Азии, в Иране и ряде других стран Передней Азии (Спангенберг, 1951; Исаков, Флинт, 1987; Губин, 2007; Федосов, 2019).

В теплые зимы часть стрепетов зимует в Западном и Восточном Предкавказье, реже – на юге Астраханской обл. (Хлебников, 1928; Банников, 1948, 1959; Спангенберг, 1951; Джамирзоев, Букреев, 2009; Джамирзоев и др., 2013; Реуцкий, 2014; Лохман, 2017; Очаповский, 2017). Но на высокой, холодной Ставропольской возвышенности стрепеты раньше не зимовали, а в континентальной Калмыкии стали оставаться

на зиму сравнительно недавно в связи с потеплением климата (Динник, 1886; Близнюк и др., 1980; Самородов, 1981; Хохлов, 1984; Близнюк, 1999; Федосов, Маловичко, 2018).

Весной и осенью стрепеты летят только над равнинными районами, обычно широким фронтом, кроме узких коридоров вдоль Черноморского побережья Кавказа и берегов Каспия в Дагестане. Пролет идет, как правило, по ночам на значительной высоте, и в это время птицы регистрируются обычно по свисту крыльев самцов. В горы пролетные стрепеты попадают, вероятно, лишь случайно при непогоде (Бёме, 1958; Джамирзоев и др., 2014), хотя Е.П. Спангенберг (1951) указывал их перелет через Главный Кавказский хребет на высоте до 3500 м н.у.м. Скорость миграционного полёта достигает 75-80 км/час (Верещагин, 1940), но в Калмыкии весной стаи птиц продвигаются на север со средней скоростью по 80-100 км в сутки (Близнюк 1996).

Местообитания. Стрепет – характерный обитатель равнинных целинных степей и полупустынь, но высокотравных ковыльников, а также сильно сбитых низкотравных пастбищ обычно избегает, предпочитая сухие, комплексные, умеренно стравленные степи с пятнами солонцов и дорогами, с сусликовинами, сурчинами и выбросами других землероев, на которых развиваются необходимые кормовые растения. В пустынях гнездится во влажные годы, когда там развивается более густой и высокий травостой. Очень охотно заселяет старые разнотравные залежи с мозаичной растительностью.

Во второй половине XX в. стрепет стал приспосабливаться к гнездованию на полях, сначала среди многолетних кормовых трав (житняка, люцерны), затем на распаханных паровых полях, на жнивье, а сейчас встречается местами и в посевах зерновых (Мосейкин, 1986; Белик, Сидельников, 1989; Белик, 2001, 2004а; Федосов, Маловичко, 2018; Федосов, 2019). Регулярно гнездится в волнистых песчаных степях. По степным балкам встречается только на широких прибалочных склонах.

Численность. В прошлом на юге России стрепет, как и дрофа, считался, как правило, обычной и многочисленной птицей, особенно осенью перед отлетом на зимовку. Но известны также периоды, когда стрепет неожиданно и практически полностью исчезал в степях. Так, в Приманычье в самом начале XX в. птиц было очень много, однако в июне 1917 г. там за 4 дня не встретили ни одного стрепета. То же наблюдали в 1917 г. и в Провальских степях на границе с Луганской обл. (Белик и др., 2012). Очень много стрепетов было в мае 1943 г. в Заволжье, но в 1944 г., задолго до начала кампании по распашке целинных и залежных земель, они там почти исчезли. В том же году стрепеты исчезли

и в Западном Казахстане. Летом 1949 и 1950 гг. этих птиц практически не было в Западном Казахстане, в Поволжье и Манычских степях, что объяснялось необычайно суровыми зимами 1948/49 и 1949/50 гг. в Закавказье, Туркмении и Иране (Спангенберг, 1951а).

Оценки общей численности стрепета в первой половине XX в. выражались, однако, в основном «десятками, сотнями, тысячами» (Исаков, Флинт, 1987), и лишь в 1970-е годы были получены первые конкретные данные о величине отдельных популяций. Согласно специальным учетам, в 1971 г. в бывшем СССР обитало 8 тыс., а в 1980 г. – 6 тыс. особей, хотя предполагалось, что эти оценки были несколько занижены, поскольку только в Кызыл-Агачском заповеднике в Азербайджане на зимовку собиралось иногда до 11 тыс. птиц (Исаков, Флинт, 1987). При этом в Калмыкии продолжалось выраженное падение численности стрепета, и если в 1960-е годы там было известно на гнездовании не менее 150 пар, в том числе в Сарпинском (40 пар), Приютненском (70) и Городовиковском (30) р-нах, то в 1970-е годы были известны только отдельные встречи птиц в Сарпинском и Каспийском р-нах. А на миграциях в 1971-1975 гг. в Калмыкии учитывали всего от 223 до 970 особей весной и от 720 до 1712 птиц – осенью (Близнюк и др., 1980).

Однако к концу XX в. численность стрепета только в Европейской России увеличилась уже до 10-20 или 18-20 тыс. особей, а в начале XXI в. – даже до 30-45 тыс. птиц (Tucker, Heath, 1994; Snow, Perrins, 1998; Мищенко и др., 2004, 2017), что было связано с быстрым восстановлением популяций в Поволжье и Восточном Предкавказье. Сейчас вся европейская популяция насчитывает 61-120 тыс. самцов, большая часть которых (41,5-86,2 тыс.) обитает в Испании (European birds …, 2017). На юге же России численность стрепета оценивалась в 10-15 тыс. особей (Белик, 2014а).

По данным региональных Красных книг, в настоящее время в Краснодарском крае на Таманском полуострове обитает не более 3-5 пар, относящихся к крымской популяции (Тильба, 2007; Лохман, 2017); в Ставропольском крае предполагается гнездование от 2,0-2,5 до 2,4-2,8 тыс. пар (Хохлов, Ильюх, 2012, 2013; Федосов, Маловичко, 2018); в Калмыкии в 2000 г. гнездилось 9,5 тыс. особей, а сейчас насчитывается до 15 тыс. особей, в том числе 10-12 тыс. – на Ергенях (Убушаев, 2002, 2013; Музаев и др., 2015); в Чечне в 1980-е годы насчитывали 100-150 пар (Точиев, Гизатулин, 1990; Гизатулин, 2007), но позже учеты стрепета там не проводили; в Дагестане обитает не менее 400-500 пар (Джамирзоев, Букреев, 2009; Джамирзоев и др., 2013).

В Ростовской обл. в 1980-е годы гнездилось 1,5–2,0 тыс. пар, а в 1990-е –

2,5-3,0 тыс. пар. В начале XXI в. численность стрепета на севере области резко снизилась, но на юго-востоке она стабилизировалась, а местами начался ее заметный подъем и расселение птиц в новые районы (Белик, 1986, 1996а, 2001, 2004а, 2014). В Волгоградской обл. в 1978 г. было учтено всего 450 особей (Кандауров, 1986), но затем популяция в Поволжье стала быстро увеличиваться и к началу XXI в. достигла 2,2-2,5 тыс. пар (Чернобай, 2003, 2004а; Чернобай, Букреев, 2017). Данные же по Астраханской обл. неполные. Стрепет обитает там как на правобережье, так и на левобережье Волги, в ее пойме и даже в дельте (Русанов, 2004, 2011; Реуцкий, 2014); он оказался довольно обычен в Богдинско-Баскунчакском заповеднике, где в 2012 г. гнездилось до 150-250 пар (Белик, 2013), поэтому общую численность в Астраханской обл. можно оценить, как минимум, в 500 пар, а всего на юге России сейчас обитает, очевидно, не менее 30-35 тыс. особей.

Обилие стрепета в гнездовой период сильно варьирует в зависимости от разных факторов. В Саратовском Заволжье в 1974-1985 гг. учитывали от 16 до 57 особей на 150 га целинной степи, а в посевах житняка держалось от 4 до 34 птиц на 100 га (Мосейкин, 1986). В зональных степях Придонья в тот же период обилие птиц колебалось от 0,1 до 0,5 пар/км^2, а в Калачской излучине Дона в 1997 г. насчитывали уже примерно 2 пары/км^2. На Ергенях в Калмыкии в 2013 г. обилие достигло 1,0-1,5 ос./км^2, в сухих же степях в долине Маныча обилие к 2003 г. выросло до 0,3-0,4 самцов/км^2, но в 2004 г. неожиданно упало до 0,1 самца/км^2 (Белик, Сидельников, 1989; Белик, 2001, 2004а; Музаев и др., 2015).

В Приэльтонье в засушливый период 1964-1975 гг. обилие колебалось от 5-8 ос./км^2 в самом влажном 1964 г. до 0,2-0,8 ос./км^2 в умеренно сухие годы, а в засушливые годы стрепетов там практически не отмечали (Линдеман и др., 2005), но в такие периоды они в большом количестве появлялись на севере, в Приуралье (Карамзин, 1901). В последующий влажный период 1976-2001 гг. на Эльтоне во влажные годы учитывали около 10 ос./км^2 и 1,6-2,6 самцов/км^2 (или 0,6-1,0 гнезд/км^2), а в относительно сухие годы число стрепетов снижалось до 1-3 ос./км^2 (Линдеман и др., 2005). Но к 2012 г. численность стрепета даже в полупустынях у оз. Баскунчак увеличилась до 4 пар/км^2 (Белик, 2013).

В песчаных степях в 70-80-е годы XX в. учитывали обычно 1-2 пары/км^2, местами отмечали до 7-10 пар/км^2 и даже до 12-33 ос./км^2, а в посевах люцерны гнездилось до 7-20 пар/км^2 (Пономарева, 1977; Львов, 1983; Белик, Сидельников, 1989; Белик, 2001), однако сейчас люцерна и другие многолетние кормовые травы на юге России практически не культивируются.

В соответствии с флуктуациями численности птиц в районах гнездования, их количество изменяется и на местах зимовок (табл.4). Резкое сокращение популяций стрепета отмечали после очень суровых зим в 1911, 1925, 1929, 1940 и 1949-1950 гг. (Спангенберг, Туров, 1950; Спангенберг, 1951а; Тупикова, Чельцов-Бебутов, 1960; Гаврин, 1962; Белик, 2001), а затем – в 1964 г. (Дроздов, 1967) и 1972 г. (Кривоносов и др.,1972). В течение последующих 30 лет, с 1958 по 1990 г., численность стрепета зимой в Азербайджане пульсировала от 6-8 до 30-100 тыс. особей с тремя четкими минимумами в 1963/64, 1973/74 и 1978/79 гг. и тремя постепенно повышавшимися пиками (зимы 1962/63, 1971/72 и 1990/91 гг.), когда в Азербайджане зимовало, соответственно, 30, 62 и 100 тыс. особей (Белик, 2001). Рост численности птиц на зимовках продолжался и позже, так что в 2005/06 г. там учитывали уже от 150 до 200 тыс. стрепетов (Gauger, 2007).

Таблица 4

Численность стрепета на зимовках в Азербайджане
(по: Белик, 2001, с дополнениями)

Годы	Численность птиц (в тысячах особей)	Источники информации
1958/59	8,0	Иванов, Приклонский, 1965
1959/60	13,0	- " -
1960/61	>15-18	- " -
1962/63	>30	Олигер, 1967
1963/64	8,0	Дроздов, 1967
1966/67	45,3	Михеев, Орлов, 1972
1971/72	62,3	Морозкин, Воробьева, 1977
1972/73	18,2	- " -
1973/74	9,8	Воробьева, 1977
1974/75	13,5	- " -
1975/76	10,5	Воробьева, 1979
1978/79	8,0	Воробьева, 1980
1979/80	6,0	Воробьева, 1986
1980/81	9,0	- " -
1986/87	26,0	Щадилов, Хахин, 1991
1990/91	100,0	- " -
2005/06	150-200	Gauger, 2007

Аналогичная картина прослеживается и на миграциях в Калмыкии (табл.5). Но весьма обширная территория, где останавливаются стрепеты на дневку, и методические трудности тотального учета пролет-

ных птиц не позволяют выявить там столь же четкую динамику численности, как на зимовках (Близнюк и др., 1980; Близнюк, 1996, 1999; Музаев и др., 2015; Федосов, 2019).

Таблица 5

Численность стрепета на пролёте в Калмыкии (по: Близнюк, 1999; Федосов, 2019)

Годы	Весна		Осень	
	Количество дней учета	Учтено птиц за 1 день	Количество дней учета	Учтено птиц за 1 день
1970-1974	36	11,2	50	1,1
1975-1979	36	4,8	79	0,2
1980-1984	14	1,8	–	–
1985-1989	69	64,1	35	0,8
1990-1994	15	196,0	28	52,9
1995-1998	15	38,5	27	28,6

Представленные данные свидетельствуют в целом как об увеличении общей численности стрепета в последние десятилетия, отличавшиеся более теплым и влажным климатом, так и о возможности быстрых, широкомасштабных перераспределений единой волго-донской популяции между отдельными регионами, о сдвиге оптимума ареала на север в особо засушливые годы и, наоборот, о его смещении на юг во влажные периоды (Линдеман, Лопушков, 2004).

Охранный статус. Стрепет включен в Красную книгу России (2001) как редкий вид (3 категория), занесен также во все региональные Красные книги Южной России, кроме Адыгеи. В Северной Осетии и Ингушетии считается исчезнувшим видом (0 категория), а в Калмыкии, Дагестане и на Ставрополье рассматривается как вид, восстанавливающий численность (5 категория).

Основными лимитирующими факторами являются распашка целины и чрезмерно сильный выпас домашнего скота, резко ухудшающие гнездовые местообитания стрепета. Существенное элиминирующее воздействие оказывают браконьерство и пестициды; урон молодняку наносят также летние степные пожары (Линдеман, Лопушков, 2004), но особенно сильно на популяциях стрепета сказываются морозные, многоснежные зимы в районах массовой зимовки, когда резко сокращается кормовая база для многотысячных скоплений птиц (Спангенберг, 1951а; Белик, 2001). Негативное влияние оказывают также полевые сельскохозяйственные работы в период насиживания кладок (боронование, культивация, сенокос), а в последние десятилетия местами сильно проявилось хищничество тетеревятника (Белик, 2001).

131. Дрофа-красотка, джек *Chlamydotis macqueeni* (J.E. Gray, 1832)

Характер пребывания. На юге России очень редкий залетный вид, возможно гнездящийся в Калмыкии и Дагестане (Волчанецкий, 1959; Губин, 2001; Белик, Джамирзоев, 2008; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Джек рассматривается сейчас как монотипический вид (Dickinson, Remsen, 2013). Прежде эта форма объединялась с африканской дрофой-красоткой (*Ch. undulata*) в качестве восточного подвида (Спангенберг, 1951; Степанян, 2003). Замена русского видового имени, предложенная вместо прежнего названия «дрофа-красотка» (Коблик и др., 2006), возможно, более соответствует этой птице. В переводе с казахского языка слово джек (=жиек) значит «окраина», поскольку эти птицы действительно предпочитают своеобразные пограничные местообитания в пустынях: окраины песков, солончаков, невысоких возвышенностей и т.п. (Ковшарь, 1988). Уральские же казаки называли эту птицу «вихляй» благодаря ее свойству «бегать зигзагами, беспрестанно уклоняясь из стороны в сторону» (Карелин, 1875, с.89).

Распространение. Ареал приурочен к пустынному поясу от Передней и Средней Азии до Тувы и Монголии. Изолированный участок ареала сохранился в Турции и Иране, откуда птицы заходят в Нахичевань и Армению (Спангенберг, 1951; Исаков, Флинт, 1987; Губин, 2004). Джек широко заселяет также пустыни Казахстана. На юге России его гнездование возможно в полупустынных и пустынных районах Восточного Предкавказья и Калмыкии, а также в пустынях Заволжья вдоль границы с Казахстаном. Но для Джаныбека, что близ с. Вишневка Палласовского р-на, джек был указан ошибочно (Исаков, Флинт, 1987), поскольку упомянутый в монографии В.Н. Бостанжогло (1911) Джаныбек находится не в Приэльтонье, а в Гурьевской (Атырауской) обл. на северо-восточном побережье Каспия (Линдеман и др., 2005).

В Казахстане близ границ с Астраханской обл. двух джеков наблюдали в типичных гнездовых местообитаниях 15.04.1963 и одиночку – в середине апреля 1991 г. (Шевченко и др., 1993, 2020; Губин, 2004). В XIX – начале XX в. спорадичное гнездование джека отмечали в «Киргизских степях» Астраханской губернии в Заволжье; нередко его встречали и к западу от Волги – у Астрахани, у с. Черный Яр на севере Астраханской обл., в степях Калмыкии, а в мае добывали также на севере Сарпинской низменности у Сарепты (Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Мензбир, 1895; Kracht, 1919, 2014; Хлебников, 1928).

В Предкавказье в первой половине XX в. было добыто 5 одиночных залетных особей: в сентябре 1908 г. молодой самец в предгорьях у Владикавказа (Бёме, 1926); в конце августа 1912 г. у стан. Николаевской Константиновского р-на Ростовской обл. (Белик и др., 2012); 01.11.1914 **ст.ст.** самец в окрестностях стан. Должанской Ейского р-на Краснодарского края (Птушенко, 1915); 05.03.1915 самка севернее Махачкалы (Белик, Джамирзоев, 2008; колл. Зоологического музея МГУ); 15.11.1932 взрослый самец близ Владикавказа (Бёме, 1934). О регулярных весенних миграциях джека в Дагестане в начале XX в. сообщал М.А. Ильин (1905).

В тот же период джеки залетали и на Украину: 30.10.1889 **ст.ст.** старый самец добыт в Богодуховском уезде Харьковской губ., а 12.07.1890 **ст.ст.** самец наблюдался среди обширных песчаных террас Сев. Донца у с. Боровское ниже г. Лисичанск Луганской обл. (Сомов, 1887). В Бердянском уезде в северном Приазовье в течение 1903-1911 гг. джеки были отмечены 4 раза, в том числе 1 раз весной и 3 раза осенью; однажды осенью наблюдали стайку из 3 птиц, а остальные встречи были с одиночными птицами (Костюченко, 1925; Кістяківский, 1957). Где-то в Красноградском р-не на юго-западе Харьковской обл. старый самец добыт 01.11.1926 **ст.ст.** (Гавриленко, 1929). Наконец, близ г. Мариуполь джек был добыт 19.11.1928 и еще 1 особь из пары – поздней осенью 1932 г. (Голіцинський, 1937).

В середине XX в. встречи с джеком на юге России участились. Летом 1951 г. близ пос. Бакрес на востоке Ставропольского края были добыты 2 птицы; в июне 1953 г. в Ногайской степи к востоку от Бакреса добыты 1 самец и 2 самки, у одной из которых в яйцеводе оказалось сформированное яйцо; наконец, 2 птицы добыты в мае 1951 г. близ с. Нарын-Худук в Лаганском р-не Калмыкии (Волчанецкий, 1959). Зимой 1962 г. джека наблюдали на винограднике у Черного моря близ г. Геленджик, а 07.05.1966 стайка из 4 птиц, одна из которых была добыта, встречена на склоне балки на правобережье Кубани в Усть-Лабинском р-не Краснодарского края (Очаповский, 1967, 1986, 2017). Еще 3 особи встречены 09.05.1963 в Ногайских степях Дагестана (Пишванов, Прилуцкая, 1988; Пишванов и др., 1998).

В конце XX в. вновь появились сообщения о встречах джека в Предкавказье и Калмыкии. Летом 1980 г. одиночная птица долго держалась на проселочной дороге среди паровых полей в 7 км к юго-востоку от с. Арзгир Ставропольского края (Хохлов, 1984, 1993); в начале 1980-х годов джека наблюдали близ пос. Ики Манлан в Малодербетовском р-не на севере Калмыкии (Убушаев, Музаев, 2913), а 26.09.1987 кормившийся джек встречен на скошенном поле суданской травы в 15 км

к востоку от пос. Красносельский того же района (В.М. Музаев, личн. сообщ.); 02 и 03.05.1992 на автомаршруте вдоль Кумы в Нефтекумском р-не Ставропольского края и между пос. Рыбачье и Кумской в Калмыкии встречены 1 и 2 токовавших самца (Губин, 2001, 2004).

Наконец, в марте 2003 г. стайка из 7 птиц долгое время держалась в степи и полях в долине оз. Маныч-Гудило близ г. Пролетарск Ростовской обл. (Белик, 2004а); в конце апреля 2016 г. в районе заповедника «Черные Земли» в Калмыкии отмечен токовавший самец (В.М. Музаев, личн. сообщ.), а 12.12.2019 взрослый самец встречен в полынно-злаковой степи в 25 км к юго-востоку от пос. Комсомольский Черноземельского р-на (Эрдненов, Убушаев, 2020). Как оказалось, это была окольцованная птица, выпущенная на Мангышлаке в Казахстане (Б.М. Губин, личн. сообщ.).

В целом создается впечатление, что джек проникает на юг России и Украины в результате каких-то непериодических инвазий или пульсаций ареала, вслед за которыми тянулись «шлейфы» повторных встреч (Белик, Джамирзоев, 2008). Но натурализации, устойчивого закрепления джека на новых территориях не происходило, по-видимому, из-за постоянной элиминации иммигрантов, которую не компенсировало здесь их размножение.

Зимует джек в субтропических пустынях Ближнего Востока и Пакистана. Иногда его отмечают зимой также в Средней Азии и даже в Волго-Уральских песках (Шевченко и др., 1977; Трощенко, 1986; Губин, 2004). Судя по перечисленным выше встречам, джек может зимовать, вероятно, и на Северном Кавказе. Сведений о его миграциях на юге России практически нет. В Казахстане весной птицы появляются в марте - начале апреля. В Дагестане в начале XX в., очевидно, мигрируя с зимовок вдоль западного побережья Каспия, джек ежегодно встречался не ранее конца марта (ст. стиля), но осенью там никем не отмечался (Ильин, 1905). Судя по встрече джека у Махачкалы в 1915 г. (см. выше), птицы могли появляться в Дагестане и в начале марта. По-видимому, пролетная стая случайно залетела в марте также на Маныч в Ростовскую обл.

Отлёт на зимовки в Средней Азии идет в сентябре-октябре. Из Северного Казахстана птицы мигрируют на юг вдоль восточного берега Каспия (Карелин, 1875; Яковлев, 1872, 2015; Губин, 2004). Но часть птиц летит, очевидно, на запад, и именно в это время они обычно появлялись в предгорьях Северной Осетии, на Кубани и Украине. Мигрируют птицы в основном по ночам, особенно в лунные ночи, широким фронтом, небольшими группами или в одиночку, облетая моря и горы (Губин, 2004).

Местообитания. По наблюдениям в северо-восточном Прикаспии и Средней Азии, джек явно предпочитает комплексные, мозаичные пустынные и полупустынные ландшафты с редким кустарником, которые приурочены к окраинам всхолмленных песчаных массивов и закрепленных грядово-волнистых песков, а также к щебнистым шлейфам невысоких пустынных гор и возвышенностей, расположенных вдоль глинистых пустынь, солончаков, соров и такыров, сухих русел ручьев и рек. Местами птицы заселяют также заброшенные, забурьяненные распашки среди пустынь (Губин, 1986, 1991, 2004, 2007; Исаков, Флинт, 1987; Мухина, 1989; Пономарева, 2001; и др.).

Волнистый рельеф на окраинах щебнистых или песчаных гряд, покрытых редким кустарником, при переходе на плоские равнины обеспечивает птицам широкий обзор и необходимые укрытия, улучшает защитные условия, а повышенные участки создают также благоприятные условия для токования. Здесь же значительно возрастает разнообразие растительных и животных кормов, особенно в ранневесенний период. Именно в таких районах джеки наблюдались летом и в Северо-Западном Прикаспии – в Калмыкии, Дагестане и Ставропольском крае. Токовавшие в начале мая самцы держались в грядовых, закрепленных полынью и джузгуном песках вдоль Кумы (Губин, 2001).

Численность. В Средней Азии сейчас обитает не менее 40-60 тыс. особей (Губин, 2007). На юге же России джек сейчас очень редок, но точные сведения о его численности и обилии отсутствуют. По экспертным оценкам, в северо-западном Прикаспии в начале XXI в. гнездилось до 10-20 особей, однако в результате эпизодических инвазий сюда может проникать из Казахстана, по-видимому, значительно больше птиц (Мищенко и др., 2004; Белик, 2005а, 2014а; Белик, Джамирзоев, 2008). А в начале XX в. джек в Дагестане ежегодно весной пролетал «в довольно порядочном количестве» (Ильин, 1905).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) как вид, находящийся под угрозой исчезновения (1 категория). На юге России внесен в Красные книги Калмыкии (4 категория) и Дагестана (1 категория). Охраняется на территории заповедника «Черные Земли» в Калмыкии. В местах гнездования джек очень чувствителен к фактору беспокойства и поэтому избегает освоенных человеком районов. Охота на джека в России, Казахстане и Средней Азии повсеместно запрещена, но его нередко добывают браконьеры (Губин, 1986; Мухина, 1989). Около трети птиц, встреченных на юге России, тоже были добыты охотниками.

Отряд **Ржанкообразные** Charadriiformes
Семейство **Авдотковые** Burhinoidae

132. Авдотка *Burhinus oedicnemus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид степных регионов Южной России; в горных регионах встречается только на миграциях (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель песчано-пустынного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. В Европейской России гнездится номинативный подвид, в Волго-Уральском междуречье интерградирующий с более мелким и светлым, сероватым азиатским подвидом *B. o. harterti* (Степанян, 2003).

Распространение. Северная Африка, Передняя, Средняя и Южная Азия, степи Казахстана, Прикаспия, Предкавказья и Причерноморья, а также Западная Европа. На юге России гнездовой ареал охватывает все степные регионы вплоть до Воронежской и Саратовской обл., но на севере Ростовской и Волгоградской обл. авдотки в последние десятилетия практически исчезли (Белик, 1998, 2014, 2017).

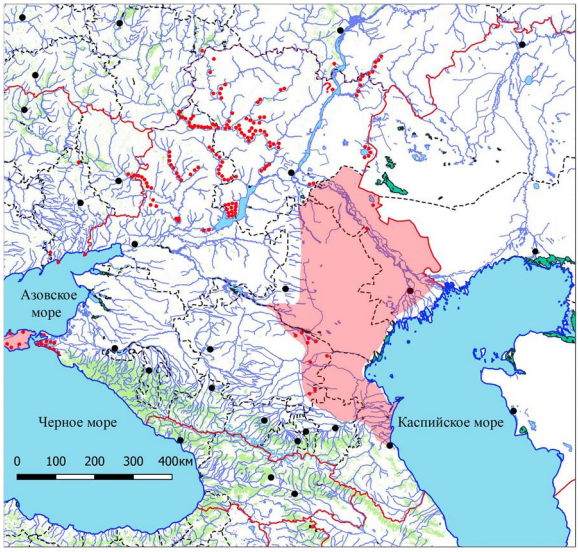


Рис. 43. Современный (заливка) и восстановленный гнездовой ареал авдотки на юге России

В Краснодарском крае птицы гнездятся, по-видимому, только на Тамани, а на Ставрополье по долине Восточного Маныча проникают к западу,

вероятно, лишь до устья р. Калаус (Лохман, 2017; Белик, 2004а). В Восточном Предкавказье распространены в Ногайских песчаных степях Терско-Кумского междуречья в Дагестане, в Чечне и на востоке Ставрополья. Широко населяют также пески, сбитые пастбища и солончаки Калмыкии и песчаные бэровские бугры на юге Астраханской обл. Севернее авдотки гнездятся в основном на песчаных террасах рек бассейна Дона и Волги, а также на дюнных песках в поймах крупных рек.

Зимовки находятся в Северной и Восточной Африке и Аравии. Миграции авдотки совершают небольшими стайками по ночам, летят широким фронтом, преодолевая перевалы Кавказа, а на дневку останавливаются в самых различных открытых местах (Комаров, Липкович, 2000; Маловичко, 2015).

Местообитания. Гнездится в песчаных пустынях и полупустынях с разреженной травянистой растительностью, на сбитых каменистых пастбищах и голых солончаках, а по открытым песчаным террасам рек проникает в северные степи. На Тамани заселяет приморские песчаные дюны, солонцы, культивируемые виноградники. Местами гнездится на пашнях, в садах и молодых лесополосах и на плантациях технических культур с участками голого, обработанного грунта, изредка – в обширных песчаных карьерах (Сулик, 1980; Межнев, 1990; и др.).

Численность. В Европе гнездится 53,4-88,2 тыс. пар (European birds …, 2017), а на юге России в конце XX в. насчитывали всего 7-10-14 тыс. пар, в том числе 5-10 тыс. пар в Астраханской обл., 500-1000 пар в Калмыкии, 200-500 пар в Дагестане, 500-1500 пар в Волгоградской обл., от 300-600 до 700 пар в Ростовской обл., 200 пар на Ставрополье, 150-200 пар в Чечне, 5-15 пар в Краснодарском крае (Белик, 1998, 2000а, 2005а), при этом на северо-западе, в бассейне Дона, наблюдалось заметное сокращение численности (Белик и др., 2003).

В последнее время, особенно в 80-90-е годы, резко сократилась популяция Астраханской обл. (Бондарев, 2004, 2014); численность птиц резко снизилась и в Ростовской, а также в Волгоградской обл., где сохранилось не более 50-70 пар (Белик, 2014, 2017), но в Калмыкии численность заметно возросла – с 500-1000 до 1000-1500 пар (Близнюк, 2004; Музаев, 2013). В Дагестане популяция оценивается в 1000 пар, на Ставрополье – около 200-300 пар, а в Краснодарском крае – от 10-15 до 25-30 пар (Тильба и др., 2007; Федосов, Маловичко, 2007; Джамирзоев, 2009; Хохлов, Ильюх, 2013; Маловичко, 2015; Лохман, 2017). Современная ориентировочная оценка общей численности на юге России составляет 2-3 тыс. пар (Белик, 2014а). По другим оценкам, в Европейской России гнездится 5-10 тыс. пар (Атлас …, 2020).

Обилие в каменистых степях Донецкого кряжа в 1990-е годы составляло

менее 0,1 пар/км^2, а на песчаных террасах в бассейне Дона – от 0,2 до 1,0 пар/км^2 в разных районах (Белик, 1988, 1998), но сейчас здесь птиц почти не осталось (Белик, 2014, 2017). В песках среди ильменей в низовьях Волги в 1963-1973 гг. гнездилось по 72-148 пар/25 км^2 (Слесь, 1977). В песках Терско-Кумского междуречья учитывали 2-3 пары/10 км маршрута, а в солончаковых степях долины Восточного Маныча – 1 пара/40-80 км пути (Хохлов, 1987; Гизатулин, Точиев, 1990).

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) под 4 категорией, но в ее новом издании переведена в 3 категорию редкости (Приказ …, 2020). Сейчас авдотка охраняется во всех регионах Южной России, где она гнездится. В Северной Осетии и Ингушетии считается исчезнувшей (Белик, 2014а). Авдотка весьма уязвима к воздействию ряда лимитирующих факторов. Прежде всего, это сокращение пастбищной нагрузки и увлажнение степного климата, ведущие к зарастанию пастбищ густым высокотравьем, что делает их непригодными для гнездования этих птиц, а также искусственное лесоразведение на песках и хищничество тетеревятника, заселившего пойменные леса и аренные лесонасаждения на севере степной зоны в конце XX в. (Белик, 2003, 2015а).

Семейство **Ржанковые** Charadriidae

133. Тулес *Pluvialis squatarola* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный вид, отмечающийся в большинстве регионов Южной России, кроме горных регионов Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Имеет циркумарктический гнездовой ареал, населяя тундры Евразии и Северной Америки. Зимовки расположены в Западной Европе, Африке, Южной Азии и Австралии. На зимовку птицы мигрируют в основном вдоль побережий Западной Европы, а через степные регионы Южной России они летят широким фронтом, небольшими стайками и в одиночку, останавливаясь по берегам морей, водохранилищ, соленых озер и других степных водоемов.

Местообитания. Гнездится в основном на сухих возвышенных грядах с лишайниками, а кормится в болотистых тундрах (Лаппо и др., 2012). Мигранты останавливаются на кормежку обычно на открытых берегах различных степных водоемов, на солончаках, сырых луговинах.

Численность. На севере Европейской России сейчас гнездится 5-10 тыс. пар, имеющих относительно стабильную численность (Мищенко и

др., 2004, 2017; Атлас …, 2020). На юге России тулес на пролете немногочислен или редок (Казаков и др., 1981; Белик, 1990, 2004а; Хохлов, 1993; Шубин и др., 2001).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). Но особая индивидуальная охрана пролетных тундровых куликов, не испытывающих сейчас негативных трендов, на юге России вряд ли целесообразна и не может дать заметного положительного эффекта (Белик, 2014а).

134. Ржанка бурокрылая *Pluvialis fulva* (J.F. Gmelin, 1789)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России (Белик, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Прежде эта ржанка рассматривалась в качестве западной, азиатской формы политипического вида *P. dominica* s.l. (Гладков, 1951; Козлова, 1961; Степанян, 1975). Сейчас азиатская бурокрылая ржанка выделена в отдельный монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Тундры Сибири и Аляски. Зимует преимущественно в Юго-Восточной Азии, Австралазии и Океании, поэтому в Западную Евразию эти птицы залетают редко. Здесь их изредка регистрировали к западу до Волги и Азербайджана (Мензбир, 1893; Гладков, 1951). Находки залетных птиц известны также на Украине (Кістяківський, 1957) и в Западной Европе (Snow, Perrins, 1998).

Сведения о встречах бурокрылой ржанки в дельте Волги основаны на сообщениях К.Г. Генке (Seebohm, 1882) и В.А. Хлебникова (1928), случайно отмечавших этих птиц на осеннем пролете у Астрахани и в «Киргизских степях» Астраханской губернии. К.Г. Генке длительное время коллектировал там птиц, которые поступали в Европейские музеи, поэтому его сведения основаны, очевидно, на добытых экземплярах. Однако границы Астраханской губернии, где он работал, раньше простирались далеко на север и восток, в связи с чем привязка места встреч бурокрылой ржанки к дельте Волги относительно условна. Кроме того, бурокрылая ржанка была добыта 19.09.1929 у с. Фриденберг Зельманского кантона Республики немцев Поволжья (ныне с. Мирное Ровенского р-на Саратовской обл.) у границы с Волгоградской обл. (Завьялов и др., 2007).

Имеются указания о встречах бурокрылой ржанки также в Восточном Приазовье (Олейников, Харченко, 1964). Но они никак не документированы, а поскольку в определении этих птиц не исключены ошибки, то указанные находки не были признаны (Динкевич, 2002; Тильба,

2004; Аноним, 2005б). Поэтому же бурокрылая ржанка не включена и в обзоры фауны куликов Северного Кавказа, выполненные Н.С. Олейниковым с соавт. (1973) и Б.А. Казаковым с соавт. (1981).

По сведениям В.Г. Кривенко (Кривенко и др., 1998; Кривенко, Линьков, 1999), бурокрылая ржанка в массе мигрирует через оз. Маныч-Гудило. Однако больше никто из исследователей этот вид там не отмечал (Казаков и др., 1981; Демьянова, 1987; Хохлов, 1993; Букреева и др., 1998; Белик, 2004а; и др.). По всей видимости, это указание связано с каким-то недоразумением и должно относиться к золотистой ржанке, хотя и она не может считаться там массовым пролетным видом (см.: Белик, 1990, 2004а). Наконец, имеются неопубликованные данные о встрече стаи бурокрылых ржанок из 50 особей, наблюдавшихся в конце марта 2001 г. в степи в заповеднике «Черные земли» в Калмыкии (Е. Преображенская, М. Мордкович, А. Савин // Летопись природы, 2001). Но и эта регистрация относится, скорее всего, к золотистой ржанке, поскольку достоверно идентифицировать сидящих вдали бурокрылых ржанок визуально практически невозможно (Белик, 2010).

Местообитания. Гнездится в зональных водораздельных тундрах. На пролете держится на открытых местах, на солонцах, луговинах, у степных рек и соленых озер, на полях и рисовых чеках (Гладков, 1951).

Численность. В тундрах Сибири – обычна и многочисленна (Лаппо и др., 2012). Обычна также на миграциях в степном Забайкалье (Белик, 2019). В Европейскую Россию залетает очень редко.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

135. Ржанка золотистая *Pluvialis apricaria* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный вид, отмечавшийся во всех регионах Южной России, кроме Карачаево-Черкесии (Белик и др., 2016). Изредка зимует на Тамани (Лохман и др., 2004).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Белик, 2006а).

Таксономия. В тундрах и лесотундрах Северной Евразии гнездится *P. a. altifrons*, а в Западной Европе и Прибалтике к востоку до г. Тверь на болотах лесной зоны обитает южная ржанка *P. a. apricaria*, очень слабо отличающаяся в брачном наряде (Гладков, 1951; Коблик и др., 2006; Николаев, 2001). Иногда золотистая ржанка рассматривается как монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на севере Евразии от Исландии, Скандинавии, Британии, Польши и Прибалтики к востоку до Таймыра. Зимует

в Западной Европе, в Средиземноморье и на юге Азии. Мигрирует обычно широким фронтом через континент, нередко останавливаясь на кормежку в степи и на полях.

Местообитания. Тундровые, лесотундровые и горно-тундровые ландшафты на севере, а также открытые моховые болота в лесной зоне

Численность. Обычна в тундрах, где обилие составляет 0,1-1,0-1,8 гнезд на 1 км^2, но там оно уступает обилию этих птиц в Прибалтике (Лаппо и др., 2012). Всего на севере Европейской России гнездится 24-95 тыс. пар, в том числе от 1,5-2,0 до 2,1-2,7 тыс. пар подвида *P. a. apricaria* (Николаев, 2001; Мищенко и др., 2004, 2017; Атлас …, 2020). Еще около 1,5-1,6 тыс. пар южной ржанки обитает в Белоруссии и странах Балтии (Николаев, 2001; Никифоров, 2006; и др.).

На миграциях на юге России встречается нерегулярно, случайно, обычно небольшими стаями, хотя однажды на Сарпинских водоемах у Волгограда 30.04.2012 наблюдали скопление отдыхавших птиц до 700-800 особей (Белик и др., 2013).

Охранный статус. В Красную книгу России (2001) включен южный подвид *P. a. apricaria*, обитающий на верховых болотах Прибалтики и Белоруссии, а зимующий в основном в Западной Европе и Западном Средиземноморье. Подвидовая принадлежность птиц, мигрирующих через Южную Россию, не установлена (Белик, 2014а), тем не менее, этот вид занесен в Красные книги Астраханской обл., Краснодарского края и Дагестана (3 категория).

136. Галстучник *Charadrius hiaticula* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Пролетный вид, отмечающийся во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Белик, 2006а).

Таксономия. В тундрах Евразии обитает *Ch. h. tundrae*, а в Западной Европе и Прибалтике гнездится более светлый номинативный подвид (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Населяет тундровую зону Евразии и побережья северных морей, спускаясь к югу до Британии, берегов Балтики и южных районов Белоруссии. Зимует в Средиземноморье, Африке и Южной Азии. На зимовки из европейских тундр летит в основном вдоль берегов Западной Европы (Лаппо и др., 2012), поэтому миграции в Южной России, идущие широким фронтом через степные регионы, выражены слабо, и скопления птиц наблюдаются локально (Казаков и др., 1981; Белик, 1990, 2004а; Хохлов, 1993; Шубин и др., 2001; Иванов, 2008; Околелов и др., 2008).

Местообитания. Гнездится на открытых или слабо заросших галечниковых и песчаных пляжах по берегам рек, озер и морей рядом с мелководьями; нередко заселяет похожие антропогенные биотопы: карьеры, дороги или насыпи у водоемов (Лаппо и др., 2012). На миграциях на юге России останавливается на кормежку обычно по илистым или песчаным мелководьям открытых солёных водоемов.

Численность. Общая численность тундровых галстучников Евразии была оценена в 100-1000 тыс. птиц (Delany, Scott, 2006; цит. по: Лаппо и др., 2012). На севере Европейской России гнездится 25-50 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На юге России пролетные птицы встречаются обычно в одиночку или небольшими группами, редко – большими стаями (Шубин и др., 2001, Иванов, 2008; Околелов и др., 2008).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

137. Зуек малый *Charadrius dubius* Scopoli, 1786

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016). В предгорьях Северного Кавказа изредка остается на зимовку (Казаков и др., 1981; Казаков, Языкова, 1982; Джамирзоев и др., 2018).

Зоогеографические связи. Предположительно, тропический вид Ориентального генезиса, широко заселивший Северную Евразию в постплейстоцене, очевидно, через Западную Палеарктику, где выделился в особый подвид *Ch. d. curonicus*.

Таксономия. В России гнездится только подвид *Ch. d. curonicus*. Два других подвида обитают в Индии и Юго-Восточной Азии (Гладков, 1951; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Евразия, кроме северных районов. На юге России регулярно гнездится по крупным и средним рекам бассейна Дона и Волги, имеющим по берегам открытые пляжи с отмелями. Гнездится также на галечниках по горным и предгорным рекам Северного Кавказа, поднимаясь вверх, по разным данным, до 600-900-1300 м (Емельяненко, 1915; Поливанов, 1986; Комаров, Липкович, 2000) и даже до 2000 м н.у.м. (Моламусов, 2017), но в основном зуйки заселяют реки с широкими пляжами в предгорьях (Степанян, 1954), а также низовья рек на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015; Белик и др., 2017). Обычны эти зуйки также на песчаных и ракушечных островах и косах морей, но на солончаках Восточного Приазовья, долины Маныча, Восточного Предкавказья и Калмыкии они гнездятся редко и спорадично (Очаповский, 1962; Казаков и др., 1981; Хохлов, 1993; Белик, 2004а; Лохман, 2009).

Зимует в Африке и Южной Азии. Миграции, идущие по ночам, на юге

России визуально не прослеживаются. Весной зуйки сразу появляются в гнездовых местообитаниях, а их массовый отлет происходит летом сразу после подъема молодняка на крыло, когда быстро исчезают почти все нормально отгнездившиеся птицы. После этого случайно встречаются лишь задержавшиеся и пролетные особи (Казаков и др., 1981; Белик, 1990).

Местообитания. Гнездится одиночными парами и небольшими разреженными колониями на открытых или слабо заросших травой песчаных, ракушечных, щебнистых и галечных пляжах по берегам и островам рек, озер и морей. Изредка гнездится на илистых побережьях мелководий и на открытых солончаках; нередко заселяет вторичные антропогенные биотопы: карьеры, дороги или насыпи у водоемов.

Численность. В Европе гнездится 134-262 тыс. пар, а в Европейской России в целом насчитывают 40-120 тыс. пар, при этом в последние десятилетия отмечается слабое снижение численности (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в начале XXI в. гнездилось 5-10 тыс. пар, в том числе около 600 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а), при этом численность птиц здесь в целом была, очевидно, относительно стабильна (Белик и др., 2003).

Позже для юга России были представлены оценки только по Краснодарскому краю – 400-500 пар, и Карачаево-Черкесии – 200-300 пар (Лохман, 2009; Караваев, Хубиев, 2013). Обилие на галечниках по р. Белая в Адыгее в 1966 г. составляло 1 пара/км; на р. Уруп гнездились 2 пары на 1 км берега; в среднегорьях Карачаево-Черкесии гнездятся 2-5 пар/10 км русла рек; на р. Подкумок у Кисловодска – 1 пара на 1,5-2,0 км русла; в Северной Осетии – 4-6 пар/км^2 (Степанян, 1954; Казаков, Языкова, 1982; Комаров, Липкович, 2000; Караваев, Хубиев, 2013; Очаповский, 2017).

Охранный статус. Включен в Красные книги Адыгеи и Карачаево-Черкесии (3 категория). На юге России – в горах Кавказа, на побережьях морей и по равнинным рекам – сейчас обитает несколько довольно крупных популяций, не демонстрирующих выраженных негативных трендов (Белик и др., 2003) и в целом пока не нуждающихся в особой охране (Белик, 2014а).

138. Зуек толстоклювый *Charadrius leschenaultii* Lesson, 1826

Характер пребывания. Возможно гнездящийся вид Каспийского побережья Дагестана и Тамани (Бутьев и др., 1989; Букреев и др., 2007; Джамирзоев, 2009; Джамирзоев и др., 2013; Белик и др., 2021) и пролетный на Черноморском побережье в Краснодарском крае (Торгачкин, Динкевич, 2016; Работа …, 2017; Семенова и др., 2019).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Делится на 3-4 подвида, в том числе номинативный *Ch. l. leschenaultii*, обитающий в Монголии, на Алтае и в Туве, а также *Ch. l. crassirostris*, населяющий Казахстан, Среднюю Азию и, возможно, Восточное Закавказье, откуда проникает на север в Дагестан (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). В Турции, Иране и Сирии гнездится *Ch. l. columbinus* (Dickinson, Remsen, 2013), очень похожий на центрально-азиатские подвиды монгольского зуйка *Ch. mongolus* (Hirschfeld et al., 2000; Garner et al., 2003), что и ввело в заблуждение экспертов при определении впервые наблюдавшейся в России одиночной птицы, сфотографированной у Новороссийска 23.04.2016 (Работа …, 2016, 2017). Похожих на *Ch. l. columbinus* птиц несколько раз наблюдали там и в последующие годы (Семенова и др., 2019; Белик и др., 2021).

Распространение. Обитает в Малой, Передней, Средней и Центральной Азии, а также в Казахстане и Восточном Закавказье. В Южную Россию проник, по-видимому, относительно недавно в ходе расселения из Азербайджана, где гнездится в Гобустане (Бутурлин, 1934; Patrikeev, 2004; Букреев, Джамирзоев, 2005). Сейчас по Каспийскому побережью он достиг дельты Терека (Джамирзоев, 2009).

Судя по регулярным встречам этих зуйков весной 2016-2021 гг. на Суджукской лагуне у Новороссийска, они могут гнездиться также на Тамани (Работа …, 2017; Попович и др., 2019; Семенова и др., 2019; Белик и др., 2021), залетая иногда на пролете и в другие регионы Южной России, в том числе на Маныч (Белик, 2010). Зимуют они на побережьях морей в Южной Азии, Африке и Австралии. Миграции на юге России наблюдались вдоль берегов Каспия.

Одиночных пролетных толстоклювых зуйков в Дагестане весной отмечали 13.04.1891; 28.04.1912; 22.03.1977; 07.04.1978; 04.05.2013, а на обратных миграциях – 08.07.2016 и 19.10.(год?) (Козлова, 1961; Бутьев и др., 1989; Белик, 2010; Джамирзоев и др., 2013; Вилков, 2017). На Суджукской лагуне в Цемесской бухте птицу подвида *Ch. l. columbinus* впервые встретили 23.04.2016 (Торгачкин, Динкевич, 2016; Работа …, 2017). Там же 20.04.2018 была сфотографирована самка толстоклювого зуйка, а 12-21.04.2019 наблюдали 2 самок (Попович и др., 2019). Вновь одиночный зуек был сфотографирован на лагуне 02.04.2021, а 06.04.2021 там обнаружили сразу 4 особей, в том числе 1 самца (Белик и др., 2021).

На Чограйском водохранилище на Восточном Маныче группа из 3 зуйков, предположительно определенных как *Ch. l. columbinus*, встречена

однажды 21.09.2010 В.Н. Федосовым (Белик, 2010). Одиночных зуйков наблюдали также 26-27.05.2002 у г. Феодосия в Крыму и 03.05.2002 на Центральном Сиваше (Бескаравайный, 2002; Черничко, 2010, личн. сообщ.).

Местообитания. Гнездится обычно вдали от водоемов в пустынях и сухих нагорьях преимущественно среди щебнистых и глинистых равнин с редкой, чахлой растительностью. В Восточном Закавказье в Гобустане найден в полынно-солянковых пустынях среди грязевых вулканов (Букреев, Джамирзоев, 2005). Аналогичные местообитания представлены и на Тамани. На миграциях часто придерживается берегов водоемов и песчаных отмелей.

Численность. В районах регулярного гнездования в Средней Азии обычен (Гладков, 1951; Долгушин, 1962). Численность *Ch. l. crassirostris* на зимовках оценивается в 25-100 тыс. особей, а популяция *Ch. l. columbinus* составляет, очевидно, не более 10 тыс. особей, в том числе 800-1200 пар, гнездится в Турции (Rose, Scott, 1994; Delany et al., 2009). Общая численность на юге России провизорно оценена в 1-5 пар (Белик, 2014а). Но сведения о возможном гнездовании в Южной России ограничиваются пока лишь одной встречей пары тревожившихся взрослых птиц, наблюдавшихся 05.05.2007 в Сулакской бухте на Каспии в Дагестане. Птицы держались на песчаном пляже с небольшими пятнами солончаков и редкой травянистой растительностью (Букреев и др., 2007а, 2007б). В Цемесской бухте у Новороссийска в апреле-мае 2016-2021 гг. единовременно учитывали до 4 особей, с тенденцией к увеличению численности в последние годы (Белик и др., 2021).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Дагестана (4 категория). В особой охране нуждается, вероятно, лишь на региональном уровне. В Красном списке МСОП-2014 отнесен к категории LC (вид, вызывающий наименьшие опасения).

– **Зуек монгольский** *Charadrius mongolus* Pallas, 1776

Характер пребывания. Вид, ошибочно включенный в фауну Южной России на основе регистрации одиночной, неверно определенной залетной особи на берегу Черного моря в Новороссийске (Белик и др., 2016; Торгачкин, Динкевич, 2016; Работа …, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель арктоальпийского фаунистического комплекса Арктического типа фауны.

Таксономия. Включает 4-5 подвидов, распадающихся на две группы, которым сейчас иногда придают видовой статус (см.: Garner et al., 2003; Ильяшенко, 2020). Формы, населяющие горные тундры и морские по-

бережья на северо-востоке Азии (Чукотка, Камчатка, Становой и Верхоянский хребты) и имеющие слабо развитый половой диморфизм (*mongolus*, *stegmanni*), составляют одну группу, а формы, обитающие на Памире и Тибете (*atrifrons*, *pamirensis*), самки которых отличаются от самцов более тусклым нарядом, входят в другую группу.

Распространение. Гнездится в Центральной и Северо-Восточной Азии. Зимует в Южной Азии. Залетные птицы несколько раз регистрировались в Западной Европе (Snow, Perrins, 1998).

Местообитания. Озерные и речные долины в высокогорьях Центральной Азии, а также гольцовые тундры и морские побережья на востоке Сибири. Зимой держатся на морских побережьях.

Численность. Относительно обычен на Памире (Абдусалямов, 1971), обычным видом считается и на северо-востоке Сибири (Лаппо и др., 2012).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

139. Зуек каспийский *Charadrius asiaticus* Pallas, 1773

Характер пребывания. Возможно гнездящийся краеареальный перелетный вид, прежде отмечавшийся на гнездовании в Калмыкии, вероятно гнездившийся также в Волгоградской и Астраханской обл., в Ставропольском крае, Чечне и Дагестане (Белик, 2001; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Ареал ограничен пустынями Казахстана и Средней Азии, откуда птицы заходят в Северный Прикаспий и, вероятно, в середине XX в. проникли в долину Маныча и Восточное Предкавказье к югу до предгорий Дагестана (Белик, 2001). Гнездовья впервые на юге России были найдены в 1950 г. в Калмыкии в районе оз. Маныч-Гудило (Спангенберг, 1952; Федосов, Белик, 2010), а также в Казахстане у границ с Волгоградской и Астраханской обл. (Яковлев, 1874, 2016; Линдеман и др., 2005). В других же районах Калмыкии, Ставропольского края, Чечни, Дагестана, Астраханской и Волгоградской обл. отмечали зуйков, тревожившихся у гнезд, гнездовые пары и птиц в гнездовых местообитаниях (Волчанецкий, 1959; Варшавский, 1965; Анисимов, 1989; Хохлов, 1993; Джамирзоев, 2009; Федосов, 2013; Шубин, Иванов, 2017).

Зимовки располагаются в Восточной и Южной Африке. Миграции туда идут обычно по ночам и визуально не прослеживаются.

Местообитания. Гнездится отдельными парами и разреженными коло-

ниями в глинистых пустынях и полупустынях с низким, редким травостоем и пятнами голого грунта, часто также на солончаках, иногда вдали от воды, но тяготеет к местам выпаса скота. В степных районах тесно связан со сбитыми солончаками в озерных котловинах, где преобладают редкие солянки. На кочевках держится по берегам озер, отмелям, сырым лугам, грязям, часто в местах выпаса скота.

Численность. Мировую популяцию в конце XX в. оценивали в 10-100 тыс. особей (Rose, Scott, 1994), а сейчас – в 40-55 тыс. особей (Атлас …, 2020). На юге России численность этого зуйка на основе имевшихся сведений была определена тогда в 200-500 пар, но в начале XXI в. наша оценка сократилась до 50-250 пар, а с учетом новейших данных и собственных исследований в Заволжье можно говорить лишь о 10-50 парах (Белик, 1998, 2001, 2005а, 2014а), однако сейчас и эти цифры могут быть завышенными (Атлас …, 2020).

Охранный статус. Очень редкий, уязвимый вид, находящийся в России на грани исчезновения. Был включен в Красную книгу России (2001), но из нового издания этот вид выведен как предположительно исчезнувший на территории России (Приказ …, 2020). Однако встречи птиц в конце XX - начале XXI ст. в Дагестане, Калмыкии и Заволжье (Чернобай, 2004а; Джамирзоев и др., 2013; Федосов, 2013; Музаев и др., 2015; Вилков, 2017; Шубин, Иванов, 2017) позволяют предполагать возможность гнездования отдельных пар на юге России, а также в Саратовской обл., где птиц отмечали в 1980 и 1996 гг. в Александрово-Гайском р-не (Мосейкин, 2000; Земляной, Мосейкин, 2000).

Каспийский зуек формально охраняется во всех регионах Южной России, где обитал в XX в. (Волгоградская и Астраханская обл., Ставропольский край, Калмыкия, Чечня и Дагестан). Отступление ареала на восток, в Казахстан, связано, вероятно, с увлажнением степного климата, сокращением пастбищной нагрузки в степях в последние десятилетия и зарастанием солонцов и солончаков густым высокотравьем, непригодным для гнездования этих птиц (Федосов, Белик, 2010).

140. Зуек морской *Charadrius alexandrinus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид, обитающий во всех регионах Южной России, кроме горных районов Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. В Европейской России гнездится номинативный подвид.

Три остальных маргинальных подвида населяют Цейлон, Юго-Восточный Китай и Сахалин (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Южная Евразия, север Африки, Индия и Китай (Dickinson, Remsen, 2013). На юге России гнездится в южных районах Ростовской и Волгоградской обл. к северу до дельты Дона, Волгоградской Сарпы и оз. Эльтон, а также в Астраханской обл., в Калмыкии и в степных районах Предкавказья. Зимует на морских побережьях южной Азии и Африки. Мигрирует по ночам, и пролет визуально не прослеживается (Белик, 1990). Большие предмиграционные скопления формируются в Восточном Приазовье, на Тамани, Маныче, Сарпинских озерах и Эльтоне (Очаповский, 1962; Казаков, Языкова, 1982; Шубин и др., 2001; Иванов, 2008; Околелов и др., 2008).

Местообитания. Гнездится обычно рассредоточенными колониями на открытых, низменных морских побережьях и на солончаковых берегах озер пустынно-степного пояса.

Численность. В Европе численность этих зуйков была оценена в 21,5-34,8 тыс. пар (European birds …, 2017), а для юга России в конце XX в. указывалось до 1-2 тыс. пар, но сейчас эта оценка представляется заниженной, поскольку только в Ростовской обл., в основном на Маныче, тогда обитало около 1 тыс. (Белик, 2000а, 2005а). В тот период повсеместно наблюдалось заметное сокращение численности (Белик и др., 2003), но затем она стала постепенно восстанавливаться (Федосов, 2008).

Судя по современным региональным данным, в Ростовской обл. гнездится менее 100-150 пар; в Волгоградской – не более 100-120 пар; в Калмыкии – около 500 пар; в Дагестане – 70–100 пар; в Краснодарском крае – не более 200-300 пар; в Ставропольском – от 230 до 1000 пар (Федосов, 2008, 2013; Хохлов, Ильюх, 2013; Белик, 2014; Лохман, 2017; Шубин, Иванов, 2017; Вилков, 2020). Сведения по Астраханской обл. отсутствуют. Можно полагать, что всего на юге России сейчас обитает, ориентировочно, около 2,0-2,5 тыс. пар. По другим данным, в Европейской России гнездится 0,9-1,1 тыс. пар (Атлас …, 2020).

Охранный статус. В связи с заметным сокращением численности в последние десятилетия (Белик и др., 2003), этот уязвимый вид, гнездящийся колониями на земле среди пастбищ, занесен в Красные книги Волгоградской и Ростовской обл., Краснодарского края и Калмыкии (2 категория), Астраханской обл. и Дагестана (3 категория), а также Ставропольского края (5 категория). Сейчас морской зуек под 3 категорией редкости включен также в новое издание Красной книги России (Приказ …, 2020).

141. Хрустан *Eudromias morinellus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Найден на гнездовье в XX в. в высокогорьях Кабардино-Балкарии и гнездится, вероятно, в горах Адыгеи (Белик, Данченко, 1977; Перевозов, 2008). Гнездование не исключено и в других высокогорных районах Кавказа. Летом хрустан встречен также в полупустынях Заволжья, где допускается возможность его гнездования (Белик, Пименов, 2008). В других регионах Южной России эти птицы отмечаются только на пролете (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель арктоальпийского фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид, представитель монотипического рода.

Распространение. Населяет тундры на севере Евразии, а также горные хребты Урала, Восточной и Южной Сибири, Кавказ, Альпы, Пиренеи и др. В прошлом указывалось гнездование также в пустынно-степном поясе Казахстана (Seebohm, 1882; Зарудный, 1888; Волчанецкий, 1937). Одиночный самец встречен 27.06.2005 в злаково-полынной степи в Волгоградском Заволжье севернее оз. Эльтон, значительно позже окончания весенних миграций (19 мая) и задолго до начала осеннего пролета (9 сентября) (Белик, Пименов, 2008). Кроме того, в Заволжье в Астраханской губернии в XIX в. однажды было найдено гнездо с кладкой и добыта птица с наседным пятном (Seebohm, 1882).

На Кавказе гнездо со слабо насиженной кладкой найдено 07.07.1972 в Кабардино-Балкарии на перевальном водоразделе между Череками Безенгийским и Балкарским под Скалистым хр. на высоте около 3000 м н.у.м. (Белик, Данченко, 1977), а 25.06.2008 на плато Лагонаки в Адыгее на высоте 2350 м н.у.м. встречены 3 хрустана, проявлявшие признаки тревоги (Перевозов, 2008). Кроме того, гнездование хрустанов весьма вероятно в Приэльбрусье, где самец был добыт 16.03.1884 **ст.ст.** (Lorenz, 1887, 2010), а две стайки из 5 и 2 птиц встречены 01.05.2013 (Маловичко, 2013). Какие-то ржанки, возможно – молодые хрустаны, наблюдались также в августе 1881 г. в верховьях Баксана (Динник, 1884, с.23).

Зимуют хрустаны на севере Африки и в Передней Азии, куда мигрируют небольшими стайками широким фронтом через степные регионы Южной России. Более узкий пролетный путь недавно выявлен на востоке Калмыкии (Корольков и др., 2012). Птицы летят там в основном на юго-восток в сторону Каспия (Демьянова, Кукиш, 1990).

Местообитания. Для гнездования в Арктике предпочитает сухие, щебнистые лишайниковые тундры с пятнами голого грунта на выположенных склонах или увалах, избегая болот, высокотравья и кустар-

ников (Лаппо и др., 2012). Обширные низкотравные злаково-лишайниковые пустоши в альпийском поясе избираются для гнездования и в горах. На миграциях останавливается на кормежку в полях или в пустынно-степных ландшафтах, обычно вдали от водоемов.

Численность. Общая численность хрустана в Евразии оценивается в 50-220 тыс. птиц (Delany, Scott, 2006; цит. по: Лаппо и др., 2012), для Европейской России указывали от 2-14 до 1,5-5,0 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Атлас …, 2020), а кавказская популяция была оценена нами в 1-10 пар (Белик, 2005а). Новые данные, а также непосредственное знакомство с высокогорьями Кавказа в последнее время позволяют предполагать, что здесь может гнездиться не менее 10-50 пар. На севере в конце XX - начале XXI в. отмечено выраженное снижение численности (Томкович, 2007; Лаппо и др., 2012; Мищенко и др., 2017). До 70-80-х годов XX в. хрустан очень массово, иногда стаями до 200-400 особей, мигрировал через полупустыни Калмыкии и Заволжья, но позже его численность очень резко, быстро и повсеместно снизилась (Спангенберг, 1951а; Демьянова, Кукиш, 1990; Белик, 2004а; Линдеман и др., 2005).

Охранный статус. В связи с заметным сокращением популяций в Арктике, хрустан включен в новое издание Красной книги России под 4 категорией (Приказ …, 2020). Вслед за этим он занесен в Красную книгу Дагестана (3 категория). В других регионах Южной России особая охрана хрустана до сих пор не предусмотрена. Особую угрозу для хрустана в степных районах представляют провода ЛЭП, о которые часто разбиваются стаи низко летящих птиц (Корольков и др., 2012).

142. Кречетка *Chettusia gregaria* (Pallas, 1771)

Характер пребывания. Возможно гнездящийся, исчезающий перелетный вид, прежде отмечавшийся на гнездовье в Волгоградской обл. и вероятно гнездившийся в Ростовской и Астраханской обл., в Калмыкии и Дагестане (Орлов, Фенюк, 1927; Варшавский, 1965; Казаков, 1983; Белик, 2003; Джамирзоев и др., 2013; Белик и др., 2016). В Калмыкии и на востоке Ставрополья в сентябре ежегодно формируются массовые кормовые скопления мигрантов из Казахстана (Маловичко и др. 2006; Федосов, 2014).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид, представитель монотипического рода.

Распространение. Степная зона Евразии, в прошлом – от Украины, Придонья и Поволжья до Восточного Казахстана и к северу до Саратовской и Самарской обл. (Гладков, 1951). Сейчас гнездится в основном

в Северном Казахстане. В Оренбургской обл. резкое сокращение численности произошло в середине 1990-х годов (Давыгора, 2019), а на юго-востоке Саратовской обл. в те годы отмечены последние встречи (Завьялов и др., 2007). В Волгоградской обл. в середине XX в. кречетки гнездились на правобережье Волги в Камышинском, Дубовском, Калачевском и более южных р-нах (Птушенко, 1949; Гладков, 1951; Чернобай, 2004а). Имеются неподтвержденные сведения о гнездовании 5 и 16 пар в 1998 г. в Волгоградском Заволжье (Чернобай, 2000; Чернобай и др., 2000). Но в течение 2002-2012 гг. в Волгоградской обл. кречётка была встречена уже лишь однажды 25.07.2009 на Эльтоне (Гугуева, Белик, 2013; Шубин, Иванов, 2017).

В Ростовской обл. последние, предположительно гнездовые кречетки отмечались в 1955 г. на степных лиманах у стан. Егорлыкской, а позже – на Маныче близ г. Пролетарск: 08.05.1962 (4 ос.) и 26.08.1968 (12 ос.) (Казаков и др., 1981; Казаков, 1983). На Маныче в Ставропольском крае стаи кречеток встречали 06.04.1982 (10 ос.), 23.07.1990 (8 ос.) и в июле 2004 г. (несколько птиц), что позволяет предполагать возможность их эпизодического гнездования там еще в недавнем прошлом (Белик, 2004а). В Чечне кречетки изредка отмечались на гнездовье в степях Наурского и Шелковского р-нов, где в апреле 1963 г. обилие достигало 5,8 ос./км^2, а в 1987 г. – 0,7 ос./км^2 (Анисимов, 1989). В Дагестане в 1990-е годы предполагалось гнездование небольших групп и одиночных пар в районе Бажиганских песков и у Аграханского залива (Вилков, 1998), а на Темиргоевских озерах 30.05.2001 встречены 4 тревожившиеся птицы (Джамирзоев и др., 2013).

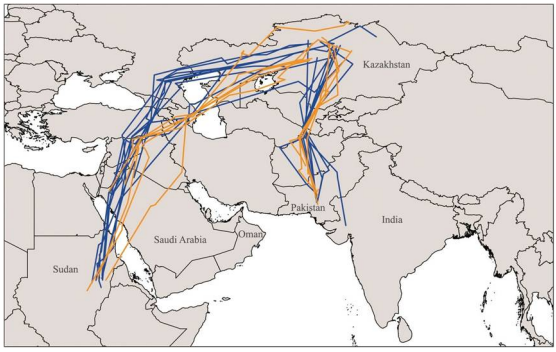


Рис. 44. Миграционные треки кречетки на западном и восточном пути (https://twitter.com/RSPBScience/status/1346142048324300803/photo/2)

Зимуют кречетки в основном в пустынях на северо-востоке Африки (Судан), а также в Пакистане и Индии. В Африку из Казахстана осенью

они летят через Калмыкию и Турцию, останавливаясь стаями на кормежку в Кумо-Манычской впадине (Sheldon et al., 2012; Федосов, 2014). Осенние миграции идут, вероятно, в основном ночью и визуально не прослеживаются. Весной транзитные стаи летят вдоль западного побережья Каспия в раннеутренние часы на высоте от 10 до 70-80 м (Бутьев и др., 1989; Джамирзоев и др., 2013).

Местообитания. Гнездится в сухих степях и полупустынях с низкой растительностью и пятнами голой земли, обычно недалеко от водопоев; часто заселяет сбитые пастбища в окрестностях хуторов, иногда селится на сухих солончаках возле озер, а также на лишенных растительности полях и залежах.

Численность. В конце XX в. численность кречеток на юге России, на основе имевшихся тогда данных, оценивали в 10-50 пар; в начале XXI в. наша оценка, с учетом сведений из Волгоградской обл. (Чернобай, 1992, 2000, 2004а; Чернобай и др., 2000), была повышена до 50-100 пар. Но затем, принимая во внимание новейшие материалы из разных регионов и собственные исследования в Заволжье, эту оценку пришлось снизить до 5-50 пар (Белик, 1998, 2005а, 2014а). Однако сейчас и эти цифры следует считать, очевидно, завышенными, и для Европейской России указывают уже не более 10-20 пар, демонстрирующих резкие негативные тренды (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020).

Мировую популяцию сейчас оценивают в 24 тыс. особей, но лишь 100-120 особей обитают в России (Sheldon et al., 2012; Donald et al., 2021). На осеннем пролете в Кумо-Манычской впадине в 2009 и 2010 гг. учитывали 1.582 и 4.929 кречеток, в среднем 158-259 птиц в день и 81-83 особи за 1 встречу. Но в 2013 и 2014 гг. там учли всего 156 и 186 птиц, в среднем 8-19 птиц в день и 13-14 особей за 1 встречу (Федосов, 2014).

Охранный статус. Включена в Красную книгу России (2001) как исчезающий вид (1 категория) и охраняется во всех регионах Южной России, где встречается на гнездовании и пролете: в Волгоградской обл., в Калмыкии и Дагестане (1 категория), а также в Астраханской обл. (4 категория). Сокращение ареала и численности кречетки связано сейчас в основном, вероятно, с увлажнением степного климата, сокращением пастбищной нагрузки в степях в последние десятилетия и зарастанием степных солонцов густым высокотравьем, непригодным для гнездования и кормежки птиц, а также с высыханием степных водоемов и другими факторами (Белик, 2003, 2014а, 2015а).

143. Чибис *Vanellus vanellus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный, частично зимующий вид, обитающий во всех регионах Южной России, кроме горных

ландшафтов Северного Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в умеренных широтах Северной Евразии от Атлантики до Приморья. На юге России распространен повсеместно у водоемов в равнинных районах степной и полупустынной зон, реже гнездится в предгорьях Северного Кавказа.

Зимовки располагаются в основном в Западной Европе и Средиземноморье, на севере Африки и в Южной Азии, нередко чибисы зимуют в Предкавказье, иногда залетают зимой в горы (Ткаченко, 1966). Через юг России идут массовые миграции, направленные, по наблюдениям на Дону, на север и восток весной и на юг и запад осенью. Птицы летят стаями в течение всего дня, а также ночью (Белик, 1990).

Местообитания. Луга и болота в поймах рек и по берегам степных озер, прудов, водохранилищ; степные лиманы, луговые понижения и солончаки среди степей и полупустынь, местами гнездится среди песков и на сухих солонцах, а также на пашнях и жнивье поблизости от водоемов.

Численность. В Европе гнездится около 1,6-2,6 млн. пар, а в европейской части России численность оценивали от 600-1100 тыс. до 500-850 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На юге России в начале XXI в. гнездилось 10-50 тыс. пар, в том числе около 20 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а). При этом наблюдалось резкое сокращение численности почти по всей Южной России (Белик и др., 2003; Белик, 2004а; Лохман, 2009), но современные оценки численности здесь отсутствуют. В массе мигрирует через Южную Россию, пролетая стаями по 10-50-100 особей, а на кормежке осенью собираясь в скопления до 200-500 птиц (Белик, 1990). На зимовке обычен на низменностях вдоль Черноморского побережья и в Дагестане (Тильба, 1999б; Букреев и др., 2018, 2019), изредка встречается зимой в Предкавказье (Иванов, Чунихин, 1959; Казаков и др., 1981; Хохлов, 1993; Джамирзоев, 2000; Комаров, Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001).

Охранный статус. Чибис нуждается в повсеместной охране как эстетичный, знаковый, индикаторный ландшафтный вид луговых пастбищ.

144. Пигалицабелохвостая *Vanellochettusia leucura* (M.H.K. Lichtenstein, 1823)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид Прикаспийских регионов Дагестана, Калмыкии и Астраханской обл., куда птицы

сравнительно недавно проникли из Азербайджана и Казахстана (Черничко, 2003; Белик и др., 2008), и залетный вид Волгоградской обл., Ставропольского и Краснодарского края и Северной Осетии (Хохлов, 1993; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид, представитель монотипического рода.

Распространение. В прошлом обитала в Передней и Средней Азии, откуда во второй половине XX в. птицы заселили Малую Азию, Закавказье и Восточное Предкавказье, Прикаспий и Причерноморье, а область залетов распространилась на всю Западную Европу (Черничко, 2003). На юге России пигалицы впервые встречены в 1873 г. у Сарепты (Волгограда) и в 1931 г. в дельте Волги (Мензбир, 1895; Воробьев, 1936). На гнездовье в дельту Волги птицы проникли из Казахстана к 1980 г. (Белик, 1989), а в 1990-е годы в дельте и в Западных подстепных ильменях к северу до г. Нариманов они гнездились уже регулярно (Архипов и др., 2003; Русанов, Бондарев, 2004; Реуцкий, 2014).

В Дагестане пролетные пигалицы впервые встречены в 1987 г. в дельте Самура (Бутьев, Лебедева, 1989), а в 1990-е годы они уже гнездились в дельте Терека (Вилков, 1998; Вилков, Пишванов, 2000; Джамирзоев и др., 2000, 2013; Джамирзоев, 2009). В Калмыкии птицы с 1999 г. гнездятся на Состинских озерах в Черноземельском р-не, в 2006 г. найдены на р. Кума, а сейчас достигли Чограйского вдхр. (Иванов, Шубин, 2001; Квартальнов, 2003; Цапко, 2007; Белик и др., 2008; Федосов, 2013; Динкевич, Стахеев, 2015) и изредка появляются в Ставропольском крае (Хохлов, 1993; Маловичко, 2016). В настоящее время численность и ареал пигалицы на юге России, по-видимому, временно стабилизировались.

Зимуют птицы в Южной Азии и в долине Нила. Миграции отмечаются вдоль западного побережья Каспия (Джамирзоев и др., 2013).

Местообитания. Гнездится спорадично, небольшими колониями обычно на заболоченных солончаках по берегам озер, приморских лагун и мелководных заливов, лишенных зарослей макрофитов, где широко распространены илистые мелководья и пятна голого грунта.

Численность. В начале XXI в. численность в Европе оценивали в 560-5.100 пар (European birds …, 2017), а на юге России гнездилось около 25-50 пар, демонстрировавших выраженные положительные популяционные тренды в связи с быстрым расширением ареала (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). В настоящее время в Дагестане гнездится 25-30 пар, в Калмыкии – от 10 до 30 пар и, очевидно, не менее 10 пар – в Астраханской обл. (Русанов, Бондарев, 2004, 2014; Джамирзоев,

2009; Федосов, 2013; Реуцкий, 2014), всего не менее 50-70 пар.

Охранный статус. Включена в Красные книги Астраханской обл., Калмыкии и Дагестана (3 категория). Пигалицы – редкие птицы, гнездящиеся колониями на земле среди пастбищных угодий, яркие, крикливые, доверчивые в гнездовой период, весьма уязвимые для браконьеров и хищников и поэтому нуждаются в особой охране, по крайней мере – на региональном уровне.

145. Чибис украшенный *Lobivanellus indicus* (Boddaert, 1783)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Восточного Предкавказья (Мельгунов и др., 1988, 1989; Полозов и др., 1990; Белик, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса.

Таксономия. В Передней Азии и Туркмении гнездится подвид *L. i. aigneri*, который, очевидно, отмечался и в Предкавказье (Коблик и др., 2006). Однако следует указать на отсутствие подтверждающих описаний наблюдавшихся птиц (Полозов и др., 1990) или их неполное соответствие данному виду (Мельгунов и др., 1988, 1989), что может вызывать определенные сомнения в их идентификации. Так, у птицы, встреченной на Ставрополье, указаны красные ноги, которые у украшенного чибиса в действительности ярко-желтые. А красные ноги имеет похожий *Lobivanellus tectus*, распространенный в Африке и отмечавшийся как залетный на Ближнем Востоке (Snow, Perrins, 1998). Нельзя исключить залеты в Предкавказье также и черноногого шпорцевого чибиса (*Hoplopterus spinosus*).

Распространение. Гнездится в субтропических и тропических районах Азии от Аравии и Ирака до Индокитая, а на север до Ирана и Туркмении (Гладков, 1951). Залетных птиц наблюдали в Ставропольском крае и Дагестане: 28.08.1982 в верховьях р. Айгурка одна особь держалась в стае чибисов *V. vanellus* (Мельгунов и др., 1988, 1989), а 24.04.1984 одиночная птица встречена на Аграханском полуострове в 40 км к северу от пос. Сулак (Полозов и др., 1990). Кроме того, залетная птица была отмечена 24.05.1956 в устье р. Акуша на юго-западном побережье Каспия в Кызыл-Агачском заповеднике Азербайджана (Иванов, 1976).

Местообитания. Сырые луга, болота и орошаемые земли с богатой растительностью в долинах рек и по берегам озер в степных и пустынных районах (Гладков, 1951; Козлова, 1961; Флинт и др., 1968).

Численность. В Туркмении редок, в более южных частях ареала местами весьма обычен (Гладков, 1951; Рустамов, 2013). На юге России возможны встречи единичных залетных птиц.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

146. Камнешарка *Arenaria interpres* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Немногочисленный пролетный вид степных регионов Южной России, не регистрировавшийся пока в Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Белик, 2006а).

Таксономия. Север Европы и Сибири к востоку до Таймыра заселяет номинативный подвид, который, вероятно, пролетает и через Южную Россию, однако подвидовая принадлежность мигрантов здесь не установлена.

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, гнездясь в основном на побережьях северных морей. Зимует обычно по морским берегам Африки, Южной Азии и Австралии. Через Южную Россию идет слабо выраженный пролет, во время которого птицы останавливаются на отдых по берегам морей и других водоемов во всех степных регионах. В горных районах не регистрировались (Белик и др., 2016).

Местообитания. Гнездится в основном на каменистых, сухих берегах морей и на лишайниковых каменистых островах. На миграциях придерживается обычно открытых берегов различных водоемов, изредка встречается на болотах, а на зимовке кормится в основном по берегам морей.

Численность. На севере Европейской России гнездится от 3-17 до 0,5-5,5 тыс. пар, не демонстрирующих негативных популяционных трендов (Мищенко и др., 2004, 2017; Атлас …, 2020). На юге России мигранты немногочисленны или редки как весной, так и осенью, встречаясь в одиночку или стайками по 2-7, иногда до 15-20 особей, редко – больше (Казаков и др., 1982; Белик, 1990; Хохлов, 1993; Реуцкий, 2014).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). Но особая индивидуальная охрана пролетных тундровых куликов, не испытывающих сейчас негативных трендов, на юге России вряд ли целесообразна и не может дать заметного положительного эффекта (Белик, 2014а).

Семейство **Шилоклювковые** Recurvirostridae

147. Ходулочник *Himantopus himantopus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид всех степных регионов Южной России, кроме предгорий Кабардино-Балкарии, где

гнездился в недавнем прошлом (Белик, 2001; Белик и др., 2016; Забелин, Рогожин, 2014; Шевцов, 2018).

Зоогеографические связи. Пантропический вид, гнездящийся на всех континентах, кроме Антарктиды.

Таксономия. В России гнездится только номинативный подвид.

Распространение. Гнездится в Америке, Африке, Австралии и Южной Евразии, откуда проникает в умеренные широты Западной Евразии. На юге России обитает во всех степных регионах, но в северных районах Ростовской и Волгоградской обл. встречается редко и спорадично; редок также в предгорьях Северного Кавказа. Гнездовые концентрации приурочены к дельтам и поймам крупных рек, к долине Маныча и побережьям Азовского и Каспийского моря (Белик, 2001).

Зимует в Африке и на юге Азии. Миграции идут в основном, по-видимому, ночью и поэтому выражены слабо. Летят птицы обычно небольшими стайками, молча, на большой высоте, и весной появляются в большом числе сразу на местах гнездования. Весной пролет идет вдоль Дона на восток, а осенью – на запад; значительная часть птиц мигрирует также в меридиональном направлении.

Местообитания. Гнездится обычно колониями, реже одиночными парами на илистых мелководьях пресных и солоноватых озер с кочками и куртинами травы, на открытых, заболоченных берегах рек, лиманов, прудов, водохранилищ, очистных сооружений, а также на рисовых чеках.

Численность. В конце XX в. на юге России гнездилось 4-8 тыс. пар, в том числе 1-3 тыс. пар в Ростовской обл., 100-500 пар в Волгоградской обл., 800-1200 пар в Краснодарском крае, 700-1300 пар на Ставрополье, 500-1500 пар в Калмыкии, 200-300 пар в Дагестане и 40-50 пар в Чечне (Белик, 1998, 2005а).

По последним региональным оценкам, в Ростовской обл. обитает около 1 тыс. пар, в Волгоградской – 500-700 пар, в Астраханской – значительно более 1,0-1,2 тыс. пар, в Калмыкии – 2,0-2,5 тыс. пар, в Дагестане – около 1,2-1,5 тыс. пар, на Ставрополье – более 3 тыс. пар, в Краснодарском крае – не более 1,1 тыс. пар (Джамирзоев, 2009; Цапко и др., 2009; Хохлов, Ильюх, 2013; Эрдненов, 2013; Бондарев, 2014; Савицкий, 2014; Лохман и др., 2017; Шубин, Иванов, 2017). В целом, при общем заметном росте численности, на юге России отмечаются резкие, периодические колебания локальных популяций в связи с динамикой гидрорежима водоемов. Общая численность птиц здесь может быть оценена сейчас в 10-15 тыс. пар (Белик, 2014а; Атлас …, 2020).

Охранный статус. Был включен в Красную книгу России (2001), но из ее нового издания выведен ввиду роста численности и расселения по

территории России (Приказ …, 2020). Однако на юге России ходулочник как очень уязвимая, яркая, крикливая, доверчивая у гнезд птица, держащаяся в колониях по берегам водоемов рядом с пастбищами, подлежит особой охране почти во всех регионах, в которых обитает. Выведен он лишь из нового издания Красной книги Дагестана (2020).

148. Шилоклювка *Recurvirostra avosetta* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид степных регионов Южной России, нерегулярно зимующий в Дагестане и на Тамани (Белик, 2001; Джамирзоев, 2009; Джамирзоев и др., 2013, 2018; Белик и др., 2016; Лохман, Лохман, 2017; Букреев и др., 2019).

Зоогеографические связи. Предположительно тропический вид Африканского генезиса, который, по-видимому, вторично проник также в Палеарктику в области Древнего Средиземья.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Южная и Восточная Африка, Западная Европа, Средиземноморье и пустынно-степной пояс Евразии к востоку до Забайкалья и Монголии. На юге России спорадично гнездится на лиманах Таманского полуострова и Восточного Приазовья вплоть до дельты Дона, затем по долине Маныча, а также на многих соленых озерах Прикаспийской низменности от дельты Сулака и низовий Терека в Дагестане и Чечне до подстепных ильменей в низовьях Волги и Сарпинских озер у Волгограда, а в Заволжье – на Большом лимане у г. Волжского, на оз. Булухта и Эльтон (Белик, 1996а, 2001, 2014; Чернобай, 2004а; Джамирзоев, 2009; Русанов, 2011; Лохман, Лохман, 2017; Шубин, Иванов, 2017).

Кроме того, изолированные гнездовья регистрировали в верховьях Цимлянского вдхр. и в верховьях р. Сал (Чернобай, 1992, 2004а; Белик, 1996, 2003, 2014), а в 1992-2002 гг. несколько пар гнездилось на лимане среди песков в низовьях р. Еруслан у с. Новая Квасниковка Старополтавского р-на и в соседнем Ровенском р-не Саратовской обл. (Мосейкин, 2000; Чернобай, Васильев, 2003).

В 1990, 2003 и 2012 гг. одиночные пары гнездились также на соленых озерах в долине Сев. Донца в Славянском р-не Донецкой обл. (Писарев, Корсун, 1994; Пилипенко, 2014). Заметное расширение ареала шилоклювки на север произошло в середине XX в. в связи с ирригационными и гидротехническими работами в степной зоне (Белик, 2001). Но в северных районах Ростовской обл. и на северо-западе Волгоградской обл. эти птицы отсутствуют.

Зимует шилоклювка в основном в Африке и Южной Азии, изредка остается на зиму также в Дагестане и на Тамани (Джамирзоев и др., 2013;

Лохман, Лохман, 2017; Букреев и др., 2018). Миграции хорошо выражены на западном побережье Каспия; на Маныче наблюдали осенний пролет на восток; большие предмиграционные скопления формируются также на лиманах Тамани и Восточного Приазовья, особенно на оз. Ханское (Казаков и др., 1982; Белик, 1990; Джамирзоев и др., 2013; Лохман, Лохман, 2017).

Рис. 45. Известные места гнездования шилоклювки на юге России и Украины

Местообитания. Гнездится обычно рыхлыми колониями на островах и по берегам соленых и солоноватых озер и лиманов пустынно-степного пояса, с которыми птицы связаны трофически, кормясь в основном галофильным рачком артемией (*Artemia salina*) на мелководьях.

Численность. В конце XX в. на юге России гнездилось 1,5-2,5 тыс. пар, в том числе около 100 пар в Ростовской обл., 10-50 пар в Волгоградской обл., 600-800 пар в Краснодарском крае, 100 пар на Ставрополье, 200-500 пар в Калмыкии и 50-150 пар в Дагестане (Белик, 1998, 2005а). По последним региональным оценкам, в Ростовской обл. гнездится около 100 пар, в Волгоградской – 200-300 пар, в Астраханской – около 100 пар, в Калмыкии – 700-800 пар, в Дагестане – около 100-200 пар, на Ставрополье – не более 300 пар, в Краснодарском крае – 1,0-1,2 тыс. пар (Джамирзоев, 2009; Хохлов, Ильюх, 2013; Эрдненов, 2013; Бондарев, 2014; Белик, 2014; Лохман, Лохман, 2017; Шубин, Иванов, 2017). Таким образом, общая численность на юге России составляет

сейчас около 1,5-2,0 тыс. пар. По другим оценкам, в Европейской России гнездится 3-4 тыс. пар (Атлас …, 2020). Популяции шилоклювки, по-видимому, относительно стабильны, но демонстрируют резкие, локальные асинхронные флуктуации численности (Белик и др., 2003).

Охранный статус. Как редкий вид (3 категория) включен в Красную книгу России (2001); охраняется во всех регионах Южной России, в которых шилоклювка обитает, как очень уязвимая, яркая, крикливая, доверчивая у гнезд птица, гнездящаяся колониями по берегам водоемов рядом с пастбищами.

Семейство **Кулики-сороки** Haematopodidae

149. Кулик-сорока *Haematopus ostralegus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид крупных речных долин степных регионов Южной России, кроме континентальных районов Ставрополья, а также предгорий Чечни и Ингушетии (Белик, 2011; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Палеарктический вид неясного зоогеографического генезиса.

Таксономия. По современным представлениям (Dickinson, Remsen, 2013), этот вид включает 4 подвида, распространенных в отдельных регионах Евразии от Исландии и Пиренеев до Камчатки и Кореи: на морских побережьях Западной и Северной Европы (*H. o. ostralegus*), на Дальнем Востоке (*H. o. osculans*), а также в Казахстане (*H. o. buturlini*). На равнинных реках и берегах морей в Восточной Европе и Западной Сибири, в том числе на юге России обитает материковый подвид *H. o. longipes* (Степанян, 2003).

Распространение. В Южной России спорадично гнездится по берегам Дона и его крупных притоков: Хопра, Медведицы, в низовьях р. Чир, местами, возможно, по Сев. Донцу, а также по Волге вниз до дельты. Кроме того, населяет косы Восточного Приазовья и лиманы Тамани, местами встречается по берегам и на островах Каспия. В узкой полосе предгорий Северного Кавказа обитает на широких, открытых галечниковых островах и косах по крупным рекам (Кубань, Малка, Чегем, Черек и Терек) (Белик, 2011). Одиночная птица встречена 29.05.1989 также на галечном островке реки Лаба у с. Кошехабль в Адыгее (Динкевич, Мнацеканов, 2013.), где тоже не исключено ее гнездование.

Местообитания. Гнездится на голых или слабо заросших песчаных, ракушечниковых или галечных пляжах и косах по берегам и островам рек, озер и морей. На миграциях иногда встречается также по илистым берегам степных озер.

Численность. В конце XX в. на юге России гнездилось 250-600 пар, в

том числе 20-50 пар в Ростовской обл., 50-150 пар в Волгоградской обл., 60-80 пар в Краснодарском крае и 10-30 пар в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Белик, 1998, 2005а). По региональным оценкам в начале XXI в., численность в Ростовской обл. составляла, вероятно, не более 10-20 пар; в Волгоградской обл. – 100-200 пар; в Астраханской обл. встречается около 100–150 особей, что, по нашим представлениям, по-видимому, значительно занижено; в Калмыкии может гнездиться несколько пар; в Дагестане – около 30-40 пар; в Краснодарском крае – около 150 пар (Джамирзоев, 2009; Эрдненов, 2013; Бондарев, 2014; Динкевич, 2014; Лохман, 2017; Гугуева, 2017).

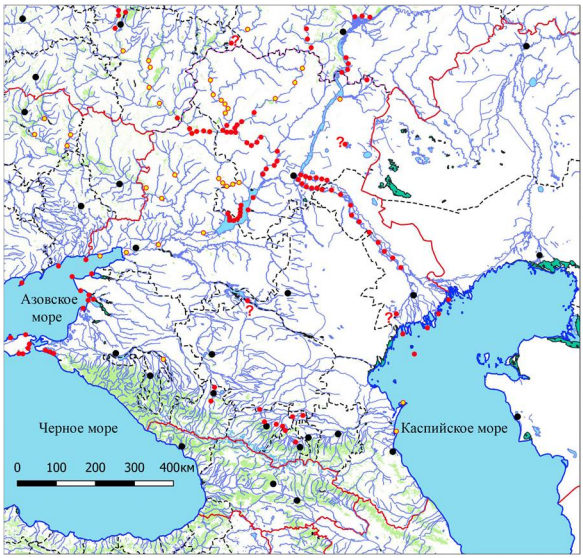


Рис. 46. Районы гнездования (красные пуансоны) и известные места летних встреч (красно-желтые пуансоны) кулика-сороки на юге России и Украины

Общая же численность на юге России может составлять сейчас около 400-500 пар (Белик, 2014а). Современная динамика популяций неясна; они, по-видимому, относительно стабильны при асинхронных флуктуациях в разных регионах в зависимости от степени рекреационной и хозяйственной нагрузки на берега водоемов (Белик, 2011).

Охранный статус. Материковый подвид под 3 категорией включен в Красную книгу России (2001) и подлежит особой охране во всех регионах Южной России, в которых обитает, являясь очень уязвимой, яркой, крикливой, доверчивой у гнезд птицей, держащейся по открытым берегам водоемов, интенсивно осваиваемых людьми.

Семейство **Бекасовые** Scolopacidae

150. Черныш *Tringa ochropus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Пролетный, частично зимующий вид Южной России, летом очень рано, с начала июня, появляющийся на обратных миграциях. Поэтому эти пролетные птицы, встречающиеся в июне-июле, часто считаются летующими (Белик, 1990, 1996, 2000а), а иногда принимаются за гнездовых (Волчанецкий и др., 1962; Моламусов, 2017; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в лесном поясе Северной Евразии от Скандинавии до Охотского моря. Черныш был указан как возможно гнездящийся вид северных районов Волгоградской обл. (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004а), хотя достоверные свидетельства его гнездования там неизвестны. Оно подтверждено лишь на севере Воронежской обл. (Барабаш-Никифоров, Павловский, 1948; Нумеров, 1996) и возможно на Хопре в северо-западных районах Саратовской обл. (Пискунов, Беляченко, 1999; Белик, 2002; Завьялов и др., 2007). Однако по лесистой пойме Хопра черныши могут проникать также на восток Воронежской обл. и в северо-западные районы Волгоградской обл. (Кубанцев, Чернобай, 1982). Но в бассейне Среднего Дона гнездовья черныша нами не выявлены (Белик, 2005; наши данные).

Зимовки располагаются в Средиземноморье, Африке и Южной Азии. Обычен черныш зимой также на низменностях Черноморского побережья (Тильба, 1999б), изредка, но регулярно встречается зимой в Предкавказье и Дагестане (Казаков и др., 1982; Казаков, Языкова, 1982; Хохлов, 1993; Джамирзоев, 2000; Комаров, Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001; Лохман и др., 2004; Моламусов, 2017).

В степных регионах Южной России и на Кавказе регулярно появляется на пролете. Миграции идут в основном по ночам и выражены слабо. По наблюдениям на Дону, птицы летят широким фронтом в одиночку или небольшими группами, осенью преимущественно на юг, реже на запад, а весной в обратном направлении (Белик, 1990).

Местообитания. Гнездится обычно в заболоченных лесах, а также по лесистым берегам речных затонов и проток, озер и болот, где откладывают яйца, как правило, на деревьях в старые гнезда дроздов, соек, голубей или белок. На пролете и зимовках кормится по илистым, нередко крутым, заросшим берегам небольших рек, озер, прудов, по каналам, канавам, лужам и т.п.

Численность. В лесном поясе в подходящих для гнездования местах

вполне обычен. Популяция Европейской России насчитывает не менее 350-800 тыс. пар и имеет стабильную численность (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). Довольно обычен черныш и на миграциях. На Дону за дневную экскурсию отмечается до 5-10, а в пики пролетных волн – 10-30 птиц (Белик, 1990).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

151. Фифи *Tringa glareola* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), случайно зимующий в Предкавказье и Дагестане (Моламусов, 2017; Джамирзоев, Родионов, 2018; Букреев и др., 2019).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в тундрах, лесотундре и таежной зоне Северной Евразии от Атлантики до Тихого океана. Зимует в Африке и Южной Азии, мигрируя туда по ночам широким фронтом через степные регионы Южной России. Изредка встречается на пролете в горах (Перевозов, 2014), регулярно останавливается на низменностях вдоль Черноморского побережья Кавказа (Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015; и др.). По наблюдениям на Нижнем Дону, осенью летит на юг – юго-запад. Весной отдельные особи в пролетных стаях слабо токуют (Белик, 1990), но в период с середины мая до начала июля фифи в степном Придонье отсутствуют (Белик, 1996, 2000а). Встречи стаек в начале июля (07.07.1907) иногда ошибочно принимают за местные выводки (Сарандинаки, 1909).

Местообитания. Гнездится на различных болотах и заболоченных лугах, в кустарниковых тундрах и в поймах таежных рек. На пролете кормится обычно по мелководным берегам степных озер и других водоемов, заросших редкой, невысокой травой, на пойменных разливах, травянистых болотах, различных лужах.

Численность. В основных районах гнездования фифи обычны, местами многочисленны. В лесотундрах обилие достигает 2-10 и более пар/км^2 (Лаппо и др., 2012). Всего в Европейской России гнездится 300-750 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На пролете в степной зоне фифи тоже обычны, собираясь осенью в стаи до 30-50 особей, но в северных районах Ростовской и Волгоградской обл. они встречаются значительно реже (Белик, 1990, 2005).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

152. Улит большой *Tringa nebularia* (Gunnerus, 1767)

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), изредка зимующий на Черноморском побережье Кавказа и в Дагестане (Птушенко, 1939; Лохман и др., 2004; Букреев и др., 2019).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в таежной зоне Северной Евразии от Скандинавии до Камчатки. Зимует в Средиземноморье, Африке и Южной Азии, куда мигрирует по ночам широким фронтом через степные регионы Южной России, изредка залетая в горы (Перевозов, 2014) и на Черноморское побережье Кавказа (Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015). Весенние миграции на Нижнем Дону направлены на восток, а осенью птицы летят на Ю-ЮЗ-З (Белик, 1990).

Местообитания. Гнездится на моховых и осоковых болотах, заболоченных вырубках и гарях, на лугах возле лесных рек и озер. На пролете останавливается обычно по открытым илистым берегам различных степных водоемов.

Численность. В подходящих местообитаниях среди северотаежных редколесий обычен и многочислен. На севере Европейской России гнездится 50-85 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На пролете на степных водоемах обычен, в предгорьях редок; чаще встречается в одиночку или небольшими группами.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

153. Травник *Tringa totanus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид степных регионов Южной России, встречающийся в предгорных регионах только на миграциях (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 6 подвидов; на юге России гнездится номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в умеренных широтах Евразии от Атлантики до Приморья. Зимует в Западной Европе, Африке и Южной Азии, редко остается на зиму в Предкавказье и на Тамани (Шитиков и др., 2001; Динкевич и др., 2014). На юге России гнездится у водоемов во всех степных регионах, а на миграциях изредка залетает в предгорья и на Черноморское побережье Кавказа (Тильба, 1999б,

2006; Белик, 2015).

Местообитания. Гнездится на травянистых болотах, мокрых лугах в поймах рек и по берегам озер, на солончаках в степных низинах и на островах. На пролете встречается на открытых берегах различных водоемов.

Численность. В Предкавказье в подходящих местах обычный, но спорадично распространенный вид, в северных районах Ростовской и Волгоградской обл. немногочислен или редок (Казаков и др., 1982; Белик, 2005). В западных и северных регионах Южной России в последние десятилетия наблюдается заметное сокращение численности (Белик и др., 2003; Белик, 2004а; Лохман, 2009). Травник исчезает также в Воронежской обл., где он сохранился в основном в северных районах (Венгеров, 2011, 2018). В конце XX в. на юге России гнездилось 5-15 тыс. пар, в том числе около 1700 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а), а в Европейской России численность составляет от 30-140 тыс. до 25-70 тыс. пар с тенденцией к снижению (Мищенко и др., 2004, 2017).

Охранный статус. В Южной России не имеет охранного статуса.

154. Щеголь *Tringa erythropus* (Pallas, 1764)

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), случайно зимующий в Дагестане (Букреев и др., 2019).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в северной тайге, лесотундре и южных тундрах почти по всей Северной Евразии. Зимует в Средиземноморье, Африке и Южной Азии. Мигрирует на зимовки широким фронтом через степные регионы Южной России, практически не залетая на Черноморское побережье Кавказа (Казаков и др., 1982). Осенний пролет на Нижнем Дону направлен на юг – юго-запад (Белик, 1990).

Местообитания. Гнездится на болотах, луговых берегах озер, мочажинах. На пролете встречается обычно по открытым илистым берегам степных озер и других водоемов.

Численность. В целом немногочислен. В Арктике обилие редко превышает 1-2 пары/км^2 (Лаппо и др., 2012). На севере Европейской России сейчас гнездится 1,5-11 тыс. пар, имеющих относительно стабильную численность (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). На миграциях на юге России редок (Казаков и др., 1982; Белик, 1990, 2004а; Хохлов, 1993; Комаров, Липкович, 2000), но в Калмыкии и Поволжье щеголь более обычен (Шубин и др., 2001; Чернобай, 2004а; Русанов, 2011).

В дельте же Волги в прошлом он был даже многочислен, но в XX в. численность пролетных птиц там заметно снизилась (Яковлев, 1872, 2015; Реуцкий, 2014). На пролете отмечаются обычно одиночки или небольшие группы в стайках других улитов.

Охранный статус. Включен в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). Но особая индивидуальная охрана пролетных северных куликов, не испытывающих сейчас сильных негативных трендов, на юге России вряд ли целесообразна и не может дать заметного положительного эффекта (Белик, 2014а).

155. Поручейник *Tringa stagnatilis* (Bechstein, 1803)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид бассейнов Дона и Волги, а в остальных регионах Южной России встречается только на миграциях (Белик и др., 2016). Прежние указания о гнездовании в Предкавказье (Богданов, 1879; Динник, 1886; Моламусов, 1961, 2017) позже не были подтверждены (Гладков, 1951; Казаков и др., 1982).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в лесостепной, степной и полупустынной зонах Евразии от степей Венгрии и Румынии до Приморья (Степанян, 2003). В Южную Россию ареал поручейника заходит с северо-востока в Волгоградскую обл. (Artzibascheff, 1859, 2015; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Кубанцев, Чернобай, 1982), а оттуда – на восток Ростовской обл. (Белик, 1988, 1992г, 1996а, 2003, 2014); возможно, он гнездится и в Астраханской обл. (Реуцкий, 2014). В соседних регионах распространен в Саратовской обл., тоже в основном в Заволжье (Пискунов, Беляченко, 1998; Пискунов, 2006; Завьялов и др., 2007), а также на севере и в центре Воронежской обл. (Венгеров, Соколов, 2011, 2018).

Зимует в Африке и Южной Азии, куда мигрирует широким фронтом через степное Предкавказье обычно в одиночку и небольшими стайками (Казаков и др., 1982; Белик, 1990, 2004а; Хохлов, 1993; Шубин и др., 2001; Комаров, Липкович, 2000), очень редко залетая в горы и на Черноморское побережье Кавказа (Казаков и др., 1982; Тильба, 1999б; Перевозов, 2014; Белик, 2015).

Местообитания. Гнездится на травянистых, кочковатых и болотистых лугах в поймах рек и по берегам озер, вокруг степных лиманов, у родников и луж. На пролете кормится обычно по открытым, травянистым берегам различных степных водоемов.

Численность. В центре гнездового ареала в степях Западной Сибири и

на севере Казахстана в типичных местообитаниях обычен и многочислен, часто гнездясь довольно большими колониями (Долгушин, 1962), но в Восточной Европе на западной окраине ареала встречается редко и спорадично, гнездясь не ежегодно, чаще – в годы с обильными осадками и мощными паводками (Гладков, 1951; Белик, 1988; Пискунов, 2006). В Саратовском Заволжье среднее обилие составляет не более 2,8 пар/100 км^2, на лиманах же гнездится до 26-30 пар/100 км^2, а местами там формируются разреженные колонии из 10-11 пар (Пискунов, Беляченко, 1998).

Всего в Европейской России гнездится 12-30 тыс. пар, но на юге России численность оценивается лишь в 10-50 пар, в том числе в Ростовской обл. – от 1 до 10 пар (Белик, 2000а, 2005а; Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). Популяция Саратовской обл. насчитывает 450-500 пар, а в Воронежской обл. гнездится не более 100 пар (Пискунов, 2006; Венгеров, Соколов, 2018).

На юге России в целом прослеживаются негативные популяционные тренды (Белик и др., 2003); в конце XX в. заметное падение численности наблюдалось и в Воронежской обл. (Венгеров, Соколов, 2018). В Саратовской обл. значительное сокращение популяции произошло, вероятно, в 1970-1980-е годы, после чего птицы повсеместно стали редкими, а в 1990-е годы продолжалось медленное снижение их численности (Пискунов, 2006).

Охранный статус. Включен в Красные книги Астраханской (3 категория) и Ростовской (4 категория) обл. Особой охране подлежит также в соседних, более северных регионах – Воронежской и Саратовской обл., где наблюдаются выраженные негативные тренды.

156. Перевозчик *Actitis hypoleucos* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), случайно зимующий на Северном Кавказе.

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид. Иногда объединяется в один род с улитами *Tringa* (Гладков, 1951).

Распространение. Гнездится по всему умеренному поясу Евразии, в том числе в южных горах. На юге России обитает по берегам лесистых рек бассейна Дона и Волги в северной половине Ростовской и Волгоградской обл., а также в горах Кавказа, но на открытых степных водоемах Предкавказья гнездование неизвестно (Белик, 1999).

Зимует в Африке и Южной Азии, но изредка, случайно остается на зиму в Предкавказье, в Дагестане и на Черноморском побережье Кавказа (Хохлов, 1993; Джамирзоев, 2000; Лохман и др., 2004; Динкевич и др., 2014; Букреев и др., 2019; и др.). Мигрирует на зимовки по ночам, птицы летят широким фронтом через степные регионы Южной России (Белик, 1990), регулярно останавливаясь также на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 1999б; Белик, 2015). Пролетные птицы на Маныче иногда пробуют токовать (Белик, 2004а).

Местообитания. Гнездится, как правило, по лесистым берегам горных и равнинных рек и озер, окаймленных галечниками, песчаными косами, каменистыми и щебнистыми осыпями с илистыми закрайками и заводями. В горах Северной Осетии по приледниковым троговым долинам местами поднимается на высоту до 2300 м н.у.м. (Белик, 2016). Заросших густой травой и голых илистых берегов степных рек и озер обычно избегает (Белик, 1999). На пролете останавливается по берегам различных водоемов, обычен также на каменистых берегах морей.

Численность. В местах гнездования немногочислен или обычен, но в степных регионах распространен несколько спорадично, избирая характерные местообитания. В Европейской России гнездится не менее 450-900 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020), а на юге России – 5-25 тыс. пар (Белик, 2005а). Популяция Ростовской обл. оценивалась в 30-50, а позже – в 100 пар; в Волгоградской обл. предполагали гнездование 100-200 пар, но учеты на Хопре в начале XXI в. позволяют повысить эту оценку в 2-3 раза; для Дагестана указывали 400-600 пар (Вилков, 1998; Белик, 1999, 2000а). На Среднем Дону в Ростовской обл. обилие достигало 5 пар на 20 км берега реки, а в низовьях Хопра в Волгоградской обл. держалось около 10-15 пар на 20-25 км длины долины, т.е. по 1-2 пары на каждой песчаной косе (Белик, 1999; наши данные).

На Кавказе по р. Подкумок у Пятигорска учитывали 1,0-1,5 пар/км русла реки (Степанян, 1954); на р. Аликоновка у Кисловодска на 5 км было учтено 12-15 особей, державшихся в основном парами (Мельгунов и др., 1988). По нашим данным, обилие на Скалистом хр. в Приэльбрусье составляет от 7-8 до 13-27 пар/10 км русла; нередко птицы гнездятся там в 100 м пара от пары. В предгорьях Северной Осетии обилие составляет 1 пара на 4-5 км реки, а в горах по р. Фиагдон на высоте 1200-1300 м н.у.м. гнездились 4 пары на 4 км (Комаров, Липкович, 2000).

На пролете перевозчики держатся в одиночку или парами, но местами на морских побережьях собираются в небольшие стайки до 10-15 особей.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

157. Мородунка *Xenus cinereus* (Güldenstädt, 1775)

Характер пребывания. Пролетный вид, отмечающийся во всех регионах Южной России, кроме Северной Осетии. Возможно, гнездится на берегу Волгоградского вдхр. в Черебаевской пойме на севере Волгоградской обл. (Беляченко и др., 2000; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид, представитель монотипического рода.

Распространение. Гнездится преимущественно в лесном поясе Северной Евразии от Прибалтики до Тихого океана, местами проникает в степную зону. Тенденция к расширению ареала на юг отмечена во многих районах: на Днепре, на Верхнем Дону в Липецкой и Воронежской обл., на Средней Волге в Саратовской обл. (Мельничук, 1970; Цвелых, 1982; Климов, Сарычев, 1987; Нумеров, 1996; Пискунов, Беляченко, 1998). В конце XX в. мородунка найдена на севере Волгоградской обл. у границы с Саратовской обл., где гнездится, возможно, в Черебаевской пойме на левом берегу Волги (Беляченко и др., 2000). Ее расселение связывается со строительством крупных водохранилищ, на которых появляются песчаные острова, занимаемые колониями крачек и куликов.

Зимует в Африке и Южной Азии. Миграции на зимовки проходят широким фронтом через степные регионы Южной России, но идут они, вероятно, по ночам и визуально не прослеживаются. Очень редко мородунка залетает на Черноморское побережье в Закавказье (Белик, 2015).

Местообитания. Гнездится обычно по берегам рек и озер с илистыми или песчаными берегами, поросшими редким кустарником, осокой и травой. На пролете останавливается по открытым берегам различных степных озер и других водоемов.

Численность. В Европейской России сейчас гнездится 15-50 тыс. пар, имеющих относительно стабильную численность (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). Популяция Южной России не оценивалась. В Саратовской обл. на островах в средней зоне Волгоградского вдхр. в 1995-1997 гг. на 30 км реки учтено 10 пар, в том числе 3 пары гнездились вместе на небольшом островке. Но на Волге отмечены значительные колебания численности в результате исчезновения птиц при высоких и длительных паводках (1994 г.), а при их отсутствии (1996 г.) мородунки встречались в 3-5 км друг от друга практически во всех колониях крачек (Пискунов, Беляченко, 1998).

На миграциях в Южной России отмечается спорадично и сравнительно редко (Казаков и др., 1982; Белик, 1990; Хохлов, 1993; Шубин и др.,

2001), лишь на Маныче птицы бывают достаточно обычны, встречаясь стаями до 10-25 особей, а обилие по берегам оз. Маныч-Гудило достигает 24 ос./2 км и 36 ос./5 км берега (Белик, 2004а).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). Но особая индивидуальная охрана пролетных северных куликов, не испытывающих сейчас негативных трендов, на юге России вряд ли целесообразна и не может дать заметного положительного эффекта (Белик, 2014а).

158. Плавунчик плосконосый *Phalaropus fulicarius* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Северного Кавказа (Чунихин, 1959; Белик, 2010; Журтов, Белик, 2013; Тильба и др., 2015; Белик и др., 2016; Журтов, 2019).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Распространен циркумполярно в высоких широтах Арктики. Зимует стаями в основном на акватории морей умеренного и субэкваториального поясов (Атлантический, Индийский и Тихий океаны). На зимовку мигрирует вдоль побережий материков и на внутриконтинентальные водоемы залетает чрезвычайно редко (Гладков, 1951; Кістяківський, 1957; Козлова, 1961; Долгушин, 1962).

На Северном Кавказе залетные птицы встречены 02.10.1954 в окрестностях Нальчика (Чунихин, 1959) и 26.10.2013 на р. Малка в предгорьях Кабардино-Балкарии (Журтов, Белик, 2013; Журтов, 2019), а также 06.06.2015 на Витязевском лимане в Анапском р-не на Тамани (Тильба и др., 2015). Еще одна встреча плосконосого плавунчика, подтвержденная добытым экземпляром самца, отмечена также в сентябре 1986 г. в смежном регионе – в окрестностях г. Краснодона Луганской обл. Украины близ границ с Россией (Бураков, Сулик, 2000).

С.П. Чунихин, как известно, активно коллектировал птиц, и его регистрация и определение плосконосого плавунчика основаны, вероятно, на добытом экземпляре, возможное местонахождение которого установить нам сейчас, к сожалению, не удалось. Встречи на р. Малка и на Тамани в Краснодарском крае подтверждены качественными цветными фотографиями. Кроме того, имеются сведения о регистрации плосконосого плавунчика в качестве обычного вида в устье р. Самур в Дагестане на западном побережье Каспия (Михеев, 1985), но они никак не документированы и поэтому вызывают обоснованные сомнения некоторых специалистов (А.О. Шубин, личн. сообщ.).

Местообитания. Гнездится на кочковатых мохово-осоковых болотах по

берегам мелководных озер и речных проток в высокоширотных арктических тундрах. На зимовках держится обычно на морях.

Численность. На севере Европейской России очень редок и распространен спорадично (Атлас …, 2020), но в Сибири местами обычен и многочислен (Гладков, 1951; Лаппо и др., 2012; Мищенко и др., 2004, 2017). Всего же в России, по некоторым оценкам, обитает 1,9 млн. птиц (Tracy et al., 2002; цит. по: Лаппо и др., 2012). Однако на миграциях в континентальных районах этот плавунчик исключительно редок (Гладков, 1951).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

159. Плавунчик круглоносый *Phalaropus lobatus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный вид, отмечающийся во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Имеет циркумарктический гнездовой ареал. Зимует в основном в экваториальных водах Индийского и Тихого океанов, реже – на Средиземном море и на юге Каспия (Гладков, 1951; Лаппо и др., 2012). Мигрирует на зимовки через степные регионы Предкавказья и Поволжья широким фронтом на большой высоте, концентрируясь на кормежке на обширных степных солоноватых водоемах. Весной с Маныча улетает по вечерам стаями в восточном направлении (Казаков и др., 1982), практически не залетая на Черноморское побережье в Закавказье (Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015). В северных районах Ростовской и Волгоградской обл. появляется случайно и редко.

Местообитания. Гнездится в заболоченной травянистой тундре и на сырых лугах по берегам озер, речных проток, луж. На пролете останавливается в основном на соленых и солоноватых озерах, изобилующих хирономидами, а также на отстойниках, рисовых чеках и других стоячих водоемах.

Численность. В тундрах обычен и многочислен. На севере Европейской России гнездится 100-250 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На путях пролета встречается спорадично, но в подходящих местах бывает очень многочислен. На оз. Маныч-Гудило в 1960-1970-е годы останавливались многотысячные стаи плавунчиков, кормившихся куколками и имаго комаров-толкунцов (Петров, Миноранский, 1962; Казаков и др., 1982). Но в конце XX в. численность пролетных птиц здесь резко снизилась в связи с почти полным исчезновением хирономид (Шубин и др., 2001), произошедшим, вероятно, вследствие сероводородного

заражения придонных слоев воды (Белик и др., 2002; Белик, 2004а).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

160. Турухтан *Philomachus pugnax* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Обычный пролетный вид, отмечающийся на миграциях во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016) и случайно зимующий на Тамани и в Дагестане (Лохман и др., 2004; Динкевич и др., 2014; Джамирзоев и др., 2018).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид, представитель монотипического рода.

Распространение. Широко распространен в тундрах Евразии от Скандинавии до Чукотки, но по долинам рек проникает далеко на юг в лесную и даже в степную зоны, к югу до северной Украины (Кістяківський, 1957), Волго-Уральского междуречья в Казахстане (Гаврилов, 1961; Шевченко и др., 1993, 2020), юга Оренбургской обл. (Тарасов, Коршиков, 2018) и северного Казахстана (Хроков, 1988; Хроков, Кошелев, 1989). Гнездование указывалось также для «киргизских степей» в Заволжье (Seebohm, 1882) и для Сарпинских озер (Барманцак) в Калмыкии, где находили, как отмечалось, кладки турухтана (Artzibascheff, 1859, 2015; Мензбир, 1895).

Имеются также старые указания о гнездовании турухтана на Нижнем Дону (Сарандинаки, 1909; Николаев, 1923; Лерхе, 1940), но учитывая большое сходство гнезд и яиц турухтана и травника, идентифицировать кладки турухтана достаточно сложно, тем более что его самки держатся очень скрытно и практически не тревожатся у гнезд (Хроков, Кошелев, 1989; Белик, 2018). К тому же для турухтана очень характерно непостоянство мест гнездования в разные годы, связанное с перемещениями как самцов, так и самок на большие расстояния. Поэтому проверка прежних данных о находках гнездовий, особенно на юге ареала, оказывается весьма затруднена (Гладков, 1951; Миграции …, 1985; Лаппо и др., 2012; Тарасов, Коршиков, 2018).

Зимуют турухтаны на юге Азии, в Африке и Западной Европе, куда мигрируют широким фронтом через континентальные районы Западной Евразии. На юге России массовый пролет идет через степные районы Предкавказья и Поволжья, а в северных районах Ростовской и Волгоградской обл. птицы встречаются редко (Белик, 2005). Летят они обычно стаями по 10-30-60 особей весной и по 5-10-20 особей летом, преимущественно в утренние и вечерние часы невысоко над землей, преимущественно в широтном направлении – весной на восток, а летом на запад, но в конце лета массовые миграции птиц ориентированы

также на юг (Белик, 1990), что в целом отражают и результаты кольцевания этого вида (Миграции …, 1985). Весной их стаи изредка залетают по Черноморскому побережью с запада в Закавказье, но осенью они там практически не появляются (Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015).

Разрыв между окончанием весенних миграций и первыми летними встречами на Дону составляет, в многолетнем аспекте, всего 9 дней – с 11.06. по 20.06., но реально он продолжается не менее 19 дней, в среднем же (n=9) – 36±15 дней. А интервал между началом весеннего пролета и первыми летними регистрациями равен, в большинстве случаев, 98-105 дням, в среднем (n=10) – 98±9 дней (Белик, 1996, 2000а).

Местообитания. Гнездится обычно на различных кочковатых болотах и влажных травянистых лугах, а в степной зоне встречается местами на заросших солончаках. Для токов необходимы более сухие возвышенные участки поблизости (Лаппо и др., 2012). На миграциях останавливаются по открытым берегам самых различных водоемов. Летом и осенью большие стаи вылетают кормиться в степь, а также в поля на жнивье, где собирают осыпавшееся зерно (Яковлев, 1872, 2015; Казаков и др., 1982; Белик, 2004а).

Численность. Многочислен на местах гнездования в тундрах, но на южной границе ареала редок, спорадичен и гнездится нерегулярно. Всего в Европейской России гнездится 120-400 тыс. самок (Мищенко и др., 2017). На миграциях на юге России во многих районах степной зоны обычен и многочислен. Птицы летят обычно стаями по 10-30-60 особей весной и по 5-10-20 особей летом. При прохождении трех пиков весеннего пролета в долине Нижнего Дона регистрировали по 100-200, 60-120 и 40-100 особей в день при полосе учета около 500 м (Белик, 1990), а на рисовых чеках у Веселовского вдхр. в середине мая учитывали 325-334 ос./км^2 (Казаков и др., 1982). Сотенные и тысячные стаи пролетных турухтанов собираются в сухой долине Маныча. Так, на оз. Казинка в Пролетарском р-не Ростовской обл. 18-20.07.2002 было учтено около 11 тыс. птиц, а их обилие составляло от 50 до 800 особей на 1 км берега озер и заливов (Белик, 2002, 2004а).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Во многих регионах относится к охотничьим видам птиц.

– **Кулик-лопатень** *Eurynorhynchus pygmeus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Предположительно залетный вид Южной России, встречи которого в Краснодарском крае и Северной Осетии не были документально подтверждены и поэтому не утверждены Фаунистической комиссией (Работа …, 2011; Итоги …, 2012).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид, представитель монотипического рода.

Распространение. Гнездится на Чукотке и севере Камчатки, а зимует по берегам морей в Юго-Восточной Азии, куда мигрирует вдоль тихоокеанского побережья. В Сибири и Европе документированные встречи неизвестны (Гладков, 1951; Лаппо и др., 2012; Ławicki, 2019). Встреча птицы И.Л. Мельгуновым 19.12.1985 в Краснодарском крае (Хохлов, 1988) не была признана из-за отсутствия фотографий и описаний наблюдавшейся птицы, информация о которой была опубликована в популярном массовом печатном издании значительно позже, по материалам полевых дневников И.Л. Мельгунова (Хохлов, 1988; Динкевич, 2002). Уникальность подобного залета вызвала сомнения в точности определения даже этого очень своеобразного кулика, хотя спутать его с другими видами достаточно сложно.

В апреле 1998 г. еще один лопатень наблюдался на мелководье высыхающих рыборазводных прудов у стан. Павлодольская в Северной Осетии (Комаров, Малиев, 2009). Сведения об этой находке обсуждались в Фаунистической комиссии Рабочей группы по куликам, которая рекомендовала не включать кулика-лопатня в официальные региональные списки фауны до получения документального подтверждения существования залетов в Восточную Европу (Работа …, 2011; Итоги …, 2012).

Косвенным свидетельством возможности таких залетов на юг России является еще одно визуальное наблюдение этого вида 04.09.2010 в Луганской обл. Украины рядом с границами Ростовской обл. Эта птица длительное время наблюдалась на небольшом расстоянии в бинокль на берегу рыборазводных прудов в долине Сев. Донца (Ветров, 2010, личн. сообщ.).

Местообитания. Гнездится в основном в приморских тундрах. На пролете и зимовках держится обычно по берегам морей.

Численность. Очень редкий, исчезающий вид. Общая численность в 1970-е годы оценивалась в 2,0-2,8 тыс. пар; к концу XX в. она не превышала 1 тыс. пар; вскоре популяцию оценили в 400-570 размножающихся пар, а к началу 2010-х годов сохранилось, вероятно, всего 150-350 пар (Лаппо и др., 2012).

Охранный статус. Вид включен в Красную книгу России (2001).

161. Кулик-воробей *Calidris minuta* (Leisler, 1812)

Характер пребывания. Обычный пролетный вид, отмечающийся во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в тундрах Северной Евразии от Скандинавии до Чукотки. Зимует в основном на побережьях Африки и в Средиземноморье, меньше – в Южной Азии, в том числе на юге Каспия. Мигрирует широким фронтом через степные регионы Поволжья и Предкавказья, изредка залетает на Черноморское побережье в Закавказье (Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015). В северных районах Ростовской и Волгоградской обл. встречается редко (Белик, 2005). Как и все другие песочники, летит по ночам, поэтому направление миграций не прослежено (Белик, 1990).

Местообитания. Гнездится обычно в сухих травянистых тундрах, перемежающихся с заболоченными участками, а также на кочковатых и бугристых болотах (Лаппо и др., 2012). На пролете останавливается по открытым илистым берегам различных степных водоемов.

Численность. На местах гнездования обычен и многочислен; в тундрах часто учитывают до 5-20 гнезд/км^2 (Лаппо и др., 2012). Всего в Европейской России гнездится 48-75 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На миграциях в Предкавказье держится обычно стайками в 5-10-30 особей, но на Сарпинских озерах в Калмыкии и на Эльтоне в Заволжье нередко формирует скопления до 1-3 тыс. особей (Шубин и др., 2001; Околелов и др., 2008). В 1960-е годы этот вид в массе летел также через оз. Маныч-Гудило (Петров, Минoранский, 1962; Казаков и др., 1982), обычен он был там еще в 1980-е годы, но в начале XXI в. стал редок, и за период 2001-2004 гг. на Маныче зарегистрировано всего несколько встреч (Белик, 2004а). Резкое сокращение численности было связано, несомненно, с исчезновением хирономид (Шубин и др., 2001).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

– **Песочник-красношейка** *Calidris ruficollis* (Pallas, 1776)

Характер пребывания. Возможно, случайно залетный вид Прикаспийской низменности.

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в тундрах Сибири от Таймыра до Чукотки, а также на Аляске, мигрируя на зимовки в Юго-Восточную Азию и Австралию в основном вдоль побережий Тихого океана и изредка залетая осенью к западу до Средней Сибири и восточных областей Казахстана (Лаппо и др., 2012). Случайно встречается в Западной Европе

вплоть до Британии, Франции и Италии (Snow, Perrins, 1998).

О встрече одиночного песочника-красношейки 21.07.1998 на приморских лагунах Дагестана впервые сообщил Е.В. Вилков (1999, 2004), однако отсутствие каких-либо подтверждающих материалов и необычность этого залёта не позволили утвердить эту находку (Белик и др., 2006). Еще одну похожую птицу наблюдал 01.10.2019 на оз. Маныч близ пос. Кочубей на севере Дагестана П. Хамфри (P. Humphrey, личн. сообщ.). Песочник держался среди куликов-воробьев, имел травму ноги и вплоть до начала октября сохранял характерное летнее оперение. Но недостаточно четкие фотоснимки, предоставленные автором, не позволили однозначно подтвердить, что это был именно песочник-красношейка (П.С. Томкович, эпист., 14.10.2019).

Местообитания. Гнездится обычно в гористых, умеренно увлажненных осоково-моховых тундрах. На миграциях держится в основном по берегам морей, а на континентальных водоемах встречается на илистых берегах озер, нередко в стайках куликов-воробьев.

Численность. В основных районах гнездования обычен и многочислен. Обычен также на пролете в степном Забайкалье (Белик, 2019). Западнее мигранты встречаются редко.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

162. Песочник белохвостый *Calidris temminckii* (Leisler, 1812)

Характер пребывания. Редкий пролетный вид, отмечавшийся во всех регионах Южной России, кроме Карачаево-Черкесии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в тундрах и лесотундрах Евразии от Скандинавии до Чукотки, а зимует в основном на юго-востоке Азии. Птицы летят туда широким фронтом по внутриматериковым водоемам, но основной миграционный поток идет через коридор между Восточным Казахстаном и Байкалом (Лаппо и др., 2012). Хотя М.Н. Богданов (1879, с.159) наблюдал этих песочников «во множестве на пролёте на Тереке, Кубани и по берегам Каспия», однако сейчас они встречаются в Предкавказье весьма редко, спорадично, локально.

На миграциях на юге России эти песочники относительно регулярно наблюдаются лишь в Приазовье (Алфераки, 1910; Винокуров, Дубровский, 1956; Очаповский, 1962, 1971; Казаков и др., 1982; Белик и др., 2012). Дважды они отмечены также в Пицунде (Белик, 2015), куда проникают, вероятно, из Предкавказья через горы, где отмечались на

высотах 500-600 и 1000 м н.у.м. (Насимович, 1955; Bier et al., 1975; Моламусов, 2017), так как в Российском Закавказье этих птиц ни разу не регистрировали (Тильба, 1999б, 2006, 2007, 2017а). А на Нижнем Дону, Маныче, в Калмыкии и на Нижней Волге эти песочники встречаются очень редко (Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Демьянова, 1987; Белик, 1990, 2004а; Демьянова, Кукиш, 1990; Иванов, Шубин, 2001; Шубин и др., 2001; Русанов, 2011; Маловичко, 2016).

Аналогичная ситуация наблюдается и на юге Украины, где белохвостые песочники останавливаются в основном лишь в эстуариях двух речных долин в Одесской и Запорожской обл. (Черничко, 2010). Много птиц концентрируется также на оз. Атанасовское в Болгарии (Миграции …, 1985). В Крыму же песочники мигрируют в небольшом числе, но регулярно (Костин, 1983), откуда попадают, вероятно, и в Восточном Приазовье.

Местообитания. Гнездится в тундре по берегам рек и ручьев, пойменных озер или луж поблизости от песчаных или галечных мелководий с заиленным дном (Лаппо и др., 2012). На миграциях встречается по открытым илистым берегам различных степных озер.

Численность. В типичных местах гнездования обычен. На севере Европейской России гнездится 50-150 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). На миграциях на юге России в большинстве районов редок, встречаясь в одиночку (около половины регистраций) или небольшими стайками, обычно вместе с куликами-воробьями (Белик, в печати). На юге Украины в течение 1976–2004 гг. за 29 лет в мае были учтены 424 песочника, т.е. в среднем 15 особей в год, а в августе за 21 учёт отмечены лишь 163 птицы (Черничко, 2010).

Редок белохвостый песочник также в Западном Казахстане, где за 35 лет отмечено лишь 5 встреч общей численностью около 50 особей (Шевченко и др., 1993). В небольшом числе он встречается в Воронежской обл. (Нумеров, 1996; Соколов, 2017), а в Саратовской обл. интенсивность его пролета «в десятки раз ниже таковой кулика-воробья» (Завьялов и др., 2007, с.95). Во второй половине XX в. из-за трансформации местообитаний в Европе отмечено резкое сокращение численности мигрантов (Миграции …, 1985).

Миграции песочников на юге России наблюдаются не только осенью, как считалось ранее (Казаков и др., 1982), но и весной. Однако на обратном пролете здесь известно более 35 встреч, а весной отмечено всего 12 регистраций (Белик, в печати). Весной птицы летят с начала мая до начала июня, а на обратных миграциях появляются с середины июля (Винокуров, Дубровский, 1956; Очаповский, 1962; Динкевич и др., 2016).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

163. Краснозобик *Calidris ferruginea* (Pontoppidan, 1763)

Характер пребывания. Пролетный вид, отмечающийся на водоемах степной зоны во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в тундрах Евразии от Ямала до Чукотки. Зимует в Южной Азии и Африке, куда мигрирует широким фронтом через степную зону Южной России, практически не залетая на Черноморское побережье в Закавказье (Тильба, 1999б, 2006, 2007; Белик, 2015). На озерах Тамани осенью отмечается пролет со стороны Крыма (Тильба 1983). Но визуально ночные миграции краснозобика не прослеживаются и выяснены недостаточно (Белик, 1990). Основными миграционными остановками служат побережья Азовского и Каспийского морей, а также крупные солоноватые озера, особенно оз. Маныч-Гудило, Сарпинские озера, Эльтон. На пресных водоемах отмечается обычно лишь в качестве редкого залетного вида (Алфераки, 1910; Резник, 1946; Очаповский, 1962; Казаков и др., 1982; Казаков, Языкова, 1982; Демьянова, 1987; Хохлов, 1989; Белик, 1990, 2004а; Belik, 2006; Околелов и др., 2008).

Весной появляется в середине апреля, иногда – в конце марта (Очаповский, 1962), но основной пик пролета приходится на вторую половину мая, сразу после которого, уже в начале июня, птицы практически полностью исчезают (Belik, 2006). Обратные миграции начинаются в середине июля, а слабо выраженный пик осеннего пролета отмечается в конце августа - начале сентября (Казаков и др., 1982; Казаков, Языкова, 1982; Хохлов, 1989; Белик, 1990, 2004а; Демьянова, Кукиш, 1990; Belik, 2006). В июне на степных озерах местами встречаются скопления, вероятно, неполовозрелых годовалых птиц (Мельгунов и др., 1988; Belik, 2006).

Местообитания. Гнездится обычно во влажных мохово-лишайниковых кочкарных тундрах. На пролете останавливается в основном на берегах илистых мелководных, обычно солоноватых степных водоемов, изобилующих хирономидами (Околелов и др., 2008).

Численность. На местах гнездования обычен и многочислен, но обилие птиц в разных районах резко колеблется по годам (Рябицев, 2001). На пролете в долине Западного Маныча в прошлом был весьма много-

числен (Петров, Миноранский, 1962; Казаков и др., 1982), а на Восточном Маныче в пик весенних миграций учитывали до 1200 особей на 10 км берега озер (Хохлов 1989). Всего же в долине Маныча тогда могло концентрироваться, по экспертной оценке, не менее 30-50 тысяч птиц (Belik, 2006). Но уже в 1980-е годы численность куликов резко снизилась, а в конце XX в. краснозобики на Маныче почти исчезли, останавливаясь на кормежку лишь на опресненных водоемах, где сохранилось много хирономид и ручейников (Шубин и др., 2001; Белик, 2004а).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

164. Чернозобик *Calidris alpina* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Обычный, массовый пролетный вид, отмечающийся во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016). На Тамани и в Дагестане изредка зимует (Тильба, 1983; Динкевич и др., 2014; Джамирзоев и др., 2018).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Белик, 2006а).

Таксономия. В европейских тундрах к востоку до Ямала гнездится номинативный подвид, который мигрирует в основном, вероятно, через Южную Россию. Сибирский подвид *C. a. centralis* летит с Таймыра на ближневосточные зимовки в основном через Каспий и Азово-Черноморский регион (Лаппо и др., 2012), регулярно отмечаясь также на юге Украины (Черничко, 2010). В Прибалтике обитает эндемичный подвид *C. a. schinzii*, зимующий в Западной Европе и Африке и изредка залетающий на юг Украины (Гладков, 1951; Черничко, 2010).

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, гнездясь повсеместно в тундрах Евразии и Северной Америки, а к югу проникая до Прибалтики и Британии. Зимует в Западной Европе, Африке и Южной Азии, мигрируя туда широким фронтом через континентальные районы, где стаи мигрантов останавливаются на кормежку и отдых преимущественно на открытых степных водоемах и берегах морей.

Местообитания. Гнездится в основном в заболоченных моховых тундрах. На миграциях кормится по илистым, реже – по песчаным берегам различных открытых озер, морей, рек и других водоемов.

Численность. В тундрах обычный и многочисленный вид, обилие которого нередко достигает 5-10-30 гнезд/км^2 (Лаппо и др., 2012). Общая численность в тундрах Европейской России составляет 100-200 тыс. пар, а балтийский подвид *C. a. schinzii* в России насчитывает лишь около 10-15 пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020).

На юге России в период миграций обычен и многочислен на оз. Эльтон,

на Сарпинских озерах, побережьях Азовского и Каспийского морей (Казаков и др., 1982; Михеев, 1985; Белик, 1990; Шубин и др., 2001; Иванов, 2015; и др.). В долине Маныча прежде был массовым мигрантом, но с засолением оз. Маныч-Гудило его численность там резко снизилась (Белик, 2004а). В северных районах Ростовской и Волгоградской обл. встречается спорадично и случайно, в горах пролет отсутствует.

Охранный статус. Реликтовая балтийская популяция, представленная подвидом *C. a. schinzii*, включена в Красную книгу России (2001) как исчезающий таксон (1 категория). На юге России чернозобик не охраняется, поскольку практически исчезнувшие в Прибалтике птицы (Мищенко, Суханова, 2016; Атлас …, 2020) через Южную Россию фактически не мигрируют.

165. Песочник морской *Calidris maritima* (Brünnich, 1764)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России (Белик и др., 2016, 2019).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). Иногда популяции Исландии и Северной Америки выделяют в самостоятельные подвиды (см.: Лаппо и др., 2012). Прежде в этот вид включали также берингийских песочников (*Calidris ptilocnemis*), гнездящихся на Чукотке, Аляске, Камчатке и Командорах (Гладков, 1951; Козлова, 1962).

Распространение. Циркумарктический ареал этого песочника разбит на ряд изолятов на арктических островах Северной Америки, в Гренландии, северной Скандинавии, на Новой Земле и Таймыре. Зимовки евразийских песочников находятся на побережьях Западной Европы, в том числе в районах гнездования в Скандинавии и на Кольском полуострове, а на континентальные водоемы и южные моря эти птицы залетают очень редко (Гладков, 1951).

В Южной России впервые отмечен в конце мая 1929 г. на берегу Азовского моря в Краснодарском крае у г. Приморско-Ахтарск (Бёме, 1934). Птицы были определены, очевидно, по добытым экземплярам, но их современное нахождение нам осталось неизвестно. Позже морской песочник изредка отмечался в Дагестане на берегу Каспия в устье р. Самур (Михеев, 1985), но эти встречи никак не были документированы. Еще раз стая из 14 особей отмечена 21.08.1997 на лагунах у Махачкалы (Вилков, 2004), но и эта ничем не подтвержденная находка вызвала сомнения и была отклонена Северокавказской орнитофаунистической комиссией (Белик и др., 2006).

Одиночная кормившаяся птица встречена 19.01.2016, а также 18.02.2016 на Суджукской косе в Цемесской бухте у Новороссийска (Лохман, Солоха, 2016, 2017; Попович, Семенова, 2018). Там же одиночный морской песочник наблюдался следующей зимой 14.01., 24.01., 26.02., 02.03., 14.03., 12.04. и 24.04.2017. А через год возможно та же птица вновь регистрировалась там 21.01., 01.02., 04.02. и 15.02.2018 (Медведева, 2017; Мокиевский, 2018а, 2018б; Попович, Семенова, 2018). Песочник прилетел на свое постоянное место зимовки также зимой 2018 г., продержавшись там с 24.12.2018 до 21.04.2019 (Белик и др., 2019; Семёнова и др., 2019).

Аналогичная многолетняя зимовка одиночного морского песочника наблюдалась также на Украине на Кинбурнском полуострове в устье Днепра, где возможно одну ту же птицу отмечали в декабре 2009, октябре 2010 и 2011 и декабре 2013 г. (Петрович, Рединов, 2016). Дважды, в феврале 1971 и сентябре 1973 г., одиночные залетные песочники были встречены также в Крыму (Костин, 1983).

Местообитания. Гнездится обычно в сухих каменистых полярных тундрах с мохово-лишайниковым покровом. На кочевках кормится в основном по морским, часто скалистым побережьям. На побережье Черного моря одиночная птица несколько зим держалась на берегу галечниковой косы в Цемесской бухте у Новороссийска.

Численность. На местах гнездования этот песочник довольно редок, и его обилие обычно не превышает 0,1-0,5 пар/км^2 (Лаппо и др., 2012). В Европейской России гнездится 5-10 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На юге России залетные птицы встречается одиночными особями.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

166. Песочник исландский *Calidris canutus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России, отмечавшийся в Ростовской обл., Краснодарском крае и, возможно, в Калмыкии (Белик, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Включает 6 подвидов. На Кавказе и в Закавказье отмечали крупных птиц номинативной формы *C. c. canutus*, гнездящихся на Таймыре (Гладков, 1951; Томкович, 1990; Tomkovich, 2001; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Циркумарктический ареал этого песочника разбит на ряд изолятов в Гренландии, на Шпицбергене, Таймыре, Новосибирских островах, о. Врангеля, Чукотке, Аляске. В Европейской России

не гнездится (Лаппо и др., 2012; Мищенко и др., 2017). Зимует в основном на океанических побережьях в Западной Европе и в субэкваториальных широтах Африки, Австралазии и Америки, мигрируя туда, как правило, вдоль берегов Западной Европы и по тихоокеанскому побережью. На внутриконтинентальных водоемах встречается очень редко (Гладков, 1951; Козлова, 1962).

На Северном Кавказе известно всего несколько находок. 02.10.1946 птица была добыта близ Ростова из стайки чернозобиков (Казаков и др., 1982). По данным В.М. Музаева (личн. сообщ.), еще одна птица добыта А.И. Близнюком 08.09.1973 из большой смешанной стаи куликов на оз. Маныч-Гудило. Это послужило основанием для включения исландского песочника в орнитофауну Калмыкии (Близнюк, 2000), однако коллекционные подтверждения видового определения птицы в настоящее время отсутствуют.

Несколько раз этих песочников наблюдали в Краснодарском крае. Так, одиночная птица встречена 24.09.1973 в Геленджикской бухте в стайке чернозобиков, кормившихся на берегу Черного моря (Пекло, Тильба, 1978, 1991, 1992). Весной одиночных птиц отмечали 12 и 15.05.1996 на рисовых чеках у Краснодара (Ластовецкий, Динкевич, 1997; Динкевич и др., 2001; Динкевич, 2004). Пара этих песочников учтена также зимой 30.01.2004 на Суджукской косе у Новороссийска (Мнацеканов и др., 2004). Там же 2 птиц наблюдали 21.01.2017 (Лохман, Солоха, 2017), и еще 1 птица встречена 26-29.08.2017 (Попович, Семенова, 2018). Наконец, 03.02.2017 на галечном берегу Черного моря в Адлере отмечены 2 птицы в зимнем наряде (Тильба, 2017а).

В Дагестане 1 птица держалась 19.10.2011 на открытом берегу Каспия возле с. Крайновка в дельте Терека (Букреев и др., 2011). Сведения же о встречах исландского песочника в Дагестане, неоднократно публиковавшиеся Е.В. Вилковым (1999, 2004 и др.), были отклонены Фаунистической комиссией Рабочей группы по куликам, которая в одном случае на представленных автором фотографиях признала обычного на Каспии краснозобика (Аноним, 2005а).

Аналогичная ситуация, судя по массовости встреч, имела место, очевидно, и с недавними наблюдениями «исландских песочников» в долине оз. Маныч-Гудило: 30.09.1997 – одиночные особи; 14.05.2001 – 6 птиц; 13.05.2004 – 5 птиц (Миноранский и др., 2006). Включение же исландского песочника в фауну Волгоградской обл. (см.: Чернобай и др., 2000; Чернобай, 2004а) никак не документировано и основано на устных сообщениях местного орнитолога-любителя о встречах этих песочников в колониях степных тиркушек (В.Ф. Чернобай, личн. сообщ.). Вероятно, оно тоже связано с ошибками в определении птиц.

Местообитания. Гнездится обычно в щебнистых или глинистых лишайниковых полярных тундрах, иногда на сухих галечниковых косах (Лаппо и др., 2012). На миграциях встречается по открытым берегам различных водоемов.

Численность. В высокоарктических тундрах обычен, местами многочислен, гнездясь с плотностью 0,1–1–5 пар/км^2 (Лаппо и др., 2012). Общая численность номинативного подвида, гнездящегося на Таймыре, оценивается в 400 тыс. особей (Waterbird Population Estimates, 2019). На пролете на побережьях Западной Европы местами многочислен. На южных морях и на континентальных водоемах мигранты встречаются крайне редко.

Охранный статус. В Красную книгу России включены сибирские подвиды *C. c. piersmai* и *C. c. rogersi* (Приказ …, 2020). На юге России не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

167. Песчанка *Calidris alba* (Pallas, 1764)

Характер пребывания. Пролетный вид, отмечавшийся во всех регионах Южной России, кроме Чечни и Ингушетии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид. Иногда выделяется в монотипический род *Crocethia* (Гладков, 1951).

Распространение. Гнездится в высоких широтах Северной Америки и Евразии, в том числе на Таймыре и Новосибирских островах. Зимуют песчанки в Южной Азии, Средиземноморье и Африке, куда мигрируют в основном через Азовское, Черное и Каспийское моря (Миграции …, 1985). Пролет на юг четко выражен на западном и восточном побережье Каспия (Шубин, Большаков, 1997).

На юге России песчанка встречается спорадично, особенно весной. Массовая весенняя миграция приурочена обычно к началу июня, после чего эти кулики быстро исчезают (Хохлов, 1989; Белик, 1990, 2001). Осенью птицы распространены шире, встречаются с конца июля до декабря, но выраженных скоплений, кроме Каспия, не образуют (Птушенко, 1939; Казаков и др., 1982; Белик, 1990, 2004а; Шубин, Большаков, 1997; Шубин и др., 2001). Пролет имеет аналогичный характер также на юге Украины и в Крыму (Костин, 1973, 1983; Черничко, 2010).

Местообитания. В арктических тундрах предпочитает возвышенные, слабо заросшие участки со щебнистым или глинистым грунтом. На миграциях кормится обычно у самой воды по открытым песчаным или ракушечным берегам морей или озер, иногда держится на илистых мелководьях пресных водоемов.

Численность. В основных местах гнездования песчанка малочисленна или обычна, имея обилие около 0,5-2,0 пар/км^2, иногда – выше (Лаппо и др., 2012). На пролете птицы редки, встречаются в одиночку, реже небольшими стайками, но в некоторых районах в пик весенней миграции образуют значительные концентрации (Шубин, Большаков, 1997). На оз. Соленое на востоке Ставрополья 03.06.1983 учтено 200-300 птиц (Хохлов, 1989); на песчаных пляжах Беглицкой косы на Азовском море близ Таганрога 03.06.86 держалось по 5-10 птиц на каждые 100 м, а общая численность оценена в 150-300 особей; много птиц держались там же и 03.06.67 (Белик, 1990, 2001). Аналогичные скопления наблюдались 04.06.1971 на Арабатской косе в Крыму, где стайки по 10-15 птиц встречались постоянно на протяжении 50 км (Костин, 1973, 1983). На первую декаду июня приходилось до 77% песчанок, учтенных также на юге Украины (Черничко, 2010).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

– **Желтозобик** *Tryngites subruficollis* (Vieillot, 1819)

Характер пребывания. Вид, включенный в фауну Краснодарского края, вероятно, по случайной ошибке (Итин, Плотников, 1991).

Зоогеографические связи. Неарктический вид, проникающий из Северной Америки на восток Палеарктики краем своего ареала, заселяя в гнездовой период в основном высокоарктические тундры как типичный эоаркт (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид. Представитель монотипического рода; иногда включается в род *Calidris.*

Распространение. Гнездится в тундрах Северной Америки, а также на северном побережье Чукотки и на о. Врангеля (Лаппо и др., 2012). Зимует в южных районах Южной Америки, однако нередко залетает через Атлантику в Западную Европу и Средиземноморье вплоть до Италии, Болгарии, Египта, особенно часто в Британию и Ирландию (Snow, Perrins, 1998). Известен также залет молодой самки 28.09.1973 в Крым (Костин, 1974, 1983).

Желтозобик без указания видового латинского названия и без детальных сведений о сделанных находках приведен для Краснодарского края как пролетный вид, отмеченный в период 1986-1990 гг. (Итин, Плотников, 1991). Но ввиду отсутствия коллекционных материалов, подтверждающих видовое определение этих птиц, а также отсутствия конкретных данных об их встречах в Краснодарском крае, желтозобик не был включен в фауну Южной России (Тильба, 2004; Белик и др., 2006). Отсутствует этот вид и в более поздней фаунистической сводке самого Г.К. Плотникова (2000).

Местообитания. Гнездится в сухих щебнистых тундрах с разреженным растительным покровом. На миграциях держится обычно в сухих степях, на лугах и полях, часто вместе с турухтанами, на которых очень похож внешним обликом (Костин, 1983).

Численность. В местах гнездования на востоке российской Арктики местами обычен; всего же там размножается 280-650 особей, а общая численность желтозобика оценивается в 15-30 тыс. птиц (Лаппо и др., 2012).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001). На юге России не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

168. Грязовик *Limicola falcinellus* (Pontoppidan, 1763)

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России, кроме Чечни и Ингушетии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Представитель монотипического рода; иногда включается в род *Calidris*. Делится на 2 подвида. В европейских тундрах гнездится номинативный подвид, который пролетает через Южную Украину и, вероятно, через юг России. Но сюда может залетать, по-видимому, и более темный сибирский подвид *L. f. sibirica* (Черничко, 2010).

Распространение. Гнездится на севере Евразии от Скандинавии до Колымы (Лаппо и др., 2012). Зимует в Средиземноморье и Южной Азии. Мигрирует широким фронтом через степные районы Южной России, изредка залетая и в высокогорья Кавказа (Комаров, 1988). Но основной пролетный путь на зимовки из Скандинавии идет через заливы Сиваша на западе Азовского моря (Черничко, 2010; Лаппо и др., 2012), откуда птицы периодически в массе залетают на восточное побережье Азовского моря (Очаповский, 1962) и нередко появляются на Черноморском побережье в Закавказье (Кобылин, 1908; Белик, 2015). В степном Предкавказье и Поволжье они встречаются на различных водоемах, но очень спорадично и нерегулярно (Иванов, Чунихин, 1959; Bier u.a., 1975; Казаков и др., 1982; Шубин, Большаков, 1997; Букреева и др., 1998; Шубин и др., 2001; Белик, 2004а; Лохман и др., 2004; Караваев, Хубиев, 2004; Околелов и др., 2008).

Местообитания. Гнездится среди топких кочковатых осоково-моховых болот. На миграциях останавливается обычно на илистых мелководных берегах открытых степных озер и других водоемов.

Численность. В европейских и сибирских тундрах весьма редок (Гладков, 1951; Рябицев, 2001). Гнездовая популяция Европейской России

составляет всего 200-1200 пар (Мищенко и др., 2017), хотя общая численность номинативного подвида оценена по учетам на зимовках в 61-64 тыс. особей (Delany, Scott, 2006; цит. по: Лаппо и др., 2012). На юге России встречается обычно небольшими стайками и лишь в Восточном Приазовье отмечали стаи до 100-300 особей (Очаповский, 1962). Но на Сиваше весной, в основном в середине мая, быстро пролетает до 20–30% скандинавской популяции грязовика, а с конца июля до конца сентября там держатся его тысячные скопления, в том числе однажды 23.09.1992 было учтено свыше 11 тыс. птиц (Черничко, 2010).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

169. Гаршнеп *Lymnocryptes minimus* (Brünnich, 1764)

Характер пребывания. Пролетный, частично зимующий вид всех регионов Южной России (Казаков и др., 1983; Белик и др., 2016; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид, представитель монотипического рода.

Распространение. Гнездится в Северной Евразии от Скандинавии до Колымы. Зимует в Африке и по югу Евразии. Мигрирует через континент широким фронтом по ночам, пересекая Кавказ и встречаясь на болотах и по берегам водоемов в степных регионах Южной России, а также на Черноморском побережье (Тильба, 1999б, 2006). Изредка зимует в Предкавказье к северу до низовий Дона и Донецкого кряжа (Иванов, Чунихин, 1959; Казаков, Языкова, 1982; Казаков и др., 1983; Белик, 1990; Хохлов, 1993; Джамирзоев, 2000; Комаров, Липкович, 2000; Шитиков и др., 2001).

Местообитания. Гнездится на низинных травянистых и моховых переходных болотах, а также на мокрых лугах в поймах рек (Лаппо и др., 2012). На миграциях останавливается на отдых и кормежку обычно по сырым мочажинам, кочковатым осоковым болотам, у заросших ручьев, родников, луж.

Численность. В местах гнездования немногочисленная, местами обычная птица. В Европейской России гнездится от 10-20 до 1,3-12,5 тыс. пар, имеющих относительно стабильную численность (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). На юге России мигранты обычны, но представление об их численности иногда значительно занижено из-за скрытного образа жизни этих птиц (Казаков и др., 1983). Однако на Ставрополье

учитывали от 4 до 18 птиц на 2 км маршрута, а на Новомарьевском лимане однажды 12.04.1987 учли около 50 птиц (Хохлов, 1993).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Относится к охотничьим видам птиц.

170. Бекас *Gallinago gallinago* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся вид северной половины Ростовской и Волгоградской обл., на остальных территориях только пролетает (Белик и др., 2016), изредка зимует в Предкавказье и на Черноморском побережье (Казаков и др., 1983; Тильба, 1999б; Лохман и др., 2004; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988), что подтверждает также оптимум ареала, выявленный в равнинных лесотундрах по всему северу Евразии (Лаппо и др., 2012).

Таксономия. В России гнездится только номинативный подвид.

Распространение. Практически вся северная Евразия, кроме сухих степей и пустынь. В Волгоградской обл. бекас указан как малочисленный гнездящийся вид (Чернобай, 2004а), но в 1980-е годы он отмечался там только на миграциях (Кубанцев, Чернобай, 1982). В последнее время в Волгоградской обл., в том числе в бассейне Среднего Дона, найти его гнездовий нам не удалось, хотя в конце XX в. он гнездился в долине р. Медведицы на юге Саратовской обл. (Завьялов и др., 2007). Гнездится он также на Хопре в Воронежской обл. (Нумеров, 1996). Гнездование предполагалось и в низовьях р. Еруслан в Заволжье (Юдин, 1952). В Ростовской обл. бекас найден на гнездовье на Среднем Дону, на Цимлянских песках и в низовьях Сев. Донца (Петров, Нечаев, 1987; Белик, 1999, 2005).

Кроме того, 16.04. и 11.05.1989 активно токовавшая птица наблюдалась нами на постоянном участке в дельте Дона, а 19.05.1991 еще один кричавший бекас отмечен на осоковом болоте в другом месте дельты. Гнездование в дельте Дона предполагал и Г. Сарандинаки (1909). В конце XIX в. токовавших птиц несколько раз отмечали весной также на Ставропольской возв. (Динник, 1886), а на болотах в долине р. Подкумок у Кисловодска гнездование было подтверждено в 1885 г. находкой пуховиков (Lorenz, 1887, 2010). Возможно, бекасы гнездятся также на болотах обширного субальпийского плато Бичесын в Приэльбрусье, где птица была встречена нами 22.07.2006.

Зимовки расположены в Западной Европе, Африке и по югу Азии, куда птицы летят через Придонье стайками по ночам широким фронтом на юг (60%) и запад (Белик, 1990). Нередок на зимовке на низменностях

вдоль Черноморского побережья (Тильба, 1999б), изредка зимует также в Предкавказье к северу до долины Маныча (Казаков, Языкова, 1982; Казаков и др., 1983; Хохлов, 1993; Джамирзоев, 2000; Комаров, Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001; Шитиков и др., 2001; Лохман и др., 2004; Моламусов, 2017).

Местообитания. Гнездится обычно на сырых кочковатых лугах, а также на низинных и переходных болотах как в поймах рек, так и среди лесов и в тундрах. На миграциях останавливается на кормежку на сырых и заболоченных лугах, по берегам различных озер, разливов и луж, на обширных илистых отмелях прудов и морских заливов.

Численность. В Европе гнездится около 2,7-5,1 млн. пар, а в Европейской России насчитывали от 2-4 до 1,3 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). В местах гнездования на юге России немногочислен и спорадичен. Общая численность здесь находится в пределах 100-500 пар, в том числе около 200 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а). На миграциях бекас обычен и многочислен. Особенно много пролетных бекасов на юге России было в XIX в., когда за день добывали иногда до 140 птиц (Алфераки, 1910; Белик и др., 2012). В 1980-е годы в дельте Дона весной регистрировали 6-17 птиц за день, изредка встречались высыпки до 40-50 бекасов, а среднее обилие составляло 0,5-1,5 ос./га. Осенью они держались обычно группами по 10-20 птиц, а во время пролетных волн численность повышалась до 5-15 ос./км береговой линии пойменных озер (Белик, 1990).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Относится к охотничьим видам птиц.

171. Дупель лесной *Gallinago megala* Swinhoe, 1861

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Северного Кавказа, статус которого остается не вполне выясненным (Бёме, 1926; Белик, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель, по-видимому, лугово-болотного фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится преимущественно по югу Средней Сибири, а также на юге Дальнего Востока. В последнее время найден в горах Северного Урала (Атлас …, 2020). Зимует в Индии и Юго-Восточной Азии, а в Европу даже не залетает (Snow, Perrins, 1998). Единственная на Северном Кавказе птица была добыта охотником-промысловиком 20.12.1898 (**ст.ст.**?) в Ингушетии в окрестностях стан. Слепцовской (Бёме, 1926; Гладков, 1951). Но этот экземпляр в коллекциях не

сохранился, специалистами не был исследован и его видовое определение сейчас вызывает определенные сомнения (Snow, Perrins, 1998; П.С. Томкович, личн. сообщ.).

Местообитания. Гнездится на сырых травянистых лугах как в поймах рек с кустарниками и перелесками, так и на вырубках среди лесов, на заболоченных полянах, в редколесьях, а также на субальпийских лугах у границы леса, но везде избегает топких болот (Щербаков, 1990).

Численность. В основных районах гнездования обычен, местами многочислен (Равкин, 1973; Кучин, 1976; Равкин, Лукьянова, 1976; и др.). В горах Урала на северо-востоке европейской части ареала может гнездиться 10-30 пар (Атлас …, 2020).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

172. Бекас азиатский *Gallinago stenura* (Bonaparte, 1830)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Северного Кавказа, лишь однажды добытый в Северной Осети (Бёме, 1934; Белик, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель бореомонтанного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1980; Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в основном в Сибири к западу до Полярного Урала и ближайших восточноевропейских тундр, а зимует в Индии и Юго-Восточной Азии, поэтому в Европу залетает очень редко (Бёме, 1934; Гладков, 1951; Snow, Perrins, 1998; Лаппо и др., 2012). Единственная на Северном Кавказе птица – взрослый самец, добытый 04.09.1934 в окрестностях г. Владикавказа, – была осмотрена и определена специалистами (Бёме, 1934; Гладков, 1951; Казаков и др., 1983). Кроме того, имеется сообщение о встрече азиатского бекаса в Дагестане на оз. Аджи (Джамирзоев, 2000), но визуальная регистрация этой птицы вряд ли может быть признана действительной из-за ненадежности полевого определения бекасов в негнездовой период (Рябицев, 2001).

Местообитания. Гнездится в редколесьях, на травянистых полянах среди лесов, зарастающих гарях и вырубках, в закустаренных поймах тундровых рек, а также среди субальпийских ерников и горных тундр в горах Южной Сибири (Брунов, 1982; Щербаков, 1990; Рябицев, 2001; Лаппо и др., 2012).

Численность. На севере Европейской России гнездится 2-5 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020), а по другой оценке – 1,5-6,6 тыс. пар (Throup, 2006; цит. по: Лаппо и др., 2012).

Оптимумы ареала с обилием около 10-30 ос./км^2 выделены в горах Южной Сибири (Брунов, 1982) и в лесотундре Западной Сибири, где обилие достигает 5-20 самцов/км^2 (Лаппо и др., 2012).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

– **Дупель горный** *Gallinago solitaria* (Hodgson, 1831)

Характер пребывания. Статус вида на юге России неясен (Белик, 2010).

Зоогеографические связи. Представитель альпийского фаунистического комплекса Гималайского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Распадается на 2 подвида: номинативный, гнездящийся в горах Южной Сибири от Прибайкалья до Алтая, а также на Тянь-Шане, Памире и Гималаях, и более мелкий *G. s. japonica*, населяющий горы Восточной Сибири, Чукотку, Камчатку, Сихотэ-Алинь и Монголию.

Распространение. Горы Центральной и Восточной Азии. Зимует обычно в районах гнездования, спускаясь лишь в более низкие горные долины, поэтому зимние находки во многих случаях могут свидетельствовать о гнездовании в ближайших горах (Гладков, 1951; Степанян, 2003).

В Зоологическом музее МГУ (г. Москва) хранится экземпляр *Gallinago solitaria* (№ 71431) из коллекции Л.Б. Бёме, местом сбора которого значатся «Окрестности стан. Слепцовской Сунженского отд. Терской обл.». Ни дата, ни пол птицы не указаны. Но на оригинальной этикетке этого экземпляра содержится зачеркнутая и затушеванная чернилами запись о том, что птицу добыл В. Селегененко в 1901 г. в окрестностях г. Владивостока, Приморской обл. Определить подвидовую принадлежность этой птицы, что могло бы дать хотя бы косвенные свидетельства о месте ее происхождения, не удалось (П.С. Томкович, личн. сообщ.). В работах же Л.Б. Бёме по Кавказу никакой информации о горном дупеле не содержится (Белик, 2010).

Местообитания. Типичный альпийский вид, обитающий в открытых ледниковых цирках у верхней границы леса, где прячется среди гальки у ручьев и рек, а также в широких троговых долинах у небольших ручьев, текущих среди галечников, низкотравных заболоченных луговин и редколесий. Зимой держится обычно по берегам незамерзающих горных рек и ручьев. Ведет молчаливый сумеречный образ жизни (Сушкин, 1938; Гладков, 1951; Щербаков, 1990; и др.).

Численность. В местах гнездования немногочисленная птица, держащаяся обычно в одиночку.

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

173. Дупель *Gallinago media* (Latham, 1787)

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России, а для Волгоградской обл. приведен как вероятно гнездящийся вид (Чернобай, 2004а; Белик и др., 2016). В Предкавказье и Причерноморье отмечался на зимовках (Строков, 1960; Хохлов и др., 1988, 1991; Шитиков и др., 2001), но эти данные требуют фактических подтверждений (П.С. Томкович, личн. сообщ.).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Скандинавии и Прибалтики до Енисея, а к югу до Верхнего Дона и Средней Волги. В XIX в. южную границу ареала проводили между Саратовом и Камышином (Богданов, 1871). Сейчас в Волгоградской обл. дупель указан как редкий, вероятно гнездящийся вид (Чернобай, 2004а), хотя в предыдущих работах он приведен среди пролетных видов (Кубанцев, Чернобай, 1982). Его размножение отмечали на Волге у Саратова и в поймах Хопра и Медведицы на северо-западе Саратовской обл. (Пискунов, 2006; Завьялов и др., 2007). Но в Воронежской обл. гнездование дупеля в последнее время подтвердить не удалось (Нумеров, 1996; Венгеров и др., 2000; Соколов, 2011, 2017, 2018).

Летние встречи дупеля известны также на Среднем и Нижнем Дону: 21.05.1919 **ст.ст.** в дельте Дона; 16.07.1919 **ст.ст.** на Среднем Дону на юге Воронежской обл.; 18.06.1948 на Западном Маныче; в июне 1985 г. у Луганска; в течение всего лета в низовьях Сев. Донца (Сарандинаки, 1909; Лерхе, 1940; Казаков и др., 1983; Белик, 1990; Белик и др., 2012). В 1980-е годы похожие птицы, по опросным данным, встречались летом, во время сенокоса, на пойменных лугах Среднего Дона в районе стан. Вешенской (Белик, 2005). Там в гривистой пойме в паводковые годы формируются типичные для дупеля местообитания, и поэтому его гнездование на Среднем Дону исключать нельзя. Характер летнего пребывания на Нижнем Дону остается неясен.

Зимует дупель в Южной Африке (Козлова, 1962). Мигрирует туда по ночам широким фронтом через Южную Россию, пересекая Кавказ, где птицы встречались в горах на высоте около 2000 м н.у.м., а также на Черноморском побережье (Казаков и др., 1983; Тильба, 1999б, 2006).

Местообитания. Гнездится преимущественно на изобилующих дождевыми червями открытых, гривистых, некошенных пойменных лугах с заболоченными понижениями (музгами), а также на луговых участках среди низинных осоковых кочковатых болот. На миграциях дупели

останавливаются обычно на пойменных лугах, заболоченных понижениях и по берегам различных водоемов.

Численность. На юге России возможно гнездование до 20-50 пар (Белик, 2005, 2014а). В средней полосе России дупель немногочислен, местами обычен, но распространен очагами, спорадично. Для Европейской России указывали от 50-120 до 10-70 тыс. пар, в последние десятилетия постепенно снижающих свою численность. В целом в Европе насчитывают 62-145 тыс. самцов (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Атлас …, 2020).

Численность дупеля начала быстро сокращаться еще в XIX в., а затем в начале XX в. (Гладков, 1951; Райский, 1955). На миграциях на юге России в конце XIX - начале XX в. он был вполне обычен и многочислен (Алфераки, 1878; Динник, 1886; Сарандинаки, 1909; Аверин, 1911; Бёме, 1926), и на Нижнем Дону встречали стаи из 15-30 птиц, а за утреннюю охоту в апреле добывали до 15-20 дупелей (Алфераки, 1878; Белик и др., 2012). В конце XX в. на юге России встречали обычно уже лишь единичных пролетных птиц (Белик, 1990; Хохлов, 1993; Комаров, Липкович, 2000), а их скопления наблюдались весьма редко (Мельгунов и др., 1988).

Охранный статус. На юге России включен в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория), а также в Красные книги соседних, более северных областей – Воронежской (2018) и Саратовской (1996). Но во многих регионах дупель до сих пор относится к охотничьим видам птиц.

174. Вальдшнеп *Scolopax rusticola* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся вид в бассейне Дона и в лесистых горах Кавказа; в степных регионах Южной России регулярно появляется на сезонных миграциях, а в колхидских лесах Закавказья обычен на зимовке (Белик, 2016; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в лесах умеренного пояса Евразии от Атлантики до Приморья, а также в горах Кавказа. На юге России, кроме лесов Северного Кавказа и Ставропольского плато, заселяет также леса в бассейне Среднего Дона на северо-западе Волгоградской обл. и леса на севере Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона (Белик, 2016). В Саратовской обл. вальдшнеп найден на гнездовании только в северных районах правобережья, но южнее, близ границы с Волгоградской обл., его гнездовья не были известны (Завьялов и др., 1998).

В XIX – начале XX в. эпизодическое гнездование вальдшнепа отмечалось также в садах, в лесопосадках и в пойменных лесах по степным рекам Приазовья. Оно установлено в садах Азовского р-на на юге Ростовской обл.; в середине XIX в. гнездо было найдено в лесу на р. Миус; в 1880-е годы 1-2 пары держались летом в лесопосадках на северном берегу Таганрогского залива; в 1909 г. пара вальдшнепов всё лето провела в обширном, глухом саду на берегу р. Мокрый Еланчик близ Таганрога, а 13.05.1913 токовавшую птицу наблюдали на р. Миус (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Белик и др., 2012), но сейчас, по-видимому, вальдшнеп здесь не гнездится (Белик, 2016). Вновь он появляется на гнездовье только в бассейне Дона и прилежащих районах.

Зимует вальдшнеп на юго-западе Европы, на Кавказе и в Южной Азии. Основные районы зимовок на Кавказе приурочены к влажным колхидским лесам Закавказья, но нерегулярные зимовки существуют в предгорьях Северного Кавказа, а отдельные особи встречаются зимой в Предкавказье к северу до Нижнего Дона и Нижней Волги (Казаков и др., 1983; Забашта, 2006; Бондарев, 2008; Белик, 2016). Миграции птиц из Северной Европы и Сибири направлены в основном на запад – юго-запад в Европу, но на юге России вальдшнепы летят в субмеридиональном направлении, и пролетные птицы регулярно появляются здесь во всех степных регионах (Белик, 2016).

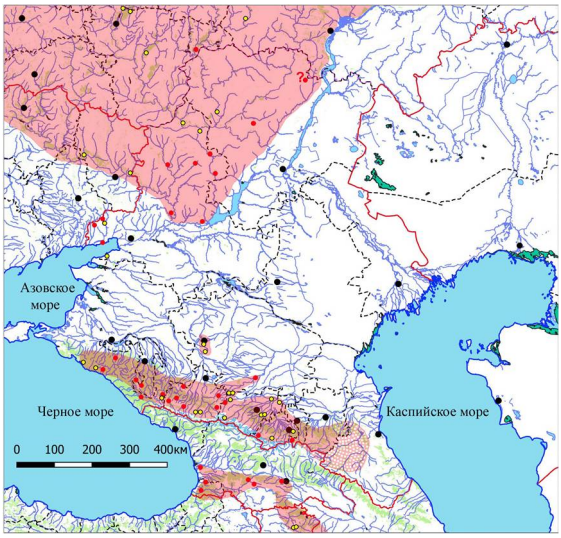


Рис. 47. Гнездовой ареал вальдшнепа на Кавказе и юге России и Украины. Известные находки гнезд и выводков (черно-желтые пуансоны) и летних встреч (красные пуансоны) (по: Белик, 2016; с дополнениями)

Местообитания. Гнездится обычно в сырых и влажных смешанных и лиственных лесах как на равнине, так и в горах. На Кавказе предпочитает мозаичные мелколиственные березняки и ольшаники среднегорий у границы с субальпикой, где формируется более влажный климат, но птицы встречаются и в широколиственных лесах, и в сухих сосняках. Зимой вальдшнепы держатся в разных типах лесов, но чаще встречаются в ольшаниках, у родников, а при выпадении снега спускаются к подножиям гор. На миграциях останавливаются в байрачных и пойменных лесах, в лесополосах и искусственных насаждениях, в садах и кустарниках, иногда даже в траве среди открытой степи.

Численность. В лесах умеренного пояса сравнительно обычен, но на южной границе ареала в бассейне Дона – редок и встречается очень спорадично; немногочислен вальдшнеп на гнездовании и в лесах Кавказа. Всего в Европейской России весной токует от 3 до 6-7 млн. самцов (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020), а популяция Южной России оценена в 1-10 тыс. условных пар, в том числе около 50 пар обитает в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а).

В Осетии в субальпийском березовом криволесье учитывали 5,5 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003), а для горных мелколиственных лесов Чечни и Ингушетии указаны 0,3 ос./5 км маршрута (Гизатулин и др., 2001). Оценка общей численности на юге России, основанная на приведенных данных, очень приблизительна и требует дополнительной корректировки (Белик, 2016). В последние десятилетия на севере ареала наблюдается снижение численности птиц (Высоцкий, 2019); сокращение популяций прослеживается и на Северном Кавказе (Белик и др., 2003; Белик, 2016).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Относится к охотничьим видам птиц. На юге России ежегодно, в основном осенью, добывают до 12 тыс. птиц, из которых около 8,5 тыс. особей отстреливают на Ставрополье (Блохин и др., 2016)

– **Кроншнеп-малютка** *Numenius minutus* Gould, 1841

Характер пребывания. Вид, включенный в фауну Краснодарского края и Дагестана из-за случайных номенклатурных ошибок и возможных ошибок в визуальном определении птиц (Тильба, 1991; Емтыль, 1996; Джамирзоев, 2000; Вилков, 2001, 2004).

Зоогеографические связи. Представитель бореомонтанного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1980; Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездится в горах на севере Средней и Восточной

Сибири, а зимует в Австралии, куда мигрирует осенью в основном через континентальные районы Забайкалья, Монголии и Китая, и лишь в единичных случаях залетая к западу до Казахстана (Долгушин, 1962), а также в Финляндию, Норвегию и Британию (Snow, Perrins, 1998).

На юге России из-за номенклатурных ошибок *N. minutus* случайно попал в списки фауны Краснодарского края (Тильба, 1999; Емтыль, 1996; Динкевич, 2002). Без каких-либо ссылок и пояснений он был включен также в фауну Дагестана (Джамирзоев, 2000; Джамирзоев и др., 2000).

Кроме того, на приморской лагуне у Махачкалы в Дагестане 11.05.2001 была встречена стайка из 5 особей предположительно кроншнепов-малюток (Вилков, 2001, 2004). Однако фаунистическая комиссия Рабочей группы по куликам, рассмотрев поступившие от автора материалы, посчитала, что их «недостаточно для однозначного суждения о видовой принадлежности наблюдавшихся птиц» (Аноним, 2002, с.4). В связи с этим Северокавказской орнитофаунистической комиссией было принято решение не включать кроншнепа-малютку в фауну Южной России до получения достоверных сведений о его встречах в этом регионе (Белик и др., 2006).

Местообитания. Гнездится в низко- и среднегорных районах среди редколесий, а также на зарастающих гарях и вырубках с мохово-лишайниковым покровом и кустарниками. На осенних миграциях останавливается в степи, на лугах и травянистых болотах.

Численность. В районах гнездования редок, но местами обычен и даже многочислен; общая численность оценивается в 180 тыс. особей (Лаппо и др., 2012). На осенних миграциях в степях Забайкалья и Китая местами многочислен (Гладков, 1951; Лаппо и др., 2012; Белик, 2019).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

175. Кроншнеп тонкоклювый *Numenius tenuirostris* Vieillot, 1817

Характер пребывания. Пролетный вид степных регионов Южной России (Белик и др., 2016). В прошлом, возможно, гнездился в степях на юге России (Белик и др., 2012). В настоящее время вид, по-видимому, практически вымер. Последняя подтвержденная встреча этого вида относится к 2002 г. на пролете в Венгрии (http://www.slenderbilledcurlew.net), когда в природе оставалось предположительно уже менее 50 живых особей (International Action plan …, 2002).

Зоогеографические связи. Предположительно, представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Гнездовья этого кроншнепа впервые были найдены

лишь в начале XX в. в Омской обл. на юге Западной Сибири (Ушаков, 1916, 1925; Gretton, 1991). Но встречи птиц в гнездовой период в степной зоне (Эверсманн, 1866; Зарудный, 1888; Сушкин, 1908; Волчанецкий, 1937; Мосейкин, 1992; и др.) позволяют предполагать, что исконный ареал этого кроншнепа был приурочен к степным или лесостепным ландшафтам (Козлова, 1962; Белик, 1994, 2004; Danilenko et al., 1996). Позже это предположение было подтверждено в результате изучения изотопного состава образцов оперения коллекционных экземпляров, хранящихся в различных музеях мира (Buchanan et al., 2017). Однако поиски гнездовий в степях Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и Казахстана в конце XX в. оказались безрезультатными (Юрлов, Греттон, 1990; Gretton, 1991; Юрлов, 1992; Морозов, 1997, 1998; Boere, Yurlov, 1998; Белик и др., 2006; и др.).

В XIX в. эти кроншнепы гнездились, возможно, также в Предкавказье, Придонье и Манычских степях, где их встречали до начала XX в. (Динник, 1886; Лерхе, 1938; Белик, 1994; Белик и др., 2012), но позже на Волге, Дону, Маныче, в Приазовье и других районах они отмечались уже только на миграциях.

Сейчас на юге России известно всего 12 точно документированных находок этого кроншнепа, определенного по добытым особям: в сентябре 1855 г. в Крыму в долине р. Салгир (Костин, 1983; колл. Зоомузея МГУ); 28.08.1907 **ст.ст.** на Маныче у г. Пролетарск (Сарандинаки, 1909; в оригинале – опечатка в дате); самец и самка 25.03.1908 **ст.ст.** на Нижнем Дону у г. Батайск (Козлова, 1962; колл. Зоомузея МГУ); самка от 12.04.1910 у Ростова-на-Дону (колл. ЗИН РАН); 26.08.1913 **ст.ст.** на Кривой косе у г. Мариуполь в Донецкой обл. Украины и две птицы 04.04.1917 **ст.ст.** в пойме Дона близ Ростова (Белик и др., 2012); 20.04.1921 и 01.09.1921 у Новороссийска (Птушенко, 1939; колл. Зоомузея МГУ); 14.08.1927 в дельте Волги (Воробьев, 1936); 05.09.1999 у оз. Эльтон в Заволжье (Линдеман и др., 2005).

Кроме того, в XIX – начале XX в. птиц добывали в Ставропольском крае (Динник, 1886), у Таганрога в Ростовской обл. и на Ейском лимане в Краснодарском крае (Алфераки, 1910), а также в Северной Осетии (Бёме, 1926). Еще две птицы были добыты в апреле 1893 г. в Грузии у Батума и на р. Квирилы (Вильконский, 1897; колл. ЗИН РАН).

Зимовал тонкоклювый кроншнеп в основном в Средиземноморье, отчасти на Ближнем Востоке. Его миграции из степей Казахстана на запад шли преимущественно через Волго-Уральское междуречье, а затем вдоль Нижнего Дона и побережий Азовского и Черного морей в Грецию и дальше в Алжир и Марокко. Последний раз 3 стайки по 7-10 птиц, с криком пролетевших на запад, наблюдали вечером 09.08.1981

близ Новочеркасска на Нижнем Дону (Белик, 1990), а в августе-сентябре 2001 и 2004 гг. предположительно тонкоклювые кроншнепы 4 раза были отмечены в Крыму и 4 раза на юге Украины (Черничко, 2010).

Местообитания. Гнездовья тонкоклювого кроншнепа были найдены на таежных моховых болотах в Омской обл. (Ушаков, 1916, 1925). В степной зоне эти птицы часто встречались среди заросших волнистых песков с озерными понижениями, окруженными лугами, которые, возможно, тоже использовались для гнездования (Зарудный, 1988; Волчанецкий, 1937). В Манычских степях в XIX в. гнезда отмечали среди озимых хлебов (Белик и др., 2012). На миграциях кроншнепы останавливались по берегам морей и различных степных водоемов.

Численность. В XIX – начале XX в. пролетные птицы были обычны на Нижнем Дону, Маныче и в Приазовье (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Птушенко, 1939; Белик и др., 2012), но затем их численность начала быстро снижаться. По наблюдениям в Северном Приазовье, только с 1940 по 1970 г. число мигрантов уменьшилось в 10 раз, и они стали отмечаться там чрезвычайно редко (Огульчанский, 1973). А во второй половине XX в. на юге России отмечено лишь несколько встреч (Белик, 1990; Линдеман и др., 2005; Реуцкий, 2015). О резком снижении численности птиц свидетельствовали также их учеты на зимовках в Средиземноморье, где в 1964 г. было зарегистрировано 800, а в 1975 г. – только 123 особи (Бутьев, 1983). В 1990-е годы общую численность в пределах ареала оценивали в 150 особей (Юрлов, 2001), а к концу XX в. осталось не более 40–50 птиц (Рябицев, 2001).

Охранный статус. Под 1 категорией включен в Красную книгу России (2001), как исчезающий вид указан в Красной книге Ростовской обл. (1 категория) и как исчезнувший – в Красной книге Астраханской обл. Причины исчезновения недостаточно ясны. Скорее всего, они связаны с трансформацией основных местообитаний на местах гнездования, пролета или зимовок в результате хозяйственной деятельности человека, возможно также вследствие глобальных изменений климата. Несомненна также негативная роль охоты на путях пролета, поскольку тонкоклювый кроншнеп среди других кроншнепов отличался повышенной доверчивостью и значительно чаще попадал под выстрелы охотников (Юрлов, 2001). Все поиски гнездовий в конце XX в. оказались безрезультатными, что не позволило своевременно организовать территориальную охрану этих птиц.

176. Кроншнеп большой *Numenius arquata* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий гнездящийся перелетный вид, сохранившийся на гнездовании на Нижнем и Среднем Дону и в Заволжье.

В остальных степных регионах Южной России, а также на побережьях морей этот кроншнеп регулярно появляется сейчас на миграциях (Белик и др., 2016), местами в Предкавказье остается на зимовку (Тильба, 1983; Хохлов, 1993; Джамирзоев, 2000; Динкевич и др., 2014; Лохман, 2017; Джамирзоев и др., 2018; Букреев и др., 2019; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. В Европе к востоку до Урала гнездится номинативный подвид, а в Сибири распространен более светлый *N. a. orientalis*., частично проникающий в Европу на запад до Кировской обл. (Сотников, 2002). Степи же Нижнего Поволжья, северного Казахстана и юго-западной Сибири населяет степной, или коротконосый кроншнеп *N. a. sushkini* (Dickinson, Remsen, 2013), отличающийся от сибирского подвида заметно более мелкими размерами (см.: Бутурлин, 1934). Вероятно, он же проникает в бассейн Дона и в Крым.

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до степного Забайкалья и Монголии. На юге России в XIX в. был широко распространен в степной зоне, включая степное Предкавказье и Северное Приазовье, Калмыкию и Поволжье (Artzibascheff, 1859, 2015; Россиков, 1890; Алфераки, 1910; Лорец, 1928; Лерхе, 1938; Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2012), обитал также на юге Украины (Кістяківський, 1957; Черничко, 2009) и в Крыму, в том числе на Керченском полуострове, где гнезда вновь были найдены в 1987 и 1999 г. (Кинда, 1998; Кинда, Гринченко, 2002).

Однако в XX в. ареал в степях резко сократился, отступив на восток, в Заволжье и Казахстан, а в Южной России отмечались лишь очень редкие, случайные, спорадичные гнездовые находки. В 1967 г. гнездо с кладкой осмотрено в Чечне на левобережье Терека у оз. Киссык, где обнаружена колония из 7 пар, а в 1965 г. две пары гнездились у соседнего оз. Будары (Анисимов, 1989). В 1987 г. гнездо с кладкой найдено в дельте Кубани в Славянском р-не (Тильба и др., 1990). В 1983 г. небольшая гнездовая популяция обнаружена на Цимлянских песках на правобережье Нижнего Дона (Белик, 1988, 1991, 1996а, 2006, 2014), а в мае 1999 г. еще 1-2 птицы встречены на Арчединских песках на Среднем Дону в Волгоградской обл. (Белик и др., 2000). Кроме того, Ю.В. Мищенко (личн. сообщ.) встретил гнездовую пару в 1986 г. на песчаных террасах р. Чир в Обливском р-не (Белик, 1988).

Гнездовья еще сохранились, возможно, по рекам Еруслан, Торгун и Со-

леная Куба на севере Волгоградского Заволжья (Чернобай, 2004а; Завьялов и др., 2007; Шубин, Иванов, 2017), но наши поиски кроншнепов там в последнее десятилетие оказались безрезультатными.

Рис. 48. Реликтовые поселения большого кроншнепа на юге России и в Западном Казахстане: известные гнезда (красно-желтые пуансоны) и летние встречи (красные пуансоны)

Зимует кроншнеп по берегам Западной Европы, в Средиземноморье, Африке и Южной Азии. Нередок он на зимовке также на Тамани (Тильба, 1983; Динкевич и др., 2014; Лохман, 2017), изредка встречается зимой в Предкавказье (Хохлов, 1993; Джамирзоев, 2000; Джамирзоев и др., 2018).

Миграции хорошо выражены в долине Нижнего Дона, вдоль которого летят, вероятно, степные птицы из Заволжья в Средиземноморье: осенью на запад, а весной на восток. Пролет на запад наблюдается также на Маныче, а в Предкавказье весенний пролет ориентирован на северо-восток, а осенний – на юг (Белик, 1990; Хохлов, 1993; Федосов, Маловичко, 2006; Белик и др., 2012), ведущий, очевидно, из Западной Сибири на Ближний Восток (Миграции …, 1985). Перелет совершается в одиночку, парами и небольшими группами, а осенью часто стаями, обычно по утрам и вечерам, иногда ночью. Местами в степях Приманычья летом собираются большие скопления холостых и пролетных кроншнепов (Хохлов, 1987, 1989; Федосов, Маловичко, 2009).

Местообитания. Гнездится одиночными парами и небольшими разреженными колониями на сырых и заболоченных лугах в поймах рек,

вокруг озер и по степным лиманам, а также в волнистых песчаных степях, обычно рядом с озерами и реками. Местами селится на солончаках в низинах, иногда – в посевах озимой пшеницы. На севере заселяет также моховые таежные болота. На пролете кормится на лугах, в степях, на волнистых песках и по берегам различных водоемов, а на отдых собирается на открытых отмелях озер и других водоемов.

Численность. В лесной зоне довольно обычен, местами малочислен. Так, на лугах и полях Кировской обл. обилие птиц составляет от 0,5 до 3,0 пар/км2 (Сотников, 2002). Всего в Европейской России гнездится 45-100 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). На юге России в конце XX в. предполагалось гнездование 50-200 пар, в том числе 5-10 пар в Ростовской обл. на Цимлянских песках и 50-150 пар в Волгоградской обл., при этом популяция в Заволжье за предыдущие 20 лет сократилась примерно в 10 раз (Белик, 1998). Стабильная группировка сохранялась там лишь в Старополтавском р-не на солончаках по рекам Торгун и Соленая Куба (Чернобай, 2004а), но в последние годы кроншнепы в Заволжье встречаются крайне редко (Линдеман и др., 2005; Гугуева, Белик, 2013; Шубин, Иванов, 2017).

Реликтовая популяция на Цимлянских песках относительно стабилизировалась на уровне 30-50 пар, гнездящихся с плотностью около 4–6 пар/100 км2 (Белик, 2006). Состояние гнездовий на Арчединских песках остается неизвестно. Всего на юге России сейчас гнездится около 50-100 пар (Белик, 2014). В Крыму же оценка численности кроншнепа повысилась с 5-8 до 12-15 пар, в том числе 8-10 гнездовых пар на Керченском полуострове (Кинда, 1998; Кинда, Гринченко, 2002).

Резкое сокращение численности больших кроншнепов на миграциях прослежено в середине XX в. в дельте Волги (Луговой, 1963); в долине Маныча численность этих птиц снизилась с 1,4–7,3 ос./10 км маршрутов в 1980–1990-е годы до 0,3–1,2 ос./10 км – в 2001–2004 гг. (Белик, 2004а). На миграциях на лиманах Тамани обилие в апреле-мае достигает 12-16 ос./км^2 (Тильба, 1983). А на зимовках в Краснодарском крае общая численность кроншнепов в XXI в. колебалась в пределах 100-150 особей (Лохман, 2017).

Охранный статус. Степной подвид кроншнепа *N. a. sushkini*, а также популяции южной и средней полосы России включены под 2 категорией в Красную книгу России (Приказ …, 2020) и охраняются во всех регионах, в которых обитают. Отсутствует этот вид кроншнепа только в Красных книгах горных регионов Северного Кавказа (Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной

Осетии и Ингушетии). Необоснованно он выведен из Красной книги Ставропольского края (2013), где регулярно наблюдаются его сотенные и тысячные пролетные скопления (Хохлов, 1987, 1989; Федосов, Маловичко, 2009).

Повышенная уязвимость всех видов кроншнепов связана с их открытым гнездованием на земле на пастбищах и сенокосах, с низкой плодовитостью и медленным половым созреванием, с крикливостью и пониженной осторожностью у гнезд и птенцов, а также с высокой привлекательностью для охотников из-за значительной величины этих птиц. Причины же их исчезновения обусловлены, прежде всего, интенсивным браконьерством в гнездовых колониях, особенно в XIX в. (см.: Аксаков, 1956), распашкой целинных степей и интенсивным выпасом скота на лугах, обсыханием степных лиманов из-за климатических изменений и хозяйственной деятельности человека (Райский, 1955; Линдеман и др., 2005), возможно – также интоксикацией кроншнепов различными пестицидами в середине XX в. (Белик, 1997, 2015а).

177. Кроншнеп средний *Numenius phaeopus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный вид степных регионов Южной России, возможно еще изредка гнездящийся в Заволжье (Барабашин, 2004а; Линдеман и др., 2005; Бородин и др., 2007; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. На севере Европы и в Западной Сибири гнездится номинативный подвид, который мигрирует через Южную Россию на зимовки в Африку; в Восточной Сибири обитает многочисленный *N. ph. variegatus*, а в степной зоне от Заволжья до Зауралья распространен более крупный и светлый (с белыми подмышечными перьями и чисто белой поясницей) *N. ph. alboaxillaris*, который к настоящему времени почти вымер в связи с изменениями климата, распашкой целинных степей и др. (Морозов, 1998). Из Средней Сибири недавно описан новый подвид *N. ph. rogachevae*, мигрирующий, по-видимому, через Казахстан и Туркмению в Южную Азию (Томкович, 2008; Лаппо и др., 2012). Канадские популяции *hudsonicus* и *rufiventris* иногда выделяют в отдельный вид (Гладков, 1951).

Распространение. Гнездится в основном на севере Евразии, а также в Северной Америке. На юге России в Волгоградском Заволжье предполагается гнездование степного подвида *N. ph. alboaxillaris*, который был найден 12-13.06.2003 в Старополтавском р-не (50°16′42″N,

46°26′12″E), где он с криком летал над полем яровой пшеницы и садился в посевы (Барабашин, 2004а; Бородин и др., 2007). Кроме того, 18.06.2002 на берегу оз. Булухта в Палласовском р-не 8 средних кроншнепов очень активно тревожились, по-видимому, у гнезд или птенцов (Линдеман и др., 2005).

Гнездо среднего кроншнепа с 2 яйцами и 2 пуховиками было найдено 25.05.1986 в долине р. Урал к северу от пос. Чапаево в Казахстане (Шевченко и др., 1993, 2020). Кроме того, в Волго-Уральском междуречье на Чижинских весенних разливах у подножия Общего Сырта в Казахстане 29-31.05.1996 наблюдался гнездовой участок пары кроншнепов, по-видимому, степного подвида (Белик, 2021).

В прошлом степной подвид был распространен, по-видимому, значительно шире (Белик, 2004), но сейчас его ареал сократился до небольшого района на Южном Урале (Морозов, 1998; и др.), однако случайные гнездовые находки могут регистрироваться и в других регионах.

Зимовки расположены в Африке и Южной Азии. Основная миграция туда идет осенью вдоль западного побережья Каспия, а весной птицы летят вдоль его восточного берега и дальше на север по долине Нижнего Урала, тогда как осенью они там совсем не встречаются (Seebohm, 1882; Караваев, Белоусов, 1980; Шевченко и др., 1993, 2020; Белик, 1994; Шубин, Большаков, 1997; Карпов, 2011).

Значительно более слабый весенний и осенний пролет идет через южную Украину и Крым (Черничко, 2010), откуда птицы регулярно залетают на Тамань (Казаков и др., 1983). На Нижнем Дону, в Предкавказье и на Нижней Волге это редкий мигрант, случайно встречающийся весной и осенью (Алфераки, 1910; Бёме, 1926; Казаков и др., 1983; Белик, 1990, 2004а; Хохлов, 1993; Комаров, Липкович, 2000; Шубин и др., 2001; Белик и др., 2012; Реуцкий, 2014), а в горные регионы Северного Кавказа он практически не залетает (Белик и др., 2016).

Местообитания. На севере заселяет в основном верховые сфагновые болота, редколесья, зарастающие гари, а в степной зоне гнездится на пойменных лугах, у водоемов и луговых лиманов. На пролете останавливается по открытым берегам водоемов, а также на лугах, в степи и пустынях (Карпов, 2011).

Численность. На севере Европейской России обитает от 50-70 до 10-93 тыс. пар номинативного подвида, численность которых относительно стабильна, а ареал расширяется (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). Популяция степного подвида *N. ph. alboaxillaris* вряд ли превышает 100 пар, а в Европейской России насчитывает, вероятно, не более 10-15 пар (Атлас …, 2020). В Волгоградском Заволжье, по экспертной

оценке, может гнездиться от 1 до 10 пар (Белик, 2014а). На миграциях на юге России встречается в одиночку и небольшими стайками, но на Тамань иногда залетают стаи до 100 особей (Казаков и др., 1983), а обилие на лиманах весной достигает 33,5 ос./км^2 (Тильба, 1983). Обычен этот кроншнеп также на осенних миграциях на побережье Каспия в Дагестане (Шубин, Большаков, 1997; Джамирзоев и др., 2014).

Охранный статус. Степной подвид *N. ph. alboaxillaris* под 2 категорией включен в Красную книгу России (Приказ …, 2020). Этот вид занесен в Красные книги Астраханской обл. (3 категория), Волгоградской и Ростовской обл. (2 категория) и Дагестана (1 категория).

Все кроншнепы, гнездящиеся на земле в степных сельскохозяйственных угодьях и имеющие в целом невысокий репродуктивный потенциал, очень заметны из-за своего громкого, звонкого голоса, мало осторожны у гнезд и птенцов и издавна представляют излюбленный объект охоты. Они оказались крайне уязвимы в современном мире, и сейчас многие из них быстро сокращают численность и вымирают. Причины исчезновения среднего кроншнепа связаны, вероятно, с браконьерством, с распашкой целинных степей и лугов, с интенсивным выпасом скота на сохранившихся пастбищах, возможно также с интоксикацией птиц различными пестицидами и с изменениями степного климата. Этот вид на юге России требует обязательной, безусловной охраны.

178. Веретенник большой *Limosa limosa* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий гнездящийся вид, сохранившийся в бассейне Дона и Волги, а также, возможно, на Сарпинских озерах в Калмыкии (Белик и др., 1991; Белик, 1998). В остальных регионах Южной России сейчас отмечается на миграциях (Белик и др., 2016). На побережье Каспия в Дагестане случайно зимует (Джамирзоев и др., 2018).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 3 подвида. В Европейской России гнездится номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Тихого океана. На западе Евразии выделяются две несколько обособленные популяции, распространенные на лугах и болотах лесной зоны, а также в степях и полупустынях по югу ареала (Белик, 1998). В прошлом степные птицы заселяли, вероятно, Предкавказье, Калмыкию, Поволжье и Заволжье (Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2012).

В настоящее время веретенник очень спорадично гнездится по северу Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона и Цимлянских песков (Белик, 1996а, 1998, 2003д, наши данные), а также местами в Заволжье (Гугуева, Белик, 2013; Шубин и др., 2017). Но на северо-западе Волгоградской обл. в 2008-2012 гг. гнездовья нами не выявлены (Гугуева, Белик, 2013), однако в конце июня 2018 г. тревожившаяся птица встречена в пойме Хопра в Нехаевском р-не (Соколов, 2018). Птицы могли сохраниться местами также в поймах Медведицы и Иловли.

На правобережье Саратовской обл. в 1990-е годы обнаружена лишь одна колония в Самойловском р-не у границ с Волгоградской обл. и отмечено летнее пребывание на Хопре в Романовском р-не (Пискунов, Беляченко, 1998), а в Воронежской обл. гнездовья к настоящему времени сохранились лишь в некоторых северных и центральных районах, в том числе по Хопру у Волгоградской обл. (Соколов, Нумеров, 2018).

Зимуют веретенники в Средиземноморье, Африке и Южной Азии, и через степные регионы Южной России идет их массовая миграция. Весной на Нижнем Дону стаи птиц летят в течение всего дня на восток вдоль долины Дона. Осенние же миграции направлены здесь на юг и юго-восток (Белик, 1990). Местами на обширных степных водоемах и берегах морей в Предкавказье и Поволжье весной и летом формируются большие миграционные скопления, отмечавшиеся на Сарпинских озерах в Волгоградской обл. и в Калмыкии, на Маныче, в Восточном Приазовье, на Тамани (Белик, 1990, 2004а; Хохлов, 1993; Шубин и др., 2001; Белик и др., 2013; Лохман, 2017; и др.).

Местообитания. Гнездится одиночными парами и небольшими разреженными колониями на сырых и заболоченных лугах в поймах рек, на топких болотах и кочкарниках вокруг озер, а также по заболоченным степным лиманам, очень часто – рядом с большими кроншнепами. На пролете останавливается по берегам морей, на болотах, пойменных разливах, открытых отмелях озер, лиманов, прудов и других водоемов.

Численность. В прошлом в Предкавказье, Поволжье и Заволжье был обычен, местами многочислен на степных лиманах, весной обычно заливавшихся талой водой (Artzibascheff, 1859, 2015; Лерхе, 1940; Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2012). До конца 1960-х годов был обычен на пойменных лугах Волгоградской обл., где гнездилось до 500–800 пар, но к началу XXI в. численность сократилась до 130–150 пар (Чернобай, 2004а). До 1960-х годов птицы массово гнездились также по степным лиманам и солончакам у озер в Приэльтонье, затем до 1990-х годов их численность там резко снизилась, а позже они исчезли на гнездовье вовсе (Линдеман и др., 2005; Шубин, Иванов, 2017). Редко и очень спорадично веретенник гнездится сейчас в северной половине

Ростовской обл., где нами выявлено всего 5 поселений по 1-2-4 пары (Белик, 1996а, 2003д). В 2006 г. несколько гнездовых пар найдено на лугах среди Цимлянских песков на границе Ростовской и Волгоградской обл. (наши данные).

В конце XX в. численность на гнездовье в Ростовской обл. оценивалась в 10-30 пар, в Волгоградской обл. – в 50-150 пар, в Калмыкии, по данным А.И. Кукиша, – в 50-60 пар (Белик, 1998). Сейчас гнездовья в Калмыкии неизвестны (Белик и др., 2016). В Волгоградской обл. на правобережье Волги в ходе специальных мониторинговых исследований в начале XXI в. подтвердить гнездование веретенника нигде не удалось (Гугуева, Белик, 2013), а в Заволжье птицы сохранились, вероятно, лишь местами по р. Еруслан в северных районах (Шубин, Иванов, 2017). В целом же в Европе гнездится 102-149 тыс. пар, а в Европейской России насчитывается 15-30 тыс. пар, но сейчас во многих регионах отмечается снижение численности (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017).

На миграциях как весной, так и осенью на илистых мелководьях обширных водоемов птицы концентрируются иногда сотенными и тысячными скоплениями. Общая численность на миграциях в Волгоградской обл. оценивалась в 2-3 тыс. особей, а в Краснодарском крае – в 5-7 тыс. особей (Гугуева, Белик, 2013; Лохман, 2017).

Охранный статус. Включен в Красные книги Краснодарского края (3 категория), Волгоградской (3 категория) и Ростовской (3 категория) обл., а также соседних, более северных регионов – Воронежской и Саратовской обл. Рекомендован в новое издание Красной книги России. Повышенная уязвимость веретенника связана с его гнездованием на земле среди открытых пастбищ и сенокосов, с низкой плодовитостью и медленным половым созреванием, с ярким обликом, крикливостью и пониженной осторожностью у гнезд и птенцов, а также с привлекательностью для охотников из-за значительной величины. Причины исчезновения обусловлены, прежде всего, интенсивным браконьерством в гнездовых колониях, особенно в XIX в. (см.: Аксаков, 1956), распашкой целинных степей и интенсивным выпасом скота на лугах, обсыханием степных лиманов из-за климатических изменений и хозяйственной деятельности человека (Райский, 1955; Линдеман и др., 2005).

179. Веретенник малый *Limosa lapponica* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид степных регионов Южной России (Белик, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунисти-

ческого комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988; Белик, 2006а).

Таксономия. Описано 5 подвидов, населяющих арктические районы Евразии и Аляску (Томкович, 2008; Лаппо и др., 2012). На европейском севере гнездится номинативный подвид, мигрирующий на зимовку в Западную Европу, а в тундрах от Ямала до Таймыра обитает *L. l. taymyrensis*, который с Таймыра мигрирует по Атлантическому пути в Западную Африку, а из Западной Сибири летит на юг через континентальные районы Казахстана и Туркмении (Бостанжогло, 1911; Хроков, 1994; Караваев, 2004; Томкович, 2008; Лаппо и др., 2012), залетая, очевидно, также на Волгу. Какие веретенники в массе мигрируют через Сиваш (Winden et al., 1993; Черничко, 2010, 2011) – пока неясно. Еще 3 подвида (*L. l. menzbieri*, *L. l. anadyrensis*, *L. l. baueri*) обитают в Восточной Сибири и на Аляске (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Населяет арктические районы Евразии и Аляску. Зимует в Западной Европе, Африке, Южной Азии и Австралии. Миграции на зимовки идут тремя основными маршрутами: Атлантическим путем вдоль побережий Западной Европы, на юг через Казахстан, Туркмению и Каспий, а также по Тихоокеанскому региону. Кроме того, массовая миграция идет также через Сиваш, откуда эти птицы изредка залетают в Восточное Приазовье (Птушенко, 1939; Казаков и др., 1983; и др.). Таким образом, на юге России малые веретенники появляются фактически в результате залетов, из-за случайного отклонения от традиционных путей миграции при ночных перелетах, хотя в Дагестане у Каспия и Краснодарском крае в Приазовье они регистрируются, по-видимому, несколько чаще.

Для фауны Волгоградской обл. малый веретенник не указан вовсе (Чернобай, 2004а), хотя стайку птиц наблюдали там 19.04.1930 на степном лимане у с. Новая Квасниковка на р. Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934). Еще 1 птицу видели 20 и 22 июля 2009 г. на оз. Эльтон в устье р. Ланцуг (А.О. Шубин, личн. сообщ.).

Для низовий Волги этот вид указывали Э.А. Эверсман (1866), К.Г. Генке (Seebohm, 1882) и В.А. Хлебников (1928), но К.А. Воробьев (1936) в Астраханской обл. за 6 лет работы (1926-1931) лишь дважды 03.09. и 19.10.1929 встретил одиночных птиц, а А.Е. Луговой (1963) в Астраханском заповеднике за 7 лет исследований (1954-1960) не видел их ни разу. Лишь в 1990-е годы (05.05.1997 и в октябре 1999 г.) в дельте Волги вновь отмечены 2 встречи малых веретенников (Бондарев, 2004). Еще несколько встреч в дельте приводит Н.Д. Реуцкий (2014): 21.09.1955 – стая до 50 птиц; 17.03.1962 – 7 птиц; 12.09.1972 – 3 птицы; 07.04. и 25.07.2006 – 3 и 2 птицы; 29.04.2008 – 1 птица. Кроме

того, 31.08.2006 одиночная птица наблюдалась в районе Западных подстепных ильменей, а 29.08.2001 две стайки из 6 и 15 птиц встречены в районе оз. Баскунчак.

В Калмыкии О.М. Демьянова и А.И. Кукиш (1990) в течение 1979-1985 гг. отметили лишь одну встречу малого веретенника (28 апреля); позже О.М. Букреева (Демьянова) с соавт. (1998) наблюдали его на Маныче на весеннем и осеннем пролете, однако А.О. Шубин с соавт. (2001) за 3 года специальных исследований в Калмыкии (1998-2000 гг.) встретили лишь 1 птицу 16.09.1999 на оз. Сарпа (Цаган-Нур) (А.П. Иванов, личн. сообщ.).

В Дагестане на лагунах у Махачкалы – это редкий, единичный залетно-пролетный вид (Вилков, 1999, 2004). На Аграханском полуострове в устье р. Новый Терек в апреле 1984 г. одновременно учитывали максимум 3 особей, в сентябре - октябре 1985 г. – до 40 птиц, в апреле - мае 1986 г. – до 25 особей, а в августе 1986 г. – до 60 малых веретенников (Шубин, 1996), но в Кизлярском заливе в заповеднике «Дагестанский» малого веретенника не отмечали ни разу (Джамирзоев и др., 2004). А.В. Михеев (1985) приводил малого веретенника как редкий пролетный вид в устье р. Самур на западном побережье Каспия. Несколько чаще этот вид встречали на юго-западном Каспии в Азербайджане, где он впервые был найден в 1956-1958 гг. В.С. Грековым (1965). Но интересно, что ни раньше (Иванов, 1952), ни позже, в 1980-1990-е годы (А.О. Шубин, личн. сообщ.), малых веретенников там не отмечали.

В Ростовской обл. на Нижнем Дону я ни разу не регистрировал этих птиц (Белик, 1990, 2000а, 2004а), а Б.А. Казаков (личн. сообщ.) добыл лишь 1 малого веретенника в сентябре 1991 г. на прудах в низовьях р. Сал в Семикаракорском р-не (Казаков, Ломадзе, 1992). Еще 1 птица была добыта у Ростова 13.09.1916 **ст.ст.** (Казаков и др., 1983). Несколько раз в начале июля малых веретенников добывал в низовьях Дона также С.Н. Алфераки (1910). Кроме того, 1 птица была встречена 05.09.1998 на Украине в окрестностях г. Счастье Луганской обл. близ границ Ростовской обл. (В.В. Ветров, личн. сообщ.).

В Краснодарском крае осенью 1921 г. несколько стай было встречено в Новороссийской бухте, где 1 птица добыта 13.09. (Птушенко, 1939; Казаков и др., 1983). Однажды птица встречена там также 29.09.2014 (Попович, Семенова, 2018). Тушка малого веретенника, добытого 05.10.1964 в окрестностях Анапы и неверно определенного В.С. Очаповским как большой веретенник (*L. limosa*), обнаружена в коллекции Зоологического музея МГУ (Пекло, Тильба, 1978). Позже 2 птицы были добыты 18.08.1972 и 28.09.1973 на лиманах Таманского полуострова (Казаков и др., 1983; Пекло, Тильба, 1978). По данным А.М.

Пекло (1997), еще 2 птицы были добыты 26 и 28.09.1973 на Кизилташской косе близ стан. Благовещенской Анапского р-на. В 1989-2003 гг. в том же районе малых веретенников изредка отмечал Ю.В. Лохман (2004). Еще одна птица была отмечена 12.04.2007 в низовьях р. Мзымты на территории г. Сочи (Тильба, 2009).

Кроме того, массовый пролет малого веретенника указывался для Бейсугского лимана и оз. Ханского в Восточном Приазовье (Емтыль и др., 1995), где в конце июня отмечали будто бы скопления до 1000 особей (Кривенко и др., 1999; Гинеев и др., 2000). Но позже в сводке по фауне оз. Ханского этот вид не приведен вовсе (Мнацеканов и др., 2007), что свидетельствует, вероятно, о признании прежних наблюдений ошибочными. По данным августовских учетов 2006-2008 гг. на Тамани и в Восточном Приазовье, малый веретенник был редок и отмечался нерегулярно (Лохман, 2009).

Следует отметить, что в Северо-Западном Причерноморье на Украине с 1976 г. за 10 лет одиночные малые веретенники были встречены только дважды (29.04.1978 и 22.04.1987), тогда как на Сиваше и лиманах Северного Приазовья за 1990–2004 гг. учтено более 13 тыс. птиц. При этом 77,1% всех особей было отмечено там весной (Черничко, 2010). Очевидно, с Сиваша веретенники изредка, случайно попадают и в Восточное Приазовье.

В Ставропольском крае тоже отмечено лишь несколько случайных встреч малого веретенника: 28.04.1981 – на северо-восток пролетели 2 птицы и 21.04.1986 – наблюдали 4 кормившихся птиц (Мельгунов и др., 1988), а 05.06.1979 встречены 5 птиц и 12.11.1977 наблюдалась одна похожая птица (Хохлов, 1989). В начале мая 1998 г. этот вид отмечен на северо-востоке Ставропольского края (Мищенко, 1998).

В Карачаево-Черкесии ночной пролет единичных малых веретенников, определявшихся по голосу, отмечали осенью 1985 г. на Клухорском перевале (Поливанов, 1990; Поливанов и др., 2002). К сожалению, определять этих птиц на осеннем пролете ночью по голосу практически невозможно (Белик, 2010; П.С. Томкович, личн. сообщ.), и указанные регистрации фактически не могут быть признаны (Белик, 2020). Еще одна птица, окольцованная 13.10.1959 на пролете в Туркмении на берегу Каспия, была добыта 31.01.1960 в Чечено-Ингушской республике (Лебедева, 1965).

Это, по-видимому, весь перечень известных встреч малого веретенника, зарегистрированных на юге России за 150 лет исследований. Он однозначно свидетельствует о редкости и случайности появления этого вида в данном регионе в миграционные периоды. Столь же редок ма-

лый веретенник и в более северных районах России. Так, в Воронежской обл. он достоверно отмечен лишь однажды 04.06.1991 в верховьях Воронежского водохранилища (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров, 1996; Соколов, 1999), а для Саратовской обл. указывается «несколько десятков встреч» (Завьялов и др., 2007), хотя часть из них, по-видимому, суть ссылки на более ранние регистрации.

Местообитания. Гнездится преимущественно на сырых участках тундры с осоковыми болотами, а также в поймах и долинах тундровых и лесотундровых рек (Лаппо и др., 2012). На миграциях останавливается обычно по илистым мелководьям берегов морей и степных водоемов.

Численность. На севере Европейской России сейчас гнездится 0,3-4,0 тыс. пар, имеющих относительно стабильную численность (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). На юге России – очень редкий пролетный, возможно – лишь залетный вид. При общем количестве малого веретенника, составлявшем на зимовках в Европе около 82 тыс. особей в 1990-е годы и 120 тыс. в начале 2000-х годов (European Bird …, 2000; Birds in Europe …, 2004), говорить о его регулярных миграциях через Южную Россию нет особых оснований. А количество птиц подвида *L. l. taymyrensis* составляет, по последним данным, даже 600 тыс. особей (Delany, Scott, 2006). Поэтому встречи малого веретенника на юге России следует расценивать сейчас, очевидно, лишь как случайные залеты.

Обращает внимание также заметное сокращение числа птиц, регистрировавшихся во второй половине XX в., по сравнению с XIX – началом XX в., особенно в Северном Прикаспии (см.: Эверсманн, 1866; Бостанжогло, 1911; Хлебников, 1928), но причины этого явления пока неясны. Возможно, периодически меняются пути пролета малого веретенника на юг через Казахстан и Туркмению, откуда птицы могут залетать или в Дагестан, или в Азербайджан.

Охранный статус. В Красную книгу России включены два восточносибирских подвида (Приказ …, 2020). На юге России этот вид внесен в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). Но индивидуальная охрана залетных тундровых куликов, не испытывающих сейчас особых негативных трендов, на юге России вряд ли целесообразна и не может дать заметного положительного эффекта (Белик, 2014а).

Семейство **Тиркушковые** Glareolidae

180. Бегунок *Cursorius cursor* (Latham, 1787)

Характер пребывания. На юге России – редкий залетный вид, возможно, гнездившийся здесь в прошлом (Белик, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. На юг России залетали, вероятно, птицы закаспийского подвида *C. c. bogolubovi* (Хлебников, 1928; Гладков, 1951; Коблик и др., 2006), но в Причерноморье могли появляться также залетные особи номинативной формы *C. c. cursor*, распространенной от Северной Африки до Передней Азии и Пакистана (Гладков, 1951).

Распространение. Северная Африка и Передняя Азия, откуда гнездовой ареал заходит в Туркмению. В XIX - начале XX в. бегунка неоднократно отмечали также на юге России. Так, в середине XIX в. его наблюдали в степях близ Ставрополя, но в 1880-е годы птиц там уже не было видно (Динник, 1886). Два бегунка, хранящиеся в музее ХНУ в Харькове, были добыты Н.Н. Сомовым 06.11.1896 в Северной Осетии у Владикавказа (Девятко, Джамирзоев, 2012). В окрестностях Астрахани с 12 по 29.07.1918 держалась стайка из 5 птиц (Хлебников, 1928), и не исключено, что это был выводок (Бутурлин, 1934). Одиночные, очень осторожные бегунки были трижды отмечены в Астраханской обл. также в начале XXI в.: 08.06.2001 и 29.06.2006 на правобережье Волги в Наримановском р-не и 07.06.2005 – в северной части западных подстепных ильменей (Реуцкий, 2014).

А.В. Лерхе (1940), не указывая конкретных данных, приводил бегунка для Ростовской обл. даже в качестве предположительно гнездящейся птицы. Как залетный вид, бегунок включен также в фауну Волгоградской обл. (Чернобай, 2004а), где в августе 1964 г. на Пресном лимане у с. Красная Деревня близ западного берега оз. Эльтон была добыта птица, тушка которой до 1970-х годов хранилась в Зоомузее Волгоградского педагогического института (В.Ф. Чернобай, личн. сообщ.).

В мае 1836 г. стайку из 6-8 бегунков А. Нордман (Nordmann, 1840) наблюдал также на приморской низменности около Пицунды в Абхазии, а Э. Менетрие (Menetries, 1832) встречал этих птиц в апреле и мае 1830 г. в полупустынях Гобустана между Апшероном и р. Курой в Азербайджане, возможно – уже в гнездовых местообитаниях. В первой половине XIX в. бегунков несколько раз добывали и в бывшей Екатеринославской губернии на Украине (Nordmann, 1840).

Не исключено, что в XVIII – XIX вв., в период интенсивного развития пастбищного скотоводства на юге России, бегунки могли расселяться по сбитым, опустыненным пастбищам значительно дальше к северу и западу, чем в настоящее время, и поэтому чаще встречались в степной зоне. С середины XX в. сведения о регистрациях этого вида в России практически отсутствуют. Указания же о его встречах в Дагестане (Джамирзоев, 2000 и др.) не подтверждены какими-либо фактическими данными (Белик, 2010).

Местообитания. Населяет пустыни и полупустыни с редкой, низкой

растительностью на плотной глинистой почве, а также окраины такыров и песчаных массивов.

Численность. В Туркмении довольно редкая спорадичная птица. В 1980-е годы там обитало до 500-600 птиц; в начале XXI в. отмечена небольшая тенденция к увеличению их численности (Рустамов, Аманова, 2011). Сейчас на юг России залетают единичные особи (Реуцкий, 2014).

Охранный статус. В России не имеет охранного статуса. Необходимы сборы коллекционных материалов.

181. Тиркушка луговая *Glareola pratincola* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид, населяющий Приазовье, Прикаспий и долину Маныча, а в северных и предгорных регионах случайно появляющийся в результате залетов (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. В России обитает только номинативный подвид.

Распространение. Гнездится в Африке, Средиземноморье, Передней и Средней Азии. На юге России спорадичные гнездовья известны на Тамани, в Восточном и Северном Приазовье, в дельте Дона и по всей долине Маныча от Дона до Кумы, а также у озер на приморских низменностях Дагестана, Калмыкии и в низовьях Волги (Хохлов, 1993; Белик, 1996а, 1998, 2014; Джамирзоев, Букреев, 2009; Русанов, 2011; Джамирзоев и др., 2013; Хохлов, Ильюх, 2013; Эрдненов, 2013; Реуцкий, 2014; Лохман, 2017).

Мониторинг распространения луговой тиркушки затруднен из-за ее значительного сходства со степной, описанной лишь в 1842 г., и поэтому тенденции в популяциях тиркушек выяснены слабо. В начале XX в. луговая тиркушка обитала только в дельте Терека в Прикаспии (Бёме, 1925; Волчанецкий, 1959), куда проникла, вероятно, из Азербайджана, где к тому времени уже были известны ее гнездовья (Сатунин, 1907). Однако 07.05.1899 **ст.ст.** ее залет был отмечен и в Ставропольском крае (Сатунин, 1907). В середине XX в. началась экспансия прикаспийской популяции на северо-запад, в ходе которой птицы к 1969 г. достигли оз. Маныч-Гудило, а к 1979 г. низовий Западного Маныча (Казаков, 1973; Казаков и др., 1983; Хохлов, 1989; Белик, 1998). Одновременно расселялись и тиркушки из Крыма, проникшие в низовья Кубани (Винокуров, 1958; Очаповский, 1962), а также птицы дунайской популяции, заселившие Северное Приазовье к востоку до дельты Дона (Казаков и др., 1983; Белик, 1990, 2001).

Ситуация в низовьях Волги недостаточно ясна из-за ошибок в определении птиц и, возможно, опечаток в публикациях. В Зоомузее МГУ в Москве хранится луговая тиркушка из сборов, по-видимому, Н.Н. Арцыбашева

с Сарпинских озер, но в его публикации для этого района указана только степная *Gl. melanoptera* (Artzibascheff, 1859, 2015).

Достоверно в Поволжье луговая тиркушка встречается с конца XIX – начала XX в. (Хлебников, 1890, 1928; Лорец, 1928; Реуцкий, 2014), но ее гнездовья были найдены на западных подстепных ильменях лишь в 1981 и 1995 гг., причем, судя по направлению весенних миграций, наблюдавшихся 08.05.1978 на Обжоровском участке Астраханского заповедника (Реуцкий, 2014), тиркушки заселяли дельту с востока, из Казахстана. А на приморских низменностях соседней Калмыкии они до сих пор еще редки (Эрдненов, 2013).

Зимует луговая тиркушка в Африке. Миграции птиц проходят, вероятно, по ночам и поэтому в Южной России не прослежены (Белик, 1990).

Местообитания. Гнездится обычно разреженными колониями в основном на влажных солончаках по берегам открытых степных водоемов, иногда на полях и пастбищах в поймах рек или у озер.

Численность. В конце XX в. популяция Южной России, по данным региональных исследователей и экспертным оценкам, насчитывала 400-1000 пар, в том числе 100-300 пар в Приазовье и 100-500 пар в Прикаспии. В Ростовской обл. тогда обитало 50-100 пар, в Краснодарском крае – 100-200 пар, на Ставрополье и в Калмыкии – по 10-50 пар, 50-150 пар в Чечне и 100-300 пар в Дагестане (Белик, 1998). По современным данным, в Ростовской обл. гнездится, очевидно, не более 50–100 пар (Белик, 2014), в Краснодарском крае – не более 80-120 пар (Лохман, 2017), на Ставрополье – несколько десятков пар (Хохлов, Ильюх, 2013), в Калмыкии может гнездиться не более 100 пар этих тиркушек (Цапко и др., 2009; Эрдненов, 2013), а в Астраханской обл. в 1981 и 1995 гг. впервые найдены 2 колонии из 8 и 20 гнезд (Реуцкий, 2014).

В Дагестане в конце XX в. популяцию оценивали в 1000-1100 пар, а в начале XXI в. – в 800-1000 пар (Джамирзоев и др., 2000; Джамирзоев, Букреев, 2009), но судя по перечню известных там гнездовий (Джамирзоев и др., 2013), эти оценки были, по-видимому, значительно завышены. Всего в Европе гнездится 7,8-14,9 тыс. пар, а на юге России сейчас предполагается гнездование 1,0-1,5 тыс. пар (Белик, 2014а; European birds …, 2017), однако эти цифры требуют, очевидно, корректировки, тем более учитывая негативные тренды в некоторых популяциях (Белик и др., 2003).

Охранный статус. Включена в Красные книги Краснодарского и Ставропольского края (2 категория), Ростовской обл. (3 категория) и Калмыкии (4 категория). Повышенная уязвимость колониальных гнездовий тиркушек, размещающихся открыто на земле среди сельскохозяйственных ландшафтов у берегов различных водоемов, требует организации

локальной территориальной охраны их колоний.

182. Тиркушка степная *Glareola nordmanni* J.G. Fischer, 1842

Характер пребывания. Гнездящийся перелетный вид всех степных регионов Южной России, а в горных регионах Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии появляющийся только на миграциях (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид.

Распространение. Ареал приурочен к степной зоне Евразии от Дуная до Алтая, но на северной границе ареала, а также на западе, в Причерноморских и Приазовских степях, тиркушка исчезла на гнездовании в течение XIX – XX в. (Белик, 1998, 2001, 2004; Belik, Lebedeva, 2004). Периодически, обычно в засушливые годы, тиркушки выселяются из степной зоны далеко на север, появляясь в долинах рек и у озер за пределами основного гнездового ареала (рис.49).

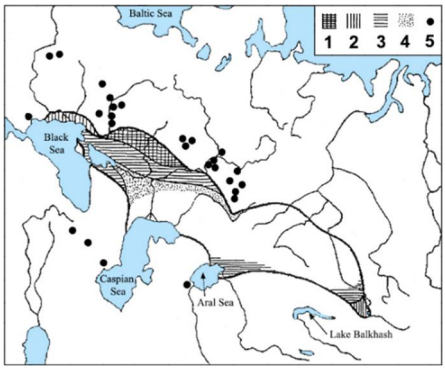


Рис. 49. Динамика гнездового ареала степной тиркушки в XIX–XXI веках (по: Belik, Lebedeva, 2004)
1 – часть ареала, где вид исчез в XIX веке; 2 – часть ареала, где вид исчез в первой половине XX века; 3 – часть ареала, где вид исчез в 1970-1980-е годы; 4 – пульсирующий участок ареала, где вид исчезал в конце XX в., но вернулся в начале XXI в.; 5 – районы спорадичного гнездования вне основного ареала в засушливые годы.

На юге России спорадичные гнездовья сохранились сейчас в Волгоградской обл. (на Ергенях, на Сарпинской низм., на правобережье Волги и в Заволжье), по югу Ростовской обл. (в долине Нижнего Дона, по р. Сал и Манычу), в Приазовских районах Краснодарского края (Ейский и

Бейсугский лиманы, дельта Кубани и Тамань), на востоке Ставрополья (по долине Маныча и в Ногайских степях). Более регулярно тиркушки гнездятся на Прикаспийской низм. в степях Дагестана, в Калмыкии и вдоль Нижней Волги в Астраханской и Волгоградской обл.

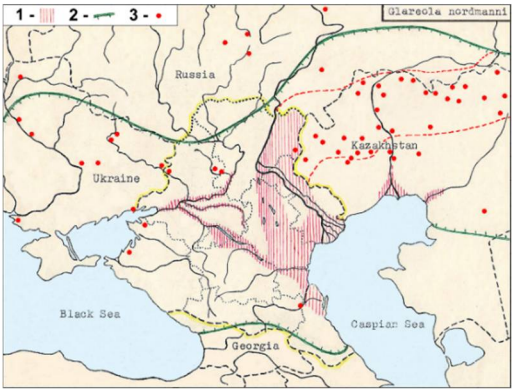


Рис. 50. Распространение степной тиркушки в России, Украине и Казахстане (по: Белик, 1998, с дополнениями)
1 – гнездовой ареал в конце XX в.; 2 – границы ареала по Н.А. Гладкову (1951); 3 – отдельные гнездовые находки и летние встречи

Зимуют тиркушки на юге Африки, куда мигрируют, вероятно, по ночам на большой высоте, используя высокоскоростные струйные течения, с помощью которых быстро преодолевают горные и морские районы, а также пустыни Аравии и Африки (Белик, 2004, 2015). На Нижнем Дону, Маныче и в Восточном Предкавказье в конце лета перед осенней миграцией птицы собираются в большие стаи, слетаясь вероятно со всего ареала, и кочуют там в ожидании благоприятной погоды (Белик, 1990; Федосов, Маловичко, 2006; Маловичко, Федосов, 2008; Липкович, 2012). Весной тиркушки появляются обычно сразу в гнездовых районах, совершая затем местные перекочевки в разных направлениях, на Нижнем Дону преимущественно на север (Белик, 1990).

Местообитания. Гнездится на низкотравных степных и луговых целинных участках, часто с пятнами голой земли среди редкого травостоя, местами также на распаханных полях. Обычно занимают сухие степные солонцы и влажные солончаки у различных водоемов или сбитые пастбища вокруг степных посёлков, кошар и ферм. Поблизости от колоний необходимо наличие постоянных, предпочтительно пресных (Гаврилов и др., 1992) водоемов, регулярно используемых тиркушками для водопоя. Кормятся тиркушки насекомыми как на земле, так и в воздухе, летая стаями, особенно в конце лета.

Численность. Обычный вид засушливых степей Евразии. Общая мировая численность сейчас оценивается в 76-95 тыс. пар. Для Европейской России, включая Саратовскую, Самарскую и Оренбургскую обл., в начале XXI в. указывали 2,5-5,0 тыс. пар, затем – 6-7, а в настоящее время – 20-30 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Атлас …, 2020). В Южной России в конце XX в. общая численность оценивалась в 5-9 тыс. пар, в том числе 1-3 тыс. пар в Ростовской обл., 3-4 тыс. пар в Калмыкии и 0,5-1,0 тыс. пар в Дагестане (Белик, 1998). Но затем на юге России произошла очень глубокая депрессия всех популяций, сокративших численность почти в 5 раз (Белик и др., 2000; Белик, 2004, 2004а).

В начале XXI в., по данным региональных исследователей и экспертным оценкам, здесь осталось всего 1,2-1,8 тыс. пар (Белик, 2004). Однако вскоре началось восстановление численности птиц (Белик, 2004а; Белик, Шварцева, 2004; Мосейкин и др., 2004; Федосов, Маловичко, 2006), продолжающееся до настоящего времени. Сейчас здесь гнездится, ориентировочно, около 6-7 тыс. пар (Белик, 2014а; European birds …, 2017), в том числе в Ростовской обл. не менее 200 пар (Белик, 2004, 2014), в Волгоградской обл. не менее 1-2 тыс. пар (Гугуева, Белик, 2013; Чернобай, 2017), в Калмыкии до 1,5 тыс. пар (Цапко и др., 2009; Эрднев 2013), в Ставропольском крае не менее 1,5 тыс. пар (Маловичко, Федосов, 2008), в Краснодарском крае не более 50 пар (Лохман, 2017), в Чечне около 150 пар (Гизатулин и др., 2001; Гизатулин, 2007), в Дагестане не более 300-400 пар (Джамирзоев, Букреев, 2009), в Астраханской обл. не более 100 пар (Бондарев 2014), но последняя оценка, несомненно, значительно занижена.

На осенних кочевках в долине Западного Маныча сейчас собирается не менее 10 тыс. особей (Липкович, 2012). На Восточном Маныче в течение 05-22.09.2006 было учтено около 30 тыс. особей (Маловичко, Федосов, 2008), а в Калмыкии на одном из степных прудов в Ики-Бурульском р-не у с. Прудовый близ Маныча 21.08.2019 было учтено сразу около 13-14 тыс. степных тиркушек (наши данные).

Охранный статус. В новом издании Красной книги России в связи с наметившимся восстановлением численности переведена из 2 в 3 категорию редкости (Приказ …, 2020). Подлежит особой охране во всех регионах Южной России, в которых обитает. Отсутствует только в Красных книгах предгорных регионов Северного Кавказа (Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии). Повышенная уязвимость колониальных гнездовий степной тиркушки, размещающихся обычно открыто на земле среди полей и других сельскохозяйственных угодий поблизости от различных водоемов, требует организации летом локальной территориальной охраны колоний.

Семейство **Поморниковые** Stercorariidae

183. Поморник большой *Stercorarius skua* (Brünnich, 1764)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Южной России, достоверно найденный лишь однажды в Волгоградской обл. (Белик, 2015; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель, предположительно, пелагического фаунистического комплекса Арктического типа фауны.

Таксономия. Монотипический вид. Ранее включался в состав политипического вида, разделенного сейчас на три разных вида (Флинт, 1988; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в северной Атлантике. Зимовки расположены в более южных районах Атлантики, а на внутриконтинентальные водоемы птицы залетают крайне редко (Дементьев, 1951; Флинт, 1988). На юге России двухлетний поморник, окольцованный 11.07.1978 птенцом на о. Анст в группе Шетландских островов, через 802 дня после кольцевания был найден мертвым 20.09.1980 на берегу Цимлянского вдхр. в Котельниковском р-не Волгоградской обл., в точке с координатами 47°55′N – 43°12′E, на расстоянии 3168 км от места кольцевания, азимут 117° ESE (Белик, 2015).

Имеются сообщения также о визуальных наблюдениях больших поморников 19.10.2003 и 12.04.2012 на Черноморском побережье Краснодарского края (Лебедева, Савицкий, 2004; Савицкий, 2007; Динкевич, 2012), но они не подтверждены Северокавказской фаунистической комиссией (Белик и др., 2006; Работа …, 2012). Кроме того, поморник, окольцованный 28.07.1972 птенцом на Шетландских островах, был пойман 20.09.1972 в Крыму, а 25.07.2008 еще одна птица наблюдалась там возле Лебяжьих островов в Каркинитском заливе Черного моря (Рединов и др., 2014). Наконец, раненый поморник, окольцованный 06.08.1953 птенцом в Исландии, был найден 17.07.1956 на Волге у Саратова (Завьялов и др., 2007).

Местообитания. Гнездится в прибрежных тундрах или на морских пляжах, а кочует в пелагических или прибрежных морских водах, избегая суши (Флинт, 1983).

Численность. Вся популяция составляет около 16 тыс. пар, гнездящихся в основном в Великобритании и Исландии. В России на Мурмане сейчас обитает около 100-200 пар, демонстрирующих заметный рост численности (Мищенко и др., 2004, 2017; Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017; Атлас …, 2020). На Черное море и континентальные водоемы случайно залетают единичные особи (Рединов и др., 2014).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

184. Поморник средний *Stercorarius pomarinus* (Temminck, 1815)

Характер пребывания. Редкий залетный вид, отмечающийся в основном у морских акваторий Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, не заходящий в умеренные широты. Зимует в основном в северной Атлантике и на севере Тихого океана, а на континентальных водоемах отмечается редко. В Южной России известно всего несколько достоверных встреч. В сентябре 1915 г. птица добыта на Волге выше Астрахани (Хлебников, 1928). В Калмыкии на Чограйском вдхр. 27.06.1974 добыта взрослая, не размножавшаяся самка светлой фазы, а близ колонии чаек и крачек там держались еще 3 поморника (Савицкий, Пославский, 1977). На Ставрополье похожая птица, пролетевшая на север, встречена 10.04.1977 у с. Подлесное Труновского р-на, а в ноябре 1983 г. поморник, атаковавший чаек, наблюдался на оз. Бирючья Сага на Восточном Маныче ниже Чограйского вдхр. (Хохлов, 1990).

В Краснодарском крае один поморник отмечен 17.01.1992 в Адлере (Абуладзе, 1998), там же похожих птиц наблюдали 06.01.2008 и 04.01.2018 (Перевозов, 2014; Уколов, 2018); еще одна птица встречена 23.11.2002 в Керченском проливе (Савицкий, 2007). Кроме того, серия наблюдений поморников проведена в Сочи в течение февраля-апреля 2017 г. (Тильба, Филиппов, 2018), однако при последующем анализе фотоснимков этих птиц оказалось, что лишь 1-2 из них соответствовали признакам среднего поморника.

Средний поморник указывался также для Дагестана (Джамирзоев, 2000), но конкретные данные по этим залетам неизвестны или не прошли экспертизы Северокавказской фаунистической комиссии. Изредка на кочевках эти поморники залетают в горы. Так, 23.10.1988 погибшая молодая самка найдена на Лагонакском нагорье в Краснодарском крае на высоте около 1000 м н.у.м. (Мнацеканов, 1991); еще одна погибшая молодая птица найдена 26.09.2014 в Карачаево-Черкесии у с. Верхняя Теберда на высоте около 1300 м н.у.м. (Караваев, Хубиев, 2014).

По наблюдениям на Черном море, кочевки средних поморников регистрировали с 26 октября до 22 марта, но в основном они встречались с середины января до начала марта (Абуладзе, 1998), иногда до середины апреля (Тильба, Филиппов, 2021).

Местообитания. Гнездится в типичных и арктических тундрах. При депрессиях численности леммингов, служащих поморникам важным кормом, придерживается обычно побережий морей, озер и рек, а при

массовом размножении грызунов заселяет также сухие возвышенные участки. В осенне-зимний период кочует в основном в открытом море, реже держится у побережий и очень редко залетает на сушу.

Численность. В тундрах относительно обычен, но встречается реже короткохвостого и длиннохвостого поморников. В связи с колебаниями численности мелких грызунов, обилие поморников в тундрах резко колеблется по годам и отдельным районам. В европейских тундрах гнездится 20-60 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На юге России встречается случайно, обычно единичными особями, часто – рядом со скоплениями чаек и крачек (Тильба, Филиппов, 2021).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

185. Поморник короткохвостый *Stercorarius parasiticus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Залетный вид, изредка, но регулярно отмечающийся у водоемов в различных областях Южной России, кроме континентальных и горных регионов (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988; Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, в умеренные широты проникает на гнездовье только на Камчатке. Основные зимовки расположены в водах Атлантики и Тихого океана, преимущественно в южном полушарии (Дементьев, 1951). Небольшое количество птиц регулярно залетает на Черное и Каспийское моря, но основными путями пролета следует считать прибрежные воды и побережья северных морей (Флинт, 1988). На юге России этот поморник отмечался во многих регионах, кроме Ставропольского края, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Чечни и Ингушетии, но может залетать, несомненно, и на их территорию (Белик и др., 2016). Поморники на юге России встречаются в течение всего года; как правило, это молодые птицы (Флинт, 1988; Абуладзе, 1998).

В Ростовской обл. короткохвостый поморник был добыт 22.08.1918 **ст.ст.** в дельте Дона (Белик и др., 2012); 05.10.1986 взрослый поморник светлой фазы встречен у Ростова (Йерке, 1995); неоднократно он отмечался на Таганрогском заливе и Пролетарском вдхр. (Олейников и др., 1972); на Веселовском вдхр. близ г. Пролетарска одна птица встречена 28.08.1968 и две птицы наблюдались 17.06.1992 (Казаков, 1974; Белик, 2004а); 03.07.1992 молодую птицу, пролетевшую на юг, наблюдали у прудов в степной долине р. Камышная в Миллеровском р-не,

а две стайки из 2 и 3 взрослых птиц светлой фазы, летевших через степь на юг, встречены 10 и 11.09.1994 в Каменском р-не Ростовской обл. (наши данные).

В Волгоградской обл. птиц добывали на Сарпе (Хлебников, 1928) и изредка отмечали на летних кочевках на Эльтоне (Быков и др., 2009). В Астраханской обл., по сведениям В.А. Хлебникова (1928), этих поморников добывали в дельте Волги; позже в ее авандельте молодой самец был добыт 28.10.1955, а в музейных коллекциях обнаружены две шкурки птиц, добытых 15.08.1890 и 23.08.1905 (Луговой, 1963). Кроме того, в дельте Волги поморников отмечали 23.09.1970 (2 птицы); 13.04.1972 (1); 21.08.1978 (1); 01.10.1986 (1) и 18.09.1990 (2). Таким образом, за 125 лет наблюдений здесь зарегистрировано всего 8 встреч с этими залетными птицами (Реуцкий, 2014).

В Краснодарском крае поморников неоднократно отмечали на побережьях Азовского и Черного морей, что послужило основанием для их отнесения к пролетным или зимующим птицам (Тильба, 1983; Тильба, Филиппов, 2018, 2021; и др.). Летом 1954 г. поморника добыли на косе Долгой у г. Ейска, а в Приморско-Ахтарском р-не в течение 1960-1964 гг. он был встречен лишь однажды, но затем весной, а также в августе и сентябре 1965 г. там же уже неоднократно отмечали одиночек и пары (Очаповский, 2017). Одиночная птица встречена на Ейской косе также 20.05.2005 (Савицкий, 2007). На Черноморском побережье Кавказа короткохвостых поморников, по наблюдениям А.В. Абуладзе (1998), встречали ежегодно с сентября-октября по март, но иногда отмечали в мае и августе, причем их численность сильно колеблется по годам. На Кизилташских лиманах у стан. Благовещенской на Тамани самка была добыта однажды 16.08.1974 (Пекло, 1997).

В континентальных районах Предкавказья В.С. Очаповский дважды наблюдал одиночных поморников в сентябре 1970 и 1971 гг. в Адыгее на левом берегу Кубани против Краснодара (Динкевич, Мнацеканов, 2013). Три птицы были добыты также в начале XX в. на Тереке у Владикавказа в Северной Осетии (Бёме, 1926), и еще один поморник добыт там же 09.09.1932 (Бёме, 1934). В Дагестане короткохвостых поморников изредка отмечали на Каспийском побережье в устье р. Самур (Михеев, 1985, 1992), где они держатся с августа (Резанов, 1978), а также у Махачкалы и в Кизлярском заливе (Вилков, 2004; Джамирзоев и др., 2014, 2017). На восточном побережье Каспия поморников наблюдают почти весь год (Залетаев, 1953; Карпов, 2021).

Короткохвостого поморника следует относить к немногочисленным, но регулярным залетным птицам Азово-Черноморского бассейна, куда он попадает, вероятно, в основном во время зимних кочевок, случайно

залетая из Атлантики через Средиземное море. Небольшая часть птиц летит осенью на юг также через материк (см. выше). На Днепре, например, за осень отмечали обычно лишь 1-3 встречи, но весной поморников наблюдали там очень редко (Кістяківський, 1957). На Черноморском побережье Кавказа в апреле наблюдали перемещения птиц на северо-запад (Тильба, Филиппов, 2021). В целом регулярных миграционных путей у поморников в материковой Евразии нет, что свидетельствует об их залетном статусе на южных морях.

Местообитания. Гнездится в основном в типичных и кустарниковых тундрах, преимущественно на заболоченных равнинах с многочисленными озерами. Зимует в открытых морях и океанах и с сушей почти не связан. На юге России появляется обычно в прибрежных районах крупных водоемов, где концентрируются чайки, поганки и другие птицы, на которых поморники паразитируют, отбирая их добычу.

Численность. В районах гнездования в тундрах – местами обычная птица, самый характерный вид поморников. Колебания численности выражены слабее, чем у среднего поморника. Общая численность в России оценивалась в 100-200 тыс. особей (Флинт, 1988). Сейчас в тундрах Европейской России гнездится от 20-60 до 2-10 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). На кочевках у побережий южных морей отмечается обычно в одиночку, но иногда у крупных городов, где в устьях рек зимой держится много чаек и поганок, встречаются небольшие скопления поморников. При этом их встречаемость заметно увеличивается в холодные, многоснежные зимы (Тильба, Филиппов, 2021).

Однажды 14.01.1992 в Новороссийской бухте наблюдали стаю в несколько десятков особей (Абуладзе, 1998). Значительное скопление отмечено также 03.01.1989 в Сухумской бухте (Маландзия и др., 1992). В марте-апреле 2017 г. близ устья р. Сочи иногда учитывали от 7 до 20 особей на 3 км берега моря (Тильба, Филиппов, 2021). По наблюдениям в Пицунде, соотношение поморников и чаек составляет 1 : 200-250 (Бернацкий, 1958), но эти цифры, по мнению А.В. Абуладзе (1998), завышены на порядок, так как обычно один поморник приходится на несколько тысяч чаек. На юге Дагестана в устье р. Самур в осенний период 1964-1983 гг. учтены 4.452 поморника (0,3% всех чайковых птиц), тогда как весной их там не встречали вовсе (Михеев, 1992).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

186. Поморник длиннохвостый *Stercorarius longicaudus* Vieillot, 1819

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Южной России, встреченный лишь однажды в Ставропольском крае (Мосейкин и др.,

2003; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988; Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, который в Евразии охватывает также Скандинавию и Камчатку. Зимует в северной Атлантике и на севере Тихого океана, изредка залетая на внутренние водоемы. Но такие встречи отмечаются значительно реже, чем у короткохвостого поморника (Флинт, 1988). На юге России единственная документированная регистрация известна на Куме, где 06.09.2002 наблюдали взрослую птицу, пролетевшую над степью на юго-восток у с. Величаевское Левокумского р-на (Мосейкин и др., 2003).

На Черном море за 25 лет наблюдений А.В. Абуладзе (1998) отметил всего одного длиннохвостого поморника, наблюдавшегося 11.10.1994 возле Батуми. Кроме того, В.А. Миноранский и В.И. Харченко (1967) приводили данный вид без указания даты и места встреч для Восточного Приазовья, но Северокавказская фаунистическая комиссия отклонила эти данные как недокументированные и ничем не подтвержденные (Работа …, 2005). Еще один длиннохвостый поморник встречен 12.10.1963 в Крыму (Костин, 1983) и однажды 07.05.1968 птица отмечена на оз. Севан в Армении (Adamian, Klem, 1999).

Местообитания. Гнездится преимущественно в типичных и кустарниковых тундрах, где предпочитает заболоченные равнины с многочисленными озерами. На зимовках ведет, как правило, пелагический образ жизни и с сушей практически не связан.

Численность. В тундрах Евразии обычен, местами многочислен, причем численность птиц заметно нарастает по направлению к востоку (Флинт, 1988). В европейских тундрах России сейчас гнездится в пределах 10-25 тыс. пар (Мищенко и др., 1917; Атлас …, 2020). На юге России отмечаются единичные случайные встречи.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

Семейство **Чайковые** Laridae

187. Хохотун черноголовый *Larus ichthyaetus* Pallas, 1773

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид, обитающий на крупных равнинных водоемах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Типичный реликт Тетиса (Штегман, 1948), представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского

типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Область Древнего Средиземья. В Европейской России гнездится на островах озер и лиманов Тамани и Восточного Приазовья, а также на островах у северо-западного берега Каспия (Лохман, 2007, 2017; Джамирзоев, Букреев, 2009, 2020; Цапко и др., 2009; Русанов, 2011). В 1978 и 1980 гг. одиночные пары гнездились на островах Цимлянского вдхр.; еще одна колония из 56 пар осмотрена там же в 1986 г., а затем в 1989 г. Колония из 15 пар найдена в 1986 г. также на островах Волгоградского вдхр. у с. Бережновка близ границ Саратовской обл. (Казаков, 1983; Чернобай, 2004а; Завьялов и др., 2007; Е.И. Врублевский, дневники).

В последнее время хохотуны расселились на гнездовье вверх по Волге до низовий р. Кама в Татарстане (Корольков, Бородин, 2015), хотя по Дону выше Цимлянского вдхр. они практически не проникают (Нумеров, 1996; Белик, 2005; Белик, Гугуева, 2021).

Рис. 51. Известные места гнездования черноголового хохотуна на юге России и Украины и в Западном Казахстане

В многоводные годы колонии периодически формируются на озерах в степном Заволжье к северу до оз. Булухта и оз. Соркуль в Казахстане (Шевченко и др., 1993, 2020; Линдеман и др., 2005; Пименов, Байбаков, 2012). В середине XX в. после искусственного обводнения долины Маныча птицы заселили также острова на оз. Маныч-Гудило

и на Чограйском вдхр., появились на некоторых озерах и искусственных водоемах Сарпинской низм. к северу до Волгограда (Казаков и др., 2004; Чернобай, 2004а; Цапко и др., 2009; Бадмаев, 2013; Е.И. Врублевский, дневники).

Кочующие неполовозрелые птицы летом обычны на побережьях морей, по долине Волги поднимаются вверх по течению вплоть до Кировской обл. и Нижнего Новгорода (Бакка, Бакка, 1997; Сотников, 2002), а по Дону – до Липецкой обл. (Сарычев, 2011). Зимует хохотун в основном на Южном Каспии, отчасти на незамерзающих побережьях других южных морей (Зубакин, 1988), в последние десятилетия птицы изредка остаются на зиму и в низовьях Дона (Маркитан и др., 2010).

Местообитания. Облигатно-колониальный вид, гнездящийся обычно большими, очень плотными колониями на изолированных, недоступных для наземных хищников и лишенных густой растительности песчаных, ракушечных или глинистых островах на морях, озерах и других обширных водоемах.

Численность. В местах гнездования обычный вид, но колонии непостоянны и могут периодически появляться и исчезать, переселяясь с водоема на водоем и с острова на остров. Численность в целом, по-видимому, относительно стабильна, асинхронно флуктуируя в разных районах в зависимости от колебаний уровня воды в водоемах и состояния островов. В начале XXI в. на юге России гнездилось 15-25 тыс. пар, а позже общая численность оценивалась здесь в 15-30 тыс. пар (Белик, 2005а, 2014а). Сейчас же популяция на юге России составляет, очевидно, не менее 25-35 тыс. пар, а по другим данным – 22-25 тыс. пар (Атлас …, 2020).

В Волгоградской обл. для водоемов Сарпинской низм. в начале XXI в. указывали 1800-2500 пар, позже там гнездилось 150-200 пар, но в последние годы численность снизилась до 10-30 пар (Букреев и др., 2003; Чернобай, 2004а, 2017; наши данные); кроме того, от 100 до 600 пар нерегулярно гнездится в Заволжье на оз. Булухта (Пименов, Байбаков, 2012). В Астраханской обл. на о. Малый Жемчужный на севере Каспия в 1977-1987 гг. численность птиц постепенно увеличилась с 2 до 42 тыс. пар, затем из-за подъема уровня моря к 2000 г. сократилась до 6,6 тыс. пар, после чего начала восстанавливаться и к 2012 г. достигла 22 тыс. пар (Русанов и др., 2014).

В Дагестане гнездовая численность сейчас составляет 130-250 пар (Джамирзоев, Букреев, 2009, 2020); в Калмыкии по Манычу гнездится от 0,7-1,0 до 2,5-3,0 тыс. пар (Цапко и др., 2009; Бадмаев, 2013), хотя до 1990 г. от 270 до 2450 пар учитывали также на Сарпинских озерах и

120-250 пар – на оз. Деед-Хулсун (Кукиш, 1989, 1990, 1991); в Ростовской обл. в долине оз. Маныч-Гудило в начале XXI в. гнездилось до 300-400 пар (Динкевич, 2014); на Ставрополье в долине Западного и Восточного Маныча в разные годы гнездится от 200 до 2000 пар (Хохлов, Ильюх, 2013). В Краснодарском крае численность в последнее десятилетие снизилась с 4-5 до 3-4 тыс. пар из-за деградации крупной колонии на оз. Ханское в Восточном Приазовье, которая до 2009 г. насчитывала около 1,2-3,0 тыс. пар (Ключевые …, 2009; Лохман, 2017). Но крупная колония, насчитывающая от 700 до 1200 пар, сохранилась на островах Ейского лимана (Ключевые …, 2009; Забашта, Забашта, 2018).

Охранный статус. Включен в Красную книгу России (2001) под 5 категорией. Как редкий вид, уязвимый к антропогенному воздействию, колебаниям гидрорежима водоемов и влиянию хищников, занесен во все региональные Красные книги Южной России, кроме предгорных регионов – Северной Осетии, Чечни и Ингушетии, где он не гнездится. Несмотря на относительную стабилизацию численности, этот вид попрежнему требует повсеместной особой охраны (Белик, 2014а).

188. Чайка черноголовая *Larus melanocephalus* Temminck, 1820

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид, обитающий на равнинных водоемах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Типичный реликт Тетиса (Штегман, 1948), представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Этот вид первоначально гнездился в основном на островах Черного моря близ устья Днепра; сейчас же спорадичные гнездовья эпизодически отмечаются также в Европе к северу до Москвы (Зубакин, 1988, 2008). На юге России эта чайка впервые найдена в 1969 г. в смешанной колонии на оз. Маныч-Гудило (Казаков, Язькова, 1973; Белик и др., 1992), хотя на Нижнюю Волгу птицы залетали, возможно, еще в XIX – начале XX в. (см.: Rosenberg, 1907, 2019; Artzibascheff, 2015), а на Каспии залеты регулярно отмечались и в середине XX в. (Залетаев, 1960; Ардамацкая, 1991). В 1972 г. на Чограйском вдхр. на Восточном Маныче найдена колония из 97 гнезд, а в 1973 г. – из 750 пар; еще одна колония из 800 пар обнаружена в 1973 г. на оз. Маныч-Гудило, а в 1975-1979 гг. на Меклетинских озерах в Калмыкии гнездилось от 1230 до 7695 пар этих чаек (Кривенко и др., 1973; Кривенко, Любаев, 1975; Любаев, Кривенко, 1981).

Расселяясь с Черного моря на восток, чайки начали заселять также восточное побережье Азовского моря, и в 1989 г. их колония обнаружена на островах Ейского залива в Краснодарском крае (Тильба, и др., 1989). В результате этой массовой экспансии, гнездовой ареал чайки вскоре достиг Каспия и Волги, а залетные птицы пошли дальше на восток в Заволжье, Казахстан и Приуралье (Патрикеев, 1990; Ардамацкая, 1991; Давыгора, 1998; Чернобай, 2004а; Линдеман и др., 2005; Завьялов и др., 2007).

Сейчас колонии чаек известны на островах у восточного побережья Азовского моря и на Причерноморских лиманах Тамани (Лохман, 2017), на островах больших озер и водохранилищ в долине Маныча (Кукиш, 1982; Хохлов, 1993; Белик, 2004а), а также на искусственных водоемах Сарпинской низм. к северу до Волгограда (Белик и др., 2013; Гугуева, Белик, 2013; Чернобай, 2017). В 2017 г. колония впервые обнаружена на северо-западе Дагестана (Ильяшенко, Ильяшенко, 2017). В Заволжье гнездовья пока неизвестны, а в Астраханскую обл. птицы только залетают (Ардамацкая, 1991; Архипов и др., 2003).

Весенние миграции проходят днем, птицы летят обычно рассредоточенными стаями, часто на значительной высоте, с постоянными характерными криками. Миграции направлены обычно на восток, а в Поволжье на север. Осенние миграции ориентированы на юго-запад (Хохлов, 1993), но выражены слабо. Зимуют чайки в основном на Средиземном море (Зубакин, 1988), частично также на акваториях Черного моря, обычно вдали от берегов (Строков, 1974; Белик, 2015; Тильба, Филиппов, 2021).

Местообитания. Облигатно-колониальный номадный вид, гнездящийся обычно большими, очень плотными колониями на изолированных, недоступных для наземных хищников песчаных, ракушечных и глинистых островах на морях, озерах и других обширных водоемах. Размещение и размеры колоний сильно флуктуируют в зависимости от колебаний уровня воды и переселения птиц с острова на остров и с водоема на водоем.

Численность. В местах гнездования это многочисленный вид, постоянно летающий стаями с водоемов в степь на охоту за массовыми насекомыми. Глобальная популяция в конце 1980-х годов оценивалась в 340-370 тыс. пар, но в настоящее время насчитывает 118-328 тыс. пар (Зубакин, 1988; European birds …, 2017). На юге России в начале XXI в. гнездилось от 3-10 до 5-10 тыс. пар, демонстрировавших общие позитивные тренды, при асинхронных флуктуациях численности по годам в разных регионах (Белик и др., 2003; Белик, 2005а, 2014а). Последние оценки численности для европейской части России в 30-60 тыс. пар

(Атлас …, 2020), несомненно, сильно завышены.

На оз. Маныч-Гудило и прилежащих водоемах в 1970-е годы численность колебалась от 800 до 13.375 пар (Кривенко, 1981; Хохлов, 1990), однако в начале 1990-х годов там учитывали всего 100-380 пар, а в 2003 г. эти гнездовья в большинстве опустели (Белик, 2004а). В Калмыкии в 1988 и 1989 гг. гнездилось, соответственно, 750 и 2.293 пары (Кукиш, 1990, 1991). В Волгоградской обл. на Сарпинских озерах в начале XXI в. гнездилось 55-80 пар, а в мае 2012 г. там же на островах учтено около 2-3 тыс. пар, при массовой миграции чаек на север, но в 2014 г. там было отмечено всего около 200 пар, а в 2017 г. – лишь 2-3 пары (Чернобай, 2004а, 2017; Белик и др., 2013; Гугуева, Белик, 2013; Е.В. Гугуева, личн. сообщ.). В 2017 г. около 1,5 тыс. пар загнездились в Дагестане (Ильяшенко, Ильяшенко, 2017). В Краснодарском крае на оз. Ханском, Ейском и Кизилташском лиманах сейчас гнездится не более 1–3 тыс. пар (Ключевые …, 2009; Лохман, 2017).

Охранный статус. Включена в Красные книги Краснодарского края (3 категория) и Волгоградской обл. (4 категория). Как номадный вид, эта чайка имеет непостоянные места гнездовий, спонтанно переселяясь с места на место из-за разных антропогенных, а также биоценотических факторов. Поэтому охрана колоний сопряжена с определенными организационными трудностями. В целом вид успешно натурализовался на юге России, вполне обеспечен здесь кормовыми ресурсами и гнездовыми территориями, но может подвергаться пестицидной угрозе при проведении истребительных работ против массовых вредных саранчовых (Белик, 1997, 2000а, 2014а).

189. Чайка малая *Larus minutus* Pallas, 1776

Характер пребывания. Пролетный вид большинства регионов Южной России, гнездование которого отмечалось в Волгоградской обл. и Краснодарском крае, а в историческом прошлом эта чайка заселяла, возможно, и другие степные районы (Белик, 2000а; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Зоогеографический статус не совсем ясен из-за антропогенной трансформации первичного ареала (Белик, 2000а). По-видимому, эта чайка первоначально была связана с лиманными водоемами степной зоны Евразии.

Таксономия. Монотипический вид. Иногда выделяется в отдельный род, близкий к розовой чайке (Зубакин, 1988; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии, периодически проникая из Европы в Северную Америку (Зубакин, 1988). Заселяет преимущественно лесную зону, но в Западной Сибири и Казахстане

регулярно гнездится также на степных озерах, где выделяется оптимум ареала этого вида. В прошлом гнездование указывали в Причерноморье и на Сиваше, но достоверность этих сведений сейчас ставится под сомнение (Костин, 1983; Зубакин, 1988). Во второй половине XX в. небольшие, спорадичные гнездовья изредка отмечали по северу Воронежской обл. (Нумеров, 1996), а в июне-июле 1985 г. по-видимому гнездившихся малых чаек мы несколько раз наблюдали в колониях обыкновенных чаек на степных лиманах и прудах в Балашовском р-не Саратовской обл. недалеко от северо-западной границы Волгоградской обл. (Белик, 2002).

Однако в Саратовской обл. гнездование малой чайки не подтверждено (Завьялов и др., 2007). Хотя в Волгоградской обл. отмечали ее спорадичное, но повсеместное гнездование небольшими колониями на заросших озерах, прудах и лиманах, а в Заволжье гнездовья находили также на солончаках вдали от водоемов (Кубанцев, Чернобай, 1982). Колония до 200 пар 08.06.1986 была найдена на оз. Сарпа (Врублевский, 1992). О гнездовании в северных районах Волгоградской обл., включая Заволжье, недавно вновь писал В.Ф. Чернобай (2004).

В прошлом встречу гнездовой пары указывали также на лимане среди песков в низовьях р. Еруслан в Волгоградском Заволжье (Волчанецкий, Яльцев, 1934). Позже эту чайку в небольшом числе отмечали на всех заросших водоемах Волго-Уральского междуречья, в том числе в устье р. Смородa на Эльтоне (Волчанецкий, 1937). О регулярном гнездовании малых чаек в Волго-Уральском междуречье Казахстана в многоводные годы и исчезновении их гнездовий в засушливые периоды сообщали также В.Л. Шевченко с соавт. (1993, 2020). Но Г.В. Линдеман с соавт. (2005), проработавший около 40 лет на Эльтоне и в Волго-Уральском междуречье, вовсе не приводит этот вид для региона. В 1996 г. гнездовий малой чайки нигде не нашли там и мы (Белик, 2008), а в Волгоградском Заволжье этих чаек нигде не было и в начале XXI в. (наши данные).

Можно полагать, что исчезновение малой чайки в степном Поволжье и Заволжье произошло сравнительно недавно, возможно, в связи с массовым обсыханием мелководных степных лиманов, охватившим этот регион во второй половине XX в. (Линдеман и др., 2005). В середине XIX в. гнездование малой чайки отмечали также на юге Сарпинских озер (Artzibascheff, 1859, 2015), но в начале XX в. она у Сарепты уже не гнездилась, хотя в массе пролетала весной на гнездовья в Заволжье (Лорец, 1928).

О редком, спорадичном гнездовании малой чайки в последние десятилетия в дельте Кубани сообщал Н.Л. Заболотный, нашедший 28.05.1969

кладку из 3 яиц на лиманах Славянского р-на; затем гнездо малой чайки было найдено летом 1990 г. в колонии черных крачек у Сладковского лимана, а летом 2004 г. еще 2 гнезда обнаружены в колонии ходулочников и черных крачек на островах среди рисовых чеков (Хохлов и др., 2006). Но позже гнездовий этой чайки в Приазовье уже не отмечали (Тильба, Мнацеканов, 2014; Атлас …, 2020).

Мигрирует эта чайка в основном вдоль Таганрогского залива и долины Нижнего Дона через Цимлянское вдхр. и Сарпинские озера в район Волгограда и дальше на северо-восток (Лорец, 1928; Белик, 2001; Забашта, Забашта, 2018). Выше по Волге и в ее дельте малые чайки немногочисленны или даже редки (Завьялов и др., 2007; Реуцкий, 2014). Зимуют они на южных морях, в том числе на Черном море, а также на юге Каспия, куда летят напрямик из Сибири (Строков, 1974; Зубакин, 1988; Белик, 2015; Тильба, Филиппов, 2021); в теплые зимы птицы задерживаются иногда на Азовском море (Маркитан и др., 2010).

Местообитания. Гнездится на различных озерах и болотах, как в лесной, так и в степной зоне. В степях предпочитает частично заросшие озера, пруды и лиманы с открытыми плесами, но иногда отмечалось гнездование на солончаках (Кубанцев, Чернобай, 1982). В Европейских степях эти местообитания, возможно, покинуты чайками из-за промыслового истребления птиц и их гнездовий человеком в исторический период (см.: Белик, 2000а, с.235-236). На зимовках держится обычно у незамерзающих побережий морей.

Численность. Северные популяции относительно стабильны, местами отмечается их слабое сокращение. Общая численность в Европейской России составляет 10-25 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017), а на юге России может гнездиться ориентировочно до 10-50 пар (Белик, 2005а, 2014а). На миграциях малая чайка обычна, местами встречается в массе; на зимовках в России немногочисленна (Строков, 1974; Костин, 1983; Тильба, Филиппов, 2021).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). Но особая охрана на путях сезонных миграций на юге России сейчас, по-видимому, вряд ли может быть эффективной (Белик, 2014а). Однако в тех регионах, где малая чайка еще, возможно, сохранилась на гнездовании, желательна организация особой охраны ее колоний на региональном уровне.

190. Чайка озерная *Larus ridibundus* Linnaeus, 1766

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, обычный зимующий вид, обитающий на равнинных водоемах Южной России, кроме предгорных районов Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и

Северной Осетии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Зоогеографический статус не совсем ясен; озерную чайку, которая заселила Сибирь, по-видимому, вторично, следует относить, вероятно, к пресноводному аллювиофильному фаунистическому комплексу Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Умеренный пояс Северной Евразии; пересекая Атлантику, чайки начинают заселять также Северную Америку. На юге России гнездование отмечается во всех равнинных регионах (Белик и др., 2016): на севере Волгоградского Заволжья в низовьях р. Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Лебедева, 1981), на больших островах Волги (Лорец, 1928; Кубанцев, Чернобай, 1982), на озерах Сарпинской низм. (Кукиш, 1989, 1991; Николаев, 1995), в дельтах Волги и Терека (Кривоносов, 1981; Сыроечковский, 2005; Реуцкий, 2014); по Дону вниз до дельты, до Восточного Приазовья, дельты Кубани и Тамани, долин Западного и Восточного Маныча (Казаков и др., 1981; Казаков, Языкова, 1982; Кукиш, 1989; Хохлов, 1990; Маркитан и др., 2010). Однако везде здесь колонии встречаются спорадично и, как правило, крайне непостоянны (Казаков и др., 1981; Кривоносов, 1981; Казаков, Языкова, 1982), а на оз. Маныч-Гудило они сейчас, возможно, вовсе исчезли (Белик, 2004а). Очевидно, условия для этой чайки на степных водоемах Южной России субоптимальны, ее гнездование здесь неустойчиво, а границы ареала нестабильны.

На миграциях встречается повсеместно, но основной пролет идет преимущественно по долинам крупных рек; изредка залетает в горы. На зимовках обычна и многочисленна вдоль побережий южных морей и в низовьях больших рек, а также на других незамерзающих водоемах, особенно у крупных городов. На Черноморском побережье держится с конца июня до конца мая, но крупные скопления наблюдаются в течение ноября-марта (Тильба, Филиппов, 2021).

Местообитания. Эти чайки более характерны для северных регионов с пресными водоемами, имеющими на мелководьях рогозово-осоковые заросли, среди которых они обычно устраивают как разреженные, так и довольно плотные колонии. На юге России колонии находили, кроме того, на открытых островах озер и водохранилищ среди солянок, покрывающих низкие, плоские береговые отмели и косы, а также на дамбах рыбхозов (Казаков и др., 1981; Казаков, Языкова, 1982; Хохлов, 1990, 1993).

По всей видимости, такие поселения формируются после деградации рогозовых зарослей, вызванной засолением водоемов, и лишь на опресненных прудах и озерах они сохраняются дольше (Белик, 2004а). А на

открытых низменных островах озерных чаек со временем вытесняют другие виды, особенно хохотунья. Зимой чайки держатся у различных незамерзающих водоемов, которые служат основным местом ночевок. Часто птицы концентрируются в городах и возле городских свалок.

Численность. Популяции Южной России в конце XX в. были относительно стабильны, но на Ставрополье отмечена локальная депрессия (Белик и др., 2003). Сокращение численности наметилось тогда, по-видимому, и в Калмыкии (Кукиш, 1991). Всего на юге России гнездится около 5-20 тыс. пар (Белик, 2005а), в том числе до 1000 пар в Ростовской обл.; 1,2-1,7 тыс. пар на Ставрополье; более 3,5 тыс. пар в Калмыкии; 100-1000 пар в заповеднике «Дагестанский» (Кукиш, 1989, 1990; Хохлов, 1990, 1993; Белик, 2000а; Джамирзоев и др., 2017).

В Краснодарском крае в 1980-е годы были известны 4 колонии общей численностью 2.160 пар, а в начале XXI в. в 8 колониях гнездились 2.332 пары, причем в 6 колониях учтено всего по 10-60 пар (Емтыль и др., 2003). В долине Маныча на Пролетарском и Чограйском вдхр. в прошлом были известны 3 колонии из 150, 300 и 800 пар, устроенные на островах, а на Усть-Манычском вдхр. колония из 200-250 пар располагалась в 1948-1949 гг. среди зарослей рогоза (Кривенко, Любаев, 1975; Казаков, Языкова, 1982). В 1991 г. на оз. Маныч-Гудило учтено 6 колоний по 40-200 пар общим числом 510-560 пар (Казаков, Ломадзе, 1992), но позже такие колонии на островах там уже не отмечались (Белик, 2004а).

В дельте Волги изредка встречаются небольшие, непостоянные гнездовья, и только на заросших озерах среди Западных подстепных ильменей дважды за все годы были отмечены колонии из 100-300 пар (Сыроечковский, 2005; Реуцкий, 2014). На Волге у Волгограда в 1977 г. была известна колония из 700 гнезд (Кубанцев, Чернобай, 1982).

В низовьях Дона на рыбхозах осенью может скапливаться до 20 тыс. пролетных птиц (Белик, 2019). На Черном море против устьев рек в районе Сочи-Адлера зимой постоянно держится до 7 скоплений по 10-50 тыс. особей (Тильба, Филиппов, 2018). Массовые зимовки наблюдались в дельте Волги (Кривоносов, 1963). В последние десятилетия много птиц регулярно зимует в низовьях Дона (Казаков и др., 1981; Казаков, Языкова, 1982; Белик, 2000а; Маркитан и др., 2010).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

191. Морской голубок *Larus genei* Brème, 1840

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид, обитающий на равнинных водоемах Южной России, кроме горных районов Кавказа, где изредка встречаются лишь мигранты или

залетные особи (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Типичный реликт Тетиса (Штегман, 1948), представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Область Древнего Средиземья от Испании до Балхаша (Дементьев, 1951; Зубакин, 1988). В Южной России гнездовые колонии изначально были сосредоточены на изолированных островах лиманов и морских заливов на Азово-Черноморском побережье у Ейска, на оз. Ханское и на Таманском полуострове (Кищинский, 1960; Лохман, 2017). Кроме того, птицы гнездились на севере Каспийского моря, а в середине XX в. заселили также острова оз. Маныч-Гудило и озёра Калмыкии (Любаев, Кривенко, 1981; Казаков, Языкова, 1982).

На севере Каспия большие колонии появились в 1970-е годы на взморье в дельте Волги, когда уровень моря опустился до минимальных отметок. В это время около 12 тыс. пар загнездилось на Обжоровском рыбоходном канале; в 1978 г. большая колония обнаружена на о. Морской Очиркин, но вскоре этот остров из-за подъема уровня моря ушел под воду, и гнездовье чаек исчезло. Позже небольшие колонии изредка отмечались на свеженамытых приканаловых островах, а до 1986 г. там же иногда наблюдались многотысячные скопления голубков, однако их колонии не были выявлены (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014).

На оз. Маныч-Гудило эти чайки впервые найдены в 1954 г. вскоре после его обводнения, куда голубки проникли, судя по находкам окольцованных птиц, из Черноморского заповедника (Бакеев и др., 1957). В 1975-1979 гг. крупные колонии обнаружены на Меклетинских озерах в Калмыкии (Любаев, Кривенко, 1981), но позже сведений о них оттуда не поступало (Кукиш, 1989, 1990, 1991).

Для Волгоградской обл. голубок указан как очень редкий гнездящийся вид (Чернобай, 2004а). Он изредка отмечался на Сарпинских озерах (Лорец, 1928), а также на озерах в Заволжье (Чернобай и др., 2000; Букреев, Чернобай, 2006), залетая туда, вероятно, с оз. Соркуль в Казахстане, где находятся его большие колонии (Линдеман и др., 2005). Но подтвердить гнездование голубка в Волгоградской обл., несмотря на неоднократные встречи птиц в разных районах, нам пока не удалось.

Зимовки располагаются в основном в Средиземном море, а также на юге Каспия (Зубакин, 1988). Изредка птицы встречаются зимой у берегов Черного моря, но на восточном побережье Азовского моря, а тем более в низовьях Дона, они зимуют редко (Очаповский, 2017; Тильба, Филиппов, 2018, 2021; Попов, 2021; наши данные). Миграции на юге России выражены слабо.

Местообитания. Облигатно-колониальный вид, гнездящийся обычно большими, очень плотными колониями на изолированных, недоступных для наземных хищников, открытых песчаных, ракушечных и глинистых островах морей, озер и других обширных водоемов. Трофически связан преимущественно с илистыми мелководьями, и вероятно поэтому на удаленных от побережья островах голубок не гнездится.

Численность. В местах гнездования обычен. Общая численность на юге России составляет от 2-5 до 4-7 тыс. пар (Белик, 2005а, 2014а; Атлас …, 2020), периодически флуктуируя в основном в связи с колебаниями уровня водоемов, при общей тенденции к заметному сокращению популяций в Астраханской обл. и на Ставрополье, а также в Краснодарском крае (Белик и др., 2003; Белик, 2014а). В Ростовской обл. численность оценивается в 350 пар (Белик, 2000а), а на Ставрополье гнездится несколько десятков пар. (Хохлов, 1993; Хохлов, Ильюх, 2013). В Краснодарском крае в начале XXI в. было известно 5 колоний общей численностью до 3,1 тыс. пар, в том числе 2-3 тыс. пар гнездились на оз. Ханское, но в настоящее время вся приазовская популяция не превышает 2 тыс. пар (Емтыль и др., 2003; Лохман, 2017).

На оз. Маныч-Гудило в 1970-е годы численность колебалась от 112 до 6.660 пар (Кривенко, 1981), но в 1990 г. там выявлена лишь одна колония из 150 гнезд, а в 1991 г. гнездовий не найдено вовсе (Казаков, Ломадзе, 1991, 1992). В 2002 г. в западной части оз. Маныч-Гудило учтены 3 колонии из 20, 30 и 105 пар (Белик, 2004а). В Калмыкии на Меклетинских озерах в 1975-1979 гг. учитывали от 2.450 до 6.730 пар (Любаев, Кривенко, 1981), но в последние десятилетия голубков в Калмыкии отмечали только на островах оз. Маныч-Гудило (В.М. Музаев, личн. сообщ.).

Охранный статус. Включен в Красные книги Астраханской обл. (3 категория), Ставропольского края (3 категория) и Краснодарского края (3 категория). Как стенобионтный уязвимый вид, гнездящийся плотными колониями на прибрежных островах нестабильных водоемов, нуждается в повышенном внимании и региональной охране (Белик, 2014а).

192. Чайка серебристая *Larus argentatus* Pontoppidan, 1763

Характер пребывания. Очевидно, редкий залетный вид Южной России, пребывание и распространение которого на юге России практически не выяснено, а большинство прошлых указаний о его находках в отдельных регионах требует критического пересмотра (Белик и др., 2006, 2016).

Зоогеографические связи. Зоогеографический статус этой чайки неясен и требует особого анализа.

Таксономия. В первой половине XX в. серебристая чайка рассматривалась как большой политипический вид, ареал которого охватывал Северную Евразию и Северную Америку (рис.52) и включал до 12 подвидов (Дементьев, 1951). Сейчас этих крупных белоголовых чаек разделили на 5-6 отдельных видов, и к *L. argentatus* относят обычно 2 формы (северо-восточная *L. a. argentatus* и западная *L. a. argenteus*), приуроченные к побережьям и островам Северной и Западной Европы (Dickinson, Remsen, 2013). В России обитает только номинативный подвид (Коблик и др., 2006; Атлас …, 2020).

Распространение. Гнездится в Исландии и Западной Европе к востоку до Прибалтики и Белого моря. В середине XX в. колонии стали формироваться на больших озерах и водохранилищах в верховьях Волги, а с 1990-х годов эта чайка заселила разнообразные водоемы многих областей Нечерноземного центра России (Дементьев, 1951; Зубакин, 2008; Калякин, 2014; Атлас …, 2020). На зимовках кочует вдоль побережий Северной и Западной Европы к югу до Испании (Дементьев, Вучетич, 1947; Бианки, 1967; Dickinson, Remsen, 2013). Изредка из Прибалтики залетает на побережья Каспия (Вайткявичус, 1968, цит. по: Юдин, Фирсова, 2002).

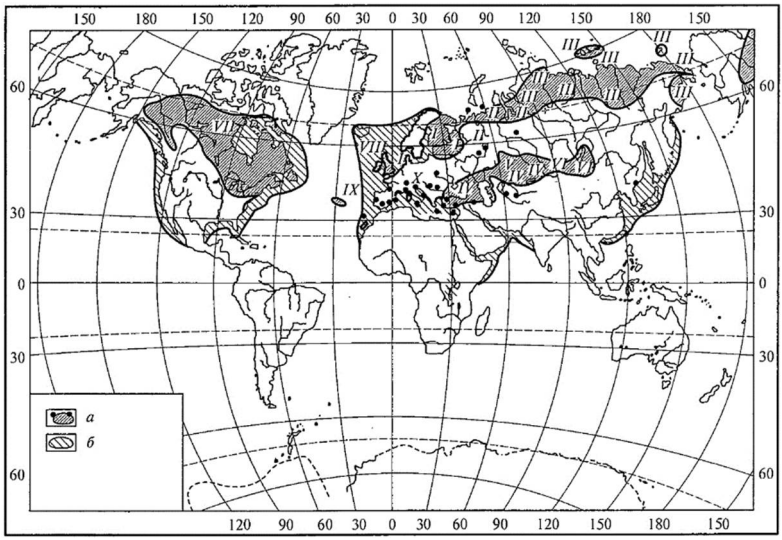


Рис. 52. Схема ареалов чаек группы *L. argentatus* и *L. cachinnans* в Северной Евразии (по: Юдин, Фирсова, 2002)
I – *L. a. argentatus*; II – *L. c. heuglini*; III – *L. a. vegae*; IV – *L. c. cachinnans*; V – *L. c. barabensis*; VI – *L. c. mongolicus*; IX – *L. c. atlantis*; X – *L. c. michahellis.* Густая штриховка – гнездовые ареалы; редкая штриховка – районы зимовок

В.Ф. Лорец (1928), в течение 20 лет интенсивно коллектировавший птиц на Волге у Сарепты (Волгограда), наряду с клушей и хохотуньей указывал также серебристую чайку *L. argentatus*, появлявшуюся там на пролете в сентябре и апреле. В большинстве же прежних работ по югу России подвидовая принадлежность белоголовых чаек, относившихся к виду *L. argentatus*, обычно не отмечалась, тем более учитывая сложность определения подвидов среди пролетных и зимующих чаек.

В последнее время достоверная информация о встречах *L. a. argentatus* в Южной России с подтверждением видовых определений по фото-, видео- или коллекционным материалам практически отсутствует (Барабашин, 2013). Сейчас имеются указания лишь о единичных встречах этих птиц на Черном море возле Анапы в январе-феврале 2012 г. (Отчет …, 2012; Джамирзоев и др., 2014). Лишь однажды 17.01.2008 трех птиц этого вида наблюдали и в Крыму (Бескаравайный, 2008).

Местообитания. Гнездится преимущественно на островах у морских побережий и на крупных озерах; заселяет также большие верховые болота в лесной зоне, а также торфяные карьеры и залитые водой торфяные поля. В Москве, Санкт-Петербурге и других городах в последние десятилетия отмечено гнездование на крышах хозяйственных строений (Юдин, Фирсова, 2002; Зубакин, 2008; Атлас …, 2020). Зимой эти чайки держатся на побережьях морей, часто посещают городские свалки.

Численность. В бывшем СССР гнездилось не менее 7 тыс. пар (Юдин, Фирсова, 2002). Сейчас только в России обитает 30-70 тыс. пар, расширяющих свой ареал на восток (Мищенко и др., 2017). Численность же этих чаек, прилетающих зимой на юг России, остается неизвестна.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

193. Клуша *Larus fuscus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Зимующий вид, изредка отмечающийся на различных водоемах во многих равнинных регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Зоогеографические связи этой чайки неясны и требуют особого анализа.

Таксономия. В России обитает только балтийско-беломорский, мелкий и очень темный номинативный подвид (Коблик и др., 2006). Две другие более крупные и светлые формы (*L. f. graellsii* и *L. f. intermedius*) населяют Западную Европу и Северную Атлантику.

Распространение. Гнездится в северо-западной Европе, включая бас-

сейны Балтийского и Белого морей. Зимовки располагаются у побережий Европы, но молодые птицы из Финляндии и Беломорья улетают в основном через континент на юг и юго-восток к Днепру, Дону и Волге, спускаясь по ним к Черному, Азовскому и Каспийскому морям (Дементьев, 1951; Бианки, 1967; Костин, 1983; Юдин, Фирсова, 2002). Вдоль Днепра осенью пролетало довольно много клуш, и там за день иногда можно было учесть до сотни особей; весной же они встречались на Днепре в значительно меньшем числе (Кістяківський, 1957).

На юге России клуша более или менее регулярно появлялась на Черном и Азовском морях, особенно в прошлом; реже она встречалась на Нижнем Дону (Алфераки, 1910; Дементьев, Вучетич, 1947; Бианки, 1967; Строков, 1974; Белик, 2001; Забашта, 2006; Тильба, 2006, 2007; Очаповский, 2017). В небольшом числе клуша пролетала по Волге и изредка отмечалась осенью и зимой в северо-западных районах Каспийского моря в Калмыкии и у Махачкалы (Яковлев, 1872, 2015; Лорец, 1928; Залетаев, 1963; Бианки, 1967; Реуцкий, 2014). Этот вид указан как редкий мигрант для Каспия в устье р. Самур на юге Дагестана, но позже для этого района он не упоминался (Михеев, 1985, 1992).

В Предкавказье вдали от морей залетные клуши появляются очень редко. Здесь в сентябре 1923 г. клуша была добыта у Владикавказа в Северной Осетии (Бёме, 1926); 07.04.1963 и 29.05.1965 две и одна птица наблюдались на Кубани у Краснодара и на р. Псекупс у г. Горячий Ключ в Краснодарском крае (Очаповский, 2017); в октябре 1985 г. клуша отмечена на оз. Дадынское на Восточном Маныче ниже Чограйского вдхр. (Хохлов, 1990); однажды 31.10.2003 клуша наблюдалась на оз. Маныч-Гудило (Белик, 2004а).

Особенности кочевок клуши в Крыму позволили предполагать, что осенью многие птицы летят на зимовки в основном вдоль побережий Западной Европы, а весной часть птиц, попадающих в течение зимы на Средиземное море, возвращается на север через Черное море и дальше по рекам через материк, но некоторые клуши изредка остаются на юге на всё лето (Дементьев, Вучетич, 1947; Костин, 1983).

Местообитания. Предпочитает скалистые побережья и острова морей, гнездится также на небольших изолированных островах озер, в том числе на низменных, где испытывает конкуренцию со стороны более крупной серебристой чайки (Юдин, Фирсова, 1988). Зимой держится обычно на побережьях морей, нередко посещает порты и городские свалки.

Численность. На местах гнездования довольно обычна, а в Западной Европе многочисленна. В России сейчас гнездится 4,0-6,5 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 1917; Атлас …, 2020). Но в Прибалтике и Беломорье

с начала XX в. наблюдалось сокращение численности популяций, особенно резкое с 50-70-х годов (Мальчевский, Пукинский, 1983; Юдин, Фирсова, 1988; Хохлова, 1991, 2020; Гагинская, 2002).

Вероятно, в связи с этим существенное снижение численности пролетных и зимующих птиц прослеживается также и на юге России. В конце XIX в. клуша была очень обычна на Азовском море (Алфераки, 1910); в середине XX в. в большом количестве встречалась зимой в районе Сочи (Строков, 1974); тогда же в значительном числе держалась зимой в Пицунде, питаясь отходами на рыбных тонях (Бернацкий, 1958). В конце 1960-х годов еще регулярно отмечалась в Таганрогском заливе, встречаясь здесь весной с конца марта - начала апреля (22.03.1970; 04.04.1968) и летом (14.07.68), но в конце XX в. клуши практически исчезли как на Азовском море, так и на Дону (Белик, 2001).

Сейчас клуша относится к редким и малочисленным залетным птицам, встречающимся обычно единичными особями на протяжении года по всей акватории Черного и Азовского морей (Барабашин, 2013; Тильба, Филиппов, 2021). В дельте Волги весной с марта по начало мая в течение 1979-1997 гг. отмечено всего 7 встреч с клушами (Реуцкий, 2014). По наблюдениям в Крыму, максимум регистраций клуш, летящих обычно вдоль берега моря на восток, отчасти на север, отмечается с конца марта до середины мая, а осенью клуши встречаются на юге Крыма редко (Костин, 1983; Бескаравайный, 2008). С конца марта до начала июня клуши появляются сейчас и на Черноморском побережье Кавказа; осенью же встречаются там реже (Тильба, Филиппов, 2021).

Охранный статус. Из-за повышенной уязвимости и снижения численности в Прибалтике, клуша под 2 категорией включена в Красную книгу России (Приказ …, 2020). Нуждается в охране, очевидно, также и на местах кочевок на юге России.

194. Клуша восточная, халей *Larus heuglini* Bree, 1876

Характер пребывания. Пролетный, частично зимующий вид на больших равнинных реках и морских побережьях Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Зоогеографический статус этой чайки требует отдельного анализа.

Таксономия. Систематика крупных белоголовых чаек, объединявшихся в первой половине XX в. в один политипический вид *L. argentatus*, до сих пор вызывает дискуссии, и многие авторы по-разному рассматривают объём отдельных выделяемых сейчас видов (рис.52). По мнению Л.С. Степаняна (2003), восточная клуша делится на 3 подвида, один из которых (*L. h. antelius*) гнездится в европейских тундрах и может

встречаться на миграциях и зимовке в Южной России, другой (*L. h. heuglini*) обитает в тундрах Средней Сибири, а третий (*L. h. vegae*) – на северо-востоке Азии.

К.А. Юдин и Л.В. Фирсова (2002) объединяют *antelius* с *heuglini*, считая эту единую форму особым подвидом хохотуньи *L. cachinnans*, обитающим в тундрах Европы и Западной Сибири, а *vegae* они вовсе относят к *L. argentatus* (рис.52). К восточной клуше *L. heuglini* иногда присоединяют еще и форму *barabensis*, гнездящуюся на юге Западной Сибири и севере Казахстана и зимующую на Каспии (Юдин, Фирсова, 2002; Коблик и др., 2006). Но в последнее время некоторые авторы выделяют ее в отдельный вид *L. barabensis* (Атлас …, 2020). Иногда все эти формы объединяются в один вид с обыкновенной клушей *L. fuscus* (Dickinson, Remsen, 2013). Близость формы *L. h. heuglini* к обыкновенной клуше особо отмечалась и прежде (Дементьев, 1951).

Распространение. *L. h. heuglini* (=*L. h. antelius*) населяет европейские и сибирские тундры и, вероятно, более или менее регулярно встречается на миграциях и зимовке в Южной России. Но на Каспии зимуют также птицы подвида *L. h. barabensis*. Так, молодые чайки, окольцованные в Казахстане на оз. Жарколь и Тенгиз, в тот же год 10 сентября и 23 августа были добыты в дельтах Волги и Урала, а северные чайки, гнездящиеся от Белого моря до Оби, в октябре и апреле мигрируют вдоль Каспия на его юго-восточное побережье и обратно (Дементьев, 1952; Юдин, Фирсова, 2002). Однако определять разные виды белоголовых чаек визуально в природе весьма сложно, а коллекционных материалов с мест зимовки для выявления районов их зимнего пребывания пока крайне мало.

О редких, нерегулярных встречах восточной клуши во второй половине лета и осенью на Черноморском побережье Кавказа сообщал Т.О. Барабашин (2013). Одиночные восточные клуши, судя по фотографиям, наблюдались 14.11.2017; 11.08.2019; 09.03. и 14.04.2020, а также с 13.02. по 30.03.2021 в устье р. Сочи и 19.11.2017 в Кабардино-Балкарии (Журтов, 2019; Филиппов, 2019; Тильба, Филиппов, 2020, 2021). Изредка эти птицы встречаются среди хохотуний на весенних и осенних миграциях в низовьях Дона (наши данные) и на Нижней Волге (Е.В. Гугуева, личн. сообщ.). Похожих птиц отмечали 10-11.04.1987 и 15-17.11.2002 на оз. Маныч-Гудило (Белик, 2004а).

В осенний период одиночек и группы восточных клуш неоднократно наблюдали в стаях хохотуньи на свалке г. Черкесска; вероятно, они залетают и выше по Кубани вплоть до Теберды (Хубиев, Караваев, 2010; Караваев, Хубиев, 2014). В Дагестане две одиночные залётные

особи отмечены 27.07.2012 в районе Кизлярского залива, однако сообщение о восточной клуше, встреченной 06.07.1985 в Адлере (Джамирзоев и др., 2014), относится к клуше *L. fuscus* (Тильба, 2006); в середине XX в. восточные клуши вместе с хохотуньями и обыкновенными клушами в небольшом числе зимовали на северо-западе Каспия (Залетаев, 1963).

Клуш добывали также в дельте Волги (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Бостанжогло, 1911), но к какому виду они относились – осталось неясно. В.А. Хлебников (1928) замечал по этому поводу, что темноспинные чайки залетают в дельту очень редко, и поэтому неизвестно, к какой форме принадлежат: к *L. fuscus*, *L. affinis* (=*L. heuglini*) или к обоим видам. В начале XXI в. восточных клуш изредка отмечали в дельте Волги на зимовке (Русанов, 2011).

Местообитания. В тундре эти чайки обитают обычно по низменным берегам заболоченных озер. На миграциях и зимовке они держатся у различных водоемов, часто посещают городские свалки.

Численность. В начале XX в. на юго-восточном побережье Каспия зимовало до 100 тыс. этих чаек, и временами там собирались их тысячные стаи (Дементьев, 1952), но в дельте Волги они отмечались очень редко (Хлебников, 1928). Сейчас в европейских тундрах России гнездится от 1,0-2,5 до 3-10 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020), однако на миграциях и зимовке на юге России они наблюдаются достаточно редко. Точные данные о численности и встречаемости этих птиц здесь немногочисленны из-за ненадежности их визуального определения, особенно молодых и неполовозрелых особей в промежуточном оперении. По мнению Т.О. Барабашина (2013), на побережье Черного моря эти птицы – самые редкие из группы больших белоголовых чаек.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

195. Хохотунья *Larus cachinnans* Pallas, 1811

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, обычный зимующий вид, обитающий на равнинных водоемах по всей Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Типичный реликт Тетиса, представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. На юге России гнездится номинативный подвид (Степанян, 2003). Иногда хохотунья рассматривается как монотипический вид (Dickinson, Remsen, 2013). В последних сводках по фауне Северной

Евразии все формы, относившиеся ранее к хохотунье, выделяются в отдельные, внешне весьма сходные виды, имеющие особые, лишь частично перекрывающиеся гнездовые ареалы: хохотунья, средиземноморская, армянская, монгольская чайки (Коблик, Архипов, 2014).

Распространение. Бассейны Черного, Азовского, Каспийского и Аральского морей. На юге России заселяет низменные морские острова и многие стоячие водоемы в долинах рек всех равнинных и предгорных регионов, кроме Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Белик и др., 2016), но сейчас может быть найдена на гнездовье и в этих регионах – в их северных, равнинных районах (Белик, Федосов, 2017).

С середины-конца XX в. хохотунья по континентальным водоемам начала расселяться на север. В 1995 г. большая колония найдена на Сев. Донце в Луганской обл. (Ветров, 2010); в 2008 г. первые гнезда найдены в Воронежской обл. на оз. Ильмень в Поворинском р-не на левобережье долины Хопра, а с 2012 г. птицы гнездятся на Воронежском вдхр. (Нумеров, Венгеров, 2012; Нумеров и др., 2013); на юго-востоке Саратовской обл. хохотуньи загнездились во второй половине XX в., а у Саратова – с 1995 г. (Завьялов и др., 2007). Сейчас границы ареала достигли 54-57° с.ш. (Атлас …, 2020).

На миграциях встречается повсеместно, но основной пролет идет по долинам крупных рек. В низовьях Дона на рыбхозах осенью скапливается до 20 тыс. птиц (Белик, 2019). Изредка залетает в горы. На зимовках обычна на побережьях южных морей и в низовьях рек, особенно у крупных городов, а также на больших незамерзающих водоемах (Хохлов, 1993); издавна зимует в авандельте Волги (Луговой, 1963; Реуцкий, 2014); в последние десятилетия регулярно зимует также в низовьях Дона (Казаков, Языкова, 1982; Белик, 2000а; Маркитан и др., 2010).

Местообитания. Гнездится обычно разреженными колониями на изолированных, открытых морских и озёрных островах, заросших травой, а также на обширных заболоченных и заросших тростником, рогозом или осокой естественных и искусственных водоемах, имеющих открытые плёсы. Гнезда строит в траве на сухой земле, на заболоченных берегах из сухой ветоши или на заломах тростника в воде. Зимой держится на побережьях морей, рек и других водоемов, часто кормится большими стаями на крупных свалках.

Численность. В заселенных местах обычный и многочисленный вид. В целом популяция, по-видимому, относительно стабильна, но на Дону и Кубани в конце XX в. наблюдался ее заметный рост (Белик и др., 2003). О его динамике свидетельствует мониторинг колоний на оз. Маныч-Гудило, где чайки впервые появились в 1953 г. после его обводнения, а в 1960 г. в 3 колониях учтено более 200 пар. В 1968-1969 гг.

на этом озере гнездилось 995-997 пар, в 1970-е годы – 1.430-3.270 пар и еще около 1.000-1.200 пар обитало на оз. Казинка, а в 1990-1991 гг. на оз. Маныч-Гудило учли уже 6-8 тыс. пар (см. обзор: Белик, 2004а).

В последующем рост численности контролировался на о. Заливном, одном из доступных островов в центральной части оз. Маныч-Гудило, где в 1990 г. гнездилось 300 пар, в 1991 г. – 500-600, в 2000 г. – 800, в 2002 г. – 700-900, в 2003 г. – 1.500, а в 2004 г. – не менее 2.000 пар (Белик, 2004а). Столь же заметен был рост популяции и на Сарпинских озерах в Калмыкии, где в течение 1980-х годов она увеличилась с 55-112 до 530-852 пар (Кукиш, 1989, 1990, 1991, 1992).

Распространение колоний и динамика численности хохотуньи на Каспии в XIX – середине XX в. были детально проанализированы Е.Е. Сыроечковским (2005). В конце XX – начале XXI в. максимальная численность птиц на о. Жемчужный в Астраханской обл. в течение 1975-2014 гг. достигала 1-2 тыс. пар (Русанов и др., 2014), а в заповеднике «Дагестанский» на побережье Каспия сейчас насчитывается 250-350 пар (Джамирзоев и др., 2017). В Волгоградской обл. на водоемах Сарпинской низм. в 1976 г. сформировались колонии хохотуньи по 150-200 пар, а в 2012-2018 гг. ее численность колебалась в пределах 200-800 пар (Врублевский, 1992; Е.В. Гугуева, личн. сообщ.), и еще 300-350 пар гнездилось в 2000 г. на оз. Булухта в Заволжье (Антончиков и др., 2001; Пименов, Байбаков, 2012).

В Краснодарском крае в конце XX в. было известно 15-20 колоний, в которых гнездилось около 6-8 тыс. пар, а в начале XXI ст. в 9 колониях учли около 23 тыс. пар, при этом наиболее крупные гнездовья были отмечены на Ейском лимане и оз. Ханское в Приазовье и на Кизилташских лиманах на Тамани (Мнацеканов и др., 1992; Емтыль и др., 2003; Ключевые …, 2009). Можно полагать, что всего на юге России сейчас гнездится не менее 40-60 тыс. пар. В конце же XX в. общая численность этой чайки на юге России оценивалась в 20-30 тыс. пар, в том числе около 10 тыс. пар было в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а) и 1,1-1,5 тыс. пар на Ставрополье (Хохлов, 1989, 1993).

Во второй половине XX в. значительно расширились также масштабы кочевок и выросла численность чаек на Черном море, что было обусловлено, вероятно, ростом числа отдыхающих и курортников и увеличением количества пищевых отходов на побережье. Летом вдоль всего берега теперь держатся сотенные скопления чаек, хотя в начале XX в. они были здесь редки, а в середине века – немногочисленны (Белик, 2013б). Скопления формируются с конца мая по октябрь, особенно много чаек в августе, когда между Сочи и Туапсе учитывается до 1300 птиц, а в зимне-весенний период они здесь малочисленны (Тильба,

2006; Белик, 2013б; Тильба, Филиппов, 2018, 2021).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Местами проводится специальная регуляция численности птиц.

196. Чайка средиземноморская *Larus michahellis* J.F. Naumann, 1840

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид Черноморского побережья Кавказа, залетающий на кочевках в Предкавказье (Караваев, Хубиев, 2014; Перевозов, 2014; Белик и др., 2016; Тильба, Филиппов, 2016, 2020, 2021; Белик, 2018).

Зоогеографические связи. Реликт Тетиса, предположительно представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. На юг России из Средиземноморья проникает номинативный подвид. Вторая форма (*L. m. atlantis*) гнездится на островах в Атлантике (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Побережья и острова Средиземного и Черного морей, Южная и Западная Европа. В России в первой половине XX в. птицы загнездились сначала на прибрежных скалах Крыма (Pusanow, 1933; Аверин, 1951), а во второй половине XX в. они появились и на Черноморском побережье Кавказа (Белик, 2018), где в последнее время найдены колонии на крышах и развалинах многоэтажных домов в приморских городах Новороссийске, Сочи, Сухуме (Барабашин, 2013; Белик, 2013б, 2015, 2018; Тильба, Филиппов, 2016, 2020, 2021). Осенью и зимой кочующие птицы держатся на побережье Черного моря и изредка залетают в Предкавказье (Караваев, Хубиев, 2014; Перевозов, 2014).

Местообитания. Исконно гнездилась разреженными колониями на приморских скалах, но в последние десятилетия в некоторых регионах переселяется на крыши домов в прибрежных городах, в том числе на Балканах, в Крыму и др. (Костин, 2009; Нанкинов, 2012; Кузиков, 2021; и др.). На Черноморское побережье Кавказа проникла благодаря адаптации к гнездованию на крышах зданий. Зимой держится в основном на побережьях морей, нередко посещает городские свалки.

Численность. В Европе сейчас гнездится 409-534 тыс. пар, демонстрирующих положительные популяционные тренды (European birds …, 2017). Большая популяция – около 6,5 тыс. пар, половина из которых гнездится в городах на крышах домов, недавно сформировалась в Болгарии (Нанкинов, 2012). В Крыму в начале XXI в. на скалах гнездилось до 250-300 пар и около 50 пар заселяли крыши домов (Бескаравайный, 2008; Костин, 2009).

В Новороссийске на Черноморском побережья Кавказа на зданиях в

2018 г. обнаружена колония численностью не менее 50-100 пар (Белик, 2018), но по данным А.В. Поповича (личн. сообщ.), в других районах этого города на крышах домов сейчас известно еще несколько гнездовий чаек. На побережье Черного моря эти чайки наиболее обычны во второй половине лета и осенью, а весной и в первой половине лета отмечаются очень редко, концентрируясь, вероятно, у колоний (Барабашин, 2013). В Пицунде соотношение *L. cachinnans* и *L. michahellis* в стаях на берегу моря, судя по анализу специальных фотографий, в августе составляло примерно 2 : 1 (Белик, 2013б).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

197. Чайка армянская *Larus armenicus* Buturlin, 1934

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России, лишь несколько раз отмечавшийся на Черноморском побережье и в Предкавказье (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Реликт Тетиса, предположительно представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид (Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится на крупных озерах Армении, Турции и Ирана. Зимует на восточных побережьях Средиземного, Черного и Красного морей (Dickinson, Remsen, 2013). Одиночные птицы весной и летом (10.08.1921; 15.04.2020; 15.04.2021) отмечались на Черноморском побережье России (Коблик и др., 2013; Филиппов, 2020, 2021), а в Предкавказье они появляются иногда также зимой (01.02.2015), залетая сюда, вероятно, из Грузии через перевалы Кавказа (Караваев, Хубиев, 2015; А.В. Абуладзе, личн. сообщ.; В.Н. Федосов, личн. сообщ.). Но визуальное определение этих птиц в природе среди массы других крупных белоголовых чаек, наблюдающихся к тому же в зимнем наряде, оказывается весьма сложным. Ошибки в идентификации этих чаек случались и в коллекциях (Шитиков, 2011; Коблик и др., 2013; Работа …, 2019).

Местообитания. Гнездится обычно колониями на каменистых островах крупных озер, расположенных среди горных степей на высокогорных плато на высоте около 2000 м н.у.м. (Бузун, 2000 и др.), а во время осенне-зимних кочевок держится по берегам морей и других водоемов. Летом кормится в основном степными насекомыми.

Численность. В 1990-е годы общая численность армянской чайки оценивалась в 25-35 тыс. пар и 10-20 тыс. не размножавшихся кочующих особей (Бузун, 2000). Сейчас же популяция сократилась до 19-29 тыс. пар (European birds …, 2017), в том числе в Армении гнездится 9-14

тыс. пар, а в Турции – 10-15 тыс. пар (Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017). Численность птиц, кочующих на Черноморском побережье России и в Предкавказье, неизвестна.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

198. Бургомистр *Larus hyperboreus* Gunnerus, 1767

Характер пребывания. Редкий залетный вид, отмеченный лишь несколько раз на крупных реках Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель, предположительно, пелагического фаунистического комплекса Арктического типа фауны.

Таксономия. Включает 3 подвида. В тундрах Европейской России гнездится номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, не заходящий в умеренный пояс. Зимует в северной Атлантике и Пацифике, очень редко залетая в глубь материков. В дельте Дона 05.04.1987 наблюдалась одна крупная белая чайка, пролетевшая в стайке сизых чаек на восток, вверх по течению реки (Белик, 1992г). Стая из 9 крупных белых чаек 27.03.1993 пролетела на север у плотины Чограйского вдхр. на Восточном Маныче на границе Ставропольского края и Калмыкии (Забелин, 1997). О встречах будто бы молодых неполовозрелых бургомистров на Волге, в том числе у Астрахани, сообщали Э.А. Эверсман (1866), М. Богданов (1871) и Г. Зибом (Seebohm, 1882), но какие-либо конкретные материалы по этому региону, а также по Каспию отсутствуют (Реуцкий, 2015).

В соседних регионах молодой бургомистр был добыт осенью 1903 г. на Дону у Воронежа, и там же 5 птиц наблюдали 20.10.1978 (Огнев, Воробьев, 1923; Воробьев, Лихацкий, 1987). На Волге в Саратовской обл. молодая птица добыта 09.08.1965 (Завьялов и др., 2007). У Перекопа в Крыму бургомистр был отмечен однажды 26.05.1837 **ст.ст.** И.А. Крыницким (Kaleniczenko, 1839; Дементьев, 1951).

Местообитания. Гнездовья приурочены обычно к скалистым, реже к низменным берегам северных морей, преимущественно у птичьих базаров или колоний гаги (Юдин, Фирсова, 1988, 2002). Зимой держится преимущественно в прибрежных районах морей.

Численность. Гнездится обычно отдельными парами или небольшими колониями. На севере Европейской России обитает около 2,5-10,0 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017). На юге России – исключительно редкий залетный вид.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

199. Чайка морская *Larus marinus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Редкий залетный вид, случайно отмечавшийся на морях и крупных реках Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель, предположительно, пелагического фаунистического комплекса Арктического типа фауны.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится только в Северной Атлантике к востоку до Белого и Балтийского морей (Юдин, Фирсова, 1988), а на континентальные водоемы залетает редко. На юге России известно всего несколько встреч. В дельте Дона 21.03.1987 наблюдалась стайка из 7 птиц, пролетевших над замерзшей рекой на восток (Белик, 1992г). На Волге у Сарепты (Волгограда) эта чайка была добыта в мае (Богданов, 1871). В дельте Волги стая из 20 птиц наблюдалась однажды 09.04.1958 (Луговой, 1963). Там же стая из 50 птиц предположительно этого вида встречена 07.05.1934, а 17.05.1992 одиночная морская чайка отмечена у пос. Ассадулаево возле Астрахани (Реуцкий, 2014).

Для Дагестана морская чайка указана как обычный мигрант на Каспии в устье р. Самур, но позже для этого же района она не упоминается (Михеев, 1985, 1992). Для Краснодарского края большую морскую чайку привел в фаунистическом списке Я. Жарко (1909), а В.В. Строков (1974) отмечал, что эти птицы наблюдаются отдельными особями в течение сентября-января на Черном море у Сочи. Там же одиночная птица встречена 20.04.2018 (Филиппов, 2019). В соседних регионах залетная морская чайка отмечена лишь однажды 27.07.1984 на Дону в Богучарском р-не на юге Воронежской обл. (Воробьев, Лихацкий, 1987).

Местообитания. Заселяет скалистые побережья и прибрежные острова. Зимой держится в прибрежной зоне морей, охотно посещая портовые города, свалки, рыбзаводы, устья рек (Юдин, Фирсова, 1988, 2002).

Численность. На севере России довольно обычна. Ее численность оценивается там в 3-4 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017). Во многих странах Прибалтики в конце XX в. отмечался заметный рост численности, но сейчас там наблюдаются негативные тренды (Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017). На юге России – исключительно редкий залетный вид.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

200. Чайка сизая *Larus canus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Пролетный и зимующий вид почти всей Южной России, в прошлом возможно гнездившийся на Нижнем Дону, на Каспии и в Заволжье (Алфераки, 1910; Белик, 2000а; Линдеман и др.,

2005; Сыроечковский, 2005).

Зоогеографические связи. Является представителем, предположительно, Сибирского типа фауны, вторично проникшим в Неарктику (Белик, 2006а). Более детальные фауногенетические связи требуют выяснения.

Таксономия. В Европе к востоку до Балтийского и Белого морей гнездится номинативный подвид, а восточнее распространен подвид *L. c. heinei*, который, по-видимому, встречается и на юге России. Американская сизая чайка *L. c. brachyrhynchus* заслуживает, возможно, выделения в отдельный вид (Коблик и др., 2006; https://avibase.bsc-eoc.org/avibase.jsp?lang=RU).

Распространение. Чайка имеет голарктический ареал, приуроченный к умеренному поясу Евразии и заходящий через Аляску в Северную Америку. Сейчас в Европейской России южная граница гнездового ареала проходит по Нечерноземному центру и Волжско-Камскому краю, но в Зауралье ареал спускается к югу почти до низовий Урала и частично заходит в степное Заволжье (Юдин, Фирсова, 1988). В XXI в. случаи размножения регистрировали в Курской обл. и на северо-западе Воронежской обл. (Куприянов, 2007; Власов и др., 2009). В прошлом гнездование указывалось для низовий Дона (Алфераки, 1910) и Волги (Хлебников, 1990, 1928), а также имело место, возможно, и в Прикаспии, в том числе в дельте Терека (см.: Сыроечковский, 2005, с.71-72).

В первой половине XX в. эти чайки были обычны летом на всех заросших водоемах в Волго-Уральской степи (Волчанецкий 1937), а на островах оз. Соркуль в Казахстане крупные колонии существовали до конца XX в. (Линдеман, Залетаев, 1975; Шевченко и др., 1993, 2020; Линдеман и др., 2005). Однако в 1996 г. и позже эти чайки не найдены нами ни на Камыш-Самарских озерах (Белик, 2008), ни в других районах Заволжья, в том числе на оз. Булухта (Пименов, Байбаков, 2012). В Волгоградской обл. гнездование сизой чайки ранее не было подтверждено, но затем оно было указано для заболоченных островов в верховьях Волгоградского вдхр. (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004а; Завьялов и др., 2007).

В Предкавказье гнездование предполагали на Маныче, где в июне 1985 г. отдельные пары были отмечены у Чограйского вдхр. и оз. Лысый Лиман, а в конце апреля 1996 г. две пары встречены в низовьях рек Дунда и Калаус (Хохлов, 1990, 1993; Хохлов и др., 1997). В большинстве других регионов Южной России сизая чайка является пролетным видом, в приморских районах регулярно зимует. Зимовки сформировались также в низовьях Дона и на Волге у Волжской ГЭС, а в предгорья и горы птицы лишь залетают (Белик и др., 2016).

На Черном море в районе Сочи эти чайки появляются в ноябре, регулярно

встречаются в декабре, а в январе и феврале становятся характерными зимующими птицами. На север они отлетают в марте, иногда остаются до середины апреля, а в отдельные годы одиночки задерживаются до середины мая (Тильба, Филиппов, 2021). В декабре-феврале сизые чайки наблюдаются и в Новороссийске (Семенова и др., 2019).

Местообитания. Предпочитает лесные водоемы, где гнездится разреженными колониями на различных болотах, островах рек и озер. На юге ареала в Казахстане и Сибири заселяет также полузаросшие степные и полупустынные озера с островами и рогозово-тростниковыми бордюрами. В Европе эти местообитания покинуты чайками, по-видимому, вторично в результате промыслового истребления птиц и их гнездовий человеком в исторический период (см.: Белик, 2000а, с.235-236). На зимовках держится в основном на побережьях южных морей, озер и рек, часто посещает городские свалки.

Численность. Обычный вид. В Европейской России гнездится 250-600 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На юге России эта чайка довольно обычна на миграциях по долинам крупных рек и на зимовках у морских побережий. В заповеднике «Утриш» указывается зимовка 2-4 тыс. ос., в Сочинском нац. парке – 5-8 тыс. ос., а в заповеднике «Дагестанский» – до 150 ос. (Джамирзоев и др., 2017).

На Черном море обилие птиц возрастает в холодные зимы, тогда как в мягкие сезоны эти чайки малочисленны. В районе Сочи в начале XXI в. зимой в скоплениях учитывали до 1,4-2,0 тыс. птиц, а на городских свалках собирались стаи до 300-500 особей (Тильба, Филиппов, 2021). А в дельте Дона в конце XX в. численность птиц на зимовке благодаря потеплению климата заметно увеличилась (Белик, 2000а, с.71-72).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

201. Чайка Одуэна *Larus audouinii* Paryaudeau, 1826

Характер пребывания. Новый залетный вид, найденный в России лишь однажды в Краснодарском крае (Наумов, 2018).

Зоогеографические связи. Реликт Тетиса (Штегман, 1948), предположительно представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид. Положение этой своеобразной чайки в системе птиц до сих пор не определено. В последней сводке по птицам мира (Dickinson, Remsen, 2013) эта чайка вместе с черноголовым хохотуном, черноголовой, а также реликтовой чайкой *L. relictus* и рядом других аберрантных видов (*L. leucophthalmus*, *L. hemprichii*) включена в род *Ichthyaetus*. Авторы недавней сводки «Птицы Западной Палеарктики» (Snow, Perrins, 1998) поместили чайку Одуэна

между морским голубком и сизой чайкой. Г. Вольтерс (Wolters, 1982) выделил чайку Одуэна в отдельный монотипический подрод белоголовых чаек рода *Larus*, поместив ее перед сизой чайкой. А в списке Е.А. Коблика и В.Ю. Архипова (2014) она находится между группой больших белоголовых чаек и черноголовым хохотуном. Реальные филогенетические связи чайки Одуэна еще ждут своего решения; здесь же мы поместили ее в конце рода *Larus* вслед за сизой чайкой, отражая взгляды В.А. Зубакина (личн. сообщ.), хотя и это решение, очевидно, не однозначно (Зубакин, 1988).

Распространение. Острова и побережья Средиземного моря. Зимует преимущественно у побережий Африки и поэтому на Черное море залетает редко. Впервые в России одиночная птица, отдыхавшая на мелководье в низовьях р. Мзымта, наблюдалась 16.04.2018 в Адлере у берега Черного моря (Наумов, 2018). Зимой 1979/80 г. предположительно этот вид был визуально отмечен также на Южном берегу Крыма. Кроме того, 03.10.1984 взрослая птица встречена у Батуми в Грузии (Зубакин, 1990; Коблик, Архипов, 2014).

Местообитания. Гнездится на скалистых островах и небольших каменистых островках в Средиземном море недалеко от побережий материков.

Численность. В Европе, в основном в Испании, гнездится 18-19 тыс. пар, демонстрирующих положительные популяционные тренды (Birds in Europe …, 2004). По последним оценкам, численность птиц увеличилась здесь до 21,6-22,0 тыс. пар (European birds …, 2017). В России возможны единичные встречи.

Охранный статус. Особая охрана не предусмотрена. Необходимы сборы коллекционных материалов.

202. Моевка *Rissa tridactyla* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Залетный вид, периодически регистрирующийся на Черном и Азовском морях и изредка встречающийся на Каспии и других внутренних водоемах (Белик, 2016; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пелагического фаунистического комплекса Арктического типа фауны.

Таксономия. Включает 2 подвида. В Атлантическом секторе Арктики обитает номинативный подвид, а на севере Пацифики – *R. t. pollicaris* (Коблик и др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, заходя вдоль побережий Атлантического и Тихого океанов на юг до Испании и Сахалина. Зимует в основном на открытой акватории Атлантики и Пацифики, редко проникая на внутриконтинентальные моря и внутренние

водоемы (Дементьев, 1955). Сравнительно регулярно залетает на Черноморское побережье Кавказа от Сухума до Керчи (Бернацкий, 1954; Строков, 1974; Краснов, Николаева, 1998; Динкевич, Савицкий, 2008; Динкевич, 2010; Тильба, Филиппов, 2021), однажды 28.05.1967 моевка найдена на Азовском море близ г. Таганрога (Белик, 1992г, 2001), в июне - июле 1888 г. она добыта в низовьях Кубани (Россиков, 1890), одиночная молодая моевка во время сильных штормовых юго-западных ветров 14.04.2013 залетела с Черного моря в г. Теберду в Карачаево-Черкесии (Караваев и др., 2013).

На Каспии редкие залеты моевок отмечали с начала XIX в. (Menetries, 1832; Дементьев 1955; Кондратенко, 2015; Мищенко, Карпов, 2016). Этих птиц регистрировали также в Дагестане, где одиночек и группы из 2-3 особей наблюдали 05.09.2000; 24.12.2004; 06.10.2006 и 02.11.2006 (Вилков, 2016).

Местообитания. Гнездится колониями на высоких скалистых побережьях островов и материков, устраивая гнезда на карнизах и уступах скал. В периоды между размножением всё время проводит в открытом море.

Численность. В Европейской России гнездится от 100 до 500 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017), а популяция, обитающая на европейских берегах Атлантики, насчитывает 2–3 млн. пар (European bird populations …, 2000; Birds in Europe …, 2004). Всего в Атлантике зимует не менее 5–10 млн. особей (Rose, Scott, 1994).

По учетам в Черном море весной 2008 г. обилие моевок составляло 0,56 ос./10 км судового маршрута, или 0,09 ос./км^2 акватории (Динкевич, 2010). Общая же численность птиц, державшихся в 2008 г. вдоль северного побережья Черного моря (около 1500 км от Турции до Румынии), могла достигать 100-900 особей, что составляет около 0,01–0,005% всех европейских птиц (Белик, 2016). Но появление такого значительного числа моевок на Черном море могло быть связано со спонтанной инвазией, вызванной сильными штормами на Атлантике (Pulliainen, 1962, цит. по: Нанкинов, 2008), что изредка наблюдалось в прошлом также и в Европе (Страутман, 1963). Обычно же моевки отмечаются одиночными особями или небольшими группами.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

203. Крачка черная *Chlidonias niger* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий на равнинных водоемах Южной России, а на Ставрополье, в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии появляющийся только на миграциях (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель, предположительно, аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В России гнездится только номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Западная Евразия к востоку до Байкала, а также Северная Америка. На юге России гнездится по всему Дону вплоть до его дельты, до долины Маныча и Восточного Приазовья (Олейников и др., 1972; Казаков, Языкова, 1982; Кукиш, 1997; Емтыль и др., 2003; Белик, 2005; Тильба, Мнацеканов, 2014); по Волге эта крачка распространена на юг до ее дельты (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Луговой, 1963; Маркузе, 1975; Кубанцев, Чернобай, 1982; Николаев, 1995; Реуцкий, 2014); обычна на озерах в дельте Терека (Сыроечковский, 2005) и местами гнездится на Сарпинских озерах (Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928).

Мигрирует преимущественно вдоль долин рек; в континентальных районах Ставрополья и на Маныче встречается реже (Хохлов, 1989, 1993; Белик, 2004а). Весной нерегулярно встречается на Черноморском побережье Кавказа (Белик, 2015; Тильба, Филиппов, 2021). На пролете держится обычно небольшими стаями, а в местах кормовых остановок образует скопления. Зимует в основном на побережьях тропической Африки (Зубакин, 1988).

Местообитания. Гнездится разреженными колониями на равнинных, заболоченных, заросших осокой, камышом или рогозом опресненных стоячих водоемах, имеющих обычно открытые плёсы, в том числе на прудах рыбхозов. Гнезда устраивает обычно на кочках, заломах рогоза, сплавинах. При засолении озёр и исчезновении зарослей макрофитов эти крачки, как правило, исчезают (Казаков, Языкова, 1982; Кукиш, 1982, 1997).

Численность. В Европейской России насчитывается 45-85 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На юге же России гнездится, ориентировочно, 3-10 тыс. пар, в том числе до 5 тыс. пар в Ростовской обл., а в Краснодарском крае в 3 колониях в 1986-2003 гг. учитывали 676-690 пар (Белик, 2000а, 2005а; Емтыль и др., 2003). В дельте Волги в середине XX в. на трех рыбхозах площадью 1660 га гнездилось 262-478 пар, или 16-29 пар/км^2 (Маркузе, 1964, 1975). В Волгоградской и Астраханской обл. во второй половине XX в. отмечено значительное снижение численности из-за сокращения паводков ниже Волжской ГЭС (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2003).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

204. Крачка белокрылая *Chlidonias leucopterus* (Temminck, 1815)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий на водоемах в бассейне Дона и Волги; в степном Предкавказье появляется на миграциях, а летом периодически формирует большие скопления холостых птиц (Белик, 2004а). В предгорных районах Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии отмечается только на миграциях, а на Ставрополье, в Чечне и Ингушетии гнездование остается не доказанным (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель, предположительно, луговоболотного фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Северной Евразии; ареал разделен на два крупных изолированных участка в Восточной Европе и Западной Сибири, а также в Восточной Сибири и Китае. На юге России нерегулярно гнездится в бассейне Дона и Волги; гнездование же в Предкавказье, о котором сообщается в ряде публикаций (Казаков, Языкова, 1982; Хохлов, 1989; Гизатулин и др., 2001; Емтыль и др., 2003; Сыроечковский, 2005), требует дополнительных фактических подтверждений (Белик и др., 2016). По Волге эта крачка проникает до дельты, но в целом она гнездится там редко (Луговой, 1958, 1963; Маркузе, 1964, 1975; Реуцкий, 2014). В Калмыкии лишь сравнительно недавно найдено несколько колоний на Сарпинской низм., в долине оз. Маныч-Гудило и у побережья Каспия (Кукиш, 1997; Музаев, Эрдненов, 2010).

В пойме Среднего Дона эти крачки гнездятся на озерах вместе с черными крачками, составляя до 25-50% в смешанных поселениях. Но их колонии появляются не ежегодно, а вероятно лишь после сильных весенних паводков. Так, много светлокрылых крачек было там в 1982 г., но в 1989 г. они совершенно не встречались (Белик, 2005). На Нижнем Дону колонии неоднократно наблюдались нами в 1979 г. на мелководных разливах после катастрофического весеннего паводка; возможно, они гнездились там и после мощного паводка 1981 г., но в дельте Дона их гнездование лишь предполагается (Маркитан и др., 2010).

Эти крачки были найдены на гнездовье на рисовых чеках в Пролетарском р-не в долине Западного Маныча, а также на рисовых чеках в Славянском р-не в дельте Кубани (Казаков и др., 1984). Имеются сведения о находке лишь одного гнезда этой крачки в колонии черных крачек в Восточном Приазовье (Винокуров, Дубровский, 1957). Но в начале XXI в. на лиманах в этом же районе найдено 6 колоний светлокрылой крачки численностью по 20-320 пар (Емтыль и др., 2003), что сомнительно, учитывая природные условия этих лиманов. В последнее

время в дельте Кубани ее гнездовий не находили (Тильба, Мнацеканов, 2014; Перевозов и др., 2020).

Во время миграций светлокрылые крачки регулярно появляются по берегам морей и в долинах рек во многих районах Южной России, а летом здесь местами наблюдаются очень большие скопления холостых птиц. Зимуют эти крачки в тропической Африке.

Местообитания. Гнездится разреженными колониями на мелководных водоемах, строя гнезда на кочках, заломах осоки, сплавинах и т.п. Для гнездования предпочитает водоемы с невысокой, разреженной осоковой или травянистой растительностью, аналоги которых часто представлены на рисовых чеках. На степном юге гнездится также на временно заливаемых лиманах, на которых отсутствуют тростниковые заросли. Во время миграций и кочевок птицы концентрируется у обширных открытых водоемов или солёных соров, на которых устраивают массовые ночевки; кормятся же эти крачки часто в степи.

Численность. Популяция Европейской России оценивалась от 50-120 тыс. до 40-70 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017). А на юге России в начале XXI в. гнездилось, ориентировочно, 500-2500 пар, в том числе более 1000 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а), но популяционные тренды из-за недостатка данных здесь не прослежены (Белик и др., 2003). На Дону после сильных весенних паводков увеличивается численность гнездящихся птиц, а на степных водоемах, в частности – в долине Маныча, в засушливые годы в большом числе появляются холостые светлокрылые крачки, иногда проявляющие признаки тревоги.

Так, в степях Яшалтинского р-на Калмыкии в начале июля очень сухого 1999 г. обилие охотившихся птиц составляло около 1-3 тыс./км^2, а общая численность вокруг солёных озер могла достигать 100-300 тыс. особей. А в Приютненском р-не утром 09.07.1999 с места ночевки на юг в степь за 30 мин. пролетело 70-95 тыс. крачек. Напротив, в июне 2003 г. в долине Маныча за 10 дней они были отмечены всего 2 раза, в большом числе появившись лишь в середине июля (Белик, 1999, 2004а).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

205. Крачка белощекая *Chlidonias hybrida* (Pallas, 1811)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий на равнинных водоемах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Афро-Ориентального генезиса.

Таксономия. Включает 5 подвидов. В Европейской России обитает номинативная форма (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Гнездится в Африке, Австралии и на юге Евразии. На юге России обитает во всех регионах, кроме предгорных областей Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии, где отмечаются лишь пролетные или залетные птицы (Белик и др., 2016).

Наиболее характерна для заросших лиманов Восточного Приазовья и водоемов в дельте Терека, ильменей Нижней Волги и ее дельты, а также Сарпинских озер и водоемов в пойме Нижнего Дона (Казаков, Языкова, 1982; Кукиш, 1990, 1997; Емтыль и др., 2003; Сыроечковский, 2005; Реуцкий, 2014). В долине Маныча гнездится лишь местами, в основном на опресненных водоемах с зарослями макрофитов (Казаков, Языкова, 1982; Белик, 2004а; Цапко, Бобенко, 2012).

Во второй половине XX в. отмечена волна экспансии этой крачки из Западной Европы на северо-восток (Горбань, 1991; Кинда, Потапов, 1998). В 1980-е годы птицы достигли Луганской обл. Украины (Ветров и др., 1991), а в 1989-1998 г. их гнездовья появились на севере Ростовской обл. в Миллеровском, Милютинском и Вешенском р-нах (Белик, 1996, 2005). В Волгоградской обл. прежде они населяли в основном лишь южные районы (Чернобай, 2004а), но в конце XX – начале XXI в. этих крачек несколько раз отмечали также в разных районах на Среднем Дону, на Хопре и Иловле (Белик, Гугуева, 2021).

Сезонные миграции, сопровождающиеся широкими кочевками по степным водоемам (Зубакин, 1988), выражены слабо. На Черноморское побережье Кавказа лишь изредка залетают одиночные птицы (Белик, 2015; Тильба, Филиппов, 2021). Зимовки европейских птиц располагаются в основном в тропической Африке.

Местообитания. Гнездится разреженными колониями обычно на опресненных стоячих или слабопроточных глубоких водоемах с зарослями макрофитов по берегам и обширными открытыми плёсами с прозрачной водой, имеющими густую подводную растительность, а также куртины кувшинок, чилима, ежеголовника, телореза или роголистника. Нередко заселяет заросшие пруды рыбхозов. Гнезда в виде рыхлых плотиков строит из зеленых растительных стеблей на открытой воде. Охотится обычно летая над водоемами.

Численность. В Европейской России в начале XXI в. насчитывали 15-25 тыс. пар, а на юге России гнездилось ориентировочно около 10-20 тыс. пар, в том числе около 5,5 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а; Мищенко и др., 2017). В Краснодарском крае тогда же было выявлено 14 колоний общей численностью 1190 пар (Емтыль и др., 2003), но общая численность этих крачек в Кубанских и Приазовских плавнях была, несомненно, значительно выше. В 2019 г. только в Приазовском заказнике в дельте Кубани выявлены 4 колонии из 30,

70, 76 и 66 пар (Перевозов и др., 2020).

В дельте Волги на прудах трех рыбхозов площадью 1660 га в середине XX в. в разные годы гнездилось 144-635 пар, или 9-38 пар/км^2 (Маркузе, 1964, 1975), а в култучной зоне дельты тогда же сформировался сплошной гнездовый район, где колонии белощеких крачек практически смыкались одна с другой (Реуцкий, 2014). Эти гнездовья закономерно перемещались в зависимости от состояния уровня Каспия с култучных ильменей в култучную, а затем в островную зону авандельты, пока к средине 1970-х годов не заселили всю акваторию предустьевого взморья вплоть до южной границы земноводной растительности (Реуцкий, 2014).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

206. Крачка чайконосая *Gelochelidon nilotica* (J.F. Gmelin, 1789)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий на равнинных водоемах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид неясного генезиса.

Таксономия. Представитель монотипического рода. Включает 6 подвидов. В России обитает только номинативная форма (Степанян, 2003).

Распространение. Широко, но спорадично распространена в тропических и субтропических районах Древнего Средиземья, в Индии, Китае, Австралии и Америке. На юге России населяет изолированные острова морей и больших континентальных водоемов в Восточном Приазовье и долине Маныча, а также на Прикаспийской низменности к северу до Волгограда и в степном Заволжье к северу до оз. Булухта. Размещение колоний относительно постоянное (Казаков, Языкова, 1982), хотя сильно зависит от колебаний уровня воды и переселения птиц с острова на остров и с водоема на водоем (Линдеман и др., 2005; Пименов, Байбаков, 2012).

Миграции на юге России выражены слабо, птицы летят обычно вдоль морских берегов (Вилков, 2016). Но на Черноморском побережье Кавказа они отмечаются редко (Белик, 2015; Попович, Семенова, 2018; Тильба, Филиппов, 2021). Зимуют эти крачки на побережьях морей и других водоемов в основном в тропическом и субтропическом поясе (Зубакин, 1988).

Местообитания. Колониальный номадный вид, гнездящийся обычно довольно плотными поселениями на открытых, изолированных, недоступных для наземных хищников песчаных, ракушечных и глинистых островах морей, озер и других обширных водоемов. Охотится в основном в степи на массовых насекомых, поэтому на удаленных от берега морских островах не гнездится.

Численность. В начале XXI в. численность на юге России оценивалась в 2-5 тыс. пар, в том числе 700-800 пар в Ростовской обл., 100-1000 пар в Ставропольском крае, 400 пар в Краснодарском крае (Белик, 2000а, 2005а; Хохлов, Ильюх, 2002; Емтыль и др., 2003). Но позже в долине оз. Маныч-Гудило только в Ростовской обл. было выявлено не менее 5 колоний общей численностью до 3-4 тыс. пар (Белик, 2004а), для Ставропольского края оценки поднялись до 300-1000 пар (Хохлов, Ильюх, 2013), но в Краснодарском крае в связи с исчезновением колонии на оз. Ханское численность снизилась с 1500 пар в 2006 г. до 500-700 пар в 2016 г. (Лохман, 2017). В Астраханской обл. в колонии, обнаруженной в 1995 г. в Западном ильменно-бугровом районе, было учтено около 200 гнезд (Русанов, 2014). В Калмыкии в 1970-е годы около 1000 пар гнездилось на оз. Маныч-Гудило и 600-850 пар – на Чограйском вдхр. (Кривенко, Любаев, 1975), а на Сарпинских озерах в 1980-е годы обитало от 50 до 1120 пар (Кукиш, 1990, 1991), но современная численность там неизвестна. На Сарпинских водоемах у Волгограда с 2012 до 2018 г. численность сократилась с 200-300 до 30-40 пар (Е.В. Гугуева, личн. сообщ.), а на оз. Булухта в 2010-2012 гг. гнездилось 10-30 пар этих крачек (Пименов, Байбаков, 2012). Можно полагать, что сейчас на юге России в целом гнездится около 8-10 тыс. пар.

Охранный статус. Включена в Красные книги Астраханской обл. (3 категория), Краснодарского края (2 категория) и Ставропольского края (3 категория). Как уязвимый вид, гнездящийся относительно плотными колониями на островах степных водоемов с нестабильным гидрорежимом, нуждается в повышенном внимании и региональной охране (Белик, 2014а).

207. Чеграва *Hydroprogne caspia* (Pallas, 1770)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий на равнинных водоемах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид неясного генезиса.

Таксономия. Монотипический вид. Представитель монотипического рода (Зубакин, 1988; Степанян, 2003).

Распространение. Спорадично распространена преимущественно в тропическом и субтропическом поясе на юге Евразии, в Африке, Австралии и Северной Америке, местами проникает в умеренный пояс. Гнездится на островах по берегам морей и океанов, а также на крупных континентальных водоемах. На юге России населяет изолированные острова на лиманах Восточного Приазовья и оз. Маныч-Гудило,

а также на севере Каспия и на Сарпинских озерах к северу до Волгограда. В Заволжье чеграва гнездилась лишь до середины XX в. на Камыш-Самарских озерах в Казахстане (Волчанецкий, 1937; Шевченко и др., 1993, 2020). Размещение колоний и их размеры заметно флуктуируют в зависимости от колебаний уровня воды и переселения птиц с острова на остров и с водоема на водоем.

Слабые сезонные миграции на юге России наблюдаются на дагестанском побережье Каспия (Михеев, 1985; Букреев, Джамирзоев, 2013), а на Черноморском побережье Кавказа очень редко отмечаются залетные чегравы (Семенова и др., 2019; Тильба, Филиппов, 2021). В континентальных предгорьях Северного Кавказа не регистрировали даже залетных птиц (Белик и др., 2016). По Дону они изредка залетают до Цимлянского вдхр. (Маркитан и др., 2010), а по Волге одиночные птицы с северного Каспия поднимаются до Саратова (Завьялов и др., 2007). Зимует чеграва по берегам морей и других водоемов преимущественно в тропических и субтропических районах.

Местообитания. Облигатно-колониальный вид, гнездящийся на морях, озерах и других крупных водоемах обычно большими, плотными колониями, устраиваемыми на изолированных, недоступных для наземных хищников песчаных, ракушечных или глинистых островах, лишенных густой, высокой травянистой растительности.

Численность. В начале XXI в. на юге России гнездилось ориентировочно 2-5 тыс. пар, демонстрировавших общий рост численности, несмотря на депрессию каспийской популяции (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). В настоящее время численность в Ростовской обл. оценивается в 10-20 пар (Белик, 2004а, 2014), а в Волгоградской обл. на Сарпинских озерах популяция сократилась с 350 пар в 1999 г. до 250-300 пар в 2002 г., до 20-40 пар в 2012 г. и 2-8 пар в 2014-2017 гг. (Букреев, Чернобай, 2001; Букреев и др., 2003; Белик и др., 2013; Е.В. Гугуева, личн. сообщ.). В долине Маныча на калмыцкой территории численность увеличилась с 96 пар в 1996 г. до 250-300 пар в 2013 г., а всего в Калмыкии возможно гнездование 400-600 пар (Цапко и др., 2009; Цапко, 2013). На Ставрополье гнездится не более 100 пар (Хохлов, Ильюх, 2013).

В Астраханской обл. на о. Малый Жемчужный на севере Каспия численность чеграв в течение XXI в. колебалась от 1 до 5 тыс. гнездящихся пар с тенденцией к снижению (Русанов и др., 2014). В Краснодарском крае в начале XXI в. были известны 2 колонии из 50 и 300 пар на Кизилташских лиманах и оз. Ханское, но затем численность в целом по Приазовью возросла до 1-2 тыс. пар, а сейчас насчитывает 1-3 тыс. пар за счет переселения птиц с оз. Ханское на острова Ейского лимана

(Емтыль и др., 2003; Ключевые …, 2009; Лохман, Лохман, 2017; Забашта, Забашта, 2018). Можно полагать, что всего на юге России в настоящее время гнездится около 4-6 тыс. пар (Белик, 2014а).

Охранный статус. Под 3 категорией включена в Красную книгу России (2001) и как редкий уязвимый вид внесена в региональные Красные книги Южной России, кроме горных регионов Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии, где вид не гнездится (Белик, 2014а).

208. Крачка пестроносая *Thalasseus sandvicensis* (Latham, 1787)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид, обитающий на островах Азовского, Черного и Каспийского морей, а также на равнинных водоемах близ морей (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Включен в состав реликтов Тетиса, формировавшихся на его западном побережье и вторично проникших в Америку, где затем выделился эндемичный подвид этой крачки (Штегман, 1948). Три других родственных вида (*Th. bengalensis*; *Th. bernsteini*; *Th. elegans*), составляющих с пестроносой крачкой особый надвид (Dickinson, Remsen, 2013), представляют пантропическую зоогеографическую группу.

Таксономия. Включает 2 подвида. В России гнездится только номинативная форма (Степанян, 2003).

Распространение. Побережья Западной Европы, Средиземного, Черного и Каспийского морей. На юге России гнездится на островах у восточного берега Азовского моря, на Черноморских лиманах Тамани и на севере Каспия. Из колоний на Кривой косе в Украине на севере Азовского моря регулярно залетает в Ростовскую обл. на Беглицкую косу (Белик, 2001), иногда на кочевках проникает в низовья Дона. Кочующие птицы встречаются также в дельте Волги и залетают в Волго-Ахтубинскую пойму (Реуцкий, 2014), по Кубани иногда поднимаются почти до Краснодара (Динкевич, Мнацеканов, 2013). Указания о гнездовании на Сарпинских озерах и Маныче (Демьянова, 1987; Кукиш, 1989, 1990; Хохлов, 1989, 1993; Хохлов, Куликов, 1991), по-видимому, ошибочны (см.: Белик, 2004а).

Миграции этих крачек хорошо выражены в Дагестане на побережье Каспия и на Черноморском побережье Кавказа. Птицы регулярно зимуют у незамерзающих побережий Черного и Каспийского морей (Бернацкий, 1958; Михеев, 1985; Джамирзоев, 2000; Белик, 2015; Попович, Семенова, 2018; Семенова и др., 2019; Тильба, Филиппов, 2021).

Местообитания. Облигатно-колониальный вид, гнездящийся большими,

очень плотными колониями на морских или приморских, преимущественно песчаных или ракушечных открытых островах, лишенных густой, высокой травянистой растительности.

Численность. Популяции резко флуктуируют из-за нестабильности условий гнездования на островах. В начале XXI в. численность на юге России оценивалась в 15-25 тыс. пар (Белик, 2005а). В Краснодарском крае в начале XXI в. на островах Кизилташских лиманов гнездилось до 6 тыс. пар, на оз. Ханском до 600 пар и на Ейском лимане до 10 тыс. пар (Ключевые …, 2009). На оз. Ханском к 2008 г. численность увеличилась до 12-14 тыс. пар, но вскоре после его обмеления колония исчезла, и сейчас в Краснодарском крае гнездится не более 4-6 тыс. пар (Лохман, 2017).

На островах северного Каспия в 1970-е годы гнездилось 9-10 тыс. пар (Зубакин, 1988), в 1990-е годы – до 4-10 тыс. пар (Гаврилов, 2002), но в начале XXI в. из-за подъема уровня моря и сокращения площади островов численность крачек там резко снизилась, составляя сейчас до 50-500 пар (Реуцкий, 2014; Русанов и др., 2014). Иногда небольшие их колонии отмечались на свеженамытых приканаловых островках в авандельте Волги, а в 1995 и 2006 гг. найдены также на западных подстепных ильменях (Реуцкий, 2014).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Краснодарского края (1 категория). Как облигатно-колониальный вид, гнездящийся только на изолированных островах, где нет фактора беспокойства, эта крачка достаточно уязвима и, вероятно, заслуживает охраны на региональном уровне.

209. Крачка речная *Sterna hirundo* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий на равнинных водоемах по всей Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Палеарктический вид, представленный в Неарктике европейской формой, сравнительно недавно проникшей туда с востока через Атлантику. Эта крачка предположительно может быть отнесена к лиманному комплексу Номадийского типа фауны Палеарктики. Формы, населяющие северо-восток Азии, приобрели более темную окраску, очевидно, в ходе вторичного расселения и дивергенции признаков в районах симпатрии с близкой полярной крачкой.

Таксономия. Включает 4 подвида. В Европейской России обитает номинативная форма (Степанян, 2003).

Распространение. Весь умеренный и субтропический пояс Евразии, а также восточные районы Неарктики. На юге России гнездится на различных равнинных водоемах всех регионов, в том числе на крупных

реках в предгорьях Северного Кавказа (Комаров, Липкович, 2000; Караваев, 2002, 2004; Моламусов, 2017; и др.).

Миграции на юге России выражены слабо, и лишь на западном побережье Каспия наблюдаются многочисленные пролетные птицы (Михеев, 1985). На Черноморское побережье Кавказа эти птицы залетают редко (Белик, 2015; Тильба, Филиппов, 2021). Зимуют они в основном по берегам морей в тропическом и субтропическом поясе Африки и Азии.

Местообитания. Гнездится обычно разреженными колониями на изолированных, открытых островах, а также на обширных песчаных, галечных и глинистых пляжах по берегам рек, озер и морей, иногда селится на заболоченных водоемах среди осоковых или рогозовых зарослей, местами – на прудах рыбхозов и отстойниках или на солончаках близ водоемов.

Численность. В конце XX - начале XXI в. популяция Южной России оценивалась в 10-25 тыс. пар (Белик, 2005а), но эта оценка была, несомненно, значительно занижена. В тот период около 9 тыс. пар приводилось для Ростовской обл. (Белик, 2000а), до 6-8 тыс. пар учитывали в Краснодарском крае, где на островах Ейского лимана и на оз. Ханское были найдены крупнейшие колонии из 2 и 3-5 тыс. пар (Емтыль и др., 2003). В отдельные годы до 4 тыс. пар гнездилось также на Кизилташских лиманах на Тамани (Ключевые …, 2009).

На оз. Маныч-Гудило в 1970-е и 1990-е годы эта крачка была многочисленна, и там насчитывали до 1000 пар в 13 колониях (Казаков, Ломадзе, 1992), но в 2000-е годы из-за засоления озера и исчезновения рыбы численность птиц там заметно снизилась, и в смешанных колониях с чайконосой крачкой речные крачки составляли не более 10-30%, а местами – 1-5%, хотя поблизости на опресненном оз. Казинка их доля достигала 50-60% (Белик, 2004а).

На востоке Калмыкии в 1980-е годы до 200-250 пар гнездилось на Сарпинских озерах (Кукиш, 1990, 1991), еще около 2 тыс. пар гнездилось в 1994 г. только в двух колониях в пойме Волги у пос. Цаган-Аман (Кукиш, 1997). А на севере Волго-Ахтубинской поймы в Волгоградской обл., в основном по берегам Волги, в разные годы в 2014-2018 гг. в 12 колониях на песчаных островах и косах учитывали от 220 до 580 пар (Гугуева и др., 2019). На водоемах Сарпинской низменности у Волгограда в 2010-е годы держалось до 10-30 пар этих крачек; не менее 50-100 пар гнездилось на отстойниках Большого лимана у г. Волжского. Гнездятся они местами также на песчаных островах Волгоградского вдхр., особенно в более северных районах на границе с Саратовской обл. (Завьялов и др., 2007), однако на соленых озерах Заволжья эти крачки отсутствуют.

На о. Малый Жемчужный на севере Каспия численность речных крачек в 1986 г. составила 1800 пар, но в начале XXI в. там учитывали лишь по 200 пар (Русанов и др., 2014). Много крачек гнездится на различных островах, озерах и прудах по всей дельте Волги и на Западных подстепных ильменях, а также на тростниковых и рогозовых сплавинах в култучной зоне, где регулярно отмечали их многосотенные и даже многотысячные колонии, не отличавшиеся постоянством расположения и численности. В 1972 г. контрольные колонии насчитывали 163, 269, 368, 510, 535, 1420, 2985 гнезд, а общая численность птиц в дельте Волги в 1975 г. превышала 20 тыс. пар (Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2014). Очевидно, общая численность птиц на юге России составляет сейчас не менее 35-40 тыс. пар.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

210. Крачка полярная *Sterna paradisaea* Pontoppidan, 1763

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России, найденный лишь однажды в Ставропольском крае (Лохман, Маловичко, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, проникая в Европе на гнездовье к югу до Балтики. Зимует в основном у Антарктиды, куда мигрирует почти исключительно вдоль океанических побережий, и поэтому на внутриконтинентальные водоемы залетает крайне редко (Дементьев, 1951; Зубакин, 1988). На юге России на р. Кура у с. Горнозаводское в Курском р-не Ставропольского края (44°01′N – 43°57′E) 11.08.1966 найдена мёртвая птица, окольцованная 20.06.1964 птенцом в Швеции на берегу Балтийского моря в 50 км к СВ от Стокгольма (59°34′N – 18°52′E) (Лохман, Маловичко, 2017).

Залетных молодых крачек, окольцованных на Белом море, находили также 27.08.1958 в Челябинской обл. и 30.08.1960 в Хмельницкой обл. на Западной Украине (Бианки, 1967). На Украине еще 3 птиц наблюдали 06.09.1985 в Волынской обл. (Горбань, 1992) и похожая птица отмечена 14.10.1986 в Сумкой обл. (Кныш, 2001). Но два экземпляра, добытые 23.10.1908 и 19.10.1911 на Днепре у Киева, в коллекциях не сохранились и верифицировать их не удалось. Поэтому не исключены ошибки в их определении, тем более что такие случаи ранее были известны (Кістяківський, 1957). Южнее же залетных полярных крачек отмечали также в Турции, Греции и других странах Средиземноморья (Snow, Perrins, 1998).

Местообитания. Гнездится колониями на побережьях северных морей,

озер и рек; по рекам заходит в лесотундру и даже на север таежной зоны. Зимует в основном по кромке антарктического пакового льда в южном полушарии (Зубакин, 1988).

Численность. Обычный вид тундровой зоны. В европейских тундрах России гнездится около 40 тыс. пар этих крачек, имеющих стабильные ареал и численность (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). На юге России крайне редкий, случайно залетный вид.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

211. Крачка малая *Sterna albifrons* Pallas, 1764

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий на равнинных водоемах Южной России, но в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии эта крачка встречается только как редкая пролетная или залетная птица (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид неясного генезиса.

Таксономия. Разными авторами выделяется 4-9 подвидов. В Европейской России обитает номинативная форма (Зубакин, 1988; Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013). Иногда малую крачку с рядом других тропических видов выделяют в отдельный род *Sternula* (Бутурлин, 1934; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Спорадично гнездится в Западной Евразии, в Китае и Юго-Восточной Азии, в Австралии и Северной Америке. На юге России распространена на различных равнинных водоемах, заселяя острова и берега морей, озер, крупных и средних рек во всех регионах, кроме предгорий и гор Северного Кавказа.

Миграции на юге России не выражены; пролетные птицы обычны лишь на западном побережье Каспия (Михеев, 1985), а на Черноморском побережье они практически не встречаются (Белик, 2015; Попович, Семенова, 2018; Тильба, Филиппов, 2021). Зимуют они в основном по берегам морей в тропическом и субтропическом поясе Африки и Азии.

Местообитания. Гнездятся обычно небольшими разреженными колониями вместе с другими крачками и куликами на голых песчаных, ракушечниковых или галечных пляжах по берегам и островам рек, озер и морей, иногда на илистых отмелях и солончаках.

Численность. В конце XX - начале XXI в. популяция на юге России, испытывавшая резкую депрессию численности, особенно на Волге и Каспии, оценивалась в 2-5 тыс. пар (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). В Ростовской обл. тогда гнездилось около 2 тыс. пар; в Волгоградской обл. – не более 200-250 пар; в Ставропольском крае – около 400 пар; в Краснодарском крае было учтено более 2 тыс. пар в 11 колониях, в

том числе до 1000 пар на оз. Ханское и 500 пар на Кизилташских лиманах (Белик, 2000а; Чернобай, 2004а; Хохлов, Ильюх, 2002; Емтыль и др., 2003). На оз. Маныч-Гудило в течение 1968-1979 гг. гнездилось до 500 пар (Языкова, 1975; Кривенко, 1981), но к началу XXI в. из-за засоления озера и исчезновения рыбы там остались лишь единичные птицы (Белик, 2004а).

В настоящее время численность крачки в Волгоградской обл. составляет не менее 250-330 пар, обитающих в основном на волжских островах-осередках и косах ниже Волгограда (Гугуева, 2017; Гугуева и др., 2019); в Астраханской обл. численность не установлена (Русанов, Гаврилов, 2014), но в целом по Волго-Ахтубинской пойме, а также в дельте Волги, на Западных подстепных ильменях и на о. Малый Жемчужный может размножаться, вероятно, несколько тысяч пар. В долине Маныча в пределах Калмыкии гнездится около 150-200 пар, а всего в Калмыкии на озерах и в пойме Волги обитает, вероятно, около 600 пар (Кукиш, 1990, 1997; Цапко и др., 2009; Цапко, 2013); в Дагестане может гнездиться до 1 тыс. пар (Джамирзоев, Букреев, 2009); в Ставропольском крае гнездится около 500 пар (Хохлов, Ильюх, 2013); в Краснодарском крае популяция оценивается в 2-3 тыс. пар (Лохман, 2017). Общая численность малой крачки на юге России составляет сейчас, с учетом новых данных, вероятно, около 6-7 тыс. пар (Белик, 2014а).

Охранный статус. Под 2 категорией включена в Красную книгу России (2001), и как редкий уязвимый вид внесена во многие региональные Красные книги Южной России, кроме горных регионов – Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, где вид не гнездится. Как немногочисленный, очень уязвимый вид заслуживает, несомненно, повсеместной охраны (Белик, 2014а).

Отряд **Рябкообразные** Pterocletiformes

Семейство **Рябковые** Pteroclidae

212. Рябок чернобрюхий *Pterocles orientalis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий гнездящийся, частично зимующий и кочующий вид пустынь Северо-Западного Прикаспия (Яковлев, 1872, 2015), случайно залетающий в другие регионы Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В России обитает подвид *Pt. o. arenarius*, описанный П.С. Палласом по сборам из Заволжья (Степанян, 2003; Коблик др., 2006).

Распространение. В Южной России – краеареальный вид, заходящий в Астраханскую обл. и Калмыкию из пустынь Казахстана. Спорадично распространен в супесчаных пустынях Заволжья, где 04.06.1773 **ст.ст.** была найдена кладка (Паллас, 1788, с.130, 311, 363), встречаясь там от оз. Баскунчак и к югу почти до ильменей у Каспия (Artzibascheff, 1859, 2015; Яковлев, 1872, 2015; Воробьев, 1936; Букреев, 2001; Линдеман и др., 2005; Arkhipov, 2006; Белик, 2013). На правобережье Волги в прошлом изредка отмечался у Сарепты (Богданов, 1871), а сейчас регулярно наблюдается на западных окраинах подстепных ильменей и в районе супесчаных пустынь к северо-западу от Астрахани (Банников, 1959; Архипов и др., 2003; Arkhipov, 2006; Реуцкий, 2014).

На востоке Калмыкии в 1950-е годы был широко распространен в пустынных степях (Банников, 1959), а в конце июня 1997 г. в супесчаной пустыне на юге Юстинского района однажды было найдено гнездо (Близнюк, 2004). Изредка птицы залетают и в другие районы Калмыкии вплоть до Ергеней (Варшавский, 1965; Эрдненов, 2013).

В мае 1972-1987 гг. рябки неоднократно отмечались у песков на востоке Чечни, а в апреле там наблюдали даже подобие их весеннего пролета (Анисимов, 1989). Кроме того, сообщалось о постоянных встречах рябков в зимние месяцы у Махачкалы (Бёме, 1934), а также о нерегулярном весеннем пролете стаек до 10-20 особей через пески в Ногайских степях Дагестана, где не исключалось и их гнездование (Пишванов и др., 1998). Для Кумо-Манычских степей рябка приводил М. Богданов (1879), а П.С. Паллас (Pallas, 1811, v.2, p.74) указывал этот вид даже для южных песчаных пустынь вдоль Дона. Его показания относительно встреч на Дону, очевидно, и послужили источником цитирования в более поздних сводках (Мензбир, 1895; Бостанжогло, 1911; Дементьев, 1951).

Залетных птиц отмечали в декабре 1915 г. и в ноябре 1924 г. в Северной Осетии (Бёме, 1926), еще 2 птицы встречены там 14.04.1989 на р. Фиагдон у подножия гор (Комаров, 2007). В 1908 г. рябок вместе с саджами залетел к Краснодару (Птушенко, 1915). В северном направлении птицы изредка залетают к оз. Эльтон в Волгоградской обл. (Линдеман и др., 2005), а однажды 23.04.1990 были отмечены даже в Ровенском р-не на юге Саратовского Заволжья (Завьялов и др., 2007).

Местообитания. Населяет преимущественно глинистые солянковые пустыни, а на западной окраине ареала гнездится обычно среди редкой травы в закрепленных супесчаных пустынях, обычно близ водоемов, служащих летом регулярными водопоями.

Численность. В XIX в. был довольно обычен в Заволжье, а также в Кумо-

Манычских степях (Artzibascheff, 1859, 2015; Яковлев, 1872, 2015; Богданов, 1879). В конце 1950-х годов в пустынных степях на востоке Калмыкии, по данным А.Г. Банникова (1959), в апреле учтены 2 стайки по 9-10 птиц на 471 км автомаршрутов, а в июле – 1 птица на 238 км; у Каспия же в ильменном районе в апреле были отмечены 6 птиц на 103 км маршрута. В настоящее время рябок там встречается редко, спорадично; общая численность на юге России оценивалась в 5-50 пар (Белик, 2005а), но в августе-сентябре 2004-2005 гг. на водопое в песках близ Астрахани учитывали до 200-400 особей за день (Arkhipov, 2006). Популяционные тренды на границе ареала не выражены (Белик и др., 2003).

Охранный статус. Включен в Красные книги Астраханской обл. (3 категория), Калмыкии (4 категория) и Дагестана (4 категория). Повышенная уязвимость связана с наземным гнездованием, невысоким репродуктивным потенциалом и трансформацией пустынных биоценозов из-за антропогенной деятельности и увлажнения климата (Белик, 2014а).

213. Рябок белобрюхий *Pterocles alchata* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, отмечавшийся в Астраханской обл., а также в Восточном Предкавказье (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель песчано-пустынного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В России встречается форма *Pt. a. caudacutus* (Степанян, 2003; Коблик др., 2006).

Распространение. О редких зимних залетах этих рябков из Уральских степей к Волге впервые сообщил К. Габлиц (Hablizl, 1782, 2017), работавший в Астрахани в 1776-1780 гг., но П.С. Паллас предположил тогда, что это могли быть описанные им в 1775 г. чернобрюхие рябки. Однако позже он указал, что белобрюхий рябок изредка отмечался в «Куманских» степях и у Астрахани (Pallas, 1811), а С.Г. Гмелин (цит. по: Богданов, 1879) встречал его также на Тереке. О встрече стайки предположительно белобрюхих рябков 09.05.1939 в дельте Волги сообщал также А.Е. Луговой (1963). Кроме того, в августе 1907 г. эти рябки были отмечены на Камыш-Самарских озерах в Волго-Уральском междуречье Казахстана (Волчанецкий, 1937), а 11-12.12.1928 пара белобрюхих рябков добыта в Крыму (Костин, 1983). Больше никаких сведений о регистрации данного вида на юге России нам неизвестно.

Местообитания. Связан преимущественно с песчаными пустынями, предпочитая комплексные ландшафты волнисто-бугристых песков, чередующихся с глинистыми и солончаковыми понижениями.

Численность. В Казахстане считается редким видом, сокращающим

ареал и численность (Красная книга …, 2010). Резко сократилась его численность также в пустынях Узбекистана (Красная книга …, 2003). На юге России возможны редкие, случайные встречи залетных птиц.

Охранный статус. Охрана в России не предусмотрена. Необходимы сборы коллекционных материалов.

214. Саджа *Syrrhaptes paradoxus* (Pallas, 1773)

Характер пребывания. Очень редкий, возможно гнездящийся, кочующий зимой вид Астраханской обл., в прошлом периодически залетавший в другие регионы Южной России, кроме Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Чечни, Ингушетии и Дагестана (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в основном в полупустынях Казахстана и Монголии, откуда с середины XIX в. и вплоть до начала XX в. саджа периодически выселялась на запад, в массе долетая вплоть до Италии, Франции, Англии и Норвегии. Первая инвазия была отмечена в 1859 г., затем мощные налёты наблюдали в 1863, 1888 и 1908 гг., когда залетные птицы неоднократно пытались даже гнездиться за пределами исконного ареала. Но с середины XX в. такие инвазии в Европе регистрировались редко (Мензбир, 1895; Дементьев, 1951; Гаврилов, 1993).

В Ростовской обл. налёты несколько раз отмечали во второй половине XIX в., в том числе очень много птиц появилось в Приазовье в апреле 1877 г. Тогда первые птицы были замечены у Таганрога 11.04.1877 **ст.ст.**, а затем 2-3 недели в значительном числе держались у Миусского лимана (Алфераки, 1877а, 1877б, 1910). Однажды осенью саджа была добыта у Ростова в самом конце XIX в. (Сарандинаки, 1909). Массовый налёт птиц прослежен здесь также в 1908 г., когда саджи наблюдались в Приманычье, в низовьях Дона, в Северном Приазовье, в Провалье на Донецком кряже, а также в устье р. Медведица на Среднем Дону и у Ейска в Западном Предкавказье, причем пролёт стаек этих птиц шел обычно по утрам с востока и северо-востока на запад в течение апреля-мая-июня, а в августе местами вновь появились большие стаи садж (Белик и др., 2012).

В Волгоградской обл. саджа была добыта однажды зимой у Сарепты (Волгограда) (Moeschler, 1853; Богданов, 1871), в 1888 г. еще одну птицу добыли у с. Бол. Чапурники Светлоярского р-на (Девятко, Джамирзоев, 2012), а в конце сентября 1974 г. несколько больших стай наблюдали на пруду близ Эльтона в Заволжье (Линдеман и др., 2005).

В Астраханской обл. во второй половине XIX в. было отмечено значительное увеличение численности садж, которые зимой 1860 г. в массе появились в низовьях Урала, после чего стали периодически залетать и гнездиться в пустынях на левобережье Волги в самых ее низовьях, а зимой нередко отмечались в ее долине и дельте (Яковлев, 1872, 2015; Мензбир, 1895). Так, много садж гнездилось в Заволжье в 1876 г., хотя до этого они там не наблюдались (Seebohm, 1882). Последний раз массовый пролет саджи в Заволжье и в окрестностях Астрахани отмечен в 1888 г. (Луговой, 1963; Белик и др., 2012), но в XX в. ее здесь, по-видимому, уже не встречали (Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Реуцкий, 2014).

В Калмыкии во второй половине XX в. птицы лишь изредка, чаще весной и летом залетали в самые восточные районы (Близнюк, 2004); в ноябре 1913 г. саджу добыли у Владикавказа (Бёме, 1926); в середине XX в. самец и самка были добыты, вероятно, где-то в Кабардино-Балкарии работавшим там С.П. Чунихиным (Белик и др., 2012); в долине оз. Маныч-Гудило в полынковой полупустыне 23.05.1950 наблюдали 1 и 3 пролетевших садж (Спангенберг, 1951), а зимой 1964/65 г. саджа была добыта у г. Будённовск на востоке Ставропольского края (Хохлов, 1990).

О случайных залетах саджи в Краснодарский край сообщал Я. Жарко (1909), а ее появление там в 1908 г. отмечали Е.С. Птушенко (1915) и М.М. Алфераки (Белик и др., 2012). Конкретные данные о встречах саджи в Дагестане, Чечне и Ингушетии неизвестны, и указания о ее залетах в Восточное Предкавказье (Джамирзоев, 2000; Гизатулин и др., 2001) основаны, по-видимому, лишь на предположениях Г.И. Радде (1884) о возможности появления этих птиц в низовьях Терека.

Местообитания. Характерный обитатель полынных полупустынь, селящийся обычно на глинистых, реже на супесчаных и солончаковых почвах среди изреженной растительности. Реже гнездится в южных степях или в северных пустынях. Нуждается в регулярных водопоях.

Численность. В пустынях Казахстана довольно обычный вид, гнездящийся со средней плотностью около 10 ос./км^2, а на водопоях собирающийся иногда тысячными стаями. Но в целом по ареалу наблюдается снижение численности (Гаврилов, 1993). Во время инвазий появляется обычно небольшими стаями (Белик, 1977). В настоящее время на юге России, вероятно, это очень редкий залетный вид.

Охранный статус. Саджа включена в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). Особой охране эти птицы подлежат также в Казахстане (Красная книга …, 2010). Но организация их особой охраны в Южной России, где саджа является редким залетным, краеареальным видом, вряд ли реальна (Белик, 2014а).

Отряд **Голубеобразные** Columbiformes
Семейство **Голубиные** Columbidae

215. **Вяхирь** *Columba palumbus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 4-7 подвидов. В России обитает только номинативная форма (Степанян, 2003; Коблик др., 2006).

Распространение. Населяет лесостепные ландшафты на равнинах и в предгорьях всей Южной России, реже гнездится в низкогорьях, местами проникает в сухие, безлесные среднегорья. Во второй половине XX в. по искусственным насаждениям и лесополосам широко расселился в сухих степях и полупустынях. Вдоль побережья Черного моря с запада заходит до Сочи (Тильба, 2006), но восточнее сейчас отсутствует (Белик, 2015).

В конце XX в. Западное Предкавказье начала заселять синантропная европейская популяция вяхиря, проникшая на юг России вероятно из Крыма, где эти птицы появились в городах после холодной зимы 1984/85 г. (Костин, 2020). Зимой 2001/02 г. вяхири в массе появились также в Краснодаре, а позже стали отмечаться летом в г. Темрюк и стан. Таманской, в Славянске-на-Кубани, Краснодаре, Лабинске, на КавМинВодах, в Карачаево-Черкесии и др. (Динкевич, Короткий 2004; Хохлов и др., 2005; Лохман и др., 2006; Белик и др., 2009; Караваев и др. 2013; Белик, 2019). К 2021 г. птицы были уже довольно обычны в пос. Сукко в западных предгорьях Абрауского полуострова (наши данные), а по Предкавказью проникли до Владикавказа, где стали массово гнездиться в городских парках и скверах (Д.С. Шевцов, личн. сообщ.).

В конце XX в. вероятно из Украины эти вяхири стали заселять также города Воронежской обл. (Соколов, 2012; Нумеров и др., 2013; и др.), поэтому сейчас следует ожидать появление их синантропной популяции и в Ростовской и Волгоградской обл. Городская популяция начала формироваться в середине XIX в. в Западной Европе, во второй половине XX в. эти вяхири проникли в города Прибалтики, на запад Белоруссии и Украины, а в начале XX в. загнездились в Киеве и др. (Желнин, 1959; Шокало, Шокало, 1992; Скильский и др., 1997; Лыков, 2009; Редчук, Костюшин, 2017; Шупова, 2021; и др.), переходя со временем к оседлому образу жизни и к гнездованию с деревьев на здания (Лыков и др., 2012; Гришанов и др., 2020).

Миграции птиц идут стаями, широким фронтом, весной на Дону они летят в течение всего дня в направлении С-СВ-В (30-50-20%), а осенью мигрируют в основном по утрам и преимущественно на юг (Белик, 1993). Массовые зимовки формируются в буковых лесах Западного Кавказа и в Причерноморье (Бернацкий, 1958; Тильба, Кудактин, 2011; Тильба, 2017а), но птицы регулярно зимуют также в лесополосах среди полей в Западном Предкавказье, особенно в мягкие бесснежные зимы, кормясь семенами подсолнечника и др. (Казаков, 1982; Казаков, Забашта, 1999); в других же районах зимой они встречаются лишь изредка.

Местообитания. Опушечные ландшафты в различных типах естественных и искусственных лесонасаждений. Синантропные популяции характерны для крупных городов и других селений. Гнездится на деревьях, а кормится в степи, на полях и лугах. В городах может гнездиться также на зданиях.

Численность. В заселенных районах довольно обычный вид. На Дону в первой половине XX в. наблюдалось резкое сокращение ареала и численности, но с середины XX в. начался быстрый рост популяций (Белик, 1993). В конце XX в. популяция Ростовской обл. составляла от 15-25 до 30 тыс. пар (Белик, 2000а). На Ставрополье тогда гнездилось около 900 пар (Хохлов, 1990), а позже популяция там увеличилась до 18-26 тыс. пар (Мищенко и др., 2013). В 1970-1980-е годы быстрый рост численности наблюдался и в лесонасаждениях полупустынного Заволжья (Линдеман и др., 2005).

Но в начале XXI в., после длительного периода роста, в степном Придонье началась депрессия популяций, хотя в юго-восточных районах попрежнему продолжался их рост (Белик и др., 2003; Мищенко и др., 2013). Общая численность вяхиря на юге России была оценена тогда в 15-50 тыс. пар (Белик, 2005а), а в Европейской России в начале XXI в. численность птиц снизилась с 1,0-2,5 млн. до 0,5-0,8 млн. пар (Мищенко и др., 2004, 2017). На зимовку в лесах Западного Кавказа периодически собирается от 250 тыс. до 1,2 млн. особей (Тильба, 2018).

Обилие птиц в байрачных лесах степного Придонья в конце XX в. составляло в среднем 1,8 пар/км^2, в аренных – 1,0 пар/км^2, в пойменных – 3,7 пар/км^2, а в искусственных степных лесах оно увеличилось с 5,9 в аридный период 1970-х годов до 26,3 пар/км^2 в последующий гумидный период в 1980-е годы (Белик, 2000а). На севере Осетии плотность населения птиц в байрачных и предгорных лесах достигала 7,4-20,6 пар/км^2, а в пойменных лесах – 7,4-28,4 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

Охранный статус. В особой охране сейчас не нуждается. Является обычным охотничьим видом.

216. Клинтух *Columba oenas* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид, обитающий во всех регионах Южной России, кроме Астраханской обл., Калмыкии и Адыгеи, где птицы встречаются на миграциях (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 2-3 подвида. В России обитает только номинативная форма (Степанян, 2003; Коблик др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Населяет лесостепные ландшафты в бассейне Дона и Волги, а также в предгорьях и местами в низкогорьях Кавказа; по лесистым поймам рек местами проникает в степную зону. Сейчас благодаря новой адаптации к гнездованию в опорах ЛЭП клинтух стал быстро осваивать безлесные степные районы, восстанавливая и расширяя свой ареал (Белик и др., 2010; Белик, Гугуева, 2013; и др.).

Клинтухи новой экологической расы расселяются также на север в лесостепную и лесную зоны вплоть до Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода, быстро восстанавливая численность (Соколов, 2011; Соколов, Недосекин, 2015; Венгеров, 2016; Шуков, 2018; Грищенко, Яблоновська-Грищенко, 2019; Свиридов, 2020; Кожин и др., 2021; и др.).

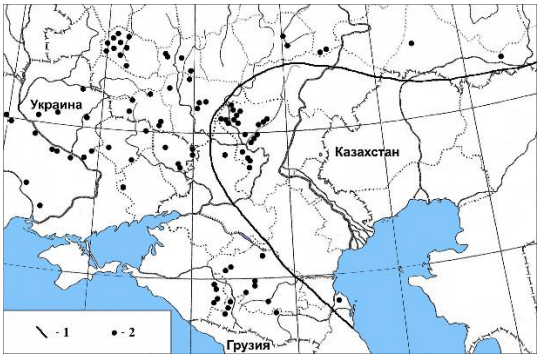


Рис. 53. Места находок клинтухов, связанных гнездованием с полыми бетонными опорами высоковольтных ЛЭП в России и Украине (по: Белик, Гугуева, 2013; с дополнениями).
1 – юго-восточная граница ареала (по: Мекленбурцев, 1951; Котов, 1993); 2 – места встреч клинтухов на ЛЭП

Миграции идут днем, широким фронтом, обычно обособленными моновидовыми стаями. На Ставрополье весной птицы летят на СЗ-С-СВ (Хохлов, 1985), но в Поволжье, по нашим данным, сейчас преобладает восточное направление, интенсивные миграции по которому заметно

усилились в конце XX в. (Линдеман и др., 2005). Массовые зимовки сформировались во второй половине XX в. на Ставрополье (Хохлов, 1985); нередко клинтухи зимуют также в Западном Предкавказье (Казаков, Забашта, 1999), в других же районах они встречаются зимой редко (Линдеман и др., 2005).

Местообитания. Типичный дуплогнездник, занимающий достаточно просторные дупла в старых деревьях среди различных типов лесов. Недавно освоил гнездование в полых бетонных опорах высоковольтных ЛЭП, расположенных обычно среди полей в долинах рек (Бобенко и др., 2007; Белик и др., 2010; Ветров, 2010; Друп, Друп, 2010; Белик, Гугуева, 2013; и др.). Кормится в открытых стациях, поэтому среди обширных лесных массивов в горах Кавказа не гнездится.

Численность. В XIX – начале XX в. был довольно обычен в лесистых поймах рек и предгорьях Кавказа, особенно в Восточном Предкавказье (Богданов, 1879; Динник, 1886; Бёме, 1925, 1926), реже встречался в степном Придонье (Лерхе, 1940; Белик и др., 2012). К середине XX в. повсеместно стал редким или малочисленным гнездящимся видом. Резкое сокращение численности на юге России продолжалось с середины до конца XX в. (Белик и др., 1991, 2003). В начале XXI в. популяция оценивалась здесь всего в 300-500 пар (Белик, 2005а), гнездившихся в основном в Дагестане (200 пар), Волгоградской обл. (50-80 пар) и Северной Осетии (3-6 пар) (Комаров, 1989, 1999, 2007; Джамирзоев и др., 2000; Комаров, Липкович, 2000; Чернобай, 2004а). Численность же в Европейской России составляла тогда от 6-19 тыс. до 8-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Атлас …, 2020).

Однако в результате освоения клинтухом нового типа гнездования последовал быстрый рост его численности, сопровождавшийся восстановлением и расширением прежнего ареала. По некоторым наблюдениям, локальная численность птиц может увеличиваться сейчас в 4 раза за 10 лет, а местами – в 10 раз за 5 лет (Грищенко, Яблоновська-Грищенко, 2019; Свиридов, 2020). Сейчас гнездовая популяция клинтуха на юге России может достигать 1-3 тыс. пар (Белик, 2014а). На зимовках в Предкавказье, особенно на Ставрополье, он довольно обычен за счет птиц, прилетающих из Сибири. Местами на полях кукурузы и подсолнечника здесь собираются стаи из многих десятков и сотен зимующих птиц (Хохлов, 1985; Казаков, Забашта, 1999).

Охранный статус. В конце XX в. во многих регионах Европейской России гнездовые популяции клинтуха оказались под угрозой исчезновения из-за усилившегося охотничьего пресса и хищнического воздействия размножившихся ястребов и куниц (Белик и др., 1991; Белик,

2000). Но в последнее время, благодаря освоению новой экологической адаптации к гнездованию в полых бетонных опорах ЛЭП среди полей и степей, клинтух вышел из-под пресса хищников и начал довольно быстрое восстановление своего ареала и численности (Белик и др., 2010; Белик, Гугуева, 2013; Венгеров, 2016; и др.). Сейчас клинтух включен в Красные книги Ставропольского края (5 категория), Карачаево-Черкесии (2 категория) и Северной Осетии (1 категория). В остальных регионах считается охотничьим видом.

217. Голубь сизый *Columba livia* J.F. Gmelin, 1789

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016). В равнинных районах гнездятся в основном синантропные, полудомашние голуби, часто имеющие пеструю, полиморфную окраску оперения.

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает до 10 подвидов. В России обитает номинативный подвид с белым крестцом шириной 40-60 мм. Но из Закавказья в некоторые районы Большого Кавказа проникает *C. l. neglecta*, отличающийся более светлой общей окраской оперения и серовато-сизым, реже темным, как спина, крестцом; изредка на крестце сохраняется белая полоса шириной до 20-40 мм (Степанян, 2003; Коблик др., 2006).

Распространение. Исходно обитал в скалистых районах Кавказа среди сухих низкогорий и среднегорий, преимущественно на Скалистом хр., местами проникал в аридные высокогорья на высоту до 2000 м н.у.м. (Динник, 1886; Комаров, Липкович, 2000; Моламусов, 2017), изредка гнездился на скалах и обрывах в предгорьях, а также по берегам рек на равнинах, в частности на Дону, Сев. Донце и Волге (Artzibascheff, 1859, 2015; Мензбир, 1895; Алфераки, 1910; Завьялов и др., 2007).

В XIX – XX в. голубь перешел к гнездованию на постройки в городах, а затем и в сёлах, сначала на каменные, а позже – на самые разнообразные строения, благодаря чему со временем расселился по всем равнинным районам Южной России. Во второй половине XX в. переход к гнездованию в городах произошел также в горных районах Кавказа (Витович, Поливанов, 1984; Витович, 1989; Моламусов, 2017), но популяции, гнездившиеся на скалах, здесь вскоре практически исчезли.

Местообитания. Гнездится обычно разреженными колониями, занимая ниши и пещеры на скалах в горах, однако сейчас этот тип гнездования встречается всё реже. Часто птицы заселяют ниши в старинных ка-

менных башнях, крепостях и т.п. Повсеместно голуби стали гнездиться также на различных современных постройках – на карнизах, чердаках, в различных полостях, особенно на высоких многоэтажных строениях. Местами на правобережье Волги вниз до Сарепты (Волгограда) голуби гнездятся в норах на высоких береговых обрывах (Artzibascheff, 1859, 2015; Завьялов и др., 2007; наши данные).

Численность. Обычный и многочисленный вид большинства городов и посёлков Южной России, но в начале XXI в. на северо-западе региона и в Центральном Предкавказье отмечено заметное снижение численности (Белик и др., 2003; Федосов, Каледин, 2015). В остальных районах синантропные популяции считаются относительно стабильными, но возможно, что их сокращение произошло по всему югу России, однако осталось недостаточно прослежено.

В горах Кавказа в 1970-е годы начался быстрый рост синантропных популяций, продолжавшийся вплоть до начала XXI в. (Поливанов и др., 2000; Караваев, 2018). Очевидно в это же время произошло сокращение и деградация естественных гнездовий на скалах, к сожалению, не прослеженное и не зафиксированное в литературе. К концу же XX в. голубей на Скалистом хр. уже почти не осталось (Караваев, 2000).

Обилие птиц в горных селениях Северной Осетии составляло 147-160 пар/км^2, а в равнинных гнездилось от 15 до 153 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003). В горах Карачаево-Черкесии в селениях с одноэтажной застройкой летом учитывали от 1,4 до 79,6 ос./км^2, а в многоэтажных кварталах – от 35,8 до 490,0 ос./км^2 (Караваев и др., 2013). В многоэтажных кварталах г. Карачаевска среднегодовое обилие в 1990-е годы составляло 104, в самом начале XXI в. – 119, а в 2010-е годы – 122 ос./км^2; в районах частной застройки обилие в начале XXI в. возросло с 3 до 38 ос./км^2 (Караваев, 1918). Общая численность сизых голубей на юге России в начале XXI в. была оценена в 1-5 млн. пар (Белик, 2005а), а в Европейской России гнездилось 2,5-6,0-9,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Является охотничьим видом.

– **Голубь скалистый** *Columba rupestris* Pallas, 1811

Характер пребывания. Вид, по недоразумению включенный в фауну Северо-Западного Прикаспия из-за номенклатурных ошибок (Самородов, 1982, 1989).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 2 подвида: восточный номинативный подвид, часто гнездящийся в горных долинах и в населенных пунктах, и западную горную форму *C. r. turkestanica*, распространенную в Средней и Центральной Азии.

Распространение. Оседлый обитатель континентальных районов Средней и Центральной Азии, юга Средней Сибири и Дальнего Востока, а также Северного Китая и Монголии. Ю.А. Самородов (1982, 1989) за скалистого голубя ошибочно принял сизого, обозначенного в работе Е.И. Орлова и Б.К. Фенюка (1927) о фауне Калмыкии как *Columba livia* f. ferra (Bogd.), т.е. «дикая форма». Русское название «скалистый голубь» употреблял для *C. livia* также Н.Я. Динник (1886), на которого ссылается Ю.А. Самородов (1989).

Местообитания. На западе ареала этот вид гнездится в основном на скалах в безлесных горах, а на востоке часто селится также на зданиях в городах и поселках.

Численность. В большинстве районов обычен, местами многочислен, особенно в крупных городах Сибири.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

218. Горлица кольчатая *Streptopelia decaocto* (Frivaldszky, 1838)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса, сравнительно недавно заселивший Западную Палеарктику, проникнув сюда через Ближний Восток.

Таксономия. Включает 2-3 подвида. В России обитает только номинативная форма (Степанян, 2003; Коблик др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. В начале Новой эры эта горлица расселилась из Индии на Ближний Восток, где граница ее ареала стабилизировалась вплоть до начала XX в. Около 1900 г. она проникла из Малой Азии на Балканы (Hengeveld, 1997), а вскоре началась ее новая, мощная спонтанная волна экспансии на север в умеренные широты, и в течение 30-60 лет птицы заселили почти всю Европу к востоку до Урала и юг Западной Сибири (Благосклонов, 1978, 1979; Nowak, 1989).

На Верхнем Дону горлицы впервые обнаружены в 1969-1970 гг. (Семаго, 1974; Белик, 1977), а в 1972 г. они появились уже на Нижнем Дону в г. Шахты, Новочеркасске и пос. Целина на юге Ростовской обл. (Петров, 1975). В 1974 г. птицы найдены в Новошахтинске, Константиновске и Волгодонске (Благосклонов, 1978), в Ростове и Таганроге, а также в стан. Вёшенской на Среднем Дону (Тютькин, 1975; Белик, 2005). На юго-востоке Ростовской обл. в с. Заветное и Ремонтное на Ергенях

горлицы были обнаружены в 1977-1979 гг. (Варшавский, 1981).

В Волгограде и г. Дубовка Волгоградской обл. горлицы появились в 1973 г. (Чернобай, 1978), а к 1976 г. они расселились уже по многим районным центрам вокруг этих городов (Е.И. Врублевский, дневники), но на северо-западе и севере Волгоградской обл. до 1976-1977 г. птиц еще не было (Варшавский, 1981; Белик, 2005). А крайние восточные районы в полупустыне на границе с Казахстаном горлицы заселяли лишь в 1980-е годы: в 1980 г. они появились в пос. Палласовка и Эльтон, в 1984 г. – в пос. Джаныбек, а к 1990 г. гнездились уже во всех поселках Заволжья, имеющих сады и скверы (Линдеман и др., 2005).

В Элисту горлицы проникли в 1974-1976 гг. (Варшавский, 1981; Кукиш, 1982; Mauersberger, Möckel, 1987); в Астрахани первая горлица встречена 20.04.1977, в начале мая там наблюдалась пара, а в середине мая обнаружено гнездо (Коваленко, 1979). В 1978 г. в центре Астрахани гнездилось уже 6-7 пар (Варшавский, 1981), а зимой 1982 г. там было учтено более 80 птиц (Реуцкий, 2014). В Махачкале горлицы появились в 1978-1979 гг. (Варшавский, 1981; Mauersberger, Möckel, 1987; Насрулаев, 1991; Abuladze u.a., 1999). А из Махачкалы вдоль побережья Каспия они направились на юг и в 1988 г. были найдены в Дербенте и низовьях р. Самур, а в 1985-1987 гг. – в Азербайджане (Abuladze u.a., 1999).

Западное Предкавказье и Причерноморье горлицы заселяли, возможно, через Крым, где появились в 1971-1972 гг., а к 1975 г. расселились там почти по всему полуострову (Костин, 1983). В 1973 г. они были отмечены в Ейске, в 1974 г. – в Краснодаре, в 1975 г. – в Новороссийске (Благосклонов, 1978; Варшавский, 1981; Беньковский, Беньковская, 1989; Пекло, Тильба, 1991, 1992), а затем в течение 1977-1991 гг. заселили города Причерноморья, быстро продвигаясь с запада на восток вдоль побережья Черного моря (Туапсе - 1978; Сочи - 1980; Адлер - 1977; Гагры - 1978; Пицунда - 1984; Сухум - 1987; Очамчира - 1991). Чуть раньше, в 1979-1980 гг., птицы проникли в Батуми и Тбилиси (Тильба, Емтыль, 1986; Plath, 1986; Mauersberger, Möckel, 1987; Маландзия, 1992; Abuladze u.a., 1999).

Таким образом, путь в 400 км от Новороссийска до Очамчира птицы преодолели за 15 лет со средней скоростью около 25 км/год. В Батум же горлицы могли попасть не с запада, а с юга, из Турции, где в 150 км проходит известная сейчас граница их ареала (Kirwan et al., 2008). Поэтому, возможно, они и появились в Грузии раньше, чем в Абхазии.

Центральное и Восточное Предкавказье горлицы заселяли в 1970-е годы с севера, а в 1980-е годы они начали осваивать предгорные и горные районы. В 1973 г. эти птицы были найдены в Минводах и Пятигорске,

в 1974 г. отмечены в Ессентуках, в 1975 г. встречены в Ставрополе, в 1977 г. появились в с. Подлесное Труновского р-на, в 1978 г. в Буденновске (Прикумске), а в 1979 г. наблюдались в Невинномысске и Георгиевске (Варшавский, 1981; Хохлов, 1985; Mauersberger, Möckel, 1987; Тельпов, 1989). В 1981 г. горлицы найдены в г. Алагир, в 1982 г. встречены в пос. Мизур в горах Северной Осетии, в 1983 г. обнаружены в Грозном, в 1984 г. появились в Кисловодске, в середине 1980-х годов заселили станицы на Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии (Комаров, 1988; Анисимов, 1989; Тельпов, 1989; Поливанов и др., 2000).

В горах птицы расселялись первоначально по городам и сёлам в ущельях крупных рек вплоть до Бокового хр. (г. Теберда, с. Учкулан и Хурзук в верховьях Кубани), но позже исчезли там, сохранившись на Западном Кавказе в селениях по аридной Северо-Юрской депрессии вдоль Скалистого хр., а на Центральном Кавказе покинули многие сёла также и в аридных котловинах, и лишь в Дагестане изредка встречаются по ущельям в среднегорьях (Караваев и др., 2013; наши данные). Сейчас горлицы заселяют все равнинные, предгорные и приморские районы Южной России, местами распространены в низкогорьях и кое-где проникают в среднегорья.

Расселение кольчатых горлиц идет, по-видимому, весной в форме дисперсии молодых птиц, среди которых в этот период в коллективных зимних ночевках заметно усиливаются агонистические контакты, и ночевки постепенно распадаются (наши данные). Горлицы разлетаются в одиночку, реже небольшими группами, преимущественно в восточном и северном направлении. Сезонные миграции на юге России не выражены, а периодические колебания численности в отдельных районах и селениях в осенне-зимний период (Кривицкий и др., 1978; Забашта, 2001) могут быть связаны с гибелью птиц из-за непогоды, или с местными перекочевками молодых птиц в поисках более оптимальных кормовых и защитных ночёвочных условий. Взрослые птицы осенью и зимой ночуют обычно парами на своих гнездовых участках.

Местообитания. Первоначально горлицы заселяли субтропические леса, но на Ближнем Востоке перешли к гнездованию в городских садах, парках и скверах, что способствовало росту их численности и дальнейшему расселению на север в умеренные широты (Кошелев, 1993). На юге России они обитают в основном в городах и сёлах различной величины вплоть до самых маленьких хуторов, гнездясь в кронах деревьев, иногда на различных постройках и сооружениях. Местами изредка встречаются по окраинам лесов, в лесополосах и садах в окрестностях сёл. В горы поднимается до 1100 м, местами до 1400 м н.у.м. (Комаров, 1988; Караваев и др., 2013). На кормежку могут вылетать в

поля, но, как правило, не далее 1-2 км от селений (Забашта, 2001).

Численность. В заселенных районах обычный, местами многочисленный вид, обычно исчезающий лишь на лесистых территориях, где возрастает пресс хищничества появившихся ястребов. В городах численность горлицы снижается в результате хищничества размножившихся ворон, сорок и соек. В начале XXI в. популяции Южной России демонстрировали заметный, а местами сильный рост численности при ее относительной стабилизации на северо-западе региона (Белик и др., 2003). В первые годы после заселения некоторых городов их популяции достигали иногда почти 30-кратного роста за 5 лет (Тельпов, 1989). Общая численность горлицы на юге России оценивалась тогда в 300-500 тыс. пар, в том числе около 120 тыс. пар обитало в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а). А в Европейской России гнездилось от 0,5-1,0 млн. до 0,3-0,5 млн. пар (Мищенко и др., 2004, 2017).

Обилие в равнинных сёлах Северной Осетии достигало 146-186 пар/км^2, а в предгорных селениях – 4-13 пар/км^2 (Комаров, 2007). В селениях в Карачаево-Черкесии обитало 24-49 ос./км^2, а в многоэтажных городских кварталах – до 70 ос./км^2 (Караваев и др., 2013). Численность может очень сильно колебаться в связи с погодными условиями в зимний период, когда после сильных морозов и снегопадов от голода погибает много оседлых птиц (Кривицкий и др., 1978), после чего в некоторых селениях они на несколько лет почти полностью исчезают (наши данные).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Местами является охотничьим видом.

219. Горлица обыкновенная *Streptopelia turtur* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 4-5 подвидов. В России обитает только номинативная форма (Степанян, 2003; Коблик др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Населяет лесостепные ландшафты на равнинах и в предгорьях по всей Южной России, реже гнездится в низкогорьях, местами проникает в среднегорья. Во второй половине XX в. по искусственным насаждениям и лесополосам горлица широко расселилась в степной зоне, но в сухие полупустыни почти не проникает (Белик, 1993, 2009а; Линдеман и др., 2005). Вдоль побережья Черного моря с запада доходит до Сочи (Тильба, 2006), но восточнее, в Абхазии, сейчас почти исчезла (Белик, 2015).

Мигрирует стаями, широким фронтом на юг через перевалы Кавказа. Весенний пролет идет по утрам, но выражен слабо, осенью птицы летят более крупными стаями в течение всего дня, надолго задерживаясь в кормных местах.

Местообитания. Опушечные ландшафты в различных типах естественных и искусственных лесонасаждений. Гнездится на деревьях, а кормится в степи, на полях и лугах. В горы проникает до 1800-2000 м н.у.м., но выше 900 м птицы редки (Моламусов, 2017).

Численность. В 1970-е годы горлица была очень обычна в лесостепных ландшафтах Южной России (Хохлов, 1985; Белик, 1993). В степном Предкавказье в аридные 1970-е годы ее обилие в естественных лесах составляло 2-18, а в искусственных лесных массивах – 5-17 пар/км^2, а в гумидные 1980-е годы – соответственно 2,5-3,3 и 3-29 пар/км^2 (Белик, 2000а).

Общая численность горлиц в Ростовской обл. оценивалась тогда в 30-70 тыс. пар (Белик, 1993, 2000а), а на Ставрополье – около 200 тыс. пар (Хохлов и др., 2004). Но в конце XX в. по невыясненным причинам началась очень быстрая и глубокая деградация всех популяций (Хохлов и др., 2004; Бобенко, 2010; Музаев и др., 2010; Музаев, 2013; Федосов, Каледин, 2015; Тильба, 2017). В 1990-е годы снижение численности на 20-40% прослежено во многих регионах, а в Ростовской и Волгоградской обл. и в Дагестане за 10 лет популяции снизились примерно на 50% и более (Белик и др., 2003).

Общая численность горлицы на юге России в начале XXI в. оценивалась в 100-300 тыс. пар, а в 2010-е годы – лишь в 1-2 тыс. пар, т.е. сократилась как минимум на 2 порядка (Белик, 2005а, 2014а, 2017). В Калмыкии популяция оценивается всего в 100-200 пар (Музаев, 2013). В целом же в настоящее время обыкновенная горлица по всей России встречается крайне редко и спорадично как на гнездовании, так и на миграциях. Ее популяция в Европейской России в начале XXI в. снизилась с 1,0-2,5 млн. до 7-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, Мищенко, 2017, 2018; Белик, 2020).

Охранный статус. Под 2 категорией занесена в Красные книги Краснодарского края, Калмыкии и Дагестана. В связи с резким падением численности, происходившим в конце XX - начале XXI в. по всему ареалу, обыкновенная горлица была рекомендована в Красную книгу России (Белик, Мищенко, 2017, 2018) и сейчас включена под 2 категорией редкости в ее новое издание (Приказ …, 2020).

220. Горлица большая *Streptopelia orientalis* (Latham, 1790)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, дважды отмеченный в Краснодарском крае и Астраханской обл. (Лохман, 2003; Arkhipov, 2006; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесолугового фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 5 подвидов. На юг России из Западной Сибири могут залетать птицы подвида *St. o. meena*, однажды добытого также в Крыму (Костин, 1983).

Распространение. Китай и Сибирь к западу до Урала. Залетная птица была добыта однажды 02.06.1998 в Анапском р-не Краснодарского края (Лохман, 2003). Кроме того, в восточной части дельты Волги 05-06.10.2001 отмечены 2 молодые птицы, которые могли залететь туда из низовий р. Урал (Arkhipov, 2006), где вдоль долины наблюдается осенняя миграция этих горлиц на зимовку (Губин и др., 1977). Еще одна птица была добыта 23.10.1902 в Крыму (Костин, 1983).

Местообитания. Опушечные лесолуговые ландшафты. Гнездится на деревьях в лесу, а кормится обычно в открытых стациях на земле.

Численность. В XX в. была обычна и многочисленна в лесостепном Зауралье (Кошелев, 1993; Блинова, Блинов, 1997; и др.), но в конце XX в. в Сибири было отмечено резкое снижение численности этой горлицы (Ананин, 2019; Попов, 2019). В европейской части России на Среднем и Южном Урале в начале XXI в. отмечена в 47 квадратах 50×50 км, где ориентировочно гнездится около 20 тыс. пар (Атлас …, 2020).

Охранный статус. В особой охране пока не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

221. Горлица малая *Streptopelia senegalensis* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Малочисленный гнездящийся, оседлый вид, обитающий в Дагестане и Северной Осетии, возможно, загнездившийся также в Ставропольском и Краснодарском краях и залетный в Калмыкии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса, расселяющийся сейчас на север.

Таксономия. Включает 5 подвидов. В России обитает только подвид *St. s. ermanni* (Степанян, 2003; Коблик др., 2006).

Распространение. Африка, а также Ближний Восток и Индия, откуда птицы заходят также в Среднюю Азию. Из Передней Азии горлицы в 1970-е годы дружно вселились в Закавказье (Адамян, 1981; Абуладзе, 1986; Mauersberger, Möckel, 1987; Рустамов, 1993), а в конце 1970-х годов они проникли из Азербайджана в Дагестан, заселив за 20 лет всё

каспийское побережье от р. Самур до Махачкалы (Бутьев и др., 1989; Рустамов, 1993; Хохлов и др., 1998). В 1999 г. горлицы появились также в Моздокском р-не на севере Осетии, где стали быстро набирать численность и расселяться по сёлам (Комаров, 2007; Комаров и др., 2011). В 1996 г. одиночная горлица встречена в Краснодаре, где держалась вплоть до 1999 г., а в 2002 г. там же появилась пара птиц, по-видимому успешно размножавшихся в том году (Динкевич, Ластовецкий, 2004). Летом 2006-2007 г. горлиц неоднократно наблюдали в разных станицах Предгорного р-на на юге Ставрополья (Шведов, Парфёнов, 2008), а в 2016 г. залетные птицы дважды встречены в Калмыкии: 11.06.2016 в Элисте и 08.10.2016 в Яшкульском р-не в заповеднике «Черные земли» (Музаев, 2016; Эрдненов, Александров, 2016). Имеются также сведения о встречах этой горлицы в Сочи (Рустамов, 1993; Скачков, 2020).

Следует ожидать дальнейшего расселения малой горлицы по югу России. Она расширяет ареал на север также и в Казахстане, где в 1987 г. найдена в Наурзумском заповеднике, в 2006 г. в Кустанае, а в 2011 г. в г. Актау на Мангышлаке (Брагин, Брагина, 2002; Моисеев, 2007; Березовиков, Кондратенко, 2012).

Местообитания. Гнездится почти исключительно в населенных пунктах, как в крупных городах, так и в небольших сёлах, устраивая гнезда в кронах деревьев в садах и скверах, а также нередко в различных укрытиях на постройках.

Численность. На юге России в заселенных районах пока немногочисленна. В начале XXI в. численность в России, в основном в Дагестане, оценивалась в 500-1500 пар с выраженной тенденцией к росту в связи с расширением ареала (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). Но сейчас в Махачкале популяция заметно сократилась из-за хищнического пресса куниц и серой вороны, вселившейся в город в последние десятилетия (Н.И. Насрулаев, личн. сообщ.).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Местами является охотничьим видом (Комаров и др., 2011).

– Горлица капская (*Oena capensis*)

Характер пребывания. В Южной России статус не определен.

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. Представитель монотипического рода. Выделяют два подвида: номинативный, населяющий Африку, и *O. c. aliena*, гнездящийся на Мадагаскаре. В Северной Евразии отмечаются, скорее всего, птицы номинативного подвида, начавшие в середине XX в. расселение из Африки на север (Snow, Perrins, 1998; Маландзия, 2013).

Распространение. Гнездится в основном в Африке к югу от Сахары и на юге Аравийского полуострова. В середине XX в. наметилась тенденция к расселению на север. В 1961 г. горлицы впервые встречены в Израиле, в 1980 г. там доказано гнездование, а к 1987 г. насчитывалось уже 50 пар (Snow, Perrins, 1998). В начале XXI в. залёты зарегистрированы в Ирак, Турцию, Иран; 25.05.2013 самец этой горлицы наблюдался в Пицунде в Абхазии, а 06.06.2013 горлица встречена на юге Центральных Кызылкумов в 170 км к западу от Бухары (Маландзия, 2013). В мае 2016 г. капская горлица замечена в аэропорту Махачкалы в Дагестане (http://ru-birds.ru/), но характер ее появления там – спонтанный залёт или искусственный завоз – остался не установлен (Белик и др., 2016).

Местообитания. Открытые сухие и полупустынные районы с кустарниками, деревьями и термитниками, а также прибрежные саванны, за исключением густых лесов.

Численность. Обычна в местах расселения. Расширение ареала обусловлено развитием орошаемого земледелия в засушливых районах и глобальными климатическими изменениями.

Охранный статус. Охрана в России не предусмотрена. Необходимы сборы коллекционных материалов.

Отряд **Кукушкообразные** Cuculiformes

Семейство **Кукушковые** Cuculidae

222. **Кукушка обыкновенная** *Cuculus canorus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 4-6 подвидов. В России обитает только номинативная форма (Степанян, 2003; Коблик др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Населяет равнинные, предгорные и горные ландшафты всей Южной России. Мигрирует широким фронтом в одиночку по ночам, поэтому пролёт кукушек визуально не выражен, и днём случайно встречаются обычно лишь одиночные кормящиеся особи.

Местообитания. В разных районах предпочитает различные стации, в зависимости от распространения основных видов-прокормителей кукушат. В северных районах в бассейне Дона и Волги – это кустарниковые опушки лесов, где гнездятся болотная камышевка, а также серая славка; южнее, в степной зоне, придерживается в основном пойм рек с заросшими озерами, где гнездятся дроздовидная и трост-

никовая камышевки; в горах заселяет влажные смешанные и широколиственные леса, где обычна зарянка; кроме того, на Кавказе кукушка очень характерна для верхней границы лесов, где гнездятся горный и лесной коньки (Казаков и др., 1991).

Численность. В большинстве районов обычный вид с относительно стабильной численностью (Белик и др., 2003). Обилие птиц в пойменных лесах степного Придонья составляет 3,6 пар/км^2, а в байрачных лесах – 2,1 пар/км^2 (Белик, 2000а), в пойменных лесах Северной Осетии – 2,5-7,6 пар/км^2, в горных и предгорных широколиственных лесах – 1,6-5,7 пар/км^2, а в березовом криволесье субальпийского пояса – 4,0 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003); в хвойно-лиственных лесах Теберды – 3,6-6,4 ос./км^2 (Поливанов, 2000); в низкогорных широколиственных лесах Кавказского заповедника – 1,1-5,2 ос./км^2, а в березовом криволесье – 2,6-3,0 ос./км^2 (Перевозов, 2010); в низкогорных лесах Причерноморья – 1,5-5,0 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). Общая численность в Южной России оценена в 50-100 тыс. пар, а в Ростовской обл. – в 22-23 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005а). В европейской же части России насчитывается 3,1-5,8 млн. пар (Мищенко и др., 2017).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

223. Кукушка глухая *Cuculus saturates* Gould, 1845

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, отмеченный однажды в Ставропольском крае (Белик, 2010; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В России обитает только номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Таежная зона Сибири, откуда гнездовой ареал частично заходит на северо-восток Европы. На юге России известен единственный залет на Северный Кавказ к Кисловодску, где в 1884 г. в начале мая (ст. стиля) была добыта одна птица (Lorenz, 1887, 2010; Белик, 2010). Еще два залета глухой кукушки отмечены в Крыму (Костин, 1983; Нумеров, 1993).

Местообитания. Старые хвойные и смешанные леса, перемежающиеся с приречными полянами и лугами, где гнездятся основные хозяева-прокормители кукушат – пеночки.

Численность. В гнездовом ареале обычная, местами малочисленная птица. Популяция европейской части России составляет сейчас 250-700 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). Миграции птиц на зимовку в Юго-Восточную Азию идут через Сибирь, и на юг России они попа-

дают случайно. Но идентифицировать пролетных птиц из-за большого внешнего сходства с обыкновенной кукушкой очень трудно.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

– **Кукушка хохлатая** *Clamator glandarius* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. На юге России не определен.

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Африка и Средиземноморье, в том числе Малая и Передняя Азия. В начале XXI в. хохлатая кукушка найдена на гнездовье в Армении (Ананян и др., 2013), а в июне 2011 и мае 2021 гг. одиночных птиц встречали в Крыму (Прокопенко, 2013; Школьный, 2021). Кроме того, в Приютненском р-не Калмыкии в лесополосе 01.05.1999 было найдено гнездо сороки с 10-дневным птенцом кукушки, который вылупился из яйца, отложенного, очевидно, в начале апреля (Цапко, 2007). Птенец был определен как обыкновенная кукушка, но эти птицы прилетают в Предкавказье только в конце апреля, самки же появляются здесь еще позже, а к размножению они приступают не раньше конца мая (Казаков и др., 1991).

О ранних находках яиц и птенцов кукушек в гнездах грачей на Ставрополье сообщали также Б.А. Казаков и др. (1991). Не исключено, что эти случаи относятся не к обыкновенной, а к хохлатой кукушке, рано прилетающей с зимовок и паразитирующей в основном на врановых птицах (Судиловская, 1951; Нумеров, 1993). Но поскольку никаких подтвержденных регистраций хохлатой кукушки на юге России до сих пор пока нет, этот вид включен в фаунистический список без номера.

Местообитания. Пойменные кустарники, редколесья, опушки лесов, сады и парки.

Численность. На юге Европы в начале XXI в. гнездилось 58-77 тыс. пар, но сейчас наблюдается рост популяции этих птиц, и современная численность оценивается здесь уже в 84-252 тыс. пар (Atlas …, 1997; Нумеров, 1993; Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017).

Охранный статус. Не предусмотрен. Необходимы сборы коллекционных материалов.

Отряд **Совообразные** Strigiformes

Семейство **Совиные** Strigidae

224. Сова белая *Nyctea scandiaca* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид, нерегулярно появляющийся в зимний период в разных регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель эоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). Представитель монотипического рода, близкого к филинам.

Распространение. Циркумарктический ареал охватывает зону тундры Евразии и Северной Америки. На осенне-зимних кочевках спускается в лесную и лесостепную зону, эпизодически достигает местами степей и пустынь (Дементьев, 1951). На юге России случайные залеты регистрировались во всех регионах, кроме предгорных районов Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Ингушетии (Белик и др., 2016).

В Ростовской обл. эту сову отмечали в XIX и начале XX в., в том числе сразу 7 сов встречены в октябре 1872 г. (Алфераки, 1877, 1910; Белик и др., 2012); в Волгоградской обл. несколько раз регистрировали в XIX и XX вв. (Богданов, 1871; Лорец, 1928; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Линдеман и др., 2005); в Астраханской обл. встречали в XIX–XXI вв., но тоже очень редко, и лишь в суровую, многоснежную зиму 1870/71 г. у Астрахани было добыто 6 особей (Яковлев, 1872, 2015; Реуцкий, 2014); в Калмыкии отмечены единичные встречи в XX и XXI вв. (Самородов, 1981; Эрдненов, Музаев, 2016). Возможно к этому же виду относятся и указания о неоднократных встречах в Калмыкии ястребиной совы (Близнюк, 1998).

В Краснодарском крае несколько встреч зарегистрировано в равнинных районах в XX в. (Тильба, Мнацеканов, 2005); на Ставрополье одиночных птиц несколько раз отмечали в равнинных и предгорных районах в XX – XXI вв. (Ильюх, Хохлов, 2005, 2010). В Северной Осетии известно несколько встреч в XX в. на равнине и в предгорьях (Бёме, 1958; Комаров, 1990; Комаров и др., 2011); в ноябре 1898 г. две совы добыты на Тереке в Чечне (Бёме, 1926); для Дагестана сова известна лишь по 2-3 особям, добытым зимой 1902/03 г. у Петровска (Махачкалы) (Сатунин, 1907; Джамирзоев, Букреев, 2005).

Местообитания. На гнездовье предпочитает открытые тундры; на кочевках тоже держится преимущественно в открытых безлесных ландшафтах (Дементьев, 1951; Приклонский, 1993).

Численность. В европейской части России гнездится от 1,3-4,5 тыс. до 0,7-2,0 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017). Гнездовая численность резко колеблется по годам в зависимости от обилия тундровых грызунов, но после 2012 г. гнездование в Европейской России не отмечали вовсе. В суровые, многоснежные зимы изредка наблюдается массовая откочевка белых сов на юг, что было особенно выражено в

конце XIX - начале XX в. (Яковлев, 1872, 2015; Алфераки, 1877; Дементьев, 1951). Много птиц появилось также зимой 1936/37 г. в Саратовской обл. (Козловский, 1949). В настоящее время белые совы на юге России встречаются значительно реже.

Охранный статус. В особой охране на юге России не нуждается.

225. Филин *Bubo bubo* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий вид, распространенный во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. По данным Г.П. Дементьева (1951), в бассейне Среднего Дона и по Волге до ее низовий обитает подвид *B. b. ruthenus*; на Нижнем Дону, в Предкавказье и на Кавказе гнездится *interpositus*, а в пустынях Заволжья и Казахстана распространен *turcomanus*, залетающий зимой к Астрахани. По мнению Л.С. Степаняна (2003), сероватый *ruthenus* населяет Средний Дон, низовья Волги и долину Маныча; более светлый, желтоватый *interpositus* распространен на Нижнем Дону, в Предкавказье и на Кавказе, а бледный, желтовато-охристый *turcomanus* населяет пустыни к востоку от низовий Волги.

Распространение. Населяет равнинные и предгорные районы, кроме безлесных степных и пустынных низменностей, лишенных овражно-балочного расчленения. В горах Кавказа гнездится в сухих безлесных низкогорьях и среднегорьях, изредка проникает в аридные высокогорья, в Северной Осетии – до 1800 м н.у.м. (Белик, 2015). В прошлом встречался на Черноморском побережье Кавказа (Дороватовский, 1913; Кудашев, 1916; Бернацкий, 1958; Тильба, Мнацеканов, 2005).

Основные гнездовые районы – Донецкий кряж, Донская гряда на правобережье Среднего Дона, Приволжская возвышенность, восточные склоны Ергеней в Калмыкии, Ставропольская возвышенность, Кумо-Манычская впадина, заселенная в последние десятилетия, наконец долины Кубани и ее левобережных притоков в предгорьях, а также слабо облесенные предгорья и низкогорья на Центральном Кавказе (Сурвилло, 1984; Белик, 1994, 1996; Парфенов и др., 2003 и др.; Мнацеканов и др., 2016; Ильюх, 2017; Федосов, 2019; и др.).

Во время осенних кочевок молодые птицы по ночам разлетаются в разных направлениях и случайно появляются в самых различных районах и биотопах, чаще попадая в поле зрения и под браконьерские выстрелы.

Местообитания. Для гнездования везде предпочитает расчлененный рельеф – скалы в сухих горах и предгорьях, открытые и поросшие лесом овраги и балки на всех степных возвышенностях, а также обрывы

вдоль рек и озер, карьеры и каналы в степной зоне, где птицы устраивают гнезда в самостоятельно вырытых или естественных нишах, но обязательно поблизости от открытых ландшафтов, где филины, как правило, охотятся. Нередко они гнездятся в бугристых песках, иногда среди различных развалин. В лесах селятся обычно на кочковатых болотах, по опушкам и редколесьям с валежинами, выворотнями и древесными пнями, которые служат укрытиями для птиц и их гнезд.

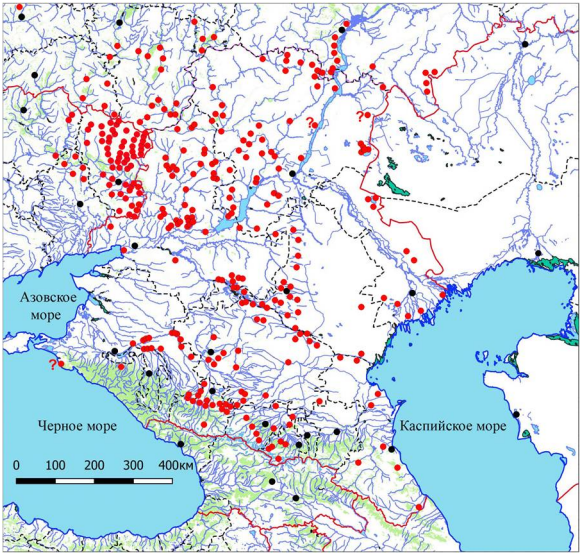


Рис. 54. Современные места гнездования филина на юге России и Украины

Численность. В большинстве регионов на юге России довольно редок, особенно в лесистых горах. В последние десятилетия наблюдается заметный рост популяций, особенно выраженный в пустынно-степных районах (Белик и др., 2003; Федосов, Маловичко, 2008), но на севере Волгоградской обл. сейчас наметилась депрессия численности в связи с исчезновением сусликов, тушканчиков и других степных грызунов, а также массовых видов врановых птиц (Белик, 2014а).

В конце XX - начале XXI в. общая численность в Европейской России составляла 2,5-5,5 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017), а на юге России гнездилось 1000-1500 пар, в том числе 150-200 пар в Ростовской обл. (Белик, 1994, 1996а, 2000а, 2005а). В настоящее время популяция Ростовской обл. составляет 200-300 пар; Волгоградской обл. 350 пар; Калмыкии не менее 70-90 пар; Дагестана 100-120 пар; Северной Осетии 30-40 пар; Карачаево-Черкесии 30-50 пар; Ставрополья от 35-40

до 150-180 пар; Краснодарского края 20-25 пар (Комаров, Липкович, 2000; Джамирзоев, Букреев, 2005; Ильюх, Хохлов, 2009; Цапко и др., 2009; Караваев, Хубиев, 2013; Эрдненов, 2013; Белик, 2014; Тильба, 2017; Чернобай, 2017; Федосов, 2019), но часть из этих оценок, очевидно, несколько занижены.

В полупустынях Калмыкии по балкам в центре Ергеней в 1970-е годы гнездилось 4-6, в среднем 4,7, а местами до 8 ос./100 км^2, на юге Ергеней учитывали до 3 ос./км^2, а на севере – 1 ос./км^2 (Сурвилло, 1984). В Приманычье, где условия для филина из-за равнинного рельефа немного хуже, обилие составляет 9 пар/4700 км^2, или 0,2 пар/100 км^2, а в районе КавМинВод в лучших для филина угодьях гнездится 17 пар/3800 км^2, или в среднем 0,4 пар/100 км^2 (Федосов, 2019).

Охранный статус. В Красную книгу России (2001) был включен под 2 категорией редкости, но сейчас переведен в 3 категорию (Приказ …, 2020). Занесен во все региональные Красные книги Южной России как редкий уязвимый вид (Белик, 2014а). Основными угрозами для филина являются браконьерство и гибель на опорах ЛЭП-10 кВ, а также сокращение кормовой базы из-за резкого снижения численности многих степных грызунов и лесостепных птиц.

226. Сова ушастая *Asio otus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся вид всех регионов Южной России, широко кочующий в осенне-зимний период (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 3 подвида. В России гнездится только номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Обитает в равнинных и предгорных районах среди лесостепных, степных и полупустынных ландшафтов во всех регионах Южной России. Местами проникает в мозаичные горные леса до 1200 м н.у.м. (Тильба, Мнацеканов, 2005) и изредка встречается в опушечных ландшафтах по Черноморскому побережью Кавказа (Волчанецкий и др., 1962; Белик и др., 2017). В осенне-зимний период широко кочует в поисках районов с достаточной численностью грызунов.

Местообитания. Самые различные типы лесов, искусственных лесонасаждений и лесополос, сочетающихся с открытыми ландшафтами, которые служат совам охотничьими стациями. Сплошных лесных массивов эти совы избегают. Для размножения необходимы старые гнезда разных видов врановых птиц, в которые совы обычно откладывают свои яйца. В последнее время эти совы осваивают городские

скверы и парки, где еще сохранились гнездовья врановых птиц.

Численность. В большинстве заселенных районов довольно обычный вид, периодически демонстрирующий мощные пульсации численности, которые связаны с резкими флуктуациями популяций мышевидных грызунов, служащих совам основой кормовой базы. В начале XXI в. численность этой совы в Южной России считалась относительно стабильной (Белик и др., 2003), но в настоящее время повсеместно наблюдается сокращение ее популяций из-за исчезновения врановых птиц и их гнезд в естественных лесах и искусственных насаждениях. Местами в различных насаждениях, в том числе в городах и сёлах, осенью и зимой эти совы скапливаются на днёвку, нередко собираясь большими стаями.

Первоначальные оценки численности ушастой совы в Ростовской обл. составляли около 16-17 тыс. пар, в Волгоградской обл. – 3,5-5,0 тыс. пар, на Ставрополье – около 10 тыс. пар, в Дагестане – 100-1000, в среднем 350 пар (Белик, 2000а; Джамирзоев, Букреев, 2005; Ильюх, Хохлов, 2005; Ильюх и др., 2009; Чернобай, 2005), а общая численность на юге России оценивалась в 10-30 тыс. пар (Белик, 2005а). Сейчас она, очевидно, значительно ниже. В европейской же части России гнездится 100-350 тыс. пар (Мищенко и др., 2017).

Охранный статус. В особой охране сейчас не нуждается.

227. Сова болотная *Asio flammeus* (Pontoppidan, 1763)

Характер пребывания. Гнездящийся вид почти всех регионов Южной России, широко кочующий в осенне-зимний период (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Космополит неясного зоогеографического генезиса.

Таксономия. Включает около 10 подвидов. В России гнездится только номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Все регионы Южной России, кроме Карачаево-Черкесии и Северной Осетии, где сова регистрировалась только на миграциях и зимовке (Ткаченко, 1966; Комаров, Липкович, 2000; Караваев, 2009; и др.). Но при массовых инвазиях, наблюдающихся после вспышек численности грызунов, совы эпизодически могут гнездиться, вероятно, также и на севере этих регионов – в их равнинных степных районах. В осенне-зимний период кочует в поисках районов с достаточной кормовой базой; на днёвке в полях и степи, на лугах и пустырях местами собирается в небольшие стаи.

Местообитания. Различные открытые ландшафты: целинные степи, полупустыни, поля, луга, иногда кустарники и забурьяненные сады на равнинах и в предгорьях. Во время кочевок изредка залетает высоко в горы.

Численность. Обилие болотной совы резко флуктуирует из-за массовых синхронных перекочевок этого миофага в связи с пульсациями численности мышевидных грызунов, составляющих основу его кормовой базы. В конце XX - начале XXI в. общая численность совы в европейской части России составляла 50-150 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017), а на юге России она была оценена в 1-5 тыс. пар, в том числе до 1000 пар периодически гнездилось в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005а). В Волгоградской обл. численность оценивали в 1000-1200 пар, в Калмыкии – 200-250 пар, а на Ставрополье – 300 пар (Ильюх, Хохлов, 2005; Чернобай, 2005; Цапко и др., 2009).

Благодаря увлажнению степного климата, распространению бурьянистых залежей и сокращению пастбищного сбоя в целинных степях и полупустынях в последние десятилетия наблюдается относительная стабилизация численности обыкновенной и общественной полевок, и поэтому во многих районах на равнинах Южной России стало гнездиться заметно больше болотных сов (Белик, 2012, 2014а).

Охранный статус. Включена в Красные книги Калмыкии (3 категория), Адыгеи (3 категория) и Ставропольского края (3 категория). Как уязвимый вид, гнездящийся на земле в сельскохозяйственных ландшафтах и имеющий узкую пищевую специализацию, заслуживает, по-видимому, особой охраны на региональном уровне.

228. Сплюшка *Otus scops* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 5-6 подвидов. В Европейской России и на Кавказе обитает номинативная форма (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Гнездится во всех регионах Южной России, кроме сухих безлесных районов Заволжья и Калмыкии, а также лесистых среднегорий и холодных высокогорий. По Волго-Ахтубинской пойме проникает до дельты Волги (Реуцкий, 2014), заселяет также мозаичные леса вдоль Черноморского побережья Кавказа (Кудашев, 1917; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2015; Белик и др., 2017).

Сезонные миграции идут широким фронтом в одиночку по ночам, поэтому на юге России они не выражены, а днём отмечаются лишь случайные встречи с отдыхающими птицами.

Местообитания. Населяет мозаичные лиственные леса и редколесья, а также сады, искусственные насаждения и лесополосы на равнинах, местами встречается в предгорьях и низкогорьях, изредка проникает

в сухие среднегорья, в Дагестане – до 1800-2000 м н.у.м. (Джамирзоев, Букреев, 2005). Занимает различные естественные дупла, дупла дятлов, скворечники, а также закрытые гнезда сорок. После исчезновения сорок в естественных и искусственных лесах сплюшки начали вселяться в парки и скверы городов, где появились гнездовья сороки.

Численность. В конце XX в. на юге России и Украины произошло резкое сокращение численности сплюшки (Грищенко, 1998; Белик и др., 2003; Башта, Архипов, 2009), вызванное в основном, по-видимому, исчезновением в степных лесонасаждениях сороки – важнейшего поставщика естественных гнездовий для сплюшки (Белик, 2014а). В 1970-е годы ее обилие в искусственных лесах степного Предкавказья составляло 0,3-1-4 пары/км^2 (Белик, 2009а); в 1990-е годы в Ленинском лесхозе на юге Азовского р-на Ростовской обл. оно достигало 16,7 ос./км^2 (Забашта, 1998), но в июле 1999 г. там отмечались уже лишь самцы, токовавшие у старых, полуразвалившихся сорочьих гнезд (наши данные).

В конце XX - начале XXI в. общая численность сплюшки в Ростовской обл. оценивалась в 5,5 тыс. пар, в Волгоградской – 3,5 тыс. пар, в Дагестане – 10-12 тыс. пар, на Ставрополье – 500-1000 пар (Белик, 2000а; Джамирзоев, Букреев, 2005; Ильюх, Хохлов, 2005, 2010; Чернобай, 2005), а всего на юге России обитало 5-25 тыс. пар (Белик, 2005а). Для Европейской же России указывалось от 80-120 тыс. до 80-200 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017), но в последнее время – лишь 47 тыс. пар (Атлас …, 2020).

В начале XXI в. отмечено расселение и значительное увеличение численности сплюшки в степях Моздокского р-на на севере Северной Осетии (Комаров, 2007; Комаров и др., 2011), а также на севере Ставропольского края в Приманычье, где до 2005 г. птицы не гнездились (В.Н. Федосов, личн. сообщ.). Популяция Южной России составляет сейчас, вероятно, около 5-10 тыс. пар, а наша последняя оценка ее численности, не учитывавшая тренды в степях Центрального и Восточного Предкавказья (Белик, 2014а), была, очевидно, занижена.

Охранный статус. Включена в Красную книгу Калмыкии (3 категория). Возможно, требуется организация специальной охраны и в других регионах Южной России. Этот вид подлежит особой охране также в соседней Воронежской обл. и на Украине (Червона книга України, 2009; Нумеров, Венгеров, 2018).

229. Сыч мохноногий *Aegolius funereus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид, проникающий с севера в Ростовскую обл. и распространенный во всех регионах Северного Кавказа; в Волгоградской обл. он отмечен только как залетный, а в Астраханской обл. и в Калмыкии не регистрировался (Реуцкий, 2015; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 6-7 подвидов. В бассейне Дона гнездится номинативный подвид, а на Кавказе – более темный и мелкий *A. f. caucasicus* (Пукинский, 2001; Степанян, 2003; Белик, Аккиев, 2018).

Распространение. На Кавказе заселяет горные леса всех регионов, в том числе недавно найден в Дагестане (Вилков, Яровенко, 2017), где возможность гнездования сыча ранее лишь дискутировалась (Джамирзоев, 2004; Джамирзоев, Букреев, 2005). На севере Ростовской обл. обнаружен в старых сосновых насаждениях на песчаных террасах р. Калитва на востоке Тарасовского р-на (Миноранский, 1976; Белик, 1992г, 2014).

Сычи обитают, возможно, также в сосняках по Сев. Донцу и Среднему Дону – недалеко от известных мест гнездования в Воронежской обл. (Нумеров, 1996; Белик, 2019). Вполне вероятно их гнездование и в лесных массивах по Хопру и Медведице на северо-западе Волгоградской обл. О случае добычи этого сыча у Сарепты на Нижней Волге сообщали В.Е. Яковлев (1872, 1874, 2015, 2016) и Г. Зибом (Seebohm, 1882), а по данным коллектора В.Ф. Лореца (1928), он прилетал к Сарепте с севера в ноябре-декабре и отлетал в марте, т.е. регистрировался там неоднократно.

Местообитания. Оседло обитает в старых хвойных, смешанных и лиственных лесах всего горного Кавказа, где предпочитает гнездиться в брошенных дуплах желны. По соснякам поднимается на высоту до 1900-2000 м н.у.м. (Белик, Аккиев, 2018). В старых сосновых лесах найден также и на севере Ростовской обл.

Численность. Редкий или малочисленный вид лесов Северного Кавказа (Белик, Аккиев, 2018). Кавказская популяция относительно стабильна, тенденции в донских популяциях неясны из-за недостатка фактических данных (Белик и др., 2003). Численность на юге России прежде оценивали в 1-3 тыс. пар; сейчас же кавказская популяция насчитывает 1-2 тыс. пар (Белик, 2005а; Белик, Аккиев, 2018), в том числе 200-400 пар обитает в Карачаево-Черкесии, 20-30 пар в Адыгее (Тильба и др., 2012; Караваев, Хубиев, 2013). Общая численность в Европейской России в начале XXI в. оценивалась в 50-150 тыс. пар (Мищенко и др., 2017), но сейчас – лишь в 4-38 тыс. пар (Атлас …, 2020).

Охранный статус. Сыч включен в Красные книги Ростовской обл. (3 категория), Адыгеи (1Б категория) и Карачаево-Черкесии (3 категория). Везде довольно тесно связан с распространением желны и ее дупел. Сейчас на юге России везде необходим тщательный мониторинг отдельных популяций этого сыча и, возможно, организация его особой охраны на региональном уровне (Белик, 2014а).

230. Сыч домовый *Athene noctua* (Scopoli, 1769)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид, распространенный во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Политипический вид. В бассейне Среднего Дона и Средней Волги распространен номинативный подвид, а на Нижнем Дону и Нижней Волге, в Предкавказье и на Кавказе обитает более светлый, рыжевато-коричневый *A. n. indigena* (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится во всех регионах Южной России, кроме лесистых гор и холодных высокогорий. Приурочен в основном к безлесным равнинам и предгорьям, местами проникает в сухие низкогорья и среднегорья. С запада по Черноморскому побережью Кавказа заходит к Новороссийску (Волчанецкий и др., 1962).

Местообитания. Гнездится в норах и нишах глинистых оврагов, береговых обрывов, небольших скал рядом с открытыми сухими ландшафтами, где птицы обычно охотятся. Широко заселяет различные ниши в жилых, хозяйственных и заброшенных постройках, иногда гнездится в дуплах деревьев и старых гнездах сорок. В сухие безлесные горы поднимается до 2000 м н.у.м., но выше 1000 м птицы встречаются единично (Джамирзоев, Букреев, 2005).

Численность. Малочисленный или редкий, местами обычный вид. В последние десятилетия на северо-западе и западе Южной России наблюдается заметное снижение численности (Белик и др., 2003). В начале XXI в. в Ростовской обл. гнездилось 1,0-1,5 тыс. пар; в Волгоградской обл. – 2,0-2,5 тыс. пар; на Ставрополье – 10-20 тыс. пар; в Дагестане – 8-10 тыс. пар (Белик, 2000а; Джамирзоев, Букреев, 2005; Ильюх, Хохлов, 2005, 2010; Чернобай, 2005), а всего в Южной России тогда обитало 20-50 тыс. пар (Белик, 2005а). Численность в Европейской России составляла около 50-70 тыс. пар (Мищенко и др., 2017), но сейчас она оценена в 42-43 тыс. пар (Атлас …, 2020).

Охранный статус. В особой охране на юге России сейчас не нуждается.

231. Сыч воробьиный *Glaucidium passerinum* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, достоверно зарегистрированный только в Волгоградской обл. (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В европейской части России обитает номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Таежная зона Северной Евразии. На юге России редкие залеты отмечались в Волгоградской обл. в начале XX в. у Сарепты (Лорец, 1928), а также однажды в октябре 1983 г. в Заволжье в пос. Эльтон (Линдеман и др., 2005). Есть указания о крайне редких встречах этого сыча в осенне-зимний период в Предкавказье (Зайцева, Харченко, 1966), но конкретные сведения о них отсутствуют. М.Н. Богдановым (1879) воробьиный сыч по недоразумению был включен также в фауну Кавказа (см.: Белик, Аккиев, 2018).

Местообитания. Гнездится в старых темнохвойных лесах, преимущественно у ручьев, болот, вырубок, где занимает старые дупла дятлов или искусственные гнездовья (Пукинский, 2005).

Численность. Для Европейской России указывали от 10-50 до 60-110 тыс. пар, но сейчас оценка численности составляет 4-30 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). На юг России залетают единичные особи.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

232. Сова ястребиная *Surnia ulula* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Голарктический северотаёжный вид, более тесные зоогеографические связи которого требуют специального выяснения (Белик, 2006а).

Таксономия. Представитель монотипического рода. В России обитает только номинативный подвид этой совы (Степанян, 2003).

Распространение. Таежная зона Евразии и Северной Америки. На юге России отмечено всего несколько встреч, часть из которых не имеет фактических подтверждений. Одиночная самка в ноябре 1966 г. добыта на поле в Левокумском р-не Ставропольского края (Харченко, 1968). В конце ноября 1969 г. одиночную птицу встретили в пихтарнике в урочище Кызгыч в районе Архыза в Карачаево-Черкесии; это наблюдение подтверждено Северокавказской орнитофаунистической комиссией (Витович, 2008). Имеется сообщение о наблюдении ястребиной совы 18.05.2002 на опушке леса у горы Бештау в районе КавМинВод (Парфенов, 2002), но достоверность определения этой

птицы не подтверждена.

В Калмыкии сов неоднократно наблюдали в пустынно-степных ландшафтах в сентябре 1972 г., в феврале 1976 г., в марте 1980 и 1989 г., в октябре 1993 г., причем иногда – до 3-5 птиц вместе (Близнюк, 1998), но скорее всего за ястребиных сов там принимали кочующих зимой молодых белых сов, охотящихся обычно в открытых ландшафтах. Ястребиная сова включена также в фауну Дагестана (Джамирзоев, 2000), однако единственная ее встреча зимой 1986 г. в низовьях р. Самур позже была поставлена самим автором под сомнение (Джамирзоев, Букреев, 2005).

Местообитания. Гнездится в основном в разреженных таежных лесах рядом с болотами, гарями, вырубками. Зимой предпочитает открытые стации: долины рек, вырубки, гари, поля (Пукинский, 2005).

Численность. Популяция этой совы в европейской части России составляет 8-25 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020). В средней полосе России изредка наблюдаются массовые инвазии (Формозов, 1947), в которых участвуют в основном молодые птицы (Пукинский, 2005). На юге России отмечались лишь единичные случайные встречи, приуроченные обычно к осенне-зимнему периоду.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

233. Неясыть серая *Strix aluco* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид, распространенный во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016; Музаев, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Политипический, полиморфный вид. В бассейне Дона и Волги обитает номинативный подвид, представленный серой и рыжеватой морфами, а на Кавказе распространен более темный *S. a. wilkonskii*, в популяциях которого встречаются серая, рыжеватая и редкая коричневато-бурая морфы (Степанян, 2003).

Распространение. На Северном Кавказе гнездится по всему горно-лесному поясу, в лесах предгорий и в лесистых поймах рек, а также в лесах Ставропольской возв., которые заселены неясытью, по-видимому, повторно в начале XXI в. (Ильюх, 2007; Костенко, 2012). В бассейне Дона и Волги совы гнездятся в старых пойменных лесах по рекам к югу до Нижнего Дона, а по Волго-Ахтубинской пойме распространены до дельты Волги, куда проникли повторно во второй

половине XX в. (Реуцкий, 2014). Кочевки в глубь степной зоны за пределы гнездового ареала выражены слабо.

Местообитания. Спелые и перестойные лиственные, смешанные и хвойные леса с дуплистыми деревьями. Изредка заселяет ниши в заброшенных постройках и развалинах.

Численность. В заселенных районах немногочисленная, местами довольно обычная птица. Кавказские популяции относительно стабильны, а в бассейнах Дона и Волги наблюдается некоторое увеличение численности (Белик и др., 2003). В лесах Причерноморья встречается до 1,9 ос./км^2; в Теберде в лиственных лесах учитывали 1,0 ос./км^2, а в темнохвойных – в среднем 1,6 ос./км^2; в Северной Осетии в пойме Терека гнездится 0,7 пар/км^2; в пойме Дона – в среднем 0,5 пар/км^2 (Тильба, Казаков, 1985; Белик, 2000а; Поливанов, 2000; Комаров, Хохлов, 2003).

Общая численность в Ростовской обл. в начале XXI в. была оценена в 200-300 пар; в Волгоградской обл. – около 800 пар; в Дагестане – 600-1100 пар; на Ставрополье – 50 пар (Белик, 2000а; Джамирзоев, Букреев, 2005; Чернобай, 2005; Ильюх, Хохлов, 2010), а всего в Южной России обитает 5-15 тыс. пар (Белик, 2005а). Для Европейской России указывают от 50-120 до 8-77 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020).

Охранный статус. В особой охране на юге России не нуждается.

Семейство **Сипуховые** Tytonidae

234. Сипуха *Tyto alba* (Scopoli, 1769)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий вид, недавно вселившийся в юго-западные регионы Южной России из Закавказья, Крыма или Украины. Достоверно гнездится в Краснодарском и Ставропольском краях; имеются устные сведения о встречах сипух в Таганроге Ростовской обл. и в Волгограде (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Космополит неясного зоогеографического генезиса.

Таксономия. Очень изменчивый вид, включающий более 20-30 подвидов. Предполагается, что на юге России расселяются 2 подвида: более темная, серая сверху и рыжеватая снизу *T. a. guttata*, обитающая в Центральной Европе и Западной Украине, и светлая, золотистая сверху и белая снизу *T. a. erlangeri*, распространенная в Передней Азии (Dickinson, Remsen, 2013). Высказывалось также мнение, что сипухи, найденные на гнездовье в Предкавказье, относятся к номинативному подвиду *T. a. alba*, распространенному на юге Европы и внешне очень сходному с *T. a. erlangeri* (Бахтадзе, Фарафонтов, 2004; Ильюх, Хохлов, 2010). Для последней формы, в отличие от *T. a. alba*, характерны

слабо оперенные дистальные части цевки, что нередко отмечается на фото у птиц, встреченных на Кавказе (Ананян и др., 2021).

Следует, однако, заметить, что определение подвидов сипухи по случайно добытым, не размножающимся, неполовозрелым особям может быть затруднено из-за выраженной возрастной изменчивости наряда этих птиц (Мурашов и др., 2016), а также их значительного индивидуального морфизма, особенно проявляющегося у *T. a. guttata* (König et al., 1999).

Распространение. Впервые на юге России гнезда с птенцами были найдены в 1998 и 1999 гг. в дуплах деревьев в Анапе (Букреев, 2003; Тильба, Мнацеканов, 2005). В 2001 г. выводок обнаружен в Андроповском р-не на юге Ставропольского края (Фарафонтов, Бахтадзе, 2003). В 2003 г. погибшая сипуха найдена в Адлере, а в 2006 г. там в заброшенной постройке вскрыто гнездо с птенцами (Тильба, 2007). Еще один выводок найден в 2003 г. в г. Гудаута в Абхазии (Маландзия, Иваницкий, 2005).

В 2001 и 2003 гг. две погибшие птицы обнаружены в г. Славянск-на-Кубани, а в 2009 г. там в дупле найдено гнездо с птенцами (Ильюх, Хохлов, 2010). В 2005 г. сипуха была поймана в Железноводске в районе КавМинВод (Парфенов, Байрамукова, 2006), в 2014 г. пара птиц наблюдалась в Краснодаре (Найданов, 2016), а в 2016 г. они отмечены в Лазаревском р-не на берегу Черного моря и в районе пос. Псебай Краснодарского края в северных предгорьях Кавказа (Тильба, 2017). Наконец, 24.06.2018 гнездо с двухмесячными птенцами найдено в норе обрыва в песчаном карьере на Тамани, а в 2019-2020 гг. сипухи гнездились на двух заброшенных строениях в Восточном Приазовье в дельте Кубани (Найданов и др., 2018; Мнацеканов и др., 2020).

Рис. 55. Выводок сипух *Tyto alba alba* в вольере (по: Мурашов и др., 2016)

По неподтвержденным данным, сипух встречали также в Ростовской и Волгоградской обл. (Белик и др., 2016). Кроме того, 24.10.1997 сипуха

была добыта у г. Счастье, а в конце 2019 г. поймана в с. Козлово Новопсковского р-на Луганской обл.; 08.11.2005 птица найдена в с. Самсоново Тельмановского р-на на юге Донецкой обл. у границы с Россией; наконец 04-06.03.2020 сипуху наблюдали на севере Воронежской обл. (Бураков, Сулик, 2000; Тімошенков, 2017; Венгеров, Нумеров, 2021). А в Бобровском уезде Воронежской губ. выводок сипух был отмечен однажды еще в 1911 г. (Огнев, Воробьев, 1923).

Для оседлых сипух характерна дальняя послегнездовая дисперсия молодняка, часто разлетающегося в разных направлениях на расстояние до 500-600 км и более (Зубков, 2005). Это позволяет птицам, как в прошлом, так и в настоящее время, эпизодически появляться вдали от гнездового ареала и быстро заселять новые регионы. Сипух, окольцованных в Германии и Чехии, позже находили на востоке в Черниговской, Калужской и Ульяновской обл., на расстоянии до 2.250 км от места рождения (Бородин и др., 2005; Кузьменко, 2005; Марголин, Хохлов, 2005).

Рис. 56. Места встреч сипухи (красные пуансоны) и находок ее гнезд (красно-желтые пуансоны) на Кавказе и на юге России и Украины, и возможные пути экспансии ее разных популяций

Дисперсия сипух на юг России может идти как с запада (формы *T. a. alba* и *T. a. guttata*) через Крым и Южную Украину, где сипухи уже довольно

обычны на гнездовье (Ветров и др., 2008; Прокопенко, Бескаравайный, 2009; Кучеренко и др., 2017; Дядичева и др., 2021; В.В. Ветров, личн. сообщ.), так и с Ближнего Востока (подвид *T. a. erlangeri*) через Закавказье, где гнездовья в Грузии и Азербайджане впервые выявлены в последние десятилетия (Букреев, 2003; Шиенок и др., 2009; Квартальнов и др., 2011; Ананян и др., 2021; А.В. Абуладзе, перс. сообщ.).

Местообитания. Гнездится в основном по окраинам населенных пунктов поблизости от пустырей, пастбищ или полей. Гнезда устраивает обычно в различных нишах старых или разрушенных зданий, а также в дуплах деревьев, иногда в норах и нишах обрывов.

Численность. В Европе общая численность составляет 111-230 тыс. пар (European birds …, 2017), но в Европейской России ее оценки повышались с 20-70 до 40-110 пар (Мищенко и др., 2004, 2017). На юге России известны редкие, единичные, случайные встречи. В начале XXI в., по экспертной оценке, на юге России гнездилось 30-100 пар (Белик, 2005а), но в настоящее время, учитывая продолжающееся расселение сипухи, ее численность здесь, очевидно, значительно возросла.

Охранный статус. Включена в Красную книгу Краснодарского края (2017). В связи с прогрессирующим расселением разных форм, в особой охране сипуха нуждается, вероятно, лишь на региональном уровне. Выпуск же в природу сипух, выращенных в неволе, тем более птиц неизвестного происхождения (Мурашов и др., 2016), крайне нежелателен. Необходимы сборы коллекционных материалов.

Отряд **Козодоеобразные** Caprimulgiformes

Семейство **Козодоевые** Caprimulgidae

235. Козодой обыкновенный *Caprimulgus europaeus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 5-6 подвидов. По мнению Е.П. Спангенберга (1951), в Южной России обитают три подвида: крупный и темный номинативный *C. e. europaeus* – от Среднего Дона и Средней Волги и дальше к северу; мелкий *C. e. meridionalis* – на Нижнем Дону и Кавказе; *C. e. sarudnyi* – от низовий Дона к низовьям Волги и дальше в Казахстане. Л.С. Степанян (2003) проводит несколько иные границы их ареалов: номинативный – к югу до Кавказа и Каспия; *C. e. meridionalis* – горы Кавказа; самый светлый пустынный *C. e. unwini*, распространен только в пустынях Ирана, Средней Азии и Казахстана.

Определение таксономического статуса предкавказских популяций козодоя показало (Белик, 2009а), что все птицы, в том числе добытые в искусственных степных лесах, чётко диагностируются как *C. e. meridionalis*, отличаясь от номинативной формы заметно меньшими размерами. О расселении козодоя в степные леса с Кавказа свидетельствует и наблюдающееся с юга на север снижение обилия этих птиц. Номинативный *C. e. europaeus*, населяющий леса бассейна Дона местами с весьма высокой плотностью (Панченко, 1978), тенденции к расселению на юг ранее, очевидно, не имел (Белик, 2009а). Среди кустарников в песчаных пустынях Калмыкии и Астраханской обл. возможно гнездование *C. e. unwini*, но коллекционных материалов оттуда для определения их подвида пока недостаточно.

Б.А. Казаков (1974) относил птиц, добытых в Калмыкии и на востоке Ставропольского края (16.05.1962, ♂,♀; 08.06.1964, ♂; 15.05.1969, ♂) к *C. e. sarudnyi*, понимая под ним, очевидно, светлых пустынных козодоев типа *C. e. unwini*.

Распространение. В горах широко распространен по всему лесному поясу вверх до субальпики, до 2200 м н.у.м. (Хохлов, 1989); населяет также предгорные лесостепи; в степной зоне встречается в пойменных, аренных и байрачных лесах; изредка гнездится в кустарниках среди полупустынь и пустынь Прикаспия. Во второй половине XX в. начал заселять искусственные лесные массивы в степном Предкавказье (Белик, 2009а), а в последние годы в Северном Приазовье стал отмечаться в полезащитных лесополосах, проникая по ним к югу почти до г. Ростова (наши данные).

Сезонные миграции идут широким фронтом по ночам и практически не выражены. Птицы летят в одиночку, и днем отмечаются лишь случайные встречи с отдыхающими особями (Забашта, 2006).

Местообитания. Характерен для лесных опушек, редколесий и кустарников. Предпочитает сосняки и сухие смешанные леса без густого травяного покрова. Влажных, густых лесов с мезофильным травостоем и плотным подлеском избегает. Гнездится отдельными парами.

Численность. Довольно обычен, местами малочислен или редок. Во многих регионах Южной России прослеживается заметный рост популяций (Белик и др., 2003). Общая численность в Европейской России увеличилась с 100-300 тыс. до 300-500 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017), а на юге России в начале XXI в. популяции насчитывали около 10-20 тыс. пар, в том числе в Ростовской обл. обитало около 3 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005а). Из-за ночного образа жизни козодоя, в учетах он представлен очень фрагментарно. В сосняках на Среднем Дону гнездится около 4 пар/км^2, а местами учитывали до 6 самцов на

1 км маршрута, или 12 пар/км^2 (Белик, 2005). В искусственных степных лесах Краснодарского края и юга Ростовской обл. в XX в. обитало до 1-4 пар/км^2 (Белик, 2009а).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Северной Осетии (3 категория). В большинстве других регионов Южной России – более или менее обычный вид, гнездящийся на равнинах и в горах, и в организации особой охраны на юге России, по-видимому, не нуждается (Белик, 2014а).

Отряд **Стрижеобразные** Apodiformes
Семейство **Стрижиные** Apodidae

– **Стриж малый** *Apus affinis* (J.E. Gray, 1830)

Характер пребывания. Отмечался в Азербайджане у границ Дагестана (Сатунин, 1907), может залетать в Южную Россию.

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. В Северной Африке, Передней и Средней Азии распространен подвид *A. a. galilejensis*, который может проникать на Кавказ.

Распространение. Африка, Передняя и Средняя Азия и Индия (Dickinson, Remsen, 2013). К.А. Сатунин (1907) наблюдал этого стрижа 17.06.1896 **ст.ст.** у с. Лаза в Кубинском уезде Азербайджана у южного подножия г. Шах-Даг. Кроме того, малых стрижей, хорошо отличающихся белой поясницей, несколько раз наблюдали в Талышских горах и в Армении (Радде, 1884; Сатунин, 1907). Однако позже эти сведения были поставлены под сомнение (Птушенко, 1951).

Местообитания. Гнездится на скалах в сухих горах. Предпочитает сырые тенистые ущелья со скальными гротами и нишами, под потолками которых прикрепляет свои многолетние гнезда, сделанные в виде полушария с округлым боковым летком, которые лепит из различной ветоши и перьев, склеенных слюной (Люлеева, 2005).

Численность. В Средней Азии гнездится в одиночку и плотными колониями до 10 и более пар; в колониях обычно около половины птиц составляют неразмножающиеся особи (Люлеева, 2005).

Охранный статус. Не имеет охранного статуса.

236. **Стриж черный** *Apus apus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. На Кавказе и в европейской части России обитает номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. В настоящее время широко распространен на равнинах и в предгорьях, спорадично, изредка гнездится по скалистым ущельям в среднегорьях и местами – в высокогорьях. Многие степные и предгорные районы стриж заселил лишь в XX в. До конца XIX - начала XX в. стрижей не было в Ставрополе и Нальчике (Динник, 1886; Радищев, 1926), не отмечались они в Тихорецке и Майкопе (Россиков, 1890). До начала XX в. их не было в Волгограде и Астрахани (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Лорец, 1928; Воробьев, 1936; Реуцкий, 2014). До начала-середины XX в. стриж отсутствовал на Черноморском побережье Кавказа (Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2013б).

Однако в Таганроге в XIX - начале XX в. стриж был обычен на колокольнях (Алфераки, 1910; Белик и др., 2012), гнездился во Владикавказе и на сторожевых башнях в горах Осетии и Ингушетии (Бёме, 1926), обитал в городах Закавказья и Крыма (Никольский, 1891; Кобылин, 1908; Домбровский, 1913). Как и когда происходило заселение Поволжья и Предкавказья синантропной популяцией стрижа осталось неизвестно.

В Волго-Уральском междуречье колонии стрижей встречаются местами на каменных обрывах гор Богдо, Улаган и других соляных куполов среди равнинных пустынь, а также в оврагах и по берегам некоторых рек (Шевченко и др., 1993, 2020; Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009; Амосов, 2012).

Сезонные миграции идут широким фронтом через перевалы Кавказа. Птицы летят днем и ночью рассредоточенными стаями, обычно на большой высоте, поэтому выраженный пролет наблюдается лишь изредка, местами. В Волго-Уральском междуречье в августе птицы направленно летели на юг (Волчанецкий, 1937), а в Северном Приазовье в конце апреля 2021 г. мы наблюдали стаи, летевшие над степью на восток. Более характерны массовые летние нерегулярные перемещения, связанные, очевидно, с разнонаправленными кормовыми кочевками неполовозрелых птиц (Люлеева, 2005).

Местообитания. Исконный гнездовой биотоп – скалы в безлесных низкогорьях и среднегорьях. В степной зоне стрижи гнездятся иногда в норах щурок и других птиц по глинистым береговым обрывам; на Среднем Дону в Волгоградской обл. колония из 50 птиц найдена в 2009 г. в каменном карьере среди степи (Белик, Гугуева, 2021). Сообщается также о гнездовании стрижей на каменных обрывах горы Улаган в степях Приэльтонья (Линдеман и др., 2005). Изредка, местами стрижи гнездятся в дуплах деревьев (Резник, Богатырев, 1967; Хохлов, 1989), но в целом на юге России гнездование в лесах нехарактерно.

Вторичными местообитаниями стрижа стали каменные постройки

человека в городах, а сейчас и во многих сёлах. Изредка он гнездится в бетонных мостах через реки. По ущельям вслед за человеком стрижи поднимаются в среднегорья до 1000 м н.у.м, до высоты г. Карачаевска (Караваев и др., 2013), а по аридным котловинам Северной Осетии – в высокогорья на высоту 1700-1900 м н.у.м. (Комаров и др., 2006). На зданиях птицы занимают различные узкие щели и ниши под крышами и карнизами, на балконах и в стенах, являющиеся аналогами щелей в скалах. Гнездятся обычно рассредоточенными колониями.

Численность. В большинстве регионов обычный и многочисленный вид. Сейчас продолжается уплотнение кружева ареала и рост численности птиц, особенно в городах и селениях равнинных и предгорных районов Предкавказья (Белик и др., 2003). Очень крупные, плотные группировки сформировались в некоторых больших городах. В Ставрополе, например, в середине июля 1979 г. было учтено 700 птиц, в 1984 г. – 2200, в 1985 г. – 4000, а в 1988 г. – 5000 птиц (Хохлов, 1989). В Ростове, по учетам в мае 2005 г., гнездилось до 15-20 тыс. пар. В начале июля 2013 г., перед вылетом молодняка, здесь учитывали 614-833 ос./км^2, а в середине июля 2000 г. обилие стрижей в многоэтажных кварталах спальных районов достигало 1100-1400 ос./км^2, т.е. группировка всего города перед отлетом на зимовку могла составлять более 200-250 тыс. особей. На окраине Ростова под дощатым настилом одного из балконов на 7 этаже жилого дома осенью 2017 г. было обнаружено сразу 9 гнезд стрижей – как минимум 6 пар. Всего на доме ими было заселено ориентировочно не менее 40 балконов верхних этажей. А в другом доме на балконе 5 этажа 07.06.2021 было вскрыто до 10 гнезд с кладками (наши данные).

Общая численность в Ростовской обл. в конце XX в. составляла около 24 тыс. пар, а на юге России в начале XXI в. она оценивалась в 50-100 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005а). Для европейской же части России приводилось от 2,5-5,0 млн. до 1,8-4,0 млн. пар (Мищенко и др., 2004, 2017).

Охранный статус. В особой охране черный стриж не нуждается.

237. Стриж белобрюхий *Apus melba* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий в горных и местами в предгорных районах Северного Кавказа. В середине XX в. был отмечен на Эльтоне в Волгоградском Заволжье (Волчанецкий и др., 1950; Быков и др., 2009). В Ростовской и Астраханской обл. и Калмыкии не регистрировался (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. Включает 8-10 подвидов. В России распространен только

номинативный подвид. В Казахстане на скалах Мангышлака гнездится более светлый сверху *A. m. tuneti*, который может проникать в степное Заволжье (Степанян, 2003; Dickinson, Remsen, 2013).

Распространение. Населяет в основном Скалистый хр. к западу до верховий рек Пшеха, Курджипс и Белая в Адыгее, а к востоку до Внутреннего Дагестана (Аверин, Насимович, 1938; Мнацеканов, 1999; Очаповский, 2017; Белик и др., 2019). По речным ущельям иногда гнездится на склонах Бокового хр., а на Западном Кавказе местами поднимается также на Главный хр. (Аверин, Насимович, 1938). Местами обитает на Меловом хр., на скалах вдоль Кубани и Бол. Зеленчука в предгорьях, а также в некоторых городах (Динник, 1886; Хохлов и др., 2010; Тельпов, 2011; Белик, 2013; Белик и др., 2019).

Обособленная популяция, связанная с крымской (Белик, 2013б, 2018), заселяет известняковые клифы по побережью Черного моря между Анапой и Туапсе, где известен ряд обособленных колоний на Утрише, у Озерейки, Джанхота и др. (Пузанов, 1938; Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий, и др., 1962; Ильяшенко, 2004; Очаповский, 2017; Белик и др., 2017, 2019; Белик, 2020).

В 1940-е годы эти стрижи появились в Заволжье, где держались вместе с черными стрижами у зданий в пос. Эльтон (Волчанецкий и др., 1950; Быков и др., 2009), но их гнездование там не было подтверждено. На Эльтон эти птицы проникли, вероятно, через низовья Урала из Северо-Восточного Прикаспия, где гнездятся на прибрежных скалах (Корелов, 1970; Губин и др., 1977).

Сезонные миграции на Северном Кавказе, на северной границе ареала, не выражены и наблюдаются лишь местами (Комаров, Липкович, 2000; Моламусов, 2017; Белик и др., 2019). Во время миграций эти стрижи нередко встречаются в предгорьях и на подгорных равнинах, иногда залетая к северу до Воронежа (Нумеров, 1996).

Местообитания. Гнездится в нишах и щелях на больших скальных массивах среди безлесных или слабо облесенных районов, обычно в сухих низкогорьях и среднегорьях. Предпочитает свежие скальные сбросы с узкими щелями между пластами известняка, избегая сильно разрушенных, выветренных скал. В Приэльбрусье спускается в предгорья, где заселяет ниши больших зданий в Кисловодске (Тельпов, 2011), а в 2017-2018 гг. стая стрижей пыталась освоить также высотные постройки в Ставрополе (Ильюх, 2018а, 2018б). В районе Новороссийска издавна гнездится на отвесных береговых скалах, сложенных слоистыми известняками (Пузанов, 1938). Селится обычно довольно плотными колониями (Белик и др., 2019).

Численность. В заселенных районах довольно обычен. Кавказская популяция считается относительно стабильной (Белик и др., 2003), но сейчас на западе ареала отмечается незначительное снижение численности и исчезновение некоторых колоний (Белик и др., 2019). Общая численность в начале XXI в. оценивалась в 3-10 тыс. пар (Белик, 2005а). У Кисловодска в 1986 г. на скалах по р. Аликоновка в 3-4 колониях отмечено более 200 птиц (Хохлов, 1989). В 2006 г. в верховьях р. Кумы учтено 38 ос. на 1 км скальной гряды; на 20 км куэсты Скалистого хр. между Кумой и Подкумком было не менее 5 колоний от 10-30 до 100-200 птиц в каждой, а всего там гнездилось 230-490 особей. В 2004 г. на 15 км куэсты Скалистого хр. вдоль левобережья р. Уруп гнездилось до 250-500 пар, а на 5 км куэсты горы Ахмет-Кая над р. Большая Лаба держалось не менее 100-300 пар (наши данные).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Адыгеи (3 категория). Этот стриж довольно обычен в скальных ландшафтах низкогорий и среднегорий и стабильно гнездится почти по всему Кавказу, а также на скалистых побережьях Черного моря у Новороссийска. Поэтому необходимость, да и возможность организации особой охраны стрижей сейчас здесь отсутствует.

Отряд **Ракшеобразные** Coraciiformes
Семейство **Сизоворонковые** Coraciidae

238. Сизоворонка *Coracias garrulus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В России распространен только номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Сизоворонка широко распространена на степных равнинах, кроме плоских низменностей в Восточном Приазовье, в районе Сарпинских озер и в Заволжье, где нет оврагов, обрывов и древесной растительности с дуплами. Прежде гнездилась в сухих степных предгорьях (Динник, 1886; Lorenz, 1887, 2010; Емтыль и др., 1993), а местами проникала и в сухие, безлесные низкогорья (Шарлемань, 1915; Красовский, 1932; Очаповский, 2017; В.А. Тельпов, личн. сообщ.), но сейчас в предгорьях практически исчезла (Маловичко, 2006; Белик, 2014а, 2017).

Мигрирует широким фронтом через перевалы на Кавказе, обычно в одиночку или небольшими группами, в основном, по-видимому, по ночам (Рустамов, 2005). Поэтому пролет на юге России почти не выражен. Днем

отмечаются обычно лишь случайные встречи с охотящимися птицами.

Местообитания. В степных районах гнездится обычно в норах глинистых обрывов в оврагах, по берегам рек, озер и морей, иногда делает норы в скирдах соломы среди полей, изредка селится в старых гнездах сорок, в нишах заброшенных построек, а также в торцах полых бетонных опор ЛЭП (Ветров, 2010). В лесистых районах часто занимает старые дупла по опушкам лесов и среди редколесий. Гнездится обычно отдельными парами, иногда в колониях щурок и береговушек.

Численность. В заселенных районах прежде была довольно обычна, но в последние десятилетия численность во многих регионах заметно снизилась (Маловичко, 1999; Белик и др., 2003; Ветров, 2010). Более обычны птицы пока лишь в долине Маныча и в низовьях Кумы (Маловичко, 2006; Ильюх, 2014), а также в редколесьях Волго-Ахтубинской поймы (Реуцкий, 2014; Амосов, 2015; Белик, 2016). В конце XX в. общая численность в Ростовской обл. оценивалась в 5-6 тыс. пар, а в Ставропольском крае гнездилось 2 тыс. пар (Белик, 2000а; Ильюх, 2014). В целом на юге России в начале XXI в. обитало около 5-15 тыс. пар (Белик, 2005а), а всего в европейской части России насчитывали 6-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2017).

Охранный статус. На юге России сизоворонка включена в Красную книгу Адыгеи (3 категория) и Дагестана (4 категория). В связи с резким сокращением численности по всему ареалу (Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017), она внесена сейчас в Красный список МСОП (категория Near Threatened, NT), а также в новое издание Красной книги России под 2 категорией редкости (Приказ …, 2020).

Семейство **Зимородковые** Alcedidae

239. Зимородок пегий малый *Ceryle rudis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, дважды регистрировавшийся в Волгоградской обл. в XIX в. (Богданов, 1871).

Зоогеографические связи. Тропический вид Афро-Ориентального генезиса.

Таксономия. В России залетные птицы были отнесены к номинативному подвиду на основании географических соображений (Иванов, 1953; Степанян, 2003). Но возможно, что к нам залетали птицы недавно описанного переднеазиатского подвида *C. r. syriacus* (Приклонский, 2005).

Распространение. Африка и Южная Азия; вид краем ареала проникает в Малую Азию, откуда, вероятно, и происходят залеты в Россию. Одна птица добыта в феврале 1861 г. у Сарепты (Волгограда) на незамерзающем ручье в балке на Ергенях, а другая наблюдалась там же в марте 1869 г. (Богданов, 1871). Еще одна птица встречена Б.К. Штегманом

весной (летом-?) 1926 г. в Крыму (Pusanow, 1933; Иванов, 1953).

Местообитания. Гнездится по берегам различных водоемов в самостоятельно вырытых норах, иногда в трещинах скал (Судиловская, 1951; Приклонский, 2005).

Численность. В Передней Азии этот зимородок обычен. В Турции же обитает лишь 100-200 пар (Приклонский, 2005; European birds …, 2017). На юге России могут отмечаться единичные залетные особи.

Охранный статус. Не предусмотрен. Необходимы сборы коллекционных материалов.

240. Зимородок *Alcedo atthis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса, заходящий в Китай и в Европу краем ареала.

Таксономия. Включает 7 подвидов. На Кавказе и в Европейской России распространен номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Обитает по лесистым рекам бассейна Дона к югу до его низовий, а по Волго-Ахтубинской пойме проникает до дельты Волги (Реуцкий, 2014). Очень редко гнездится по долинам Маныча и Сала к югу от Нижнего Дона. По небольшим рекам равнинного Предкавказья встречается спорадично; более обычен здесь на крупных лесистых реках, изредка отмечается в предгорьях, местами поднимается и в низкогорья, где по берегам рек встречаются глинистые обрывы. Спорадично гнездится в низовьях рек вдоль всего Черноморского побережья Кавказа. В безводных районах Заволжья, а также в Калмыкии, где распространены солоноватые водоемы, гнездовья зимородка неизвестны.

Мигрирует широким фронтом в одиночку по ночам, поэтому пролет на юге России не выражен. Днем отмечаются обычно случайные встречи по берегам различных водоемов во всех регионах вплоть до перевалов Северного Кавказа. Единичные особи зимуют на юге России, более регулярно – в субтропиках Закавказья, а также на незамерзающих ручьях в северных предгорьях (Лерхе, 1940; Тильба, 1999б; Джамирзоев, 2000; Комаров, Липкович, 2000; Хохлов и др., 2001; Караваев, Хубиев, 2013; Моламусов, 2017; и др.). На Кавказе зимуют, вероятно, птицы из более северных популяций (Иванов, Чунихин, 1959).

Местообитания. Гнездится одиночными парами по берегам рек, где имеются глинистые обрывы, в которых птицы сами роют норы. Иногда зимородки устраивают норы в размытых стенках каналов, в промоинах, на обрывах коренного берега высоко над водой, а также в карьерах довольно далеко от рек. Предпочитают лесистые берега рек, но в

степной зоне изредка гнездятся на открытых обрывах.

Численность. Птицы довольно обычны на лесистых равнинных реках, реже встречаются в предгорьях Кавказа, редки они в безлесных районах и отсутствуют на соленых водоемах, лишенных рыбы. Популяции на юге России относительно стабильны (Белик и др., 2003). В Европейской России насчитывается 12-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2017), а на юге России общая численность составляет 5-10 тыс. пар, в том числе в Ростовской обл. гнездится около 2 тыс. пар, а в Ставропольском крае – 180-200 пар (Белик, 2000а, 2005а; Маловичко, 2006).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Карачаево-Черкесии (2 категория); в других регионах на юге России необходимости в организации особой охраны зимородка сейчас, по-видимому, нет (Белик, 2014а).

Семейство **Щурковые** Meropidae

241. Щурка золотистая *Merops apiaster* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Широко распространена на степных равнинах и в предгорьях, а по широким безлесным долинам рек местами проникает в низкогорья, поднимаясь в Дагестане на высоту до 800-1000 м н.у.м. (Белик, Насрулаев, 2019). В прошлом гнездилась среди пастбищ в низовьях рек на Черноморском побережье Кавказа, но сейчас там исчезла из-за разрастания лесов на заброшенных пастбищах и расширения площади городов, сохранившись лишь в Абхазии, где на побережье местами еще остались открытые пастбищные территории (Белик, 2013б, 2015). Изредка, спорадично встречается на плоских низменностях в Восточном Приазовье и в Заволжье, где слабо выражено овражно-балочное расчленение рельефа.

Мигрирует широким фронтом через перевалы Северного Кавказа. Летит обычно днем, в ясную погоду, рассредоточенными стаями, с характерным криком. Весенний и осенний пролет везде хорошо выражен.

Местообитания. Для гнездования необходимы вертикальные обнажения глинистого или супесчаного грунта в оврагах и балках, по берегам рек, озер и морей, в карьерах и других искусственных выемках, а также по бровкам дорог и на земляных насыпях, где птицы сами роют норы, часто устраивая колониальные поселения. Везде предпочитает окрестности хуторов и сёл, где содержится домашний скот,

привлекающий насекомых, и имеются пасеки с пчёлами (Белик и др., 2001). Вдали от сёл встречается редко или отсутствует вовсе.

Численность. В заселенных районах обычный, местами многочисленный вид. Во многих регионах наблюдается рост численности, особенно заметный на северо-западе Южной России (Белик и др., 2003). Общая численность в Европейской России составляет 225-410 тыс. пар (Мищенко и др., 2017), а на юге России гнездится 200-350 тыс. пар, в том числе в Ростовской обл. – около 80-90 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005а).

Охранный статус. В особой охране на юге России не нуждается. Местами численность птиц регулируется пчеловодами.

242. Щурка зеленая *Merops persicus* Pallas, 1773

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, заселяющий Прикаспийские регионы Дагестана, Калмыкии, Астраханской обл. и востока Ставрополья. Гнездование предполагается также в Чечне (Гизатулин и др., 2001), а залетных птиц регистрировали в Северной Осетии (Бёме, 1926; Комаров, 2010) и Волгоградской обл. (Лорец, 1928).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 2 подвида. В России обитает номинативный подвид (Коблик и др., 2006; Dickinson, Remsen, 2013). Раньше этих птиц объединяли с индокитайскими и мадагаскарской формами в один широкий, политипический вид *M. superciliosus* (Судиловская, 1951).

Распространение. Гнездится в пустынях и полупустынях на равнинных территориях Дагестана и в Калмыкии, куда проникла из Восточного Закавказья, вероятно, в начале XX в. (Орлов, Фенюк, 1927; Бёме, Ушатинская, 1932; Судиловская, 1951; Варшавский, 1965; Кукиш, 1982; Джамирзоев и др., 2008). Позже щурка достигла юга Астраханской обл. (Архипов и др., 2003; Реуцкий, 2014) и крайнего востока Ставропольского края (Судиловская, 1951; Волчанецкий, 1959; Афанасова, 1986; Ильюх, 2012, 2018; Маловичко, 2012).

Однако по сведениям П.С. Палласа (Pallas, 1811), эта щурка уже в XVIII в. обитала в дельтах Волги и Урала у северного побережья Каспия. Эти сведения подтверждал и Э. Эверсман (1866), указывавший, что щурки поднимаются к северу до Астрахани и Гурьева. Сообщалось также о добыче в устьях Волги 6 птиц в мае (Seebohm, 1882). В низовьях Урала щурки гнездились и позже, откуда изредка залетали к Волге (Бостанжогло, 1911), а в 1947 г. в восточных подстепных ильменях у с. Ганюшкино А.Н. Формозовым была найдена их колония (Судиловская, 1951). По-видимому, зеленые щурки давно достигли Низовий Волги из Казахстана через Мангышлак, Арал, низовья Эмбы и Урала,

но этот путь экспансии был сравнительно слабым и временами прерывался, пока птицы не проникли в Предкавказье из Закавказья.

Сезонные миграции идут днем, небольшими стаями, по-видимому, вдоль побережья Каспийского моря, к которому птицы слетаются из колоний на Куме (Маловичко, 2012).

Местообитания. Предпочитает песчаные и супесчаные территории близ заросших озер, тростниковых болот или в речных долинах пустынной зоны (Корелов, 1970), но в Предкавказье щурки нередко селятся и вдали от водоемов. Наиболее охотно они гнездятся в окрестностях кошар и небольших селений, где содержится много домашнего скота, вытаптывающего травянистую растительность вокруг, оставляющего оголенные пятна грунта, развеваемые пески и уплотненные дюны, многочисленные дороги и тропы. Наклонные, как у тушканчиков, норы зеленые щурки часто роют в песчаных обочинах дорог, а также на плоской или слегка волнистой поверхности земли, в том числе на солонцах. Обычно они устраивают рассредоточенные колонии, нередко гнездятся вместе с золотистой щуркой.

Численность. В заселенных районах Прикаспия довольно обычный вид. В начале XXI в. прикаспийская популяция считалась относительно стабильной, а ее численность оценивалась в 2-5 тыс. пар (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). В настоящее время наблюдается ее быстрый рост и расселение, в связи с чем усилилась дисперсия птиц на запад, в том числе отмечаются весьма дальние залеты: в Крым, на Донбасс и др. (Загороднюк, 2013). В Ставропольском крае численность за 10 лет (2002-2012 гг.) увеличилась с 50 до 500 пар, а на юге Калмыкии – до 1500 пар; вдоль Кумы нередко встречаются колонии величиной до 200-300 пар (Маловичко, 2006, 2012; Ильюх, 2012, 2018). Всего для Европейской России сейчас указывается 5-10 тыс. пар (Атлас …, 2020).

Охранный статус. Зеленая щурка включена в Красные книги Астраханской обл. (3 категория) и Ставропольского края (5 категория). Сейчас она регулярно гнездится в Северо-Западном Прикаспии, расширяет ареал и увеличивает численность, поэтому в особой охране, по-видимому, не нуждается (Белик, 2014а).

Отряд **Удодообразные** Upupiformes

Семейство **Удодовые** Upupidae

243. Удод *Upupa epops* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, обитающий во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Афро-Ориентального генезиса.

Таксономия. Представитель монотипического рода. Включает 8 подвидов. В России гнездится только номинативная форма (Степанян, 2003).

Распространение. Широко распространен на пустынно-степных равнинах всех регионов; в горах проникает в безлесные низкогорья и среднегорья, где селится в аридных котловинах. В Северной Осетии по сухим ущельям поднимается до 1600 м н.у.м. (Гомзяков, 1994). В прошлом гнездился также местами среди пастбищ, располагавшихся в низовьях рек вдоль Черноморского побережья Кавказа (Тильба, 1999б, 2006; Белик, 2015), но сейчас там исчез из-за зарастания заброшенных пастбищ древесно-кустарниковой растительностью и расширения площади приморских городов (Белик, 2013б).

Мигрирует широким фронтом через перевалы на Кавказе, обычно в одиночку или небольшими группами, в основном, по-видимому, по ночам. Поэтому пролет на юге России почти не выражен. Днем отмечаются обычно лишь случайные встречи с кормящимися птицами.

Местообитания. Гнездится отдельными парами в пустующих норах на различных обрывах, а также в старых дуплах деревьев, очень часто – в нишах разнообразных жилых и заброшенных построек, в кучах кизяка, камней и других стройматериалов, часто – в сёлах и на окраинах городов. В горах занимает ниши среди камней и в разных постройках. Для кормежки обязательным является наличие близ гнезда открытых, низкотравных пастбищ, пустырей, огородов и т.п.

Численность. Довольно обычный вид, особенно в степных районах с пересеченным рельефом. В Северной Осетии в селениях предгорий обитали единичные пары, на Северо-Осетинской наклонной равнине в сёлах учитывали по 3-5 пар, а в Моздокском р-не – до 8-9 пар (Комаров, Липкович, 2000). В сёлах Ставропольского края гнездилось местами по 12-28 пар, при этом численность птиц там с 1960 по 1990 г. сократилась на 60% (Афанасова, Хохлов, 1990).

Сейчас во многих регионах наблюдается заметное снижение численности, обусловленное хищничеством размножившихся ястребов и куниц, загрязнением окружающей среды пестицидами, зарастанием пастбищ высокотравьем, кустарниками и лесом, а также ликвидацией животноводческих ферм и кошар в степи (Белик и др., 2003; Маловичко, 2006). В конце XX в. общая численность в Ставропольском крае была оценена в 20 тыс. пар (Хохлов, Афанасова, 1986), а в Ростовской обл. – в 22 тыс. пар (Белик, 2000а), но в начале XXI в. на юге России в целом гнездилось лишь около 50-150 тыс. пар (Белик, 2005а). Всего же в Европейской России обитает 60-165 тыс. пар (Мищенко и др., 2017).

Охранный статус. Особая охрана удода на юге России нигде не преду-

смотрена. Но его повышенная уязвимость к естественным и антропогенным факторам, сокращение ареала и численности во многих регионах требуют, очевидно, разработки специальных мер протекции для этого вида.

Отряд **Дятлообразные** Piciformes
Семейство **Дятловые** Picidae

244. Вертишейка *Jynx torquilla* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид; в Астраханской обл. и Калмыкии встречается только изредка на пролёте (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 6-7 подвидов. На Кавказе и в Европейской России распространен номинативный подвид (Степанян, 2003).

Распространение. Заселяет север Ростовской обл. и северо-запад Волгоградской обл. к югу до Нижнего Дона и Калачской излучины, а к востоку до долины Волги. Изредка гнездится в искусственных лесных массивах среди степей южнее Дона (Белик, 1990, 2009а). На Северном Кавказе гнездится в поясе широколиственных лесов в предгорьях и низкогорьях, изредка проникает выше в хвойные и мелколиственные леса (Поливанов, Поливанова, 1986; Бершицкая, Поливанов, 2001; Белик, 2020). Отсутствует в лесах Ставропольской возв. (Костенко, 2012); разрыв ареала намечается также в слабо облесённых районах Приэльбрусья между Кубанью и Малкой, где несколько гнездовых находок отмечено лишь в последнее время в районе Кисловодска и КавМинВод (Парфенов и др., 2006; Юферева и др., 2013).

Сезонные миграции идут по ночам и практически не выражены. Птицы летят широким фронтом, в одиночку; на пролете весной они, по-видимому, не токуют (Белик, 1990). Поэтому днем отмечаются в основном лишь случайные встречи с кормящимися птицами.

Местообитания. Разреженные лиственные, преимущественно пойменные леса с травяными опушками и полянами; прослеживается привязанность к водоемам, и поэтому птицы часто встречаются в насаждениях вдоль рек (Аверин, 1911; Белик, 1990). Гнездится в старых дуплах, иногда в скворечниках и в нишах построек.

Численность. В Европейской России гнездится 300-730 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). В бассейне Дона и на Кавказе птицы довольно обычны. Общая численность на юге России оценивалась в 2-5 тыс. пар; в Ростовской обл. гнездилось от 400-600 до 2000 пар (Белик,

1990, 2000a, 2005a). Обилие в пойменных лесах на Дону составляет от 1-2 до 5 пар/км^2 (Белик, 1990), в Северной Осетии – 1-8 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000), в пойме р. Шахе на Черноморском побережье – 3,1 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В некоторых регионах в начале XXI в. отмечен незначительный рост численности, связанный, возможно, с потеплением и увлажнением климата (Белик и др., 2003).

Охранный статус. Включена в Красные книги Кабардино-Балкарии и Ингушетии (2 категория). Но в особой охране на юге России этот вид, по-видимому, не нуждается (Белик, 2014a).

245. Дятел зеленый *Picus viridis* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид; молодняк частично кочует в осенне-зимний период. В Астраханской обл. отмечался только на кочевках (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006a).

Таксономия. Включает 4-7 подвидов. В Европейской России гнездится номинативный подвид, а на Кавказе – *P. v. karelini*, слабо отличающийся лишь чуть меньшими размерами (Гладков, 1951; Волчанецкий и др., 1962; Коблик и др., 2006). Последняя форма нередко сводится в синонимы *P. v. viridis* (Степанян, 1981, 2003; Иванчев, 2005).

Распространение. *P. v. karelini* в прошлом населял горные и предгорные широколиственные леса Северного Кавказа, а по поймам рек местами выходил на равнины. Вероятно, в середине XX в. эти птицы проникли на Ставропольскую возв. (Костенко, 2012), а в конце XX в. начали интенсивно расселяться на север и к настоящему времени заселили практически всё Предкавказье, достигнув Нижнего Дона, Маныча и лесов в низовьях Кумы (Хохлов, Харченко, 1991; Хохлов, Ильюх, 2005; Цапко, 2007; Музаев и др., 2011; Забашта, 2014, 2018).

Птицы европейской популяции в прошлом были распространены к югу до низовий Сев. Донца (Аверин, 1911). В середине XX в. они еще обитали на Среднем Дону на севере Ростовской обл., но позже там исчезли (Белик, 2005). В XIX в. гнездились, вероятно, по Хопру и Медведице на северо-западе Волгоградской обл. (Богданов, 1871; Кондратьев, 1885, 2004), в середине XX в. их гнездование там лишь предполагалось (Кубанцев, Чернобай, 1982), но фактически в Волгоградской обл. оно нигде не было отмечено (Е.И. Врублевский, дневники). На Нижней Волге эти дятлы не гнездились (Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928), но на кочевках зимой изредка залетают до дельты Волги (Реуцкий, 2014).

Местообитания. Населяет преимущественно широколиственные и смешанные леса, предпочитая разреженные участки и опушки. В последнее время адаптируется к гнездованию в искусственных насаждениях, в лесополосах, садах и парках. На кочевках в горах поднимается до верхней границы лесного пояса.

Численность. Численность в Европейской России оценивается в 30-70 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На Северном Кавказе этот дятел довольно обычен; наблюдается рост численности в связи с расширением ареала в степном Предкавказье; общая численность на юге России оценена в 3-8 тыс. пар (Белик и др., 2003; Белик, 2005а). Обилие птиц в дубовых и буковых лесах в горах Западного Кавказа составляет 0,5-2,9-4,5 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985; Перевозов, 2010), а в буковых лесах предгорий Северной Осетии – 2,6 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003). В лесах Тебердинского заповедника обилие в последние годы снизилось с 2,4–8,8 до 1,6–4,4 ос./км^2 (Поливанов, 2000; Караваев и др., 2015).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Ростовской обл. (1 категория). В настоящее время в связи с заселением Нижнего Дона кавказской популяцией *P. v. karelini* (Забашта, 2018), необходимость в особой охране зеленого дятла здесь отпала.

246. Дятел седой *Picus canus* J.F. Gmelin, 1788

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид бассейнов Дона и Волги, в последние годы проникший в северные районы Предкавказья (Забашта, 2018); молодняк частично кочует в осенне-зимний период. На Северном Кавказе – очень редкий залетный вид, дважды добытый в начале XX в. у с. Эльхотово на Тереке в Северной Осетии и у стан. Слепцовской (ныне г. Сунжа) в Ингушетии (Бёме, 1926).

Зоогеографические связи. Представитель маньчжурского фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Включает 12 подвидов. В Европейской России обитает номинативная форма (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится по всему северу Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона, где появился в середине XX в., расселяясь, по-видимому, по Дону и Сев. Донцу с северо-запада (Белик, 1990; Петров, 1990). Сейчас продолжается расселение донской популяции на юг в степное Предкавказье, где дятлы появились на севере Краснодарского и Ставропольского края и на западе Калмыкии (Забашта, 2018).

Этот дятел заселяет также весь северо-запад Волгоградской обл., а в середине XX в. по Волго-Ахтубинской пойме повторно расселился до дельты Волги (Реуцкий, 2014). Граница ареала вдоль долины Волги периодически, по-видимому, сильно пульсирует (см.: Artzibascheff,

1859, 2015; Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Kracht, 1919, 2014; Лорец, 1928; Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Реуцкий, 2014). Вероятно, с низовий Волги в прошлом дятлы изредка залетали и на Восточный Кавказ (Бёме, 1926).

Местообитания. Характерен для пойменных лесов с мягколиственными древесными породами, реже гнездится в байрачных дубовых лесах. Иногда заселяет искусственные насаждения; местами гнездится в городских парках. Предпочитает разреженные, мозаичные леса и опушки.

Численность. Популяция Европейской России насчитывает 70-100 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). В бассейне Дона и Волги птицы довольно обычны. В конце XX в. наблюдался заметный рост их численности в связи с расселением на юг (Белик и др., 2003). Позже популяции здесь, по-видимому, стабилизировались, но сейчас вновь начался рост численности и расселение птиц к югу. Общая численность на юге России в конце XX – начале XXI в. была оценена в 2-3 тыс. пар; в Ростовской обл. гнездилось от 300 до 900 пар (Белик, 1990, 2000а, 2005а). Сейчас же в связи с продолжающимся расширением ареала популяция этого дятла в Южной России, несомненно, увеличилась. Обилие в лесах на Среднем Дону составляет в среднем 1 пара/км^2, а в дельте Волги – 1-2 пары/км^2 (Белик, 1990; Реуцкий, 2014).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

247. Желна, или дятел черный *Dryocopus martius* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид; молодняк широко кочует в осенне-зимний период. В Астраханской обл. отмечался только на кочевках, в Калмыкии пока не регистрировался (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006а).

Таксономия. Включает 2 подвида. В России обитает только номинативная форма (Степанян, 2003).

Распространение. Широко распространен в горнолесном поясе Кавказа, кроме мелколиственных лесов Бокового хр. на Центральном Кавказе. В последнее время по поймам рек расселяется в предгорья и на равнины Западного и Восточного Предкавказья, достигнув лесов в низовьях Кумы и Кубани (Тильба, Мнацеканов, 1989; Емтыль и др., 1993; Хохлов, Харченко, 1997; наши данные).

В Центральном Предкавказье экспансия не выражена, и на Ставропольской возв. желна пока отсутствует (Костенко, 2012; Белик, 2017). Широкий, чёткий разрыв ареала существует также в слабо облесённых районах Приэльбрусья между Кубанью и Баксаном (Парфенов и др., 2006; Юферева и др., 2013).

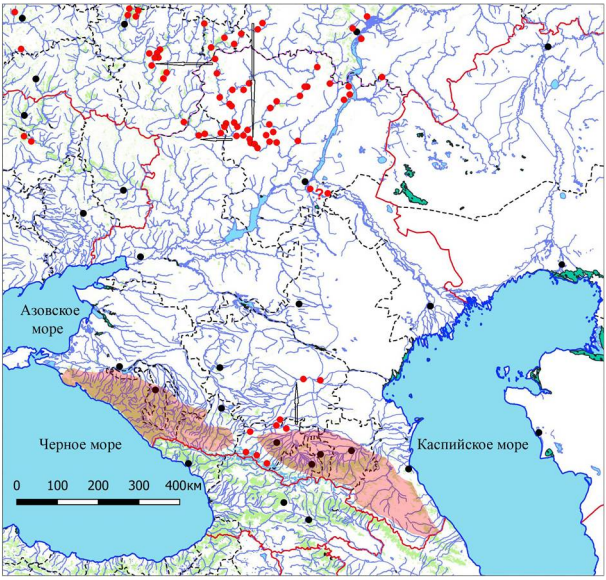


Рис. 57. Гнездовой ареал желны, известные места гнездования и летних встреч, и направления ее экспансии на юге России и Северном Кавказе

В бассейне Дона, в ходе экспансии из Саратовской обл. на юг по долинам Хопра и Медведицы, в 60-90-е годы желна широко заселила северо-запад Волгоградской обл., после чего, дойдя до Дона, начала расселяться вверх по его течению, проникла в Ростовскую обл., а затем и на юг Воронежской (Петров, 1990; Белик, 2005). Продвигаясь по Дону дальше на юг, она достигла р. Иловли, а затем появилась в Волго-Ахтубинской пойме (Гугуева и др., 2015), но в Астраханской обл. изредка встречается пока лишь на зимних кочевках (Реуцкий, 2014).

В последние годы желна проникла также в Заволжье, заселив аренные леса по р. Еруслан на границе Волгоградской и Саратовской обл. (Oparin et al., 2021).

Местообитания. Различные типы хвойных и лиственных лесов на равнинах и в горах; отдает предпочтение осинникам, заселяя обычно только спелые и перестойные насаждения, особенно поблизости от горельников, буреломов или сухостоев, служащих излюбленными кормовыми стациями. В высокогорьях Центрального и Восточного Кавказа гнездится в старых сосняках на древних моренах и склонах ущелий.

Численность. Немногочисленный, но в заселенных районах довольно обычный вид. Популяция Европейской России оценивалась в 0,8-1,2 млн. пар (Мищенко и др., 2017), но сейчас составляет не более 680

тыс. пар (Атлас …, 2020). На юге России в последнее время наблюдается довольно быстрый рост численности в связи с расселением с севера. Кавказская популяция относительно стабильна, но местами тоже увеличивает численность (Белик и др., 2003). Общая численность на юге России в начале XXI в. оценивалась в 3-5 тыс. пар (Белик, 2005а).

В горах Западного Кавказа обитает до 0,5-1,3 ос./км^2 в дубняках; 2,2-2,6 ос./км^2 – в буковых и широколиственных лесах низкогорий; 2,0-2,5 ос./км^2 – в буково-пихтовых и пихтово-еловых лесах среднегорий (Тильба, Казаков, 1985; Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике учитывали в среднем 6,8 ос./км^2 в темнохвойных лесах и 4,8-10,4 ос./км^2 – в смешанных лесах (Поливанов, 2000). Обилие в оптимальных биотопах в Северной Осетии составляет 0,9-1,5 пар/км^2 в буковых и грабовых лесах предгорий и 3,3 пар/км^2 в пойме Терека (Комаров, Хохлов, 2003).

Охранный статус. Под 3 категорией включена в Красные книги Волгоградской обл., Северной Осетии и Ингушетии. Несомненно, везде нуждается в особой охране как уязвимый стенобионтный вид и как очень важный «вид-зонтик» для лесных экосистем, позволяющий заселять леса крупным дуплогнёздникам: гоголю, лутку, неясыти, мохноногому сычу, сплюшке, клинтуху, сизоворонке и др.

248. Дятел пестрый *Dendrocopos major* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид; молодняк частично кочует в осенне-зимний период. Обитает во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает более 20 подвидов. В Предкавказье проходит широкая зона интерградации *D. m. candidus* и *D. m. tenuirostris*. Особи, сходные с *candidus*, преобладают на Нижнем Дону и в северных районах Краснодарского края, а птицы, диагностируемые как *tenuirostris*, характерны для горных и предгорных районов, но встречаются и севернее, вплоть до Азовского р-на Ростовской обл. (Казаков, 1974, 1976; Степанян, 1981; Казаков, Белик, 1986; Белик, 2009а). На Среднем Дону, в Волгоградской и Астраханской обл. распространен толстоклювый номинативный подвид *D. m. major* (Степанян, 2003).

Распространение. Широко распространен в горнолесном поясе и в лесистых предгорьях Северного Кавказа, а во второй половине XX в. по искусственным насаждениям проник глубоко на север в степное Предкавказье. Населяет также пойменные, аренные и байрачные леса

в бассейнах Дона и Волги. В середине XX в. дятлы с севера заселили Нижний Дон и продолжили расселение по лесонасаждениям на юг. Сейчас они отсутствуют лишь в засушливых, безлесных районах на юго-востоке Ростовской обл. и северо-востоке Ставропольского края, а также в безлесных районах Калмыкии и Заволжья (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик, 1990, 2009а; Цапко и др., 2009; наши данные).

Местообитания. Леса самых разных типов, преимущественно перестойные, спелые и средневозрастные насаждения. Осенью часто перекочевывает в хвойные леса, в основном в сосняки, где всю зиму кормится семенами сосны и др.

Численность. Обычный вид. Для Европейской России прежде указывали 7,8-10,0 млн. пар этих дятлов (Мищенко и др., 2017), но сейчас насчитали не более 5,6 млн. пар (Атлас …, 2020). Общая численность на юге России оценена в 100-200 тыс. пар, в том числе 16-20 тыс. пар гнездится в Ростовской обл. (Белик, 1990, 2000а, 2005а). В бассейнах Дона и Волги популяции сейчас относительно стабильны, а на Северном Кавказе прослеживается некоторый рост численности (Белик и др., 2003).

Обилие птиц в байрачных лесах Придонья в конце XX в. составляло в среднем – 4,4, в пойменных – 12,4, а в аренных – 6,4 пар/км^2; в искусственных степных лесах в аридный период гнездилось 2,5, а в гумидный период – 4,3 пар/км^2 (Белик, 2000а). В горных буковых, буково-пихтовых, пихтовых и пихтово-еловых лесах Западного Кавказа обилие колеблется в пределах 10-20 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985; Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике в хвойных лесах учитывали 31-32 ос./км^2, в хвойно-лиственных – 62,0-74,8 ос./км^2, а в лиственных – 44,2-61,2 ос./км^2 (Поливанов, 2000). В буковых лесах Северной Осетии в среднегорьях было 4,5, в низкогорьях 11,4, а в предгорьях 19,8 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

249. Дятел сирийский *Dendrocopos syriacus* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид, кочующий в осенне-зимне-весенний период. В конце XX – начале XXI в. заселил почти все регионы Южной России (Белик и др., 2016; Журтов, 2019). Не отмечен пока в Чечне и Ингушетии, но в ближайшее время, несомненно, будет найден и там.

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а).

Таксономия. Включает 3-4 подвида. В России обитает только один подвид *D. s. balcanicus*. В Закавказье распространен *D. s. transcaucasicus*, который может проникать с юга в Дагестан. Он отличается отсутствием тонких темных наствольных пестрин по бокам тела (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Обитает на равнинах Южной России и в предгорьях Северного Кавказа; в горах, как правило, не встречается. На юге России появился в начале 1980-х годов, расселяясь на восток по степному Придонью. В мае 1984 г. он впервые встречен возле Ростова (Йерке, 1995); в мае 1986 г. наблюдался в лесополосе среди полей у Таганрога; в 1987 г. в лесополосе возле стан. Синявской у дельты Дона найдена пара, гнездившаяся в прошлогоднем дупле; в 1988 г. выводок встречен в пойме р. Калитва в Тарасовском р-не (Белик, 1990). В конце 1980-х годов оказался обычен в Луганской обл. (Ветров и др., 1990), а к концу XX в. заселил практически всю Ростовскую обл. к северу до Воронежской обл. и к востоку вплоть до Ергеней на границе с Калмыкией (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 1999, 2001, 2004а, 2005; Сиденко, 1999; Белик и др., 2001; Кукиш, Музаев, 2001; Гизатулин, Хохлов, 2002).

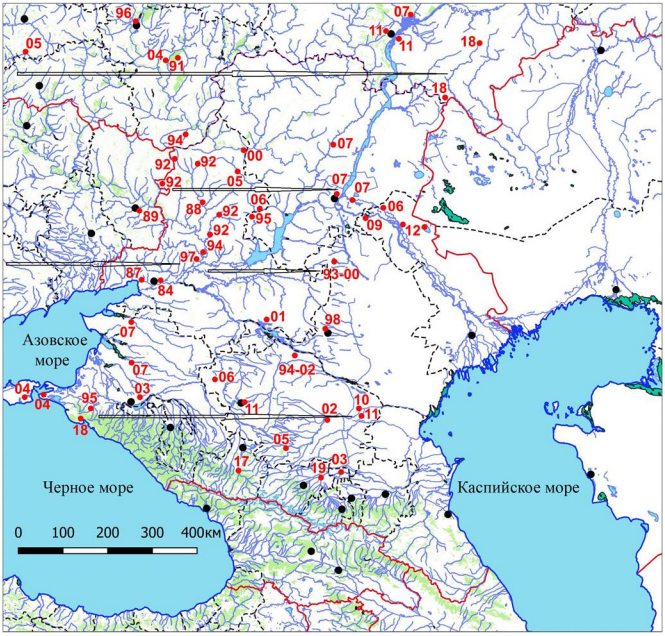


Рис. 58. Места гнездования и летних встреч сирийского дятла на юге России, годы его первых находок и направления экспансии

В Волгоградской обл. птицы впервые найдены в 1995 г. в Чернышковском р-не у границ с Ростовской обл. (Завьялов, Альберти, 1996), а к 2007 г. они встречались уже во многих районах к востоку до Волгограда и Волго-Ахтубинской поймы (Белик и др., 2008). В Калмыкии этот дятел впервые встречен в сентябре 1993 г. на севере Ергеней, а осенью 1994 г. – также в Элисте, но к гнездованию птицы приступили там с 1998 г., после появления в городе самки (Кукиш, Музаев, 2001). В Астраханской обл. самец сирийского дятла впервые встречен в мае 2006 г. в г. Знаменск, а в октябре там держалась уже пара птиц (Вакуленко, Бёме, 2007). В июне 2009 г. дятел отмечен в с. Солодники Черноярского р-на, а в апреле и мае 2012 г. – в г. Ахтубинск и пос. Нижний Баскунчак (Белик, 2013, 2016).

В Западном Предкавказье впервые два выводка встречены в июле-августе 1995 г. возле г. Крымск (Бутьев, Фридман, 2005). В 2003 г. птицы уже регулярно отмечались в разных районах Краснодарского края и Адыгеи, в том числе в Динском р-не наблюдался выводок (Короткий и др., 2004), а в 2007 г. в стан. Староминской и Брюховецкой найдены 3 гнезда (Найданов, 2008). К 2004 г. эти дятлы проникли на Таманский полуостров (Лохман и др., 2004), куда могли залететь из Керчи, где были найдены в 2004-2005 гг. (Цвелых, 2005). А в настоящее время они начали заселять Черноморское побережье Кавказа и появились в Новороссийске (Попович, Семенова, 2018).

На Ставрополье дятлы впервые обнаружены в январе 2002 г. в с. Дивное на Маныче, хотя появились там, возможно, еще в 1994-1995 гг. (Федосов, 2002). В ноябре 2002 г. найдены также в с. Прасковея на Куме (Гизатулин, Хохлов, 2002). К настоящему же времени они заселили почти весь Ставропольский край, дойдя до границ Дагестана (Костенко, Маловичко, 2011; Маловичко и др., 2015).

С 2003 г. сирийские дятлы регулярно встречаются на Тереке в Моздокском р-не Северной Осетии (Комаров и др., 2011). В Карачаево-Черкесии они впервые отмечены в 2017 г. в Карачаевске (Караваев, 2017). В 2019 г. молодая птица наблюдалась в пойме Терека на севере Кабардино-Балкарии (Журтов, 2019). Для Дагестана этот вид указан как условно гнездящийся, залетный (Джамирзоев, 2000; Джамирзоев, Букреев, 2009), встреченный в мае 1999 г. в горах в Унцукульском р-не на р. Аварское Койсу, но позднейшими наблюдениями его пребывание там не подтверждено (Белик, Насрулаев, 2019).

Молодняк в осенне-зимне-весенний период широко кочует, передвигаясь в ходе дисперсии в основном в восточном направлении и обеспечивая тем самым освоение новых регионов.

Местообитания. Заселяет преимущественно городские и сельские сады

и парки, где часто кормится ядрышками из косточек абрикоса, сливы, вишни, терна, грецкого ореха, собирая их обычно на земле и раздалбливая затем в «кузницах» на деревьях (Маловичко и др., 2015). Изредка встречается в пойменных редколесьях и в лесополосах среди полей, где есть насаждения абрикосов, терна и др.

Численность. Обычный вид, быстро набирающий численность в заселенных районах. В Европейской России в связи с расширением ареала с запада на юго-восток популяция в XXI в. увеличилась с 5-10 тыс. до 7-12 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017). В Ростовской обл. в конце XX в. гнездилось около 700-800 пар, а в начале XXI в. численность на юге России оценивалась уже в 5-10 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005а). Сейчас же популяция здесь многократно увеличилась. В сёлах Ставропольского края обилие составляет в среднем 1-2 пары/км маршрута. Обычно в населенных пунктах Ставрополья гнездится от 5 до 30 пар, а общая численность оценена здесь не менее чем в 10 тыс. пар (Костенко, Маловичко, 2011; Маловичко и др., 2015).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

250. Дятел средний, вертлявый *Dendrocopos medius* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид; молодняк частично кочует в осенне-зимний период. Обитает во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 4 подвида. В бассейне Дона и Волги распространен номинативный подвид, а на Кавказе обитает *D. m. caucasicus*, хорошо отличающийся более яркой окраской нижней стороны тела (Гладков, 1951; Степанян, 2003).

Распространение. На Северном Кавказе распространен в поясе широколиственных лесов в низкогорьях и предгорьях; местами поднимается в среднегорья. По пойменным лесам проникает на степные равнины вплоть до низовий Кубани и Кумы (Емтыль и др., 1993; наши данные, 2013 г.), но отсутствует в лесах Ставропольской возв. (Костенко, 2012). Разрыв ареала намечается также в слабо облесённых районах Приэльбрусья между Кубанью и Малкой, где в последнее время найдено лишь несколько гнезд в районе Кисловодска и КавМинВод (Парфенов и др., 2006; Юферева и др., 2013).

Птицы европейской популяции в конце XX в. проникли из Воронежской обл. по Дону на север Ростовской обл. и дальше в Волгоградскую обл., где впервые встречены в 1988 г. у стан. Вешенской и в 1996 г. у стан. Распопинской Клетского р-на (Белик, 1990, 2005; Белик и др., 2000;

Белик, Гугуева, 2021). Одновременно началось также заселение бассейнов Хопра и Медведицы из Воронежской и Саратовской обл. (Завьялов, Лобанов, 1996; Завьялов и др., 1996). В июне 2005 г. дятлы найдены в Калачской излучине Дона (Завьялов и др., 2005), а в августе-сентябре 2007 г. они оказались уже нередки на севере Волго-Ахтубинской поймы (Гугуева, Белик, 2016). Наконец, в июле 2016 г. птицы обнаружены в пойме Волги на территории Калмыкии (Музаев, 2016). Изредка они залетают, возможно, и в дельту Волги (Реуцкий, 2015).

Вплотную к границам Ростовской обл. ареал дятла подходит также по Сев. Донцу в Луганской обл. (Образцов, 1956), но на Сев. Донце в России он на гнездовании ранее не был отмечен (Белик, 1990). Во время осенне-зимних кочевок изредка залетает в низовья Дона (Алфераки, 1910; Савицкий и др., 1998; Сиденко, 1999, 2004).

Местообитания. Населяет обычно густые, смешанные и широколиственные леса, преимущественно влажные, захламленные насаждения в поймах рек, где находится много гнилого сухостоя.

Численность. Обычный, местами малочисленный или редкий вид. Номинативный подвид демонстрирует выраженный рост численности в связи с расширением ареала на юго-восток, и в начале XXI в. в Европейской России она увеличилась с 2-4 тыс. до 8-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На Северном Кавказе популяции относительно стабильны или слабо флуктуируют (Белик и др., 2003). Общая численность на юге России в начале XXI в. была оценена в 2-5 тыс. пар, а через 10 лет – в 5-10 тыс. пар (Белик, 2005а, 2014а).

В Ростовской обл. в конце XX в. гнездилось около 100 пар, в Волгоградской обл. в начале XXI в. численность оценена уже не менее чем в 3 тыс. пар, а сейчас популяции там многократно увеличились. Обилие в пойменных лесах на Среднем Дону местами достигает 10 пар/км^2, а встречаемость – до 2-5 ос./км маршрута (Белик, 1990, 2000а, 2005, 2013; Белик, Гугуева, 2021). На Северном Кавказе в широколиственных лесах Кавказского и Тебердинского заповедников учитывали до 2-4 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985; Поливанов, 2000; Перевозов, 2010), а в Северной Осетии – 2,1-2,8 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

Охранный статус. Номинативный подвид был включен в Красную книгу России (2001), и средний дятел автоматически попал во многие региональные Красные книги: Волгоградской обл. (5 категория), Карачаево-Черкесии (4 категория), Ростовской обл., Ставропольского края, Северной Осетии и Ингушетии (везде 3 категория). В действительности же европейский подвид быстро расселяется и увеличивает численность, и сейчас исключен из Красной книги России (Приказ …, 2020). Не нуждается в особой охране, по-видимому, и кавказский подвид.

251. Дятел белоспинный *Dendrocopos leucotos* (Bechstein, 1803)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид бассейна Дона и Западного Кавказа; молодняк частично кочует в осенне-зимний период. В Астраханской обл., Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии отмечался только на кочевках (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 12 подвидов. В бассейне Дона и Волги распространен номинативный подвид, а на Кавказе обитает *D. l. lilfordi*, хорошо отличающийся поперечнополосатой окраской спины (Гладков, 1951; Степанян, 2003).

Распространение. Европейская популяция до середины XX в. обитала, по-видимому, севернее Ростовской и Волгоградской обл. (Гладков, 1951), гнездясь в долине Хопра в Воронежской и Саратовской обл. (Измайлов, 1940; Королькова, 1963; Золотарев, Воробьев, 1999; Белик, 2002). Позже дятел спустился по Хопру на Средний Дон, где впервые найден в 1988-1989 гг. у стан. Распопинской Клетского р-на Волгоградской обл. (Белик, 1990, 1999), а затем начал расселяться вверх и вниз по течению Дона. В 2002 г. он встречен у стан. Вешенской, в 2007 г. – в устье Медведицы, а в 2008 г. – в низовьях р. Иловля (Белик, 2005; Белик, Гугуева, 2021). На осенне-зимних кочевках изредка доходит до низовий Дона и Волги (Йерке, 1995; Реуцкий, 2014). Прежние указания о гнездовании на Нижней Волге (Kracht, 1919, 2014; Лорец, 1928), возможно, ошибочны; в противном случае они свидетельствуют о резких пульсациях гнездового ареала.

Кавказская популяция распространена только на Западном Кавказе, где приурочена в основном к старым широколиственным и буково-пихтовым лесам Краснодарского края и Адыгеи на южном и северном макросклонах (Аверин, Насимович, 1938; Пузанов, 1949; Волчанецкий и др., 1962; Степанян, 1981; Тильба, 2006; Перевозов, 2010). К западу ареал доходит до Лагонакского нагорья, возможно – до р. Пшада и Абрауского полуострова (Сиденко, 1998; Мнацеканов, 1999; Сара, 2007; Белик и др., 2017). В Карачаево-Черкесии этот дятел наблюдался лишь однажды 02.05.1997 в верховьях р. Теберда (Караваев, Хубиев, 2004), а в Кабардино-Балкарии встречен 20.08.1970 в верховьях Баксана (Bier u.a., 1975). Указания о находках в Дагестане (Джамирзоев, 2000) остаются не подтвержденными.

Местообитания. Предпочитает спелые и перестойные густые, захламленные широколиственные леса, преимущественно влажные пойменные насаждения как на Дону, так и на Северном Кавказе, встречаясь

от побережий Черного моря до 1800 м н.у.м. в горах (Аверин, Насимович, 1938; Белик, 2015).

Численность. В большинстве районов – изначально редкий, скрытный вид (Мензбир, 1925). Всего в Европейской России гнездится около 200-500 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017). Общая численность на юге России оценена в 500-2500 пар (Белик, 2005а). В бассейне Дона наблюдается незначительный рост популяции в связи с расширением ареала; на Западном Кавказе отмечено сокращение численности, но в то же время прослеживается расселение птиц на север и запад (Белик и др., 2003; Белик, 2013). По учетам в Кавказском заповеднике, обилие в буковых и буково-пихтовых лесах не превышает 2,0-2,5 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985; Перевозов, 2010).

Охранный статус. Из-за повышенной стенобионтности и низкой плодовитости (Иванчев, 1996) этот дятел достаточно уязвим, но в организации особой охраны на юге России сейчас, по-видимому, не нуждается.

252. Дятел малый *Dendrocopos minor* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид; молодняк частично кочует в осенне-зимний период. Обитает во всех регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006а).

Таксономия. Включает 13 подвидов. В бассейнах Дона и Волги распространен номинативный подвид, а на Кавказе обитает *D. m. colchicus*, отличающийся более темным низом тела с глинисто-серым оттенком и хорошо развитыми продольными пестринами на боках тела (Гладков, 1951; Степанян, 2003).

Распространение. На Северном Кавказе ареал приурочен в основном к поясу широколиственных лесов в предгорьях и низкогорьях; на Западном Кавказе поднимается также в смешанные леса среднегорий, но в слабо облесенных районах Приэльбрусья между Кубанью и Малкой существует разрыв ареала, куда дятлы проникают редко (Парфенов и др., 2006; Парфенов, 2007; Юферева и др., 2013). По поймам рек расселяется на степные равнины Предкавказья; в начале XXI в. заселил также леса Ставропольской возв. (Костенко, 2012, 2017).

В бассейнах Дона и Волги распространен сейчас к югу до низовий Дона и Волго-Ахтубинской поймы. В Ростовской обл. впервые обнаружен в 1961-1962 гг. на Среднем Дону (Петров, 1965); к началу 1980-х годов появился в низовьях Сев. Донца, а в 1986 г. встречен у Ростова

(Белик, 1990), где в 2000 г. удалось подтвердить гнездование (Сиденко, 1999, 2004).

В Волгоградской обл. гнездование в XX в. указывалось для северных районов (Кубанцев, Чернобай, 1982), но Е.И. Врублевский (дневники), собиравший коллекцию яиц, нашел гнездо этого дятла лишь однажды в 1969 г. на Хопре в соседнем районе Воронежской обл. Сейчас дятел заселил всю северо-западную часть области и постепенно расселяется на юг по Волго-Ахтубинской пойме, где в августе 1992 г. наблюдался в Черноярском р-не Астраханской обл. (Белик, 2016), а в начале XXI в. появился уже у пос. Цаган-Аман на территории Калмыкии (Музаев, 2012, 2016). В дельту Волги изредка залетает пока только на осенне-зимних кочевках (Воробьев, 1936; Реуцкий, 2014). Возможно, и встреча дятла 22.07.1870 **ст.ст.** в волжской дельте, вызвавшая в свое время острую полемику (Богданов, 1871, 1874, 2016; Яковлев, 1872, 1874, 2015, 2016; Северцов, 1874, 2016), относилась к кочующей птице.

Местообитания. Предпочитает влажные захламленные пойменные леса с многочисленными фаутными деревьями, реже поднимается в сухие лиственные леса на водоразделах и склонах гор; на кочевках встречается в хвойных насаждениях, а также в садах, зарослях тростника и пр.

Численность. Довольно обычный, местами малочисленный вид, сравнительно редкий в более сухих лесах Восточного Кавказа. В разных регионах отмечаются асинхронные, не вполне понятные колебания численности (Белик и др., 2003). В Европейской России обитает около 270-580 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). Общая численность на юге России оценена в 2-4 тыс. пар, а популяция Ростовской обл. в конце XX в. увеличилась с 200-300 до 1300 пар, что отчасти было связано с расширением ареала (Белик, 1990, 2000а, 2005а).

Обилие в пойменных лесах на Дону составляет 0,5-1,5 пар/км^2 (Белик, 1990); в лиственных лесах Северной Осетии – 0,4-1,4 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003); в лиственных и хвойно-лиственных лесах Тебердинского заповедника – 1,0-4,4 ос./км^2 (Поливанов, 2000). В Кавказском заповеднике в буковых лесах на северных склонах обитает до 3,4 ос./км^2, а на южных склонах птицы на учетах не были отмечены (Тильба, Казаков, 1985; Перевозов, 2010).

Охранный статус. Под 3 категорией включен в Красные книги Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Ингушетии. Но выраженных негативных трендов в популяциях Северного Кавказа не выявлено. Местами же наблюдается расселение и рост численности птиц (Костенко, 2012, 2017). Их редкость обусловлена в основном естественными причинами, и поэтому необходимости в особой охране этого дятла на Кавказе сейчас, по-видимому, нет (Белик, 2014а).

ЛИТЕРАТУРА

Абдуназаров Б.Б., 2009. Савка. Шахин (рыжеголовый сокол) // Красная книга Республики Узбекистан, т.2: Животные.- Тошкент.- С.144-145; 163.

Абдусалямов И.А., 1971. Фауна Таджикской ССР, т.19: Птицы, ч.1.- Душанбе.- 403 с.

Абдусалямов И.А., 1988. Птицы // Красная книга Таджикской ССР, ч.3: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений.- Душанбе.- С.85-121.

Абуладзе А.В., 1986. Малая горлица (*Streptopelia senegalensis*) – новый вид в фауне Грузии // Сообщения АН ГССР, т.124, № 3.- С.621-623.

Абуладзе А.В., 2006. Хищные птицы Грузии.- Дисс. … канд. биол. наук.- Тбилиси.- 208 с.

Абуладзе А.В., Елигулашвили В.Е., Ростиашвили Г.Г., 1991. О статусе ланнера в Советском Союзе // Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конф., ч.1.- Минск.- С.26-28.

Абуладзе А.В., Елигулашвили В.Э., Ростиашвили Г.Г., Эдишерашвили Г.В., 2003. О статусе некоторых редких хищных птиц в Грузии // Мат-лы 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Пенза.- С.106-109.

Аверин А.А., 2014. Даурский журавль // Красная книга Еврейской автономной области: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных.- Хабаровск.- С.93-94.

Аверин В.Г., 1911. Орнитологические наблюдения летом 1909 и 1910 гг. в окрестностях станицы Митякинской, Донецкого округа области Войска Донского // Труды Об-ва испытателей природы при Харьков. ун-те, т.44, прилож.- С.258-285.

Аверин Ю.В., 1938. Кавказский тетерев // Труды Кавказского заповедника, вып.1.- М.- С.57-84.

Аверин Ю.В., 1951. Птицы горы Опук как источник заселения защитных лесных насаждений Крымского полуострова // Труды Крым. филиала АН СССР, т.2: Зоол. - С.11-19.

Аверин Ю.В., Насимович А.А., 1938. Птицы горной части Северо-Западного Кавказа // Труды Кавказск. заповедника, вып.1. - С.5-56.

Адамян М.С., 1981. О гнездовании малой горлицы (*Streptopelia senegalensis*) в городе Ереване // Биологический журнал Армении.- т.34, № 5.- С.536-537.

Адамян М.С., 1990. Численность и некоторые особенности популяции белого аиста в Армении // Аисты: распространение, экология, охрана.- Минск.- С.46-51.

Айунц К.Р., Шалыбков А.М., 1990. Кабардино-Балкарский заповедник // Заповедники Кавказа.- М.: Мысль.- С.35-44.

Акбаев И.М., 2000. Хищные птицы на территории Карачаево-Черкесской республики // Кавказск. орнитол. вестник, вып.12.- С.3-10.

Акбаев И.М., 2001. Белоголовый сип в Карачаево-Черкесии // Акт. пробл. изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы международн. конф. (XI Орнитол. конф.).- Казань.- С.29-30.

Акимов А., 1905. Некоторые особенности весеннего и осеннего пролетов птиц под Таганрогом в 1904 г. // Псовая и ружейная охота, № 11.- С.193-195; № 12.- С.206-207.

Аккиев М.И., Белик В.П., 2016. Гнездование черного грифа в Кабардино-Балкарском заповеднике // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.206-209.

Аксаков С.Т., 1956. Собрание сочинений, т.4.- М.: Гос. изд-во худ. литературы.- 664 с.
Алексеев А.Ф., 1980. Дрофа-красотка (*Chlamydotis undulata macqueeni*) в Северо-Западных Кызылкумах // Зоол. журнал, т.59, вып.8.- С.1263.
Алексеев А.Ф., 1981. К вопросу о современном состоянии численности джека в Северо-Западных Кызылкумах // Орнитология, вып.16.- С.147-150.
Алиев Ф.Ф., 1965. К биологии чёрного аиста в Азербайджане // Новости орнитологии: Мат-лы 4-й Всесоюзн. орнитол. конф.- Алма-Ата.- С.9-10.
Алфераки С., 1877. Заметки о некоторых редких птицах Таганрогского уезда // Журнал охоты, февраль. - С.78-79.
Алфераки С., 1877. Прилет птиц около Таганрога в 1876 г. // Журнал охоты, февраль.- С.79-80.
Алфераки С., 1878. Пролет дупеля в устьях Дона // Природа и охота, ноябрь.- С.132-136.
Алфераки С., 1879. Из Таганрога, о пролете // Природа и охота, январь.- С.89-92.
Алфераки С.Н., 1904. Гуси России.- М.- 189 с.
Алфераки С.Н., 1910. Птицы Восточного Приазовья // Орнитол. вестник, № 1-4. - С.11-35; 73-93; 162-170; 245-252.
Амосов П.Н., 2010. Новые данные по птицам заповедника «Богдинско-Баскунчакский» (Астраханская область) // Русский орнитол. журнал, т.19, № 617.- С.2200-2202.
Амосов П.Н., 2010. Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* в окрестностях озера Баскунчак // Русский орнитол. журнал, т.19, № 580.- С.1133-1135.
Амосов П.Н., 2010. Фауна позвоночных животных заповедника «Богдинско-Баскунчакский».- Волгоград.- 92 с.
Амосов П.Н., 2011. Степной орел *Aquila nipalensis* в окрестностях озера Баскунчак // Русский орнитол. журнал, т.20, № 692.- С.1937–1940.
Амосов П.Н., 2012. К питанию орлана-белохвоста *Haliaeetus albicilla* в окрестностях озера Баскунчак // Русский орнитол. журнал, т.21, № 772.- С.1563-1564.
Амосов П.Н., 2012. Птицы (Aves) // Состояние и многолетние изменения природной среды на территории Богдинско-Баскунчакского заповедника: Монография.- Волгоград.- С.182-211.
Амосов П.Н., 2015. К фауне птиц Нижней Волги // Русский орнитол. журнал, т.24, № 1099.- С.285-289.
Амосов П.Н., Александрова А.В., Бухарицин П.И. и др., 2012. Состояние и многолетние изменения природной среды на территории Богдинско-Баскунчакского заповедника: Монография.- Волгоград.- 360 с.
Амосов П.Н., Прилуцкая Л.И., 2014. Хищные птицы окрестностей озера Баскунчак // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Распространение, экология, динамика популяций, охрана.- Ростов н/Д.- С.77-82.
Ананин А.А., 2019. Большая горлица *Streptopelia orientalis* (Latham, 1790) на северо-восточном побережье Байкала // Байкальск. зоол. журнал, № 3 (26).- С.5-7.
Ананян В.Ю., Дровецкий С.В., Фадеев И.В., Дуран С., Дуран Э., 2013. Регистрации и гнездование хохлатой кукушки *Clamator glandarius* в Армении // Русский орнитол. журнал, т.22, № 918.- С.2485-2490.
Ананян В.Ю., Калоян Г.А., Гёнджян А.А., 2021. Сипуха *Tyto alba* – новый вид в авифауне Армении // Русский орнитол. журнал, т.30, № 2057.- С.1718-1727.
Андреев В.Ю., 2014. О находке синего каменного дрозда в Астраханской области

// Астраханск. экол. вестник, № 3 (29).- С.80-82).
Андрианов Н., 1885. Охота на дроф и стрепетов в Сальском округе Войска Донского // Природа и охота. Декабрь. - С.67-72.
Андронов В.А., 2001. Даурский журавль // Красная книга Российской Федерации: Животные.- М.- С.472-473.
Андронов В.А., Андронова О.С., Парилов М.П., Дарман Ю.А., 2009. Даурский журавль // Красная книга Амурской области: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновение виды животных, растений и грибов.- Благовещенск.- С.105-107.
Андрусенко Н.Н., 1983. Экология степной пустельги в Центральном Казахстане // Экология хищных птиц.- М.: МОИП.- С.51-53.
Андрющенко Ю.А., Бескаравайный М.М., Стадниченко И.С., 2002. О гибели дрофы и других видов птиц от столкновения с линиями электропередачи на местах зимовки // Бранта, № 5.- С.97-112.
Андрющенко Ю.А., Ветров В.В., Дьяков В.А., Попенко В.М., 2013. Новые данные о некоторых птицах Донецкой и Луганской областей // Бранта, № 16.- С.115-119.
Андрющенко Ю.А., Гринченко А.Б., 1998. Случай наиболее восточного гнездования гаги в украинском Причерноморье // Бранта, № 1.- С.111-112.
Андрющенко Ю.А., Мнацеканов Р.А., Динкевич М.А., 2008. Современное состояние красавки на Керченском и Таманском полуострове // Журавли Евразии (биология, распространение, миграции), вып.3.- М.- С.141-147.
Андрющенко Ю.А., Стадниченко И.С., 1999. Современное состояние дрофы, стрепета и авдотки на юге левобережной Украины // Бранта, № 2.- С.135–151.
Анисимов П.С., 1989. Редкие и исчезающие позвоночные животные Чечено-Ингушской АССР.- Грозный. - 157 с.
Анисимов П.С., 1991. Животный мир Чечено-Ингушетии, его охрана и рациональное использование // Природа Чечено-Ингушской республики, ее охрана и рац. использование.- 2-е изд.- Грозный.- С.59-78.
Аноним, 1877. Дрофы и сайгаки в Астраханском уезде // Журнал охоты, 1877, т.6, № 2.- С.77.
Аноним, 2005а. Итоги работы Фаунистической комиссии по куликам в 2004 г. // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 18.- М.- С.9-10.
Аноним, 2005б. Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии // Стрепет, т.3, вып.1-2.- С.123-124.
Аношин Р.М., Скуратов Н.И., 2019. Розовый и кудрявый пеликаны: материалы по разведению в неволе (Московский зоопарк) и биологии в природе (оз. Маныч) // Проблемы зоокультуры и экологии, вып.3: Сб. науч. трудов.- М.- С. 14-31.
Аношин Р.М., Рожков П.С., 2020. Пеликаны Южного Предкавказья: полевые заметки, применительно к выполнению программы ЕАРАЗА: «Сохранение кудрявого и розового пеликанов» // Проблемы зоокультуры и экологии. Вып. 4. // Сборник научных трудов.- С.13-31.
Антончиков А.Н., 2006. Европейский тювик // Красная книга Саратовской обл.: Грибы. Лишайники. Растения. Животные.- Саратов.- С.398-399.
Антончиков А.Н., Беляченко А.В., Пискунов В.В., 2000. Волгоградская область: Новоквасниковский лиман // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европ. России.- М.: СОПР.- С.491–492.

Антончиков А.Н., Пискунов В.В., Чернобай В.Ф. и др., 2001. Булухта // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 13.- С.16.

Антончикова Ю.В., 1991. Материалы по биологии орла-карлика // Мат-лы 10-й Всес. орнитол. конф., ч.2, кн.1.- Минск: Навука і тэхніка.- С.27-28.

Аргиропуло А.И., 1928. Материалы к познанию фауны птиц юга Сталинградской (бывшей Царицынской) губернии // Ежегодник Зоол. музея АН СССР, т.29.- С.27-35.

Ардамацкая Т.Б., 1979. Обыкновенная гага на Черном море // Экология и морфология гаг в СССР.- М.- С.34-37.

Ардамацкая Т.Б., 1984. Гнездование утиных и ржанкообразных на островах Тендровского залива Черноморского заповедника // Орнитология, вып.19.- С.41-49.

Ардамацкая Т.Б., 1986. Численность, размещение, размножение и структура популяции обыкновенной гаги в Черноморском заповеднике // Изучение птиц СССР, их охрана и рац. использование: Тез. докл. 1 Съезда Всесоюзн. орнитол. об-ва и 9 Всесоюзн. орнитол. конф., ч.1.- Л.: Наука.- С.39-40.

Ардамацкая Т.Б., 1991. Причина появления черноголовой чайки на гнездовании в Краснодарском, Ставропольском краях и на Каспии // Кавказск. орнитол. вестник, вып.2.- С.3-9.

Ардамацкая Т.Б., 2011. Серая цапля // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанобразные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.334-355.

Арков Ю., 1926. Из Кущевского района Ростовского округа // Охотн. вестник Сев. Кавказа, № 1.- С.25.

Архипов А.М., 2003. Особенности распространения и биологии тетеревятника в степях Раздельнянского района Одесской области // Стрепет, т.1, вып.1.- С.86-91.

Архипов В.Ю., Русанов Г.М., ван Стейнис М., 2003. К авифауне северо-западного Прикаспия: новые находки и уточнение статуса видов // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.108, вып.2.- С.17-24.

Аскаров Г., 1938. Материалы по биологии каравайки // Труды Астраханск. заповедника, вып.2.- С.59-77.

Аскаров Г.С., 1938. Материалы по биологии каравайки // Труды Астрахан. заповедника, вып.2.- С.59-77.

Аськеев И.В., Аськеев О.В., 1999. Орнитофауна Республики Татарстан (конспект современного состояния).- Казань.- 124 с.

Атлас гнездящихся птиц европейской части России. 2020.- М.: Фитон XXI, 2020.- 908 с.

Ауэзов Э.М., 1978. Мраморный чирок. Савка // Красная книга Казахской ССР, ч.1: Позвоночные животные.- Алма-Ата: Кайнар.- С.106-107; 110-111.

Афанасова Л.В., 1986. О встрече зеленой щурки на северо-востоке Ставропольского края // Редкие и исчезающие виды растений и животных, флористич. и фаунистич. комплексы Сев. Кавказа, нуждающиеся в охране.- Ставрополь.- С.85-86.

Афанасова Л.В., Хохлов А.Н. 1990. Изменение численности удода на Ставрополье // Мат-лы Всесоюзного науч.-метод. совещания зоологов педвузов, ч.2.- Махачкала.- С.13-14.

Афонин П.В., 1985. Структура населения птиц высотных поясов Кабардино-Балкарии // Орнитология, вып.20.- С.104–112.

Бабичев Ю.В., 2014. Встреча выводка савки на границе Калмыкии и Ставропольского края // Казарка, № 17.- С.125-127.

Бабичев Ю.В., Родионов М., 2020. Морянка // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.113.

Бадмаев В.Б., 2011. Динамика численности краснозобой казарки (*Branta ruficollis*) и белолобого гуся (*Anser albifrons*) на территории орнитологического участка «Маныч-Гудило» заповедника «Чёрные Земли» (Калмыкия) // Гусеобразные Северной Евразии: география, динамика и управление популяциями.- Элиста.- С.7-8.

Бадмаев В.Б., 2013. Розовый пеликан. Кудрявый пеликан. Колпица. Белоглазая чернеть (белоглазый нырок). Савка. Черноголовый хохотун // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные.- Элиста.- С.106-108; 111-112; 119-121; 158-159.

Бадмаев В.Б., Сангаджиева Д.В., 2012. Размещение, численность и некоторые особенности биологии гнездования розового и кудрявого пеликанов на орнитологическом участке Маныч-Гудило заповедника «Черные земли» // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.3-16.

Бадмаев В.Э., 2013. Могильник. Черный гриф // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные.- Элиста.- С.131-132; С.134-135.

Бадмаев В.Э., Бабичев Ю.В., Хаттаев С.В., Эрдненов Г.И., 2016. Белощекая казарка // Стрепет, т.14, вып.1-2. – С.219.

Бадмаев В.Э., Бадмаев В.Б., Евчук М.В., 2015. Учет видов птиц в заповеднике «Черные земли» // Экология и природная среда Калмыкии: Сб. науч. трудов ГПБЗ «Черные земли», вып.4.- Элиста.- С.77-91.

Бадмаев В.Э., Булуктаев А.А., Манжеев Б.К., 2018. Стервятник // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.125.

Базиев Д.Х., 1962. Биология Кавказского улара в условиях КБ АССР // Мат-лы 3-й Всесоюзн. орнитол. конф.- Львов.- С.25-26.

Базиев Д.Х., 1965. Размножение кавказского улара // Зоол. журнал., т.44, вып.1.- С.1219-1221.

Базиев Д.Х., 1972. К вопросу эволюции уларов // Acta ornithologica, Vol.13, № 3.- Warszawa.- С.173-190.

Базиев Д.Х., 1978. Улары Кавказа: Экология, морфология, эволюция.- Л.: Наука.- 127 с.

Бакеев Н.Н., Скалон О.И., Чугунов Ю.Д., 1957. Новое в распространении и экологии морского голубка (*Larus genei* Br.) // Труды Бюро кольцевания, вып.9. - М. - С.133-136.

Бакка С.В., Бакка А.И., 1997. О залетах черноголового хохотуна (*Larus ichthyaetus*) в Нижегородскую область // Фауна, экология и охрана редких птиц Среднего Поволжья: Сб. статей по материалам Всеросс. науч.-практ. конф. «Редкие птицы Среднего Поволжья».- Саранск.- С.53.

Балабин В.И., 1909. К орнитологии Донской области. Кроншнеп большой *Numenius arquatus* L. // Семья охотников, № 9. - С.180-182.

Балабин В.И., 1911. Стрепет в Донской области (*Otis tetrax* L.) // Семья охотников, № 1.- С.11-13.

Банік М.В., 2019. Огар // Червона книга Харківської обл.: Тваринний світ.- 2-е вид.- Харьків.- С.291.

Баник М.В., Белик В.П., Атемасов А.А., Атемасова Т.А., Гончаров Г.Л., Гугуева Е.В., Девятко Т.Н., Соколов А.Ю., Шаповалов А.С., 2011. Весенняя миграция гусей и места их остановок в центральной части Восточно-Европейской равнины // Казарка, т.14: Мат-лы международн. конф. «Гусеобразные Сев. Евразии: география, динамика и управление популяциями».- М.- С.90-123.

Банников А.Г., 1948. О зимовках наземных птиц северной части западного побережья Каспия // Охрана природы, сб.3.- М.: ВООП.- С.49-58.

Банников А.Г. 1955. Заметки о фазане в низовьях реки Самура // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Потемкина, т.38, вып.3.- С.215-218.

Банников А.Г., 1959. К количественной характеристике авифауны пустынных степей Калмыкии // Учен. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина, т.104, № 8.- С.107-121.

Барабаш И.И., Козловский П.Н., 1941. Материалы по авифауне Нижнего Поволжья // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та. Фак. естествознания, вып.7.- С.162–173.

Барабашин Т.О., 2004а. Результаты обследования некоторых КОТР Поволжья в 2003 г. // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 19.- С.17-19.

Барабашин Т.О., 2004б. Хищные птицы Среднего Поволжья: современное распространение, динамика численности и факторы воздействия на популяции.- Дисс. … канд. биол. наук.- Ростов н/Д.- 162 с.

Барабашин Т.О., 2010. Роль дельтовых комплексов рек Азовского моря в охране птиц // Орнитология в Сев. Евразии: Мат-лы 13 международн. орнитол. конф. Сев. Евразии: Тез докл.- Оренбург.- С.51-52.

Барабашин Т.О., 2013. Большие белоголовые чайки (*Larus argentatus*, *L. cachinnans*, *L. michahellis*, *L. fuscus* и *L. heuglini*) в Российском секторе Черного моря – статус и характер пребывания // Тез. 8 Международн. науч.-практ. конф. молодых ученых по проблеме водных экосистем «Pontus Euxinus – 2013», посвящ. 50-летию образования Ин-та биологии южных морей НАН Украины.- Севастополь.- С.17-18.

Барабашин Т.О., Чернобай В.Ф., Иванов А.П., Касаткина Ю.Н., 2003. Мониторинг КОТР-2002: Волгоградская область: Озеро Эльтон // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 17.- С.3-5.

Барабаш-Никифоров И.И., Павловский Н.К., 1948. Фауна наземных позвоночных Воронежского государственного заповедника // Труды Воронежск. заповедника, вып.2.- С.7-129.

Барабаш-Никифоров И.И., Семаго Л.Л., 1963. Птицы юго-востока Черноземного центра.- Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.- 212 с.

Баранов А.А., 2001. Горный гусь // Красная книга Российской Федерации (Животные).- М.- С.403-404.

Баранов А.А., 2018. Горный гусь // Красная книга Республики Тыва (животные, растения и грибы).- 2-е изд.- Кызыл.- С.65-66.

Баранюк В.В., Бабий У.В., Крэге Д., 2019. Мониторинг популяции белых гусей на о. Врангеля: данные 2017 года // Казарка, № 21.- С.90-106.

Барбаро И., 1971. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. - Л.: Наука.- С.136-161.

Батряков Р.Р., 2018. Нетипичное гнездование степного луня *Circus macrourus* в год экстремально высокого весеннего паводка в Наурзумском районе // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1581.- С.1245-1248.

Батхиев А.М., Точиев Т.Ю., 2007. Птицы // Красная книга Республики Ингушетия: Растения. Животные. - Магас.- С.228-310.

Бахтадзе Г.Б., Фарафонтов А.В., 2004. О подвидовой принадлежности сипухи (*Tyto alba* Scopoli) из Центрального Предкавказья // Проблемы развития биологии и экологии на Сев. Кавказе. – Ставрополь. – С.14-20.

Башиев О.М., Мамаев Д.М., 2016. Фламинго // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.218-219.

Башта А.-Т.В., Архипов О.М., 2009. Совка // Червона книга України: Тваринний світ.- Київ.- С С.465.

Безверхов А.В., 1991. Редкие хищные птицы Приэльбрусья // Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2, кн.1.- Минск: Навука і тэхніка.- С.49-50.

Белик В.П., 1977. Инвазии саджи в Юго-Восточном Забайкалье // Орнитология, вып.13.- С.186-187.

Белик В.П., 1977. Материалы к расселению кольчатой горлицы в Европейской части СССР // Вестник зоологии, № 4.- С.86-87.

Белик В.П., 1979. Материалы по гнездовой биологии орла-карлика в Предкавказье // Тез. Всесоюзн. конф. молодых ученых «Экология гнездования птиц и методы ее изучения».- Самарканд.- С.28-29.

Белик В.П., 1983. Гнездование большого баклана на Нижнем Дону // Орнитология, вып.18.- С.187.

Белик В.П., 1983. Скопа. Орлан-белохвост. Тювик // Берегите: их осталось мало: Редкие и исчезающие животные Донского бассейна, требующие охраны. - Ростов н/Д.: Кн. изд-во. - С.74-81.

Белик В.П., 1984. Живите, птицы: Очерки о редких птицах Нижнего Дона. - Ростов н/Д.: Кн. изд-во. - 96 с.

Белик В.П., 1984. Низовья Дона и их значение в миграциях гусеобразных // Соврем. состояние ресурсов водоплав. птиц: Тез. Всес. семинара. - М.- С.84-85.

Белик В.П., 1984. Расселение огаря в Подонье // Соврем. состояние ресурсов водоплав. птиц: Тез. Всес. семинара. - М.- С.47-49.

Белик В.П., 1985. Некоторые особенности населения птиц искусственных степных лесонасаждений Нижнего Дона и Предкавказья // Орнитология, вып.20.- С.96-103.

Белик В.П., 1986. Доно-Цимлянский песчаный массив, его фауна и вопросы охраны // Редкие и исчезающие виды растений и животных, флор. и фаун. комплексы Сев. Кавказа, нуждающиеся в охране: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.86-87.

Белик В.П., 1986. Дрофа на юго-востоке Европейской части СССР // Дрофы и пути их сохранения.- М.- С.17-19.

Белик В.П., 1986. Европейский тювик на Дону // Акт. проблемы орнитологии. - М.: Наука. - С.128-143.

Белик В.П., 1986. Некоторые вопросы разведения фазана в степных насаждениях Предкавказья // Первое Всесоюзн. совещ. по проблеме зоокультуры: Тез. докл., ч.1.- М.- С.257-259.

Белик В.П., 1986. Распространение, численность и некоторые черты экологии стрепета на юго-востоке Европейской части РСФСР // Дрофы и пути их сохранения.- М.- С.66-70.

Белик В.П., 1988. Авдотка в бассейне Дона // Ресурсы редких животных РСФСР, их охрана и воспроизводство: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.-

С.109.
Белик В.П., 1988. О редких куликах в бассейне Дона // Ресурсы редких животных РСФСР, их охрана и воспроизводство: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.37-39.
Белик В.П., 1988. О современном распространении и численности журавля-красавки в Ростовской области // Журавли Палеарктики: Биология, морфология, распространение. - Владивосток. - С.144-146.
Белик В.П., 1988. Орлан-белохвост // Природа, № 5.- С.57-59.
Белик В.П., 1989. Антропический фактор в расселении и гнездовании большого баклана на Нижнем Дону // Экол. проблемы Ставроп. кр. и сопредельных территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.156-159.
Белик В.П., 1989. О дальнейшем расширении ареала белохвостой пигалицы // Распространение и фауна птиц Урала: Мат-лы к региональной конф.- Оренбург. - С.29-31.
Белик В.П., 1990. Дятловые птицы Ростовской области // Малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.6-29.
Белик В.П., 1990. Лебеди в Ростовской области // Экология и охрана лебедей в СССР: Мат-лы 2 Всесоюзн. совещ. по лебедям СССР, ч.1.- Мелитополь.- С.73-76.
Белик В.П., 1990. Миграции куликов в степной части бассейна Дона // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Сб. науч. трудов Тебердинск. заповедника, вып.11.- Ставрополь. - С.67-90.
Белик В.П., 1990. О характере пребывания сапсана в Предкавказье // Редкие, малочисл. и малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.8-9.
Белик В.П., 1990. Ястребиный орел в Закавказье // Редкие, малочисл. и малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.10-11.
Белик В.П., 1991. Доно-Цимлянский песчаный массив: ландшафты, фауна и проблемы охраны // Кавказск. орнитол. вестник, вып.2.- С.111-116.
Белик В.П., 1991. К расселению и экологии белого аиста на Дону // Кавказск. орнитол. вестник, вып.1.- С.10-18.
Белик В.П., 1991. Пастушковые птицы Ростовской области // Соврем. сведения по составу, распространению и экологии птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.55-75.
Белик В.П., 1992. Тетеревятник в роли регулятора численности птиц // Чтения памяти проф. В.В. Станчинского.- Смоленск. - С.75-79.
Белик В.П., 1992. Черный аист в Ростовской области // Кавказск. орнитол. вестник, вып.4.- С.69-72.
Белик В.П., 1992а. Биотопическое распределение и экологическая классификация животных // Чтения памяти проф. В.В. Станчинского.- Смоленск. - С.13-16.
Белик В.П., 1992б. Подходы и принципы регионального фауногенетического анализа // Кавказск. орнитол. вестник, вып.3.- С.9-18.
Белик В.П., 1992в. Фауногенетическая структура и связи западнопалеарктической орнитофауны // Кавказск. орнитол. вестник, вып.3.- С.19-52.
Белик В.П., 1992г. Новые и редкие виды птиц Ростовской области // Кавказск. орнитол. вестник, вып.3.- С.53-74.
Белик В.П., 1993. Вяхирь и обыкновенная горлица в степном Подонье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.5.- С.14-42.

Белик В.П., 1993. К орнитофауне пойменных лесов Кубани // Соврем. пробл. экологии и природопользования на Ставрополье: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.6-8.
Белик В.П., 1994. Вероятные встречи тонкоклювого кроншнепа в низовьях Урала // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 7.- М.- С.30.
Белик В.П., 1994. Где же обитает тонкоклювый кроншнеп? // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 7.- М.- С.30-32.
Белик В.П., 1994. Орлан-белохвост в условиях антропогенных ландшафтов бассейна Дона // Мат-ли 1-і конф. молодих орнітологів України.- Чернівці.- С.34-36.
Белик В.П., 1994. Орнитофауна степного Подонья: современное состояние // Кавказск. орнитол. вестник, вып.6.- С.3-25.
Белик В.П., 1994. Распространение, численность и экология змееяда в степном Подонье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.6.- С.26-29.
Белик В.П., 1994. Филин в Донских степях // Филин в России, Белоруссии и на Украине: Сб. науч. статей. - М.: Изд-во МГУ.- С.75-93.
Белик В.П., 1994а. Новые авифаунистические находки в Ростовской области // Кавказск. орнитол. вестник, вып.6.- С.30-32.
Белик В.П., 1995. Динамика ареала и численности серого гуся (*Anser anser*) на Дону // Новые исследования по гусям Палеарктики.- Запорожье.- С.27-31.
Белик В.П., 1995. Динамика ареала и численности серого гуся на Дону // Бюл. Рабочей группы по гусям Вост. Европы и Сев. Азии, № 1.- М.- С.117-119.
Белик В.П., 1995. Оценка современного состояния и прогноз численности хищных птиц степной части бассейна р. Дон // Хищные птицы и совы Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. заповедника, вып.14.- Ставрополь. - С.116-130.
Белик В.П., 1996. «Летование» северных видов куликов в Южной России // Экология, № 6.- С.468-470.
Белик В.П., 1996. К истории изучения авифауны степного Подонья // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.3: Мат-лы 3-й конф.- Харьков.- С.7-15.
Белик В.П., 1996. О промежуточном перелете лебедя-шипуна в Предкавказье // Орнитология, вып.27.- С.278.
Белик В.П., 1996. Особенности осенней миграции гусей в Северном Прикаспии // Казарка, № 2.- С.253-258.
Белик В.П., 1996. Материалы к авифауне степного Подонья // Кавказ. орнитол. вестник, вып.8.- Ставрополь. - С.3-8.
Белик В.П., 1996а. Птицы – Aves // Редкие, исчезающие и нуждающиеся в охране животные Ростов. обл. - Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та. - С.272-391.
Белик В.П., 1997. Некоторые последствия использования пестицидов для степных птиц Восточной Европы // Беркут, т.6, вып.1-2.- С.70-82.
Белик В.П., 1997. О пролете подорликов в Приазовье // Кавказский орнитол. вестник, вып.9.- С.3-4.
Белик В.П., 1997. Проникновение северных дендрофильных видов птиц в глубь пустынь Казахстана // Беркут, т.6, вып.1-2.- С.19-22.
Белик В.П., 1998. К авифауне Южного Предуралья // Мат-лы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Зап. Сибири: Сб. статей.- Екатеринбург. - С.13-16.
Белик В.П., 1998. Массовая миграция хищных птиц на Нижнем Дону // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.4-5: Мат-лы 4 и 5 конф. «Изучение и охрана птиц бассейна Сев. Донца». - Харьков. - С.37-40.

Белик В.П., 1998. Почему в России исчезли дрофы? // Природа, № 1.- С.58-62.
Белик В.П., 1998. Распространение и численность хищных птиц Заволжья и Южного Предуралья // Беркут, т.7, вып.1-2.- С.32-45.
Белик В.П., 1998. Современное состояние популяций редких и охраняемых видов куликов на юге России // Гнездящиеся кулики Вост. Европы – 2000, т.1.- М.: СОПР. - С.75-83.
Белик В.П., 1999. Авифауна Нижнекундрюченского песчаного массива и его окрестностей // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России.- М.: Союз охраны птиц России.- С.15-37+40.
Белик В.П., 1999. Вероятные причины исчезновения большого подорлика в России // 3 конф. по хищным птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.2.- Ставрополь. - С.16-20.
Белик В.П., 1999. Некоторые итоги полевых исследований 1999 года по программе КОТР на юге Европейской России // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 10.- С.24-26.
Белик В.П., 1999. Перевозчик на степном юге Европейской части России: распространение, численность, экология // Гнездящиеся кулики Вост. Европы – 2000, т.2.- М.: СОПР.- С.73-76.
Белик В.П., 1999. Современное состояние донских популяций журавля-красавки // Журавли Украины.- Мелитополь.- С.38-53.
Белик В.П., 1999. Современное состояние популяций орла-могильника в бассейне Дона // Королевский орел: Распространение, состояние популяций и перспективы охраны орла-могильника (*Aquila heliaca*) в России: Сб. науч. трудов. Серия: Редкие виды птиц, вып.1.- М.: СОПР.- С.13-24.
Белик В.П., 2000. О катастрофическом снижении численности восточноевропейской популяции клинтуха // Редкие, исчезающие и малоизученные птицы России: Сб. науч. статей. - М.: СОПР.- С.85-90.
Белик В.П., 2000. Ростовская область: Дударевская степь // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европ. России. - М.: СОПР.- С.310
Белик В.П., 2000. Хищные птицы на северной окраине Кавказского заповедника // Мат-лы Четвертой науч.-практ. конф. Майкоп. гос. технологич. ин-та: Организмы, популяции, экосистемы. – Майкоп. – С.15-17.
Белик В.П., 2000а. Птицы степного Придонья: Формирование фауны, ее антропогенная трансформация и вопросы охраны.- Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ.- 376 с.
Белик В.П., 2000б. Некоторые особенности формирования летнего населения жаворонков в лугово-степных ландшафтах юго-восточной Европы // Беркут, т.9, вып. 1-2.- С.86-101.
Белик В.П., 2001. Антропический фактор в расселении и гнездовании большого баклана на Нижнем Дону // Орнитология, вып.29.- С.320-321.
Белик В.П., 2001. Заметки о редких и малочисленных видах птиц Лагонакского нагорья // Международн. науч.-практ. конф. «Биосфера и человек»: Мат-лы конф.- Майкоп.- С.131-135.
Белик В.П., 2001. История и современное состояние восточно-европейских популяций стрепета // Орнитология, вып.29. - С.212-222.
Белик В.П., 2001. К орнитофауне Беглицкой косы и ее окрестностей (Северо-Во-

сточное Приазовье) // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып.3.- М.- С.5-23.
Белик В.П., 2001. Каспийский зуёк. Ходулочник. Шилоклювка. Степная тиркушка // Красная книга Российской Федерации (Животные).- М.- С.492-493; 495-499; 520-522.
Белик В.П., 2001. Осенняя миграция хищных птиц через «бутылочное горлышко» в дельте Дона // Русский орнитол. журнал, № 144. - С.407-410.
Белик В.П., 2001а. Соотношение программы КОТР и задачи фаунистики, мониторинга и охраны птиц // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып.3.- М.- С.126-130.
Белик В.П., 2001б. Некоторые общие подходы к работе на ключевых орнитологических территориях // Достижения и проблемы орнитологии Сев. Евразии на рубеже веков: Труды международн. конф. «Акт. проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии». - Казань: Магариф. - С.502-514.
Белик В.П., 2002. Кулик-сорока адаптируется к современным условиям на Дону // Изучение куликов Вост. Европы и Сев. Азии на рубеже столетий: Мат-лы IV и V совещ. по вопросам изучения и охраны куликов. - М. - С.80.
Белик В.П., 2002. Орнитофауна Южного региона России: состав, распределение, тенденции // Птицы Южной России: Мат-лы международн. орнитол. конф. "Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в XXI веке", посвящ. 20-летию деятельности Сев.-Кавказ. орнитол. группы. - Ростов н/Д. - С.49-53.
Белик В.П., 2002. Основные результаты обследования КОТР Ростовской области в 2002 году // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюлл., № 16.- С.20-25.
Белик В.П., 2002. Продолжающаяся деградация поселений куликов на Маныче // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 15.- М.- С.44-46.
Белик В.П., 2002. Птицы Алмазовского заказника и его окрестностей: материалы к мониторингу орнитофауны среднего течения р. Хопер // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып.4.- М.- С.10-23.
Белик В.П., 2002. Современное состояние и проблемы охраны журавлей на юге Европейской части России // Журавли Евразии (распределение, численность, биология): Сб. науч. трудов РГЖ.- М. - С.14-19.
Белик В.П., 2002. Современное состояние популяций особо охраняемых степных птиц в долине оз. Маныч-Гудило (Ростовская область) // Труды заповедника «Ростовский», вып.2: Наземные и водные экосистемы заповедника «Ростовский» и его охранной зоны. - Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ.- С.103-130.
Белик В.П., 2003. Гнездовая колония хохлатого баклана на юге России // Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.1.- С.67-71.
Белик В.П., 2003. Депрессия восточноевропейской популяции тювика: масштабы и причины // Мат-лы 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Пенза.- С.140-145.
Белик В.П., 2003. К летней орнитофауне бассейна оз. Шалкар, Республика Казахстан (неворобьиные) // Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.2.- С.22-35.
Белик В.П., 2003. О судьбе кречетки в Евразии // Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.1.- С.105-113.

Белик В.П., 2003. Характер пребывания пискульки в Предкавказье: гипотетическая ретроспектива, современное состояние и перспективы // Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.2.- С.70-79.
Белик В.П., 2003а. Тетеревятник в степном Придонье: распространение и экология // Ястреб-тетеревятник: Место в экосистемах России: Мат-лы к 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Пенза – Ростов.- С.15-48.
Белик В.П., 2003б. К распространению тетеревятника в Поволжье и на Верхнем Дону // Ястреб-тетеревятник: Место в экосистемах России: Мат-лы к 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Пенза – Ростов.- С.48-52.
Белик В.П., 2003в. Многолетняя динамика кавказской популяции тетеревятника // Ястреб-тетеревятник: Место в экосистемах России: Мат-лы к 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Пенза – Ростов.- С.142-145.
Белик В.П., 2003г. Хищничество тетеревятника и его роль в биоценозах // Ястреб-тетеревятник: Место в экосистемах России: Мат-лы к 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии. - Пенза – Ростов. - С.146-168.
Белик В.П., 2003д. Имя из «Красной книги»: Наземные позвоночные животные степного Придонья, нуждающиеся в особой охране. - Ростов н/Д.: Донской издательский дом. - 432 с.
Белик В.П., 2004. Аксаков, Мензбир и кроншнепы…// Стрепет, т.2, вып.2.- С.102-106.
Белик В.П., 2004. Василий Кондратьев и его «Сведения» о фауне степного Придонья // Стрепет, т.2, вып.1.- С.5-34.
Белик В.П., 2004. Динамика прикаспийской популяции степного орла и оценка лимитирующих факторов // Стрепет, т.2, вып.1.- С.116-133.
Белик В.П., 2004. К вопросу о таксономическом статусе обыкновенного канюка, гнездящегося в Украине // Беркут, т.13, вып.2.- С.303-306.
Белик В.П., 2004. К летней фауне хищных птиц горной Балкарии // Стрепет, т.2, вып.2.- С.28-35.
Белик В.П., 2004. Степная тиркушка: распространение, экология, лимитирующие факторы // Стрепет, т.2, вып.2.- С.68-98.
Белик В.П., 2004а. Птицы долины озера Маныч-Гудило: Non-Passeriformes // Труды заповедника «Ростовский», вып.3: Биоразнообразие заповедника «Ростовский» и его охрана. - Ростов н/Д.: Донской издательский дом. - С.111-177.
Белик В.П., 2005. Материалы к орнитофауне Среднего Дона // Орнитология, вып.32.- С.23-56.
Белик В.П., 2005. Миграции серого журавля на юге России // Журавли Евразии (биология, охрана, разведение), вып.2: Сб. трудов международн. конф. «Журавли на рубеже тысячелетий».- М.- С.117-133.
Белик В.П., 2005а. Кадастр гнездовой орнитофауны Южной России // Стрепет, т.3, вып.1-2.- С.5-37.
Белик В.П., 2006. Изолированная гнездовая группировка большого кроншнепа на юге России // Стрепет, т.4., вып.2.- С.94-99.
Белик В.П., 2006. К расселению малого баклана (*Phalacrocorax pygmaeus*, Pelecaniformes) на юге России // Зоол. журнал, т.85, № 7.- С.859-864.
Белик В.П., 2006. О характере пребывания орлана-долгохвоста на юге России // Стрепет, т.4., вып.2.- С.78-84.
Белик В.П., 2006а. Фауногенетическая структура авифауны Палеарктики // Зоол. журнал, т.85, № 3.- С.298-316.

Белик В.П., 2007. Балобан // Стрепет, т.5, вып.1-2.- С.127.
Белик В.П., 2007. Гнездовая фауна хищных птиц Калмыкии и ее трансформации в XX веке // Стрепет, т.5, вып.1-2.- С.30-38.
Белик В.П., 2007. Кому нужны такие Красные книги? // Красные книги и охрана насекомых: Тематич. подборка публикаций за 2001-2007 г.г.- Ростов н/Д.- С.70-76.
Белик В.П., 2007. О тенденциях к колониальности в донских популяциях орлана-белохвоста // Стрепет, т.5., вып.1-2.- С.106-108.
Белик В.П., 2008. Бородач на Северном Кавказе: распространение и численность // Стрепет, т.6, вып.2.- С.63-85.
Белик В.П., 2008. Материалы к мониторингу орнитофауны Камыш-Самарских озер (Западный Казахстан) // Стрепет, т.6, вып.2.- С.5-28.
Белик В.П., 2008. Питание перепелятника в гнездовой период в Саратовском Поволжье // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии: Мат-лы 5 международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.69-71.
Белик В.П., 2008. План действий по сохранению балобана (*Falco cherrug*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказском экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.55-62.
Белик В.П., 2008. План действий по сохранению орла-могильника (*Aquila heliaca*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказском экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.38-49.
Белик В.П., 2009. Воздействие фосфида цинка на птиц в районах дератизационных работ в XX столетии // Пест-менеджмент, № 4.- С.16-24.
Белик В.П., 2009. Ущелье р. Малка. Ущелье реки Гунделен-Тызыл. Баксанское ущелье. Верхнечегемская котловина. Чегемское ущелье. Хуламское ущелье // Ключевые орнитол. территории России, т.3: Ключевые орнитол. территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР.- С.146-150.
Белик В.П., 2009. Формирование ареала орла-могильника на Кавказе // Животный мир горных территорий.- М.: КМК.- С.211-216.
Белик В.П., 2009а. Птицы искусственных лесов степного Предкавказья: Состав и формирование орнитофауны в засушливых условиях.- Кривой Рог.- 216 с.
Белик В.П., 2010. Глухая кукушка на Северном Кавказе // Стрепет, т.8, вып.1.- С.128-129.
Белик В.П., 2010. Гнездование змееяда на Абрауском полуострове (Краснодарский край) // Стрепет, т.8, вып.1.- С.125-127.
Белик В.П., 2010. Змееяд на Северном Кавказе // Стрепет, т.8, вып.2.- С.34-59.
Белик В.П., 2010. О статусе красного коршуна на Кавказе // Стрепет, т.8, вып.1.- С.103-113.
Белик В.П., 2010. Редкие виды куликов в фауне Южной России // Стрепет, т.8, вып.2.- С.5-23.
Белик В.П., 2011. Кулик-сорока в Предкавказье // Стрепет, т.10, вып.1.- С.68-75.
Белик В.П., 2011. Обоснование включения серой утки в Красную книгу Ростовской области // Проблемы Красных книг и преподавание охраны природы: Науч.-метод. сборник.- Ростов н/Д.- С.109-112.
Белик В.П., 2011. Особенности гнездования красавки в восточноевропейских степях // Журавли Евразии (биология, распространение, миграции, управление), вып.4.- М.: ИПЭЭ РАН.- С.141-156.

Белик В.П., 2011. Священный ибис. Каравайка. Колпица // Птицы России и сопредельных регионов: пеликанообразные, аистообразные, фламингообразные.- М.: КМК.- С.431-435; С.444-497.

Белик В.П., 2012. К летней фауне хищных птиц и сов Богдинско-Баскунчакского заповедника // Стрепет, т.10, вып.1.- С.54-59.

Белик В.П., 2012. Полевой тетерев: история, современное распространение и биология на юге России // Стрепет, т.10, вып.1.- С.99-107.

Белик В.П., 2012. Распространение и численность черного грифа (*Aegypius monachus*, Falconiformes) на Северном Кавказе // Зоол. журнал, т.91, № 3.- С.347-354.

Белик В.П., 2013. Еще раз о колонии черного грифа на Центральном Кавказе // Стрепет, т.11, вып.1.- С.98-99.

Белик В.П., 2013. К летней орнитофауне Богдинско-Баскунчакского заповедника и его окрестностей // Исследования природного комплекса окрестностей озера Баскунчак: Сб. науч. статей.- Волгоград.- С.27-34.

Белик В.П., 2013. Комментарии к проекту списка видов птиц, рекомендованных для включения в третье издание Красной книги России // Охрана птиц в России: проблемы и перспективы: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с международн. участием, посвящен. 20-летию Союза охраны птиц России.- Москва–Махачкала.- С.194-201.

Белик В.П., 2013. Материалы к орнитофауне Северной Осетии // Стрепет, т.11, вып.2.- С.41-53.

Белик В.П., 2013. Некоторые замечания по ведению Красной книги России // Охрана птиц в России: проблемы и перспективы: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с международн. участием, посвящен. 20-летию Союза охраны птиц России.- Москва – Махачкала.- С.192-194.

Белик В.П., 2013. Освоение орланом-белохвостом новой адаптации к гнездованию на опорах ЛЭП // Байкальский зоол. журнал, № 2 (13).- С.5-7.

Белик В.П., 2013а. Орнитогеографические связи и районирование Большого Кавказа (новые подходы в анализе фауны) // Стрепет, т.11, вып.1.- С.5-88.

Белик В.П., 2013б. Современные изменения орнитофауны Северо-Западного Кавказа и их причины // Труды Мензбировского орнитол. общества, т.2: Памяти Е.Н. Курочкина.- Махачкала.- С.208-230.

Белик В.П., 2014. Беркут на Северном Кавказе: распространение, численность, экология, охрана // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.58-89.

Белик В.П., 2014. Колпица. Каравайка. Обыкновенный осоед. Степной лунь. Европейский тювик. Канюк-курганник. Змееяд. Степной орел. Большой подорлик. Малый подорлик. Орел-могильник, или карагуш. Беркут. Белоголовый сип. Балобан. Сапсан. Степная пустельга. Погоныш-крошка. Серый журавль. Журавль-красавка. Погоныш-крошка. Дрофа. Стрепет. Авдотка. Морской зуек. Шилоклювка. Поручейник. Тонкоклювый кроншнеп. Большой кроншнеп. Средний кроншнеп. Степная тиркушка. Луговая тиркушка. Чеграва. Мохноногий сыч // Красная книга Ростовской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Ростов н/Д.- С.173-174; 184-206; 208; 210-213; 215-216; 218; 221.

Белик В.П., 2014. Рецентная динамика популяций хищных птиц Северного Кавказа: итоги 150-летних исследований // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана:

Мат-лы Международной конф.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.83-126.
Белик В.П., 2014. Состояние популяций серой утки на юге России // Казарка, № 17.- М.- С.118-124.
Белик В.П., 2014. Характер пребывания кречета на юге России // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.182-184.
Белик В.П., 2014а. Опыт работы с региональными Красными книгами в Южной России // Стрепет, т.12, вып.1-2. - С.112-166.
Белик В.П., 2015. К орнитофауне Годжурского лесничества на севере Ергеней // Стрепет, т.13, вып.1.- С.82-90.
Белик В.П., 2015. К орнитофауне Пицундо-Мюссерского заповедника и его окрестностей // Орнитология, вып.39.- С.5-47.
Белик В.П., 2015. Кеклик на Северном Кавказе // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.: Академцентр.- С.160-185.
Белик В.П., 2015. Материалы к Кадастру редких видов птиц Северной Осетии // Труды Северо-Осетинск. природн. заповедника, № 3.- Владикавказ.- С.133-135.
Белик В.П., 2015. Струйные течения и миграции птиц // Энергетика и годовые циклы птиц (памяти В.Р. Дольника): Мат-лы Международной конф.- М.: КМК.- С.49-55.
Белик В.П., 2015а. Степные птицы в XXI веке: проблемы и перспективы // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международной конф.- Ростов н/Д.: Академцентр.- С.11-37.
Белик В.П., 2016. Вальдшнеп на Кавказе и юге России // Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Северной Евразии: Мат-лы 10-й юбилейной конф. Рабоч. группы по куликам Сев. Евразии.- Иваново – Мелитополь.- С.39-49.
Белик В.П., 2016. К летней орнитофауне Волго-Ахтубинской поймы на севере Астраханской области // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.20-26.
Белик В.П., 2016. К орнитофауне Национального парка «Алания», Северная Осетия, Дигория // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.39-64.
Белик В.П., 2016. К распространению и численности малого подорлика в долине Кубани и ее левобережных притоков // Хищные птицы Сев. Евразии: Проблемы и адаптации в современных условиях: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.234-240.
Белик В.П., 2016. О пребывании моевки в Азово-Черноморском бассейне // Бранта, вып.19.- С.152-155.
Белик В.П., 2017. Депрессия численности обыкновенной горлицы в России в конце XX века // Стрепет, т.15, вып.1.- С.91-97.
Белик В.П., 2017. История изучения птиц Волгоградского Поволжья // Поволжский экол. журнал, № 3.- С.207-239.
Белик В.П., 2017. Особенности формирования современной гнездовой авифауны в предгорьях Северного Кавказа на модели Кубано-Лабинского междуречья // Зоол. журнал, т.96, № 8.- С.943-959.
Белик В.П., 2017. Скопа. Обыкновенный осоед. Европейский тювик. Курганник. Змееяд. Орел-карлик. Степной орел. Большой подорлик. Малый подорлик. Орел-могильник, карагуш. Беркут. Балобан. Сапсан. Степная пустельга. Авдотка // Красная книга Волгоградской обл., т.1: Животные.- 2-е изд.- Воронеж.- С.131-147; 153.

Белик В.П., 2018. Дербник на южной границе ареала // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.86-92.
Белик В.П., 2018. Зоогеографические связи Кавказа и Крыма в орнитофауне Таманского полуострова и сухих гор Навагира и Маркотха // Первый Всероссийск. орнитол. конгресс: Тез. докл.- Тверь.- С.29-30.
Белик В.П., 2018. Колония средиземноморской чайки *Larus michahellis* на Черноморском побережье Кавказа // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1614.- С.2433-2441.
Белик В.П., 2018. Орнитофауна Кабардино-Балкарского заповедника на Центральном Кавказе: состав, структура, распространение, динамика численности // Орнитология, вып.42.- С.104-121.
Белик В.П., 2019. К истории орнитологических исследований в Астраханской области и в дельте Волги: ранний период // Природные экосистемы Каспийского региона: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы Всероссийской науч. конф. с международн. участием, посвящ. 100-летию Астраханского гос. заповедника.- Астрахань.- С.12-14.
Белик В.П., 2019. Летняя орнитофауна предгорных районов Северного Кавказа в междуречье Лабы и Кубани // Русск. орнитол. журнал, т.28, № 1799.- С.3333-3407.
Белик В.П., 2019. Материалы к фауне куликов степной Даурии // Актуальные вопросы изучения куликов Сев. Евразии: Мат-лы XI Международн. науч.-практ. конф.- Минск: БГУ.- С.56-60.
Белик В.П., 2019. Осенние учёты птиц в дельте Дона // Русский орнитол. журнал, т.28, № 1737.- С.914-926.
Белик В.П., 2019. Характер пребывания малого буревестника на Чёрном и Азовском морях // Бранта, вып.22.- С.78-93.
Белик В.П., 2019. Встреча мохноногого сыча *Aegolius funereus* на юге Воронежской области // Русский орнитол. журнал, т.28, № 1716.- С.50-51.
Белик В.П., 2019. Тернистый путь зоолога А.В. Лерхе (19.11.1875 – 19.05.1954) // Стрепет, т.17, вып.2.- С.104-115.
Белик В.П., 2020. Наши горлицы // Мир птиц, № 51-52.- С.2-5.
Белик В.П., 2020. Белобрюхий стриж на полуострове Абрау, Северо-Западный Кавказ // Наземные и морские экосистемы полуострова Абрау: история, состояние, охрана: Науч. труды, т.5.- Анапа.- 126-130.
Белик В.П., 2020. К орнитофауне Тебердинского заповедника и его окрестностей // Орнитология, вып.44.- С.65-86.
Белик В.П., 2020. О статусе красношейной поганки на юге России // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.7: Сб. статей 7 Всероссийск. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.23-33.
Белик В.П., 2020. Пребывание гагар Gaviiformes на юге России // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.7: Сб. статей 7 Всеросс. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.34-44.
Белик В.П., 2020. Популяционная динамика хищных птиц Южной России и Северного Кавказа: хронология, причины, механизмы // Хищные птицы в ландшафтах Сев. Евразии: Современные вызовы и тренды: Мат-лы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.37-45.
Белик В.П., 2020. Хищные птицы Приэльбрусья, их связь с горным сусликом, и

некоторые последствия трофической конкуренции // Хищные птицы в ландшафтах Сев. Евразии: Современные вызовы и тренды: Мат-лы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.135-143.
Белик В.П., 2020. Современное состояние популяций балобана на юге России // Соколы Палеарктики: Распространение, состояние популяций, экология и охрана: Материалы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.130-138.
Белик В.П., 2020. Черный аист на Кавказе: распространение и динамика численности // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.74-88.
Белик В.П., 2020. Юбилей Леонида Ивановича Тараненко // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.117-119.
Белик В.П., 2021. Весенняя орнитофауна Чижинских разливов, Западный Казахстан // *Selevinia*, т.29.- В печати.
Белик В.П., 2021. Парадоксы ареалов некоторых видов уток в Северной Евразии // Зоол. журнал, т.100.- В печати.
Белик В.П. Еще раз о белохвостом песочнике (*Calidris temminckii*) (Scolopacidae, Aves) на юге России.- В печати.
Белик В.П., Аккиев М.И., 2018. Мохноногий сыч (*Aegolius funereus*) (Strigidae, Aves) на Северном Кавказе // Поволжский экол. журнал, № 2.- С.147-162.
Белик В.П., Бабич М.В., Белик Т.В., 2000. К орнитофауне бассейна Малой Лабы (Северо-Западный Кавказ) // Кавказск. орнитол. вестник, вып.12.- С.18-25.
Белик В.П., Бабич М.В., Коренев П.И., 2000. Катастрофическая депрессия численности предкавказской популяции степной тиркушки // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 13.- М.- С.36-38.
Белик В.П., Бабич М.В., Трофименко В.В., 2001. Материалы к орнитофауне Доно-Донецкого займища и его окрестностей // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып.3.- М.- С.23-46.
Белик В.П., Бабкин И.Г., 2010. К распространению и численности хищных птиц на полуострове Абрау // Бранта, № 13. - С.68-75.
Белик В.П., Ветров В.В. 1990. Серый журавль в бассейне Северского Донца // Редкие, малочисл. и малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.12-18.
Белик В.П., Ветров В.В., 1998. Распространение и численность большого подорлика в степной части бассейна Дона // 3 конф. по хищным птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.1.- Ставрополь. - С.7-8.
Белик В.П., Ветров В.В., 1998а. Европейский тювик на территории СНГ. Сообщение 1: Распространение и численность // Бранта, вып.1.- С.24-36.
Белик В.П., Ветров В.В., 1999. Европейский тювик на территории СНГ. Сообщение 2: Биология и перспективы охраны // Бранта, вып.2.- С.7-25.
Белик В.П., Ветров В.В., Бабич М.В., Трофименко В.В., 1999. Змееяд в Волгоградской области // 3 конф. по хищным птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.2.- Ставрополь.- С.20-23.
Белик В.П., Ветров В.В., Гугуева Е.В., Бабкин И.Г., 2010. Орел-могильник, или карагуш в Калачской излучине Дона (Волгоградская область) // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.11: Мат-лы 15 науч. конф. - Донецк.- С.55-69.
Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., 2004. Распространение и современная численность ворона в Западном Предкавказье // Стрепет, т.2, вып.1.- С.138-142.

Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., 2008. Новые адаптивные особенности в гнездовой экологии обыкновенного канюка на Северном Кавказе // Стрепет, т.6, вып.2.- С.41-46.

Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., 2009. Материалы к орнитофауне Таманского полуострова // Бранта, № 12.- С.7-26.

Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., 2010. Ренессанс клинтуха в Восточной Европе: демографический потенциал новой адаптации // Стрепет, т.8, вып.1.- С.70-74.

Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., 2011. Хищные птицы Дагестана по данным экспедиционных исследований 2009 года // International Conf. «The Birds of prey and owls of Caucasus». - Tbilisi, Abastumani, Georgia.- С.10-13.

Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., 2017. Карагуш, или орёл-могильник в горах Кабардино-Балкарии // Стрепет, т.15, вып.1.- С.74-79.

Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., Гугуева Е.В., 2008. Заселение орланом-белохвостом полезащитных лесополос в бассейне Дона и Предкавказье // Стрепет, т.6, вып.1.- С.113-117.

Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., Гугуева Е.В., 2010. Недавний бенефис и неожиданный крах популяций врановых птиц на юге России и Украины // Врановые птицы Сев. Евразии: Мат-лы Международн. конф.- Омск: Полиграфический центр.- С.19-23.

Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., Гугуева Е.В., 2012. Динамика ареала и численности кобчика на юге России // Хищные птицы в динамической среде третьего тысячелетия: Труды VI Международн. конф. по соколообразным и совам Сев. Евразии.- Кривой Рог.- С.87-122.

Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., Маловичко Л.В., 2008. Гнездование могильника (*Aquila heliaca* Sav.) в степном Ставрополье // Новітні дослідження соколоподібних та сов: Мат-ли 3 Міжнародн. наук. конф. «Хижі птахи України».- Кривий Ріг.- С.25-27.

Белик В.П., Вяли Ю., Бабкин И.Г., 2008. Малый подорлик на Северном Кавказе // Изучение и охрана большого и малого подорликов в Сев. Евразии: Мат-лы 5 международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.47-69.

Белик В.П., Галушин В.М., 1999. Популяционная структура ареала орла-могильника в Северной Евразии // Королевский орел: Распространение, состояние популяций и перспективы охраны орла-могильника (*Aquila heliaca*) в России: Сб. науч. трудов. Серия: Редкие виды птиц. Вып.1.- М.: СОПР.- С.129-139.

Белик В.П., Галушин В.М., 2019. История формирования научной номенклатуры и валидность современных имен некоторых видов орлов рода *Aquila* (Accipitridae) // Зоол. журнал, т.98, № 1.- С.79-88.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2013. Новая экологическая адаптация клинтуха и её популяционное значение // Поволжский экол. журнал, № 2.- С.123-131.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2014. Степной лунь в степном Заволжье // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.177-181.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2016. Гуси и лебеди в фауне Волгоградской области // Казарка, т.19, вып.2.- С.105-141.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2016. Пеганка и огарь в Волгоградской области // Казарка, т.19, вып.2.- С.49-66.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2016а. Распространение и характер пребывания полевого

луня в Волгоградской области и других регионах Поволжья // Луни Палеарктики: Систематика, распространение и особенности экологии в Сев. Евразии: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.102-107.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2016б. Распространение, динамика численности, фенология миграций и элементы гнездовой экологии лугового и степного луней в Волгоградской области // Луни Палеарктики: Систематика, распространение и особенности экологии в Сев. Евразии: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.107-116.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2020. Миграции египетской цапли *Bubulcus ibis* вдоль Черноморского побережья Кавказа // Русский орнитол. журнал, т.29, № 1971.- С.4132-4137.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2020. Распространение черношейной поганки в Волгоградской области // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.7: Сб. статей 7 Всероссийск. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.45-52.

Белик В.П., Гугуева Е.В., 2021. К орнитофауне Арчединских песков, Средний Дон // Стрепет, т.19, вып.1-2.- В печати.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Бабкин И.Г., 2008. Дятел сирийский // Стрепет, т.6, вып.2.- С.108.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Бабкин И.Г., Махмутов Р.Ш., Мазина О.В., 2010. Орел-могильник, или карагуш, в Волгоградской области // Орнитология в Сев. Евразии: Мат-лы 13 международн. орнитол. конф. Сев. Евразии: Тез. докл.- Оренбург: Изд-во Оренбург. пед. ун-та.- С.57-58.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Бородина Л.В., 2020. Белый аист в Волгоградской области // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.54-60.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Ветров В.В., Бабкин И.Г., 2012. Весенний пролет гуменника в Среднем Поволжье и некоторые особенности миграции гусей в Восточной Европе // Казарка, т.15, вып.1.- М.- С.33-42.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Ветров В.В., Махмутов Р.Ш., 2012. Миграции малого лебедя в Волго-Ахтубинской пойме // Казарка, т.15, вып.1.- М.- С.13-29.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Ветров В.В., Милобог Ю.В., 2011. Красавка в Северо-Западном Прикаспии: распространение, численность, успешность размножения // Журавли Евразии (биология, распространение, миграции, управление), вып.4.- М.: ИПЭЭ РАН.- С.157-174.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Ветров В.В., Милобог Ю.В., 2014. Хищные птицы Волгоградской области // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.- С.127-161.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Лопанцева Н.Б., Махмутов Р.Ш., 2019. Учеты численности дрофы в 2019 году в Старополтавском районе Волгоградской области // Стрепет, т.17, вып.1.- С.150-152.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Махмутов Р.Ш., 2013. Редкие виды птиц Волгоградской Сарпы // Охрана птиц в России: проблемы и перспективы: Мат-лы Всероссийск. науч.-практ. конф. с международн. участием, посвящен. 20-летию Союза охраны птиц России.- Москва–Махачкала.- С.46-52.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Милобог Ю.В., Ветров В.В., Пименов В.Н., 2015. Степной орёл (Accipitridae, Aves) в Волгоградском Заволжье // Поволжский экол. журнал, № 4.- С.363-380.

Белик В.П., Гугуева Е.В., Пименов В.Н., Милобог Ю.В., 2014. Серый журавль в Волгоградском Заволжье // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 13.- М.- С.26-28.

Белик В.П., Давыгора А.В., 1990. Степная пустельга - кандидат в Красную книгу РСФСР // Итоги изучения редких животных: Мат-лы к Красной книге: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.52-53.

Белик В.П., Данченко В.В., 1977. Распространение *Eudromias morinellus* (Charadriidae) на Кавказе // Зоол. журнал, т.56, № 5.- С.798-800.

Белик В.П., Дебело П.В., Морозов В.В., Шевченко В.Л., 1997. Малый лебедь (*Cygnus bewickii*) в Волжско-Уральском междуречье // Казарка, № 3.- С.280-285.

Белик В.П., Джамирзоев Г.С., 2008. План действий по сохранению джека (*Chlamydotis undulata*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказском экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.84-88.

Белик В.П., Джамирзоев Г.С., Насретдинов Х., 2002. Обследование КОТР Дагестана // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 16.- С.18-20.

Белик В.П., Динкевич М.А., 2004. Колониальные веслоногие и голенастые птицы Восточного Приазовья // Бранта, № 7.- С.131-157.

Белик В.П., Ильяшенко В.Ю., Ильяшенко Е.И., 2020. Журавль-красавка – индикатор экологического благополучия в степях России // Природа, № 4.- С.3-15.

Белик В.П., Казаков Б.А., 1988. Современное состояние фауны гусеобразных Нижнего Дона (в пределах Ростовской области) // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.12-17.

Белик В.П., Казаков Б.А., Конева В.А., 2017. Материалы к летней орнитофауне Пшадского участка на Северо-Западном Кавказе // Орнитология, вып.41.- С.19-39.

Белик В.П., Казаков Б.А., Олейников Н.С., 1992. К хронологии заселения Маныча черноголовой чайкой и большим бакланом // Кавказск. орнитол. вестник, вып.3.- С.75-76.

Белик В.П., Казаков Б.А., Петров В.С., 1983. Степные искусственные лесонасаждения Северного Кавказа и расселение хищных птиц // Охрана хищных птиц: Мат-лы 1 совещ. по экологии и охране хищных птиц. - М.: Наука. - С.37-41.

Белик В.П., Казаков Б.А., Петров В.С., 1993. Характер пребывания светлых луней на юге Европейской России // Кавказск. орнитол. вестник, вып.5. - С.3-13.

Белик В.П., Караваев А.А., Тильба П.А., Музаев В.М., Комаров Ю.Е., Федосов В.Н., 2016. Орнитофауна Южной России: современное распределение и характер пребывания видов в регионах // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.98-197.

Белик В.П., Караваев А.А., Тильба П.А., Музаев В.М., Комаров Ю.Е., Федосов В.Н., 2020. Мониторинг современного состояния орнитофауны Южной России // Орнитологические исследования в странах Северной Евразии: Тез. XV Междунар. орнитол. конф. Сев. Евразии, посвящ. памяти акад. М.А. Мензбира (165-летию со дня рождения и 85-летию со дня смерти).- Минск: Беларуская навука.- С.62-63.

Белик В.П., Комаров Ю.Е., 2009. Алагирское и Куртатинское ущелья // Ключевые орнитол. территории России, т.3: Ключевые орнитол. территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР.- С.157-158.

Белик В.П., Комаров Ю.Е., Музаев В.М., Русанов Г.М., Реуцкий Н.Д., Тильба

П.А., Поливанов В.М., Джамирзоев Г.С., Хохлов А.Н., Чернобай В.Ф., 2006. Орнитофауна Южной России: характер пребывания видов и распределение по регионам // Стрепет, т.4., вып.1.- С.5-35.

Белик В.П., Комаров Ю.Е., Тильба П.А., Караваев А.А., Перевозов А.Г., Вуккерт Е.А., 2019. Белобрюхий стриж на Северном Кавказе // Стрепет, т.17, вып.1.- С.124-144.

Белик В.П., Конева В.А., 2004. Владимир Степанович Петров // Стрепет, т.2, вып.2.- С.111-114.

Белик В.П., Конева В.А., 2015. К столетию со дня рождения Владимира Степановича Петрова (31 марта 1915 – 21 апреля 1991) // Русский орнитол. журнал, т.24, № 1116.- С.833-837.

Белик В.П., Коренев П.И., 2020. Летняя орнитофауна лимана Холостонур и его окрестностей в верховьях р. Сал, Ростовская область // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.26-53.

Белик В.П., МакГрейди М., Федосов В.Н., 2011. Ястреб-тювик в Предкавказье // Экология птиц: виды, сообщества, взаимосвязи: Труды науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н.Н. Сомова (1861-1923), кн.2.- Харьков.- С.129-149.

Белик В.П., Милобог Ю.В., Ветров В.В., Гугуева Е.В., 2008. Материалы к оценке численности малого подорлика (*Aquila pomarina* C.L. Brehm) в Краснодарском крае и Адыгее // Новітні дослідження соколоподібних та сов: Мат-ли 3 Міжнародн. наук. конф. «Хижі птахи України».- Кривий Ріг.- С.28-32.

Белик В.П., Милобог Ю.В., Ветров В.В., Маловичко Л.В., 2008. Гнездование белохвостой пигалицы на Восточном Маныче в Калмыкии // Стрепет, т.6, вып.1.- С.118-121.

Белик В.П., Мищенко А.Л., 2017. Горлицу в Красную книгу! // Российская охотничья газета, № 46-47 (1214-1215).- С.2.

Белик В.П., Мищенко А.Л., 2017. Обыкновенная горлица *Streptopelia turtur* на пути к исчезновению // Русский орнитол. журнал, т.26, № 1538.- С.5259-5262.

Белик В.П., Мищенко А.Л., 2018. Катастрофическое сокращение численности обыкновенной горлицы // Первый Всероссийск. орнитол. конгресс: Тез. докл.- Тверь.- С.30.

Белик В.П., Мищенко А.Л., 2018. Обыкновенная горлица в России под критической угрозой // Мир птиц, № 49-50.- С.24-25.

Белик В.П., Москаленко В.М., 2018. Авифаунистические раритеты Сумского Полесья. 2. Non-Passeriformes // Беркут, т.27, вып.1.- С.1-38.

Белик В.П., Насрулаев Н.И., 2019. К орнитофауне аридных котловин внутреннего Дагестана: котловина Орота на реке Аварское Койсу // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.6: Сб. статей 6 Всероссийск. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.63-81.

Белик В.П., Насрулаев Н.И., 2019. Проникновение золотистой щурки в горы Дагестана // Стрепет, т.17, вып.2.- С.82-86.

Белик В.П., Насрулаев Н.И., 2020. По Аварскому и Андийскому Койсу Дагестанской Республики в целях зоологических наблюдений… // Мир птиц, № 51-52.- С.31-33.

Белик В.П., Николаев В.В., Мугако А.Л., 2006. Численность и территориальное распределение куликов на юге Западной Сибири // Стрепет, т.4., вып.1.- С.45-51.

Белик В.П., Олейников Н.С., 1996. Птицы лесного острова в пойме р. Кумы на

востоке Ставропольского края // Кавказск. орнитол. вестник, вып.8.- С.44-48.
Белик В.П., Пекло А.М., 1989. Летняя орнитофауна искусственных степных лесов Западного Предкавказья. Сообщение 1. Челбасское лесничество // Экологич. проблемы Ставроп. кр. и сопредельных территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.162-172.
Белик В.П., Пекло А.М., 1989. Летняя орнитофауна искусственных степных лесов Западного Предкавказья. Сообщение 2. Новопокровское лесничество // Экологич. проблемы Ставроп. кр. и сопредельных территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.172-184.
Белик В.П., Петров В.С., 1979. Новые данные о летней орнитофауне Манычского лесхоза (Зерноградский р-н Ростовской области) // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра Высш. школы. Естеств. науки, № 3.- С.92-93.
Белик В.П., Петров В.С., Казаков Б.А., 1981. Некоторые результаты орнитофаунистических исследований в искусственных лесных массивах Нижнего Дона и Западного Предкавказья // Вестн. зоологии, № 2.- С.62-68.
Белик В.П., Пименов В.Н., 2008. Летние встречи хрустана в степях Прикаспия // Стрепет, т.6, вып.2.- С.91-93.
Белик В.П., Поливанов В.М., Тильба П.А., Джамирзоев Г.С., Музаев В.М., Букреева О.М., Русанов Г.М., Реуцкий Н.Д., Мосейкин В.Н., Чернобай В.Ф., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Мнацеканов Р.А., Комаров Ю.Е., 2003. Современные популяционные тренды гнездящихся птиц Южной России // Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.1.- С.10-30.
Белик В.П., Попович А.В., Семёнова О.Е., 2019. Морской песочник на юге России // Стрепет, т.17, вып.2.- С.87-92.
Белик В.П., Попович А.В., Семёнова О.Е., Торгачкин И.П., 2021. Толстоклювый зуек *Charadrius leschenaultii* на юге России // Русский орнитол. журнал, т.30.- В печати.
Белик В.П., Сидельников В.В., 1988. Дрофа в Ростовской области // Ресурсы животн. мира Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.17-20.
Белик В.П., Сидельников В.В., 1989. Дрофа в Ростовской области // Редкие и нуждающиеся в охране животные: Мат-лы к Красной книге: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.74-77.
Белик В.П., Сидельников В.В., 1989. Распространение и численность стрепета в Ростовской области // Всесоюзн. совещ. по проблеме кадастра и учета животного мира: Тез. докл., ч.2.- Уфа. - С.385-388.
Белик В.П., Сидельников В.В., 1989. Стрепет в Ростовской области // Редкие и нуждающиеся в охране животные: Мат-лы к Красной книге: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.82-88.
Белик В.П., Тараненко Л.И., 1996. Штрихи истории «лесного отшельника» // Природа, № 11.- С.126-128.
Белик В.П., Таранцев М.И., 1995. Распространение и численность перепела в Ростовской области // Вопр. экологии и охраны природы Ставроп. кр. и сопредельных территорий: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.107-108.
Белик В.П., Тельпов В.А., 2007. Результаты инвентаризации и мониторинга КОТР на Центральном Кавказе в 2006 году // Стрепет, т.5., вып.1-2.- С.71-84.
Белик В.П., Тельпов В.А., Комаров Ю.Е., Пшегусов Р.Х., 2008. Белоголовый сип на Центральном Кавказе // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии:

Мат-лы 5 международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.181-186.

Белик В.П., Трофименко В.В., Бабич М.В., 2000. Арчединский песчаный массив как уникальный ландшафтный объект на юге России // Проблемы природопользования и сохранения биоразнообразия в условиях опустынивания: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. - Волгоград. - С.101-104.

Белик В.П., Федосов В.Н., 2010. Гнездование европейского тювика в селе Дивном (Ставропольский край) в 2010 году // Стрепет, т.8, вып.1.- С.95-102.

Белик В.П., Федосов В.Н., 2017. К летней орнитофауне степного междуречья Куры и Малки на границе Ставропольского края и Кабардино-Балкарии // Стрепет, т.15, вып.2.- С.5-27.

Белик В.П., Хохлов А.Н., 1989. Особенности формирования орнитофауны населенных пунктов степного Предкавказья // Синантропизация животных Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.20-23.

Белик В.П., Хохлов А.Н., Кукиш А.И., Тильба П.А., Комаров Ю.Е., 1991. Редкие и малочисленные птицы Северного Кавказа, нуждающиеся в особой охране // Изучение редких животных в РСФСР: Мат-лы к Красной книге: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.94-106.

Белик В.П., Шварцева Н.В., 2004. Восстановление популяции степной тиркушки на Маныче // Кулики Вост. Европы и Сев. Азии: изучение и охрана: Тез. докл. VI совещ.- Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. - С.4-5.

Белик В.П., Шергалин Е.Э., Франкьен И.Ж., 2012. М.М. Алфераки – Птицы Нижнего Дона: Non-Passeriformes // Стрепет, т.10, вып.1.- С.5-53.

Белик В.П., Шергалин Е.Э., Франкьен И.Ж., 2013. М.М. Алфераки – Птицы Нижнего Дона: Passeriformes // Стрепет, т.11, вып.2.- С.5-22.

Белик В.П., Шмараева А.Н., Шишлова Ж.Н., Фуштей Т.В., 2002. Природные условия верхней части долины Западного Маныча и современное состояние основных экосистем // Труды заповедника «Ростовский», вып.2: Наземные и водные экосистемы заповедника «Ростовский» и его охранной зоны. - Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ.- С.9-38.

Беляченко А.В., Пискунов В.В., Антончиков А.Н., Варламов А.Г., 2000. Черебаевская пойма // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европейской России.- М.: СОПР.- С.469.

Беляченко А.В., Пискунов В.В., Беляченко А.А., 2018. О новых и редких видах птиц в волгоградском Заволжье // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1563.- С.529-549.

Бёме Л.Б., 1925. Результаты орнитологических экскурсий в Кизлярский округ ДагССР в 1921-22 гг.- Владикавказ.- 25 с.

Бёме Л.Б., 1926. Птицы Северной Осетии и Ингушии (с прилежащими районами) // Учен. зап. Северо-Кавказск. ин-та краеведения, т.1. - С.175-274.

Бёме Л.Б., 1926а. Горная курочка // Украинский охотник и рыболов, 1926, № 5.- С.21-22.

Бёме Л.Б., 1928. Краткий обзор зоологических исследований в ДССР за последние 10 лет // Десять лет научных работ в Дагестане.- Махачкала.- С.25-29.

Бёме Л.Б., 1929. Результаты обследования охотничьего хозяйства Парабочевского и Самурского заказников НКЗ Дагестанской С.С. Республики // Изв.

Горского пед. ин-та, т.6.- С.115-156.
Бёме Л.Б., 1932. К вопросу изучения вертикальной миграции птиц в центральной части Кавказа // Докл. АН СССР. Сер. А, № 1. - С.23-29.
Бёме Л.Б., 1933. По Аварскому и Андийскому округам Дагестанской Республики в целях зоологических наблюдений // Изв. 2-го Сев.-Кавказск. пед. ин-та, т.10.- С.127-146.
Бёме Л.Б., 1934. Новая птица для фауны Европы // Природа, № 11.- С.98.
Бёме Л.Б., 1934. Новые данные по орнитофауне Северного Кавказа // Изв. 1 и 2 Сев.-Кавказск. пед. ин-та, т.2, № 11.- С.327-330.
Бёме Л.Б., 1935. Птицы Северо-Кавказского края: Руководство к орнитологическим экскурсиям по Северному Кавказу для учителей и учащихся...- Пятигорск.- 139 с.
Бёме Л.Б., 1936. Новый случай залета полярной совы (*Nyctea nyctea* L.) на Северный Кавказ // Природа, т.25, № 3.- С.117.
Бёме Л.Б., 1950. По Кавказу. Природа и охота.- М.: Изд-во МОИП.- 208 с.
Бёме Л.Б., 2018. Горная курочка // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.82-85.
Бёме Л.Б., Красовский Д.Б., Чернов С.А., 1930. Материалы к познанию фауны позвоночных животных Ингушской автономной области // Изв. Ингушск. науч-исслед. ин-та краеведения, вып.2/3.- Владикавказ.- С.47-111.
Бёме Л.Б., Ушатинская Р.С., 1932. О заселении степей восточного Предкавказья новыми представителями орнитофауны // Изв. 2-го Сев.-Кавказск. пед. ин-та, т.9.- С.163-183.
Бёме Р.Л., 1958. Птицы Центрального Кавказа // Учен. зап. Сев.-Осетинск. гос. пед. ин-та.- Орджоникидзе, т.23, вып.1. - С.111-183.
Бёме Р.Л., 1982. Кавказ // Птицы СССР.- М.: Наука.- С.85-88..
Беньковский Л.М., Беньковская М.Л., 1989. Кольчатая горлица в Краснодарском крае // Синантропизация животных Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.10-11.
Березовиков Н.Н., 2009. К вопросу о характере пребывания красношейной поганки *Podiceps auritus* в дельте Урала // Русский орнитол. журнал, т.18, № 489.- С.974-975.
Березовиков Н.Н., Гисцов А.П., 1993. К авифауне Северо-Восточного Прикаспия // Русский орнитол. журнал, т.2, № 1.- С.89-90.
Березовиков Н.Н., Гисцов А.П., 2001. Птицы дельты реки Урал // Русский орнитол. журнал, т.10, № 153.- С.635-649.
Березовиков Н.Н., Ерохов С.Н., 2001. Какие белые гуси стали встречаться в Кустанайской области Казахстана // Казарка, № 7.- С.173-176.
Березовиков Н.Н., Кондратенко Г.С., 2012. Нахождение малой горлицы *Streptopelia senegalensis* в городе Актау на восточном побережье Каспийского моря // Русский орнитол. журнал, т.21, № 756.- С.1095-1096.
Березовиков Н.Н., Хроков В.В., Карпов Ф.Ф., Коваленко А.В., 2000. Птицы Утва-Илекского междуречья. III. Falconiformes, Strigiformes // Русский орнитол. журнал, т.9, № 122.- С.3-12.
Бернацкий Г.И., 1954. Зимовки моевок на Черном море // Природа, № 2.- С.119.
Бернацкий Г.И., 1958. Птицы Пицундского заповедника: Предварительный обзор // Труды Абхазского музея, вып.3.- Сухуми.- С.31–81.
Бершицкая Т.В., Поливанов В.М., 2001. О гнездовании вертишейки *Jynx torquilla*

в Тебердинском заповеднике // Русский орнитол. журнал, № 159.- С.786-789.
Бескаравайный М.М., 2002. Толстоклювый зуек – новый вид в орнитофауне Крыма // Вестник зоологи, т.36, № 6.- С.80.
Бескаравайный М.М., 2008. Птицы морских берегов южного Крыма.- Симферополь.- 160 с.
Бескаравайный М.М., 2011. Хохлатый баклан // Птицы России и сопредельных регионов: пеликанообразные, аистообразные, фламингообразные.- М.: КМК.- С.123-133.
Бескаравайный М.М., 2012. Птицы Крымского полуострова.- Симферополь.- 336 с.
Бескаравайный М.М., 2015. Баклан хохлатый средиземноморский // Красная книга Республики Крым: Животные.- Симферополь.- С.301.
Бианки В.В., 1967. Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива // Труды Кандалакшского заповедника, вып.6.- Мурманск.- 366 с.
Бианки В.Л., 1913. Colymbiformes и Procellfariiformes. Полутом 2.- СПб.- С.385-979.
Бидашко Ф.Г., 2018. О гнездовании гоголя (*Bucephala clangula*) в низовьях р. Урал // *Selevinia*, т.25.- С.142.
Билькевич С., 1893. Материалы к исследованию орнитологической фауны Дагестана // Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанск. ун-те, прил. № 135.- С.1-24.
Биндарева Т., 2012. Белый аист – символ донской станицы // Мир птиц, № 42.- С.11-12.
Бичерев А.П. Хохлов А.Н., 1985. К экологии поганкообразных на Ставрополье // Экология и население птиц.- Иркутск.- С. 19-23.
Бичерев А.П., Лесечко Ф.И., 1990. Орнитологические наблюдения на юго-востоке КАССР // Малоизуч. птицы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.168-169.
Бичерев А.П., Лесечко Ф.И., Мальцев И.А., 1991. О гнездовании малого баклана на Ставрополье // Экология, охрана и воспроизводство животных Ставроп. края и сопредельных территорий.- Ставрополь.- С.31-32.
Бичерев А.П., Скиба С.Б., 1990. Заметки по редким и малоизученным птицам Ставрополья // Малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.160-163.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1981. Кваква – новый зимующий вид на территории Европейской части СССР // Природа, № 8.- С.118-119.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1981. Колониальные поселения голенастых птиц в Ставропольском крае // Размещение и состояние гнездовий околоводных птиц на территории СССР. - М.- С.56-57.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1984. Лебеди в Центральном Предкавказье // Современное состояние ресурсов водоплавающих птиц. Тезисы Всесоюзного семинара.- М.- С.82-84.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1984. Хроника встреч белого гуся на Ставрополье // Современное состояние ресурсов водоплавающих птиц. Тезисы Всесоюзного семинара.- М.- С.86-87.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1986. Новые сведения об аистообразных Ставропольского края // Редкие и исчезающие виды растений и животных, флористические и фаунистические комплексы Сев. Кавказа, нуждающиеся в охране: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.88-89.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1986. Распространение и структура поселений рыжей

и серой цапель в Предкавказье // Всесоюзн. совещ. по проблеме кадастра и учета животного мира: Тез. докл., ч.2.- М.- С.234-235.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1988. Большая и малая выпи на Ставрополье // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ставрополь.- С.21- 26.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1988. К распространению и экологии пастушковых на Ставрополье // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.26-35.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1989. Численность голенастых птиц Центрального Предкавказья // Всесоюзн. совещ. по проблеме кадастра и учета животного мира: Тез. докл., ч.3.- Уфа.- С.20-21.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1990. Послегнездовая жизнь аистообразных Предкавказья // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. заповедника, вып.11.- Ставрополь.- С.120-134.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., 1991. Колониальным поселениям аистообразных Ставрополья – статус памятников природы // Современные сведения по составу, распространению и экологии птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.3-54.
Бичерев А.П., Хохлов А.Н., Мельгунов И.Л., 1984. Новые колониальные поселения голенастых птиц Центрального Предкавказья // Животный мир Калмыкии и сопредельных районов.- Элиста.- С.116-119.
Благосклонов К.Н., 1978. Кольчатая горлица в Европейской части России // География и экология наземных позвоночных, вып.3.- Владимир.- С.3-7.
Благосклонов К.Н., 1979. Расселение кольчатой горлицы в Европе и в Азии – феномен века // Тез. докл. VII Всесоюзной зоогеограф. конф.- М.- С.285-287.
Близнюк А.И., 1993. Залеты крупных хищных птиц в Калмыкию // Фауна и экология животных Черных земель.- Элиста.- С.98-103.
Близнюк А.И., 1996. Пролет стрепета в Калмыкии // Орнитология, вып.27. - С.279-280.
Близнюк А.И., 1997. Гнездование орлана-белохвоста в Калмыкии // Актуальные вопросы экологии и охраны природы экосистем Кавказа.- Ставрополь.- С.16.
Близнюк А.И., 1998. Взаимосвязь залетов крупных хищных птиц с популяцией сайгака // III конференция по хищным птицам Вост. Европы и Сев. Азии, ч.1.- Ставрополь.- С.8-10.
Близнюк А.И., 1998. Совы Калмыкии // 3 конф. по хищным птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.1.- Ставрополь.- С.11.
Близнюк А.И., 1999. Миграция стрепета в Европейской части России // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России.- М.: СОПР.- С.119-122.
Близнюк А.И., 1999. Пролет стрепета в Калмыкии // Кавказск. орнитол. вестник, вып.11.- С.5-12.
Близнюк А.И., 2000. Республика Калмыкия // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международн. значения в Европ. России. - М.: СОПР. - С.507-511, 676-688.
Близнюк А.И., 2004. Охотничьи и редкие звери и птицы Калмыкии.- Элиста.- 126 с.
Близнюк А.И., Любаева Л.И., Любаев В.Л., 1980. Материалы по численности и биологии редких степных птиц Калмыкии // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.85, вып.4.- С.34-41.

Блинова Т.К., Блинов В.Н., 1997. Птицы Южного Зауралья: Лесостепь и степь, т.1: Фаунистический обзор и охрана птиц.- Новосибирск: Наука Сиб. предприятие.- 296 с.

Блохин Ю.Ю., Межнев А.П., Солоха А.В., Фокин С.Ю., Гороховский К.Ю., 2016. Охотничья добыча куликов в России // Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Северной Евразии: Мат-лы 10-й юбилейной конф. Рабоч. группы по куликам Сев. Евразии.- Иваново – Мелитополь.- С.56-62.

Бобенко О.А., 2010. Современная численность голубей в Ставропольском крае // Орнитология в Сев. Евразии: Мат-лы XIII Международн. орнитол. конф. Тез. докл.- Оренбург.- С.62.

Бобенко О.А., Ильюх М.П., Плеснявых А.С., Друп А.И., Хохлов А.Н., 2007. Клинтух – новый гнездящийся вид Ставропольского края // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рациональное использование: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.6-16.

Богданов М.Н., 1871. Птицы и звери Черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги (био-географические материалы) // Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанск. ун-те, т.1, отд.1.- С.1-226.

Богданов М.Н., 1874. Заметки по поводу списка птиц Астраханской губ. В.Е. Яковлева // Bull. Soc. Naturalistes de Moscou, т.48, № 1.- С.35-39.

Богданов М.Н., 1875. Обзор экспедиций и естественноисторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. // Труды Арало-Каспийской экспедиции, вып.1: Приложение к «Трудам Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей».- СПб.- С.1-53.

Богданов М.Н., 1879. Птицы Кавказа // Труды Общества естествоиспытателей при Казанск. ун-те, т.8, вып.4.- С.1-188.

Богданов М.Н., 2016. Заметки по поводу списка птиц Астраханской губ. В.Е. Яковлева // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.6-10.

Богомолов Д.В., 2008. Особенности распространения полевого и лугового луней в Нечерноземном центре России // Редкие виды птиц Нечерноземного центра: Мат-лы 3-го совещ. «Редкие виды птиц Нечерноземного центра».- М.- С.180-183.

Боднар В.В., 1996. Дані про зустрічі з рідкісними видами птахів на Закарпатті // Территорії, що важливі для збереження птахів в Україні – IBA программа: Мат-ли конф.- Київ.- С.67-69.

Бондарев А.Д., Попрядухина О.П., Чуйков Ю.С., 2007. Разведение фазана в Астраханской области // Естественные науки: Журнал фундаментальных и прикладных исследований, № 4.- С.7-16.

Бондарев Д.В., 1975. О гнездовании малого баклана в дельте Волги // Гнездовая жизнь птиц.- Пермь.- С.89-92.

Бондарев Д.В., 1975. Околоводные колониально-гнездящиеся птицы и изменения условий среды (на примере Северного Каспия) // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана (Мат-лы совещания).- М.: Наука.- С.11-13.

Бондарев Д.В., 1977. Колониальные гнездовья голенастых и веслоногих птиц на западном побережье Каспия (Калмыкия и Дагестан) // Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов (охрана, использование и изучение).- Астрахань.- С.83-86.

Бондарев Д.В., 2004. Авдотка. Малый веретенник // Красная книга Астраханск. обл.- Астрахань.- С.288-289; 305-306.

Бондарев Д.В., 2005. Колониальные гнездовья голенастых и веслоногих птиц на Северо-западном Каспии в 1970-е гг. (период максимального снижения уровня Каспийского моря) // Долговременный мониторинг и сохранение колониальных водных птиц в связи с многолетними колебаниями уровня Каспийского моря.- Москва – Астрахань.- С.186-214.

Бондарев Д.В., 2008. Многолетний мониторинг миграций вальдшнепа в дельте Волги // Стрепет, т.6, вып.1.- С.107-110.

Бондарев Д.В., 2014. Перепел. Авдотка. Ходулочник. Шилоклювка. Кулик-сорока. Степная тиркушка // Красная книга Астраханской обл.- Астрахань.- С.324-325; 335-336; 342-345; 352.

Бондарев Д.Г., Гаврилов Н.Н. 1991. Гнездование египетской цапли в дельте Волги // Материалы 10-й Всесоюзн. орнитол. конф.- Минск, кн.2.- С.69-70.

Борель И.В., 2014. Первая встреча египетской цапли *Bubulcus ibis* на Имеретинской низменности // Русский орнитол. журнал, т.23, № 1063.- С.3347-3348.

Боровиков Г.А., 1907. Материалы для орнитологии Екатеринославской губернии // Сб. студенч. биол. кружка при Новоросс. ун-те, № 2.- С.1-141.

Бородин Л.Н., 1938. Материалы к познанию пластинчатоклювых Астраханского заповедника // Труды Астрахан. заповедника, вып.2.- С.16-58.

Бородин О.В., 1994. Конспект фауны птиц Ульяновской области: Справочник. - Ульяновск. - С.1-96.

Бородин О.В., 2000. Белый аист (*Ciconia ciconia*) в Ульяновской области // Белый аист в России: дальше на восток. - Калуга. - С.179-180.

Бородин О.В., 2008. Красношейная поганка // Красная книга Ульяновской обл.- Ульяновск.- С.385.

Бородин О.В., 2015. Европейский тювик // Красная книга Ульяновской обл.- М.- С.451-452.

Бородин О.В., Барабашин Т.О., Киряшин В.В., 2001. Огарь: возвращение в Среднее Поволжье // Казарка, № 7.- С.179-188.

Бородин О.В., Барабашин Т.О., Корепов М.В., Смирнова С.Л., 2005. О распространении и численности некоторых редких сов в Ульяновской области // Совы Северной Евразии. М.- С.226-229.

Бородин О.В., Барабашин Т.О., Поповкина А.Б., Смирнова С.Л., 2007. Встречи степной тиркушки и южного среднего кроншнепа на севере Нижнего Поволжья в 2003 году // Достижения в изучении куликов Сев. Евразии: Тез. докладов VII Международн. совещания по вопросам изучения куликов.- Мичуринск: МГПИ.- С.8-9.

Бородин О.В., Калагин М.В., Корольков М.А., Москвичёв А.Н., 2017. От королька до орлана: путеводитель по птицам Среднего Поволжья.- Ульяновск.- 264 с.

Бородулина Т.Л., 1953. Биология и рыбохозяйственное значение речной крачки // Труды Ин-та морфологии животных АН СССР, вып.9. - С.19-23.

Бородулина Т.Л., 1953. К биологии болотных крачек // Труды Ин-та морфологии животных АН СССР, вып.9. - С.24-31.

Бородулина Т.Л., 1960. Биология и хозяйственное значение чайковых птиц южных водоемов СССР // Труды Ин-та морфологии животных АН СССР, вып.32. - С.47-81.

Бородулина Т.Л., 1965. Рыбохозяйственное значение чаек и крачек Азово-Черно-

морского и Каспийского бассейнов // Рыбоядные птицы и их значение в рыбном хозяйстве. - М.- С.34-54.
Бостанжогло В.Н., 1911. Орнитологическая фауна Арало-Каспийских степей.- М.- 410 с.
Брагин А.Е., 2008. Степная пустельга в Тургае (Казахстан) // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии: Мат-лы 5 Международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.197-199.
Брагин А.Е., Липкович А.Д., 2012. Дневные хищные птицы и совы государственного природного биосферного заповедника «Ростовский» и прилегающих территорий // Хищные птицы в динамической среде третьего тысячелетия: Труды VI международн. конф. по соколообразным и совам Сев. Евразии.- Кривой Рог.- С.142-151.
Брагин Е.А., 2003. Особенности распространения, численности и некоторые черты экологии степного луня (*Circus macrourus*) в Кустанайской области // Казахстанский зоол. журнал «*Selevinia*».- Алматы.- С.71-77.
Брагин Е.А., 2021. Птицы Наурзумского заповедника.- Костанай.- В печати.
Брагин Е.А., Брагин А.Е., 2016. Степной и луговой луни в степях Кустанайской области // Луни Палеарктики: Систематика, распространение и особенности экологии в Сев. Евразии: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.117-125.
Брагин Е.А., Брагина Т.М., 2002. Фауна Наурзумского заповедника.- Костанай.- 56 с.
Брагина Т., 2020. Памяти Евгения Александровича Брагина // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.120-128.
Брауде М.И., 1990. Результаты учетов зимующих водоплавающих птиц в Краснодарском крае // Миграции и зимовки птиц Северного Кавказа. Труды Тебердинск. заповедника, вып.11.- Ставрополь.- С.239-244.
Брауде М.И., Бакеев Ю.Н., Гинеев А.М., 1972. Результаты зимнего авиаучета водоплавающих птиц в Краснодарском крае // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.2. - С. 95-96.
Браунер А.А., 1903. Заметки об экскурсиях между Новороссийском и Красной Поляной // Записки Крымского горного клуба, № 1-2.- С.34-48; № 3-4.- 39-42; № 7-10.- С.32-50.
Браунер А.А., 1907. Заметки об экскурсиях, совершенных в 1905 году в Ставропольской губ. и в Крыму // Зап. Новороссийск. об-ва естествоиспытателей, т.30. - Одесса. - С.113-126.
Браунер А.А., 1914. Кавказские Минеральные воды (Терская область) // Орнитол. вестник, № 3.- С.228-230.
Брем А., 1911. Жизнь животных, т.6: Птицы, т.1.- СПб.- 620 с.
Броневский С., 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч.1.- М.- 352 с.
Броневский С., 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч.2.- М.- 465 с.
Бронсков О.І., Мосін Г.Г., 2017. Чернь червонодзьоба // Червона книга Донецької області: Тваринний світ. Науково-інформаційний довідник.- Вінниця.- С.293.
Брунов В.В., 1978. Опыт анализа фаунистических групп птиц тайги Палеарктики // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.83, № 5.- С.5-15.
Брунов В.В., 1980. О некоторых фаунистических группах птиц тайги Евразии //

Соврем. пробл. зоогеографии.- М.: Наука.- С.217-254.
Брунов В.В., 1982. Приемы быстрого составления серий карт ареалов птиц // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.87, № 6.- С.66-74.
Будниченко А.С., 1950. К экологии и хозяйственному значению кобчика и других птиц в полезащитных лесонасаждениях // Зоол. журнал, т.29, вып.2.- С.97-106.
Будниченко А.С., 1960. О динамике видового состава и численности птиц в искусственных лесонасаждениях Южной Украины и Предкавказья // Лесоводство и садоводство, вып.5. - С.19-22.
Будниченко А.С., 1960. Об эколого-географических закономерностях в формировании фауны птиц искусственных лесонасаждений степной зоны Украины и Предкавказья // Бюлл. МОИП. Отдел биол., т.65 (3). - С. 83-88.
Будниченко А.С., 1965. Птицы искусственных лесонасаждений степного ландшафта и их питание // Птицы искусств. лесонасаждений: Учен. зап. Тамбов. пед. ин-та, т.22.- Воронеж.- С.5–285.
Будниченко А.С., 1968. Птицы искусственных лесонасаждений степного ландшафта и их питание, ч.2: Эколого-географическая характеристика авифауны.- Воронеж.- 264 с.
Бузун В.А., 2000. Ареал, численность и биотопическое распределение армянской чайки *Larus armenicus* Buturlin, 1934 в свете истории её изучения и новых данных с озера Севан за 1991 год // Русский орнитол. журнал, т.9, № 97.- С.3-29.
Бузун В.А., Головач О.Ф., 1986. Дрофа в Крыму: предварительные сведения о размещении, численности, структуре популяции и поведении // Дрофы и пути их сохранения: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.29-48.
Букреев С.А., 1999. Материалы по птицам Богдинско-Баскунчакского заповедника // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России.- М.- С.61–65.
Букреев С.А., 2001. Богдинско-Баскунчакский // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 13.- С.17.
Букреев С.А., 2003. Материалы по гнездованию сипухи на Кавказе // Стрепет, вып.2.- С.80-81.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С. (ред.), 2009. Ключевые орнитологические территории России, т.3: Ключевые орнитологические территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР.- 302 с.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С. 2005. Учет красавки в Дагестане в 2003 г. // Журавли Евразии (биология, охрана, разведение): Сб. трудов Международн. конф. «Журавли на рубеже тысячелетий», вып.2.- С.24-29.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., 2005. Материалы по гнездовой фауне птиц Гобустана (северо-восточный Азербайджан) // Горные экосистемы и их компоненты: Труды Международн. конф., т.1.- Нальчик.- С.78-81.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., 2013. Орлан-белохвост в Дагестане // Байкальский зоол. журнал, № 2 (13).- С.8-15.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., 2020. Орлан-белохвост в Дагестане: современное состояние на гнездовании и зимовке // Хищные птицы в ландшафтах Сев. Евразии: Современные вызовы и тренды: Мат-лы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.365-371.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., Быков Ю.А., 2019. Краткие итоги среднезимних учетов водоплавающих и околоводных птиц в Дагестане в январе 2019 года //

Труды заповедника «Дагестанский», вып.15.- С.106-111.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., Быков Ю.А., Родионов М.С., 2018. Наблюдения за птицами на дагестанском побережье Каспийского моря и Приморской равнине зимой 2018 года // Труды заповедника «Дагестанский», вып.14.- С.65-104.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., Исмаилов Х.Н., 2007а. Интересные орнитологические находки в Дагестане в 2006-2007 гг. // Стрепет, т.5, вып.1-2.- С.19-29.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., Исмаилов Х.Н., 2007б. Зуек толстоклювый // Стрепет, т. 5, вып.1-2.- С.127-128.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., Розенфельд С.Б., 2011. Материалы к осенней фауне птиц Северного Дагестана // Труды заповедника «Дагестанский», т.4.- Махачкала.- С.105-120.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., Султанов Э.Г., 2015. Обследование потенциальных мест зимовки стерха в Азербайджане // Журавли Евразии (биология, распространение, разведение), вып.5.- Москва – Нижний Цасучей.- С.274-286.
Букреев С.А., Чернобай В.Ф., 2001. Волгоградская область: Сарпинские озера // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 13.- С.14.
Букреев С.А., Чернобай В.Ф., 2001. Волгоградская Сарпа как рефугиум редких видов птиц // Акт. проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы Международной конф.- Казань.- С.116–118.
Букреев С.А., Чернобай В.Ф., 2001. Современное состояние популяции савки в Нижнем Поволжье // Проблемы изучения и охраны гусеобразных птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Тез. докл. I совещ. Раб. группы по гусям и лебедям Вост. Европы и Сев. Азии.- М.- С.25–26.
Букреев С.А., Чернобай В.Ф., 2004. Савка // Красная книга Волгоградской области, т.1: Животные.- Волгоград.- С.105.
Букреев С.А., Чернобай В.Ф., 2006. Птицы Приэльтонья // Биоразнообразие и проблемы природопользования в Приэльтонье: Сб. науч. трудов.- Волгоград.- С.59-74.
Букреев С.А., Чернобай В.Ф., 2011. Материалы по гусеобразным (Anseriformes) Волгоградской Сарпы // Казарка, т.14. Мат-лы Междунар. конф. «Гусеобразные Сев. Евразии: география, динамика и управление популяциями».- М.- С.223–239.
Букреев С.А., Чернобай В.Ф., Сохина Э.Н., 2001. Дударевская степь // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 13.- С.17.
Букреев С.А., Чернобай В.Ф., Харитонов С.П., Харитонова И.А., Барабашин Т.О., 2003. Сарпинские озера // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 17.- С.2-3.
Букреева О.М. 2003. Состояние популяций журавля-красавки и серого журавля в Калмыкии. – Стрепет. Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.2.- С.42-62.
Букреева О.М., Шахно В.Н., 1998. Размещение и численность розового и кудрявого пеликанов на водоемах Калмыкии в 1996-1997 гг. // Кавказск. орнитол. вестн., вып. 10.- С.13-15.
Букреева О.М., Шахно В.Н., Эрдненов Г.И., 1998. Линька водоплавающих птиц на оз. Маныч-Гудило // Кавказск. орнитол. вестник, вып.10.- С.15-17.
Букреева О.М., Шахно В.Н., Эрдненов Г.И., 1998. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.74: Позвоночные животные заповедника «Черные земли».- М.-

С.17-32.
Бураков Г.К., Сулик В.Г., 2000. О находках сипухи и других редких видов птиц на Луганщине // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.6-7: Мат-лы 6 и 7 конф. «Изучение и охрана птиц бассейна Сев. Донца».- Донецк.- С.70.
Бурчак-Абрамович Н.И., 1959. Средиземноморский сокол (*Falco biarmicus* Temminck) в фауне СССР // Зоол. журнал, т.38, вып.2.- С.287-288.
Бурчак-Абрамович Н.И., 1962. К гнездованию средиземноморского сокола в Азербайджане (Кобыстане) // Учен. зап. Азербайджанского ун-та. Сер. биол. наук, № 4.- С.59-65.
Бутурлин С.А., 1929. Систематические заметки о птицах Северного Кавказа.- Махачкала.- 43 с.
Бутурлин С.А., 1934. Полный определитель птиц СССР, т.1: Кулики, чайки, чистики, рябки и голуби.- М.-Л.: КОИЗ.- 255 с.
Бутурлин С.А., 1935. Полный определитель птиц СССР, т.2: Гагаровые, веслоногие, цапли, пластинчатоклювые, куриные, пастушковые, триперстки.- М.-Л.: КОИЗ.- 280 с.
Бутьев В.Т., 1983. Тонкоклювый кроншнеп // Красная книга РСФСР: Животные.- М.- С.269-271.
Бутьев В.Т., Лебедева Е.А., 1989. О встречах некоторых видов птиц на Кавказском побережье Каспийского моря // Экол. проблемы Ставроп. края и сопредельных территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.203-204.
Бутьев В.Т., Лебедева Е.А., 1992. Орнитологические наблюдения в окрестностях селения Куруш // Кавказск. орнитол. вестник, вып.4, ч.1.- С.73-83.
Бутьев В.Т., Лебедева Е.А., Костин А.Б., 1990. Редкие и малоизученные виды птиц на рыборазводных прудах в дельте р. Самур (Даг. АССР) // Редкие, малочисл. и малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.29-33.
Бутьев В.Т., Михеев А.В., Костин А.Б., Коблик Е.А., Лебедева Е.А., 1989. Заметки о редких видах птиц Кавказского побережья Каспия (устье р. Самур, Даг. АССР) // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.137-152.
Бутьев В.Т., Михеев А.В., Шубин А.О., 1983. Сезонный пролет хищных птиц по западному побережью Каспийского моря // Экология хищных птиц: Мат-лы 1 совещ. по экологии и охране хищных птиц.- М.: Наука.- С.11-13.
Бутьев В.Т., Фридман В.С., 2005. Сирийский дятел // Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные – Дятлообразные.- М.- С.360-371.
Быков А.В., 2010. Значение древесно-кустарниковой растительности для позвоночных животных глинистой полупустыни Заволжья // Аридные экосистемы, т.16, № 5 (45).- С.90-97.
Быков А.В., Бухарева О.А., 2015. Изменения в населении лесных и дендрофильных птиц глинистой полупустыни Волго-Уральского междуречья за 60 лет // Поволжский экологический журнал, № 2.- С.148-158.
Быков А.В., Линдеман Г.В., Лопушков В.А., 2009. Фауна млекопитающих, птиц, рептилий и амфибий Заволжской глинистой полупустыни // Животные глинистой полупустыни Заволжья (конспект фаун и экологические характеристики).- М.: КМК. - С.13-61.

Вакуленко А.Г., Бёме И.Р., 2007. Сирийский дятел (*Dendrocopos syriacus*) – новый вид авифауны Астраханской области, Россия // Орнитология, вып.34, ч.2.- С.195.

Валуев В.А., 2015. К распространению красношейной поганки *Podiceps auritus* в Башкирии // Русский орнитол. журнал, т.24, № 1207.- С.3876-3877.

Ванжелюв Д., Розенфельд С.Б., Волков С.В., Казанцидис С., Морозов В.В. и др., 2017. Миграции малого лебедя (*Cygnus bewickii*): новые данные дистанционного прослеживания на путях пролета, промежуточных остановках и зимовках // Зоол. журнал, т.96, № 10.- С.1230-1242.

Варваци Г., 1906. О пролете птиц // Охотничий вестник, № 17.- С.265-267.

Вардан Х., 2002. Зимовка журавлей в Индии // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 4-5.- С.12-13.

Варшавский С.Н., 1932. Результаты осенних наблюдений над птицами в окрестностях г. Ростова-на-Дону // Советское краеведение на Северном Кавказе.- Ростов н/Д.- С.60-69.

Варшавский С.Н., 1952. Некоторые результаты применения методов относительного учета численности хищных птиц в условиях степного ландшафта // Методы учета численности и географ. распределения наземных позвоночных.- М.: Изд-во АН СССР.- С.97-103.

Варшавский С.Н., 1965. Материалы по фауне птиц Нижнего Дона, Сальских и Калмыцких степей в связи с некоторыми ее изменениями в 30-60-х годах XX столетия // Мат-лы зоол. совещания по проблеме «Биол. основы реконструкции, рац. использования и охраны фауны южной зоны Европ. части СССР» - Кишинев. - С.35-40.

Варшавский С.Н., 1981. Современное расселение и расширение ареала кольчатой горлицы на юго-востоке Европейской части СССР // Бюллетень МОИП, отд. биологии, т.86, вып.1.- С.27-30.

Варшавский С.Н., 1983. Могильник // Берегите: их осталось мало: Редкие и исчезающие животные Донского бассейна, требующие охраны. - Ростов н/Д.: Кн. изд-во. – С.83-86.

Варшавский С.Н., 1983. Современное изменение распространения и сокращение ареала орлана-долгохвоста на юго-востоке европейской части СССР // Охрана хищных птиц.- М.: Наука.- С.98-101.

Варшавский С.Н., 1986. Некоторые редкие и исчезающие хищные птицы Европейского Юго-Востока // Редкие и исчезающие виды растений и животных, флор. и фаун. комплексы Сев. Кавказа, нуждающиеся в охране: Тез. докл. науч.-практ. конф.– Ставрополь.– С.90–91.

Варшавский С.Н., Крылова К.Т., Шилов М.Н.,1989. О прошлом и современном распространении и численности степного орла в Предкавказье и Донских степях (Юго-Восток Европейской части СССР) // Экол. проблемы Ставроп. края и сопредельных территорий: Тез. докл.- Ставрополь.- С.206-207.

Варшавский С.Н., Тучин А.В., Щепотьев Н.В., 1994. Птицы Саратовской области // Орнитофауна Саратовской области (в помощь учителям биологии).- Саратов.- С.14–62.

Варшавский С.Н., Шилов М.Н., 1989. Сравнительные особенности биотопического распределения, численности и экологии некоторых видов хищных птиц в высокогорных ландшафтах Большого Кавказа // Экологические проблемы

Ставроп. края и сопредельных территорий. - Ставрополь. - С.184-196.
Вейнберг П.И., 1999. Заметки о крупных хищных птицах Дагестана // 3 конф. по хищн. птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.2. - Ставрополь.- С. 34-35.
Вейнберг П.И., Комаров Ю.Е., Липкович А.Д., 1983. Материалы по гнездовой биологии бородача на Центральном Кавказе // Охрана хищных птиц: Мат-лы 1 совещ. по экологии и охране хищных птиц. - М.: Наука. - С.101-105.
Венгеров М.П., 1968. Авиавизуальный учет водоплавающих на зимовках в Краснодарском крае // Ресурсы водоплавающей дичи в СССР, их воспроизводство и использование: Тез. докл., вып.1.- М.- С.96-97.
Венгеров П.Д., 2011. Травник // Красная книга Воронежской обл., т.2: Животные.- Воронеж.- С.321-322.
Венгеров П.Д., 2016. Гнездование клинтуха *Columba oenas* в опорах линий электропередачи в окрестностях Воронежского заповедника // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1265.- С.1031-1036.
Венгеров П.Д., 2018. Краснозобая казарка. Савка. Полевой лунь. Травник // Красная книга Воронежской области, т.2: Животные.- Воронеж.- С.336; 343; 347; 372.
Венгеров П.Д., Воробьев И.И., Нумеров А.Д., Соколов А.Ю., 2000. Пойма Хопра у оз. Ильмень // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европ. России.- М.: СОПР.- С.298–299.
Венгеров П.Д., Нумеров А.Д., 2021. Встречи сипухи *Tyto alba* и длиннохвостой неясыти *Strix uralensis* в Воронежской области и оценка их современного статуса // Русский орнитол. журнал, т.30, № 2043.- С.1086-1091.
Венгеров П.Д., Соколов А.Ю., 2011. Поручейник // Красная книга Воронежской обл., т.2: Животные.- Воронеж.- С.323-324.
Венгеров П.Д., Соколов А.Ю., 2018. Поручейник // Красная книга Воронежской обл., т.2: Животные.- Воронеж.- С.373.
Верещагин Н.К., 1940. Зимовки стрепета (*Otis tetrax* L.) и дрофы (*Otis tarda* L.) в Восточном Закавказье // Изв. Азербайджан. филиала АН СССР, № 5.- С.57-65.
Ветров В.В., 1986. Материалы для орнитологического кадастра Ворошиловградской области // Всесоюзн. совещ. по проблеме кадастра и учета животного мира: Тез. докл., ч.2.- М. - С.247-248.
Ветров В.В., 1990. О гнездовании степного луня в Волгоградской и Ростовской областях // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа. - Ставрополь. - С.34-35.
Ветров В.В., 1992. Гнездование степного луня в Волгоградской и Ростовской областях // Современная орнитология.- М.- С.262-263.
Ветров В.В., 2001. Большой баклан – гнездящийся вид Луганской области // Беркут, т.10, вып.2.- С.195.
Ветров В.В., 2003. К вопросу о современной численности ястреба-тетеревятника в Луганской области Украины // Стрепет, т.1, вып.1.- С.63-66.
Ветров В.В., 2010. Встреча кулика-лопатеня (*Eurynorhynchus pygmeus*) в Луганской области // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.11: Мат-лы 15 науч. конф. - Донецк.- С.271.
Ветров В.В., 2010. Новые гнездящиеся птицы Луганской области и новые гнездовые адаптации // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.11: Мат-лы 15 науч. конф.-

Донецк.- С.74-76.
Ветров В.В., 2015. О численности городских группировок обыкновенной пустельги в Украине на примере города Луганска // 14-я Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии. I. Тезисы.- Алматы.- С.105-106.
Ветров В.В., 2019. Необычные охоты ястреба-тетеревятника и болотного луня в Запорожской области Украины // Стрепет, т.17, вып.2.- С.93-95.
Ветров В.В., Белик В.П., 1996. Распространение и численность хищных птиц нижнего течения Северского Донца (в пределах Ростовской области) // Праці Укр. орнітол. товариства, т.1.- Київ. - С.50-68.
Ветров В.В., Литвиненко С.П., 2014. Современный статус огаря в Луганской области // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.12.- Харьков.- С.159-169.
Ветров В.В., Литвиненко С.П., 2014. Современное распространение и численность белого аиста в Луганской области // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.12.- Харьков.- С.201-204.
Ветров В.В., Ремизов А.Ю., Шкрабалюк А.П., 2008. О гнездовании сипухи (*Tyto alba* (Scop.) в Крыму // Новітні дослідження соколоподібних та сов.- Кривий Ріг.- С.55-57.
Ветров В.В., Самчук Н.Д., Литвиненко С.П., 1990. О находках сирийского дятла на территории Ворошиловградской области // Малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.42-43.
Ветров В.В., Самчук Н.Д., Литвиненко С.П., 1991. О находках редких птиц на территории Луганской области // Мат-лы 10-й Всес. орнитол. конф., ч.2, кн.1.- Минск: Навука і тэхніка.- С.107-109.
Ветров В.В., Христаев Е.Я., 1990. О находке европейского тювика в Дагестане // Редкие, малочисл. и малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.35.
Вилков Е.В., 1998. Гнездящиеся кулики Дагестана // Гнездящиеся кулики Вост. Европы – 2000, т.1.- М.: СОПР.- С.84-90.
Вилков Е.В., 1999. Орнитофауна лагунного комплекса Среднего Каспия // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России: Сб. науч. статей. - М.: СОПР. - С.75-82.
Вилков Е.В., 2000. Встречи редких гусей в Дагестане // Казарка, № 6.- С.365-366.
Вилков Е.В., 2001. Статус, распространение и численность огаря в Дагестане // Казарка, № 7.- С.189-200.
Вилков Е.В., 2002. Фауна, население и экология журавлей Дагестана // Журавли Евразии (распределение, численность, биология).- М.- С.20-25.
Вилков Е.В., 2004. Особенности экологии и авифауны лагун Дагестана – как важных рефугиумов биоразнообразия, остро нуждающихся в охране // Биол. разнообразие Кавказа: Труды Третьей Международн. конф., т.1.- Нальчик.- С.83-112.
Вилков Е.В., 2004. Фауна куликов лагун центрально-дагестанского побережья Западного Каспия // Кулики Вост. Европы и Сев. Азии: изучение и охрана.- Екатеринбург.- С.37-40.
Вилков Е.В., 2008. Серый журавль в Дагестане // Журавли Евразии (биология, распространение, миграции), вып.3.- М.- С.153-158.
Вилков Е.В., 2016. Изменение стратегии миграций чайковых птиц (Laridae) вдоль Западного Каспия – результат трансформации экологической ситуации в пространетсев и времени // Сибирский экол. журнал, № 3.- С.273-298.

Вилков Е.В., 2017. Толстоклювый зуек. Каспийский зуек // Стрепет, т.15, вып.2.- С.128.
Вилков Е.В., 2020. Морской зуек // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.645-647.
Вилков Е.В., Пишванов Ю.В., 2000. Редкие и малочисленные виды птиц Дагестана // Редкие, исчезающие и малоизученные птицы России.- М.: СОПР.- С.13-29.
Вилков Е.В., Яровенко Ю.А., 2017. Мохноногий сыч // Стрепет, т.15, вып.2.- С.129.
Вильконский Ф.В., 1897. Орнитологическая фауна Аджарии, Гурии и северо-восточной части Лазистана // Мат-лы к познанию фауны и флоры Росс. империи. Отд. зоол., вып.3.- С.1-121.
Виноградов В.В., 1977. О стерхах западной популяции // VII Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2.- Киев: Наукова думка.- С.194-195.
Виноградов В.В., Бондарев Д.В., 1972. Гнездование водоплавающих и околоводных птиц на северо-западном побережье Каспия // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.1.- М.- С.120-123.
Виноградов В.В., Чернявская С.И., 1978. Питание серого гуся и его трофические связи с фитоценозами дельты Волги // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.83, № 6.- С.18-26.
Виноградов В.В., Чернявская С.И., 1982. Султанка на западном побережье Каспия // Орнитология, вып.17.- С.143-149.
Виноградов В.Г., 2001. Султанка // Красная книга Российской Федерации: Животные.- М.- С.480-481.
Виноградов В.Г., Морозов В.В., 2001. Пискулька // Красная книга Российской Федерации (Животные).- М.- С.399-401.
Винокуров А.А., 1958. К распространению и биологии луговой тиркушки // Бюл. МОИП, отд. биол., т.63, вып.4.- С.141-142.
Винокуров А.А., 1959. Распределение и численность голенастых птиц в Приазовских лиманах // Зоол. журнал, т.38, вып.6. - С.681-684.
Винокуров А.А., 1960. Материалы по биологии некоторых голенастых птиц Приазовских лиманов // Охрана природы и озеленение, вып.4: Птицы водоемов. - С.55-67.
Винокуров А.А., 1961. Результаты кольцевания лысух // Кольцевание и мечение животных, № 1.- С.5-17.
Винокуров А.А., 1963. Аэровизуальный абсолютный учет голенастых птиц в плавнях дельты Кубани // Организация и методы учета птиц и вредных грызунов.- М.- С.53-57.
Винокуров А.А., 1965. Голенастые птицы в плавнях Кубани и их значение в рыбном хозяйстве северо-западного Предкавказья // Рыбоядные птицы и их значение в рыбном хозяйстве. - М. - С.151-155.
Винокуров А.А., 1965. Зимовки водоплавающих птиц в юго-восточном Приазовье // География ресурсов водоплав. птиц в СССР, состояние запасов, пути их воспроизводства и правильного использования: Тез. докл. совещания, ч.1.- М.- С.131-133.
Винокуров А.А., 1965. Позднелетние и осенние миграции некоторых болотных и водоплавающих птиц в Северо-Западном Предкавказье // Миграции птиц и млекопитающих.- М.- С.39-55.

Винокуров А.А., Дубровский Э.Б., 1956. Белохвостый песочник на Северном Кавказе // Природа, № 1.- С.116.

Винокуров А.А., Дубровский Э.Б., 1957. О значении некоторых рыбоядных птиц в рыбном хозяйстве юго-восточного Приазовья // Вопросы ихтиологии, вып.8.- С.191-202.

Винокуров А.А., Залетаев В.С., Кищинский А.А., Михеев А.В., Сабиневский Б.В., Федоренко А.П., Шапошников Л.К., 1960. Зимовки водоплавающих птиц на побережье Черного и Азовского морей зимой 1957-1958 гг. // Миграции животных, вып.2.- М.- С.44-54.

Витович В.В., 1959. Уберечь перепелов от истребления // Природа, № 8.- С.65.

Витович О.А., 1983. К биологии бородача на Западном Кавказе // Охрана хищных птиц: Мат-лы 1 совещ. по экологии и охране хищных птиц.- М.: Наука.- С.83-87.

Витович О.А., 1984. Гнездовая жизнь бородача на Западном Кавказе // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.89, вып.4.- С.86-94.

Витович О.А., 1985. Сравнительная экология бородача и белоголового сипа // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.53-71.

Витович О.А., 1985. Ястреб-тетеревятник в Тебердинском заповеднике // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.129-139.

Витович О.А., 1986. Гнездовые колонии белоголового сипа в Ставропольском крае // Изучение птиц СССР, их охрана и рац. использование: Тез. докладов 1 съезда Всесоюзн. Орнитол. общества, ч.1.- Л.- С.127-128.

Витович О.А., 1986. Черный аист (*Ciconia nigra* (L.) в горах Ставропольского края // Орнитол. исследования на Сев.-Зап. Кавказе: Труды Тебердинского заповедника, вып.10.- Ставрополь.- С.310-311.

Витович О.А., 1986. Экология кавказского тетерева // Орнитол. исследования на Сев.-Зап. Кавказе: Труды Тебердинск. заповедника, вып.10.- Ставрополь.- С.165-309.

Витович О.А., 1989. Процессы синантропизации в животном мире Карачаево-Черкесии // Синантропизация животных Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.24-28.

Витович О.А., 1989. Сапсан в Карачаево-Черкесии // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докладов науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.25-26.

Витович О.А., 2008. Сова ястребиная // Стрепет, т.6, вып.2.- С.108.

Витович О.А., Поливанов В.М., 1984. Антропогенные изменения и процесс урбанизации в фауне птиц Западного Кавказа // Птицы и урбанизированный ландшафт: Сборник кратких сообщений.- Каунас.- С.34-35.

Витович О.А., Поливанов И.В., 2000. Долина реки Хасаут, горы Б. и М. Бермамыт // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международн. значения в Европ. России. - М.: СОПР.- С.359.

Витович О.А., Ткаченко И.В., 1988. Бородач в горной части Ставропольского края // Ресурсы редких животных РСФСР, их охрана и воспроизводство: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.98-99.

Витович О.А., Ткаченко И.В., 1995. Беркут в горной части Карачаево-Черкесии // Хищные птицы и совы Сев. Кавказа: Труды Тебердинского заповедника, вып.14.- Ставрополь.- С.131-144.

Витович О.А., Ткаченко И.В., 1997. Зимовка крякв в Тебердинском заповеднике

// Научное наследие Н.Я. Динника и его роль в развитии современного естествознания: Мат-лы межреспубл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.38-42.
Власов А.А., Миронов В.И., Власова О.П., Власов Е.А., 2009. Птицы // Биологическое разнообразие техногенных ландшафтов Курской АЭС.- М.- С.118-178.
Воинственский М.А., 1960. Птицы степной полосы Европейской части СССР.- Киев: Изд-во АН УССР.- 292 с.
Волков С.В., Гринченко О.С., Конторщиков В.В., Свиридова Т.В., Смирнова Е.В., 1998. Новые данные по распространению и численности некоторых редких видов птиц в Московской и сопредельной областях // Редкие виды птиц Нечерноземного центра России.- М.- С.55–59.
Волков С.В., Тимошенко А.Ю., 2015. Находки белощёких казарок вне основного пролётного пути – случайные залёты или регулярное явление? // Казарка, № 18.- С.30-37.
Волчанецкий И.Б., 1937. К орнитофауне Волжско-Уральской степи // Труды науч.-исслед. Зоолого-биол. ин-та Харьков. ун-та. Сектор экологии, т.4.- С.23-78.
Волчанецкий И.Б., 1950а. Птицы опушек лиственных лесов Харьковской и Сумской областей // Учен. зап. Харьк. ун-та, т.33: Тр. науч.-исслед. ин-та Биол., т.14/15. - С.193-223.
Волчанецкий И.Б., 1950б. К распространению желчной и черноголовой овсянок // Природа, № 8. - С.70-71.
Волчанецкий И.Б., 1959. Очерк орнитофауны Восточного Предкавказья // Учен. зап. Харьков. ун-та, т.106: Труды НИИ биологии и биол. фак. ХГУ, т.28.- С.7-38.
Волчанецкий И.Б., 1973. Материалы к изучению зоогеографии Дагестана // Науч. докл. Высш. школы. Биол. науки, № 7.- С.30-36.
Волчанецкий И.Б., Капралова Н.И., Лисецкий А.С., 1950. Об орнитофауне Эльтонского района Заволжья и ее реконструкции в связи с полезащитным насаждением // Зоол. журнал, т.29, вып.6.- С.501-512.
Волчанецкий И.Б., Пузанов И.И., Петров В.С., 1962. Материалы по орнитофауне Северо-Западного Кавказа // Учен. зап. Харьков. ун-та, т.130: Труды НИИ биологии и биол. фак-та ХГУ, т.32.- С.7-72.
Волчанецкий И.Б., Яльцев Н.П., 1934. К орнитофауне Приерусланской степи АССРНП // Учен. зап. Сарат. ун-та, т.11, вып.1.- С.63-93.
Воробьев Г.П., Лихацкий Ю.П., 1987. Новые данные по редким птицам Воронежской области // Орнитология, вып.22.- С.176-177.
Воробьев К.А., 1928. Кольцевание птиц в дельте Волги // Охотник, т.5, № 1.- М.- С. 27.
Воробьев К.А., 1936. Материалы к орнитологической фауне дельты Волги и прилежащих степей // Труды Астрахананск. заповедника, вып.1. - С.1-60.
Воробьев К.А., 1954. Птицы Уссурийского края.- М.: Изд-во АН СССР.- 360 с.
Воробьёв К.А., 1973. О некоторых ошибках в орнитологических работах // Зоол. журнал, т.52, № 6.- С.955-957.
Воробьева Т.Д., 1977. Зимовка стрепета в Кызыл-Агачском заповеднике // 7 Всесоюзн. орнитол. конф.: Тез. докл., ч.2.- Киев. - С.202-203.
Воробьева Т.Д., 1979. Размещение, численность и некоторые вопросы биологии стрепета в Кызыл-Агачском заповеднике // Труды Кызыл-Агачского заповедника, т.1.- С.196-201.
Воробьева Т.Д., 1980. Редкие виды птиц юго-западного побережья Каспия // Сезонная ритмика редких и исчезающих видов растений и животных.- М.-

С.116-117.
Воробьева Т.Д., 1982. Суточные бюджеты времени и энергии пискулек, зимующих на юго-западном побережье Каспийского моря // Труды ЗИН АН СССР, т.113: Бюджеты времени и энергии у птиц в природе.- Л.: Наука.- С.91-103.
Воробьева Т.Д., 1986. Зимовка стрепета на юго-западном побережье Каспийского моря // Дрофы и пути их сохранения: Сб. науч. трудов ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- М.- С.86-89.
Врублевский Е.И., 1992. О хохотунье в Волгоградской области // Серебристая чайка: распространение, систематика, экология.- Ставрополь.- С.31-32.
Врублевский Е.И. Птицы, гнездующие в Сталинградской области. Дневники.- Волгоград: Волгоградский педагогический ун-т.- Рукопись.
Вуккерт Е.А., 1995. Фаунистический обзор соколообразных Кабардино-Балкарского высокогорного заповедника // Хищные птицы и совы Сев. Кавказа. - Ставрополь. - С.95-103.
Вуккерт Е.А., 2020. Оценка численности кавказского тетерева в горах Кабардино-Балкарии в 1980-е годы // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.89-101.
Вуккерт, Е.А., Айунц К.Р., 2019. Материалы по гнездовой биологии бородача на Центральном Кавказе в Кабардино-Балкарском заповеднике: поведение взрослых птиц // Стрепет, т.17, вып.1.- С.79-123.
Высоцкий В.Г., 2019. Состояние популяции вальдшнепа в европейской части России по данным из основных мест зимовки // Актуальные вопросы изучения куликов Сев. Евразии: Мат-лы XI Международн. науч.-практ. конф.- Минск: БГУ.- С.160-166.
Габузов О., Кормилицин А., Сизонов О., 1988. Канадская казарка в Приазовье // Охота и охотн. хоз-во, № 9. - С.6-7.
Габузов О.С., Кормилицин А.А., Сыроечковский-мл. Е.Е., 1997. Канадская казарка в России // Казарка, № 2.- С.64-83.
Гавриленко Н.И., 1929. Птицы Полтавщины.- Полтава.- 133 с.
Гаврилов А.Э., Ерохов С.Н., Придатко В.И. и др., 1992. Региональная информация: Казахстан и Средняя Азия // Информация Рабочей группы по куликам, № 4. - Новосибирск. - С.17-18.
Гаврилов Н.Н., 1984. Численность околоводных колониальных птиц в низовьях дельты Волги // Природные экосистемы дельты Волги.- Л.- С.136-139.
Гаврилов Н.Н., 2002. Колониальное гнездовье чайковых птиц на о. Малый Жемчужный в Северном Каспии // Птицы Южной России: Мат-лы Международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в XXI веке», посвящен. 20-летию деятельности Сев.-Кавказск. орнитол. группы. - Ростов н/Д.- С.66-67.
Гаврилов Н.Н., 2004. Египетская цапля. Каравайка // Красная книга Астрахан. обл.: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- Астрахань.- С.230-231; С.235-236.
Гаврилов Н.Н., 2005. Состояние колониальных гнездовий веслоногих и голенастых птиц в дельте Волги и на Северном Каспии в 1975-2003 гг. (период подъема уровня моря) // Долговременный мониторинг и сохранение колониальных водных птиц в связи с многолетними колебаниями уровня Каспийского моря.- Москва – Астрахань. С. 214-271.
Гаврилов Н.Н., 2009. Мониторинг колониальных гнездовий околоводных птиц

Астраханского биосферного заповедника и дельты Волги // Изучение и сохранение природных комплексов Астраханского биосферного заповедника, дельты Волги, Северного Каспия и некоторых особо охраняемых природных территорий России.- Астрахань.- С.44-46.

Гаврилов Н.Н., Русанов Г.М., Бондарев Д.В., 2003. Состояние колониальных гнездовий птиц в дельте Волги, западном ильменно-бугровом районе и на острове Малый Жемчужный (1999-2001 гг.) // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 2 (18).- С.30-42.

Гаврилов Э.И., 1961. Новые данные о птицах Западного Казахстана // Труды Инта зоол. АН Каз.ССР, т.15.- С.46-49.

Гаврилов Э.И., 1993. Отряд Рябкообразные // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные.- М.: Наука.- С.7-46.

Гаврилов Э.И., 1999. Фауна и распространение птиц Казахстана.- Алматы.- 198 с.

Гаврилов Э.И., 2004. Господа орнитологи, будьте бдительны! // Казахстанск. орнитол. бюл. 2003.- Алматы.- С.4-6.

Гаврин В.Ф., 1962. Отряд Дрофы // Птицы Казахстана, т.2. - Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР.- С.5-39.

Гаврин В.Ф., Кривенко В.Г., Иванов Г.К., Азаров В.И., Молчанов А.В., Линьков А.Б., Антипов А.М., Дебело П.В., Стопалов В.С., 1980. Особенности весеннего пролета водоплавающих птиц в Срединном регионе СССР // Экология и охрана охотничьих птиц: Сб. научн. трудов. - М. - С.5-45.

Гагинская А.Р., 2002. Клуша // Красная книга природы Ленинградской обл., т.3: Животные.- СПб.- С.392-393.

Галль-Трединник Г., 1855. Прилет и отлет перелетных птиц Ставропольской губернии, Кизлярского уезда, в сельце «Черный Рынок», на берегу реки Прорвы, 1854 года // Вестник Русск. геогр. об-ва за 1854 г., кн.6.- С.38.

Галушин В.М., 1971. Численность и территориальное распределение хищных птиц европейского центра СССР // Труды Окского государственного заповедника, вып.8.- М.- С.3-132.

Галушин В.М., 1980. Хищные птицы леса: Жизнеописания, проблемы, решения.- М.: Лесн. промышленность.- 158 с.

Галушин В.М., 1983. Орлан-белохвост. Бородач // Красная книга РСФСР: Животные.- М.: Россельхозиздат.- С.215-217; 219-220.

Галушин В.М., 1995. Современное состояние популяций редких видов хищных птиц Европейской России // Чтения памяти проф. В.В. Станчинского, вып.2.- Смоленск.- С.12-17.

Галушин В.М., 2001. Степной орел. Орлан-долгохвост // Красная книга Российской Федерации (животные).- М.- С.434-435; 442-443.

Галушин В.М., 2002. Трагедия бенгальских грифов: неожиданная и неизученная // Ключевые орнитол. территории: Информ. бюл., № 16.- С.35-36.

Галушин В.М., 2003. Новости в мире хищных птиц // Мат-лы 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Пенза.- С.49-54.

Галушин В.М., 2003. Проблемы спасения балобана // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 8 (18).- С. 46-47.

Галушин В.М., 2004. Современное состояние и проблемы спасения балобана в

России // Научные чтения памяти проф. В.В. Станчинского, вып.4.- Смоленск.- С. 73-81.

Галушин В.М., 2005. Адаптивные стратегии хищных птиц: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора биологических наук.- М.: МПГУ.- 50 с.

Галушин В.М., Коноваленко Ю.А., Мосейкин В.Н., 1999. Некоторые замечания о гнездовании орла-могильника и степного орла в зоне контакта их ареалов на юге Приволжской возвышенности // Королевский орел: Распространение, состояние популяций и перспективы охраны орла-могильника (*Aquila heliaca*) в России: Сборник науч. трудов.- М.: СОПР.- С.79-81.

Галушин В.М., Костин А.Б., 1990. Летнее население хищных птиц низовий реки Самур (юго-восточное Предкавказье) // Малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.43-52.

Галушин В.М., Костин А.Б., Мосейкин В.Н. и др., 1996. Редкие хищные птицы Саратовского Предволжья // Краеведческие исследования в регионах России: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф., ч.1: Зоология. - Орел. - 93-94.

Гасангусейнов М.Г., Джаруллаев Д.Г., Пишванов Ю.В., 1989. Редкие и исчезающие дневные хищные птицы Дагестана // Тез. докладов конф., посвященной итогам географических исследований в Дагестане.- Махачкала.- С.89-92.

Гдовский А., 1926. О дрофах и гололедице // Охотн. вестник Сев. Кавказа, № 1.- С.15-16.

Географическое описание обитаемой земли Войском Донским // Древняя Российская вивлиофика, ч.19.- 2-е изд.- М., 1791.- С.251-284.

Гептнер В.Г., 1926. Материалы по птицам Горной Балкарии (Некоторые соображения по фауне горной степи массива Эльбрус) // Учен. зап. Сев.-Кавк. института краеведения, т.1. - С.91-118.

Гизатулин И.И., 2007. Птицы // Красная книга Чеченской Республики: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных.- Грозный.- С.309-367.

Гизатулин И.И., Ильюх М.П., 2000. Хищные птицы Чечни и Ингушетии // Кавказский орнитол. вестник, вып.12. - С.48-54.

Гизатулин И.И., Точиев Т.Ю., 1990. Материалы по редким видам птиц Чечено-Ингушетии // Редкие, малочисл. и малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.61-63.

Гизатулин И.И., Точиев Т.Ю., 1990. Авдотка в Чечено-Ингушетии // Итоги изучения редких животных: Мат-лы к Красной книге: Сб. научных трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.102.

Гизатулин И.И., Хохлов А.Н., 2002. Сирийский дятел – новый вид Ставропольского края // Кавказский орнитол. вестник, вып.14. – С. 111-112.

Гизатулин И.И., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2001. Птицы Чечни и Ингушетии.- Ставрополь.- 142 с.

Гильденштедт И.А., 2002. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг.- СПб.- 512 с.

Гильденштедт И.А., 1879. Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773-1774 г. // Записки Одесского общества истории и древностей, т.11.- С.180-228.

Гинеев А.И., Пишванов Ю.В., 1989. Результаты авиаучета тура и улара в высокогорных районах Дагестанской АССР // Всесоюзн. совещ. по проблеме кадастра

и учета животного мира: Тез. докл., ч.1.- Уфа.- С.280-281.
Гинеев А.М., 1972. Изменение водно-болотных угодий и численности водоплавающей дичи в Дагестане // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.1.- М.- С.124-128.
Гинеев А.М., 1977. Влияние хозяйственной деятельности на водно-болотные угодья Дагестана // Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов (охрана, использование и изучение).- Астрахань.- С.72-75.
Гинеев А.М., 1989. К изменению и современному состоянию экологической обстановки в Северо-Кавказском регионе, Калмыцкой АССР и Астраханской области // Экологич. пробл. Ставроп. края и сопредельн. территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.312-319.
Гинеев А.М., Кривенко В.Г., Емтыль М.Е., 2000. Бейсугский лиман и озеро Ханское // Водно-болотные угодья России, т.3: Водно-болотные угодья, внесённые в Перспективный список Рамсарской конвенции.- М.- С.167-174.
Гисцов А.П. 2001. Численность птиц водно-болотного комплекса на северо-восточном побережье Каспия // Акт. проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии.- Казань.- С.174-176.
Гладков Н.А., 1949. О заселении птицами лесных полезащитных полос на юго-востоке Европейской части СССР // Охрана природы, сб.7.- М.: Изд-во ВООП. - С.23-33.
Гладков Н.А., 1951. Отряд дятлы // Птицы Сов. Союза, т.1.- М.: Сов. наука.- С.547-617.
Гладков Н.А., 1951. Отряд кулики // Птицы Сов. Союза, т.3.- М.: Сов. наука.- С.3-372.
Гладков Н.А., 1952. О птичьем населении изолированных колхозных лесных полос // Охрана природы, сб.15.- М.: Изд-во ВООП.- С.28-32.
Гладков Н.А., Дементьев Г.П., Птушенко Е.С., Судиловская А.М., 1964. Определитель птиц СССР.- М.: Высшая школа.- 536 с.
Глов А., 1926. Из Кущевского района Ростовского округа // Охотн. вестник Сев. Кавказа, № 1.- С.25.
Глушенков О.В. (ред.), 2013. Птицы Чувашской Республики, т.1.- Чебоксары.- 256 с.
Гмелин С.Г., 1771. Путешествие по России для исследования трех царств естества, ч.1: Путешествие из Санктпетербурга до Черкаска, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 годах.- СПб: Изд-во Академии наук.- 272 с.
Гмелин С.Г., 1777. Путешествие по России для исследования трех царств естества, ч.2: Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сём городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 г.- СПб: Изд-во Академии наук.- 361 с.
Гожко А.А., Есипенко Л.П. 2017. Белый аист *Ciconia ciconia* – новый зимующий вид Краснодарского края // Русск. орнитол. журнал, т.26, № 1410.- С.749-753.
Гожко А.А., Есипенко Л.П., Лохман Ю.В. 2015. Новые данные о гнездовании малого баклана в Восточном Приазовье // 14-я Международ. орнитол. конф. Северной Евразии. 1. Тезисы.- Алматы.- С.140-141.
Гожко А.А., Лохман Ю.В., 2017. Малый баклан. Египетская цапля. Желтая цапля. Белый аист // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.516-520; С.522-523.
Гожко А.А., Лохман Ю.В., 2017. О скоплениях розового пеликана *Pelecanus onocrotalus* на Бейсугском лимане (Восточное Приазовье) // Русский орнитол. журнал, т.26, № 1437.- С.1719-1722.

Гожко А.А., Лохман Ю.В., 2018. Египетская цапля в Краснодарском крае // Актуальные проблемы охраны птиц.- М. – Махачкала.- С.22-24.
Голіцинський В., 1937. Про деяких залітних птахів Маріупольского району // Збірник праць Зоол. музею, № 20.- С.157-158.
Голованова Э.Н., 1985. Мир птиц.- Л.: Гидрометеоиздат. - 176 с.
Головатин М.Г., 2010. Таежный гуменник // Красная книга Ямало-Ненецкого автономного округа: животные, растения, грибы.- Екатеринбург.- С.212.
Головлёв А.А., 2015. Несколько слов о зоологе Науме Абрамовиче Рашкевиче // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии, т.24, № 3.- С.229-239.
Головченко О.И., 2011. Кормовое поведение хищных птиц (Falconiformes) в Калмыкии // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: Мат-лы 4-й международ. науч.-практ. конф.- М.- С.385-387.
Гомзяков А.Е., 1994. О гнездовании удода в горной степи Северной Осетии // Кавказский орнитол. вестник, вып.6.- С.33.
Горбань І.М., 1992. Чи відомий в орнітофауні України крячок полярний? // Беркут, т.1.- С.29.
Горбачев Б.Н.,1974. Растительность и естественные кормовые угодья Ростовской области: Пояснительный текст к картам.- Ростов н/Д.: Кн. изд-во.- 152 с.
Горбунов А.К., Кашин А.А., Маркин Ю.М., 2001. Стерх – 2001. Россия // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 3.- М.- С.28.
Гордиенко А.С., 2017. Зимовка гусеобразных (Anseriformes) на Имеретинской низменности в постолимпийский период // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.4: Сборник статей IV Всероссийск. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.98–106.
Гордиенко Н.С., Дробовцев В.И., Кошелев А.И., 1986. Биология савки в северном Казахстане и на юге Западной Сибири // Редкие, исчезающие и малоизученные птицы СССР.- М.: Наука.- С.8–15.
Горошко О.А., 2012. Даурский журавль // Красная книга Забайкальского края: Животные.- Новосибирск.- С.120-122.
Горюнов Е.А. 2008. Гнездование степного луня *Circus macrourus* в Рязанской области // Мониторинг редких видов животных и растений и среды их обитания в Рязанской области. Рязань: 68-71.
Грачев Ю.Н., 1987. Кеклик // Птицы СССР: Курообразные, журавлеобразные.- Л.: Наука.- С.70-86.
Греков В.С., 1965. Колонии голенастых и веслоногих птиц в Кызыл-Агачском заповеднике // Орнитология, вып.7.- С.258-265.
Греков В.С., 1965. Материалы по веслоногим, куликам и пастушкам Кызылагачского заповедника // Труды заповедников Азербайджана, вып.1.- М.: Лес. пром.- С.80-113.
Григорьев Н.Д., Попов В.А., Попов Ю.К., 1977. Отряд соколообразные (дневные хищные птицы) // Птицы Волжско-Камского края: Неворобьиные.- М.: Наука. - С.76-117.
Гринченко А.Б., 2004. Размещение, численность и экология малого баклана (*Phalacrocorax pygmeus*) на юге Украины // Бранта, вып.7.- С.167-171.
Гринченко А.Б., Кинда В.В., Пилюга В.И., Прокопенко С.П., 2000. Современный статус курганника в Украине // Бранта, вып.3. – С. 13–26.

Гричик В.В., 2005. Географическая изменчивость птиц Беларуси (таксономический анализ).- Минск.- 127 с.

Гришанов Г.В., 2010. Красный коршун // Красная книга Калининградской области.- Калининград.- С.42.

Гришанова Ю.Н., Гришанов Г.В., Астафьева Т.В., 2020. Массовое гнездование вяхиря *Columba palumbus* на зданиях в Калининграде // Русский орнитол. журнал, т.29, № 1950.- С.3263-3271.

Грищенко В.М., 1998. Про занесення нових видів птахів до Червоної книги України // Беркут, т.7, вып.1-2.- С.94-103.

Грищенко В.Н., 2000. Современное состояние мировой популяции белого аиста // Белый аист в России: дальше на восток.- Калуга.- С.13-20.

Грищенко В.Н., 2011. Малая белая цапля. Большая белая цапля // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.276-295; С.304-329.

Грищенко В.Н., Галчёнков Ю.Д., 2011. Белый аист // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.384-416.

Грищенко В.М., Яблоновська-Грищенко Є.Д., 2019. Знахідки поселень голубасиняка (*Columba oenas*) на електролініях в Україні у 2009-2018 рр. // Мат-ли до 4-го видання Червоної книги України: Тваринний світ, вип.7, т.3.- Київ.- С.99–101.

Груздев В.В., 1955. Орнитофауна Дьяковского леса как источник заселения птицами лесных посадок в Заволжье // Тр. Ин-та леса АН СССР, т.25.- С.239-254.

Губин Б.М., 1986. Численность, распределение и состояние охраны джека на юге Казахстана // Дрофы и пути их сохранения.- М.- С.92-97.

Губин Б.М., 1991. Авиаучет численности джека и состояние мест его обитания на Мангышлаке и Устюрте // Редкие птицы и звери Казахстана.- Алма-Ата.- С.138-145.

Губин Б.М., 2001. К статусу джека в России // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы XI международн. орнитол. конф.- Казань.- С.194-195.

Губин Б.М., 2004. Дрофа-красотка.- Алматы.- 296 с.

Губин Б.М., 2007. Стрепет. Джек // Птицы Средней Азии, т.1.- Алматы.- С.391-403.

Губин Б.М., 2009. Динамика численности и распределение джека (*Chlamydotis macqueenii*) в Южном Казахстане // Дрофиные птицы Палеарктики: разведение и охрана: Межвед. сб. науч. и науч.-метод. трудов, вып.2. - М.: Московский зоопарк.- С.85-124.

Губин Б.М., Гаврилов Э.И., Хроков В.В., 1977. Орнитологические находки в низовьях Урала // Миграции птиц в Азии.- Новосибирск.- С.209–211.

Гугуева Е.В., 2017. Кулик-сорока. Малая крачка // Красная книга Волгоградской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Воронеж.- С.161; 169.

Гугуева Е.В., Белик В.П., 2013. Результаты инвентаризации редких видов птиц Волгоградской области // Охрана птиц в России: проблемы и перспективы: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с международн. участием, посвящ. 20-летию Союза охраны птиц России.- Москва–Махачкала.- С.68-73.

Гугуева Е.В., Белик В.П., 2016. КОТР «Ахтубинское Поозерье»: результаты мо-

ниторинга редких видов птиц // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России, вып.7.- М.: СОПР.- С.106-113.

Гугуева Е.В., Белик В.П., 2016. Кулик-сорока в Волгоградской области // Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Северной Евразии: Мат-лы 10-й юбилейной конф. Рабоч. группы по куликам Сев. Евразии.- Иваново–Мелитополь: Ивановск. ун-т.- С.143-146.

Гугуева Е.В., Белик В.П., 2016. Орлан-белохвост в Волгоградской области // Хищные птицы Сев. Евразии: Проблемы и адаптации в современных условиях: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.240-246.

Гугуева Е.В., Белик В.П., Ветров В.В., 2011. Сезонная динамика фауны и населения гусеобразных птиц волгоградской части Волго-Ахтубинской поймы // Казарка, т.14: Мат-лы международн. конф. «Гусеобразные Сев. Евразии: география, динамика и управление популяциями».- М.- С.208-222.

Гугуева Е.В., Белик В.П., Ветров В.В., Чернобай В.Ф., 2010. Орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) в верхней части Волго-Ахтубинской поймы // ООПТ Нижней Волги как важнейший механизм сохранения биоразнообразия: итоги, проблемы и перспективы: Мат-лы науч.-практ. конф.- Волгоград.- С.85-92.

Гугуева Е.В., Белик В.П., Ильяшенко Е.И., 2013. К распространению серого журавля в Волгоградской области, Россия // Информ. бюл. Раб. группы по журавлям Евразии, № 12.- М.- С.34-37.

Гугуева Е.В., Белик В.П., Махмутов Р.Ш., 2019. Малая крачка в природном парке «Волго-Ахтубинская пойма» // Природные экосистемы Каспийского региона: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы Всероссийской науч. конф. с международн. участием, посвящ. 100-летию Астраханского гос. заповедника.- Астрахань.- С.19-22.

Гугуева Е.В., Белик В.П., Пименов В.Н., Милобог Ю.В., 2014. Учеты красавки в Волгоградском Заволжье в 2013 и 2014 гг. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 13.- М.- С.14-18.

Гугуева Е.В., Белик В.П., Урусова А.С., 2015. Желна достигла Волго-Ахтубинской поймы // Стрепет, т.13, вып.1.- С.149-155.

Гугуева Е.В., Белик В.П., Чернобай В.Ф., 2008. Хищные птицы северной части Волго-Ахтубинской поймы // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии: Мат-лы 5 международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.215-218.

Гугуева Е.В., Ветров В.В., Литвиненко С.П., Махмутов Р.Ш., 2010. Малый лебедь (*Cygnus bewickii*) в Волго-Ахтубинской пойме // ООПТ Нижней Волги как важнейший механизм сохранения биоразнообразия: Итоги, проблемы и перспективы: Мат-лы науч.-практ. конф.- Волгоград.- С.93-95.

Гудина А.Н., 2003. Редкие и малоизученные птицы среднего течения реки Вороны // Экология и эволюция животных.- Рязань.- С.41-45.

Гузеев Р., 2010. Первая регистрация мохноногого курганника в бассейне Волги, Россия // Пернатые хищники и их охрана, № 18.- С.181.

Гуртовая Е.Н., Литвин К.Е., Стишов М.С., 2004. Весенний пролет водоплавающих птиц в заповеднике «Ростовский» и на прилегающих территориях в 2001 году // Труды заповедника «Ростовский», вып.3: Биоразнообразие заповедника «Ростовский» и его охрана. - Ростов н/Д.: Донской издательский дом. -

С.178-186.
Гусаков Е.С., 1983. Белый гусь // Красная книга РСФСР: Животные. - М.: Россельхозиздат.- С.181-182.
Гусев А.С., 1968. О водоплавающей дичи Ростовской области // Ресурсы водоплавающей дичи в СССР, их воспроизводство и использование: Тез. докл., вып.1.- М.- С.90-92.
Гусев В.М., Чуева Г.И., 1951. Материалы по питанию некоторых птиц дельты реки Или // Зоол. журнал, т.30, вып.6.- С.594-601.
Гусев В.М., Штегман Б.К., 1959. Первые данные о гнездовании индийского балобана в пределах СССР // Докл. АН СССР. Нов. сер., т.126, № 2.- С.432-434.
Гуськов Е.П., 1996. Учитель (памяти профессора В.Э. Мартино) // Ростовский государственный университет: Ежегодник'95, вып.5.- Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.43-51.
Гюль К.К., Власова С.В., Кисин И.М., Тертеров А.А., 1959. Физическая география Дагестанской АССР.- Махачкала. - 249 с.
Давлетбаков А.Т., 2006. Шахин // Красная книга Кыргызской республики.- 2-е изд.- Бишкек.- С.394-395.
Давыгора А.В., 1998. Заметки по авифауне степного Предуралья // Мат-лы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири.- Екатеринбург.- С.55–63.
Давыгора А.В., 1998. Чёрный гриф // Красная книга Оренбургской области: Животные и растения.- Оренбург.- С.46–47.
Давыгора А.В., 2001. Степной лунь // Красная книга Российской Федерации: Животные.- М.- С.424–426.
Давыгора А.В., 2019. Степной орел. Черный гриф. Кречетка // Красная книга Оренбургской обл., ч.1: Животные.- Оренбург.- С.119-120; 130-131; 152-154.
Давыгора А.В., Белик В.П., 1990. Степной лунь – кандидат в Красные книги СССР и РСФСР // Итоги изучения редких животных: Мат-лы к Красной книге: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.50-52.
Даль С.К., 1959. Ландшафтно-экологический очерк позвоночных животных мест возможной природной очаговости бруцеллеза в Ставропольском крае // Труды науч.-исслед. противочумн. ин-та Кавказа и Закавказья, вып.2.- Ставрополь. - С.93-144.
Данилович А.П., 1939. Гнездование гоголя и лутка в низовьях Днепра // Природа, № 4.- С.63-64.
Дебело П.В., 1978. Материалы по распространению и экологии гнездящихся уток Уральской области // Биология птиц в Казахстане.- Алма-Ата: Наука Каз. ССР.- С.84-93.
Девятко Т.Н., Джамирзоев Г.С., 2012. Каталог орнитологической коллекции Музея природы Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Кавказ, южные регионы России и Украины, Средняя Азия, Казахстан).- Харьков.- 398 с.
Дементьев Г.П., 1936. Дневные хищные птицы // Полный определитель птиц СССР, т.3.- М.-Л.: КОИЗ.- С.42-100.
Дементьев Г.П., 1945. О географическом распространении средиземноморского сокола *Falco biarmicus feldeggii* Schlegel // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.50, вып.1-2.- С.52-55.

Дементьев Г.П., 1951. Отряд хищные птицы. Отряд Совы // Птицы Сов. Союза, т.1.- М.: Сов. наука.- С.70-341; 342-429.
Дементьев Г.П., 1951. Отряд рябки. Отряд гагары. Отряд поганки // Птицы Сов. Союза, т.2.- М.: Сов. наука.- С.71-91; 241-286.
Дементьев Г.П., 1951. Отряд чайки *Lari* или *Lariformes* // Птицы Сов. Союза, т.3.- М.: Сов. наука.- С.373-603.
Дементьев Г.П., 1952. Птицы Туркменистана.- Ашхабад: Изд-во АН ТССР.- 547 с.
Дементьев Г.П., 1955. Миграции моевки (*Rissa tridactyla* L.) по данным кольцевания в СССР // Труды Бюро кольцевания, вып.8.- С.22-32.
Дементьев Г.П., Вучетич В.Н., 1947. Сезонное размещение и миграции чаек по данным кольцевания в СССР // Труды Центр. бюро кольцевания, вып.5.- М.- С.1-31.
Дементьев Г.П., Рустамов А.К., 1957. О распространении сокола-лаггара (*Falco jugger* Gray) в Средней Азии // Зоол. журнал, т.36, вып.5. - С.792-794.
Демьянова О.М., 1984. К распространению серого журавля в Калмыкии // Фауна и экология животных Калмыкии и сопредельных районов.- Элиста.- С.17-20.
Демьянова О.М., 1987. Численность и размещение водоплавающих и околоводных птиц Калмыкии // Животные водных и околоводных биоценозов полупустыни. - Элиста. - С.45-55.
Демьянова О.М., Кукиш А.И., 1990. Сезонные миграции куликов в Калмыкии // Миграции и зимовки птиц Северного Кавказа. – Ставрополь. – С.59-66.
Джамирзоев Г.С., 2000. Птицы Дагестана: История изучения, библиография, видовой состав.- Махачкала.- 47 с.
Джамирзоев Г.С., 2002. Дрофа в Дагестане // Мат-лы международн. науч.-практ. конф. по сохранению дрофы.- Харьков – Мартовая.- С.47-51.
Джамирзоев Г.С., 2004. К вопросу о возможности гнездования мохноногого сыча на Восточном Кавказе // Орнитология, вып.31.- С.217-220.
Джамирзоев Г.С., 2008. Белоглазый нырок // Редкие виды птиц на ключевых орнитологических территориях России. - М.: СОПР.- С.16-22.
Джамирзоев Г.С., 2008. План действий по сохранению дрофы (*Otis tarda*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказском экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.77-83.
Джамирзоев Г.С., 2008. План действий по сохранению мраморного чирка (*Anas angustirostris*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказском экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.23-28.
Джамирзоев Г.С., 2008. Среднезимние учёты птиц на побережье Каспийского моря на юге Дагестана // Кавказский орнитол. вестник, вып.20.- С.5-8.
Джамирзоев Г.С., 2009. Розовый пеликан. Малый баклан. Египетская цапля. Колпица. Каравайка. Черный аист. Пискулька. Мраморный чирок. Беркут. Бородач. Черный гриф. Кречет. Сапсан. Султанка. Дрофа. Авдотка. Толстоклювый зуек. Каспийский зуек. Белохвостая пигалица. Ходулочник. Шилоклювка. Кулик-сорока // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.409-416; 418-419; 421-422; 424-425; 441-442; 444-445; 447-448; 450; 452-453; 458-460; 463-466; 468-473.
Джамирзоев Г.С., 2011. Египетская цапля // Птицы России и сопредельных регионов: пеликанообразные, аистообразные, фламингообразные.- М.: КМК.-

С.265-276.
Джамирзоев Г.С., Баник М.В., 2003. Современное состояние и перспективы охраны белоглазого нырка в России и на сопредельных территориях // Совр. состояние популяций, управление ресурсами и охрана гусеобразных птиц Сев. Евразии: Тез. докл. Международн. симпозиума.- Петрозаводск.- С.48-50.
Джамирзоев Г.С., Баник М.В., 2009. Белоглазый нырок // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.425-426.
Джамирзоев Г.С., Белик В.П., 2008. План действий по сохранению пискульки (*Anser erythropus*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказском экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.18-23.
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2005. Совообразные Восточного Кавказа // Совы Северной Евразии. М.- С.287-294.
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2006. Степная пустельга на Восточном Кавказе // Орнитол. исследования в Сев. Евразии: Труды 12 Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии.- Ставрополь.- С.175-176.
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2008. План действий по сохранению стерха (*Grus leucogeranus*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказском экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.72-76.
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2008. План действий по сохранению стервятника (*Neophron percnopterus*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказск. экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.49-55.
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2009. Кудрявый пеликан. Савка. Европейский тювик. Курганник. Степной орел. Орлан-белохвост. Стервятник. Белоголовый сип. Стерх. Стрепет. Степная тиркушка. Луговая тиркушка. Черноголовый хохотун. Малая крачка // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.410-411; 426-427; 430-435; 443-444; 446-449; 456-457; 461-462; 474-477; 479-480.
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2009. Республика Дагестан // Ключевые орнитол. территории России. Том 3: Ключевые орнитол. территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР.- С.180-186; 274-292 (Приложение 4).
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2020. Черноголовый хохотун // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.661-662.
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2020. Редкие гнездящиеся дневные хищные птицы Сарыкума и его окрестностей // Хищные птицы в ландшафтах Сев. Евразии: Современные вызовы и тренды: Мат-лы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.182-188.
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., Бархалов Р.М., Мазанаева Л.Ф., Яровенко Ю.А., Куниев К.М., Плакса С.А., Перевозов А.Г., Газарян С.В., Аскендеров А.Д., Насрулаев Н.И., Бабаев Э.А., Яровенко А.Ю., 2013. Редкие позвоночные животные заповедника «Дагестанский». Труды заповедника «Дагестанский», вып.6. - Махачкала. - 372 с.
Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., Ильюх М.П., 2008. План действий по сохранению

степной пустельги (*Falco naumanni*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказск. экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.63-71.

Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., Исмаилов Х.Н., 2009. Могильник. Степная пустельга // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.439-440; 453-454.

Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., Маловичко Л.В., 2008. План действий по сохранению савки (*Oxyura leucocephala*) в Кавказском экорегионе // Планы действий по сохранению глобально угрожаемых видов птиц в Кавказском экорегионе.- Москва – Махачкала.- С.29-33.

Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., Насрулаев Н.И., 2008. Птицы Ногайской степи. История изучения и видовой состав // Труды гос. природн. заповедника «Дагестанский», вып.2.- Махачкала.- С.83-93.

Джамирзоев Г.С., Ильюх М.П., 1999. Современное состояние редких хищных птиц Дагестана // Кавказский орнитол. вестник, вып.11.- С.18-44.

Джамирзоев Г.С., Исмаилов Х.Н., 2009. Скопа. Степной лунь. Змееяд. Орел-карлик. Малый подорлик. Балобан // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.428-430; 433-434; 436-439; 451-452.

Джамирзоев Г.С., Магомедов Г.М., Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., 2004. Птицы заповедника «Дагестанский».- Махачкала.- 94 с.

Джамирзоев Г.С., Маматаева В.Ф., Умаханова Т.К., 2009. Белый аист // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.417-418.

Джамирзоев Г.С., Насрулаев Н.И., 2009. Кавказский тетерев // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.455-456.

Джамирзоев Г.С., Перевозов А.Г., Комаров Ю.Е., Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Караваев А.А., Букреев С.А., Пшегусов Р.Х., Гизатулин И.И., Поливанов В.М., Витович О.А., Хубиев А.Б., 2014. Птицы заповедников и национальных парков Северного Кавказа // Труды заповедника «Дагестанский», вып.8, т.1.- Махачкала.- 428 с.

Джамирзоев Г.С., Перевозов А.Г., Комаров Ю.Е., Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Караваев А.А., Букреев С.А., Лохман Ю.В., Пшегусов Р.Х., Аккиев М.И., Гизатулин И.И., Хубиев А.Б., 2017. Птицы заповедников и национальных парков Северного Кавказа // Труды заповедника «Дагестанский», вып.8, т.2.- Махачкала.- 140 с.

Джамирзоев Г.С., Родионов М.С., 2018. Наблюдения за птицами на дагестанском побережье Каспийского моря и Приморской равнине в декабре 2017 года // Труды заповедника «Дагестанский», вып.14.- С.105-117.

Джамирзоев Г.С., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2000. Редкие и исчезающие птицы Дагестана и их охрана.- Ставрополь.- 145 с.

Джусупов Т.К., 1991. К биологии погоныша-крошки в Барабинской низменности (Западная Сибирь) // Uragus: Сибирск. орнитол. журнал, т.1.- С.12-20.

Дзуев Р.И., 2000. Беркут // Красная книга Кабардино-Балкарской Республики: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений.- Нальчик.- С.64-65.

Диков В.И., 1926. Из наблюдений охотника // Охотничий вестник Сев. Кавказа, № 3. - С.30.

Динесман Л.Г., 1952. Предупреждение вредной деятельности чечевицы (Erythrina

erythrina) в южном Заволжье // Сообщ. комплексной науч. экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения, вып.1.- М.: АН СССР.- С.76-77.
Динесман Л.Г., 1955. Орнитофауна лесных посадок в северо-западной части Прикаспийской низменности в засушливые годы // Труды Ин-та леса, т.25.- С.212-238.
Динесман Л.Г., 1960. Изменение природы северо-запада Прикаспийской низменности. - М.: Изд-во АН СССР.- 160 с.
Динкевич М.А., 2000. Белый аист в Краснодарском крае // Кавказск. орнитол. вестник, вып.12.- С.54-58.
Динкевич М.А., 2002. Изменения и дополнения к списку птиц Краснодарского края // Птицы Южной России: Мат-лы Международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в XXI веке», посвящ. 20-летию деятельности Сев.-Кавказск. орнитол. группы.- Ростов н/Д.- С.73-77.
Динкевич М.А., 2003. Зимовка лугового луня на Северном Кавказе // Мат-лы 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Пенза.- С.182-183.
Динкевич М.А., 2004. Дополнения к авифауне рисовых полей Предкавказья и центральной части Краснодарского края // Стрепет, т.2, вып.1.- С.77-83.
Динкевич М.А., 2007. Кудрявый пеликан // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 2-е изд.- Краснодар.- С.358-359.
Динкевич М.А., 2010. Новые данные о встречах моевок в северо-восточных районах Азово-Черноморского бассейна // Бранта, вып.13.- С.80-88.
Динкевич М.А., 2011. Гнездование скопы на опоре ЛЭП в дельте Волги, Астраханская область, Россия // Пернатые хищники и их охрана, № 22.- С.198-200.
Динкевич М.А., 2012. Желтая цапля // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Майкоп.- С.253.
Динкевич М.А., 2014. Кудрявый пеликан. Желтая цапля. Белый аист. Черный аист. Скопа. Кулик-сорока. Черноголовый хохотун // Красная книга Ростов. обл., т.1: Животные.- Ростов н/Д.- С.170; 172; 175-176; 183; 209; 217.
Динкевич М.А., 2014. Современное состояние и особенности биологии некоторых крупных хищных птиц в Краснодаре // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.211-216.
Динкевич М.А., 2015. Интересные орнитологические находки в городе Краснодаре в 2008-2015 годах // Русск. орнитол. журнал, т.24, № 1197.- С.3553-3559.
Динкевич М.А., 2017. Египетская цапля *Bubulcus ibis* – новый вид Ростовской области // Русский орнитол. журнал, т.26, № 1446.- С.2027-2028.
Динкевич М.А., Ермолаев В.В., 2012. Первая достоверная зимняя регистрация белого аиста *Ciconia ciconia* в Краснодарском крае // Русский орнитол. журнал, т.21, № 740.- С.641-643.
Динкевич М.А., Иваненко А.М., Лохман Ю.В., Ластовецкий В.Е., Емтыль М.Х., Емтыль А.М., Ковалев В.В., 1999. О реализации проекта «Пеликан-99» и его результатах // Человек и ноосфера: Мат-лы Всероссийск. науч.-практ. конф. - Краснодар, Геленджик. - С.98-100.
Динкевич М.А., Короткий Т.В., 2004. Необычная зимовка вяхиря в черте города Краснодара // Кавказск. орнитол. вестник, вып.16.- С.14-16.
Динкевич М.А., Ластовецкий В.Е., 2004. О встречах малой горлицы в Краснодаре

// Кавказск. орнитол. вестник, вып.16.- С.16-17.
Динкевич М.А., Ластовецкий В.Е., Короткий Т.В., Мнацеканов Р.А., 2003. Новые виды птиц в зимней авифауне центральной части Краснодарского края // Стрепет, вып.2.- С.86-89.
Динкевич М.А., Ластовецкий В.Е., Мнацеканов Р.А., 2001. Новые виды в авифауне г. Краснодара // Кавказск. орнитол. вестник, вып.13.- С.38-41.
Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., 2011. Чернозобая гагара на Северо-Западном Кавказе // Орнитология, вып.36.- С.193-200.
Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., 2013. Дополнения к орнитофауне Республики Адыгея // Русский орнитол. журнал, т.22, № 887.- С.1557-1560.
Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., Короткий Т.В., 2004. Дополнения к авифауне города Краснодара // Кавказский орнитол. вестник, вып.16.- С.18-21.
Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., Короткий Т.В., Найданов И.С., 2008. Большой баклан на Северо-Западном Кавказе // Бранта, № 11.- С.126-158.
Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., 2012. Красавка. Дрофа // Результаты мониторинга видов растений, животных и грибов, занесенных в Красную книгу Краснодарского края (2007-2011).- Краснодар.- С.143-145.
Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., Короткий Т.В., 2013. Дополнения к орнитофауне Таманского полуострова // Биоразнообразие. Биоконсервация. Биомониторинг: Сб. материалов Международн. науч.-практ. конф.- Майкоп.- С.41-42.
Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Короткий Т.В., 2007. Авифауна Таманского полуострова // Экосистемные исследования Азовского, Черного, Каспийского морей и их побережий. - Апатиты, т.9. - С.237-247.
Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Найданов И.С., Короткий Т.В., 2014. Новые встречи куликов в зимний период в Краснодарском крае и Республике Адыгея // Кулики в изменяющейся среде Сев. Евразии: Мат-лы IX Международ. науч. конф.- М.- С.129-133.
Динкевич М.А., Найданов И.С., 2013. Чеглок *Falco subbuteo* в городе Краснодаре // Русский орнитол. журнал, т.22, № 879.- С.1316-1321.
Динкевич М.А., Савицкий Р.М., 2008. Моевка // Стрепет, т.6, вып.2.- С.109.
Динкевич М.А., Стахеев В.В., 2014. Новые данные по гнездованию белохвостой пигалицы на территории Республики Калмыкия, Россия // Кулики в изменяющейся среде Сев. Евразии: Мат-лы IX Международ. науч. конф.- М.- С.192-193.
Динкевич М.А., Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., Короткий Т.В., 2016. Миграции некоторых редких видов куликов в Краснодарском крае и республике Адыгея // Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Сев. Евразии: Мат-лы 10-й юбилейной конф. Рабоч. группы по куликам Сев. Евразии.- Иваново – Мелитополь: Ивановский ун-т.- С.146-156.
Динник Н.Я., 1877. Горы и ущелья Северо-Западного Кавказа // Природа, № 2.- С.47-77.
Динник Н.Я., 1880. Эльбрус, его отроги и ущелья // Изв. Кавказск. отд. РГО, т.6, № 3.- С.265-286.
Динник Н.Я., 1881. Орнитологические наблюдения в окрестностях Ставрополя. Зима и весна 1880 года // Природа и охота, апрель.- С.68-71.
Динник Н.Я., 1884. Горы и ущелья Терской области // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.13, вып.1.- С.1-48.

Динник Н.Я., 1884. Осетия и верховья Риона // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.13, вып.1.- С.49-100.
Динник Н.Я., 1886. Орнитологические наблюдения на Кавказе // Труды СПб. об-ва естествоиспытателей, т.17, вып.1.- С.260-378.
Динник Н.Я., 1887. Перелет птиц через Кавказский хребет // Изв. Кавказск. отд. РГО, т.9, № 2- С.394-405.
Динник Н.Я., 1888. Перелет птиц через Кавказский хребет // Природа и охота, март.- С.13-23.
Динник Н.Я., 1890. Поездка в Балкарию в 1887 году // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.14, вып.1.- С.199-247.
Динник Н.Я., 1893. Путешествие по западной Осетии // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.15.- С.51-90.
Динник Н.Я., 1894. Оштен и окружающие его части Кубанской области // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.16.- С.357-421.
Динник Н.Я., 1898. Кубанская область в верховьях рек Уруштена и Белой // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.19.- С.1-81.
Динник Н.Я., 1899. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба // Изв. Кавказск. отд. РГО, т.12, № 3.- С.3-39.
Динник Н.Я., 1902. Верховья Малой Лабы и Мзымты // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.22, вып.5.- С.1-73.
Динник Н.Я., 1905. По в Чечне и Дагестану // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.25, вып.4.- С.1-78.
Динник Н.Я., 1911. Путешествие по Закатальскому округу и Дагестану // Изв. Кавказск. отд. РГО, т.21, № 2.- С.1-60.
Дмитренок М.Г., 2011. Большая выпь // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликаноборазные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.155-177.
Добринов А.В., 2000. О численности коростеля в западной части города Азова, Ростовской области // Коростель в Европейской России: численность и распространение.- М.- С.145-146.
Долгушин И.А., 1960. Птицы Казахстана, т.1.- Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР.- 470 с.
Долгушин И.А., 1962. Отряд Кулики – Limicolae // Птицы Казахстана, т.2.- Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР. - С.40-245.
Домашевский С.В., 2014. Средиземноморский сокол (*Falco biarmicus*) – новый вид в фауне Украины // Беркут, т.23, № 2.- С.105.
Домашевский С.В., 2017. Современное состояние популяции большого подорлика (*Aquila clanga*) в Украине // Беркут, т.26, вып.1.- С.49-59.
Домбровский Б.А., 1913. Материалы для изучения птиц Колхиды, Аджарии и сопредельных мест // Труды Киевского орнитол. об-ва им. К.Ф. Кесслера, т.1, вып.1.- С.23-219.
Дороватовский Н.С., 1912. Предварительное сообщение о поездке с фаунистической целью в северо-западное Закавказье // Труды СПб. Об-ва естествоиспытателей, т.43, вып.1.- С.310-315.
Дороватовский Н.С., 1913. К орнитофауне Северо-Западного Закавказья // Труды об-ва изучения Черноморск. побережья, т.1.- СПб.- С.67-88.
Дороватовский Н.С., 1914. Орнитологические наблюдения в Северо-Западном Закавказье // Орнитол. вестник, № 2.- С.118–121.
Дорогой И.В., 2015. Уникальный случай «жёсткой посадки» мигрирующей стаи

морянок *Clangula hyemalis* в экстремальных погодных условиях в горах Чукотки // Русский орнитол. журнал, т.24, № 1210.- С.3986-3989.

Доронин И.В., Костенко А.В., 2013. Научная картотека П.А. Резника по изучению наземных позвоночных животных Ставропольского края (к 100-летию со дня рождения учёного) // Русский орнитол. журнал, т.22, № 908.- С.2169-2207.

Дорофеев Д.С., Поярков Н.Д., 2014. Касатка на Нижнем Амуре // Казарка, № 17.- С.131-153.

Дроздов Н.Н., 1967. О роли заповедников в охране птиц Кавказа // Природа Сев. Кавказа и ее охрана. - Нальчик. - С.104-105.

Друп А.И., Друп В.Д., 2010. К вопросу о гнездовании клинтуха на территории Ставропольского края за период 2007-2009 гг. // Кавказск. орнитол. вестник, вып. 22.- С.26-29.

Друп А.И., Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2005. Ястребы Центрального Предкавказья.- Ставрополь.- 120 с.

Дубинин В.Б., 1953. Биотехнические мероприятия по охране ценных видов зверей и птиц в Астраханском заповеднике // Преобразование фауны позвоночных нашей страны.- М.- С.27-36.

Дублянский Н., 1884. Из Железноводска (Терской области) // Природа и охота, ноябрь.- М.- С.1-22.

Дылюк С.А., Галчёнков Ю.Д., 2000. История расселения белого аиста в России // Белый аист в России: дальше на восток.- Калуга.- С.21-41.

Дьяченко М.П., 2009. Гнездование степной пустельги в поселке Улан-Хол на востоке Калмыкии // Стрепет, т.7, вып.1-2.- С.94-96.

Дюков Н., 1928. К познанию распространения стерха // Охотник, т.5, № 9.- С.22.

Дюнин А.Г., 1936. Баклан в дельте Волги // Науч. труды Астрахан. заповедника, вып.1.- С.61- 95.

Дядичева Е.А., Андрющенко Ю.А., Бронсков А.И., Башта А.-Т.В., Бусел В.А., Ветров В.В. и др., 2021. Результаты наблюдений птиц Красной книги Украины в Северо-Западном Приазовье в весенне-летний период 2019 года // Сучасні дослідження птахів України: Збірник наукових праць, присвячених 35 річниці Азово-Чорноморської орнітол. станції.- Мелітополь.- С.45-53.

Емельченко Н.Н., 2004. Наблюдения за весенней миграцией гусеобразных птиц в заповеднике «Ростовский» в 2004 году // Труды заповедника «Ростовский», вып.3: Биоразнообразие заповедника «Ростовский» и его охрана. - Ростов н/Д.: Донской издательский дом. - С.187-191.

Емельяненко П., 1915. Заметки о птицах долины реки Ардон (Терская область) // Птицеведение и птицеводство, г.6, вып.2-3.- С.189-196.

Емельянов В.И., Баранов А.А., Стахеев В.А., 2012. Горный гусь // Красная книга Красноярского края, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных.- 3-е изд.- Красноярск.- С.62.

Емтыль М.Х., 2000. Дрофиные в Краснодарском крае // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий.- Краснодар.- С.98–99.

Емтыль М.Х., Иваненко А.М., Талышинский Д.И., Арасланов К.В., 2005. Современное состояние орнитофауны островов Ейского лимана // Акт. вопр. экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельн. территорий: Мат-лы 18-й межреспубл. науч.-практ. конф.- Краснодар.- С.190-192.

Емтыль М.Х., Лохман Ю.В., 1994. Зимняя орнитофауна рыборазводных прудов рыбзавода «Краснодарский» // Птицы Кавказа: Мат-лы 1-й Междунар. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.10-12.

Емтыль М.Х., Лохман Ю.В., Иваненко А.М., Емтыль А.М., Короткий Т.В., 2003. Гидрофильные колониальные птицы в Западном Предкавказье // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий: Мат-лы XVI межреспубл. науч.-практ. конф.- Краснодар.- С.181–187.

Емтыль М.Х., Лохман Ю.В., Мнацеканов Р.А., Иваненко А.М., Тильба П.А., Шестибратов К.А., Пекло А.М., 1993. Предварительные сведения по летней орнитофауне предгорий Западного Кавказа // Кавказск. орнитол. вестник, вып.5.- С.55-61.

Емтыль М.Х., Плотников Г.К., Лохман Ю.В., Динкевич М.А., Ластовецкий В.Е., Иваненко А.М., Горяинов М.Ю., 1997. Летняя орнитофауна северо-западной части Приазовской равнины // Актуальные вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий. Тез. докл. X межреспубл. науч.-практ. конф., ч.2.- Краснодар.- С.218-226.

Емтыль М.Х., Тильба П.А., Плотников Г.К., Мнацеканов Р.А., 1989. Численность и распределение колоний околоводных птиц в Краснодарском крае // Акт. вопросы экологии и охраны природы Азовского моря и Вост. Приазовья. Сб. тез. науч.-практ. конф., ч.1.- Краснодар.- С.165–168.

Емтыль М.Х., Хохлов А.Н., 1984. Размещение и численность пеганки в Предкавказье // Современное состояние ресурсов водоплавающих птиц: Тезисы Всесоюзн. семинара. - М. - С. 80-81.

Еремин В.Ф., 1880. В придонских степях // Природа и охота. Ноябрь. - С.97-114; Декабрь. - С.15-37.

Естафьев А.А., 1999. *Grus leucogeranus* Pallas, 1773 – Стерх // Фауна Европейского Северо-Востока России. Птицы. Неворобьиные, т.1, ч.2.- СПб.: Наука.- С.122-124.

Естафьев А.А., Воронин Р.Н., Минеев Ю.Н., Кочанов С.К., Бешкарев А.Б., 1995. Фауна европейского Северо-Востока России. Птицы, т.1, ч.1: Неворобьиные.- СПб.: Наука.- 325 с.

Ефимцева А.С., Яценко Е.Н., 1935. Хищные птицы Кабарды и Балкарии // Изв. Сев.-Кавк. пед. ин-та, т.12.- С.265-278.

Жарко Я., 1909. Список птиц Кубанской области.- Екатеринодар.- 18 с.

Жарков И.В., 1938. Материалы к изучению роли хищных птиц в Кавказском заповеднике // Тр. Кавказск. зап-ка, вып.1.- С.87-102.

Жарова Т.И., Жаров В.Р., 1962. К орнитофауне Советского и Ново-Кубанского районов Краснодарского края // Мат-лы 15-й науч. студенч. конф.- Ростов н/Д.- С.103-107.

Жатканбаев А.Ж., 2006. Савка // Птицы Средней Азии, т.1.- Алматы.- С.261-266.

Желнин В.А., 1959. К экологии вяхиря в Эстонии // Орнитология, вып.2.- С.135-137.

Житков Б.М., 1914. О промысле и охране птиц в дельте Волги // Мат-лы к познанию русского охотничьего дела, вып.4.- СПб.- С.1-56.

Житков Б.М., Бутурлин С.А., 1906. Материалы для орнитофауны Симбирской губернии // Записки Русск. географ. об-ва по общей географии, т.41, № 2.- СПб.- С.1-275.

Жмуд М.Е., 2000. Изменение статуса пеликанов в Северном Причерноморье на рубеже тысячелетий // Бранта, вып.3.- С.112-117.
Жмуд М.Е., 2009. Пелікан рожевий // Червона книга України: Тваринний світ.- Київ.- С.398.
Журавлев М.Н., 1977. Размещение кавказского тетерева // VII Всесоюзная орнитол. конф.: Тез. докл., ч.2.- Киев.- С.213-215.
Журавлев М.Н., 1990. Орнитокомплексы среднегорной зоны Большого Кавказа // Биота экосистем Большого Кавказа.- М.: Наука.- С.158-176.
Журтов Х.Х., 2019. Восточная клуша, или халей // Стрепет, т.17, вып.2- С.121-122.
Журтов Х.Х., 2019. Новые и редкие виды птиц Кабардино-Балкарии // Стрепет, т.17, вып.2.- С.21-29.
Журтов Х.Х., Белик В.П., 2013. Встречи плосконосого плавунчика на Северном Кавказе // Стрепет, т.11, вып.2.- С.110-111.
Забашта А.В., 1998. Хищные птицы и совы Ленинского лесхоза и прилегающей территории // 3 конф. по хищным птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.1.- Ставрополь.- С.42-44.
Забашта А.В., 2001. Динамика численности и пролёт кольчатой горлицы на юге Ростовской области // Кавказск. орнитол. вестник, вып.13.- С.46-49.
Забашта А.В., 2003. Курганник и авдотка в г. Ростов-на-Дону // Пробл. развития биологии и экологии на Сев. Кавказе.- Ставрополь.- С.27-28.
Забашта А.В., 2006. Зимние встречи некоторых видов птиц в Северо-Восточном Приазовье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.18.- С.30-32.
Забашта А.В., 2006. Ночной учёт козодоев на миграционных остановках и материалы по пролёту этого вида в низовьях Дона // Кавказск. олрнитол. вестник, вып.18.- С.72-78.
Забашта А.В., 2014. Зеленый дятел // Красная книга Ростовской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Ростов н/Д.- С.222.
Забашта А.В., 2018. Расселение зелёного дятла *Picus viridis* в Западном Предкавказье // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1595.- С.1723-1729.
Забашта А.В., 2018. Расселение седого дятла *Picus canus* на юге Европейской части России // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1713.- С.6233-6243.
Забашта А.В., 2019. Новое место гнездования белого аиста *Ciconia ciconia* в Ростовской области // Русский орнитол. журнал, т.28, № 1773.- С.2369-2371.
Забашта А.В., 2021. Материалы по зимовке и пролёту дербника *Falco columbarius* на юго-западе Ростовской области // Русский орнитол. журнал, т.30, № 2040.- С.935-945.
Забашта А.В., Забашта М.В., 2007. Сезонное распределение и численность лысух в прибрежной части Таганрогского залива Азовского моря // Методы и теоретич. аспекты исследования морских птиц: Мат-лы V Всеросс. школы по морской биологии.- Ростов н/Д.- С.238-240.
Забашта А.В., Забашта М.В., 2018. Весеннее миграционное скопление малых чаек *Larus minutus* на Цимлянском водохранилище // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1623.- С.2764-2770.
Забашта А.В., Забашта М.В., 2018. Современное состояние гнездовых колоний чайковых птиц на островах Глафировской косы // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1551.- С.7-19.
Забашта А.В., Забашта М.В., 2020. Гнездовые колонии птиц в низовьях Дона (Доно-

Аксайское займище – дельта Дона), Кагальника, Миуса и восточной части Таганрогского залива // Русский орнитол. журнал, т.29, № 1924.- С.2205-2233.
Забашта А.В., Костяная Н.О., 2019. Гнездование орла-карлика *Hieraaetus pennatus* на юго-западе Ростовской области // Русский орнитол. журнал, т.28, № 1720.- С.240-243.
Забелин В.И., 1997. О результатах весеннего учета птиц на южном берегу Чоградского водохранилища // Кавказск. орнитол. вестник, вып.9.- С.25-29.
Забелин В.И., Рогожин Е.В., 2014. Изменение состава орнитофауны как показатель деградации экосистем солёных озёр (на примере озера Тамбукан в Ставропольском крае) // Труды Тувинского ИКОПР: Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии: Эколого-экономические проблемы природопользования.- Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, вып.9.- С.111-117.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., 1990. Лебедь-шипун в низовьях Кубани // Экология и охрана лебедей в СССР: Мат-лы 2-го Всесоюзного совещания по лебедям СССР, ч.1.- Мелитополь.- С.86-87.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., 1990. О зимовке в Предкавказье розового, кудрявого пеликанов и рыжей цапли // Малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.242.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., 1991. О встречах некоторых редких птиц в нижнем течении р. Кубани // Распространение, численность и биология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.107.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., 1992. Пастушок на Кубани // Актуальные вопросы экологии и охраны природы экосистем малых рек, ч.1.- Краснодар.- С.122-125.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., 1996. О позднелетней встрече малого баклана на западе Краснодарского края // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем южных и центральных регионов России: Мат-лы межресп. науч.-практ. конф.- Краснодар.- С.125.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., 1997. Заметки о некоторых птицах низовий Кубани // Проблемы развития биологии на Сев. Кавказе, вып.2.- Ставрополь.- С.56-57.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., 2005. Первая встреча черного журавля в Европейской части России // Проблемы развития биологии и экологии на Сев. Кавказе.- Ставрополь.- С.129-131.
Завьялов Е.В., Альберти Л.Г., 1996. Сирийский дятел *Dendrocopos syriacus* в Волгоградской области // Русский орнитол. журнал, № 1.- С.3-4.
Завьялов Е.В., Лобанов А.В., 1996. Распространение среднего дятла на территории Саратовской и Волгоградской областей // Мат-ли II конф. молодих орнітологів України.- Чернівці.- С.65-66.
Завьялов Е.В., Мосейкин В.Н., Табачишин В.Г., 2000. Рыжая цапля *Ardea purpurea* на севере Нижнего Поволжья // Русский орнитол. журнал, т.9, № 100.- С.22-23.
Завьялов Е.В., Рубан О.А., 2001. Распространение и особенности экологии балобана на юге Низкой Сыртовой равнины // Акт. Акт. пробл. изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы международн. конф. (XI Орнитол. конф.).- Казань.- С.242-243.
Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., 2006. Степной орел // Красная книга Саратовской обл.: Грибы. Лишайники. Растения. Животные.- Саратов.- С.403-405.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Мосолова Е.Ю., 2005. Распространение европейского среднего дятла *Dendrocopos medius medius* на севере Нижнего Поволжья на рубеже столетий // Русский орнитол. журнал, т.14, № 292.- С.589–594.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Усов А.С., Шляхтин Г.В., Якушев Н.Н., Мосолова Е.Ю., 2004. Межвековая динамика распространения и современное состояние популяции огаря на севере Нижнего Поволжья // Казарка, № 10.- С.280–296.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Шепелев И.А., 1996. Распространение и морфометрическая характеристика среднего дятла *Dendrocopos medius* в Нижнем Поволжье // Русский орнитол. журнал, № 5.- С.10–13.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Шляхтин Г.В., Капранова Т.А., 1998. Современное состояние популяций некоторых гнездящихся куликов Саратовской области // Гнездящиеся кулики Вост. Европы – 2000, т.1.- М.: СОПР.- С.52–62.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н., Мосолова Е.Ю., 2008. Распространение, численность, биология и экология Гагарообразных, Поганкообразных, Пеликанообразных, Аистообразных и Фламингообразных птиц Саратовской области // Волжско-Камский орнитол. вестник, вып.1.- Чебоксары.- С.17-37.

Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., 2006. Тетерев // Красная книга Саратов. обл.: Грибы. Лишайники. Растения. Животные.- Саратов.- С.420-421.

Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Пискунов В.В. и др., 1999. Хищные птицы Саратовской области // Беркут, т.8, вып.1.- С.21-45.

Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н., Хрустов И.А., 2005. Птицы севера Нижнего Поволжья, кн.1.- Саратов.- 296 с.

Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н., Хрустов И.А., Мосолова Е.Ю., 2005. Птицы севера Нижнего Поволжья, кн.2. - Саратов.- 324 с.

Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н., Мосолова Е.Ю., Угольников К.В., 2007. Птицы севера Нижнего Поволжья, кн.3: Состав орнитофауны.- Саратов.- 328 с.

Завьялов Е.В., Якушев Н.Н., Табачишин Н.Н., Мосолова Е.Ю. 2008. Малый баклан *Phalacrocorax pygmaeus* – новый вид орнитофауны Саратовской области // Русский орнитол. журнал, т.17, № 439.- С.1351-1354.

Загороднюк І.В., 2013. Зелена бджолоїдка (*Merops persicus*) в Україні // Беркут, т.22, вып.1.- С.61-64.

Зайковский Б.В., 1925. О вымерших и вымирающих представителях природы Нижне-Волжской области // Труды Нижне-Волжск. обл. науч. об-ва краеведения. Отд. географический, вып.1.- Саратов.- С.52–56.

Зайцева Е.Ф., Харченко В.И., 1966. Совы Предкавказья // Тезисы 1 сессии Донецкого науч. центра. Секция биол.- Донецк.- С.81-82.

Залетаев В.С., 1960. Материалы по биологии рыбоядных птиц Восточного Каспия // Охрана природы и озеленение, вып.4.- М.: ВООП.- С.11-44.

Залетаев В.С., 1963. Зимовки водоплавающих птиц на Северном, Восточном и Юго-Восточном Каспии // Фауна и экология птиц дельты Волги и побережий Каспия: Труды Астраханск. заповедника, вып.8.- С.349-372.

Залетаев В.С., Степанян Л.С., 1957. Морянки на Каспийском море // Природа, № 7.- С.115.

Зарудный Н.А., 1888. Орнитологическая фауна Оренбургского края // Зап. Импер. Академии наук: Приложение к т.57, № 1.- СПб.- С.1-338.

Зарудный Н.А., 1892. Птицы долины р. Орчика и окололежащей степи // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отдел зоол., вып.1.- С.138-155.

Зарудный Н.А., 1911. Несколько заметок по орнитофауне Харьковской и Полтавской губерний // Орнитол. вестник, № 3-4.- С.272-277.

Звержановский М.И., 1967. Питание домового сыча (*Athena noctua noctua* Scopoli) в Ставрополье // Природа Сев. Кавказа и ее охрана: Тез. докл. конф., посвящ. 50-летию Советской власти.- С.133-136.

Зеленков Н.В., Курочкин Е.Н., 2015. Класс Aves // Ископаемые позвоночные России и сопредельных стран: Ископаемые рептилии и птицы, ч.3.- М.: ГЕОС.- С.86-290.

Земляной В.Л., Мосейкин В.Н., 2000. Утес Степана Разина. Алмазовский заказник. Алгайский // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европ. России. М.: СОПР.- С.462–463; 469–470.

Зинякова М.П., Платицын В.П., 1990. Население птиц Джигинских плавней в осенне-зимне-весенний период //Акт. вопросы экологии и охраны природы Азовского моря и Вост. Приазовья.- Краснодар.- С.174-176.

Зозулин Г.М., 1992. Леса Нижнего Дона.- Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та.- 203 с.

Золотарев А.А., 1995. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.60: Позвоночные животные Хоперского заповедника. - М. - С.13-31.

Золотарев А.А., Воробьев И.И., 1999. Тенденции изменения численности редких видов птиц ЦЧО в Хоперском заповеднике и сопредельных территориях // Редкие виды птиц и ценные орнитол. территории Центр. Черноземья.- Липецк.- С.16-18.

Зубакин В.А., 1988. Черноголовый хохотун. Черноголовая чайка. Морской голубок. Малая чайка. Черная крачка. Белощекая крачка. Чайконосая крачка. Чеграва. Пестроносая крачка. Полярная крачка. Малая крачка // Птицы СССР: Чайковые.- М.: Наука.- С.57-69; 77-85; 105-115; 233-243; 258-268; 278-321; 337-348; 356-370.

Зубакин В.А., 2008. Современное состояние редких видов чайковых птиц Нечерноземного центра России и динамика их численности за последние двадцать лет // Редкие виды птиц Нечерноземного центра: Мат-лы 3 совещ.- М.- С.39-46.

Зубаровський В.М., 1977. Фауна України, т.5: Птахи, вип.2: Хижі птахи.- Київ: Наукова думка.- 331 с.

Зубко В.Н., 1980. Белые гуси в Аскании-Нова // Охота и охотн. хоз-во, № 9.- С.22-23.

Зубко В.Н., Гавриленко В.С., 2002. Итоги столетнего кольцевания птиц, выращенных в зоопарке Аскания-Нова // Кольцевание и мечение птиц в России и сопредельных государствах в 1988-1999 гг.- М.- С.117-134.

Зубко В.Н., Поповкина А.Б., Чернобаева Т.М., 1996. Особенности разлетов белых гусей из Аскании-Нова // Казарка, № 2.- С.221-228.

Зубков Н.И., 2005. Сипуха // Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные.- М.- С.99-106.

Иванов А.И., 1952. Весенние наблюдения над птицами на юго-западном побережье Каспия // Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.9, вып.4.- С.1061-1080.

Иванов А.И., 1953. Отряд Coraciiformes – Ракшеобразные // Птицы СССР, ч.2.-

М.-Л.: Изд-во АН СССР.- С.291-3304.
Иванов А.И., 1976. Каталог птиц СССР. - Л.: Наука. - 276 с.
Иванов А.И., Штегман Б.К., 1964. Краткий определитель птиц СССР.- М.-Л.: Наука.- 528 с.
Иванов А.П., 2008. Мигрирующие зуйки на степных водоемах Европейской России: сосуществование или «конкурентное исключение»? // Достижения в изучении куликов Сев. Евразии: Мат-лы VII совещания по вопросам изучения куликов.- Мичуринск.- С.54-61.
Иванов А.П., 2015. Миграционные остановки чернозобика *Calidris alpina* (Linnaeus, 1758) (Charadrii, Charadriidae) на оз. Эльтон (Волгоградская область) // Биоразнообразие аридных экосистем, вып.2: Сб. науч. статей.- М.- С.15-22.
Иванов А.П., 2015. Распространение, численность и фенология миграций морского зуйка *Charadrius alexandrinus* на Северном Кавказе // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучения, использование, охрана. - Мат-лы международн. конф.- Ростов н/Д.- С.88-94.
Иванов А.П., Шубин А.О., 2001. Белохвостая пигалица *Chettusia leucura* и белохвостый песочник *Calidris temmincki* в Калмыкии // Русский орнитол. журнал, № 148. - С.514-517.
Иванов В.Г., Дмитриев В.В., 1961. Хищные птицы Кабардино-Балкарии // Учен. зап. Кабардино-Балкарск. ун-та, вып.10.- С.161-174.
Иванов В.Г., Чунихин С.П., 1959. Зимняя авифауна Кабардино-Балкарии // Учён. зап. Кабардино-Балкар. ун-та, вып.5.- С.183-197.
Иванов В.Г., Чунихин С.П., 1959. К экологии луней (род *Circus*) в условиях Кабардино-Балкарии // Учен. зап. Кабардино-Балкар. ун-та, вып.5.- С.177-181.
Иванов В.Г., Чунихин С.П., 1961. Изменения в распространении и составе авифауны Кабардино-Балкарии под влиянием человека // Учен. зап. Кабардино-Балкар. ун-та, вып.10. - С.199-204.
Иванов Ф.В., Приклонский С.Г., 1965. Стрепет в СССР и меры по его охране на зимовке // Орнитология, вып. 7.- С.130-133.
Ивановский В.В., Белик В.П., 1991. Балобан в Ростовской области // Соврем. сведения по составу, распространению и экологии птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.82-83.
Иванчев В.П., 1996. Распространение, численность и экология белоспинного дятла *Dendrocopos leucotos* в европейской части России // Русский орнитол. журнал, т.5, вып.3/4.- С.117–128.
Иванчев В.П., 2005. Зеленый дятел // Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные.- М.- С.298-309.
Йерке У., 1995. Некоторые интересные орнитологические свидетельства в окрестностях Ростова-на-Дону // Вопр. экологии и охраны природы Ставроп. кр. и сопредельных территорий: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.123-125.
Измайлов И.В., 1940. Фауна птиц и млекопитающих Хоперского государственного заповедника // Труды Хоперского заповедника, вып.1.- М.- С.89-173.
Ильин М.А., 1902. Выдающийся пролет. Весна 1902 года // Природа и охота, т.30, кн.6.- С.61-63.
Ильин М.А., 1905. Дрофа в Дагестанской области // Природа и охота, кн.3.- С.4-13.
Ильюх М.П., 1995. Материалы по гнездовой биологии чеглока на Ставрополье //

Кавказский орнитол. вестник, вып.7.- С.18-19.
Ильюх М.П., 1997. Степная пустельга в Центральном Предкавказье // Науч. наследие Н.Я. Динника и его роль в развитии соврем. естествознания: Мат-лы межресп. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.57-76.
Ильюх М.П., 1998. Экология степной пустельги в Ставропольском крае // Русский орнитол. журнал, № 42.- С.11-16.
Ильюх М.П., 2001. Гнездование степной пустельги в г. Нефтекумске // Кавказск. орнитол. вестник, вып.13.- С.50-53.
Ильюх М.П., 2002. Обыкновенный канюк в Предкавказье// Кавказский орнитол. вестник, вып.14.- С.11-31.
Ильюх М.П., 2002. Орел-карлик в Предкавказье // Актуальные вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий.- Краснодар.- С.126-127.
Ильюх М.П., 2003. Степная пустельга в Предкавказье // Орнитология, вып.30.- С.203-205.
Ильюх М.П., 2007. Гнездование серой неясыти в г. Ставрополе // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рац. использование: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 25-летней деятельности Северокавказск. орнитол. группы.- Ставрополь.- С.46-52.
Ильюх М.П., 2007. Гнездование чеглока в г. Ставрополе // Кавказский орнитол. вестник, вып.19.- С.19-23.
Ильюх М.П., 2007. Степная пустельга в Предкавказье: прошлое, настоящее, будущее // Кавказск. орнитол. вестник, вып.19.- С.23-51.
Ильюх М.П., 2008. Кобчик в Предкавказье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.20.- С.43–87.
Ильюх М.П., 2009. Зимующие хищные птицы и совы Предкавказья // Кавказск. орнитол. вестник, вып.21.- С.46-64.
Ильюх М.П., 2012. Размещение и численность зеленой щурки в Северо-Западном Прикаспии // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.35-43.
Ильюх М.П., 2012. Современное состояние ставропольской популяции степной пустельги // Хищные птицы в динамической среде третьего тысячелетия: состояние и перспективы: Труды VI международн. конф. по соколообразным и совам Сев. Евразии.- Кривой Рог.- С.168-173.
Ильюх М.П., 2014. О гнездовании осоеда *Pernis apivorus* в лесополосах Терских песков Ставрополья // Русский орнитол. журнал, т.23, № 1011.- С.1831-1838.
Ильюх М.П., 2014. Орлан-белохвост на Ставрополье // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Международной конф.- Ростов н/Д.- С.221-231.
Ильюх М.П., 2014. Сизоворонка *Coracias garrulus* на Ставрополье // Русский орнитол. журнал, т.23, № 1044.- С.2757-2766.
Ильюх М.П., 2015. Курганник на Ставрополье // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международной конф.- Ростов н/Д.: Академцентр.- С.193-203.
Ильюх М.П., 2016. Луговой и болотный луни в Ставропольском крае // Луни Палеарктики: Систематика, распространение и особенности экологии в Сев. Евразии: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.- С.35-48.

Ильюх М.П., 2016. Степная пустельга *Falco naumanni* в городе Южно-Сухокумске // Русск. орнитол. журнал, т.25, № 1307.- С.2455-2463.
Ильюх М.П., 2017.Филин *Bubo bubo* на Ставрополье // Русский орнитол. журнал, т.26, № 1397.- С.299–323.
Ильюх М.П., 2018. Белобрюхий стриж *Apus melba* – новый вид орнитофауны города Ставрополя // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1553.- С.96-102.
Ильюх М.П., 2018. Новые виды птиц города Ставрополя // Процессы урбанизации и синантропизации птиц: Мат-лы Международ. орнитол. конф.- Иваново.- С.90-101.
Ильюх М.П., 2018. Размещение и численность зелёной щурки *Merops persicus* в Северо-Западном Прикаспии // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1555.- С.157-165.
Ильюх М.П., 2020. Современное состояние популяций мелких соколов на Ставрополье // Соколы Палеарктики: Распространение, состояние популяций, экология и охрана: Мат-лы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.37-49.
Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 1998. Черный аист – новый гнездящийся вид Ставропольского края // Природные ресурсы и экологическое образование на Сев. Кавказе.- Ставрополь.- С.87-88.
Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2005. Современное состояние сов на Ставрополье // Совы Северной Евразии.- М.- С.277-286.
Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2006. Кладки и размеры яиц птиц Центрального Предкавказья.- Ставрополь.- 220 с.
Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2008. О зимовке могильника на Северном Кавказе // Кавказский орнитол. вестник, вып.20.- С.87-92.
Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2008. Серый журавль и красавка в Ставропольском крае // Журавли Евразии, вып.3. – М.- С.179-188.
Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2009. Экология сов в Ставропольском крае // Совы Северной Евразии. Экология, пространственное и биотопическое распределение.- М.: ИПЭЭ РАН.- С.204-224.
Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2010. Хищные птицы и совы трансформированных экосистем Предкавказья.- Ставрополь.- 760 с.
Ильюх М.П., Хохлов А.Н., Цапко Н.В., Ашибоков У.М., 2005. О хищных птицах юго-западной Калмыкии // Проблемы развития биологии и экологии на Сев. Кавказе.- Ставрополь.- С.140-143.
Ильюх М.П., Хохлов А.Н., Чепенас К., Куренной В.Н., Цапко Н.В., 2006. К летней орнитофауне восточной части Ставропольского края и сопредельных территорий // Кавказск. орнитол. вестник, вып.18.- С.107-114.
Ильюх М.П., Шевцов А.С., 2020. Египетская цапля *Bubulcus ibis* – новый гнездящийся вид Ставропольского края // Русский орнитол. журнал, т.29, № 1981.- С.4614-4622.
Ильяшенко В.Ю., 2004. Сравнительный анализ внешней морфологии птенцов некоторых стрижеобразных // Орнитология, вып.31.- С.175-186.
Ильяшенко В.Ю., 2020. К дискуссии о таксономическом статусе короткоклювого и монгольского зуйков // Орнитологические исследования в странах Северной Евразии: Тез. 15 Междунар. орнитол. конф. Сев. Евразии.- Минск.- С.204-205.
Ильяшенко В.Ю., Белялов О.В., 2011. Новый подвид серого журавля *Grus grus korelovi* ssp. n. (Aves: Gruidae) из Центрального и Восточного Тянь-Шаня //

Русский орнитол. журнал, т.20, № 687.- С.1803-1811.
Ильяшенко В.Ю., Ильяшенко Е.И., 2017. О колонии черноголовой чайки в Дагестане // Стрепет, т.15, вып.2.- С.107-108.
Ильяшенко В.Ю., Касабян М.Г., Маркин Ю.М., 2008. Морфологическая изменчивость серого журавля – *Grus grus* (Linnaeus, 1758) (Aves: Gruidae) // Журавли Евразии (биология, распространение, миграции), вып.3.- М.- С.82-98.
Ильяшенко Е.И., 2001. Красавка // Красная книга Российской Федерации: Животные.- М.- С.474-476.
Ильяшенко Е.И., 2016. Оценка численности журавлей (Gruiformes, Gruidae) Северной Евразии в начале 21 века // Зоол. журнал, т.95, № 8.- С.976–980.
Ильяшенко Е.И., 2018. Динамика численности и ареала красавки в XX и начале XXI веков // Орнитология, вып.42.- С.5-23.
Ильяшенко Е.И., 2018. Зимовка стерха в Иране в 2016-2018 гг. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 4.- М.- С.67-69.
Ильяшенко Е.И., 2019. Влияние изменений в агроландшафтах на распределение и численность красавки (*Anthropoides virgo* Linnaeus, 1758) (Gruidae, Avis) в гнездовой части ареала с середины XX века // Поволжский экол. журнал, № 2.- С.222-236.
Ильяшенко Е.И., 2020. Охота на красавку в Королевстве Саудовская Аравия // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 15.- М.- С.166-168.
Ильяшенко Е.И., Белик В.П., 2017. Серый журавль // Красная книга Волгоградской области. т.1: Животные.- 2-е изд.- Воронеж.- С.149.
Ильяшенко Е.И., Ильяшенко В.Ю., Андрющенко Ю.А., Белик В.П., Гаврилов А.Э. и др., 2020. Предварительные результаты мечения красавки в 2018 и 2019 гг. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 15.- М.- С.112-134.
Ильяшенко Е.И., Ильяшенко В.Ю., Белик В.П., Корепов М.В., Арюлина И.П., Мнацеканов Р.А., 2020. Обследование мест обитания красавки на юге азово-черноморской группировки в 2018 и 2019 гг. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 15.- М.- С.31-38.
Ильяшенко Е.И., Ильяшенко В.Ю., Белик В.П., Корепов М.В., Гугуева Е.В. и др., 2020. Обследование мест обитания красавки в южных степях России и Западном Казахстане в 2018 и 2019 гг. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 15.- М.- С.38-50.
Ильяшенко Е.И., Корепов М.В., Политов Д.В., Викельски М., Джамирзоев Г.С., Мудрик Е.А., Ильяшенко В.Ю., 2018. Предварительные результаты мечения красавки на юге европейской части России в 2017 г. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 14.- М.- С.102-121.
Ильяшенко Е.И., Сурмач С.Г., в печати. Черный журавль // Красная книга Российской Федерации.- 2-е изд.
Ильяшенко Е.И., Чернобай В.Ф., 2017. Красавка // Красная книга Волгоградской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Воронеж.- С.150.
Иовченко Н.П., Рычкова А.Л., Смирнова О.П., 2010. Стремительное освоение водоемов Санкт-Петербурга серой уткой (*Anas strepera*) в начале 21 века // Орнитология в Сев. Евразии: Мат-лы XIII международ. орнитол. конф. Сев. Евразии: Тез. докл.- Оренбург.- С.144.
Ирисова Н.Л., 2017. Горный гусь // Красная книга Республики Алтай: Животные.- 3-е изд.- Горно-Алтайск.- С.145-148.

Исаков Ю.А., 1952. Подсемейство утки *Anatinae* // Птицы Сов. Союза, т.4. - М.: Сов. наука.- С.344-635.

Исаков Ю.А., 1969. Пролет и линька водоплавающих птиц в дельте Волги в период понижения уровня Каспийского моря // Труды Астрахан. заповедника, вып.12.- С.16-97.

Исаков Ю.А., Флинт В.Е., 1987. Семейство дрофиные // Птицы СССР: Курообразные, журавлеобразные.- Л.: Наука.- С.465-502.

Исмаилов Х.Н., 2012. Балобан в Дагестане // Кавказский орнитол. вестник, вып.24.- С.48-59.

Исмаилов Х.Н., Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2008. Некоторые дополнения к границам распространения соколиных на Восточном Кавказе // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии: Мат-лы 5 международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.239-241.

Итин Г.С., Плотников Г.К., 1991. К орнитофауне Краснодарского края // Акт. вопр. экол. и охраны природы экосистемы Черномор. побережья. Сб. мат-лов научн.-практ. конф., ч.1. - Краснодар. - С.165-168.

Итоги работы Фаунистической Комиссии по куликам в 2011 г. // Информ. мат-лы Рабочей группы по куликам, 2012, № 25.- М.- С.6-8.

Казаков Б.А., 1967. К фауне хищных птиц и сов Западного Предкавказья // Природа Сев. Кавказа и ее охрана: Тез. докл. конф., посвящ. 50-летию Советской власти. - Нальчик. - С.125-128.

Казаков Б.А., 1968. Некоторые особенности формирования орнитофауны искусственных лесонасаждений Западного Предкавказья // Мат-лы второй науч. конф. молодых ученых Ростовской обл.: Секция естеств. наук.- Ростов-н/Д. - С.45-46.

Казаков Б.А., 1969. Птицы лесонасаждений южной части Ростовской области // Охрана природы Нижнего Дона.- Ростов н/Д.- С.69-72.

Казаков Б.А., 1973. Луговая тиркушка в Предкавказье // Фауна и экология куликов, вып.1.- М.: Изд-во МГУ - С.43-45.

Казаков Б.А., 1974. Птицы Западного Предкавказья.- Дисс. ... канд. биол. наук.- Ростов н/Д.- 225+77 с.

Казаков Б.А., 1976. Новые и редкие птицы юго-западной части Ростовской области // Орнитология, вып.12. - С.61-67.

Казаков Б.А., 1982. Отряд Гусеобразные. Отряд Курообразные. Отряд Голубеобразные // Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные. - Ростов н/Д. - С.178-201; 230-232.

Казаков Б.А., 1982. Предкавказье // Птицы СССР.- М.: Наука.- С.78-84.

Казаков Б.А., 1983. Савка. Кречетка. Черноголовый хохотун // Берегите: их осталось мало: Редкие и исчезающие животные Донского бассейна, требующие охраны. - Ростов н/Д.: Кн. изд-во.- С.73-74; 103-104; 108-110.

Казаков Б.А., 1998. Веселовское водохранилище // Водно-болотные угодья России, т.1: Водно-болотные угодья международного значения.- М.- С.85-96.

Казаков Б.А., 2016. К орнитофауне пойменных лесов среднего течения реки Кубани в Ставропольском крае // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1334.- С.3333-3334.

Казаков Б.А., 2016. Орнитофауна пойменных лесов среднего течения реки Кубани в Краснодарском крае // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1334.- С.3329-3332.

Казаков Б.А., Белик В.П., 1971. К орнитофауне горных рек и морского побережья

Северо-Западного Кавказа // 50-летие Новороссийской биостанции: Мат-лы науч. конф.- Новороссийск.- С.87-89.

Казаков Б.А., Белик В.П., 1974. Лесонасаждения юга Европейской части СССР и расселение птиц // Мат-лы 6 Всес. орнитол. конф., ч.2.- М.: Изд-во МГУ. - С.327-328.

Казаков Б.А., Белик В.П., 1986. Таксономический статус и особенности распространения предкавказских популяций некоторых видов дендрофильных птиц // Изучение птиц СССР, их охрана и рац. использование: Тез. докл. 1 Съезда Всес. орнитол. об-ва и 9 Всес. орнитол. конф., ч.1.- Л. - С.275-276.

Казаков Б.А., Белик В.П., Пекло А.М., Тильба П.А., 1981. Кулики (*Aves, Charadriiformes*) Северного Кавказа. Сообщение 1 // Вестник зоологии, № 5.- С.41-46.

Казаков Б.А., Белик В.П., Пекло А.М., Тильба П.А., 1982. Кулики (*Aves, Charadriiformes*) Северного Кавказа. Сообщение 2 // Вестник зоологии, № 2.- С.13-19.

Казаков Б.А., Белик В.П., Пекло А.М., Тильба П.А., 1982. Кулики (*Aves, Charadriiformes*) Северного Кавказа. Сообщение 3 // Вестник зоологии, № 6.- С.37-43.

Казаков Б.А., Пекло А.М., Тильба П.А., Белик В.П., 1983. Кулики (*Aves, Charadriiformes*) Северного Кавказа. Сообщение 4 // Вестник зоологии, № 2.- С.47-54.

Казаков Б.А., Брагин Е.А., Пекло А.М., Данченко В.В., 1984. Птицы рисовых полей Предкавказья // Животный мир Калмыкии и сопредельных районов: Межвузов. сборн. научн. трудов. - Элиста. - С.18-40.

Казаков Б.А., Забашта А.В., 1999. Зимняя фауна юго-запада Ростовской области // Кавказск. орнитол. вестник, вып.11.- С.70-80.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., 1991. Результаты авиаобследования поселений колониальных околоводных птиц в долинах Дона и Западного Маныча // Соврем. сведения по составу, распространению и экологии птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.84-87.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., 1992. Птицы рыбоводных прудов Нижнего Дона // Кавказск. орнитол. вестник, вып.3.- С.81-92.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., 1992. Результаты авиаобследования поселений колониальных околоводных птиц в долинах Дона и Западного Маныча // Кавказск. орнитол. вестник, вып.4, ч.1.- С.104-109.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Белик В.П., 1986. Колонии голенастых и веслоногих птиц в бассейне Нижнего Дона // Всесоюзн. совещ. по проблеме кадастра и учета животн. мира: Тез. докл., ч.2.- М. - С.306-307.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Белик В.П., Хохлов А.Н., Тильба П.А., Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., Комаров Ю.Е., Поливанов В.М., Емтыль М.Х., Бичерев А.П., Олейников Н.С., Заболотный Н.Л., Кукиш А.И., Мягкова Ю.Я., Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., Витович О.А., Динкевич М.А., 2004. Птицы Северного Кавказа, том 1: Гагарообразные, Поганкообразные, Трубконосые, Веслоногие, Аистообразные, Фламингообразные, Гусеобразные.- Ростов н/Д.- 398 с.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Гончаров В.Т., 1980. Состояние колоний околоводных птиц дельты Дона и Западного Маныча // Фауна, экология и охрана животного мира Сев. Кавказа: Сб. науч. трудов. - Нальчик. - С.112-129.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Гончаров В.Т., 1981. Аистообразные и веслоногие в бассейне Нижнего Дона: размещение и численность // Мат-лы X Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2, кн.1.- Минск.- С.251-252.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Гончаров В.Т., 1981. Голенастые и крачки Веселовского водохранилища // Размещение и состояние гнездовий околоводных птиц на территории СССР.- М.: Наука.- С.69-71.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Гончаров В.Т., Петренко В.Ф., Каверниченко Н.И., 1988. Краснозобая казарка на Веселовском водохранилище // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.73-76.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Гончаров В.Т., Петренко В.Ф., Каверниченко Н.И., 1990. Миграции и зимовки гусеобразных (Anseriformes) на Веселовском водохранилище // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Сб. науч. труды Тебердинск. заповедника, вып.11.- Ставрополь.- С.135-157.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Тильба П.А., Ломакина Т.А., Хохлов А.Н., Витович О.А., Поливанов В.М., Комаров Ю.Е., Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., Мнацеканов Р.А., 1991. Кукушка на Северном Кавказе // Распространение, численность и биология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.5-32.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Языкова И.М., 1981. Распределение и численность озерной чайки в Западном Предкавказье // Распространение и численность озерной чайки. - М.: Наука. - С.67-68.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Языкова И.М., 1981. Чайки и голенастые оз. Казинка // Размещение и состояние гнездовий околоводных птиц на территории СССР. - М.: Наука. - С.71-73.

Казаков Б.А., Олейников Н.С., 1977. Красноносый нырок в Предкавказье // Фауна и биология гусеобразных птиц: Мат-лы 4-го Всесоюзн. совещ. - М.: Наука. - С.77-78.

Казаков Б.А., Сидельников В.В., 1999. Гусеобразные Ростовской области: видовой состав, численность, территориальное размещение, миграции // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России.- М.: СОПР.- С.111-118.

Казаков Б.А., Тильба П.А., Хохлов А.Н., Комаров Ю.Е., Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., Пишванов Ю.В., Кукиш А.И., 1990. Черный аист на Северном Кавказе // Итоги изучения редких животных: Мат-лы к Красной книге: Сб. научных трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.77-81.

Казаков Б.А., Языкова И.М., 1973. Фауна птиц Пролетарского водохранилища // Географ. проблемы изучения и рац. использования природных условий и ресурсов Сев. Кавказа в связи с перспективами их комплексного использования: Тез. докл. - Ставрополь. - С.135-136.

Казаков Б.А., Языкова И.М., 1982. Отряд Ржанкообразные // Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши.- Ростов н/Д.- С.204-230.

Калякин В.Н., 1996. Встречи стерха на европейском Севере (побережье Чёшской губы) // Русский орнитол. журнал, № 3.- С.23.

Калякин М.В. (ред.), 2014. Полный определитель птиц европейской части России, ч.1.- М.: Фитон XXI.- 268 с.

Кандауров Е.К., 1986. Всероссийский учёт дрофы и стрепета // Дрофы и пути их сохранения: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.58-61.

Караваев А.А., 2000. О летнем населении птиц Скалистого хребта в районе гор Баранаха и Больше // Кавказск. орнитол. вестник, вып.12.- С.119-133.

Караваев А.А., 2002. Новые сведения по фауне птиц Карачаево-Черкесии // Кавказск. орнитол. вестник, вып.14. С.31-38.

Караваев А.А., 2004. Динамика населения куликов в летне-осенний период в Красноводском заливе Каспийского моря // Кулики Вост. Европы и Сев. Азии: изучение и охрана.- Екатеринбург.- С.93-98.
Караваев А.А., 2004. Население птиц очистных сооружений г. Черкесска в летний и осенний периоды // Кавказск. орнитол. вестник, вып.16.- С.61-68.
Караваев А.А., 2006. Население птиц очистных сооружений г. Черкесска в весенний период // Кавказск. орнитол. вестник, вып.18.- С.115-125.
Караваев А.А., 2009. Карачаево-Черкесская Республика // Ключевые орнитол. территории России, т.3: Ключевые орнитол. территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР.- С.125-130; 274-292.
Караваев А.А., 2010. Пролёт хищных птиц в горных условиях по наблюдениям у г. Карачаевска // Кавказский орнитол. вестник, вып.22.- С.52-69.
Караваев А.А., 2017. Сирийский дятел // Стрепет, т.15, вып.2.- С.130.
Караваев А.А., 2018. Динамика населения птиц города Карачаевска // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.58-75.
Караваев А.А., 2020. Птицы Карачаево-Черкесии: чернозобая гагара *Gavia arctica* // Русский орнитол. журнал, т.29, № 2006.- С.5689-5693.
Караваев А.А., 2021. Птицы Карачаево-Черкесии: поганки Podicipediformes // Русский орнитол. журнал, т.30, № 2029.- С.436-447.
Караваев А.А., Белоусов Е.М., 1980. Характер весенней миграции куликов на юго-восточном Каспии // Новое в изучении биологии и распространении куликов.- М.: Наука.- С.106-110.
Караваев А.А., Витович О.А., Хубиев А.Б., Поливанов В.М., 2015. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.100А: Позвоночные животные Тебердинского заповедника: Рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие (Аннотированный список видов).- 2-е изд.- М.- С.28-92.
Караваев А.А., Казиев У.З., Хубиев А.Б., Хохлов А.Н., 2013. Птицы населенных пунктов Карачаево-Черкесии // Труды Тебердинск. заповедника, вып.54.- 248 с.
Караваев А.А., Потапенко Ю.Я., 2006. Дополнительные сведения по гнездованию черного грифа на Скалистом хребте Северного Кавказа // Кавказск. орнитол. вестник, вып.18.- С.127-128.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2004. Дополнения к списку птиц Карачаево-Черкесии // Кавказск. орнитол. вестник, вып.16.- С.68-69.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2004. Население хищных птиц в негнездовой период в районе Скалистого хребта Кавказа // Фауна Ставрополья, вып.12.- Ставрополь.- С.48-54.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2005. Состав и численность водоплавающих птиц в миграционный период на озёрах и водохранилищах Карачаево-Черкесии в 1999-2004 гг. // Кавказск. орнитол. вестник, вып.17.- С.12-21.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2008. Состав и численность водоплавающих птиц и чаек в миграционный период на озёрах и водохранилищах Карачаево-Черкесии в 2004-2008 гг. // Кавказск. орнитол. вестник, вып.20.- С.108-125.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2011. Кадастр колоний и состояние популяции белоголового сипа в Карачаево-Черкесии // Кавказск. орнитол. вестник, вып.22.- С.29-39.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2011. Материалы по гнездовой фауне водно-болотных птиц Карачаево-Черкесии // Фауна Ставрополья, вып.15.- Ставрополь.-

С.28-33.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2012. О синантропном гнездовании кваквы и малой белой цапли в Карачаево-Черкесии // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.61-66.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2013. Птицы // Красная книга Карачаево-Черкесской Республики.- Черкесск.- С.89-149.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2014. Средиземноморская чайка // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.190-191.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2015. Армянская чайка // Стрепет, т.13, вып.1-2. - С.126.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., Бок А.Н., 2013. Новые сведения по редким и залетным видам птиц Карачаево-Черкесии и Тебердинского государственного заповедника // Кавказск. орнитол. вестник, вып.25.- С.92-95.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., Казиев У.З., 2009. Изменения фауны и населения птиц Карачаево-Черкесской Республики // Изв. высш. учебных заведений: Сев.-Кавказск. регион. Естеств. науки, вып.2.- Ростов н/Д.- С.86-89.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., Хохлов А.Н., 2014. Птицы горных лугов Карачаево-Черкесии: Труды Тебердинского заповедника, вып.58.- Кисловодск.- 144 с.
Карамзин А.Н., 1901. Птицы Бугурусланского и сопредельных с ним частей Бугульминского, Бузулукского уездов, Самарской губернии и Белебеевского уезда, Уфимской губернии // Мат-лы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоол., вып.5.- М.- С.203-394.
Карамзин А.Н., 1912. *Cygnus bewickii* Yarr и *Grus leucogeranus* Pallas на зимовках в восточном Закавказье // Орнитол. вестник, № 4.- С.304-305.
Карелин Г.С., 1875. Разбор статьи г. А. Рябинина «Естественные произведения земель Уральского казачьего войска», извлеченной из книги его: Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. 2 части. Спб. 1866 г.- Санкт-Петербург.- 113 с.
Карпов Ф.Ф., 2011. О поведении среднего кроншнепа *Numenius phaeopus* в Северном Прикаспии в период весенней миграции // Русский орнитол. журнал, т.20, № 633.- С.335-337.
Карпов Ф.Ф., 2021 (2011). О характере пребывания короткохвостого поморника *Stercorarius parasiticus* на Каспийском море // Русск. орнитол. журнал, т.30, № 2070.- С.2323-2326.
Карташев Н.Н., 1968. Водоплавающие птицы Кубанских плавней в районе Приморско-Ахтарска // Ресурсы водоплавающей дичи в СССР, их воспроизводство и использование: Тез. докл., вып.1.- М.- С.95-96.
Карташов Н.Н., 1952. Род куропатки // Птицы Советского Союза, т.4.- М.: Сов. наука.- С.226-246.
Касаткина Ю.Н., 2005. Необычный случай гнездования авдотки *Burhinus oedicnemus* // Русский орнитол. журнал, т.14, № 288.- С.466-467.
Кафтановский Ю.М., 1953. Некоторые вопросы экологии баклана в дельте Волги и организация борьбы с ним // Преобразование фауны позвоночных нашей страны.- М.- С.37-45.
Качиони С., 1906. Очерки охоты в низовьях Волги // Охота, № 7.- С.104-109.
Качиони С., 1908. Охота, как промысел, в Астраханской губернии // Охотничий вестник, № 8.- С.82-84.
Качиони С., 1910. Несколько слов об охотничьем промысле в Астраханской губернии // Природа и охота, № 11.- С.7-11.

Кашкаров Д.Ю., 2007. Мраморный чирок // Птицы Средней Азии, т.1.- Алматы.- С.199-202.
Квартальнов П.В., 2003. Гнездование погоныша-крошки в Краснодарском крае // Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.1.- С.116-117.
Квартальнов П.В., 2003. О гнездовании бледной пересмешки, черногрудого воробья и белохвостой пигалицы на юге Калмыкии // Орнитология, вып.30.- С.206-207.
Квартальнов П.В., 2004. О некоторых редких и малоизученных птицах Восточного Приазовья // Орнитология, вып.31.- С.222-223.
Квартальнов П.В., 2020. Турач *Francolinus francolinus* – «забытый» вид фауны России // Русский орнитол. журнал, т.29, № 1894.- С.973-976.
Квартальнов П.В., Поярков Н.Д., Поповкина А.Б., Дементьев М.Н., 2011. Сипуха на юго-востоке Азербайджана // Беркут, т.20, вып.1/2.- С.111-114.
Кинда В.В., 1993. Побережье Керченского полуострова // Инвентаризация и кадастровая характеристика водно-болотных угодий юга Украины: Бюл. № 1.- Мелитополь. - С.68-71.
Кинда В.В., 1998. Современное состояние гнездящихся куликов семейства ржанковых в Крыму и Присивашье // Гнездящиеся кулики Вост. Европы – 2000, т.1.- М.: СОПР.- С.115–120.
Кинда В.В., 2002. Зимние встречи лапландского кречета на юге Украины // Бранта, № 5.- С.143-144.
Кинда В.В., Гринченко А.Б., 2002. Новые данные о гнездовании большого кроншнепа в Крыму // Изучение куликов Вост. Европы и Сев. Азии на рубеже столетий: Мат-лы IV и V совещ. по вопросам изучения и охраны куликов. - М. - С.94-95.
Кинда В.В., Потапов О.В., 1998. Белощекая крачка в Украине: история расселения, численность и размещение // Бранта, вып.1.- С.37-51.
Кириков С.В., 1952. Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала.- М.: Изд-во АН СССР.- 412 с.
Кириков С.В., 1952. Род глухари // Птицы Сов. Союза, т.4.- М.: Сов. наука.- С.84-107.
Кириков С.В., 1959. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII – XIX вв.): Степная зона и лесостепь. - М.: Изд-во АН СССР.- 175 с.
Кириков С.В., 1966. Промысловые животные, природная среда и человек.- М.: Наука.- 348 с.
Кириков С.В., 1973. Степная зона // Тетеревиные птицы: Размещение запасов, экология, использование и охрана.- М.: Наука.- С.308-323.
Кириков С.В., 1983. Человек и природа степной зоны: Конец X - середина XIX в.: Европейская часть СССР. - М.: Наука.- 125 с.
Кисленко Г.С., 1983. Малый подорлик в антропогенных ландшафтах Кубани // Охрана хищных птиц: Мат-лы 1 совещ. по экологии и охране хищных птиц.- М.: Наука.- С.48–50.
Кистяковский А.Б., 1932. Птицы садов низовьев Кубани // Труды ин-та защиты растений. Сер. IV: Позвоночные, вып.2. - С.111-140.
Кістяківський О.Б., 1957. Фауна України, т.4: Птахи: Загальна характеристика птахів. Курині. Голуби. Рябки. Пастушки. Журавлі. Дрофи. Кулики. Мартини.- Київ: Вид-во АН Укр. ССР.- 432 с.

Кищинский А.А., 1960. Современная авифауна лиманов северо-восточного Причерноморья и биология гнездящихся здесь чайковых птиц // Охрана природы и озеленение, вып.4.- М.- С.69-73.
Кищинский А.А., 1974. Арктоальпийская фауна и ее происхождение // Зоол. журнал, т.53, № 7.- С.1036-1051.
Кищинский А.А., 1976. Численность водоплавающих птиц на Чукотском полуострове // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.81, вып.6.- С.40-50.
Кищинский А.А., 1979. Миграции гуменника – *Anser fabalis* Latham: Общие заключения // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Аистообразные – пластинчатоклювые.- М.: Наука.- С.160-163.
Кищинский А.А., 1988. Орнитофауна северо-востока Азии: История и современное состояние.- М.: Наука.- 288 с.
Климов С.М., Сарычев В.С. 1987. Гнездование мородунки на верхнем Дону // Орнитология, вып.22.- С.183.
Климов С.М., Сарычев В.С., Мельников М.В., Землянухин А.И., 2004. Фауна птиц бассейна Верхнего Дона: Неворобьиные.- Липецк.- 224 с.
Ключевые орнитологические территории России, т.1: Ключевые орнитологические территории международного значения в Европейской России.- М.: СОПР, 2000.- 702 с.
Ключевые орнитологические территории России, т.3: Ключевые орнитологические территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР, 2009.- 302 с.
Кныш Н.П., 2001. Заметки о редких и малоизученных птицах лесостепной части Сумской области // Беркут, т.10, вып.1.- С.1-19.
Коблик Е.А., 2001. Разнообразие птиц, ч.1.- М.: Изд-во МГУ.- 384 с.
Коблик Е.А., Архипов В.Ю., 2014. Фауна птиц стран Северной Евразии в границах бывшего СССР: Списки видов.- М.: КМК.- 171 с.
Коблик Е.А., Дунаев Е.А., 2016. Сокол Элеоноры, алет // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.219-220.
Коблик Е.А., Лохман Ю.В., Редькин Я.А., 2013. Армянская чайка *Larus armenicus* – новый вид России // Русский орнитол. журнал, т.22, № 924. – С.2671- 2675.
Коблик Е.А., Мосалов А.А., 2016. Особенности окраски луней и канюков и внутриродовая систематика этих групп: поиск соответствий // Хищные птицы Сев. Евразии: Проблемы и адаптации в современных условиях: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.- С.43-58.
Коблик Е.А., Редькин Я.А, 2004а. Базовый список гусеобразных (Anseriformes) мировой фауны // Казарка, № 10.- С.15-46.
Коблик Е.А., Редькин Я.А, 2004б. Горячие точки таксономии гусеобразных фауны России и сопредельных регионов // Казарка, № 10.- С.47-65.
Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю., 2006. Список птиц Российской Федерации.- М.: КМК. - 281 с.
Кобылин А.М., 1908. Материалы для орнитофауны Кавказского края // Изв. Кавказск. музея, т.3, вып.4.- С.285-335.
Коваленко А.Ф., 1979. О гнездовании кольчатой горлицы (*Streptopelia decaocto* Friv.) в Астрахани // Природная среда и птицы побережий Каспийского моря и прилежащих низменностей.- Баку: Азербайджан. кн. изд-во.- С.248.
Коваль И.П. (ред.), 1980. Растительные ресурсы, ч.1: Леса.- Ростов-н/Д.- 336 с.

Ковач А., Уиллиамс Н.П., Гэлбрэйт К.А., 2014. Международный план действий по балобану *Falco cherrug* (SakerGAP), включая систему менеджмента и мониторинга для сохранения вида: Russian version.- Абу-Даби, Объединенные Арабские Эмираты.- 160 с.

Ковшарь А.Ф., 1988. Мир птиц Казахстана.- Алма-Ата.- 271 с.

Ковшарь А.Ф., 2004. Ещё раз об ошибках в орнитологических публикациях // Казахстанск. орнитол. бюл. 2003.- Алматы.- С.7-11.

Ковшарь А.Ф., 2019. Птицы Тянь-Шаня (западной половины горной системы в пределах Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана), т.1.- Алматы.- 560 с.

Ковшарь А.Ф., Русанов Г.М., 2019 Орнитологи в дельте Волги // *Selevinia*, т.27.- С.151-161.

Ковшарь В.А., Карпов Ф.Ф., 2011. О зимовке крохалей на восточном побережье Каспия // *Selevinia*.- С.213-214.

Ковшарь В.А., Карпов Ф.Ф., 2012. Размещение гнездовых колоний птиц на Северном Каспии в 2009-2011 гг. // Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып.1.- Алматы.- С.120-124.

Ковшарь В.А., Карпов Ф.Ф., 2014. О зимних встречах морянок, синьги и турпана в северо-восточном Каспии // *Selevi*nia, т.22.- С.218.

Ковшарь В.А., Карпов Ф.Ф., 2015. Спорадичность встреч египетской цапли в Северном Прикаспии // *Selevinia*, т.23.- С.246.

Кожевникова Ю.Я., 1975. Экология водоплавающих птиц Восточного Приазовья (фенология, гнездование, питание, гельминтофауна).- Автореф. дисс. … канд. биол. наук.- Ростов н/Д.- 27 с.

Кожин А.Н., Покотилов В.Г., Заметня В.В., 2021. Гнездование клинтуха *Columba oenas* в опоре линии электропередачи в Санкт-Петербурге // Русский орнитол. журнал, т.30, № 2024.- С.211-214.

Козлов Н.П., 1960. Питание и численность хищных птиц в засушливых районах Ставрополья // Орнитология, вып.3.- С.270-277.

Козлова Е.В., 1947. Фауна СССР. Нов. сер., № 33. Птицы, т.1, вып.3: Гагарообразные, трубконосые.- М.-Л.: Изд-во АН СССР.- С.11-125.

Козлова Е.В., 1961. Фауна СССР: Птицы, т.2, вып.1, ч.2: Ржанкообразные. Подотряд кулики. - М.-Л.: Изд-во АН СССР.- 501 с.

Козлова Е.В., 1962. Фауна СССР: Птицы, т.2, вып.1, ч.3: Ржанкообразные. Подотряд кулики. - М.-Л.: Изд-во АН СССР.- 433 с.

Козлова Е.В., 1975. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии.- Л.: Наука.- 252 с.

Козловский П.Н., 1949. К орнитофауне Саратовской области // Учен. зап. Саратов. гос. пед. ин-та. Фак. естествознания, вып.13.- С.55–126.

Коленов В.В., 1981. Материалы по размещению колоний околоводных птиц в Волгоградской обл. // Размещение и состояние гнездовий околоводных птиц на территории СССР.- М.- С.98-99.

Комаров Ю.Е, 1985. Птицы Кизлярского залива и окрестностей // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.159-166.

Комаров Ю.Е., 1985. Фауна хищных птиц и сов Северо-Осетинского заповедника // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.139-151.

Комаров Ю.Е., 1986. О встречах редких видов птиц на Северо-Осетинской равнине // Редкие и исчезающие виды растений и животных, флор. и фаун. комплексы Сев. Кавказа, нуждающиеся в охране: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.101-103.

Комаров Ю.Е., 1988. К фауне куликов Северной Осетии // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.80-83.

Комаров Ю.Е., 1988. О гнездовании малой мухоловки и встречах новых видов птиц в Северной Осетии // Орнитология, вып.23.- С.213.

Комаров Ю.Е., 1988. Черный аист в Северной Осетии // Ресурсы редких животных РСФСР, их охрана и воспроизводство: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.62.

Комаров Ю.Е., 1989. Голубеобразные трансформированных ландшафтов Северной Осетии // Синантропизация животных Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.46-49.

Комаров Ю.Е., 1990. Заметки о совах и дневных хищных птицах Осетии // Малоизученные птицы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.70-76.

Комаров Ю.Е., 1998. О размножении некоторых птиц в Северной Осетии–Алании // Кавказск. орнитол. вестник, вып.10.- С.59-64.

Комаров Ю.Е., 1999. Кваква. Змееяд. Клинтух // Красная книга Республики Северная Осетия–Алания: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных.- Владикавказ.- С.157; 160; 178.

Комаров Ю.Е., 2002. К орнитофауне урочища Бекан (Северная Осетия–Алания) // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып. 4.- М.: СОПР.- С.70-80.

Комаров Ю.Е., 2002. Птицы искусственных водоёмов Моздокского района РСО-Алании // Птицы Южной России: Труды Тебердинск. заповедника, вып.31: Мат-лы Международ. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Северном Кавказе в XXI веке».- Ростов-н/Д.- С.80-84.

Комаров Ю.Е., 2003. Орнитофауна Брутских рыборазводных прудов РСО-Алании // Фауна Ставрополья, вып.11.- Ставрополь.- С.48-58.

Комаров Ю.Е., 2004. Миграции серого журавля по долине р. Ардон в Республике Северная Осетия-Алания // Стрепет, т.2, вып.2.- С.54-67.

Комаров Ю.Е., 2006. Аннотированный список птиц Северо-Осетинского заповедника // Труды Северо-Осетинск. заповедника, вып.1.- Владикавказ.- С.145-165.

Комаров Ю.Е., 2006. Новые встречи редких видов птиц в Северной Осетии–Алании // Орнитол. исследования в Сев. Евразии: Тез. 12 Международ. орнитол. конф.- Ставрополь.- С.268-269.

Комаров Ю.Е., 2007. К биологии некоторых видов птиц РСО-Алании // Кавказск. орнитол. вестник, вып.19.- С.93-105.

Комаров Ю.Е., 2007. Новые виды и повторные встречи ряда редких птиц авифауны Республики Северная Осетия–Алания // Труды природного заповедника «Дагестанский», вып.1.- Махачкала.- С.13–16.

Комаров Ю.Е., 2008. О гнездовой биологии бородача в горах Республики Северная Осетия–Алания // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии: Мат-лы 5 Международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.100-104.

Комаров Ю.Е., 2010. Кобчик в Северной Осетии // Стрепет, т.8, вып.2. - С.99-100.

Комаров Ю.Е., 2010. О встрече зелёной щурки в Северной Осетии // Кавказский орнитол. вестник, вып.22.- С.70.

Комаров Ю.Е., 2011. Заметки о птицах Северной Осетии // Птицы Кавказа: современное состояние и проблемы охрана.- Ставрополь.- С.83-90.
Комаров Ю.Е., 2013. Аннотированный список птиц Национального парка «Алания» // Труды Нац. парка «Алания», вып.2.- Владикавказ.- С.102-117.
Комаров Ю.Е., 2014. Итоги изучения гнездовой биологии бородача (*Gypaetus barbatus aureus*) в горах Северной Осетии // Заповедное дело: Научно-методические записки, вып.16.- М.- С.39-49.
Комаров Ю.Е., Аль-Шамери М.А., 2005. О гнездовании балобана (*Falco cherrug* Gray, 1834) в Северной Осетии // Горные экосистемы и их компоненты: Труды Международ. конф. т. 1. – Нальчик. – С. 179.
Комаров Ю.Е., Иващенко Н.А., Малиев С.В., 2011. К авифауне Моздокского района Северной Осетии–Алании // Стрепет, т.9, вып.1-2.- С.38-67.
Комаров Ю.Е., Липкович А.Д., 1985. Влияние погодных условий на околоводных птиц зимой 1982 г. в предгорьях Северной Осетии // Орнитология, вып.20.- С.184-185.
Комаров Ю.Е., Липкович А.Д., 1999. Могильник // Красная книга Республики Северная Осетия–Алания: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных.- Владикавказ.- С.162.
Комаров Ю.Е., Липкович А.Д., 2000. Алагирское и Куртатинское ущелья // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международн. значения в Европ. России.- М.: СОПР.- С.372-373.
Комаров Ю.Е., Липкович А.Д., 2000. Класс Птицы // Животный мир Республики Северная Осетия–Алания.- Владикавказ.- С.62-198.
Комаров Ю.Е., Малиев С.В., 2009. Дополнения к списку птиц Республики Северная Осетия-Алания // Кавказск. орнитол. вестник, вып.21.- С.174-178.
Комаров Ю.Е., Хохлов А.Н., 2003. Животное население лесов Республики Северная Осетия–Алания.- Ставрополь.- 67 с.
Комаров Ю.Е., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2006. Экология некоторых видов птиц Республики Северная Осетия-Алания.- Ставрополь.- 257 с.
Комаров Ю.Е., Шевцов Д.С., 2017. К фауне птиц Ирафского и Дигорского районов Республики Северная Осетия–Алания // Стрепет, т.15, вып.2.- С.28-57.
Комаров Ю.Е., Шевцов Д.С., 2018. Птицы искусственных прудов в окрестностях села Чермен (Осетинская наклонная равнина) // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1613.- С.2399-2417.
Комарова Н.А., Комаров Ю.Е., 1988. О зимовке водоплавающих и околоводных птиц на Осетинской равнине // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.90-93.
Кондратенко Г.С., 2015. Новые данные о встречах моевки на Северном Каспии // 14-я Международ. орнитол. конф. Сев. Евразии, 1: Тезисы.- Алматы.- С.249-250.
Кондратьев А.Я., 2001. Белошей // Красная книга Российской Федерации (Животные).- М.- С.402-403.
Кондратьев В., 1885. Систематическое описание животных в войске Донском, составленное в 1822 году // Казачий вестник, газета.- Новочеркасск, № 48-59.
Кондратьев В., 2004. Систематическое описание животных в войске Донском, составленное в 1822 году // Стрепет, т.2, вып.1.- С.12-34.
Корелов М.Н., 1962. Отряд Хищные птицы // Птицы Казахстана, т.2. - Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР.- С.488-707.

Корелов М.Н., 1970. Отряд Сизоворонки. Отряд Длиннокрылые // Птицы Казахстана, т.3.- Алма-Ата: Наука.- С.38-77; 130-150.
Коренев П.И., 2002. Пернатые новоселы // Мир птиц, № 24.- С.20-21.
Коренев П.И., Белик В.П., 2003. О миграции черношейных поганок на Дону // Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.1.- С.114-115.
Коровин В.А., 2013. Восстановление популяции стрепета на севере степного Зауралья // Поволжский экол. журнал, № 1.- С.51-60.
Корольков М.А., Бородин О.В., 2015. Красношейная поганка. Черноголовый хохотун // Красная книга Ульяновской обл.- М.- С.443-444; 467-469.
Корольков М.А., Мацына А.И., Бадмаев В.Б., 2012. Тревожная информация о гибели хрустанов в Республике Калмыкия // Информ. мат-лы Рабочей группы по куликам, № 25.- М.- С.55-56.
Королькова Г.Е., 1963. Влияние птиц на численность вредных насекомых: По исследованиям в лесостепных дубравах. - М.: Изд-во АН СССР.- 126 с.
Королькова Г.Е., 1971. Деятельность пролетных насекомоядных птиц Джаныбекского стационара // Животные искусственных лесных насаждений в глинистой полупустыне.- М. : Наука.- С.152-177.
Королькова Г.Е., 1983. Изменение численности хищных птиц Теллермановского леса за 30 лет // Охрана хищн. птиц: Мат-лы 1 совещ.- М.: Наука.- С.50-52.
Короткий Т.В., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., 2004. О находках сирийского дятла в Краснодарском крае и республике Адыгея // Кавказский орнитол. вестник, вып.16. – С. 91-92.
Коршиков Л.В. 2000. Залёт малого баклана в Оренбуржье // Мат-лы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири.- Екатеринбург.- С.118.
Корякин А.С., 2005. Гусеобразные Мурманской области // Гусеобразные птицы Сев. Евразии: Тез. докл. 3-го международ. симпозиума.- СПб.- С.158-160.
Костенко А.В., 2012. К вопросу о структуре и многолетней динамике фауны и населения птиц лесов Ставропольской возвышенности в гнездовой период // Стрепет, т.10, вып.2.- С.7-34.
Костенко А.В., 2017. О новых гнездовых находках и границе распространения малого пестрого дятла в Ставропольском крае // Стрепет, т.15, вып.1.- С.112-115.
Костенко А.В., Маловичко Л.В., 2011. Новые сведения о сирийском дятле и горной трясогузке в Ставропольском крае // Фауна Ставрополья, вып.15.- Ставрополь.- С.44-50.
Костин А.Б., 1989. Орлан-белохвост в устье р. Самур // Экологические проблемы Ставроп. края и сопредельных территорий. - Ставрополь. - С.229-231.
Костин С.Ю., 2006. Общие аспекты современного состояния фауны птиц Крыма. Сообщение 1: Опыт ревизии авифаунистических списков // Бранта, вып.9.- С.19-48.
Костин С.Ю., 2009. Новые сведения о хохотунье, *Larus cachinans* (Laridae), на Южном берегу Крыма // Вестник зоологии, т.43, № 2.- С.184.
Костин С.Ю., 2010. Общие аспекты состояния фауны птиц Крыма. Сообщение 2: Ретроспективный анализ состава авифауны и характера пребывания птиц Равнинного Крыма // Бранта, вып.13.- С.89-115.
Костин С.Ю., 2020. Каталог птиц Крыма.- Симферополь.- 244 с.
Костин Ю.В., 1983. Птицы Крыма.- М.: Наука.- 240 с.
Костоглод В.Е., 1968. Состояние численности водоплавающих птиц в плавнях реки

Бейсуг летом 1967 г. // Ресурсы водоплавающей дичи в СССР, их воспроизводство и использование. Тез. докл. 2-го Всесоюз. совещ., вып.1.- М.- С.92-94.
Костюченко А., 1925. Орнитологические мелочи // Украинский охотник и рыболов, № 12.- С.18-19.
Костюченко А., 1927. К пролету малой белолобой казарки (*Anser finmarchicus* Gunn.) на северном побережье Азовского моря (по поводу заметки Волянского «Укр. охотник и рыболов», № 3, 1927 г.) // Укр. мисливець та рибалка, № 5.- С.38-39.
Костюченко Р.А., 1952. Малый буревестник на Чёрном море // Природа, № 8.- С.120.
Котов В.А., 1959. Горная индейка в Кавказском заповеднике // Труды Кавказского заповедника, вып.5.- Майкоп.- С.14-20.
Котов В.А., 1962. Кавказский улар // Охота и охотн. хоз-во, № 9. - С.17-18.
Котов В.А., 1965. Залеты водоплавающих птиц по горным рекам Северо-Западного Кавказа в суровые зимы // География ресурсов водоплавающих птиц в СССР, состояние запасов, пути их воспроизводства и правильного использования: Тез. докл. совещания, ч.1.- М.- С.141.
Коузов С.А., Кравчук А.В., 2012. Серая утка в восточной части Финского залива: история заселения, биология и миграции // Казарка, т.15, вып.2.- С.106–136.
Кошелев А.И., 1993. Кольчатая горлица. Большая горлица // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные.- М.: Наука.- С.118-131; С.152-163.
Красная книга Карачаево-Черкесской Республики.- Черкесск, 2013.- 361 с.
Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар, 2017.- 720 с.
Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала, 2009.- 552 с.
Красная книга Республики Казахстан, т.1: Животные, ч.1: Позвоночные.- 4-е изд.- Алматы, 2010.- 324 с.
Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные.- Элиста, 2013.- 200 с.
Красная книга Республики Узбекистан, т.2: Животные.- Ташкент, 2003.- 238 с.
Красная книга Российской Федерации (Животные).- М., 2001.- 862 с.
Красная книга Ростовской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Ростов н/Д., 2014.- 280 с.
Красная книга РСФСР: Животные.- М.: Россельхозиздат, 1983.- 454 с.
Красная книга СССР: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений.- М.: Лесная промышленность, 1978.- 460 с.
Красная книга СССР: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений, т.1.- 2-е изд.- М.: Лесная промышленность, 1984.- 392 с.
Красная книга Чеченской Республики: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных.- Грозный, 2007.- 432 с.
Краснов Н., 1863. Материалы для географии и статистики России. Земля Войска Донского.- СПб.- 553 с.
Краснов Ю.В., Николаева Н.Г., 1998. Итоги комплексного изучения биологии моевки в Баренцевом море // Биология и океанография Карского и Баренцева морей (по трассе Севморпути).- Апатиты.- С.180-260.
Красовский Д.Б., 1932. Материалы к познанию фауны наземных позвоночных Рутульского кантона Дагестанской АССР // Изв. 2-го Северо-Кавказск. пед. ин-та, т.9. - Махачкала. - С.186-218.

Крейцберг-Мухина Е.А., 2003. Мраморный чирок в Узбекистане: современный статус, распределение и численность // Казарка, № 9.- С.263-269.
Кречмар А.В., Кондратьев А.В., 2006. Пластинчатоклювые птицы Северо-Востока Азии.- Магадан.- 458 с.
Кривенко В.Г. (ред.), 1998. Водно-болотные угодья России, т.1: Водно-болотные угодья международного значения.- М.- 256 с.
Кривенко В.Г. (ред.), 2000. Водно-болотные угодья России, т.3: Водно-болотные угодья, внесенные в Перспективный список Рамсарской конвенции.- М.- 490 с.
Кривенко В.Г., 1972. Состояние и пути повышения производительности водных охотничьих угодий дельты Волги // Охотоведение.- М.- С.182-196.
Кривенко В.Г., 1977. Добыча водоплавающих птиц в Астраханской области // Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов (охрана, использование и изучение).- Астрахань.- С.35-38.
Кривенко В.Г., 1977а. Значение Восточного Приазовья как резервата водоплавающих птиц // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование.- М.- С.49-52.
Кривенко В.Г., 1977б. Состояние водно-болотных угодий и численности водоплавающих птиц в Прикаспии и Предкавказье // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование.- М. - С.44-47.
Кривенко В.Г., 1978. Ресурсы водоплавающих птиц Срединного региона СССР // Пути и методы повышения продуктивности охотугодий СССР.- М.- С.18-23.
Кривенко В.Г., 1981. Закономерности динамики численности гнездящихся птиц на водоемах долины р. Маныча // Научные основы обследования колониальных гнездовий околоводных птиц.- М.- С.68-75.
Кривенко В.Г., 1983. Малый баклан // Красная книга РСФСР: Животные, 1983.- М.: Россельхозиздат. - С.160-161.
Кривенко В.Г., 1991. Водоплавающие птицы и их охрана.- М.: Агропромиздат.- 272 с.
Кривенко В.Г., Азаров Г.К., Иванов Г.К., Стопалов В.С., Молочаев А.В., Линьков А.Б., Антипов А.М., Дебело П.В., 1980. Летние миграции и численность водоплавающих птиц в Срединном регионе СССР // Экология и охрана охотничьих птиц: Сб. научн. тр.- М.- С.46-64.
Кривенко В.Г., Кривоносов Г.А., 1972. Серый гусь в дельте Волги: (экология, численность, воспроизводство) // Гуси в СССР: Труды межведомств. совещания.- Тарту.- С.46–58.
Кривенко В.Г., Кривоносов Г.А., 1972. Численность популяций водоплавающих птиц в дельте Волги и их воспроизводство // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.1.- М.- С.109–112.
Кривенко В.Г., Кривоносов Г.А., 1977. Результаты летнего обследования Сарпинских озер в 1971 г. // Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов: охрана, использование и изучение.- Астрахань.- С.42-44.
Кривенко В.Г., Линьков А.Б., 1999. Озера Маныч-Гудило и Восточный Маныч (в пределах Ставропольского края – часть озера, не вошедшая в постановление правительства от 13.09.1994) // Водно-болотные угодья России, рекомендованные для внесения в список Водно-болотных угодий, охраняемых Рамсарской конвенцией.- М.- С.74-78.
Кривенко В.Г., Линьков А.Б., Казаков Б.А., 1998. Озеро Маныч-Гудило // Водно-

болотные угодья России, т.1. - С.97-105
Кривенко В.Г., Линьков А.Б., Любаев В.Л., 1978. Весенние миграции гусей на Азовском и Каспийском морях в 1977 г. // Мат-лы 2 Всесоюзн. конф. по миграциям птиц. - Алма-Ата. - С.73-75.
Кривенко В.Г., Линьков А.Б., Любаев В.Л., Любаева Л.И., 1977. Об изменении мест линьки огаря // Фауна и биология гусеобразных птиц.- М.: Наука.- С.74-77.
Кривенко В.Г., Лысенко В.И., Филонов К.П., 1973. Расширение гнездового ареала черноголовой чайки (*Larus melanocephalus* Temm.) // Зоол. журнал, т.52, № 4.- С.618-619.
Кривенко В.Г., Любаев В.Л., 1975. Колониально гнездящиеся птицы Восточного Маныча // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана: Мат-лы совещ.- М.: Наука.- С.142-143.
Кривенко В.Г., Любаев В.Л., 1981. Изменение численности гнездящихся птиц на Чограйском водохранилище // Размещение и состояние гнездовий околоводных птиц на территории СССР.- М.- С.93-96.
Кривенко В.Г., Молочаев А.В., Линьков А.Б., Антипов А.М., Дебело П.В., Стопалов В.С., Лысенко И.Г., 1980. Особенности осеннего пролета, размещение и численность водоплавающих птиц в срединном регионе СССР // Экология и охрана охотничьих птиц: Сб. научн. трудов.- М.- С.65-96.
Кривенко В.Г., Фертиков В.И., Петренко В.Ф., 1978. Краснозобая казарка на Западном Маныче // 2 Всесоюзн. конф. по миграциям птиц.- Алма-Ата.- С.72-73.
Кривицкий И.А., Кныш Н.П., Пекарская И.С., Садовская Н.Г., Ковалёв В.А., 1978. Местные миграции кольчатой горлицы на северо-востоке Украины // 2 Всесоюзн. конф. по миграциям птиц: Тез. сообщ., ч.2.- Алма-Ата.- С.79-81.
Кривоносов Г.А., 1962. Лебедь-шипун в дельте Волги // Мат-лы III Всесоюзн. орнитол. конф., кн.2.- Львов.- С.48-49.
Кривоносов Г.А., 1963. Зимовки птиц на Северном Каспии в 1960-1961 гг. (по наблюдениям в районе о. Искусственного) // Фауна и экология птиц дельты Волги и побережий Каспия: Труды Астрахан. заповедника, вып.8.- Астрахань.- С.377-391.
Кривоносов Г.А., 1963. Очерки экологии и географического распределения хищных птиц дельты Волги // Фауна и экология птиц дельты Волги и побережий Каспия: Труды Астрахан. заповедника, вып.8.- С.245-293.
Кривоносов Г.А., 1969. Современное состояние пролета и линьки водоплавающих птиц в дельте Волги // Труды Астрахан. заповедника, вып.12.- С.97-166.
Кривоносов Г.А., 1972. Водоплавающие птицы и водные угодья Волго-Ахтубинской поймы // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.1.- М.: Изд-во МГУ.- С.107–109.
Кривоносов Г.А., 1972. Десять лет авиаучётов водоплавающих птиц в авандельте Волги и на Северном Каспии // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.2.- М.- С.97-98.
Кривоносов Г.А., 1972. Массовая линька лебедей-шипунов на Северном Каспии // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.1.- М.: Изд-во МГУ.- С.116–117.
Кривоносов Г.А., 1981. О гнездовании озерной чайки в низовьях дельты Волги // Распространение и численность озерной чайки. - М.: Наука. – С.62.
Кривоносов Г.А., 1981. Природная среда водоемов и водоплавающие птицы

дельты Волги (XVIII–XX вв.) // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.86, вып.5.- С.30–41.
Кривоносов Г.А., 1982. Прикаспий // Птицы СССР.- М.: Наука.- С.88-95.
Кривоносов Г.А., 1987. Лебедь-шипун в СССР // Экология и миграции лебедей в СССР.- М.: Наука.- С.5–10.
Кривоносов Г.А., 1990. Третий Всесоюзный учет численности лебедя-шипуна // Экология и охрана лебедей в СССР: Мат-лы второго Всесоюзн. совещ. по лебедям СССР, ч.1.- Мелитополь.- С.6–11.
Кривоносов Г.А., Бондарев Д.В., 1978. Судьба пеликанов в дельте Волги // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.83, вып.5.- С.42-48.
Кривоносов Г., Васильев В., Худолеев Ф., 1972. Трудная зимовка на Каспии // Охота и охотн. хоз-во, № 12.- С.18-19.
Кривоносов Г.А., Звонов Б.М., Гаврилов Н.Н., 1991. О колониальном гнездовании черношейной поганки на озерах Северного Прикаспия // Современная орнитология. 1992.- М.- С.47-49.
Кривоносов Г.А., Русанов Г.М., Бондарев Д.В., 1979. Малая поганка (*Podiceps ruficollis* Pall.) в низовьях дельты Волги // Природная среда и птицы побережий Каспийского моря и прилежащих низменностей.- Баку.- С.250-251.
Кривоносов Г.А., Русанов Г.М., Виноградов В.В., Бондарев Д.В., 1977. Орлан-белохвост на Нижней Волге // 7 Всесоюзная орнитол. конф., ч.2.- Киев.- С.223-224.
Кубанцев Б. С., Чернобай В. Ф., 1982. Птицы северных районов Нижнего Поволжья (их охрана и изучение в школе и педагогическом институте): Учебное пособие.- Волгоград: ВГПИ.- 72 с.
Кубанцев Б.С., Кобышев Н.М., 1967. О численности и питании хищных птиц в некоторых районах Волгоградской области // Мат-лы 3 конф. зоологов пед. ин-тов.- Волгоград.- С.420-424.
Кудашев А.Е., 1916/1917. Предварительный список птиц, наблюдавшихся мною в Сочинском округе Черноморской губернии // Орнитол. вестник, 1916, № 4.- С.229-239; 1917, № 1.- С.20-36; № 2.- С.89-97.
Кудрявцев С.М., Марков В.И., Поярков Д.И., 1957. Новые вида птиц дельты Волги // Зоол. журнал, т.36, вып.9.- С.1423-1424.
Кузиков И.В., 2021. О гнездовании средиземноморской чайки *Larus michahellis* и обнаружении её гнезда на крыше здания в Ливадийском парке (Южный берег Крыма) в мае 2021 года // Русск. орнитол. журнал, т.30, № 2084.- С.2944-2949.
Кузнецов Е.А., Анзигитова Н.В., 2002. Гнездовая численность и летнее распределение лебедя-шипуна в СССР. Обзор // Казарка, № 8.- С.199-232.
Кузьменко Ю.В., 2005. Численность и распространение сов на востоке Украинского Полесья // Совы Северной Евразии. М.- С.264-268.
Кузьмина М.А., 1962. Отряд Куриные // Птицы Казахстана, т.2. - Алма-Ата: Наука Каз. ССР. - С.389-487.
Кузьмина М.А., 1973. Степная зона. Казахстан // Тетеревиные птицы: Размещение запасов, экология, использование и охрана.- М.: Наука.- С.323-338.
Кузякин В.А., Ганусевич С.А., Челинцев Н.Г., 2000. Пролет белолобых гусей через Волго-Ахтубинскую пойму осенью 1995 г. // Казарка, № 6.- С.115-118.
Кукиш А.И., 1982. Животный мир Калмыкии. Птицы.- Элиста.- 128 с.
Кукиш А.И., 1986. Современное состояние численности степного орла и красавки на трассе проектируемого канала Волга – Чограй // Редкие и исчезающие

виды растений и животных, флористические и фаунистические комплексы Сев. Кавказа, нуждающиеся в охране.- Ставрополь.- С.105-106.
Кукиш А.И., 1989. Некоторые итоги учета чайковых птиц в Калмыкии // Тез. докл. Всесоюз. совещ. по проблеме кадастра и учета животного мира, ч.3.- Уфа.- С.130-131.
Кукиш А.И., 1990. Влияние обводнения на колониальных птиц Сарпинских озер // Фауна и экология животных в условиях ирригации земель.- Элиста. - С.12-21.
Кукиш А.И., 1990. О гнездовании кудрявого пеликана на Северо-западном Каспии // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.49-50.
Кукиш А.И., 1991. Влияние ирригации на чайковых птиц в Сарпинской низменности // Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2, кн.1.- Минск.- С.325-326.
Кукиш А.И., 1992. Гнездовые поселения серебристой чайки на озере Сарпа в Калмыкии // Серебристая чайка: распространение, систематика, экология.- Ставрополь.- С.55-57.
Кукиш А.И., 1997. О гнездовании болотных крачек в Калмыкии // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем Кавказа.- Ставрополь.- С.90-91.
Кукиш А.И., 1997. Условия гнездования чайковых птиц на Нижней Волге // Региональная науч.-практ. конф. «Биосфера и человек».- Майкоп.- С.77-79.
Кукиш А.И., 1997. Чеграва и розовый пеликан на озере Маныч-Гудило // Кавказск. орнитол. вестник, вып.9.- С.89-91.
Кукиш А.И., Демьянова О.М., 1990. Численность и размещение лебедя-шипуна в Калмыкии.- Экология и охрана лебедей в СССР: Мат-лы второго Всесоюзн. совещ. по лебедям СССР, ч.1.- Мелитополь.- С.90–95.
Кукиш А.И., Музаев В.М., 2001. Сирийский дятел – новый гнездящийся в Калмыкии вид // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии. – Казань. – С. 341-342.
Кулюкина Н.М., 1963. О современной численности фазана в дельте Волги // Фауна и экология птиц дельты Волги и побережий Каспия: Труды Астраханск. заповедника, вып.8.- С.231-234.
Куприянов А.А., 2007. Встречи большого баклана и сизой чайки в Воронежской области // Труды Воронежского заповедника, вып.25.- Воронеж.- С.288-289.
Куражковский Ю., 1999. Фауна голенастых как индикатор сезонных тропических условий среды в дельтах Волги и Дона // Стрепет, бюл. № 4.- Ростов н/Д.: Ростовск. отделение СОПР.- С.5-6.
Курочкин Е.Н., 1982. Отряд Поганкообразные // Птицы СССР.- М.: Наука.- С.289-351.
Курочкин Е.Н., Кошелев А.И., 1987. Семейство Пастушковые // Птицы СССР: Курообразные, журавлеобразные.- Л.: Наука. – С.335-439.
Кучеренко В.М., Прокопенко С.П., Жеребцова Т.А., Жеребцов Д.Ю., 2017. Нові дані по рідкісних птахах Криму // Беркут, т.26, вып.1.- С.1-4.
Кучин А.П., 1976. Птицы Алтая.- Барнаул.- 232 с.
Кыдыралиев А.К., 2006. Горный гусь // Птицы Средней Азии, т.1.- Алматы.- С.153-157.
Лаппо Е.Г., Томкович П.С., Сыроечковский Е.Е., 2012. Атлас ареалов гнездящихся куликов Российской Арктики.- М.- 448 с.

Ластовецкий В.Е., Динкевич М.А., 1997. Кулики рисовых полей западной окраины г. Краснодара // Науч. наследие Н.Я. Динника и его роль в развитии современного естествознания: Мат-лы межреспубл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.85-89.

Лауниц К.В., 1912. Материалы для орнитофауны Черноморского побережья Кавказа // Птицеведение и птицеводство, т.3, № 3-4.- С.1-40.

Лауниц К.В., Царевский С., 1912. Предварительное сообщение о поездке на юго-западное побережье Черного моря (Отчет о командировке) // Труды С-Петерб. об-ва естествоиспытат., т.43, вып.1.- С.315-322.

Лебедева Г.П., 2017. Авифауна Самарской области. Состояние изученности // Самарский край в истории России, вып.6: Мат-лы межрегион. науч. конф., посвящен. 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина.- Самара.- С.94-105.

Лебедева Г.П., 2019. Сапсан // Красная книга Самарской области, т.2: Редкие виды животных.- Тольятти.- С.248.

Лебедева Г.П., Пантелеев И.В., 2000. Сусканский заказник // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европейской России.- М.: СОПР.- С.451.

Лебедева Г.П., Пантелеев И.В., Шапошников В.М., Павлов С.И., 2000. Динамика популяции огаря на северной границе ареала в пределах Волжско-Камского края // Казарка, № 6.- С.229-239.

Лебедева Г.П., Симак С.В., Павлов С.И., Павлов И.С., Магдеев Д.В., Шапошников В.М., 2009. Орел степной // Красная книга Самарской обл., т.2: Редкие виды животных.- Тольятти.- С.260.

Лебедева Г.П., Шапошников В.М., Павлов С.И., Павлов И.С., Гуриненко А., 2009. Сапсан // Красная книга Самарской области, т.2: Редкие виды животных.- 2-е изд.- Самара.- С.265.

Лебедева Л.А., 1981. Распространение и численность озерной чайки в Нижнем Поволжье // Распространение и численность озерной чайки.- М.: Наука.- С.58-61.

Лебедева М.И., 1965. Миграции куликов по данным кольцевания // Орнитология, вып.7.- С.328-340.

Лебедева М.И., 1975. Распространение, численность и миграции белого аиста // Мат-лы Всесоюзн. конф. по миграциям птиц. - М. - С.128-131.

Лебедева М.И., 1986. Численность белого аиста в СССР // Изучение птиц СССР, их охрана и рац. использование: Тез. докл., ч.2.- Л.- С.15-16.

Лебедева М.И., 1990. Распространение и динамика численности белого аиста в РСФСР // Аисты: распространение, экология, охрана.- Минск.- С.102-108.

Лебедева Н.В., Ломадзе Н.Х., 2013. Зимовка гусеобразных на Веселовском водохранилище (Западный Маныч) в 2010-2013 годах // Вестник Южного науч. центра РАН, т.9, № 2.- С.68–79.

Лебедева Н.В., Ломадзе Н.Х., 2015. Редкие виды птиц Веселовского водохранилища: динамика фауны в 2008–2014 гг. // Вестник Южного науч. центра РАН, т.11, № 2.- С.66–77.

Лебедева Н.В., Маркитан Л.В., 2001. Проблемы популяционной динамики белоглазого нырка (*Aythia nyroca* Güld., 1770) в Восточном Приазовье // Экология, № 6.- С.454-460.

Лебедева Н.В., Маркитан Л.В., Хохлов В.В., 2000. Фауна и экология птиц Восточного Приазовья // Закономерности океанографических и биологических процессов в Азовском море.- Апатиты.- С.301-348.
Левицкий П.Ф., 1956. О распространении кавказского улара // Природа, № 7.- С.115.
Левицкий П.Ф., 1965. Заметки о птицах // Изв. Мелитопольского отд. Геогр. об-ва УССР и Запорожской обл. отделения Об-ва охраны природы УССР, вып.1.- С.141-151.
Леншин А.А., 2003. Черный аист *Ciconia nigra* в равнинной части Кабардино-Балкарии // Русский орнитол. журнал, т.12, № 248.- С.1473-1474.
Леонов А.П.,1898. Положение охоты на Дону в настоящее время // Природа и охота, август.- С.11-34.
Лепехин И., 1795. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году, ч.1.- СПб. : Изд-во Императорской Академии наук.- 537 с.
Лерхе А.В., 1926. Мой опыт по устройству рассадника куропаток // Охотничий вестник Сев. Кавказа, № 1. - С.9-13.
Лерхе А.В., 1928. Охотничье хозяйство Донецкого округа Северо-Кавказского края // Краеведение на Сев. Кавказе, № 3-4.- С.36-38.
Лерхе А.В., 1929. Охотничье хозяйство Донского округа // Краеведение на Сев. Кавказе, № 1.- С.35-40.
Лерхе А.В., 1938. С ружьем по Придонью: Очерки охоты по птице в Ростовской области.- Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1938.- 71 с.
Лерхе А.В., 1939. Долина Маныча. - Ростов н/Д.: Ростиздат. - 55 с.
Лерхе А.В., 1940. Птицы // Природа Ростовской обл.- Ростов н/Д.- С.257-280.
Лерхе А.В., 1941. Перелеты птиц: Пернатые путешественники.- Ростов н/Д.: Ростиздат.- 60 с.
Лерхе А.В., 2019. Мой опыт по устройству рассадника куропаток (Из недавнего прошлого) // Стрепет, т.17, вып.2.- С.51-64.
Линдеман Г.В., 1971. Птицы искусственных лесных насаждений в глинистой полупустыне Северного Припасшая // Животные искусств. лесных насаждении в глинистой полупустыне. - М.: Наука.- С.120-151.
Линдеман Г.В., 1976. О путях пролета дневных хищников в Волжско-Уральском междуречье // Миграции птиц в Азии.- Алма-Ата: Наука КазССР.- С.223-226.
Линдеман Г.В., 1977. Степной орел в Волжско-Уральском междуречье // Тез. докл. 7 Всес. орнитол. конф., ч. 2.- Киев: Наукова думка.- С.226-228.
Линдеман Г.В., 1981. Изменения населения птиц и млекопитающих полупустынь Заволжья // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем.- М.: Наука.- С.98–108.
Линдеман Г.В., 1985. Курганник (*Buteo rufinus* Cretzschm.) в междуречье Волги и Урала // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.90, вып.6.- С.27-37.
Линдеман Г.В., Абатуров Б.Д., Быков А.В., Лопушков В.А., 2005. Динамика населения позвоночных животных Заволжской полупустыни.- М.: Наука.- 252 с.
Линдеман Г.В., Залетаев В.С., 1975. О периодических изменениях видового состава чаек в гнездовой колонии // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана.- М.: Наука.- С.84.

Линдеман Г.В., Залетаев В.С., 1977. К распространению редких видов чаек в Западном Казахстане // Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана.- Алма-Ата.- С.199-201.

Линдеман Г.В., Лопушков В.А., 2004. Многолетняя динамика населения жаворонков в Заволжской глинистой полупустыне // Орнитология, вып.31.- С.114-122.

Линдеман Г.В., Лопушков В.А., 2004. Стрепет в полупустынном Заволжье // Орнитология, вып.31.- С.108-113.

Линдеман Г.В., Лопушков В.А., 2006. Многолетние изменения видового состава и численности птиц Приэльтонья и соседних территорий // Биоразнообразие и проблемы природопользования в Приэльтонье: Сб. науч. трудов.- Волгоград.- С.74-80.

Линьков А.Б., 1978. Пролет гусей на Восточном Маныче осенью 1977 г. // Матлы 2 Всесоюзн. конф. по миграциям птиц. - Алма-Ата. - С.96-97.

Линьков А.Б., 1984. К экологии савки на восточном Маныче // Соврем. состояние ресурсов водоплав. птиц: Тез. Всесоюзн. семинара. - М. - С.85-86.

Линьков А.Б., 1985. К экологии гнездования уток озера Маныч-Гудило // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.78-95.

Линьков А.Б., 1987. Гусеобразные озера Маныч-Гудило: особенности экологии и территориальные связи // Биол. основы охраны и воспроизводство охотн. ресурсов.- М.- С.25-31.

Линьков А.Б., 2001. Колпица. Мраморный чирок. Савка // Красная книга Росс. Федерации (животные).- М.- С.381-383; 412-413; 418-419.

Линьков А.Б., Кривенко В.Г., 1989. О линьке огаря в Предкавказье // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.62-64.

Липкович А.Д., 1985. Некоторые данные по биологии большой чечевицы, кавказского тетерева и краснобрюхой горихвостки в высокогорьях Северной Осетии // Изучение и охрана редких и исчезающих животных фауны СССР.- М.- С.75-77.

Липкович А.Д., 1988. Редкие птицы Северо-Осетинского заповедника и сопредельных территорий // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.97-101.

Липкович А.Д., 1991. Биотопическое распределение и биология птиц высокогорий Центрального Кавказа.- Дисс. … канд. биол. наук.- М.- 140 с.

Липкович А.Д., 1999. Беркут. Бородач. Стервятник. Черный гриф. Сапсан // Красная книга Республики Северная Осетия–Алания: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных.- Владикавказ.- С.163-169.

Липкович А.Д., 2000. Пойма Терека в пределах Кабардино-Балкарии. Национальный парк «Алания» // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международн. значения в Европ. России.- М.: СОПР.- С.366; 373.

Липкович А.Д., 2009. Национальный парк «Приэльбрусье» // Ключевые орнитол. территории России, т.3: Ключевые орнитол. территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР.- С.151.

Липкович А.Д., 2012. Редкие птицы долины Западного Маныча. Состояние популяций и проблемы охраны // Бутурлинский сборник: Мат-лы 4 Международн. Бутурлинских чтений.- Ульяновск.- С.171–182.

Липкович А.Д., 2016. Аннотированный список птиц Государственного природного

биосферного заповедника «Ростовский», его охранной зоны и сопредельных территорий. Часть 2 // Экосистемный мониторинг долины Зап. Маныча: итоги и перспективы: К 20-летию Гос. природн. биосферного заповедника «Ростовский»: Труды заповедника «Ростовский», вып.6.- Ростов н/Д.- С.232-257.

Липкович А.Д., 2017. Зима в степи // Мир птиц, № 47-48.- С.33.

Липкович А.Д., 2018. Птицы в пригородных сельскохозяйственных угодьях и фауне города Ростова-на-Дону // Птицы и сельское хозяйство: Мат-лы 2 Международн. орнитол. конф.- Иваново.- С.161-164.

Липкович А.Д., Брагин А.Е., 2012. Аннотированный список птиц государственного природного биосферного заповедника «Ростовский», его охранной зоны и сопредельных территорий // Биоразнообразие долины Западного Маныча: Труды заповедника «Ростовский», вып.5.- С.189-231.

Липкович А.Д., Брагин А.Е., 2015. Редкие птицы степей и водоемов ростовской части долины Западного Маныча и Красная книга Ростовской области // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международной конф.- Ростов н/Д.: Академцентр.- С.94-107.

Литвин К.Е., 2014. Новые данные о миграциях гусей, гнездящихся в России. Обзор результатов дистанционного прослеживания // Казарка, № 17.- С.13-45.

Литвинова Н.А., 2001. Малый баклан. Египетская цапля // Красная книга Российской Федерации (Животные).- М. - С.376-377; 378-379.

Литвинова Н.А., Ткаченко Е.Э., Литвинов В.П., 1984. Гнездование фламинго в Кызылагаджском заповеднике // Орнитология, вып.19.- С.182-183.

Лиховид А.А., 1993. География численности серой куропатки в основных ландшафтах Ставропольской возвышенности и сопредельных территорий // Фауна Ставрополья, вып.5. – Ставрополь. – С.49-50.

Лиховид А.А., Тертышников М.Ф., 1995. О таксономии современной формы фазана в Центральном Предкавказье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.7.- С.39-40.

Лиховид А.И., 1977. Летнее население птиц лесов Ставропольской возвышенности // Фауна Ставрополья, вып.2.- Ставрополь.- С.25-37.

Лозовская М.В., 2014. Стрепет // Красная книга Астраханской области.- 2-е изд.- Астрахань.- С.334-335.

Ломадзе Н.Х., 1959. Орнитофауна Малого Кущеватого лимана // Мат-лы студенч. конф., посвящен. 40-летию Ленинского комсомола. - Ростов-н/Д. - С. 72-75.

Ломадзе Н.Х., 1967. Большой баклан в Восточном Приазовье // Природа Сев. Кавказа и ее охрана: Тез. докл. конф., посвящен. 50-летию Сов. власти.- Нальчик.- С.119-120.

Ломадзе Н.Х., 1973. Рыбоядные птицы Восточного Приазовья и их хозяйственное значение. - Автореф. дисс. … канд. биол. наук. - Ростов-на-Дону.- 32 с.

Ломадзе Н.Х., 1975. К экологии кваквы, малой белой и желтой цапель мест рисосеяния // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана.- М.- С.43-44.

Ломадзе Н.Х., 1976. К фенологии большого баклана и некоторых голенастых Восточного Приазовья // Сезонное развитие природы.- М.- С.73-75.

Ломадзе Н.Х., 1982. Отряд Поганкообразные. Отряд Аистообразные // Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши.- Ростов н/Д.- С.168-170; 171-178.

Ломадзе Н.Х., 1983. Малая поганка. Колпица // Берегите: их осталось мало: Редкие и исчезающие животные Донского бассейна, требующие охраны. - Ростов н/Д.: Кн. изд-во.- С.51-53; 60-63.

Ломадзе Н.Х., 1984. Голенастые в местах рисосеяния // Животный мир Калмыкии и сопредельных районов. - Элиста. - С.58-65.
Ломадзе Н.Х., Белик В.П., 2006. Борис Александрович Казаков (21.04.1938 – 17.09.2006) // Стрепет, т.4., вып.2.- С.100-105.
Ломадзе Н.Х., Белик В.П., 2006. Памяти Бориса Александровича Казакова: 21.04.1938 – 17.09.2006 // Орнитология, вып.33.- С.245-248.
Ломадзе Н.Х., Борисов В.Ф., 1977. Малая выпь в Восточном Приазовье // VII Всесоюзн. орнитол. конф.: Тез. докл.- Киев.- С.136-137.
Ломадзе Н.Х., Исаков В.М., 1986. Устойчивость колониального гнездования голенастых в условиях рисосеяния на Кубани // Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование: Тез. докл., ч.2. - Л.- С.35-37.
Ломадзе Н.Х., Казаков Б.А., Гончаров В.Т., 1981. О колонии больших бакланов и голенастых в дельте Дона // Научные основы обследования колониальных гнездовий околоводных птиц.- М.- С.84-86.
Ломадзе Н.Х., Языкова И.М., 1968. К гельминтофауне цапель Восточного Приазовья // Мат-лы 2-й науч. конф. молодых ученых Ростов. обл.- Ростов н/Д. - С.46-47.
Ломадзе Н.Х., Языкова И.М., 1969. Экологические взаимоотношения некоторых видов цапель в Восточном Приазовье // Орнитология в СССР. Кн. 2. - Ашхабад. - С.383-385.
Ломадзе Н.Х., Языкова И.М., 1971. К экологии рыжей цапли на водоемах Восточного Приазовья // Мат-лы научн. конф. к 50-летию Новороссийской биостанции. - Новороссийск. - С.98-99.
Ломадзе Н.Х., Языкова И.М., 1974. Рост птенцов некоторых цапель, чаек и крачек // Мат-лы VI Всесоюзн. орнитол. конф., ч.1.- М. - С.94.
Ломадзе Н.Х., Языкова И.М., 1976. Возрастные изменения относительной скорости роста и морфологических индикаторов некоторых органов цапель, чаек и крачек // Проблемы экологии и морфологии животных. - М. - С.93-97.
Ломакин С.А., 1999. Залет обыкновенного фламинго на север Ростовской области // Кавказск. орнитол. вестник, вып.11.- С.222.
Ломакин С.А., Белик В.П., 2008. Материалы к зимней орнитофауне северных районов Ростовской области // Стрепет, т.6, вып.1.- С.35-54.
Лопушков В.А., Линдеман Г.В., 2003. Журавли окрестностей оз. Эльтон (Волгоградская область) // Орнитология, вып.30.- С.153-155.
Лоренц Ф., 1884. Кавказский тетерев (*Tetrao mlokosyewiczii* Tacz.) // Природа и охота, август.- С.1-10.
Лоренц Ф., 1889. Поездка в Кубанскую область // Природа и охота. Март.- С.55-62.
Лорец В.Ф., 1928. Список птиц окрестностей Сарепты // Известия Саратов. общества естествоиспытателей, т.3, вып.1.- С.73-95.
Лоскот В.М., 1991. Распространение и образ жизни кавказской большой чечевицы *Carpodacus rubicilla rubicilla* (Güld.) // Эколого-популяционные исследования птиц: Тр. Зоол. ин-та АН СССР, т.231.- Л.- С.43-116.
Лохман Ю.В., 2000. Краснодарский край // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европ. России.- М.: СОПР.- С.322-325.
Лохман Ю.В., 2002. Численность и распределение зимней орнитофауны г. Краснодара и его окрестностей // Кавказск. орнитол. вестник, вып.14.- С.59-63.

Лохман Ю.В., 2003. Большая горлица – новый вид Северного Кавказа // Кавказск. орнитол. вестник, вып.15. - С.116.

Лохман Ю.В., 2007. Колпица. Каравайка. Дрофа // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 2-е изд.- Краснодар.- С.362-364; 392-393.

Лохман Ю.В., 2008. К вопросу о характере пребывания султанки в Краснодарском крае // Кавказск. орнитол. вестник, вып.20.- С.130-132.

Лохман Ю.В., 2009. Динамика ареалов и численности гнездящихся куликов Западного Предкавказья // Кулики Сев. Евразии: экология, миграции и охрана: Тез. докл. VIII Международн. науч. конф.- Ростов н/Д.- С.89-91.

Лохман Ю.В., 2013. К орнитофауне заповедника «Утриш» и полуострова Абрау // Биоразнообразие природн. заповедника «Утриш»: Науч. труды, т.1.- С.186-194.

Лохман Ю.В., 2016. Стерх *Grus leucogeranus* в Краснодарском крае // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1357.- С.4171-4174.

Лохман Ю.В., 2017. Кудрявый пеликан. Средиземноморский хохлатый баклан. Пискулька. Огарь. Белоглазая чернеть, Орлан-белохвост. Западная дрофа. Стрепет. Авдотка. Морской зуек. Кулик-сорока. Большой кроншнеп. Большой веретенник. Луговая тиркушка. Степная тиркушка. Черноголовый хохотун. Черноголовая чайка. Морской голубок. Чайконосая крачка. Пестроносая крачка. Малая крачка // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.514-516; 528-530; 539-540; 551-574.

Лохман Ю.В., 2017. Прямохвостая качурка // Стрепет, т.15, вып.2.- С.126.

Лохман Ю.В., 2019. Луговая тиркушка (*Glareola pratincola*) в Западном Предкавказье (динамика численности и распространение) // Акт. вопросы изучения куликов Сев. Евразии: Мат-лы XI Международн. науч.-практ. конф.- Минск.- С.187-190.

Лохман Ю.В., Быхалова О.Н., 2012. К зимовке птиц-лимнофилов заповедника «Утриш» (северо-восточное Причерноморье) в зимний сезон 2011/2012 гг. // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.66-69.

Лохман Ю.В., Гожко А.А., 2017. Розовый пеликан. Колпица. Каравайка // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.513-514; 520-522.

Лохман Ю.В., Емтыль М.Х., Донец И.И., 2008. Большой баклан в Западном Предкавказье (распространение, численность и ее динамика, современное состояние) // Бранта, № 11.- С.169-180.

Лохман Ю.В., Емтыль М.Х., Фадеев И.В., Нестеров Е.В., Дровецкий С.В., Карагодин И.Ю., 2004. К орнитофауне Таманского полуострова // Экол. проблемы Таманск. полуострова. - Краснодар. - С.89-102.

Лохман Ю.В., Емтыль М.Х., Фадеев И.В., Нестеров Е.В., Дровецкий С.В., Карагодин И.Ю., 2005. Орнитофауна Черноморских лиманов России и прилегающих территорий // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып.5.- М.- С.72–96.

Лохман Ю.В., Емтыль М.Х., Фомин Г.В., 2011. К зимовке птиц в Республике Адыгея // Птицы Кавказа: современное состояние и проблемы охраны: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.105-107.

Лохман Ю.В., Лохман А.О., 2017. Шилоклювка. Чеграва // Красная книга Краснодарского края: Животные. 3-е изд.- Краснодар. - С.558-559; 572-573.

Лохман Ю.В., Лохман М.Ю., Емтыль М.Х., 2017. Ходулочник // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.557-558.

Лохман Ю.В., Маловичко Л.В., 2017. Полярная крачка *Sterna paradisaea* на Северном Кавказе // Русский орнитол. журнал, т.26, № 1440.- С.1808-1809.
Лохман Ю.В., Солоха А.В., 2016. Морской песочник *Calidris maritima* – новый вид птиц Краснодарского края // Русск. орнитол. журнал, т. 25, № 1265.- С.1039-1041.
Лохман Ю.В., Солоха А.В., 2017. Западная чернозобая гагара // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.511-513.
Лохман Ю.В., Солоха А.В., 2017. Морской песочник. Исландский песочник // Стрепет, т.15, вып.2.- С.128-129.
Лохман Ю.В., Солоха А.В., 2018. Первая зимняя встреча серого журавля в Краснодарском крае // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 14.- М.- С.44-45.
Лохман Ю.В., Солоха А.В., Быхалова О.Н., 2015. Зимняя фауна морских, околоводных и водоплавающих птиц заповедника «Утриш» // Охрана биоты в государственном природном заповеднике «Утриш»: Науч. труды, т.3.- Майкоп.- С.297–306.
Лохман Ю.В., Солоха А.В., Гожко А.А., Короткий Т.В., 2020. Встречи фламинго *Phoenicopterus roseus* на юге России (Краснодарский край) // Русский орнитол. журнал, т.29, № 1920.- С.2048-2053.
Лохман Ю.В., Солоха А.В., Мосалов А.А., 2017. Савка // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.530-531.
Лохман Ю.В., Фадеев И.В., Нестеров Е.В., Дровецкий С.В., 2006. Дополнения к орнитофауне Таманского полуострова // Роль особо охраняемых природных территорий в сохранении биоразнообразия: Мат-лы Международн. науч.-практ. конф., посвящен. 10-летию Гос. природн. заповедника «Ростовский».- Ростов н/Д.- С.301-303.
Лошкарев Г.А., 1971. Охотничья фауна предгорий Северного Кавказа.- Автореф. дисс. … канд. биол. наук.- Киев.- 23 с.
Лошкарев Г.А., 1974. Динамика численности серой куропатки в предгорьях Северного Кавказа // Мат-лы 6 Всес. орнитол. конф., ч.2.- М.: Изд-во МГУ.- С.273-275.
Луговая Л.А., 1958. К биологии хищных птиц Астраханского заповедника // Труды Астраханск. заповедника, вып.4.- С.295-299.
Луговой А.Е., 1958. Чайковые птицы низовий дельты Волги и примыкающих участков Северного Каспия // Труды Астраханск. заповедника, вып.4.- С.269-293.
Луговой А.Е., 1963. Птицы дельты Волги // Фауна и экология птиц дельты Волги и побережий Каспия: Труды Астраханск. заповедника, вып.8.- С.9-185.
Луговой А.Е., 2011. Большой баклан. Малый баклан // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.54-82; С.133-142.
Лукьянов А.М., 1999. Хищные птицы на юге лесостепи в северной части Нижнего Поволжья // Сбор. студ. науч. работ биол.-хим. ф-та МПГУ.- М.- С.37-43.
Лукьянов А.М., 1999. Хищные птицы на юге лесостепи в северной части Нижнего Поволжья // 3 конф. по хищным птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.2.- Ставрополь.- С.96-97.
Лыков Е.Л., 2009. Биология гнездования вяхиря в условиях города (на примере Калининграда) // Беркут, т.18, вып.1-2.- С.54-68.
Лыков Е.Л., Астафьева Т.В., Гришанов Г.В., 2012. Нетипичное расположение

гнёзд вяхиря *Columba palumbus* в населённых пунктах Калининградской области // Русский орнитол. журнал, т.21, № 761.- С.1234-1236.
Лысенко В.И., 1983. Краснозобая казарка (*Rufibrenta ruficollis*) на Украине // Вестник зоологии, № 3.- С.28-34.
Лысенко В.И., 1991. Фауна Украины, т.5: Птицы, вып.3: Гусеобразные. - Киев: Наукова думка.- 205 с.
Лысенко И.Г., 1977. Осенний пролет водоплавающих птиц на Маныче // Фауна и биология гусеобразных птиц. - М.: Наука. – С.12-14.
Львов И.А., 1974. Распределение серой куропатки в антропогенном ландшафте Ростовской области // Мат-лы 6 Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2.- М.: Изд-во МГУ.- С.337-338.
Львов И.А., 1975. Опыт акклиматизации северокавказского фазана // Охотоведение. Биологические и экономические основы ведения охотничьего хозяйства: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.254-267.
Львов И.А., 1983. Некоторые особенности экологии и поведения стрепета в антропогенном ландшафте // Экология и рациональное использование охотничьих птиц в РСФСР. - М. - С.145-154.
Любаев В.Л., Кривенко В.Г., 1981. Колониальные гнездовья птиц на Меклетинских озерах Калмыкии // Размещение и состояние гнездовий околоводных птиц на территории СССР. - М.- С.96-98.
Любаева Л.И., 1974. Гнездование и линька лебедя-шипуна на водоемах Калмыкии в 1974 г. // Проблемы зоологии и физиологии.- Элиста.- С.42-46.
Люк де, Ж., 1879. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де-Люка, монаха Доминиканского Ордена. 1625 г. // Зап. импер. Одесского об-ва истории и древностей, т.11.- С.473-493.
Люлеева Д.С., 2005. Подотряд Стрижи – Apodi // Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные.- М.: КМК.- С.133-176.
Лютый А.М., 1940. К вопросу о сельскохозяйственном значении филина // Труды Ворошиловск. пед. ин-та, т.2.- С.223-224.
Мазина О.В., Сохина Э.Н., Белик В.П., 2012. Уникальное гнездовье орлана-белохвоста на скалах правобережья Волги (Щербаковский природный парк) // Стрепет, т.10, вып.2.- С.150-153.
Маландзия В.И., 1990. Заметки о некоторых редких и малоизученных птицах Абхазии // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.35–40.
Маландзия В.И., 1992. К расселению кольчатой горлицы (*Streptopelia decaocto*) на Кавказе // Кавказский орнитол. вестник, вып.4, ч.2.- С.163–164.
Маландзия В.И., 2000. К изучению миграций птиц Абхазии // Биологическое разнообразие Кавказа: Труды I региональн. конф.- Сухум.- С.162-171.
Маландзия В.И., 2013. Капская горлица *Oena capensis* – новый вид фауны Кавказа // Русский орнитол. журнал, т.22, № 901.- С.1969-1971.
Маландзия В.И., Иваницкий А.Н., 2005. Изменение фауны позвоночных животных Абхазии и сопредельных территорий (ретроспективный обзор) // Вестник АН Абхазии, вып.1.- С.262–270.
Маландзия В.И., Шавлохов А.К., Ратия А.В., 2002. Результаты учетов лысухи на мысе Пицунда // Биологическое разнообразие Кавказа: Труды 2 региональной

конф.- Сухум.- С.134–139.
Маловичко Л.В., 1999. Современное состояние и причины сокращения численности сизоворонки *Coracias garrulus* // Русск. орнитол. журнал, т.8, № 68.- С.17-23.
Маловичко Л.В., 2006. Современное состояние популяций ракшеобразных и удодообразных на Ставрополье // Орнитол. исследования в Сев. Евразии: Тез. 12 Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии. - Ставрополь. - С.322-323.
Маловичко Л.В., 2012. Особенности распространения и биологии зеленой щурки на северо-востоке Ставропольского края // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.69-78.
Маловичко Л.В., 2013. О встрече хрустана в горах Кабардино-Балкарии // Стрепет, т.11, вып.1.- С.96-97.
Маловичко Л.В., 2014. Гнездование курганника на Ставрополье // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Международной конф.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.246-249.
Маловичко Л.В., 2015. Новые сведения о распространении и биологии авдотки в Ставропольском крае // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.- С.216-219.
Маловичко Л.В., 2015. Современное состояние журавлей в Ставропольском крае // Журавли Евразии (биология, распространение, разведение), вып.5.- Москва – Нижний Цасучей.- С.172-177.
Маловичко Л.В., 2016. Численность и распределение куликов в заказнике Манычгудило // Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Северной Евразии: Мат-лы 10-й конф. Рабочей группы по куликам Северной Евразии.- Иваново.- С.229-234.
Маловичко Л.В., 2018. Зимовка серого журавля в Ставропольском крае в 2017/2018 гг. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 14.- М.- С.41-43.
Маловичко Л.В., 2019. Успешная зимовка розового фламинго *Phoenicopterus roseus* в Ставропольском крае // Русск. орнитол. журнал, т.28, № 1739.- С. 977-981.
Маловичко Л.В., Афанасова Т.В., Гутор Г.Н., Енин А.Е., Краснокутская Ю.И., 2015. Биотопическое распределение и биология сирийского дятла на Ставрополье // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: Мат-лы 6-й Международн. науч.-практ. конф.- М.- С.408-414.
Маловичко Л.В., Блохин Г.И., 2008. Особенности зимнего пребывания мохноногого канюка на Ставрополье // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии: Мат-лы 5 Международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.116-118.
Маловичко Л.В., Гаврилов А.И., 2012. О встречах египетской цапли на водоемах Кумо-Манычской впадины // Стрепет, т10, вып.1- С.118-120.
Маловичко Л.В., Константинов В.М., 2008. Предмиграционные скопления и зимовки черного коршуна в Предкавказье // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии: Мат-лы 5 Международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.119-121.
Маловичко Л.В., Мосейкин В.Н., Мосейкин Е.В., Федосов В.Н., 2003. О формировании миграционных скоплений соколообразных в Восточном Предкавказье // Мат-лы 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Пенза.- С.220-225.

Маловичко Л.В., Федосов В.Н., 2006. Особенности зимней авифауны Восточного Приманычья // Стрепет, т.4, вып.2.- С.5-27.

Маловичко Л.В., Федосов В.Н., 2006. Современное состояние популяции стрепета в Ставропольском крае // Развитие современной орнитологии в Сев. Евразии: Мат-лы XII Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии.- Ставрополь.- С.485-497.

Маловичко Л.В., Федосов В.Н., 2008. Современное состояние степной тиркушки (*Glareola nordmanni*) в Ставропольском крае // Достижения в изучении куликов Сев. Евразии: Мат-лы 7 совещания по вопросам изучения куликов.- Мичуринск.- С.88-93.

Маловичко Л.В., Федосов В.Н., Курочкин Е.Н., 2006. Новые сведения о пребывании кречеток на Ставрополье // Информ. мат-лы Рабочей группы по куликам, № 19.- С.45-47.

Маловичко Л.В., Федосов В.Н., Мосейкин В.Н., Мосейкин Е.В., 2003. Об осеннем пролёте дневных хищных птиц в Центральном Предкавказье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.15.- С.76-79.

Мальчевский А.С., 1941. Фауна позвоночных животных узких полезащитных лесных полос Заволжья. - Автореф. дисс. ... канд. биол. наук.- Л.: ЛГУ.- 5 с.

Мальчевский А.С., 1946. К биологии желчной овсянки // Природа, № 6.- С.71.

Мальчевский А.С., 1947. Роль птиц в полезащитных лесных полосах Заволжья // Вестн. Ленингр. ун-та, № 4.- С.28-39.

Мальчевский А.С., 1950. Гнездование птиц в лесных полосах Заволжья // Учен. зап. Ленингр. ун-та, № 134: Сер. биол. наук, вып.25: Труды лесостепной науч.-исслед. станции «Лес на Ворскле».- С.208–227.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б., 1983. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана, т.1.- Л.: Изд-во ЛГУ.- 480 с.

Мамаев А.Б., 2015. Структура населения соколообразных (Falconiformes) в степной и полупустынной зоне Заволжья // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: изучение, использование, охрана: Мат-лы междунар. конф. Ростов н/Д.- С.107–120.

Маматаева В.Ф., Умаханова Т.К., 2007. Аисты в Дагестане // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рац. использование.- Ставрополь.- С.79-81.

Марголин В.А., Хохлов В.В., 2005. Ретроспективная характеристика фауны и изменений численности совообразных Калужской области // Совы Северной Евразии. М.- С.200-205.

Маркин Ю.М., 2008. Пути пролета и места зимовок серых журавлей центра Европейской части России в конце XX века // Журавли Евразии (биология, распространение, миграции), вып.3.- М.- С.364-374.

Маркин Ю.М., 2013. Серый журавль в Европейской части России / Труды Окского заповедника, вып.29.- Рязань.- 118 с.

Маркин Ю.М., Постельных К.А., 2014. Стерх по кличке Таз отловлен в Калмыкии // Информ. бюл. Раб. группы по журавлям Евразии, № 13.- М.- С.105-107.

Маркитан Л.В., 2002. Изучение динамики популяций камышевок рода *Acrocephalus* в Восточном Приазовье // Экосистемные исследования Азовского моря и побережья, т.4.- Апатиты.- С.334-343.

Маркитан Л.В., Динкевич М.А., Белов В.В., 2010. Птицы природного парка «Донской» // Флора, фауна и микобиота природного парка «Донской».- Ростов

н/Д.- С.139-164.
Марков В.И., 1959. Изменение орнитофауны в районе Цимлянского водохранилища // Вторая Всес. орнитол. конф.: Тез. докл., ч.2.- М.: Изд-во МГУ.- С.68-69.
Маркузе В.К., 1964. Значение рыбоядных птиц в нерестово-выростных хозяйствах дельты Волги // Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол., т.69, вып.3.- С.127-128.
Маркузе В.К., 1965. К экологии поганок в связи с рыболовством в дельте Волги // Орнитология, вып.7.- С.244-257.
Маркузе В.К., 1975. Особенности гнездования, численность и биомасса чайковых птиц в рыбхозах дельты Волги // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана.- М.: Наука.- С.86-88.
Матюхин А.В., 2017. Черный чекан *Saxicola caprata* (Linnaeus, 1766) – новый гнездящийся вид Европы // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: Мат-лы 7-й Международн. науч.-практ. конф.- М.- С.398-401
Мацына А.И., Мацына Е.Л., 2011. Кудрявый пеликан // Птицы России и сопредельных стран. Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.24-37.
Мацына Е.Л., 2011. Розовый пеликан // Птицы России и сопредельных стран. Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.12-24.
Мацына Е.Л., Джамирзоев Г.С., 2011. Розовый фламинго // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.511-529.
Медведева С.И., 2017. Морской песочник // Стрепет, т.15, вып.2.- С.129.
Меджидов Р.А., Музаев В.М., 2013. Курганник. Степной орел // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные.- Элиста.- С.126-126; С.129-130.
Меджидов Р.А., Музаев В.М., Бадмаев В.Б., 2011. О состоянии популяции степного орла в Калмыкии // Степной бюллетень, № 32.- С.33-37.
Межнев А.П., 1990. Авдотка в Саратовской области // Итоги изучения редких животных: Мат-лы к Красной книге: Сб. научных трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.102-103.
Межнев А.П., 2001. Состояние ресурсов зимующих куриных птиц России // Достижения и проблемы орнитологии Сев. Евразии на рубеже веков.- Казань.- С.286-294.
Мекленбурцев Р.Н., 1981. Ошибки в некоторых работах по орнитологии // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.86, № 2.- С.48-50.
Мельгунов И.Л., 1988. О встрече малого лебедя в Центральном Предкавказье // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа: Тез. докл. - Ставрополь. - С.112-113.
Мельгунов И.Л., Бичерев А.П., 1984. Луни Центрального Предкавказья // Фауна Ставрополья, вып.3.- Ставрополь.- С.21-38.
Мельгунов И.Л., Хохлов А.Н., Бичерев А.П., 1983. Луни на Ставрополье // Экология хищных птиц.- М.- С.83-86.
Мельгунов И.Л., Хохлов А.Н., Бичерев А.П., 1988. К фауне куликов Ставропольского края // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа. - Ставрополь. - С.114-124.
Мельгунов И.Л., Хохлов А.Н., Бичерев, А.П., 1989. О встрече украшенного чибиса в Европейской части СССР // Распространение и фауна птиц Урала.- Оренбург.- С.33-34.

Мельников Ю.И., 2000. Касатка в Восточной Сибири: распространение, численность, биология // Казарка, № 6.- С.261–281.
Мельниченко А.Н., 1949. Полезащитные лесные полосы степного Заволжья и воздействие их на размножение животных, полезных и вредных для сельского хозяйства.- М.: Изд-во МОИП.- 360 с.
Мельничук В.А., 1970. Расширение ареала мородунки (*Terekia cinerea* Güld.) в связи с образованием Киевского водохранилища // Вестник зоологии, № 6.- С.78-79.
Мензбир М.А., 1882. Орнитологическая география Европейской России, ч.1.- М.- 525 с.
Мензбир М.А., 1895. Птицы России, т.1.- М.- 836 с.
Мензбир М.А., 1895. Птицы России, т.2.- М.- 1120 с.
Мензбир М.А., 1900. Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа, т.1.- 342 с.
Мензбир М.А., 1900. Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа, т.2.- 364 с.
Мензбир М.А., 1916. Фауна России: Птицы (Aves): Falconiformes, вып.1.- Петроград.- 344 с.
Мензбир М.А., 1918. Птицы России (Европейская Россия, Сибирь, Туркестан, Закаспийская область и Кавказ), вып.1.- 3-е изд.- М.- 224 с.
Мензбир М.А., 1925. Дополнение к работе: Серебровский П.В. Результаты орнитологических наблюдений в Закатальском округе Закавказья в 1916 г. // Новые мемуары МОИП, т.18, вып.2.- С.85-89.
Мертц П.А., 1966. Распространение, численность и пути хозяйственного использования северо-кавказского фазана в Краснодарском крае // Тез. докл. 2-й науч. сессии Северо-Кавказского Совета по координации и планированию научных исследований: Биолого-почвенная секция.- Ростов н/Д.- С.146-148.
Мертц П.А., 1967. Первый опыт восстановления фазана на Северном Кавказе // Мат-лы 3-й конф. зоологов пединститутов РСФСР.- Волгоград.- С.430-432.
Мертц П.А., 1968. Северокавказский фазан в бассейне Кубани // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.73, вып.3.- С.26-34.
Мещерякова Н.О., Перковский М.Н., 2016. Динамика численности орлана-белохвоста в Астраханском заповеднике // Хищные птицы Сев. Евразии: Проблемы и адаптации в современных условиях: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.286-288.
Мещерякова Н.О., Стрелков В.А., Русанов Г.М., Перковский М.Н., 2020 Влияние вспышек численности азиатской саранчи на ход осенней миграции Соколообразных в дельте Волги // Хищные птицы в ландшафтах Сев. Евразии: Современные вызовы и тренды: Мат-лы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.332-338.
Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Гагарообразные – аистообразные.- М.: Наука, 1978.- 270 с.
Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Аистообразные – пластинчатоклювые.- М.: Наука, 1979.- 247 с.
Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Хищные – журавлеобразные.- М.: Наука, 1982.- 288 с.
Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Журавлеобразные – ржанкообразные.- М.: Наука, 1985.- 304 с.

Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Пластинчатоклювые.- М.: Наука, 1989.- 258 с.

Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Пластинчатоклювые. Речные утки.- М.: Наука, 1997.- 318 с.

Милобог Ю.В., Ветров В.В., 2008. Современный статус степного луня (*Circus macrourus* (Gm.) в Украине // Новітні дослідження соколоподібних та сов: Матли 3 Міжнародн. наук. конф. «Хижі птахи України».- Кривий Ріг.- С.255-259.

Милобог Ю.В., Ветров В.В., Стригунов В.И., Белик В.П., 2010. Балобан (*Falco cherrug* Gray) в Украине и на сопредельных территориях // Бранта, № 13. - С.135-159.

Минеев О.Ю., Минеев Ю.Н., 2000. Находка горного гуся *Eulabeia indica* в Большеземельской тундре // Русский орнитол. журнал, т.9, № 113.- С.22.

Минеев О.Ю., Минеев Ю.Н., 2003. Современное распространение шипуна и кликуна в Малоземельской тундре // Соврем. состояние популяций, управление ресурсами и охрана гусеобразных птиц Сев. Евразии: Тез. докл. Международн. симпозиума.- Петрозаводск. - С.117-119.

Минеев Ю.Н. Минеев О.Ю., 2014. Лебеди европейского северо-востока России.- Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН.- 128 с.

Миноранский В.А., 1962. О степном орле (*Aquila rapax orientalis* L.) // Зоол. журнал, т.41, вып.2.- С.295-296.

Миноранский В.А., 1976. О гнездовании мохноногого сыча в Ростовской области // Орнитология, вып.12. - С.238-239.

Миноранский В.А., 2009. Дрофа (*Otis tarda* L.) в Ростовской области // Дрофиные птицы Палеарктики: Разведение и охрана, вып.2.- М.- С.72-84.

Миноранский В.А., Даньков В.И., Тихонов А.В., 2017. Большой баклан (*Phalacrocorax carbo* L.) в дельте Дона и связанные с ним проблемы // Изв. высш. учебных заведений. Сев.-Кавказский регион. Естествен. науки, № 1 (193).- С.67-72.

Миноранский В.А., Демина О.Н., 2002. Особо охраняемые природные территории Ростовской области.- Ростов н/Д.- 368 с.

Миноранский В.А., Пономаренко В.А., Тихонов А.В., Добринов А.В., Морозова Н.О., 2003. Мониторинг колонии рыбоядных птиц в дельте Дона // Изв. высш. учебных заведений. Сев.-Кавказский регион. Естеств. науки, № 4.- С.60-63.

Миноранский В.А., Тихонов А.В., 2001. ООПТ Шолоховского района Ростовской области // Мат-лы регион. науч.-практ. конф. «Человек и геогр. среда».- Орел.- С.142–146.

Миноранский В.А., Тихонов А.В., 2002. Особо охраняемые природные территории Ростовской области и обоснование создания их системы для сохранения биоразнообразия.- Ростов н/Д.- 183 с.

Миноранский В.А., Тихонов А.В., 2003. Государственные заказники Ростовской области и их роль в сохранении биоразнообразия // Кавказский орнитол. вестник, вып.15.- С.79–104.

Миноранский В.А., Узденов А.М., Подгорная Я.Ю., 2006. Птицы озера Маныч-Гудило и прилежащих степей.- Ростов н/д.- 332.с.

Миноранский В.А., Харченко В.И., 1967. Некоторые изменения в орнитофауне Ростовской области и Восточного Приазовья // Экология млекопитающих и птиц.- М.: Наука.- С.308-316.

Миронов Н.П., Турчинов Г.А., Мединский Г.М., Фомушкин В.М., 1978. Методические рекомендации по ландшафтно-эпизоотологической дифференциации территории в отношении некоторых трансмиссивных природноочаговых заболеваний.- Ростов н/Д.- 18 с.

Михайлов И., 1851. Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии.- СПб.- 176 с.

Михеев А.В., 1952. Тетерев // Птицы Сов. Союза, т.4.- М.: Сов. наука. - С.52-78.

Михеев А.В., 1953. О плотности населения насекомоядных птиц в связи с привлечением в лесные насаждения // Учен. зап. Московск. гос. пед. ин-та, т.74. - С.147-160.

Михеев А.В., 1985. Дневной пролёт птиц по западному побережью Каспийского моря // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.5-19.

Михеев А.В., 1991. Пролет по западному побережью Каспийского моря некоторых редких околоводных птиц // Кавказск. орнитол. вестник, вып.2.- С.33-40.

Михеев А.В., 1992. Видимый дневной пролет чаек по западному побережью Каспийского моря // Кавказск. орнитол. вестник, вып.4, ч.1.- С.128-153.

Михеев А.В., Орлов В.И., 1972. Зимовки водоплавающих птиц в Кызылагачском заповеднике // Фауна и экология животных: Сб. статей. - М.: МГПИ.- С.103-117.

Михеев А.В., Орлов В.И., Резанов А.Г., 1975. Пролёт аистообразных по западному побережью Каспия // Мат-лы Всесоюзной конф. по миграциям птиц, ч.1.- М.- С.133-136.

Мицкевич И., 1897. Тетерева-косачи *Tetrao tetrix* в Кубанской области // Природа и охота. Февраль. - С.1-7.

Мищенко А.Л. (ред.), 2006. Водно-болотные угодья России, т.6: Водно-болотные угодья Северного Кавказа.- М.- 316 с.

Мищенко А.Л., Белик В.П., Бородин О.В., Сарычев В.С., Суханова О.В., Краснов Ю.В. и др., 2017. Оценка численности и ее динамики для птиц Европейской части России (результаты проекта «European Red List of Birds»).- Москва: РОСИП.- 63 с.

Мищенко А.Л., Белик В.П., Равкин Е.С., Бородин О.В., Бакка С.В., Сарычев В.С., Галушин В.М. и др., 2004. Оценка численности и ее динамики для птиц Европейской части России (Птицы Европы – II). - М.: СОПР. - 44 с.

Мищенко А.Л., Лохман Ю.В., Суханова О.В., 2021. Зимовка большого подорлика *Aquila clanga* в Республике Адыгея и Краснодарском крае // Русск. орнитол. журнал, т.30, № 2062.- С.1942-1948.

Мищенко А.Л., Суханова О.В., 2000. Результаты двухлетнего проекта «Учет коростеля в Европейской России» // Коростель в Европейской России: численность и распространение.- М.- С.147-169.

Мищенко А.Л., Суханова О.В., 2016. Балтийский чернозобик в России: изменение ареала, состояние популяции и основные факторы, влияющие на динамику численности // Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Сев. Евразии: Мат-лы 10 юбилейн. конф. Рабочей группы по куликам Сев. Евразии.- Иваново.- С.264-270.

Мищенко А.Л., Суханова О.В., 2016. Обзор современного состояния популяций красноголового нырка в России и анализ основных негативных факторов // Казарка, т.22.- С.75-107.

Мищенко А.Л., Федосов В.Н., Тильба П.А., Суханова О.В., Межнев А.П., 2013. Численность и экология вяхиря в различных регионах Европейской России // Вестник охотоведения, т.10, № 2.- С.167-176.

Мищенко В.П., Карпов Ф.Ф., 2016. О встречах моевки (*Rissa tridactyla*) и клуши (*Larus fuscus*) в казахстанской части акватории Каспийского моря // *Selevinia*, т.24.- С.174.

Мищенко М.А., 1998. О весеннем пролете куликов на северо-востоке Ставрополья в 1998 г. // Природные ресурсы и экол. образование на Сев. Кавказе: Матлы межрегион. науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.94-95.

Млокосевич Л., 1879. Кавказский тетерев (*Tetrao Mlokosiewitschi* Tacz.) // Изв. Кавказск. об-ва любителей естествознания и альпийского клуба, т.1.- Тифлис.- С.17-23.

Мнацеканов Р.А., 1989. К гнездованию сапсана на Лагонакском нагорье // Экол. проблемы Ставропольского края и сопредельных территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.249-251.

Мнацеканов Р.А., 1990. Белоголовый сип на Лагонакском нагорье // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.40-44.

Мнацеканов Р.А., 1998. К авифауне среднегорий центральной части Западного Кавказа // Кавказский орнитол. вестник, вып.10.- С.109-114.

Мнацеканов Р.А., 1999. Авифауна заказника «Камышанова поляна» и его окрестностей // Роль заповедников Кавказа в сохранении биоразнообразия природных экосистем: Авторефераты докладов юбилейной конф., посвящен. 75-летию Кавказского госзаповедника.- Сочи.- С.103-109.

Мнацеканов Р.А., 1999. О проведении конкурса «Скопа-98» в Краснодарском крае // III конференция по хищным птицам Восточной Европы и Северной Азии: Мат-лы конф., ч.2.- Ставрополь.- С.122-123.

Мнацеканов Р.А., 2000. К гнездованию белого аиста в Краснодарском крае // Кавказск. орнитол. вестник, вып.12.- С.146-147.

Мнацеканов Р.А., 2001. История изучения белоголового сипа на Западном Кавказе // Человек и биосфера: Мат-лы Международн. науч.-практ. конф.- Майкоп.- С.183-186.

Мнацеканов Р.А., 2001. Чёрный аист в Краснодарском крае // Акт. проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии.- Казань.- С.434-436.

Мнацеканов Р.А., 2004. Ключевым орнитологическим территориям Краснодарского края - статус ООПТ // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл. № 2 (20). С. 27-28.

Мнацеканов Р.А., 2006. Изменение гнездового ареала орлана-белохвоста на Северо-Западном Кавказе // Орнитол. исследования в Сев. Евразии: Тез. XII Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии.- Ставрополь.- С.366–368.

Мнацеканов Р.А., 2007. Хохлатый баклан. Черный аист. Белый аист. Скопа. Змееяд. Малый подорлик. Орлан-белохвост. Степная пустельга. Красавка // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 2-е изд.- Краснодар.- С.259-261; 364-366; 370-374; 376-379; 386-387; 391.

Мнацеканов Р.А., 2008. Лебедь малый // Стрепет, т.6, вып.2.- С.108.

Мнацеканов Р.А., 2012. Малый подорлик // Красная книга Республики Адыгея:

Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп.- С.261.

Мнацеканов Р.А., Андрющенко Ю.А., Динкевич М.А., Короткий Т.В., 2007. Новые сведения о некоторых редких видах птиц Таманского полуострова // Беркут, т.16, вып.2.- С.177-183.

Мнацеканов Р.А., Динкевич М.А., 2001. Малый баклан в Краснодарском крае // Кавказск. орнитол. вестник, вып.13. - С.108-111.

Мнацеканов Р.А., Динкевич М.А., Короткий Т.В., Крутолапов В.А., Островских С.В., Щуров В.И., 2007. Озеро Ханское: Материалы комплексного обследования.- Краснодар.- 100 с.

Мнацеканов Р.А., Динкевич М.А., Найданов И.С., 2012. Хохлатый баклан // Результаты мониторинга видов растений, животных и грибов, занесенных в Красную книгу Краснодарского края (2007-2011).- Краснодар.- С.133-135.

Мнацеканов Р.А., Динкевич М.А., Тильба П.А., Короткий Т.В., 2004. Новые сведения о регистрации египетской цапли в Краснодарском крае // Стрепет, т.2, вып.1.- С.134-137.

Мнацеканов Р.А., Емтыль М.Х., Тильба П.А., Иваненко А.М., 1992. Луговая тиркушка в Восточном Приазовье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.3.- С.131-134.

Мнацеканов Р.А., Емтыль М.Х., Тильба П.А., Соловьев С.А., 1992. Численность и распределение серебристой чайки в Краснодарском крае // Серебристая чайка: распространение, систематика, экология.- Ставрополь.- С.60-62.

Мнацеканов Р.А., Короткий Т.В., 2006. Египетская цапля – новый гнездящийся вид Западного Предкавказья // Орнитология, вып.33.- С.186-187.

Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., 2013. Современное состояние египетской цапли *Bubulcus ibis* в Краснодарском крае // Русский орнитол. журнал, т.22, № 952.- С.3467-3471.

Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., 2020. В поисках солнечного орла // Мир птиц, № 51-52.- С.34-35.

Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., Динкевич М.А., Короткий Т.В. 2013. Распространение египетской цапли в Краснодарском крае // Стрепет, т.11, вып.2.- С.112-115.

Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., Попов С.Л., Тильба П.А., 2016. Распространение филина в бассейне реки Кубань // Хищные птицы Сев. Евразии: Проблемы и адаптации в современных условиях: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.493-496.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., 1988. Хищные птицы пойменных лесов и плавневой зоны реки Кубань // Акт. вопросы изучения экосистемы бассейна Кубани: Сб. тез. науч.-практ. конф., ч.1.- Краснодар.- С.130-136.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., 1995. Активность и поведение белоголового сипа в период гнездования // Хищные птицы и совы Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. заповедника, вып.14. - Ставрополь. - С.150-159.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., 2002. Пролет серого журавля в Краснодарском крае и Республике Адыгея // Журавли Евразии (распределение, численность, биология): Сб. науч. трудов.- М.- С.25-32.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., 2007. Белоголовый сип. Стервятник. Сапсан // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 2-е изд.- Краснодар.- С.380-386.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., 2012. Черный аист. Белоголовый сип. Стервятник

// Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Майкоп.- С.255-256; 266-267; 271.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., 2015. Орнитофауна заповедника Утриш и его ближайших окрестностей // Русский орнитол. журнал, т.24, № 1113.- С.754-763.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Динкевич М.А., 2012. Орлан-белохвост // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп.- С.263-264.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Динкевич М.А., Короткий Т.В. и др., 2004. О зимовке куликов в Краснодарском крае // Стрепет, т.2, вып.1.- С.35-40.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Емтыль М.Х., Динкевич М.А., Короткий Т.В., Лохман Ю.В., 2005. Зимовка гусеобразных на Северо-Западном Кавказе // Третий Международн. симпозиум по гусеобразным птицам Сев. Евразии: Тез. докл.- СПб.- С.201-203.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Емтыль М.Х., Плотников Г.К., Соловьев С.А., Иваненко А.М., 1990. Предварительные данные по летней орнитофауне Восточного Приазовья и сопредельных территорий // Акт. вопросы экологии и охраны природы Азовского моря и Вост. Приазовья: Сб. тезисов, ч.1.- Краснодар.- С.155-164.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Короткий Т.В., 2003. О зимнем скоплении орлана-белохвоста в Краснодарском крае // Мир птиц, № 1 (25).- С.27.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Найданов И.С., Динкевич М.А., Попов С.Л., Короткий Т.В., 2020. Орлан-белохвост на Северо-Западном Кавказе // Хищные птицы в ландшафтах Сев. Евразии: Современные вызовы и тренды: Мат-лы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.470-477.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Найданов И.С., Попов С.Л., 2019. Гнездовые находки беркута *Aquila chrysaetos* и могильника *Aquila heliaca* в Краснодарском крае // Русский орнитол. журнал, т.28, № 1746.- С.1277-1285.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Перевозов А.Г., 2012. Орел-карлик // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп.- С.260.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Попов С.Л., 2018. Дополнения к авифауне Приазовского заказника // Сочинскому нац. парку – 35 лет: Труды Сочинского нац. парка, вып.12.- Сочи.- С.254-262.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Попов С.Л., 2020. Гнездование сипухи *Tyto alba* в Приазовском заказнике (Краснодарский край) // Русский орнитол. журнал, т.29, № 2014.- С.6013-6022.

Модестов В.М., 1943. К экологии гнездового периода чаек в дельте Волги // Зоол. журнал, т.22, вып.2.- С.13-17.

Моисеев А.П., 2007. О появлении малой горлицы в г. Кустанае // Казах. орнитол. бюл.-2006.- С.165.

Мокиевский В.О., 2018. Морской песочник // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.126.

Мокиевский В.О., 2018. Регистрация камнешарки *Arenaria interpres* и морского песочника *Calidris maritima* на кавказском побережье Черного моря в середине зимы // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1576.- С.1064-1067.

Моламусов Х.Т., 1955. Материалы к фауне птиц Кабарды // Учен. зап. Кабардинск. пед. ин-та, вып.8.- С.171-202.
Моламусов Х.Т., 1959. О некоторых закономерностях в зонально-поясном распространении птиц и других представителей животного мира в Кабардино-Балкарской республике // Учен. зап Кабардино-Балкарского науч.-исслед. ин-та, т.14. - С.267-314.
Моламусов Х.Т., 1961. Птицы Кабардино-Балкарии.- Дисс. … канд. биол. наук.- Ленинград.- 586 с.
Моламусов Х.Т., 1962. К биологии куриных птиц Кабардино-Балкарии // Учён. зап. Кабардино-Балкарского ун-та, вып.12.- С.221-239.
Моламусов Х.Т., 1964. К биологии камышницы на Северном Кавказе // Учен. зап. Кабардино-Балкарского ун-та, вып.21: Серия с/х и биол.- С.121-124.
Моламусов Х.Т., 1966. Охотничье-промысловые птицы Кабардино-Балкарии // Природа Кабардино-Балкарии и её охрана: Сб. статей.- Нальчик.- С.87-102.
Моламусов Х.Т., 2017. Птицы Кабардино-Балкарии: Неворобьиные: фрагменты диссертации … канд. биол. наук.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- 120 с.
Молодан Г.М., 2017. Пелікан кучерявий // Червона книга Донецької області: Тваринний світ. Науково-інформаційний довідник.- Вінниця.- С.274.
Молодан Г.Н., 1988. Луговая тиркушка. Степная тиркушка // Колониальные гидрофильные птицы юга Украины: Ржанкообразные.- Киев: Наук. думка.- С.111-118.
Молодовский А.В., 1975. О гнездовании большого баклана на Южном Мангышлаке // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана.- М.: Наука.- С.193.
Морозкин Н.И., Воробьева Т.Д., 1977. Численность и распределение стрепета в Кызыл-Агачском заповеднике в зимние сезоны 1971/72 и 1972/73 гг. // Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов: Охрана, использование и изучение.- Астрахань.- С.88-92.
Морозов В.В., 1995. Современное состояние, распространение и тренд популяции пискульки (*Anser erythropus*) в России // Бюл. Рабочей группы по гусям Вост. Европы и Сев. Азии, № 1.- С.131–144.
Морозов В.В., 1996. Где же зимуют малые лебеди? // Казарка, № 2.- С.237–243.
Морозов В.В., 1997. Некоторые итоги работы по проекту Союза охраны птиц России «Поиск мест гнездования тонкоклювого кроншнепа» // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 10.- М.- С.38-39.
Морозов В.В., 1998. Результаты работ по проекту Союза охраны птиц России «Поиск мест гнездования тонкоклювого кроншнепа» в 1997 году // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 11.- М.- С.14-15.
Морозов В.В., 1998. Современный статус южного среднего кроншнепа *Numenius phaeopus alboaxillaris* Lowe, 1921 в России и Казахстане // Русский орнитол. журнал, № 34.- С.3-15.
Морозов В.В., 2000. Саратовская область: Долина р. Сафаровки // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европ. России.- М.: СОПР.- С.471-472.
Морозов В.В., 2001. Белоглазый нырок (чернеть) // Красная книга Российской Федерации (Животные).- М.- С.416-418.
Морозов В.В., Аарвак Т., 2004. Зимовка пискулек, гнездящихся на Полярном Урале // Казарка, № 10.- С.156-162.

Морозов В.В., Белик В.П., 1997. Новое место остановки мигрирующих краснозобых казарок (*Branta ruficollis*) в Волжско-Уральском междуречье // Казарка, № 3.- С.162-166.

Морозов В.В., Брагин Е.А., 2005. Степной лунь в тундровой зоне – сдвиг ареала к северу или расширение области гнездования? // Русский орнитол. журнал, № 287. - С.17-23.

Морозов В.В., Брагин Е.А., Ивановский В.В., 2013. Дербник.- Витебск.- 180 с.

Морозов В.В., Поярков Н.Д., 1997. О зимовках пискулек (*Anser erythropus*) в Азербайджане // Казарка, № 3.- С.211-214.

Морозов В.В., Сыроечковский Е.Е.-мл., 2002. Пискулька на рубеже тысячелетий // Казарка, № 8.- С.233-276.

Морозов Н.С., 2007. Изменения сроков миграции и зимние встречи канюка (*Buteo buteo*) в центре европейской части России: следствие глобального потепления? // Зоол. журнал, т.86, № 11.- С.1336-1355.

Мосейкин В.Н., 1986. Экология и охрана стрепета в Саратовской области // Дрофы и пути их сохранения: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.71-86.

Мосейкин В.Н., 1991. Распространение и численность журавля-красавки в Нижнем Поволжье // Журавль-красавка в СССР.- Алма-Ата.- С.12-14.

Мосейкин В.Н., 1991. Редкие гнездящиеся виды хищных птиц Волго-Уральского междуречья // Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2, кн.2.- Минск: Навука і тэхніка.- С.93-94.

Мосейкин В.Н., 1992. Вероятная находка тонкоклювого кроншнепа в Саратовском Заволжье // Информация Рабоч. группы по куликам.- Екатеринбург.- С.44–45.

Мосейкин В.Н., 1998. Изменение численности балобанов в Нижнем Поволжье за последние двадцать лет // 3 конф. по хищным птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.1.- Ставрополь. - С.88-89.

Мосейкин В.Н., 2000. Новые орнитологические находки в Саратовской области // Русский орнитол. журнал, № 104.- С.3–7.

Мосейкин В.Н., 2003. Хищные птицы и климат // Мир птиц, № 2 (23).- С.24-25.

Мосейкин В.Н., 2008. Динамика популяций орлана-белохвоста в Волго-Уральском междуречье // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии: Мат-лы 5 Международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.276-277.

Мосейкин В.Н., Маловичко Л.В., Федосов В.Н., 2004. Сельское хозяйство угрожает популяции степной тиркушки в Европейской России // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 17.- М.- С.30-34.

Мосейкин В.Н., Мосейкин Е.В., 2000. Степная пустельга в Волго-Уральском междуречье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.12.- С.150-159.

Мосейкин В.Н., Семихатова С.Н., 2008. Европейский тювик в Саратовской области // Стрепет, т.6, вып.2.- С.94-95.

Мосейкин Е.В., 2004. Численность и распределение сокола-сапсана в Ставропольском крае // Тез. докл. XI Международн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2004». Секция «Биология».- М.- С.113-114.

Музаев В.М., 2012. Малый пестрый дятел – новый вид в фауне Калмыкии // Стрепет, т10, вып.1- С.113-117.

Музаев В.М., 2013. Черный коршун. Европейский тювик. Змееяд. Орел-карлик.

Орлан-белохвост. Степная пустельга. Авдотка. Обыкновенная горлица // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные.- Элиста.- С.122-123; 125; 127-129; 133-134; 138-139; 147-148; 163.

Музаев В.М., 2016. Малая горлица. Средний пестрый дятел. Малый пестрый дятел // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.221.

Музаев В.М., 2017. Серая неясыть // Стрепет, т.15, вып.2.- С.130.

Музаев В.М., Бадмаев В.Э., Убушаев Б.И., Эрдненов Г.И., 2015. К вопросу о современной численности дрофиных птиц в Калмыкии // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д: Академцентр.- С.121–134.

Музаев В.М., Белик В.П., Эрдненов Г.И., 2016. Тетеревятник – новый для Калмыкии гнездящийся вид // Хищные птицы Сев. Евразии: Проблемы и адаптации в современных условиях: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.430-438.

Музаев В.М., Катиев Н.А., Убушаев Б.И., Лиджиев Ю.П., 2016. Белый аист // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.218.

Музаев В.М., Кукиш А.И., Эрдненов Г.И., 1992. Использование гнезд врановых другими видами птиц в Калмыкии // Экологические проблемы врановых птиц: Мат-лы III совещ.- Ставрополь.- С.123.

Музаев В.М., Сидоров О.В., Бадмаев В.Э., Убушаев Б.И., 2012. О встречах в Калмыкии морянки, обыкновенного фламинго и чернозобой гагары // Проблемы сохранения и рац. использования биоразнообразия Прикаспия и сопредельных регионов: Мат-лы VIII Международн. науч.-практ. конф.- Элиста.- С.77-81.

Музаев В.М., Федосов В.Н., Эрдненов Г.И., 2015. О новых встречах каспийского зуйка в Калмыкии в 2015 году // Стрепет, т.13, вып.2- С.105-113.

Музаев В.М., Эрдненов Г.И., 2010. К вопросу о гнездовании белокрылой крачки в Калмыкии // Стрепет, т.8, вып.1.- С.114-120.

Музаев В.М., Эрдненов Г.И., 2013. Малый подорлик // Стрепет, т.11, вып.2.- С.119.

Музаев В.М., Эрдненов Г.И., Бадмаев В.Э., Меджидов Р.А., Даваев А.М., 2012. К вопросу о современной численности и экологии гнездования курганника в Сарпинской низменности // Канюки Северной Евразии: распространение, состояние популяций, биология. – Кривой рог. – С. 146-154.

Музаев В.М., Эрдненов Г.И., Комолова А.С., Манжеев А.К., Убушаев Б.И., 2014. Материалы по численности и экологии степной пустельги в Калмыкии в 2009-2013 гг. // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Международной конф.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.255-263.

Музаев В.М., Эрдненов Г.И., Конаева А.Н., Василенко Е.С., 2012. К вопросу о современной численности и экологии гнездования курганника на Ергенинской возвышенности (в пределах Калмыкии) // Проблемы сохранения и рационального использования биоразнообразия Прикаспия и сопредельных регионов: Мат-лы VIII Международн. заочной науч.-практ. конф.- Элиста.- С.81-86.

Музаев В.М., Эрдненов Г.И., Нураева А.Н., 2010. К вопросу о современном состоянии популяции обыкновенной горлицы в Калмыкии // Проблемы сохранения и рац. использования биоразнообразия Прикаспия и сопредельных регионов: Мат-лы VII Международн. заочной науч. конф.- Элиста.- С.77-81.

Музаев В.М., Эрдненов Г.И., Нураева А.Н., Антонова Е.В., 2011. Материалы по фауне и экологии гнездования дендрофильных видов птиц на юго-западе Калмыкии // Птицы Кавказа: современное состояние и проблемы охраны: Матлы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.122-132.

Музаев В.М., Эрдненов Г.И., Эрдни-Горяев Б.Э., Антонова Е.В., 2012. К вопросу о современной численности и экологии гнездования курганника на Черных землях // Канюки Северной Евразии: распространение, состояние популяций, биология. – Кривой рог. – С. 136-145.

Мунтяну А.И., 1977. Гнездование степного орла в восточных районах Ростовской области // VII Всесоюз. орнитол. конф.: Тез. докл., ч.2.- Киев: Наукова думка. - С.236-237.

Мурашов А.М., Мурашова Я.В., Кириллова Е.Н., Строганова А., Романов В.В., Горячев Ф.В., Виноградов М., 2016. Проект «Европейская сипуха» // Ежегодник: Хищные птицы и совы в зоопарках и питомниках, вып.25.- М.- С.23-44.

Мурзаханов Е.Б., Баздырев А.В., 2011. Размножение савки (*Oxyura leucocephala*) в Барабинской низменности и Кулундинской равнине // Вестник Томск. гос. ун-та. Биология, № 1 (13).- С.95-104.

Мухина Е., Крейцберг А., 1997. Возвращаясь к проблеме охраны джека // Мир птиц, № 2 (8). - С.11.

Мухина Е.А., 1989. Биотопическое распределение и плотность поселения джека в Карнабчуле (Юго-Западный Кызылкум) // Фауна и экология птиц Узбекистана.- Самарканд.- С.116-123.

Мухина Е.А., 1999. К экологии мраморного чирка (*Marmaronetta angustirostris*) в Юго-Западном Узбекистане // Территориальные аспекты охраны птиц в Средней Азии и Казахстане.- М.- С.99–104.

Назаренко Л.Ф., 1951. О залете обыкновенной гаги в окрестности Одессы // Природа, № 7.- С.19.

Назаренко Л.Ф., Назаренко М.Ф., Корзюков А.И., Чуйко В.П., 1975. Колониальные гнездовья околоводных птиц Северо-Западного Причерноморья // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана.- М.: Наука.- С.149.

Найданов И.С., 2007. Гага обыкновенная // Стрепет, т.5, вып.1-2.- С.128.

Найданов И.С., 2008. Новые сведения о гнездовании сирийского дятла в Краснодарском крае // Кавказский орнитол. вестник, вып.20. – С. 154-156.

Найданов И.С., 2016. Новая встреча сипухи *Tyto alba* в Краснодарском крае // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1339.- С.3508-3510.

Найданов И.С., Мнацеканов Р.А., Попов С.Л., 2018. Освоение сипухой *Tyto alba* новой гнездовой стации в Краснодарском крае // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1709.- С.6091-6094.

Нанкинов Д.Н., 1990. Разред Procellariiformes – Буревестникоподобни // Фауна на Болгария, т.20. Aves, ч.1.- София.- С.71-79.

Нанкинов Д.Н., 1998. Расселение и миграции египетской цапли // Беркут, т.7, вып.1-2.- С.19-24.

Нанкинов Д.Н., 2008. Моевка *Rissa tridactyla* в Болгарии и на сопредельных территориях // Русский орнитол. журнал, т.17, № 418.- С.740-744.

Нанкинов Д.Н., 2009. История красавки *Anthropoides virgo* в Болгарии // Русский орнитол. журнал, т.18, № 480.- С.695-704.

Нанкинов Д.Н., 2010. Интродукция в Европу чужих видов птиц и возникающие в

связи с этим проблемы // Русский орнитол. журнал, т.19, № 551.- С.293-300.
Нанкинов Д.Н., 2012. Каталог на българската орнитофауна.- София.- 358 с.
Нанкинов Д.Н., 2015. Европейская альтернатива сохранения стерха *Grus leucogeranus* // Русский орнитол. журнал, т.24, № 1152.- С.2009-2018.
Нанкинов Д.Н., 2016. Птицы России и сопредельных стран: шпорцевый чибис *Hoplopterus spinosus* // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1234.- С.37-52.
Насимович А.А., 1947. Горная индейка в горах Кавказского заповедника // Природа, № 3.- С.68-69.
Насимович А.А., 1950. Причины динамики границ ареала и численности фазанов в СССР // Охрана природы, Сб.12.- С.94-105.
Насимович А.А., 1955. Осенний пролет птиц в горах Центрального Кавказа // Учен. зап. Кабардинск. пед. ин-та, вып.8.- С.169-170.
Насимович А.А., 1955. Осенний пролет птиц в горах Центрального Кавказа // Труды бюро кольцевания, вып.8. - С.167-168.
Насимович А.А., Шубникова О.Н., 1969. Ресурсы охотничье-промысловых зверей и птиц и их использование // География СССР, вып.7: Ресурсы животного мира СССР (география запасов, использование, воспроизводство).- М.- С.95.
Насрулаев Н.И., 1990. Птицы восточного высокогорья Богосского хребта // Орнитология, вып.24. - С.154-156.
Насрулаев Н.И., 1991. Кольчатая горлица в Махачкале // Орнитология, вып.25.- С.167.
Насрулаев Н.И., 2003. Птицы высокогорья Базар-Дюзи // Мат-лы XVII науч.-практ. конф. по охране природы Дагестана.- Махачкала.- С.155-156.
Насрулаев Н.И., Джамирзоев Г.С., 2020. Кавказский тетерев // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.624-626.
Наумов А.М., 2018. Первая документированная встреча одуэновой чайки *Larus audouinii* в России // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1645.- С.3559-3562.
Нечаев Б.А., 1975. Чтобы охотиться, надо заботиться // Природа Дон. края: науч.-попул. статьи и очерки. - Ростов н/Д.: Кн. изд-во.- С.188-194.
Нечаев В.А., Глущенко Ю.Н., 2011. Южная белая цапля // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.329-334.
Никитина Е.Ю., 1995. Наблюдения за гнездом могильника в Кабардино-Балкарском заповеднике // Хищные птицы и совы Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. заповедника, вып.14.- Ставрополь.- С.160-170.
Никифоров М.Е., 2006. Золотистая ржанка // Красная книга Республики Беларусь: Животные.- 2-е изд.- Минск.- С.114-115.
Никифоров М.Е., Козулин А.В., Гричик В.В., Тишечкин А.К., 1997. Птицы Беларуси на рубеже XXI века: Статус, численность, распространение.- Минск.- 188 с.
Николаев В.И., 1995. К авифауне северной части Астраханской области // Беркут, т.4, вып.1-2.- С.92-93.
Николаев В.И., 2001. Южная золотистая ржанка // Красная книга Российской Федерации: Животные.- М.- С.489-490.
Николаев П.А., 1923. Еще и еще раз о весенней охоте // Вестник охотн. и рыбного промыслов Юго-Востока России, № 1.- С.8-10.
Никольский А.М., 1891. Позвоночные животные Крыма // Зап. Академии наук, т.68, прил. № 4.- С.1-484 с.

Номикосов С., 1884. Статистическое описание Области Войска Донского.- Новочеркасск.- 761 с.

Нумеров А.Д., 1993. Отряд Кукушкообразные // Птицы России и сопредельных регионов. Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные.- М.: Наука.- С.182-248.

Нумеров А.Д., 1996. Класс Птицы *Aves* // Природн. ресурсы Воронежской обл. Позвоночные животные: Кадастр. - Воронеж.- С.48-159.

Нумеров А.Д., Венгеров П.Д., 2012. Хохотунья – новый гнездящийся вид Воронежской области // Мониторинг редких и уязвимых видов птиц на территории Центрального Черноземья.- Воронеж.- С.195-199.

Нумеров А.Д., Венгеров П.Д., 2012. Хохотунья *Larus cachinnans* – новый гнездящийся вид города Воронежа // Рус. орнитол. журнал, т.21, № 804.- С.2505-2509.

Нумеров А.Д., Венгеров П.Д., 2018. Сплюшка // Красная книга Воронежской обл., т.2: Животные.- Воронеж.- С.386.

Нумеров А.Д., Венгеров П.Д., Киселев О.Г. и др., 2013. Атлас гнездящихся птиц города Воронежа.- Воронеж.- 360 с.

Образцов Б.В., 1951. Очерк фауны наземных позвоночных Теллермановского опытного лесничества (Борисоглебский лесной массив) // Труды Ин-та леса АН СССР, т.7.- М.- С.180-198.

Образцов Б.В., 1956. Зооэкологический очерк района Деркульской станции по защитному лесоразведению // Труды Ин-та леса, т.30.- С.412-428.

Оганов С.Д., 2008. Гнездовая находка степного луня на Ставрополье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.12.- С.156-159.

Огарев В.В., 1954. Изменение в орнитофауне Маныча после его обводнения // Мат-лы по изучению Ставроп. края, вып.6.- Ставрополь.- С.361-371.

Огнев С.И., 1913. Поездка в дельту Волги (Доклад, прочитанный в заседании Императорского русского общества акклиматизации животных и растений 20 ноября 1912 г.). - М.- 18 с.

Огнев С.И., Воробьев К.А., 1923. Фауна позвоночных Воронежской губернии.- М.: Новая деревня.- 255 с.

Огульчанский А.Я., 1967. Малый буревестник на Азовском море // Орнитология, вып.8.- С.377-378.

Огульчанский А.Я., 1973. Кулики Северного Приазовья // Фауна и экология куликов, вып.2.- М.: Изд-во МГУ.- С.61–63.

Околелов А.Ю., Шубин А.О., Иванов А.П., Митина Г.Н, Сухарев Е.А. и др., 2008. Влияние обилия корма на распределение пролётных куликов на озере Эльтон // Достижения в изучении куликов Сев. Евразии: Мат-лы VII совещания по вопросам изучения куликов.- Мичуринск: МГПИ.- С.108-121.

Олейников Н.С., 1953. Рыбоядные птицы и их влияние на рыбное хозяйство Манычских водохранилищ // Учен. зап. Ростов. ун-та, т.19, вып.3.- С.127-137.

Олейников Н.С., 1959. Материалы по экологии уток при гнездовании их в искусственных укрытиях // Вторая Всесоюзн. орнитол. конф.: Тез. докл.- М.- С.96-97.

Олейников Н.С., 1962. Искусственные гнездовья для уток в Краснодарском крае // Орнитология, вып.5.- С.260-265.

Олейников Н.С., 1965. Сокращение запасов водоплавающих птиц в Предкавказье, его причины и пути их увеличения // География ресурсов водоплавающих

птиц в СССР, состояние запасов, пути их воспроизводства и правильного использования: Тез. докл., вып.1.- М.- С.134-135.
Олейников Н.С., 1966. Искусственные гнездовья для диких уток: Из опыта Сладко-Лиманского охотхозяйства. - М.: Лес. пром.- 112 с.
Олейников Н.С., 1968. Влияние искусственных гнездовий на численность популяций диких уток // Ресурсы водоплав. дичи в СССР, их воспроизводство и использование: Тез. докл., т.1.- М.- С.32-34.
Олейников Н.С., 1969. Значение кобчика в сельском хозяйстве Ростовской области // Охрана природы Ниж. Дона.- Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та.- С.73-76.
Олейников Н.С., 1982. Отряд Журавлеобразные // Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши. - Ростов н/Д. - С.201-204.
Олейников Н.С., Гончаров А.И., 1967. Большая белая цапля на Усть-Манычском водохранилище // Орнитология, вып.8.- С.280-284.
Олейников Н.С., Данилова Г.М., 1958. Материалы по биологии рыжей цапли // Учен. зап. Ростов. гос. ун-та, т.38, вып.3.- С.55-70.
Олейников Н.С., Казаков Б.А., 1972. О некоторых редких пластинчатоклювых Предкавказья // Ресурсы водоплавающих птиц в СССР, их воспроизводство и использование. Вып. 1. - С.86-88.
Олейников Н.С., Казаков Б.А., 1976. Краснозобая казарка в Приазовье // Тр. Окского заповедника, вып. 3. - С.49-50.
Олейников Н.С., Казаков Б.А., Белик В.П., Решетников Ю.И., 1973. О фауне куликов Предкавказья // Фауна и экология куликов: Мат-лы совещ., вып.2.- М.: Изд-во МГУ - С.63-67.
Олейников Н.С., Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., 1973. Семейство поганок в фауне Западного Предкавказья // Изв. СКНЦ ВШ. Сер. естеств. наук, № 3. - С.51-54.
Олейников Н.С., Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Языкова И.М., 1975. Семейство ибисовых в Предкавказье // Изв. СКНЦ ВШ. Сер. естеств. наук, № 3.- С.51-54.
Олейников Н.С., Казаков Б.А., Решетников Ю.И., Ломадзе Н.Х., 1967. Редкие водные и околоводные птицы Западного Предкавказья // Природа Северного Кавказа и ее охрана: Тез. докл. конф., посвящен. 50-летию Сов. власти. - Нальчик. - С.121-124.
Олейников Н.С., Казаков Б.А., Языкова И.М., Ломадзе Н.Х., Белик В.П., 1972. Чайки Предкавказья // Природа Сев. Кавказа и ее охрана, вып.2: Мат-лы 2 науч. конф. по охране, использованию и расширенному воспроизводству естеств. ресурсов Сев. Кавказа. - Нальчик. - С.110-113.
Олейников Н.С., Харченко В.И., 1964. К вопросу об изменении орнитофауны Восточного Приазовья // Науч. сообщ. за 1963 г. Серия точных и естеств. наук.- Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та.- С.191-192.
Олейников Н.С., Языкова И.М., 1977. Гнездование кряквы и серой утки в естественных и искусственных укрытиях на Пролетарском водохранилище // VII Всесоюзн. орнитол. конф.: Тез. докл. - Киев. - С.162-163.
Олигер Т.И., 1967. Еще о численности птиц, зимующих в Кызыл-Агачском заповеднике (февраль 1963 г.) // Орнитология, вып.8.- С.378-379.
Оноприенко Л.Г., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 1997. Численность охотничьих животных Ставрополья (на 1.03. 1997 г.) // Науч. наследие Н.Я. Динника и его роль в развитии современного естествознания.- Ставрополь.- С.118-120.
Опарин М.Л., Опарина О.С., 2016. Зимняя встреча европейского тювика *Accipiter*

brevipes в городе Саратове // Русск. орнитол. журнал, т.25, № 1261.- С.928-929.
Опарин М.Л., Опарина О.С., Мамаев А.Б., Рубан О.А., 2016. Обнаружение орлана-долгохвоста *Haliaeetus leucoryphus* на гнездовании в Бокейординском районе Западно-Казахстанской области весной 2016 года // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1305.- С.2389-2395.
Опарин М.Л., Опарина О.С., Мамаев А.Б., Рубан О.А., 2016. Подтверждение факта размножения орлана-долгохвоста *Haliaeetus leucoryphus* в Бокейординском районе Западно-Казахстанской области летом 2016 года // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1314.- С.2693-2697.
Орлов Е.И., 1928. Материалы к познанию фауны наземных позвоночных Калмыцкой области // Материалы к познанию фауны Нижнего Поволжья, вып.2.- Саратов.- С.1-47.
Орлов Е.И., Кайзер Г.А., 1933. Охотнопромысловое значение Приерусланских песков АССР НП // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та, т.10, вып.2.- С.111-157.
Орлов Е.И., Фенюк Б.К., 1927. Материалы к познанию фауны наземных позвоночных приморской полосы Калмыцкой области // Мат-лы к познанию фауны Нижн. Поволжья, вып.1.- Саратов.- С.39-87.
Орнитологи Южного федерального округа Российской федерации.- Ставрополь, 2006.- 102 с.
Осипов П., 1984. Пролет коростелей // Охотничьи просторы, № 41.- М.- С.62-63.
Осмоловская В.И., 1966. Численность и распределение серой куропатки в Европейской части СССР // Зоол. журнал, т.45, вып.1.- С.90-98.
Осмоловская В.И., 1969. Фазаны в Предкавказье // Охота и охотничье хозяйство, № 4.- С.20.
Осмоловская В.И., 1979. Вопросы разведения и расселения северокавказского и охотничьего фазанов в СССР // Орнитология, вып.14.- С.164-176.
Осмоловская В.И., Формозов А.Н., 1952. Методы учета численности и географического распределения дневных и ночных хищных птиц // Методы учета численности и геогр. распределения наземных позвоночных.- М.: Изд-во АН СССР. - С.68-96.
Отчет о зимней научной студенческой экспедиции кружка зоологии позвоночных МПГУ в государственный природный заповедник «Утриш» (Краснодарский край) с 25 января по 6 февраля 2012 года.- М., 2012.- 15 с. (Рукопись).
Отчет о работе «Учет и инвентаризация тетерева и его местообитаний на территории Жирновского и Камышинского районов и проведении комплекса биотехнических мероприятий».- Волгоград: Комитет охраны природы Администрации Волгоградской обл.- 41 с. (Рукопись).
Очаповский В.С., 1962. О куликах Восточного Приазовья // Орнитология, вып.4.- С.276-287.
Очаповский В.С., 1965. К биологии водоплавающей дичи на Кубани // География ресурсов водоплавающих птиц в СССР, состояние запасов, пути их воспроизводства и правильного использования: Тез. докл., вып.1.- М.- С.139-140.
Очаповский В.С., 1967. Материалы по фауне птиц Краснодарского края.- Дисс. ... канд. биол. наук.- Краснодар.- 418 с.
Очаповский В.С., 1967б. Необычные зимние встречи некоторых видов птиц в Краснодарском крае // Природа Сев. Кавказа и ее охрана: Тез. докл. конф., посвящен. 50-летию Советской власти. - Нальчик. - С.129-132.

Очаповский В.С., 1971. Редкие птицы Восточного Приазовья // Вестник зоологии, № 5.- С.54-59.
Очаповский В.С., 1972. К экологии серого гуся в Краснодарском крае // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.1.- М.- С.92-93.
Очаповский В.С., 1972. Пластинчатоклювые на рисовых полях под Краснодаром // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.1.- М.- С.91-92.
Очаповский В.С., 1986. Джек в Краснодарском крае // Дрофы и пути их сохранения.- М.- С.98.
Очаповский В.С., 2017. Материалы по фауне птиц Краснодарского края: монография.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- 216 с.
Павлов М.П., 1996. Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР, ч.4.- Москва – Киров.- 296 с.
Падутов Е.Е., Савицкий Б.П., Аршиев Н.А., 1975. Видовой состав, численность и питание колониально гнездящихся голенастых птиц средней части Восточного Маныча (КАССР) // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана: Мат-лы совещ. - М.- С.151.
Паллас П.С., 1773. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч.1.- СПб.: Изд-во Императ. Академии наук.- 657+117 с.
Паллас П.С., 1786. Путешествие по разным местам Российского государства, ч.2, кн.2.- СПб.: Изд-во Императ. Академии наук.- 571 с.
Паллас П.С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч.3, кн.1.- СПб.: Изд-во Императ. Академии наук.- 624 с.
Паллас П.С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч.3, кн.2.- СПб.: Изд-во Императ. Академии наук.- 480 с.
Паллас П.С., 1999. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах.- Пер. с нем.- М.: Наука.- 246 с.
Пантелеев А.В., Храбрый В.М., Соколов А.Ю., 2020. Тетеревятник // Атлас гнездящихся птиц европ. части России. 2020.- М.: Фитон XXI.- С.183-185.
Пантелеев И.В., Шапошников В.М., 2009. Поганка малая // Красная книга Самарской области, т.2: Редкие виды животных.- Тольятти.- С.251.
Панченко С.Г., 1959. Материалы по распространению и экологии пластинчатоклювых Центрального Казахстана // Труды Ин-та зоологии АН Каз. ССР, т.10.- С.35-55.
Панченко С.Г., 1978. Современное состояние орнитофауны Провальской степи // Вестник зоологии, № 2.- С.3-6.
Панченко С.Г., 2016. Птицы Луганской области.- 2-е изд.- Харьков.- 324 с.
Панчешникова Е.Е., 1983. Гнездовой ареал могильника на территории Советского Союза во второй половине XIX- начале XX веков // Охрана хищных птиц: Мат-лы 1 совещ. по экологии и охране хищных птиц.- М.: Наука.- С.146 -149.
Парфенов Е.А., 2002. О встрече ястребиной совы в окрестностях г. Пятигорска // Природные ресурсы и экол. образование на Сев. Кавказе: Мат-лы 2-й межрегион. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.80.
Парфёнов Е.А., 2005. О встречах птиц-некрофагов на юге Ставрополья // Кавказск. орнитол. вестник, вып.17.- С.40-49.

Парфенов Е.А., 2007. О некоторых редких, пролетных и залетных птицах района Кавказских Минеральных Вод и сопредельных территорий // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рац. использование.- Ставрополь.- С.89-103.

Парфенов Е.А., 2008. Змееяд в районе Кавказских Минеральных Вод и на сопредельных территориях // Кавказск. орнитол. вестник, вып.20.- С.160-190.

Парфёнов Е.А., 2008. Февральский учёт птиц-некрофагов в г. Ессентуки и его окрестностях // Кавказск. орнитол. вестник, вып.20. - С.190-191.

Парфенов Е.А., 2014. О гнездовании белоголового сипа в окрестностях Пятигорска // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.263-270.

Парфёнов Е.А., Байрамукова А.А.-А., 2006. Фауна редких видов сов юга Ставрополья и сопредельных территорий // Проблемы развития биологии и экологии на Сев. Кавказе: Мат-лы 51-й науч.-методич. конф. «Университетская наука – региону», посвящен. 75-летию Ставроп. гос. ун-та.- Ставрополь.- С.144-147.

Парфенов Е.А., Григорян С.А., Умаров В.О., Оганов С.Д., Шведов Р.Н., 2005. К фауне зимующих птиц рудеральных зон некоторых населенных пунктов Кавказа // Фауна Ставрополья, вып.13.- Ставрополь.- С.76-84.

Парфенов Е.А., Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2003. Филин в районе Кавказских Минеральных Вод // Фауна Ставрополья, вып.11.- Ставрополь.- С.86-102.

Парфёнов Е.А., Шведов Р.Н., Григорян С.А., Оганов С.Д., 2006. О возможности зимовки стервятника на Кавказе // Кавказск. орнитол. вестник, вып.18.- С.171-184.

Парфенов Е.А., Шведов Р.Н., Пашков О.Г., 2006. Дятлы района Кавказских Минеральных Вод // Орнитологические исследования в Сев. Евразии: Тез. 12 Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии.- Ставрополь.- С.412-413.

Патрикеев М.В., 1990. Первая гнездовая находка черноголовой чайки на Каспийском море (Азербайджан) // Редкие, малочисл. и малоизуч. птицы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.76-77.

Патрикеев М.В., 1991. Савка (*Oxyura leucocephala*) и другие редкие птицы на озере Аггель в январе 1991 г. // Акт. вопросы экологии и охраны природы Ставроп. края и сопредельных территорий: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.160-161.

Пекло А.М., 1982. Египетская цапля в Восточном Приазовье // Вестник зоологии, № 1.- С.9.

Пекло А.М., 1997. Каталог коллекций Зоологического музея ННПМ НАН Украины: Птицы, вып.1: Неворобьиные Non-Passeriformes (Пингвинообразные Sphenisciformes – Журавлеобразные Gruiformes).- Киев.- 156 с.

Пекло А.М., 1997. Каталог коллекций Зоологического музея ННПМ НАН Украины: Птицы, вып.2: Неворобьиные Non-Passeriformes (Ржанкообразные Charadriiformes – Дятлообразные Piciformes).- Киев.- 235 с.

Пекло А.М., Тильба П.А., 1978. О пролетных куликах Северо-Восточного Причерноморья // Вторая Всесоюзн. конф. по миграциям птиц: Тез. сообщ., ч.2.- Алма-Ата.- С.126-127.

Пекло А.М., Тильба П.А., 1991. Новые виды птиц для фауны Краснодарского края // Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конф., кн.2, ч.2.- Минск.- С.141-142.

Пекло А.М., Тильба П.А., 1992. Заметки о новых птицах Краснодарского края // Кавказск. орнитол. вестник, вып.4, ч.2.- С.209-210.

Пекло А.М., Тильба П.А., 2017. Владимир Станиславович Очаповский // Очаповский В.С. Материалы по фауне птиц Краснодарского края.- Ростов н/Д.- С.9-16.
Пекло А.М., Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2016. Соколообразные и совообразные птицы в коллекционных сборах с Северо-Западного Кавказа // Авіфауна України, вип.7.- С.40-50.
Перевозов А.Г., 2008. Вероятное гнездование хрустана на Западном Кавказе // Стрепет, т.6, вып.2. - С.88-90.
Перевозов А.Г., 2010. Гнездование черного грифа в Кавказском заповеднике // Стрепет, т.8, вып.1.- С.121-124.
Перевозов А.Г., 2010. Изменение сообществ гнездящихся птиц вдоль высотного градиента на Западном Кавказе.- Дисс. … канд. биол. наук.- Майкоп.- 214 с.
Перевозов А.Г., 2012. Обыкновенный осоед. Кавказский улар // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Майкоп.- С.258; 275.
Перевозов А.Г., 2014. Орнитофауна Кавказского заповедника и сопредельных территорий // Труды Кавказск. заповедника, вып.21.- С.109-171.
Перевозов А.Г., 2017. Кавказский улар. Кеклик // Красная книга Краснодар. края: Животные.- Изд. 3-е.- Краснодар. - С.547-549.
Перевозов А.Г., 2017а. Аннотированный список птиц, отмеченных в Кабардино-Балкарском высокогорном заповеднике // Стрепет, т.15, вып.2.- С.115-116.
Перевозов А.Г., 2019. Египетская цапля // Стрепет, т.17, вып.2.- С.119.
Перевозов А.Г., Агаджанян Л.А., Бабичев Ю.В. и др., 2020. Позднелетнее и осеннее население птиц в Приазовском заказнике в 2019 году // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.5-25.
Перевозов А.Г., Тильба П.А., 2017. Кавказский тетерев // Красная книга Краснодар. края: Животные.- Изд. 3-е.- Краснодар.- С.546-547.
Перевозов А.Г., Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2009. Класс Aves – Птицы // Особо охраняемые виды животных, растений и грибов в Кавказском заповеднике: Труды Кавказского заповедника, вып.19.- Майкоп.- С.94-105.
Перерва В.И., 1984. Шахин // Красная книга СССР, т.1.- 2-е изд.- М.- С.132-133.
Пестов М.В., 2005. Гнездование орлана-белохвоста на опоре высоковольтной ЛЭП в Астраханской области, Россия // Пернатые хищники и их охрана, № 3.- С.65-66.
Пестов М.В., Нурмухамбетов Ж.Э., 2012. Падальщики Устюртского государственного природного заповедника, Казахстан // Пернатые хищники и их охрана, № 24.- С.205-207.
Пестов М.В., Нурмухамбетов Ж.Э., Мухашов А.Т., Терентьев В.А., 2019. Итоги второго этапа проекта по подкормке птиц-падальщиков в Устюртском государственном природном заповеднике в 2018 г., Казахстан // Пернатые хищники и их охрана, № 38.- С.179-194.
Пестов М.В., Нурмухамбетов Ж.Э., Терентьев В.А., Мухашов А.Т., Пулатов А.А., Турмагамбетов С.М., 2017. Итоги проекта по подкормке птиц-падальщиков в Устюртском государственном природном заповеднике (Казахстан) в 2016 году // Пернатые хищники и их охрана, № 34.- С.12-26.
Петренко М.И., 1928. Календарь природы Усть-Лабинского района (центр Кубано-Черноморского края) // Краеведение на Сев. Кавказе.- Ростов н/Д., № 3-4.- С.24-35.

Петров В.С., 1960. Орнитофауна Манычского лесхоза как источник заселения молодых искусственных лесонасаждений // Автореф. науч.-исслед. работ за 1959 г.- Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та.- С.181-182.
Петров В.С., 1965. Новые виды в летней орнитофауне Ростовской области // Орнитология, вып.7.- С.484–485.
Петров В.С., 1975. Наземные и полуводные животные Ростовской области // Природа Донского края: Науч.-популярн. статьи и очерки.- Ростов н/Д.- С.160-168.
Петров В.С., 1983. Сапсан // Берегите: их осталось мало: Редкие и исчезающ. животные Дон. бассейна, требующие охраны.- Ростов н/Д.: Кн. изд-во.- С.90-93.
Петров В.С., 1990. О некоторых редких птицах Ростовской области. Сообщение 1 // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.69-74.
Петров В.С., Гусев В.М., 1995. О питании ястребов Кавказа // Хищные птицы и совы Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. заповедника, вып.14.- Ставрополь.- С.170-186.
Петров В.С., Казаков Б.А., 1970. Орнитофауна искусственных лесов северной части Западного Предкавказья // Влияние антропоген. факторов на формирование зоогеограф. комплексов: 5 межвуз. зоогеограф. конф.: Мат-лы докл., ч.2.- Казань.- С.125-126.
Петров В.С., Казаков Б.А., Темботов А.К., Шхашамышев Х.Х., 1982. Общий обзор фауны // Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши. - Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.13-36.
Петров В.С., Курдова Л.Г., 1961. К орнитофауне окрестностей озера Абрау // Труды Новоросс. биол. станции. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.137-141.
Петров В.С., Курдова Л.Г., 1973. К орнитофауне Донского лесхоза // Сб. науч. трудов Донского сельхоз. ин-та, т.8, вып.2.- Персиановка.- С.159-164.
Петров В.С., Миноранский В.А., 1962. Летняя орнитофауна озера Маныч-Гудило и прилежащих степей // Орнитология, вып.5. - С.266-275.
Петров В.С., Нечаев Б.А., 1962. Орнитофауна древесно-кустарниковых насаждений Манычского лесхоза // Мат-лы Третьей Всесоюзн. орнитол. конф., кн.2.- Львов.- С.133-134.
Петров В.С., Нечаев Б.А., 1987. О гнездовании бекаса в нижнем Подонье // Орнитология, вып.22.- С.190-191.
Петров В.С., Олейников Н.С., 1969. Пустельга заслуживает покровительства// Охрана природы Нижнего Дона. - Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.77-79.
Петров П.А., 1964. О питании канюка-курганника (*Buteo rufinus* Cretzschm.) в нижнем течении реки Кумы // Зоол. журнал, т.43, вып.9- С.1412-1414.
Петрович З.О., Рединов К.А., 2016. Встречи морского песочника *(Calidris maritima)* в Северном Причерноморье // Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Северной Евразии.- Иваново.- С.297-300.
Пиколл Д., 1983. Пестициды и размножение птиц // Птицы.- Пер. с англ.- М.: Мир.- С.279-286.
Пилипенко Д.В., 2014. Гнездование шилоклювки (*Recurvirostra avosetta*) в г. Славянске (Донецкая область) // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.12.- Харьков.- С.243-244.
Пилипенко Д.В., Власенко В.Н., 2017. Огар // Червона книга Донецької області: тваринний світ. Науково-інформаційний довідник.- Вінниця.- С.290.

Пилюга В.И., 2002. Зимовка синьги у берегов Крыма // Бранта, № 5.- С.157-158.
Пименов В.Н., 2013. Степной орел (*Aquila nipalensis*) в полупустынном Заволжье // Орлы Палеарктики: изучение и охрана: Тез. международн. науч.-практ. конф.- Елабуга.- С.39.
Пименов В.Н., 2014. Орлан-белохвост в Волгоградском Заволжье // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.271-273.
Пименов В.Н., Байбаков М.М., 2012. Гнездование чаек и куликов на озере Булухта в Волгоградском Заволжье // Стрепет, т.10, вып.2.- С.129-133.
Пименов В.Н., Белик В.П., 2010. Курганник в Волгоградском Заволжье // Орнитология в Сев. Евразии: Мат-лы 13 Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии: Тез докл.- Оренбург: Изд-во Оренбург. пед. ун-та.- С.250.
Пименов В.Н., Белик В.П., 2015. Курганник в Волгоградском Заволжье // Стрепет, т.13, вып.1.- С.120-144.
Писарев С.Н., Корсун Д.А., 1994. Новые гнездящиеся виды куликов Донецкого Придонцовья // Мат-ли 1-і конф. молодих орнітологів України.- Чернівці.- С.47-49.
Пискунов В.В., 2006. Поручейник. Дупель // Красная книга Саратовской обл.: Грибы. Лишайники. Растения. Животные.- Саратов.- С.437-439.
Пискунов В.В., Антончиков А.Н., Беляченко А.В., 2001. Современное состояние и тенденции изменений орнитофауны северной части Нижнего Поволжья // Акт. проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы Международн. конф. (XI Орнитол. конф.).- Казань.- С.490–491.
Пискунов В.В., Беляченко А.В., 1998. Современное распространение, численность и особенности популяционной динамики некоторых куликов Саратовской области // Гнездящиеся кулики Вост. Европы – 2000, т.1.- М.: СОПР.- С.63–74.
Пискунов В.В., Беляченко А.В., 1999. Распространение и численность авдотки, чибиса, кречетки и черныша в Саратовской области // Гнездящиеся кулики Восточной Европы – 2000, т.2.- М.: СОПР.- С.68-72.
Пискунов В.В., Беляченко А.В., 2000. Статус белого аиста в Саратовской области // Белый аист в России: дальше на восток.- Калуга.- С.182.
Пискунов В.В., Беляченко А.В., Антончиков А.Н., 1999. Новые ключевые орнитологические территории по мигрирующим птицам в Саратовской и Волгоградской областях // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России.- М.- С.10–14.
Пишванов Ю.В., 1968. Зимовка, численность и охрана пластинчатоклювых птиц в Дагестане // Первая Дагестанская республ. конф. по охране природы. - Махачкала. - С.54-57.
Пишванов Ю.В., 1972. Современное состояние зимовок водоплавающих птиц в Дагестане // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.2.- М.- С.99-101.
Пишванов Ю.В., 1975. Некоторые данные к вопросу о колониальных гнездовьях околоводных птиц в Дагестане // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана.- М.- С.151-153.

Пишванов Ю.В., 1976. Краснозобая казарка в Дагестанской АССР. Стерх на пролете в Дагестане // Редкие, исчезающие и малоизученные птицы СССР: Труды Окского заповедника, вып.13.- Рязань.- С.59-60; 115.

Пишванов Ю.В., 1977. Современное состояние водно-болотных угодий, использование и охрана ресурсов пернатой дичи в Дагестане // Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов. - Астрахань. - С.76-79.

Пишванов Ю.В., 1985. К экологии лысухи в Дагестане // Птицы северо-западного Кавказа: Сб. научн. тр. - М. - С.95-101.

Пишванов Ю.В., 1986. Дрофа в Дагестанской АССР. Стрепет в Дагестане // Дрофы и пути их сохранения.- М.- С.62-63; 90.

Пишванов Ю.В., 1987. Гнездование и зимовка лебедя-шипуна в Дагестане // Экология и миграции лебедей в СССР.- М.- С.74-77.

Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., 1988. Скопа в Дагестане. Джек в Дагестане // Ресурсы редких животных РСФСР, их охрана и воспроизводство: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.82; 108.

Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., Гасангусейнов М.Г., 1998. Птицы // Красная книга Дагестана.- Махачкала.- С.113-165.

Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., Пишванов С.Ю., 1997. Султанка в Дагестане // Кавказск. орнитол. вестник, вып.9.- С.110-111.

Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., Пишванов С.Ю., 1999. К экологии белоглазого нырка в Дагестане // Тезисы 15-й науч.-практ. конф. по охране природы Дагестана.- Махачкала.- С.109-110.

Пишванов Ю.В., Хонякина З.П., 1968. Материалы по зимовке и численности пластинчатоклювых птиц в Дагестане // Вопросы физиологии, биохимии, зоологии и паразитологии: Сб. научн. сообщений каф. зоологии и каф. биохимии и биофизики ДГУ, вып.3. - Махачкала.- С.146-154.

Пишванов Ю.В., Хонякина З.П., 1969. К вопросу о зимнем питании хохлатой чернети и обыкновенного гоголя в Дагестане // Исследования по зоол. и паразитол. в Дагестане: Сб. научн. статей каф. зоологии ДГУ.- Махачкала.- С.112-116.

Пишванов Ю.В., Хонякина З.П., 1977. Материалы по биологии кряквы в Дагестане // Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов.- Астрахань.- С.79-83.

Пишванов Ю.В., Хонякина З.П., Прилуцкая Л.И., 1988. Материалы по биологии чирков в Дагестане // Сезонные перемещения и структура популяций наземных позвоночных животных: Межвуз. сб. научн. трудов.- М.- С.101-109.

Плакса С.А., Плакса Д.С., 2013. О современном состоянии популяций каменной куропатки в Дагестане // Мат-лы XV Международн. науч. конф. «Биол. разнообразие Кавказа и Юга России».- Махачкала.- С.185-186.

Плеске Ф.Д., 1917. К вопросу о перелете птиц через Главный Кавказский хребет // Орнитол. вестник, №3-4.- С.198-200.

Плеснявых А.С., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2001. Чирок-трескунок – новый гнездящийся вид Ставропольского края // Кавказск. орнитол. вестник, вып.13.- С.155-156.

Позняк В.Г., Белик В.П., Конева В.А., 2015. Николай Сидорович Олейников: к 25-летию со дня кончины // Стрепет, т.13, вып.1.- С.156-163.

Позняк В.Г., Белик В.П., Конева В.А., 2015. Памяти Николая Сидоровича Олейникова // *Selevinia*, т.23.- С.241-245.

Поливанов В.М., 1986. Малый зуек (*Charadrius dubius* Scop.) в Тебердинском заповеднике // Орнитол. исследования на Сев.-Зап. Кавказе: Труды Тебердинск. заповедника, вып.10.- Ставрополь.- С.315.

Поливанов В.М., 1988. Птицы // Красная книга Карачаево-Черкесии.- Ставрополь: Кн. изд-во.- С.42-77.

Поливанов В.М., 1990. Видимый осенний пролет птиц через Клухорский перевал // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Сб. науч. трудов: Тебердинск. заповедник, вып.11.- Ставрополь: Кн. изд-во.- С.31-47.

Поливанов В.М., 2000. О структуре летнего населения птиц Тебердинского заповедника // Птицы различных ландшафтов России, их экология и охрана: Труды Тебердинск. заповедника, вып.18.- Ставрополь.- 130-181.

Поливанов В.М., Витович О.А., 1986. Дополнения к списку птиц Тебердинского заповедника // Орнитол. исследования на Сев.-Зап. Кавказе: Труды Тебердинского заповедника, вып.10.- Ставрополь.- С.316-317.

Поливанов В.М., Витович О.А., Поливанова Н.Н. 1990. Случаи необычного осеннего и зимнего пролета над долиной реки Теберды // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. заповедника, вып.11.- Ставрополь.- С.48–54.

Поливанов В.М., Витович О.А., Тельпов В.А., Ткаченко И.В., 1999. Заметки о встречах орла-могильника на Центральном Кавказе // Королевский орел: Распространение, состояние популяций и перспективы охраны орла-могильника (*Aquila heliaca*) в России: Сб. науч. трудов.- М.: СОПР.- С.88-89.

Поливанов В.М., Витович О.А., Ткаченко И.В., 2000. Птицы Скалистого хребта // Птицы различных ландшафтов России, их экология и охрана: Труды Тебердинск. заповедника, вып.18.- Ставрополь.- С.101-129.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., 1986. К экологии перевозчика (*Actitis hypoleucos* (L.)) в Тебердинском заповеднике // Орнитол. исследования на Сев.-Зап. Кавказе: Труды Тебердинск. заповедника, вып.10.- Ставрополь.- С.312-314.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., 1986. Экология лесных птиц северных макросклонов Северо-Западного Кавказа // Орнитол. исследования на Северо-Западном Кавказе.- Ставрополь.- С.11-146.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., Витович О.А., 1985. Видимый пролет птиц через Тебердинский заповедник // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.19-33.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., Ткаченко И.В., 2002. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.100: Позвоночные животные Тебердинского заповедника.- М.- С.14-43.

Поливанов В.М., Ткаченко И.В., Поливанова Н.Н., 2001. Необычный массовый залёт белых аистов *Ciconia ciconia* в долину реки Теберды // Русский орнитол. журнал, т.10, № 130.- С.73-75.

Поливанова Н.Н., Салпагаров Д.С., 2002. К 20-летнему юбилею Северокавказской орнитологической группы // Птицы Южн. России: Мат-лы Международн. орнитол. конф.: Труды Тебердинск. заповедника, вып.31.- Ростов н/Д.- С.11-18.

Полозов С.А., Шубин А.О., Мустафа Л.Р., 1990. Залет украшенного чибиса в Дагестан // Орнитология, вып.24.- С.158.

Поляков Г.И., 1914. Кое что о птицах станицы «Ессентуки» (Терская область) // Орнитол. вестник, № 3. - С.223-226.

Померанцев Д.В., 1928. Сельско-хозяйственное значение кобчика // Изв. Донского ин-та сельского хозяйства и мелиорации, т.7.- Новочеркасск.- С.81-89.
Померанцев Д.В., 1939. Вредные насекомые и меры борьбы с ними в лесах и лесных полосах юго-востока Европейской части СССР.- Ростов н/Д.- 216 с.
Пономарева Т., 1977. Стрепету надо помочь! // Охота и охот. хоз-во, № 3.- С.28-29.
Пономарева Т.С., 1983. Репродуктивное поведение и распределение джека (*Chlamydotis undulatus macqueenii*) в местах гнездования // Зоол. журнал, т.62, вып.4.- С.592-602.
Пономарева Т.С., 2001. Джек // Красная книга Российской Федерации: Животные.- М.- С.486-487.
Попенко В.М., Андрющенко Ю.О., 2017. Гніздування фламінго рожевого (*Phoenicopterus roseus*) в Україні // Бранта, вып.20.- С.221-223.
Попов А.П., 1961. Гнездовая жизнь птиц // Природа, № 5.- С.78.
Попов В.В., 2019. Распространение большой горлицы *Streptopelia orientalis* (Latham, 1790) в Иркутской области // Байкальский зоол. журнал, № 3 (26).- С.31-34.
Попов В.В., 2021. Зимние встречи морского голубка *Larus genei* в Адлере // Русск. орнитол. журнал, т.30, № 2068.- С.2225-2227.
Попович А.В., Семенова О.Е., 2018. Орнитофауна природного комплекса «Суджукская лагуна – Прилагунье» // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.5: Сб. статей V Всероссийск. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.267-290.
Попович А.В., Семенова О.Е., Филиппова А., 2019. Толстоклювый зуек // Стрепет, т.17, вып.2.- С.120.
Поповкина А.Б., Бородин О.В., Барабашин Т.О., Смирнова С.Л., 2004. Встречи огаря в Среднем и Нижнем Поволжье в сезон размножения 2003 г. // Казарка, № 10.- С.297–302.
Портенко Л.А., 1951. Отряд Falconiformes – дневные хищные птиц // Птицы СССР, ч.3.- М.-Л.: Изд. АН СССР.- С.156-205.
Портенко Л.А., 1972. Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля, ч.1.- Л.: Наука.- 424 с.
Пославский А.Н., 1980. Весенне-летние миграции куликов в Прикаспийских пустынях // Новое в изучении биологии и распространении куликов.- М.: Наука.- С.118-119.
Потапов Е.Р., Фокс Н., Бартон Н., 2003. Статус балобана в ареале // Мат-лы IV конф. по хищн. птицам Сев. Евразии. - Пенза. - С.237-238.
Потапов Р.Л., 1959. Очерк летней орнитофауны заповедника «Тигровая балка» // Труды АН Тадж. ССР, т.115.- С.179-201.
Потапов Р.Л., 1984. Кавказский тетерев // Красная книга СССР: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений, т.1.- 2-е изд.- М.: Лесная промышленность.- С.134-135.
Потапов Р.Л., 1985. Фауна СССР: Птицы, т.3, вып.1: Отряд курообразные (*Galliformes*), ч.2: Семейство тетеревиные (*Tetraonidae*).- Л.: Наука.- 638 с.
Потапов Р.Л., 1987. Серая куропатка. Кавказский улар. Семейство тетеревиные // Птицы СССР: Курообразные, журавлеобразные.- Л.: Наука.- С.24-39; 100-108; 135-260.
Поярков Д.В., 1955. К экологии серой куропатки в степных районах Европейской

части СССР // Учен. зап. Московск. городского пед. ин-та, т.38: Кафедра зоологии, вып.3.- С.157-213.
Прекопов А.Н., 1940. Некоторые сведения из биологии сизоворонки // Труды Ворошиловск. пед. ин-та, т.2.- С.240-241.
Прекопов А.Н., 1941. К биологии золотистой щурки в Предкавказье // Труды Ворошиловск. пед. ин-та, т.3, вып.2.- С.61-68.
Приказ «О внесении изменений в Порядок ведения Красной книги Российской Федерации», утвержденный приказом Минприроды России от 23 мая 2016 г. № 306.- МПР, 24.03.2020, № 161.
Приклонский С.Г., 1978. О налёте чернозобых гагар в среднюю полосу РСФСР осенью 1971 г. // Труды Окского заповедника, вып.14.- С.370.
Приклонский С.Г., 1980. О налёте чернозобых гагар в среднюю полосу РСФСР осенью 1971 г. // Орнитология, вып.15.- С.201.
Приклонский С.Г., 1993. Малый пегий зимородок. Белая сова // Птицы России и сопредельных регионов. Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные.- М.: Наука.- С.204-208; 258-270.
Приклонский С.Г., 2011. Рыжая цапля. Черный аист // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликаноборазные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.355-367; 369-384.
Приклонский С.Г., Дмитренок М.Г., Зубакин В.А., Мищенко А.Л., 2011. Волчок // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликаноборазные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.177-189.
Прилуцкая Л.И., Пишванов Ю.В., 1989. К кадастру редких и исчезающих птиц Дагестана // Всесоюзн. совещ. по проблеме кадастра и учета животного мира: Тез. докл., ч.3.- Уфа. - С.181-184.
Прилуцкая Л.И., Пишванов Ю.В., 1989. Кудрявый пеликан в Дагестане // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.71-73.
Прилуцкая Л.И., Пишванов Ю.В., 1989. Распространения и численность куриных птиц в Дагестане // Экология и ресурсы охотничье-промысловых птиц.- Киров.- С.97-99.
Прилуцкая Л.И., Пишванов Ю.В., 1990. О численности лебедя-шипуна на гнездовании и линьке в Дагестане // Экология и охрана лебедей в СССР: Мат-лы 2 Всесоюзн. совещ. по лебедям СССР, ч.1.- Мелитополь. - С.100-103.
Прилуцкая Л.И., Пишванов Ю.В., 1991. Распространение и численность журавля-красавки в Дагестане // Журавль-красавка в СССР.- Алма-Ата.- С.10-12.
Прилуцкая Л.И., Пишванов Ю.В., Пишванов С.Ю., 1995. Современный пролет дрофы в Дагестане // Тез. 13-й науч.-практ. конф. по охране природы Дагестана.- Махачкала.- С.51-53.
Прихня С.Г., Дзуев Р.И., 2000. Египетская цапля // Красная книга Кабардино-Балкарской Республики.- Нальчик.- С.95-96.
Прокопенко С.П., 2000. Гибель дроф на Керченском полуострове // Беркут, т.9, вып.1-2.- С.123-124.
Прокопенко С.П., 2013. Спостереження зозулі чубатої, *Clamator glandarius* (Aves, Cuculiformes), в Криму // Вестник зоологии, т.47, № 2.- С.178.
Прокопенко С.П., 2015. Численность обыкновенной пустельги в Симферополе // 14-я Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии. I. Тезисы.- Алматы.- С.394.
Прокопенко С.П., Бескаравайный М.М., 2009. Новые данные о распространении

сипухи *Tyto alba* (Scop.): Tytonidae, Strigiformes в Крыму // Бранта, № 12.- С.167-169.
Прокопенко С.П., Бескаравайный М.М., 2013. Первый случай зимовки змееяда (*Circaetus gallicus*) в Украине // Беркут, т.22, вып.1- С.77-78.
Прокопенко С.П., Кучеренко В.М., Жеребцова Т.А., Жеребцов Д.Ю., 2016. Зимові зустрічі степового луня (*Circus macrourus*) на Кримському півострові (Україна) // Беркут, т.25, вып.1.- С.73-74.
Проскурин Д., 1886. Из Таганрога // Природа и охота. Февраль.- С.45; Август.- С.165-168.
Птицы Южной России: Материалы Международной орнитологической конференции: Труды Тебердинского заповедника, вып.31.- Ростов н/Д., 2002.- 182 с.
Птушенко Е.С., 1915. К орнитофауне Кубанской области // Орнитол. вестник, № 2.- С.115-117.
Птушенко Е.С., 1938. К распространению и систематике осоеда *Pernis apivorus* L. // Бюл. МОИП. Отд. биол. т.47, вып.5-6.- С.383-391.
Птушенко Е.С., 1939. О некоторых новых и редких видах птиц северной части Черноморского побережья Кавказа // Сб. трудов Зоол. музея МГУ, т.5.- М.- С.33-42.
Птушенко Е.С., 1949. О заселении птицами полезащитных насаждений Сталинградской области // Охрана природы, сб.9.- М.: Изд-во ВООП.- С.26-51.
Птушенко Е.С., 1952. Подсемейство гусиные *Anserinae* // Птицы Сов. Союза, т.4. - М.: Сов. наука.- С.255-344.
Птушенко Е.С., 1959. Об особенностях осеннего пролета птиц на Черноморском побережье Кавказа // Орнитология, вып.2.- С.200-207.
Пузанов И.И., 1927. Поездка на Таманский полуостров и в Предкавказье летом 1926 г. // Тр. естеств.-истор. отдела центр. музея Тавриды.- Симферополь.- С.2-21.
Пузанов И.И., 1938. Орнитофауна Северо-Западной Черкесии и некоторые соображения о ее происхождении и связях // Труды зоол. сектора Груз. филиала АН СССР, т.2.- С.125-180.
Пузанов И.И., 1949. Материалы для изучения природы (преимущественно орнитофауны) Приморской Черкесии. Предварительное сообщение // Учен. зап. Горьковск. ун-та, вып.14. - С.33-38.
Пузанов И.И., 1959. Некоторые закономерности распространения птиц альпийского комплекса Кавказа // 2-я Всесоюзная орнитологическая конференция. Тез. докл., ч.3.- М.- С.54-56.
Пузанов И.И., 2014. Мемуары. Том 2.- Одесса.- 520 с.
Пузанов И.И., Назаренко Л.Ф., 1960. Новая встреча обыкновенной гаги на Черном море // Орнитология, вып.3.- С.440.
Пукинский Ю.Б., 2001. Птицы России и сопредельных стран: мохноногий сыч *Aegolius funereus* Linnaeus, 1758 // Русск. орнитол. журнал, т.10, № 162.- С.869-883.
Пукинский Ю.Б., 2005. Воробьиный сыч. Ястребиная сова // Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные.- М.- С.28-41; 41-51.
Пфандер П.В., 1994. Вновь об «алтайском кречете» // *Selevinia*, т.2, № 3.- С.5-9.
Пфеффер Р.Г., 1991. Предварительные итоги исследований шахинов в Казахстане // Редкие птицы и звери Казахстана.- Алма-Ата.- С.114-136.

Пфеффер Р.Г., 2009. К вопросу о географической изменчивости балобанов // Пернатые хищники и их охрана, № 16.- С.68-95.
Пфеффер Р.Г., 2012. Роль гибридизации в становлении форм крупных соколов комплекса *Hierofalco* // Пернатые хищники и их охрана, № 24.- С.148-164.
Пшегусов Р.Х., 2007. К распространению, экологии и биологии могильника *Aquila heliaca* (Falconiformes, Aves) на Центральном Кавказе // Горные экосистемы и их компоненты: Труды Международн. конф., ч.3.- М.: КМК. С.48-51.
Пшегусов Р.Х., 2010. К экологии могильника *Aquila heliaca* (Falconiformes, Aves) на Центральном Кавказе // Изв. Самарск. науч. центра РАН, т.12, № 1.- С.142-146.
Пшегусов Р.Х., 2018. Аист черный // Красная книга Кабардино-Балкарской Республики.- 2-е изд.- Нальчик.- С.373.
Пшегусов Р.Х., Джамирзоев Г.С., 2018. Могильник. Беркут. Орлан-белохвост. Стервятник. Балобан. Сапсан. Тетерев кавказский. Фазан северокавказский. Журавль-красавка // Красная книга Кабардино-Балкарской Республики.- 2-е изд.- Нальчик.- С.383-391; 393-395.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2005 году // Стрепет, 2005, т.3, вып.1-2.- С.123-124.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2011 году // Стрепет, 2011, т.9, вып.1-2.- С.108-111.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2012 году // Стрепет, 2012, т.10, вып.2.- С.154-156.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2015 году // Стрепет, 2015, т.13, вып.2.- С.120-127.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2016 году // Стрепет, 2016, т.14, вып.1-2.- С.214-224.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2017 году // Стрепет, 2017, т.15, вып.2.- С.123-131.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2019 году // Стрепет, 2019, т.17, вып.2.- С.116-124.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2020 году // Стрепет, 2020, т.18, вып.1-2.- С.110-116.
Равинский И.В., 1809. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству.- СПб.- 527 с.
Равкин Е.С., Бурский О.В., Вартапетов Л.Г., Фомин Б.Н., 1990. Зимнее население птиц некоторых ландшафтов Северо-Восточного Кавказа // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Сб. науч. трудов: Тебердинск. заповедник, вып.11.- Ставрополь: Кн. изд-во.- С.189-194.
Равкин Ю.С., 1973. Птицы Северо-Восточного Алтая.- Новосибирск: Наука.- 374 с.
Равкин Ю.С., Лукьянова И.В., 1976. География позвоночных южной тайги Западной Сибири (птицы, мелкие млекопитающие и земноводные).- Новосибирск: Наука.- 360 с.
Радде Г.И., 1884. Орнитологическая фауна Кавказа (Ornis Caucasica): Систематическое и биолого-географическое описание кавказских птиц.- Тифлис.- 451 с.
Радищев А.М., 1926. Материалы к познанию авифауны Кабарды и Балкарии (отряды Passeriformes и Coraciiformes) // Учен. зап. Сев.-Кавказск. ин-та краеведения, т.1.- Владикавказ.- С.119-146.

Райский А.П., 1951. Животный мир Чкаловской области // Очерки физической географии Чкаловской области.- Чкалов.- С.157–202.
Райский А.П., 1955. Динамика населения охотничье-промысловых птиц в районе среднего течения реки Урал // Учен. зап. Оренбург. пед. ин-та, вып.7.- С.60-91.
Рак А.С., 1976. Краснозобая казарка в районе Кизлярского залива // Редкие, исчезающие и малочисл. птицы СССР: Труды Окского заповедника, вып.13.- С.60.
Рак А.С., Афанасьев С.Ф., 1956. Пролет серых журавлей // Природа, № 9.- С.126.
Ралль Ю.М., 1953. Природа и животный мир Цимлянского полуострова // Известия ВГО, т.85, вып.4.- М.- С.382–392.
Рахилин В.К., 1997. Орнитогеография России.- М.: Полиграфия.- 253 с.
Рашкевич Н.А., 1957. О формировании фауны и распределении птиц в степных полезащитных лесонасаждениях // Учен. зап. Кара-Калпак. пед. ин-та, вып.1.- С.243-261.
Рашкевич Н.А., 1980. Мир пернатых. Птицы Чечено-Ингушетии.- Грозный.- 206 с.
Рединов К.А., Панченко П.С., 2018. Ретроспективный обзор находок курганника (*Buteo rufinus*) в Украине до 1980 г. // Беркут, т.27, вип.1.- С.49-58.
Редчук П.С., Костюшин В.А., 2017. О синантропизации вяхиря *Columba palumbus* в Киевской области // Русский орнитол. журнал, т.26, № 1511.- С.4304-4306.
Редькин Я.А., Архипов В.Ю., Волков С.В., Мосалов А.А., Коблик Е.А., 2015. Вид или не вид? Спорные таксономические трактовки птиц Северной Евразии // Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии. II. Доклады.- Алматы.- С.104-138.
Резанов А.Г., 1983. К авифауне соколообразных предгорий и гор юго-восточного Дагестана // Экология хищных птиц.- М.: Наука.- С.136-137.
Резанов А.Г., 2002. Материалы по распределению и поведению зимующих птиц на побережье Черного моря в районе Анапы (Краснодарский край) // Русский орнитол. журнал, т.22, № 180.- С.264-275.
Резник В.А., 1940. К изучению оседлости большой синицы в г. Ворошиловске // Труды Ворошиловск. пед. ин-та, т.2.- С.205-208.
Резник П.А. 1946. О кулике краснозобике // Природа, № 11.- С.63.
Резник П.А., 1940. Зоологические заметки // Труды Ворошиловск. пед. ин-та, т.2.- С.193-201.
Резник П.А., 1940. К вопросу о сельскохозяйственном значении городской ласточки (*Delichon urbica* L.) // Природа, № 5.- С.122-123.
Резник П.А., Богатырев А.Д., 1967. Материалы к изучению фауны позвоночных животных долины Архыза // Труды Тебердинск. заповедника, вып.7.- С.143-157.
Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши.- Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1982.- 320 с.
Реуцкий Н.Д., 2004. Черный коршун. Степной орел // Красная книга Астраханской области.- Астрахань.- С.250; 257-258.
Реуцкий Н.Д., 2014. Черный коршун. Степной орел. Большой подорлик. Степная пустельга // Красная книга Астраханской области: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Астрахань.- С.303-304; 309-311; 323-324.
Реуцкий Н.Д., 2014а. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распространения по природно-территориальным комплексам // Астраханск. вестник экол. образования, № 1 (27).- С.159-208.

Реуцкий Н.Д., 2014б. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам (часть вторая) // Астраханск. вестник экол. образования, № 4 (28).- С.121-159.
Реуцкий Н.Д., 2014в. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам (часть третья) // Астраханск. вестник экол. образования, № 3 (29).- С.91-153.
Реуцкий Н.Д., 2014г. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам (часть четвертая) // Астраханск. вестник экол. образования, № 4 (30).- С.109- 180.
Реуцкий Н.Д., 2015а. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам (часть пятая) // Астраханск. вестник экол. образования, № 1 (31).- С.75-108.
Реуцкий Н.Д., 2015б. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам (часть шестая) // Астраханск. вестник экол. образования, № 3 (33).- С.27-88.
Реуцкий Н.Д., Бондарев Д.В., 2009. О некоторых уточнениях фауны птиц дельты Волги и прилежащих районов // Труды Астраханского заповедника, вып.14.- Астрахань.- С.158-199.
Реуцкий Н.Д., Русанов Г.М., Федоров М.А., 2009. Встреча восточной белой цапли *Casmerodius* (*albus*) *modestus* (J.E. Gray) в дельте Волги // Стрепет, т.7, вып.1-2.- С.1001-102.
Ригельман А.И., 1918. Ведомость и географическое описание крепости Св. Димитрия Растовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненная по Указу Правительствующего Сената 1768 года // Ростов на Дону 150 лет назад.- Ростов н/Д.- С.8-55.
Родимцев А.С., 2014. Расширение гнездовых ареалов птиц: смешанная колония цаплевых (Ardeidae) в окрестностях города Тамбова // Изв. Самарск. науч. центра РАН, т.16, № 5 (1).- С.494-498.
Розенфельд С.Б., 2011. Встреча стерха в Азербайджане в январе 2010 г. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 11.- М.- С.74.
Розенфельд С.Б., Ванжелюв Д., 2014. Экология и сохранение краснозобой казарки (*Branta ruficollis* Pallas, 1769; Anatidae, Aves): применение новых методов изучения миграций // Поволжский экол. журнал, № 4.- С.581-589.
Розенфельд С.Б., Перковский М.Н., Рогова Н.В., Дмитриев А.Е., Иванов М.Н., 2020. Результаты учета лебедей в дельте р. Волги в феврале 2020 г. // Казарка, т.22.- С.38-426.
Розенфельд С.Б., Сыроечковский Е.Е., 2011. Сохранение и оптимизация использования ресурсов гусеобразных птиц Кумо-Манычской миграционной остановки (Предкавказье) // Вестник охотоведения, т.8, № 1.- С.79–89.
Розенфельд С.Б., Тимошенко А.Ю., Бадмаев В.Б., Салемгареев А.Р., 2012. Основные результаты учётов численности савки на миграционных остановках в России и Казахстане в 2005–2010 гг. // Казарка, т.15, вып.1.- С.84-98.
Розенфельд С.Б., Тимошенко А.Ю., Вилков В.С., 2012. Результаты осенних учетов численности гусей и казарок на территории Североказахстанской миграционной остановки в 2012 г. // Казарка, т.15, вып.2.- С.164–175.
Розенфельд С.Б., Тимошенко А.Ю., Зубань И.А., 2016. Мониторинг состояния по-

пуляций гусей и казарок северо-казахстанской миграционной остановки как основа для разработки мер по их сохранению // Казарка, т.19, вып.1.- С.94-128.
Розенфельд С.Б., Тимошенко А.Ю., Салемгареев А.Р., 2009. Осенний пролёт гусей и казарок в Костанайской области Казахстана в 2008 г. // Казарка, т.12, вып.2.- С.114–137.
Ромашова А.Т., 1938. Количественное изучение гнездовых колоний Астраханского заповедника // Труды Астраханск. заповедника, вып.2.- С.78-114.
Ромашова А.Т., 1938. Количественное изучение гнездовых колоний Астраханского заповедника // Труды Астрахан. заповедника, вып.2.- С.78-113.
Ромашова, А.Т., 1940. Биоценотические взаимоотношения в гнездовых колониях цаплевых Астраханского заповедника // Труды Астрахан. заповедника, вып.3.- С.155-189.
Россиков К.Н., 1884а. Обзор зимней фауны птиц восточной части долины р. Малки // Записки Академии наук, т.49. Приложение № 4.- С.1-48.
Россиков К.Н., 1884б. Поездка в Чечню и нагорный Дагестан (с орнитологической целью) // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.13, вып.1.- С.213-277.
Россиков К.Н., 1884в. Конхидатль и Нижнее Энхели (из поездки в Нагорный Дагестан) // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.13, вып.1.- С.278-306.
Россиков К.Н., 1885. Поездка в юго-западную часть горной Чечни западный Дагестан // Изв. Кавказск. отд. РГО, т.9, кн.1.- С.99-103.
Россиков К.Н., 1888. Результаты наблюдений над птицами западной части северо-восточного Кавказа // Труды СПб. об-ва естествоиспытателей. Отдел зоол. и физиологии, т.19. - С.36-57.
Россиков К.Н., 1890. В горах Северо-Западного Кавказа (Поездка в Заагдан и к истокам р. Большой Лабы с зоо-географической целью) // Изв. Русского географ. об-ва, т.26, вып.4.- С.193-256.
Россиков К.Н., 1916. Орел беркут (*Aquila chrysaetus* L.). Из дневника натуралиста // Любитель природы, № 3-4.- С.65-87.
Ростовец, 1884. Охота в окрестностях г. Ростова на Дону // Природа и охота, февраль.- С.46-48.
Руденко А.Г., 2011. Состояние гнездовой популяции длинноносого крохаля (*Mergus serrator*) на заливах Чёрного моря // Гусеобразные Северной Евразии: география, динамика и управление популяциями.- Элиста.- С.74.
Руденко Ф.А., 1986. Численность серой куропатки, тенденции и причины ее изменения // Вопросы охотничьей орнитологии.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.136-154.
Руднев А.С., 1913. Орнитофенологические наблюдения (ставка Ачикулак, Ставропольской губернии, аул Шалаш) // Орнитол. вестник, № 3.- С.203-206.
Рудовский В.С., 2014. Гнездование сапсана в прибрежной полосе Абрауского полуострова (Краснодарский край) // Вестник Сев.-Кавказск. федерального ун-та, № 3 (42).- С.96-100.
Русанов Г.М., 1972. Искусственные гнезда для крякв и перспектива их применения в дельте Волги // Ресурсы водоплав. птиц СССР, их воспроизводство и использование, вып.1. - М.: Изд-во МГУ.- С.117-120.
Русанов Г.М., 1977. Западная часть дельты Волги как резерват пластинчатоклювых птиц // Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов.- Астрахань.- С.23-27.

Русанов Г.М., 1979. Современные условия гнездования кряквы в западной части дельты Волги и меры по их улучшению // Природная среда и птицы побережий Каспийского моря и прилежащих низменностей.- Баку.- С.131-145.
Русанов Г.М., 1983. Линька уток в дельте Волги // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.88, № 2.- С.3-8.
Русанов Г.М., 1984. Состояние ресурсов гнездящихся водоплавающих птиц в угодьях низовьев дельты и предустьевого взморья Волги // Природные экосистемы дельты Волги.- Л.- С.93-108.
Русанов Г.М., 1985. Лысуха (*Fulica atra* L.) в дельте Волги и на северо-западном побережье Каспийского моря // Бюл. МОИП. Отдел биол., т.90, вып.4.- С.14-28.
Русанов Г.М., 1987. Состояние и роль зимовочных угодий лебедей-кликунов на северном Каспия // Экология и миграции лебедей в СССР.- М.: Наука.- С.69-73.
Русанов Г.М., 1992. Редкие виды птиц дельты Урала // Редкие виды растений и животных Оренбургской области.- Оренбург.- С.56-58.
Русанов Г.М., 1997. Пеликаны на Северном Каспии // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.102, вып.5.- С.27-30.
Русанов Г.М., 1998. Скопа (*Pandion haliaetus* L.) в дельте Волги // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.103, вып.6.- С.42-44.
Русанов Г.М., 1999. Малый баклан осваивает дельту Волги // Новости в мире птиц, № 3 (13).- М.- С.18.
Русанов Г.М., 2000. Черные грифы на Нижней Волге // Новости в мире птиц, № 2.- С.9.
Русанов Г.М., 2001. Численность водоплавающих птиц в дельте Волги в условиях нестабильного водного режима (1968-1999 гг.) // Казарка, № 7.- С.365-383.
Русанов Г.М., 2003. Весенне-летнее население птиц западного ильменно-бугрового района дельты Волги // Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.1.- С.31-62.
Русанов Г.М., 2004. Несколько слов об охоте в дельте Волги: свидетельства минувшего и комментарии современника // Стрепет, т.2, вып.1.- С.107-115.
Русанов Г.М., 2004. Природные угодья побережий Северного Каспия и дельт Волги и Урала как местообитания водоплавающих птиц в конце XX столетия // Труды Ин-та зоологии, т.48: Орнитология.- Алматы.- С.228-259.
Русанов Г.М., 2004. Розовый пеликан. Кудрявый пеликан. Колпица. Краснозобая казарка. Мраморный чирок. Белоглазая чернеть. Савка. Стрепет // Красная книга Астраханской области.- Астрахань.- С.221-226; 231-235; 238-240; 242-247; 285-288.
Русанов Г.М., 2007. Необычно поздняя встреча стерхов в Астраханском заповеднике, Россия // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 10.- М.- С.29.
Русанов Г.М., 2008. Динамика популяций водоплавающих птиц в дельте Волги в XX столетии // Стрепет, т.6, вып.1.- С.5-26.
Русанов Г.М., 2009. Мониторинг птичьего населения в дельте Волги и на Северном Каспии в 2007 г. // Труды Астраханск. заповедника, вып.14.- Астрахань.- С.290-302.
Русанов Г.М., 2011. Птицы Нижней Волги. - Астрахань. - 390 с.
Русанов Г.М., 2013. Мониторинг птичьего населения в дельте Волги (2012 год) // Стрепет, т.11, вып.2.- С.23-40.

Русанов Г.М., 2014. Встреча стерха в дельте Волги осенью 2013 г. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 13.- М.- С.45-46.
Русанов Г.М., 2014. Скопа. Балобан. Чайконосая крачка // Красная книга Астраханской области: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Астрахань.- С.300-303; 319-320; 356-357.
Русанов Г.М., 2015. Мониторинг птичьего населения в дельте Волги (2014) // Стрепет, т.13, вып.1.- С.37-49.
Русанов Г.М., 2016. Гнездование орлана-белохвоста на тростнике в дельте Волги // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.210-212.
Русанов Г.М., 2016. Зимовки птиц на Северном Каспии (1961–2007) // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.77-97.
Русанов Г.М., 2019. Изучение птиц в Астраханском государственном заповеднике за столетие его существования (1919-2019) // *Selevinia*, т.27.- С.139-150.
Русанов Г.М., 2020. Необычное гнездование орлана-белохвоста в авандельте Волги // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.105-106.
Русанов Г.М., Бондарев Д.В., 2004. Белохвостая пигалица // Красная книга Астраханской области.- Астрахань, 2004.- С.293-294.
Русанов Г.М., Бондарев Д.В., 2014. Белохвостая пигалица // Красная книга Астраханской области.- 2-е изд.- Астрахань.- С.340-341.
Русанов Г.М., Виноградов В.В., 1979. Новые данные о гнездовании белоглазого и красноголового нырков в дельте Волги // Природная среда и птицы побережий Каспийского моря и прилежащих низменностей.- Баку.- С.253.
Русанов Г.М., Виноградов В.В., Кривоносов Г.А., 1977. О редких видах хищных птиц в дельте Волги и западных подстепных ильменях // Тез. докладов VII Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2.- Киев: Наукова думка.- С.243.
Русанов Г.М., Гаврилов Н.Н., 2014. Малая крачка // Красная книга Астрахан. обл.: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Астрахань.- С.358-359.
Русанов Г.М., Гаврилов Н.Н., Литвинов К.В., 2014. Остров Малый Жемчужный – орнитологическая жемчужина северного Каспия // Астраханск. вестник экол. образования, № 3 (29).- С.67-75.
Русанов Г.М., Кашин А.А., 2005. Встреча стерхов во время весенней миграции на западном пролетном пути в России в 2005 г. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 9.- М.- С.43.
Русанов Г.М., Кашин А.А., Литвинова Н.А., Митрофанов С., Таранов., Ю., 2013. Встречи стерхов в дельте Волги, Россия, в 2011 и 2012 гг. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 12.- М.- С.55-57.
Русанов Г.М., Кеценов А.П., 2002. Сапсан в дельте Волги // Мир птиц, № 22.- С.17.
Русанов Г.М., Кривоносов Г.А., 1988. Фламинго (*Phoenicopterus roseus* Pall.) на Северном и Северо-Восточном Каспии в условиях современного повышения уровня моря // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.93, вып.3.- С.13-20.
Русанов Г.М., Кривоносов Г.А., 1990. Лебеди на северном Каспии // Экология и охрана лебедей в СССР: Мат-лы 2 Всесоюзн. совещ. по лебедям СССР, ч.1.- Мелитополь.- С.103-112.
Русанов Г.М., Кривоносов Г.А., Анисимов Е.И., 1991. Численность и размещение фламинго у северного и северо-восточного побережий Каспия // Редкие

птицы и звери Казахстана.- Алма-Ата.- С.76-78.
Русанов Г.М., Кривоносов Г.А., Виноградов В.В., 1983. Орлан-белохвост и скопа в дельте Волги // Охрана хищных птиц: Мат-лы I совещ. по экологии и охране хищных птиц.- М.: Наука.- С.155-158.
Русанов Г.М., Литвинова Н.А., Гаврилов Н.Н., Бондарев Д.В., Литвинов К.В., 2012. Современное состояние колониальных гнездовий веслоногих и голенастых птиц, и проблемы их охраны в дельте Волги // Стрепет, т.10, вып.1.- С.60-77.
Русанов Г.М., Реуцкий Н.Д., 2014. Орлан-белохвост // Красная книга Астраханской области: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Астрахань.- С.315-318.
Русанов Г.М., Чернявская С.И., 1976. Стерх в дельте Волги // Редкие, исчезающие и малоизученные птицы СССР: Труды Окского заповедника, вып.13.- Рязань.- С.101-108.
Русев И.Т., 2011. Кваква. Желтая цапля // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные.- М.: КМК.- С.212-236; 244-259.
Русев И.Т., Андрющенко Ю.А., Белинский А.В., Гринченко А.Б., Жмуд М.Е. и др., 2008. Современный статус краснозобой казарки в Азово-Черноморском регионе Украины // Казарка, т.11, вып.1.- С.49-60.
Русев И.Т., Лысенко В.И., 2000. План действий по охране краснозобой казарки в Украине // Птицы Азово-Черноморского региона на рубеже тысячелетий: Мат-лы юбилейн. научн. конф., посвящен. 20-летию АЧОГ.- Одесса.- С.94-134.
Рустамов А.К., 1987. Турач // Птицы СССР: Курообразные, журавлеобразные.- Л.: Наука.- С.46-61.
Рустамов А.К., 1993. Малая горлица // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные.- М.- С.163-181.
Рустамов Э.А. (ред.), 2013. Птицы Туркменистана: полевой иллюстрированный определитель.- Ашхабад: Ылым.- 688 с.
Рустамов Э.А., Аманова М.Б., 2011. Бегунок // Красная книга Туркменистана, т.2: Беспозвоночные и позвоночные животные.- 3-е изд.- Ашхабад.- С.282-283.
Рустамов Э.А., Скляренко С.Л. , 2018. Лаггар на юге Северной Евразии // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.93-98.
Рустамов Э.А., Щербина А.А., 2011. Савка // Красная книга Туркменистана, т.2: Беспозвоночные и позвоночные животные.- 3-е изд.- Ашхабад.- С.230-231.
Рябицев В.К., 2001. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель.- Екатеринбург.- 608 с.
Рябов Л.С., Семаго Л.Л., 1962. Новые данные к фауне птиц и млекопитающих юго-восточной части Воронежской области // Охрана природы Центр.-Черноземной полосы, сб.9.- Воронеж.- С.227-232.
Рязанова О.Н., 2005. Особенности экологии поганок Центрального Предкавказья.- Автореф. дисс. … канд. биол. наук.- Краснодар.- 16 с.
С. [Алфераки], 1888. Из Таганрога // Охотничья газета, № 46.- С.543.
Савицкий Б.П., 1974. О пролете морянки (*Clangula hyemalis* L.) в районе Восточного Маныча // Биологические исследования человека и животных: Сб. статей.- Элиста.- С.3-5.

Савицкий Р.М., 2002. Авифауна Островного участка заповедника «Ростовский» // Кавказск. орнитол. вестник, вып.14.- С.80-85.

Савицкий Р.М., 2004. Зимняя орнитофауна Таганрогского залива Азовского моря в условиях теплой зимы // Мат-лы 22 конф. молодых ученых Мурманск. морского биол. ин-та.- Мурманск.- С.138-140.

Савицкий Р.М., 2013. Характер пребывания левантского буревестника *Puffinus yelkouan* на юге России // Русск. орнитол. журнал, т.22, № 910.- С.2244-2248.

Савицкий Р.М., 2014. Краснозобая казарка. Серая утка. Белоглазый нырок (чернеть). Ходулочник // Красная книга Ростовской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Ростов н/Д.- С.177; 180; 181; 207.

Савицкий Р.М., Ермолаев А.И., Савицкая С.С., 2015. Современное распространение и охрана белого аиста (*Ciconia ciconia*) в Ростовской области // Беркут, т.24, вып.1.- С.37-41.

Савицкий Р.М., Лебедева Н.В., Савицкая Н.А., 1998. Видовой состав и динамика разнообразия птиц в городе Ростове-на-Дону // Кавказск. орнитол. вестник, вып.10.- С.114–123.

Савицкий Р.М., Матишов Г.Г., 2011. Экология лутка *Mergus albellus* в зимний период в Азовском море // Экология, № 3.- С.237–240.

Салтыков А., 2014. По Волго-Уральскому междуречью // Мир птиц, № 43-44.- С.45-47.

Салтыков А.В., Джамирзоев Г.С., 2015. Руководство по обеспечению орнитологической безопасности электросетевых объектов средней мощности: методическое пособие.- Махачкала.- 75 с.

Сальников Н.Е., 1957. Зимовки средиземноморского малого буревестника (*Puffinus puffinus yelkouan* Acerbi) в Черном море и связь их с распределением хамсы // Вопросы ихтиологии, вып.8.- С.188-190.

Самородов Ю.А., 1981. Зимующие птицы Калмыкии и сопредельных территорий: Учебное пособие. - Элиста: Калмыцкий ун-т.- 108 с.

Самородов Ю.А., 1982. Птицы древнего протока Волги - р. Сарпы и сопредельных территорий Северо-Западного Прикаспия // Животный мир Калмыкии, его охрана и рац. использование.- Элиста.- С.47-101.

Самородов Ю.А., 1989. Об орнитофауне северо-западного Прикаспия // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.74-76.

Самородов Ю.А., Бадмаева В.И., 1981. Об орнитофауне Сарпинской долины, возвышенности Ергени и Чограйского водохранилища // Наземные и водные экосистемы.- Горький.- С.128-138.

Самсонов П.Е., 1875. Некоторые птицы нагорного Дагестана // Журнал охоты, т.2, № 6.- С.24-31.

Самсонов П.Е., 2018. Некоторые птицы нагорного Дагестана // Стрепет, т.1-2, вып.1-2.- С.76-81.

Санин Н.А., 2017. Тетеревятник на юге Липецкой области // Липецкий орнитол. вестник, вып.1.- С.41-47.

Сапармурадов Дж., 2011. Рыжеголовый сокол (шахин) // Красная книга Туркменистана, т.2: Беспозвоночные и позвоночные животные.- 3-е изд.- Ашхабад.- С.260-261.

Сапельников С.Ф., Венгеров П.Д., Нумеров А.Д., Соколов А.Ю., 2008. Степной лунь в Воронежской области в 2007 году // Изучение и охрана хищных птиц

Сев. Евразии: Мат-лы 5 международн. конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.299-304.
Сапельников С.Ф., Соболев С.Л., Швец О.В., 2007. Залеты белоголового сипа (*Gyps fulvus*) в Центральное Черноземье и на сопредельные территории // Біологія XXI століття: Теорія, практика, викладання.- Київ: Фітосоціоцентр.- С.249-251.
Сапетин Я.В., 1968. Материалы по кольцеванию розового пеликана и малого баклана в дельте Терека // Миграции животных, вып.5.- Л.: Наука.- С.113-115.
Сара М., 2007. Предварительный обзор авифауны в районе пос. Малый Утриш // Ландшафтное и биол. разнообразие Сев.-Зап. Кавказа.- М.: Геофак МГУ.- С.90-99.
Сарандинаки Г., 1909. Некоторые данные для орнитологии Ростовского н/Д. округа Донской области // Сб. студенч. биол. кружка при Новороссийском унте, № 4. - С.1-75.
Сарычев В.С. (ред.), 2009. Позвоночные Липецкой области: Кадастр.- Воронеж: ВГУ.- 494 с.
Сарычев В.С., 2011. Встречи черноголового хохотуна в Липецкой области и Центральном Черноземье // Русск. орнитол. журнал, т.20, № 623.- С.52-54.
Сарычев В.С., 2020. Курганник в Центральном Черноземье: особенности расселения и современное состояние // Хищные птицы в ландшафтах Сев. Евразии: Современные вызовы и тренды: Мат-лы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.349-354.
Сатунин К.А., 1902. Исследование степей северо-восточного Кавказа // Природа и охота, июль. - С.12-20.
Сатунин К.А., 1907. Материалы к познанию птиц Кавказского края // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.26, вып.3.- С.1-114.
Сатунин К.А., 1911. Систематический каталог птиц Кавказского края // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.28, вып.1.- С.1-86. Вып. 2. - С.87-195.
Сатунин К.А., 1912. О зоогеографических округах Кавказского края // Изв. Кавказск. музея, т.7, вып.1.- С.7-55.
Сатунин К.А., 1913. К орнитологии Абхазии // Птицеведение и птицеводство, т.4, вып.2.- С.95–106.
Сатунин К.А., 1914. Поправка к статье «К орнитологии Абхазии» // Птицеведение и птицеводство, т.5, вып.2.- С.170.
Сатунин К.А., Берг Л.С., Кириченко А.Н., Муралевич В.С., 1913. Фауна Черноморского побережья Кавказа // Труды Об-ва изучения Черноморского побережья, т.2.- СПб.- VII+248 с.
Свиридов Д.А., 2020. К вопросу о подвидовой принадлежности обыкновенного канюка на юго-западе Орловской области // Хищные птицы в ландшафтах Сев. Евразии: Современные вызовы и тренды: Мат-лы VIII Международной конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Воронеж.- С.354-355.
Свиридова Т.В., Зубакин В.А. (ред.), 2000. Ключевые орнитологические территории России, т.1: Ключевые орнитологические территории международного значения в Европейской России.- М.: СОПР.- 702 с.
Северцов Н.А., 1855. Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии. - М.- 430 с.

Северцов Н.А., 1874. Заметки по поводу списка птиц Астраханской губ. В.Е. Яковлева // Bull. Soc. Imper. Naturalistes de Moscou, т.48, № 1.- С.39-41.
Северцов Н.А., 2016. Заметки по поводу списка птиц Астраханской губ. В.Е. Яковлева // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.10-12.
Селиванова Н.П., Королев А.Н., Естафьев А.А., 2021. Встречи стерха (*Grus leucogeranus*) на европейском Северо-Востоке России // Байкальский зоол. журнал, № 1 (29).- С.31-33.
Семаго Л.Л., 1974. Кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto*) в Воронеже // Охрана природы Центрально-Черноземной полосы, вып.7.- Воронеж.- С.200-202.
Семаго Л.Л., Сарычев В.С., Иванчев В.П., 1984. Материалы по редким видам птиц Верхнего Дона // Орнитология, вып.19.- С.187-188.
Семенова О.Е., Филиппова А.И., Попович А.В., 2019. Дополнения к орнитофауне природного комплекса «Суджукская лагуна – Прилагунье» // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.6: Сборн. статей VI Всероссийск. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.265-279.
Семенов-Тян-Шанский А., 1910. Василий Евграфович Яковлев (28.I.1939 – 2.VIII.1908).- М.- 57 с.
Сиденко М., 1998. О летней поездке в Мезмай // Стрепет: Бюл. Ростовского отд. СОПР, № 3.- Ростов н/Д.- С.15.
Сиденко М.В., 1999. Дятлы города Ростова-на-Дону // Кавказский орнитол. вестник, вып.11.- С.160-164.
Сиденко М.В., 2000. Гнездование европейского тювика *Accipiter brevipes* в Ростове-на-Дону // Русский орнитол. журнал, № 93.- С.20-21.
Сиденко М.В., 2000. Как белоголовый сип появился в Ростове-на-Дону // Стрепет: Бюл. Ростовского отд. СОПР, № 4.- Ростов н/Д.- С.9-10.
Сиденко М.В., 2002. Чеглок в г. Ростове-на-Дону // Птицы Южной России: Матлы Международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в XXI веке», посвящен. 20-летию деятельности Сев.-Кавказск. орнитол. группы.- Ростов н/Д.- С.155-157.
Сиденко М.В., 2003. Редкие птицы г. Ростова-на-Дону // Стрепет: Фауна, экология и охрана птиц Южной Палеарктики, вып.1.- С.120-122.
Сиденко М.В., 2004. Орнитофауна города Ростова-на-Дону (состав, динамика, распределение, численность и пути формирования).- Дисс. ... канд. биол. наук.- Ставрополь.- 358 с.
Сиохин В.Д. (ред.), 2000. Численность и размещение гнездящихся околоводных птиц в водно-болотных угодьях Азово-Черноморского побережья Украины.- Киев.- 475 с.
Скачков С.А., 2020. Малая горлица // Стрепет, т.17, вып.2- С.114.
Скильский И.В., Бучко В.В., Годованец Б.И., 1997. О формировании нового экологического типа вяхиря в Северной Буковине // Беркут, т.6, вып.1-2.- С.49-51.
Скляренко С.Л., Губин Б.М., 1991. Питание и кормовое поведение джека в Восточных Кызылкумах // Редкие звери и птицы Казахстана.- Алма-Ата.- С.145-162.
Скокова Н.Н., 1955. Питание большого баклана в дельте Волги // Вопросы ихтиологии, вып.5.- С.170-185.
Скокова Н.Н., 1959. Экология и рыбохозяйственное значение колпицы в дельте Волги // Орнитология, вып.2.- С.262-270.
Скокова Н.Н., 1960. О сезонном размещении и миграциях большого баклана на

Каспийском море // Миграции животных, вып.2.- М.: Изд-во АН СССР.- С.76-99.
Скокова Н.Н., 1960. Питание кваквы в дельте Волги // Орнитология, вып.3.- С.396-404.
Скокова Н.Н., 1965. Питание серой, большой и малой белой цапель в дельте Волги в связи с их рыбохозяйственным значением // Рыбоядные птицы и их значение в рыбном хозяйстве.- М.- С.93-124.
Слесь С.И., 1977. Факторы, снижающие численность охотничье-промысловых птиц в Западных подстепных ильменях дельты Волги // Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов.- Астрахань.- С.49-51.
Слудский А.А., 1959. К распространению и биологии стерха // Орнитология, вып.2.- С.159-162.
Смогоржевський Л.О., 1979. Фауна України, т.5: Птахи, вип.1: Гагари, норці, трубконосі, веслоногі, голінасті, фламінго.- Київ: Наукова думка.- 188 с.
Соколов А.Ю., 1999. Встречи редких видов птиц из отрядов Гусеобразных, Ржанкообразных и Соколообразных на территории Воронежской области // Редкие виды птиц и ценные орнитол. территории Центр. Черноземья.- Липецк.- С.74-75.
Соколов А.Ю., 2004. Зоологические находки и встречи регионально редких видов позвоночных животных в поймах рек Дон и Битюг в 2004 г. // Мат-лы рабочего совещания по проблемам ведения региональных Красных книг.- Липецк.- С.155-158.
Соколов А.Ю., 2011. Дупель // Красная книга Воронежской обл., т.2: Животные.- Воронеж.- С.324-325.
Соколов А.Ю., 2011. Гнездование клинтуха в бетонных опорах линий электропередачи на юге Центрального Черноземья // Стрепет, т.9, вып.1/2.- С.97-101.
Соколов А.Ю., 2012. О синантропизации вяхиря в Прибитюжье // Мониторинг редких и уязвимых видов птиц на территории Центрального Черноземья.- Воронеж.- С.242-246.
Соколов А.Ю., 2016. Современный статус представителей группы «светлых луней» на юге Центрального Черноземья // Луни Палеарктики: Систематика, распространение и особенности экологии в Сев. Евразии: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- С.134-143.
Соколов А.Ю., 2017. Степной лунь в Северной Палеарктике // Стрепет, т.15, вып.1.- С.33-73.
Соколов А.Ю., 2017. О статусе некоторых видов куликов на юге Центрального Черноземья // Русск. орнитол. журнал, т.26, № 1482.- С.3279-3292.
Соколов А.Ю., 2018. Дупель // Красная книга Воронежской обл., т.2: Животные.- Воронеж.- С.374.
Соколов А.Ю., 2018. Квадрат 37UFR3. Воронежская, Волгоградская, Ростовская области // Фауна и население птиц Европейской России: Ежегодник Программы «Птицы Москвы и Подмосковья», № 11.- С.235-242.
Соколов А.Ю., 2019. Находка гнездящейся пары европейского тювика на северо-западе Волгоградской области // Стрепет, т.17, вып.2.- С.100-102.
Соколов А.Ю., Венгеров П.Д., 2018. Серая утка // Красная книга Воронежской области, т.2: Животные.- Воронеж.- С.343.
Соколов А.Ю., Недосекин В.Ю., 2015. Изменение состояния популяции клинтуха в Центральном Черноземье в связи с новой гнездовой адаптацией // 14-я Международ. орнитол. конф. Сев. Евразии. 1: Тезисы.- Алматы.- С.455-456.

Соколов А.Ю., Нумеров А.Д., 2018. Большой веретенник // Красная книга Воронежской обл., т.2: Животные.- Воронеж.- С.376.

Соколов А.Ю., Простаков Н.И., 1997. Новые данные о встречах редких видов птиц в центральной части Прибитюжья // Состояние и проблемы экосистем Среднего Подонья, вып.10.- Воронеж.- С.45-47.

Соколов А.Ю., Сапельников С.Ф., 2018. Курганник // Красная книга Воронежской области, т.2: Животные.- Воронеж.- С.350.

Соколов А.Ю., Шаповалов А.С., Киселев О.Г., 2012. О встречах регионально редких видов гусеобразных на территории Белгородской и Воронежской областей в последние десятилетия // Казарка, т.15, вып.1.- С.115-120.

Соколов В.Е., Темботов А.К., 1989. Млекопитающие Кавказа: Насекомоядные.- М.: Наука.- 548 с.

Солоха А.В., 2018. Материалы по численности и биологии северокавказского фазана в Чеченской республике // Вестник охотоведения, т.15, № 3.- С.166-175.

Солоха А.В., Комаров Ю.Е., Якимов А.В., 2016. К распространению и численности фазана на юге Центрального Предкавказья // Биологическое разнообразие Кавказа и Юга России: Мат-лы XVIII Международн. науч. конф., ч.2.- Грозный.- С.319-322.

Сомов Н.Н., 1892. *Astur brevipes*, Sev. // Мат-лы к познанию фауны и флоры Рос. империи. Отд. зоол., вып.1. - С.156-186.

Сомов Н.Н., 1897. Орнитологическая фауна Харьковской губернии.- Харьков.- 680 с.

Сорокин А.Г., 2001. Стерх // Красная книга Российской Федерации: Животные.- М.- С.470–471.

Сорокин А.Г., Шилина А.П., 2010. 1. Куноватская территория. Центральная гнездовая группировка. 2. Кондо-Алымская территория. Западная гнездовая группировка // Атлас ключевых территорий для стерха и других околоводных птиц Зап. и Центр. Азии.- Барабу, Висконсин, США: Международный фонд охраны журавлей.- С.13-17; 18-21.

Сорокин А.Г., Шилина А.П., 2018. О встречах стерхов западносибирской популяции в 2013–2017 гг. // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 14.- М.- С.8-13.

Сотников В.Н., 1999. Птицы Кировской области и сопредельных территорий, т.1: Неворобьиные, ч.1.- Киров.- 432 с.

Сотников В.Н., 2002. Птицы Кировской области и сопредельных территорий, т.1: Неворобьиные, ч.2.- Киров.- 528 с.

Сохина Э.Н., Чернобай В.Ф., Линьков А.Б., 2000. Сарпинские озера и озеро Деед-Хулсун // Водно-болотные угодья России, т.3: Водно-болотные угодья, внесённые в Перспективный список Рамсарской конвенции.- М.- С.198-204.

Спангенберг Е.П., 1949. Авифауна реки Иловли как источник заселения полезащитных насаждений // Зоол. журнал, т.28, вып.6. - С.509-514.

Спангенберг Е.П., 1951. Отряд козодои // Птицы Сов. Союза, т.1.- М.: Сов. наука.- С.466-485.

Спангенберг Е.П., 1951. Отряд дрофы. Отряд голенастые птицы // Птицы Сов. Союза, т.2.- М.: Сов. наука.- С.139-168; 350-475.

Спангенберг Е.П., 1951. Отряд пастушки // Птицы Сов. Союза, т.3.- М.: Сов. наука.- С.604-677.

Спангенберг Е.П., 1951а. Орнитологические наблюдения на трассе государственной защитной лесной полосы в степях Ставрополья и на Маныче // Охрана природы, сб.13.- М.- С.57-65.
Спангенберг Е.П., 1952. Новые данные по распространению и биологии каспийского зуйка (*Charadrius asiaticus* Pall.) в СССР // Зоол. журнал, т.31, вып.1.- С.162.
Спангенберг Е.П., Туров С.С., 1950. Зимовки птиц в Азербайджане // Охрана природы, сб.10.- С.88-114.
Спицин В.В. (ред.), 2008. Информационный сборник Евроазиатской региональной ассоциации зоопарков и аквариумов: Межведомств. сборник науч. и науч.-метод. трудов, вып.27.- М.- С.1-499.
Станчинский В.В., 1914. Орнитологическая экскурсия в Восточное Закавказье // Орнитол. вестник, № 4.- С.245-259.
Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822-32 годах.- Новочеркасск, 1891.- 301 с.
Стаховський В.В., 1938. Матеріали до питання про авіфауну Кавказько-Чорноморського узбережжя // Наук. зап. Дніпропетр. ун-ту, т.1: Біол. сб., № 1.- С.65-76.
Степанян Л.С., 1954. Материалы к познанию птиц Восточного Предкавказья // Зоол. журнал, т.33, вып.5. - С.1126-1132.
Степанян Л.С., 1961. Замечания о зимней фауне птиц приморской полосы района Сочи-Хоста // Труды Зоол. музея МГУ, т.8.- С.223-230.
Степанян Л.С., 1969. Птицы Южного Бадахшана (в пределах бассейна р. Шах-Дары) // Учен. зап. МГПИ им. Ленина, № 362. - С.176-302.
Степанян Л.С., 1975. Состав и распределение птиц фауны СССР: Неворобьиные Non-Passeriformes. - М.: Наука. - 371 с.
Степанян Л.С., 1981. Таксономические заметки о птицах Черноморского побережья Кавказа // Орнитология, вып.16.- С.115-128.
Степанян Л.С., 1983. Надвиды и виды-двойники в авифауне СССР.- М.: Наука.- 294 с.
Степанян Л.С., 1990. Конспект орнитологической фауны СССР.- М.: Наука.- 728 с.
Степанян Л.С., 2003. Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области).- М.: Академкнига.- 808 с.
Стёпкин Н.П., Русанов Г.М., 2018. Стервятник // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.125-126.
Стоцкая Е.Э., Кривенко В.Г., 1988. Редкие виды по материалам Всесоюзного учета колониальных гнездовий околоводных и морских птиц // Ресурсы редких животных РСФСР, их охрана и воспроизводство: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.39-46.
Страутман Ф.И., 1963. Птицы Западных областей УССР, т.1. - Львов: Изд-во Львов. ун-та.- 199 с.
Стригунов В.И., Милобог Ю.В., Ветров В.В., 2003. К вопросу о распространении и численности курганника (*Buteo rufinus*) в Украине // Бранта, вып.6.- С.59-66.
Строков В.В., 1960. Птицы наземных ландшафтов Сочи-Мацестинского курортного района // Охрана природы и озеленение, вып.4.- М.- С.121-133.
Строков В.В., 1974. Зимовки водоплавающих птиц у черноморских берегов Кавказа // Орнитология, вып.11.- С.274-277.
Судиловская А.М., 1951. Отряд веслоногие. Отряд кукушки. Отряд сизоворонки, или ракши // Птицы Сов. Союза, т.1.- М.: Сов. наука.- С.13-69; 430-534.

Судиловская А.М., 1951. Отряд журавли. Отряд трубконосые, или буревестники // Птицы Сов. Союза, т.2.- М.: Сов. науки.- С.97-138; 287-340.
Сулик В.Г., 1980. Авдотка в условиях песчаной террасы среднего течения р. Северский Донец // Новое в изучении биологии и распространения куликов.- М.: Наука.- С.167-168.
Сулик В.Г., 1981. Серая цапля и кваква на востоке Украины // Размещение и состояние гнездовий околоводных птиц на территории СССР. - М.- С.67-69.
Султанов Э.Г., Джаббарова А.Ф., 2006. Зимнее распределение аистообразных и фламингообразных в Азербайджане // Кавказск. орнитол. вестник, т.18.- С.212-222.
Султанов Э.Г., Керимов Т.А., 2008. О миграции журавлей в Азербайджане // Журавли Евразии (биологии, распространение, миграции), вып.3.- М.- С.393-398.
Сурвилло А.В., 1983. Степной орел в Северо-Западном Прикаспии // Охрана хищных птиц.- М.- С.74-77.
Сурвилло А.В., 1984. Численность и основные черты экологии филина в некоторых районах Калмыцкой АССР // Вид и его продуктивность в ареале: Мат-лы 4-го Всесоюзн. совещ.- Свердловск.- С.84-85.
Сурвилло А.В., 1986. Канюк-курганник в Северо-Западном Прикаспии: численность, некоторые черты экологии // Изучение птиц СССР, их охрана и рац. использование, ч.2.- Л.- С.266-267.
Сухоруков В.Д., 1891. Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822-32 годах.- Новочеркасск.- 302 с.
Сушкин П.П., 1908. Птицы Средней Киргизской степи (Тургайская область и восточная часть Уральской) // Мат-лы к познанию фауны и флоры Росс. империи. Отд. зоол., вып.8.- С.1-803.
Сушкин П.П., 1914. Заметки о кавказских птицах // Орнитол. вестник, № 1.- С.3-43.
Сушкин П.П., 1915. *Falco altaicus* Menzb. и *Falco lorenzi* Menzb. // Орнитол. вестник, вып.3.- С.229-238.
Сушкин П.П., 1938. Птицы Советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии, т.1.- М.-Л.: Изд-во АН СССР.- 317 с.
Сушкина А.П., 1932. Некоторые данные по биологии баклана в связи с его вредом для рыбного хозяйства.- Астрахань.- 31 с.
Сыроечковский Е.Е., 1955. Лебедь-кликун в дельте Волги и на Северном Каспии // Природа, № 11.- С.117-118.
Сыроечковский Е.Е., 2005. Географическое распределение и численность колониальных водных птиц Северного Каспия в период снижения его уровня (1950-е годы) // Долговременный мониторинг и сохранение колониальных водных птиц Сев. Каспия в связи с колебаниями уровня Каспийского моря.- Москва – Астрахань.- С.17-186.
Сыроечковский Е.Е.-мл., 1995. Изменения в гнездовом распространении и численности краснозобой казарки в 1980-1990-х годах // Бюл. Рабочей группы по гусям Вост. Европы и Сев. Азии, № 1.- М.- С.89-102.
Тараненко Л.И., 1978. Фауна позвоночных животных // Биогеоценозы в пойме Нижнего Дона.- Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.124-135.
Тарасов В.В., Коршиков Л.В., 2018. К вопросу о гнездовании тундровых видов куликов в Оренбургских степях в 19 веке // Зоол. журнал, т.97, № 12.- С.1513-1524.
Тарасов Е.В., 1914. Заметка о птицах дельты Волги // Орнитол. вестник, № 4.-

С.267-271.
Тельпов В.А., 1989. Кольчатая горлица в Кавминводах // Экол. проблемы Ставропольского края и сопредельных территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.308.
Тельпов В.А., 2011. Орнитофауна города-курорта Кисловодска (состав, структура, распределение, динамика, численность и пути формирования).- Автореф. дисс. ... канд. биол. наук.- Ставрополь.- 24 с.
Тельпов В.А., Парфенов Е.А., Хохлов Н.А., Ильюх М.П., 2006. Современное состояние стервятника на Ставрополье и сопредельных территориях // Кавказск. орнитол. вестник, вып.18 - С.223-229.
Тельпов В.А., Хохлов А.Н., Битаров В.Н., 1988. Заметки о птицах Предгорного района Ставропольского края // Мат-лы по изучению Ставроп. края, вып.15-16.- Ставрополь.- С.215-219.
Тельпов В.А., Хохлов А.Н., Бичерев А.П., 1984. О гнездовании стервятника в городах Центрального Предкавказья // Птицы и урбанизированный ландшафт.- Каунас.- С.132-133.
Тельпов В.А., Хохлов А.Н., Тимофеев А.Н., Битаров В.Н., 1989. О гнездовании ястреба-перепелятника и малого подорлика в окрестностях Кисловодска // Экологические аспекты изучения, практического использования и охраны птиц в горных экосистемах.- Фрунзе.- С.96-97.
Темботов А.К., 1972. География млекопитающих Северного Кавказа.- Нальчик.- 245 с.
Темботов А.К., Казаков Б.А., 1982. Позвоночные широтных зон и высотных поясов Северного Кавказа // Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши. - Ростов н/Д. - С.37-102.
Темботов А.К., Шхашамышев Х.Х., 1982. Ландшафтное деление территорий // Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши.- Ростов н/Д.- С.9-12.
Теплов В.П., Шеварева Т.П., 1965. О сезонном размещении и добыче белых гусей // Миграции птиц и млекопитающих. - М.- С.25-38.
Тер-Вартанов В.Н., Гусев В.М., Бакеев Н.Н. и др., 1954. К вопросу о переносе птицами эктопаразитов млекопитающих // Зоол. журнал, т.33, вып.5.- С.111-125.
Тизенгаузен Б.Л., 1902. Орнитологические наблюдения в Талыше // Природа и охота, май.- С.1-9.
Тильба П.А., 1983. Кулики Западного Причерноморья Кавказа // Орнитология, вып.18.- С.181-182.
Тильба П.А., 1984. Черный аист в Краснодарском крае // Исследования в области заповедного дела.- М.- С.111.
Тильба П.А., 1990. Зимняя орнитофауна низменностей Черноморского побережья Кавказа // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. госзаповедника., вып.11.- Ставрополь. - С.215-238.
Тильба П.А., 1993. Гнездование черного грифа в Кавказском заповеднике // Кавказск. орнитол. вестник, вып.5. - С.96.
Тильба П.А., 1993. Необычная зимовка водоплавающих птиц в горах и на Черноморском побережье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.5.- С.97-99.
Тильба П.А., 1994. Состояние популяции кавказского тетерева в центральной части Западного Кавказа // Кавказск. орнитол. вестник, вып.6. - С.42-58.

Тильба П.А., 1995. Хищные птицы центральной части Западного Кавказа // Хищные птицы и совы Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. заповедника, вып.14.- Ставрополь.- С.5-24.
Тильба П.А., 1998. Пролет белого аиста в Российском Причерноморье // Кавказск. орнитол. вестник, вып.10.- С.133-134.
Тильба П.А., 1999а. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.81: Фауна Кавказского заповедника. - М. - С.53-87.
Тильба П.А., 1999б. Авифауна Имеретинской низменности. Сообщение 1: Неворобьиные // Кавказск. орнитол. вестник, вып.11.- С.166-204.
Тильба П.А., 2001. Авифауна Имеретинской низменности. Сообщение 2. Воробьинообразные // Кавказск. орнитол. вестник, вып.13.- Ставрополь.- С.111-138.
Тильба П.А., 2001. Бородач. Чёрный гриф // Красная книга Российской Федерации (животные).- М.- С.448-449; С.451-452
Тильба П.А., 2001. Снижение численности белоголового сипа на Западном Кавказе // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 14.- С.29.
Тильба П.А., 2002. Сокращение численности белоголового сипа на Западном Кавказе // Мир птиц, № 22.- С.17-18.
Тильба П.А., 2004. О достоверности регистрации некоторых видов птиц на территории Краснодарского края // Стрепет, т.2, вып.2.- С.39-43.
Тильба П.А., 2006. Авифауна Сочинского национального парка // Инвентаризация основных таксономич. групп и сообществ, созологические исследования Сочинск. нац. парка – первые итоги первого в России нац. парка: Науч. труды Сочинск. нац. парка, вып.2.- М.- С.226-270.
Тильба П.А., 2007. О некоторых редких и малоизученных видах птиц юго-восточной части Краснодарского края // Стрепет, т.5, вып.1-2. - С.5-18.
Тильба П.А., 2007. Огарь. Белоглазая чернеть. Савка. Черный гриф. Кеклик. Стрепет // Красная книга Краснодарского края (животные).- 2-е изд.- Краснодар.- С.367-370; 379-380; 389; 393-394.
Тильба П.А., 2009. Современное состояние и структура ареалов хищных птиц-некрофагов на Западном Кавказе // Орнитогеография Палеарктики: современные проблемы и перспективы - Махачкала.- С.195-202.
Тильба П.А., 2009. Дополнения к орнитофауне Сочинского национального парка // Фелицынские чтения – XI. Природно-экол. секц.: Мат-лы регион. науч. конф.- Краснодар.- С.120-125.
Тильба П.А., 2010. Пролёт кобчика на Северо-Западном Кавказе // Стрепет, т.8, вып.2. - С.94-98.
Тильба П.А., 2013. История исследований и авифауна хребта Ачишхо // Птицы Кавказа. История изучения, жизнь в урбанизированной среде.- Ставрополь.- С. 170 – 182.
Тильба П.А., 2014. Современное состояние популяций редких видов хищных птиц юго-восточной части российского Причерноморья // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Распространение, экология, динамика популяций, охрана.- Ростов н/Д.- С.177-192.
Тильба П.А., 2016. К орнитофауне северо-западной части Кавказского Причерноморья // Стрепет, т.14. вып.1-2.- С.27-38.
Тильба П.А., 2017. Зимнее размещение и динамика численности вяхиря в юго-восточной части Российского Причерноморья // Сохранение разнообразия

животных и охотничье хозяйство России: Мат-лы 7-й Международн. науч.-практ. конф.- М.- С.432-434.
Тильба П.А., 2017. Состояние популяции обыкновенной горлицы *Streptopelia turtur* в северо-западном Предкавказье // Русский орнитол. журнал, т.26, № 1423.- С.1245-1248.
Тильба П.А., 2017. Черный аист. Скопа. Курганник. Змееяд. Орёл-карлик. Орёл-могильник. Беркут. Черный гриф. Белоголовый сип. Бородач. Стервятник. Сапсан. Филин // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.523-524; 531-539; 541-546; 575-576.
Тильба П.А., 2017a. Птицы Сочинского Причерноморья.- Сочи.- 192 с.
Тильба П.А., 2018. Современное состояние авифауны юго-восточной части Российского Причерноморья // Сочинскому национальному парку – 35 лет: Труды Сочинского нац. парка, вып.12.- Сочи.- С.224-253.
Тильба П.А., 2018. Виктору Павловичу Белику – 70 лет! // Орнитология, вып.42.- С.146-148.
Тильба П.А., Андрющенко Ю.А., Мнацеканов Р.А., Динкевич М.А., 2007. Авдотка на Северо-Западном Кавказе // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рац. использование: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящен. 25-летней деятельности северокавказской орнитол. группы. - Ставрополь. - С.121-125.
Тильба П.А., Емтыль М.Х., 1986. Кольчатая горлица в Краснодарском крае // Вестник зоологии, № 6. - С.80.
Тильба П.А., Казаков Б.А., 1983. Хищные птицы Кавказского заповедника и его ближайших окрестностей // Экология хищных птиц: Мат-лы 1-го совещ. по экологии и охране хищных птиц.- М.- С.145-148.
Тильба П.А., Казаков Б.А., 1985. О редких видах Кавказского заповедника и сопредельных территорий // Экол. исследования в Кавказском биосферном заповеднике.- Ростов н/Д.- С.116-130.
Тильба П.А., Казаков Б.А., 1985. Структура летнего населения птиц центральной части Западного Кавказа // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.34-53.
Тильба П.А., Казаков Б.А., 2001. Малый буревестник в Северо-Восточном Причерноморье // Геоэкологические и биоэкологические проблемы Сев. Причерноморья: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Тирасполь.- С.292-293.
Тильба П.А., Кудактин А.Н., 2011. Зимовка вяхиря на Черноморском побережье Кавказа // Птицы Кавказа. Современное состояние и проблемы охраны. - Ставрополь.- С.206-223.
Тильба П.А., Кудактин А.Н., 2019. Особенности пролёта перепела на Черноморском побережье Кавказа // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: Мат-лы 8-й Международн. науч.-практ. конф.- М.- С.379-383.
Тильба П.А., Лупинос М.Ю., 2016. Хищные птицы Туапсинского района (Краснодарский край) // Хищные птицы Сев. Евразии: Проблемы и адаптации в современных условиях: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.- С.200-205.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 1989. Структура летнего населения птиц пойменных лесов реки Кубани и её притоков // Экол. проблемы Ставропольск. края и сопредельных территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.260-266.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 1990. Бородач в Кавказском заповеднике // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.80-90.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 1995. К экологии чеглока в Кавказском заповеднике // Хищные птицы и совы Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. заповедника, вып.14.- Ставрополь.- С.144-149.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 1998. Состояние популяции сапсана на Западном Кавказе // III конф. по хищным птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.1. - Ставрополь. - С.111-112.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2000. Современное состояние белоголового сипа на Западном Кавказе // Редкие, исчезающие и малоизученные птицы России: Сб. науч. статей.- М.- С.128-133.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2002. Размещение и численность фазана в степных районах правобережья реки Кубани // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий: Мат-лы XV межреспубл. науч.-практ. конф.- Краснодар.- С.137-140.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2002. Скопа в Краснодарском крае // Биол. разнообразие Кавказа: Труды II регион. конф.- Сухум.- С.281-288.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2003. Колебания численности белоголового сипа на Западном Кавказе // Мат-лы IV конф. по хищным птицам Сев. Евразии. - Пенза. - С.265-268.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2003. Многолетняя динамика и пространственная структура популяции белоголового сипа на Западном Кавказе // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.108, вып.2. - С.45-50.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2005. Совообразные Краснодарского края и республики Адыгея // Совы Северной Евразии.- М.- С.269-276.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2006. Белоголовый сип на юге России // Орнитол. исследования в Сев. Евразии: Тез. XII Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии.- Ставрополь.- С.517-518.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2006. Белоголовый сип на юге России // Развитие современной орнитологии в Сев. Евразии: Труды XII Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии.- Ставрополь.- С.497-514.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2007. Бородач // Красная книга Краснодарского края (животные). - 2-е изд.- Краснодар.- С.382-383.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2008. Авифауна Лагонакского нагорья // Труды Кавказского заповедника, вып.18. - Майкоп. - С.69- 86.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2008. Динамика популяционных трендов белоголового сипа на Западном Кавказе // Мат-лы V Международн. конф. по хищным птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.315 -317.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2011. Сапсан на Северном Кавказе // Труды Мензбировского орнитол. об-ва, т.1: Мат-лы XIII Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии.- Махачкала.- С.297-311.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2012. Беркут. Бородач. Сапсан // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Майкоп.- С.262; 268; 271.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2014. Авифауна Приазовского заказника // Приазовский гос. природный заказник федер. значения – новая жизнь под охраной

Сочинского нац. парка: инвентаризация основных таксономических групп и сообществ, созологические исследования, историко-культурное наследие (монография): Труды Сочинского нац. парка, вып.6.- Ростов н/Д.- С.60-120.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2016. Стервятник на Западном Кавказе // Хищные птицы Сев. Евразии. Проблемы и адаптации в современных условиях: Мат-лы VII Международной конференции РГСС.- Ростов н/Д.- С. 458-468.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2020. Многолетний мониторинг популяции сапсана на Черноморском побережье Кавказа // Соколы Палеарктики: Распространение, состояние популяций, экология и охрана: Мат-лы VIII Международн. конф. РГХП.- Воронеж.- С.116-127.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Динкевич М.А., Короткий Т.В., 2005. Красавка на северо-западном Кавказе // Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии, № 9.- М.- С.11–13.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Динкевич М.А., Короткий Т.В., Лохман Ю.В., 2003. Зимние учеты водоплавающих и околоводных птиц в Краснодарском крае и Республике Адыгея // Мир птиц, № 1 (25).- С.28-30.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Динкевич, М.А., Попов С.Л., 2015. Плосконосый плавунчик // Стрепет, т.13, вып.2.- С.124-125.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Емтыль М.Х., Плотников Г.К., 1989. Новые сведения о некоторых редких и малоизученных чайковых птицах Восточного Приазовья // Акт. вопросы экологии и охраны природы Азовского моря и Вост. Приазовья: Сб. тез. науч.-практ. конф., ч.1.- Краснодар.- С.176-178.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Емтыль М.Х., Плотников Г.К., Соловьев С.А., Иваненко А.М., 1990. О редких птицах Восточного Приазовья // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.91-96.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Куприна Е.И., Метелева О.Н., 1989. Находки гнезд черного аиста на Северном Кавказе // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.93-95.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., 2019. Гнездовое поселение большого баклана *Phalacrocorax carbo* в нижнем течении реки Протоки (Восточное Приазовье) // Русский орнитол. журнал, т.28, № 1856.- С.5624-5631.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Перевозов А.Г., 2012. Мохноногий сыч // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп.- С.407.

Тильба П.А., Перевозов А.Г., 2010. Новые виды в авифауне Кавказского заповедника // Кавказский орнитол. вестник, вып.22.- С.138-145.

Тильба П.А., Перевозов А.Г., Мнацеканов Р.А., 2012. Кавказский тетерев // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Майкоп.- С.274.

Тильба П.А., Сизонов О.В., 2001. Результаты акклиматизации канадской казарки в Краснодарском крае // Проблемы изучения и охраны гусеобразных птиц Вост. Европы и Сев. Азии.- М.- С.125-126.

Тильба П.А., Филиппов В.Л., 2016. Гнездование средиземноморской чайки на Черноморском побережье Кавказа // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1244.- С.376-379.

Тильба П.А., Филиппов В.Л., 2018. Современное состояние авифауны прибрежной морской акватории юго-восточной части Российского Причерноморья // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.5: Сб. статей 5-й Всерос. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.15-37.

Тильба П.А., Филиппов В.Л., 2020. Новые сведения о встречах некоторых редких и малоизученных видов птиц в низовье р. Сочи (Черноморское побережье Кавказа) // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.7: Сб. статей 7 Всероссийск. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.322-339.

Тильба П.А., Филиппов В.Л., 2021. Чайковые птицы юго-восточной части Российского Причерноморья.- В печати.

Тимофеев А.Н., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 1998. О гнездовании черного грифа у горы Кинжал // 3 конф. по хищн. птицам Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы конф., ч.1. - Ставрополь.- С.114.

Тімошенков В.А., 2017. Сипуха // Червона книга Донецької області: Тваринний світ. Науково-інформаційний довідник.- Вінниця.- С.354.

Ткаченко В.И., 1966. Птицы Тебердинского заповедника // Труды Тебердинск. заповедника, вып.6. - Ставрополь. - С.147-230.

Ткаченко В.И., 1966а. Экология куриных птиц высокогорной области Северо-Западного Кавказа // Труды Тебердинск. заповедника, вып.6.- Ставрополь.- С.3-144.

Ткаченко Е.Э., 1997. Зимовки пискульки (*Anser erythropus*) на западном побережье Каспийского моря // Казарка, № 3.- С.198-210.

Ткаченко И.В., Витович О.А., 1997. Необычный зимний залет дневных хищных птиц в Тебердинский заповедник // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем Кавказа.- Ставрополь.- С.137-139.

Томкович П.С., 1990. Анализ географической изменчивости исландского песочника *Calidris canutus* (L.) // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.95, № 5.- С.59-72.

Томкович П.С., 2007. Динамика численности хрустана: тревожные мысли на «зыбкой почве» // Информ. мат-лы Рабочей группы по куликам, № 20.- М.- С.43-45.

Томкович П.С., 2008. Новый подвид среднего кроншнепа (*Numenius phaeopus* (L.)) из Средней Сибири // Зоол. журнал, т.87, № 9.- С.1092-1094.

Томкович П.С., 2008. Популяционная структура и миграционные связи малых веретенников: современные знания и нерешенные вопросы // Достижения в изучении куликов Сев. Евразии: Мат-лы 7 совещ. по вопросам изучения куликов.- Мичуринск: МГПИ.- С.136-140.

Томкович П.С., Портер Р., Локтионов Е.Ю., Сыроечковский Е.Е., 2018. Трансконтинентальные пути и сезонные перемещения азиатского мигранта – галстучника *Charadrius hiaticula tundrae* // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1566.- С.655-673.

Торгачкин И.П., Динкевич М.А., 2016. Монгольский зуек // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.220.

Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., 1987. Летняя орнитофауна Терско-Кумской низменности ЧИАССР // Мат-лы по изучению Чечено-Ингушской АССР, вып.4.- Грозный.- С.71-78.

Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., 1988. К фауне охотничье-промысловых птиц ЧИАССР // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.156-159.

Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., 1989. Современное состояние фауны курообразных Чечено-Ингушской АССР // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.95-98.

Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., 1990. Стрепет в Чечено-Ингушской АССР // Итоги изучения редких животных: Мат-лы к Красной книге: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.101-102.

Траутвайн И.Г., 2004. Распределение и численность коростеля в окрестностях г. Кисловодска // Фауна Ставрополья, вып.12.- Ставрополь.- С.137-139.

Трощенко Б.В., 1986. О распространении и численности джека в Северо-Восточном Прикаспии, на границе его ареала // Дрофы и пути их сохранения.- М.- С.97-98.

Тугаринов А.Я., 1932. Утки, гуси, лебеди и крохали.- Л.: Изд-во АН СССР.- 75 с.

Тугаринов А.Я., 1941. Пластинчатоклювые // Фауна СССР: Птицы, т.1, вып.4.- М.-Л.: Изд-во АН СССР.- 383 с.

Тугаринов А.Я., 1947. Веслоногие, Аистообразные, Фламинго // Фауна СССР: Птицы, т.1, вып.3.- М.-Л.: Изд-во АН СССР.- С.125-299.

Тупикова Н.В., Чельцов-Бебутов А.М., 1960. Влияние освоения степей Казахстана на численность дрофы и стрепета // Охрана природы и озеленение, вып.2.- С.12-22.

Туров С.С., 1928. Материалы к изучению фауны Кавказского заповедника // Труды Сев.-Кавказ. Ассоциации науч.-исслед. ин-тов, т.44.- Ростов н/Д.- С.18-46.

Туров С.С., 1932. По Восточному отделу Кавказского государственного заповедника. Отчет о работе зоологической экспедиции в 1929 г. // Труды Кавказск. заповедника, вып.3.- С.1-40.

Туров С.С., Красовский Д.Б., 1933. Очерк фауны Присулакского оленьего заповедника // Зоол. журнал, т.12, вып.4.- С.35-56.

Тютькин А.А., 1975. Чтобы богаче была донская степь // Охрана природы в Вешенском районе.- Ростов н/Д.- С.66–68.

Убушаев Б., 2002. О состоянии некоторых редких птиц Калмыкии, занесенных в Красную Книгу РФ // Мир птиц, № 3 (24). - С.15-17.

Убушаев Б.И., 2013. Малый баклан. Султанка, или султанская курица. Дрофа. Стрепет // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные.- Элиста.- С.108-109; 142-145.

Убушаев Б.И., Музаев В.М., 2013. Дрофа-красотка (джек) // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Животные.- Элиста.- С.146-147.

Уварова В.Я., 1955. Видовой состав птиц лесополос колхозов Дёминской МТС, Сталинградской области // Труды Сталингр. с.-х. ин-та, т.6.- С.146-151.

Уварова В.Я., 1957. К вопросу формирования орнитофауны полезащитных лесонасаждений Сталинградской области // 3 Прибалт. орнитол. конф.: Тез. докл.- Вильнюс.- С.108-110.

Уварова В.Я., 1959а. Заселение птицами лесополос колхозов Дёминской МТС, Сталинградской области // Труды Сталингр. с.-х. ин-та, т.7, вып.2.- С.265-278.

Уварова В.Я., 1959б. Изменения орнитофауны полезащитных лесных насаждений, вызываемые неправильными рубками ухода // 2 Всесоюзн. орнитол. конф.: Тез. докл., ч.3.- М.: Изд-во МГУ.- С.112-113.

Уварова В.Я., 1959в. К вопросу о формировании орнитофауны полезащитных насаждений Сталинградской области // Труды 3 Прибалтийской орнитол.

конф.- Вильнюс.- С.305-310.
Уколов И.И., 2018. Наблюдения редких птиц Сочинского Причерноморья в 2018 году // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1566.- С.683-685.
Урусова А.С., 2019. Гнездование лутка *Mergellus albellus* в Волгоградской области // Русский орнитол. журнал, т.28, № 1783.- С.2724-2726.
Ушаков В.Е., 1916. Гнездовье и яйца *Numenius tenuirostris* Vieill. // Орнитол. вестник, № 3.- С.185-187.
Ушаков В.Е., 1925. Колониальное гнездовье малого кроншнепа в Тарском уезде Омской губернии // Уральский охотник, № 3.- С.32-35.
Ушков Л.М., 1877. Истребление дроф // Журнал охоты, т.6, № 1.- С.76.
Фарафонтов А.В., Бахтадзе Г.Б., 2003. Находка сипухи в Центральном Предкавказье // Орнитология, вып.30.- С.185.
Федоров С.М., 1955. Птицы Ставропольского края // Мат-лы по изучению Ставроп. края, вып.7.- Ставрополь. - С.165-195.
Федосов В.Н., 2002. Сирийский дятел – новый вид в авифауне Ставрополья// Кавказск. орнитол. вестник, вып.14. – С. 115.
Федосов В.Н., 2006. Анализ современного состояния популяции европейского тювика на севере Ставрополья и сопредельных территориях // Стрепет, т.4, вып.1.- С.57-67.
Федосов В.Н., 2008. Морской зуек в Ставропольском крае // Достижения в изучении куликов Сев. Евразии: Мат-лы VII совещания по вопросам изучения куликов.- Мичуринск: МГПИ.- С.141-144.
Федосов В.Н., 2009. Современное состояние лугового луня в центральной части Кумо-Манычской впадины // Эколого-краеведческие проблемы Ставрополья.- Ставрополь.- С.61-65.
Федосов В.Н., 2013. Каспийский зуек. Морской зуек. Кречетка. Белохвостая пигалица // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Животные.- Элиста.- С.148-152.
Федосов В.Н., 2013. Синантропизация и урбанизация европейского тювика – пример успешной адаптации вида // Птицы Кавказа: история изучения, жизнь в урбанизированной среде: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.183-186.
Федосов В.Н., 2014. Изучение миграций кречетки в Кумо-Манычской впадине // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.90-111.
Федосов В.Н., 2016. Фенология пребывания и статус луней в Приманычье // Луни Палеарктики. Систематика, распространение и особенности экологии в Сев. Евразии: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.- С.75-84.
Федосов В.Н., 2019. Современное состояние популяций стрепета в Оренбургской области и других частях ареала // Стрепет, т.17, вып.1.- С.4-69.
Федосов В.Н., 2019. Филин в Ставропольском крае // Природные экосистемы Каспийского региона: прошлое, настоящее, будущее.- Астрахань.- С.59-63.
Федосов В.Н., Белик В.П., 2010. Каспийский зуек в Кумо-Манычской впадине // Стрепет, т.8, вып.2.- С.86-93.
Федосов В.Н., Каледин А.П., 2015. Голубиные птицы на Ставрополье // Мат-лы 6-й Международн. науч.-практ. конф. «Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство».- М.- С.461-467.
Федосов В.Н., Константинов В.Н., Маловичко Л.В., 2003. Акклиматизация фазанов на севере Ставрополья // Охота и охотничье хозяйство, № 10.- С.1-3.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2006. Современное состояние особо охраняемых видов птиц Восточного Маныча и прилежащих территорий Ставропольского края // Стрепет, т.4, вып.1.- С.79-112.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2007. Авдотка в Ставропольском крае // Биология XXI столетия: теория, практика, обучение.- Киев, Черкассы, Канев.- С.261-263.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2008. О гнездовании филина в Кумо-Манычской впадине // Изучение и охрана хищных птиц Сев. Евразии: Мат-лы V Международн. конф. по хищным птицам Сев. Евразии.- Иваново.- С.343-345.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2008. Современное состояние и проблемы охраны красавки в Центральном Предкавказье. // Журавли Евразии (биология, распространение, миграции), вып.3: Сб. трудов Международн. конф. «Журавли Палеарктики: биология и охрана».- М.- С.248-254.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2009. Статус пребывания большого кроншнепа в Кумо-Манычской впадине // Кулики Сев. Евразии: экология, миграции и охрана: Тез. докл. VIII Международн. науч. конф.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН.- С.149-150.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2014. Особенности осенней миграции кречетки через Кумо-Манычскую впадину // Кулики в изменяющейся среде Сев. Евразии: Мат-лы IX Международн. конф. по куликам.- Кисловодск.- С.65-70.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2014. Распространение и численность орлана-белохвоста в Ставропольском крае // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.- С.282-289.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2015. Серая куропатка на северо-востоке Ставропольского края: экология, численность и охрана // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.: Академцентр.- С.223-240.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2018. Современное распространение стрепета на Ставрополье // Птицы и сельское хозяйство: современное состояние, проблемы и перспективы изучения: Мат-лы II Международн. орнитол. конф. - Якорная Щель (Сочи). - С.345-353.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2019. Серый гусь на Ставрополье // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: Мат-лы 8-й Международн. науч.-практ. конф.- М.- С.386-391.

Федосов В.Н., Федосов А.В., 2016. Распределение луней на юге Оренбургской области в мае 2016 года // Луни Палеарктики. Систематика, распространение и особенности экологии в Северной Евразии: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС. - Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ. - С.84-89.

Федосов В.Н., Федосов А.В., Шульженко А.А., 2015. Некоторые особенности миграции и зимовки гусей в Кумо-Манычской впадине // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: Мат-лы 6-й Международн. науч.-практ. конф.- М.- С.467-471.

Фертиков В.И., 1975. Зверей и птиц будет больше // Природа Дон. края: Науч.-популярн. статьи и очерки. - Ростов н/Д.: Кн. изд-во.- С.173-186.

Фертиков В.И., 1976. В Ростовском хозяйстве // Охота и охотничье хозяйство, № 6.- С.24-25.

Фертиков В.И., Кривенко В.Г., 1978. О пролете белолобого гуся на Западном Маныче // Вторая Всесоюзн. конф. по миграциям птиц: Тез. сообщ. - Алма-Ата. - С.157-158.

Фефелов И.В., 2016. Неверная видовая идентификация гнездящейся хищной птицы из Бокейординского района Западно-Казахстанской области // Русский орнитол. журнал, т.25, № 1319.- С.2859-2860.

Фефелов И.В., Тупицын И.И., Подковыров В.А., Журавлев В.Е., 2001. Птицы дельты Селенги: Фаунистическая сводка.- Иркутск.- 320 с.

Филиппов В.Л., 2019. Восточная клуша, или халей. Морская чайка // Стрепет, т.17, вып.2- С.121-122.

Филиппов В.Л., 2020. Хохлатый баклан. Армянская чайка // Стрепет, т.18, вып.1-2- С.112-114.

Филиппов В.Л., 2021. Армянская чайка // Стрепет, т.19, вып.1-2.- В печати.

Флинт В.Е., 1982. Отряд Гагарообразные // Птицы СССР.- М.: Наука.- С.244-288.

Флинт В.Е., 1987. Семейство Журавлиные // Птицы СССР: Курообразные, Журавлеобразные.- Л.: Наука.- С.261–335.

Флинт В.Е., Бёме Р.Л., Костин Ю.В., Кузнецов А.А., 1968. Птицы СССР.- М.: Мысль.- 637 с.

Флинт В.Е., Кисленко Г.С., Наумов Р.Л., 1969. Оологические материалы к систематике крупных соколов Палеарктики // Орнитология в СССР: Мат-лы 5 Всес. орнитол. конф., кн.2.- Ашхабад: Ылым.- С.668-673.

Фольц С., 1883. Заметка об осенней тяге вальдшнепа // Природа и охота, октябрь.- С.54-56.

Фольц С., 1890. Ставропольская губерния, ее охоты и охотники // Охотничья газета, № 31.- С.486-490.

Формозов А.Н., 1937. Материалы к экологии водяных птиц по наблюдениям на озерах Государственного Наурзумского заповедника (Сев. Казахстан) // Памяти академика М.А. Мензбира.- М.-Л.: Изд-во АН СССР.- С.551-595.

Формозов А.Н., 1946. Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР.- М.- 152 с.

Формозов А.Н., 1947. Фауна // Природа г. Москвы и Подмосковья.- М.: Изд-во АН СССР.- С.287-370.

Фролов В.В., 2017. Птицы Пензенской области и сопредельных территорий, т.1: Неворобьиные.- Пенза.- 548 с.

Хамфри П., 2016. Встреча сокола Элеоноры около Сарыкумского участка Дагестанского заповедника // Труды заповедника «Дагестанский», т.12.- Махачкала.- С.97-100.

Ханмамедов А.И., 1956. Турач в Азербайджане, его распространение, экология и хозяйственное значение // Труды Ин-та зоологии АН АзССР, т.19.- С.98-187.

Харузин О.А., 1926. Результаты орнитологических наблюдений и сборов в Новосильском уезде, Тульской губ. (1919-19124) // Бюл. МОИП. Новая серия. Отд. биол., т.35, вып.3-4.- С.314-388.

Харченко В.И., 1966. К вопросу о современном состоянии популяций степных пустельг (*Falco naumanni* Fleisch.) в Предкавказье // К новым успехам Сов. науки: Тез. и сообщ. науч. конф.- Донецк: Донецкий ун-т.- С.282-284.

Харченко В.И., 1968. Хищные птицы и совы Предкавказья.- Автореф. дисс. ... канд. биол. наук.- Тарту.- 24 с.

Харченко В.И., Миноранский В.А., 1965. О современном распространении степного орла в Европейской части СССР // Новости орнитологии: Мат-лы 4 Всесоюз. орнитол. конф.- Алма-Ата.- С.399-401.
Харченко В.И., Миноранский В.А., 1967. О современном распространении степного орла (*Aquila rapax* Temm.) в Европейской части СССР // Зоол. журнал, т.46, вып.6.- С.958-960.
Хлебников В.А., 1890. Список птиц Астраханской губернии // Протокол заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанск. ун-те. 1906-1907, т.22, прил. № 121.- С.1-32.
Хлебников В.А., 1924. Позвоночные враги промысловых птиц и зверей Астраханского края // Астрахань и Астраханский край, вып.1.- С.39-82.
Хлебников В.А., 1928. Список птиц Астраханского края с распределением их по характеру пребывания в крае // Материалы к познанию природы Астраханск. края, т.1, вып.3. - Астрахань.- С.1-39.
Хлебников В.А., 1930. Птицы Астраханского края // Ежегодник Астраханского краеведч. музея: Каталог музея. Зоол. отд.: Птицы.- С.1-51.
Ходашова К.С., 1960. Природная среда и животный мир глинистых полупустынь Заволжья. - М.: Изд-во АН СССР.- 131 с.
Хождение Пименово в Царьград // Полн. собр. русских летописей, т.11.- СПб, 1897.- С.95-107.
Хонякина З.П., 1975. Отряд дневные хищные птицы // Животный мир Дагестана. - Махачкала. - С.121-123.
Хонякина З.П., Пишванов Ю.В., 1970. Биология рыжей цапли в Дагестане // Исследования по зоологии и паразитологии в Дагестане: Сб. научн. сообщений каф. зоологии ДГУ. - Махачкала. - С.121-131.
Хохлов А.Н., 1982. Журавли в Центральном Предкавказье // Журавли в СССР.- Л.- С.136-140.
Хохлов А.Н., 1984. Распространение и численность дрофиных в Ставропольском крае // Проблемы региональной экологии животных в цикле зоологических дисциплин педвуза: Тез. докл. 3-го Всесоюз. совещ. зоологов пединститутов, ч.1. - Витебск. - С.175-177.
Хохлов А.Н., 1985. К экологии Columbiformes на Ставрополье // Экология и население птиц: Межвузовский сборник науч. трудов.- Иркутск.- С.128-141.
Хохлов А.Н., 1986. Серый журавль зимует на Ставрополье // Природа, № 10. - С.114.
Хохлов А.Н., 1987. К орнитофауне Дадынского озера // Животные водных и околоводных биогеоценозов полупустынь. - Элиста. - С.108-116.
Хохлов А.Н., 1987. Авдотка в Ставропольском крае // Проблемы охраны редких животных: Мат-лы к Красной книге: Сб. научных трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.136-137.
Хохлов А.Н., 1988. Аисты на Ставрополье в период сезонных перемещений и гнездования // Сезонные перемещения и структура популяций наземн. позвоночн. животных: Межвуз. сб. науч. трудов.- М.- С.33-37.
Хохлов А.Н., 1988. Журавль-красавка *Anthropoides virgo* на Ставрополье // Журавли Палеарктики. - Владивосток. - С.140-143.
Хохлов А.Н., 1988. Кулик-лопатень в Предкавказье // Сельские зори. - Краснодар.- № 3. - С.64.

Хохлов А.Н., 1988. Фламинго в Предкавказье // Ресурсы редких животных РСФСР, их охрана и воспроизводство: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.65-67.
Хохлов А.Н., 1989. Дрофа в Ставропольском крае // Редкие и нуждающиеся в охране животные.- М.- С.70–74.
Хохлов А.Н., 1989. К распространению и экологии крачек на Ставрополье // Орнитологические ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.153-159.
Хохлов А.Н., 1989. Новые сведения о куликах Ставропольского края // Экологич. пробл. Ставроп. кр. и сопредельн. территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.281-296.
Хохлов А.Н., 1989. Обыкновенный козодой в Ставропольском крае // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.101-105.
Хохлов А.Н., 1989. Серебристая чайка в антропогенных ландшафтах Центрального Предкавказья // Синантропизация животных Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.98-104.
Хохлов А.Н., 1989. Серый журавль на Ставрополье // Сообщения Прибалтийской комиссии по изучению миграций птиц, вып.21. - Тарту.- С.69-70.
Хохлов А.Н., 1989. Современное состояние фауны гусеобразных Ставропольского края // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.106-136.
Хохлов А.Н., 1989. Стрижи в Центральном Предкавказье // Синантропизация животных Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.87-93.
Хохлов А.Н., 1990. Дрофа в Ставропольском крае // Итоги изучения редких животных: Мат-лы к Красной книге.- М.- С.100.
Хохлов А.Н., 1990. О некоторых малочисленных, малоизученных и залетных птицах Ставропольского края // Редкие, малочисл. и малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.96-101.
Хохлов А.Н., 1990. Об увеличении гнездовой численности вяхиря на Ставрополье // Мат-лы Всесоюзного науч.-метод. совещ. зоологов педвузов, ч.2.- Махачкала. - С.242-244.
Хохлов А.Н., 1990. Султанка в Ставропольском крае // Итоги изучения редких животных: Мат-лы к Красной книге.- М.- С.100.
Хохлов А.Н., 1990. Чайки на Ставрополье // Фауна и экология животных в условиях ирригации земель.- Элиста.- С.37-45.
Хохлов А.Н., 1991. Журавль-красавка в антропогенных ландшафтах Ставропольского края // Журавль-красавка в СССР. - Алма-Ата.- С.76-82.
Хохлов А.Н., 1993. Животный мир Ставрополья.- Ставрополь.- 165 с.
Хохлов А.Н., 1995. Современное состояние фауны соколообразных Ставропольского края и Карачаево-Черкесии // Хищные птицы и совы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.25-94.
Хохлов А.Н., 2000. Животный мир Ставрополья.- Ставрополь.- 200 с.
Хохлов А.Н., 2006. К истории орнитологических исследований в Ставропольском крае // Орнитол. исследования в Сев. Евразии: Тез. 12-й Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии. - Ставрополь.- С.549-551.
Хохлов А.Н., Афанасова Л.В., 1986. К гнездовой экологии удода в Ставропольском крае // Гнездовая жизнь птиц.- Пермь.- С.42-45.

Хохлов А.Н., Бичерев А.П., 1985. К экологии куриных Центрального Предкавказья // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.71-78.

Хохлов А.Н., Бичерев А.П., 1988. К экологии кряквы на Ставрополье // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.162-169.

Хохлов А.Н., Бичерев А.П., Мельгунов И.Л., Оноприенко Л.Г., 1988. Размещение и численность зимующих гусеобразных на Ставрополье // Ресурсы животного мира Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.169-171.

Хохлов А.Н., Бичерев А.П., Харченко Л.П., 1993. Новые сведения о некоторых редких птицах Ставропольского края и Карачаево-Черкесии // Птицы бассейна Сев. Донца: Мат-лы конф.- Донецк.- С.21-23.

Хохлов А.Н., Вилков Е.В., Джамирзоев Г.С., 1998. О заселении малой горлицей урбанизированных территорий приморской части Дагестана // Природные ресурсы и экол. образование на Сев. Кавказе: Мат-лы науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.102-103.

Хохлов А.Н., Витович О.А., 1990. Современное состояние редких видов птиц Ставропольского края и проблемы их охраны // Редкие, малочисл. и малоизуч. птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.102-151.

Хохлов А.Н., Есипенко Л.П., Ильюх М.П., Заболотный Н.Л., 2004. Декабрьский учёт лимнофильных птиц на западе Краснодарского края // Кавказск. орнитол. вестник, вып.16.- С.119.

Хохлов А.Н., Есипенко Л.П., Ильюх М.П., Заболотный НД., Хохлов Н.А., 2004. Малый баклан – новый зимующий вид России // Соврем, состояние и проблемы охраны редких и исчезающих видов позвоночных животных Южного федерального округа Российской Федерации. Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.91-92.

Хохлов А.Н., Заболотный Н.Л., Ильюх М.П., 1997а. Кладки и размеры яиц птиц низовий Кубани.- Ставрополь.- 30 с.

Хохлов А.Н., Забелин В.И., Ильюх М.П., Маловичко Л.В., Климашкин О.В., 1997б. Весенний аспект фауны и экологии птиц Ставрополья // Кавказск. орнитол. вестник, вып.9.- С.137-151.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2002. Птицы // Красная книга Ставропольского края: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных, т.2: Животные.- Ставрополь.- С.111-188.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2005. Изменение фауны, населения и экологии птиц Ставропольского края за последние 10 лет // Стрепет, т.3, вып.1-2.- С.38-50.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2006. Султанка – новый вид Краснодарского края // Биологическое разнообразие Кавказа.- Нальчик.- С.129-130.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2007. Весенне-летние наблюдения птиц на территории Имеретинской низменности // Кавказск. орнитол. вестник, вып.19.- С.125–137.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2012. О восстановлении гнездовой численности стрепета в восточных районах Ставрополья // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.107-108.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2013. Птицы // Красная книга Ставропольского края, т.2: Животные.- Ставрополь.- С.159-210.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2014. К летней фауне куликов низовий реки Кумы // Кулики в изменяющейся среде Сев. Евразии: Мат-лы IX Международн. науч.

конф.- М.- С.176-178.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Ашибоков У.М., Цапко Н.В., 2010. К летней орнитофауне северо-западной части Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий // Кавказск. орнитол. вестник, вып.22.- С.146-151.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Бабенко В.Г., 2011. Летняя орнитофауна Восточного Ставрополья и Юго-Западной Калмыкии // Кавказск. орнитол. вестник, вып.23.- С.83-93.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Гожко А.А. и др., 2010. Залёт горного гуся в низовья Кубани // Кавказск. орнитол. вестник, вып.22.- С.154-156.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Гожко А.А., Бакута Д.Н., 2011. Новые встречи белого гуся в Предкавказье // Птицы Кавказа: современное состояние и проблемы охраны.- Ставрополь.- С.225-226.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Есипенко Л.П., Гожко А.А., 2008. Первая зимняя встреча султанки на западе Краснодарского края // Кавказск. орнитол. вестник, вып.20.- С.203–205.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Есипенко Л.П. и др., 2005. О гнездовании вяхиря в малых городах Предкавказья // Акт. вопросы экологии и природопользования: Мат-лы Международн. науч.-практ. конф., т.1.- Ставрополь.- С.451-452.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Заболотный Н.Л., Есипенко Л.П., Хохлов Н.А., 2006. Новые сведения о некоторых птицах низовий Кубани // Кавказск. орнитол. вестник, вып.18.- С.288-296.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Зосимова Е.А., 1999. О численности серого журавля в центральной части Ставропольского края осенью 1999 г. // Кавказск. орнитол. вестник, вып.11.- С.228-229.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Казиев У.З., 2005. Редкие наземные позвоночные животные Ставропольского края. - Ставрополь.- 216 с.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Климашкин О.В. и др., 1997. К орнитофауне Ирга-клинской лесной дачи и ее окрестностей // Кавказск. орнитол. вестник, вып.9.- С.156-166.
Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Цапко Н.В., Ашибоков У.М., 2007. Новые орнитологические находки на Северном Кавказе в 2006 г. // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рациональное использование: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.125-131.
Хохлов А.Н., Комаров Ю.Е., Бичерев А.П., 1988. Зимующие кулики Ставропольского края и Северной Осетии // Орнитология, вып.23.- С.223-224.
Хохлов А.Н., Комаров Ю.Е., Ильюх М.П., Климашкин О.В., Караваев А.А., Забелин В.И., Емельянов С.А., Хохлов Н., 1997. Зимнее население птиц свалок городов Северного Кавказа // Кавказск. орнитол. вестник, вып.9.- С.152-155.
Хохлов А.Н., Кочура Г.В., 2012. О новых залётах обыкновенного фламинго в Ставропольский край // Кавказск. орнитол. вестник, т.24.- С.117-118.
Хохлов А.Н., Кукиш А.И., 1984. Огарь на Ставрополье и в Калмыкии // Современное состояние ресурсов водоплав. птиц: Тез. Всесоюзн. семинара.- М.- С.81-82.
Хохлов А.Н., Куликов В.Т., 1991. Летняя орнитофауна северного Ставрополья // Фауна, население и экология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.107-122.
Хохлов А.Н., Маматаева В.Ф., Джамирзоев Г.С., Ильюх М.П., 2001. О гнездовании белого аиста в Дагестане // Акт. пробл. изучения и охраны птиц Вост.

Европы и Сев. Азии: Мат-лы Международн. конф. (XI Орнитол. конф.).- Казань.- С.620.
Хохлов А.Н., Маслиев Е.Н., 1997. О численности серого журавля в центральной части Ставропольского края осенью 1996 г. // Кавказск. орнитол. вестник, вып.9. - С.167-168.
Хохлов А.Н., Мишвелов Е.Г., Ильюх М.П., Зазулинский А.Х., 2004. Охота на Ставрополье.- Ставрополь.- 208 с.
Хохлов А.Н., Оноприенко Л.Г., Кириченко Ю.П., 1988. Зимовка водоплавающих в верхней части р. Кубань // Акт. вопросы изучения экосистемы бассейна Кубани: Сб. тез. науч.-практ. конф.- Краснодар.- С.138-139.
Хохлов А.Н., Плеснявых А.С., 2012. Еще одна встреча белого гуся на Севере Ставрополья // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.119.
Хохлов А.Н., Сердюкова И.Н., 2009. О гнездовании белого аиста на севере Ставрополья // Эколого-краеведческие проблемы Ставрополья.- Ставрополь.- С.69.
Хохлов А.Н., Тельпов В.А., 1986. Дрофа на территории Ставропольского края // Дрофы и пути их сохранения.- М.- С.62.
Хохлов А.Н., Тельпов В.А., Битаров В.Н., 1990. Беркут и стервятник предгорий Ставрополья // Фауна и экология животных.- Тверь.- С.51-53.
Хохлов А.Н., Тельпов В.А., Битаров В.Н., 1991. Зимняя авифауна г. Кисловодска и его окрестностей // Фауна, население и экология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.123-135.
Хохлов А.Н., Тельпов В.А., Мельгунов И.Л., Бичерев А.П., 1983. Размещение и численность птиц-некрофагов в Ставропольском крае // Экология хищных птиц: Мат-лы 1-го совещ. по экологии и охране хищных птиц.- М.- С.150-152.
Хохлов А.Н., Харченко Л.П., 1991. Летняя орнитофауна низовий Кумы // Кавказск. орнитол. вестник, вып.2.- С.97-109.
Хохлов А.Н., Харченко Л.П., 1994. О крупном осеннем скоплении серых журавлей в центральной части Ставропольского края // Кавказск. орнитол. вестник, вып.6.- С.60.
Хохлов А.Н., Харченко Л.П., 1997. О появлении желны в низовье р. Кумы // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем Кавказа: Тез. докл. межреспубликанской науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.149-150.
Хохлов А.Н., Хохлов Н.А., 2011. О значительном сокращении миграционной численности серого журавля в Ставропольском крае осенью 2010 г. // Птицы Кавказа: современное состояние и проблемы охраны.- Ставрополь.- С.234-235.
Хохлов А.Н., Хохлова З.И., Хохлов Н.А., 2001. Зимующие птицы Ставропольского края и сопредельных территорий: Учебное пособие к спецкурсу.- Ставрополь - 96 с.
Хохлова Т.Ю., 1991. Клуша – претендент на включение в Красную книгу Российской Федерации // Изучение редких животных в РСФСР: Мат-лы к Красной книге: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.130-131.
Хохлова Т.Ю., 2020. Клуша // Красная книга Республики Карелия.- Белгород.- С.331-332.
Хроков В.В., 1988. Низовья р. Тургай – новое место гнездования турухтана // Орнитология, вып.23.- С.224-225.
Хроков В.В., 1994. Весенний пролет малого веретенника в низовьях р. Тургай // *Selevinia*, № 2.- С.91.

Хроков В.В., 1996. Фламинго // Красная книга Казахстана.- 3-е изд.- Алматы.- С.108-109.

Хроков В.В., 2010. Фламинго // Красная книга Республики Казахстан, т.1: Животные, ч.1: Позвоночные.- 4-е изд.- Алматы.- С.100-101.

Хроков В.В., Кошелев А.И., 1989. Птицы озер и болот.- Алма-Ата: Кайнар.- 271 с.

Хрустов А.В., 2009. Изучение экологических особенностей и охраны дрофы (*Otis tarda* L.) в Саратовской области // Дрофиные птицы Палеарктики: Разведение и охрана, вып.2.- М.- С.18-30.

Хубиев А.Б., Караваев А.А., 2010. Динамика населения хищных птиц у южного склона Скалистого хребта. // Кавказск. орнитол. вестник, вып.22.- С.161-172.

Хубиев А.Б., Караваев А.А., 2010. Новые сведения о редких и малоизученных птицах Карачаево-Черкесии и Тебердинского заповедника // Кавказск. орнитол. вестник, вып.22.- С.172-176.

Цапко Н.В., 2005. Гнездование колониальных птиц в долине озера Маныч // Стрепет, т.3, вып.1-2.- С.88-93.

Цапко Н.В., 2007. Авифаунистические находки в Калмыкии // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рац. использование: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящен. 25-летней деятельности Северокавказск. орнитол. группы.- Ставрополь.- С.136-139.

Цапко Н.В., 2007. Сорока – новый вид прокормитель кукушки на юге России // Экология врановых в естественных и антропогенных ландшафтах: Мат-лы Международн конф.- Москва – Ставрополь.- С.169–170.

Цапко Н.В., 2008. О встрече фламинго на озере Маныч // Кавказск. орнитол. вестник, т.20.- С.214-215.

Цапко Н.В., 2013. Желтая цапля. Египетская цапля. Каравайка. Чеграва. Малая крачка // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные.- Элиста.- С.109-113; 119-123.

Цапко Н.В., 2017. Материалы к фауне птиц поймы Волги в районе посёлка Цаган-Аман (Калмыкия) // Русск. орнитол. журнал, т.26, № 1426.- С.1340-1347.

Цапко Н.В., Бобенко О.А., 2012. Первые гнездовые находки белощекой крачки и хохлатой чернети в Ставропольском крае // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.119-123.

Цапко Н.В., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2009. Орнитофауна Калмыкии.- Ставрополь.- 140 с.

Цвелых А.Н., 1982. Наиболее южное гнездование мородунки // Охота и охот. хозво, № 12.- С.9.

Цвелых А.Н., 2005. Расселение сирийского дятла (*Dendrocopos syriacus*) в Крыму // Бранта, № 8.- С.198-199.

Цвелых А.Н., Аппак Б.А., Бескаравайный М.М.,. Костин С.Ю, Осипова М.А., 2018. Грифовые птицы фауны Украины.- Киев.- 188 с.

Червона книга України: Тваринний світ.- Київ, 2009.- 600 с.

Черников И., 1881. Очерк ружейной охоты на Задонских степях и по рекам Салу и Манычу // Природа и охота, июнь.- С.22–35.

Черничко И.И., 2003. О расширении ареала белохвостой пигалицы (*Vanellochettusia leucura*) в западной Палеарктике // Бранта, вып.6.- С.67–95.

Черничко И.И., 2010. Видовой состав и миграции куликов на Азово-Черноморском побережье Украины // Збірник праць Зоологічного музею, № 41.- С.154-209.

Черничко И.И., 2011. Значение Азово-Черноморского побережья Украины в поддержании структуры трансконтинентальных пролетных путей куликов в Восточной Европе.- Автореф. дисс. … докт. биол. наук.- Киев.- 45 с.
Черничко Р.М., 2009. Кульон великий (кроншнеп великий) // Червона книга України: Тваринний світ.- Київ.- С.455.
Чернобай В.Ф., 1978. Освоение кольчатой горлицей урбанизированных территорий Волгоградской области // Антропогенные воздействия на природные комплексы и экосистемы.- Волгоград.- С.111-115.
Чернобай В.Ф., 1983. Красавка. Дрофа // Берегите: их осталось мало. Редкие и исчезающие животные Донского бассейна, требующие охраны.- Ростов н/Д.- С.93–98.
Чернобай В.Ф., 1986. О некоторых закономерностях формирования орнитофауны и населения птиц рыбоводных прудов в степной зоне // Антропогенные воздействия на популяции животных: Сб. науч. трудов.- Волгоград.- С.90–106.
Чернобай В.Ф., 1992. Редкие и исчезающие позвоночные животные // Красная книга: Редкие и охраняемые растения и животные Волгоградской обл.- Волгоград.- С.96-106.
Чернобай В.Ф., 2000. Белый аист в Волгоградской области // Белый аист в России: дальше на восток.- Калуга.- С.183.
Чернобай В.Ф., 2000. КОТР «Степновский угол» // Ключевые орнитол. территории России, т.1.- М.: СОПР.- С.490.
Чернобай В.Ф., 2000а. Водоплавающие и околоводные птицы Волгоградской области // Биоразнообразие водных экосистем юго-востока европейской части России: Сб. статей, ч.2.- Волгоград.- С.226-243.
Чернобай В.Ф., 2001. Работа по программе КОТР в Волгоградской области в 2001 г. // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 14.- С.23-24.
Чернобай В.Ф., 2002. О прогрессирующей экспансии бакланов на водоемы Юга России // Птицы Южной России: Мат-лы Международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Северном Кавказе в XXI веке», посвящен. 20-летию деятельности Сев.-Кавказск. орнитол. группы.- Ростов н/Д.- С.94-100.
Чернобай В.Ф., 2002. Результаты работ по программе КОТР в Волгоградской области в 2002 г. // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 16.- С.26-28.
Чернобай В.Ф., 2003. Дрофа и стрепет в Волгоградской области // Дрофиные птицы России и сопредельных стран, вып.2.- Саратов.- С.108–118.
Чернобай В.Ф., 2004. Большой подорлик. Тетерев // Красная книга Волгоградской области, т.1: Животные.- С.114; 122.
Чернобай В.Ф., 2004а. Птицы Волгоградской области.- Волгоград.- 287 с.
Чернобай В.Ф., 2004б. Наземные позвоночные природного парка «Волго-Ахтубинская пойма» // Природный парк «Волго-Ахтубинская пойма»: Природно-ресурсный потенциал.- Волгоград.- С.130-141.
Чернобай В.Ф., 2005. О распространении, экологии и численности совиных птиц в Волгоградской области // Совы Северной Евразии.- М.- С.260-263.
Чернобай В.Ф., 2008. Организация охраны и мониторинга КОТР Волгоградского Заволжья // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл. № 21. - С.27-30.

Чернобай В.Ф., 2017. Малая поганка. Кудрявый пеликан. Каравайка. Белый аист. Черный аист. Краснозобая казарка. Пискулька. Белоглазый нырок. Тетерев. Степная тиркушка. Черноголовый хохотун. Черноголовая чайка. Филин // Красная книга Волгоградской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Воронеж.- С.119; 121; 124-128; 131; 150; 165-167; 170.

Чернобай В.Ф., Букреев С.А., 2004. Дрофа. Стрепет // Красная книга Волгоградской области, т.1. - Волгоград. - С.125-126.

Чернобай В.Ф., Букреев С.А., 2017. Колпица. Савка. Дрофа. Стрепет // Красная книга Волгоградской области, т.1. Животные.- Волгоград.- С.123; 132; 151-152.

Чернобай В.Ф., Букреев С.А., Белицкая О.Н., Прилипко Н.И., 1999. К характеристике современных орнитофаунистических тенденций на европейском юго-востоке России // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 9. - С.11-12.

Чернобай В.Ф., Букреев С.А., Сохина Э.Н., 2000. Новые КОТР в Волгоградской области // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 12.- С.13-15.

Чернобай В.Ф., Букреев С.А., Сохина Э.Н., 2000. Сарпинские озера. Булухта // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международн. значения в Европ. России. - М.: СОПР.- С.485-486; 493-494.

Чернобай В.Ф., Васильев И.Е., 2003. Волгоградская область. Новоквасниковский лиман // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 17.- С.5.

Чернобай В.Ф., Гугуева Е.В., 2008. Состояние и проблемы охраны журавлей в Волгоградской области // Журавли Евразии (биология, распространение, миграции), вып.3.- М.- С.258–265.

Чернобай В.Ф., Гугуева Е.В., 2017. Орлан-белохвост // Красная книга Волгоградской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Воронеж.- С.146.

Чернобай В.Ф., Мазина О.В., Сохина Э.Н., 2011. Динамика численности дрофы в Волгоградской области (1960-2010 гг.) // Изучение и сохранение естественных ландшафтов: Сб. статей международн. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летнему юбилею Волгоградск. пед. ун-та.- М.: Планета.- С.77-82.

Чернобай В.Ф., Никитина Н.В., 1990. Птицы Щербаковской излучины // Фауна и экология позвоночных животных в антропогенных условиях: Межвуз. сб. науч. трудов.- Волгоград: ВГПИ.- С.58-74.

Чернобай В.Ф., Соколов В.И., 2002. Волгоградская область: Тетеревятская // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 15.- С.9-10.

Чернобай В.Ф., Сохина Э.Н., 1998. Волгоградская область // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 8.- С.14-15.

Чернобай В.Ф., Сохина Э.Н., Килякова Е.А., 2000. Волгоградская область // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международн. значения в Европ. России. - М.- С.676-688.

Чернобай В.Ф., Сохина Э.Н., Светличный С.В., Цабыбин С.А., Юдин А.Н., 2002. Волгоградская область: Ахтубинское Поозерье // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 15.- С.8.

Чернобай В.Ф., Сохина Э.Н., Цабыбин С.А., 2001. Волгоградская область: Ахтубинское Поозерье // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 13.- С.14.

Черновалова Н.П., 1939. О зимующих птицах Ворошиловска // Труды Ворошиловск. пед. ин-та, т.1.- С.159-162.

Черновалова Н.П., 1941. К сельско-хозяйственному значению чибиса // Труды Ворошиловск. пед. ин-та, т.3, вып.2.- С.53-54.
Чуйков Ю.С., 2011. Владимир Алексеевич Хлебников – «неизвестный» орнитолог // Русский орнитол. журнал, т.20, № 673.- С.1411-1419.
Чуйков Ю.С., 2012. О возможной встрече священных ибисов в дельте Волги и многом другом (из переписки В.А. Хлебникова и М.А. Мензбира) // Русский орнитол. журнал, т.21, № 731.- С.391-407.
Чуйков Ю.С., 2012. Об охоте на лебедей в дельте Волги // Русский орнитол. журнал, т.21, № 772.- С.1551-1556.
Чуйков Ю.С., 2014. О коллекционировании В.А. Хлебникова в окрестностях Баскунчака и на других территориях // Биоразнообразие аридных экосистем: Сб. науч. статей.- М.: Планета.- С.77-85.
Чунихин С.П., 1959. Залеты птиц: Обзор сообщений и заметок, поступивших в редакцию // Природа, № 4.- С.104-106.
Чунихин С.П., 1960. Кавказский улар в Кабардино-Балкарии // Орнитология, вып.3.- С.340-345.
Чунихин С.П., 1962. Вертикальная поясность в распределении птиц Кабардино-Балкарии // Орнитология, вып.5.- С.186–192.
Чунихин С.П., 1964. Кавказский тетерев // Охота и охотн. хоз-во, № 8. - С.23.
Шаповалова И.Б., Завьялов Е.В., 2009. Орнитокомплексы островов Волгоградского водохранилища: состав, структура и динамика.- М.- 222 с.
Шариков А.В., Шитиков Д.А., Захаров Р.А., Федчук Д.В., Бабушкин М.В., 2006. К зимней фауне Черноморского побережья Кавказа // Орнитология, вып.33.- С.189-190.
Шарлеман Э.В., 1915. По Военно-Сухумской дороге // Бюл. Харьковск. об-ва любителей природы, № 1.- С.18-30.
Шарлеман Э.В., 1915. Птицы, наблюдавшиеся во время экскурсии по Военно-Сухумской дороге // Орнитол. вестник, № 2. - С.118-125.
Шарлемань Н.В., 1936. Буревесник на Азовском море // Природа, № 6.- С.118.
Шатас Я.Ф., 1963. Фазан дельты Волги и факторы, определяющие его численность // Фауна и экология птиц дельты Волги и побережий Каспия: Труды Астраханск. заповедника, вып.8.- С.187-230.
Шведов Р.Н., Парфёнов Е.А., 2008. Летние встречи малой горлицы в Предгорном районе Ставрополья // Кавказск. орнитол. вестник, вып.20.- С.234-239.
Шевцов Д.С., 2018. Ходулочник // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.126.
Шевцов С.В., Кузнецов Ю.В., 2014. Канадская казарка // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.191.
Шевченко В.Л., 1991. Краткие сообщения о белохвостой пигалице // Редкие птицы и звери Казахстана.- Алма-Ата.- С.174.
Шевченко В.Л., Гаврилов Э.И., Наглов В.А. и др., 1978. Об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья (хищные птицы и совы) // Труды Ин-та зоологии АН КазССР: Биология птиц в Казахстане, т.38.- С.100-114.
Шевченко В.Л., Дебело П.В., Гаврилов Э.И., Наглов В.А., Федосенко А.К., 1993. Об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья // Фауна и биология птиц Казахстана. - Алматы: Наука Каз. ССР. - С.7-103.
Шевченко В.Л., Дебело П.В., Гаврилов Э.И., Наглов В.А., Федосенко А.К., 2020. Об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья (окончание) // *Selevinia*,

т.28.- С.120–182.
Шевченко В.Л., Дебело П.В., Гаврилов Э.И., Федосенко А.К., 1977. Распространение и численность некоторых птиц в Северном Прикаспии // Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана.- Алма-Ата.- С.235-239.
Шергалин Е.Э., 2014. Доктор Ганс Буб (1922-1995) и его наблюдения за пролетом хищных птиц между Азовским и Каспийским морем в 1942/1943 г. // Хищные птицы Сев. Кавказа и сопредельн. регионов: распространение, экология, динамика популяций, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.- С.308-312.
Шехов А.Г., 1956. Пеликаны и чайки на озере Маныч-Гудило // Природа, № 10. - С.21-22.
Шехов А.Г., 1963. Гнезда лебедей на Кубанских лиманах // Природа, № 10. - С.41.
Шиенок А.Н., Доронина Л.О., Банникова А.А., Поповкина А.Б., Поярков Н.Д. 2009. Первая регистрация сипухи на юго-западном побережье Каспийского моря // Совы Северной Евразии: экология, пространственное и биотопическое распределение.- М.- С.177-180.
Шилина А.П., 2008. Сведения о встречах стерхов западно-сибирской популяции // Журавли Евразии (биология, распространение, миграции), вып.3.- М.- С.265-295.
Шитиков Д.А., 2011. Каталог орнитологической коллекции кафедры зоологии и экологии МПГУ.- М.- 176 с.
Шитиков Д.А., Шариков А.В., Редькин Я.А. и др., 2001. Заметки о зимней орнитофауне окрестностей Кисловодска // Русск. орнитол. журнал, № 145.- С.441-447.
Шишкин В.С., 1976. Годовые и сезонные колебания численности жаворонков в северо-западном Казахстане // Зоол. журнал, т.55, вып.3.- С.402-407.
Шишкин В.С., 1982. Особенности размножения жаворонков в полупустыне Северного Прикаспия // Орнитология, вып.17.- С.83-90.
Школьный А.М., 2021. Хохлатая кукушка // Стрепет, т.19, вып.1-2.- В печати.
Шляхтин Г.В., Завьялов Е.В., 2006. Малый подорлик // Красная книга Саратов. обл.: Грибы. Лишайники. Растения. Животные.- Саратов.- С.406-407.
Шмелева Г.П., Харитонов С.П., 2016. Миграции дневных хищных птиц (по материалам Центра кольцевания птиц России).- Иваново.- 132 с.
Шокало С.И., Шокало Б.И., 1992. Заселение вяхирем парковых ландшафтов Бреста // Охрана и воспр. птиц пригородных лесов и зеленых насаждений.- Львов.- С.111-112.
Штегман Б.К., 1937. Дневные хищники. Фауна СССР: Птицы, т.1, вып.5.- М.-Л.: Изд-во АН СССР.- 294 с.
Штегман Б.К., 1938. Основы орнитогеографического деления Палеарктики // Фауна СССР: Птицы, т.1, ч.2. - М.-Л.: Изд-во АН СССР.- С.1-157.
Штегман Б.К., 1948. Реликты Тетиса в авифауне Казахстана и Средиземноморья // Докл. АН СССР, т.60, № 8.- С.1457-1460.
Шубин А.О., 1996. Биология куликов во внегнездовой период на западном побережье Каспийского моря.- Дисс. … канд. биол. наук. - М.: МГПИ.- 301 с.
Шубин А.О., 2002. Вести из регионов: Калмыкия // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 15.- М.- С.15-16.
Шубин А.О., Большаков Н.М., 1997. Миграции куликов на западном побережье Каспийского моря // Орнитологические исследования в России. - Москва – Улан-Удэ. - С.169-189.

Шубин А.О., Иванов А.П., 2017. Каспийский зуек. Морской зуек. Кречетка. Ходулочник. Шилоклювка. Большой кроншнеп. Большой веретенник // Красная книга Волгоградской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Воронеж.- С.156-160; 162; 164.

Шубин А.О., Иванов А.П., Касаткина Ю.Н., 2001. Предварительный анализ размещения скоплений мигрирующих куликов в Калмыкии // Достижения и проблемы орнитологии Сев. Евразии на рубеже веков: Труды международн. конф. «Акт. проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии». - Казань. - С.412-428.

Шуков П.М., 2018. О гнездовании клинтуха *Columba oenas* на опорах высоковольтных ЛЭП в Нижегородской области // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1709.- С.6103-6105.

Шунтов В.П., 1982. Отряд Трубконосые // Птицы СССР: История изучения. Гагары. Поганки. Трубконосые.- М.: Наука.- С.357-427.

Шупова Т.В., 2020. Синантропизация вяхиря киевской популяции // Орнитол. исследования в странах Сев. Евразии.- Минск.- С.513.

Щадилов Ю.М., Хахин Г.В., 1991. Численность стрепета на осенней миграции в Кура-Араксинской низменности // Мат-ла 10-й Всес. орнитол. конф., ч.2, кн.2.- Минск. - С.307-308.

Щеголев И.В., Петрович З.О., Щеголев С.И., 2016. Экология уязвимых видов птиц, заселивших Северное Причерноморье: Труды по экологии птиц, т.2.- Одесса.- 236 с.

Щербаков Б.В., 1990. Сравнительная характеристика биотопического распределения бекасовых в горно-лесной части Западного Алтая // Орнитология, вып.24.- С.167.

Щербаков [В.В.Щ.], 1975. Охота в окрестностях Дербента и Кубы // Журнал охоты, т.3, № 5.- С.33-40.

Щербаков [В.В.Щ.], 1875. Из Южного Дагестана // Журнал охоты, т.2, № 4.- С.66-67; № 6.- С.61-63.

Щербаков [В.В.Щ.], 1877. Вальдшнеп в Астраханской губернии // Журнал охоты, т.6, № 6.- С.58-60.

Щербаков [В.В.Щ.], 1877. Из Южного Дагестана // Журнал охоты, т.6, № 1.- С.70-71; № 3.- С.42.

Щербина Ф.А., 1910. История Кубанского Казачьего Войска, т.1: История края.- Екатеринодар.- 736 с.

Эверсман Э.А., 1866. Естественная история птиц Оренбургского края // Естественная история Оренбург. края, ч.3.- Казань.- 622 с.

Эдиев М.С., 1997. К гнездовой биологии чеглока в антропогенных ландшафтах Малой Кабарды // Науч. наследие Н.Я. Динника и его роль в развитии соврем. естествознания: Мат-лы межресп. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.159-162.

Эдиев М.С., Хохлов А.Н., 1993. К фауне зимующих птиц Малой Кабарды // Кавказск. орнитол. вестник, вып.5.- С.102–119.

Эрдненов Г.И., 2013. Ходулочник. Шилоклювка. Кулик-сорока (материковый подвид). Луговая тиркушка. Степная тиркушка. Чернобрюхий рябок. Филин // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Животные.- Элиста.- С.152-158; 162; 164.

Эрдненов Г.И., Александров Д., 2016. Малая горлица // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.221.

Эрдненов Г.И., Бабичев Ю.В., 2020. Синьга // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.113.

Эрдненов Г.И., Музаев В.М., 2016. Совы заповедника «Черные земли» // Хищные птицы Сев. Евразии: Проблемы и адаптации в современных условиях: Мат-лы VII Международн. конф. РГСС.- Ростов н/Д.- С.542-550.

Эрдненов Г.И., Убушаев Б.И., 2020. Джек // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.113.

Эрдненов Г.И., Убушаев Б.И., Музаев В.М., 2018. Стервятник // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.125.

Юдин К.А., 1952. Характеристика фауны птиц района Валуйской опытно-мелиоративной станции (Сталинградская обл.) // Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.11.- С.235-264.

Юдин К.А., Фирсова Л.В., 1988. Клуша. Бургомистр. Морская чайка. Сизая чайка // Птицы СССР: Чайковые.- М.: Наука.- С.118-126; 165-199.

Юдин К.А., Фирсова Л.В., 2002. Ржанкообразные Charadriiformes, ч.1: Поморники семейства Stercorariidae и чайки подсемейства Larinae // Фауна России и сопред. стран. Нов. сер., № 146. Птицы, т.2, вып.2.- СПб.: Наука.- 667 с.

Юрлов А.К., 1992. Обследование вероятных мест гнездования тонкоклювого кроншнепа в 1990 г. // Информация Рабоч. группы по куликам, № 4.- Новосибирск.- С.28.

Юрлов А.К., 2001. Тонкоклювый кроншнеп // Красная книга Российской Федерации (Животные).- М.- С.513-515.

Юрлов А.К., Греттон А., 1990. Работы по проекту СИПО «Охрана тонкоклювого кроншнепа и его обитаний» // Информ. мат-лы Всесоюзн. орнитол. общества, № 6.- Пущино.- С.28.

Юферева В.В., Тельпов В.А. Герасименко Т.В., 2013. Дятлы в урбанизированных ландшафтах Ставропольского края и сопредельных территорий // Птицы Кавказа: История изучения, жизнь в урбанизированной среде.- Ставрополь.- С.191-209.

Языкова И.М., 1969. К экологии кудрявого пеликана на озере Маныч-Гудило //Мат-лы. IX научн. конф. аспирантов.- Ростов н/Д.- С.116-117.

Языкова И.М., 1970. Рыбоядные птицы Манычских водохранилищ и их хозяйственное значение.- Автореф. дисс. … канд. биол. наук.- Ростов н/Д.- 31 с.

Языкова И.М., 1975. Чайки и крачки Пролетарского водохранилища // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана: Мат-лы совещ.- М.: Наука.- С.115-116.

Языкова И.М., Казаков Б.А., 1975. Пеликаны и голенастые Пролетарского водохранилища // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана: Мат-лы совещ. - М. - С.164-165.

Яковлев В. [В.Я.], 1877. Заметки о некоторых птицах Астраханской фауны // Природа, т.5, кн.3.- С.132-133.

Яковлев В.Е., 1872. Список птиц, встречающихся в Астраханской губернии // Bull. Soc. Imper. Naturalistes de Moscou, т.43, № 4.- С.323-361.

Яковлев В.Е., 1874. Несколько слов на заметку М.Н. Богданова // Bull. Soc. Imper. Naturalistes de Moscou, т.48, № 4.- С.383-393.

Яковлев В.Е., 2015. Список птиц, встречающихся в Астраханской губернии // Стрепет, т.13, вып.1.- С.5-28.

Яковлев В.Е., 2016. Несколько слов на заметку М.Н. Богданова // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.13-19.

Яремченко О.А., Руденко А.Г., 2009. Пухівка (гага) // Червона книга України:

Тваринний світ.- Київ.- С.414.
Яремченко О.А., Рыбачук К.И., 1999. О черноморской популяции обыкновенной гаги // Беркут, т.8, вып.2- С.155-159.
Abuladze A., 1995. Lammergeier *Gypaetus barbatus* in Caucasia // Bearded Vulture Annual Report 1995. Foundation for the Conservation of the Bearded Vulture.- Vienna, Austria.- P.56-60.
Abuladze A., 2013. Birds of prey of Georgia: Materials towards a Fauna of Georgia, Issue 6.- Tbilisi.- 218 p.
Abuladze A., Butjev W.T., Lebedeva E.A., 1999. Ablauf und Ringschluss der Türkentauben-Verbreitung in Kaukasus-Gebiet // Ornithol. Mitteilungen, № 6-7.- S.233-237.
Adamian M.S., Klem D., Jr., 1999. Handbook of the birds of Armenia.- Oakland, California.- 650 p.
Alon D., Granit B., Shamoun-Baranes J., Leshem Y., Kirwan G.M., Shirihai H., 2004. Soaring bird migration over northern Israel in autumn // British Birds, Vol.97.- P.160-182.
Ananian V., Carlsson B., Breider J.-M. 2007. The first record of Eleonora's Falcon (Gene, 1839) in Armenia // Sandgrouse, Vol.27, № 1.- P.103-105.
Arkhipov V.Yu., 2006. Status and distribution of selected bird species on the Russia-Kazakhstan border northwest of the Caspian Sea // Sandgrouse, Vol.28, № 2.- C.156-160.
Artzibascheff N., 1859. Excursions et observations ornithologiques sur les bords de la Sarpa en 1858 // Bull. de la Societe Imperiale des naturalists de Moscou, T.32, № 3.- P.1-108.
Artzibascheff N., 2015. Excursions et observations ornithologiques sur les bords de la Sarpa en 1858 (русский перевод) // Стрепет, т.13, вып.2.- С.5-50.
Bädeker F.W., 1854. Ornithologisches von der Wolga; aus Briefen mitgetheilt // J. für Ornithologie (Cassel), Jg.2, Heft 4, № 10.- S.366–370.
Barabashin T.O., 2006. Seabird and waterfowl population on the peninsula B. Utrish // Abstracts of 1st Biannual Scientific Conf. «Black Sea Ecosystem 2005 and Beyond».- Istanbul, Turkey.- P.54-55.
Becker A., 1853. Verzeichnis der in Jahren 1849-1852 bei Sarepta beobachten Vogel // Bull. Soc. natur. de Moscou, т.26, № 1.- S.239-241.
Belik V.P., 2006. Curlew Sandpiper *Calidris ferruginea* in southern European Russia: distribution, numbers and migration phenology // The annual cycle of the Curlew Sandpiper *Calidris ferruginea*: International Wader Studies, Vol.19.- P.107-109.
Belik V.P., Lebedeva E.A., 2004. International single species Action Plan for the conservation of the Black-winged Pratincole *Glareola nordmanni*.- Technical Series № 4.- UNEP / AEWA Secretariat.- 41 p.
Bemmelen van, R.S.A., Hungar J., Tulp I., Klaassen R.H.G., 2015. First geolocator tracks of Swedish Red-necked Phalaropes reveal the Scandinavia-Arabian Sea connection // Journal of Avian Biology, Vol.46.- P.1–9.
Bemmelen van, R.S.A., Kolbeinsson Y., Ramos R., Gilg O., Alves J.A., Smith M., Schekkerman H., Lehikoinen A., Petersen I.K., Pórisson B., Sokolov A.A., Välimäki K., van der Meer T., Okill J.D., Bolton M., Moe B., Hanssen S.A., Bollache L., Petersen A., Thorstensen S., González-Solís J., Klaassen R.H.G., Tulp I., 2019. A migratory divide among Red-necked Phalaropes in the Western Palearctic reveals contrasting migration and wintering movement strategies // Frontiers in

ecology and evolution, Vol.7, Article 86.- P.1-17.
Bier H., Heise G., Otto W., 1975. Ornithologische Beobachtungen in Nordkaukasus aus dem Sommer 1970 // Falke, Bd.22.- S.150-157.
Birds in Europe: population estimates, trends and conservation status.- Cambridge, U.K.: BirdLife International, 2004.- 374+xxiv p.
Boere G.C., Yurlov A.K., 1998. In search of the Slender-billed Curlew (*Numenius tenuirostris*). Preliminary results of an expedition to wetlands and waterbirds of the Baraba and Karasuk steppes in the south of West Siberia, Russian Federation, 17 May – 22 June 1997 // Wader Study Group Bull., Vol.85.- P.35-38.
Breeding numbers of Great Cormorants *Phalacrocorax carbo* in the Western Palearctic, 2012-2013.- IUCN-Wetlands International Cormorant Research Group Report. – Scient. Report from DCE – Danish Centre for Environment and Energy, № 99.- 224 p.
Bub H., 1955. Observations on the autumn migration in the area between the Sea of Azov and the Caspian // Ibis, Vol.97, № 1.- P.5-37.
Buchanan G.B., Bond A.L., Crockford N.J., Kamp J., 2017. The potential breeding range of Slender-billed Curlew *Numenius tenuirostris* identified from stable-isotope analysis // Bird Conservation International, DOI: https://doi.org/10.1017/S0959270916000551
Chrabryj W.M., Loskot W.M., Wunderlich K., 1989. *Milvus milvus* (L.) // Atlas der Verbreitung palaearktischer Vogel. Lief.16.
Corso A., 2018. Updated status of European Lanner Falcon, *Falco biarmicus feldeggii* (Schlegel, 1843) (Aves Falconiformes): a taxon on the verge of extinction, with brief comments on the North African Lanner, *F. biarmicus erlangeri* (Kleinschimdt, 1901) // Biodiversity Journal, Vol.9, № 1.- P.35–44.
Cramp St., Simmons K.E.L., 1977. Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa: The Birds of the Western Palearctic, Vol.1: Ostrich to Ducks.- Oxford Univ. Press.- 722 p.
Danilenko A.K., Boere G.C., Lebedeva E.A., 1996. Looking for the recent breeding grounds of Slender-billed Curlew: a habitat-based approach // Wader Study Group Bull., Vol.81.- P.71-78.
Davygora A.V., Belik V.P., 1994. The Pallid Harrier *Circus macrourus* as an endangered species in the Palearctic // Raptor Conservation Today: Proc. of the 4 World Conf.- Berlin.- Pica: Press.- P.93-96.
del Hoyo J., Elliott A., Sargatal J. (Eds.), 1992. Handbook of the Birds of the World, Vol.1: Ostrich to Ducks.- Barcelona: Lynx Ed.- 696 p.
Delany S., Scott D., 2006. Waterbird Population Estimates.- 4 ed.- Wageningen, The Netherlands: Wetlands International.- 239 p.
Delany S., Scott D., Dodman T., Stroud D. (Eds.), 2009. An atlas of wader populations in Africa and Western Eurasia.- Wageningen, The Netherlands: Wetlands International.- 521 p.
Dickinson E.C., Remsen J.V.- Jr. (Eds.), 2013. The Howard and Moore: Complete checklist of the birds of the World, Vol.1: Non-passerines.- 4th Edition.- Eastbourne, U.K.: Aves Press.- 461 p.
Donald P.F., · Kamp J., · Green R.E. et al., 2021. Migration strategy, site fidelity and population size of the globally threatened Sociable Lapwing Vanellus gregarius // J. of Ornithology.- https://doi.org/10.1007/s10336-020-01844-y
Dzubin A., 1969. Assessing breeding populations of ducks by ground counts // Canadian Wildlife Service Rep., Ser.6.- P.178-230.

European bird populations: estimates and trends.- Cambridge, U.K.: BirdLife International (BirdLife Conservation series № 10), 2000.- 160 p.
European birds of conservation concern: populations, trends and national responsibilities.- Cambridge, U.K.: BirdLife International, 2017.- 170 p.
Eversmann E., 1835. Addenda ad celeberrimi Pallasii Zoographiam Rosso-Asiaticam. Aves // Учен. зап. Казанск. ун-та, кн. II.- P.313-372.
Eversmann E., 1841. Addenda ad celeberrimi Pallasii Zoographiam Rosso-Asiaticam. Fasciculus II // Учен. зап. Казанск. ун-та.- P.154-167.
Eversmann E., 1842. Addenda ad celeberrimi Pallasii Zoographiam Rosso-Asiaticam. Fasciculus III // Учен. зап. Казанск. ун-та.- P.1-19.
Eversmann E., 1848. Einige Beiträge zu Mammalogie und Ornithologie des Russischen Reichs // Bull. Soc. Naturalistes de Moscou, т.21, № 1.- P.186-227.
Eversmann E., 1855. Kurze Bemerkungen über das Vorkommen und die Verbreitung einiger Säugethiere und Vögel in den Volgo-Uralischen Gegenden und den Steppen der Kirgisen jenseits des Uralflusses // Nouv. Mem. Soc. Naturalistes de Moscou, т.10, № 16.- P.265-281.
Eversmann E., 1876. Eversmann's Addenda ad celeberrimi Pallasii Zoographiam Rosso-Asiaticam.- London.- 32+16+19 pp.
Fischer W. u. M., 1976. Ornithologische Beobachtungsergebnisse auf zwei Reisen in den Kaukasus und nach Transkaukasien // Beiträge zur Vogelkunde, Bd.22.- S.137–160.
Frank F., 1950. Die Vögel von Opuk (Schwarz-Meergebiet) // Bonner zool. Beitr., Jg.1, H.2/4.- S.144-214.
Frank F., 1952. Massenzug von Sturmtauchern über dem Schwarzen Meer // J. für Ornithologie, Bd.93, H.2.- S.142-143.
Galushin V., Clarke R., Davygora A., 2003. International Action plan for the Pallid Harrier.- Cambridge, U.K.: BirdLife International. - 32 p.
Galushin V.M., 1994. Long-term changes in birds of prey populations within European Russia and neighbouring countries // Bird number 1992: Distribution, monitoring and ecological aspects: Proc. 12th Intern. conference of IBBC and EOAC.- Voorburg-Heerlen, Netherland.- P.139-141.
García-R. J.C., Trewick S.A., 2015. Dispersal and speciation in purple swamphens (Rallidae: *Porphyrio*) // Auk, Vol.132.- P.140-155.
Garner M., Lewington I., Slack R., 2003. Mongolian and Lesser Sand Plovers: an identification overview // Birding World, 16 (9).- P.377-385.
Gauger K., 2007. Occurrence, ecology and conservation of wintering Little Bustards *Tetrax tetrax* in Azerbaijan // Archiv für Naturschutz und Landschaftsforschung, Juni.- P.5-27.
Gmelin S.G., 1771. Rariorum avium expositio // Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, t.15.- P.439–484.
Green A., 1997. White-headed Duck // The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance.- London.- P.129.
Gretton A., 1991. Conservation of the Slender-billed Curlew.- Monograph № 6.- Cambridge: ICBP.- 170 p.
Güldenstädt J.A., 1775. Sex avium descriptiones: *Loxia rubicilla*, *Tanagra melanictera*, *Muscicapa melanoleuca*, *Motacilla erythrogastra*, *Scolopax subarquata*, *Scolopax cinerea* // Nov. Comm. Acad. Sci., т.19.- Petropoli.- P.463-475.
Güldenstädt J.A., 1787. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, Bd.1.-

St. Petersburg.- 511 S.
Güldenstädt J.A., 1791. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, Bd.2.- St. Petersburg.- 552 S.
Gurtovaya E., Litvin K., 2004. The study of spring migration of geese on Eastern Manych lake (2001-2002) // 8th annual meeting of the Goose Specialist Group of Wetland Intern.: Programme & Abstracts. - Odessa, Ukraine.- P.47-51.
Hablizl C., 1782. Beobachtungen welche über die Zugvögel in Astrachan angestellt worden sind // Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie, Band 3.- St.-Petersburg – Leipzig.- S.8-17.
Hablizl C., 2017. Наблюдения, которые были проведены в Астрахани за перелетными птицами (русский перевод) // Стрепет, т.15, вып.1.- С.5-12.
Hagemeijer W.J.M., Blair M.J. (Eds.), 1997. The EBCC Atlas of European breeding birds: Their distribution and abundance.- London.- 903 p.
Hartert E., 1913. Die Vögel der paläarktischen Fauna: Systematische Übersicht der in Europa, Nord-Asien und der Mittelmeerregion vorkommenden Vögel, Bd.2, T.2, Heft 8.- Berlin.- S.961-1088.
Hencke, 1882. Die befiederten Sänger der Kirgisensteppe, in Bezirke Narün // Ornithol. Monatsschr., Jg.7, № 6.- S.150-156; № 7.- S.174-179.
Henke K.G., 1880. Fortpflanzung der Scharbentnte, *Erismatura mersa* Pall. // Zoologische Garten, Bd.21, № 5.- S.142-147.
Hengeveld R., 1997. *Streptopelia decaocto* Collared Dove // The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance.- London.- P.388-389.
Hirschfeld E., Roselaar C.S., Shirihai H., 2000. Identification, taxonomy and distribution of Greater and Lesser Sand Plovers // British Birds, 93.- P.162-189.
Hughes B., Robinson J., Green A., Li D., Mundkur T., 2006. International Single Species Action Plan for the Conservation of the White-headed Duck *Oxyura leucocephala*.- CMS Technical Series No.13, AEWA Technical Series № 8.- P.1–67.
Humphrey P., 2019. My Adler and Taman Peninsula birding records from January 12th through March 12th, 2014, plus a few notable records from an April 18th-24th, 2013 visit to Adler // Стрепет, т.17, вып.2.- С.30-50.
Ilyashenko E., Markin Y., 2013. Results of questionnaires of 1982 and 2007 on the Eurasian Crane staging areas in the European Part of Russia // Proceedings of the 7th European Crane Conference.- Gross Mohrdorf, Germany: Crane Conservation Germany.- P.165–173.
Ilyashenko E.I., 2019. Species Review: Demoiselle Crane (*Anthropoides virgo*) // Crane Conservation Strategy.- Baraboo, Wisconsin, USA: International Crane Foundation.- P.383-396.
International Action plan for the Slender-billed Curlew (*Numenius tenuirostris*), 2002.- 63 p.
Jähme W., 1965. Einige Beobachtungsnotizen vom Greifvogelzug an der kaukasischen Schwarzmeerküste // Beiträge zur Vogelkunde, Bd.10.- S.348–352.
Kaleniczenko J., 1839. Series animalium a defuncto Proffessore Joan. Krynicki, in itinere annis 1836-1838, ad Caucasum et Tauridem suscepto, etc. // Bull. de la Soc. des Naturalist. de Moscou, № 2. - P.203-297.
Kazakov B.A., Khokhlov A.N., Pishvanov Yu.V., Yemtyl M.Kh., 1994. Pelicans on

wetlands of the Predkavkaz'e region (north of the Caucasus) // Pelicans in the former USSR. - IWRB Publication № 27. - Slimbridge. - P.9-16.
Kazakov B.A., Tilba P.A., Khokhlov A.N., 1993. The Black Stork in the Northern Caucasus // 1st Intern. Black Stork Conservation and Ecology Symposium.- Jurmala.- P.50.
Kennedy J.N., 1921. Notes of birds in South Russia // Ibis, Ser.11, Vol.3, № 3.- P.453-465.
Khokhlov A.N., Melgunov I.L., 1994. Pelicans on wetlands of Stavropol Region // Pelicans in the former USSR. - IWRB Publication № 27. - Slimbridge. - P.17-19.
Khokhlov A.N., Komarov J.E., 1997. Black kite as a new wintering species in Russia // First meeting of the European Ornithological Union.- Bologna, Italy.- P.130.
Kirwan G.M, Özen M., Ertuhan M., Atahan A., 2014. Turkey bird report 2007–2011 // Sandgrouse, Vol.36, № 2.- P.146-175.
Kirwan G.M., Boyla K.A., Castell P., Demirci B., Özen M., Welch H., Marlow T., 2008. The birds of Turkey: A study in the distribution, taxonomy and breeding of Turkish birds.- London.- 512 p.
König C., Weick F., Becking J.-H., 1999. Owls: A guide to the Owls of the World.- Yale University Press.- 462 p.
Kracht W., 1919. Über das Vogelleben und den Vogelzug von Tschorny-Jar an der unteren Wolga // J. für Ornithol., Jg.67, № 3.- S.322-331.
Kracht W., 2014. Über das Vogelleben und den Vogelzug von Tschorny-Jar an der unteren Wolga (русский перевод) // Стрепет, т.15, вып.2.- С.5-19.
Krieg H.-J., 1991. Gelbschnabel-Sturmtaucher *Calonectris diomedea* vor der Krim // Limicola, Vol.5, № 2.- P.78-79.
Krivenko V.G., Vinogradov V.G., 2004. Ferruginous Duck // Birds in Europe: their conservation status.- Cambridge, U.K.: BirdLife Intern.- P.130-131.
Krivonosov G.A., Rusanov G.M., Gavrilov N.N., 1994. Pelicans on the northern Caspian Sea // Pelicans in the former USSR.- IWRB. Publ. № 27.- Slimbridge.- P.25-31.
Ławicki Ł., 2019. Western Palearctic list update: deletion of Spoon-billed Sandpiper // Dutch Birding, Vol.41.- P.40-41.
Ławicki Ł., Khil L., de Vries P.P., 2012. Expansion of Pygmy Cormorant in central and western Europe and increase of breeding population in southern Europe // Dutch Birding, № 34.- P.273-288.
Li Z.W.D., Mundkur T., 2003. Status overview and recommendations for conservation of the White-headed Duck *Oxyura leucocephala* in Central Asia.- Wetlands International Global Series 15, Kuala Lumpur, Malaysia.
Lindström A., Alerstam T., Bahlenberg P., Ekblom R., Fox J.W., Raghall J., Klaassen R.H.G., 2015. The migration of the Great Snipe *Gallinago media*: intriguing variations on a grand theme // Journal of avian biology, Vol.46.- P.1–14.
Linkov A.B., 1994. *Pelecanus onocrotalus* and *P. crispus* in Kalmykia // Pelicans in the former USSR. - IWRB Publication № 27. - Slimbridge. - P.20-24.
Lokhman Yu., Gozhko A., Lokhman A., 2014. Status of the breeding population of Great Cormorants in the Krasnodar region in Russia in 2012 // Breeding numbers of Great Cormorants *Phalacrocorax carbo* in the Western Palearctic, 2012-2013.- IUCN-Wetlands International Cormorant Research Group Report. - Scientific Report from DCE – Danish Centre for Environment and Energy, № 99.- P.182-186.
Lorenz Th., 1887. Beitrag zur Kenntniss der ornithologischen Fauna an der Nordseite des Kaukasus.- M.- 62 S.
Lorenz Th., 1889. *Tetrao tetrix* Lin. am Nordabhange des Kaukasus // J. für Ornithol.,

Jg.37.- S.153-160.
Lorenz Th., 2009. Beitrag zur Kenntniss der ornithologischen Fauna an der Nordseite des Kaukasus (русский перевод) // Стрепет, т.7, вып.1-2. - С.5-18.
Lorenz Th., 2010. Beitrag zur Kenntniss der ornithologischen Fauna an der Nordseite des Kaukasus: Non-Passeriformes (русский перевод) // Стрепет, т.8, вып.1. - С.5-27.
Lorenz Th., 2011. Beitrag zur Kenntniss der ornithologischen Fauna an der Nordseite des Kaukasus: Passeriformes (русский перевод) // Стрепет, т.9, вып.1-2. - С.7-37.
Maciorowski G., Lontkowski J., Mizera T., 2014. Orlik grubodzioby: ginący orzeł z bagien / Большой подорлик – исчезающий хищник болот.- Poznań.- 303 s.
Mauersberger G., Möckel R., 1987. Über Arealerweiterungen bei vier Vogelarten im kaukasischen Raum // Mitteil. Zool. Mus. Berlin, Vol.63, Supplement.- S.97-111.
Mead C.J., Clark J.A., 1990. Report on bird ringing for Britain and Ireland for 1989 // Ringing and Migration, Vol.11, № 3.- P.137–176.
Ménétries E., 1832. Catalogue raisonne des objets de zoologie recueillis dans un voyage au Caucase et jusqu'aux frontieres actuelles de la Perse entrepris par ordre de S.M. L'empereur.- SPb.- 271+XXXIII+IV p.
Mischenko A.L., Sukhanova O.V., 1999. Corncrake *Crex crex* in European Russia: methods and results of a census on large territories // Bird Numbers 1998: Where monitoring and ecological research meet.- Wiebelsheim: AULA-Verlag.- P.323-327.
Moeschler H.F., 1853. Bericht aus Sarepta an H.F. Moeschler in Herrnhut // Naumannia: Archiv für die Ornithologie, vorzugsweise Europa's, № 4.- S.296-307.
Musayev A.M., 2013. Adi turac *Francolinus francolinus* // Red Book of the Republic of Azerbaijan: Rare and endangered animal species.- 2 ed.- Baku.- P.350-351.
Nankinov D.N., 2001. Migration, seasonal and spatial distribution of Manx Shearwater, *Puffinus puffinus* in tne Black Sea basin // Трудове на Института по океанология, т.3.- Варна.- С.170-179.
Nankinov D.N., 2001. Temminck's stint, *Calidris temminckii* Leisler 1812, in Bulgaria // Rivista italiana di ornitologia, Vol.71, № 1.- P.45-53.
Nicolai B., 1997. *Milvus milvus* – Red Kite // The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance.- London: T. & A.D. Poyser.- P.134-135.
Nordmann A., 1840. Catalogue raisonne des oiseaux de la faune Pontique // Voyage dans la Russie meridionale et la Crimee par Mr. A. Demidoff, Vol.3.- Paris.- P.67–306.
Nowak E., 1989. Ausbreitung der Türkentaube (*Streptopelia decaocto*) in der UdSSR: Umfrage 1988 // J. für Ornithologie, Bd.130, H.4.- S.513-527.
Oparin M.L., Kudryavtsev A.Yu., Oparina O.S., Mamaev A.B., 2021. Invasion of the Black woodpecker (*Dryocopus martius* L.) (Picidae, Aves) into the Dyakovsky (Saltovsky) forest on the array of sands near the Yeruslan river // Поволжский экол. журнал, № 1.- С.97-106.
Pallas P.S., 1799. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793-1794, Bd.1.- Leipzig.- 516 c.
Pallas P.S., 1811a. Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso Imperio Rossico adjacentibus maribus observatorium recensionem, т.1.- Petropoli.- 572 p.
Pallas P.S., 1811b. Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso Imperio Rossico adjacentibus maribus observatorium recensionem, т.2.- Petropoli.- 374 p.
Patrikeev M., 2004. The birds of Azerbaijan.- Sofia-Moscow: Russian Nature Press.- 380 p.
Paynter D., Aarvak T., Sultanov E., 1996. Winter counts of threatened species in Azerbaijan // TWSG News, № 9.- Slimbridge, U.K.- P.39-42.

Plath L., 1986. Ergebnisse ornithologischer Fruhsommerexkursionen am Kap Pizunda // Beiträge zur Vogelkunde, Bd.32, № 4.- S.219–231.

Prommer M., Bagyura J., Chavko J., Uhrin M., 2012. Migratory movements of the Central and Eastern European Saker Falcons (*Falco cherrug*) from juvenile dispersal to adulthood // Aquila, Vol.119.- P.111-134.

Prommer M., Milobog Yu., Gavrilyuk M., Vetrov V., Bagyura J., 2012. Relationship between the Central and East European Saker Falcon populations based on results of ringing schemes and satellite-tracing // Хищные птицы в динамич. среде третьего тысячелетия: Труды VI международн. конф. по соколообразным и совам Сев. Евразии.- Кривой Рог.- С.434-445.

Pusanow I., 1933. Versuch einer Revision der Taurischen Ornis // Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол., т.42, вып.1. - С.3-41.

Raine A.F., Borg J.J., Raine H., Phillips R.A., 2013. Migration strategies of the Yelkouan Shearwater *Puffinus yelkouan* // J. für Ornithology, Vol.154, № 2.- P.411-422.

Real J., Palma L., Rocamora G., 1997. *Hieraaetus fasciatus* – Bonelli's Eagle // The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance.- London: T. & A.D. Poyser.- P.174-175.

Rees E.C., Cao L., Clausen P., Coleman J.T., Cornely J., Einarsson O. et all., 2019. Conservation status of the world's swan populations, *Cygnus* sp. and *Coscoroba* sp.: a review of current trends and gaps in knowledge // Wildfowl, Spec. Is., № 5: Proc. 6th Intern. Swan Symposium.- Wildfowl & Wetlands Trust.- P.35–72.

Robel D., 1986. Ornithologische Betrachtungen von Sotschi (UdSSR) // Falke, Bd.33, № 11.- S.373–378.

Romashova A.T., 1994. Breeding biology and feeding ecology of *Pelecanus onocrotalus* and *P. crispus* in the northern Caspian // Pelicans in the former USSR.- IWRB Publication № 27.- Slimbridge.- P.99-118.

Rose P.M., Scott D.A., 1994. Waterfowl populations estimates // IWRB Publ., № 29.- 102 p.

Rosenberg F., 1907. Sechs Wochen in Daghestan // Ornithologische Monatsschrift, Bd.32.- S.51-56.

Rosenberg F., 2019. Sechs Wochen in Daghestan (русский перевод) // Стрепет, т.17, вып.2.- С.5-10.

Rusanov G.M., Litvinova N.A., Gavrilov N.N., Bondarev D.V., Litvinov K.V., 2014. Status of the breeding population of Great Cormorants in the Volga Delta in Russia in 2012 // Breeding numbers of Great Cormorants *Phalacrocorax carbo* in the Western Palearctic, 2012-2013.- IUCN-Wetlands International Cormorant Research Group Report. - Scientific Report from DCE – Danish Centre for Environment and Energy, № 99.- P.190-193.

Sánchez M.I., Green A.J., Dolz C., 2000. The diets of the White-headed Duck *Oxyura leucocephala*, Ruddy Duck *O. jamaicensis* and their hybrids from Spain // Bird Study, Vol.47.- P.275-284.

Scott D.A., Rose P.M., 1996. Atlas of Anatidae populations in Africa and Western Eurasia.- Wetlands International Publication № 41.- The Netherlands.- 336 p.

Seebohm H., 1882. Notes on the birds of Astrakhan // The Ibis, Ser.4, № 6.- P.204-232.

Sheldon R.D., Koshkin M.A., Kamp J., Dereliev S., Donald P.F., Jbour S., 2012. International single species Action plan for the conservation of the Sociable Lapwing (*Vanellus gregarius*).- CMS Technical Series № 28, AEWA Technical Series № 47.- Bonn, Germany.- 34 p.

Snow D.W., Perrins C.M. (Eds.), 1998. The birds of the Western Palearctic. Concise Edition, Vol.1: Non-Passerines.- Oxford: Oxford University Press.- xxxii+1008+43 p.
Solokha A., Lokhman Yu., 2016. Wintering swans in Krasnodar Province, Southwestern Russia // Swan News, № 12.- P.22-27.
Solokha A., Lokhman Yu., 2017. Numbers and distribution of wintering waterbirds in the Krasnodar Province, southwestern Russia // Vogelwelt, Vol.137.- P.156-161.
Sultanov E., 2019. Biodiversity and nature conservation importance of Caspian wetlands in Azerbaijan // Природные экосистемы Каспийского региона: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы Всеросс. науч. конф., посвящ. 100-летию Астраханского заповедника.- Астрахань.- С.5-8.
The EBCC Atlas of European breeding birds: Their distribution and abundance.- London: T. & A.D. Poyser, 1997. - 903 p.
Tilba P.A., Shagarov L.M., Malandzia V.I., 2018. *Oxyura leucocephala* (Anatidae: Anseriformes) on the Black Sea coast of the Caucasus // Nature Conservation Research, Vol.3, № 4.- DOI: 10.24189/ncr.2018.046.
Tomkovich P.S., 2001. A new subspecies of Red Knot *Calidris canutus* from the New Siberian islands // Bull. of the British Ornithol. Club, Vol.121, № 4.- P.257-263.
Törne H., 1940. Jagdfalken (*Falco rusticolus*) als Gäste in Süd-Russland // Vogelzug, Jg.11, № 3.- S.126.
Tucker G.M., Heath M.F. (Eds.), 1994. Birds in Europe: Their conservation status.- Cambridge, U.K.: BirdLife International.- 600 p.
Väli Ü., Belik V.P., Babkin I.G., 2009. The Lesser Spotted Eagle *Aquila pomarina* in the North Caucasus, Russian Federation: taxonomic status, genetic diversity, breeding density and nest site characteristics // Sandgrouse, № 31. - P.122-127.
Verhelst B., Jansen J., Vansteelant W., 2011. South West Georgia: an important bottleneck for raptor migration during autumn // Ardea, Vol.99.- P.137–146.
Vietinghoff A., 1920. Zum Vogelleben des Astrachaner Gouvernements (von Tschorny Jar) // J. für Ornithologie, Jg.68, № 3-4.- S.341-344.
Waterbird Population Estimates, 2019. Wetlands International. Retrieved from wpe.wetlands.org on Wednesday 20 Mar 2019.
Watzke H., 2007. Results from satellite telemetry of Great Bustards in the Saratov region of Russia // Bustard Studies: Great Bustard in Russia and Ukraine, Vol.6.- P.83-98.
Wetmore A.A., 1960. A classification for the birds of the World // Smithsonian Misc. Collect., Vol.139, № 11.- P.1-37.
Winden J., Have T.M., Stikvoort E., Zwinselman B., 1993. Numbers of waterbirds in the Sivash, Ukraine, spring 1992 // Waterbirds in the Sivash, Ukraine, spring 1992: WIWO-report 36.- WIWO, Zeist.- P.7-32.
Wolters H.E., 1982. Die Vogelarten der Erde.- Hamburg – Berlin: Paul Parey.- XX+745 S.
Worobiew (Vorobieff) K.A., 1934. The desert element in the avifauna of the Astrachan steppes // Ibis, Ser.13. Vol.4, № 1.- P.160-164.
Worobiew K.A., 1929. Neue Angaben über die Verbreitung der Vögel im Wolgadelta und den anliegenden Steppen // J. Ornithol., Jg.77, H.2.- S.315-322.
Worobiew K.A., 1931. Zur Biologie von *Cettia cetti cettioides* Hume // Beiträge zur Fortpflanzungsbiologie der Vogel, Jg.7, № 4.- S.131-134.
Zwarts L., Bijlsma R.G., van der Kamp J., Wymenga E., 2009. Living on the edge: Wetlands and birds in a changing Sahel.- KNNV Publishing, Zeist, The Netl1erlands.- 564 p.

SUMMARY

In southern Russia – in the North Caucasus, Kalmykia, Astrakhan, Volgograd and Rostov Regions – as of 2016, 419 bird species were recorded. Of these, 287 species veraciously breed, 10 species were probably nesting and 9 species were possibly nesting. Another 26 species were recorded on migrations, 17 appeared only in winter, and 70 were considered vagrant species. In some administrative regions, there were from 291 (Adygea and Kabardino-Balkaria) to 364 (Dagestan) species, including from 168 to 252 breeding species.

At the same time, over 10 years, during 2006-2016, 15 new species were added to the avifauna of Southern Russia, including one nesting (*Larus michahellis*) and 13 vagrant species, of which 2 are new for Russia (*Falco eleonorae*, *Larus armenicus*). Another 6 species have been included in the fauna of Southern Russia in the last 4 years (2017-2020): *Larus audouinii*, *Sterna paradisaea*, *Anthus rubescens*, *Serinus serinus*, *Bucanetes githagineus*, as well as a new for Russia breeding *Saxicola caprata* (Matyukhin, 2017). In addition, in Dagestan, it was possible to confirm the presence of the *Francolinus francolinus* in the 18-19 centuries (Kvartalnov, 2020).

The book contains cadastral information on 252 species from 20 orders of non-passerine birds recorded at different times in the territory of southern Russia. For all species are indicated their nature of stay, zoogeographic relationships, taxonomy, distribution and numbers, as well as the main habitats and conservation status. Species that were previously included in the fauna of southern Russia by mistake or were found in adjacent territories and can be found in southern Russia are listed in the cadaster without serial numbers.

Приложение 1

Особо охраняемые виды птиц Южной России и категории статуса угроз исчезновения
(по: Белик, 2014, с дополнениями)

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег.РФ 83-01-20	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Ростов 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 1999	Ингуш 2007	Чечня 07-20	Дагест 98-09-20
1.	Гагара краснозобая *Gavia stellata*																	1 – –
2.	Гагара чернозобая *Gavia arctica*			EN	– 2-2*				3-3	– 2-3			– 3				2-2	1 – –
3.	Поганка малая *Podiceps ruficollis*	?	+	(LC)		4-3							3-3			2		
4.	Поганка черношейная *Podiceps nigricollis*	F	0	(LC)									3 –					
5.	Поганка красношейная *Podiceps auritus*			VU	– – 2													– – 3
6.	Пеликан розовый *Pelecanus onocrotalus*	+	0	EN	2-1-1	6-3	1-1	3	1-1	2 – 1		1-1					1-1	2-1-3
7.	Пеликан кудрявый *Pelecanus crispus*	+2	+	VU	2-2-3	1-2	2-2	3	2-2	2-1Б-1		2-2					2-2	2-3-2
8.	Баклан хохлатый *Phalacrocorax aristotelis*	+	+	VU	2-3-2					– 1Б-1								
9.	Баклан малый *Phalacrocorax pygmaeus*	+2	+	NT	2-2-5		5-5	3	4-3	– 2-2		2-2		4 –		2	2-5	2-3-5
10.	Кваква *Nycticorax nycticorax*	–1	0	(LC)									– 3		1			
11.	Цапля желтая *Ardeola ralloides*	–2	–1	(VU)		4-4	2-2	2	2-2	– – 3	– 3					2		
12.	Цапля египетская *Bubulcus ibis*	+	+2	(LC)	3-3 –		3-3	4		– – 2				3-4			3-3	3-3 –
13.	Цапля белая большая *Egretta alba*	?	+	(LC)									2 –			2		
14.	Цапля белая малая *Egretta garzetta*	?	0	(LC)									2-3			2		
15.	Колпица *Platalea leucorodia*	–1	0	EN	2-2-2	2-2	3-3	3	2-3	2-2-2	1 –	2-2					2-2	2-2-2
16.	Каравайка *Plegadis falcinellus*	+2	0	VU	3-3-3	2-2	3-3	3	4-3	3-7-2	1-3	3-3	– 3	2 –			3-3	3-3-3
17.	Аист белый *Ciconia ciconia*	+	+	(NT)		3-3			3-4	– 1А-2		3 –	– 3				3-3	– 4-4
18.	Аист черный *Ciconia nigra*	+	+	VU	2-3-3	2-3	3-3	3	1-1	1-1Б-2	1-1Б	3-3	2-3	1-3	2	2	3-3	2-3-3
19.	Фламинго *Phoenicopterus roseus*			VU	– 3-3		3-3		3 –			3 –		1 –				2-3-3
20.	Казарка краснозобая *Rufibrenta ruficollis*			VU	2-3-3	1-3	3-3	3	3-2	– 1Б-2		3-3		1-6		2	3-3	2-1-1
21.	Пискулька *Anser erythropus*			EN	4-2-2	1-1	3-3	2	2-2	– – 2		2-3		4 –			2-3	4-2-3
22.	Лебедь-шипун *Cygnus olor*	F	0	(LC)												2		
23.	Лебедь-кликун *Cygnus cygnus*	+	+	(LC)												2		
24.	Лебедь малый *Cygnus bewickii*			VU	3-5-3	– 3	3-3	4	3-3	– – 2		3 –					5-5	– 4-3
25.	Огарь *Tadorna ferruginea*	–1	0	(NT)						– 3-3			1-2			2	3-3	
26.	Пеганка *Tadorna tadorna*	–1	0	(NT)						3 – –							3-3	
27.	Утка серая *Anas strepera*	–2	0	(EN)					– 2									– – 2
28.	Чирок мраморный *Anas angustirostris*	?	–1	CR	1-1-1	1-1	0-0	0				1 –		1-1			1-1	1-1-1
29.	Нырок белоглазый *Aythya nyroca*	F	–1	EN	– 2-2	1-1	2-2	2	2-2	– 1Б-1		2-2				2	2-2	– 3-2
30.	Турпан обыкновенный *Melanitta fusca*																	1 – –
31.	Савка *Oxyura leucocephala*	F	0	CR	4-1-1	1-1	4-4	3	1-1	– 1А-1		1-1					1-1	4-1-1
32.	Скопа *Pandion haliaetus*	–2	–2	VU	3-3-3	2-1	3-3	4	1-1	3-1А-1	1-5	3 –	– 3	1-3		2	3-3	3-1-3
33.	Осоед обыкновенный *Pernis apivorus*	F	0	(NT)		4-3			1-3	3 – –	2-3	3-3	– 3		1	2		
34.	Коршун красный *Milvus milvus*			EN	– 1-1				1 –									
35.	Коршун черный *Milvus migrans*	–1	0	(VU)			2-2	2										

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег.РФ 83-01-20	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Ростов 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 1999	Ингуш 2007	Чечня 07-20	Дагест 98-09-20
36.	Лунь степной *Circus macrourus*	+	+	**VU**	**– 2-3**	1-1	4-4	1	1-1	– 5-3	1 –	2 –	– 2	– 2			2-3	– 4-3
37.	Лунь луговой *Circus pygargus*	**F**	**–1**	**(VU)**									– 3					
38.	Ястреб-тетеревятник *Accipiter gentilis*	**–1**	+	**(LC)**			3-3											
39.	Тювик европейский *Accipiter brevipes*	+/–	+/–	**NT**	**1-3-3**	4-3	3-3	3	4-2			3-3	– 3	4-3		3	3-3	– 3-3
40.	Канюк-курганник *Buteo rufinus*	**+2**	+	**VU**	**3-3-3**	5-5	4-4	5	1-3	– – 3	1 –	3-3	– 3	3-3		3	3-3	3-3-3
41.	Змееяд *Circaetus gallicus*	+	+	**VU**	**1-2-3**	3-3	4-4	4	1-1	1-1А-3	1-1А	2-2	– 2	1-2	1	1	2-3	1-3-3
42.	Орел-карлик *Hieraaetus pennatus*	**0**	**0**	**(VU)**		3-3		3	3-3	3-1Б-3	1-1А	3-3	– 3			2		– 4-3
43.	Орел степной *Aquila rapax*	**–2**	**–1**	**EN**	**2-3-2**	5-2	2-2	2	1-1		1 –	3-3	2-1	– 3	0	2	3-2	1-1-1
44.	Подорлик большой *Aquila clanga*	**–1**	**0**	**CR**	**– 2-2**	1-1	3-3	4	1-1			2 –	– 2				2-2	– 4-2
45.	Подорлик малый *Aquila pomarina*	+	+	**NT**	**– 3-3**	– 4			3-3	– 3-3	1-3	3-3	2-3	– 6		3	3-3	– 3-3
46.	Орел-могильник, карагуш *Aquila heliaca*	**+2**	+	**VU**	**2-2-2**	1-3	3-3	1	1-1	– – 3		2-3	2-3	3-3	2	2	2-2	2-3-3
47.	Беркут *Aquila chrysaetos*	+	+	**VU**	**2-3-3**	1/3	3-3	3	3-3	1-1Б-2	1-1А	3-3	2-3	2-3	2	2	3-3	2-3-3
48.	Орлан-долгохвост *Haliaeetus leucoryphus*			**EN**	**1-1-2**		1-0					1 –						0-0 –
49.	Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla*	+	+	**LC**	**2-3-5**	3-5	5-5	5	5-5	1-1Б-2	1-3	3-3	2-3	1-4	2	2	3-5	1-3-5
50.	Гриф черный *Aegypius monachus*	**–1**	**0**	**EN**	**1-3-2**		4-4	3	3 –	– 1А-1	1-1А	3 –	1-2	3-2	1	4	3-2	1-2-2
51.	Сип белоголовый *Gyps fulvus*	**0**	**F**	**VU**	**1-3-3**			3	3-3	2-2-1	3-1А	3 –	1-2	3-6	2	3	3-3	1-3-3
52.	Бородач *Gypaetus barbatus*	**0**	+	**VU**	**1-3-3**					2-1Б-3	3-1А	3-3	1-2	3-3	2	3	3-3	1-3-3
53.	Стервятник *Neophron percnopterus*	**?**	**–1**	**EN**	**1-3-1**				3 –	1-1Б-2	1-1А	3-3	1-2	1-2	1	1	3-1	1-3-3
54.	Кречет *Falco rusticolus*			**EN**	**3-2-2**	2 –			1 –			2 –						3-4 –
55.	Балобан *Falco cherrug*	**?**	**–1**	**CR**	**3-2-1**	1-1	1-1	1	1-1			2 –	– 1	1-4			2-1	3-1-1
56.	Сапсан *Falco peregrinus*	+	+	**VU**	**2-2-3***	2-3	3-3	4	1-3	1-7-3	1-3	2-2	2-2	3-3	2	3	2-3	2-3-3
57.	Чеглок *Falco subbuteo*	**–1**	**0**	**(LC)**							3 –							
58.	Дербник *Falco columbarius*	**?**	**?**	**(RE)**			3-3				1 –							
59.	Кобчик *Falco vespertinus*	**–1**	**–1**	**VU**	**– – 3**						– 3		2 –				3-3	– – 3
60.	Пустельга степная *Falco naumanni*	**+2**	+	**VU**	**– 1-3**	1-1	3-3	3	1-1	– 1А –		1-3	– 2	– 4		1	1-3	– 2-5
61.	Тетерев полевой *Lyrurus tetrix*	**0**	**0**	**(CR)**		2-1												
62.	Тетерев кавказский *Lyrurus mlokosiewiczi*	+	**0**	**VU**	**2-3-3**					3-3-2	3-3	3 –	2-3	3-3	2	3	3-3	2-3-3
63.	Улар кавказский *Tetraogallus caucasicus*	**?**	**0**	**(NT)**						3-2-3	2-3		3-3			3	3-3	
64.	Кеклик *Alectoris chukar*	**–2**	**–1**	**(EN)**						1-5-1			4-4					
65.	Куропатка серая *Perdix perdix*	**F**	**0**	**(LC)**									3-5		2	2		
66.	Перепел *Coturnix coturnix*	**?**	**0**	**(LC)**			3-3											
67.	Фазан *Phasianus colchicus*	**F**	+	**(LC)**									– 2	5-0		2	3-5	
68.	Стерх *Grus leucogeranus*			**CR**	**1-1-1***		1-2		1 –			1 –						1-1-1
69.	Журавль серый *Grus grus*	**?**	**0**	**(VU)**		3-3	3-3	3	3-3	– 3-3	2-3	3-3	2 –					4 – –
70.	Журавль-красавка *Anthropoides virgo*	**–2**	**–1**	**VU**	**2-5-2**	5-2	5-5	5	5-3	– 1А-3		3-3		2-3	0	2	5-2	1-5-3
71.	Погоныш-крошка *Porzana pusilla*	**?**	**?**	**(DD)**					4-4									
72.	Коростель *Crex crex*	**?**	**0**	**(VU)**			3-3				2 –	3 –			2			
73.	Султанка *Porphyrio porphyrio*	**F**	+	**VU**	**1-3-3**		3-3	1				3 –					3-3	1-3-3

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег.РФ 83-01-20	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Ростов 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 1999	Ингуш 2007	Чечня 07-20	Дагест 98-09-20
74.	Дрофа *Otis tarda*	**–1**	**0**	**EN**	**2-3-2***	1-1	3-3	3	1-1	2-1Б-1	1 –	3-2	1-0	1-1	0	0	3-2	1-1-1
75.	Стрепет *Tetrax tetrax*	+/–	**–1**	**VU**	**2-3-3**	7-3	3-3	5	3-2	– 3-2	1 –	3-5	2-1	1-1	0	0	3-3	1-3-5
76.	Дрофа-красотка, джек *Chlamydotis undulatus*	**?**	**?**	**CR**	**1-1-1**			4	0 –			1 –						1-0-1
77.	Авдотка *Burhinus oedicnemus*	**–2**	**–1**	**VU**	**2-4-3**	3-1	4-4	3	3-1	– 1Б-1	1 –	3-3	– 4	– 3	0	0	4-3	1-3-3
78.	Тулес *Pluvialis squatarola*						3-3											
79.	Ржанка золотистая *Pluvialis apricaria*			**VU**	**– 3-3***		3-3		4 –	– 3-3								– – 3
80.	Зуек малый *Charadrius dubius*	**?**	**0**	**(LC)**							– 3		– 3					
81.	Зуек толстоклювый *Charadrius leschenaultii*	+	+	**(DD)**	**3** – –				4 –									– 4-4
82.	Зуек каспийский *Charadrius asiaticus*	**–2**	**–1**	**(CR)**	**– 3** –	4-1	4-4	4	4 –			3-2		– 4			3-3	– 4-4
83.	Зуек морской *Charadrius alexandrinus*	**–1**	**0**	**VU**	**– – 3**	– 2	3-3	2	2-2	– 2-2		3-5						– – 3
84.	Хрустан *Eudromias morinellus*	**?**	**?**	**DD**	**– – 4**					– – 3								– – 3
85.	Кречетка *Chettusia gregaria*	**?**	**–1**	**CR**	**1-1-1**	1-1	4-4	1	1 –			1 –						1-1-1
86.	Пигалица белохвост. *Vanellochettusia leucura*	+	+	**(VU)**			3-3	3										2-3-3
87.	Камнешарка *Arenaria interpres*						3-3											
88.	Ходулочник *Himantopus himantopus*	+	**0**	**(VU)**	**3-3** –	5-3	5-5	5	5-5	3-3-3	2-3	3-5	– 2	3-3		3	3-3	2-3 –
89.	Шилоклювка *Recurvirostra avosetta*	**F**	**0**	**VU**	**3-3-3**	2-2	3-3	3	3-3	3-3-3	1 –	3-3		4-4		4	3-2	3-3-3
90.	Кулик-сорока *Haematopus ostralegus*	**F**	**0**	**VU**	**– 3-3***	3-3	3-3	3	3-3	– 2-3		3 –	– 2	4-3	2	4	3-3	4-3-3
91.	Щеголь *Tringa erythropus*						3-3				4 –							
92.	Поручейник *Tringa stagnatilis*	**?**	**?**	**(EN)**			3-3		2-4		4 –							
93.	Мородунка *Xenus cinereus*	**?**	**?**	**(DD)**			3-3											
94.	Дупель *Gallinago media*	**?**	**?**	**(DD)**			3-3					3 –						
95.	Кроншнеп тонкоклювый *Numenius tenuirostris*			**CR**	**1-1-1**		0-0		1-1			1 –						
96.	Кроншнеп большой *Numenius arquata*	**–1**	**0**	**EN**	**– 2-2***	2-1	2-2	3	2-1	– 2-3	1 –	2 –	– 2				2-2	– 3-3
97.	Кроншнеп средний *Numenius phaeopus*	**?**	**?**	**CR**	**– – 1***	– 1	3-3		2-2	– – 3								– – 1
98.	Веретенник большой *Limosa limosa*	**?**	**?**	**(VU)**		3-1			– 3	– – 3								
99.	Веретенник малый *Limosa lapponica*						3-3											
100.	Тиркушка луговая *Glareola pratincola*	**?**	**0**	**(DD)**				4	3-3	– 2-2	4 –	2-2						– 3 –
101.	Тиркушка степная *Glareola nordmanni*	**F**	**F**	**VU**	**– 2-3**	1-3	4-4	2	2-2	– 1А-1		2-2		– 3		2	2-3	– 2-3
102.	Хохотун черноголовый *Larus ichthyaetus*	**F**	**0**	**LC**	**2-5-5**	3-3	4-4	5	3-3	3-3-1	– 3	3-3	– 3	1 –				2-3-3
103.	Чайка черноголовая *Larus melanocephalus*	**F**	+	**(LC)**		4-4				3-3-2								
104.	Чайка малая *Larus minutus*	**?**	**?**	**(DD)**			3-3											
105.	Морской голубок *Larus genei*	**–1**	**F**	**(VU)**			3-3			– 3-2		3-3						
106.	Клуша *Larus fuscus*			**VU**	**– – 2**													
107.	Крачка чайконосая *Gelochelidon nilotica*	**F**	**F**	**(VU)**			3-3			– 2-1		3-3						
108.	Чеграва *Hydroprogne caspia*	+	**F**	**VU**	**– 3-3**	3-3	3-3	3	3-3	3-2-2		3-3						– 3-3
109.	Крачка пестроносая *Thalasseus sandvicensis*	**F**	**F**	**(LC)**						– – 1								
110.	Крачка малая *Sterna albifrons*	**F**	**F**	**EN**	**– 2-2**	2-2	3-3	2	2-2	– 2-2		2-2		– 6		2	2-2	– 4-3
111.	Рябок чернобрюхий *Pterocles orientalis*	**?**	**?**	**(DD)**			3-3	4										1 – 4

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег.РФ 83-01-20	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Ростов 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 1999	Ингуш 2007	Чечня 07-20	Дагест 98-09-20
112.	Саджа *Syrrhaptes paradoxus*	**?**	**?**	**(DD)**			3-3											
113.	Клинтух *Columba oenas*	**+2**	**+**	**(NT)**								3-5	– 2		1			
114.	Горлица обыкновенная *Streptopelia turtur*	**–2**	**–1**	**EN**	**– – 2**			2		– – 2								– – 2
115.	Филин *Bubo bubo*	+	+	**VU**	**– 2-3**	3-3	3-3	3	2-3	3-1Б-2	1-1А	2-2	3-3	4-2	2	2	2-3	2-3-3
116.	Сова болотная *Asio flammeus*	**F**	**F**	**(LC)**				3			– 3	3-3						
117.	Сплюшка *Otus scops*	**–1**	**–1**	**(NT)**				3										
118.	Сыч мохноногий *Aegolius funereus*	**?**	**0**	**(VU)**					3-3		– 1Б		3-3					
119.	Сипуха *Tyto alba*	+	**+2**	**(LC)**						– – 3								
120.	Козодой *Caprimulgus europaeus*	**?**	**0**	**(LC)**											3			
121.	Стриж белобрюхий *Apus melba*	**?**	**–1**	**(LC)**							– 3							
122.	Сизоворонка *Coracias garrulus*	**–1**	**0**	**EN**	**– – 2**					– – 3	– 3							– – 4
123.	Зимородок *Alcedo atthis*	**?**	**0**	**(LC)**									3-2					
124.	Щурка зеленая *Merops persicus*	+	+	**(LC)**			3-3					3-5						
125.	Вертишейка *Jynx torquilla*	**?**	**0**	**(LC)**										3-2		2		
126.	Дятел зеленый *Picus viridis*	+	+	**(LC)**					4-1									
127.	Желна *Dryocopus martius*	+	+	**(VU)**		– 3									3	3		
128.	Дятел средний *Dendrocopos medius*	**+2**	**+2**	**(LC)**	**– 2 –***	4-5			3-3			2-3	– 4		3	3		
129.	Дятел малый *Dendrocopos minor*	**?**	+	**(LC)**									– 3		3	3		
130.	Жаворонок серый *Calandrella rufescens*	**–1**	**–1**	**(DD)**										4 –				
131.	Жаворонок белокрыл.*Melanocorypha leucoptera*	**F**	**F**	**(LC)**					3 –					3-2				
132.	Жаворонок черный *Melanocorypha yeltoniensis*	**–2**	**–1**	**(CR)**		2-1			3-1					2-3				
133.	Жаворонок рогатый *Eremophila alpestris*	**–1**	**–1**	**(VU)**						– 2-3	– 2							3 – –
134.	Жаворонок лесной *Lullula arborea*	**?**	**0**	**(LC)**						– 1Б-3			– 2					
135.	Конек полевой *Anthus campestris*	**–1**	**–1**	**(VU)**										5-3				
136.	Сорокопут красноголовый *Lanius senator*	+	+	**(LC)**														– 3-5
137.	Сорокопут чернолобый *Lanius minor*	**0**	**0**	**(LC)**										5-3				
138.	Сорокопут серый *Lanius excubitor*			**(DD)**	**– 3 –***	2-3		4	3-3	– 3 –	1-3	3 –	– 3			3	3-3	– 3 –
139.	Сорокопут пустынный *Lanius meridionalis*	**?**	+	**(NT)**				3										
140.	Иволга *Oriolus oriolus*	**?**	**0**	**(LC)**									– 3					
141.	Скворец розовый *Sturnus roseus*	**F**	+	**(LC)**								3-5		3 –				
142.	Клушица *Pyrrhocorax pyrrhocorax*	**–2**	**–1**	**(VU)**									– 3					
143.	Галка альпийская *Pyrrhocorax graculus*	**–1**	**0**	**(LC)**										3 –				
144.	Ворон *Corvus corax*	+	+	**(LC)**			3-3											
145.	Оляпка *Cinclus cinclus*	**–1**	**0**	**(LC)**														5 – –
146.	Сверчок речной *Locustella fluviatilis*	**?**	**0**	**(LC)**										4-4				
147.	Камышевка вертлявая *Acrocephalus paludicola*			**CR**	**– 4-1**				4 –									
148.	Бормотушка бледная *Hippolais pallida*	+	+	**(LC)**						– 2-3								
149.	Славка ястребиная *Sylvia nisoria*	**–1**	**0**	**(NT)**										5-4				

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег.РФ 83-01-20	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Ростов 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 1999	Ингуш 2007	Чечня 07-20	Дагест 98-09-20
150.	Королек желтоголовый *Regulus regulus*	**?**	**0**	**(LC)**										4-2		3		3 – –
151.	Королек красноголовый *Regulus ignicapillus*	**?**	**?**	**(LC)**	**4 – –**					4-3-3								
152.	Мухоловка полуошейник.*Ficedula semitorquata*	**?**	+	**(LC)**									– 3	(-)-3				
153.	Мухоловка серая *Muscicapa striata*	**0**	**0**	**(LC)**										5-3				
154.	Тугайный соловей *Cercotrichas galactotes*	**F**	+	**(DD)**														3-0-3
155.	Каменный дрозд пестрый *Monticola saxatilis*	**?**	**–1**	**(EN)**						– 2-2	1-1А					3		
156.	Каменный дрозд синий *Monticola solitarius*	**?**	**0**	**(DD)**											3	2	3-3	4 – –
157.	Горихвост. краснобрюх.*Phoenicurus erythrogaster*	**?**	**–1**	**(VU)**									3-2		3		2-2	
158.	Варакушка *Luscinia svecica*	**0**	**0**	**(LC)**							3 –							
159.	Дрозд-белобровик *Turdus iliacus*	**–1**	**–1**	**(LC)**										4-2				
160.	Синица усатая *Panurus biarmicus*	**0**	**0**	**(LC)**							– 4							
161.	Ремез *Remiz pendulinus*	**0**	**0**	**(LC)**									– 2	4-3				
162.	Гаичка черноголовая *Parus palustris*	**?**	**?**	**(LC)**							2-3				3	4		
163.	Лазоревка белая *Parus cyanus*			**VU**	**– 4-3***				4 –									
164.	Поползень черноголовый *Sitta krueperi*	**?**	**0**	**(LC)**	**4 – –**					4 – –			– 3	4 –				
165.	Стенолаз *Tichodroma muraria*	**–1**	**0**	**(LC)**						2-2-3	2-1Б	3-3	– 3	3-2		3		4 – –
166.	Пищуха короткопалая *Certhia brachydactyla*	+	**?**	**(LC)**	**3 – –**					3-2-3								
167.	Воробей каменный *Petronia petronia*	**-2**	**–1**	**(EN)**									– 4	4-3		4		
168.	Воробей снежный *Montifringilla nivalis*	**–1**	+	**(EN)**									– 3	3-3		4		
169.	Воробей короткопал. *Carpospiza brachydactyla*	**?**	**F**	**(DD)**														– 4 –
170.	Чечетка горная *Acanthis flavirostris*	**?**	+	**(LC)**									3-3					
171.	Чечевица большая *Carpodacus rubicilla*	**?**	**?**	**(VU)**						– 2-2	1-1Б		3-3		3	3		
172.	Дубонос *Coccothraustes coccothraustes*	**0**	**0**	**(LC)**										2-3				
173.	Просянка *Emberiza calandra*	**?**	**0**	**(LC)**										4-3				
174.	Дубровник *Emberiza aureola*	**–1**	**–1**	**CR**	**– – 2**													
175.	Овсянка черноголовая *Emberiza melanocephala*	**?**	+	**(LC)**										4-3				

ПРИМЕЧАНИЯ.

Тренды у гнездящихся видов: (+) – увеличение; (**–1**) – снижение; **+2** / **–2** – сильное увеличение / снижение; **F** – флуктуируют; **0** – относительно стабильны.

Категории статуса угроз исчезновения IUCN: RE – исчезнувшие в регионе; **CR** – находящиеся под критической угрозой исчезновения; **EN** – исчезающие; **VU** – уязвимые; **NT** – находящиеся в состоянии, близком к угрожаемому; **LC** – вызывающие наименьшие опасения; **DD** – недостаточно данных для оценки. В скобках указаны категории для видов Южной России, не включенных в Красную книгу РФ (2020).

Категории статуса угроз исчезновения РФ: 0 – вероятно исчезнувшие; **1** – виды, находящиеся под угрозой исчезновения; **2** – сокращающиеся в численности виды; **3** – редкие уязвимые виды; **4** – виды с неопределенным статусом; **5** – восстановленные и восстанавливающиеся виды; **6** – специально контролируемые таксоны.

***** – виды, у которых категории статуса угроз в РФ указаны для отдельных подвидов и популяций.

Фотографии на обложке

1 – Чернозобая гагара. Фото О.В. Белялова.
2 – Красношейная поганка. Фото В.П. Шохрина.
3 – Розовый пеликан. Фото В.П. Белика.
4 – Каравайка. Фото О.А. Першина.
5 – Обыкновенный фламинго. Фото В.П. Белика.
6 – Охотничий фазан. Фото А.Д. Липковича.
7 – Стрепет. Фото О.А. Першина.
8 – Красавка. Фото О.В. Белялова.
9 – Чеграва. Фото Г.Ю. Дякина.
10 – Погоныш-крошка. Фото из Интернет-ресурсов.
11 – Шилоклювка. Фото О.А. Першина.
12 – Обыкновенная горлица. Фото из Интернет-ресурсов.
13 – Зеленая щурка. Фото К. Чепенаса.
14 – Обыкновенный козодой. Фото Н.Н. Балацкого.
15 – Мохноногий сыч. Фото А.В. Сазонова.
16 – Сирийский дятел (слева) и пестрый дятел (справа). Фото из Интернета.

Вверху – Бородач. Фото Д.С. Шевцова.
Внизу – Краснозобая казарка. Фото Е.Ю. Власова.

Высокогорные ландшафты Приэльбрусья. Фото А.А. Головлева.
Полупустыни Заволжья. Фото В.П. Белика.
На взморье в дельте Волги. Фото В.П. Белика.

Научное издание

Белик Виктор Павлович

Птицы Южной России

В двух томах

Том 1
Неворобьиные – Non-Passerines
Материалы к кадастру

Подписано в печать 03.09.2021 г.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. лист. 47,2. Уч. изд. л. 50,1. Тираж 300 экз. Заказ № 3484.
Отпечатано в типографии ИП Гончаренко А.Б.

